

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

*QCA

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О П Ы

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ IV.

ГОДЪ ХLI. — ТОМЪ ССХХХ. — 1/18 ЮЛЯ, 1877.

ВЪСТАНКЪЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛЮБОВЬ

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 7-я.

ЮЛЬ, 1877.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 7-я. — ЮЛЬ, 1877.

	Стр.
I.—АВГУСТЪ И УСТАНОВЛЕНІЕ РИМСКОЙ ИМПЕРІИ.—II. ОРГАНИЗАЦІЯ РИМСКОЙ ИМПЕРІИ.—В. И. Герье.	5
II.—БЕЗЪ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ.—Романъ въ двухъ частяхъ.—Часть первая.—Ардова	60
III.—ВСЕМИРНЫЙ ТОРГОВЫЙ РЫНОКЪ И ЕГО СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ. — W.	156
IV.—ВЪ ЦЕРКВИ.—Изъ „Chants du crépuscule“ В. Гюго.—И. Д.—ва.	175
V.—ЛАРРА, ИСПАНСКИЙ САТИРИКЪ.—М. В.	183
VI.—ИЗЪ МОЕЙ ЗАПИСНОЙ КНИГИ.—Въ Сиддлик.—I—IV.—Фр. Шпильгагена	206
VII.—РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ЕКАТЕРИНИНСКАГО ВѢКА.—Записки Г. С. Винскаго.—А. П.	245
VIII.—НАУКА И ЛИТЕРАТУРА ВЪ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛІИ.—Письмо шестое.—А. Реньяра.	270
IX.—ХРОНИКА. — Народное образованіе въ виленскомъ учебномъ округѣ.—Р. О. Милквидца.	304
X.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Уголовная статистика.—Сравнительная медленность судопроизводства.—Проценты оправданій.—Снисходительность по родамъ преступленій.—Картина семейнаго быта по уголовнымъ даннымъ.—Преступность несовершеннолѣтнихъ.—Образованіе и грамотность.—Племенные черты	316
XI.—ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.—XXVI.—Эпизодъ изъ нашего путешествія 1870 года.—Эм. Зола.	337
XII.—ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.—Пѣсни македонскихъ болгаръ, собранныя и изданныя Верковичемъ.—В. О. Миллера.—О томъ же.—А. Н. Пыпина	364
XIII.—ПУТЕШЕСТВІЯ ПО ВОЛГѢ.—Le Volga, par A. Legrelle.—По Волгѣ, Немировича-Данченко.—Д.	382
XIV.—ОБОЗРѢНІЕ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.—Іюнь.	391
XV.—ИЗВѢСТІЯ.—I.—Общество для пособія слушательницамъ врачебныхъ и педагогическихъ курсовъ.—II.—Общество вспомошествованія студентамъ С.-Петербургскаго университета.	401
XVI.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.—Профессиональная гигиена, или гигиена умственнаго и физическаго труда, Ф. Эрисмана.—Труды Арало-Каспійской экспедиціи. Вып. IV.—Исторія торговыхъ кризисовъ въ Европѣ и Америкѣ, М. Вирта.—Охотничій словарь, С. И. Романова. Вып. I.—Поѣздка въ Обонезле и Корезу, В. Майнова.	

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: I—XII стр.

ВѢСТНИКЪ

Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ - ПОЛИТИКИ - ЛИТЕРАТУРЫ

ШЕСТЬДЕСЯТЬ-ШЕСТОЙ ТОМЪ

Д В Ъ Н А Д Ц А Т Ы Й Г О Д Ъ

Т О М Ъ І V

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

**Главная Контора журнала:
на Васильевскомъ Острове, 2-я линія,
№ 7.**

**Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академ. переулочъ,
№ 7.**

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1877

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
253709
ASTOR LENOX TILDEN FOUNDATION
NEW YORK

(319)

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВА

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
2537
ASTOR, LENOX
TILDEN FOUNDATION
R 1902

ПОПЕЧЕНИЯ О РАНЕННЫХЪ И БОЛЬНЫХЪ ВОИНАХЪ ДѢЙСТВУЮЩИХЪ АРМІЙ.

Пожертванія принимаются:

I. Въ Главномъ управленіи общества.

II. Въ мѣстныхъ управленіяхъ и комитетахъ общества въ различныхъ городахъ Имперіи.

III. Двумя главноуполномоченными общества: княземъ Владиміромъ Александровичемъ Черкасскимъ, находящимся при Главнокомандующемъ дѣйствующею арміею, и Николаемъ Саввичемъ Абаза, находящимся въ тылу арміи, въ городѣ Кишиневѣ.

IV. Въ церквахъ, по распоряженію Святѣйшаго Синода.

Пожертванія могутъ быть дѣлаемы деньгами, вещами, не исключая и медикаментовъ, и личною службою, какъ по уходу за больными и ранеными воинами, такъ и принятіемъ на себя административныхъ обязанностей по обществу Краснаго Креста.

I. Въ Главномъ управленіи (въ зданіи Министерства Государственныхъ Имуществъ, на Большой Морской):

A) Для денежныхъ жертвованій учреждается въ немъ постоянное дежурство изъ членовъ общества, отъ 9 часовъ утра до 4 часовъ пополудни, ежедневно, не исключая воскресныхъ и праздничныхъ дней. Жертввателямъ выдаются квитанціи.

Для лицъ, приносящихъ пожертванія въ опредѣленныхъ часовъ, устанавливается въ Главномъ управленіи кружка, въ которую опускаются деньги или билеты, съ обозначеніемъ имени жертвователя, если онъ того пожелаетъ.

Независимо пріема въ помѣщеніи Главнаго управленія, въ различныхъ мѣстностяхъ города выставляются кружки, съ надписью: «Въ пользу общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ».

Денежныя пожертванія, полученныя по почтѣ, принимаются казначеемъ общества и вписываются въ общую книгу пожертвованій.

О всѣхъ пожертвованіяхъ публикуется въ газетахъ на другой или на третій день по поступленіи ихъ; о деньгахъ, вынутыхъ изъ кружекъ, публикуется по вскрытіи кружекъ ежедневно.

Б) Вещевыя пожертванія могутъ быть производимы въ приготовленномъ видѣ и въ сыромъ матеріалѣ; тѣ и другія принимаются въ Центральномъ петербургскомъ складѣ общества (у церкви Благовѣщенія, въ казармахъ 8-го флотскаго экипажа).

О поступившихъ въ теченіи недѣли вещевыхъ пожертвованіяхъ публикуется въ газетахъ.

В) Предложенія личныхъ услугъ отъ желающихъ посвятить себя уходу за ранеными и больными и воинами, а равно служенію по административной части общества заявляются Главному управленію общества, при слѣдующихъ условіяхъ:

1. При заявленіи отъ общинъ и другихъ учреждений слѣдуетъ представлять подробныя указанія о числѣ лицъ, о желаемомъ мѣстѣ ихъ употребленія, о той санитарной подготовкѣ, которая дана имъ, и о той матеріальной помощи,

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНІЙ

Гр. А. К. Толстого.

Второе изданіе, въ одномъ компактномъ томѣ, съ дополненіями. Слб. 1877. Стр. XVI и 552. Цѣна 2 руб. на простой бумагѣ, и 3 руб. 50 коп. на веленовой, съ портретомъ автора, гравированнымъ на стали (въ англійскомъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ 4 руб. 25 коп.).—Портретъ продается особо по 50 коп. экземпляръ.

КНЯЗЬ СЕРЕБРЯНЫЙ.

Повѣсть времянь Іоанна Грознаго. Соч. гр. А. К. Толстого. Второе изданіе. Слб. 1869. Цѣна 1 руб. 50 коп.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ТРИЛОГІЯ.

I. Смерть Іоанна Грознаго.—II. Царь Ѳеодоръ.—III. Царь Борисъ. Гр. А. К. Толстого. Слб. 1876. Стр. 451. Цѣна 2 руб. — При ней особая брошюра: „Проектъ постановки на сценѣ трагедіи „Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ“. Слб. 1870. Ц. 25 к.

ОКОЛО ДЕНЕГЪ.

Романъ изъ сельской фабричной жизни. Алексѣя Потѣхина. Слб. 1877. Стр. 289. Цѣна 1 руб. 25 коп.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО ЭЖЕНЪ РУГОНЪ.

Романъ изъ времянь второй французской имперіи. Эмиля Зола. Слб. 1876. Цѣна 2 руб.

РУССКІЙ РАБОЧІЙ

У СЪВЕРО-АМЕРИКАНСКАГО ПЛАНТАТОРА.

А. С. Курбскаго. Слб. 1875. Стр. 445. Ц. 2 р.

ВСАДНИКЪ.

Практическій курсъ верховой ѣзды. В. Франкони. Переводъ съ французскаго. Л. И. Слб. 1876. Цѣна 1 руб. 25 коп.

ПОЖАРНАЯ КНИГА.

Постановленія закона о предосторожностяхъ отъ огня и руководство къ тушенію всякаго рода пожаровъ. Съ полтинными рисунками. Составилъ А. И.—въ. Слб. 1875. По уменьшенной цѣнѣ 1 руб. 25 коп. вмѣсто 3-хъ рублей.

Книгопродавцамъ обычная уступка. Инородные прилагають за пересылку по почтѣ 10% со стоимости книги, въ круглыхъ цифрахъ.

АВГУСТЪ

И

УСТАНОВЛЕНИЕ РИМСКОЙ ИМПЕРІИ.

II *).

ОРГАНИЗАЦІЯ ИМПЕРІИ, ДАННАЯ АВГУСТОМЪ.

Zu denjenigen Eigenthümlichkeiten des Römischen Staats, die die Quelle seiner zähen und langen Lebensdauer bildeten und ihn so zu sagen zu einem der erhabensten politischen Kunstwerke machten, welche die Weltgeschichte kennt, gehört das, dass seine wichtigeren Institute bei allen Aenderungen, die im Einzelnen mit ihnen vorgingen, doch von ihrem ersten Dasein an bis zu ihrem schliesslichen Aufhören, nie ihren Grundton veränderten

Bröcker. Untersuch. üb. d. Glaubw. d. altrömischen Verfassungsgesch.

Главная ошибка при сужденіяхъ о личности Августа и объ его историческомъ значеніи, какъ мы видѣли, заключалась въ смѣшеніи трехъ существенно различныхъ вопросовъ, которые слѣдовало разсматривать отдѣльно: вопросъ о причинахъ замѣны республики имперіей; вопросъ, каковой исторической смыслъ представляютъ тѣ формы, въ которыхъ установилась римская имперія;

*) См. выше: июль, 445 стр.

и, наконецъ, вопросъ объ индивидуальныхъ чертахъ и нравственныхъ свойствахъ личности Августа. Первый вопросъ—почему установилось въ Римѣ правленіе императоровъ—долгое время разрѣшался неправильно. Пова установленіе единовластія приписывали слабостямъ и дурнымъ страстямъ передовыхъ дѣятелей, ихъ честолюбію и властолюбію, этотъ крупный историческій фактъ долженъ былъ казаться случайнымъ; мысль о случайномъ возникновеніи имперіи послужила брешью, черезъ которую политическій либерализмъ съ XVIII вѣка громилъ римскую имперію и лица, содѣйствовавшія ея установленію. Политическія же причины заставили, особенно французскихъ писателей, какъ видно изъ сочиненій Ампера и Бѣле, держаться до нашихъ дней подобныхъ воззрѣній, хотя давно уже былъ установленъ болѣе правильный и научный взглядъ на происхожденіе римской имперіи. Въ тридцатыхъ еще годахъ этотъ взглядъ былъ формулированъ чрезвычайно вѣрно и точно однимъ историкомъ, заслуживающимъ болѣе громкой извѣстности, чѣмъ та, которая ему выпала на долю. Въ своей превосходной статьѣ «Принципатъ Августа», на которую мы еще будемъ имѣть случай указывать, Лѣбель ¹⁾ замѣчаетъ, что нравственное развращеніе римлянъ, господствовавшая у нихъ роскошь, жадность, честолюбіе и раздоры вельможъ, конечно, не остались безъ вліянія на переворотъ въ ихъ политической жизни; но «все это болѣе содѣйствовало паденію свободы, чѣмъ устраненію республиканскихъ формъ». Римская аристократія, которая давно уже управляла не въ интересахъ народа, а *посредствомъ* народа, при извѣстныхъ условіяхъ нашла бы средства, сдержавъ честолюбіе отдѣльныхъ своихъ членовъ, упрочить свое господство и вмѣстѣ съ тѣмъ продолженіе республики, подобно тому, какъ, напримѣръ, сдумѣла это сдѣлать венеціанская аристократія, несмотря на значительное развращеніе нравовъ. «Гораздо болѣе, чѣмъ нравственными причинами, ниспроверженіе республики было вызвано причиною чисто политической: неразрѣшимой дисгармоніей между властвовавшей городской общиной и подвластнымъ ей цѣлымъ материкомъ, который приходилось держать въ повиновеніи посредствомъ многочисленныхъ, постоянныхъ армій». Можно ли придумать что-либо болѣе губительное для властителей и для подвластныхъ, чѣмъ римская система управленія провинціями посредствомъ магистратовъ, ежегодно смѣняемыхъ ради удовлетворенія ненасытнаго честолюбія римскихъ оптиматовъ. Если въ исторіи того времени не повто-

¹⁾ Въ Raumer's Historisches Taschenbuch. 1834.

рилось зрѣлища, которое представили міру полководцы Александра Великаго, то это было слѣдствіемъ необыкновенно развитаго римскаго національнаго духа и неискоренимо водворившейся въ душахъ римлянъ любви къ отечеству, вслѣдствіе чего предметомъ честолюбія для римлянина прежде всего былъ самый Римъ и власть надъ одними варварами не казалась заманчивой.

Но если провинціи не были отторгнуты отъ республики, то онѣ обратились въ орудіе, посредствомъ котораго она сама была подорвана. На такой периферіи даже самая могучая аристократія не была въ состояніи обуздать своихъ членовъ. Въ подобныхъ условіяхъ не только честолюбецъ всегда могъ найти то, что нужно было для его цѣлей, но и благонамѣренный, не прельщавшійся тиранніей гражданъ не всегда былъ въ состояніи устоять противъ искушенія положить силою войска конецъ сумасбродству дѣлхъ обольстителей народа, причемъ онъ, конечно, и съ своей стороны подрывалъ государственное устройство. Римскія провинціи были неисчерпаемымъ арсеналомъ для гражданскихъ войнъ и причиной ихъ гигантскихъ размѣровъ. Ихъ богатые средства были причиной, почему Помпей не считалъ себя безопаснымъ въ Римѣ, пока Цезарь былъ въ Галліи; Цезарь— пока въ Африкѣ и Испаніи держались помпейцы, а триумвиры— пока убійцы Цезаря имѣли въ своемъ распоряженіи средства восточныхъ провинцій. И если бы послѣ акціумской битвы побѣдитель пошелъ по старой волѣ, то возобновилась бы та же игра и продолжалась бы до окончательнаго разстройства всѣхъ отношеній. Это разстройство было отвращено или, по крайней мѣрѣ, на цѣлне вѣка отсрочено установленіемъ принцепата.

Въ приведенномъ разсужденіи Лэбелъ совершенно ясно указалъ на ту причину, которая, дѣйствуя извнѣ, такъ сказать, механически, на римскую республику, неизбежно должна была подчинить ее власти побѣдоноснаго полководца. Но возникновение императорской власти представляетъ еще другую сторону. Не свнаружи только была она навязана республикѣ, но органически развивалась также изнутри, изъ государственнаго устройства республики, изъ исторической жизни римскаго народа. Жизнь эта началась съ сильной государственной властью, находившейся въ рукахъ царей. Царь былъ и законодателемъ, и судьей, и полководцемъ, и правителемъ и посредникомъ между общиной и богамъ. Когда патриціанская аристократія свергла власть царей, сдѣлавшуюся для нея невыносимой, она, съ большимъ политическимъ тактомъ, не ослабила въ корнѣ государственной власти, но разграничила ее и обставила условіями, которыя мѣшали ей

превратиться въ тиранниду ¹⁾ и принять направленіе, враждебное интересамъ аристократіи.

Консулы, говоря словами Цицерона, были облечены царской властью (*regii imperii*). Только коллегіальностью и срочностью своей власти отличались они отъ царей. Это полновластіе, безконтрольное въ предѣлахъ извѣстнаго срока или потому извѣстнаго круга дѣйствій, осталось отличительной чертой римской магистратуры въ теченіи многихъ вѣковъ. Когда затѣмъ интересы народа потребовали дальнѣйшаго ограниченія консульской власти, посредствомъ провокаціи отъ постановленнаго ими судебного приговора къ народному собранію и посредствомъ вмѣшательства трибуновъ, при этихъ ограниченіяхъ обнаружился тотъ же политическій тактъ римлянъ. Консульская власть была подвержена этимъ ограниченіямъ только дома, въ самомъ городѣ или внутри извѣстной черты, около городскихъ стѣнъ; когда же консулы выходили изъ этого круга на войну, они опять пользовались царскимъ полновластіемъ надъ гражданами. Однако соперничество между патриціями и плебеями, а позднѣе—между аристократіей и демократіей, старавшимися по возможности расширить компетентность своего главнаго органа, сената или трибутомицій, измѣнило царственное положеніе магистратуры. Не только число представителей магистратуры было увеличено и власть ея черезъ это раздроблена, но самая магистратура была практически, на самомъ дѣлѣ, поставлена въ полную зависимость отъ сената и народнаго собранія, превращена въ орудіе, посредствомъ котораго вели междоусобную борьбу аристократія съ демократіей. А между тѣмъ расширеніе римской территоріи, разрастаніе городской общины до предѣловъ государства, болѣе чѣмъ когда-либо, требовали *самостоятельности* административной, лучше сказать—правительствующей власти. Со времени Монтескьё принято различать три функціи государственной власти и обозначать ихъ названіемъ законодательной, судебной и исполнительной. Это послѣднее названіе чрезвычайно неудачно, и оно, можетъ быть, было главной причиной ошибочности конституціонной теоріи Монтескьё и его послѣдователей. По выдѣленіи законодательной и судебной дѣятельности, за государственной властью остается гораздо болѣе, чѣмъ исполненіе законовъ или наблюденіе за точ-

¹⁾ Слово „тираннія“, перешедшее въ русскій языкъ черезъ западныя языки, получило такой опредѣленный, общій смыслъ, что имъ невозможно обозначать конкретное понятіе извѣстной политической формы, которую подъ нимъ разумѣли греки; мы считаемъ поэтому дозволеннымъ, для обозначенія этого воверетнаго понятія въ античномъ смыслѣ, употреблять греческую форму этого слова.

нимъ исполненіемъ ихъ со стороны гражданъ. На представителяхъ такъ-называемой исполнительной власти лежитъ прежде всего обязанность *управленія*, которая не исчерпывается пассивнымъ наблюденіемъ, а требуетъ энергической, активной дѣятельности. Но и названіе *административной* власти не соответствуетъ положенію дѣла. Командованіе вооруженной силой не подходитъ подъ понятіе администраціи, и въ большихъ государствахъ съ значительной постоянной арміей играетъ чрезвычайно важную политическую роль. Римляне, эти *hominum domini*, очень хорошо понимали, что, за выдѣленіемъ верховной законодательной и судебной власти, магистратамъ еще оставалась существенная сторона государственной власти, и они обозначали эту власть своихъ магистратовъ характеристическимъ словомъ *imperium*. Борьба партій ослабила этотъ *имперіумъ* въ стѣнахъ города Рима, раздробила его функціи, передавъ судебную дѣятельность претору, право составлять сенатъ и исключать изъ него недостойныхъ членовъ—цензорамъ, и поставила консуловъ въ зависимость отъ сената и народнаго собранія. На этомъ однако не остановилось ослабленіе имперіума. Когда расширеніе территоріи и театра военныхъ дѣйствій вызвало необходимость одновременнаго проявленія имперіума въ различныхъ мѣстностяхъ, римляне увеличили число магистратовъ съ консульскою властью, предоставивъ имъ самостоятельный имперіумъ и не подчинивъ ихъ консуламъ, и этимъ лишили правительствующую власть главнаго условія силы и значенія—*централизма* характера. Каждый консулъ или исправлявшій должность консула (*proconsul*) командовалъ своимъ войскомъ и управлялъ отведеннымъ ему округомъ (провинціей), какъ полновластный господинъ; Римъ былъ окруженъ цѣлымъ вѣнкомъ такихъ провинцій, а между тѣмъ въ центрѣ государства не было органа имперіума, которому были бы подчинены мѣстные его представители. Консулы не только не стояли выше тѣхъ, которые въ известной мѣстности исправляли консульскую должность, но консульство превратилось, наконецъ, какъ-бы въ ступень къ проконсульству. Съ тѣхъ поръ, какъ вся Италия получила право римскаго гражданства, т.-е. вошла въ римскій имперіумъ, консулы лишились воинской власти въ предѣлахъ всей Италии, а консулъ съ нетерпѣніемъ ждалъ минуты, когда онъ получалъ возможность *откнуть топоръ отъ фасции*, принять начальство надъ войскомъ и отправиться въ провинцію, гдѣ иногда въ силу вещей ему приходилось пользоваться властью въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Та же сила вещей стала, наконецъ, убѣждать римлянъ въ необходимости восстанавливать, по край-

ней мѣрѣ, на время имперіумъ болѣе обширный, который превышалъ бы власть провинціальныхъ проконсуловъ. Когда морскіе разбойники овладѣли всѣмъ Средиземнымъ моремъ и война противъ нихъ со стороны правителей отдѣльныхъ провинцій оказалась недостаточной, тогда пришлось одному человѣку—Помпею—передать власть надъ всею береговою линіей этого моря, подчинивши ему проконсульскую власть въ береговыхъ областяхъ—тогда лучшіе патріоты римской республики убѣдились въ необходимости такого majus imperium, и самъ Цицеронъ произнесъ свою рѣчь въ пользу имперіума Помпея. Но римское государство нуждалось не въ такихъ случайныхъ передачахъ одному магистрату чрезвычайнаго имперіума надъ другими—для этого нужно было установленіе постояннаго, чрезвычайнаго имперіума въ центрѣ государства. Политическій инстинктъ римскаго народа вынесъ нѣкогда имперіумъ изъ предѣловъ города, а потомъ и Италиі, когда это стало необходимымъ для того, чтобы въ стѣнахъ Рима могла ужиться свобода; тотъ же политическій инстинктъ снова внесъ этотъ имперіумъ въ предѣлы Рима, когда безъ этого государство не было способно къ жизни. Аристократическій, а потомъ демократическій элементъ въ Римѣ ослабили, въ интересахъ свободы, элементъ монархическій; когда же это ослабленіе дошло до того, что стало грозить распаденіемъ государству, монархическій элементъ опять занялъ первенствующее положеніе въ государственномъ устройствѣ. Сенатъ и народное собраніе, въ интересахъ своей власти, ослабили магистратуру; когда же сенатъ и комиціи оказались неспособными къ управленію государствомъ, магистратура снова заняла первенствующее положеніе въ государственномъ устройствѣ и получила преобладаніе надъ сенатомъ и народнымъ собраніемъ. Аристократическій и демократическій элементы вытѣснили нѣкогда изъ Рима монархію, и сохранили монархическій элементъ только въ формѣ враткосрочной магистратуры; когда магистратура получила перевѣсъ надъ аристократическими и демократическими интересами, она снова приняла форму монархіи.

Такимъ образомъ, установленіе императорской власти въ Римѣ было слѣдствіемъ естественнаго передвиженія и новой группировки тѣхъ элементовъ или силъ, изъ сочетанія которыхъ слагается государственная жизнь. Но въ ея установленіи нужно видѣть болѣе, чѣмъ это. Развитіе государственнаго устройства въ Римѣ подъ влияніемъ различныхъ причинъ приняло ненормальный характеръ. Разросаясь изъ города въ государство, Римъ тѣмъ не менѣе сохранилъ за своей магистратурой городской характеръ,

не сумѣлъ развить у себя, путемъ мирныхъ реформъ и законодательства—органа для центральной административной или правительствующей власти. Гражданскія смуты и войны VII вѣка республики были симптомомъ зарожденія этого необходимаго для жизни государства органа, и установленіе императорской власти было такимъ образомъ дальнѣйшимъ развитіемъ политическаго устройства Рима, было довершеніемъ того государственнаго зданія, основаніе которому было положено еще въ эпоху царей.

Въ этомъ и заключается прогрессивное значеніе имперіи въ исторіи Рима и исторіи всего человѣчества. Античный міръ зналъ государственную жизнь только въ формѣ городской общины. Эллины узнали государство въ видѣ македонской монархіи, которая скоро приняла характеръ восточной деспотіи. Римляне сдѣлали шагъ отъ города къ государству въ формахъ «имперіи» и благодаря «императорамъ». Имперія, какіе бы ни были ея недостатки, впервые выработала типъ цивилизованнаго и цивилизующаго государства, безъ котораго и внѣ котораго невозможно историческій прогрессъ; и на этомъ пути она была наставницей европейскаго міра.

II.

Но убѣжденія, что установленіе въ Римѣ имперіи было естественнымъ слѣдствіемъ историческаго, прогрессивнаго развитія, еще недостаточно, какъ то видно изъ примѣра Дюркю, для правильнаго пониманія имперіи и для вѣрной оцѣнки Августа и его дѣятельности. Правильному разрѣшенію этихъ вопросовъ слишкомъ долго препятствовало то обстоятельство, что самыя формы, которыя приняла имперія при своемъ установленіи, не были подвергнуты научному изученію. Римское государство при Августѣ перестало быть республикой, однако оно не было и монархіей или деспотіей; оно представляетъ совершенно индивидуальный характеръ, и образъ правленія, установленный Августомъ, правильнѣе всего называть *принципатомъ*. Форма этого образа правленія не подходила подъ давно установленныя схемы политическихъ теорій, и именно поэтому не легко поддавалась теоретическому изученію. Поверхностный взглядъ смѣшивалъ принципатъ съ деспотіей, и литературный интересъ, который долго преобладалъ въ наученіи античнаго міра, довольствовался такимъ объясненіемъ. Колебаніе принципата между формами республики и монархіи затрудняло теоретическое изученіе этого вопроса въ

другомъ еще отношеніи. Исслѣдователи, понявшіе существенное различіе между принципатомъ и деспотіей, стараясь выставить на видъ это различіе, иногда увлекались своей задачей и возбуждали недобвѣріе въ тѣхъ, которымъ болѣе всего бросались въ глаза деспотическія стороны правленія Августа. Большая услуга оказалъ научному изученію принципата французскій ученый прошлаго вѣка, аббатъ де-ла-Блеттери, который печаталъ свои изслѣдованія въ мемуарахъ академіи надписей. Этотъ ученый характеризуетъ положеніе императора въ государственномъ устройствѣ Рима слѣдующимъ образомъ: «Императоръ былъ, собственно говоря, патриціанскимъ сенаторомъ, генералиссимусомъ армій, облеченнымъ нѣкоторыми другими званіями, магистратурами и почестями, соединеніе которыхъ предоставляло ему безпредѣльную власть, хотя на дѣлѣ эта власть была подчинена всѣмъ законамъ, за исключеніемъ тѣхъ, отъ которыхъ его диспенсировалъ народъ»¹⁾. Въ этомъ опредѣленіи чрезвычайно важно указаніе на то, что существенный атрибутъ власти императора заключался въ его званіи главнокомандующаго всѣми войсками, но что императоръ при этомъ въ извѣстномъ смыслѣ продолжалъ оставаться однимъ изъ сенаторовъ; еще важнѣе то, что императоръ по теоріи тогдашняго государственнаго права, былъ подчиненъ законамъ и не имѣлъ законодательной власти; но ошибка де-ла-Блеттери заключалась въ томъ, что, слишемъ преувеличивая эту подчиненность императора законамъ, онъ былъ принужденъ объяснять узурпаціей всѣ проявленія императорской власти, которыя выходили изъ поставленной имъ тѣсной рамки.

Много вѣрныхъ мыслей о положеніи Августа въ Римѣ и объ его дѣятельности находимъ мы въ упомянутой выше статьѣ Лёбеля о принципатѣ. Лёбель не только старается установить свободный отъ крайностей и безпристрастный взглядъ на характеръ Августа, возстаетъ противъ тѣхъ, которые видятъ въ немъ только лицемѣрнаго человѣка и лицемѣрнаго политика, но и во многихъ отношеніяхъ вѣрно освѣщаетъ теоретическую сторону дѣла. Онъ отвергаетъ господствующее представленіе, будто власть императора была основана на томъ, что онъ соединилъ въ одномъ лицѣ нѣсколько республиканскихъ магистратуръ; доказываетъ между прочимъ совершенную ошибочность мнѣнія, будто бы Августъ имѣлъ постоянную консульскую власть (*potestas consularis*), мнѣніе, которое держится до сихъ поръ и повторяется въ новѣйшихъ,

¹⁾ Histoire de l'Académie R. des Inscriptions et Belles-Lettres. T. XXI. 1754, p. 800.

особенно французскихъ сочиненіяхъ о римской имперіи, напр., у Дюрюм; но, что еще важнѣе, Лёбелъ указалъ въ общихъ чертахъ на дуалистическій характеръ императорской власти. Одна сторона этой власти республиканскаго свойства и основана на соединеніи нѣкоторыхъ важнѣйшихъ магистратуръ; другая основана на совершенно отдѣльной, чрезвычайной власти, заключающейся прежде всего въ начальствованіи надъ всѣми легионами и непосредственномъ завѣдываніи извѣстными провинціями; послѣдняя, однако, на этомъ не остановилась, а постепенно развивалась вслѣдствіе различныхъ привилегій и полномочій, удѣляемыхъ сенатомъ, и доросла до той силы, которая проникла во всѣ области государственнаго управленія, и если не совершенно вытѣснила республиканскія формы, то однако во всѣхъ отношеніяхъ взяла надъ ними верхъ. Лёбелъ не допускаетъ мысли, чтобы Августъ, отказываясь отъ власти и принимая ее только на извѣстный срокъ, игралъ въ пустую игру (*gehaltloses Gaukelspiel*), подобно Бонапарту, который при полученіи сенатскаго постановленія, провозгласившаго его пожизненнымъ консуломъ, разыгралъ удивленіе и тутъ же вынулъ изъ кармана отвѣтъ и прочелъ его депутаціи сената. «Августъ усматривалъ свою выгоду и торжество своей политики въ томъ, чтобы вновь получать отъ времени до времени высшую власть, какъ свободный даръ со стороны римскаго народа, вынужденнаго къ этому не страхомъ, но живо сознаанной потребностью, причемъ народъ однако не считалъ республику навсегда похороненною». Лёбелъ видитъ хитрости и обманъ (*Täuschung*) со стороны Августа только въ томъ, что онъ намѣренно оставлялъ неопредѣленнымъ отношеніе между двумя составными элементами своей власти, т.-е. между властью, основанной на республиканской магистратурѣ, имъ занимаемой, и чрезвычайной властью надъ войскомъ и провинціями.

При общемъ характерѣ своей статьи, Лёбелъ не имѣлъ основанія глубже вникнуть особенно въ теоретическую, юридическую сторону дѣла; нужно, кромѣ того, прибавить, что онъ не вполне угадалъ самую существенную черту личности и дѣятельности Августа. Такъ, напр., Лёбелъ принимаетъ гипотезу французскаго ученаго Танавиля Фабера (*Le Févre*), будто бы Гораций написалъ оду—*Justum ac tenacem proroviti virum*—для того, чтобы отклонить Августа, находившагося на Востоцѣ, отъ восстановленія города Иліона съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ нужды сдѣлать изъ этой мнѣческой колыбели Рима столицу римской имперіи. Несмотря на множество вѣрныхъ мыслей, высказанныхъ въ ученой литературѣ объ образѣ правленія Августа, большинство писате-

лей продолжало держаться прежнихъ неточныхъ взглядовъ на этотъ предметъ. Такъ, напр., въ известномъ сочиненіи французскаго ученаго Эггера, о классическихъ источникахъ для эпохи Августа ¹⁾, мы встрѣчаемъ энергическій протестъ противъ писателей, злоупотребляющихъ древними текстами для того, чтобы представить власть первыхъ императоровъ *простымъ протекторатомъ и чѣмъ-то меньшимъ, нежели диктатура*.— Вопреки авторитету известнаго свидѣтельства Светонія, Эггеръ утверждаетъ, что эта власть, особенно со времени Тиберія, была настоящей монархіей, которая только пустыми словами льстила известнымъ демократическимъ привычкамъ. Такимъ образомъ, подъ неопредѣленнымъ обозначеніемъ власти «первыхъ императоровъ», Эггеръ разумѣетъ также политическое положеніе, занятое Августомъ, и не различаетъ «принципата» отъ позднѣйшей монархіи.

Нужно надѣяться, что дальнѣйшимъ произвольнымъ толкованіемъ учреждений римской имперіи подъ вліяніемъ современныхъ политическихъ интересовъ будетъ положенъ предѣлъ, вслѣдствіе того, что этотъ вопросъ подвергнулся, наконецъ, вполне научному спеціальному изслѣдованію со стороны ученаго, въ рѣдвой степени соединяющаго способность и эрудицію историка, филолога и юриста. Мы говоримъ о трудѣ Момзена, изложившаго во 2-й части второго тома своей исторіи римскаго государственнаго права ²⁾—учрежденія имперіи преимущественно въ эпоху принципата (первые два вѣка). Именно такого труда недоставало въ наукѣ, который подвергъ бы спеціальному изученію *теорію* государственнаго права, дѣйствовавшаго во время имперіи. Романисты слишкомъ долго пренебрегали государственнымъ правомъ, преимущественно интересуясь гражданскимъ правомъ римлянъ, а когда изучали государственное право, то почти исключительно посвящали свои труды эпохѣ республики. Какой громадный успѣхъ совершенъ въ наукѣ появленіемъ новаго труда Момзена, въ этомъ убѣдится всякій, кто сравнитъ, напр., заключающійся здѣсь ученый матеріалъ съ жидкими главами, посвященными этому предмету въ классическомъ трудѣ Бевера и Марквардта, гдѣ отдѣлъ о государственномъ правѣ императорскаго періода представляетъ только какъ-бы краткую исторію вымиранія республиканскаго права. Отъ теорій, правда, далеко до практики; изученіе теорій государственнаго права, дѣйствовавшаго въ известную

¹⁾ Egger. Examen critique des historiens anciens de la vie et du règne d'Auguste. P. 1844, p. 7, 165, 206 и пр.

²⁾ Römisches Staatsrecht. v. Th. Mommsen. II B. 2-te Abth. 1875.

эпоху, требует поэтому дополнения со стороны историческаго изложенія событій этой эпохи для того, чтобы изслѣдователь или читатель не увлекся теоретической, отвлеченной стороною дѣла и не впалъ въ крайности. Но необходимымъ условіемъ для вѣрнаго пониманія исторіи извѣстной эпохи и для вѣрной оцѣнки ея политическихъ дѣателей должно быть изученіе тѣхъ политическихъ идей, которыми руководилось общество и которыя выразились въ государственномъ правѣ. Въ этомъ отношеніи трудъ Момзена восполнилъ давно ощущаемый недостатокъ и создалъ ту твердую почву, которая даетъ историку возможность судить объ Августѣ и отыскивать причины, обусловливавшія извѣстный характеръ имперіи.

Что же касается до самого Момзена и его взгляда на государственную теорію имперіи, то читатели, хорошо помнящіе до какаго, просто говоря, обоготворенія Юлія Цезаря увлекся онъ въ 3-мъ томѣ своей исторіи Рима, должны были быть удивлены характеромъ послѣдняго его сочиненія, главнымъ героемъ котораго является Августъ, хотя онъ не выступаетъ лично, но стоитъ за сценой, какъ создатель государственнаго права, дѣйствовавшаго въ эпоху принципата. Изслѣдователь, очевидно, пристрастился къ новому своему предмету и представилъ принципата Августа не какъ жалкую противоположность идеальной монархіи, приписанной гениальному Цезарю, а какъ оригинальное, политическое твореніе, хотя и не лишенное практическихъ недостатковъ. Конечно, болѣе подробное понятіе о взглядахъ Момзена на Августа и объ оцѣнкѣ его дѣятельности мы получили бы только въ томъ случаѣ, если бы выпалъ четвертый томъ его исторіи Рима; можетъ быть и въ этомъ томѣ оправдалось бы заключеніе одного изъ германскихъ ученыхъ о Момзенѣ, что онъ если хвалить, то хвалить осуждая другихъ ¹⁾, и Августъ послужилъ бы тѣнью для болѣе яркаго освѣщенія Юлія Цезаря; но пова, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, Момзенъ-юристъ, съ любовью начертавшій теорію государственнаго права принципата, впалъ въ нѣкоторое внутреннее противорѣчіе съ Момзеномъ-историкомъ Цезаря.

Выясняя политическій строй, установленный Августомъ, Момзенъ владеть въ его основаніе не республиканскія магистратуры, которыми облекъ себя побѣдитель при Авціумѣ, не власть императора надъ войсками и провинціями, а первенствующее положеніе его среди гражданъ, т.-е. его принципата. Положеніе «прин-

¹⁾ Mommsenus, ut solet laudis materiam ab aliorum obtreccatione petere. Bergk: Augusti Rerum... Ind. p. 15.

«принцепса» основано на личном авторитетѣ и такъ мало заключаетъ въ себѣ какую-нибудь магистратскую власть, что собственно (an sich) принципсомъ могъ бы быть частный человекъ (734 р.). Принцепсъ не что иное, — какъ самъ Августъ выражаетъ это въ своей надгробной надписи, — какъ самый значительный и вліятельный гражданинъ; и въ этомъ смыслѣ, это названіе еще въ республиканскія времена было примѣнено къ Помпею. Именно то обстоятельство, что названіе принцепса въ этомъ смыслѣ совершенно согласовалось съ прежнимъ устройствомъ и въ признаніи «перваго гражданина», строго говоря, заключалось признаніе гражданскаго равенства — и сдѣлало это названіе столь привлекательнымъ для Августа. Отъ обозначенія «перваго гражданина» получилъ свое названіе самый образъ правленія, установленный Августомъ, т. е. принципатъ. Основываясь на томъ, что Августъ, приступая къ организациіи новаго порядка, сложилъ съ себя чрезвычайную власть, возложенную на него, какъ на «триумвира для устройства республики» (reipublicae constituendae), Момзенъ говорить, что принципатъ «возникъ не какъ конецъ закономѣрнаго порядка республики и въ противоположность ей, а скорѣе, какъ ея довершеніе (Erfüllung) и въ противоположность слѣдовавшимъ другъ за другомъ въ теченіи 22 лѣтъ властямъ — диктатурѣ и триумвирату, которые если не уничтожали, то однако временно устраняли (suspendirten) республиканскій порядокъ».

Принципатъ представляетъ *смѣшанную* (hybrid) форму правленія, онъ занимаетъ средину между республикой и монархіей. «Формальное и официальное представленіе принципата, какъ правленіе сената и народа, — говорить Момзенъ, — конечно «пустое», но принципатъ не монархія и даже не можетъ быть опредѣленъ «ограниченной монархіей».

Республиканская сторона принципата выражается прежде всего въ срочности власти Августа: какое значеніе самъ Августъ придавалъ этимъ срокамъ, объ этомъ у насъ нѣтъ прямыхъ свидѣтельствъ. Установленіе срока вообще могло или значить, что по истеченіи срока полномочіе само собою прекратится, или заключало въ себѣ обѣщаніе отказаться отъ полномочій, предоставляя самое отреченіе, впрочемъ, на усмотрѣніе уполномоченнаго; этотъ смыслъ имѣли сроки въ триумвиратѣ и вообще всѣ сроки при чрезвычайныхъ полномочіяхъ. Можно думать, что Августъ придавалъ послѣдній смыслъ своимъ срокамъ.

Далѣе, республиканскій характеръ принципата выразился въ томъ, что краеугольнымъ камнемъ своихъ полномочій относительно гражданъ, Августъ избралъ трибунскую власть. «Трибунатъ

былъ, по выраженію Момзена, — стариннымъ палладиумомъ демократіи, въ которой зачался принципатъ и отъ которой онъ никогда не отрекался». Еще тотъ римлянинъ, который первый внесъ въ римскій міръ идею принципата, Кай Гракхъ, хотѣлъ основать свою власть на трибунатѣ. Впослѣдствіи республиканская демагогія до крайности развила полномочія народнаго трибуната, и этимъ расширеніемъ популярной власти воспользовался теперь принципатъ при своемъ окончательномъ утвержденіи. Но, кромѣ того, что принцепсъ, какъ постоянный народный трибунъ, беретъ на себя защиту народныхъ интересовъ, самый принципатъ основанъ на идеѣ верховной власти народа, и эта идея всегда сохранялась. Изъ этой идеи или изъ этого начала вытекаетъ, во-первыхъ, понятіе, что императоръ въ сущности магистратъ. Республика не знаетъ самостоятельной власти; всѣ власти дѣйствуютъ во имя народа, заступаютъ только его мѣсто. Это воззрѣніе перенесено на имперію, и хотя императоръ изъ вѣжливости никогда не называется прямо магистратомъ, но «принцепсъ не что иное, какъ лишній магистратъ (nichts als ein Beamter mehr) и притомъ магистратъ не съ такимъ полномочіемъ, которое бы поставило его выше установленнаго порядка (Verfassung), но съ ясно опредѣленнымъ, приспособленнымъ къ легальному строю кругомъ дѣйствія. Тиберій присагаетъ въ качествѣ магистрата. Еще яснѣе обнаруживается магистратурный, личный характеръ принципата въ томъ, что распоряженія принцепса не обязательны для его преемника, подобно тому, какъ эдиктъ претора не связывалъ слѣдующаго за нимъ претора; всѣ назначенія, сдѣланныя принцепсомъ на военной и гражданской службѣ, прекращаются съ его смертію; всѣ милости и пожалованія для безвозмезднаго пользованія государственнымъ имуществомъ, освобожденіе отъ податей, дарованное общинамъ, классамъ и отдѣльнымъ лицамъ, теряютъ силу съ его смертію; наконецъ, уголовный приговоръ, произнесенный надъ императоромъ, влечетъ за собой отмѣну всѣхъ его постановленій и распоряженій (actum rescissio). Этотъ личный характеръ всѣхъ правительственныхъ дѣйствій императора составляетъ одно изъ существенныхъ отличій принципата отъ монархіи; обратное положеніе, что правильно выраженная воля монарха—законъ, и не утрачиваетъ силы вслѣдствіе его смерти, подготовлено принципатомъ, но окончательно возведено въ принципъ только Діоклеціановскою монархіею (р. 856). Различіе по отношенію къ государственному праву между принципатомъ, основаннымъ Августомъ, и монархіею Діоклеціана и Константина, по-крайней-мѣрѣ, говоритъ Момзень, такъ же велико, какъ различіе между принципа-

томъ и старой республикой, и ничто не содѣйствовало такъ много въ общемъ и въ частностяхъ традиціонному, необыкновенно поверхностному пониманію Августова творенія (der augustischen Schöpfung) «какъ общепринятое размалевываніе его учрежденія ми IV вѣка, полнѣе и подробнѣе намъ извѣстными» (р. 710).

Далѣе, изъ идеи, что власть императора вытекаетъ изъ верховной власти народа, слѣдуетъ, что принципсъ не поставленъ выше закона, но обязанъ соблюдать его, какъ и прочіе граждане, пока несоблюденіе извѣстнаго закона не разрѣшено ему народнымъ собраніемъ или главнымъ органомъ законодательной власти въ эпоху принципата—сенатомъ. Окончательное выясненіе этого вопроса и опроверженіе господствовавшего ошибочнаго взгляда, будто императоръ былъ съ самаго начала «освобожденъ отъ закона» (*legibus solutus*), есть одна изъ главныхъ заслугъ Момзена. Только когда съ законодательной властью къ императору перешло отъ сената и право *разрѣшать* отступленіе отъ закона, тогда только дѣйствіе или распоряженіе императора, противорѣчившія гражданскимъ законамъ, стали считаться, несмотря на это, законными. Греки, привыкшіе уже къ восточному міровоззрѣнію, перенесли это представленіе изъ области гражданского права въ область права государственнаго, и на Востокъ эта идея наконецъ развила до представленія Юстиніановой эпохи, что императоръ есть живой законъ.

Правда, уже Августъ дозволилъ себѣ или счелъ нужнымъ нѣкоторыя нарушенія программы, положенной имъ въ основаніе принципата, нѣкоторыя отступленія отъ республиканскаго воззрѣнія, приближавшія принципатъ къ монархіи. Момзенъ видитъ такого рода отступленія отъ идеи принципата въ томъ, что Августъ подводилъ незаконныя отношенія къ женщинамъ императорскаго дома подъ категорію преступленій, караемыхъ по закону объ «оскорбленіи величества»; въ томъ, что Августъ сохранилъ за собой царское право, дарованное сенатомъ Юлію Цезарю—выбивать свое изображеніе на монетахъ своего чекана, и особенно въ попыткѣ установить непосредственную связь между правителемъ и богами, хотя Августъ и не послѣдовалъ въ этомъ отношеніи за Юліемъ Цезаремъ, не дозволилъ своего обожествленія въ Римѣ и довольствовался при жизни только ореоломъ, которымъ озаряло его происхожденіе отъ обожествленнаго Цезаря—*Divi Filius*.

Такимъ образомъ, принципатъ изображается у Момзена, какъ образъ правленія, занимающій середину между республикой и монархіей. Принципатъ не хочетъ быть устраненіемъ республи-

канскаго порядка вещей. Императоръ по отношенію гражданъ есть только первый гражданинъ; но болѣе всего обнаруживается различіе между принципатомъ и монархіей въ томъ, что императоръ дѣлится своей властью съ республикой, предоставляетъ главному органу республики, сенату, извѣстную долю верховной власти. Высокое положеніе сената въ имперіи Августа не укрывалось, конечно, и отъ прежнихъ изслѣдователей; но большинство ихъ не было расположено придавать этому положенію серьезнаго значенія и довольствовалось указаніемъ, что сенатъ не имѣлъ реальной власти, такъ какъ предѣлы его власти и практическое значеніе его дѣятельности опредѣляется только волею императора. Имперія, поэтому, представлялась чистой монархіей и даже деспотіей, которая находила нужнымъ только для вида щадить нѣкоторыя республиканскія формы, — особенно сенатъ. Никогда еще этотъ общепринятый взглядъ не встрѣчалъ такого рѣзкаго и рѣшительнаго противорѣчія, какъ въ разсматриваемомъ нами сочиненіи Момзена. Этотъ ученый дальше всѣхъ отступилъ отъ взгляда тѣхъ, которые видѣли въ имперіи Августа замаскированную монархію; онъ не обинуясь предпочитаетъ называть принципатъ Августа вмѣсто монархіи — дуархіей, двоевластіемъ, разумѣя подъ этимъ раздѣленіе власти между сенатомъ и императоромъ, какъ довѣреннымъ лицомъ римской общины ¹⁾. Вполнѣ доказать правильность и основательность такого обозначенія Момзенъ не успѣлъ въ своемъ сочиненіи, такъ какъ вышедшіе томы изображаютъ только исторію римской магистратуры, включая сюда и принципатъ. Только въ слѣдующихъ томахъ, которые должны представить исторію сената, Момзенъ будетъ имѣть возможность очертить кругъ дѣятельности сената во время принципата и выяснитъ или оправдать свое названіе *дуархii*. Указавши на то, какъ неудовлетворительны были въ научномъ отношеніи господствовавшіе взгляды на учрежденія имперіи, какъ повдно началось изученіе государственнаго права этой эпохи и, представивши въ общихъ чертахъ заслуги Момзена въ этомъ отношеніи, мы можемъ приступить въ разрѣшенію главнаго для насъ вопроса: почему же имперія установилась въ Римѣ съ характеромъ принципата, или чѣмъ обуславливалась политическая организація,

¹⁾ Die Machtstellung des neuen Princeps ist so beschaffen, dass die neue Ordnung staatsrechtlich keineswegs als Monarchie auch nicht als beschränkte, bezeichnet werden darf. Die Bezeichnung Dyarchie, das heisst als eine zwischen dem Senat einer und dem Princeps als dem Vertrauensmann der Gemeinde andererseits ein für allemal getheilte Herrschaft würde das Wesen dieser merkwürdigen Institution weit zutreffender ausdrücken. p. 709.

устроенная Августомъ и опредѣлившая дальнѣйшій характеръ имперіи?

Пока на этотъ счетъ господствовали поверхностные взгляды, пока принципатъ плохо отличали отъ монархіи и деспотіи, естественно все было объяснять форму имперіи Августа личнымъ характеромъ ея основателя. Организацию Августа мѣрили или на республиканскій аршинъ, или прилагали къ ней норму чистой монархіи; въ обоихъ случаяхъ она не подходила подъ извѣстныя нормы, т.-е. казалась ненормальной. Такое уродливое политическое явленіе считали возможнымъ объяснять только случайной причиною. Большинство видѣло въ принципатѣ только замаскированную монархію, сохранившую, ради уступки общественному мнѣнію, прежнія учрежденія и формы, однимъ словомъ—республиканскую личину. Но отчего-же Октавіанъ, сдѣлавшійся послѣ побѣды при Акціумѣ, какъ полагали, полновластнымъ господиномъ надъ римскимъ народомъ, нашелъ нужнымъ замаскировать свою власть? На это легче всего было отвѣтить такъ: потому что лицемѣріе заключалось въ его натурѣ или было слѣдствіемъ свойствъ его характера. Такой отвѣтъ особенно установился съ XVIII вѣка. «Холодность ума Августа, безчувственность сердца и робость его души заставили его,—говоритъ Гиббонъ, въ 19 лѣтъ надѣть на себя маску лицемѣрія, которой онъ уже болѣе не снималъ. Онъ подписалъ той же рукой и, вѣроятно, въ одинаковомъ настроеніи смертный приговоръ Цицерона и прощеніе Цингѣ».

Неудивительно, что писатели XVIII вѣка съ такимъ единодушіемъ искали въ лицемѣрії разгадку политической дѣятельности Августа. Съ своимъ рационалистическимъ направленіемъ, люди XVIII столѣтія во всѣмъ вѣкамъ прилагали мѣрку нормального отвлеченнаго человѣка и были мало способны вникать въ индивидуальный характеръ историческихъ лицъ и эпохъ. Объясняя себя, кромѣ того, чрезвычайно искусственно происхожденіе религій, общества и государства, они невольно преувеличивали вліяніе случайныхъ и личныхъ элементовъ; и вездѣ, гдѣ дѣятельность извѣстнаго лица оказывалась ненормальной съ точки зрѣнія XVIII вѣка, они предполагали, что побудительной причиною такой дѣятельности было лицемѣріе. Оттого историки прошлаго вѣка населили область прошедшаго лицемѣрами и ханжами—всѣ основатели религіозныхъ системъ, творцы міеологическихъ представленій, всѣ жреческія и аристократическія касты, управлявшія въ древности народами, по понятіямъ Болинброка и его послѣдователей, были лицемѣрами и обманщиками. Къ нимъ естественно было причислить и Августа. Что подобный взглядъ такъ долго

держится, особенно во Франціи, нужно объяснять не только сильнымъ влияніемъ писателей XVIII вѣка, особенно Монтескье, но, какъ мы видѣли, и современными политическими отношеніями. Впрочемъ, и тѣ писатели, которые не считаютъ лицемеріе Августа включомъ къ уразумѣнію его политической системы, слишкомъ склонны искать объясненія характера римской имперіи при ея установленіи въ личныхъ свойствахъ Августа. Даже Момзенъ, въ своемъ отвлеченномъ теоретическомъ трактатѣ о государственномъ правѣ имперіи, повидимому, склоненъ къ такому взгляду, хотя въ высшей степени невѣроятно, чтобы личная воля или настроеніе одного человѣка могли имѣть такое вѣковое влияніе на государственныя понятія и теорію права въ обширной странѣ. Критикуя слабѣйшую сторону организаціи Августа — отсутствіе вполне опредѣленныхъ теоретическихъ нормъ для передачи монархической власти, Момзенъ говоритъ: само по себѣ ясно, что сравнительно съ такимъ учрежденіемъ, прямо вызывавшимъ захватъ верховной власти посредствомъ насилія и неправды, всякое даже самое превратное опредѣленіе престолонаслѣдія было бы благодатью для римской общины; но и практическія послѣдствія слишкомъ ясно доказали, что худшая изъ всѣхъ политическихъ системъ — это колебаніе между двумя противоположными принципами, и что республика Августа съ монархомъ во главѣ, насколько бы она ни была произведеніемъ юридическаго искусства, практически соединяла дурныя стороны обѣихъ государственныхъ формъ. Сочиненіе по государственному праву, говоритъ далѣе Момзенъ, не можетъ взять на себя задачи показать, какимъ образомъ случилось, что римская община, хотя и вышла въ своемъ политическомъ развитіи изъ пожизненной царской власти, при своемъ возвращеніи къ монархіи не была въ состояніи юридически выработать эту форму, и почему новой монархіи присуще было не только отсутствіе наследственности, но и опредѣленнаго порядка при переходѣ престола, до самой византійской эпохи. Мы ограничимся здѣсь указаніемъ, что не существовало никакихъ юридическихъ препятствій (*keine rechtliche Schwierigkeit*) къ тому, чтобы примѣнить къ принципату нормы правильной магистратуры и такимъ образомъ установить для него преемственность. Мѣшало этому не какое-либо формальное препятствіе, но недостатокъ вѣры въ себя у творцовъ принципата и вѣры, въ учрежденіе, ими созданное. Жуткое чувство недовѣрія (*das unheimliche Misstrauen*), которое проникаетъ организацію Августа и которое нашло свое высшее, столь же величественное, сколько ужасное выраженіе въ преемникѣ Августа и довершителѣ его системы, никогда не поки-

дало принципату, во все время существованія не только римляне, но и *ромейцы* (Romäer). Это недобвѣріе правителя направлено противъ всего и противъ всѣхъ, противъ намѣстника, преторіанскаго префекта, и особенно противъ преемника и заставляло искать защиты только въ устраненіи самой идеи престолонаслѣдія. Принципату добровольно отказался отъ напередъ установленнаго преемства, потому что принципесъ чувствовалъ себя недостаточно твердымъ, чтобы при жизни самому назначить себѣ преемника или допустить его обозначеніе (р. 1040).

Въ этихъ замѣчаніяхъ есть противорѣчіе. Въ послѣднихъ словахъ авторъ даетъ поводъ думать, что характеръ принципата опредѣлялся силою вещей, условіями римской жизни, не измѣнявшимися до конца этой жизни, а въ началѣ онъ все приписываетъ случайной, индивидуальной чертѣ въ характерѣ Августа и его преемника. Но какое бы заключеніе мы ни вывели изъ этихъ словъ Момзена, можно сказать, что до сихъ поръ преобладалъ взглядъ, объяснявшій образъ дѣйствія Августа и организацію, которую онъ далъ имперіи, его личнымъ характеромъ, нерѣшительностью его вслѣдствіе робости, лицемеріемъ, отсутствіемъ величія въ натурѣ, недостаткомъ общихъ идей, нравственною трусостью, мелочностью, которая предпочитаетъ интригу открытому образу дѣйствій. Вслѣдствіе одной или нѣкоторыхъ изъ этихъ чертъ характера, Августъ исполнилъ свое дѣло только на-половину, не рѣшился открыто провозгласить монархію и монархическій принципъ, но прикрылъ его республиканскими формами, всю свою жизнь игралъ политическую комедію и носилъ сѣмена замѣшательства, ослабившихъ или даже погубившихъ имперію. Мы считаемъ такой взглядъ неправильнымъ. Стараясь выяснитъ причины, вызвавшія извѣстную намъ организацію принципата, оставимъ пока въ сторонѣ вопросъ о личности Августа и о вліяніи, которое могъ имѣть его личный характеръ, а обратимся сначала за разъясненіями въ римской исторіи, поищемъ въ ней той мѣрки, которую слѣдуетъ прилагать къ дѣятельности Августа; поищемъ въ римской исторіи тѣхъ принциповъ, которыми руководился Августъ и которые нужно взять во вниманіе, чтобы установить правильную точку зрѣнія на его дѣятельность. Вѣдь не отрывокъ же изъ французской или какой-либо другой исторіи представляетъ намъ организація Августа, а отрывокъ изъ исторіи римскаго народа, и эта исторія должна, слѣдовательно, быть нашей главной руководительницей не только при изученіи дѣла Августа, но и при оцѣнкѣ его значенія. Можетъ быть, съ помощью этой исторіи удастся поставить вопросъ о *причинахъ* тѣхъ формъ, въ ко-

торихъ установился принципъ, на такую же твердую, историческую, а потому научную почву, на какую уже поставленъ вопросъ о причинахъ самаго установленія имперіи среди римскаго народа. Можетъ быть, въ ходѣ римской исторіи обнаружатся такія общія неизмѣнныя черты, которыя дадутъ намъ возможность органически связать эпоху принципата съ предшествовавшей эпохой республиканской исторіи,—неизмѣнныя черты, которыя можно будетъ потомъ признать за законы, управлявшіе римской исторіей.

III.

Разсмотримъ сначала отношеніе внутренней политики Августа къ непосредственно предшествовавшей ему эпохѣ римской исторіи, а затѣмъ укажемъ въ его дѣятельности и въ организаціи, имъ введенной, нѣкоторыя общія черты, проходящія черезъ всю римскую исторію. Въ первомъ случаѣ приходится приписать большую долю вліянія сознательной дѣятельности Августа; во второмъ случаѣ будетъ гораздо труднѣе отличить моменты, въ которыхъ проявляется сознательная воля правителя, отъ тѣхъ, гдѣ Августъ дѣйствуетъ бессознательно, какъ типъ, выработанный римской исторіей или историческою жизнью римскаго народа.

Мы видѣли, что установленіе имперіи было довершеніемъ давно уже подготовлявшагося въ римской исторіи внутренняго политическаго процесса. Исторія римлянъ, какъ и исторія другихъ народовъ, жившихъ полной жизнью, слагалась изъ равнообразнаго сочетанія элементовъ монархіи, аристократіи и демократіи, обнаруживавшихся въ политической жизни посредствомъ трехъ соотвѣствующихъ органовъ: магистратуры, сената и народнаго собранія. Было-ли время, когда исключительно преобладалъ одинъ изъ этихъ элементовъ, былъ-ли Римъ основанъ царемъ, который добровольно создалъ аристократію и демократію, оставилъ себя сенатомъ и народнымъ собраніемъ, какъ это представляютъ типичныя исторіи, или же въ основаніи политической жизни Рима лежала родовая аристократія—это вопросы, которыхъ мы здѣсь не станемъ касаться; для насъ необходимо только указать, что въ самыхъ раннихъ сумеркахъ римской исторіи мы встрѣчаемся съ двумя сильными самостоятельными политическими элементами—съ царемъ и съ родовой аристократіей, которая обнаруживаетъ свое вліяніе посредствомъ сената. Третій элементъ, — демократическій—представляется еще слабымъ; въ борьбѣ съ ари-

стократіей цари начинаютъ ему покровительствовать, но это возбуждаетъ сильнѣйшее сопротивленіе аристократіи, которая преобразовываетъ пожизненную царскую магистратуру, стремящуюся въ наслѣдственность, въ краткосрочную магистратуру. Однако, не будучи въ состояніи побороть царскую власть безъ помощи массы, аристократія принуждена дать большій просторъ демократическому элементу, который вскорѣ начинаетъ борьбу съ родовой аристократіей и становится совершенно самостоятельнымъ. Наступаетъ эпоха сравнительнаго равновѣсія трехъ элементовъ—самая счастливая и здоровая эпоха внутренней жизни Рима, прославленная Полиемъ. Это вѣкъ пуническихъ войнъ, когда соперничество партій сдерживается внѣшней опасностью и умѣрается единодушнымъ порывомъ патриотизма. Но съ побѣдой и достиженіемъ мірового значенія въ Римѣ возгорается борьба партій, которыя при измѣнившихся условіяхъ быстро вырождаются. Магистратура теряетъ свою силу въ Римѣ, но переноситъ ее въ провинціи; аристократія, утрачивая свой патриціанскій характеръ, тѣмъ не менѣе продолжаетъ быть исключительной относительно народа; становясь слишкомъ снисходительной къ своимъ членамъ, она по прежнему не хочетъ дѣлиться съ народомъ плодами завоеванія; всего же болѣе вырождается демократія съ обѣдвѣніемъ самостоятельнаго крестьянства, съ уменьшеніемъ его вліянія въ народномъ собраніи и замѣной его вліяніемъ городской черни и проданныхъ вольноотпущенниковъ. Ненормальное положеніе дѣлъ многими сознается, и все яснѣе представляется необходимость реформъ. Каждая изъ двухъ главныхъ партій выставляетъ свою программу. Аристократія менѣе податлива на реформы, она видитъ спасеніе только въ увеличеніи полномочій сената, гдѣ подѣ вліяніемъ греческой образованности сосредоточивается не только реальное могущество и политическая опытность, но и интеллигенція Рима. Демократическая программа обширнѣе, прогрессивнѣе, она болѣе пронивнута идеями; въ ея,—впрочемъ, аристократическихъ—вождяхъ болѣе энтузіазма, болѣе безкорыстнаго служенія идеѣ; главная ея цѣль не только перенесеніе власти въ народное собраніе, но пополненіе его новыми здоровыми элементами, надѣленіе немущихъ гражданъ землею насчетъ государства и въ ущербъ аристократіи, распространеніе римскаго гражданства на латинянъ, а также и другихъ италійцевъ. Но эта программа не имѣла будущности не только потому, что римская демократія была неспособна идти за своими вождями и самая программа вскорѣ сдѣлалась орудіемъ политическихъ интригановъ, но и потому еще, что и у лучшихъ вождей не было политическаго твор-

чества, что они собирались включить италійскую демократію въ старыя узкія рамки римскаго форума, не приискали тѣхъ политическихъ формъ, въ которыхъ нуждалась возрожденная и расширенная въ своемъ основаніи демократія. Магистратура, которая по своему назначенію должна была бы стоять выше обѣихъ партій, сдержать ихъ и провести реформу въ государственномъ интересѣ, была слишкомъ ослаблена для такой роли; она превратилась въ орудіе обѣихъ партій, и магистраты, становясь то во главѣ бушевавшей толпы, то во главѣ разъяреннаго сената, проливали на улицахъ благороднѣйшую кровь Рима. Однако, политическій организмъ Рима еще заключалъ въ себѣ достаточно жизненныхъ силъ, чтобы пережить эту критическую эпоху и выработать изъ себя новыя формы существованія. Переворотъ произведенъ былъ силой, вышедшей изъ магистратуры—не нормальной, городской магистратуры, опиравшейся на народное собраніе, но изъ сферы чрезвычайной магистратуры, опиравшейся на войска и средства провинцій. Эта новая историческая сила не съ перваго раза сознаетъ свое назначеніе, она входитъ на сцену исторіи нетвердыми шагами; во время междоусобной борьбы также примыкаетъ то къ одной, то къ другой партіи, подобно городскимъ магистратамъ, служить интересамъ то демократіи, то аристократіи. Новый элементъ съ своими политическими колебаніями впервые ясно обнаружился въ роли, которую играли Марій и Сулла и въ ихъ взаимной борьбѣ. Марій—первый представитель имперіума, не укладывавшагося въ рамки республики. Онъ однако совершенно безсознательно играетъ роль, которая на него возложена исторіей Рима, и тотчасъ становится орудіемъ демагоговъ форума и политическихъ авантюристовъ. Торжество Марія не имѣло никакихъ послѣдствій для политическаго развитія Рима, а вызвало только кровопролитіе и проскрипцію. Это отсутствіе всякихъ результатовъ послѣ побѣды демократіи не только ясно доказываетъ ничтожество вождя, но и политическую немощь римской демократіи, которая посредствомъ Марія боролась съ оптиматами и сенатомъ. Оттого Марій и его партія были такъ легко опрокинуты Суллой. Сулла, удержавшій начальство надъ войскомъ вопреки постановленію народнаго собранія, приведшій въ первый разъ вооруженные легіоны въ стѣны Рима, нѣсколько лѣтъ самовластно воевавшій и распоряжавшійся на Востоку, наконецъ, явившись въ Италію какъ завоеватель, покоривши Римъ силою меча, заставившій мнимое народное собраніе облечь себя чрезвычайной и безсрочной властью и произведшій въ учрежденіяхъ Рима глубокій переворотъ—Сулла, въ сущности, первый римскій

императоръ въ повдѣйшемъ смыслѣ. Но въ лицѣ Суллы имперіумъ еще не сознаетъ себя какъ самостоятельную силу, какъ необходимый и постоянный политическій элементъ. Этотъ чрезвычайный имперіумъ считаетъ пока своимъ призваніемъ *возстановленіе* республики. Но реставрацію Суллы, конечно, не слѣдуетъ понимать въ буквальномъ смыслѣ. Возстановленная республика значительно отличалась отъ своей прежней формы. Въ Сулловой республикѣ равновѣсіе между магистратурой, народнымъ собраніемъ и сенатомъ было окончательно нарушено въ колызу послѣдняго, и борьба между ними улажена посредствомъ окончательнаго преобладанія въ государственномъ строѣ *сената*. Сулла своимъ происхожденіемъ, своими вкусами и своей побѣдой надъ демократической партіей былъ связанъ съ римскою аристократіей; но въ томъ, что онъ плоды своей побѣды поднесъ этой аристократіи, что онъ сенатъ сдѣлалъ высшимъ правительствомъ римскаго государства, нужно видѣть не только слѣдствіе личныхъ симпатій, а дѣло зрѣлой политической мысли, которая имѣла свою традицію въ исторіи Рима.

Какъ бы ни казалась презрѣнна аристократія, представленная сенатомъ временъ Суллы, сравнительно съ той древней аристократіей, которая посланнику царя Пирра показала сонмомъ царей, — она, однако, бесспорно была несравненно способнѣе управлять государствомъ, чѣмъ пестрая, подкупная и голодающая толпа гражданъ на форумѣ, которыхъ еще задолго передъ тѣмъ одинъ изъ Сципіоновъ упрекалъ цѣпями, недавно скинутыми.

Чтобы обезпечить государство отъ внутреннихъ смуть, происходившихъ вслѣдствіе колебаній перевѣса между аристократіей и демократіей, Сулла счелъ нужнымъ перенести центръ тяжести окончательно на одну сторону, и передать правительственную власть сенату. Народовластіе было ограничено и урѣзано относительно всѣхъ своихъ функцій и полномочій:—въ области суда увеличеніемъ числа постоянныхъ судовъ, *quaestiones perpetuae*, и расширеніемъ круга ихъ дѣятельности;—въ области законодательной тѣмъ, что у народа была отнята инициатива законодательная, и ему предоставлено принимать или отвергать только то, что уже было постановлено сенатомъ; избирательное право народа было ограничено установленіемъ строгой іерархіи: нельзя было быть избираемымъ, напримѣръ, преторомъ, не бывши квесторомъ, а консуломъ, не бывши преторомъ. Но, кромѣ этого непосредственнаго ограниченія народовластія, Сулла стѣснилъ демократію ограниченіемъ и униженіемъ трибуната. Чтобы отнять у политическихъ агитаторовъ возможность и охоту производить

смуты посредствомъ трибуната, у трибуновъ было отнято право вносить предложенія въ народное собраніе; трибуны могли быть избираемы только изъ сенаторовъ, и имъ была закрыта дальнѣйшая политическая карьера, доступъ къ претурѣ и консульству. Съ другой стороны, были расширены полномочія сената, и онъ поставленъ вполне самостоятельно. Сенату была передана инициатива въ законодательствѣ; распредѣляя провинціи и наблюдая за управленіемъ ихъ, сенатъ былъ высшимъ административнымъ учрежденіемъ; наконецъ, членами постоянныхъ судовъ могли быть одни сенаторы. Такимъ образомъ, какъ въ началѣ республиканскаго развитія, послѣ изгнанія царей, аристократія была господствующимъ элементомъ, такъ и въ концѣ ей опять пришлось вручить правительственную власть; но времена были другія: въ эпоху господства патриціевъ, Римъ въ своемъ историческомъ развитіи удалился отъ монархіи, — теперь опять въ ней приближался. Аристократическая организація Суллы оказалась непрочной не потому, что она была ошибочна въ своемъ принципѣ, или потому, что аристократія была неспособна къ возложенной на нее роли, но потому, что у нея не было вѣрныхъ исполнительныхъ органовъ ни для того, чтобы сдерживать демагоговъ въ городѣ, ни для того, чтобы обуздывать оптиматовъ въ провинціи. Возвышавшая аристократію, первый императоръ забылъ, повидимому, объ имперіумѣ; ослабивъ форумъ, онъ въ то же время лишилъ городскую магистратуру всякой самостоятельности и низвелъ ее на степень аристократическаго орудія; чтобы оградить сенатъ отъ наслія со стороны вооруженной силы, не только въ Римѣ, но и во всей Италиі не должно было стоять ни одной вогорты: и въ результатъ оказалось, что сенатъ былъ безсиленъ противъ смутъ въ городѣ и не безопасенъ отъ *provincialemento* военныхъ вождей. Окончивъ свою организацію, первый императоръ отрекся отъ власти и возвратился къ частной жизни. Пока онъ былъ живъ, установленная имъ машина дѣйствовала хорошо; но точась послѣ его смерти начался тотъ же круговоротъ. Демагогія поднялась, и вредное двоеборство между Маріемъ и Суллой повторилось въ борьбѣ Помпея и Юлія Цезаря. Первая роль выпала сначала на долю Помпея. Въ лицѣ Помпея снова возникшее императорство сдѣлало новый шагъ впередъ въ своемъ развитіи. Помпей уже добивается лично для себя первенствующаго положенія въ республикѣ: онъ не хочетъ только служить интересамъ демократіи или аристократіи; поэтому онъ поочередно играетъ роль и Марія и Суллы: покровительствуетъ демократіи и вмѣстѣ съ нею возвышается, — потомъ сблизается съ

аристократіей. Но онъ съ послѣднею вступаетъ только въ союзъ, не пользуется, какъ Сулла, своею властью, чтобы упрочить побѣду аристократіи; онъ хочетъ стоять выше обѣихъ партій въ республикѣ, выше ея гражданъ, но онъ еще не понимаетъ, въ какой формѣ и при какихъ условіяхъ возможно этого достигнуть. Онъ становится, наконецъ, своими побѣдами надъ Митридатомъ господиномъ республики, пріобрѣтаетъ значеніе «принцепса», перваго гражданина въ республикѣ; но онъ не сознаетъ, что необходимо для того, чтобы остаться принцепсомъ, сохранить въ то же время за собой имперіумъ. Помпей жаляетъ принципата, который ни въ чемъ не нарушилъ бы республиканской конституціи, который былъ бы основанъ на добровольномъ признаніи его первенства и гражданами, и магистратами и сенатомъ. Поэтому, возвращаясь съ Востока съ побѣдоносной арміей, онъ распускаетъ, по конституціонному обычаю, эту армію, не обезпечивъ даже за солдатами обѣщанныхъ наградъ, слагаетъ съ себя свой имперіумъ и—впадаетъ въ ничтожество. Неспособный переносить гражданскаго равенства, онъ опять старается возвыситься до прежняго положенія; но теперь на пути его стоитъ опасный соперникъ—Юлій Цезарь, держащій сторону демократіи. Политикою послѣдняго уже опредѣляется дальнѣйшій образъ дѣйствія Помпея. Онъ стремится къ власти въ союзъ съ Цезаремъ, раздѣляя съ нимъ имперіумъ, и, въ послѣдніе годы пребыванія Цезаря въ Галліи, становится въ Римѣ настоящимъ принцепсомъ, и даже называется такъ, сохраняя за собой въ то же время имперіумъ надъ значительной частью республики; но, ожидая возвращенія своего соперника, Помпей нерѣшительно тратитъ время и силы, не зная, сдѣлаться ли ему защитникомъ сената и *status-quo*, или воспользоваться властью, чтобы открыто идти къ единовластію. Въ колебаніяхъ Помпея и въ его политической мнительности, заставлявшей его искать славы то въ гражданскомъ смиреніи и подчиненіи закону, то въ честолюбивомъ нарушеніи конституціи, ясно отражается представленная имъ фаза въ развитіи императорской идеи, не достигнувшей еще полного сознанія, но уже порывавшейся къ своему осуществленію.

Такія колебанія были неизвѣстны Юлію Цезарю. Цезарь, въ другомъ смыслѣ, чѣмъ Сулла, можетъ быть названъ первымъ римскимъ императоромъ; онъ былъ не только императоромъ по своему положенію въ государствѣ, подобно Суллѣ, но и превосходилъ Помпея по своему честолюбію и притязаніямъ на единовластіе;—въ немъ слились во-едино и фактъ, и идея установленія императорской власти; въ немъ принципъ имперіи достигъ

полнаго и сознательнаго своего проявленія. Цезарь, несмотря на свое высоко-аристократическое происхождение—отъ альбанскихъ царей—былъ въ родствѣ съ Маріемъ и, такимъ образомъ, по семейнымъ преданіямъ, связанъ съ демократической партіей. Еще прочнѣе онъ былъ связанъ съ нею своими интересами и политическими стремленіями. Онъ не измѣнилъ ей и во время проскрипцій Суллы. Но Цезарь не имѣлъ въ виду служить демократіи: она была нужна ему только какъ орудіе противъ аристократіи и сената. Постоянно опираясь на форумъ и вражду съ оптиматами, онъ возвысился среди гражданъ и, наконецъ, въ открытой войнѣ съ сенатомъ и аристократической партіей, достигъ единовластія. Но если союзъ съ демократіей не былъ для Цезаря окончательною цѣлью его политики, то его вражда съ оптиматами была для него болѣе, чѣмъ временнымъ средствомъ возвышенія. Онъ продолжаетъ быть нерасположеннымъ къ оптиматамъ и послѣ того, какъ упрочилась его власть. Организациа, которую онъ хотѣлъ дать римскому государству, требовала ослабленія римской аристократіи и ея органа—сената. Насколько Цезарь унижалъ ее, вводя въ ея кругъ плебейскихъ офицеровъ—и даже *варваровъ* изъ провинцій—и увеличивая безмѣрно число сенаторовъ, настолько онъ самъ хотѣлъ возвыситься надъ ней. Онъ не только дозволилъ при жизни, и въ самомъ Римѣ, причислить себя къ лику олимпійскихъ боговъ и установить жрецовъ для богослуженія передъ его статуей, подобно фламинамъ Юпитера и Марса, но,—что было гораздо серьезнѣе въ глазахъ римскихъ гражданъ,—онъ протянулъ руку къ царской коронѣ. Неожиданная смерть помѣшала ему довершить свою организациу, и мы въ состояніи только гадательно возстановить очертанія задуманнаго имъ политическаго зданія; но мы имѣемъ достаточно основанія утверждать, что Цезарь не былъ намѣренъ дѣлиться властью съ сенатомъ и съ римскою аристократіей, что онъ собирался прямо повести римскій міръ отъ республики къ монархіи, и что онъ хотѣлъ сдѣлать точкой опоры для новаго порядка поклоненіе римлянъ и провинціаловъ наследственной династіи. Но съ античнымъ духомъ, который былъ еще силенъ въ римлянахъ эпохи Цезаря, была несовмѣстна чистая монархіа. Античному міру монархическая власть не была еще извѣстна, какъ политическій принципъ; онъ зналъ ее только, какъ личную тиранническую власть, какъ произволь. Монархіи, кромѣ того, противорѣчили народныя преданія Рима и историческая традиція, связанная съ республикой. Оппозиція противъ плановъ Цезаря выразилась не только въ его убійствѣ, исходившемъ отъ при-

ближенныхъ къ нему людей, но еще гораздо болѣе въ одушевленіи и восторгѣ, какой это убійство вызвало въ лучшихъ людяхъ того времени, и который находилъ отголосокъ, пока былъ живучъ римскій національный духъ и пока школа поддерживала преданіе о немъ среди образованнаго общества.

За смертью Цезаря послѣдовали новыя смуты; между лицами, облеченными военнымъ имперіумомъ, оказалось много такихъ, которые желали пойти по стопамъ Цезаря или воспользоваться его наслѣдствомъ, и сенатъ не былъ въ состояніи воздержать ихъ отъ междоусобныхъ войнъ; наконецъ, на полѣ битвы остался одинъ Октавіанъ, и въ его рукахъ сосредоточился, объединился имперіумъ.

До Октавіана представители имперіума держались то демократіи, то аристократіи, или, по крайней мѣрѣ, выдавали себя за защитниковъ то народа, то оптиматовъ, и подъ этимъ знаменемъ угнетали или комиціи, или сенатъ. Въ лицѣ Октавіана сливаются эти двѣ струи въ исторіи римскаго народа, Октавіанъ становится *преемникомъ обнихъ традицій*, подъ вліяніемъ которыхъ возникалъ и развивался монархическій имперіумъ въ Римѣ. Онъ усмысленъ Цезаремъ, принимаетъ его наслѣдство и становится такимъ образомъ естественнымъ покровителемъ и благодѣтелемъ римскаго плебса. Но въ то же время, въ своей внутренней политикѣ Октавіанъ сознательно становится преемникомъ политики Суллы, беретъ, можно сказать, въ образецъ его организацію и дѣлаетъ краеугольнымъ камнемъ введеннаго имъ строя не комиціи, а сенатъ. Онъ не только не старается, подобно Цезарю, подорвать моральное значеніе сената, увеличеніемъ числа сенаторовъ и допущеніемъ въ ихъ среду лицъ недостойныхъ; напротивъ, постоянною его заботою становится очищеніе сената отъ всѣхъ элементовъ, неправильно проникшихъ туда во время гражданскихъ войнъ и ронявшихъ достоинство сената и уваженіе къ нему въ глазахъ народа. Чтобы поддержать общественное положеніе сенаторовъ, Октавіанъ ввелъ или возвысилъ ихъ имущественный цензъ, но въ то же время старался привлекать въ число сенаторовъ людей родовитыхъ, членовъ древнихъ аристократическихъ фамилій и нерѣдко изъ своихъ средствъ увеличивалъ ихъ состояніе, чтобы подвести ихъ подъ необходимый для сенаторства цензъ.

Октавіанъ продолжаетъ политику Суллы и по отношенію къ народному собранію, избѣгая только рѣзкихъ и крайнихъ мѣръ, ознаменовавшихъ кровавую реставрацію господства оптиматовъ, такъ, напр., униженія народныхъ трибуновъ, вождей римской

демократіи. Расширивши организацію постоянныхъ судовъ введеніемъ новой декуріи, Октавіанъ устранилъ судебную дѣятельность комицій, а довершивъ іерархическую организацію магистратуры, начатую Суллою, Октавіанъ стѣснилъ избирательную дѣятельность комицій. Относительно законодательной власти не было принято имъ никакихъ прямыхъ стѣснительныхъ мѣръ, но на практикѣ комиціи перестали быть самостоятельнымъ органомъ законодательной власти и орудіемъ для возбужденія внутреннихъ смуть.

Но насколько съузились функціи комицій, настолько выросло значеніе сената. Сенатъ сдѣлался специальнымъ органомъ законодательной власти, и его постановленія—*consulta*—приобрѣтаютъ значеніе законовъ—*leges*. Не изъ однихъ сенаторовъ, правда, составляются списки засѣдателей постоянныхъ судовъ, какъ при Суллѣ, но за то сенатъ становится высшимъ судилищемъ для привилегированнаго сословія сенаторовъ и высшихъ администраторовъ, и вѣдаетъ процессы по государственнымъ и другимъ важнымъ преступленіямъ. Въ области администраціи сенатъ завѣдуетъ управленіемъ въ обширномъ кругу дѣятельности, ему предоставленномъ, и вообще республику римскаго народа представляютъ собой не комиціи, а представляетъ сенатъ вездѣ, гдѣ этого не принимаетъ на себя императоръ. Но еще болѣе, чѣмъ эта мѣра, предпринятая Августомъ въ интересахъ сената, характеризуетъ его политику то, что онъ хотѣлъ сдѣлать для сената. Число сенаторовъ въ республиканскую эпоху было триста. Затѣмъ оно удвоилось. Въ эпоху Цезаря и послѣдовавшихъ за нимъ смуть число сенаторовъ достигло 1200. Августъ, очищая сенатъ, старался постепенно уменьшить его число, и довелъ его, наконецъ, до 600. Но есть извѣстіе, что онъ желалъ свести число сенаторовъ до 300, и отказался отъ этого только въ виду неудовольствія противъ этого плана со стороны тѣхъ, кто боялся потерять почетное званіе или надѣялся со временемъ вступить въ сенатъ. Этотъ неосуществившійся планъ Августа всего болѣе, по нашему мнѣнію, свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ имѣлъ серьезныя виды на сенатъ, какъ на политическое учрежденіе, что онъ не смотрѣлъ на сенатъ только какъ на почетное сословіе, но считалъ его необходимымъ органомъ своего государственнаго строя. Съ государственнымъ совѣтомъ изъ 1200 человекъ нельзя управлять; при такомъ количествѣ членовъ принадлежность къ нему можетъ имѣть только формальное, почетное значеніе; чѣмъ меньше было бы число римскихъ сенаторовъ, тѣмъ дѣйствительнѣе былъ бы сенатъ въ состояніи исполнить возложенную на него политиче-

скую роль. Но, покровительствуя римской аристократіи и поднимая значеніе сената въ республикѣ, Августъ вовсе не имѣлъ въ виду, подобно Суллѣ, сдѣлаться слугой оптиматовъ или предоставить сенату управленіе государствомъ. Августъ не жертвуетъ для аристократіи монархическимъ элементомъ—единовластіемъ; онъ не смотрѣлъ на свой военный имперіумъ какъ на мечъ, который нуженъ для борьбы и который бросають въ сторону, когда враги поражены. Въ этомъ отношеніи Августъ истинный преемникъ Цезаря; принимая съ его завѣщаніемъ его имя и наслѣдство, Октавіанъ принялъ отъ него званіе императора, т.-е. полководца, какъ *собственное имя*, предоставленное нѣкогда сенатомъ Юлію Цезарю;—отъ этого имени, а также отъ подразумѣвавшейся подъ нимъ властью, онъ никогда не отказывался. Для него общій, единый и непрерывный имперіумъ не фактъ только, а принципъ. Но, продолжая дѣло Цезаря и устанавливая неизбежно монархическій принципъ, Августъ далекъ отъ увлеченій своего великаго предшественника. Онъ не только не протягиваетъ руки за царской короной, но дѣлаетъ всевозможное, чтобы лишить свою монархію царскаго характера, чтобы примирить ее съ республиканскими учрежденіями, съ преданіями и съ античнымъ духомъ.

Такимъ образомъ, Августъ въ одно время продолжаетъ дѣло Суллы и дѣло Цезаря: онъ возстановляетъ республику, но вводитъ въ нее новый политическій элементъ; онъ поддерживаетъ аристократію и возвышаетъ сенатъ, но ограничиваетъ его дѣятельность извѣстной сферой и отводитъ ему второе мѣсто въ правительствѣ; онъ основываетъ монархію, но не вѣнчаетъ ее царской короной, а прилаживаетъ ее къ республикѣ и даетъ ей характеръ *магистратуры*.

Императорская власть возникла и росла среди борьбы демократіи съ аристократіей, примыкая то къ той, то къ другой сторонѣ—Августъ лишаетъ ее этого пристрастнаго характера и даетъ ей самостоятельное значеніе; онъ полагаетъ конецъ борьбѣ плебса съ оптиматами за государственную власть,—причинѣ вѣковыхъ раздоровъ республики,—подчинивъ обѣ стороны магистратурѣ. Онъ старается установить гармоническое отношеніе между политическими силами и элементами, выработавшимися въ римской исторіи и въ своей борьбѣ слагавшими ее. Итакъ, въ дѣлѣ установленія императорской власти Октавіанъ—преемникъ Юлія Цезаря, но въ то же время преемникъ всего предшествовавшаго историческаго развитія этого принципа. Однако *преемственный* характеръ дѣятельности Августа не ограничивается только свойствомъ установленной имъ государственной власти, а

проявляется гораздо шире и охватываетъ всю организацію имперіи. Августъ завершаетъ собою не только политическую традицію предшествовавшей ему эпохи, но и другія традиціи римскаго народа, проявляющіяся во всей его исторіи. Августъ—сынъ Цезаря, но въ то же время его можно назвать сыномъ римской исторіи: онъ не только принялъ на себя завѣщаніе Цезаря, но осуществилъ также завѣщаніе, оставленное его духомъ и преданіемъ римскаго народа.

Дѣйствительно, въ исторіи эпохи Августа насъ особенно поражаетъ чисто-римская ея фізіономія, которая является слѣдствіемъ того, что вся политика и государственная организація Августа проникнута національными чертами римской исторіи. Если въ возвышеніи сената нужно видѣть дѣло сознательнаго, политическаго разсчета, то гораздо труднѣе опредѣлять, откуда явились въ государственномъ строѣ Августа тѣ національныя историческія черты, которыя мы разумѣемъ, и насколько Августъ, надѣляя свою организацію этими чертами, дѣйствовалъ по разсчету или бессознательно, какъ истый сынъ римскаго народа и его исторіи. Мы можемъ прослѣдить эти черты въ отношеніяхъ новаго монархическаго принципа къ завѣщанному республикой строю, въ общей политической программѣ и въ политическомъ идеалѣ, которыми руководился Августъ.

IV.

Самой характеристической чертой въ исторіи римскаго народа слѣдуетъ признать его консерватизмъ. Мы говорили объ этомъ предметѣ съ читателями «Вѣстника Европы» по поводу книги г. Муромцева, поставившей своей задачей выяснить вліяніе консерватизма въ римской юриспруденціи. Можно указать нѣсколько причинъ, вызвавшихъ и поддерживавшихъ этотъ консерватизмъ: прочное господство въ Римѣ аристократіи, сплотившейся въ эпоху родового быта и сумѣвшей перенести свой крѣпкій строй въ послѣдующія затѣмъ историческія эпохи,—религіозность римлянъ и долгое вліяніе, которое имѣли религія и коллегіи жрецовъ на политическую и юридическую жизнь Рима; но главную причину консерватизма въ римской исторіи нужно, конечно, искать въ *формализмѣ*, которымъ былъ проникнутъ весь римскій національный духъ. До какой степени римляне были формалистами, всего ярче обнаруживается въ ихъ религіи, ибо даже на религію они смотрѣли, какъ на *договорное* отноше-

ніе между богами и людьми, и самое названіе ея происходить отъ одного корня съ словомъ, которымъ обозначались въ латинскомъ языкѣ отношенія, основанныя на принятомъ обязательствѣ—*obligatio*. Формализмъ, прирожденный римлянамъ, заставлялъ ихъ педантически дорожить внѣшней формой, съ религиознымъ уваженіемъ заботиться о сохраненіи старинныхъ обрядовъ и постоянно, вопреки своему интересу, приносить въ жертву содержаніе, если нарушена была при этомъ форма. Извѣстно, какую роль игралъ въ римскомъ гражданскомъ правѣ и какъ долго держался символическій обрядъ манципациі, — или какъ, уже въ эпоху полного разгара демократическаго произвола, народное собраніе послушно разошлось, когда противники народныхъ интересовъ спустили на Яникулѣ бѣлое знамя, выставлявшееся тамъ съ того времени, когда Яникулъ находился на границѣ римской общины, и снятіе знамени было знавомъ, что врагъ ворвался въ римскіе предѣлы.

Но формализмъ римлянъ, кромѣ того, что усѣялъ всю исторію ихъ подобными явленіями, придалъ еще особый характеръ всему историческому движенію ихъ. Несмотря на свой консерватизмъ, — римляне были способны къ прогрессу и имѣли богатую историческую жизнь. Но борьба новыхъ идей съ старыми была очень упорна и продолжительна, давая возможность вполне вернуться силѣ какъ стараго, такъ и новаго начала— и оттого жизнь римлянъ отличалась такою прочностью, а прогрессивное развитіе ихъ выразилось въ столькихъ посредствующихъ ступеняхъ и фазахъ, любопытныхъ для историка. Особенной преградой новому началу были старыя формы, освященныя временемъ и свыкнувшимися съ ними нравственнымъ сознаніемъ народа. Проникая въ жизнь, новое начало должно было по возможности сохранить неприкосновенными эти формы, *подлаживаться* подъ нихъ. Это подлаживаніе нерѣдко было очень искусственно. Сдѣла между новыми потребностями и желаніемъ сохранить старое нерѣдко была основана на *предположеніи*, что новое ни въ чемъ не нарушаетъ стараго порядка, т.-е. была основана на вымыслѣ, на *фигиивіи*.

Посредствомъ *фигиивіи* особенно часто совершался прогрессъ въ области гражданскаго права. Когда преторъ, не имѣвшій права примѣнять къ иностранцу формъ римскаго уголовного судопроизводства, но желавшій доставить римскому гражданину украденную у него иностранцемъ собственность, принималъ передъ своимъ трибуналомъ приведеннаго къ нему истцомъ перегрина, дѣлая видъ, какъ будто это римскій гражданинъ и назы-

вая его на судѣ постоянно римскимъ гражданиномъ, онъ совершалъ такого рода фикцію. И преторъ, и окружавшій его народъ очень хорошо сознавали, что слова и формы не соответствовали дѣйствительности, что они нарушали то право, которое они по виду такъ тщательно охраняли. Что же заставляло магистратовъ и римлянъ вообще, въ этомъ и многихъ подобныхъ случаяхъ, прибѣгать къ такому средству для удовлетворенія новыхъ потребностей общезнѣтѣ, или новыхъ болѣе утонченныхъ понятій о справедливости, вмѣсто того, чтобы предпочесть болѣе простую развязку затрудненій? Ихъ заставляло прибѣгать въ фикцію умственный ихъ складъ, ихъ историческая *совѣсть*, не дозволявшая нарушить то, что было завѣщено предками, освящено стариной и національнымъ преданіемъ, порвать преемственность исторической жизни. Никто поэтому изъ лицъ, принимавшихъ прямое или пассивное участіе въ фикціи, не полагалъ, что ими совершается какой-нибудь обманъ; въ ихъ психологическомъ состояніи имъ, напротивъ, казалось, что они этой фикціей исполняли нравственный долгъ, и ихъ нравственное чувство вслѣдствіе этого оставалось вполне удовлетвореннымъ.

Такое отношеніе къ дѣлу не могло, конечно, ограничиться областью гражданскаго права, но должно было отразиться также въ исторіи развитія государственнаго права. Но никогда, конечно, не было въ политической исторіи римлянъ случая, когда *фикция* до такой степени сама естественно вытекала изъ обстоятельствъ, когда въ такой степени ощущалась необходимость въ ней и когда она была въ состояніи такъ хорошо удовлетворить политическую совѣсть римлянъ, какъ въ тотъ моментъ, когда имъ пришлось пережить самый крутой переворотъ въ своей исторіи — переворотъ, къ которому ихъ привела, незамѣтно для нихъ самихъ, сила вещей, но къ которому они совершенно не были приготовлены умственно и морально — переходъ отъ республики къ монархіи.

Именно посредствомъ такой фикціи Октавіанъ ввелъ въ республику и установилъ въ ней монархическое начало. Принципатъ Августа есть сдѣлка между республикой и монархіей, основанная на вымыслѣ, будто старое государственное право осталось неизменно. Новое, монархическое начало, вступая въ жизнь, является подъ старымъ именемъ и облечается старыми формами; потребности новаго государственнаго права и новаго порядка вещей удовлетворены; но въ то же время удовлетворено чувство уваженія къ старинѣ, къ національной святынѣ, удовлетворены политическіе предрассудки. Юридическая фикція, поло-

женная Августомъ въ основаніе его организаціи, ни въ чемъ не проявляется такъ ярко, во всей своей наивной откровенности, какъ въ завѣтныхъ словахъ, написанныхъ 75-ти-лѣтнимъ старцемъ для своей надгробной надписи. Въ этихъ словахъ Августъ выразилъ суть своей политической теоріи, обозначилъ ту точку зрѣнія, съ которой онъ хотѣлъ, чтобы современники и потомство смотрѣли на его политическую организацію. «Въ шестое и седьмое мое консульство, послѣ того, какъ я погасилъ междоусобную войну и съ согласія всѣхъ овладѣлъ верховною властью, я передалъ государство изъ-подъ моей власти въ распоряженіе сената и народа римскаго. Съ этихъ поръ я превосходилъ всѣхъ почетомъ, власти же я не болѣе имѣлъ, чѣмъ тѣ, которые были мнѣ товарищами въ магистратурѣ» ¹⁾). Что эта передача Августомъ республики въ распоряженіе сената и римскаго народа — послѣ того какъ онъ сложилъ съ себя чрезвычайную власть триумвира — была не пустою фразой, а *политической теоріей* той эпохи — доказывается тѣмъ, что въ томъ же смыслѣ выразился объ этомъ событіи почти 150 лѣтъ спустя историкъ Тацитъ въ своемъ очеркѣ политическаго развитія Рима: «Наконецъ, въ шестое свое консульство цезарь Августъ, увѣренный въ своемъ могуществомъ, отмѣнилъ распоряженіе своего триумvirатства и далъ намъ учрежденія, которыми мы бы пользовались въ мирѣ и подъ управленіемъ принцепса» ²⁾).

Политическая фикція, съ помощью которой водворился монархическій принципъ, выразилась въ области государственнаго права въ томъ, во-первыхъ, что старое начало, повидимому, продолжало господствовать и что республика сохранялась непривосновенной въ принципѣ. По прежнему верховная власть римскаго государства выражается дуалистическимъ девизомъ — *Senatus populusque Romanus*; по прежнему воля народа, собраннаго въ комиціяхъ, считается источникомъ всякой власти, всякаго закона; республиканскія магистратуры всѣ сохранены и ежегодно занимаются по старому способу; сенатъ и комиціи продолжаютъ собираться въ установленныхъ формахъ; легіоны сражаются за римскій народъ и новыя провинціи, завоеванныя ими, расширяютъ

¹⁾ In consulatu sexto et septimo, postquam bella civilia exstinxeram per consensum universorum potitus rerum omnium, rem publicam ex mea potestate in senatus populi que Romani arbitrium transtuli.. Post id tempus praestiti omnibus dignitate, potestatis autem nihil amplius habui, quam qui fuerunt mihi quoque in magistratu collegae. По чтенію Бепрка, с. 84.

²⁾ Ann. III, с. 28: Sexto demum consulatu Caesar Augustus, potentiae securus, quae triumviratu jusserat, abolevit, deditque jura, quis pace et principe uteremur.

зосподство римскаго народа (Aegyptum imperio populi Romano adjeci—говорить Августъ о завоеваніи Египта); лѣтосчисленіе продолжается по республиканскому способу—года обозначаются именами консуловъ, которые ведутъ свой длинный рядъ отъ Брута, прославившагося изгнаніемъ тирана.

Политическая фибція, кромѣ того, выражается въ томъ, что новая власть облачается себя старыми республиканскими именами и формами. Монархъ не принимаетъ ни одного имени, которымъ въ современномъ ему обществѣ обозначали представителя единой или неограниченной власти; онъ, наоборотъ, обозначаетъ себя словомъ, которое выставляетъ на видъ то обстоятельство, что онъ какъ-бы остается *гражданиномъ*; онъ принимаетъ официальнымъ титуломъ въ государствѣ названіе, дающее ему характеръ *частнаго* человѣка. Онъ—принцесъ, т.-е. первый гражданинъ, съ его положеніемъ не связано никакой постоянной власти; онъ могъ бы остаться принцесомъ, сложивши всѣ магистратуры и свой имперіумъ. Въ Анцирской надписи, гдѣ Августъ говоритъ съ современниками и потомствомъ, онъ не иначе называетъ себя, какъ принцесъ. Тиберій, воспитанный въ духѣ Августовой политики, объявляетъ, что онъ господинъ только для своихъ рабовъ, императоръ—для солдатъ; для гражданъ же онъ только принцесъ. Что современники придавали этому значенію, это свидѣлствуютъ слова Тацита, когда онъ въ чрезвычайно скатомъ отзывѣ резюмируетъ толки римскаго общества объ Августѣ во время его похоронъ: «онъ устроилъ республику подъ властью не царской и не диктаторской, а подъ властью связанной съ именемъ принцеса» (Ann. I, 9).

Правительственная власть принцеса надъ гражданами осуществляется посредствомъ республиканскихъ магистратуръ; власть народнаго трибуна, порученная принцесу на срокъ, потому поименно, составляетъ краеугольный камень его *гражданской* власти. По временамъ ему вручается власть другихъ республиканскихъ магистратуръ—консульство и цензорская власть. Принцесъ становится членомъ всѣхъ главныхъ жреческихъ коллегій и верховнымъ жрецомъ; тѣ стороны и свойства новаго монархическаго принципа, которыя не укладываются въ старыя названія, которыя слишкомъ рѣзко отличаются отъ республиканскихъ формъ, скрываются подъ личнымъ прозвищемъ. Реальную опору римскаго монарха составляла его власть надъ провинціями и надъ всѣми войсками—она заключалась въ терминѣ *императора*, который былъ собственнымъ именемъ Октавіана. Такимъ же личнымъ прозвищемъ было названіе Augustus, сдѣлавшееся съ теченіемъ

времени настоящимъ обозначеніемъ императорской власти въ Римѣ. Такимъ образомъ чрезвычайная, не республиканская власть, которой былъ облеченъ Августъ, является какъ-бы личнымъ его достояніемъ, не влекущимъ за собой ниспроверженія республиканскаго строя.

Но политическая фикція была проведена не только въ теоріи государственнаго права, она проводилась также всею практикой жизни. Мнѣніе о продолженіи республики поддерживалъ самъ Августъ своимъ обращеніемъ съ народомъ въ комиціяхъ и съ сенатомъ, своимъ отношеніемъ къ обществу, всѣмъ своимъ личнымъ поведеніемъ. Представитель монархическаго начала жилъ, говорилъ и дѣйствовалъ какъ частный гражданинъ. Во время выборовъ на форумъ Августъ обходилъ, по республиканскому обычаю, съ своими кандидатами трибы, кланялся проходящимъ, жаль имъ руки и упрашивалъ подавать голосъ въ пользу выставленныхъ имъ кандидатовъ. Въ дни засѣданій сената, императоръ, входя въ курию, кланялся *сидящимъ* на своихъ мѣстахъ сенаторамъ и каждого по обычаю привѣтствовалъ, называя его по имени и не прибѣгая къ помощи номенклатора ¹⁾; такимъ же способомъ, уходя изъ курии, Августъ прощался съ сенаторами, сидѣвшими на мѣстахъ.

Проекты своихъ эдиктовъ онъ выставлялъ въ залѣ собранія сената, и дозволялъ сенаторамъ дѣлать свои замѣчанія и предлагать замѣну однихъ параграфовъ закона другими. Когда однажды въ театрѣ актеръ произнесъ въ своей роли слова: «О, господинъ справедливый и милосердый!»—и публика начала рукоплескать, относя эти слова къ императору, Августъ тотчасъ рукой и выраженіемъ лица остановилъ заявленіе лести, а на другой день выразилъ свое неодобреніе чрезвычайно строгимъ эдиктомъ. Къ названію *господинъ*, прибавляетъ Светоній, онъ питалъ отвращеніе, считая его поворнымъ, и послѣ упомянутаго случая въ театрѣ не только запретилъ дѣтямъ и внукамъ обращаться къ нему съ этимъ названіемъ въ серьезномъ или въ шутивомъ тонѣ, но даже между собой запретилъ имъ употреблять такое льстивое выраженіе ²⁾. Подобно всѣмъ знатымъ римлянамъ, Августъ принималъ по утрамъ толпу желающихъ его привѣтствовать — въ эту

¹⁾ Рабъ или вольноотпущенный, сопровождавшій господина и обзванный называть имена встрѣчавшихся и кланявшихся ему лицъ, такъ какъ вѣжливость требовала при отпадѣ поклона произнесенія имени того, къ кому относилось привѣтствіе.

²⁾ Съ словомъ *dominus* обращались рабы къ своему господину; но въ послѣднюю эпоху республики это слово стало употребляться между свободными, какъ выраженіе вѣжливости или фамильярности.

толпу допускался и простой народъ, и Августъ принималъ подаваемые ему въ такихъ случаяхъ прошенія съ фамильярнымъ радушіемъ. Одного изъ просителей онъ однажды, ободряя, упрекнулъ въ томъ, что онъ протягиваетъ ему прошеніе съ такою неуривительностью, какъ монету слону.

Во время выборовъ Августъ самъ подавалъ голосъ въ своей трѣбѣ, «какъ одинъ изъ гражданъ». Во время производства ценза онъ явился на форумъ и опредѣлилъ наравнѣ съ другими цѣнность своего имущества. Онъ отправлялся на судъ, когда его приглашали друзья или кліенты въ качествѣ свидѣтеля или заступника; иногда являлся непрошенный и спокойно выслушивалъ противорѣчіе и даже оскорбительные отзывы. Только одного обвиненнаго онъ избавилъ отъ предстоявшаго ему судебного приговора, и то своими просьбами, уговоривши обвинителя отказаться отъ обвиненія—этотъ обвиненный былъ Кастрицій, донесшій ему о заговорѣ Мурены противъ его жизни.

Августъ жилъ на Палатинѣ въ частномъ домѣ, въ скромномъ, сравнительно, номѣщеніи, принадлежавшемъ нѣкогда оратору Гортензію. Онъ по возможности избѣгалъ почестей и официальныхъ пріемовъ, и поэтому старался устроить такъ, чтобъ его выѣздъ изъ Рима и изъ другихъ городовъ или въѣздъ происходилъ поудно вечеромъ или ночью. Серебряныя статуи, поставленныя ему въ Римѣ, онъ приказалъ сплавить. Онъ многимъ отдавалъ визиты и постоянно посѣщалъ своихъ знакомыхъ въ семейныя празднества, пока не подвергся однажды, уже въ старости, сильной давлѣ во время одной помолвки.

Эти черты частной жизни и общественныхъ отношеній существенно дополняютъ картину внутренней политики Августа. Онъ доказываетъ, что теорія государственнаго права, которою онъ руководствовался, не была пустою фразой, а получала конкретное значеніе въ глазахъ современниковъ. Фивція, что республика продолжаетъ существовать, проводилась не только въ отвлеченныхъ сферахъ государственнаго управленія, недоступныхъ для большинства—она ежедневно проводилась на форумѣ, на Палатинѣ, на глазахъ самыхъ простыхъ гражданъ. При обсужденіи такого историческаго явленія, столь чуждаго нашимъ нравственнымъ и политическимъ понятіямъ, нужно особенно остерегаться анхронизма или не-исторической точки зрѣнія и не примѣнять къ прошедшему мѣрки современной цивилизаціи. Наше время справедливо возмущается всѣмъ, что вокругъ насъ отзывается іезуитизмомъ въ морали и макиавеллизмомъ въ политикѣ. Когда наше общество совмало какую-нибудь нравственную истину, ка-

кое-нибудь новое требованіе справедливости, оно требуетъ ихъ немедленнаго проведенія въ жизнь въ ущербъ прежнему складу вещей, въ ущербъ практическимъ интересамъ, которіе должны пострадать отъ этой перемѣны. Никто изъ насъ не считаетъ своею обязанностью защищать старину или относиться въ ней съ мнимымъ уваженіемъ, когда она, по нашему мнѣнію, сгнила и отжила. Мало того, мы и въ области государственной и общественной жизни, и въ вопросахъ, касающихся историческаго движенія человѣчества, — дѣти XVIII вѣка, который поставилъ теорію и требованіе разума несравненно выше жизни и исторіи. Мы вслѣдствіе этого всегда готовы передѣлать существующее, данное исторіей, въ пользу политическаго принципа, который считаемъ болѣе разумнымъ или соответствующимъ потребностямъ современнаго общества. Европейское общество живетъ и движется по пути прогресса тѣмъ, что новое сознается сначала въ области теоріи, представляется въ формѣ идеи, или идеала, къ которому подводится практическая жизнь и по требованіямъ котораго передѣлывается старое. Мы поэтому неохотно соглашаемся на сдѣлку, а такъ какъ исторія все-таки состоитъ изъ сдѣлокъ, то мы скорѣе примираемся съ такою, въ которой новое восторжествовало только въ принципѣ, чѣмъ съ сдѣлкой, гдѣ мнимое торжество осталось за старымъ порядкомъ, хотя могущество осталось за старымъ порядкомъ, хотя бы могущество его въ сущности и было подорвано.

Совершенно иначе относились къ дѣлу римляне; инымъ путемъ шла ихъ историческая жизнь. Прогрессъ совершался у нихъ не путемъ теоретическаго размысленія, а выработывался практическою жизнью, онъ совнавался прежде потребностью, чѣмъ разумомъ. Можно сказать, что у нихъ идея не предшествовала факту, а слѣдовала за фактами. Идея, разумное сознаніе было на сторонѣ стараго, существующаго порядка вещей. Оттого римляне не считали своимъ нравственнымъ долгомъ, подобно намъ, стоять за новое, а отставали старое, и когда соглашались на сдѣлку, то старались сохранить торжество въ принципѣ за старымъ, хотя бы и пришлось уступить новому на практикѣ. Они поступали такъ даже въ области права и морали, насколько она входитъ въ сферу права, хотя въ этихъ случаяхъ было гораздо легче понять преимущества прогрессивнаго начала передъ отжившимъ и отставшимъ. Какъ же было имъ иначе отнестись къ дѣлу въ политикѣ, гдѣ новое часто не имѣетъ вовсе абсолютнаго, а только относительное преимущество передъ старымъ? Какъ же было имъ сознать преимущество новаго, когда этимъ новымъ

была монархія, а старымъ—республика? Когда новымъ порядкомъ было единовластіе, а старымъ народовластіе, т.-е. прямое участіе всѣхъ въ правленіи? Тѣмъ болѣе, что это новое, повидимому, даже не вызывалось никакой практической потребностью, ни чьими интересами? Ибо кто изъ римлянъ понималъ, что установленіе единой, центральной власти необходимо въ интересахъ цѣлости государства и, такъ сказать, политической механики?—Монархія была въ интересахъ равнѣ провинціаловъ и того лица, которое становилось монархомъ; интересы же всѣхъ классовъ, составлявшихъ общественное мнѣніе, были связаны съ сохраненіемъ республики.

При такихъ обстоятельствахъ *финція*, т.-е. признаніе за побѣжденнымъ старымъ порядкомъ торжества въ *принципѣ*, была естественнымъ и необходимымъ явленіемъ при установленіи имперіи въ Римѣ. Финція эта не только была въ интересахъ того, кто становился монархомъ, но была желательна и для тѣхъ, которые переставали быть республиканцами. Если это ложь и лицемеріе, то нужно помнить, что въ этомъ лицемеріи участвовала большая часть римскаго общества, и что вся юридическая и политическая исторія Рима носить на себѣ черты такой лжи и такого лицемерія. Но такіа рѣвкія выраженія здѣсь неумѣстны.

Французскій историкъ Зеллеръ ¹⁾,—который въ своей исторіи римскихъ императоровъ сумѣлъ болѣе другихъ современныхъ писателей сохранить безпристрастную и *историческую* точку зрѣнія на Августа, хотя и онь приносить его въ жертву Цезарю и, изолируя эпоху Августа, слишкомъ мало беретъ во вниманіе ея связь со всей предшествовавшей исторіей Рима,—совершенно справедливо замѣчаетъ: «было бы ошибочно думать, что любовь Октавіи въ свое время обманула или надѣялась кого-нибудь обмануть. Октавіи дѣлалъ то, что требовалось временемъ. Послѣ 50-ти лѣтъ гражданскихъ войнъ и при своемъ отвращеніи къ монархіи, современники Октавіи, вкрадасудки которыхъ онь леглялъ съ такою заботливостью, были очень довольны такимъ обманомъ. Они хорошо понимали, что республика существовала только по имени. Но городскія учрежденія не измѣнились, формы, преданія были уважены. Гордость влстительницы міра не пострадала. Поэтому, мало было обманутыхъ при первомъ императорѣ; было много равнодушныхъ, мажлось нѣсколько недовольныхъ, но большинство, особенно сначала, было довольно».

Мы привели эти слова въ подтвержденіе нашего мнѣнія, что

¹⁾ Zeller. Les Empereurs Romains. III Ed. 1869, p. 12.

при установленіи имперіи не должно быть рѣчи о политическомъ обманѣ со стороны Августа. Въ уваженіи къ республиканскимъ формамъ и преданіямъ, въ эпоху Августа, мы видимъ не одну только политическую ловкость съ его стороны и самообольщеніе со стороны римлянъ. Въ пріемахъ перваго императора и въ отношеніяхъ къ нему общества мы узнаемъ завѣтныя черты всей римской исторіи—консерватизмъ и формализмъ, доведенные до степени государственной максимы, политической морали и патріотической добродѣтели.

V.

Изъ римскаго консерватизма вытекаетъ еще другая существенная черта организаціи Августа. Борьба между новымъ началомъ и старымъ не всегда или не во всѣхъ отношеніяхъ могла кончатся сдѣлкой, основанной на фивіиці. Бывали случаи, когда старое начало оказывалось слишкомъ исключительнымъ, слишкомъ упругимъ, чтобы допустить даже фивіивную ассимиляцію съ собой, скрытое прилаживаніе къ себѣ новаго начала. Въ такихъ случаяхъ мы встрѣчаемъ въ политической и юридической исторіи Рима сдѣлки другого свойства. Тамъ, гдѣ новое начало не могло, по религіознымъ, политическимъ или просто правтическимъ причинамъ, войти подъ именемъ стараго, слиться съ нимъ—оно становилось рядомъ съ нимъ, отводило себѣ особую область, предоставляя особую же область старому элементу, и параллельно съ послѣднимъ росло и ерѣбло, пока не притѣживало своими корнями жизненныхъ соковъ, заглушая старое и заставляя его постепенно вымирать. Эта черта порождаетъ въ римской исторіи *дуализмъ* учреждений, системъ и политическихъ или юридическихъ формъ. Такимъ дуализмомъ пронизана вся исторія римскаго права. Онъ проявляется съ самаго начала въ двойныхъ юридическихъ обрядахъ, въ параллельныхъ искахъ; онъ проявляется еще ярче въ знаменитомъ историческомъ дуализмѣ *Juris Civilis* и *Juris Gentium*, т.е. права римскихъ гражданъ и права общенароднаго ¹⁾. Еще большее, можно сказать, значеніе имѣетъ дуализмъ въ политической исторіи Рима. Весь ходъ исторіи республиканскаго Рима опредѣляется дуализмомъ между патриціями

¹⁾ Желавшіе ближе ознакомиться съ этимъ интереснымъ предметомъ могутъ обратиться къ недавно вышедшему сочиненію Н. Боголюбова: „Значеніе общенароднаго гражданскаго права въ римской классической юриспруденціи“. Москва, 1876.

и плебеями. Сопротивляясь уравнению съ собой плебеевъ и изолируя ихъ какъ *status in statu*, патриціи внесли дуализмъ во всѣ римскія политическія учрежденія. Рядомъ съ народнымъ собраніемъ по центуріямъ, возникло народное собраніе по трибамъ; рядомъ съ патриціанскими стали магистраты плебейскіе, и на ибръ того, какъ росло значеніе плебеевъ, плебейское народное собраніе притягивало къ себѣ политическое могущество, хотя тѣмъ не менѣе собраніе по центуріямъ продолжало функционировать въ своей особой сферѣ. Когда дуализмъ между патриціями и плебеями утратилъ характеръ борьбы, возникъ новый подобный дуализмъ между римскими гражданами и италиками, а потомъ между римлянами и провинціалами.

Такой же дуализмъ устанавливается между имперіей и республикой; проникаетъ черезъ всю организацію Августа и опредѣляетъ, въ теченіи трехъ вѣковъ, всю внутреннюю исторію римской имперіи, пока не замѣняется новымъ дуализмомъ между латинскою и греческою половиною имперіи. Республика въ Римѣ не была уничтожена установленіемъ имперіи въ томъ смыслѣ, въ какомъ, напримѣръ, французской республикѣ былъ положенъ вонецъ провозглашеніемъ Наполеона императоромъ, — Августъ не былъ императоромъ римлянъ, подобно тому какъ Наполеонъ — императоромъ французовъ. Въ Римѣ императоръ сталъ рядомъ съ республикой и въ извѣстномъ смыслѣ *оппозитъ* ей. *Res publica populi Romani* — т. е. общественное достоиніе римскаго народа не было отнято у него и оставалось въ его завѣдываніи. Завѣдывалъ прежде римскій народъ своимъ достоиніемъ посредствомъ комицій, выборной магистратуры и сената. Во время имперіи сенатъ становится собственно главнымъ органомъ римскаго народа въ завѣдываніи республикой, насколько общественное достоиніе не перешло въ непосредственное завѣдываніе императора, которому римскій народъ передаетъ извѣстныя функціи своей верховной власти. Такимъ образомъ, римскій народъ имѣетъ для своей верховной власти два органа, между которыми распределено его достоиніе. Можно спорить о томъ, заслуживаетъ ли отношеніе императора къ сенату названіе дуархія, — было ли это дѣйствительно двоевластіе; но, во всякомъ случаѣ, это былъ дуалистическій строй государственнаго управленія: императоръ имѣетъ свою *отрицательную*, въ которую не можетъ входить сенатъ; но послѣдній имѣетъ и свою особую область общественнаго достоинства, гдѣ онъ считается хозяиномъ, хотя находится подъ контролемъ императора. Опричинна императора все болѣе и болѣе расширяется на счетъ общей съ сенатомъ области, да и въ послѣдней

вліяніе его усиливается, и изъ контролирующей власти онъ становится правительствующей, пока, наконецъ, опричнина не захватываетъ всего достоинства римскаго народа. Такимъ образомъ, исторія римской имперіи есть въ извѣстномъ смыслѣ исторія дуализма, установившагося между республикой и имперіей, и постепеннаго исчезновенія его, причемъ невольнымъ представителемъ и нерѣдко мученикомъ этого вымирающаго дуализма является сенатъ.

Если разсматривать этотъ дуализмъ съ политической точки зрѣнія, то онъ сводится къ противоположности между республикой и монархіей, между прежними республиканскими учреждениями и вновь возникающими среди нихъ и вокругъ нихъ монархическими учреждениями. Но въ этомъ дуализмѣ заключается еще другой, болѣе спеціальнѣй, техничeskій контрастъ между гражданской и военной властью, между управленіемъ гражданскаго и военнаго вѣдомства,—различіе, которое здѣсь въ первый разъ опредѣленно проявляется въ исторіи. Правительственная власть Рима дробится на гражданскую и военную: представитель первой есть сенатъ, стоящій во главѣ гражданскаго управленія; представитель второй—императоръ. Конечно, такъ какъ новый порядокъ возникъ изъ побѣдъ военнаго элемента, то гражданская власть находится въ подчиненномъ положеніи. Императоръ, представитель военной власти, стоитъ также, если не по имени, то на дѣлѣ, во главѣ гражданской власти; военное вѣдомство постепенно расширяется на счетъ гражданскаго, заглушаетъ его и, наконецъ, совершенно устраняетъ дуализмъ между республикой и имперіей. Новая монархія, между тѣмъ, успѣла утратить спеціально-военный характеръ, провести въ собственной администраціи различіе между гражданскимъ и военнымъ элементомъ и установить параллельную іерархію императорскихъ чиновниковъ и императорскихъ офицеровъ.

Но въ началѣ имперіи контрастъ между гражданскимъ и военнымъ управленіемъ еще возрываетъ болѣе общій контрастъ политическаго характера между республиканскими (сенатскими) и императорскими учреждениями. Единство въ этомъ дуализмѣ поддерживается тѣмъ, что императоръ стоитъ во главѣ всего государства; но отношенія его въ области республиканскихъ учреждений и непосредственно подчиненной императору части различны. Вслѣдствіе этого въ самомъ положеніи императора проявляется дуализмъ. Онъ princeps, т.-е. первый гражданинъ, но въ то же время онъ imperator, что современные греки съ тонкимъ политическимъ чутьемъ и не безъ дести обозначали на

своемъ язнѣ словомъ *Autokrator* (самодержецъ); по отношенію къ гражданамъ Рима въ Италіи и колоніямъ римскихъ гражданъ въ провинціи, т.-е. въ римской республикѣ, основаніемъ власти императора является трибунская власть съ ея чисто-гражданскимъ характеромъ; первымъ днемъ новаго царствованія считается и празднуется въ Римѣ не тотъ день, когда преторіанцы или легіоны привѣтствовали новаго государя кликами «императоръ», а тотъ день, когда по постановленію сената и народнаго собранія онъ облеченъ трибунскою властью. Основаніемъ же владычества императора надъ провинціями считалась его проконсульская власть. Во время республики проконсульскій имперіумъ тотчасъ угасалъ, какъ только обладатель его входилъ въ городскую черту; это непримѣнимо къ императору; единая центральная власть его не можетъ, по существу своему, прекращаться; онъ и въ городѣ, т.-е. въ Римѣ, носитъ на себѣ нѣкоторые признаки проконсульской власти; но онъ не имѣетъ оффиціального титула проконсула; только съ конца втораго вѣка, когда монархія окончательно побѣдила республику и военная власть заглушила гражданскую, императоръ принимаетъ въ свой постоянный титулъ обозначеніе проконсульской власти.

Затѣмъ дуализмъ проявляется въ области всѣхъ трехъ функцій государственной власти. Законодательной власти, по ея существу, болѣе свойственъ гражданскій характеръ, и поэтому мы въ дѣйствительности находимъ, что въ этой области больше и дольше преобладаютъ республиканскіе органы. Собственно законодательная власть, т.-е. право издавать законы, остается за комиціями, предварительное обсужденіе закона остается за сенатомъ, а инициатива, т.-е. право внесенія проектовъ закона, остается за магистратами и принадлежитъ императору *ex* *силу* его трибунской власти. Августъ прямо отвязывается отъ *cura legum*, т.-е. отъ права издавать законы отъ имени народа, и проводитъ свои законы чрезъ комиціи. Послѣ него законодательная власть переходитъ къ другому республиканскому органу—къ сенату, т.-е. постановленія сената, не утвержденныя комиціями, получаютъ силу закона. Но рядомъ съ этимъ является конкурирующимъ органомъ законодательной власти императоръ. Ему съ самаго начала принципата принадлежитъ право издавать законы частнаго характера, (привилегія въ римскомъ смыслѣ, напр. городскіе уставы), такъ называемые *leges datae*; область ихъ постепенно расширяется; затѣмъ къ нимъ присоединяются рескрипты и эдикты, и мало-помалу законодательная власть переходитъ совершенно къ императору.

Еще многообразнѣе и характеристичнѣе дуализмъ въ области судебной; республиканскіе органы для гражданскаго и уголовного судопроизводства остаются при прежней своей компетенности. Но рядомъ съ ними возникаютъ новые органы правосудія, введенные монархіей: префектъ города, префектъ преторія, т.-е. командующій императорскою гвардіей, самъ императоръ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ занимаетъ судейскій трибуналъ. Новые монархическіе и старые республиканскіе органы координированы, и во многихъ случаяхъ дѣйствуютъ параллельно, т.-е. истецъ воленъ обращаться съ своимъ дѣломъ въ претору или къ префекту, въ сенату или къ императору; отъ приговора проконсула можно апеллировать въ сенатъ или къ императору. Въ силу вещей и отчасти вслѣдствіе болѣе быстрой и исполнительной дѣятельности монархическихъ органовъ съ болѣе военнымъ характеромъ, ихъ дѣятельность расширяется на счетъ судебныхъ органовъ республики; особенно аппеляція становится орудіемъ, посредствомъ котораго первые начинаютъ преобладать надъ послѣдними. Еще глубже проведенъ дуализмъ или сопоставленіе республиканской и монархической власти въ области администраціи. Провинціи римскаго народа подѣлены между сенатомъ и императоромъ. Старыя внутреннія провинціи, въ которыхъ не ведется болѣе войнъ, предоставлены управленію сената; недавно покоренныя, пограничныя, не вполне умиротворенныя провинціи остаются за императоромъ. Августъ предоставилъ своему непосредственному и исключительному вѣдѣнію Галлію, часть Испаніи, прилегавшую къ Пиренеямъ, и Сирію; къ нимъ присоединились всѣ вновь завоеванныя или сформированныя провинціи. Между императоромъ и сенатомъ происходилъ настоящій обмѣнъ провинцій, когда этого требовали военные соображенія; иногда провинція, жаловавшаяся на своего сенатскаго правителя, поступала временно въ вѣдѣніе императора.

Сообразно съ этимъ, составъ администраціи имѣлъ двойственный характеръ. Сенатскія провинціи управлялись по прежнему бывшими консулами и преторами, получавшими свое назначеніе по жребію, который они бросали въ сенатъ. Они оставались обыкновенно только годъ въ провинціи и были настоящими гражданскими правителями, ибо не имѣли войскъ подъ своей командой. Императорскія провинціи управлялись легатами, т.-е. намѣстниками императора. Они прямо назначались императоромъ и на неопредѣленный срокъ. Легаты были военные губернаторы, такъ какъ они въ то же время командовали легіонами, стоявшими въ ихъ провинціяхъ и вели съ ними войны.

Такой же дуализмъ лежитъ въ основаніи карьеры магистратурной. Магистраты избираются по известной іерархіи въ провинціяхъ, а послѣ Августа въ сенатѣ. Кандидаты распадаются на двѣ категоріи:—рекомендованные императоромъ, которые идутъ навѣрняка и нерекондованные имъ, между которыми распределяются, остающіяся мѣста. Первые и послѣ выборовъ сохраняютъ обозначеніе цезаревыхъ кандидатовъ. Это касается собственно магистратуры; но дуализмъ проходить, кромѣ того, еще глубже и шире черезъ весь составъ многочисленной администраціи, управлявшей имперією. По римскимъ понятіямъ о магистратѣ, весь кругъ порученныхъ ему обязанностей лежалъ на его личной отвѣтственности. Известныя части своихъ функцій онъ, конечно, принужденъ былъ возлагать на другихъ, поручать помощникамъ. Онъ былъ не только совершенно свободенъ въ выборѣ такихъ помощниковъ и служителей, но республика вовсе не признавала послѣднихъ въ качествѣ официальныхъ лицъ. Исполненіе государственныхъ обязанностей, возложенныхъ на кого-либо магистратомъ, считалось частной службой, и магистраты въ провинціяхъ постоянно пользовались услугами своихъ вольноотпущенныхъ, которые были въ личной зависимости отъ нихъ. Императоръ въ этомъ отношеніи былъ такимъ же магистратомъ. Онъ нуждался въ помощи и услугахъ громаднаго числа приравненныхъ и брать ихъ, смотря по характеру обязанностей, изъ своихъ рабовъ, вольноотпущенниковъ или римскихъ гражданъ, но никогда изъ сенаторовъ. Члены правительствующаго сословія республики не могли находиться на частной службѣ. Частная служба императору однако скоро получила значеніе государственной службы, и такимъ образомъ въ имперіи образовались два разряда служебныхъ мѣстъ, два рода служебной карьеры — служба съ характеромъ магистратуры, доступная только лицамъ сенаторскаго званія, и собственно императорская служба, высшія ступени которой занимались лицами изъ сословія всадниковъ.

Отличительнымъ признакомъ послѣдней службы было жалованье, — тогда какъ мѣста, предоставленныя сенаторамъ, занимались, по республиканскому обычаю, безвозмездно. Только мало-помалу принципъ бюрократіи — жалованье — проникъ въ служебную область сенаторовъ, и стерся дуализмъ между республиканской и императорской службой.

Но особенно рельефно выступаетъ разсматриваемый нами дуализмъ въ области финансоваго управленія. Въ ознаменованіе того, что верховная власть раздѣлена, хотя и не по-ровну, между республиканскимъ правительствомъ и монархомъ, сенатъ сохра-

нить право чеканить монету изъ стараго, республиканскаго металла—мѣди—и еще до конца третьяго вѣка на мѣдныхъ монетахъ красуется старинная формула S. C. (Senatus Consulto). Чеканъ же серебра и золота былъ предоставленъ императору и монета этого металла украшена его изображеніемъ. Практически еще важнѣе было то, что казна римскаго народа—*aerarium populi Romani*—осталась неприкосновенной и подѣ въдѣніемъ прежнихъ республиканскихъ органовъ. Мы сказали, что монархія не поглотила республики, но что императоръ сталъ рядомъ съ ней и какъ-бы въѣ ея;—это особенно обнаружилось въ области финансовъ: рядомъ съ казной римскаго народа учреждается особая казна императора—*фискъ*—съ особыми отведенными ей доходами. Какъ служба императору считается личной ему службой, такъ и *фискъ* разсматривается какъ частная казна императора. Изъ *эраріума* выплачиваются извѣстныя суммы императору на расходы, которые онъ беретъ на себя въ интересахъ республики—напр. исправленіе дорогъ, жалованье войску (пока не было особой военной кассы, *aerarium militare*). Съ другой стороны, императоръ нерѣдко покрывалъ суммами *фиска* ординарные расходы республики, когда недоставало денегъ въ *эраріумѣ*, или дѣлалъ подарки изъ своихъ средствъ римскому народу въ спеціальному смыслѣ. Что можетъ быть характеристичнѣе для дуалистической организаціи Августа тѣхъ словъ, которыя онъ написалъ, подводя итогъ своимъ дѣйствіямъ: «Четыре раза я своими деньгами помогъ *эраріуму* и передалъ завѣдывавшимъ этой казной до полутора мильіоновъ *сестерцій*»¹⁾, или того что онъ, въ своемъ завѣщаніи подарилъ римскому народу (т.-е. *эраріуму*) 40 мильіоновъ *сестерцій*, а 35 мильіоновъ назначилъ для раздачи бѣднѣйшимъ гражданамъ.

VI.

Разсмотрѣвши тѣ черты политической организаціи Августа, въ которыхъ проявился историческій консерватизмъ римскаго народа, мы обратимся къ дѣятельности Августа, относящейся къ организаціи общества, къ его общественному идеалу. Здѣсь еще ярче обнаруживаются консерватизмъ и національный духъ римлянъ, отпечатлѣвшійся во всей ихъ исторіи—а это особенно важно для вѣрной оцѣнки Августа, ибо въ данномъ случаѣ нельзя предпо-

¹⁾ Монет. Ансуг. С. 17.—приблизительно 8 мильіоновъ рублей.

загать, чтобъ онъ дѣйствовалъ противъ воли, уступалъ давленію обстоятельствъ, или чтобъ онъ замаскировалъ свою настоящую программу, какъ его обвиняли относительно политической организаціи Рима. Общественная программа Августа сводится къ тому, чтобъ сохранить старинный историческій строй римскаго общества, чтобъ возстановить древніе нравы и національный духъ римлянъ. Для сохраненія общественнаго строя, выработаннаго республиканской исторіей, необходимо было пополнить классы, составлявшіе этотъ строй и въ то же время исключить изъ нихъ всѣ неподходящіе, поворящіе элементы. Съ этою цѣлью Августъ увеличилъ число патриціанскихъ родовъ, которые были необходимы для замѣщенія извѣстныхъ жреческихъ должностей. Съ постоянной заботой и необыкновенной тщательностью онъ, пользуясь своей цензорской властью, провѣрялъ ряды сенаторовъ и всадниковъ. Онъ дополнялъ изъ своихъ средствъ ценъ тѣхъ, которые обѣднѣли не по своей винѣ, исключалъ недостойныхъ, а тѣмъ изъ всадниковъ, относительно которыхъ онъ считалъ такую мѣру слишкомъ строгой, онъ во время лустраціи (смотри, сопровождаемый церемоніей очищенія), когда они проходили мимо него, держа за узду свою лошадь, передавалъ записку, въ которой осуждалъ ихъ дурное поведеніе и давалъ имъ совѣты. Онъ зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобъ этимъ аристократическимъ классамъ было оказываемо должное уваженіе, и издалъ подробный регламентъ относительно распредѣленія мѣстъ въ театрѣ, когда въ городѣ Пuteoli тѣснившаяся въ театрѣ публика не уступила римскому сенатору мѣста въ оркестрѣ; но, съ другой стороны, онъ требовалъ, чтобъ и члены этихъ классовъ не роняли своего положенія въ обществѣ и запрещалъ всадникамъ играть на театрѣ и принимать участіе въ любимомъ римлянами бою гладіаторовъ. Еще болѣшую заботливость обнаруживалъ Августъ относительно поддержанія численности римскаго народа вообще. Этому существенному элементу въ государствѣ Августа грозила серьезная опасность, вслѣдствіе давно уже распространявшагося въ Римѣ обычая избѣгать брака и семейной жизни. Историкъ Діонъ рассказываетъ, что когда Августъ созвалъ римскихъ гражданъ и велѣлъ холостымъ и бездѣтнымъ стать отдѣльно на одной сторонѣ, а отцамъ семейства на другой, то число первыхъ значительно превысило число послѣднихъ. Противъ этого зла были направлены брачныя законы Августа, столь характеризующіе его внутреннюю политику. Эти законы встрѣтили сильнѣйшую оппозицію въ римскомъ обществѣ. Императоръ, котораго представляютъ деспотомъ Рима, не былъ въ состояніи провести свой законопроектъ че-

резъ комиціи и былъ принужденъ измѣнить его, уменьшить наказанія, опредѣленные за нарушение закона, и отсрочить время вступленія его въ силу;—однако еще и послѣ того римскіе всадники потребовали однажды у Августа въ театрѣ съ сильнымъ шумомъ отгѣны этого закона. Сущность его состояла въ томъ, что были назначены преміи и различныя преимущества для гражданъ, имѣвшимъ трехъ дѣтей—въ самомъ городѣ, напр., они избавлялись отъ личныхъ повинностей и получали двойную часть при распредѣленіи хлѣба, и пр. Холостые лишились права получать легаты, назначенные имъ въ завѣщаніяхъ; бездѣтные могли получить только половину назначеннаго легата, и оставшіяся суммы переходили къ семейнымъ наслѣдникамъ или легатамъ. Бездѣтный гражданинъ не могъ оставить своей женѣ по завѣщанію или получить отъ нея болѣе десятой части имущества. Въ служебной карьерѣ сроки повышенія сокращались для семейныхъ, и при распредѣленіи мѣстъ они имѣли преимущество передъ холостыми.

Въ народненіи видѣлъ Августъ лучший путь къ увеличенію числа гражданъ. Что же касается до другихъ способовъ, которыми пополнялся классъ римскихъ гражданъ, — отпущенія на волю рабовъ и раздачи гражданскихъ правъ провинціаламъ, — то Августъ не находилъ нужнымъ поощрять ихъ въ такой же мѣрѣ, ибо онъ имѣлъ въ виду не столько число, сколько качество римскихъ гражданъ. Первое средство было худшимъ, такъ какъ этимъ путемъ съ одной стороны увеличивался городской пролетаріатъ, съ другой—состоятельные вольноотпущенники, не имѣя ни патріотизма, ни національнаго духа, нерѣдко вносили въ римское общество пороки, вытекавшіе изъ ихъ прежняго состоянія — привычку къ нечестной наживѣ, лживости, подражаніе роскоши, грубость и въ то же время развращенность нравовъ. Августъ отнесся строго къ этому источнику римскаго гражданства. «Очень дорожа, говорить его біографъ, тѣмъ, чтобы сохранить римскій народъ въ чистотѣ и неиспорченнымъ примѣсью иностранной и рабской крови, онъ былъ очень нещедръ на раздачу права гражданства и *регулировалъ* способы отпущенія на волю. Не довольствуясь тѣмъ, что онъ затруднилъ дарованіе свободы рабамъ, и особенно полноправной свободы, Августъ подробными постановленіями опредѣлилъ и число, и свойства и положеніе въ обществѣ тѣхъ, которые отпускались на волю, и между прочимъ запретилъ предоставлять какую бы то ни было степень свободы рабамъ, носившимъ оковы или подвергнутымъ пыткѣ». Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что Августъ ограничилъ одною сотней число рабовъ, которые могли быть освобождены посред-

ствомъ завѣщанія, и запретилъ господамъ обзывать вольноотпущенныхъ къ безбрачію для того, чтобъ потомъ получить послѣ нихъ наслѣдство. По отношенію къ своимъ вольноотпущенникамъ Августъ былъ добрымъ патрономъ, многихъ изъ нихъ онъ держалъ въ большой чести и сдѣлалъ приближенными къ себѣ лицами, но требовалъ, чтобы они не забывались. Одного изъ любимѣйшихъ либертовъ онъ заставилъ лишиться себя жизни, когда узналъ, что тотъ находился въ связи съ римскими матронами. Своему медику Музѣ онъ даровалъ золотой перстень — отличіе римскихъ всадниковъ, а вольноотпущеннаго Менаса, бывшаго адмираломъ у Помпея, сажалъ съ собою за столъ. Но это были исключенія; вообще же Августъ не желалъ, чтобы люди рабскаго происхожденія проникали въ среду римской аристократіи и потому запретилъ сенаторамъ вступать въ бракъ съ дочерьми вольноотпущенниковъ.

Что касается до дарованія провинціаламъ права гражданства, то Августъ не абсолютно преградилъ имъ доступъ въ римскіе граждане, но послѣ того, какъ въ смутное время Рима гражданство было расточаемо цѣлымъ массамъ не-латинскаго населенія, онъ находилъ нужнымъ приостановиться и дѣйствовать съ разборомъ. Когда однажды Тиберій письменно просилъ у него гражданства для одного кліента изъ грековъ, Августъ отвѣтилъ, что исполнить это не иначе, какъ если Тиберій при личномъ свиданіи убѣдитъ его, что имѣлъ достаточныя основанія для таковаго требованія; а Ливіи, просившей гражданства для одного галла, онъ отказалъ въ этомъ, освободивъ его отъ платы податей и замѣтивъ, что онъ скорѣе согласится на ущербъ фиску, чѣмъ на то, чтобы ронять честь римскаго гражданства.

Какъ относительно высшихъ сословій, такъ и по отношенію къ римскимъ гражданамъ вообще, Августъ заботился не объ одной многочисленности ихъ, но и о томъ, чтобы этотъ классъ поддерживалъ свое достоинство и внѣшнее отличіе своего господствовавшего въ государствѣ положенія. Августъ былъ очень недоволенъ тѣмъ, что бѣлая тога, символъ политическаго значенія римскаго гражданина, стала выходить изъ моды. Увидавши однажды въ народномъ собраніи большую толпу народа въ темной одеждѣ, онъ пришелъ въ негодованіе и иронически произнесъ стихъ Энеиды:

En Romanos, rerum dominos, gentemque togatam ¹⁾.

¹⁾ Вотъ римляне, влстители міра, народъ, облеченный въ тогу.

Въ то же время онъ предписалъ эдіямъ, чтобы они не дозволяли никому являться на форумъ и въ сосѣднія улицы безъ тоги.

Рядомъ съ заботами о сохраненіи римскаго общественнаго строя, вниманіе Августа было направлено на сохраненіе и восстановление римскаго національнаго духа и нравовъ римской старины.

Въ этомъ отношеніи важную роль играла религія. Здѣсь попеченіямъ Августа открылось широкое поле дѣятельности. Пока усобицы распатывали зданіе республики, мало-по-малу приходили въ ветхость и разореніе старинныя храмы. Тотчасъ послѣ Акціумской побѣды, въ свое шестое консульство, Октавіанъ реставрировалъ въ городѣ 82 храма, «не забывши ни одного, который бы нуждался въ починкѣ». Кромѣ того, было построено много новыхъ храмовъ національнымъ богамъ, и на потомковъ строителей древнихъ храмовъ возложена обязанность поддерживать ихъ на свой счетъ. Вмѣстѣ съ храмами нуждалось въ восстановленіи жрецеское сословіе и самое богослуженіе. Сохранившіяся жрецескія коллегіи были пополнены, старинныя коллегіи и должности, упразднившіяся вслѣдствіе равнодушія въ религіознымъ преданіямъ, возобновлены, и всѣ они обставлены новымъ благолѣпіемъ и новымъ почетомъ, особенно коллегія весталокъ; старинныя, забытыя религіозныя обряды, какъ, напр., Луперкаліи и почитаніе Ларовъ на перекресткахъ — восстановлены. Городъ былъ разбитъ на 14 частей; въ каждой устроена часовня для Ларовъ и при ней изъ мелкихъ гражданъ учреждена коллегія жрецовъ, на которыхъ лежала обязанность совершать религіозныя церемоніи и празднества. Когда же открылась ваканція въ коллегіи весталокъ и знатные римляне, приглашенные бросить жребій для своихъ дочерей, стали отказываться отъ этого, Августъ поклялся предъ ними, что если бы у него была внучка, подходящая по возрасту, онъ самъ предложилъ бы посвятить ее въ весталки. Чтобы восстановить чистоту національныхъ религіозныхъ воззрѣній, Августъ велѣлъ собрать и сжечь болѣе 200 книгъ на латинскомъ и греческомъ языкахъ, обращавшихся въ публикѣ подъ именемъ изреченій оракуловъ; сивиллинскія книги подвергнуты пересмотру и заключены въ золотыя ковчеги. Египетское и еврейское богослуженіе было изгнано изъ предѣловъ города.

Съ религіозной стороны восстанавливалась и національная. Послѣ безсмертныхъ боговъ, говорить біографъ Августа, онъ оказывалъ высшій почетъ памяти вождей, расширившихъ владычество римскаго народа отъ самыхъ тѣсныхъ предѣловъ до обшир-

бывших». Всѣ возведенныя ими зданія, Августъ возстановилъ вмѣстѣ съ старинными надписями, а въ портикахъ своего форума поставилъ статуи ихъ въ триумфальныхъ украшеніяхъ и заявилъ въ эдиктѣ, чтобы граждане брали съ нихъ образецъ для свѣрки его самого и принцевъ послѣдующихъ вѣковъ. Историкъ римскаго народа,—Ливій, пользовался его расположеніемъ, несмотря на его «помпеанскія наклонности». Катона онъ защищалъ противъ нападеній, заявляя, что тотъ, кто противится переворотамъ въ государствѣ—честный человѣкъ и благородный гражданинъ.

Труднѣе конечно и гораздо безуспѣшнѣе были старанія Августа возстановить старинныя нравы и добродѣтели, прагматическій образъ мыслей. Тѣмъ не менѣе Августъ пользовался каждымъ случаемъ, чтобы напоминать современникамъ о нравахъ и правилахъ, бывшихъ нѣкогда причиной силы и могущества римлянъ. Читая римскихъ и греческихъ авторовъ, императоръ ни на что не обращалъ такого вниманія, какъ на изреченія и примѣры, полезные въ частной и общественной жизни. Все подходящее, какъ рассказываетъ Светоній, онъ дословно извлекалъ, и давалъ это читать или своимъ домашнимъ, или посылалъ начальникамъ войскъ и провинцій, или городскимъ магистратамъ, смотря по тому, въ какихъ наставленіяхъ они нуждались. Даже цѣлыя сочиненія такого рода онъ велѣлъ прочитывать въ сенатѣ и не разъ указывалъ на нихъ народу въ своихъ эдиктахъ, какъ, напр., рѣчи Метелла объ умноженіи потомства и Рутілія объ умѣренности въ постройкахъ. Не только древней литературой пользовался Августъ для возстановленія древнихъ нравовъ, но и современной ему поэзіей, озарившей его правленіе столь яркимъ блескомъ. Въ угоду ему написалъ Вергілій свои «Георгики»—это поэтическое прославленіе земледѣлія, служившаго древнимъ римлянамъ школой труда, умѣренности и воинскаго духа, и проводниками общественной программы Августа были тѣ благозвучныя оды Горация, въ которыхъ поэтъ воспѣваетъ доблести предковъ, національное величіе, блаженство умѣренной доли, осуждаетъ роскошь и страсть къ наживѣ.

Ту же цѣль—возстановленія древней нравственности—Августъ старался достигнуть своими законами и административными распоряженіями. Первое мѣсто между ними занимаетъ, конечно, извѣстный законъ, охранявшій различными карами уголовного и гражданскаго свойства прочность брачныхъ узъ. Одной изъ главныхъ нравственныхъ язвъ римскаго общества было ослабленіе семейной жизни и неуваженіе къ обязательствамъ брака. Вопреки нравамъ древней республики, которая гордилась тѣмъ, что чрезъ

520 лѣтъ послѣ основанія Рима случился первый разводъ, и то по причинѣ безплодія, въ послѣднюю эпоху республики разводы и новые браки совершались такъ часто, что женщины, по злому замѣчанію сатиры, стали обозначать года не именами консуловъ, а именами своихъ мужей. Несмотря однако на легкость развода, браки часто нарушались не только подъ вліяніемъ страсти или разврата, но и грубаго разчета. Въ древнемъ Римѣ, забота о соблюденіи семейной нравственности была возложена на семейное право. При распаденіи родового быта и ослабленіи понятій о юридической власти мужа надъ женою, семейная нравственность лишилась, при измѣненіи общественныхъ нравовъ, своей опоры, и при Августѣ государство впервые опредѣленно заявляетъ свое право регулировать семейную жизнь карательными мѣрами, но въ то же время улучшаетъ юридическое положеніе женщины, ограждая ее отъ тѣхъ остатковъ утратившаго свое нравственное значеніе родового быта, которые дѣлали женщину жертвой чужого произвола и этимъ заставляли ее нарушать законъ или обходить стѣснительныя формы. У мужа была отнята власть распоряжаться имуществомъ жены, а матери, у которыхъ было трое дѣтей, освобождены отъ стѣснительной опеки своихъ родичей. Другой причиной нравственной распатанности римскаго общества была необузданная страсть его къ зрѣлищамъ всякаго рода, дѣйствовавшимъ растлѣвающимъ образомъ. Августъ, какъ мы упоминали, отвелъ женщинамъ на гладіаторскихъ играхъ самыя высокія мѣста въ амфитеатрѣ, а представленіе атлетовъ перевелъ на самыя ранніе утренніе часы, въ то же время запретивши женщинамъ появляться въ театрѣ раньше 11-ти часовъ.

Августъ понималъ, какъ вредны для земледѣлія въ Италіи даровыя или дешевыя раздачи хлѣба городской черни, и дѣлалъ попытки устранить это зло; но онъ отказался отъ своего намѣренія, вслѣдствіе убѣжденія, что раздача хлѣба будетъ восстановлена послѣ него. Тѣмъ не менѣе, онъ нѣкоторыми мѣрами оградилъ интересы земледѣлія.

Онъ относился очень строго къ проявленіямъ современной распущенности нравовъ. Когда рабы умертвили одного римлянина, извѣстнаго своимъ развратнымъ относительно ихъ поведеніемъ, Августъ запретилъ уголовное слѣдствіе, которое, по римскому обычаю, въ подобномъ случаѣ, подвергало пыткамъ всѣхъ рабовъ. Не одними репрессивными мѣрами, впрочемъ, старался Августъ повліять на современное ему общество, но и собственнымъ примѣромъ. Чтб могло сильнѣе побудить высшее римское общество къ сдержанности въ роскоши, какъ не простота обста-

новки на Палативѣ и невысканность вкусовъ монарха? Чтобы выразить свое уваженіе къ той старинѣ, когда римскія матроны съ дочерьми трудомъ своихъ рукъ одѣвали всю семью, Августъ почти не носилъ другой одежды, кромѣ той, которая была сшита его сестрой, женой или дочерью. Чрезвычайно озабоченный тѣмъ, чтобы внушить своей дочери, Юліи, любовь къ простотѣ и чинности, Августъ воспитывалъ ее въ строгой обстановкѣ и тщательно удалялъ изъ ея общества всякій соблазнъ. Но вышедши замужъ, она ушла изъ-подъ отцовской власти; тѣмъ не менѣе, онъ не переставалъ наставлять ее, то шутками, то серьезными замѣчаниями, и всегда въ самой деликатной формѣ, свидѣтельствовавшей объ его нѣжности. Однажды Юлія поразила его роскошью и элегантностью своей одежды, и Августъ выразилъ ей свое неудовольствіе; тогда, на другой день, она явилась къ нему въ самомъ простомъ одѣяніи римской матроны; императоръ былъ въ восторгѣ. «Вчера, — сказала ему дочь, — я одѣлась, чтобы понравиться мужу, — сегодня, чтобы понравиться отцу». Въ другой разъ Августъ былъ въ театрѣ съ Ливіей, все вокругъ нихъ было чинно и просто; рядомъ съ ними сидѣла Юлія, окруженная молодыми людьми въ блестящихъ одеждахъ и съ дорогими украшениями. Августъ написалъ нѣсколько словъ и послалъ ихъ дочери; но Юлія приписала: «не беспокойтесь, эта молодежь состарится вмѣстѣ со мною».

Такимъ образомъ, и въ частной жизни и въ области общественной нравственности, Августъ является блюстителемъ старины. Оглядываясь на свою долгую жизнь, императоръ имѣлъ полное право написать слова ¹⁾: «новыми законами я возстановилъ во многомъ образцы, оставленные предками и проданные уже забвенію въ нашемъ обществѣ, и самъ, своимъ поведеніемъ, во многихъ отношеніяхъ служилъ образцомъ для подражанія потомкамъ». Эти слова во всякомъ случаѣ выражаютъ общественную программу Августа и характеризуютъ его идеалы.

При обсужденіи попытокъ къ возстановленію общественной нравственности, историку еще менѣе, чѣмъ въ чемъ-либо другомъ, слѣдуетъ руководствоваться достигнутыми результатами, тѣмъ болѣе, что о нихъ трудно судить. Важно уже то, что передъ обществомъ выставляется какой-нибудь нравственный идеалъ и дѣятели правительства руководить какою-нибудь нравственной

¹⁾ Латинскій текстъ положъ неподражаемаго достоинства и величавой въ своей простотѣ гордости: „Legibus novis latis multa revocavi exempla majorum exolescentia jam ex nostra civitate et ipse de me multarum rerum exempla imitanda posteris tradidi. По реставраціи Верриса, Ang. Rer. Gest. Ind. C. 8.

идея. Мы потому видимъ не одну только лѣсть въ стихахъ поэта, сподвижника Августа въ дѣлѣ восстановления старины, а выраженіе общественнаго сознанія относительно дѣли его стремленій:

...et ordinem
 Rectum evaganti frena licentiae
 Injecit emovitque culpas
 Et veteres revocavit artes
 Per quas Latinum nomen et Italiae
 Crevere vires famaue et imperi
 Porrecta majestas ad ortus
 Solis ab Hesperio cubili ¹⁾.

Въ этомъ стремленіи возстановить старинные нравы выражается не только консервативный и національный духъ политики Августа, но и то, что мы называемъ преемственнымъ характеромъ его дѣятельности, тѣсная связь его эпохи со всей предшествовавшей римской исторіей, ибо нравственный идеалъ Августа не есть ли это тотъ самый нравственный идеалъ, который представлялся римскому народу въ продолженіи всей его исторіи, и программа реформъ Августа не есть ли то общая программа всѣхъ римскихъ реформаторовъ? Съ тѣхъ поръ, какъ патріоты Рима стали замѣчать признаки нравственнаго паденія римскаго общества, они провозглашали одинъ только лозунгъ, они предлагали одно только дѣлительное средство—возвращеніе къ обычаямъ и нравамъ предковъ. Только въ этому сводится вся программа того, кто въ римской исторіи сдѣлался типомъ и идеаломъ нравственнаго и общественнаго реформатора—Катона-цензора. Катонъ и его преемники—эти оригинальные моралисты, желавшіе реформы посредствомъ консерватизма, прогресса—посредствомъ возвращенія назадъ, были, по-своему, правы. Ихъ оправданіе заключается и въ практическихъ условіяхъ, и въ теоретическихъ воззрѣніяхъ римскаго и вообще античнаго міра. Древній Римъ представляетъ въ исторіи моментъ, когда государственная жизнь еще не отдѣлилась отъ семейнаго быта и отъ религіи въ особую сферу. Римлянамъ удалось создать могущественное и стройное политическое

1) Изъ замѣчательной оды Горация. IV, 15. Въ переводѣ Фета:

Я обуздаль и ввелъ въ границы духъ безчинный,
 Рукою мощною пороки устранилъ
 И доблестію насъ обрадовалъ старинной.
 Она-то имени латинскому дала
 Почетъ, взошла великій духъ народа
 И славу римскую она-то разнесла
 Отъ ложа Геспера до солнечнаго воста.

тѣло въ такую эпоху своего развитія, когда родовой бытъ и религія опредѣляли политическую жизнь, патриотизмъ сливался съ благочестіемъ къ національнымъ богамъ, а семейныя доблести сливались съ политическими. Благодаря своему крѣпкому внутреннему строю, они рано расширили свое владычество; но его расширенію не соответствовало политическое творчество римскаго народа. Какъ въ области государственной они не сумѣли или не успѣли гармонически преобразовать, согласно съ обширностью предѣловъ, свои политическія учрежденія, такъ и въ области нравственной они не сумѣли расширить свой моральный кодексъ согласно съ новыми условіями и новыми задачами. Всякій практическій успѣхъ заставлялъ ихъ врасплохъ относительно нравственныхъ правилъ. Освобожденіе имущества изъ-подъ стѣсненій родового быта вызвало у нихъ произволь завѣщаній; необходимость смягчить гнѣтъ стариннаго матримоніальнаго права вызвала у нихъ необузданность женщинъ и пренебреженіе къ браку. Такимъ образомъ, всякій политическій и культурный успѣхъ сопровождался какимъ-нибудь нравственнымъ урономъ, а старинная нравственность все выгоднѣе отбѣнялась среди современныхъ пороковъ. И въ этомъ также выразился формализмъ римскаго народнаго духа. Когда формы прежняго нравственнаго быта утратили смыслъ среди новыхъ условій жизни и сдѣлались стѣснительными, то онѣ, разрушаясь, повлекли за собой ослабленіе самаго нравственнаго духа, вызвали пренебреженіе къ нравственнымъ принципамъ; съ другой стороны, когда среди лучшей части римскаго общества стало укореняться сознаніе, что нравственный духъ исчезаетъ, то восстановленіе его казалось возможнымъ только посредствомъ возвращенія къ старымъ формамъ и обычаямъ прежняго ихъ реального значенія и прежняго уваженія къ нимъ. При такихъ условіяхъ естественно было не только выставять старину въ образецъ, но и видѣть единственное средство къ спасенію римскаго общества въ возвращеніи его къ старинѣ.

Такому настроенію содѣйствовали и теоретическія убѣжденія, распространенныя въ образованной части римскаго общества подъ греческимъ вліяніемъ.

Современнымъ европейцамъ трудно перенестись въ такое настроеніе; оно противорѣчитъ не только нашей дѣйствительности, но нашимъ лучшимъ теоретическимъ убѣжденіямъ. Мы вѣримъ въ постоянный прогрессъ, и даже тамъ, гдѣ эта вѣра не основана на научномъ убѣжденіи, она безсознательно овладѣваетъ инстинктами общества. Намъ, поэтому, несвойственно искать нашихъ идеаловъ въ прошедшемъ. Такое поповзновеніе только из-

рѣдка проходить струею въ известной части общества, подъ вліяніемъ національных, политическихъ или религіозныхъ побужденій, какъ, на примѣръ, романтизмъ. Римляне же и греки находились въ совершенно противоположныхъ условіяхъ; они не только не знали идеи прогресса, но были убѣждены въ постепенномъ ухудшеніи человѣческихъ дѣлъ. Такое представленіе поддерживалось ихъ религіей, ихъ философійю, ихъ наукой и повсюду распространялось ихъ поэзіей. Античная религія говорила о превземъ общеніи боговъ съ людьми, о частыхъ воплощеніяхъ боговъ и достиженіи смертными божественнаго безсмертія: самая возвышенная изъ античныхъ философскихъ системъ считала всѣ предметы видимаго міра сколками съ первобытнаго идеала и выводила душу изъ безсмертныхъ сферъ, которыхъ она на время лишилась, вслѣдствіе торжества дурного матеріальнаго начала и паденія на землю; наука повсюду показывала паденіе могучихъ и славныхъ государствъ, утрату политической свободы и гражданской доблести; въ области искусства интересъ знатковъ и любителей былъ сосредоточенъ на произведеніяхъ старыхъ и даже древнѣйшихъ шквалъ. Подъ вліяніемъ такихъ представленій давно сложилась религіозно-философская теорія о періодахъ міра, изъ которыхъ каждый хуже предшествовавшего; первымъ былъ золотой вѣкъ, за нимъ пошелъ серебряный, и т. д. Эта теорія рано сдѣлалась достояніемъ всей образованной Греціи, благодаря стихотворенію Гезіода, а въ вѣкъ Августа, подъ вліяніемъ тяжелыхъ воспоминаній смутнаго времени, она же повторялась на всѣ лады римской поэзіей. Она проводится въ метаморфозахъ Овидія; мы находимъ ее еще съ болѣе меланхолическимъ, искреннимъ выраженіемъ отчаянія у самаго веселаго поэта эпохи, у Горация:

Damnosa, quid non imminuit dies?
Aetas parentum, peior avis, tulit
Nos nequiores, mox daturos
Progeniem vitiosorem ¹⁾.

Правда, третій великій поэтъ эпохи, Вергилій, тономъ вдохновеннаго пророка, старался ободрить своихъ современниковъ и сузилъ имъ наступленіе новаго великаго вѣка:

Magnus ab integro saeculorum nascitur ordo...

¹⁾ Od. III, 6.

Все уменьшается, мельчаетъ каждый часъ:
Отцы, которыхъ стѣжь и сравнивать съ дѣдами,
Родили насъ, еще негоднѣйшихъ, а насъ
Еще пустѣйшими поманеть міръ сынами.

Пер. Фета.

—но и онъ это наступленіе новаго блаженнаго времени постигалъ только въ смыслѣ *возвращенія* золотого царства Сатурна:

Jam redit et Virgo, redeunt Saturnia regna!

Нравственная программа Августа, такимъ образомъ, соответствовала настроенію и убѣжденіямъ лучшихъ людей современнаго ему общества, подобно тому, какъ политическая организація, имъ установленная, гармонировала съ ходомъ предшествовавшей римской исторіи и съ существенными чертами римскаго національнаго духа. Но гдѣ коренятся причины этого явленія, въ обстоятельствахъ ли, обуславливавшихъ его дѣятельность, или въ его собственной личности? Что это была за личность? Насколько руководился императоръ Августъ въ своей дѣятельности сознательными планами и бессознательнымъ инстинктомъ? Какія послѣдствія, благія или вредныя, имѣла его дѣятельность для Рима и управляемаго имъ міра, и какою, поэтому, заслуживаетъ она оцѣнки съ исторической точки зрѣнія? На эти вопросы мы стараемся дать отвѣтъ въ слѣдующей статьѣ.

В. ГЕРЪ.

БЕЗЪ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

На одной изъ главныхъ улицъ губернскаго города П., между желтыми и бѣлыми домами, выдѣлялся довольно большой домъ съ мезониномъ и колоннами, обращенный въ блѣдно-розовую краску. Небольшой палисадникъ, засаженный густыми акаціями, отдѣлялъ его отъ улицы. Лѣтомъ палисадникъ этотъ придавалъ уютный видъ розовому дому, и привѣтливо свѣтились чистыя, прозрачныя окна сквозъ кружевную зелень. Нерѣдко въ теплые, лѣтніе вечера раскрывались они, и веселый говоръ, смѣхъ и пѣніе доносились тогда до прохожихъ. Но въ настоящую минуту глубокая грязь покрывала плохо-мощеную улицу, и двойныя рамы не пропускали веселый шумъ. Тѣмъ не менѣе розовый домъ не казался поэтому мрачнымъ или уединеннымъ. У крыльца стояло двое пролѣтковъ, а въ уютной гостиной по обыкновенію раздавались фортепьянные звуки и слышался тихій, задушевный разговоръ, прерываемый порой задушевымъ смѣхомъ.

Хозяйка дома, Любовь Гавриловна Берновичъ, полулежала на кушеткѣ, обтянутой голубымъ репсомъ. Свѣтло-сѣрый пендюаръ съ голубой отдѣлкой облакалъ пышныя формы; мягкими складками красиво спускался онъ на коверъ, не скрывая маленькую поленькую ножку, обутую въ наизящнѣйшія башмачокъ.

Любовь Гавриловна, несмотря на полновѣсныя сорокъ лѣтъ, была еще весьма и весьма хорошенькая женщина. Мужчины за тридцать, хотя и отдавали полную справедливость ея красотѣ и при случаѣ не прочь были приударить за ней,—между собой считали ее плодомъ нѣсколько переспѣлымъ. Юношамъ же этотъ плодъ казался тѣмъ болѣе сочнымъ и привлекательнымъ.

И дѣйствительно, Любовь Гавриловна была очень привлекательна. Шелковистые, пепельнаго цвѣта волосы пушистыми бандо обрамляли бѣлый, гладкій лобъ и, казалось, не утратили еще ни густоты, ни мягкаго лоска юности; томно-задумчиво смотрѣли синіе глаза изъ-подъ темныхъ бровей, а алые, сочныя губы подчасъ еще напрашивались на сравненіе съ кораллами, вишнями и розовыми лепестками. Правда, все это не обходилось безъ нѣкоторыхъ прикрасъ. Притиранія, пудры, косметическіе карандаши играли немаловажную роль въ сглаживаніи неизбежной желтизны и морщинокъ, но всѣ эти невинныя средства только увеличивали обаяніе природной красоты.¹

Кромѣ красоты, щедрая природа одарила ее еще другой чертой, привывавшей къ ней беззабѣтно всѣ юныя мужскія сердца. Любовь Гавриловна была мягка, необычайно мягка, безгранично мягка. Она не любила ничего рѣзкаго, корывистаго, угловатаго; терпѣть не могла никакихъ горячихъ споровъ, на которые мы, русскіе, такъ способны. Если какъ-нибудь невзначай легкая, шутливая болтовня коснется вдругъ предмета, за-живо затронувшаго кого-нибудь изъ присутствующихъ и повлечетъ за собой легкое преніе, Любовь Гавриловна, подобно дрессированному коню, слышавшему музыку, наостритъ хорошенькія ушки и какъ-разъ во-время явится примирительницей между спорящими. Шутливымъ, остроумнымъ словомъ смягчала она рѣзкое выраженіе одного, ласковымъ взглядомъ останавливала порывъ негодованія другого,—и спорящіе, сами того не замѣчая, переходили въ мягкое, объективное настроеніе, а въ маленькой, голубой гостиной воцарялось прежнее прекраснодушіе.

Мягкости Любовь Гавриловны подчинялись, правда, почти исключительно одни мужчины. Женщины какъ-то недолюбливали ее. Онѣ увѣряли, что она лицемерка и кокетка первой руки—и мужчины потому только лнуть къ ней, что она умѣетъ завлекать, ловко польстивъ самолюбію каждаго. Любовь Гавриловна не очень-то обращала вниманіе на мнѣніе дамъ. По ея мнѣнію, съ барынями можно говорить только о тряпкахъ да о любовныхъ интригахъ. Сплетень же она не любила, говоря, что ее нисколько не интересуютъ городскія событія и скандалы.

Но, несмотря на это полное равнодушіе, ей всегда было первой извѣстно все, что происходило въ городѣ и особенно среди ея знакомыхъ. Надо полагать, что объ этихъ новостяхъ она узнавала по необходимости и помимо собственнаго желанія. Интересуясь душевнымъ настроеніемъ юныхъ и неюныхъ друзей, она, какъ заботливый докторъ, любила уяснять себѣ все, что могло произвести на нихъ впечатлѣніе и нарушить ихъ душевное спокойствіе. Никто не умѣлъ такъ нѣжно проникать въ душу, никто не умѣлъ такъ мѣтко схватывать основныя черты человѣческаго характера! Юноша, вновь представленный Любови Гавриловнѣ, какъ-бы въ первый разъ въ жизни раскрывалъ глаза на свои достоинства. Ему становилось ясно, что въ немъ живутъ необыкновенныя силы, доселѣ еще несознанныя и никѣмъ не оцѣненные. Любовь Гавриловна первая поняла, узнала, оцѣнила его—и какъ же послѣ этого не относиться къ ней съ безусловной откровенностью!

Въ городѣ носились темныя слухи о Любови Гавриловнѣ, но эти слухи были такіе темныя, неопредѣленные, что никто не могъ вывести никакихъ заключеній, а познакомившись съ Любовью Гавриловной, никто и не желалъ выводить никакихъ заключеній.

Семнадцати лѣтъ она была выдана за человѣка крутого, упрямаго нрава. Двадцати-трехъ-лѣтняя семейная жизнь, со всѣми шипами и непогодами, дорого досталась бы другой женщинѣ, но на долю Любови Гавриловны выпало умѣнье переплывать житейскій океанъ, оберегая нѣжное тѣло отъ прикосновенія всего жѣсткаго, довѣрчиво отдаваясь волнѣ, которая бережно несла ее мимо круговоротовъ. Стоны, крики ея близкихъ и знакомыхъ неслись изъ круговоротовъ, а Любовь Гавриловна съ спокойной, кроткой улыбкой плыла мимо людской трагедіи и, съ тихимъ пожатіемъ бѣлыхъ, мраморныхъ плечъ, думала: «зачѣмъ же они, какъ безумные, бросаются въ круговоротъ, не рассчитавъ, что онъ затянетъ ихъ въ пучину! Зачѣмъ это нетерпѣніе идти на-проломъ! И кто же виноватъ, что они не умѣютъ обходить скалы и подводные камни, не умѣютъ заговаривать вѣтры и бури!..»

Близко около кушетки, безцеремонно развалившись на креслѣ, сидѣлъ—или, скорѣе, лежалъ—Петръ Семеновичъ Лысухинъ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-восьми. Блѣдное лицо съ выдающимися скулами носило слѣды разгульной жизни. Небольшіе сѣрые глаза безпокойно бѣгали изъ угла въ уголъ, ни на чемъ не останавливаясь. Любовь Гавриловна, подперевъ рукой голову и прикусивъ нижнюю губу, внимательно смотрѣла на него. По временамъ они перекидывались тихими словами.

На другомъ концѣ комнаты, у небольшого пьянино, сидѣлъ другой молодой человекъ лѣтъ двадцати-трехъ, рослый, широкоплечій. Круглое, широкое лицо, обрамленное окладистой, русой бородкой, дышало здоровьемъ. Склонивъ голову на бокъ и раздвинувъ крупныя губы въ широкую довольную улыбку, онъ сентиментально напѣвалъ какой-то сладкій романсъ.

Любовь Гавриловна не стѣсняла своихъ гостей. Въ голубой гостиной предоставлялась каждому полная свобода дѣйствій. Кому хотѣлось музыки—могъ вволю нѣть и играть; кто хотѣлъ читать, играть въ карты, въ шахматы—для того на столѣ лежали новые журналы, карты, шахматы. Такъ и въ настоящую минуту. Ревковъ, мечтающій поступить на оперную сцену, за сѣлъ за фортепьяно, и Любовь Гавриловна, по обыменовенію, не препятствовала. Только изрѣдка, когда аккордъ брался черезчуръ громко, или Ревковъ, въ упоеніи, забывъ все и всѣхъ, затягивалъ высокую ноту, Любовь Гавриловна слегка морщилась и, полуоборачиваясь, замѣчала:

— Ахъ, Serge, не такъ громко! Вы знаете, какъ я люблю вашъ милый голосъ, но сегодня голова болитъ... Пожалѣйте!

Ревковъ расхвѣнно кивалъ головой и снова затягивалъ полумурлыканье.

— Сколько же вы проиграли?—заботливо спрашивала Любовь Гавриловна.

— Къ чему вамъ это знать? Вы помочь не можете!—отвѣчалъ рѣзко Лысухинъ.

— И вамъ не стыдно такъ говорить?—съ нѣжнымъ упрекомъ замѣтила Любовь Гавриловна. — Развѣ мнѣ не дорого все, что васъ касается!

Лысухинъ промолчалъ.

— Я нечего не скрываю,—началъ онъ, нетерпѣливо передернувъ плечами. — Пройграно триста рублей. Обѣщавъ завтра заплатить, а денегъ—ни гроша.

— Ахъ, Piette, какъ же можно быть такимъ неосторожнымъ.

— Самъ знаю, что неосторожно! да не въ томъ дѣло! Чѣмъ заплатить,—вотъ что?

Онъ мелькомъ, но пытливо взглянулъ на Любовь Гавриловну. Она печально опустила голову и машинально играла кисточкой двинной подушки. Повидимому, она не замѣтила его взгляда.

— Ну, съ какой стати вѣчно заставлять меня все рассказывать! Къ чему это вѣдетъ, скажите, пожалуйста?

Онъ поднялся—было съ кресла, но она удержала его.

— Вы сегодня раздражены, мой другъ, и особенно раздражены противъ меня, а я право не знаю, въ чемъ я провинилась.

Эти слова были произнесены такъ мягко, такъ нѣжно, что Лысухинъ остался на мѣстѣ и, взявъ бѣленькую ручку, лежавшую у него на рукавѣ, поднесъ ее къ губамъ.

— Простите меня, *сhère maman*—(Любовь Гавриловна требовала, чтобы молодые друзья называли ее «*maman*», когда они собирались въ голубой гостиной «*en petit comité*»)—простите меня, я дѣйствительно раздраженъ, но и есть же тому причина. Утромъ получилъ письмо отъ отца. Пишетъ, что не намѣренъ болѣе высылать мнѣ денегъ. А ужъ разъ старикъ сказалъ: «не хочу», такъ хоть у него вошь на головѣ теши, онъ на своемъ поставитъ! На чтó ему деньги? Чортъ его знаетъ! Мнѣ же достанутся—не сегодня, такъ завтра!

— *Pierre!* Какъ можно такъ говорить!

Лысухинъ нетерпѣливо пожалъ плечами и забарабанилъ пальцами по ручкѣ кресла. Послѣдовало молчаніе.

— Не правда-ли, чудесный романсъ!—удивительный!—и совершенно мнѣ по голосу!—сказалъ и обернулся вдругъ Ревковъ, переставая пѣть.—Вѣдь по голосу, Любовь Гавриловна?—Надо-бы спѣть его въ концертѣ любителей!... Эффектно будетъ, да?

— Да, да, будетъ эффектно!—разсѣянно замѣтила Любовь Гавриловна.—Продолжайте, *Serge*, я такъ люблю васъ слушать! Только не слишкомъ громко, знаете!...

Ревковъ съ довольной улыбкой снова запѣлъ.

— Дуракъ!—презрительно процѣдилъ Лысухинъ.

Любовь Гавриловна улыбнулась. Словно ласкающаяся кошечка, пагнула она головку и заглянула ему въ глаза.

— Мы совсѣмъ не въ духѣ сегодня?—начала она занскивающимъ голосомъ.—Дайте мнѣ вашу руку. Ну, полно капризничать;—дайте! Вотъ такъ. Не извольте хмуриться! Взгляните на меня немного поласковѣ!...

Бѣлая, пухленькая ручка обхватила большую, вострую руку Лысухина, и нѣжные пальчики тихо гладили ее. При каждомъ прикосновеніи этихъ пальчиковъ раздраженіе сходило съ нахмуреннаго лица Лысухина, довольная улыбка порывалась на сжатыхъ губы; наконецъ, онъ не выдержалъ, обернулся и крѣпко прижалъ теплую ручку къ губамъ. Любовь Гавриловна зажмурила глаза отъ удовольствія. Она очень любила, когда ей цѣловали руки.

— Право, *сhère maman*, вы способны камни превратить въ мягкое тѣсто и сдѣлать изъ него все, чтó вамъ угодно!

— Будто! Не всегда однако удается мнѣ расправить морщинки вотъ на этомъ прекрасномъ лбу, хотя владѣльцу его извѣстно, насколько кому-то больно, когда онъ не въ духѣ!

Она лукаво погрозила ему пальчикомъ. Лысухинъ окончательно растаялъ. Онъ сдѣлалъ-было движеніе, чтобы опуститься на колѣни передъ голубой кушеткой, но быстрый взглядъ прекрасныхъ синихъ глазъ въ сторону поющего Ревкова остановилъ его. Онъ неопредѣленно кашлянулъ и придвинулъ кресло поближе къ Любови Гавриловнѣ. Она тоже придвинулась къ нему, оперлась на ручку кушетки и, пожимая ему руку, тихо заговорила:

— Видите-ли, Ригге, обиднѣе всего то, что я не могу помочь вамъ. У меня лично никогда не бываетъ столько денегъ. Николай Петровичъ выдаетъ мнѣ деньги на расходы и въ каждой копѣйкѣ требуетъ отчета. Подъ какимъ предлогомъ спрошу я у него такую большую сумму? Вы сами знаете, какъ онъ по-доверителенъ и какъ трудно съ нимъ ладить!

Любовь Гавриловна немного покривила здѣсь душой. Хотя Николай Петровичъ дѣйствительно былъ тугъ на деньги, однако супруга какъ-то всегда умѣла получать отъ него то, что ей хотѣлось, и въ каждой копѣйкѣ онъ не требовалъ отчета. Но Любовь Гавриловна знала цѣну деньгамъ и, какъ она ни была предана своимъ друзьямъ, денежною помощью она не спѣшила и выдавала займы осторожно, обдуманно.

Лысухинъ нахмурилъ брови и собирался-было отодвинуть кресло отъ кушетки, но Любовь Гавриловна снова удержала его за руку.

— Нельзя-ли написать вашему отцу какъ-нибудь помягче? Хотите, я помогу составить нисьмо?

Лысухинъ пожалъ плечами.

— Къ чему же это поведетъ?—Оставимъ лучше этотъ разговоръ. Дѣло это я ужъ какъ-нибудь улажу... не впервые!... Тутъ еще другое...

Онъ не договорилъ. Любовь Гавриловна притянула его за руку къ себѣ.

— Что-же такое другое, Ригге?—спросила она, заглядывая ему въ глаза.

— Отецъ пишетъ относительно Надежды Николаевны?

— А!—произнесла Любовь Гавриловна, слегка освобождая свою руку изъ его руки.—Что же онъ пишетъ?

— Онъ пишетъ, что я имѣлъ время узнать Надежду Николаевну и снисзать ея расположеніе, и теперь собирается писать о всемъ этомъ дѣлѣ Николаю Петровичу и вамъ... Вы совѣ-

товали подождать, снѣге шамап, я ждалъ... Но пора рѣшиться, иначе я испорчу отношенія мои съ отцомъ, а, признаюсь, въ настоящую минуту я не желалъ бы портить ихъ...

Любовь Гавриловна молчала.

— Надежда Николаевна такъ суха со мной, что, право, я не знаю какъ заговорить съ ней... Я думалъ, не поговорите-ли вы съ ней сегодня?...

Лысухинъ иссоха взглянулъ на Любовь Гавриловну.

— Вы, значить, любите Надю?—спросила она, внимательно разсматривая свои ровные, вылощенные ногти.

Лысухинъ слегка покраснѣлъ и снова поднесъ къ губамъ пухлячкую ручку, которую онъ удержалъ въ своей рукѣ, несмотря на ея поползновеніе освободиться изъ его пальцевъ. Любовь Гавриловна мелькомъ взглянула на него. Легкая краска на лицѣ его не ускользнула отъ ея пронизательнаго взора. Она слегка прищурила глаза.

— Вы знаете, я могу почти ручаться, что Надя откажетъ вамъ?

Лысухинъ нахмурилъ брови.

— Конечно, я не умру и не пушу себѣ пули въ лобъ послѣ ея откава, возразилъ онъ раздражительно. — Но я хочу попытаться. Надежда Николаевна такъ холодна и сдержанна со всѣми, что не знаешь, что у нея происходитъ на душѣ.

— Да, у нея холодная натура, — согласилась съ легкимъ вздохомъ Любовь Гавриловна. — Я сегодня-же поговорю съ ней, — продолжала она, освобождая свою руку и слегка отворачиваясь отъ него. Но Лысухинъ снова взялъ ее за руку.

— Видите-ли, какой вы скрытный, Ріегте! Отчего вы скрыли отъ меня, что любите Надю? Это нехорошо! Это меня такъ огорчаетъ!...

Голосъ Любви Гавриловны задрожалъ.

Лысухинъ нервно повернулся въ креслѣ.

— Я думала, что послѣ всей нашей дружбы вы будете откровенны со мной...

Досада выразилась на лицѣ его, но въ голосѣ Любви Гавриловны слышался таковой нѣжный упрекъ, что Лысухинъ былъ тронутъ.

— Если бы Надежда Николаевна была похожа на васъ, неужели я ждалъ бы такъ долго, чтобы сдѣлать ей предложеніе? — прошепталъ онъ, дѣлуя ей руку.

Любовь Гавриловна колебливо покачала головой.

— Вотъ увидимъ, что вы заговорите, когда Надя откажетъ вамъ. Вы и дорогу ко мнѣ въ домъ забудете!

Лысухинъ снова нахмурился.

— Вы очень хорошо знаете, что бываю я здѣсь не только ради Надежды Николаевны, какъ то думаетъ мой отецъ,—рѣдко возразилъ онъ.

Любовь Гавриловна внимательно слѣдила за нимъ.

«Тутъ только самолюбіе задѣто», — подумала она. — Будьте покойны, мой другъ,—весело произнесла она:—я сегодня же поговорю съ Надей. Вы знаете, что я съ своей стороны ничего не имѣю противъ этого!

Она протянула ему руку. Лысухинъ разсѣянно поцѣловалъ ее, всталъ и подошелъ къ пьянино.

Ревковъ заканчивалъ итальянскую арію. Въ концѣ, забывъ, что его просили пѣть негромко, онъ всю грудью затанулъ высокую нотку, попытался было сдѣлать замысловатую руладу, но голосъ оборвался и въ попыткахъ онъ сфальшивилъ немилосерднѣйшимъ образомъ. Однако это его не смутило. Перескочивъ опасное мѣсто, онъ допѣлъ арію, закрывая глаза вверху и медленно раскатываясь всѣмъ тѣломъ.

— Вы, батюшка, себѣ такъ голосъ надорвете, — насмѣшливо замѣтилъ Лысухинъ.

— Нѣтъ, какъ можно! — добродушно замѣтилъ Ревковъ. — Голосъ нельзя надорвать, когда умѣешь пѣть.

— Да, когда умѣешь, — промычалъ сквозь зубы Лысухинъ.

Ревковъ не расслышалъ. Онъ подошелъ къ Любови Гавриловнѣ и бросился въ кресло такъ, что оно затрещало.

— Ну, что вы скажете? Сдѣлать я успѣхъ?

— Да, да, разумѣется, — съ улыбкой возразила Любовь Гавриловна. — Только знаете что? Вы немного форсируете голосъ. У васъ прелестный *timbre* тенора *di grazia*, а вы все поете бра-вурныя аріи. Это можетъ испортить голосъ.

— Что вы, что вы, голубушка! — вскричалъ Ревковъ, разражаясь громкимъ, неудержимымъ смѣхомъ. — Теноръ *di grazia*! Ха! ха, ха! Вотъ что значитъ не быть специалистомъ! Стефанини говорить, что мнѣ только поучиться, и я Тамберлива за поясъ заткну! Голосъ мой только для «*grandes opéras*», какъ онъ говорить. А, вы знаете, Стефанини на этомъ собаку съѣлъ и ужъ, я вамъ скажу, такого учителя со свѣчей поискать! Эхъ! — продолжалъ онъ, снисходительно качая головой и придвигая кресло къ кушеткѣ: — Вѣдь вотъ ужъ какая умная женщина наша Любовь Гавриловна, а въ пѣніи тоже вѣдь ничего не смыслить!

Онъ снова расхохотался и, схвативъ руку Любови Гавриловны, вѣрно, что называется въ засосъ, началъ цѣловать ее.

— Оставьте, Serge!—полудовольно, полусердито кричала Любовь Гавриловна, отдергивая руку отъ губъ Ревкова.—Этакій медвѣжьнозь! А еще въ артисты хочеть записаться. Поучитесь прежде какъ вести себя въ гостиной!

— Олицетворенная естественность!—обратилась она по-французски къ Лысухину.

Онъ стоялъ у пѣяно и барабанилъ по немъ пальцами. На замѣчаніе Любовь Гавриловны онъ только презрительно пожалъ плечами.

— Чтѣ? чтѣ вы сказали?—приставалъ Ревковъ, почти ни слова не понимавшій по-французски!

— Сказала, что вы несносный мальчишка и васъ нельзя пускать въ хорошее общество!

Ревковъ захоталъ и попытался-было снова схватить руку Любови Гавриловны, когда въ сосѣдней комнатѣ вдругъ раздался громкій скрипъ сапоговъ.

— Сидите смирно, Serge!—замѣтила уже серьезно Любовь Гавриловна, отталкивая Ревкова и оправляя платье.—Это, вѣрно, Николай Петровичъ. Вы знаете, онъ палостей не любитъ.

Ревковъ поспѣшно пересѣлъ на стулъ.

Портьера раздвинулась, и на порогѣ появился хозяинъ дома.

Нельзя сказать, чтобы Николай Петровичъ былъ баловнемъ природы въ томъ, чтѣ касается внѣшнихъ прелестей. Невѣроятно длинное туловище оканчивалось черезъ-чуръ короткими и кривыми ногами; большая голова имѣла форму длинной дыни; надъ ужимъ поватымъ лбомъ торчали жѣсткіе, сѣдые волосы, и пушистыя съ просѣдью брови повисли надъ небольшими, косыми глазами; маленькіе, щетинистые усы, словно обципанная зубныя щетки, торчали подъ крупнымъ носомъ, который представлялъ видъ пересѣзлой груши.

Оттого ли, что въ молодости Николаю Петровичу немало пришлось испытать насмѣшекъ надъ его несладкой фигурой, или оттого, что ему, чуть-ли не солдатскому сыну, пришлось съ немалымъ трудомъ дослужиться до чина полковника, но самолюбіе развилось въ немъ до невѣроятныхъ размѣровъ. Въ каждомъ противорѣчій онъ видѣлъ явную обиду себѣ, въ каждомъ сослуживцѣ тайнаго врага. При малѣйшемъ возраженіи подчиненныхъ онъ хорохорился, кричалъ, выходилъ изъ себя. На службѣ его или ненавидѣли, или же подсмѣивались надъ нимъ. Болѣе же ловкіе прирѣнились къ нему и водили его за носъ.

Дома онъ держалъ себя такъ же, какъ въ канцеляри: кричалъ на слугъ, на жену, на дочь. Сначала Любовь Гавриловна замирала отъ страха, когда супругъ кричалъ и топалъ ногами, но скоро раскусила его и спокойно выносила семейную бурю, во-время разглаживая грозныя морщины. Повидимому, уступая ему во всемъ, она всегда ставила на своемъ. Впрочемъ, самъ Николай Петровичъ, несмотря на ослѣпленіе относительно своего всемогущества, тайнѣ сознавалъ, что дома не онъ глава, и что хотя ему будто и уступаютъ, однако требованія его исполняютъ совсѣмъ не такъ, какъ онъ желаетъ. Это сознаніе было, разумѣется, нѣсколько оскорбительно для его самолюбія, и нерѣдко пытался онъ энергически возстать противъ неуваженія къ его требованіямъ, но—увы!—Николай Петровичъ былъ слабъ! Не могъ онъ горячиться и приказывать, когда нѣжная, мягкая ручка гладила его по жѣсткой, небритой щекѣ, а бархатный голосокъ шепталъ ему на ухо:

— Дружинья все сердится на свою бѣдную, маленькую женку! Зачѣмъ онъ все сердится? Она такъ его любитъ!

Николай Петровичъ пытался-было фыркнуть и отвернуться, но головка еще вѣрнѣе прижималась къ его плечу, и надо было имѣть каменное сердце, чтобы не взглянуть на хорошенькое личико! Николай же Петровичъ далеко не былъ камнемъ. Онъ поворачивался и—побѣда оставалась не за нимъ.

Зная, что его всегда ожидаетъ поражение, Николай Петровичъ успокоивалъ себя мыслью, что никто не могъ-бы устоять противъ Любви Гавриловны. Онъ гордился женой. Ему лестно было, что Любовь Гавриловна славилась, какъ любовная хозяйка, и что, такъ-сказать, цвѣтъ общества бывалъ у него въ домѣ. Правда, иногда посылалъ онъ этотъ цвѣтъ во всѣмъ чертамъ. Двадцатью годами старше своей супруги, онъ ревновалъ ее ко всѣмъ и въ продолженіи двадцати-трехлѣтней супружеской жизни, скрѣпя сердце, переносилъ, что вокругъ нея увивалось все блестящее мужское общество. Но Любви Гавриловнѣ удалось увѣрить его, что это необходимо для его службы. Николай Петровичъ волей-неволей долженъ былъ соглашаться съ ея доводами. Ему, дѣйствительно, везло по службѣ такъ, какъ никому, и онъ не могъ не сознавать, что везетъ ему, благодаря любовности Любви Гавриловны.

Николай Петровичъ былъ не въ духѣ. Громко скрипя сапогами, вошелъ онъ въ гостиную, подавъ два пальца Лысухину, небрежно кивнулъ головой Ревкову—онъ не любилъ артистовъ—

и грузно опустился на кресло около голубой вешетки, исподлобья поглядывая вокругъ.

— Гдѣ Нада? — отрывисто спросилъ онъ.

— Въ своей комнатѣ, — возразила Любовь Гавриловна.

— Въ своей! — пробурчалъ онъ. — Что она, въ ватворинцы, что-ли, записалась?

Любовь Гавриловна молчала.

— Говорилъ я, чтобы она при тебѣ находилась! Сидѣла бы съ рукодѣльемъ, гостей бы занимала. Такъ вѣтъ же! Никогда такъ не сдѣлаетъ, какъ ей приказываетъ отецъ! Мой приказъ для нея будто объ стѣну горохъ! Я эту дурь ей изъ головы-то выбью!

Николай Петровичъ все болѣе и болѣе возвышалъ голосъ, и послѣдній переходилъ уже въ крикъ, когда легкий толчокъ маленькой ножки по рукаву его и едва замѣтное движеніе глазъ въ сторону гостей заставили его остановиться. Николай Петровичъ врякнулъ, насупилъ брови и замолчалъ.

— Ты сегодня не въ духѣ? — мягко замѣтила Любовь Гавриловна.

— Не въ духѣ! — сердито повторилъ Николай Петровичъ. — Будешь тутъ не въ духѣ, когда хлопотъ полночь ротъ, а награды никакой!

Онъ всталъ и проскрипѣлъ по комнатѣ.

— Знаете ли вы Долбина? — обратился онъ вдругъ къ Лысухину, останавливаясь передъ нимъ.

— Какъ не знать, знаю. Онъ на-дняхъ вернулся изъ мандировки.

— Какого вы о немъ мнѣнія?

— Я его недостаточно близко знаю, Николай Петровичъ. Ничего въ немъ, кажется, особеннаго нѣтъ... а впрочемъ, говорятъ, человекъ хорошій.

Николай Петровичъ фыркнулъ и зашагалъ по комнатѣ.

— Хорошій! — повторилъ онъ, останавливаясь снова передъ Лысухинымъ. — А я вамъ скажу, сударь мой, что ничего въ немъ хорошаго нѣтъ! Знаемъ мы его! Однокашники были! Бездѣльничалъ только, все другіе за него дѣлали! Чужими руками жаръ загребалъ — и хорошо дѣлалъ! Вотъ теперь въ генералы произвели, и въ Петербургъ перевели! Другіе изъ вожи лѣзутъ, работаютъ, трудятся, а ничего имъ, кромѣ неприятностей, нѣтъ! И не-дѣломъ! Дураки они, что думаютъ честной службой добиться награды!

Словои Николая Петровича все болѣе и болѣе сердито скрипѣли по ковру. Ему ничто не возразило. Лысухинъ перелистывалъ альбомы. Ревковъ, съ добродушной улыбкой рассказываясь

на стулѣ, вертѣлъ въ рукахъ рѣзальный костяной ножикъ. По временамъ, забавно приподнявъ брови, онъ взглядывалъ на Любовь Гавриловну. Она съ печальнымъ выраженіемъ на лицѣ слѣдила за мужемъ, не упуская изъ вида Лысухина. Раза два она тихо кашлянула, какъ-бы желая обратить его вниманіе, но онъ углубился въ разсматриваніе альбомовъ и не оборачивался. Общее молчаніе раздражительно дѣйствовало на Николая Петровича. Онъ остановился и подозрительно взглянулъ на жену и Лысухина. Взглядъ его злобно устремился на улыбающагося Ревнова. Тотъ пересталъ раскачиваться и, полуоткрывъ ротъ, вопросительно смотрѣлъ на него.

— Вы все поете? — грозно спросилъ его Николай Петровичъ.

— Пою-съ, — отвѣчалъ смущенно Ревновъ.

— Полевное занятіе! — нечего сказать! — А много-ли за него денегъ получаете?

— Да я еще учусь, — добродушно замѣтилъ Ревновъ.

— Учитесь? Стары, батюшка, для ученья! Служить пора-бы, вотъ что! Щebetанья-то эти бабамъ оставили-бы! Это по ихъ части!

При словѣ «баба», Любовь Гавриловна поморщилась. Она не любила простонародныхъ выраженій.

Николай Петровичъ хотѣлъ-было снова обратиться къ Ревнову, но въ это время за кортьерой послышался шорохъ, и въ комнату вошла высокая, стройная дѣвушка. Николай Петровичъ обернулся къ ней.

— А, вотъ и ты навонецъ! Гдѣ ты была?

— Надичка, пойдн сюда! — прошептала Любовь Гавриловна.

При видѣ дѣвушки, чрезвычайная нѣжность разлилась по лицу ея. Надя будто не слыхала словъ матери. Она спокойнo глядѣла усталыми глазами на отца и также спокойнo проговорила:

— Я была въ своей комнатѣ.

Николай Петровичъ сдѣлалъ движеніе, но легкой пальцъ Любови Гавриловны остановилъ его. Надя подождала, что онъ скажетъ, затѣмъ медленно, лѣнливой походкой прошла мимо него къ кушеткѣ и, отвѣтивъ простымъ наклоненіемъ головы на церемонный поклонъ Лысухина, сѣла на стулъ волеѣ матери.

— Къ вамъ изъ канцеляріи пришелъ писарь, пашенька; онъ ждетъ въ кабинетѣ, — проговорила она, мелькомъ взглядывая на него.

Николай Петровичъ проворчалъ что-то севоѣ зубы и вышелъ изъ комнаты.

— Ты такая блѣдненькая сегодня, моя дѣвочка, — заговорила

Любовь Гавриловна, беря дочь за подбородокъ и заглядывая ей въ глаза, какъ малому ребенку.—Здоровы-ли вы, сударыня?

— Я здорова, шатап, — отвѣчала Надя, тихо отводя руку матери.

— Вотъ ея постоянный отвѣтъ!—жалобно обратилась Любовь Гавриловна къ Лысухину.—«Здорова, шатап», а сама блѣдненькая какъ подсыжнень. Цвѣточекъ ты мой нѣжненькій, слабенькій, хиленькій, что мнѣ съ тобой дѣлать! И дѣткою же она у меня! Непослушная, неблагоразумная, капризница!... У, нехорошая, злая дѣвочка!

Любовь Гавриловна снова взяла дочь за подбородокъ и, приблизивъ лицо свое къ лицу Нади, кокетливо покачала головой. Слабый румянецъ показался на блѣдныхъ щекахъ дѣвочки и маленькая складочка легла между темными тонкими бровями. Она нетерпѣливо пожала плечами и обернулась къ Ревкову.

— Я кажется не поздоровалась съ вами,—проговорила она, протягивая ему руку.

— Нѣтъ, Надежда Николаевна, даже и взглянуть не удостоили,—заторопился обрадованный Ревковъ, поспѣшно схвативъ маленькую узкую руку и крѣпко сжимая ее толстыми неуклюжими пальцами.

— Я слышала, какъ вы пѣли. Какъ идутъ ваши уроки?

— Прекрасно! безподобно! Вы не можете себѣ представить въ какомъ восторгѣ Стефанини! Хотите, я спою вамъ арію изъ Эрнани?

Не дожидаясь отвѣта, Ревковъ бросился-было къ пьянино, но Лысухинъ остановилъ его.

— Пора и честь знать, Ревковъ!—сказалъ онъ рѣзко.—У Любовь Гавриловны голова болитъ, и вотъ ужъ битыхъ три часа, какъ мы ее утомляемъ болтовней и музыкой.

— Вы позволите пріѣхать вечеромъ,—продолжалъ онъ, подходя къ Любови Гавриловнѣ и почтительно пожимая ей руку.

— Разумѣется! что за вопросъ? Vous êtes toujours le bienvenu! И вы тоже, молодой пѣвецъ.

Ревковъ ослабилъ.

— И пѣть можно будетъ?—спросилъ онъ нервнѣтельно.

— Можно, можно!

— Вы будете аккомпанировать, Надежда Николаевна?

— Буду,—ласково возразила Надя.

Ревковъ изо всей силы сжалъ ей руку, такъ что она поморщилась отъ боли. Лысухинъ, отвѣсивъ ей сухой поклонъ, напра-

иля къ двери, но на порогѣ онъ вдругъ обернулся и снова пошелъ къ кустамъ.

— Видъ я совсѣмъ забылъ сказать вамъ новость, Любовь Гавриловна.

— Какую новость?

— У васъ сегодня вечеромъ новый гость будетъ.

— Новый гость? Кто же это?

— Отгадайте!

Любовь Гавриловна граціозно пожала плечами въ знакъ своего недоумѣнія.

— Алексѣй Васильевичъ Вильдъ.

— Что вы говорите! Вильдъ? Онъ здѣсь? давно-ли?

— Онъ пріѣхалъ вчера.

— И надолго?

— Кажется, на всю зиму. Остановился онъ въ гостиницѣ «Парижъ», тамъ же, гдѣ и я живу...

— На всю зиму, перебила его Любовь Гавриловна. — Ахъ, какъ я рада! Онъ оживитъ нашъ маленькій кружокъ. Онъ такъ много читалъ, думалъ, видѣлъ и такъ много пережилъ... Il a tant souffert, le pauvre homme!

Любовь Гавриловна вздохнула, слегка закрывъ глаза кверху. Лисухинъ насмѣшливо пожалъ плечами.

— Странное дѣло, — процѣдилъ онъ сквозь зубы.

— Чтб, чтб такое?

— Да не понимаю я, отчего всѣ барыни жалѣютъ его? Какое-такое несчастье онъ испыталъ?

— Вотъ мужчины, всѣ они такъ рассуждаютъ! Какъ же вы этого не понимаете? Эта внезапная смерть жены! Подумайте, какъ онъ ее любилъ! Просто удивительно! — Скажите, онъ все еще тоскуетъ по своей Соничкѣ?

— Не знаю, Любовь Гавриловна; мы съ нимъ объ этомъ не говорили. Да пора и утѣшиться. Четыре года слышомъ про-ню съ ея смерти.

— Неужели ужъ четыре года? — произнесла она задумчиво. — Она не стоила его любви. Это было пустынное, капризное созданіе, и не умѣла она отвѣчать на его преданную любовь.

— Удивительный талантъ у этого человѣка — возбуждать сочувствіе дамъ, — началъ Лисухинъ послѣ минутнаго молчанія. — Кромѣ шутокъ, Любовь Гавриловна, это такъ. Я не спорю — онъ человѣкъ образованный... Мы съ нимъ большіе друзья, и я ничто не имѣю противъ него; но досадно же, право, почему дамы такъ сочувствуютъ ему? — Да вотъ, къ примѣру, — обернулся онъ

вдругъ къ Надѣ, — я увѣренъ, что онъ понравится даже Надеждѣ Николаевнѣ.

Надя покраснѣла.

— Отчего вы это думаете? — спросила она.

— Онъ серьезный человѣкъ, — развязно возразилъ онъ, — а вы серьезныхъ людей любите. Сколько книгъ онъ перечиталъ, все о книжкахъ говорить, не то что намъ брать.

Надя молчала.

— Что онъ такое говорить, моя штучка? — живо заговорила Любовь Гавриловна, притягивая Надю за руку къ себѣ. — Какъ онъ смѣетъ называть тебя педанткой!

— Любовь Гавриловна, помиуйте, развѣ я такъ называлъ Надежду Николаевну?

— Ужъ знаемъ, знаемъ, поздно теперь увертываться! Не смѣйте обижать мою дѣвочку, слышите! а не то я васъ!

И Любовь Гавриловна, нѣжно обнявъ Надю, какъ-бы охраняя ее отъ всякой обиды, кокетливо погрозила ему пальчикомъ.

— Надежда Николаевна, будьте судейей.

Надѣ удалось наконецъ освободиться изъ объятий Любови Гавриловны. Горячій румянецъ вспыхнулъ на минуту на ея щекахъ и темные глаза загорѣлись.

— Я не понимаю, — произнесла она сдержанно, — почему тамап вздумалось защищать меня. Въ вашихъ словахъ я не замѣтила посторонней мысли.

— Повѣрьте, Надежда Николаевна, ея и не было...

Надя равнодушно пожала плечами.

— Вотъ вамъ и наказаніе! полнѣйшее равнодушіе! — вскрикнула съ восторгомъ Любовь Гавриловна. — Такъ, именно такъ поступаютъ женщины съ тавтою. Ай да моя дѣвочка!

Никто не отвѣчалъ ей. Лысухинъ нервно кусалъ губы. Онъ ализалъ на себя, на Любовь Гавриловну, на всѣхъ.

— Ну, что-жь это такое? — заговорилъ соскучившійся Ревковъ. — Кому теперь надо сказать: пора и честь знать! Пойдемте, Лысухинъ! Пора! Вечеромъ еще успѣете поговориться.

Лысухинъ съ недовольнымъ видомъ распростился съ Любовью Гавриловной, отвѣсилъ Надѣ еще болѣе сухой, короткій поклонъ, и вышелъ вмѣстѣ съ Ревковымъ.

— До вечера! — крикнула имъ вслѣдъ Любовь Гавриловна.

— Да, да, — отвѣчалъ радостно Ревковъ, — я ари привезу.

Лысухинъ ничего не отвѣчалъ.

Мать и дочь остались однѣ. Любовь Гавриловна пристально смотрѣла на Надю. Влюбленное выраженіе исчезло, лишь только

портьера спустилась влѣдъ за гостями, и съ трудомъ сдерживаемая досада выражалась въ недобро-сжатыхъ губахъ.

— У насъ, кажется, никого не будетъ къ обѣду, — начала Надя, поднявъ голову и прямо взглядывая на мать. — Позволишь ли ты мнѣ пойти обѣдать къ тетѣ?

— Вотъ новости! съ какиѣмъ это моръ спрашиваешь ты позволенія? — насмѣшливо спросила Любовь Гавриловна.

— Я стараюсь избѣгать сценъ, — спокойно возразила Надя.

— Сценъ? Это еще что за выраженіе! Кажется, ты не можешь упрекнуть меня въ сценахъ. Ты знаешь, что въ домѣ не я дѣлаю сцены...

— Я не говорю, что ты дѣлаешь сцены. Я спросила позволенія у тебя, чтобы избѣгнуть лишней сцены съ папá.

— Такъ спрашивай позволенія у него, а не у меня! Ты знаешь, въ наши отношенія я не вмѣшивалась.

Надя встала.

— Постой; мнѣ надо поговорить съ тобой.

Голосъ Любови Гавриловны звучалъ все холоднѣе и холоднѣе.

Надя вопросительно взглянула на мать.

— Какъ тебѣ нравится Лысухинъ?

— Къ чему этотъ вопросъ, мамаша?

— Онъ просилъ меня поговорить съ тобой.

— То-естъ, онъ черезъ тебя дѣлаетъ мнѣ предложеніе?

Любовь Гавриловна утвердительно кивнула головой.

— Что-жь ты ему отвѣчала?

— Я обѣщала поговорить съ тобой; онъ настаивалъ на этомъ.

Но вѣдь я знаю, мои слова не будутъ имѣть вѣса, такъ какъ, несмотря на мою ласку, ты отдаляешься отъ меня, какъ чертъ отъ ладоны.

Въ минуту крайняго раздраженія Любовь Гавриловна позволила себѣ иногда выражаться рѣзко, — разумѣется, только въ присутствіи домашнихъ.

— Ты знаешь, — продолжала она сдержаннѣе, съ расстановкой, — что отецъ твой желаетъ этого брака. У Лысухина прекрасныя связи; онъ единственный сынъ богатаго отца; передъ нимъ блестящая карьера; однимъ словомъ, это очень приличная партія. Наконецъ, онъ умница, способный такой; каждая дѣвушка была бы счастлива быть его женой.

Любовь Гавриловна заранѣе знала отвѣтъ, и потому не задумывалась расхваливать Лысухина.

— Ну-съ, — прибавила она игриво, — какой же будетъ вашъ отвѣтъ, mademoiselle?

— Вѣдь ты и Лысухинъ знали его заранѣе, въ чему же тогда это попытка? Лысухину я, кажется, ясно показываю, что онъ мнѣ положительно не нравится; или это ему все равно, и онъ все-таки надѣется добиться своего? Плохо же онъ знаетъ меня!... Но, маман, вѣдь я ужъ сказала, что предоставляю тебѣ полное право отказывать всѣмъ претендентамъ на мою руку, всѣмъ безъ исключенія!

Блѣдное личико Нади слабо вспыхнуло во время этой рѣчи и усталые глаза оживились и заблестѣли. Любовь Гавриловна съ забавнымъ изумленіемъ смотрѣла на дочь.

— Всѣмъ безъ исключенія! Ты съ ума сошла! Или ты въ старья дѣвки записалась.

Она весело разсмѣялась. Надя сдвинула брови.

— Очень можетъ быть, что я не выйду замужъ. Во всякомъ случаѣ, не выйду ни за кого изъ тѣхъ, кто теперь бываетъ у насъ.

— Скажите, пожалуйста, какія претензіи! Ты находишь, что люди, окружающіе и уважающіе твою мать, недостойны тебя! Ты ждешь героя, который съ луны спустится, чтобы овладѣть тобой!

— Я никого и ничего ни жду. Къ чему всѣ эти насмѣшки, маман?

— Что-жъ ты намѣрена дѣлать, если ты замужъ выходить не хочешь?

— Это мое дѣло и касается только одной меня.

— Будто только одной тебя? Не забудь, что у тебя лично нѣтъ ни гроша! Жить на свои средства, слѣдовательно, ты не можешь!

— Я это знаю, и на средства папá не рассчитываю.

— Значитъ, ты думаешь прожить работой?

Любовь Гавриловна снова разсмѣялась.

— Я и не подозрѣвала, что въ двадцать лѣтъ ты еще такой ребенокъ!... Послушай, Надя, сегодня я рѣшилась говорить съ тобой. Предупреждаю тебя разъ навсегда, что если тебѣ до сихъ поръ было трудно ладить съ отцомъ, то вотда онъ окончателно убѣдится, что ты отказываешься отъ замужства, ладить съ нимъ будетъ еще труднѣе; и я должна сказать, что вполнѣ пойму его, такъ какъ имѣть въ домѣ старую дѣву не представляетъ никакой пріятности!

Любовь Гавриловна на минуту остановилась.

— Я принуждена говорить рѣзко,—продолжала она, и снова легкая улыбка озарила ея лицо.—Не пеняй на меня, а лучше

недумай хорошенько о томъ, что я тебѣ сказала. Вѣдь ты одна у меня дочка, и счастье твое дороже мнѣ своего. Неблагодарная ты у меня дѣвочка, не понимаешь ты, какъ я люблю тебя! Впрочемъ, тебя я не упрекаю; ты не виновата, что такая холодная и флегматичная. Право, я понять не могу, въ кого ты уродилась, Надя?

Надя молчала. Она стояла, опустивъ голову и опираясь рукою на столъ; горькая усмѣшка мелькнула у нея на губахъ при послѣднихъ словахъ матери. Любовь Гавриловна не замѣтила усмѣшки; она увлеклась предметомъ.

— Нѣтъ, это положительно непонятно—въ кого ты уродилась, повторила она задумчиво, откидывая голову на спинку кушетки.— У Николая Петровича тяжелый характеръ, но онъ привязчивый. Про себя не стану говорить! Ты меня не понимаешь и никогда не поймешь! Мы—натуры слишкомъ различныя. Въ тебѣ нѣтъ ни малѣйшей мягкости, нѣжности... За тебя я, впрочемъ, рада... Такая холодная, какъ ты, не будетъ разочаровываться ни въ комъ, и....

— Маман, я пойду теперь къ тѣтѣ,—перебила ее Надя, и, не дожидаясь отвѣта, направилась къ двери.

Любовь Гавриловна съ трудомъ сдержала рѣзкое словечко, готовое сорваться съ языка. Недобрымъ взглядомъ проводила она дочь.

— Странная дѣвочка!—прошептала она, когда Надя исчезла за портьерой:—порой мнѣ кажется, что она просто глупа.

II.

Невеселыми, медленными шагами направлялась Надя къ маленькому домику тѣтки своей Ирины Петровны; а Ирина Петровна уже глаза проглядѣла, высматривая изъ окна, въ ожиданіи, что вотъ появится, наконецъ, стройная фигура ея баловницы, солнышка ея, «куколки», какъ она называла Надю. Давно уже сидѣла она на своемъ любимомъ креслѣ у окна, и крошечныя, худенькія руки неутомимо двигали большими деревянными спицами, спѣша окончить заказную работу. По временамъ, востанувъ спицу въ огромный клубокъ шерсти, она въ сотый разъ раздвигала листы гераніевъ и фуксій и съ нетерпѣніемъ оглядывала улицу.

— «Что же это она не идетъ?» тревожно думала она, снова принимаясь за работу.

Все быстрѣ и быстрѣ двигались деревянныя спицы, а еще быстрѣ мелькали мысли въ маленькой, сѣдой головѣ Ирины Петровны, и тѣ, видно, были невеселыя мысли. Болѣзненно подергивались блѣдныя губы, а на припухшихъ отъ горя и заботы глазахъ навертывались привычныя слезы.

Ирина Петровна была нѣсколькими годами моложе Николая Петровича. Чуть-ли не четырнадцати лѣтъ выдали ее замужъ за человѣка втрое ея старше. Мужъ ея, армейскій офицеръ, Хинчинъ, провудилъ все ея небольшое состояніе, и послѣ двадцатилѣтнихъ оскорбленій, униженій, терзаній, наконецъ умеръ въ припадкѣ бѣлой горячки. Забитая, измученная женщина вздохнула свободно въ первый разъ послѣ двадцатилѣтней каторжной жизни. Выхлопывая себѣ крошечную пенсію, зажила она затворницей въ маленькомъ домишкѣ, доставшемся ей въ наслѣдство отъ какой-то дальней родственницы. Къ счастью для Ирины Петровны, Хинчинъ умеръ за годъ до полученія этого наслѣдства.

Микроскопическая пенсія едва-едва хватала на жизнь, и Ирина Петровна принялась усердно обпивать и обвязывать всѣхъ сосѣдей и сосѣдокъ. Застѣчивая, робкая, она боялась общества и избѣгала лишнихъ знакомыхъ. Цѣлыя дни просиживала она за заказной работой, а вечеромъ, когда все вокругъ нея стихало, когда сосѣдей давно уже осѣняли сладкіе сны, тогда для Ирины Петровны наступало блаженное время. Она садилась къ столу, развертывала взятый изъ городской библіотеки романъ, и до глубокой ночи просиживала за нимъ, радуясь, страдая, живя съ героями и героинями, переживая ихъ любовь и горе, супружескія и материнскія радости, заблужденія и разочарованія. При жизни мужа, Ирина Петровна только тайкомъ могла удовлетворять своей страсти къ чтенію; Хинчинъ не могъ видѣть книги въ рукахъ жены. По смерти же его она кое-какъ сволотила небольшую сумму и абонировалась въ городской библіотекѣ. Романы и книги религіознаго содержанія жадно проглатывались Ириной Петровной, и мало-по-малу образовали въ душѣ ея совсѣмъ особый романтически-мистическій мірокъ, который, впрочемъ, никогда не прорывался наружу.

Трудно понять, какимъ образомъ среди всѣхъ дрягъ будничной жизни, среди всей грязи семейныхъ отношеній, Ирина Петровна могла сохранить столько свѣжести и юности. Неприхотливая въ своихъ желаніяхъ, кроткая, наивная, она покорно подчинялась обстоятельствамъ; безпрекословно переносила она всѣ оскорбленія и униженія, всю жизнь руководствуясь однимъ принципомъ: «Пусть дѣлаютъ съ тѣломъ моимъ все, что хотятъ; оно

принадлежить нѣтъ. До души моей никто не коснется; она моя и Божья».

Для души своей она и устремля тотъ тайный мірокъ, въ который уходила, лишь только дѣйствительность грубо и безцеремонно давала знать о себѣ.

Общественное мнѣніе объ Иринѣ Петровнѣ было различное. Иные называли ее полоумной, другіе, въ томъ числѣ и Любовь Гавриловна, — добрыишимъ, но ничтожнѣйшимъ существомъ въ мірѣ; наконецъ, сосѣди не могли простить ей заговорничества и называли ее гордячкой. Трудно было выдумать болѣе неподходящую кличку. Крошечная, шедущая фигура Ирины Петровны, нервная походка, робкое съживаніе при встрѣчѣ съ новымъ лицомъ, казалось, ничего не имѣли общаго съ понятіемъ о гордости. Но вѣдь у провинціальныхъ кумушекъ своеобразныя понятія о нравственныхъ свойствахъ ихъ знакомыхъ.

Николай Петровичъ почти не зналъ сестры. Переодеженный по службѣ въ П., онъ былъ неприятно пораженъ непредставительной фигурой Ирины Петровны и ея скуднымъ помѣщеніемъ.

Живя далеко отъ нея, ему и въ голову не приходило освѣдомляться объ ея житіи-бытіи. Болѣе тридцати лѣтъ они не видались и переписки не вели. Но въ П. отношенія измѣнились. Полковнику Берновичу, важному лицу въ городѣ, не лестно было видѣть, что родная сестра его живетъ, какъ мелкая мѣщанка, и выжеть шарфы и платки для дворничихъ и лавочницъ. Скрѣпя сердце, предложилъ онъ выдавать ей приличную пенсію, съ условіемъ однако, что она откажется отъ подобной работы. Къ великому изумленію его, Ирина Петровна отказалась не отъ работы, а отъ пенсіи.

— Нѣтъ, братецъ, нѣтъ! — говорила она, вся съживинясь и нервно потирая руки. — Благодарю васъ; мнѣ ничего не надо.

Берновичъ фыркнулъ.

— Не надо! — повторилъ онъ. — Разъ дають — такъ бери!

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо!

— Забѣла одно: «не надо, да не надо!» — подумаешь, на золотѣ лежать!

Берновичъ презрительно оглядѣлъ простую, ветхую мебель, обитую черной волосаной матеріей.

— Чтѣ скажутъ люди, что моя родная сестра живетъ, какъ лавочница?

— Я всегда такъ жила, братецъ, — робко замѣтила Ирина Петровна: — люди въ этоку привыкли.

Николай Петровичъ вслѣзнулъ.

— Какъ ты тамъ прежде жила, — мнѣ до этого дѣла нѣтъ, а теперь надо жить иначе: я не хочу, чтобы люди про меня чортъ знаетъ что говорили! Знаемъ мы васъ, провинціальныхъ кумушекъ! вы всегда рады зубы поточить!

Ирина Петровна молчала.

— Я буду выдавать тебѣ опредѣленную сумму въ мѣсяць, — началъ снова Берновичъ, — сколько — еще не знаю. Поправь свой туалетъ; въ твои годы не много нужно... Не будешь же ты носить хвосты да модные курдюки! Ну, а затѣмъ, Любонья пришлетъ какую-нибудь мебель; мы взяли кое-что лишнее.

Николай Петровичъ оглядѣлъ стѣны.

— Г-мъ! внутри — ничего, чисто. Ну, а снаружки надо будетъ подкрасить. Затѣмъ, прощай, — продолжалъ онъ, вставая и протягивая ей два пальца. — Любонья занята уборкой квартиры: не можетъ къ тебѣ зайти... Да, г-мъ! она хочетъ тебя видѣть...

Берновичъ искоса оглядѣлъ Ирину Петровну.

— Лучше всего приходи къ намъ утромъ, такъ — до двѣнадцати, а то потомъ у насъ цѣлый день гости.

Не дожидаясь отвѣта, онъ направился къ двери.

— Братецъ! — повзвала его вдругъ Ирина Петровна.

— Что тебѣ еще? — грозно спросилъ Берновичъ, круто поворачиваясь на каблучкахъ и становясь лицомъ къ лицу съ сестрой.

Ирина Петровна крѣпко-на-крѣпко сжала крошечныя ручки и, собравшись съ духомъ, съ усиліемъ произнесла:

— Я денегъ не возьму.

Николай Петровичъ удивился.

«Она вправду полоумная!» подумалъ онъ.

— Да я, кажется, русскимъ языкомъ говорилъ, чортъ тебя бери! — закричалъ онъ вдругъ, покраснѣвъ какъ ракъ, — что не для тебя я это дѣлаю, понимаешь? Мнѣ, полковнику Берновичу, не приходится слышать разныя сплетни и нареканія, — понимаешь? У меня открытый домъ, магушка моя! Любовь Гавриловна устраиваетъ все на столичный ладъ, — а что скажутъ люди, когда увидятъ мою квартиру, мебель и все такое — и сравнятъ съ твоей вонурой! Какъ нарочно еще и домъ-то мой недалеко отъ твоего! Что-жь, ты хочешь, чтобы на меня пальцами тыкали? Нѣтъ-съ, слуга покорный, изъ-за тебя я не намѣренъ терять репутацію! Да еще еслибъ ей какую обиду нанесли, — а то, скажите пожалуйста, денегъ предлагаютъ, а она артачится! Не прикажете-ли въ ножки поклониться: примите-де, Христа-ради, денежки!.. Э! да что съ тобой разговаривать! — чисто полоумная!

Берновичъ повернулся на каблучахъ и, гремя шпорами, вышелъ изъ комнаты.

На другой день явились маляры и окрасили ветхій, потемнѣвшій домикъ въ ярко-желтую краску. Затѣмъ, изъ дома полковника Берновича носильщики перенесли турецкій диванъ, обтянутый полинялою, но шерстяною матеріею, два кресла, столъ, покрытый скатертью изъ таковой же матеріи, какъ и диванъ,—и огромную, неуклюжую лампу. Лампа эта дѣйствительно была вполне лишняя въ домѣ Берновича, такъ какъ, вслѣдствіе порчи механизма, зажигать ее не было никакой возможности.

Ирина Петровна молча смотрѣла на окраску дома, и молча приняла мебель и лампу. Но когда вечеромъ принесли запечатанный пакетъ, вмѣстѣ съ лаконической запиской: «Посылаю при семъ сорокъ рублей, на покупку приличнаго платья»,—тогда она собралась духомъ, запечатала деньги въ конвертъ и отослала ихъ обратно, съ слѣдующимъ письмомъ:

«Любезный братецъ, Николай Петровичъ!

«Крайне горько мнѣ снова прогнѣвать васъ, но отъ словъ своихъ я не отступлюсь и денегъ не приму. Обдумавъ ваше предложеніе, я рѣшилась согласиться на окраску дома моего и принять вашу мебель, ибо дѣйствительно бѣдность моя можетъ повредить вамъ, но денегъ я не возьму. Будьте покойны, братецъ, я скажу всѣмъ, кто меня будетъ спрашивать, что вы предлагали мнѣ пенсію, но я отъ нея отказалась. Меня одну за это осудятъ.

«Для посѣщенія Любовь Гавриловны у меня есть приличное платье и, надѣюсь, оно никого не осрамитъ.

«Примите и проч...»

Николай Петровичъ удивился, получивъ обратно деньги. Подобной смѣлости онъ не ожидалъ.

— Чортъ съ ней!—проворчалъ онъ, бросая письмо на столъ и кладя деньги въ туго-набитый бумажникъ.—Такой дуры я еще не видывалъ.

Любовь Гавриловна небрежно взяла письмо со стола и быстро пробѣжала его. Хорошенькія бровки ея съ удивленіемъ приподнялись кверху.

— Ты говорилъ, дружиныка, что она какая-то забитая?

Николай Петровичъ фыркнулъ.

— Я тебѣ говорилъ, что она полоумная! Станетъ ли человѣкъ бѣдный, да въ своемъ умѣ, отказываться отъ денегъ? Посуди сама!

— Я думаю, — проговорила она вполголоса, — что твоя сестра не имѣетъ ни малѣйшаго образованія.

— Разумѣется, не имѣетъ! Откуда было взять ей образованіе? Да мнѣ наплевать на нее, — вскричалъ Берновичъ, вскакивая со студа и раздражительно запагавъ по мягкому ковру.

— Эта дура, вѣдь, ничего не пишетъ, — проворчалъ онъ, останавливаясь передъ женой, — будетъ ли она вязать на дворничихъ и лавочницъ?

— Будетъ, — спокойно отвѣтила Любовь Гавриловна.

Николай Петровичъ побагровѣлъ.

— Оставь все это, пожалуйста, — продолжала она, жестомъ усмиряя мужа. — Я постараюсь уговорить Ирину Петровну. Во всякомъ случаѣ, тебѣ она не повредитъ.

Берновичъ послалъ еще лишній разъ сестру въ чорту, однако согласился не обращать вниманія на ея упрямство и предоставилъ женѣ уломать Ирину Петровну, зная по опыту, что она искуснѣе его умѣетъ ладить съ нужными ему людьми.

Дня черезъ два послѣ этого разговора, Ирина Петровна получила изящную, раздушную записку, въ которой Любовь Гавриловна вѣжливо извинялась, что хлопоты по хозяйству мѣшали ей посѣтить милую невѣстку. Она надѣется, что Ирина Петровна не откажется навѣстить ее за-просто; она всегда дома до двѣнадцати часовъ.

Ирина Петровна ожидала этого приглашенія, и на всякій случай уже вытатила изъ сундука свое единственное шелковое платье и шаль, тоже доставшюся ей по наслѣдству. Черное платье и шаль, выглаженные и вычищенные, дѣйствительно, оказались еще вполне приличными, но шляпа приводила въ крайнее смущеніе Ирину Петровну. Какъ она ни вертѣла ее, и такъ, и сякъ, какъ ни приплюскивала, какъ ни приподымала, шляпа со всѣхъ сторонъ, и спереди и сзади, представляла такую форму, которую и опредѣлить даже трудно. Шуточное ли дѣло! Десять лѣтъ было этой шляпѣ! и куплена-то она была не изъ магазина, а по случаю, изъ вторыхъ рукъ! Помощью стараго чернаго кружева и новыхъ лентъ Иринѣ Петровнѣ удалось, однако, придать ей приблизительно форму трехугольнаго вдовьяго чепца.

Во время всей операціи надъ злополучной шляпой Ирина Петровна съ тоской думала:

«На что это я имъ понадобилась! Вотъ, на старости лѣтъ о нарядахъ пришлось думать».

Но ей и въ голову не приходило отказаться отъ приглашенія. Николай Петровичъ напугалъ ее словами, что она, такъ-сказать,

портить ему репутацію, и бѣдная Ирина Петровна рѣшилась исполнить все, что только потребуютъ свѣтскія приличія.

Настала, наконецъ, день перваго визита. Нарядилась Ирина Петровна въ парадное платье и запрятала крошечное, кругленькое личико подъ вдовій чепецъ. При приближеніи къ дому брата, ноги у нея подкашивались; однако, войдя въ переднюю, она еще съ нѣкоторымъ достоинствомъ спросила, дома-ли Любовь Гавриловна. Лавей, въ которому она обратилась съ этимъ вопросомъ, сначала осматрѣлъ ее съ ногъ до головы—и, промывчавъ: «пожалуйте!» лѣнливой, развалистой походкой довелъ ее до голубой гостиной.

— Барыня сюда выйдутъ, — процѣдилъ онъ, раздвигая портьеру и оставляя ее одну.

Робко вступила Ирина Петровна на ковѣрь. У нея рябило въ глазахъ; дыханіе сперлось. Непривычный, душливый запахъ духовъ и громкое пѣніе двухъ канареекъ кружили ей голову. Она зажмурила глаза и нѣсколько времени простояла неподвижно на одномъ мѣстѣ. Вдругъ легкій шорохъ послышался въ дверяхъ; она испуганно открыла глаза. Около нея стояла худенькая, двѣнадцати-лѣтняя дѣвочка; темные, серьезные глаза съ любопытствомъ ее оглядывали.

— Отчего вы не сядете? — произнесла она, тихо беря ее за руку и подводя къ креслу.

Ирина Петровна съ удивленіемъ смотрѣла на блѣдное личико дѣвочки. Робость ея проходила.

«Это, вѣрно, ихъ дочка», подумала она.

— Садитесь, — продолжала дѣвочка, усаживая Ирину Петровну въ кресло. — Я Надя, — прибавила она тотчасъ же, все съ тѣмъ же серьезнымъ, внимательнымъ взглядомъ.

Ирина Петровна окончательно оправилась; она пританула къ себѣ дѣвочку и поцѣловала ее. Надя охотно отвѣчала на ея ласку.

— Ты знаешь меня? — спросила Ирина Петровна.

— Знаю. Вы — моя тѣтя; я васъ ждала сегодня.

Ирина Петровна улыбнулась.

— Ждала? — повторила она.

— Да. Папа при мнѣ рассказывалъ про васъ, а мама сказала, что вы сегодня придете.

Ирина Петровна покраснѣла, и снова неловкое чувство овладѣло ею. Дѣвочка не замѣтила ея смущенія.

— Вы будете часто приходить къ намъ? да, тѣтя?

И Надя ласково прижалась къ ней.

Чистый дѣтскій голосокъ и простодушное выраженіе блѣднаго личика снова успокоили Ирину Петровну. Она обняла дѣвочку и горячо поцѣловала ее.

— Я не могу часто бывать, Надюша; у меня дома работа. Но не можешь ли ты приходить ко мнѣ? Только у меня не такъ хорошо, какъ здѣсь.

Надя помолчала, какъ-бы что-то обдумывая.

— Я буду приходить, если мнѣ позволять, — произнесла она, наконецъ.

Ирина Петровна нервно оправила шаль.

— Да, разумѣется, — торопливо согласилась она. — Ты развѣ совсѣмъ одна, Надя? У тебя нѣтъ ни брата, ни сестры?

— Никого нѣтъ, — возразила Надя, усаживаясь возлѣ Ирины Петровны и осторожно оправляя платье. Ирина Петровна только теперь замѣтила, что Надя разряжена, какъ кукла, и съ испугомъ вспомнила, что, цѣлуя, могла взмять ее.

— Я всегда одна. Мама все занята; у насъ цѣлый день гости. Въ Петербургѣ у меня была гувернантка, но ее не хотѣли взять сюда. Папѣ говорить, что я уже большая и не нужно мнѣ гувернантки. Да я и рада, что ее не взяли. Она не позволяла мнѣ читать, а я такъ люблю читать.

Встрѣтивъ въ теткѣ внимательнаго слушателя, Надя собиралась подробно рассказать ей про свое житье-бытье, когда портьера распахнулась и вошла Любовь Гавриловна, свѣжая, красивая, блестящая, одѣтая въ наизящнѣйшее визитное платье. Тонкій запахъ ех-voisquet разнесся по всей комнатѣ.

— Вотъ какъ! тетка и племянница уже познакомились! — весело проговорила она, любезно обнимая Ирину Петровну. — Значить, приходится только себя представить. Прошу любить и жаловать.

Ирина Петровна не ожидала такой любезности и окончательно растерялась. Она собиралась встать, но снова безпомощно опустилась на кресло.

Любовь Гавриловна граціозно усѣлась на кушетку и, слегка прищуривая глаза, безцеремонно оглядѣла невестку съ ногъ до головы. Треугольный чепецъ вызвалъ едва замѣтную улыбку на алыя губки.

— Знаете-ли...

Любовь Гавриловна остановилась; она затруднялась, какъ назвать невестку.

— Знаете-ли, Ирина Петровна, — произнесла она рѣшительно (родственной фамиллярности она не желала), что вы меня

поразили. Я полагала встрѣтить въ сестрѣ Николая Петровича женщину, какъ всѣ провинціальныя женщины, то-есть безъ всякаго образованія и, признаюсь, совершенно ошиблась въ своемъ предположеніи.

Ирина Петровна покраснѣла.

— Я, дѣйствительно, не получила образованія, — произнесла она съ усиленіемъ.

— Ну, вѣтъ, — съ любезной улыбкой замѣтила Любовь Гавриловна, — ваше письмо къ Николаю Петровичу доказываетъ иное... Я вамъ говорю, что я была удивлена, крайне удивлена...

Ирина Петровна внутренно терзала себя за робость; ей было совѣстно передъ дѣвочкой, внимательно взглядывающей то на мать, то на тѣтку. Любовь Гавриловна продолжала осматривать невѣстку, забавляясь ея смущеніемъ.

— Ирина Петровна, — начала она снова, — меня особенно поразило въ вашемъ письмѣ чувство... какъ вамъ сказать... ну, да... достоинство, *de la dignité!* Я не ожидала... Видите-ли, я буду откровенна съ вами — и Любовь Гавриловна положила бѣлую ручку на руку Ирины Петровны. — Я совершенно понимаю вашу гордость, совершенно понимаю... Но вы идете черезъ-чуръ далеко. Что вамъ за охота всю жизнь заниматься такой скучной работой, какъ вязаніе и штопаніе.

Присутствіе Нади помогло Иринѣ Петровнѣ нѣсколько справиться съ собой.

— Мнѣ эта работа не кажется скучной, — тихо возразила она. — За другую я не стумѣю взяться... Вязаніе обезпечиваетъ меня...

— Но какая вы странная, Ирина Петровна; вѣдь Николай Петровичъ предлагалъ вамъ обезпечить васъ.

— Я очень благодарна брату, но мнѣ ничего не надо...

— Все это прекрасно, Ирина Петровна; но теперь обстоятельства измѣнились. Прежде вы были здѣсь однѣ; теперь у васъ родственники. Кругъ вашихъ знакомыхъ можетъ расшириться; у васъ явятся новыя потребности, и...

— Для меня ничего не измѣнилось, Любовь Гавриловна; мои знакомые ко мнѣ привыкли. Новыхъ знакомыхъ заводить я не умѣю, да и зачѣмъ?..

Любовь Гавриловна нетерпѣливо пожала плечами.

— Николай Петровичъ, кажется, объяснилъ вамъ, въ виду какихъ соображеній онъ настаиваетъ, чтобы вы приняли его предложеніе.

Она мелькомъ взглянула на Надю: дѣвочка все съ тѣмъ же

серьезнымъ вниманіемъ слѣдила за разговоромъ. Ирина Петровна поняла этотъ взглядъ:

— Николай Петровичъ напрасно опасается. Я уже писала: осудать одну меня. Сколько лѣтъ я здѣсь работаю; никого не удивить, что я продолжаю работать.

Съ трудомъ сдерживаемое раздраженіе выразилось на свѣжемъ лицѣ Любовь Гавриловны, но оно скоро исчезло.

— «Пожалуй и лучше, что она отказывается», подумала она. «Она, дѣйствительно, изъ такихъ, что въ разговоръ не пускаются. Въ сущности это только и требовалось. Окраска дома и мебель зажмутъ ротъ сплетницамъ».

— Ну что же дѣлать, Ирина Петровна, не хотите—такъ какъ хотите,—промолвила Любовь Гавриловна, не скрывая зѣвка: разговоръ утомилъ ее.—Вы, я вижу, таки-упрямая.

Ирина Петровна вздохнула свободнѣе.

Сдѣлавъ еще два-три незначительные вопроса, Любовь Гавриловна откинулась на спинку кушетки и замолчала. Ирина Петровна поняла намѣкъ и заторопилась уйти.

— Не забывайте же насъ,—промолвила Любовь Гавриловна, любезно провожая ее до двери. Нада проскользнула въ дверь вслѣдъ за тѣтвой.

— Тѣтя,—шепнула она, останавливая Ирину Петровну:—вы придете еще къ намъ?

— Не... знаю... да... можетъ...

Она не договорила. Дѣвочка вдругъ обѣими руками обхватила ее за шею и горячо поцѣловала ее.

— Да, тѣтя, да!—нервно шептала она.—Вы не знаете... Я прочла письмо... Это нехорошо, да? Вотъ почему, я ждала васъ... Я хотѣла видѣть... Приходите, тѣтя... ко мнѣ... Я люблю васъ...

— Нада!—раздался изъ гостиной звонкій голосъ Любовь Гавриловны—и не успѣла Ирина Петровна опомниться, какъ дѣвочка исчезла.

Не будь Нади, знакомство Ирины Петровны съ невѣсткой ограничилось бы родственными визитами, но послѣ первой встрѣчи съ дѣвочкой Ирина Петровна не могла уже сторониться родственниковъ, и черезъ дня три снова отправилась къ нимъ, не ожидая приглашенія. Мало-по-малу, одинокая, бездѣтная Ирина Петровна горячо привязалась къ Надѣ и не могла дня проводить безъ своей племянницы. Любовь Гавриловна сначала немилостиво смотрѣла на эти посѣщенія, но, видя, что Ирина Петровна ничуть не пытается втереться къ ней въ домъ на правахъ родственницы, а при каждомъ появленіи прямо направляется въ дѣт-

скую, она успокоилась и даже позволила ей уводить Надю на нѣсколько часовъ къ себѣ. Въ сущности, ей было очень пріятно избавиться такимъ образомъ отъ обязанности имѣть дѣвочку постоянно при себѣ. Николай Петровичъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на сестру. Овраской дома и турецкимъ диваномъ онъ достигъ одобренія презираемыхъ имъ кумушекъ. Его хвалили за родственныя отношенія къ бѣдной сестрѣ. Болѣе ему ничего не нужно было. Съ кѣмъ проводила Надя дни и часы, до этого ему дѣла не было. Такимъ образомъ, обстоятельства сложились такъ, что тѣтка и племянница были совершенно предоставлены другъ другу.

Подобно всѣмъ дѣтямъ, Надя сначала горячо любила мать. Красота. Любовь. Гавриловны, ея мягкое обращеніе и щедрыя ласки, расточаемыя малюткѣ-дочери, обяательно дѣйствовали на дѣвочку. Когда Надя стала постарше, она смутно почувствовала, что ея порывистыя, страстныя ласки нетерпѣливо переносятся матерью, а еще нетерпѣливѣе выносить она ея рѣзвость и живую болтовню. Большею частью ее удаляли изъ гостиной съ замѣчаніемъ, что у мамы голова болитъ. Дѣвочка стала сдержаннѣе. Черезъ нѣкоторое время она замѣтила, что мать осыпаетъ ее ласками при другихъ и почти не обращаетъ на нее вниманія, когда онѣ остаются однѣ. Надя отдалилась съ недоумѣніемъ, и мало-по-малу, незамѣтно для самой себя, стала чуждаться матери. Отца она всегда боялась и никогда не любила.

Горячая, порывистая отъ природы дѣвочка все болѣе и болѣе уходила въ себя. Всегда одинокая, безъ подружки и сверстницъ, она не могла отдаваться ни играмъ, ни забавамъ, какъ другія дѣти. Кувлы надобдали ей; бѣгать, пумѣть, вояться было не съ кѣмъ; вольная жизнь въ деревнѣ, въ саду была ей незнакома. Росла она въ городѣ, въ четырехъ стѣнахъ, и единственной забавой, единственнымъ развлеченіемъ ея сдѣлались книги. Съ малыхъ лѣтъ набросилась она на нихъ и жадно проглатывала все, что ни попадалось подъ руку. Любовь Гавриловна не только не препятствовала этой развивающейся страсти, но, напротивъ, даже поощрала ее, накупая ей всевозможныя дѣтскія книги. Живой, шаловливый ребенокъ дѣлался все тише, спокойнѣе и не раздражалъ болѣе ея нервы шалостями.

По цѣлымъ днямъ просиживала Надя за книжкой; но не всѣ книги одинаково привывали ея вниманіе. Любимымъ чтеніемъ ея сдѣлались сказки; въ нихъ находила она обширное поле для пылкой фантазіи своей. Воображеніе сильно рисовало ей тотъ волшебный міръ, полный невѣроятныхъ чудесъ, въ которомъ чело-

вѣчество переживаетъ свои дѣтскіе годы. Цѣлкомъ переносилась она въ роскошныя, цвѣтушіе сады, въ мраморныя дворцы, полныя свѣта, блеска и небывалой роскоши.

Бывало, сидитъ она въ дѣтской въ обычномъ уголку, на скамеечкѣ, и по цѣлымъ часамъ не пошевельнется. Развернутая книжка лежитъ у нея на колѣняхъ; она перестала читать—и томные, большіе глаза пристально, неподвижно вперились въ какой-нибудь предметъ; но она не видитъ его; она вся унеслась въ другой, любимый ею міръ...

Вотъ, она вступаетъ въ тѣнистыя, ароматныя аллеи. Чудные, небывалые фрукты сверкаютъ на изумрудныхъ вѣтвяхъ; сладкое гнѣие раздается повсюду и заставляетъ замирать сердце ея радостью и ожиданіемъ. Разноцвѣтныя бабочки кружатся надъ яркими, пахучими цвѣтами, которые тихо наклоняютъ къ ней головки и шопотомъ привѣтствуютъ ее, свою сестричку. Очарованная, радостная, счастливая идетъ она дальше; деревья становятся все рѣже и рѣже, и вотъ, передъ ней сверкаетъ бѣлый мраморный дворецъ; легкія воздушныя колонны увиты розами; зеленая полянка, усыпанная цвѣтами, разстилается передъ дворцомъ; фонтаны омываютъ мраморныя ступени бассейновъ; все сіяетъ, сверкаетъ, блещетъ на солнцѣ. Она нерѣшительно переходитъ полянку, залитую свѣтомъ и радужными цвѣтами, подходитъ къ дворцу. Вдругъ двери его растворяются, появляется толпа дѣтей въ свѣтлыхъ платьяхъ. Съ веселымъ крикомъ и смѣхомъ сбѣгаютъ они со ступеней и окружаютъ Надю. Ласково берутъ они ее за руки и увлекаютъ за собой. Волшебныя, небывалыя рѣчи слышитъ она вокругъ; свѣтлые, счастливые взгляды встрѣчаютъ ее вездѣ. Это все ея друзья! она ихъ знаетъ; они такъ ее любятъ! А она? О, она никогда не хотѣла бы разстаться съ ними!..

— Барышня!—раздается вдругъ голосъ горничной:—барыня приказала одѣть васъ; онѣ ѣдутъ кататься.

Надю наряжаютъ и везутъ кататься.

— Вотъ примѣрный ребенокъ!—говорятъ знакомые Любови Гавриловны.—Она всегда у васъ такая тихая?

— Всегда!—подтверждаетъ Любовь Гавриловна, нѣжно цѣлуя дочку.—Съ ней не много хлопотъ; она у меня флегма!

А Надя все тише, апатичнѣе становилась по внѣшнему, но все живѣе разгоралась въ ней фантазія—и все болѣе входила она въ свой призрачный міръ. Стали къ ней ходить учительницы съ обычнымъ скарбомъ знанія для дѣвицъ. Надя понимала и училась легко, но безъ особеннаго интереса. Приготовивъ на-скоро заданные уроки, она спѣшила вернуться къ сказкамъ и волшеб-

нимъ грѣзамъ. Учительницы, хотя и довольны были ея прилежаніемъ, однако нерѣдко жаловались на ея апатичность. Но еслибъ имъ хоть разъ удалось видѣть Надю въ дѣтской, въ ея обычномъ углу, съ развернутой книжкой на колѣняхъ, и затѣмъ ночью въ кровати, гдѣ половину ночи проводила она съ открытыми глазами; еслибъ онѣ увидали пылающія щеки, блестящіе глаза и оживленное лицо дѣвочки, не узнали бы онѣ тогда свою привычную, но сонную, вялую ученицу.

Длинное путешествіе на почтовыхъ въ П. оторвало нѣсколько Надю отъ непрерывныхъ грѣвъ и мечтаній. Остановки на станціяхъ, села, деревушки, лѣса и поля, которые имъ приходилось проѣзжать, вся эта жизнь, ничуть не похожая на ея затворническую жизнь въ четырехъ стѣнахъ, производила свое дѣйствіе, и въ этотъ шестидневный переѣздъ Нада больше пережила, перечувствовала, передумала, чѣмъ въ двѣнадцать лѣтъ своей жизни. Въ П. новая обстановка, новыя лица, въ свою очередь, отрезвляющимъ образомъ подѣйствовали на ея мечтательную головку.

Въ первый разъ стала она присматриваться къ окружающимъ и вслушиваться въ разговоры большихъ. Отецъ и мать, не стѣсняясь ея присутствіемъ, безъ привраса высказывали свое мнѣніе о знакомыхъ и незнакомыхъ. Такимъ образомъ, Нада слышала и разговоръ Николая Петровича о сестрѣ, и всѣ насмѣшки надъ ея глупостью. Почему ей такъ понравилось, что тѣтка отказалась отъ денегъ, она не знала, но ею овладѣло непреодолимое желаніе увидѣться. Первый взглядъ на маленькую, тщедушную фигурку Ирины Петровны возбудилъ въ ней глубокую жалость, желаніе защитить ее. Дѣвочка съ-разу почувствовала, что Ирина Петровна совсѣмъ иная, чѣмъ другіе; она инстинктивно поняла, какое это доброе, невинное существо—и горячо привязалась къ ней.

Для Ирины Петровны въ первый разъ въ жизни наступили счастливые дни въ маленькомъ желтомъ домикѣ. Дѣтскій элементъ расшевелилъ, растормошилъ засыпающую мысль, застывшее чувство. Встрѣтивъ, наконецъ, терпѣливаго слушателя, Нада снѣшила развернуть передъ нимъ весь свой маленькій запасъ впечатлѣній, соображеній и думъ. Ирина Петровна съ трудомъ подчасъ слѣдила за пестрой фантазіей дѣвочки, и удивиться не могла пылкости ея воображенія. Воспитавъ себя на романахъ и мистическихъ книгахъ, найдя въ нихъ массу наслажденій и ту крошечную дозу силы бороться съ будничной жизнью, она и Надю постепенно ввела въ свой завѣтный мірокъ, и дѣвочка головой ринулась въ него. Сказочные герои и мученики, гордые, нѣжныя, страстные героини и Христовы невѣсты, жертвы, подвиги, само-

иставанія—все это смѣшалось и кружилось въ ея фантазіи въ видѣ тысячи образовъ, видѣній, представленій. Одни призраки замѣнились другими, и надолго окунулась она въ этотъ новый для нея міръ.

Но годы шли за годами. Какъ Ирина Петровна ни оберегала Надю отъ всякаго горя, какъ Любовь Гавриловна ни отстраняла ее изъ личныхъ видовъ отъ своей жизни и жизни взрослыхъ людей, Надя росла, просыпалась отъ грѣвъ и незамѣтно для себя вступала въ эту жизнь.

Сомнѣнія овладѣли ею. Многое, что прежде безслѣдно скользило мимо, поражало, пугало ее теперь. Отецъ и мать первые подверглись ея анализу, и чѣмъ больше всматривалась она въ нихъ, тѣмъ сильнѣе овладѣвало ею недовѣріе. Болѣзненно слѣдила она за каждымъ словомъ, дѣйствіемъ окружающихъ ее людей, и каждое новое открытіе наполняло душу ея страхомъ и тоской. Не понимала она разлада излюбленныхъ ею книгъ съ окружающею жизнью. Почему въ книгахъ люди все добрые, исполненные любовью къ ближнему, стремленій къ добру, къ самопожертвованію, а вокругъ столько неправды, столько мелкаго эгоизма, столько вообще дурного? Неужели книги лгутъ?—думала она,—или это только у насъ въ домѣ такъ? И тысячами вопросовъ осыпала она тѣту. «Книги одно, а жизнь—другое!» съ досадою возражала Ирина Петровна. Вопросы эти повергали ее въ крайнее смущеніе, и не любила она отвѣчать на нихъ. Книги были ея жизнь, но никогда не смѣшивала она романы съ дѣйствительностью. «Надо свой крестъ нести!» пассивно говорила она, и довольствовалась тѣмъ, что книги хоть на время позволяли ей забыть гнетущія дразги и заботы. Съ горькимъ недоумѣніемъ видѣла она, что книги возбудили въ Надѣ такія требованія, которыя, по ея мнѣнію, не могли дать ни счастья, ни спокойствія.

— Молись, Надюша, — совѣтовала она, — чтобы Господь смирилъ твою гордость.

Надя молилась; но одно сомнѣніе влечетъ за собой другое. Теплая, дѣтская вѣра тоже охладѣвала, и не приносила молитва желаемаго успокоенія. Мало-по-малу она перестала повѣрять свои сомнѣнія тѣтѣ, но тѣмъ ревностнѣе продолжала наблюдать, сравнивать.

Переѣхавъ въ Надѣ менѣе всего видѣла Любовь Гавриловна. Она не замѣчала, какъ худенькій блѣдный ребенокъ, постоянно грезящій на яву, уступалъ мѣсто нервной, порывистой дѣвушкѣ, темные глаза которой все болѣе и болѣе утрачивали мечтательное выраженіе и все пытливѣе, зорче всматривались въ окружающее.

Она не замѣчала также, что застѣнчивость и робость Нади заиблились холодною сдержанностью и явною отчужденностью въ отношеніи къ ней. Время незамѣтно пролетало для нея, почти не касаясь ея красоты и свѣжести, и она старалась увѣрить себя, что и для Нади годы проходят незамѣтно. Убѣжденіе въ неразвитости дочери сильно укоренилось въ ней.

«Чѣмъ дольше — думала она — будетъ Надя считаться подросткомъ, тѣмъ для нея лучше».

Поэтому она оттягивала, какъ только могла, время, такъ-сказать, выхода дочери въ свѣтъ. На всѣ вопросы знакомыхъ, почему Надя не показывается до сихъ поръ на вечерахъ, она отвѣчала, что боится утомлять ее. Она у нея такая слабенькая, хиленькая, и къ тому же еще такъ молода, что успѣеть вдоволь напаяться.

Доводы эти однако не долго казались удовлетворительными, и до Николая Петровича какими-то судьбами донеслись однажды слухи, что въ городѣ говорятъ, будто Любовь Гавриловна съ наиѣреніемъ молодить дочь; она-моль боится, что Надя отобѣетъ у нея поклонниковъ. Николай Петровичъ тотчасъ же бросился къ супругѣ съ упрекомъ, что упрямствомъ своимъ она подымаетъ ихъ на смѣхъ, портить ему репутацію.

— И что это за слухи о поклонникахъ? — кричалъ онъ, всегда готовый воспылать ревностью. — Еслибъ вы не давали повода, сплетни эти не дошли бы до меня!

Темное облако досады отуманило всегда безмятежное лицо Любови Гавриловны.

— Вы кончили? — спросила она его презрительно.

Николай Петровичъ фыркнулъ, но промолчалъ; онъ нѣсколько струсилъ послѣ своей гнѣвной тирады.

— Кончили? слава Богу! — продолжала все также презрительно Любовь Гавриловна. — Ну, такъ прежде всего я должна вамъ сказать, что такой старой дѣвки, какъ вы, Николай Петровичъ, я никогда не видала, да думаю и встрѣтить трудно!

Николай Петровичъ обидѣлся.

— Какъ вамъ не стыдно слушать всѣ сплетни! Еще въ началѣ нашего переѣзда сюда я раздѣляла отчасти ваши опасенія; но теперь, когда ваше положеніе установилось — и, не забудьте, установилось *благодаря мнѣ*, я не понимаю, съ какой стати вы обращаете вниманіе на все, что говорятъ! Ваша ревнивая вспышка такъ нелѣпа, что я и отвѣчать на нее не хочу.

Любовь Гавриловна отвернулась и, надувъ губки, сѣла на диванъ.

Николай Петровичъ не могъ видѣть неудовольствія жены. При малѣйшемъ словѣ ея, недобѣріе его разлеталось въ пухъ и прахъ, а когда она обращалась къ нему съ «вы, Николай Петровичъ» — пѣтушинный гнѣвъ его исчезалъ, какъ дымъ. Долго откашливался онъ, шагая по комнатѣ. Любовь Гавриловна не обращала на него ни малѣйшаго вниманія. Она прислонилась головой къ спинкѣ дивана и съ утомленіемъ закрыла глаза.

— Любонька! — началъ заискивающимъ тономъ Николай Петровичъ.

Молчаніе.

— Любонька!... да... г-мъ!... ты сердилъся?...

Любовь Гавриловна грустно пожала плечами.

— Разумѣется, обидно, что послѣ девятнадцатилѣтней жизни со мной ты готовъ повѣрить первому встрѣчному болѣе, чѣмъ мнѣ.

— Да нѣтъ же, Любонька, это совсѣмъ не то! — говорилъ совсѣмъ растаявшій Николай Петровичъ, усаживаясь около жены и беря ее за руку. — Какая же ты, право!

— Что, какая! — передразнила его Любовь Гавриловна. — Ну, для чего ты пришелъ кричать, сважи пожалуйста? Ты знаешь, вѣдь, что я терпѣть не могу, когда ты, какъ индѣйскій пѣтухъ, влетаешь ко мнѣ! Другой разъ я разсержусь, слышишь, дружинька?

Николай Петровичъ былъ радъ-радѣшенекъ, что буря пролетѣла благополучно. Любовь Гавриловна не всегда ласкалась. Иногда она предпочитала дуться и дулась такъ исправно, что Николай Петровичъ ходилъ самъ не свой. Темныя тучи носились тогда по дому, а въ канцеляріи писаря изъ кожи лѣзли, чтобы не наскочить на распеванцію.

— Я все хочу о Надѣ съ тобой поговорить, Любонька, — началъ нерѣшительно Николай Петровичъ. — Пора, пора ее вызвать. Ей ужъ девятнадцатый годъ пошелъ, а она все еще сидитъ за указкой. Пора все это бросить, чортъ возьми! Немного оплошали мы съ Надей, Любонька. Чтò она за дѣвица? Ни руководлія не знаетъ, ни въ хозяйству не приучена!

— Все это пустяки! Выйдетъ замужъ и безъ этого! Всѣ знаютъ, что она не бѣдная невѣста!

— Разумѣется, она не безприданница! Но все-таки пора ее вымуштровать. Эти книжки вотъ гдѣ у меня сидятъ!

Николай Петровичъ указалъ на затылокъ.

— Я тебѣ говорилъ, какія книжки у нея нашель въ комнаты? Чортъ знаетъ, откуда она ихъ беретъ! Исторіи разныя,

да философін! На кой-чортъ онѣ ей? Не хочетъ ли она синій чулокъ изъ себя ворчить!

Николай Петровичъ съ азартомъ вскочилъ и зашагалъ по комнатамъ.

— Пусть будетъ по-твоему, дружинька, — мягко замѣтила Любовь Гавриловна послѣ нѣкотораго размышленія. — Я начну эту же зиму вывозить Надю.

Николай Петровичъ былъ тронутъ; онъ не ожидалъ такого скорого согласія. Дѣло въ томъ, что Любовь Гавриловну весьма неприятно поразила сплетня, будто она не вывезетъ взрослую дочь изъ боязни встрѣтить въ ней соперницу, и она рѣшилась разсѣять невыгодные для нея слухи.

Съ этого дня Надѣ запретили удаляться въ свою комнату. Цѣлые вечера должна она была просиживать въ гостиной, а утромъ выѣзжать съ матерью съ визитами. При малѣйшемъ сопротивленіи съ ея стороны — начинались сцены. Николай Петровичъ топалъ ногами, кричалъ, что онъ ей дуръ изъ головы-то выбьетъ.

При первомъ появленіи Нади въ свѣтъ, Любовь Гавриловна успокоилась. Несмотря на молодость и всѣми замѣчаемую красоту, дочка ни въ какомъ случаѣ не могла поспорить съ блестящей матушкой. Поддерживать живую, шутиливый разговоръ она не умѣла, на комплименты не отвѣчала кокетливымъ словомъ или лукавой улыбкой, была рѣзка, угловата въ манерахъ. Въ обществѣ она не понравилась. Молодые люди отдалялись отъ нея; одни находили ее странной, другіе приписывали ея молчаливость неразвитости. Дамъ она шокировала рѣзкостью.

Несмотря, однако, на видимое фіаско, красота, молодость Нади, а главное — ея приданое произвели впечатлѣніе на нѣкоторые сердца, и вотъ, появились предложенія. Надя упорно всѣмъ отказывала, возбуждая при каждомъ отказѣ сцены съ отцомъ.

Послѣ первыхъ выѣздовъ, Николай Петровичъ съелъ обязанностью учредить строгій надзоръ за дочерью, и въ этомъ надзорѣ не ослабѣвалъ ни на іоту. Прежде всего онъ возсталъ противъ посѣщенія Ирины Петровны, а такъ какъ, несмотря на запрещеніе, Надя продолжала навѣщать тѣтку, то сценамъ и бурямъ не было конца. Видя, наконецъ, что бури начинаютъ обрушиваться на бѣдную Ирину Петровну, Надя принуждена была уступить, и только урывками, часто тайкомъ, удавалось ей забѣгать въ желтый домикъ.

Николай Петровичъ, полагая, что настойчивость дочери черпается изъ книгъ, именнымъ указомъ запретилъ ей читать и

превратился въ наистрожайшаго цензора. Въ каждое время дня, какъ ураганъ, являлся онъ въ комнату Нади и обшаривалъ ея шкафы и столы. Любовь Гавриловна не вмѣшивалась въ отношенія Нади съ отцомъ и втайнѣ была очень недовольна дочерью. Въ Надѣ она чуяла молчаливаго, но строгаго судью. Взоренившееся чувство почитанія родителей долго налагало узду на горячую, порывистую натуру дѣвушки, но чувство это не могло заглушить все увеличивающагося осужденія. Любовь Гавриловна постоянно чувствовала его, и съ скрытымъ раздраженіемъ переносила присутствіе дочери около себя.

Два года прошли въ подобныхъ стычкахъ и столеновеніяхъ. Различіе характеровъ, понятій, интересовъ между тремя лицами, тѣсно связанными родствомъ, живущими подъ одной крышей, превращали семейную жизнь въ каторгу. Положеніе Нади дома становилось невыносимо, и внутренний разладъ съ родными съ каждымъ днемъ все увеличивался и увеличивался.

Вотъ объ этомъ-то разладѣ и задумалась тяжело Ирина Петровна, сидя на креслѣ у окна и спѣша окончить завязную работу.

«Не случилось ли опять чего!» думала она. «Надя сколько ужъ дней не приходила ко мнѣ. Доведутъ они ее до отчаяннаго шага! И чего они мучаютъ ее! Надюша совсѣмъ не такая, какъ другія... Съ ней надо осторожно, а братъ обращается по-солдатски! Охъ, давно вижу я, что нѣтъ счастья для Нади на землѣ. Очень ужъ многого она хочетъ!»...

— А видно, барышня-то не придутъ? — протяжно проговорила толстая Маланья, пролѣзая на половину въ дверь.

— Что ты, что ты! придетъ, непременно общала придетъ, торопливо провѣсила Ирина Петровна, снова тревожно выглядывая въ окно.

— У меня обѣдъ готовъ. Жаркое пригорить, пожалуй.

— Боже тебя упаси! Какъ можно, чтобы оно пригорѣло! Отставь его.

Маланья помолчала.

— Хорошо, отставлю, — медленно согласилась она, почесывая високъ.

На кухнѣ раздалось громкое шипѣніе.

— Ну, ну, зашипѣлъ уже! — сердито проворчала она. — Шипи, шипи себѣ!

И, громко звнувъ, выдѣла изъ двери.

— Четвертый часъ, а ея нѣтъ! — тревожно шептала Ирина Петровна.

Не имѣя болѣе силъ оставаться на мѣстѣ, она вскочила и торопливо стала свергивать работу.

— Случилось, непременно что-нибудь случилось! — громко проговорила она. — Если черезъ полчаса не будетъ, пойду туда, узнаю...

— Вотъ и барышня идетъ, — протянула снова Маланья, локтемъ отырывая дверь и протискиваясь съ огромнымъ подносомъ, уставленнымъ посудой.

Ирина Петровна бросилась къ окну.

— Идетъ, идетъ! Скорѣй, Маланья! Что-жъ это ты? У тебя и столъ еще не накрытъ?

— Не убѣждать! — хладноврочно возразила Маланья. — Чего спѣшить? Столъ накрытъ не долго.

Медленной, развалистой походкой ходила она воеругъ стола и обдергивала сватерть.

— Вѣдь вотъ, проклятая! — ворчала она. — Какъ ты ее ни дергай, все одинъ конецъ свѣшивается!

— Да оставь ты это! — нетерпѣливо крикнула Ирина Петровна. — Давай скорѣй тарелки!

Маланья никогда ни одного слова не оставляла безъ отвѣта, и теперь тоже собиралась возражать, когда въ передней раздался звонокъ.

— Скорѣй накрывай; я пойду, отопру.

Ирина Петровна торопливо засѣменила ножами по направлению къ передней. Черезъ нѣсколько секундъ она вернулась съ Надей. Маланья ставила вторую тарелку на столъ.

— Ты еще не готова! — крикнула Ирина Петровна, съ отчаяніемъ всплескивая руками. — Просто наказаніе съ ней! Еле двигается, словно не человѣкъ, а черепаха какая-то!

Маланья обидѣлась.

— Грѣшно, барыня, такъ ругаться! Богъ вѣсть какія слова выдумываютъ! — уворивленно произнесла она.

Надя весело разсмѣялась и, схвативъ тарелки, принялась живо разставлять ихъ на столѣ. Маланья, подперевъ щеку рукой, невозмутимо слѣдила за быстрыми движеніями дѣвушки.

— Ну, готово! — вскрикнула Надя. — Теперь можно подавать! Иди, иди, Маланьюшка!

Взявъ ее за плечи, она, смѣясь, выпихнула ее за дверь, прежде чѣмъ та успѣла ротъ открыть.

— Не сердись, тѣтя,—продолжала Надя, ласково обнимая тѣтку,—вѣдь ее ужъ не передѣлаешь!

Ирина Петровна пытливо смотрѣла на дѣвушку.

— Отчего ты такъ поводно пришла, Надюша?

— Задержали,—торопливо отвѣчала Надя.—Не смотри, тѣтя, оставь! не разспрашивай! Послѣ обѣда успѣемъ наговориться! Не хочу я, чтобы ты такъ грустно смотрѣла, слышишь, не хочу! Идѣ ты не рада, что я пришла?

Надя притворно надула губки. Ирина Петровна притянула ее за обѣ руки.

— Ты похудѣла, Надюша, за эти дни...

Надя нетерпѣливо выдернула руки.

— Ахъ, тѣтя, что тебѣ за охота портить мой приходъ! Сказала я, что послѣ обѣда успѣемъ еще нахнываться... а теперь не смѣйте тревожиться, слышите? Извольте вынуть варенье, пирожное, а я побѣгу посмотрѣть, не заснула ли Маланья надъ супомъ.

Надя выбѣжала изъ комнаты. Черезъ нѣсколько минутъ она уже сидѣла за столомъ, весело болтала и похваливала поваренное искусство Маланьи.

— Ну, тѣтя,—начала она, когда Маланья унесла послѣднюю тарелку и шлепанье ея башмаковъ окончательно удалилось по направленію къ кухнѣ.—Теперь мы можемъ говорить.

— Опять что-нибудь дурное случилось! Ужъ не скроешь ты отъ меня!

Надя не отвѣчала. Заботливо придвинула она къ столу кресло, усадила въ него тѣтку и сама усѣлась на скамеечкѣ у ея ногъ.

— Вотъ такъ. Мнѣ кажется, будто я все еще та маленькая Надя, которая вотъ здѣсь на скамеечкѣ зачитывалась сказками. Помнишь, какія безконечныя сказки я выдумывала для тебя?

— Хорошее тогда было время,—со вздохомъ замѣтила Ирина Петровна.—Мы были счастливы, и ты была у меня другая,—прибавила она, нѣжно глядя темную голову Нади.

— Развѣ я измѣнилась къ тебѣ, тѣтя?—спросила Надя, положивъ руки ей на колѣни и взглядывая съ ласковымъ упрекомъ на добродушное, сморщенное личико, обрамленное безукоризненнымъ чепцомъ.

— Ко мнѣ? Нѣтъ, дѣточка, нѣтъ! Ты все такая же добрая, ласковая съ твоей старой тѣткой, а все-таки ты уже не та! Вотъ ты вспомнила маленькую Надю... Маленькая Надя была счаст-

лива здѣсь у меня; ничего другого не желала она, со мной не скучала...

— Развѣ я скучаю, тѣтя?

— А развѣ нѣтъ? Да и не въ упрекъ тебѣ говорю я это! Давно все это свершилось! Давно прошло то время, когда у тебя были мои мысли!.. Теперь у тебя свои, чужія мнѣ, и не повѣрешь ты мнѣ ихъ... Я вѣдь всегда знала, что ты умнѣе меня...

Надя сдѣлала движеніе.

— Не перебивай, Надюша, ужъ я знаю, что говорю. Ты молоденькая, головка у тебя свѣжая, не напичено въ ней всякой дряни, а моя голова давно уже заржавѣла... Ты умнѣе, а все-таки вижу я, что идешь ты по такому пути, гдѣ встрѣтишь только горе одно...

Надя молчала.

— Знаю я,—продолжала робко Ирина Петровна,—что дома тебѣ нехорошо, но ты ужъ очень горда...

— Оставимъ это, тѣтя,—нетерпѣливо перебила ее Надя. — Меня ты не передѣлаешь! Не говори только, что я перемѣнилась къ тебѣ: это несправедливо! Я все та же маленькая Надя твоя. Иначе думаю я чѣмъ прежде... Такъ какъ же ты хочешь! вѣдь я ужъ больше не ребенокъ. Подчасъ и я бы хотѣла вернуть старое, то-есть прежнюю вѣру; да что ужъ прошло, то прошло, и его не вернешь! Можетъ быть,—продолжала она задумчиво,—еслибъ прежде я не вѣрила такъ горячо, мнѣ бы легче все давалось!

Ирина Петровна съ недоумѣніемъ покачала головой.

— Тѣтя,—начала Надя съ улыбкой послѣ минутнаго молчанія,—поздравь меня: за меня опять сватаются!

Ирина Петровна съ безповойствомъ взглянула на нее.

— Кто это еще?—отрывисто спросила она.

— Отгадай.

— Охъ, Надюша, не мастерица я отгадывать.

— Какъ! Тебѣ не бросилась въ глаза пламенная страсть? До тебя не доходили слухи?...

— Не мучь меня, дѣточка! скажи кто?

— Какая же ты недогадливая! Лысухинъ.

— Лысухинъ? Этотъ кутила, картежникъ.

— Шш! осторожнѣе, тѣтя! это мой женихъ.

Ирина Петровна подскочила на креслѣ.

— Женихъ?!

— Конечно. Онъ сватается за меня. Сегодня мама передала мнѣ его предложеніе.

Ирина Петровна съ напряженнымъ вниманіемъ слушала ее.
— Что же ты отвѣтила?

Надя весело разсмѣялась.

— Ты еще спрашиваешь? Развѣ ты не знаешь мой постоянный отвѣтъ?

Ирина Петровна перевела дыханіе. Она сильно колебалась еще относительно замужства Нади. Хотя, по ея мнѣнію, дѣвушка должна выходить замужъ, но собственный горькій опытъ заставлялъ ее сомнѣваться, найдетъ ли Надя счастье въ бракѣ; да и не встрѣчала она еще никого, кто бы достоинъ былъ ея сокровища. Тѣмъ не менѣе, она считала священною обязанностию пожурить Надю за постоянные отказы.

— Какъ же это, Надюша, ты такъ и рѣшила не выходить замужъ?

— Можетъ быть, и рѣшила. Что-жъ изъ этого?

Ирина Петровна съ испугомъ взглянула на нее.

— Ты шутишь? Какъ же это возможно не выходить замужъ? Ты не знаешь, что за горькая участь незамужней женщины.

— Господи!—прошептала Надя, вставая со скамейки. — И тутъ то же самое!

— Не сердись, Надюша,—умоляющимъ голосомъ заговорила Ирина Петровна. — Знаю я, что надоѣдаю тебѣ, да вѣдь для твоего же добра...

Голосъ старушки задрожалъ. Горькое слово готово было сорваться съ языка Нади, но она задержала его.

— Я не сержусь на тебя; горько только слышать и здѣсь, что и дома! Сколько разъ сама ты мнѣ говорила, что бракъ—тяжелая обязанность, что много терпѣнія, много воли, много вѣры надо, чтобы переносить всѣ мученія! Ты всегда рисовала мнѣ бракъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, а теперь сама требуешь, чтобы я добровольно избрала этотъ путь. Зачѣмъ же ты хочешь моего несчастья?

Ирина Петровна смутилась.

— Ты меня не поняла,—робко произнесла она.—Я не выражалась такъ о бракѣ вообще... Мнѣ не посчастливилось въ замужствѣ, но вѣдь это не всегда такъ бываетъ... Другія живутъ счастливо... у другихъ дѣти, а съ дѣтьми жизнь иная, полная, хорошая...

— Но у меня тоже могутъ не быть дѣти, и тогда я тоже должна быть несчастной?...

— Это рѣдость, что нѣтъ дѣтей, — начала было Ирина Петровна, но Надя перебила ее.

— Ты хочешь, — значить, что бы я во что бы то ни стало вышла замужъ?

— За человѣка хорошаго...

— Положимъ, хорошаго, но въ крайности — даже не любя его...

— Любовь не все, главное — уваженіе...

— Какъ же можно быть женой нелюбимаго человѣка и... имѣть дѣтей?

Ирина Петровна покраснѣла и съ недоумѣніемъ посмотрѣла на племянницу. Онѣ не понимали другъ друга.

— Ты какая-то странная, Надюша, Христось съ тобою!... Такое все говоришь непонятное для меня.

Невыразимая тоска огуманила блѣдное лицо Нади.

«Ни она, ни другіе не понимаютъ меня, — думалось ей; — неужели я, дѣйствительно, уродъ, и только потому, что я уродъ, мнѣ и кажутся уродливыми всѣ понятія о людскихъ отношеніяхъ?»

— Какъ же относительно Лысукина, ты совсѣмъ ему отказала? — начала снова Ирина Петровна послѣ довольно продолжительнаго молчанія.

Надя утвердительно кивнула головой.

— Что же отецъ сказалъ?

— Не знаю; я не видала его послѣ разговора съ маман.

— А Любовь Гавриловна?

— Маман говоритъ то же, что и ты. Она смѣется надъ моимъ желаніемъ не выходить замужъ за перваго встрѣчнаго-поперечнаго.

— Кто же говорить о первомъ встрѣчномъ-поперечномъ, — обиженно замѣтила Ирина Петровна. — Грѣхъ тебѣ, Надя, выдумывать на меня.

— Въ разныхъ выраженіяхъ обѣ вы говорите одно и то же. Обѣ вы приходите въ ужасъ, что я отказываю женихамъ. Она смѣется надъ моими мнѣніями, тебя они пугаютъ, а въ результатѣ выходитъ одно и то же, то-есть, и она, и ты желаете, скорѣй избавиться отъ меня...

— Надя! Надя! — начала-было съ негодованіемъ Ирина Петровна, но слезы брызнули изъ глазъ и, закрывъ лицо руками, она горько заплакала.

— Тѣтя, прости меня! Я злая, нехорошая! говорила Надя, лаская тѣтку. — Сгоряча обидѣла я тебя, бѣдная ты моя. Вѣдь знаю, что ты любишь меня!

— Господи! вѣдь ты у меня одна, всхлипывала Ирина Петровна.

— Знаю, знаю, — спѣшила успокоить ее Надя. — Знаю, что ты одна только и любишь меня, тѣмъ больше и отъ тебя слышать то же, что и отъ другихъ!

— Да вѣдь я любя тебя говорю, дѣточка, радость ты моя! — все еще со слезами говорила Ирина Петровна, обнимая Надю. — Вѣдь невыносимо подумать мнѣ, какъ ты одинокая будешь вѣкъ свой коротать, и что люди старой дѣвкой величать тебя будутъ!...

Надя невольно разсмѣялась.

— Вотъ въ чемъ главная забота, бѣдная моя тѣтя! Какое тебѣ дѣло, что какая-нибудь Анна Степановна или Василій Максимычъ будутъ посмѣиваться, на меня глядя, и сворбѣтъ о моемъ дѣвничествѣ! Ахъ, тѣтя, какъ будто еще мало тяжелыхъ думъ и тревогъ, чтобы еще мучиться о мнѣнїи чужихъ людей!

— Да вѣдь не въ лѣсу мы живемъ, а съ людьми, какъ же не обращать вниманїя на ихъ мнѣнїе?

— Я живу съ тобой. — Ты мнѣ самая дорогая, и огорчить тебя мнѣ страшно больно, но до другихъ мнѣ дѣла нѣтъ. Я тоже одна у тебя. Зачѣмъ же ты мучаешь меня и не хочешь позволить мнѣ жить такъ, какъ хочется? Тебѣ самой будетъ тяжело, если я выйду за мужъ, не за себя только! Тебѣ страшно будетъ за меня. — Я вѣдь это знаю; сколько разъ ужъ ты проговаривалась... Но оставимъ все это пока. Мнѣ пора домой; у насъ гости.

Надя встала.

— Погоди еще минутку, — умоляла Ирина Петровна. — Надюша, что сказала тебѣ сегодня Любовь Гавриловна?

— Зачѣмъ это, тѣтя?

— Видишь-ли, Надюша, когда ты со мной такъ заговорила давеча... я сейчасъ же почувала, что тебя огорчили.

Надя не сейчасъ отвѣчала.

— Лучше раньше сказать то, что я задумала, — произнесла она наконецъ, снова сядя на скамеечку. — Маманъ въ отвѣтъ на мой отказъ Лысухину объявила, что отецъ положительно желаетъ моего скорого замужства, и что имъ далеко не лестно будетъ имѣть въ домѣ старую дѣвку.

Ирина Петровна вспыхнула; зубы ея злобно сжались. Она притянула къ себѣ Надю и нѣсколько разъ горячо поцѣловала ее.

— Я очень рада, что она такъ ясно высказалась, — продолжала Надя, освобождаясь изъ объятїй тѣтки: — это поможетъ мнѣ дѣйствовать такъ, какъ я хочу.

Ирина Петровна съ испугомъ взглянула на нее.

— Во-первыхъ, ты не тревожься, тѣтя, слышишь! Помни одно, что то, что я задумала, свершится не ранѣе, какъ черезъ годъ... Я давно вижу, что такъ продолжаться не можетъ... Еслибъ не ты, меня давно не было бы въ П.

Ирина Петровна приподнялась на креслѣ и судорожно сжала руку Нади.

— Что, что такое?—почти крикнула она.

— Если ты будешь такъ тревожиться, я ничего не скажу. Сидишь! вотъ такъ!—говорила Нада, цѣлуя дрожащія руки тѣтя. — Развѣ тебѣ не приходило въ голову, тѣтя, что такъ продолжаться не можетъ?—начала она снова тихимъ, мягкимъ голосомъ. — Я тебѣ многого не говорю, но вѣдь ты сама догадываешься. Вотъ ужъ два года продолжаются исторіи, ежедневныя сцены и бури. Порой мнѣ кажется, что я точно арестантъ въ тюрьмѣ, ни одна минута не принадлежитъ мнѣ. Въ своей комнатѣ не могу я запереться на ключъ, остаться полчаса одна! Если бы мама хотѣла, эти сцены на половину уменьшились бы, но она съ умысломъ не вмѣшивается! Отношенія мои къ ней въ тысячу разъ тяжелѣе, чѣмъ съ отцомъ. Папа грубъ, но онъ грубъ со всѣми... Мама при гостяхъ осыпаетъ меня ласками, а наединѣ она сдержанно-насмѣшлива со мной. Зачѣмъ она не всегда одинакова со мной? Я понять этого не могу, и это меня возмущаетъ! Ахъ, да не это одно. Ежедневно, ежечасно вижу я многое такое, что меня всю переворачиваетъ—и я молчу!—молчу потому, что сама боюсь сознаться въ своихъ мысляхъ!.. Нѣтъ, тѣтя, я тебѣ многого не могу сказать и никогда не скажу, но порой я хотѣла-бы бѣжать изъ дому, бѣжать безъ оглядки!

Нада перевела дыханіе; щеки ея разгорѣлись, глаза блестяли.

— Вотъ видишь-ли,—продолжала она сдержаннѣе,—я многое передумала въ эти два года... Не рѣшалась я уѣхать изъ П. ради тебя. Не могла я оставить тебя здѣсь одну, да и теперь не знаю, какъ бы я на это рѣшилась, если бы мнѣ не запретили видѣть тебя такъ часто, какъ прежде, и если бы и на тебя не стали обрушиваться бури. Тѣтя, голубка моя, надо помириться съ этой разлукой. Пойми, согласишься, что такая жизнь невозможна. Я не умѣю съ ней справиться...

Но внезапное рѣшеніе до такой степени озадачило Ирину Петровну, что она рѣшительно ничего не могла понять.

— Что-жъ это такое! какъ же это?—твердила она.—Отца и мать оставить! Да вѣдь это никогда еще не было! Опомнись, что ты говоришь, Нада?—Ты сгоряча только задумала это! ты испугать меня хотѣла!...

— Полно, тѣтя, за кого ты меня принимаешь? Неужели я ставу нарочно пугать тебя! Ты видишь, что я принуждена принять это рѣшеніе; ты слышала, что мнѣ сегодня сказали? Я не могу оставаться дома. Старую дѣву не будутъ тамъ терпѣть!

Ирина Петровна была вѣтъ себя. Оттолкнувъ Надю, она вскочила съ кресла и забѣгала по комнатѣ.

— Какъ же это возможно!—отрывисто говорила она, судорожно сжимая крошечныя ручки. — Этого никакъ нельзя допустить! Вѣдь это стыдъ и срамъ. Куда ты пойдешь, а? Сними мнѣ на милость? — спросила она, останавливаясь передъ Надеей.

— Пойду въ гувернантки, — сповойно возразила дѣвушка.

— Господи, она чисто безумная! — вскрикнула Ирина Петровна, съ отчаяніемъ разводя руками. — Въ гувернантки! Да знаешь ли ты, что за жизнь гувернантки?

— Какая бы она ни была, не можетъ она быть хуже моей жизни дома.

— Да вѣдь отецъ со дна моря тебя вытащитъ! житья тебѣ не будетъ! Подумала ли ты объ этомъ?

— Черезъ годъ я буду совершеннолѣтняя; нельзя меня будетъ принуждать.

Ирина Петровна была въ отчаяніи. Она бѣгала по всей комнатѣ и не хотѣла слушать увѣщаній Нади. До синяковъ нажимала она руки; круглое личико раскраснѣлось, какъ пюнь, а безузориженный чепецъ сползъ на бокъ.

— Барышня! — протянула вдругъ Маланья, просовывая голову въ дверь. — За вами пришли. Маменька приказала сказать, что у нихъ гости.

Надя подошла къ тѣтѣ.

— Тѣтя, помни же одно, что я остаюсь съ тобой еще цѣлый годъ, а за годъ многое еще можетъ измѣниться. Не мучь себя; подумай хорошенько обо всемъ, что я сказала... Я знаю, въ концѣ-концовъ ты поймешь меня, — говорила она, лаская тѣтку.

Ирина Петровна только качала головой. Съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ закутывая она дѣвушку и спѣшила ее выпроводить.

III.

Въ голубой гостиной неумолимо раздавались говоръ и смѣхъ. Любовь Гавриловна, по обыкновенію, полулежала на кушеткѣ и съ большимъ оживленіемъ бесѣдовала съ длиннымъ, худымъ господиномъ, который, заложивъ нога на ногу, сидѣлъ около нея

на стулѣ. Мѣрно раскачивая ногой и глядя куда-то въ сторону, онъ съ неопредѣленной улыбкой слушалъ ее.

— А, вотъ наконецъ и Нада!—вскричала Любовь Гавриловна, — когда портьера раздвинулась и Нада появилась въ дверяхъ. — Пойди сюда, моя птичка! Вотъ, представляю вамъ мою маленькую ба-ловницу, — заговорила она, беря дочь за руку. — Надочекъ, это Алексѣй Васильевичъ Вильдъ. Я много рассказывала тебѣ о немъ.

Нада утромъ въ первый разъ услышала это имя. Она съ серьезнымъ вниманіемъ посмотрѣла на него. Блѣдное, длинное исхудалое лицо, изрытое преждевременными морщинами, высокий, узкій лобъ, и сѣрые, впалые глаза, какъ-то странно глядѣвшіе ксводлобья, поразили ее.

— Неужели это Надежда Николаевна? — съ радостнымъ изумленіемъ произнесъ онъ, вставая и мигомъ оглядывая ее. — Я васъ видалъ еще ребенкомъ. Помнится, не разъ даже привозилъ вамъ конфеты, но никакъ не могъ тогда заслужить вашего вниманія. Надѣюсь, что теперь вы будете благосклоннѣе и не вспомните вашей антипатіи.

Эта шутивно-развязная рѣчь не понравилась Надѣ, а пристальный взглядъ, не скрывавшій лестнаго для нея изумленія, смущалъ ее.

— Я васъ не помню, — отвѣчала она, краснѣя.

— Забвеніе обиднѣе антипатіи, — съ неестественнымъ смѣхомъ возразилъ Вильдъ. — Во всякомъ случаѣ надѣюсь, что пока не успѣлъ еще ничѣмъ возбудить вашего нерасположенія, и вы не откажетесь подать мнѣ руку, какъ старинному пріятелю вашихъ родителей.

Нада неохотно подала ему руку и поспѣшила высвободить ее изъ влажныхъ, костлявыхъ пальцевъ.

— Въ нѣкоторомъ отношеніи, Надежда Николаевна не измѣнилась, — замѣтилъ съ улыбкой Вильдъ, обращаясь къ Любови Гавриловнѣ.

— Она была, есть и будетъ неисправимой диваркой! — шутивно зангрявая, заговорила Любовь Гавриловна, стараясь притянуть къ себѣ Надю за руку.

— Пусти меня, пашап, — замѣтила дѣвушка, тихо уклоняясь отъ ея ласки, — я еще ни съ кѣмъ не поздоровалась.

Она сповойно направилась къ карточному столу, за которымъ предсѣдательствовала маленькая, толстенная барынька.

Барынька эта, по прозванію Варвара Михайловна Вавилова, была известна въ городѣ подъ названіемъ «кубышка». Любовь Гавриловна вообще не расточала свою благосклонность, но ее

приглашала охотно. Пустенькая, добренькая Вавилова могла служить приятнымъ ассессуаромъ для ея гостиниой. Мужчинъ забавляла ея неумолкаемая болтовня; они подсмѣивались надъ «губышкой», но подъ-часъ не прочь были слегка приударить за ней; она же, съ своей стороны, не прочь была пововетничать и при случаѣ посплетничать не со зла, а такъ—отъ нечего дѣлать.

— А, пожалуйста, пожалуйста сюда,—весело закричала Вавилова, громко цѣлуя Надю.—Садитесь здѣсь, воелѣ меня; поближе, поближе! вотъ такъ!—продолжала она, придвигая къ себѣ стулъ Нади. Наконецъ-то вы появились! Ужъ я собиралась идти постучаться къ вамъ и вытащить васъ изъ кельи. Монашенка вы этакая, право, монашенка! А мы вотъ въ невинную игру играемъ: въ дурачки! и эти господа надуваютъ меня такъ, что срамъ!

— Это все клевета, Варвара Михайловна, нельзя честнѣе играть!—возразилъ, сдавая карты, маленькій, черненькій штатскій съ вольей бородкой.—Прикажете, Надежда Николаевна?—обратился онъ съ вѣжливой улыбкой къ дѣвушкѣ. Надя отрицательно покачала головой.

— Вотъ вы,—продолжалъ онъ,—немножко того—плутуете.

— Скажите, пожалуйста, я плутую! Прекрасно! вотъ они—всегда такъ!—обратилась она къ Надѣ.—А что, душа, поѣдете вы на балъ въ собраніе? Любовь Гавриловна, повезете вы ее на балъ?

Любовь Гавриловна нѣжно взглянула на дочь.

— Если она хочетъ... Когда же будетъ этотъ балъ?

— На Рождество. Поѣзжайте, душа, прелесть какъ будетъ весело; вотъ увидите! Любовь Гавриловна, непременно надо, чтобы она ѣхала, не такъ ли?... А это что такое?—закричала она, хватая Ревкова за руку.—Кто это короля валетомъ кроетъ?

— Это козырный валетъ,—загоготалъ Ревковъ, поспѣшно смѣшивая карты.

— Покажите, покажите!

— Что съ возу упало, то пропало!—замѣтилъ черненькій господинъ.

— Ну, такъ я съ вами совсѣмъ не хочу играть!—вскричала Варвара Михайловна, надувъ губки и бросая карты.—Это ни на что не похоже! Неправда-ли, это несносно? обратилась она снова къ Надѣ.

Надя отвѣчала разсѣянной улыбкой. Она машинально слѣдила за играющими, не обращая вниманія на ихъ болтовню. Всѣ мысли ея вращались вокругъ послѣдняго разговора, и сердце ея болѣзненно сжималось, когда она вспоминала Ирину Петровну.

«Бѣдная тѣта!» думала она: «и я должна была уйти, не успѣвъ хоть нѣсколько утѣшить, успокоить ее».

— Надежда Николаевна, позвольте прервать ваши мысли на одно мгновение,—провзнесъ вдругъ Лысухинъ.

Онъ до сихъ поръ сидѣлъ одиноко за разсматриваніемъ альбомовъ, не принимая участія ни въ игрѣ въ карты, ни въ разговорѣ Любови Гавриловны съ Вильдомъ, хотя Любовь Гавриловна и взглядомъ и словами не разъ приглашала его подойти къ ней.

Надя вздрогнула и оглянулась вокругъ себя. Вавилова и ея товарищи, послѣ довольно продолжительнаго спора, снова принялись за карты. Любовь Гавриловна продолжала живо спрашивать Вильда; онъ полусерьезно, полуплутииво отвѣчалъ ей, съ снисходительной улыбкой взглядывая по временамъ на играющихъ.

— Надежда Николаевна, вы такъ углубились въ себя, что невозможно привлечь ваше вниманіе,—раздражительно замѣтилъ Лысухинъ.

— Развѣ вамъ теперь только бросается въ глаза разсѣянность Нади?—добродушно спросила Вавилова. — Она всегда такая съ нами: она просто скучаетъ!

Надя покраснѣла.

— Извините, я не разслышала, что вы сказали,—обратилась она къ Лысухину.

— Я ничего особеннаго не говорилъ. Я только хотѣлъ, чтобы вы хоть на одну минуту вышли изъ заоблачнаго міра и взглянули на насъ, грѣшныхъ.

— Что, что такое? кто это въ заоблачномъ мірѣ?—спросила Любовь Гавриловна.

— Это мы говоримъ про Надю,—весело вскричала Вавилова. — Я утверждаю, что она скучаетъ съ нами. Вѣдь согласитесь, душка, мы для васъ скучный народъ?

Съ этими словами «кубышка» быстро обняла и звонко поцѣловала Надю.

— Не соглашайтесь, Надежда Николаевна,—задребезжалъ черненькій господинъ,—это для насъ ужъ слишкомъ обидно.

— Ну, вы! — презрительно замѣтила Варвара Михайловна, полуоборачиваясь къ нему. — Ахъ, да! — продолжала она, по обыкновенію быстро мѣняя тему разговора. — Слышала я, какъ вы вчера вели себя въ собраніи.

— Какъ? Скажите! — вызывающимъ тономъ спросилъ черненькій господинъ.

— Вы сами знаете какъ! Любовь Гавриловна, смотрите, онъ боится, что я вамъ расскажу!

Любовь Гавриловна улыбнулась.

— Въ чемъ же это вы провинились?

— Да ни въ чемъ, Любовь Гавриловна. Вчера, какъ вы знаете, въ собраніи былъ семейный вечеръ, затѣмъ нѣкоторые члены остались ужинать... Ну, и покутили, какъ водится.

— Да, именно какъ водится! подхватила Вавилова:— то-есть, нѣкоторыхъ знакомыхъ нашихъ вывели подъ-ручки изъ залы.

— Это ужъ нѣсколько преувеличено. Никого не выводили изъ залы.

— Какъ! Вы сами могли дотащиться до пролетовъ?

— То-есть, я принялъ помощь товарищей, — возразилъ черненькій господинъ, распахиваясь на стулѣ.

Любовь Гавриловна разсмѣялась и погрозила ему пальчикомъ.

— А товарищи ваши на кого опирались?— продолжала представлять Вавилова.

— Другъ на друга. Это въ порядкѣ вещей, такъ сказать, фундаментъ товарищескихъ отношеній. Жаль, Варвара Михайловна, что вы не были въ собраніи! Право, вчера было очень весело, не такъ ли, Лысухинъ?

Лысухинъ нетерпѣливо пожалъ плечами: разговоръ этотъ раздражалъ его.

— Очень вамъ благодарна!— вскричала Варвара Михайловна:— куда какъ весело быть въ пьяной компаніи!

— Какъ же можно такъ выражаться, Варвара Михайловна,— смѣясь, возразилъ черненькій господинъ. — Компанія была самая комильфотная. Всѣ были только чуть-чуть на веселѣ, вотъ и все!

— И дамы ваши тоже были на веселѣ? Извольте говорить правду! я вѣдь ужъ все знаю.

— Помилуйте, Варвара Михайловна, смѣю ли я утаивать истину передъ вами? — съ пафосомъ возразилъ черненькій господинъ.— Наши дамы были очень веселы и любезны!

— Постойте, я сейчасъ догадаюсь, кто былъ съ вами?.. Одна изъ дамъ навѣрное была Климская?

— Какъ вы проникательны, Варвара Михайловна!

— Не трудно быть проникательной! Всѣ знаютъ, какое общество правится Климской!

— Бѣдная женщина!— съ собогѣзнованіемъ замѣтила Любовь Гавриловна.

— Отчего бѣдная?— вскричалъ черненькій господинъ. — Она ведетъ веселую жизнь, и навѣрное многія изъ нашихъ строгихъ дамъ завидуютъ ей.

— Кто эта Климская?—спросилъ вдругъ Вильдъ. — Мнѣ кажется, я видалъ одну Климскую въ Петербургѣ... Очень хорошая женщина...

— Должно быть, это та же самая. Здѣсь всё эти господа по ней съ ума сходятъ.

— Ну, Любовь Гавриловна, кто же съ ума слодить?—протестовалъ черненькій господинъ.

— Да первый вы. — Она жена инженернаго полковника. Мужъ ея страшный мамля и рѣшительно не обращаетъ вниманія на жену. Она еще молода, немного вбалмошна, немного кокетка... Мужчины кружатъ ей голову и потому часто она держитъ себя не такъ, какъ слѣдуетъ... Трудно ее осуждать,—съ легкимъ вздохомъ прибавила Любовь Гавриловна, — еслибъ она попала въ хорошія руки, изъ нея вышло бы что-нибудь хорошее.

— Она бываетъ у васъ?—спросилъ Вильдъ.

— Н-и-нѣтъ, — протяжно отвѣчала Любовь Гавриловна, и, бросивъ быстрый взглядъ на Надю, прибавила вполголоса:—У меня взрослая дочь, понимаете?

Вильдъ кивнулъ утвердительно головой, всталъ и подошелъ къ столу съ альбомами.

— Любовь Гавриловна правду говорить, — вскричалъ вдругъ Ревковъ, понявъ по-своему ея слова. До сихъ поръ онъ молчалъ, пытаясь съ напряженнымъ вниманіемъ строить карточные домики. — Климская хорошая, а вотъ напрасно за ней ухаживаютъ.

— Да это преле село!—задрезжалъ мелкимъ смѣхомъ черненькій господинъ.

— Продолжайте, продолжайте Ревковъ. Климская и не доверѣваетъ, что вы ея рыцарь.

— Нѣтъ, что-жъ, господа, вы, пожалуй, смѣйтесь! Только право же, не хорошо такъ обращаться съ Климской. Что-жъ, я не скрываю, я тоже былъ пьянъ вчера, но ужъ и тогда думалъ, что не хорошо, какъ вы, да вотъ Лысухинъ, да еще тамъ другіе, ухаживали за Климской! Вчера вы же ей все подливали шампанское, а сегодня про нее снова Богъ знаетъ что по городу говорить.

— Болванъ!—промигнулъ Лысухинъ. — Знаете-ли что, Ревковъ,—насмѣшливо произнесъ онъ, — вы бы лучше спѣли намъ что-нибудь вмѣсто того, чтобы проповѣди читать. Пѣвцамъ это не приходится!

Ревковъ обидѣлся.

— Каждый может высказывать свое мнѣніе!—задорно возразилъ онъ.

— Поэтому-то я и высказываю вамъ *свое* мнѣніе, — рѣзко замѣтилъ Лысухинъ.

— Дѣйствительно, спойте намъ что-нибудь, — подхватила Вавилова, вскакивая со стула. — Я буду вамъ аккомпанировать.

Ревковъ никогда не отказывался отъ пѣнія. Онъ вопросительно взглянулъ на Надю.

— Какъ же, Надежда Николаевна, вѣдь вы хотѣли аккомпанировать?—нерѣшительно спросилъ онъ.

— Очень любезно, нечего сказать!—закричала Вавилова. — Я ему предлагаю аккомпанировать, а онъ обращается къ другой! Ахъ, вы, кавалеры! Ну, идемте, что тутъ разговаривать!

Вавилова, переваливаясь, какъ уточка, направилась къ пѣанино. Ревковъ и черненькій господинъ послѣдовали за ней. Лысухинъ придвинулъ-было стулъ свой къ Надѣ.

— Петръ Семеновичъ! — повзала его громко Любовь Гавриловна.

— Чтѣ прикажете?—спросилъ онъ, полуоборачиваясь съ любезной улыбкой.

— Подите сюда. Мнѣ надо съ вами поговорить.

Это было сказано такимъ настойчивымъ голосомъ, что Лысухинъ, хотя и не совсѣмъ охотно, повиновался и направился къ голубой кушеткѣ. — Надя встала и подошла къ двери.

— Куда же ты, моя птичка?—спросила Любовь Гавриловна.

— Здѣсь душно... Я останусь въ залѣ.

— Такъ раздвинь портьеру, чтобы мы тебя видѣли, моя душа, а то мы подумаемъ, что ты снова, какъ мышеночка, спряталась въ норку свою.

— Тихе, господа, тихе! — крикнула Вавилова: — мы начинаемъ.

Раздался громкій аккордъ. Ревковъ откашлялся, провелъ пальцемъ по горлу. — Кажется, охрипѣ немножко, — замѣтилъ онъ, выпятивъ грудь впередъ и гаркнувъ арію изъ «Эрнани».

— Вы, вѣроятно, совсѣмъ не помните Петербурга, Надежда Николаевна?—замѣтилъ Вильдъ, подходя къ дѣвушкамъ съ альбомомъ видовъ въ рукахъ.

— Нѣтъ, напротивъ, помню, — возразила Надя просто, спокойно взглядывая на него. — Я была уже довольно большая, когда пріѣхала сюда.

— Во всякомъ случаѣ, вы были еще ребенкомъ и не могли

шоплиѣ оцѣнить всю разницу между столичной и провинціальной жизнью.

— Петербургскую жизнь я вообще совсѣмъ не знала.

— Ребенку ничего не стѣбтъ переходить изъ одной обстановки въ другую; онъ ко всему примѣняется, — продолжалъ Вильдъ, садясь около Нади. — Взрослому же человѣку нелегко мѣнять живую, горячую жизнь на будничную, сѣренькую.

Надя съ любопытствомъ взглянула на него.

— Вы всегда жили въ Петербургѣ? — спросила она.

— Нѣтъ, не всегда, и потому по собственному опыту могу оцѣнить все превосходство столичной жизни надъ провинціальной. Здѣсь болѣе праздныхъ людей, а потому болѣе злыхъ языковъ.

Онъ на минуту оставовился.

— Первый почти вечеръ провожу я въ провинціальномъ обществѣ, и уже видѣлъ маленькій образчикъ его человѣколюбія. Вы были возмущены, Надежда Николаевна, — продолжалъ онъ тише, — тѣмъ, какъ относились къ Климской. Вы ее знаете?

Надя вспыхнула.

— Очень мало. Мы встрѣчаемся только въ собраніи. Я нахожу возмутительнымъ такое отношеніе къ ней, — проговорила она порывисто, — тѣмъ болѣе возмутительнымъ, что такъ къ ней относится за глаза, а въ глаза ей льстятъ.

Вильдъ одобрительно кивнулъ головой.

— Совершенно справедливо. Видите, я не ошибся, когда сказалъ, что вы были возмущены. Этотъ легкій, шуточный разговоръ покоробилъ меня; я невольно взглянулъ на васъ, и съ удовольствіемъ замѣтилъ, что не меня одного онъ воровитъ. Вы были бы еще болѣе возмущены, если бы знали прошлое Климской.

Надя вопросительно взглянула на него.

— Вы, кажется, сказали, что знали ее въ Петербургѣ?

— Да, я познакомился съ ней случайно. Давно ужъ это было. Она тогда была почти ребенкомъ еще... Бѣдная дѣвочка! — прибавилъ онъ — и задумался.

Надя внимательно смотрѣла на него.

— Нелегко, Надежда Николаевна, — съ горечью заговорилъ онъ, быстро взглядывая на нее, — нелегко въ нашемъ обществѣ молодой женщинѣ идти прямымъ путемъ, особенно, если природа, къ несчастью, одарила ее красотой и въ придачу дала ей корыстолюбивую маменьку! Вотъ эти господа, — Вильдъ презрительно указалъ на дверь гостиной, — напомнили мнѣ первую встрѣчу съ Климской. И тогда ее тоже окружала поддутившая ком-

панія, и не стыдились они подливать шампанское ребенку, шестнадцатилѣтней дѣвочкѣ! Не знаете вы, Надежда Николаевна, какая пиваль — *rassez moi l'expression* — находится часто между нашей братьею, — мужчинами!

Голосъ его задрожалъ отъ негодованія; онъ на минуту остановился.

— И эти же господа, — продолжалъ онъ сдержаннѣе, — первые потираютъ руки отъ удовольствія, когда про дѣвушку, которую они сами же портили, какъ только могли, когда про нее идутъ равные двусмысленные слухи! первые подсмѣиваются они и самодовольно подмигиваютъ другъ другу, когда разговоръ воснется ея!... А у нея была цѣнная натура! — прибавилъ онъ, задумчиво глядя себѣ подъ ноги. Казалось, онъ совсѣмъ забылъ присутствіе дѣвушки и весь перенесся въ воспоминаніе.

Надя съ живѣйшимъ вниманіемъ слушала его. Его отрывистая рѣчь, глухой, взволнованный голосъ захватывали и волновали ее.

— Да, это была цѣнная натура! — повторилъ Вильдъ, подымая вдругъ голову и серьезно взглядывая на нее. — Но мудрено удѣлѣть въ такой обстановкѣ! Вы не можете себѣ представить, Надежда Николаевна, какое общество ее окружало!

— Но вы были знакомы съ нею, — произнесла Надя, краснѣя и запинаясь, — отчего же вы не попытались освободить ее изъ обстановки... Она была еще такъ молода... Вамъ, вѣрно, удалось бы...

Вильдъ съ горькой улыбкой выслушалъ ее.

— Ахъ, Надежда Николаевна, не знаете вы еще что такое сила обстоятельствъ! не знаете, не можете вы измѣрить безграничнаго вліянія обстановки на молодое, несложившееся существо!... Я подошелъ къ ней съ теплымъ, дружескимъ участіемъ... Мнѣ казалось, она жаждетъ выхода... Я попытался помочь ей найти его... Но обстановка уже произвела свое дѣйствіе... Я не моралистъ, Надежда Николаевна! Боже меня сохрани читать проповѣди юнымъ созданіямъ! Мнѣ самому слишкомъ много приходится бороться съ нравственными недугами, чтобы быть строгимъ относительно другихъ. Я требую только одного: сердечное желаніе бороться съ недостатками своими, разъ они созваны... Вотъ, съ этимъ-то дружескимъ требованіемъ я и подошелъ къ ней, предлагая посредствомъ честной работы выдти изъ ея двусмысленнаго положенія... Она была впечатлительна и горячо ухватилась за эту мысль... Цѣлый годъ употреблялъ я всѣ усилія, чтобы поддержать ее въ этомъ благомъ намѣреніи, но, какъ и слѣдоваго

ожидать, обстановка была сильнѣе меня... Не только стала она охлаждать къ труду, но и мои дружескія увѣщанія, моя невольная требовательность начинали надоедать ей... Я принужденъ былъ отойти...

— И вы совсѣмъ оставили ее? совсѣмъ предоставили ее себѣ самой?—спросила Надя порывисто.

Вильдъ серьезно-задумчиво посмотрѣлъ на нее.

— Я принужденъ былъ это сдѣлать, Надежда Николаевна, но, повѣрьте, не легко рѣшился на это... Нѣкоторые факты трудно передать... тутъ было многое такое... Главное, она привыкла къ лести, и моя серьезная дружба казалась ей черезъ-чуръ строгой... Я не умѣлъ лстить... Она сама отошла отъ меня, и отошла даже враждебно!... Меня не удивить, если она и теперь встрѣтитъ меня враждебно...

Наступило продолжительное молчаніе. Надя не прерывала его; она съ горячимъ любопытствомъ рассматривала его блѣдное, взволнованное лицо.

— Есть люди, которые рождаются неудачными педагогами!— началъ онъ снова съ насильственнымъ смѣхомъ. — Сколько разъ приходилось мнѣ горько убѣждаться въ неудачѣ моихъ педагогическихъ попытокъ, и при первомъ удобномъ случаѣ я снова являюсь съ горячимъ желаніемъ помочь, спасти, вытащить изъ обстановки и т. п. Горбатаго, видно, могла исправить! Жизнь не особенно бережно обходилась со мной. На каждомъ шагу судьба, какъ-бы зло подсмѣиваясь, пыталась распатать мою вѣру; на каждомъ шагу ожидало меня горькое разочарованіе... Несмотря на все, во мнѣ сохранилась глубокая, можно сказать, слѣпая вѣра въ мое чутье... Вотъ, на примѣръ: я вѣдь вижу васъ въ первый разъ, но инстинктивно, съ перваго раза я почувалъ, что вы изъ тѣхъ, которымъ понятно чужое страданіе, которые по одному намеку постигаютъ его... И я убѣжденъ, что не ошибаюсь...

Надя покраснѣла и на минуту замялась. Она еще сильнѣе покраснѣла, когда, поднявъ голову, встрѣтила пристальный взглядъ матери. Любовь Гавриловна стояла въ дверяхъ гостиной съ Лысухинымъ и, продолжая разговаривать съ нимъ, пытливо взглядывала на дочь и Вильда.

— Что это, Алексѣй Васильевичъ, — замѣтила она, граціозно подходя къ Надѣ и кладя ей руку на плечо, — вы, кажется, сказки рассказываете моей дочкѣ?

— Я вѣдь старый болтунъ, Любовь Гавриловна, — отвѣчалъ Вильдъ, вставая: — попадись мнѣ благосклонный слушатель, я

всегда готовъ злоупотреблять его вниманіемъ. Сегодня нашель на меня стихъ болтовни, и бѣдная Надежда Николаевна принуждена была выслушать ее до конца.

— Очень жаль, что этотъ стихъ не нашель на васъ, когда вы были со мной, — кокетливо улыбаясь, говорила Любовь Гавриловна. — Чтò же вы такое рассказывали моей дочкѣ? или это секретъ?

— Я не успѣлъ еще заслужить довѣрія Надежды Николаевны настолько, чтобы могло быть что-либо похожее на секретъ между мной и ею.

— Предупреждаю заранѣе, что вы это довѣріе никогда не заслужите, — смѣясь возразила Любовь Гавриловна, усаживаясь и жестомъ приглашая Вильда сѣсть. — Вотъ эта барышня, — она живо указала пальчикомъ на Надю, — самый отчетливый образъ мимозы. Лишь только кто осмѣлится прикоснуться къ ней, она сейчасъ же свертываетъ листочки и — цвѣтокъ исчезъ. Какъ подумаешь, какое сходство иногда бываетъ между натурами! Я помню, до замужства я была такая же, какъ моя дочка. А бѣдъ у насъ совершенно различные характеры: я — безпокойная, меня все тревожить, волнуешь... Надя, напротивъ, разсудительная, ко всему относится она равнодушно...

И Любовь Гавриловна, по обыкновенію, увлеклась самымъ интереснымъ для нея предметомъ, а именно самой собой. — Надя встала и направилась въ гостиную. Приходъ матери, какъ всегда, окатилъ ее холодной водой. Въ гостиной все еще продолжались музыкальныя упражненія. Вавилова пыталась пѣть дуеть съ Ревковымъ; черненькій господинъ аккомпанировалъ имъ.

— Надежда Николаевна, — проговорилъ Лысухинъ, останавливая ее въ дверяхъ, — я давно ждалъ случая поговорить съ вами наединѣ... Не подарите-ли вы мнѣ пять минутъ?

Надя вспыхнула.

— Намъ, кажется, нечего переговаривать наединѣ, — произнесла она нетвердымъ голосомъ.

— Есть вещи, которыя нельзя говорить при другихъ, — раздражительно замѣтилъ Лысухинъ.

— Я однако ясно показывала, ш-т Лысухинъ, что не желаю никакихъ разговоровъ, — отвѣчала Надя, прямо взглядывая на него.

— Вы очень рѣзки, Надежда Николаевна, — произнесъ онъ по возможности сдержанно; — но я принужденъ свести вашу рѣзкость, принужденъ настоять на этомъ разговорѣ... Когда дѣло идетъ о всей жизни, настойчивость необходима!... Любовь Гавриловна общала мнѣ поговорить съ вами, Надежда Николаевна...

— Развѣ маман не передала вамъ мой отвѣтъ?— съ смущеніемъ спросила дѣвушка.

— Я надѣюсь, что этотъ отвѣтъ не окончательный... Когда вы болѣе узнаете меня и поймете мое къ вамъ чувство...

— Къ чему все это, ш-г Лысухинъ? Меня вы не любите и знаете, что я также не люблю васъ...

— Я не подозрѣвалъ, дорогая Надежда Николаевна, — перебилъ ее Лысухинъ, — что вы такъ романтичны... Я глубоко уважаю васъ и не требую отъ жены какой-то необыкновенной любви. Тихая, нѣжная дружба — вотъ въ чемъ супружеское счастье...

— Ни любви, ни дружбы не можетъ быть между нами...

Лысухинъ собирался возражать.

— Прошу васъ не настаивать! — взволнованно продолжала Надя: — мой отвѣтъ окончательный. Онъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ измѣненъ.

Съ этими словами она быстро повернулась и вышла изъ залы.

Черезъ часъ послѣ этой сцены, Вильдъ и Лысухинъ ужинали въ одномъ изъ номеровъ гостинницы «Парижъ».

— Ну-съ, — началъ Лысухинъ, послѣ продолжительнаго молчанія, отталкивая отъ себя тарелку съ остатками холоднаго цыпленка и наливая себѣ стаканъ вина: — какъ же ты нашелъ Любовь Гавриловну? Давненько вы не видались.

— Да, давненько, — задумчиво повторилъ Вильдъ. — Много воды утекло съ тѣхъ поръ. Вотъ и дочка у нея уже невѣста, а она все такая же, какъ и была...

— Удивительная женщина! — замѣтилъ Лысухинъ, отпивая вино: — такъ сохранилась, какъ рѣдко кто! Право, подчасъ забываешь, что ей уже не двадцать, и...

— А, что — между матерью и дочерью будто того... не ладно? — перебилъ его Вильдъ.

— Ты ужъ замѣтилъ? Не мудрено, впрочемъ. Дочка-то, братецъ ты мой, — характерецъ, нечего сказать! Повѣришь ли, если бы не Любовь Гавриловна, никто бы у нихъ ногой не бывалъ! Смѣшно, право: въ другихъ домахъ дочка притягиваетъ нашу братью, молодежь, а здѣсь изъ-за маменьки ѣздятъ...

— Странно! по-моему, дѣвушка не уступаетъ въ красотѣ матери...

— Ну, нѣтъ! я съ этимъ не согласенъ! Куда ей до матери! Сравни только миловидное, оживленное лицо Любви Гавриловны съ ея каменными, неподвижными чертами; сравни грацію той

съ ея угловатостью, — и тебѣ въ голову не придетъ сказать, что онѣ не уступаютъ другъ другу въ красотѣ!

— Лысухинъ, да ты, кажись, влюбленъ въ маменьку? — со смѣхомъ вскрикнулъ Вильдъ. — Ай да, Любовь Гавриловна! молодецъ, нечего сказать! Скажите пожалуйста, — до сихъ поръ еще побѣждаетъ сердца!

— Пусти! я не влюбленъ въ нее! Она дѣйствительно очень мила со мной, и я люблю ее какъ...

— Нѣжный сынъ любить мать свою? Разумѣется! Любовь Гавриловна платитъ тебѣ тоже материнскую любовь? Я ужъ имѣлъ случай видѣть, какъ она трогательно заботится о тебѣ.

— Пожалуйста, безъ намековъ! Въ нашихъ отношеніяхъ ничего нѣтъ предосудительнаго!

— Ну, конечно! — все съ тѣмъ же смѣхомъ возразилъ Вильдъ, слегка раскачиваясь на стулѣ. — Что можетъ быть предосудительнаго со стороны почтенной Любви Гавриловны! Ты напрасно оправдываешься... Къ тому же — *qui s'excuse...*

— Съ чего ты взялъ, что я оправдываюсь? — съ сдержанной улыбкой отвѣчалъ Лысухинъ, закуривая папироску и растягиваясь на диванѣ.

— Дѣло въ томъ, что тебѣ страшно хочется, чтобы я поставилъ *les points sur les i...* но, дудки; братецъ; допытываться я не намѣренъ... изъ уваженія къ Любви Гавриловнѣ! Она вѣдь конфиденцій не долюбиваетъ... Въ сущности, меня гораздо болѣе интересуетъ дочка.

Лысухинъ съ неопредѣленной гримасой страхнулъ ногтемъ мизинца пепель съ папироски. Вильдъ пытливо взглянулъ на него.

— Она не имѣетъ чести тебѣ нравиться? Однако, ты весь вечеръ искалъ случая говорить съ ней наединѣ, и разговоръ *en tête à tête* повергъ тебя въ крайне дурное расположеніе духа.

— Какъ ты проницателенъ! Съ чего это тебѣ вздумалось наблюдать за мной? Въ Петербургѣ этой замашки за тобой не водилось.

Вильдъ расхохотался.

— Ну, Лысухинъ, провинція окончательно вскружила тебѣ голову. Видно, барыни такъ упорно наблюдаютъ за тобой, что ты вообразилъ, что и товарищи изберутъ тебя предметомъ наблюденій! Нѣтъ, дружище, мнѣ до тебя никакого дѣла нѣтъ, и наблюдать я не за тобой!

— Вотъ какъ! Что-жъ, завтра же можно будетъ поздравить Надежду Николаевну съ неожиданной побѣдой.

— Пожалуй, поздравляй. Я нисколько не скрываю, что дѣвочка эта меня интересуеъ.

Лысухинъ насмѣшливо усмѣхнулся.

— Тебя, видно, подмываетъ и тутъ пустить въ ходъ твою психологію по части женщинъ? Очень мнѣ любопытно знать, что ты вынесешь изъ наблюдений надъ этимъ семинаристомъ въ юбкѣ?.. Это Дубковъ—знаешь, тотъ штатскій, съ козьею бородой—прозвалъ ее такъ. Онъ пустой, кутила-мученикъ, но въ обществѣ—ничего, остроумный; многимъ надавалъ ужъ онъ вличекъ. Надежда Николаевна такъ теперь и прозывается у насъ «семинаристомъ». Любовь Гавриловна горюеъ, что она все внѣзжи читаетъ и такая дикая. Она въ ней души не чаеъ, а дочка съ нею холоднѣе воды! На насъ, грѣшныхъ, смотреть она съ высоты величія, въ разговоры не пускаеъ! Вѣдь ей все нужно о высокихъ матеріяхъ трактовать!

Лысухинъ коротко разсмѣялся.

— Ни малѣйшей женственности въ ней нѣтъ, ни на грошъ кокетства! При этомъ, вѣчно блѣдная, апатичная,—больная она, что ли? Держали, держали ее въ дѣтской, чуть ли не до 19-ти лѣтъ, и выпустили на свѣтъ, не давъ ей никакого развитія, ни малѣйшаго умѣнья держать себя...

Онъ замолчалъ.

— Эту зиму, впрочемъ,—началъ онъ снова,—я видалъ ее разъ оживленной, на балу въ собраніи. Она вообще танцуетъ неохотно, къ великому отчаянію Любови Гавриловны, но здѣсь—не знаю, что съ ней сдѣлалось! Она танцовала до упаду и съ такимъ оживленіемъ, что всѣ обратили на нее вниманіе. Вотъ, тогда она была дѣйствительно хороша!

— Что же сказала при этомъ Любовь Гавриловна?

— Нади была одна съ одной старой барыней.

— Г-мъ!—промычалъ Вильдъ.

— Да, вотъ тебѣ загадка! Я неохотникъ разгадывать такія ватуры. Для меня эта дѣвочка лишній элементъ въ гостиной Любови Гавриловны, гдѣ всѣмъ тепло и уютно, и гдѣ она на всѣхъ наводитъ скуку.

— И вся остальная молодежь относится къ ней такъ же, какъ и ты?

— О, нѣтъ!—притворно зѣвая, возразилъ Лысухинъ.—Есть дураки, которые въ нее влюблены. Впрочемъ, что-жъ тутъ мудренаго: за ней дадутъ около 50,000 приданого.

— Вотъ какъ! Она богатая невѣста!

Теперь Лысухинъ пытливо взглянулъ на Вильда.

— Посватайся! — произнесъ онъ насмѣшливо. — Только предупреждаю: она всѣмъ отказываетъ и намѣрена остаться старой дѣвой. Впрочемъ, попытайся. Можетъ, ты будешь счастливымъ избранникомъ!

— Позволь тебя спросить, ты по личному опыту знаешь, что она всѣмъ отказываетъ?

— Я за нее не сватался! — и хотъ бы за нею давали сто тысячъ — не посватался бы!

«Вреть!» подумалъ Вильдъ.

— Я уже сказалъ, — раздражительно продолжалъ Лысухинъ, — что эта барышня не въ моемъ вкусѣ.

Вильдъ не возражалъ. Онъ досталъ изъ кармана вязанную серебряную сигарочницу, вынулъ сигару и закурилъ ее.

— Ну, а что же у васъ тутъ подѣлываетъ м-ше Климская? — спросилъ онъ съ видимымъ наслажденіемъ затягиваясь дымомъ. — Хочешь?

Вильдъ указалъ на сигары. Лысухинъ просіялъ.

— М-ше Климская? — переспросилъ онъ, откусывая кончикъ сигары. — Да то же, что и въ Петербургѣ! Чертовски хорошбѣтъ и съ ума сводить нашу братю.

— Вотъ какъ! Значитъ то же, что и прежде? А мужъ?

— Мужъ? Болпакъ, тюлень! Онъ, кромѣ своихъ фортификацій, ничего не знаетъ! Женѣ онъ въ глаза смотритъ, а она его за носъ водитъ. Если хочешь съ ней видѣться — теперь самая удобная минута. Мужъ посланъ въ командировку.

— Я не намѣренъ избѣгать ея мужа и даже не знаю, увижусь ли съ ней. Не люблю я возобновлять старыя знакомства.

— Ну, этого ты не избѣгнешь. Въ провинціальномъ городѣ и друзья и недруги волей-неволей постоянно встрѣчаются. И почему не хочешь ты видѣться съ ней? Не потому ли, что въ былое время она была влюблена въ тебя?

— Кто тебѣ сказалъ, что она была влюблена? — спросилъ Вильдъ, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдя за струйками дыма.

— Да ты самъ мнѣ сказалъ.

— Ну, этого не можетъ быть.

— Не можетъ быть? Повѣрь, что это очень можетъ быть! Я какъ теперь помню нашъ разговоръ. Хочешь, я даже припомню тебѣ, гдѣ онъ происходилъ? Во французскомъ театрѣ. Я впервые увидалъ тогда Климскую. Она сидѣла въ бель-этажѣ съ какой-то барыней. Помню я, какъ ты смутился, когда я указалъ тебѣ на нее. Въ антрактѣ ты отправился въ оркестру, и, по моему, довольно-таки нахально началъ лорнировать ложу. Клим-

ская замѣтила тебя; я видѣлъ, что она вся вспыхнула, повернулась къ своей подругѣ и черезъ нѣсколько минутъ онѣ вышли изъ ложи. Ты схватилъ меня тогда подъ руку, потащилъ въ фойе и тамъ-то разсказалъ мнѣ кое-что о Климской, объ ея любви къ тебѣ... Я тогда еще удивлялся твоему донъ-кихотству. Не понимаю я, съ какой стати ты ее мучаешь, твердя, что не можешь любить и т. д... Ну, что-жъ, по-твоему, все это я выдумалъ?

Вильдъ всталъ и задумчиво прошелся взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Да, да! теперь я помню! — произнесъ онъ, останавливаясь передъ Лысухинымъ и проводя рукой по узкому, высокому лбу. — Я тогда былъ самъ не свой!.. У меня сорвалось это признаніе... Всѣ эти отношенія были тогда такъ запутаны...

Онъ замолчалъ и принялся ходить по комнатѣ. Лысухинъ недружелюбно посматрѣлъ ему вслѣдъ.

— Ты, положительно, баловень судьбы! — съ завистью замѣтилъ онъ.

Горькая усмѣшка промелькнула на губахъ Вильда.

— Хорошъ баловень, нечего сказать!

— Да, разумѣется, баловень! Съ самыхъ малыхъ лѣтъ тебя на рукахъ носили! Помнишь, въ правовѣдѣніи? Дѣло прошлое, признаюсь теперь, это общее поклоненіе бѣсило меня! А все-таки я не осмѣливался открыто возставать противъ него и, волей-неволей, тоже подчинялся общему настроенію. Чортъ тебя вѣдаетъ, что въ тебѣ такое было! Я, вѣдь, никогда не находился въ числѣ влюбленныхъ въ тебя и разбиралъ твою личность по-товарищески... Никакихъ особенныхъ добродѣтелей въ тебѣ не находилъ... Таковой же ты человекъ, какъ и мы грѣшныя! Эгоизмомъ природа щедро одарила тебя, а общее поклоненіе еще усугубило его... Къ женщинамъ ты, въ сущности, не лучше всѣхъ насъ относился и относишься, хотя и рыцарствуешь на словахъ... И, несмотря на это отсутствіе добродѣтелей, ты имъ кружишь голову! Чортъ знаетъ, что такое! Сколько уже разъ ломалъ я голову надъ этой загадкой!

Вильдъ продолжалъ ходить. При послѣднихъ словахъ Лысухина онъ съ неопредѣленной усмѣшкой пожалъ плечами.

— Меня, въ самомъ дѣлѣ, злитъ! — вскричалъ Лысухинъ, быстро спуская ноги на полъ и облачиваясь обоими локтями на столъ. — Отчего тебѣ все удается, когда ты ничуть не лучше меня. Нахальства, что-ли, въ тебѣ больше? или лицемѣрія? Или то и другое вмѣстѣ, съ приправой краснорѣчія!

Вильдъ не возражалъ и, казалось, не слушалъ. Заложивъ руки на спину, онъ задумчиво продолжалъ шагать.

«Ну, что онъ теперь думаетъ?» подумалъ Лысухинъ, съ любопытствомъ взглядывая на него.

Ему вдругъ вспомнилась покойная Аграфена Семеновна, мать Вильда.

«Не знаю», говорила она часто, «выразительнѣе лица моего Алеши! Вѣдь, я не слѣпая мать; вижу я, что онъ далеко не красавецъ! Но посмотрите, что за мыслящее лицо!»

И она на цыпочкахъ проходила мимо сына, боясь прервать его думы. Лысухинъ раздражительно пожалъ плечами.

«И всегда такъ!» думалъ онъ. «Мы такъ же, какъ его маменька, ожидали какихъ-то необыкновенныхъ изліяній съ его стороны. А въ чемъ онъ излілся? Чортъ знаетъ, что за ерунда! Я все еще, по старой привычкѣ, ожидаю отъ него чего-то!.. Чего-то? Что это такое?.. Даже опредѣлить не умѣю!..»

— Ты думаешь, она счастлива?—спросилъ вдругъ Вильдъ.

— Кто она?

— Климская.

Лысухинъ пожалъ плечами.

— Богъ ее вѣдаетъ! Вѣроятно, счастлива! Отчего ей быть несчастной? Кружить всѣмъ головы, чего-жъ ей еще?

— Нѣтъ, ты ее не знаешь... Это не такая женщина!.. Она скрываетъ...—замѣтилъ Вильдъ, озабоченно хмура брови.

— Ну, я во всѣ эти тонкости не вхожу, а полагаю, что ты снова донъ-вихотствуешь. Климская просто-на-просто наслаждается жизнью и красотой своей! И прекрасно дѣлаетъ!—съ увлеченіемъ вскричалъ Лысухинъ, вскакивая съ дивана и садясь верхомъ на стулъ.—Вотъ она, дѣйствительно, первый сортъ барыня! Если бы побольше такихъ, весело жилось бы на свѣтѣ! Она не чета разнымъ семинаристамъ въ юбкѣ и...

— Если бы Климская была не замужемъ, женился бы ты на ней?—перебилъ его Вильдъ, останавливаясь передъ нимъ.

— Ну, это другое дѣло...

— То-то и есть!—съ усмѣшкой произнесъ Вильдъ, снова принимаясь шагать.—Нечего, значить, и сравнивать ее съ Надеждой Николаевной или съ другими подобными женщинами. Она—особая статья!

— Позволь! позволь!—загорячился Лысухинъ.

— Да что—позволь! Ты съ-разу своимъ: «это другое дѣло!»—охарактеризовалъ Климскую. На Климскихъ женятся только колапаки, какъ ея мужъ... Мы же будемъ влюбляться, но не все

тутъ!.. Однако, спать пора!—прибавилъ онъ, зѣвая.—Я усталъ, какъ собака!

Лысухинъ пытался еще продолжать начатый разговоръ, но Вильдъ не слушалъ, и, пожавъ ему руку, отправился въ свой номеръ.

Далеко за полночь горѣла свѣча въ его комнатѣ. Сбросивъ безжоризненно спитый сюртукъ и лакированные сапоги, онъ облачился въ вязанный халатъ, надѣлъ туфли и, закуривъ папирску, съ наслажденіемъ растянулся на диванѣ. Возлѣ него, на столѣ, лежалъ неразрѣзанный французскій романъ, но онъ не принимался за него. Внимательно слѣдилъ онъ за струйками дыма, машинально стараясь выпускать ихъ изо рта правильными колечками. Легкая дремота мало-по-малу овладѣвала имъ; отрывочныя фразы, слова мелькали въ головѣ, сливаясь въ какой-то хаосъ неясной, сладкой истомы.

— Чистая дѣвушка,—прошепталъ онъ, вспоминая Надю.— Что за свѣтлая улыбка!.. Какъ она слушаетъ! Какой глубокій, ясный взглядъ!.. Не въ обиду будь вамъ сказано, Любовь Гавриловна, далеко вамъ до вашей дочки! Одни только пошляки не распознаютъ всю истинную красоту этой дѣвочки! Какая прелесть въ этой порывистости, нервности!.. Непочатая натура!.. Можетъ быть... тебѣ первому суждено разбудить эту спящую царевну... Она еще не жила... Можетъ быть...

И ему представилось, что Надя тихо склоняется къ нему и шепчетъ страстныя рѣчи... Онъ притягиваетъ ее въ свои объятія... Непочатая, непочатая натура!.. мелькаетъ у него въ головѣ.

«Климская влюблена въ тебя!» припоминались ему слова Лысухина. Вильдъ улыбнулся. Передъ нимъ промелькнуло блѣдное, красивое личико, съ жгучими, черными глазами, и унесло его вдругъ въ далекое прошедшее.

Вотъ, они снова въ загроможденной разнокалиберной мебели гостиной, съ претензіями на роскошь. Они сидятъ вдвоемъ на диванѣ. Она прижалась въ уголокъ и пылко смотритъ на него. Ему неловко отъ этого взгляда; онъ пытается нѣжно взять ее за руку. Она тихо освобождаетъ ее.

— Послушайте,—слышится ему тихій, дрожащій голосъ.—Я сумасшедшая, но не можетъ быть, чтобы вы насмѣялись надо мной!.. Не правда ли, это невозможно?.. Вы не такъ меня любите, какъ вотъ всѣ эти, что сюда приходятъ?.. Вѣдь вы знаете, что я никого никогда не любила; я одного васъ люблю... Вѣдь, я честная, несмотря на все... Не сердитесь на меня за мое не-

довѣріе... Вѣдь, вы любите меня не какъ... Вы любите меня, какъ невѣсту... вы женитесь?..

Крупными слезами наполнились предестные глаза и боязливо впились они въ его лицо. Онъ почувствовалъ, что его вдругъ облили холодной водой.

— Екатерина Дмитриевна, — началъ онъ мягко, чрезвычайно мягко, — я никогда не хотѣлъ обманывать васъ... Мы, вѣрно, не поняли другъ друга...

Что онъ сказалъ далѣе, онъ не помнилъ. Громкій, рѣзкій хохотъ раздался надъ его ухомъ, и слово «комедіантъ!» какъ огнемъ обожгло его. Онъ и теперь встрепенулся — и недобрая улыбка мелькнула у него на губахъ.

— Всякая чепуха лѣзетъ въ голову! — прошептала онъ, удобнѣе растягиваясь на диванѣ и принимаясь за разрѣзаніе книги. Но напрасно пытался онъ читать; чтеніе не шло ему на умъ. Онъ машинально перелистывалъ листы, а мысли упорно уносили его въ прошедшее...

И снова мелькаетъ передъ нимъ красивое, блѣдное личико, съ жгучими глазами, но не тамъ, въ загроможденной гостиной; видите онъ, а въ саду у Излера, на минеральныхъ водахъ. Слышатся ему крики и смѣхъ подкутившей компаніи, слышится ему туной хохотъ вдовы-генеральши, ея матери. Она тоже сначала все смѣялась. Жемчужные зубки такъ и сверкали, такъ и искрились темные, большіе глаза; алымъ заревомъ горѣли щеки отъ шампанскаго и восторженнаго поклоненія окружавшей ея молодежи. Онъ сидѣлъ въ сторонѣ и не могъ глазъ отъ нея оторвать. Но вдругъ, мало-по-малу, румянецъ отхлынулъ отъ ея щекъ, веселѣмъ сверкающее лицо приняло дѣтски-безпомощное выраженіе, тревожно озирались вокругъ расширенные глаза, какъ-бы моля о помощи. Компанія пьянѣла все болѣе и болѣе. Восторженные тосты и похвалы красотѣ дѣвушки оказывались неудовлетворительными; чувствовалась потребность перейти въ дѣйствіе. Маленькія ручки красавицы хватились на-лету и покрывались пыльными поцѣлуями, не взирая на ея сопротивленіе. Толстая генеральша хохотала, покачиваясь на стулѣ, и называла дочь трусливой дурочкой!.. Кто-то потребовалъ поцѣлуя; громкіе аплодисменты привѣтствовали это требованіе. Требовали, чтобы поцѣлуи раздавались поочередно. Испуганно жалась бѣдная дѣвочка на стулѣ; пьяныя рожи со смѣхомъ склонились къ ней, разгорѣвшіяся отъ вина и ея близости глаза жадно впились въ нее. Съ усиленіемъ приподнялась она на стулѣ и со слезами озиравалась вокругъ. Умоляющій взглядъ ея инстинктивно остано-

вился на Вильдѣ. Онъ повиновался этому гѣмому призыву, и сблалъ два шага впередъ. Быстрымъ движеніемъ оттолкнула она гѣвшаго къ ней пьянаго офицера и мгновенно очутилась около Вильда.

— Уведите меня! уведите! — шептала она, хватая его за руку.

Все, что въ немъ было рыцарскаго, пробудилось при этой мольбѣ. Онъ не побоялся скандала, твердо выдержалъ пьяную брань и крики, и среди гама и шума вывелъ ее изъ сада!.. А да-лье?.. Далѣе онъ почти ежедневно сталъ видаться съ ней: Не-преодолимо притягивала его странность обстановки: смѣсь полу-свѣта съ мѣщанствомъ въ дворянствѣ, притягивала его красота дѣвушки, а еще болѣе притягивала его ея безумная страсть къ нему. На высокой пьедесталъ вознесла его эта страсть! Онъ сталъ богомъ, идеаломъ всѣхъ совершенствъ, а она на колѣняхъ моли-лась ему, устремляя на него прелестные, полные безграничной вѣры глаза. Легко дышалось ему на этомъ пьедесталѣ; востор-женныя мысли наполняли его! Онъ, дѣйствительно, мечталъ вы-рвать ее изъ того омота, въ которомъ она находилась, и повести ее за собой, — ее, поворную, любящую... Куда? — онъ себя не спрашивалъ, или, скорѣе, отклонялъ отъ себя этотъ вопросъ...

Но положеніе на высотѣ влечетъ за собой такія обязательства, съ которыми не легко справиться, когда кровь кипитъ въ жи-лахъ, а близость красивой, влюбленной дѣвушки туманитъ голову. Какъ ни старался онъ парить въ той сферѣ идеальныхъ стрем-леній и чувствъ, куда увлекла его ея восторженная любовь и его собственная мечта стать спасителемъ прелестнаго созданія, но роль эта понемногу становилась ему не подъ силу. Онъ стре-мился къ развязкѣ, а развязка не наступала. Какъ вихрь налетѣвшая любовь пробудила въ дѣвушкѣ сознание всего, что ее окружало, открыла ей глаза на то, что скрывалось подъ всѣмъ этимъ гамомъ и весельемъ, которымъ ее оглушали. Она по-няла, что среди всѣхъ этихъ пылкихъ поклонниковъ, подчю-щихъ ихъ ужинами и пикниками, мать зорко высматриваетъ вы-годнаго покупателя. Глубокое отвращеніе проникло впервые въ ея душу, горькое чувство стыда передъ любимымъ человекомъ овладѣло ею. Съ болѣзненною пытливостью старалась она про-никнуть въ его душу, и холодѣла отъ ужаса при мысли объ его презрѣніи. Изъ страха къ этому-то презрѣнію она такъ ревниво и оберегала себя, и какъ рыба ускользала отъ него при каж-дой попыткѣ сломать ея сопротивленіе. Она жаждала обновле-нія, и обновленіе могла дать только его любовь къ ней, какъ къ женѣ, какъ равной себѣ... Они, какъ водится, не понимали

другъ друга, и это непониманіе привело къ тому разговору, воспоминаніе о которомъ такъ неприятно задѣло Вильда. Цѣлой вереницей потянулись передъ нимъ картины прошлаго, и неотступно носилось въ его воображеніи красивое, блѣдное личико.

— Баловень судьбы! эгоистъ! — вспомнились ему опять слова Лысухина.

— Эгоистъ! эгоистъ! — злобно повторилъ другой женскій голосъ — и передъ нимъ мелькнуло болѣзненное, исхудалое лицо покойной жены.

— Этого еще недоставало! — проворчалъ Вильдъ, нетерпѣливо встрахивая головой. — Что со мной сдѣлалось сегодня!

Онъ всталъ и нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ.

— Хорошо расходились нервы! — прошепталъ онъ, внимательно разсматривая себя въ зеркало. — Галлюцинаціи уже начинаютъ преслѣдовать! — Баловень судьбы! — мысленно повторилъ онъ, ложась въ постель и снова берясь за романъ. — Какъ эти господа любятъ давать клички! — Онъ презрительно усмѣхнулся. — И какъ подумаешь, что главную роль тутъ играетъ просто-на-просто мелкая зависть! Старого воробья на мякинѣ не обманешь! Знаемъ васъ, г-нъ Лысухинъ, вы боитесь, что я встану вамъ поперегъ дороги!

Граціозный образъ Нади снова промелькнулъ передъ нимъ, но на этотъ разъ не удалось ему разглядить морщинки на узкомъ, высокомъ лбѣ. Воспоминаніе о Климской, мысль о предстоящей встрѣчѣ раздражала его. Онъ бросилъ книгу и, подперевъ рукою голову, крѣпко задумался. Въ постелѣ, въ этой непринужденной позѣ, онъ казался гораздо старше своихъ 33 лѣтъ. Въ нижней части лица было что-то дряблое, капризное; раздраженіе придавало холодно-оловянный оттѣнокъ сѣрымъ глазамъ, и все худое, блѣдное лицо выражало истощеніе и пресыщеніе.

«Посидѣли бы подобные господа нѣкоторое время въ моей шкурѣ», думалъ онъ, вспоминая Лысухина, «не то бы они заговорили! Баловень! хорошъ баловень! Для нихъ всякія подобныя отношенія имѣютъ только значеніе интрижное, и болѣе ничего! а я и нѣсколько лѣтъ спустя не могу равнодушно вспомнить прошлое, и нѣсколько лѣтъ спустя снова испытываю то чувство горечи и разочарованія, которое я испыталъ послѣ разрыва съ Климской!.. Виновать ли я, что она не поняла меня?.. Въ сущности, я никогда даже не намекалъ на женитьбу!.. Не могъ же я такъ жестоко оскорбить мать свою! а безъ сомнѣнія, женитьба на дѣвушкѣ, о которой шла — и не безъ основанія — такіе двусмысленные слухи, была бы для нея просто ударомъ!..

Все это было мнѣ ясно и тогда... Но не могъ же я отойти отъ нея внезапно, когда она такъ безумно любила меня, и этимъ силой втолкнуть ее въ омуты!.. Изъ чему повело все это? къ чему повело, что я не поступилъ съ ней такъ же, какъ вся окружавшая ее *шаль*?!. Дурацкій идеализмъ!..»

Вильдъ нервно повернулся въ постелѣ — и, придвинувъ къ себѣ папиросницу, вынулъ изъ нея папироску.

— Вспомни мои слова, Алѣша, — припомнилъ онъ нѣжный голосъ Аграфены Семеновны, — твои идеальныя стремленія приведутъ тебя только въ разочарованію. Тебя не поймутъ. Одна мать твоя понимаетъ и умѣетъ цѣнить тебя!

«Это правда! она одна умѣла понять меня!» съ грустной усмѣшкой подумалъ Вильдъ, закуривая папироску. Двѣ-три другія женскія головки мелькнули, въ свою очередь, въ табачномъ дымѣ и вызвали легкую полуулыбку на озабоченномъ лицѣ.

...Да, если онъ баловень судьбы въ томъ отношеніи, что его можно назвать «l'homme à bonne fortune», то пожалуй!.. Но развѣ даже и эти мелкія интрижки такъ даромъ проходили для него, какъ для господъ Лысухиныхъ et Co?.. Всегда и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ онъ слишкомъ глубоко относился къ женщинамъ и вездѣ оставлялъ частичку своего внутреннего я... «Эгоистъ!» съ горечью повторилъ онъ мысленно, вспоминая покойную жену... Могъ ли онъ предположить, что въ этомъ маленькомъ, хиломъ существѣ, загнанномъ богатой тѣткой, встрѣтитъ такое злое упрямство, послѣ того какъ онъ изъ жалости женился на ней, думая найти въ ней, по крайней мѣрѣ, преданную, самоотверженную жену! И чего онъ достигъ?.. Правда, женитьба эта высоко поставила его во мнѣніи друзей, но дома въ продолженіи нѣлаго года онъ принужденъ былъ выносить адскую жизнь!

— Неправильный идеалистъ! — прошепталъ онъ, бросая папироску и закидывая руки за голову. — И вправду: горбатаго, видно, могла исправить!

Онъ снова задумался, и брови его сумрачно сдвинулись. Образъ Климской неотвязчиво преслѣдовалъ его.

— Пустяки! — почти громко проговорилъ онъ, сильно встряхивая головой. — Климская замужемъ... Врядъ ли ей вдумается напомнить о прошломъ... Да и что мнѣ до этого! Всего нѣсколько недѣль пробуду я здѣсь!.. А къ Берновичамъ буду часто ходить! ужъ это непременно!.. Кто знаетъ?... Можетъ быть, судьба...

Вильдъ былъ фаталистъ въ душѣ. Мало-по-малу мысли и образы стали путаться и какъ-бы въ туманѣ носиться передъ

нимъ. Сладкая дремота снова овладѣла имъ, и на этотъ разъ перешла въ дѣйствительный сонъ. Онъ въ полуснѣ загасилъ свѣчу, завернулся крѣпче въ одѣяло и заснулъ сномъ праведника.

Въ домѣ Берновича тоже долго не погасали свѣчи. Любовь Гавриловна, въ юбкѣ и бѣлоснѣжной ночной кофточкѣ, сидѣла передъ туалетомъ и тщательно завивала локончики на лбу. Безмятежное спокойствіе выражало ея бѣлое гладкое лицо. Заспанная горничная, съ кружевнымъ чепцомъ въ рукахъ, стояла около нея и, молча, подавала ей шпильки и папильотки. Николай Петровичъ въ халатѣ и туфляхъ раскашивалъ по комнатамъ, заложивъ руки на спину. Супруги молчали. Изрѣдка перекидывалась Любовь Гавриловна съ горничной двумя-тремя словами относительно кое-какихъ туалетныхъ подробностей. По временамъ она наклонялась въ зеркалу и озабоченно разглядывала крошечныя морщинки на лбу. Николай Петровичъ нѣсколько разъ нетерпѣливо взглядывалъ на супругу.

— Скоро-ли ты вончишь, Люба?—говорилъ онъ, останавливаясь передъ туалетомъ.

Любовь Гавриловна въ отвѣтъ только пожимала плечами. Наконецъ, всѣ завитушки и локончики были тщательно запрятаны подъ чепецъ, бѣлое, нѣжное лицо густо осыпано пудрой, и горничная отнущена.

— Я принуждена вамъ сказать неприятную новость, дружинька, — улыбалась себѣ самой въ зеркало, замѣтила Любовь Гавриловна. — Общайте мнѣ только не пѣтушиться!

— Что тамъ еще такое?—сердито спросилъ Николай Петровичъ. Собираясь встать на супружеское ложе, онъ снялъ уже халатъ.

— Общайте, что не разсердитесь!—коветничала съ собой Любовь Гавриловна, приглаживая щеточкой тонкія бровки.

— Пожалуйста, матушка, безъ предисловія! что тамъ такое?

— Нада отказала Лысухину, — спокойно возразила она.

Николай Петровичъ побагровѣлъ.

— Что? что такое? отказала! Да что-жъ ты смотришь, матушка моя? Что это, дѣвчонка думаетъ вѣкъ на моей шеѣ сидѣть, а?... Да сказала-ли ты ей, что я одобряю этотъ бракъ, что я нахожу его приличнымъ!... Слишкомъ много воли дали мы ей! Забрала она себѣ въ голову, что можетъ вертѣть мной, какъ пѣшкой! Дудки, Надежда Николаевна! Мы эту дурь изъ

головы вамъ выбьютъ!... Не позволю я собой вертѣть, и теперь вончено: или пусть она подчинится и живетъ по-людски, или...

Николай Петровичъ, въ порывѣ гнѣва, забывъ, что онъ въ одномъ бѣльѣ, направился къ двери съ намѣреніемъ бѣжать къ Надѣ и разразиться надъ ней бурей. Любовь Гавриловна продолжала разсматривать себя въ зеркало. При послѣднихъ словахъ супруга она обернулась и окинула его взглядомъ.

— Вы простудитесь!—замѣтила она равнодушно.

Николай Петровичъ не отвѣчалъ и взялся за ручку двери. Любовь Гавриловна пожала плечами.

— Вы въ этомъ костюмѣ намѣрены отправиться къ Надѣ.

Николай Петровичъ фыркнулъ.

— Эхъ, матушка, не до вашихъ тутъ церемоній!—крикнулъ онъ, натягивая однако халатъ.

— Къ чему это вы хотите идти браниться съ Надей къ эту пору и будить весь домъ?

— Къ чему? Да ты рехнулась, матушка моя! Что-жъ, по-твоему, позволить ей на головѣ ходить?

Любовь Гавриловна поморщилась.

— Я просила бы васъ нѣсколько выбирать ваши выраженія!... Мужичье воспитаніе!—прошептала она.

— Ну, уль не до того мнѣ теперь, матушка!—съ досадою крикнулъ Берновичъ, услышавъ презрительное замѣчаніе супруга, и онъ рѣшительно направился къ двери. Но уже первая вспышка остыла. Взявшись за ручку двери, онъ нерѣшительно обернулся.

— По-твоему, я долженъ ей позволить на головѣ ходить?

— Дѣлайте, что хотите!—равнодушно замѣтила Любовь Гавриловна, плавно подходя къ высокой постели и оправляя подушки.

Николай Петровичъ снова вспыхнулъ.

— И безъ тебя знаю, что могу дѣлать, что хочу! Я спрашиваю, что по-твоему?—крикнулъ онъ.

— По-моему, вы должны говорить со мной потише, слышите?

Любовь Гавриловна нахмурила темныя брови и съ неудовольствіемъ взглянула на мужа.

Николай Петровичъ фыркнулъ и быстро шагалъ по комнатамъ, не глядя на супруга.

Послѣдовало продолжительное молчаніе. Николай Петровичъ шагалъ, издавая какія-то неопредѣленныя восклицанія, согблъ, сморкался. Любовь Гавриловна не обращала на него ни малѣй-

шаго вниманія. Она медленно укладывалась на мягкую, пружинную постель, тщательно расправляя каждую складочку на простыняхъ и бѣлоснѣжныхъ подушкахъ.

— Такъ какъ-же, Любонька? — спросилъ наконецъ, по возможности внятно, Николай Петровичъ, останавливаясь передъ постелью.

— Ложись спать! вотъ тебѣ мое мнѣніе! Ничего ты съ Надей крикомъ не подѣлаешь!

Николай Петровичъ снова приготовился вспылить.

— Да успокойся, ради Христа! — нетерпѣливо замѣтила Любовь Гавриловна. — Что-жъ ты думаешь, что Нада такъ сейчасъ и выйдетъ замужъ, какъ только ты пойдешь кричать на нее? Точно эти крики для нея новость! Слава Богу, дня не проходитъ безъ сценъ между вами! И какъ ты до сихъ поръ ея не знаешь? Въ упрямствѣ она еще съ тобой поспорить, и ужъ разъ сказала — вѣтъ...

— Да какъ она смѣетъ! — закричалъ, снова побагровѣвъ, Николай Петровичъ. — Дѣвчонка! Дрань! Еще молоко на губахъ не обсохло!... да я ее въ бараній рогъ согну!...

Любовь Гаврилова съ утомленіемъ опустила голову на подушку.

— Ничуть ты ее не согнешь! Все это пустяки! Прошло время, когда дочерей насильно замужъ отдавали! Что-жъ ты хочешь съ ней сдѣлать? На хлѣбъ на-воду посадить? Все это нелѣпо и ни въ чему не ведетъ!...

Любовь Гавриловна зѣвнула.

— По-моему, нечего такъ пѣтушиться... Лысухинъ совсѣмъ ужъ не такая блестящая партія! да онъ и не сдумѣлъ бы справиться съ ней!... Есть лучше!...

Николай Петровичъ слушалъ глубокомысленно, разставивъ ноги и прикусивъ нижнюю губу.

— Лучше? Кто это лучше?

— Вильдъ.

Николай Петровичъ кракнулъ и сдвинулъ ноги.

— Да онъ только-что пріѣхалъ!... И почему ты знаешь, что онъ хочетъ жениться?...

— Ну, это предоставь мнѣ. Ужъ если я говорю, значитъ есть основаніе!

— Да! — началъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія. — Конечно, Вильдъ ничего... богатый... ну, и положеніе...

— То-то и есть. Только ужъ теперь предоставь все дѣло мнѣ, — слышишь, Николай Петровичъ? Иначе ты все испортишь.

Оставь Надю въ покоѣ. Главное — не заговаривай съ ней о Вильдѣ — и о Лысухинѣ тоже молчи. Общай, что ты будешь молчать?

Николай Петровичъ хоть и неохотно, но согласился молчать. Мысль о Вильдѣ утѣшила его.

— А мнѣ вѣдь это и въ голову не пришло! — говорилъ онъ, раздѣваясь и ложась въ постель. — Экая вѣдь ты у меня умница, Любонька!

Любовь Гавриловна не отвѣчала.

— Ты сердисься? Любонька, а Любонька! дай ручку! — заговорилъ уже совсѣмъ нѣжно Берновичъ.

Отвѣта не послѣдовало.

Николай Петровичъ вздохнулъ и замолчалъ. Онъ зналъ по опыту, что хотя Любовь Гавриловна и спокойно заговорила съ нимъ послѣ его гнѣва, но въ душѣ не простила его. Нѣсколько дней придется ему теперь вертѣться около нея, какъ коту около мышенка, угадывать по глазамъ всѣ желанія, пока, наконецъ, она улыбнется и назоветъ его «дружинькой»! Зналъ онъ, прекрасно зналъ, что послѣ каждой подобной сцены его акціи падаютъ, и въ своемъ собственномъ домѣ онъ, хозяинъ, глава, словно оплеванный мальчишка! А что-жъ прикажете дѣлать? Родился онъ пѣтухомъ, и ничего не могъ подѣлать съ пѣтушиными вспышками своими!

Долго онъ кряхтѣлъ и вздыхалъ, съ тревогой думая о гнѣвѣ супруги, а Любовь Гавриловна не обращала вниманія на его безпокойствіе; она и не думала о немъ. Въ ея хорошенькой изобрѣтательной головкѣ роились цѣлые планы относительно замужства Нади, и планы эти вызывали довольную улыбку на алыя губки. Наконецъ-то она надѣялась пристроить Надю! Обуза эта, положительно, приходилась ей не подъ силу... Она и не сомнѣвалась въ возможности этого брака! Тонкое чутье никогда ее не обманывало.

«Надя ужасная романистка!» — думала она, засыпая, — «а въ Вильдѣ есть что-то такое, что должно дѣйствовать на воображеніе!»...

Долго еще ворочался Николай Петровичъ, а супруга его давно уже спала сладкимъ сномъ, и ночникъ, слабо вспыхивая, озарялъ ея мягкое личико и полуоткрытыя вроткой улыбкой свѣжія губки.

IV.

Балъ въ собраніи былъ въ полномъ разгарѣ, когда семейство Берновичъ вошло въ ярко освѣщенную залу.

Любовь Гавриловна любила прѣвзжать позже другихъ, зная напередъ, что все общество съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ ожидаетъ ея прѣвзда. Толпа молодежи немедленно окружила обѣихъ дамъ и на расхватъ приглашала и мать и дочь на разные танцы. Николай Петровичъ, кивая головой направо и налѣво и подавая кому два пальца, кому три, кому всю руку, смотря по чину и званію, немедленно направился въ углубленную, гдѣ за ломбернымъ столомъ солидные члены общества пріятно проводили время вплоть до ужина.

Оркестръ гремѣлъ. Кавалеры отличались неутомимостью и не давали вздохнуть дамамъ. Одинъ танецъ смѣнялся другимъ; за вальсомъ слѣдовала полька; едва кончалась полька, начиналась ригурнель кадрили. Топанье ногъ, бряцанье шпоръ, шелестъ дамскихъ платьевъ, музыка, говоръ и смѣхъ—все это сливалось въ смутный, непрерывный гулъ.

Прислонившись спиной къ одной изъ колоннъ, стоялъ Вильдъ и съ тревожнымъ вниманіемъ озирался вокругъ. Онъ искалъ Климскую. По счастливому стеченію обстоятельствъ, ему еще не приходилось встрѣчаться съ ней. Она уѣзжала на время изъ П., затѣмъ легкая простуда не позволяла ей выѣзжать. Только наканунѣ до него дошелъ слухъ, что она поправилась и, разумѣется, появится на балу въ собраніи.

— Ея еще нѣтъ!—насмѣшливо прошепталъ Лысухинъ, проходя мимо него подъ руку съ какою-то дамой.

Вильдъ равнодушно пожалъ плечами и, не отвѣчая на замѣчаніе Лысухина, снова окинулъ взглядомъ всю залу. На этотъ разъ взглядъ его пристально остановился на Надѣ. Противъ обыкновенія, она, видимо, веселилась. Блѣдныя щеки разгорѣлись, глаза оживились, и все лицо ея приняло дѣтски-безпечное выраженіе. Съ веселой улыбкой слушала она Ревцова и Вавилову, которые, перебивая другъ друга, живо что-то рассказывали ей. Оживленіе Нади, казалось, раздражало Вильда; съ явнымъ неудовольствіемъ слѣдилъ онъ за каждымъ ея движеніемъ, досадуя, что, несмотря на пристальный взглядъ его, она не оборачивается въ его сторону. Вдругъ онъ весь вздрогнулъ и быстро обернулся. Мимо него пронеслась гибкая, женская фигура. Свѣтло-палевое, атласное платье съ легкимъ свистомъ коснулось его руки; жгуче

глаза на минуту пристально остановились на немъ, и внезапно веселый, неотразимый смѣхъ озарилъ блѣдно-матовое лицо.

— Скорѣй, Дубковъ, скорѣй! — прозвучалъ звонкій голосъ. — Мы еле-подвигаемся!

Вильдъ, какъ вкопанный, оставался на мѣстѣ, слѣдя за мельканіемъ палеваго платья. Два раза, три раза пронеслась молодая женщина мимо него; онъ не двигался и продолжалъ слѣдить за ней. Толпа вальсирующихъ на минуту скрыла ее отъ него, но вотъ она снова появилась. Она не вальсировала и, съ трудомъ лавируя между танцующими, вмѣстѣ съ кавалеромъ своимъ направлялась къ колоннѣ, у которой онъ стоялъ. Вильдъ сдѣлалъ-было быстрое движеніе, чтобы ступешаться за колонной, но, озираясь съ тревогой вокругъ, онъ встрѣтилъ серьезный, внимательный взглядъ Нади. Она стояла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него съ своимъ кавалеромъ, и ему показалось, что она замѣтила его намѣреніе ступешаться. Онъ остался на мѣстѣ.

— Принесите мнѣ мороженого! — повелительно говорила между тѣмъ дама въ палевомъ платьѣ, въ изнеможеніи падая на стулъ, стоявшій близъ колонны.

Дубковъ со всѣхъ ногъ бросился въ буфетъ. Вильдъ слегка отодвинулся отъ колонны. При первомъ движеніи его, дама повернула къ нему красивую голову и насмѣшливый взглядъ остановился на поблѣднѣвшемъ, смущенномъ лицѣ его.

— Неожиданная встрѣча, ш-г Вильдъ, не правда ли? — проговорила она звонкимъ, серебристымъ голосомъ.

— Для меня не неожиданная, Екатерина Дмитріевна... Я зналъ, что встрѣчу васъ здѣсь... — съ трудомъ пересиливая волненіе возразилъ Вильдъ.

— Въ такомъ случаѣ, я поправлю нѣсколько свое выраженіе... Неприятная встрѣча, ш-г Вильдъ, не такъ ли?

Вильдъ молчалъ. Онъ все еще не могъ справиться съ своимъ замѣшательствомъ. Климская все съ той же насмѣшкой смотрѣла на него; его смущеніе, казалось, забавляло ее.

— Я слышала, что вы замужемъ, Екатерина Дмитріевна, — началъ наконецъ Вильдъ. — Позвольте васъ поздравить.

— Очень вамъ благодарна. А я слышала, что вы пріѣхали сюда съ намѣреніемъ жениться. Мнѣ сказали даже, что вы наѣли рыбу, которую намѣрены поймать на удочку вашего прекрасодушія.

Вильдъ невольно оглянулся. Нада только-что приняла приглашеніе одного рыянаго танцора и встала въ ряды вальсирующихъ.

— Я не предполагалъ, что царица баловъ, прелестная, блестящая Екатерина Дмитриевна, снисходить до сплетенъ кумушекъ!—отвѣчалъ онъ уже развязно.—Провинциальный воздухъ, видно, заразителенъ! Впрочемъ,—продолжалъ онъ съ легкимъ, насмѣшливымъ поклономъ,—я счастливъ, что хоть сплетни напоминаютъ вамъ о моемъ существованіи!

Климская смотрѣла на него, слегка прищуривъ большіе черные глаза. Легкая, презрительная усмѣшка скользнула по красивымъ, нѣскольکو блѣднымъ устамъ. Усмѣшка эта поворобила Вильда. Нахмуривъ брови, онъ съ вызывающимъ видомъ встрѣтилъ холодный взглядъ ея красивыхъ глазъ.

«Какъ она похорошѣла!» подумалъ онъ, мгновенно оглядывая ее съ ногъ до головы. Злобное выраженіе исчезло. Не спуская глазъ съ прекраснаго блѣдно-матоваго лица, онъ наклонился къ ней и тихо прошепталъ:

— Да, я радъ, что сплетни напомнили вамъ о моемъ существованіи, хотя, знаю, напоминаніе это не можетъ быть лестно для меня, но, можетъ быть, вы помните еще?.. Я полонъ противорѣчій и предпочитаю, чтобы тѣ, которыми я разъ дорожилъ, лучше лихою вспоминали обо мнѣ, чѣмъ навсегда даже имя мое предали забвенію...

— Относительно забвенія,—замѣтила все также насмѣшливо Климская,—я могу васъ успокоить. Есть вещи, которыя никогда не забываются...

— Совершенно справедливо! — перебилъ ее Вильдъ.—Есть люди, событія, чувства, которые никогда не забываются. Ни время, ни другія привязанности не сглаживаютъ прошлое. И вотъ, теперь, когда вы во всей вашей дивной красотѣ снова явились мнѣ, я опять вспоминаю пережитыя терзанія, тѣ упреки, что я, какъ безумный, не сумѣлъ отънѣить то цѣнное созданіе, которое съ такимъ довѣріемъ подошло ко мнѣ.

Вильдъ говорилъ тихо, страстнымъ, прерывистымъ голосомъ. Красота Климской, видимо, начинала кружить ему голову. Климская перемѣнилась въ лицѣ; легкая складка легла между бровями, тонкія ноздри вздрогнули.

— Я полагала,—начала она дрожащимъ голосомъ,—что вы, какъ умный человѣкъ, не станете повторять тѣ фразы, которыя такъ красиво звучали гдѣ-то шесть тому назадъ! Для опытнаго актера положительно промахъ повторять старую, избитую роль передъ той, которой не безызвѣстны всѣ закулисныя замашки. Я не думала, что вы будете настолько наивны, чтобы принять со мной прежній тонъ. Актерство, видно, сдѣлалось второй натурой.

— Это жестоко! — произнесъ Вильдъ глухимъ голосомъ. — Но я заслужилъ такое отношеніе. Я знаю, факты говорятъ противъ меня... Скажу болѣе, я знаю, что былъ виноватъ передъ вами, но, повѣрьте, Екатерина Дмитриевна, я дорого искупилъ свою вину. Съ самаго того дня, когда... Нѣтъ! я и теперь не могу вспомнить того дня!... И теперь меня дрожь пробираетъ, когда я вспоминаю тотъ вашъ взглядъ!... Съ самаго того дня образъ вашъ преслѣдовалъ меня... Воспоминаніе о васъ отравляло всѣ свѣтлыя минуты моей жизни... Когда я узналъ, что вы счастливы, я порадовался, искренно порадовался...

Звонкій, серебристый смѣхъ Климской прервалъ его. Вильдъ остановился; сѣрые глаза приняли холодно-жестокое выраженіе. Съ сдержанной злобой окинулъ онъ взглядомъ гибкую, красивую фигуру.

— Извините, м-г Вильдъ! — проговорила, наконецъ, Екатерина Дмитриевна, — съ моей стороны очень невѣжливо прерывать такимъ образомъ ваше краснорѣчіе... Вы порадовались моему счастью? какъ вы добры!... Скажите, пожалуйста, кого вы здѣсь морочите, меня или себя самого?

Вильда снова передернуло.

— Вы весьма невеликодушны, Екатерина Дмитриевна, — замѣтилъ онъ сдержанно. — Сознаніе моей вины налагаетъ на меня уду, и вы знаете, что я снесу все, что вамъ будетъ угодно сказать мнѣ.

— Какое удивительное прекрасодушіе! — съ легкимъ смѣхомъ возразила Климская. — Вы положительно сдѣлали успѣхи на этомъ поприщѣ!

— Я съ горькимъ чувствомъ замѣчаю, Екатерина Дмитриевна, что вы сдѣлали успѣхи на другомъ поприщѣ. Прежде я не замѣчалъ въ вашей гармонической натурѣ злой ироніи... Но...

— Что «но»?

— Но меня эта переменна не удивляетъ... Жизнь часто ломала самыя лучшія натуры...

Климская нетерпѣливо передернула плечами.

— Пощадите, м-г Вильдъ. Я понимаю: когда фраза вошла въ привычку, трудно отъ нея отдѣлаться; но, повторяю еще разъ, — кого вы здѣсь морочите?

— Екатерина Дмитриевна! — уже съ нескрываемымъ раздраженіемъ возразилъ Вильдъ. — Всему есть мѣра! Я позволю вамъ замѣтить, что не я искалъ встрѣчи съ вами.

Климская снова съ насмѣшливой усмѣшкой взглянула на него.

— Странный отвѣтъ на мой вопросъ, — сповойно возразила она. — Вы хотите, вѣроятно, этимъ сказать, что встрѣчи этой искала я?

Вильдъ молчалъ; онъ нервно стучалъ носкомъ сапога по полу.

— Я хочу этимъ сказать, — произнесъ онъ, наконецъ, пересиливая раздраженіе, — что я не дерзнулъ бы первый искать встрѣчи съ вами, и потому...

— Если бы! — сповойно перебила его Климская. — Но ваше ненасытное самолюбіе напрасно ищетъ новую пищу для себя. Я этой встрѣчи тоже не искала.

Нахальная, недовѣрчивая усмѣшка скользнула на губахъ Вильда. Климская, наклонивъ голову слегка на бокъ, равнодушно смотрѣла на него.

— Да, я этой встрѣчи не искала, но и не избѣгала. Откровенно признаюсь, мнѣ отчасти хотѣлось знать, какую переѣну время произвело въ васъ, и я съ удовольствіемъ вижу, что переѣны нѣтъ никакой: то же прекраснѣе, то же самолюбіе, только съ примѣсю еще большаго нахальства. Поздравляю заранѣе, ш-г Вильдъ! Вы можете быть вполне увѣрены, что бѣдная рыбка попадетъ на вашу удочку!

Оркестръ въ это время замолкъ. Запыхавшіяся, раскраснѣвшіяся дамы попарно расхаживали по залу, усердно обмахиваясь вѣерами. Ряды зрителей рѣдѣли; толпа направлялась въ буфетную.

— Алексѣй Васильевичъ, — раздался бархатный голосъ Любови Гавриловны, — наконецъ-то я васъ нашла! Я не могла понять, гдѣ вы, и... Ахъ, pardon! — обратилась она съ любезной улыбкой къ Климской, подавая ей руку. — Я не знала, что Алексѣй Васильевичъ въ такомъ пріятномъ обществѣ, и теперь не удивляюсь, что онъ забылъ насъ!...

Любовь Гавриловна давно замѣтила, гдѣ стоялъ Вильдъ. Она видѣла, какъ Климская сѣла около него, видѣла, что Вильдъ наклоняется къ ней, съ жаромъ говоритъ ей что-то, и рѣшила прервать этотъ опасный, по ея мнѣнію, tête-à-tête. Небрежно опираясь на руку кругленькаго артиллерійскаго офицера, она воспользовалась минутой отдыха, чтобы легкой, скользкой походкой перейти залъ и незамѣтно подойти къ колоннѣ. Климская будто не видала поданную ей руку. Веселымъ наклоненіемъ головы отвѣчала она на поклонъ кругленькаго офицера и, оборачиваясь къ Любови Гавриловнѣ съ спокойной улыбкой, замѣтила:

— М-ме Берновичъ, я могу васъ увѣрить, что ш-г Вильдъ не раздѣляетъ вашего мнѣнія относительно пріятности моего обще-

ства. Мой кавалеръ оставилъ меня и отправился, вѣроятно, въ Сибирь за мороженымъ... Г-нъ Вильдъ изъ вѣжливости долженъ былъ «*me tenir compagnie*»... Но я освобождаю его отъ этой обязанности!... Признаюсь, въ нѣкоторыхъ вещахъ, я профанъ... М-г Вильдъ обладаетъ удивительнымъ даромъ слова... Я убѣждена, м-ше Берновичъ, что вашъ тонкій вкусъ давно оцѣнилъ эту способность, и вы умѣете дать толчокъ импровизаторскому таланту... Я же, каюсь, своею неловкостью постоянно прерываю это краснорѣчіе... Поэтому, увѣряю васъ, онъ нисколько не жаждетъ моего общества. — Не такъ ли, м-г Вильдъ? — обратилась она съ насмѣшливой улыбкой къ нему.

Жесткій, злобный взглядъ былъ ей отвѣтомъ и на мгновеніе придавъ почти звѣрское выраженіе сѣро-оловяннымъ глазамъ. Климская слегка перемѣнилась въ лицѣ, но спокойно выдержала этотъ взглядъ.

«И я его любила!» подумала она. «И я ѣхала сюда съ тайнымъ страхомъ, что любовь эта все еще жива, что мнѣ придется еще бороться съ ней! Вотъ эти глаза, которые тогда сдѣлали невозможной мою любовь! Наконецъ-то я довела его до этого взгляда!»

Съ легкимъ вздохомъ, будто что-то тяжелое скатилось съ плечъ ея, медленно отвела она глаза отъ лица Вильда, и полунасмѣшливая улыбка снова озарила подвижное, красивое лицо.

Любовь Гавриловна пристально смотрѣла на Вильда. Отъ пронизательнаго взгляда ея не ускользнуло злобно-ненавистное выраженіе его глазъ, хотя выраженіе это промелькнуло всего на одно мгновеніе.

«Льсухинъ ошибается!» подумала она: «что бы тамъ между ними ни было, онъ болѣе не влюбленъ въ нее. Напротивъ, онъ ненавидитъ ее теперь!»

— Екатерина Дмитриевна! — проговорилъ вдругъ кругленькій офицеръ, все время поживавшій глазами Климскую. — Вы скажи, что послали вашего кавалера за мороженымъ... Прикажете, я принесу!...

— Да вотъ и онъ! — вскрикнула Климская.

Раскраснѣвшійся, взъерошенный Дубковъ, быстро сѣменя ногами, направился къ ней.

— Что вы обо мнѣ думали, Екатерина Дмитриевна! — задремскалъ онъ, подавая ей блюдечко съ мороженымъ.

— Думала, что вы, вѣрно, изъ преданности ко мнѣ отправились на луну за мороженымъ!

— Повѣрьте, Екатерина Дмитриевна, съ бою я его досталъ!...

Собственными богами поплатился!... Что за давка у буфета, вы не можете себя представить! Я было уже схватилъ блюдечко съ мороженымъ и направился къ вамъ, какъ вдругъ въ дверяхъ наткнулся на какого-то толстаго помѣщика съ неменѣе толстой барыней. Желая посторониться, онъ локтемъ вышибъ у меня блюдечко изъ рукъ; оно грохнулось на полъ, мороженое упало на платье барыни, барыня взвизгнула, двѣ барышни взвизгнули, началась суетня, появились платки, салфетки, упреки, извиненія... Я все-какъ выскользнулъ, и вторично...

— Алексѣй Васильевичъ, не хотите ли пройти съ мной немножко? Здѣсь такъ жарко! — обратилась Любовь Гавриловна къ Вильду.

Вильдъ поспѣшно подалъ ей руку.

— Любовь Гавриловна! — проговорилъ Дубковъ, подбѣгая къ ней: — вы общали мнѣ пятую кадрили, не забыли?

— Нѣтъ, не забыла, — возразила Любовь Гавриловна, лукаво прищуривая глаза. — Ахъ, вы, бабочка! — прошептала она, наклоняясь къ нему. — Съ цвѣточка на цвѣточекъ!...

— Клянусь вамъ, — началъ было со смѣхомъ Дубковъ.

— Хорошо, хорошо! Въ пятой кадрили услышу исповѣдь...

Она отвернулась отъ него и снова обернулась къ Вильду.

— Уфъ! — продолжалъ Дубковъ, подходя къ Климской и обмахивая себя платкомъ. — Со всѣмъ этимъ я пропустилъ вальсъ, польку, не танцевалъ съ вами!...

Климская не отвѣчала; она задумчиво смотрѣла вслѣдъ за удаляющейся парой.

— Екатерина Дмитриевна, вы сегодня совсѣмъ не такъ веселы, какъ обыкновенно, — замѣтилъ замаскированнымъ голосомъ таявшій офицеръ.

— Я не весела! — вскричала Климская, встрахивая черной головой, какъ-бы желая отогнать неотвязчивыя мысли. — Пустяки! Напротивъ, сегодня я намѣрена веселиться елико возможно! Съ кѣмъ это я танцую слѣдующую кадрили, я не помню?

— Со мной! со мной! — крикнули наперерывъ Дубковъ и кругленькій офицеръ.

— На, узелка! — предложилъ Дубковъ.

Веселый, серебрястый смѣхъ Климской разнесся по всей залѣ.

Любовь Гавриловна обернулась, и съ худо-скрытой завистью оглядѣла группу молодежи, которая окружила Климскую, лишь только раздался ея веселый смѣхъ.

— Что за загадочное существо! — мигло прошептала она. — Какого вы о ней мнѣнія, Алексѣй Васильевичъ?

— Мое правило, Любовь Гавриловна, никогда не высказывать свое мнѣніе о женщинѣ, если оно не можетъ быть безусловно въ ея пользу, — сдержанно отвѣтилъ Вильдъ.

— О, еслибъ всѣ мужчины такъ поступали! — восторженно прошептала Любовь Гавриловна, съ трогательнымъ довѣріемъ опираясь на его руку.

Вильдъ не отвѣчалъ; осторожно лавируя между толпой, онъ протискивался съ своей дамой въ столовую. Выходя изъ двери, онъ обернулся и окинулъ взглядомъ всю залу. Онъ искалъ Нади. Оркестръ уже началъ ригурнель кадрили, и всѣ пары спѣшили разсѣсться по мѣстамъ. Нада танцевала съ какимъ-то длиннымъ господиномъ, который съ приторной улыбкой наклонился къ ней. Она казалась утомленной. Вильдъ прояснился. Ему пріятно было видѣть, что она скучала.

Лишь только кончилась кадрили, онъ поспѣшилъ вернуться въ залу и собирался уже подойти къ Надѣ, но въ это время къ ней подбѣжала Вавилова и увела ее въ дамскую уборную.

— Знаете-ли, душа, — щebetала слобнымъ голосомъ Варвара Михайловна, усаживая Надю на диванъ и садясь около нея, — я вамъ удивляюсь, право! Вы такая строгая, неприступная, а мужчины по васъ съ ума сходятъ! Влюбленнаго вѣдь ужъ ничѣмъ не скроешь, и всему городу извѣстно, что вы отказываете женихамъ!.. Какая вы странная! Развѣ вы не хотите замужъ выходить?

«Кубышка», забавно приподнявъ брови, съ недоумѣніемъ взглянула на Надю. Дѣвушка невольно улыбнулась, глядя на круглое, добродушное лицо Вавиловой.

— Пойдите, душа, я вамъ поправлю волосы! — продолжала Варвара Михайловна, звонко цѣлуя Надю. — Прелестъ какая вы хорошенькая! Я васъ ужасно люблю! Нѣтъ, право! а все-таки... Вѣдь я все говорю, что на умъ взбредеть... Мужчины, знаете, любятъ, чтобы съ ними кокетничали! Ну, а какая-же вы кокетка? Монашенка вы у насъ!.. Вотъ и странно мнѣ, что они по васъ съ ума сходятъ... Даже и Вильдъ — и тотъ влюбился!..

Нада сдѣлала движеніе.

— А то нѣтъ? Да это и слѣпому видно! По правдѣ сказать, не нравится мнѣ вашъ Вильдъ. Является вѣчно мрачный, словно герой изъ романа. Смотритъ на всѣхъ съ такой улыбкой, будто хочетъ сказать: «эхъ! вы, мелюзга! куда вамъ до меня!» Ненавижу эту улыбку! И что онъ о себѣ воображаетъ? Пока одной особы нѣтъ въ комнатѣ, онъ точно воды въ ротъ наберетъ! Ни съ кѣмъ ни слова не проговорить! а лишь только «кто-то» вой-

дѣтъ въ гостиную, онъ совсѣмъ другой! Ниже травы, тише воды! И ужь радъ-радѣшенекъ, бѣдный!.. Вамъ знакомъ этотъ «кто-то»?—приставала «кубышка», громко цѣлуя раскраснѣвшуюся дѣвушку.—Неужели онъ вамъ нравится?—спрашивала она, съ жаднымъ любопытствомъ впиваясь въ нее.

Надя непрерывно краснѣла, слушая болтовню Вавиловой. Она ласково уклонилась отъ ея щедро-расточаемыхъ поцѣлуевъ и встала съ дивана.

— Что мы тутъ сидимъ?—проговорила она, не отвѣчая на предложенный ей вопросъ и направляясь къ двери. — Пойдемте въ залу. Слышите, начинаютъ танцовать.

Барвара Михайловна повачала головой.

— Вѣдь этакая скрытная! Ну, Богъ съ вами! не хотите говорить, такъ какъ хотите! А все-таки я васъ ужасно люблю! Гордая вы, это правда, но и добрая! Никогда ни про кого дурного слова не скажете, вотъ за это люблю!..

Поцѣловавъ еще разъ Надю, она взяла ее подъ руку, и обѣ онѣ вышли въ залу. Въ дверяхъ къ Вавиловой подлетѣлъ Дубововъ и увлекъ ее въ вихрь вальса. Въ залѣ все снова кружилось. Мимо Нади пронеслась Любовь Гавриловна, граціозно опираясь рукой на плечо Лысухина и томно склонивъ голову. Полузавривъ глаза, она будто замерла въ его объятіяхъ. Объявивъ неутомимымъ танцорамъ, что она устала, Надя поспѣшила забиться въ самый уединенный уголокъ залы около двухъ дремлющихъ старушекъ, чтобы хоть нѣсколько минутъ остаться одной.

Слова Вавиловой звучали у нея въ ушахъ. Машинально слѣдя за танцующими, она мысленно унеслась въ голубую гостиную, куда вотъ уже мѣсяць почти каждый вечеръ являлся Вильдъ. Вавилова права. Онъ, дѣйствительно, ни съ кѣмъ не заговаривалъ; онъ садился только около нея, говорилъ только съ ней. Въ первый разъ посторонній человѣкъ обратилъ ее вниманіе на это простое обстоятельство. До сихъ поръ она обращалась съ нимъ просто, спокойно. Убѣжденіе, что онъ все еще не оправился отъ удара, нанесеннаго ему смертью жены, не допускало въ ней и мысли, что онъ можетъ отнестись къ ней иначе, какъ съ простымъ, дружескимъ чувствомъ. Она охотно разговаривала съ нимъ, или, скорѣе, охотно слушала его, такъ какъ въ бесѣдахъ ихъ онъ являлся болѣею частью разсказчикомъ, а она внимательнымъ, горячимъ слушателемъ. На основаніи всѣхъ его разсказовъ объ его дѣтствѣ, воспитаніи, планахъ, разочарованіяхъ, онъ представлялся ей человѣкомъ пылкимъ, даровитымъ, энер-

гичнымъ, но глубоко страдающимъ и ведущимъ неутомимую борьбу съ самимъ собой и обстоятельствами. Эти страданія и борьба возбуждали въ ней глубокое сочувствіе къ нему, но до сихъ поръ ей и въ голову не приходило задумываться объ его отношеніяхъ къ ней. Никто не намекалъ ей на эти отношенія.

Послѣ ея отказа Лысухину, въ домѣ, къ ея недоумѣнію, послѣдовала какая-то перемѣна. Отецъ не только не разразился криками и упреками, но вотъ уже болѣе мѣсяца оставлялъ ее совершенно въ покоѣ. Ей предоставлялась ббльшая свобода, даже на посѣщенія Ирины Петровны отецъ, повидимому, не обращалъ вниманія. Надя была еще слишкомъ молода, чтобы съ недоувѣріемъ отнестись къ этому затишью. Беззаботность юности брала свое. Она свободно вздохнула послѣ двухлѣтнихъ, ежедневныхъ сценъ, терзаній и борьбы, и больные, утомленные нервы начали успокаиваться, отдыхать. На Вильда родители, повидимому, не смотрѣли, какъ на жениха; никто, казалось, не обращалъ вниманія на ея длинныя бесѣды съ нимъ, поэтому-то весьма прямыя намеки «кубышки» и встревожили ее теперь.

Невольно разбирала она теперь каждое слово, каждый взглядъ Вильда. Отрывочныя фразы припоминались ей; она прислушивалась къ вкрадчивому, тихому звуку его голоса, который только съ ней одной принималъ эту мягкость. — «Неужели онъ любить меня?» подумала она. Внутренній голосъ отвѣчалъ ей утвердительно. Щеки ея покрылись горячимъ румянцемъ, и легкая, мимолетная улыбка польщеннаго женскаго самолюбія оварила-было ея лицо, но она тотчасъ же исчезла. — А я?—думала она съ тревогой. Она не умѣла отвѣчать на этотъ вопросъ. Странное, тревожное чувство овладѣло ею. Вильдъ привлекалъ, интересовалъ ее. Въ немъ, казалось, было столько жизни, горячности, такая жажда дѣятельности, труда, но... отчего же сердце ея такъ болѣзненно сжалось? Отчего ей страшно? Отчего она вспомнила теперь, именно теперь то, что ей несимпатично въ немъ: его смѣхъ, подчасъ его пристальный взглядъ исподлюбья? Отчего воспоминаніе это коробитъ ее теперь?—«Я вѣчно разбираю!—съ горечью подумала Надя.—Матапъ права; должно быть, я, дѣйствительно, сухая!»

— Наконецъ-то, Надежда Николаевна, удалось мнѣ обратиться къ вамъ,—проговорилъ вдругъ Вильдъ оволо нея.—Вы, положительно, неприступны сегодня.

Надя вздрогнула. Лицо ея снова вспыхнуло, и въ первый разъ послѣ знакомства съ Вильдомъ присутствіе его смутило ее.

— Я испугалъ васъ, — замѣтилъ Вильдъ, садясь около нея и любуясь ея смущеніемъ. — Можетъ, я явился не впопадъ...

— Вы меня не испугали... Я только не ожидала васъ видѣть... Мнѣ казалось, что васъ не было въ залѣ...

— Я все время былъ въ залѣ, — значительно отвѣчалъ Вильдъ, — и издали наблюдалъ, какъ вы веселились. Невольно позавидовалъ я вамъ! Сколько свѣжести, эластичности дано вамъ природой! Подчасъ невольно дѣлаю я себѣ упреки, что отнимаю у васъ золотое время на старческія, нерадостныя бесѣды со мной, и словно злая туча скрываю на минуту ясное небо, которое еще такъ сине, такъ безоблачно для васъ!

Надя медлила отвѣтомъ. Она никакъ не могла побороть овладѣвшее ею смущеніе. Вильдъ пристально смотрѣлъ на нее.

— Да, — повторилъ онъ, — подчасъ я дѣлаю себѣ упреки...

— Вы это не серьезно говорите, — промолвила наконецъ Надя, просто взглядывая на него. — Вы знаете, что бесѣды ваши не кажутся мнѣ старческими.

— Я знаю, что вы добры, какъ никто, Надежда Николаевна, — прошептала Вильдъ, наклоняясь къ ней.

Надя снова вспыхнула и замаялась. Десада на себя и какое-то неловкое чувство овладѣли ею. Ей хотѣлось уйти, уйти отъ него, чтобы не слышать того слова, которое страшило ее, и не видѣть того взгляда, который смущалъ, тяготилъ ее.

Вильдъ съ-разу замѣтилъ, что въ Надѣ произошла какая-то перемѣна. Ея смущеніе, ея тревога были очевидны. Но онъ былъ слишкомъ опытенъ въ отношеніяхъ съ женщинами, чтобы воспользоваться минутнымъ замѣшательствомъ дѣвушки и усилить ея смущеніе пристальными взглядами или неосторожными словами. Онъ чувствовалъ, что въ данномъ случаѣ торопливость ни къ чему не поведетъ; напротивъ, только оттолкнуть Надю отъ него, возбудить въ ней недоверіе, и онъ рѣшился успокоить ее.

— Надежда Николаевна, — началъ онъ мягкимъ, вкрадчивымъ голосомъ, слегка отодвигаясь отъ нея, — у меня къ вамъ просьба... большая просьба!...

— Просьба? — повторила Надя.

— Да. Вы не разъ говорили мнѣ объ Ирине Петровнѣ, но до сихъ поръ мнѣ удавалось видѣть ее только мелькомъ... Будетъ ли это навязчиво съ моей стороны, если я явлюсь къ ней съ визитомъ? Вы понимаете, вонечно, что такая натура не можетъ не возбуждать въ себѣ моей симпатіи?

Надя перевела дыханіе. Ничего не было сказано такого, что могло встревожить ее.

«Можетъ, все это пустая сплетня», подумала она. «Онъ, какъ всегда, просто дружески относится ко мнѣ». — Вы желаете познакомиться съ тѣтей? — заговорила она, окончательно оправляясь отъ смущенія и съ свѣтлой улыбкой взглядывая на него. — О, я такъ этому рада! Только знаете, съ ней нелегко разговаривать! Она такая дикая, совсѣмъ не умѣетъ разговаривать съ незнакомыми ей людьми... Но вы увидите, что это за симпатичная женщина!..

Томительное чувство, овладѣвшее было Надей, исчезло, и она съ увлеченіемъ принялась рассказывать ему про Ирину Петровну. Вильдъ снова наклонился къ ней и, казалось, внимательно слушала ее, но, по правдѣ сказать, все сказанное дѣвушкой проскользнуло мимо ушей его. Онъ смотрѣлъ на нее и любовался ея разгорѣвшимся, оживленнымъ лицомъ, ея темными глазами, крошечной ямочкой на правой щекѣ.

Вдругъ онъ вздрогнулъ и быстро обернулся. До него снова донесся знакомый, звонкій голосъ и серебристый смѣхъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него стояла Климская и весело болтала съ Лысухинымъ и двумя-тремя молодыми людьми. Она не обращивалась и, повидимому, не видала или не хотѣла видѣть Вильда; но одно появленіе ея вызвало всю ту ненависть, которую за полчаса передъ тѣмъ онъ почувствовалъ къ этой женщинѣ. Все обаяніе красоты ея не существовало болѣе для него. Она насмѣялась надъ нимъ! Она вторично въ глаза назвала его актеромъ; и въ этотъ разъ не на основаніи оскорбленнаго чувства. Если бы она любила еще, онъ снисходительно простилъ бы ей всѣ грубые выходы, вполне убѣжденный, что этими выходами руководить любовь...

Вильдъ съ злобой взглянулъ на свергающую смѣхомъ и красотой Климскую.

...Она унизила его; ему необходимо теперь, чтобы не чувствовать этого униженія, подняться, высоко подняться въ глазахъ другой женщины! Ему необходимо возбудить горячее сочувствіе, чтобы страхнуть тягостное чувство, наложенное этимъ ненавистнымъ смѣхомъ...

Климская снова умчалась съ однимъ изъ поклонниковъ своихъ. Вильдъ перевелъ дыханіе. Недобримъ взглядомъ проводилъ онъ ее и съ выраженіемъ слѣдилъ нѣкоторое время за мельканіемъ гибкой фигуры, облитой блестящими складками. Затѣмъ онъ медленно обернулся къ Надѣ. Дѣвушка съ изумленіемъ смотрѣла на него; ее поразило злобное выраженіе его лица.

— Я произвелъ на васъ непріятное впечатлѣніе, Надежда

Николаевна? — произнесъ Вильдъ глухимъ голосомъ. — Да, да! Я вижу осужденіе, недобѣріе въ вашихъ свѣтлыхъ глазахъ!... Не могу, не желаю я скрывать отъ васъ все то горькое, изломанное, перевернутое въ моей натурѣ... Не желаю обманывать васъ!.. Боже меня упаси отъ подобнаго намѣренія... Я, кажется, уже сказалъ вамъ разъ, что Климская несправедливо враждебно относится ко мнѣ... Не имѣю право касаться нѣкоторыхъ фактовъ... Скажу только въ объясненіе одно: я не могу выносить враждебнаго отношенія всякой личности, которая нѣкогда была дорога мнѣ... Подобное отношеніе приводитъ меня въ такое нервное состояніе, что вся та огромная доза горечи, злобы, накипѣвшей боли всплываетъ наружу... Надежда Николаевна, повѣрьте, много надо толчковъ, ударовъ, потрясеній, чтобы мужчину, со всѣми задатками силы, мужества, энергіи—довести до такой малодушной женской впечатлительности!

Вильдъ замолчалъ и, нервно играя цѣпочкой часовъ, разсѣянно слѣдилъ за танцующими.

— Я знаю,—начала Надя тихимъ голосомъ,—что вы страшно страдали, и страданія, можетъ быть, многое сломали въ васъ; но въ васъ еще столько силы, горячности...

— Силы! горячности! — перебилъ ее съ горечью Вильдъ, быстро оборачиваясь и наклоняясь къ ней. — Да! эта сила была! въ горячности тоже не было недостатка; но.. безмысленная, безумная жизнь развѣяла эту силу, эту горячность, размѣнила ее на мелкую монету!.. Вы, чистая, непорочная дѣвушка, не знаете, что окружаетъ насъ, мужчинъ, съ самой той минуты, какъ мы покидаемъ семейный очагъ и поступаемъ въ школу, а затѣмъ по выходѣ изъ школы! Вы не знаете, съ какою грязью, распущенностью встрѣчается юноша на каждомъ шагу, какъ все, рѣшительно все затягиваетъ его въ эту безобразную жизнь! какъ изнѣживается, разбрасывается онъ и дѣлается неспособнымъ ко всякому здоровому труду!.. Если въ немъ среди всей грязи остается хоть искра нравственнаго чувства, тупое отчаяніе овладѣваетъ имъ, и чтобы заглушить его, онъ снова бросается въ эту жизнь, и все больше и больше падаетъ въ своихъ глазахъ! Вы не знаете, Надежда Николаевна, что значить падать въ своихъ глазахъ!..

Вильдъ остановился и пристально взглянулъ на Надю. Дѣвушка съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣла на него; темные глаза ея еще болѣе потемнѣли и съ тревогой впились въ его блѣдное, изнуренное лицо. Балльная зала исчезла для нея; она не слыхала ни музыки, ни непрерывнаго гула, не видала мель-

жающихъ и кружащихся паръ. Она смотрѣла на это страдальческое лицо, и сердце ея болѣзненно сжималось.

— Вы не знаете, что значить падать въ своихъ глазахъ, Надежда Николаевна! — повторилъ Вильдъ глухимъ шопотомъ, еще ближе наклоняясь къ ней. — Вы не знаете, какое страстное, безграничное желаніе овладѣваетъ человѣкомъ, не утратившимъ еще надежду подняться изъ этой грязи; какое страстное желаніе встрѣтить чистую, преданную женщину, которая сумѣетъ почувствовать въ немъ человѣка, и чистую, святою любовью своей возратить ему вѣру въ самого себя... Недостаточно всей жизни, чтобы вознаградить ее за ея любовь...

Голосъ Вильда зазвенѣлъ; онъ на минуту остановился.

— Жажда спасенія такъ сильна, — продолжалъ онъ вволнованнымъ голосомъ, — что часто хватаешься за призракъ, думая въ немъ найти свой идеалъ. Горькое разочарованіе слѣдуетъ за этой ошибкой! Снова возвращается одиночество, изгнанное на минуту этой погоней за призракомъ! Годы, лучшіе годы проходятъ безъ всякаго результата для себя и для другихъ. Тупая апатія замѣняетъ порывистость юности, а жажда счастья, жажда того чистаго, обновляющаго элемента не ослабѣваетъ, только къ ней примѣшивается ноющее чувство, что съ каждымъ годомъ это счастье все менѣе и менѣе возможно, что каждый годъ прибавляетъ новый, нравственный недугъ ко всѣмъ предыдущимъ!... Къ ней примѣшивается еще гнетущая мысль, что кто же полюбить его и протянетъ руку ему, больному, измученному, изломанному! Гдѣ та женщина, которая сумѣетъ прочувствовать, что въ немъ еще не все умерло, что онъ, пострадавшійся, измученный, умѣетъ любить сильнѣе, чище, преданнѣе, чѣмъ всѣ тѣ, которымъ жизнь улыбалась!...

Вильдъ самъ увлекся своими словами. Блѣдное лицо его еще болѣе поблѣднѣло; голосъ дрожалъ, и нервные, порывистые жесты сопровождали его слова.

Сложивъ руки на козляхъ и вѣршико сжимая похолодѣвшіе пальцы, Надя сидѣла неподвижно. Глубокая, жгучая жалость овладѣла ею. Она не видала изумленные взгляды, которые безпрерывно обращались въ ея сторону; не видала, что Любовь Гавриловна два раза подъ руку съ Лысухинымъ прошла мимо нея; не обратила вниманія на то, что выразительные глаза ея матери съ нетерпѣливымъ ожиданіемъ слѣдили за ней и довольная улыбка озаряла ея уста, между тѣмъ какъ Лысухинъ съ ѣдкой насмѣшкой посматривалъ на Вильда. Вильдъ, впрочемъ,

самъ въ порывѣ увлеченія забыть, что волненіе его и нервныя жесты привлекають вниманіе постороннихъ лицъ.

— Извините меня, Надежда Николаевна, — проговорилъ онъ, наконецъ, прерывистымъ голосомъ. — Я вамъ тутъ наговорилъ Богъ знаетъ что. Не знаю самъ, какъ это случилось и что вдругъ разбередило старыя раны...

Надя молчала. Ей было невыносимо больно за него, но она не знала, не умѣла, что и какъ сказать, чтобы показать ему, что она понимаетъ его. Вильдъ пристально смотрѣлъ на нее. Онъ былъ доволенъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ его рѣчью. Все жѣсткое, холодное давно исчезло съ лица его и замѣнилось мягкимъ, кроткимъ выраженіемъ. Снова донесся до него звонкій, серебристый смѣхъ, снова въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него оставилась Блисская, но онъ не вздрогнулъ, какъ за минуту передъ тѣмъ, не обернулся къ ней съ ненавистью. Онъ мелькомъ, съ спокойной усмѣшкой, взглянулъ на нее и снова обратился къ Надѣ. Ему удалось стряхнуть съ себя невыносимое впечатлѣніе, произведенное той ѣдкой насмѣшкой, удалось возбудить сочувствіе правящейся ему женщины, и слова могъ онъ снова, снисходительно выносить выходяи той, любовь которой онъ отвергъ...

— Удивительно, право! — началъ онъ снова послѣ нѣкотораго молчанія, продолжая смотрѣть на взволнованное личико дѣвушки. — Вы еще такъ молоды, такъ сказать, еще стоите на порогѣ жизни, и вамъ уже все понятно!.. Мнѣ кажется, я не задумался бы раскрыть передъ вами самыя сокровенныя раны свои, въ полной увѣренности, что вы не отвернетесь отъ нихъ съ отвращеніемъ, что ваша нѣжная, мягкая рука никогда не прикоснется къ нимъ жѣстко, грубо...

— Надежда Николаевна, вотъ вы гдѣ! — захлывшимся голосомъ проговорилъ Ревковъ. — Я васъ искалъ, искалъ!.. Пятая кадрили начинается!..

Надя разсѣянно взглянула на него.

— Развѣ я съ вами танцую?

— А то съ кѣмъ же? — переспросилъ Ревковъ, съ удивленіемъ приподнимая брови. — Разумѣется, со мной. Мнѣ надо вамъ столько разсказать, Надежда Николаевна! Вообразите, послѣ завтра я долженъ пѣть! у Стефанини вечеръ... Я вамъ скажу, это такъ будетъ эффектно!.. Пойдите скорѣй; я вамъ все разскажу, до малѣйшихъ подробностей разскажу!..

И съ широкой, добродушной улыбкой, подставивъ ей руку калачомъ, онъ потащилъ ее въ ряды танцующихъ.

— Дружиныа, — говорила въ это время Любовь Гавриловна, граціозно опираясь на спинку стула Николая Петровича и черезъ плечо заглядывая ему въ карты, — тебѣ, кажется, везетъ сегодня?

Николай Петровичъ глубокомысленно выпятилъ верхнюю губу и процѣдилъ:

— Да!.. г-мъ!.. ничего!.. везетъ!..

Любовь Гавриловна еще ниже наклонилась къ нему и прошептала:

— Тебѣ сегодня во всемъ везетъ. Дѣло съ Вильдомъ слаживается!

Николай Петровичъ обернулся на стулѣ. Любовь Гавриловна быстро поднесла пальчикъ къ губамъ, налагая на него такимъ образомъ узду молчанія. Онъ врякнулъ и съ нѣкоторымъ азартомъ стукнулъ картой по столу.

— Что ты дѣлаешь, Николай Петровичъ? — гнѣвно забасилъ партнѣрь его, жандармскій полковникъ: — въ чужую масть валяешь!

— Эге! и вправду въ чужую! Какъ же это я такъ! — бороталъ Николай Петровичъ, сконфуженно почесывая затылокъ.

— Такъ играть нельзя! — ворчалъ жандармскій полковникъ. — Всю игру потеряли, чортъ возьми! Одно изъ двухъ — или играть, какъ порядочные люди играютъ, — или болтать съ барынями!

Полковникъ искоса бросилъ гнѣвный взглядъ за спину Николая Петровича. Но Любови Гавриловны уже не было въ комнатѣ.

Въ другое время подобный промахъ привелъ бы въ крайнее раздраженіе Николая Петровича, но въ настоящую минуту необычайное благодушіе снизошло на него. Съ непонятнымъ равнодушіемъ, почти съ игривой улыбкой смотрѣлъ онъ, какъ, вслѣдствіе его непростительной разсѣянности, противная партія забирала взятку за взяткой — и, еще съ менѣе понятной кротостью, выносили онъ язвительные упреки жандармскаго полковника.

Въ самой отдаленной части большого каменнаго дома, отведеннаго для собранія, находилась небольшая комната, предназначенная для чтенія газетъ и періодическихъ изданій. Въ этой комнатѣ никто никогда не сидѣлъ и никто ничего не читалъ, тѣмъ не менѣе во время блестящихъ баловъ и семейныхъ вечеровъ, даваемыхъ собраніемъ, одинокая лампа тускло освѣщала на всякій случай и читальную комнату. Сюда-то направи-

лась украдкой Надя, лишь только окончилась пятая кадрили. Она чувствовала потребность удалиться на время отъ всего шума и гула, и хотъ на минуту остаться совершенно одной, чтобы справиться съ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на нее словами Вильда.

Но не суждено было ей оставаться одной въ этотъ вечеръ. Не успѣла она въ изнеможеніи опуститься на диванъ, какъ въ сосѣднемъ корридорѣ послышались легкіе торопливые шаги, и въ дверяхъ появилась гибкая, блестящая фигура Климской. Надя съ изумленіемъ взглянула на нее.

— Надежда Николаевна, вы изумлены меня видѣть?—проговорила Климская, быстро подходя къ ней;—но вы еще болѣе удивитесь, когда узнаете, что я пришла сюда потому, что видѣла, какъ вы направились въ читальную комнату!—Еще болѣе удивитесь, когда узнаете, что я весь вечеръ искала случая говорить съ вами наединѣ!

— Говорить со мной наединѣ?—повторила Надя съ удивленіемъ.

— Да, да, съ вами! Здѣсь намъ никто не помѣшаетъ. Вы хорошо сдѣлали, что пришли сюда!—продолжала Климская, усаживаясь на диванъ, спиной къ лампѣ, и пристально взглядывая на дѣвушку.

Одинокая лампа тускло освѣтила утомленное лицо Нади и алую розу въ черныхъ, блестящихъ волосахъ Климской. Надя не двигалась и продолжала вопросительно смотрѣть на нее.

— Да!—повторила снова Климская:—здѣсь намъ никто не помѣшаетъ.

Она не спускала жгучихъ, пристальныхъ глазъ съ лица Нади и, казалось, не знала съ чего начать разговоръ.

— Надежда Николаевна,—проговорила она наконецъ, рѣшительно встрахивая черной головою,—у насъ немного времени... Я безъ предисловія иду прямо къ дѣлу: нравится вамъ Вильдъ?

Надя вспыхнула и быстро отодвинулась отъ Климской. Вторично въ этотъ вечеръ посторонніе ей люди обращаются къ ней съ однимъ и тѣмъ же вопросомъ! вторично пытаются ворваться въ ея душу! Кто далъ имъ право являться съ своими непрошенными намѣвами и вопросами, кто далъ имъ право такъ безцеремонно допытываться до ея сокровенныхъ мыслей!..

Темные глаза дѣвушки заблестѣли и губы вѣриво сжались, но она молчала и, съ трудомъ сдерживая негодованіе, продолжала глядѣть на Климскую, какъ-бы выжидая дальнѣйшихъ разспросовъ.

Климская съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за дѣвухой.

«Такъ я и думала!» прошептала она, понимая по-своему молчаніе и горячій румянецъ дѣвухи. «Онъ ей нравится!»

— Надежда Николаевна!—начала она взволнованнымъ голосомъ, придвигаясь къ дѣвухѣ и ласково беря ее за руку,—я поступаю противъ всѣхъ правилъ деликатности, начиная съ вами этотъ разговоръ, но... я должна говорить... Мы мало знакомы, но я знаю—вы не чета здѣшнимъ барышнямъ, и мнѣ невыпосимо больно подумать, что вы горько ошибетесь въ вашемъ первомъ выборѣ...

Надя сдѣлала движеніе.

— Не перебивайте меня!—рѣзко замѣтила Климская.—Я знаю напередъ, что вы мнѣ скажете... Я не имѣю права допытываться до вашей тайны, врывать въ вашу душу... Все это я знаю! Тѣмъ не менѣе я должна говорить... я буду говорить, несмотря на все, несмотря на ваше негодованіе!..

Она на минуту остановилась и стиснула руку Нади, какъ-бы удерживая ее на мѣстѣ. Надя не двигалась. Волненіе и тревога Климской начинали смягчать ее минутное раздраженіе.

— Я должна говорить!—настойчиво повторила Климская,—хотя, можетъ, это ни къ чему не поведетъ!... Вотъ ужъ болѣе мѣсяца, какъ вы почти ежедневно бесѣдуете съ Вильдомъ, не правда-ли?

Глубокая складка снова легла между тонкими бровями Нади.

— Все равно!—поспѣшила прибавить Климская,—не отвѣчайте!... Мнѣ не нуженъ отвѣтъ!... Вы болѣе мѣсяца знакомы, и сказать вамъ, какое мнѣніе вы вывели о немъ? По-вашему, это человѣкъ глубоко страдающій, втораго до сихъ поръ никто не умѣлъ понять, etc., etc... О, мнѣ не нуженъ вашъ отвѣтъ! я раньше знаю, что это такъ... А что вы отвѣтите, если я вамъ скажу, что этотъ человѣкъ—комедіантъ! Комедіантъ съ ногъ до головы! что онъ никогда никого не любилъ и, вѣчно гоняясь за какой-то небесной любовью, измучивалъ всѣхъ тѣхъ, кого жизнь случайно сталкивала съ нимъ! Что вы скажете на то, что вся эта прославленная преданность къ его Сонечкѣ была только ризовка! что эта Сонечка, несчастное, нервное существо, боялась и ненавидѣла его, и имѣла полное право его ненавидѣть! Что вы скажете...

— Но на какомъ же основаніи вы называете его комедіантомъ, Екатерина Дмитріевна?—перебила ее Надя.

«Она его любитъ!»—прошептала Климская. — «Поздно! Ни-чему она теперь не повѣритъ!»

— Я сдѣлала бы вамъ этотъ вопросъ по поводу перваго встрѣчнаго-поперечнаго!—возразила Нада, вся вспыхнувъ и освободивъ свою руку изъ ея руки.—Вильда здѣсь нѣтъ... Онъ не можетъ самъ опровергнуть ваши обвиненія, потому что я и спрашиваю, на какомъ основаніи вы называете его комедантомъ?

Климская съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣла на нее.

— На какомъ основаніи? — переспросила она, и горькая усмѣшка мелькнула на красивыхъ, блѣдныхъ устахъ.—На томъ основаніи, что я его знаю, знаю какъ немногія, а знаю я его потому, что нѣбогда, въ былое время любила его.

Нада не шевельнулась. Темные глаза ея впились въ поблѣднѣвшее, взволнованное лицо Климской.

— Васъ удивляетъ, что я вамъ такъ прямо это говорю?— съ легкой, насмѣшливой усмѣшкой продолжала Екатерина Дмитриевна.—Да, я любила его долго, безгранично! Никогда никого я такъ не любила!... А онъ!... Онъ говорилъ вамъ про меня?—внезапно перебила она себя, пытливо взглядывая на дѣвушку. Нада покраснѣла.

— О, не безпокойтесь!—насмѣшливо замѣтила Климская.—Я знаю, что онъ говорилъ вамъ про меня; знаю даже, какъ онъ говорилъ! но не въ этомъ дѣло!... Повторяю, я любила его, но, повѣрьте, не оскорбленное самолюбіе заставляетъ меня говорить рѣзко про него, не мелкая месть побуждаетъ меня предохранивъ васъ...

Она снова на минуту остановилась, какъ будто вспомнивъ что-то.

— Мои слова, можетъ быть, не будутъ имѣть вѣса для васъ... Въ вашемъ семействѣ ко мнѣ относятся не особенно благосклонно, и я знаю, что въ городѣ обо мнѣ говорятъ... Ахъ, Боже мой! Люди отчасти правы, я не пуританка! Балы, шумъ, блескъ,—все это необходимо для меня!... Но не вѣрьте, когда вамъ будутъ говорить, что я сухая вѣтвь. Это неправда! Я никого не обманывала, никого не завлекала! Я ненавижу ложь, въ какомъ-бы образѣ она ни встрѣчалась! Я ненавижу рисовку, ненавижу комедию, и я утверждаю, что Вильда—комедантъ! Онъ рисуется передъ вами, какъ рисовался передъ мной, передъ женой своею, передъ всѣми женщинами, которыя попадались ему на пути...

— Зачѣмъ же ему рисоваться передо мной?—нерѣшительно спросила Нада.

— Зачѣмъ?—Потому что онъ влюбленъ въ васъ, какъ былъ влюбленъ въ меня, въ покойную жену...

Нада вдрогнула и пытливо взглянула на Климскую. Ей

припомнились слова Вильда. «Жажда спасенія такъ сильна, что хватаешься за призракъ, думая въ немъ найти свой идеаль. Горькое разочарованіе слѣдуетъ за этой ошибкой»...—Не была-ли Климская однимъ изъ тѣхъ призраковъ, за которые онъ хватался?... Развѣ онъ не кается въ своей ошибкѣ? развѣ онъ не страдаетъ?... Но къ чему все это говорится ей? Развѣ она любить его? развѣ онъ любить ее?... Сегодня будто всѣ сговорились намекать ей на Вильда? Досада снова начала-было овладѣвать ею, но къ ней примѣшалось еще неясное, тревожное чувство!.. Тутъ какое-то недоразумѣніе! Климская не сказала-бы ей про любовь свою, еслибъ она не была увѣрена, что она тоже любить Вильда.

— Екатерина Дмитриевна,—начала она, краснѣя,—мы, кажется, не вполне понимаемъ другъ друга... Вы предполагаете, что я отношусь къ Вильду иначе, чѣмъ какъ къ простому знакомому... Вы ошибаетесь... Вильдъ тоже...

Надя запнулась и еще сильнѣе покраснѣла. Она не знала, могла-ли она, положила руку на сердце, утверждать, что онъ относится къ ней равнодушно.

— Тѣмъ лучше, если еще есть время, если вы еще не увлеклись имъ!—порывисто заговорила Климская, близко наклоняясь къ ней.—Мои слова могутъ еще имѣть тогда хоть какое-нибудь дѣйствіе! Послушайте, Надежда Николаевна,—горячо продолжала она, подвигаясь ближе къ дѣвушкамъ и беря ее за руку, — насъ могутъ прервать... Еслибъ я могла вамъ рассказать!... но—нѣтъ!.. Здѣсь невозможно... Я не могу распространяться... Но повторяю: берегитесь его. Онъ рисуется всегда, во всякое время, при всѣхъ обстоятельствахъ! Берегитесь его прекраснѣйшій! За нимъ воздвигается такой грандіозный эгоизмъ, отъ котораго упаси васъ Боже!

Эгоизмъ!... Надѣ представилось блѣдное, извуренное лицо Вильда. Развѣ эгоистъ можетъ имѣть такое лицо, можетъ испытывать такое страданіе?

— Я не могу равнодушно подумать,—продолжала прерывистымъ голосомъ Климская,—что вы пройдетѣ черезъ то же разочарованіе, черезъ которое я прошла!... Повѣрьте, оно нелегко дается!... Вы только еще начинаете жить, вы сохранили еще цѣликомъ вашу свѣжесть, молодость, горячность, и невыносимо мнѣ подумать, что вы ихъ отдадите этому...

Климская вдругъ остановилась и повернулась къ двери. Въ корридорѣ раздавались торопливые шаги и шелестъ женскаго платья.

— Насъ ищутъ, послѣшно произнесла она, — оборачиваясь къ Надѣ. — Я могла бы привести факты въ подтвержденіе моихъ словъ, но теперь нѣтъ времени... Помните одно, помните, что я долго, безумно любила его! долго принимала за чистую монету его рисовку, долго не вѣрила его эгоизму!... Только неопровержимые факты, тяжелый, собственный опытъ убѣдили меня, что въ немъ все ложь, ложь и ложь!... вспомните при случаѣ то, что я вамъ сказала, и пусть это послужитъ вамъ предостереженіемъ!...

— Надѣчекъ, птичка моя! — проговорила въ это время Любовь Гавриловна, входя въ читальную комнату въ сопровожденіи Лысухина. — Вотъ ты гдѣ? А я тебя искала, искала!... Екатерина Дмитриевна! какъ? и вы здѣсь? — обратилась она съ притворнымъ удивленіемъ къ Климской.

Климская, не двигаясь съ дивана, съ насмѣшливой улыбкой смотрѣла на нее.

— Вы не знали, что я тоже здѣсь, м-ше Берновичъ? — произнесла она протяжно. — Очень странно! — Петръ Семеновичъ, обратилась она къ Лысухину, — а вамъ кто-нибудь сказалъ, что Надежда Николаевна и я въ читальной комнатѣ?

— Да; Вильдъ. Я его спросилъ, не видаль-ли онъ васъ; въ это время Любовь Гавриловна искала Надежду Николаевну, а и сказалъ, гдѣ вы обѣ находитесь. Очень жалѣю однако, если этимъ помѣшалъ вашей бесѣдѣ! — прибавилъ Лысухинъ раздражительно.

Присутствіе Нади повергало его съ нѣкоторыхъ поръ въ дурное расположеніе духа.

При имени Вильда Климская быстро взглянула на Надю. Едва замѣтная презрительная усмѣшка мелькнула въ ея жгучихъ глазахъ.

— Надѣчекъ, отчего ты такая блѣдненькая, — нѣжно прошептала Любовь Гавриловна, обнимая Надю и пытливо заглядывая ей въ глаза. Надя встала и, не отвѣчая на вопросъ матери, обратилась къ Климской.

— Я думаю, намъ лучше пойти въ залу, — произнесла она, и, взявъ ее подъ руку, вышла съ ней изъ комнаты.

Любовь Гавриловна и Лысухинъ послѣдовали за ними въ нѣкоторомъ разстояніи.

— Вильдъ знаетъ, гдѣ мы, — прошептала Климская, когда онѣ подошли къ двери залы. — Онъ знаетъ, что я говорила вамъ про него, и потому не послѣдовалъ за вашей шапкой.

Надя молчала; но при входѣ въ залу она вдругъ обернулась къ Климской и, съ жаромъ сжимая ей руку, произнесла.

— Правы вы или неправы — не знаю; но во всякомъ случаѣ

благодарю васъ!... Я, дѣйствительно, неопытна... Я не знаю жизни, но я чувствую, что надо обладать горячей душой, чтобы для предостереженія другой женщины отъ ошибки сдѣлать ей то призваніе, которое вы сдѣлали мнѣ!... Повѣрьте, *это* я во всякомъ случаѣ не забуду!

Свѣтлая улыбка, словно лучъ солнца, освѣтила лицо Климской.

— Не забудьте, главное, другое!—прошептала она, и, пожавъ еще разъ руку Надѣ, вошла въ залу.

Толпа молодежи тотчасъ окружила ее. Какъ змѣйна извивалась ея гибкая фигура между рядами танцующихъ; глаза ея сверкали, и алая роза въ черныхъ волосахъ, казалось, рдѣла еще ярче, чѣмъ въ началѣ бала. Надя внимательно слѣдила за ней.

Вотъ она снова сіяетъ смѣхомъ и весельемъ, снова, повидимому, ни о чемъ другомъ не думаетъ, какъ о наслажденіи минутой!... Неужели это та же женщина, которая за минуту передъ тѣмъ сдѣлала ей такое горячее признаніе?...

Слѣдя за Климской, она встрѣтила вдругъ пристальный, тревожный взглядъ Вильда. Надя вспыхнула, и сердце ея лихорадочно забилось.

Ложь! комедія!—промелькнуло у нея въ головѣ.—И это измученное лицо, дрожащій голосъ, всѣ тѣ слова, которыя наполнили ея сердце жгучею жалостью—тоже ложь! тоже комедія!... Не можетъ быть!... Она не можетъ... не можетъ этому вѣрить!... Тутъ должно быть какое-то недоразумѣніе!...

Нѣсколько мѣсяцевъ прошло послѣ описаннаго бала. Снѣгъ и грязь уступили мѣсто густой пыли; деревья зазеленѣли, и ярко зацвѣли бальзамины и гераніи въ маленькомъ палисадникѣ Ирины Петровны.

Теплый вечерній воздухъ вольно входитъ въ раскрытыя окна и наполняетъ благоуханіемъ маленькую приемную. На кругломъ столѣ передъ турецкимъ диваномъ громко шипитъ ярко-вычищенный самоваръ; разныя печенья, варенья, сласти, разставленныя на узорчатой скатерти, показываютъ, что Ирина Петровна ожидаетъ гостей. Ирина же Петровна не сидитъ, по обыкновенію, на своемъ любимомъ вреслѣ у окна, не спѣшитъ окончить важную работу, но, крѣпко сжимая крошечныя ручки, безпокойно ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Она будто постарѣла въ эти послѣдніе мѣсяцы, волосы ея посѣдѣли, маленькое личико осунулось. По временамъ она подходила къ столу и съ озабоченнымъ видомъ переставляла блюдечки и тарелочки съ одного

мѣста на другое, но, повидимому, она дѣлала это бессознательно, машинально. Мысли ея, казалось, были далеко; сухіе воспаленныя глаза выражали тревогу. Переставивъ блюдечки, она снова принималась ходить, и снова судорожно сжимала руки.

Легкіе, торопливые шаги слышались на улицѣ; калитка щелкнула, и черезъ нѣсколько секундъ въ комнату вбѣжала Надя.

— Вотъ и я!— вскричала она запыхавшимся голосомъ, поспѣшно обнимая тѣтку. — Ты меня ждала? Я никакъ не могла уйти раньше!

Надя быстро сбросила шляпу и стащила перчатки.

— Вотъ какъ!— У тебя уже чай готовъ и всякія прелести заготовлены! Балуетъ ты меня, тѣтя! Пожалуй, ты меня такъ избаловала, что я сдѣлаюсь несносной капризницей у себя въ домѣ... Ну, что-жъ ты не садись, тѣтя?...

Надя проговорила все это торопливо, отрывисто и, не дожидаясь отвѣта тѣтки, тотчасъ же принялась наливать чай. Въ ней тоже произошла перемѣна въ эти нѣсколько мѣсяцевъ. Она похудѣла и казалась старше на видъ. Спокойныя, тихія движенія ея сдѣлались нервными, лихорадочными; щеки горѣли неестественнымъ румянцемъ, а голосъ звучалъ какъ-то рѣзче прежняго.

Ирина Петровна тихо опустилась около нея на диванъ.

— А гдѣ же Алексѣй Васильевичъ?— спросила она нерѣшительно.

— Онъ немного позже придетъ за мной... Да зачѣмъ же ты сѣла на диванъ? Тебѣ тутъ нехорошо!

Надя вскочила и подвела кресло къ столу.

— Садись здѣсь!

Ирина Петровна, молча, повиновалась. Поставивъ передъ ней чашку чая, Надя подошла къ окну.

— Какой воздухъ сегодня!— проговорила она. — Какъ цвѣты твои хорошо пахнутъ! Вотъ, въ Петербургѣ у меня не будетъ такого садика!

— Значитъ, это уже рѣшено, что вы уѣдете завтра тотчасъ же послѣ вѣнца?— спросила глухимъ голосомъ Ирина Петровна.

— Да, тѣтя. Мы сегодня вечеромъ окончательно рѣшили... Оно и лучше такъ! Что-жъ медлить? Разлука отъ этого легче не будетъ!

Послѣдовало молчаніе. Надя продолжала стоять у окна и задумчиво слѣдила за круженіемъ мошекъ въ воздухѣ.

— Надя!— позвала ее Ирина Петровна.

Дѣвушка встрепенулась, поспѣшно подошла къ тѣтѣ и опустилась передъ ней на колѣни.

— Что, тѣтя?—спросила она, нѣжно обнимая старушку.

— Еще есть время!—дрожащимъ голосомъ произнесла старушка.

— Чему есть время, тѣтя?

Ирина Петровна, казалось, собиралась съ духомъ.

— Отказаться ему...—прошептала она съ усиліемъ.

Надя вздрогнула.

— Отказаться! что съ тобой, тѣтя?

Ирина Петровна притянула ее къ себѣ и со страхомъ взглянула на нее.

— Ты не будешь съ нимъ счастлива!—прошептала она, и крупныя слезы повалились по сморщеннымъ щекамъ.

Надя тихо освободила свои руки изъ рукъ тѣтки, придвинула къ креслу скамеечку и сѣла у ногъ Ирины Петровны.

— Онъ тебѣ такъ не нравится, тѣтя?

Ирина Петровна замаялась.

— Нѣтъ... я не могу этого сказать... Онъ, кажется, человѣкъ хорошей... говорить такъ хорошо! а все страшно!... Ты такая другая, чѣмъ нины дѣвушки!...

Надя улыбнулась.

— Вотъ, тѣтя, разбери тебя! Помнишь, въ началѣ зимы я сказала разъ тебѣ, что не хочу замужъ и уйду отъ родныхъ?... ты въ ужасъ пришла; чуть не заболѣла отъ этой мысли!... Теперь я исполняю твое желаніе, выхожу замужъ, а ты снова недовольна!...

Ирина Петровна молчала.

— Полно, тѣтя, напрасно тревожиться,—продолжала Надя, тихо лаская ее, какъ ребенка.—Алексѣй Васильевичъ искренно влюбилъ тебя. Онъ надѣется, что со временемъ ты будешь жить съ нами... Слѣдовательно, и разлука наша будетъ временная...

Надя встала и снова подошла къ окну. Ей было душно; тѣплице, тревожное чувство овладѣло ею и сперло ей дыханіе.

Еще есть время!—прошептала ей тайный голосъ. Надя встрахнула головой.—Какіе пустяки! что за малодушіе! Развѣ я не добровольно иду на это?... Наконецъ, развѣ я не коротко узнала ее?...

Крошечная рука Ирины Петровны коснулась въ это время ея плеча. Надя обернулась.

— Ты его не любишь, Надя!

— Что ты говоришь, тѣтя? я его не люблю? Зачѣмъ же тогда выходила-бы я замужъ?

Ирина Петровна вѣжливо стиснула руку Нади и впилась тревожными глазами въ ея лицо.

— Ты его не любишь, говорю я тебѣ... Твоя тревога, нервность—все это дурной знакъ!... Разумѣется, незадолго передъ свадьбой всѣ дѣвушки тревожатся, но у нихъ бываютъ хоть минуты радости!... а въ тебѣ?... Еще есть время, подумай хорошенько!...

— Пустяки, тѣтя! Вѣдь я не со вчерашняго дня дала ему слово, значить, имѣла время передумать!... Я не люблю его, говоришь ты? Я не могу не любить его ужъ просто изъ благодарности за его нѣжную заботливость обо мнѣ!

Надя замолчала и снова обернулась къ окну. Сердце ея бо- лѣзненно сжалось, голова горѣла.

— Какъ душно сегодня, неправда-ли, тѣтя?—Я поставлю твое кресло къ окну; здѣсь все-таки свѣжѣе.

Она снова подвѣтила кресло къ окну и сѣла у ногъ тѣтки.

— Не замечь-ли свѣчи?—замѣтила Ирина Петровна.—Совсѣмъ уже темно.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо! такъ лучше! Ты знаешь, я люблю сумерки.

Обѣ онѣ замолчали. Сѣрныя сумерки едва-едва освѣщали комнату; громкое шипѣніе самовара перешло въ слабое, заунывное жуужаніе; въ домѣ и на улицѣ было тихо, только издали доносился веселый смѣхъ и крикъ уличныхъ ребятишекъ:

Надя положила темную головку на колѣни Ирины Петровны и задумчиво смотрѣла на потемнѣвшее небо.

— Ты, тѣтя, такъ начиталась романовъ,—начала она тихо, подымая головку и продолжая смотрѣть въ окно,—что думаешь, въ жизни все должно происходить такъ, какъ въ книжкахъ. Я тоже это думала... и долго думала... Я все думала, что однажды то же испытаю, что они называютъ любовью; но, видно, есть натуры, которыя неспособны на нее... Я сказала ему, что не люблю его еще такъ, какъ хотѣла бы, такъ, какъ онъ этого стоить... Я предлагала ждать, но онъ и слышать объ этомъ не хочетъ! Онъ говоритъ, что только тогда и будетъ покоемъ, когда мы уѣдемъ въ Петербургъ... Я это отчасти понимаю, тѣтя... Онъ такъ ужасно страдалъ всю жизнь, такъ постоянно боролся съ самимъ собой, что теперь онъ хватается за меня, какъ за якорь спасенья. «Никто», говоритъ онъ, «такъ не помогалъ ему, какъ я!..» И это правда, тѣтя!.. Я сама вижу, какъ ужъ многое смягчилось въ немъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался моимъ женихомъ!.. Ты не можешь себѣ представить, какъ онъ честно относится къ

собѣ! Какъ честно онъ разоблачаетъ передо мной всѣ сокровенныя недостатки свои, всѣ дурныя факты своей жизни... Вотъ, за эту честность я глубоко уважаю его! Я знаю, въ немъ много дурного, многое не нравится мнѣ, но я увѣрена въ моемъ влияніи на него... Я буду его другомъ, товарищемъ... Я буду такъ счастлива, если мнѣ удастся возвратитъ ему вѣру въ себя, въ жизнь, если мнѣ удастся помочь ему въ трудѣ...

Надя встала и прошлась по комнатамъ.

— Видишь ли, когда я объ этомъ думаю, тревога моя исчезаетъ, я дѣлаюсь спокойна... Онъ такъ радуется, что во мнѣ такая жажда учиться... Онъ поможетъ мнѣ въ занятіяхъ моихъ!.. Въ Петербургѣ я найду все, что необходимо мнѣ... И подумай, тѣтя, какая полная, дѣятельная жизнь можетъ быть для насъ обонхъ!..

Ирина Петровна, молча, подошла къ столу и зажгла свѣчи. Ярko освѣтилось ея осунувшееся, встревоженное лицо, сухіе, воспаленные глаза. Щеки Нади горѣли, глаза блестѣли. Она быстро подошла къ тѣтѣ и крѣпко обняла ее.

— Ты все еще встревожена? Но ты неисправима! И явись какой-нибудь сказочный герой, ты и его найдешь недостойнымъ меня...

Ирина Петровна, молча, повачала сѣдой головой и судорожно сжала руки.

— Видишь ли, Надюша, — начала она съ усиленіемъ, — мнѣ все одно какъ-то непонятно въ твоихъ рѣчахъ... Ты все говоришь объ Алексѣѣ Васильевичѣ, какъ будто онъ братъ твой или всегда останется женихомъ... Завтра вы будете мужемъ и женой... Мужъ иное, чѣмъ братъ или женихъ... Требованія его иныя, права другія... Подумала ли ты объ этомъ?

Надя съ удивленіемъ посмотрѣла на тѣтку. Лицо ея вдругъ все вспыхнуло.

— Тѣтя, — начала она тихо, — ты судишь на основаніи собственнаго опыта... Тебя выдали за человѣка грубаго... Отношенія ваши были иныя... Мы обвиняемся завтра, но... отношенія не мѣняются пока...

— Она совсѣмъ ребенокъ! — прошептала Ирина Петровна, хватая Надю за руку. — Откуда у тебя эти мысли?.. Онъ мужичка, Надюша, онъ думаетъ иначе!.. Развѣ ты не видишь, что онъ относится къ тебѣ не такъ, какъ ты къ нему?

Надя поблѣднѣла.

«Это правда!» подумала она, «и я многое бы дала, чтобы

онъ только дружески относился ко мнѣ! Его глаза подчасъ мучительно преслѣдуютъ меня!..»

— Все это пустяки! — проговорила она громко. — Оставимъ это, тѣта!.. Мы не поймемъ другъ друга! Въ прежнія времена отношенія были другія... Теперь это невозможно... Отъ другой, чѣмъ ине... Я должна, я могу довѣриться ему... Успокойся и ты! не тревожься, ради-Христа! Какъ будто мнѣ ужъ недостаточно мучительно расставаться съ тобой!..

Голосъ ея задрожалъ; крупныя слезы потекли по щекамъ. Она быстро подошла къ огню и оперлась головой о косякъ. Оплакивала ли она только разлуку съ тѣтвой? или внезапный, непонятный страхъ, что она, какъ безумная, бросается на неизвѣстный ей путь, вызвалъ эти невольныя, горячія слезы?.. Ирина Петровна тихо всхлипывала.

На улицѣ раздались громкіе шаги. Надя быстро подняла голову и отерла слезы.

— Алексѣй Васильевичъ идетъ, — произнесла она, подходя къ Иринѣ Петровнѣ и отирая платкомъ заплаканное лицо старушки.

— Не плачь, тѣта; ему будетъ тяжело видѣть насъ грустными... Смотри, чайникъ совсѣмъ простылъ; завари ему новый чай, да?

Старушка, крѣпко закусивъ губы, чтобы удержать всхлипываніе, засуетилась у самовара.

— Надежда Николаевна! — раздался голосъ Вильда въ палисадникѣ. — Можно войти?

— Дверь не заперта, войдите! — крикнула ему Надя.

Черезъ минуту онъ вошелъ въ комнату. Онъ, казалось, помолодѣлъ на десять лѣтъ. Глаза его блестя и довольная улыбка оваряла его лицо. Безукоризненный сюртукъ казался безукоризненнѣе обыкновеннаго, и все, начиная съ изящнаго галстука до лакированныхъ сапогъ, все носило на себѣ печать довольства. Входя въ комнату, онъ однимъ взглядомъ оглядѣлъ обихъ женщинъ; легкая складочка досады легла на узкомъ лбѣ при видѣ заплаканнаго лица Ирины Петровны, но она тотчасъ же исчезла.

— Я явился слишкомъ рано? — произнесъ онъ, почтительно цѣлуя руку Ирины Петровны, — но я посланъ гонцомъ... Любовь Гавриловна находитъ непростительнымъ, — обратился онъ съ дружеской улыбкой къ Надѣ, — что вы проводите послѣдній вечеръ не дома... Она хотѣла-было сама идти за вами, но я вынужденъ привести васъ обратно... Надѣюсь, меня за это похвалятъ? — прибавилъ онъ, нѣжно беря дѣвушку за руку.

Надя тихо освободила руку и снова подошла къ тёткѣ. Разговоръ не клеился, какъ это обыкновенно бываетъ передъ разлукой близкихъ людей. Ирина Петровна украдкой отирала слёзы, Надя молчала, и Вильдъ, несмотря на старанія свои, не могъ оживить бесѣду.

Черезъ часъ онъ и Надя вышли на улицу, сопровождаемые Ириной Петровной.

— Смотри, тѣтя, завтра чуть свѣтъ будь у меня!—крикнула Надя, оборачиваясь.

Ирина Петровна не отвѣчала. Долго смотрѣла она за удаляющейся стройной фигурой дѣвушки, а когда платье ея исчезло за угломъ, она медленно поплелась въ комнату.

Все стихло вокругъ. Во всѣхъ домахъ погасли свѣчи; только въ спальнѣ Ирины Петровны до утра горѣла лампада передъ образомъ, и далеко за полночь раздавались глухія, сдерживаемыя рыданія старушки.

Ардювъ.

ВСЕМІРНЫЙ ТОРГОВЫЙ РЫНОКЪ

■

ЕГО СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ.

Neumann-Spollert: Uebersichten über Production, Verkehrsmittel und Welt-handel, въ изданіи Бёма: Geographisches Jahrbuch. Band VI. 1876.

W. Lindheim: Kohle und Eisen im Welthandel in den Jahren 1865-76. Wien, 1877.

Commercial history and review of 1876, въ приложеніи къ англійскому «Economist», 10 марта 1877, № 1750.

Европа и Америка переживаютъ теперь тяжелый экономическій кризисъ, который длится уже нѣсколько лѣтъ сряду и причины котораго кроются столько же въ тѣхъ политическихъ переворотахъ, которымъ въ послѣднее время подвергались болѣе или менѣе всѣ страны, сколько, если даже не болѣе, въ тѣхъ ненормальныхъ условіяхъ всемірнаго торговаго рынка, которыя созданы необузданнымъ духомъ спекуляціи, несоразмѣрной съ потребленіемъ и производительностью, и разными неблагоприятными явленіями денежнаго и кредитнаго рынка. Девятнадцатому столѣтію, безспорно, суждено быть свидѣтелемъ безпримѣрнаго еще въ исторіи развитія промышленности, благодаря великимъ успѣхамъ положительныхъ наукъ, неустаннымъ усиліямъ человѣческаго генія въ изобрѣтеніи примѣненія добытыхъ наукою истинъ и законовъ природы къ промышленному употребленію, и смѣлой предприимчивости для наживы и расширенія капиталовъ. Широкое развитіе желѣзныхъ дорогъ и пароводныхъ сообщеній, распространеніе электрическаго телеграфа и необыкновенное усиленіе и разнообразіе кредитныхъ сдѣловъ способствовали не только этому ко-

лоссальному росту всемирной промышленной дѣятельности, но и облегченію международнаго обмѣна произведеніями между самыми отдаленными странами. Побуждаемая необходимостью выдерживать соперничество съ однородными производствами другихъ странъ, промышленность должна въ настоящее время постоянно заботиться какъ о завоеваніи себѣ, такъ и объ удержаніи за собою тѣхъ рынковъ, которые могутъ, или снабжать ее наиболѣе дешевыми сырыми матеріалами, или отырывать сбытъ ея произведеніямъ. Такимъ образомъ установилась тѣсная зависимость торгово-промышленныхъ интересовъ между самыми отдаленными странами, и потому изученіе этихъ отношеній представляетъ задачу далеко не празднаго любопытства. Конечно, исчерпать подобную задачу нельзя на нѣсколькихъ страницахъ, но можно, по крайней мѣрѣ, намѣтить главные моменты современнаго экономическаго движенія и выяснить тѣ причины, которыя привели къ настоящему тягостному положенію торговаго рынка. Чтобы уяснить нѣсколько эти причины, необходимо хотя бѣгло окинуть исторію промышленнаго и экономическаго развитія Европы и Америки съ начала сороковыхъ годовъ (1842—1846), которые считаются цвѣтущимъ періодомъ промышленности.

Лихорадочная дѣятельность, проявившаяся въ это время въ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ на материкѣ западной Европы, съ затратою громадныхъ капиталовъ, голодъ въ Ирландіи и распространеніе революціонныхъ идей, привели къ знаменитому кризису 1847 г. и трехлѣтнему революціонному броженію всей средней Европы. Къ концу 1851 г. цѣны всѣхъ предметовъ, а также плата за трудъ и вообще все, что входитъ въ стоимость производства, упали такъ низко, что капиталисты не могли не соблазниться этой дешевизной товаровъ и легкостію помѣщенія своихъ капиталовъ для разныхъ промышленныхъ затратъ. Огромный запросъ на товары для вновь открытыхъ золотоносныхъ странъ и громадная спекуляція по заключенію займовъ, вызванныхъ вслѣдъ за тѣмъ восточною войною 1853—56 г., привели къ новому кризису 1857 г. Чрезмѣрное развитіе промышленной дѣятельности и кредитныхъ сдѣлокъ снова подняли надержки производства и цѣны предметовъ до предѣловъ, недоступныхъ для потребителей и потому невыгодныхъ для производства. Это положеніе дѣлъ продолжалось до 1861 г.; за этимъ послѣдовалъ торговый кризисъ, вызванный междуособною войною въ Соединенныхъ-Штатахъ (1861—1865 г.), и новая желѣзно-дорожная строительная дѣятельность во Франціи, Германіи и Россіи. Къ 1866 г. цѣны снова поднялись, но реакція не замедлила явиться

въ 1867, 1868, 1869 годахъ, понизила цѣны, уменьшила заработную плату и сократила производство. Между тѣмъ, политически обновленная Австро-Венгрія, объединенная Италия и возрожденная къ новой политической жизни Германія вступали на болѣе широкое экономическое поприще. Въ то же время открывался для торговаго движенія Суэзскій каналъ, не только сократившій прежніе торговые пути азіатской и африканской торговли, но и создавшій, вслѣдствіе этого сокращенія и уничтоженія прежнихъ промежуточныхъ станцій, необходимость новыхъ торговыхъ порядковъ; электрическій телеграфъ распространилъ свои воздушные и подводные пути въ самыя отдаленныя страны свѣта. Соединенные-Штаты приступили съ 1867 г. къ расширенію своей желѣзно-дорожной сѣти въ такихъ размѣрахъ, о каковыхъ ни одна страна еще не имѣла понятія; вмѣстѣ съ тѣмъ они затрачивали капиталы на устройство каналовъ, доковъ, магазиновъ и вообще всего, что только могло содѣйствовать развитію торговли и промышленности. Въ то же время европейскій денежный рынокъ открылся для цѣлаго ряда невиданныхъ прежде заемщиковъ, для полуварварскихъ государствъ Турціи, Египта, Гондураса, Перу, Венесуэлы и т. п., и милліоны фунтовъ стерлинговъ потекли изъ Европы въ эти страны.

Наступила война 1870—71 года, которая остановила на цѣлый годъ почти всякое промышленное развитіе въ обѣихъ воюющихъ странахъ и доставила легкіе барыши англійской торговлѣ. Уплата 5-ти-милліардной контрибуціи вызвала затѣмъ усиленную дѣятельность въ побѣжденной и трудолюбивой Франціи и неумѣренный духъ спекуляціи въ Германіи, приведшій ее къ полному экономическому разстройству. Эти ненормальныя отношенія привели къ кризису 1873 года, который разразился какъ въ Европѣ, такъ и въ Америкѣ, и по размѣрамъ и послѣдствіямъ своимъ былъ пагубнѣе всѣхъ предшествующихъ ему кризисовъ. Значительности этого кризиса содѣйствовали не только перемѣщеніе въ весьма короткій срокъ такой громадной суммы, какъ 6 милліардовъ франковъ изъ одной страны въ другую, причемъ происходила явная потеря вслѣдствіе отвлеченія этой суммы отъ одного производительнаго употребленія и до помѣщенія ея въ другое, — но и необузданный духъ спекуляціи, развивавшійся при обиліи свободныхъ капиталовъ и нерѣдко порождавшій самыя эфемерныя предпріятія.

На экономическомъ языкѣ торговымъ кризисомъ называется или то время, когда издержки производства значительнаго количества товаровъ, достигнувъ въ теченіи цвѣтущаго періода про-

изводительности высокаго размѣра, спускаются съ этой высоты до предѣла, дѣлающаго ихъ доступными для болѣе обширной сферы потребителей и силою этой дешевизны создаютъ приливъ новыхъ капиталовъ; или же подъ этимъ разумѣется также эпоха, когда чрезмѣрное производство въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности сокращается до предѣловъ дѣйствительнаго запроса на ея продукты, создаваемого наличными запасами капитала, или имѣющимся въ виду краткосрочнымъ кредитомъ, т.-е. вообще запросомъ, обусловленнымъ текущими доходами потребителей. Совпаденіе этихъ явленій съ рядомъ неурожайныхъ годовъ, сопровождающихся возвышеніемъ жизненныхъ потребностей для всего рабочаго класса, т.-е. для $\frac{3}{4}$ всего населенія, или съ разнаго рода политическими переворотами, въ родѣ войнъ и внутреннихъ революцій, только осложняетъ затруднительное положеніе торговаго рынка и замедляетъ выходъ изъ этого положенія. Нынѣшній кризисъ, вызванный необыкновеннымъ развитіемъ промышленной и торговой дѣятельности въ 1871—73 годахъ, былъ главнымъ образомъ реакціей противъ чрезмѣрно-высокихъ издержекъ производства. Въ этомъ періодѣ не только возвысилась заработная плата и цѣна сырыхъ матеріаловъ, но и уменьшилось самое количество труда и ухудшилось качество этого труда, несмотря на высокую плату.

Другой важный источникъ нынѣшняго кризиса заключался въ обширномъ преобладаніи разныхъ финансовыхъ и кредитныхъ ассоціацій, располагающихъ большими или меньшими кредитными и денежными средствами, и старающихся обезпечить себѣ возможно скорые и высокіе барыши путемъ полученія концессій на разныя общественныя работы, или устройствомъ разныхъ промышленныхъ предпріятій. Эти компаніи, облегчая полученіе кредита и капитала для всякаго мало-мальски прибыльнаго начинанія, столько же содѣйствовали обращенію болѣе части свободныхъ, движимыхъ капиталовъ въ постоянные, недвижимые, сколько и развивали духъ неограниченной расточительности. Не одна страна, стоявшая наканунѣ банкротства, занимала, при содѣйствіи этихъ компаній, милліоны, и у нихъ же находила кредитъ болѣешая часть тѣхъ американскихъ желѣзно-дорожныхъ компаній, которыя увеличили собою недавно списокъ банкротовъ, разразившихся вслѣдствіе кризиса, начавшагося въ 1873 г.

Фактическимъ подтвержденіемъ сказаннаго можетъ служить слѣдующій небезынтересный сводъ свѣдѣній, сдѣланный недавно бельгійскимъ «*Moniteur des intérêts matériels*», о тѣхъ денежныхъ цѣнностяхъ, которыя были выпущены съ 1870 по 1876 годъ,

въ видѣ государственныхъ и общинныхъ займовъ, въ видѣ акцій и облигацій разныхъ кредитныхъ учреждений, желѣзно-дорожныхъ и промышленныхъ компаній.

	Въ видѣ госу- дарств. и об- щин. займовъ.	Кредитными учрежденіями.	Желѣзнодорожн. и промш. ком- паніями.	Всего.
Выпущено милліоновъ франковъ:				
1870.	3943	186	1663	5792
1871.	11,693	3897		15,590
1872.	5477	1956	5209	12,641
1873.	4840	1747	4821	10,908
1874.	1587	297	2332	4215
1875.	467	440	797	1714
1876.	2946	84	624	3652
1870—1876.	30,453	24,052		54,505

Такимъ образомъ, уже въ 1871 г. начался усиленный спросъ на государственные и коммунальные займы. Одна Америка потребовала въ этотъ годъ 8037 милліоновъ франковъ, а Франція 2503 милліона. Въ слѣдующемъ году одна Франція увеличила свой долгъ на 35 милліоновъ; въ другихъ же странахъ спросъ на капиталы для промышленныхъ предпріятій увеличился до такой степени, что сумма заключенныхъ въ этотъ годъ государственныхъ и общинныхъ займовъ осталась далеко позади тѣхъ суммъ, которыя потребовались для основанія, расширенія или преобразованія кредитныхъ учреждений, желѣзно-дорожныхъ и другихъ промышленныхъ предпріятій. То же явленіе повторилось и въ 1873 г., но въ 1874 г. началось уже сокращеніе выпуска денежныхъ цѣнностей, продолжавшееся и въ 1875 г. Если въ 1876 г. сумма этихъ выпусковъ вновь возвысилась, то это объясняется лишь нѣсколько болѣею твердостью государственнаго кредита.

Какимъ образомъ запросъ капиталовъ для производительныхъ цѣлей распредѣлялся между различными болѣе промышленными странами, видно изъ того, что въ Америку выпущено съ этою цѣлю на 4363 милліона франковъ, въ Великобританію съ колоніями—на 4116 милл., въ Германію—на 3335 милл., въ Австро-Венгрію—на 1547 милл., въ Россію—на 1379 милл., во Францію—на 1114 милл. и въ Италію на 715 милл.

Изъ общаго числа выпущенныхъ въ теченіи 1872—1876 годовъ денежныхъ цѣнностей, на долю кредитныхъ учреждений приходится 4523 милл. франковъ, на долю желѣзно-дорожныхъ и другихъ промышленныхъ компаній—13,782 милл. франковъ. Но какъ неравномѣрно было это распредѣленіе по годамъ, видно

изъ процентнаго отношенія этихъ специальныхъ выпусковъ къ общей суммѣ выпусковъ:

	Кредитными учре- жденіями.	Желѣзнодорож. и промыш. компаніями.
Въ 1872	43,84 проц.	37,80 проц.
> 1873	38,83 >	34,88 >
> 1874	6,87 >	18,82 >
> 1875	9,78 >	5,78 >
> 1876	1,88 >	4,88 >

Другое подтвержденіе приведенныхъ цифръ о чрезмѣрномъ развитіи промышленныхъ предпріятій, преимущественно компанейскихъ, подъ вліяніемъ необузданныхъ спекуляцій 1871—1875 г., можно найти въ самой исторіи образованія и паденія этихъ компаній. Такъ, въ Пруссіи, съ начала нынѣшняго столѣтія до 1870 г. включительно, возникло 487 акціонерныхъ компаній, съ основнымъ капиталомъ 163 милл. фунт. стерл. Затѣмъ, только въ два года, 1871 и 1872, образовалось 725 новыхъ компаній, съ капиталомъ въ 131 милл. фунт. стерл.; въ послѣдующіе же два года, 1873 и 1874, — 91 компанія, съ капиталомъ въ 65 милл. ф. стерл. Бѣольшая часть этихъ компаній принадлежала къ самымъ опаснымъ, а именно къ банковымъ, кредитнымъ и строительнымъ компаніямъ. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, опубликованнымъ г. Ангелемъ, директоромъ берлинскаго статистическаго бюро, цѣнность основного капитала 690 акціонерныхъ компаній, простиравшаяся номинально до 363 милл. фунт. стерл., представляла по биржевымъ цѣнамъ, 31-го декабря 1872 г., кажущееся приращеніе въ 65 милл. фунт. стерл., въ 31-му же декабря 1875 г. это кажущееся приращеніе обратилось въ дѣйствительную потерю на сумму 162 милл. фунт. стерл. Подобное же явленіе повторилось и въ Австріи. Въ 1873 году въ одной Вѣнѣ считалось 294 акціонерныя компаніи, съ капиталомъ на 142 милл. фунт. стерл. Въ теченіи 1873—1876 годовъ 135 компаній, съ капиталомъ въ 35 милл. стерл., подверглись ликвидаціи, причеиъ нѣкоторые получили около 5¹/₂ милл. фунт. стерл. дѣйствительнаго или предполагаемаго барыша, а другія потеряли около 18 милл. фунт. стерл.

Англійскія акціонерныя компаніи также пострадали, хотя и менѣе австрійскихъ и прусскихъ. Съ каждымъ годомъ для нихъ становилось все труднѣе и труднѣе привлекать капиталы. Въ теченіи 1872—1876 годовъ собрано по подпискѣ слѣдующее количество капиталовъ старыми и новыми компаніями:

	Въ 1872.	1878.	1874.	1875.	1876.
	Милліоновъ фунтовъ стерлинговъ:				
Старыми	31,3	35,9	25,0	13,9	5,3
Новыми	44,3	44,3	26,5	7,4	8,3

Число банкротствъ въ послѣдніе годы также краснорѣчиво свидѣтельствуесть о потрясеніи, причиненномъ всему промышленно-торговому міру. Мы можемъ сопоставить только данныя о банкротствахъ въ Англіи, Соединенныхъ-Штатахъ и Канадѣ.

Въ Англіи.		Въ Соединенныхъ-Штатахъ.		Въ Канадѣ.		
Число банкротствъ.		Число банкротствъ.	Пассивъ въ милл. ф. ст.	Число банкротствъ.	Пассивъ въ милл. ф. ст.	
1871.	1122	}	НЕ ИМѢЕТСЯ СВѢДѢНІЙ.			
1872.	1326					
1873.	1745		5049	35,4	944	2,3
1874.	1751		5696	30,3	966	1,3
1875.	1720		7449	39,9	1968	5,3
1876.	2065	9092	38,1	1728	5,3	

По отношенію числа обанкротившихся домовъ къ общему числу торговыхъ домовъ, оказывается, что въ теченіи 4-хъ лѣтъ, 1873—1876, въ Соединенныхъ-Штатахъ обанкротилось 1 изъ 21 или 5⁰/₁₀₀, въ Канадѣ же 1 изъ 9, т.-е. почти 10⁰/₁₀₀. Однѣхъ желѣзно-дорожныхъ компаній въ Соединенныхъ-Штатахъ обанкротилось въ 1876 только году 86. Имъ принадлежала пятая часть почти общаго протяженія желѣзныхъ дорогъ въ Штатахъ, именно 14 тыс. миль, съ основнымъ капиталомъ въ 912 милл. долл. Вступленіе въ 1877 годъ, по общему ходу финансовыхъ, торговыхъ и политическихъ дѣлъ, представляло мало надежды на улучшеніе экономическаго положенія, какъ въ Америкѣ, такъ и на континентѣ.

Если отъ общаго положенія торговаго рынка и причинъ, его угнетавшихъ въ послѣднее время, мы обратимся къ самой всемірной торговлѣ и тѣмъ даннымъ, въ которыхъ она выражается, то мы, конечно, встрѣтимся съ немалыми затрудненіями для вѣрной ея оцѣнки, и особенно для приобрѣтенія однородныхъ сравнительныхъ данныхъ по всѣмъ странамъ и частямъ свѣта.

По вычисленіямъ г. Нейманна, всемірная торговля пяти частей свѣта, выраженная въ милліонахъ нѣмецкихъ марокъ, представляетъ, по новѣйшимъ даннымъ, слѣдующія цифры:

	Привозъ.	Вывозъ.	Общій оборотъ.
	М и л л и о н о в ъ м а р о к ъ :		
Европа	21,741, ³	17,779, ³	39,521, ⁷
Америка	3902, ⁴	4244, ⁴	8146, ⁸
Азія	1901, ⁰	2328, ³	4229, ³
Австралія	885, ⁸	790, ³	1676, ⁰
Африка	574, ⁷	650, ⁴	1225, ¹
Весь земной шаръ	29,005, ⁸	25,793, ¹	54,798, ⁹

Конечно, цифры эти слѣдуетъ принимать лишь какъ самыя приблизительныя, потому что, не говоря уже о недостаточности и малой достовѣрности свѣдѣній, имѣющихся о торговлѣ малообразованныхъ странъ Азіи, Африки и Австраліи, и самыя подробныя таможенные отчеты наиболѣе цивилизованныхъ народовъ далеки отъ дѣйствительности. Цифры вывоза въ данное время извѣстнаго товара изъ одной страны въ другую рѣдко подтверждаются съ точностью цифрами привоза того же товара по таможеннымъ отчетамъ этой послѣдней страны. Эти несовершенства таможенныхъ показаній признаются самими представителями официальной статистики, но средствъ для исправленія этихъ недостатковъ еще не найдено. Кромѣ того, отъ таможенныхъ показаній ускользаетъ контрабандная торговля, которая всегда весьма значительна въ странахъ, гдѣ господствуютъ высокіе охранительныя тарифы.

Наконецъ, въ суммы торговыхъ оборотовъ цѣлыхъ странъ свѣта и всего міра неизбежно входятъ повторенія, такъ-называемыя *doubles emplois*; цѣнность товаровъ, вывезенныхъ изъ одной страны, опять повторяется въ суммѣ привоза другой страны. Все это должно, конечно, понижать значительно выведенныя выше цифры оборотовъ мировой внѣшней торговли, но не уменьшать абсолютно ихъ относительнаго значенія.

По неимѣнію столь же тщательно сведенныхъ по многимъ годамъ данныхъ для всѣхъ странъ, невозможно заключеніе о степени возрастанія всей всемирной торговли; но если взять сумму оборотовъ только девяти странъ, отличающихся особеннымъ развитіемъ торговли, а именно Великобританіи, Франціи, Россіи, Австріи, Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ-Штатовъ, Бельгіи, Голландіи, Италіи и британской Остиндіи, то окажется, что среднимъ числомъ годовое приращеніе оборотовъ внѣшней торговли этихъ странъ составляло въ 1860—1865 годахъ 941 милл. марокъ, въ 1865—1870 гг. 959 милл. и въ 1870—1873 гг. 2,772 милл. Такимъ образомъ, усиленіе оборотовъ въ три года, предшествовавшіе кризису 1873 г., было почти втрое значительнѣе,

нежели въ теченіи всѣхъ шестидесятихъ годовъ. Но съ 1874 г. уже началась реакція. Для 9 приведенныхъ странъ и Германіи, на долю которыхъ приходится почти $\frac{3}{4}$ всей торговли земного шара, обнаружилось въ 1874 г. уменьшеніе въ суммѣ оборотовъ на 848 милл. марокъ. Въ 1875 г., за который не сведены еще итоги по тѣмъ же странамъ, за отсутствіемъ данныхъ для трехъ или четырехъ государствъ, предполагается нѣкоторое увеличеніе общаго итога, хотя торговля Англии, Германіи и Италіи сократилась.

Остановливаясь на торговлѣ шести первоклассныхъ европейскихкихъ державъ и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, преимущественно за послѣдніе годы и въ частности за истекшій 1876 годъ и первые мѣсяцы нынѣшняго года, насколько результаты торговаго движенія въ это время успѣли сдѣлаться извѣстными, мы увидимъ слѣдующую картину.

Самую обширную торговлю на земномъ шарѣ, безспорно, ведетъ Англія. По неизмѣннѣю достовѣрныхъ свѣдѣній за прежнее время о привозѣ товаровъ въ Англію, ограничимся указаніемъ, что въ началѣ нынѣшняго столѣтія самый значительный вывозъ товаровъ изъ Англіи былъ въ 1815 г., и простирался до 51 милл. фунт. стерл. Затѣмъ онъ началъ падать, и въ 1826 г. дошелъ до 31 милл. ф. стерл. Лишь въ 1841 г. достигнулъ онъ вновь до 51 милл. ф. стерл.

Съ 1855 г., когда имѣются болѣе положительныя данныя, внѣшняя торговля Англіи выражается приблизительно въ слѣдующихъ числахъ:

	Въ 1856 г.	1866 г.	1875 г.	1876 г.
Привозъ въ ф. стерл.	172 $\frac{1}{2}$ милл.	271 милл.	374 милл.	374 милл.
Вывозъ	139 >	219 >	223 $\frac{1}{2}$, >	200 $\frac{1}{2}$, >
Общій оборотъ въ ф. ст.	311 $\frac{1}{2}$ милл.	490 милл.	597 $\frac{1}{2}$ милл.	574 $\frac{1}{4}$ милл.

Такимъ образомъ, въ теченіи двухъ истекшихъ десятилѣтій привозная торговля Англіи увеличилась въ каждомъ на 100 милліоновъ, общая же сумма оборотовъ въ первомъ на 178 $\frac{1}{2}$ милл., во второмъ на 107 $\frac{1}{2}$ милл., но въ частности послѣдній истекшій годъ представляетъ результаты весьма неудовлетворительныя. Сумма оборотовъ 1876 г. уменьшилась сравнительно съ предшествовавшимъ на 23 милл. ф. стерл., причѣмъ сумма привоза почти не измѣнилась, и все уменьшеніе упало на отпускную торговлю.

Результаты внѣшней торговли Англіи въ первые три мѣсяца 1877 г. обнаружили увеличеніе на 3 $\frac{3}{4}$ милл. ф. стерл. сравни-

тельно съ соответствующими мѣсяцами 1876 г., причемъ привозъ увеличился на 8 милл. ф. стерл., а вывозъ уменьшился на 3 милл. ф. стерл.

Внѣшняя торговля Франціи представляетъ въ послѣднемъ десятилѣтїи замѣчательное развитіе, которое было только временно замедлено вліяніемъ франко-прусской войны 1870—71 года. Привозная торговля въ 1867 г., простиравшаяся до 3 миллиардовъ франковъ, слѣдовала постоянно возрастающему движенію, и лишь въ 1870 г. уменьшилась на 200 милл. фр.; но въ слѣдующихъ годахъ, 1871 и 1872, поднялась до небывалой прежде цифры 3¹/₂ миллиардовъ, и хотя въ 1873 и 1874 гг. послѣдовало нѣкоторое сокращеніе оборотовъ, за то въ 1875 г. она снова достигла прежнихъ размѣровъ, а въ 1876 г. представляла цифру, небывалую еще въ торговыхъ лѣтописяхъ Франціи—3,950 милліоновъ!

Отпускная торговля, достигавшая до войны, въ 1869 г., до 3 миллиардовъ франковъ, сократилась въ 1870 и 1871 г. до 2,800 милліоновъ, но уже съ 1872 г. превышала эту сумму на цѣлый миллиардъ франковъ и въ 1875 г. достигла 3,872 милліоновъ. Такимъ образомъ, сравнивая крайніе пункты періода 1867—1876 годовъ, оказывается въ пользу 1876 г. сравнительно съ 1867 г. по привозной торговлѣ увеличеніе на 30 проц., а по отпускной на 26 проц.

Первые три мѣсяца 1877 г. обнаруживаютъ уменьшеніе въ 42 милл. франковъ по оборотамъ внѣшней торговли Франціи, сравнительно съ первою четвертью 1876 г., а именно привозъ уменьшился вообще на 8 милл.; вывозъ же уменьшился въ то же время еще болѣе, на 35 милл. франковъ.

Германія занимаетъ во всемірной торговлѣ второе мѣсто послѣ Великобританіи. Сумма оборотовъ 1874 года 5,099 милл. марокъ распределяется такимъ образомъ, что на долю привоза приходится 3,673,0 милл. марокъ, а на долю отпуска 2,326,2 милл. марокъ.

Въ послѣднее десятилѣтіе торговля Германіи почти утроилась, потому что съ 2,212 милл. марокъ она возвысилась въ 1872 г. до 5,583, и въ 1873 г. до 6,058 милл. марокъ. Въ 1874 г. послѣдовало сокращеніе оборотовъ на 59 милл. марокъ. Уменьшеніе продолжалось, сколько извѣстно, и въ слѣдующихъ годахъ.

Столь же неблагоприятный результатъ обнаруживаютъ и официальные данныя о торговыхъ оборотахъ Австро-Венгрии за послѣдніе годы, несмотря на возраставшее движеніе торговли въ

предшествующіе 1874 году. Въ 1876 г. сравнительно съ 1875 г. она уменьшилась на 23,8 милл. гульденовъ. Привозъ уменьшился на 35,6 милл. гульд., а вывозъ увеличился на 12,6 милл.

Общіе обороты по внѣшней торговлѣ Италіи въ 1876 г. увеличились сравнительно съ 1875 г. на 296 милл. фр. или на 13,2 проц., причемъ привозъ увеличился на 9,88 проц., а вывозъ на 17,84. Этимъ увеличеніемъ по вывозу Италія обязана преимущественно шелку, и притомъ не столько увеличенію мѣновыхъ оборотовъ, сколько возвышенію цѣнъ.

Обороты внѣшней торговли Россіи въ послѣднее десятилѣтіе удвоились съ 408 милл. руб. сер. до 809 милліоновъ по постояннымъ цѣнамъ. Но, при этомъ, отпускная торговля, увеличившаяся въ 1870 и 1871 годахъ почти на 100 милл. руб., въ 1872 и 1873 годахъ обнаружила вновь уменьшеніе, и хотя поднялась въ 1874 г. до 403 милл., но въ 1875 г. снова унала на 40 милл. руб.

Привозная торговля, напротивъ, не переставала возрастать въ теченіи минувшаго десятилѣтія и почти постоянно превышала цѣнность отпуска. Даже 1872—1875 годы не сдѣлали въ этомъ исключеніе, какъ видно изъ слѣдующихъ цифръ:

	Отпускъ. Въ милліонахъ рублей по дѣйствительнымъ цѣнамъ ¹⁾ .	Привозъ. Въ милліонахъ рублей по дѣйствительнымъ цѣнамъ ¹⁾ .	Отпускъ. Въ милліонахъ рублей по постояннымъ цѣнамъ.	Привозъ. Въ милліонахъ рублей по постояннымъ цѣнамъ.
Въ 1872 г.	327	435	345	367
> 1873	364	442	342	359
> 1874	431	471	403	401
> 1875	381	531	361	448

Внѣшняя торговля Соединенныхъ-Штатовъ Сѣверной Америки представляла съ начала нынѣшняго столѣтія слѣдующія числа:

	Привозъ. Въ милліонахъ долларомъ:	Вывозъ. Въ милліонахъ долларомъ:
Въ 1800 г.	91	71
> 1860	355	336
> 1870	496	392
> 1871	436	393
> 1872	520	443
> 1873	626	522
> 1874	533	586
> 1875	533	513
> 1876	460	540

¹⁾ Съ 1865 по 1872 г. цѣнность товаровъ въ „Видахъ торговли“ таможеннаго вѣдомства показывалась по однажды опредѣленнымъ постояннымъ цѣнамъ; съ 1872 же года вновь введена система показанія цѣнъ по объявляемымъ торговцамъ.

До 1873 года привозъ товаровъ въ Соединенные-Штаты значительно превышалъ ихъ вывозъ, именно въ 1873 г. на 120 милл. долларовъ; съ 1874 произошло рѣзкая перемена, съ каждымъ годомъ увеличивающаяся все болѣе и болѣе, и въ 1876 г. избытокъ вывоза предъ привозомъ достигалъ уже 80 милл. долларовъ. Но ближайшее рассмотрение движенія сѣвероамериканской торговли обнаруживаетъ, что избытокъ вывоза предъ привозомъ зависитъ не столько отъ развитія перваго, сколько отъ сокращенія втораго. Вывозъ 1876 г. ниже вывоза 1874 г. и не много превышаетъ вывозъ 1873 и 1875 гг.; съ 1873 г. онъ возрасталъ весьма медленно, едва на 4%, и вообще онъ далекъ еще отъ вывоза Англiи и Францiи. Вывозъ превышаетъ привозъ преимущественно потому, что послѣднiй значительно сократился. Въ 1876 г. привозъ былъ на 166 милл. долларовъ ниже привоза 1872 и на 182 милл. ниже 1873 г.

Притомъ, разбирая подробнѣе цифры американской торговли нельзя не замѣтить, что сокращенiе привоза замѣчается по товарамъ, обложеннымъ пошлинами, привозъ же товаровъ, взятыхъ отъ обложенiя, увеличился.

	Привозъ товаровъ, Обложенныхъ пош- линами.		Изыятыхъ отъ пошлинъ.
	Миллионовъ долларовъ:		
Въ 1872 г.	579	47	
> 1873	407	144	
> 1874	415	151	
> 1875	386	146	
> 1876	320	140	

Этотъ бѣглый обзоръ оборотовъ международной торговли у наиболѣе производительныхъ странъ земного шара обнаруживаетъ, послѣ значительнаго усиленiя этихъ оборотовъ въ началѣ семидесятихъ годовъ, повсемѣстное почти ихъ ослабленiе, причеиъ въ однѣхъ странахъ, какъ, напр., въ Россiи, Англiи и Францiи, этотъ упадокъ обнаруживался преимущественно въ сокращенiи отпуса, въ другихъ же, какъ въ Австрiи и Соединенныхъ-Штатахъ—въ уменьшенiи привоза. И нѣтъ сомнѣнiя, что этотъ упадокъ оборотовъ внѣшней торговли въ послѣднiе годы есть неизбежный результатъ ряда тѣхъ неблагоприятныхъ причинъ, которыя произвели кризисъ 1873 года и продолжаютъ еще держать подъ своимъ гнетомъ весь торговый рынокъ.

Изъ всѣхъ отраслей промышленности, питающихъ международную торговлю, ни одна не подверглась въ послѣднiе годы такому сильному потрясенiю, какъ горнозаводская и металлическая.

Что касается каменноугольной промышленности, которая служитъ главнымъ основаніемъ бѣльшей части всѣхъ заводскихъ производствъ, и въ особенности металлургическаго, а также желѣзныя дорогъ и пароходныхъ сообщеній, то, подъ вліяніемъ господствовавшихъ въ началѣ семидесятыя годовъ опасеній относительно скорого истощенія залежей угля въ Англии, и усиленнаго вслѣдъ затѣмъ развитія всѣхъ отраслей горновозводской и желѣзной промышленности, добыча каменнаго угля не только не сократилась, но даже усилилась. Между тѣмъ какъ съ 1860 по 1872 ежегодное приращеніе добываемаго угля составляло по 98 милл. центнеровъ, въ 1872 и 1873 увеличеніе это возросло до 148 милл. центн. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, общее производство каменнаго угля на земномъ шарѣ простирается до 274 милліоновъ тоннъ, изъ коихъ на Европу приходится 228 $\frac{1}{2}$ милліоновъ, на Соединенные-Штаты 42 милл., а на всѣ остальные страны міра 2 $\frac{1}{2}$ милліона. Самая значительная добыча принадлежитъ Великобританіи—135 милл. тоннъ; за нею слѣдуютъ Германія—46 $\frac{1}{2}$ милл., Франція—17 милл., Бельгія 14 $\frac{1}{2}$, Австро-Венгрія—13 милл. и Россія 1 $\frac{1}{3}$ милл. тоннъ. Усиленная добыча каменнаго угля, доставляющая работу болѣе чѣмъ милліону рабочихъ, произвела пониженіе цѣны угля. Въ декабрѣ 1874 г. на лондонскомъ рынкѣ цѣна углю была еще 22 шил. 2 пенса за тонну; въ декабрѣ 1875 г. уже отъ 19 шил. 3 п. до 19 шил. 9 п.; съ февраля 1876 по ноябрь 1876 г. отъ 17 шил. 3 п. до 18 шил. 3 п.

Насколько опасенія, вызванныя въ 1872 г., относительно близости «каменноугольнаго голода» (coal famine), т.-е. истощенія залежей угля, были основательны, доказывается тѣмъ, что по сдѣланнымъ новымъ изслѣдованіямъ, если предположить въ будущемъ такое же возрастаніе ежегоднаго потребленія каменнаго угля, какъ доселѣ, запасовъ его на земномъ шарѣ хватитъ на многія сотни, если не тысячи лѣтъ.

Возрастаніе каменно-угольнаго производства вызвано было главнымъ образомъ усиленнымъ производствомъ въ послѣдніе годы чугуна и желѣза. Въ то время, какъ ежегодное потребленіе чугуна, на всемірномъ рынкѣ, не превышало 110 милл. центнеровъ, заводчики Великобританіи, Соединенныхъ-Штатовъ, Германіи, Франціи, Бельгіи и Австро-Венгріи въ состояніи были, по раамѣрамъ своихъ заводовъ, производить до 177 милл. центнеровъ, и въ 1873 году уже довели свое производство до 140 милл. центнеровъ. За этимъ избыткомъ производства и загроможденіемъ рынка (overtrading) послѣдовало, конечно, сокращеніе

производства,—въ 1874 году до 125 мил., и въ 1875 году до 123 мил. тоннъ. Невъбъжнымъ послѣдствіемъ такого положенія дѣлъ было значительное паденіе цѣнъ въ теченіи весьма короткаго срока. Шотландскій чугунъ, на Глазговскомъ рынкѣ, понижился съ 5 ф. ст. 16 ш. 10 п. въ 1873 году, до 2 ф. 16 ш. 5½ п. въ 1876 году, т.-е. почти на двѣ-трети;—нѣмецкій, на дортмундскомъ и саарбрюненскомъ рынкахъ,—съ 122 до 75 нѣмецкихъ марокъ;—американскій, въ Филадельфій, съ 183 марокъ до 92, и—штирейскій—съ 175 до 107 марокъ. Одновременно съ развитіемъ добычи чугуна развивалась выдѣлка желѣза, стали, рельсовъ и желѣзно-дорожныхъ принадлежностей.

Такъ:

	Въ 1871 г.			Въ 1874 г.		
	Полосов. желѣза.	Рельсовъ.	Стали.	Полосов. желѣза.	Рельсовъ.	Стали.
	Видѣно тысячъ тоннъ:					
Въ Германіи . . .	847	449	278	895	547	407
» Франціи . . .	432	122	79	760	152	217
» Соед.-Штат. . .	710	775	82	1,100	729	241

Изъ этихъ цифръ видно, что Франція сумѣла сохранить соразмѣрность между добычей чугуна и производствомъ желѣзныхъ издѣлій, тогда какъ въ Германіи производство доменныхъ печей усилилось такъ значительно, что заводчики не имѣютъ возможности сбыть всего количества желѣзныхъ издѣлій, потому что, по случаю кризиса, сократилась потребность полосового желѣза, вслѣдствіе сокращенія постройки желѣзныхъ дорогъ, доковъ, машинъ и т. п.

Общее количество бессемерової стали, которое можетъ быть ежегодно производимо, достигаетъ цифры 2.400,000 тоннъ, между тѣмъ какъ все потребленіе бессемерової стали не превышаетъ 1-го милл. тоннъ.

Производство рельсовъ, по официальнымъ даннымъ, въ Германіи, Франціи и Соединенныхъ-Штатахъ достигаетъ до 1.845,000 тоннъ, а отпускъ ихъ изъ Бельгіи и Англій до 945,000, между тѣмъ для ежегоднаго обновленія рельсовъ на существующихъ дорогахъ требуется не болѣе 1.800,000 тоннъ, такъ что около 1-го милл. остается свободныхъ для постройки новыхъ линій; но, вслѣдствіе кризиса, постройка желѣзныхъ дорогъ всюду замедлилась. Вообще всѣ заводы, занимающіеся изготовленіемъ желѣзно-дорожныхъ принадлежностей, находятся въ застоѣ и живутъ, такъ сказать, со-дня на-день,—частью сдѣланными прежде заказъ, частью незначительными новыми, изрѣдка получаемыми.

Другую, болѣе утѣшительную картину представляетъ, за послѣднее время, не менѣе обширная и важная отрасль промышленности,—хлопчато-бумажная, доставляющая дешевый материалъ для одежды многимъ сотнямъ милліоновъ населенія во всѣхъ странахъ земного шара. Послѣ того кризиса, который эта промышленность выдержала въ 1862—1868 годахъ, вслѣдствіе междоусобной войны въ Соединенныхъ-Штатахъ, она не только возвратилась къ своему прежнему развитію, но и получила новый усиленный ростъ.

Потребители, временно обратившіеся къ шелковымъ и льнянымъ тканямъ, вслѣдствіе непомерной дороговизны во время кризиса хлопчато-бумажныхъ издѣлій, снова возвратились къ бумажнымъ тканямъ, тѣмъ болѣе, что для шелковой промышленности наступилъ свой специальный и весьма тяжелый кризисъ. Этому усилению потребления бумажныхъ матерій содѣйствовало медленное, но прогрессивное пониженіе цѣнъ на хлопокъ, возвратившее ихъ къ нормальнымъ размѣрамъ, существовавшимъ на рынкѣ до войны въ Сѣверной Америкѣ. Въ послѣднія пять лѣтъ эти цѣны измѣнялись слѣдующимъ образомъ, на ливерпульскомъ рынкѣ, на сорта:

	Миддлтъ орлеанъ:	Fair Dhollera:
Въ 1872 году	10,85 пивс. за ф.	7,84 пивс. за ф.
> 1873 >	9,88 >	6,15 >
> 1874 >	8,30 >	5,28 >
> 1875 >	7,62 >	5 >
Нач. 1876 >	6,94 >	4,88 >
Кон. 1876 >	6,70 >	4,88 >

Общее количество потребления хлопка на земномъ шарѣ, съ 5.700,000 тюковъ въ 1860 году, возросло до 7.154,000 въ 1875 году. Въ Англии это увеличеніе потребления равнялось 13-ти процентамъ, или ежегодному приращенію на 0,82 процента,—во всѣхъ же остальныхъ странахъ, т.-е. на континентѣ Европы, въ Соединенныхъ-Штатахъ Сѣверной Америки и въ Остиндіи,—на 37,6 процентовъ, или по 2,35 процента въ годъ.

Но, несмотря на благоприятныя условія для развитія фабричной хлопчато-бумажной промышленности въ южныхъ штатахъ, по обилію естественныхъ водяныхъ силъ, близости сырого матеріала и вывозныхъ портовъ, рѣдкость населенія, неподготовленнаго и непривыкшаго притомъ къ фабричному труду, воспрепятствовала этому развитію, и потому, образовавшаяся, съ цѣлью поднятія этой отрасли промышленности, компанія, Southern fertilizing Company, должна была отказываться пока отъ надежды

обратить южные штаты изъ земледѣльческихъ производителей сырого хлопка въ фабричныя центры обработки хлопковыхъ вѣдѣлій.

Что же касается до производства сырого хлопка, то хотя Соединенные-Штаты и потеряли, послѣ освобожденія негровъ и междоусобной войны, монополію на всемирномъ торговомъ рынкѣ вслѣдствіе усилившагося съ тѣхъ поръ разведенія хлопка во всѣхъ странахъ, лежащихъ между 43 и 33 градусами широты, и въ особенности въ Остиндіи и Египтѣ, и хотя даже замѣчается относительное уменьшеніе урожайности плантацій въ болѣе части южныхъ штатовъ съ 1870 г. на 30 и даже на 50⁰/о съ каждаго акра, но тѣмъ не менѣе Соединенные-Штаты остаются до сихъ поръ главными производителями хлопка, распространяя его разведеніе сообразно возрастающему потребленію и усиливая интенсивность культуры.

Въ отношеніи развитія фабричной промышленности, которая, по новѣйшимъ даннымъ 1875—76 года, занимаетъ до 68 милліоновъ веретенъ, перерабатывающихъ 2,812 милліоновъ фунтовъ хлопка, — Великобританіи принадлежитъ болѣе половины этого количества = 39 мил. веретенъ и 1,270 мил. фунтовъ; Америка занимаетъ второе мѣсто (9¹/₂ мил. вер. и 577 мил. ф.), Франція — третье (5 мил. вер. и 210 мил. ф.), Германія — четвертое (4,6 мил. вер. и 256 мил. ф.), а Россія — пятое (2¹/₂ мил. вер. и 150 мил. ф.).

Вліяніе кризиса на шерстяной рынокъ, т. е. на производство и торговлю шерстью, и на прядильную и ткацкую шерстяную промышленность, выразилось не столько сокращеніемъ спроса на эти произведенія, сколько ограниченіемъ его преимущественно дешевыми шерстяными вѣдѣліями, вслѣдствіе повсемѣстнаго пониженія уровня общаго благосостоянія. Отъ этого произошло загроможденіе рынка шерстянымъ товаромъ и пониженіе его цѣнъ. Другое замѣчательное явленіе шерстяного рынка заключается въ томъ, что въ послѣдніе четыре года производство шерсти въ Европѣ сократилось приблизительно, по крайней мѣрѣ, на 20 милліоновъ фунтовъ, въ колоніальныхъ же странахъ увеличилось на 80—90 мил. фунтовъ. Это сокращеніе европейскаго овцеводства было результатомъ увеличивающагося превращенія пастбищъ въ пахатныя земли, для увеличенія производства хлѣба, и усиленія мясного овцеводства; развитіе же вѣтвь-европейскаго овцеводства было послѣдствіемъ усиленнаго разведенія овецъ на шерсть на тучныхъ пастбищахъ Австраліи и другихъ колоніальныхъ странъ. По вычисленіямъ г. Нейманна, количество шерсти, производимой на земномъ шарѣ, можно полагать въ 1,300 милліоновъ фун-

товъ; изъ нихъ на Европу приходится 561 миллионъ, на Австралію 220 мил., на Аргентинскую республику 165 мил., на Соединенные-Штаты 132 мил., на остальные страны 222 мил. ф. Изъ 740 мил. фунтовъ, доставляемыхъ не-европейскимъ обществомъ, 132 мил., получаемые Соединенными-Штатами, перерабатываются ими же, а все остальное количество, т.-е. около 570 мил. ф., идетъ въ Европу, на ея фабрики, что вполне подтверждается и таможенными показаніями о привозѣ и вывозѣ шерсти по отдѣльнымъ европейскимъ государствамъ.

Не ускользнула отъ вліянія общаго кризиса и шелковая промышленность. Несмотря на обильный сборъ шелва въ 1874 и в 1875 годахъ въ Европѣ и значительный привозъ его изъ Китая и Японіи, употребленіе шелковыхъ товаровъ сократилось отчасти подъ вліяніемъ всеобщаго экономическаго разстройства, отчасти же подъ вліяніемъ требованій моды, которая стала замѣнять шелковыя ткани для одежды и мебелировки шерстяными или смѣшанными изъ шелва и шерсти. Когда же сдѣлалось извѣстнымъ, что весенніе морозы 1876 года истребили три-четверти всѣхъ коконовъ во Франціи и половину въ Италіи, тогда цѣны на шелвъ-сырецъ стали быстро возрастать и въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ поднялись для китайскихъ шелковъ отъ 70 до 80%, а для японскихъ на 100%. Послѣдствіемъ этого было, конечно, значительное вздорожаніе всѣхъ шелковыхъ товаровъ и еще большее уменьшеніе требованія на нихъ.

Общее количество потребляемаго Европою шелва, доходившее въ 1874 году до 10 миллионновъ килограммовъ, а въ 1875 г. до $9\frac{1}{2}$, уменьшилось въ 1876 г. до $7\frac{1}{2}$ мил. Вслѣдствіе того въ одной Франціи вывозъ шелковыхъ товаровъ сократился въ 1876 г. до 296 мил. франковъ, т.-е. на 80 мил. фр. противъ 1875, на 118 мил. противъ 1874 и на 181 мил. противъ 1873 г. Изъ 73 тысячъ человѣкъ, занятыхъ прежде на шелковыхъ фабрикахъ, около 30 тыс. остаются теперь безъ работы въ одномъ Лионѣ, и всѣ газеты наполнены извѣстіями о бѣдственномъ положеніи лионскаго рабочаго класса.

Было бы слишкомъ утомительно слѣдить за вліяніемъ, которое оказалъ настоящій кризисъ на всѣ отрасли промышленности. Мы избрали болѣе крупныя производства, и думаемъ, что приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы убѣдить, какъ ненормально настоящее положеніе всемірнаго торговаго рынка. Для полноты картины намъ остается только сказать нѣсколько словъ еще объ одномъ товарѣ, который въ послѣднее время игралъ

неважную роль на всемирномъ и въ особенности денежномъ рынкѣ, именно о серебрѣ.

Общее количество добычи драгоценныхъ металловъ въ послѣдніе годы было довольно постоянно, вращаясь, по вычисленіямъ г. Нейманна, около цифръ 900 мил. франковъ. Но при этомъ замѣчалось, что добыча золота, со времени послѣднихъ открытій въ 50-хъ годахъ остававшаяся довольно неизменною, стала уменьшаться, и въ пять лѣтъ это уменьшеніе составило около 100 милліоновъ франковъ; между тѣмъ добыча серебра съ каждымъ годомъ увеличивается, и въ тотъ же пятилѣтній періодъ увеличилась на 103 мил. франковъ. Цѣнность серебра въ теченіи этого времени понижалась отъ 9 до 26 процентовъ, а отношеніе цѣнности серебра къ цѣнности золота, бывшее въ нормальные годы равнымъ, 1:15,₅₉, обратилось въ 1:17,₅₈. Нѣтъ сомнѣнія, что такое приращеніе добычи серебра не могло бы произвести того быстрого паденія цѣнъ этого металла и вызвать такой тревоги на денежномъ рынкѣ, если бы не было другихъ причинъ, болѣе серьезныхъ. Исслѣдованія, произведенныя правительствами англійскимъ и американскимъ, а также разными экономистами, привели теперь къ убѣжденію, что всей этой тревоги не было бы, если бы одновременно съ этимъ явленіемъ не было рѣшено въ Германіи и нѣкоторыхъ другихъ странахъ принять за монетную единицу золото, а не серебро. Послѣдствіемъ этого былъ громадный запросъ, въ теченіи 4½ лѣтъ, въ Германіи на золото и столь же громадное предложеніе серебра. Для отчеканки 1,700 милліоновъ франковъ золотою монетою Германіи пришлось приобрести на всемирномъ рынкѣ, въ дополненіе къ полученному изъ Франціи въ счетъ 5-ти милліардовъ золоту, еще до 1,160 милл. франковъ. Въ то же время его выпущено на рынкѣ, оставшагося за перечеканкою серебра, около 300 мил. франковъ, и почти вдвое болѣе придется еще пустить въ продажу. Въ то же время во Франціи, Бельгіи, Италіи и Швейцаріи потребовалось также для чеканки до 410 мил. франковъ золота и до 260 мил. серебра.

Главнымъ событіемъ для серебра, не имѣющаго помѣщенія на европейскихъ рынкахъ, служить Востокъ, преимущественно же Остидія, Китай и Японія. Съ 1872—1876 г. туда отправлено до 30 мил. фунтовъ стерлинговъ серебра, или около 6 мил. фунт. стерл. въ годъ.

Значительная часть драгоценныхъ металловъ находитъ себѣ помѣщеніе въ металлическомъ фондѣ главныхъ циркуляціонныхъ банковъ Европы и Америки, какъ средство покрытія выпускаемыхъ ими билетовъ и орудіе для платежей, имъ предстоящихъ.

Съ 1868 г. металлическій фондъ англійскаго, французскаго, австрійскаго, бельгійскаго, нидерландскаго и американскаго національныхъ банковъ и нѣмецкихъ циркуляціонныхъ банковъ возрасталъ ежегодно въ весьма значительной степени, и съ 2,300 мил. франковъ, въ концѣ 1868—достигнулъ до 4½ миллиардовъ въ 1876 г., причемъ одинъ французскій банкъ удвоилъ свой фондъ, доведя его до 2 миллиардовъ франковъ, по соображеніямъ какъ финансоваго, такъ и политическаго свойства.

Но, главнымъ образомъ, такое увеличеніе металлическаго фонда европейскіхъ и американскіхъ банковъ было результатомъ сокращенія кредитныхъ и всякихъ денежныхъ сдѣлокъ со времени 1873 года. Вексельный портфель и обращеніе банковыхъ билетовъ главнѣйшихъ банковъ съ 1868 по 1876 г. представляются въ слѣдующемъ видѣ:

	1868	1873	1876
	милліардовъ франковъ:		
Вексельный портфель	5,0	7,2	7,0
Обращеніе банковыхъ билетовъ . .	5,2	8,2	7,2

Сокращенію вексельнаго портфеля банковъ и обращенія банковыхъ билетовъ соответствовало и уменьшеніе купеческихъ кредитныхъ сдѣлокъ въ Clearing house'ахъ Лондона и Нью-Йорка. Въ первомъ, съ 1873 г. это уменьшеніе равнялось 600 милліонамъ фунтовъ стерлинговъ, во второмъ же 13-ти милліардамъ долларовъ.

Вообще, картина всемірнаго торговаго рынка передъ началомъ нынѣшняго года представлялась крайне неутѣшительною. Застой промышленности, почти во всѣхъ ея отрасляхъ, уменьшеніе торговыхъ оборотовъ, ограниченіе кредитныхъ сдѣлокъ, рядъ банкротствъ, одно другого значительнѣе, и—главное—отсутствіе всякой надежды на улучшеніе такого положенія дѣлъ, въ виду мрачной политической тучи, которая заволокла весь восточный горизонтъ—таковы главныя, характеристическія черты современнаго рынка. Но промышленность и торговля одарены такою живучестью и, при всей своей чувствительности, такимъ здоровымъ организмомъ, что достаточно небольшого успокоенія и нѣкоторой надежды на возвращеніе мира, чтобы возвратитъ имъ обычную дѣятельность и заживитъ раны, нанесенныя кризисомъ 1873 г. и его послѣдствіями.

W.

ВЪ ЦЕРКВИ

Изъ «Chants du crépuscule», Виктора Гюго.

I.

Предъ нами—храмъ смиренный, одинокій,
Мы въ этотъ храмъ вошли;
На эти камни слезъ пролито много,
Надъ нимъ вѣка прошли.

Лучомъ послѣднимъ грустно озаренный,
Тотъ храмъ, въ тиши своей,
Печаленъ былъ, какъ человѣкъ, лишенный
Любви живыхъ лучей.

Умолкнуло торжественное чтенье
Божественныхъ словесъ,
Что прерывало вѣрныхъ пѣснопѣнье,
Какъ будто гласъ съ небесъ.

И, душу всѣхъ къ молитвѣ приводящій,
Органъ не пѣлъ,
Какъ будто духъ его животворящій
Вдругъ отлетѣлъ;

А между тѣмъ, за нѣсколько мгновений,
Искусною рукой
Артистъ извлекаетъ, исполненъ вдохновенья,
Чудесныхъ звуковъ рой;

Касался клавишъ персть его могучій, —
 Послушная перстамъ
 Неслась гармонія, лилась волной кипучей
 Въ органѣ по трубамъ.

Въ тотъ часъ органъ стоялъ уединенно,
 Тотъ голосъ замолчалъ,
 Который небеса въ молитвѣ вдохновенной
 Съ землею соединялъ,

Который въ насъ, какъ гордыхъ рѣкъ теченье,
 Какъ лѣса сладкій шумъ
 Въ тому вселяетъ смутныя стремленья,
 Предъ чѣмъ нѣмѣеть умъ.

Уснула церковь въ часъ, какъ засыпаетъ
 И вся земная тварь,
 Одна лампада тихо озаряетъ
 Покинутый алтарь.

Порою тихій вздохъ молчанье прерываетъ
 И шопотъ робкихъ словъ,
 Какъ будто птичка ночью пролетаетъ
 Средь дремлющихъ лѣсовъ,

Какъ будто чье-то чистое дыханье
 Носилось въ тишинѣ,
 Какъ будто милое, прекрасное созданье
 Скрывалось въ глубинѣ...

Лучомъ послѣднимъ грустно озаренный,
 Тотъ храмъ, въ тиши своей,
 Печаленъ былъ, какъ человекъ, лишенный
 Любви живыхъ лучей.

Какъ сумерекъ послѣднее дрожанье,
 Мерцалъ твой грустный взоръ, —
 Вдругъ за стѣной раздалось ликованье
 Веселый грянулъ хоръ,

II.

Неслося къ намъ безумное ихъ пѣнье:

«На жизни пиръ слѣшимъ!

«До дна мы выпьемъ чашу наслажденья,

«Оставивъ ядъ другимъ!

«Жизнь хороша! Сорвемъ рувою жадной

«Все, что даетъ она!

«Будь то любовь, цвѣтокъ ли ароматный,

«Или бовадь вина!

«Упьемся всѣмъ! Пусть солнце намъ сіяетъ, —

«Пока мѣсть не зайдетъ!

«Пусть красота насъ вѣжеть и ласкаетъ, —

«Пока не отцвѣтетъ!

«Допьемъ до дна! И жизни увяданье,

«Друзья, да не страшить!

«Послѣдній поцѣлуй, какъ поцѣлуй свиданья,

«Насъ счастьемъ подарить!

«Съ виномъ душистымъ кубокъ принимая,

«Я пью его до дна!

«Но лишь съ послѣдней каплей постигаю

«Весь аромат вина!

«Таеъ въ волны радости должны мы погрузиться:

«Быть можетъ, тамъ, на днѣ,

«Невѣдомый никѣмъ, безцѣнный перлъ таятъ,

«Закрытый въ глубинѣ.

«Зачѣмъ едва до радостей касаться

«И ихъ бросать шута?

«Не торопись, не стоить задыхаться,

«Какъ глуное дитя!

«Безумецъ тотъ, кто плачетъ и вздыхаетъ,

«Кому противенъ смѣхъ;

«Тотъ баловень судьбы, того она ласкаетъ,

«Кто веселѣе всѣхъ!

- «И вы, безумцы, полные печали,
«И гордые собой,
- «Не разъ, какъ мы, главы свои склоняли
«Предъ женской красотой,

- «Не разъ и золото, взоръ гордый привлекая,
«Васъ отдавало злу:
- «Такъ гордая волна разбилась, налетая
«Съ размаха на скалу.

- «Давайте-жь пить всё ночи до разсвѣта!
«Забудь себя и пей!
- «Накинемъ скатерть пышную банкета
«На гробъ земныхъ скорбей!

- «Пусть горе и печаль насъ провожаютъ,
«Мрачатъ веселый день, —
- «Нашъ взоръ на солнце радостно взираетъ
«И прогоняетъ тѣнь!

- «Что за бѣда, что наши наслажденья
«Несутъ другимъ позоръ,
- «И что во слѣдъ намъ, будто привидѣнье,
«Глядитъ зловѣщій взоръ.

- «Намъ совѣсть никогда не посылаетъ
«Безсмысленныхъ угрозъ:
- «Вѣнокъ заваль, — его къ ногамъ бросаютъ,
«И не жалѣютъ розъ!

- «Мы все земное счастье испытываемъ!
«Зачѣмъ глядѣть впередъ?
- «Когда-жь умремъ, тогда мы и узнаемъ,
«Что насъ за гробомъ ждетъ!

- «Пусть грудь прекрасная, которую ласкаемъ,
«Исполнена тоской,
- «Вздыхаетъ тяжело, — мы все-жь её лобзаемъ,
«Любуясь красотой.

- «Итакъ, на ниръ роскошный, вольный, шумный,
 «Въ разгарѣ всѣхъ страстей!
 «Гдѣ пѣсни, пляски, смѣхъ и оргій крикъ безумный,
 «И тысячи огней!...»

III.

- Межъ тѣмъ какъ городъ весь въ безумномъ упоеньи
 Кричалъ намъ: «веселись!
 «Любовь, здоровье, счастье, наслажденье!»
 Твой вворъ вѣщалъ: «молись!»

IV.

- Тамъ буйный оргій кликъ, а тутъ слова молитвы
 И тихій голосъ твой:
 «О, Боже! знаю я, что создана для битвы, —
 «Но страшень этотъ бой!
 «Увы, моя ладья средь ужасовъ безвѣстныхъ
 «Несется по волнамъ...
 «О, Боже! какъ дѣтамъ, хранителей небесныхъ
 «Зачѣмъ ты не далъ намъ?
 «Ты только истина, вся наша жизнь земная
 «Одинъ пустой обманъ.
 «Ты свѣтъ, мой Богъ! Ты мудрость всеблагая,
 «Все прочее туманъ,
 «Но тамъ, въ туманѣ, путь мой пролегаетъ.
 «О, Боже, проведи!
 «Душа моя о помощи взываетъ,
 «И ждетъ тебя — приди!
 «Нейдетъ... О, горе мнѣ! измѣна провожаетъ
 «Меня въ путяхъ моихъ!
 «Ахъ, какъ дѣтамъ, намъ Богъ не посылаетъ
 «Хранителей святыхъ!

«У всѣхъ семья, а я,—своей не знала, —
«Увы, я всёю чужда!

«У всѣхъ дворецъ или хижина простая,
«Я—птичка безъ гнѣзда!

«Мой грустный путь никто не озаряетъ,
«Ни въ комъ участія нѣтъ!

«Ни теплый лучъ любви меня не согрѣваетъ,
«Ни дружескій привѣтъ!

«Хоть въ этотъ чёрствый вѣкъ, гонимая судьбою,
«Не сотворила зла

«Я никому, и чисты предъ Тобою
«Господь, мой дѣла,

«Хоть нищая, всегда все то, что я имѣла,
«Дѣлила пополамъ,

«Несчастливая,—я за другихъ скорбѣла
«Всегда, Ты знаешь самъ!

«Безропотно и твердо уповала

«На мудрый промыслъ Твой,

«И, сбившихся съ пути, нерѣдко обращала
«Опять въ твой храмъ святой?

«Но Боже, Боже мой! Когда-жъ успокоенье
«Найду скорбямъ моимъ?

«Увы, все то, въ чемъ видѣла спасенье,
«Исчезло все какъ дымъ!

«Ребенкомъ я ужъ счастья не знавала,—
«Но то законъ небесъ!

«Мой горькій путь надежда озарила, —
«И этотъ лучъ исчезъ!

«Теперь не въ силахъ я, какъ прежде, въ восхищеньи
«Слѣдить игру тѣней!

«Во мракѣ я... И странныя видѣнья
«Царятъ въ душѣ моей!

- Кто крестъ страданья кротко принимаетъ,
• Тому поможетъ Богъ, —
- О, Боже, помоги! О, помоги, страдаеть
• Мой духъ и немощенъ!

V.

- Я любовался въ грустномъ умиленьи
Задумчивой красой
И ликомъ, полнымъ кроткаго смиренья,
Страдальцы молодой.
- И, скрывшись въ тѣнотѣ, красавицѣ скорбящей
Я тихо говорилъ,
Желая, чтобъ мой гласъ, въ мракъ выходящій,
За Божій принять быль;
- Когда жену земныхъ страстей волненье
Бъ молитвѣ приведетъ, —
Спокойно положась на мудрость Провидѣнья,
Она отвѣта ждетъ:

VI.

- Зачѣмъ отчаянье лицъ свѣтлый омрачаетъ
• Какъ грустной ночи тѣнь;
- Какъ утро чистая, — тебѣ быть подобаеть —
• И ясною какъ день!
- Чтѣ за бѣда, что ты теперь страдаешь,
• Что подъ твоей ногой
- Опоры нѣтъ... За то ты обладаешь
• Безсмертною душой!
- И скоро, можетъ быть, отбросивъ бремя жизни
• И покидая свѣтъ,
- Ты полетишь туда, къ своей святой отчизнѣ,
• Гдѣ горя больше нѣтъ!

«На хрупкой вѣтвѣ птичка отдыхаетъ:
 «Хоть гнется вѣтвь подъ ней,
 «Но беззаботно птичка расшѣваетъ —
 «Есть крылышки у ней!» —

* * *

О, не клеймите падшаго созданья!
 Бѣдняжка, можетъ быть, подъ бременемъ страданья,
 Иль въ мукахъ голода она изнемогла!
 Изъ насъ кому бы память не могла
 Представить образъ женщины убитой,
 За честь дрожащей, нищетою разбитой,
 Когда ужъ, чуя бездну подъ ногами,
 Опоры ищетъ слабыми руками!
 Такъ часто видимъ: капля дождевая
 Блеститъ на вѣтвѣ, небо отражая;
 Тряхнули дерево, и вотъ, она упала,
 И, чистый перлъ, съ паденьемъ грязью стала.
 Весь стыдъ не ей, а намъ! Тебѣ, богачъ бездушный!
 Но все же, можетъ быть, подъ мерзостью наружной
 Въ ней капля чистая воды сохранена.
 Чтобъ снова стала свѣтлою она
 И заблестала прежней красотою,
 Ей нужно, чтобы съ нѣжной теплою
 Изъ обложившихъ небо грозныхъ тучъ
 Блеснулъ бы лучъ любви, или солнца свѣтлый лучъ.

Н. Д—ва.

ЛАРРА

ИСПАНСВІЙ САТИРИКЪ

Современная испанская литература, начиная съ 1843-го года по настоящее время, представляет замѣтное затишье. Несмотря на появленіе нѣсколькихъ талантливыхъ писателей по различнымъ отраслямъ литературы, въ ней нельзя указать ни на одно особенно выдающееся литературное произведеніе, и вообще въ настоящее время въ Испаніи нѣтъ вовсе крупныхъ, особенно зрѣло выдающихся дарованій, наличные таланты растрачиваются на мелочи, на погоню за легко дающимся успѣхомъ. Къ такому результату приходитъ и новѣйшее изслѣдованіе Гюстава Гюббара: «Исторія современной испанской литературы».

Не то можно было сказать объ испанской литературѣ тридцатыхъ годовъ — времени, которое справедливо можетъ быть названо самымъ блестящимъ періодомъ въ Испаніи. Тѣ было бурное время, полное жизненности и движенія. Все общество было проникнуто новыми надеждами и стремленіями. Совершившійся въ это время переворотъ во взглядахъ общества не былъ поверхностнымъ переворотомъ, какъ въ 1814 г., когда только нѣкоторые отдѣльныя личности выдѣлялись своими взглядами и образомъ мысли отъ массы. Духъ обновленія проникъ во всѣ классы испанскаго народа и охватилъ всѣ общественные слои. Политическая революція 1830 г. сопровождалась и литературнымъ обновленіемъ: псевдо-классицизмъ былъ вытѣсненъ народившимся тогда движеніемъ въ пользу романтизма. Время регентства королевы Христины, съ 1833 по 1840 г., продолжительная междоусобная война, длившаяся цѣлыхъ семь лѣтъ, и три года правленія Эснартеро (съ 1840 по 1843 г.) имѣли чрезвычайнао силь-

ное вліяніе на измѣненіе прежней фізіономіи Испаніи. Наилучшимъ, наиболѣе характеристическимъ представителемъ этой эпохи, изъ тогдашнихъ литературныхъ дѣятелей, наиболѣе выдающимся по силѣ своего таланта писателемъ, былъ сатирикъ донъ-Маріано-де-Ларра. Къ сожалѣнію, онъ умеръ слишкомъ рано, 28-ми лѣтъ, когда талантъ его еще не достигъ полной зрѣлости и не успѣлъ развернуться во всемъ своемъ блескѣ; но и того, что онъ оставилъ, достаточно, чтобы отнести его къ числу самыхъ замѣчательныхъ писателей нашего вѣка.

Ларра, болѣе извѣстный подъ псевдонимомъ Фигаро, не просто памфлетистъ: это огромный сатирический талантъ, во многомъ схожій съ Сервантесомъ и Мольеромъ. Сатира въ рукахъ Ларры не была только средствомъ забавлять, смѣшить читателя; она имѣла болѣе глубокое значеніе: въ ней заключались нравственные идеалы. Произведенія Ларры—не простые юмористическіе очерки и картинки; это не однѣ только остроумныя нападки на отдѣльныя личности, могущія имѣть только интересъ минуты. Ларра обобщаетъ, рисуетъ такіе пороки и язвы общества, которые имѣютъ не одинъ только мѣстный интересъ. Вотъ почему его сочиненія надолго сохраняютъ свое значеніе, и въ Испаніи они пользуются до сихъ поръ огромною популярностью.

Донъ-Маріано Хосе де-Ларра родился въ Мадридѣ 24-го марта 1809 года, въ самый разгаръ, произведенный движеніемъ 2-го мая 1808 г. и нашествіемъ французовъ, принесшихъ съ собою въ Испанію новыя понятія и взгляды, сдѣлавшіеся несомнѣнно первою причиною послѣдовавшихъ затѣмъ переворотовъ въ области политики, общественной жизни, литературы и художествъ. Дѣтство Ларры не отличалось ничѣмъ особеннымъ; легкость, съ которою онъ одолѣвалъ уроки катехизиса, показывала, правда, что у ребенка хорошія способности, но, конечно, трудно было предсказать, на что они направятся, и безъ сомнѣнія никому и въ голову не приходило, что изъ этого мальчика выйдетъ первый сатирикъ своего времени. Въ 1812 г., когда французы удалились изъ Испаніи, отецъ Ларры, служившій медикомъ въ императорской арміи, долженъ былъ сопровождать войско во Францію, и взялъ съ собою своего маленькаго сына. Последняго онъ помѣстилъ во французскій коллежъ, гдѣ мальчикъ оставался до 1817 года, до возвращенія отца въ Испанію. Здѣсь отецъ Ларры самъ занялся воспитаніемъ сына; онъ былъ человекъ очень образованный, и преимущественно налегалъ на естественныя науки. Мальчикъ дѣлалъ быстрые успѣхи, былъ очень пытливъ и прилеженъ, и такъ увлекался чтеніемъ, что его ни-

какъ нельзя было приохотить къ какимъ бы то ни было играмъ и забавамъ; рѣдко обходилось безъ слезъ, когда его отрывали отъ книги, чтобы уложить спать. Но семейное воспитаніе пришлось очень скоро прервать по довольно странной причинѣ: будущій знаменитый писатель, съ такимъ мастерствомъ владѣвшій роднымъ языкомъ и такъ мѣтко осмѣявшій, такъ неуспѣшно преслѣдовавшій литераторовъ, въ своихъ сочиненіяхъ и въ особенностяхъ переводахъ вводившихъ разные галлицизмы и затемнявшіе неправильными оборотами чистоту языка, девяти лѣтъ отъ роду совсѣмъ не зналъ по-испански и могъ объясняться только на французскомъ языкѣ. Будучи отданъ во французскій коллежъ въ такомъ раннемъ возрастѣ—4-хъ лѣтъ—и проведя тамъ около пяти лѣтъ, маленький Ларра совсѣмъ позабылъ испанскій языкъ. Чтобы поправить это дѣло, отецъ помѣстилъ его въ институтъ св. Антонія, гдѣ онъ не только усовершенствовался въ изученіи родного языка, но познакомился также и съ латинскою литературою. Успѣхи его были очень быстры, прилежаніе все такое же усиленное; нерасположеніе къ играмъ и забавамъ не покидало его, и когда онъ не посвящалъ чтенію свободное отъ занятій время, то развлекался лишь игрою въ шахматы. вмѣстѣ съ тѣмъ и поведеніе его не подавало никакого повода для наказанія и жалобъ; въ этомъ отношеніи даже очень трудно было предсказать, что въ этомъ миролюбивомъ, тихомъ и скромномъ мальчикѣ кроется сатирическій писатель, ѣдкому и остроумному перу котораго было предназначено вести такую упорную борьбу противъ пороковъ и смѣшныхъ сторонъ общества. Кончивъ курсъ въ выше названномъ заведеніи, Ларра вернулся къ отцу, занимавшемуся тогда медицинскою практикою въ городѣ Корелья, въ Наваррѣ. Здѣсь, въ своемъ семействѣ, въ раннюю пору юности Ларра продолжалъ вести такой же образъ жизни, какъ и въ дѣтствѣ, все свое время посвящалъ серьезнымъ занятіямъ и чтенію, всѣ ночи напролетъ просиживалъ за книгами, и только усиленная просьба матери заставляла его иногда пораньше ложиться спать. Въ теченіи зимы 1822—1823, 14-ти лѣтъ отъ роду, Ларра перевелъ съ французскаго на испанскій языкъ всю «Иліаду» Гомера и «Ментора юности», и, кромѣ того, составилъ испанскую грамматику и синоптическую карту къ ней. По настоянію отца, желавшаго, чтобы онъ избралъ себѣ поприще, Ларра вернулся въ Мадридъ, гдѣ провелъ еще три года, дополняя свое воспитаніе изученіемъ математики, греческаго, итальянскаго и англійскаго языковъ, послѣ чего онъ поступилъ въ университетъ въ Вальядолидѣ, на философскій факультетъ, съ цѣлью избрать впоследствии карьеру

юриста. Но на первомъ же университетскомъ году случилось съ нимъ происшествіе, которое повліяло на всю его дальнѣйшую жизнь. Биографъ Ларры, упоминая объ этомъ, говоритъ, что ему положительно неизвѣстно, въ чемъ собственно заключалось это таинственное происшествіе. Юноша, хотя постоянно занятый и прилежный, но веселый и живой, превратился въ подозрительнаго, печальнаго и задумчиваго человѣка. Ларра, совершенно противъ своей воли долженъ былъ удалиться изъ среды своего семейства и отправился въ университетъ въ Валенсію. Но и тутъ онъ не оставался долго, потому что, по желанію отца, поѣхалъ въ Мадридъ, гдѣ, благодаря протекціи нѣсколькихъ друзей, открылось для него мѣсто на службѣ. Но по характеру Ларры это было наименѣе пригодное для него занятіе, и потому онъ скоро отъ всего отказался и провелъ два года въ путешествіяхъ; затѣмъ, поступить снова въ университетъ ему показалось уже слишкомъ поздно; въ тому же, онъ влюбился въ дѣвушку, которая вскорѣ сдѣлалась его женой.

Слѣдуя болѣе своимъ личнымъ наклонностямъ и вкусу, Ларра рѣшился всецѣло предаться литературѣ. Съ первыхъ же шаговъ своихъ на этомъ поприщѣ, онъ обратилъ на себя общее вниманіе. Въ августѣ 1832 г. Ларра сталъ издавать «Письма бѣднаго говоруна» (*El pobrecito hablador por el bachiller don Juan Perez de Munguia*), которыя доставили ему громкую извѣстность и популярность. Это былъ цѣлый рядъ остроумныхъ, мѣткихъ сатиръ, направленныхъ противъ злоупотребленій всякаго рода, противъ пороковъ и язвъ общества. Онъ клеймилъ въ нихъ безжалостно всѣ встрѣчавшіяся ему на пути преступныя и вредныя стороны общественной жизни, всѣ ея смѣшныя и глупыя стороны. Но уже въ мартѣ 1833 г., на четырнадцатомъ выпускѣ своего изданія, Ларра долженъ былъ прекратить его, будучи сильно притѣсняемъ цензурою и уставъ, какъ онъ выразился, встрѣчаться со всѣхъ сторонъ съ непробиваемыми стѣнами. Впрочемъ, въ своемъ «Pobrecito Hablador» Ларра никогда не переходилъ границы сдержанной полемики. «Цѣль нашего изданія, — говорятъ Ларра въ одномъ изъ писемъ «Бѣднаго говоруна», — указывать на пороки и на вредныя стремленія общества; мы имѣемъ въ виду не личные нападки, а сатиру общественныхъ золъ. Мы имѣемъ въ виду писать картину общественныхъ нравовъ, а не просто портреты». Еще до смерти «Бѣднаго говоруна», въ мартѣ 1833 г., Ларра въ январѣ того же года сталъ участвовать, подъ псевдонимомъ Фигаро, въ ежедневномъ изданіи: «*Revista EspaŃola*», только что основанномъ Хосе Карнереро. Тутъ онъ писалъ сна-

чала драматическую и литературную вритиву; но вслѣдъ за смертью короля Фердинанда VII и послѣ движенія въ Витторіи, Ларра статью своей «Nadie pasa sin hablar al patero», т.-е. «Никто не пропускается безъ дозволенія привратника», — вступилъ на поприще политической сатиры, на которой онъ болѣе всего прославилъ свое имя. Въ этой статьѣ ярко въ первый разъ выступила вся оригинальность, сила, юмористическая прелесть его языка. Глубокимъ взглядомъ своимъ Ларра проникъ въ сущность карлизма, и раскрылъ наиболѣе выдающіяся язвы карлистскаго движенія: разбой и грабежъ, сопровождающіе всюду его появленіе, и вредное вліяніе фанатическаго духовенства. За этой первой статьёю послѣдовала вторая «La planta nueva o el Taccioso», т.-е. «Новое растеніе или мятежникъ»; затѣмъ «Юнта Каstellо Бранка» (La Junta de Castel o Branca), и нѣсколько другихъ, въ которыхъ онъ характеризуетъ съ неподражаемымъ юморомъ и мѣткостью и другія стороны мятежныхъ карлистскихъ бандъ. Съ этихъ поръ Ларра не покидаетъ политику.

Вслѣдствіе той высоты, на которую онъ поставилъ свою сатиру, произведенія его не прошли безслѣдно и сохраняютъ еще долго свое значеніе. Самая же важная заслуга Ларры заключается въ томъ, что онъ не увлекся и не былъ ослѣпленъ новыми порядками и понялъ весь вредъ конституціоннаго доктринёрства и опасность, которою угрожала странѣ система, не построенная на крѣпкихъ основахъ и принципахъ. Ларра ясно видѣлъ, что подобная система ведетъ лишь къ тому, чтобы развить классъ политическихъ дѣятелей, которые въ управленіи общественными дѣлами будутъ искать только средства упрочить собственное свое благосостояніе. Какъ глубоко и мѣтко, на примѣръ, слѣдующій его бѣглый очеркъ исторіи испанскихъ революцій и неудавшихся конституціонныхъ попытокъ. «Представь себѣ, другъ мой, — пишетъ Фигаро своему парижскому корреспонденту (Віенас постес, II t., p. 39), — что ты портной, и что ты вдумалъ спить семилѣтнему мальчику мундиръ совѣтника; ясно, что мундиръ этотъ не будетъ ему въ пору, и будетъ слишкомъ великъ и широкъ. Ты же, спившій этотъ мундиръ, возмущенный такою неудачею, сейчасъ же и рываешь: «я сдѣлалъ ему такой великолѣпный мундиръ, весь вышитый золотомъ, а ему, глупому, онъ не въ пору». Вслѣдъ затѣмъ ты берешь мундиръ и, труня надъ мальчикомъ, уходишь. По прошествіи семи-восьми лѣтъ ты снова являешься съ тѣмъ же самымъ мундиромъ къ мальчику, которому уже 15 лѣтъ». — «Опять не годится, восклицаешь ты въ сердцахъ; это невинно: — мундиръ тотъ же, какъ же онъ ему не въ пору!

Изъ этого слѣдуетъ ясно, что уродъ этотъ не созданъ быть со-вѣтникомъ; это просто—дуракъ». — Ты возвращаешься въ свою мастерскую и, возмущенный неудавшимися опытами, изготовляешь простыя пеленки и по прошествіи десяти лѣтъ идешь съ ними къ мальчику, которому между тѣмъ уже стукнуло двадцать-пять лѣтъ. «Проклятіе, — кричишь ты, — мальчишка этотъ просто дьяволъ; вотъ, и пеленки ему не въ пору. О! этотъ человѣкъ невозможенъ. Его невозможно одѣть» (es investible). И съ этими словами ты уносишь свои вещи и оставляешь его голымъ. Боже мой, господинъ портной, какая въ васъ послѣдовательность! Вотъ тебѣ, другъ мой, вся исторія Испаніи съ 1812 по 1834 г. Миѣ кажется, что незачѣмъ тебѣ объяснять, про какія пеленки я говорилъ, а кто тотъ портной—это ты самъ знаешь».

Въ одной изъ своихъ статей (*Quasi, pesadilla politica*, т., II, p. 27) Ларра высказываетъ общее впечатлѣніе, производимое на него его временемъ. Ему кажется, что въ XIX стол. все сводится къ одному: къ словамъ, словамъ и словамъ! Время дѣлъ и великихъ людей прошло, наступило время словъ. «Погрузившись въ эти размышленія, — говоритъ Ларра, — я услышалъ голосъ, который звалъ меня; невѣдомою силою увлекло меня куда-то вдаль. И вотъ, я очутился надъ Парижемъ и вглядываюсь сверху на людей; но это уже не люди, а одни лишь звуки, множество самыхъ разнообразныхъ словъ. Всѣ эти маленькія фигурки, которыя двигаются, тормозятся, бросаются другъ на друга, убиваютъ другъ друга...» «Но, вотъ, весь этотъ шумъ мало-по-малу утихаетъ. Великое слово, наше слово, слово нашего времени заглушаетъ всѣ остальные. Слово это заключаетъ въ себѣ весь нашъ вѣкъ со всѣми его полутѣнями, половинными дѣлами, со всей его половинной окраской: изъ всѣхъ словъ, обращающихся въ мірѣ подъ видомъ людей и событій, слово, господствующее нынѣ—это *Quasi*. Все XIX ст. заключается въ этомъ словѣ. Вглядитесь хорошенько въ него (т.-е. въ XIX ст.)— всѣ черты его незакончены, это одинъ лишь профиль, онъ ни сидитъ, ни стоитъ, на половину день, на половину ночь, и блѣдный и черный. Короче, онъ весь выражается словомъ—*quasi*. Вотъ Франція. Чтѣ мы въ ней видимъ? Она населена народомъ *quasi*-свободнымъ. Въ другое время онъ сумѣлъ устроить настоящую революцію, въ нынѣшнемъ же вѣкѣ, въ 30-хъ годахъ, не могъ идти дальше *quasi*-революціи, съ *quasi*-королемъ, представителемъ *quasi*-легитимности. Палата *quasi*-національная, терпящая *quasi*-цензуру, *quasi*-революціею *quasi*-уничтоженную; великая нація *quasi*-недовольна, и другой политическій переворотъ *quasi*-близкій. Въ Бельгіи мы видимъ государство *quasi*-

зарождающееся и quasi-зависимое отъ своихъ сосѣдей; въ Италиі— quasi-государя-первосвященника, на котораго никто не обращаетъ вниманія; въ Константинополѣ имперію quasi-разлагающуюся; въ Англіи національную гордость quasi-невыносимую, промышленность и торговлю, монопольныя quasi для цѣлаго міра; въ Испаніи quasi-конституцію, признанную quasi-цѣлымъ народомъ и т. д. и т. д. Однимъ словомъ: со всѣхъ сторонъ, во всемъ мірѣ, мы видимъ одно только большое, вездѣсущее quasi».

Въ томъ же письмѣ (стр. 47) Ларра съ горькою ироніей рассказываетъ объ умерщвленіи старухи-матери карлиста Кабреро. «Тебѣ вѣроятно недавно передавали, — пишетъ онъ, — маленькій эпизодъ, разыгравшійся надъ личностью старухи, вслѣдствіе повелѣнія героя. О, избави Боже всякаго попасть въ руки героевъ! Скажу тебѣ одно: всегда слѣдуетъ доискиваться первичной причины вещей, докопаться до корня, а не останавливаться на однихъ вѣтвяхъ. А такъ какъ, напр., первою причиною того, что существуютъ мятежники, являются матери, родившія ихъ; то, истребляя матерей, мы уничтожимъ вмѣстѣ съ тѣмъ и первичную причину революціи. Вѣдь и богословы объяснили намъ: *sublata causa tollitur effectus* (съ устраненіемъ причины уничтожается и послѣдствіе). Одно досадно — что бабушки уже умерли, а то было бы еще лучше: чѣмъ ближе поднимаешься къ самому источнику, тѣмъ ударъ попадаетъ вѣрнѣе. Однако, будемъ довольствоваться матерями. Вѣдь уже доказано опытомъ, что подобно тому, какъ у Самсона вся его сила заключалась въ его волосахъ, такъ весь ядъ мятежниковъ сосредоточенъ въ ихъ матеряхъ. По уничтоженіи послѣднихъ, первые сдѣлаются тихими и смиренными, какъ чайки; это ясно слѣдуетъ изъ того, что сынъ старухи Кабреро, въ отищеніе за смерть матери, разстрѣлялъ всего только три десятка людей. А кто знаетъ, сколькихъ бы онъ разстрѣлялъ, если бы мать его осталась въ живыхъ? Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ тотъ прямой выводъ, что матери мѣшаютъ благосостоянію Испаніи, и что пока мы не покончимъ съ ними, нечего и думать о спокойствіи. Что же касается сестеръ, то такъ какъ онѣ замужемъ за національными гвардейцами, то собственно слѣдовало бы разстрѣливать ихъ такимъ образомъ: на половину намъ, на половину нашимъ противникамъ; но усердіе наше такъ велико, что мы распоряжаемся и этою неподлежащею намъ половиною, и разстрѣливаемъ всѣхъ безъ изыятія. Какъ счастливы, право, въ эпохи героевъ найденныши, у которыхъ нѣтъ ни отца, ни матери, могущіе подвергнуться разстрѣлянію!»

Въ длинномъ рядѣ политическихъ статей своихъ, Ларра вы-

водитъ множество новыхъ типовъ, — то патриота, все имущество котораго заключается лишь въ двухъ вещахъ: въ его либеральныхъ убѣжденіяхъ, съ которыми онъ желалъ бы провалиться во всѣмъ чертамъ, и въ стулѣ, на которомъ онъ сидитъ; то студента, обучающагося юридическимъ наукамъ во время преслѣдованія арміи генерала Гомеца; то министра, ограничивающагося тѣмъ, что при каждой новой вѣсти о какомъ-нибудь новомъ бѣдствіи — голодѣ, холерѣ, банкротствѣ, разбоѣ и т. д. — онъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ объявляетъ: «это ничего, рѣшительно ничего, не велика бѣда» (*nada una miseria mas*) и т. д.

Но не одной политикѣ посвящала свою дѣятельность «Фигаро»; его перу принадлежатъ еще множество статей нравоописательныхъ, прославившихъ его имя не менѣе политическихъ его сатиры, какъ, напр. «Жизнь въ Мадридѣ (*la vida de Madrid*), «Дуэль» (*el Duelo*), «Общество» (*la Sociedad*), «Полиція» (*la Policia*) и много другихъ; кромѣ того, онъ занимался литературной, въ особенности драматической критикой. Какъ критическія, такъ и сатирическія статьи Ларры отличаются одинаковыми достоинствами: оригинальностью, безпристрастностью сужденія, мѣткостью и ясностью языка, тонкою и ѣдкой ироніею. Опредѣляетъ ли «Фигаро» характеръ политическаго дѣятеля, выясняетъ ли онъ талантъ поэта или гений артиста — вездѣ онъ удерживается на той же высотѣ, все отмѣчено тою же силою дарованія. Въ литературномъ движеніи своей эпохи, Ларра игралъ такую же дѣятельную и выдающуюся роль, какъ и въ политическомъ; онъ былъ однимъ изъ первыхъ апостоловъ романтизма, какъ однимъ изъ главныхъ двигателей конституціонныхъ реформъ.

Въ небольшой статьѣ, озаглавленной: «*El hombre pone y Dios dispone*» (Т. I, р. 427), т. е. человекъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ, Ларра рисуется нѣсколькими тонкими и ѣдкими штрихами затрудненія и препятствія, встрѣчавшіяся на пути современнаго ему журналиста.

«Великую истину сказалъ тотъ, — такъ начинается свою статью Фигаро, — кто впервые произнесъ эту, теперь уже столь избитую поговорку. Если нѣкоторыя поговорки со временемъ теряютъ свой смыслъ, то только-что приведенная нами, наоборотъ, съ каждымъ днемъ приобретаетъ все болѣшую и болѣшую силу. Я, съ своей стороны, признаюсь откровенно, что, еслибъ я имѣлъ несчастіе родиться язычникомъ, то только-что приведенная мною поговорка была бы именно одной изъ главныхъ причинъ, которыя заставили бы меня отказываться отъ признанія существованія множества боговъ: меня мучила бы мысль,

что я буду предполагать, а моими предположеніями будут предполагать тысячи боговъ. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что если журналистъ старается не имѣть собственной воли, то это человѣкъ хорошо воспитанный. Но кромѣ хорошаго воспитанія, онъ долженъ обладать еще всѣми качествами большинства людей: онъ долженъ, если хочетъ упрочить за собою продолжительный и вѣрный успѣхъ, усвоить себѣ терпѣніе осла и его твердую, увѣренную поступь, чтобы какъ-нибудь не попасть на тропинку узенькую, не избитую, не совсѣмъ безопасную; онъ, на подобіе того же осла, долженъ только поводить ушами, когда слышитъ новыя себя помахиваніе кнутомъ. Онъ долженъ умѣть обходиться цѣлыя недѣли безъ пищи, какъ верблюдъ, и такъ же гордо проходить черезъ пустыню. Онъ долженъ обладать нюхомъ собаки, чтобы во-время почуять, гдѣ кроется звѣрь. Ему необходимъ пронизательный глазъ рыси, чтобы разглядѣть съ-разу того, кто имѣетъ силу располагать тѣмъ, что онъ, журналистъ, можетъ предполагать. Подобно вроту, онъ долженъ умѣть прикинуться мертвымъ, когда зашумитъ буря. Онъ долженъ умѣть идти шагомъ черепахи, настолько неслышнымъ и медленнымъ, чтобы никто не могъ замѣтить его движенія, потому что ничто такъ не пугаетъ, какъ быстрое шествіе журналиста впередъ. Онъ долженъ умѣть, на подобіе рака, идти назадъ, если осязается, что онъ слишкомъ ушелъ впередъ; онъ долженъ, какъ змѣя, ползти иногда зигзагомъ между растеніями; на подобіе ящерицы, онъ долженъ умѣть во-время и въ надлежащемъ мѣстѣ мѣнять шкуру; онъ долженъ имѣть вѣрпкій лобъ, какъ быкъ; онъ долженъ всегда быть на-сторожѣ, какъ олень, и готовымъ, какъ пѣвица, быть раздавленнымъ тѣмъ самымъ, кому она спасаетъ жизнь. Наконецъ, онъ долженъ умѣть придать, подобно обезьянѣ, всему веселящій, потѣшающій видъ. Вотъ тѣ качества, которыя нашъ журналистъ долженъ заимствовать у животнаго царства. Но, кромѣ того, ему слѣдуетъ запастись необходимыми для него качествами и изъ царства растительнаго. Онъ долженъ уподобиться тростнику, наклоняемому въ разныя стороны вѣтромъ, но не скрипѣть жалобно, какъ скрипитъ тростникъ; онъ долженъ расти по тому направленію, которое указываетъ садовникомъ, походить на подсолнечникъ, обращающійся всегда къ солнцу, на плющъ, опутывающій то, вокругъ чего вьется; въ темные дни онъ долженъ закрываться, какъ шафранный цвѣтокъ; какъ терніи и колючки, онъ долженъ волотъ ноги бѣднымъ пѣшеходамъ и позволять давить себя колесамъ экипажей. Что же касается инерациональнаго царства, то тутъ журналистъ долженъ походить на

ялму, имѣть столько же цвѣтовъ, сколько она, если хочетъ нравиться всѣмъ; онъ долженъ быть холоденъ, какъ мраморъ, по которому ступаетъ нога гранда; сердце должно быть у него стальное, голова каменная, ноги свинцовыя; у него должно быть больше богатыхъ жилъ, чѣмъ въ рудникѣ, и больше прекрасныхъ свойствъ, чѣмъ въ цѣлебномъ источникѣ. Однимъ словомъ, журналистъ долженъ быть чѣмъ-то невозможнымъ, и, главное, онъ никогда не долженъ рассчитывать на завтрашній день: счастливъ уже и тотъ, кто можетъ толковать о вчерашнемъ. Журналистъ не долженъ говорить ничего подобнаго тому, что говорить, напримеръ, «El Universal»: «Выходить ежедневно, за исключеніемъ понедѣльниковъ», а ему слѣдуетъ говорить: «Объ этомъ изданіи извѣстно навѣрное только то, что оно не появляется по понедѣльникамъ», — потому что человекъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ».

Блестательный успѣхъ сопровождалъ начало литературной дѣятельности Ларры. Вся Испанія прислушивалась къ каждому слову, выходящему изъ-подъ пера ея талантливаго сатирика; имя Фигаро гремѣло всюду, оно пользовалось рѣдкою популярностью. Но этотъ самый Фигаро былъ въ душѣ несчастнѣйшимъ человекомъ въ мірѣ. Онъ самъ высказываетъ это, слѣдующимъ образомъ характеризуя сатирическихъ писателей: «Сатирика, — говоритъ онъ, — можно уподобить лунѣ: это темное тѣло, предназначенное отражать отъ себя свѣтъ; про него, какъ и про луну, можно сказать, что онъ даетъ то, чѣмъ самъ не обладаетъ. Самый этотъ природный даръ сатирика — подмѣчать скорѣе уродливыя стороны жизни, чѣмъ красивыя, — причиняетъ ему немало мученій. Когда онъ глядитъ на солнце; его вниманіе болѣе направлено на имѣющіяся и на солнцѣ пятна, чѣмъ на исходящій изъ него свѣтъ; глазъ его подмѣчаетъ прежде всего слишкомъ большія поры и неровности въ цвѣтѣ лица какой-нибудь Венеры, которую всѣ восхищаются; изъ-за дѣйствія, на первый взглядъ благороднаго, сатирикъ усматриваетъ тотчасъ же измененную побудительную причину. И это называется быть счастливымъ!..» Приводя затѣмъ примѣръ Мольера, Ларра прибавляетъ: «И если намъ было бы дозволено сопоставить себя съ такимъ великимъ именемъ и присвоить себѣ названіе сатирика, то мы бы откровенно признались читателямъ, что намъ дано веселить ихъ только въ наши печальныя, мрачныя минуты».

Чѣмъ болѣе увеличивался успѣхъ Ларры, тѣмъ на душѣ его дѣлалось мрачнѣе. Къ тому же, домашняя жизнь его сложилась не особенно счастливо. Двадцати лѣтъ отъ роду, Ларра женился

по любви, не имѣя еще ни опредѣленныхъ занятій, ни средствъ къ жизни. Но, благодаря своему таланту, онъ очень скоро вышелъ изъ этихъ затрудненій, и не безденежно слѣдуетъ приписать семейный разладъ въ его домѣ, а собственному его характеру. Со всюю страстностью молодости и увлекающейся своей природы, Ларра бросился въ круговоротъ свѣтской жизни, и въ шумѣ и блескѣ такой жизни онъ искалъ успокоенія, освобожденія отъ тѣхъ болѣзненныхъ зачатковъ тоски, которые онъ постоянно носилъ въ душѣ своей. Къ тому же, чувства его къ женѣ и дѣтямъ, которыхъ онъ первоначально нѣжно любилъ, были заглушены сильною страстью, зародившеюся въ немъ къ одной замуженной дамѣ, и охватившей все его существо.

Побывавъ во Франціи и Англии, Ларра, послѣ десяти тысячаго отсутствія, вернулся на родину въ концѣ 1835 г., и снова принялся за свою блистательную литературную дѣятельность, за писаніе талантливыхъ статей противъ злоупотребленій всякаго рода и за остроумныя литературныя и театральныя хроники. Около этого времени, въ первой половинѣ 1836 г., послѣ разныхъ тревоженій на политическомъ горизонтѣ, слѣдствіемъ которыхъ явилась революціонная вспышка въ Ла-Гранхѣ, — единодушная до тѣхъ поръ, либеральная партія распалась на двѣ рѣзкія противоположныя половины. Фигаро примкнулъ къ консервативной партіи. Сдѣлалъ онъ это потому, что не видѣлъ нужды подвергать страну новымъ переворотамъ и ожидалъ, что требованія народа будутъ удовлетворены мирнымъ путемъ и свобода укрѣпится на твердыхъ основаніяхъ, въ чемъ онъ, впрочемъ, скоро разубѣдился. Всѣ его надежды быстро исчезли, всѣ иллюзіи разлетѣлись, и опять статьи его носятъ на себѣ печать тяжелой, тѣдой меланхолии. Въ нихъ слышна нота тупого отчаянія. Ларра видимо сталъ уставать въ упорной борьбѣ, которую онъ велъ уже не противъ какой-нибудь партіи, а противъ цѣлаго общества. Не одна только Испанія, а вся Европа казалась Ларрѣ разлагающимся группою. При такомъ настроеніи духа становится понятной известная его статья: «El dia de difuntos» («День всѣхъ святыхъ»), съ которой начинается новый фазисъ литературной дѣятельности Ларры. Полная скептицизма, горечи, отчаянія и желчи, но вмѣстѣ съ тѣмъ изобилующія глубоко захватывающимъ чувствомъ — вотъ какія страницы любимаго своего писателя прочли жители Мадрида въ день всѣхъ святыхъ въ 1836 г. Приведемъ эту статью цѣликомъ:

ФИГАРО НА ВЛАДВИЦѢ.

Beati qui moriuntur in Domino.

«Въ день всѣхъ святыхъ мною овладѣла тяжелая, гнетущая тоска и меланхолія, о которой можетъ себѣ составить и дать приблизительное понятіе лишь испанскій либераль нинѣшней формациі. Человѣкъ, вѣрующій въ дружбу и только-что убѣдившійся на опытѣ, что такое дружба; юноша, влюбившійся въ женщину; наслѣдникъ, въ Америкѣ у котораго умеръ дядя скоропостижно, не сдѣлавъ завѣщанія; владѣлецъ вновь выпущенныхъ кортесами бумажныхъ денегъ; вдова, которая должна получать пенсію изъ казначейства; депутатъ, избранный въ послѣдніе выборы; военный, лишившійся ноги въ борьбѣ за конституцію, и оставшійся безъ ноги и безъ конституціи; грандъ, сдѣлавшійся либераломъ, чтобы попасть въ сенатъ, и оставшійся только либераломъ; конституціонный генераль, преслѣдующій Гомеца — вѣрное изображеніе человѣка, отыскивающего счастье, котораго онъ нигдѣ не находитъ; журналистъ, заключенный въ тюрьму, во имя свободы печати; испанскій министръ и конституціонный правитель — всѣ эти люди веселы и даже счастливы въ сравненіи съ тою меланхоліей, которая овладѣла мною и щемила мнѣ сердце въ ту минуту, когда я началъ бесѣду мою съ вами. Углубленный въ размышленія, ворочаясь въ своемъ креслѣ, я то хватался за голову, то запускалъ руки въ карманъ, ища денегъ, какъ будто карманы мои были испанскій народъ, а пальцы — его правители; то поднималъ глаза къ небу, какъ будто у меня оставалась одна только надежда на Бога; то, пристыженный, опускалъ глаза внизъ, какъ-бы видя передъ собою новаго мятежника, — какъ вдругъ я услышалъ монотонный, печальный звонъ. Колокола гудѣли какъ-то особенно жалобно, вспоминая тѣхъ, которые уже отжили свой вѣкъ. Никогда еще колокольный звонъ не былъ такъ печаленъ. У меня захватывало духъ. И вдругъ мнѣ пришло въ голову, что меланхолія для посторонняго зрителя вещь самая веселая, и я сталъ размышлять о томъ, что я такимъ образомъ могу послужить средствомъ для облегченія чужихъ горестей... Вонъ, вонъ, воскликнулъ я тотчасъ же, какъ-бы видя предъ собою испанскаго актера; вонъ, повторилъ я, какъ будто слушалъ рѣчь оратора въ кортесахъ, и вслѣдъ затѣмъ я вышелъ на улицу, — впрочемъ съ такою медленностью и флегмою, какъ будто мнѣ предстояло отрѣзать путь отступленія Гомецу. Многочисленными и длинными процессіями жители города двигались по улицамъ, скользя изъ одной въ другую, въ родѣ громадныхъ ящерицъ, окрашенныхъ въ тысячи цвѣтовъ. «На влад-

бище, на кладбище», — слышалось всюду, и съ этими словами они выходили изъ воротъ Мадрида. — Однако, гдѣ же кладбище? — спросилъ я самого себя: тамъ, за воротами, или внутри города? Голова у меня закружилась, и вдругъ все для меня стало ясно. Кладбище — внутри Мадрида. Весь Мадридъ — одно громадное кладбище, въ которомъ каждый домъ — гробница семейства, каждая улица — могила какой-нибудь революціи, каждое сердце — траурная урна надежды или желанія. И пока тѣ, которые воображаютъ, будто живутъ, собирались надъ жилищами тѣхъ, кого они считаютъ мертвыми, я сталъ обходить, со всѣмъ благоговѣніемъ, къ которому я способенъ, улицы громаднаго, настоящаго кладбища.

«Глухие, говорилъ я прохожимъ, куда вы идете? Смотрѣть на мертвыхъ? Да развѣ у васъ нѣтъ зеркала въ Мадридѣ, развѣ ихъ всѣ перебилъ Гомецъ? Безумцы, взгляните другъ на друга, и вы увидите на собственныхъ лбахъ надгробныя надписи! Вы идете на могилу вашихъ предковъ и отцовъ, между тѣмъ какъ вы сами мертвецы; они же живы, потому что они пользуются миромъ и спокойствіемъ; они пользуются свободой, единственно возможной на землѣ, тою, которую даетъ смерть. Они не уплачиваютъ налоговъ, они избавлены отъ рекрутчины, доносовъ и тюрьмы; они одни пользуются свободно словомъ, потому что говорить цѣлому міру; они говорятъ голосомъ громкимъ и звучнымъ, и ни одинъ судья не посмѣетъ подвергнуть ихъ преслѣдованію и наказанію. Они, наконецъ, признаютъ одинъ лишь законъ, неизбежный законъ природы, опредѣлившій ихъ сюда, и поворачиваются лишь этому одному закону.

«Что это за монументъ?» спрашивалъ я самъ себя, начиная мою прогулку вокругъ пространнаго кладбища: скелетъ ли это протекшихъ вѣковъ, или гробница другихъ скелетовъ? Вотъ, на фронтонѣ надпись: «Здѣсь похоронена королевская власть, родившаяся въ царствованіе Изабеллы-Католической и умершая отъ простуды, во время революціи Гранхи». Идемъ дальше. — Праведный Боже! «Здѣсь покоится прахъ инквизиціи, дочери вѣры и фанатизма, умершей отъ старости». — Это что такое? Тюрьма! «Здѣсь похоронена свобода прессы!» — Господи, и это въ Испаніи, въ странѣ уже воспитанной на либеральныхъ учрежденіяхъ! Два редактора газеты «Mundo» изображаютъ собою плачущія фигуры этого большого слепца. Барельефъ изображаетъ — цѣпь, затычку и перо. Кому принадлежитъ это перо — писателямъ или чиновникамъ? Улица de la Montera. Это не просто могилы: здѣсь цѣлыя кладбища, гдѣ смѣшаны и въ безпорядкѣ спятъ вѣчнымъ

сномъ—торговля, промышленность, честность. Почтенныя тѣни, прощайте, до свиданія въ день воскресенія мертвыхъ!—*Биржа*. «Здѣсь похороненъ испанскій кредитъ». — Возможно ли, вопрошалъ я самого себя, — чтобы такое громадное зданіе, напоминающее собою египетскія пирамиды, было воздвигнуто для того лишь, чтобы похоронить въ немъ такую маленькую вещь! — *Побѣда*. Здѣсь нѣтъ вовсе монумента, нѣтъ надгробной надписи. Въ углу лишь можно съ трудомъ прочесть неразборчивую фразу: «Юнта купила здѣсь въ вѣчное пользованіе эту землю». — *Театры*. «Здѣсь покоятся таланты Испаніи». Нѣтъ ни цвѣтка, ни вѣнча, ни надписи.

«Между тѣмъ ночь приближалась, темнѣло. Собаки, чуя что-то недоброе, испускали жалобный, продолжительный вой. Всюду пахло близостью смерти, разложенія. Громадная столица Испаніи, этотъ большой колоссъ, умирающій гигантъ, ворочался безпокойно въ просторномъ своемъ саванѣ, и скоро я увидѣлъ лишь одну огромную могилу. На камнѣ, покрывавшемъ ее, не было вырѣзано ни одной буквы, а между тѣмъ имена великаго мертвеца отчетливо и ясно представлялись всѣмъ глазамъ. — «Исчезни, удались ужасное видѣніе, страшная фантазмагорія!» воскликнулъ я. Свобода, конституція, народный голосъ, эмиграція, стыдъ, распря—всѣ эти слова звучали и смѣшивались въ гудѣніи и звонѣ колоколовъ, въ день всѣхъ святыхъ 1836 года. Темное облако покрыло собою, наконецъ, всю землю. Холодъ ночи пронизывалъ меня и оледенялъ во мнѣ кровь. Я хотѣлъ сдѣлать усиліе, вырваться изъ ужаснаго кладбища; я хотѣлъ искать убѣжища въ моемъ собственномъ сердцѣ, такъ недавно еще полномъ жизни, иллюзіями, желаніями!—О, Боже! И тутъ опять кладбище. Сердце мое—тоже могила. Чтѣ за надпись надъ ней. Прочтемъ. Кто умеръ тутъ?—Ужасныя слова, надпись надъ вратами ада: «Здѣсь похоронена надежда». — Тихе, тихе!..»

Послѣ этого страшнаго видѣнія, смерти цѣлаго народа, Ларра сдѣлалъ еще одно усиліе возвратиться къ прежнему своему плану. Два дня спустя, онъ написалъ новую статью: «Фигаро, возвращенный міру» (*Figaro dado al mundo*. Т. II, р. 143), на тѣму: «и онъ воскресъ въ третій день». Но эта была послѣдняя попытка бѣднаго Фигаро. Не только въ политическихъ сатирахъ, но и въ литературныхъ статьяхъ его отнынѣ видны одна лишь черная меланхолія, глухое отчаяніе, сожалѣніе о прошедшихъ временахъ. Онъ не могъ уже смотрѣть на весь социальный и политическій міръ иначе, какъ на разваливающееся зданіе, которое никакія подпоры не могутъ спасти. Съ каждымъ днемъ

зло разрасталось, и душевные раны Фигаро все болѣе и болѣе увеличивались. Потерпѣвъ жестокий ударъ въ политическихъ своихъ убѣжденияхъ, Ларра долженъ былъ испытать новое несчастье: женщина, которой онъ въ продолженіи пяти лѣтъ былъ преданъ, которую страстно любилъ, измѣнила ему. Ларра не вынесъ этого удара. Всѣ, видѣвшіе его близко въ это послѣднее время его жизни, могли замѣтить явные признаки приближавшейся катастрофы. Послѣднія его статьи тоже ясно указывали на возможность печальнаго исхода. Вотъ что писалъ Ларра, за двѣ недѣли до своей смерти, по случаю вончины графа Кампо-Аланхе: «Умеръ благородный и доблестный юноша, и умеръ, вѣруя во все прекрасное. Судьба была жестока, несправедлива къ намъ, лишившимся его, но къ нему она была милостива. Въ жизни ожидало его разочарованіе, но, къ счастью, онъ еще раньше встрѣтился съ смертью. Такъ умереть—значитъ продолжать жить; но достойны сожалѣнія оплакивающіе его, потому что между ними есть многіе, къ которымъ судьба не такъ благосклонна, и которые съ радостью рѣшились бы лучше умереть, чѣмъ жить разочарованными; живые мертвецы, завидующіе участи рано-умершаго!»

Въ ночь на 13-е февраля 1837 года Ларра имѣлъ послѣднее свиданіе съ женщиною, которую онъ такъ страстно любилъ, и которая пожелала порвать всякія отношенія съ нимъ. Онъ еще сильно надѣялся смягчить, упросить ее, поколебать ея рѣшеніе, но все было тщетно: она простилась съ нимъ холодно, безъ всякаго проявленія вѣжности, не оставивъ ему ни малѣйшей искры надежды. Приведенный въ отчаяніе этой холодностью, Ларра, спустя нѣсколько минутъ послѣ ея ухода, вставъ передъ зеркаломъ, пустилъ себѣ пулю въ сердце. Ему не было еще 28-ми лѣтъ. Онъ оставилъ послѣ себя вдову и трехъ дѣтей—сына и двухъ дочерей. Вся Испанія оплакивала его вончину; всѣ, даже политическіе и литературные противники его, отдавали должную дань его таланту. Похороны Ларры сопровождалась небывалою еще до тѣхъ поръ торжественностью и пышностью, весь Мадридъ присутствовалъ на нихъ и осыпалъ цвѣтами могилу своего любимаго.

Въ заключеніе, представимъ переводъ двухъ отрывковъ, которые могутъ, по нашему мнѣнію, особенно характеризовать сатиру Ларры.

I.

По поводу изданія новой газеты.

„Отчего вы не начнете издавать свою газету? — Когда появится „Фигаро“? — Вотъ отличная идея! Я уже прочелъ объявленіе о разрѣшеніи вашего ежедневнаго изданія. — Когда же оно появится, наконецъ? въ февралѣ? въ мартѣ? Предполагаю, что ваша газета не будетъ скучная, вы, конечно, съумѣете веселить, смѣшить насъ?“

Вотъ какими вопросами встрѣчаютъ меня со всѣхъ сторонъ, ими преслѣдуютъ меня всюду, просто закидываютъ, не даютъ и духу перевести; и я, право, такъ усталъ отвѣчать, какъ будто бы... Только что хотѣлъ сдѣлать неподходящее сравненіе, но лучше промолчу.

„И въ самомъ дѣлѣ, почему бы мнѣ не издавать свою газету?“ — сталъ я разсуждать самъ съ собою. Во всѣхъ просвѣщенныхъ и цивилизованныхъ государствахъ литература, такъ сказать, цѣликомъ, со всѣми своими отраслями и разновидностями, перешла на столбцы газетъ и сосредоточилась тамъ. Въ наши дни уже не появляются толстѣйшіе in-folio; теперь въ модѣ однѣ лишь коротенькія книжки, если вообще таковыя еще издаются. Разсудокъ побѣдоносно занялъ область, принадлежавшую воображенію — если только допустить, что есть въ мірѣ такой разсудокъ, который не былъ бы воображаемъ. Дѣла, факты вытѣснили идеи, а газеты — книги. Поспѣшность, быстрота — это теперь душа нашего существованія, и то, что не дѣлается съ поспѣшностью, въ XIX столѣтіи остается несдѣланнымъ. Нужно полагать, что поэтому-то въ Испаніи мы и не двигаемся впередъ ни на шагъ. И какое значеніе, наконецъ, могъ бы имѣть авторъ, трудящійся добросовѣстно и долго надъ своею книгою, но одинокій среди быстрого теченія, всѣхъ увлекающаго? Кто остановится, чтобы выслушать его? Въ наши дни непременно нужно умѣть говорить и бѣжать въ одно и то же время, и отсюда является необходимость говорить на ходу, — способность, жъ несчастію, не всѣмъ присущая. Газета, въ сравненіи съ книгою, то же самое, что желѣзно-дорожный вагонъ въ сравненіи съ тяжело-нагруженнымъ омибусомъ. Книга разноситъ идеи по всѣмъ оконечностямъ общественнаго тѣла съ такою же медленностью, съ такими же долгими промежутками времени, какъ дилижансъ развозитъ пассажировъ по провинціямъ. Только такимъ образомъ и можетъ быть объяснено соотношеніе между просвѣщенностью нашего вѣва и незначительнымъ числомъ новыхъ книгъ. Иначе пришлось бы вывести такое заключеніе, что цивилизація убиваетъ литературу и искусства. Говоримъ: „и искусства“, потому что та же быстрота и поспѣшность существованія породила въ области рисованія литографію и замѣнила образцы готической архитектуры прежнихъ временъ современными постройками, на подобіе крысыныхъ норъ, служащими намъ теперь жилищами.

Выгоды и удобства, доставляемыя газетами, просто неоцѣнимы. Прежде всего устраняется вовсе необходимость учиться, потому что, говоря откровенно, есть ли что-нибудь такое, чего бы мы не узнали изъ газетъ? Читая ихъ, узнаешь, въ которомъ часу начинается театръ, иной разъ даже, какое тамъ дается представленіе, предполагая, что дается именно то, о которомъ напечатано, что подъ-часъ дѣйствительно и случается. Посредствомъ газетъ мы узнаемъ, что изо-дня въ день происходитъ въ Наваррѣ, если только тамъ что-нибудь происходитъ (правда, что послѣднее случается не особенно часто); но за то узнаешь иногда и то, чего никогда не бывало. Такъ, напр., во время войны никогда навѣрное неизвѣстна потеря непріятеля, хотя эта послѣдняя всегда очень значительна; въ замѣнъ же этого известно хоть бы то, что ночь непременно наступитъ, потому что ночь всегда въ свое время дѣйствительно наступаетъ, не то, что разныя другія хорошія вещи, которыя до сихъ поръ все еще не появляются у насъ. Узнаемъ мы также и то, что лошади непріятеля быстрѣ нашихъ умѣютъ бѣжать, такъ какъ всегда оказывается, что непріятель спасся, благодаря вышеупомянутому обстоятельству. Не лишнее было бы узнать также, откуда они достаютъ такихъ быстроногихъ коней; это пригодилось бы и намъ, для улучшенія нашихъ конскихъ заводовъ. Изъ газетъ же мы узнаемъ, что у насъ есть соединенные кортесы, завершающіе собою величественное зданіе нашей свободы. Изъ тѣхъ же источниковъ мы узнаемъ, что у насъ два главныхъ учрежденія, т.-е. магистратура и сенатъ. Оттуда же узнаемъ, что было сказано ораторами, и когда рѣчи ихъ носили характеръ спора, обсужденія вопроса или простого „разговора“, по удачному выраженію одного изъ нихъ. А этотъ клубный ораторъ, распространяющійся о политикѣ и иностранномъ вмѣшательствѣ,—откуда, какъ не изъ газетъ, почерпнулъ онъ свои обширныя познанія о намѣреніяхъ Луи-Филиппа? Гдѣ, какъ не тамъ же, узнало это свѣтло великосвѣтскихъ гостинныхъ, изображающее въ нихъ человѣка, состоящаго въ оппозиціи, какая разница между торіемъ и вигомъ, что такое реформистъ, какая сила въ союзѣ, въ особенности, если онъ четверной, или въ сопротивленіи, въ особенности когда оно единичное? Будучи испанцемъ, гдѣ бы, наконецъ, онъ могъ научиться тому, что такое прогрессъ? Изъ какой книги могъ бы онъ почерпнуть истинное пониманіе словъ: „отвѣтственный министр“, „основной законъ“, „общественное представительство“ и проч. Въ какомъ университетѣ онъ научился бы понимать тонкое различіе, существующее между призракомъ, который убиваетъ и который не убиваетъ? А между тѣмъ, это для насъ, бѣдныхъ смертныхъ, существенная вещь, такъ какъ мы, вѣдь, именно и подлежимъ смерти.

Однимъ словомъ, въ конечномъ результатѣ мы всѣ должны согласиться, что газеты представляютъ великій архивъ всѣхъ человѣческихъ знаній, и что въ нашъ вѣкъ единственное средство остаться навѣждой — это не читать газетъ.

Всѣ только-что приведенныя и еще многія другія разсужденія, которыя я не налагаю, имѣя обыкновеніе всегда болѣе умалчивать, чѣмъ высказывать, побудили меня сдѣлаться журналистомъ, только

журналистомъ не находящимся на жалованьи и подчиненнымъ чужой волѣ, а журналистомъ свободнымъ, самостоятельнымъ.

Сказано—сдѣлано. Теперь займемся программой моего изданія. Прежде всего, какъ назвать его?—„Фигаро“? Да, это будетъ лучше всего. Это просто собственное имя, ничего не означающее и ни къ чему не обязывающее: ни обозрѣвать, ни извѣщать, ни быть ничьимъ голосомъ, ни записывать, ни разливать знанія и т. д. Оно требуетъ лишь небольшой запасецъ юмора, а съ этимъ, надѣюсь, я сумѣю справиться. Достаточно излагать лишь просто и безъ утайки текущія событія; а они сами по себѣ уже заключаютъ довольно соли. Вотъ одна изъ выгодъ того, кто посвящаетъ себя сатирѣ въ Испаніи: умѣй только передать то, что происходитъ въ натурѣ, и этимъ уже достаточно насмѣшишь публику. Надѣюсь, что сказанное никого не обидитъ.

Итакъ, въ составъ моего изданія войдетъ... все. Развѣ можно иначе? Но такъ какъ по объему своему моя газета не будетъ равна величинѣ нашего терпѣнія, но и не будетъ такъ коротка, какъ наша надежда и ожиданія, и, кромѣ того, такъ какъ я долженъ же помѣщать и свои статьи, то прежде всего исключу изъ моей газеты всѣ правительственныя распоряженія. Съ другой стороны, я не желаю никого печаливать, и потому воздержусь отъ помѣщенія извѣстій о наградахъ и производствахъ. Я не люблю также повторять одно и то же, и потому вообще исключая официальную часть. Кромѣ того, я рѣшился не говорить словъ на вѣтеръ; газета моя будетъ наполняться однимъ лишь существеннымъ, и потому о всякомъ засѣданіи кортесовъ будетъ сказано только въ двухъ строчкахъ, иногда еще короче, а иной разъ о нихъ вовсе и не придется говорить. Далѣе—политическія статьи. Да, конечно, я буду помѣщать таковыя. И такъ какъ никто въ нихъ ничего не смыслитъ, то онѣ и составятъ нашу сильную сторону. „Экономическія статьи“ тоже будутъ непременно, и притомъ очень пространныя, длинныя, хотя всегда туманныя. Задача эта будетъ очень легкая, потому что есть у кого поучиться, съ кого взять примѣръ. „О войнѣ“ тоже будутъ у насъ статьи, даже въ изобиліи. Прежде всего мы позаботимся найти человѣка, смыслащаго что-нибудь въ этомъ дѣлѣ и умѣющаго разсуждать объ этомъ предметѣ, а до тѣхъ поръ устроимся какъ-нибудь; во всякомъ случаѣ, статьи наши не будутъ такъ тяжеловѣсны, какъ тяжеловѣсенъ самъ сюжетъ. „О внутреннихъ дѣлахъ“. На этомъ мы остановимся болѣе всего; мы постараемся совершенно углубиться въ этотъ предметъ, разработать его со всѣхъ сторонъ. У насъ желаніе говорить о внутреннихъ дѣлахъ нашихъ такъ сильно, что мы не будемъ останавливаться и ни на одной сотой доли того, что было сдѣлано, а будемъ бесѣдовать исключительно лишь о томъ, что еще остается дѣлать. „О морскихъ дѣлахъ“. Ну, это довольно трудно. Какъ же „Фигаро“ станетъ разговаривать объ этомъ. Притомъ, какая же охота утопать на сушѣ (въ стаканѣ воды). „О литературѣ“. Когда появится хорошая книга, мы дадимъ о ней отчетъ; слѣдовательно, намъ не часто придется утруждать подобными отчетами публику. „О театрѣ“. Промолчимъ до тѣхъ поръ, пока найдется о чемъ говорить. Мы не ошибемся, смѣемъ думать, если скажемъ, что по всему видимому

намъ не скоро придется прервать наше молчаніе. „О музыкѣ“. Позищемъ литератора, знающаго толкъ въ музыкѣ, или музыканта, умѣющаго писать; а до тѣхъ поръ будемъ составлять статьи и музыкальные отчеты на подобіе прочихъ газетъ. Къ счастью, публика, вѣдь, уже привычна къ этому; въ этомъ отношеніи и мы и она дѣйствительно стоимъ другъ друга. „Хроника“. Сюда войдутъ всевозможные извѣстія и слухи, всегда по послѣдней модѣ. „О нравахъ“. Подъ этимъ заглавіемъ „Фигаро“ будетъ повѣствовать о долготерпѣннн, глнн, объ апатнн, отсталости, эгоизмѣ... однимъ словомъ, о нашихъ нравахъ. „Объявленія“. Желая какъ можно меньше дать мѣста этому отдѣлу нашего изданія, мы будемъ принимать объявленія лишь о добрыхъ дѣлахъ, о хорошихъ книгахъ, о реформахъ, прогрессѣ и объ открытіяхъ. Мы не допустимъ у себя объявленія о потеряхъ, а тѣмъ менѣе о томъ, что продается. Иначе бы имъ не было конца.

Вотъ и готова, приблизительно, программа „Фигаро“. Но, конечно, это не все. Теперь нужно просить разрѣшенія, представить залого. Но если эти послѣдніе были бы у меня, не сталъ бы я, конечно, писать глупости, чтобы забавлять публику, — или писать для гонорара. Какъ бы то ни было, рѣшено, что я не гоужь для хлопотъ о разрѣшеніи. Возьму подставного издателя и редактора; они хлопочутъ, бѣгаютъ, представляютъ залого. Наконецъ, получено разрѣшеніе. Вотъ и есть разрѣшеніе для „Фигаро“, разрѣшеніе самое широкое. Теперь вопросъ лишь за типографіей. Бѣгу въ первую попавшуюся: „Тутъ малая, нѣтъ шрифта“. Слѣшу въ другую: „Здѣсь, говоря откровенно, нѣтъ печатныхъ машинъ“. Въ третью: „Мы не желаемъ возиться съ газетой; работай тутъ ночью, а ночью добрые люди спятъ, такъ установлено Богомъ“. Чтѣ подѣлаешь: ремесло типографа у насъ, въ Испаніи, не очень прибыльно; заказовъ немного, знающіе свое дѣло типографы и корректоры — рѣдкость; своя типографія тоже представляетъ немало заботъ: то уйдутъ работники, то перевираютъ слова, опшбокъ пропасть; однимъ словомъ: и дорого, и дурно.

Возможно ли все это? Итакъ, не быть „Фигаро“. — Нѣтъ, пустое — одолѣемъ всѣ препятствія. Ахъ, чуть не забылъ: нужно похлопотать еще о бумагѣ. Бѣгу въ одну фабрику, въ другую, въ третью — все не то: то слишкомъ тонкая бумага, то слишкомъ дорогая, то нечистая, сѣрая, безъ глянца и т. д. и т. д. „Такой, какой вы желаете, — нѣтъ“. — Боже, сколько затрудненій, какъ у насъ натыкаешься вездѣ на одни препятствія!

Но нужно смириться, не терять бодрости, и подѣ конецъ все устроится, все войдетъ въ колею: теперь имѣется уже издатель, редакторъ, типографія, корректоръ, бумага. Скорѣй бѣгу домой, забираюсь въ кабинетъ и — пошла работа. „Фигаро“ появится, это рѣшено, это будетъ; и говорить я тамъ буду обо всемъ, — да, рѣшительно обо всемъ.

Окончательно рѣшивъ все вышеизложенное, я вернулся домой и сѣлъ къ письменному столу, чтобы начать работу. „Чтѣ вы тутъ дѣлаете“, спрашиваю я своего переписчика. — „Перевожу указанный вами монологъ изъ „Фигаро“ Бомарше, который вы мнѣ велѣли выставить эннграфомъ къ сборнику вашихъ статей, набираемому для печати“. — „Посмотримъ, чтѣ тамъ такое“, говорю я, и читаю слѣдующее:

„Въ Мадридѣ установилась система свободы, простиравшаяся и на печать. И если я не коснусь ни администраціи, ни религіи, ни политики, ни нравовъ, ни должностныхъ лицъ, ни корпорацій и т. д., однимъ словомъ, всего недозволеннаго, то я объ остальномъ могу печатать свободно и безъ боязни, подвергнувъ его предварительно пересмотру двухъ или трехъ надежныхъ лицъ. Чтобы воспользоваться этою широкою свободою, объявляю объ изданіи новой газеты“... Довольно, воскликнулъ я, дойдя до этой фразы; это написано какъ бы нарочно для меня. „Перепишите“, обратился я къ моему секретарю, „всю эту тираду сюда, на этотъ листъ—выставьте число, когда это было сказано: 1784 г. Хорошо, а теперь помѣтьте сегодняшнимъ числомъ „22-го января 1835 г.“. А внизу: „Фигаро“.

II.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПОЛЕМИКА.

Писатель встрѣчаетъ на своемъ пути множество препятствій, въ особенности если онъ занимается описаніемъ нравовъ, созданіемъ типовъ, собираніемъ въ одинъ фокусъ разнородныхъ характерныхъ чертъ, разбросанныхъ и разсыянныхъ въ обществѣ. Если онъ избираетъ личностей, прозрачныхъ намековъ, про его статьи говорятъ, что онъ блѣденъ, незначителенъ, что въ нихъ нѣтъ оригинальности и шпигу; если онъ при внимательномъ наблюденіи сумѣетъ передать все рельефно и колоритно, такъ что улыбка по-неволѣ просится на уста читателя, то про него кричатъ: „какой паяцъ“, какъ будто кромѣ серьезныхъ разсужденій въ литературѣ нѣтъ мѣста иному, болѣе занимательному способу писанія. Если онъ, возмущаясь пороками, нападаетъ въ статьяхъ своихъ горячо на все дурное, вредное и глупое—Господи, какъ на него набрасываются со всѣхъ сторонъ! Наконецъ, если онъ изъ различныхъ явленій, подсмотрѣнныхъ имъ въ жизни, создаетъ правдивый, художественный типъ, то про него говорятъ: „каковъ разбойникъ! Вѣдь какъ онъ ловко изобразилъ того-то или этого-то!“ Изобразилъ онъ, напр., скупца. „Это живой Козимо“, кричатъ со всѣхъ сторонъ, и не старайтесь разубѣдить ихъ, увѣрять ихъ, что у васъ вовсе не было на умѣ списать портретъ, что это не личная нападка, что вы занимаетесь болѣе широкою задачею, общественною критикою, сатирой! Все это будетъ лишь пустой тратой времени, и вы никого ни въ чемъ не убѣдите.

Вотъ мысли и разсужденія, занимавшія меня, когда я взялся сегодня за перо. Искренно желая угодить всему свѣту и не зная, какъ бы этого достигнуть, я сталъ просить всѣхъ угодишковъ научить меня писать такимъ образомъ, чтобы написанное мною не было ни слишкомъ серьезно, ни слишкомъ легковѣсно, ни слишкомъ обще, ни слишкомъ лично, ни слишкомъ длинно, ни слишкомъ коротко, ни глубоко, ни поверхностно, ни слишкомъ неопредѣленно, ни слишкомъ переполнено намеками, ни слишкомъ философски, ни слишкомъ невѣжественно, ни слишкомъ изысканно, ни слишкомъ грубо, тривиально — однимъ словомъ, чтобы оно было что-то невоз-

возможное, какал-то химера. Въ то самое время, какъ я все это обдумывалъ, вошелъ ко мнѣ молодой человѣкъ, въ которомъ по его наружности тотчасъ же можно было признать литератора, человѣка, съ выраженіемъ зависти на лицѣ. Взглянувъ на меня искоса, онъ, послѣ нѣсколькихъ вступительныхъ фразъ, которыя было бы лишнимъ приводить здѣсь, объявилъ мнѣ, что желаетъ обратиться ко мнѣ за совѣтомъ по очень важному дѣлу. Я попросилъ его сѣсть и спросилъ его, въ чемъ заключается его дѣло?—„Да вотъ, синьоръ Фигаро,—поспѣшно сказалъ молодой человѣкъ,—только-что напечатана одна моя статья, и тотчасъ же на нее обрушились со всѣхъ сторонъ“. „Ну, что-жь, — отвѣтилъ я,—это въ обычай журналистики. Развѣ можно писать такъ, чтобы не затронуть кого бы то ни было?“ — „Синьоръ, да вѣдь подумайте, они прямо объявляютъ, что моя статья просто безмыслица. Вы понимаете, что я этого не могу оставить безъ возраженія; въ противномъ случаѣ что же подумаютъ обо мнѣ въ свѣтѣ, въ особенности что скажетъ на это Европа?“—„Конечно,—воскликнулъ я:—Европѣ не о чемъ думать въ настоящую минуту, какъ только о Португаліи и о вашей статьѣ“.—„Вотъ видите ли,—продолжалъ молодой человѣкъ,—такъ какъ вы мастеръ по части возраженій и всего, что касается литературной полемики, то я и пришелъ просить у васъ совѣта, какимъ образомъ лучше разъяснить предметъ и доказать публикѣ, что правъ я, а не мой критикъ“. — „О чемъ же трактуетъ ваша статья?“ — „Видите ли, дѣло въ томъ, что, собственно говоря, мы оба, и я, и мой критикъ, мало смыслимъ въ томъ, о чемъ трактуются въ статьѣ; и такъ какъ добрую половину того, что можно было бы сказать, мы сами не знаемъ, а о другой половинѣ нельзя говорить"...—„Хорошо,—прервалъ я,—все это бываетъ довольно часто; но о чемъ же именно вы написали?“ — „О табачномъ производствѣ. И я бы просилъ васъ, милостивый государь, указать мнѣ всѣ источники, начиная съ Нюота, отъ рывшаго табакъ, и кончая, по крайней мѣрѣ, г. Тиссо, возстающимъ противъ его употребленія, — на авторитетъ которыхъ я могъ бы сослаться, чтобы поразить моего противника всей глубиной моей эрудиціи“. — „Любезный другъ,—воскликнулъ я,—видно, что вы совсѣмъ новичокъ въ литературной полемикѣ. Прежде всего, чтобы опровергать кого-либо или заводить споръ о какомъ-нибудь предметѣ, нѣтъ никакой надобности быть свѣдущимъ въ немъ человѣкомъ. Что дѣлать, таковы уже современные нравы! А во-вторыхъ, извѣстенъ ли вамъ авторъ направленной противъ васъ статьи?“ — „Да какое же дѣло читателямъ до того, кто именно авторъ той статьи?“ — „Послушайте, да вы не имѣете ни малѣйшаго понятія о самыхъ элементарныхъ приемахъ литературной полемики! Гдѣ вы жили? Видно, что вы не читаете газетъ! вмѣсто того, чтобы отыскивать ученыхъ сочиненія, на авторитетъ которыхъ вы бы могли сослаться, для поддержки высказаннаго вами взгляда,—вамъ прежде всего слѣдуетъ узнать, кто авторъ враждебной вамъ статьи“. — „Прекрасно, положимъ, что я даже знаю его. Да вѣдь вопросъ не въ томъ, не въ личности этого господина, но въ мнѣніи, высказанномъ имъ на столбцахъ газетъ". — „Помолчите, ради Бога. Итакъ, вы знаете, кто авторъ той статьи? Отлично, мы спасены". — „А я думалъ собрать доводы, доказать

ими "...— „Помилуйте, какія тутъ доказательства! Вы вѣдь желаете уничтожить противника? Итакъ, прежде всего скажите, каковъ вашъ противникъ? Высокаго онъ роста?“ — „Очень высокаго“. — „Будетъ въ немъ шесть футовъ?“ — „Больше, больше... Однако, какое же отношеніе имѣетъ его ростъ къ вопросу о табачномъ производствѣ?“ — „Какъ, какое отношеніе? Вотъ, вы и начнете ваше опроверженіе съ того, что, дескать, лучшимъ доказательствомъ того, что моя статья хороша, является то, что окритиковавшій ее мой противникъ высокаго роста“. — „Вы, разумѣется, шутите“. — „Нисколько. — Не написали ли вашъ противникъ прежде какого-нибудь романа, повѣсти, или чего-нибудь въ этомъ родѣ?“ — „Да, въ такомъ-то году, онъ написалъ неважную комедію“. — „Отлично. Послѣ первой аргументаціи вашей прибавьте еще, что вы очень сильны въ вопросѣ о табачномъ производствѣ, доказательствомъ чему служитъ то, что вашъ противникъ написалъ плохую комедію"... — „Послушайте, да вѣдь мы насмѣшимъ публику“. — „И пускай! Публика будетъ хохотать, а въ выигрышѣ будетъ тотъ, кто ее насмѣшилъ. Нельзя-ли еще что-нибудь сказать о вашемъ противникѣ? Нѣтъ ли у него прыща на носу, не живетъ ли онъ съ любовницей, нѣтъ ли у него долговъ, не сидѣлъ ли онъ когда-нибудь въ тюрьмѣ, не носитъ ли онъ парика, нельзя-ли указать на его занятія, положеніе въ обществѣ, на его политическія убѣжденія?..“ „Положимъ, всего этого у него есть по-немножку“. — „Ну, и прекрасно. Пишите обо всемъ: и о прыщѣ на носу, и о политическихъ мнѣніяхъ, и о любовницѣ. Какое же онъ можетъ имѣть понятіе о „табачномъ производствѣ“, если онъ тогда-то писалъ въ такой-то газетѣ, и если въ такомъ-то году онъ игралъ въ вистъ или баккара?“ — „Да гдѣ же границы подобнаго рода полемики?“ — „Ужъ не беспокойтесь. Главное — не теряйте мужества. Не можете ли вы упрекнуть вашего противника въ какомъ-нибудь плагиатѣ? Валайте и это. Нѣтъ ли у васъ въ запасѣ какихъ-нибудь анекдотовъ, сплетенъ? Подавайте и ихъ“. — „А если тѣ анекдоты и сплетни, которые я знаю, не имѣютъ никакого отношенія къ дѣлу, совершенно неумѣстны?“ — „Все равно, лишь бы насмѣшить читателя. Если вашъ противникъ сказалъ про васъ, что вы тамъ-то сдѣлали ошибку, — отвѣчайте ему, что онъ самъ ошибся пятьдесятъ-пять разъ. Вамъ объясняютъ, что вы невѣжа, — а вы отвѣчайте, что онъ сто разъ болѣе невѣжа. Таковъ уже обычай“. — „Послушайте, но причѣмъ же тутъ вопросъ о „табачномъ производствѣ?“ — „А очень онъ нуженъ вамъ или кому бы то ни-было! Оставьте его въ покоѣ. Наконецъ, когда вы истощили весь арсеналъ личныхъ нападовъ, заключите вашу статью обращеніемъ къ читателямъ, что вы, молъ, вполне увѣрены въ томъ, что они оцѣнятъ вашу умѣренность въ настоящей полемикѣ, и что пусть противникъ вашъ продолжаетъ нападать на васъ, если желаетъ, но что вы покончили съ этимъ вопросомъ и превращаете съ вашей стороны полемику съ нимъ, — во-первыхъ, потому, что достаточно опредѣленно и ясно доказали справедливость вашего взгляда на вопросъ о табачномъ производствѣ, посредствомъ вышеприведенныхъ ссылокъ на ростъ вашего противника, на прыщъ на его носу, на написанную имъ въ такомъ-то году комедію, на его любовницу и политиче-

скія убѣжденія; а во-вторыхъ,—потому что вашъ противникъ прибѣгнулъ къ неприличнымъ нападкамъ и употребилъ въ спорѣ съ вами некрасивые приемы (хотя бы этого никогда и не было—все равно, валайте!). И вслѣдствіе всего этого, молъ, въ виду того, что полемика угрожаетъ затянута и приняла такіа рѣзкіа формы, вы уже не считаете себя вправѣ, изъ уваженія къ почтенной публикѣ, продолжать ее. Кстати еще упомяните о значительномъ числѣ подписчиковъ того изданія, въ которомъ вы участвуете, сравнительно съ тѣмъ, въ которомъ помѣщаетъ свои статьи вашъ противникъ,—это тоже, дескать, очень вѣскій аргументъ въ нашу пользу,—и, повѣрьте, что дѣло будетъ въ шляпѣ“.—„Положимъ, что планъ вашъ дѣйствительно какъ-будто не дуренъ. Но вотъ чѣмъ онъ грѣшитъ, по моему мнѣнію: и безъ того уже въ нашемъ обществѣ литература и литераторы пользуются не слишкомъ-то большимъ значеніемъ; а если мы еще, вмѣсто того, чтобы поддерживать другъ друга, будемъ нападать другъ на друга, дѣлать другъ друга общимъ посмѣшищемъ, мы просто сами себя забросаемъ грязью въ глазахъ публики. Нѣтъ, право, нѣтъ даже стыдно!..“—„Помилуйте, да чего тутъ стыдиться? Чтѣ вы? Вы только теперъ повели рѣчь о стыдѣ, о совѣсти. Вы бы съ того и начали. Тогда бы я и не старался учить васъ уму-разуму, и вы бы остались неисправимы. Да и все это пустяки, любезный другъ. Вотъ вамъ мое послѣднее слово: живу я уже много лѣтъ на бѣломъ-свѣтѣ, и почти всегда полемика велась указаннымъ мною путемъ. И потому—прочъ серьезное и добросовѣстное отношеніе къ дѣлу, прочъ не-нужные доводы и доказательства, и да здравствуетъ передергиваніе, личности! Какой-то мудрецъ сказалъ, что всѣ почти вопросы сводятся къ вопросу о цифрахъ, что цифра управляетъ міромъ. Въ области же литературной полемики почти всѣ вопросы сводятся къ нападкамъ противъ личности, къ личнымъ расчетамъ“.

Привнеся эти слова, я простился съ моимъ гостемъ. Не знаю, воспользовался ли онъ моими совѣтами, или нѣтъ.

М. В.

ИЗЪ МОЕЙ ЗАПИСНОЙ КНИГИ

Въ Сицили¹⁾.

I.

На „Кампидольо“.

Es gährt das Meer.

Глѣнн.

Продолжительное путешествіе производитъ отчасти такое же дѣйствіе, какъ и походъ: оно дѣлаетъ насъ зачастую безчувственными и безучастными ко всему, что не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ нашей обстановкѣ въ данную минуту. Такъ и я, попавъ подѣ вечеръ на пароходъ «Кампидольо», послѣ того, какъ мы пробрались сквозь громадную массу кораблей и лодокъ, кипившихъ въ гавани Неаполя, интересовался гораздо больше положеніемъ и качествами нашей каюты и постройкой и оснасткой самаго парохода, нежели окружающей волшебной картиной. Вѣдь наше благосостояніе во время предстоявшаго долгаго морского плаванія вполнѣ зависѣло отъ этихъ существенныхъ пунктовъ. Но, увы! я тутъ же рѣшилъ, что здѣсь о нашемъ благосостояніи и comfortѣ такъ мало позаботились, что на нихъ нечего было и рассчитывать! «Кампидольо» (Капитолій) не дѣлалъ чести своему имени: судно было рѣшительно черезъ-чуръ узко, сравнительно съ своей длиной; при этомъ мнѣ казалось, что оно

¹⁾ Первое путешествіе: „На югъ Италіи“—было помѣщено у насъ въ 1874 г., апрѣль и май.—*Ред.*

недовольно глубоко сидить въ водѣ, или вслѣдствіе недостаточности груза (т.-е. балласта), или по волѣ его строителя. Что въ этомъ узкомъ ящикѣ, походившемъ на камбалу, положенную на бортъ, не было мѣста для сносныхъ каютъ—это само собой разумѣлось при такомъ устройствѣ. И дѣйствительно, несчастный, захлопнувшій за собою дверь изъ краснаго дерева, ведущую въ каюту, буквально попадалъ какъ въ тиски между дверью и желѣзными прутьями, на которыхъ укрѣплены были койки—и вопросъ еще, счумѣлъ ли бы самъ покладливый Шиллеръ помѣстить на этомъ пространствѣ влюбленную чету, какъ бы ни была нѣжна и благополучна ея любовь.

Всѣ эти соображенія, омрачаемыя сомнительнымъ видомъ шерстяныхъ, нѣвогда бѣлыхъ одѣялъ, покрывавшихъ узкія, жесткія койки, наполняли мою душу тревогой. Легкій вѣтерокъ, дувшій въ настоящую минуту, былъ западный; но въ предъидущіе дни дула сильная и подъ конецъ даже бурная Tramontana, и можно было побиться объ закладъ, что, выйдя въ открытое море, мы найдемъ то, что моряки называютъ «мертвымъ моремъ». Но «мертвое море» и это судно... что вы объ этомъ думаете, Катароцци?

— Chi lo sa! — отвѣчалъ Катароцци, пожавъ сутуловатыми плечами.

Катароцци былъ, по обыкновенію, правъ. Къ чему портить прекрасное настоящее предвидѣніемъ того худого, что можетъ быть или не быть, когда солнце, ярко пылающее въ настоящую минуту надъ Искіей, закатится, и «Кампидоль», прорѣзывающій теперь гладкую, какъ зеркало, поверхность Неаполитанскаго залива, обогнетъ мысъ Минервы.

Мы находимся теперь посрединѣ залива и впервые можемъ сразу обозрѣть всѣ тѣ прекрасныя мѣста, которыя мы осматривали по частямъ и въ отдѣльности съ различныхъ пунктовъ въ послѣднія недѣли. Мы можемъ теперь указать пальцемъ на эти пункты и назвать — по правую руку и позади насъ: Миценскій мысъ, Байю, Пуццеоли, Позиллипо, и различныя части Неаполя, Портичи, Резине, Торре-дель-Грево съ Везувіемъ; слѣва, поближе отъ насъ, утесы Каstellамаре до самаго Сорренто; совсѣмъ по близости, милое, прелестное Капри,—и все это залито моремъ свѣта, которымъ заходящее солнце награждаетъ въ такомъ изобиліи, точно оно не можетъ разстаться съ волшебной картиной безвѣчной цѣпи городовъ, городковъ, деревень, виллъ, раскинувшихся вдоль громаднаго полукруга береговъ, забравшихся высоко на горы и оттуда выглядывающихъ точно алыя звѣзды, окутанныя голубоватой и лиловой дымкой, пока, наконецъ, тѣни не

сгустятся, алая звѣзда не погаснуть, и только одна облака надъ Везувіемъ еще горятъ пламенемъ... но вотъ, потухъ и прекрасный день.

Ночь пришла на смѣну, мрачная, темная ночь. Только по временамъ въ электрическомъ свѣтѣ, дрожащемъ надъ бушующимъ моремъ, различаю я среди хаоса форму волны, ея нависшій гребень, ея покатыя бока, и затѣмъ все сливается въ одну темень. Я одинъ, какъ замѣчаю, изъ всѣхъ пассажировъ остался на палубѣ; даже самъ Катароцци, съ которымъ я прокурилъ и проболталъ часа два, гдѣ-то скрылся внизу. У меня не хватаетъ духу послѣдовать его примѣру, потому что тамъ, внизу, должно быть ужасно. Изъ полуотворенныхъ дверей маленькихъ каютъ, расположенныхъ вокругъ большой каюты, раздаются непрерывные, убійственные, отчаянные стоны, дхи, вздохи; можно подумать, что большая каюта превратилась въ Campo-Santo, а въ стѣнахъ ея вдѣланы гробницы и что наступилъ день страшнаго суда, и несчастные грѣшники стонуть въ ожиданіи грознаго приговора. И точно будто таѣніе, скопившееся въ теченіи тысячелѣтій, исходитъ изъ...

Нѣтъ! я лучше останусь на палубѣ, хотя — въ первый разъ въ моей жизни — я не увѣренъ: не сдѣлаюсь ли я и здѣсь, наверху, добычей ада, поглотившаго ихъ всѣхъ тамъ, внизу, не исключая, повидимому, и заваленнаго отъ бури и непогоды Катароцци, — ада, который люди зовутъ морскою болѣзью. Правда, что во всю свою жизнь я не совершалъ еще такого ужаснаго плаванія. Худшія изъ моихъ опасеній превзойдены. Мы плывемъ по «мертвому морю» въ самомъ ужаснѣйшемъ его состояніи. Ни малѣйшаго вѣтерка, который могъ бы дать опредѣленную форму и направленіе волнамъ. Вода въ круглой, до половины налитой лоханкѣ, которую бы трясли изъ всей мочи, не могла бы безумнѣе бурлить, чѣмъ это море. Въ то время, какъ я стою, опершись обѣими руками на перила лѣваго борта, гребень одной волны пронесется на одной высотѣ съ моимъ лицомъ и даже, быть можетъ, фута на два выше, а въ слѣдующую минуту, я уже повисъ надъ пропастью, глубину которой не можетъ измѣрить даже мой глазъ, освоившійся съ темнотой. И въ то время, какъ я, для разнообразія, пробираюсь къ правому борту, палуба стоитъ подъ угломъ 75° надо мной, а когда я добрелъ до края, она вмѣстѣ со мной ринулась въ бездонную пропасть, и затѣмъ повторяется та же исторія, съ тою только разницей, что правый бортъ мѣняется ролью съ лѣвымъ бортомъ. И каждое изъ такихъ движеній, напоминающихъ качаніе маятника, продѣлываетъ также

и большой парусъ, который неотразимо слѣдуетъ за медленнымъ колебаніемъ судна справа на лѣво, съ минуту какъ-бы пытается удержаться на срединѣ, затѣмъ быстро опускается и съ громомъ шлепается нагѣво и еще глубже погружаетъ несчастное судно въ волны, чѣмъ это было бы безъ того. Съ какой стати не убираютъ парусовъ, которые съ вечера, когда еще дулъ слабый западный вѣтеръ, могли быть чуть-чуть — но именно чуть-чуть — полезны, не убираютъ теперь, когда у насъ нѣтъ попутнаго вѣтра, а навѣрное дуетъ противный, южный вѣтеръ — я могу объяснить себѣ только на одинъ ладъ. Я наблюдалъ — это было вблизи отъ Амальфи — съ какой безконечной неумѣлостью, съ какими гвалтомъ и шумомъ и противорѣчивыми приказаніями исполнялись эти манѣвры, и твердо убѣжденъ, что въ настоящую минуту они не рѣшаются сунуться наверхъ въ эту ужасную качку, хотя ходъ ворабля, очевидно, замедляется парусами, качка бесполезно усиливается, да, кромѣ того, грозитъ опасность, что снасти оборвутся, и мало ли еще какая бѣда.

Была ли бы большая бѣда, если бы та или другая рея или всѣ три вмѣстѣ были оторваны корабельными привидѣніями — я не могъ утвердительно сказать. Вначалѣ я, въ самомъ дѣлѣ, склоненъ былъ думать, что вижу привидѣнія, по крайней мѣрѣ долго не понималъ, чтó это за безумныя существа, чтó такое они творятъ и какой злой духъ гоняетъ ихъ, въ теченіи уже нѣсколькихъ часовъ, взадъ и впередъ по совершенно безлюдной палубѣ, отъ бугшприта до руля и обратно; они то цѣпляются за палубу, то взлетаютъ надъ кровлей большой каюты, то взбираются вверхъ по мачтѣ, затѣмъ снова падаютъ внизъ и на четверенькахъ проползаютъ по палубѣ; затѣмъ скрываются во мракѣ минутъ на десять, на четверть часа, затѣмъ снова появляются по близости отъ меня, такъ что я раза два уже спрашивалъ сердито-испуганнымъ голосомъ: кто тутъ? не получая другого отвѣта, кромѣ рѣзкаго смѣха или нѣсколькихъ непонятныхъ словъ. То были ворабельный поварь, котораго можно было признать въ нѣсколькихъ шагахъ по его бѣлому колпаку и, какъ я могъ случайно разглядѣть при слабомъ свѣтѣ, падавшемъ изъ каюты, одинъ матросъ и одинъ пассажиръ съ передней палубы, пошлая физиономія котораго еще вечеромъ неприятно поразила меня. Я порѣшилъ не доискиваться объясненія загадки, какъ вдругъ услышалъ возлѣ самаго уха какой-то шелестъ, который могъ быть произведенъ только боязливымъ трепетаніемъ маленькихъ крыльевъ. И затѣмъ шумъ затихъ. Птица, по всей вѣроятности перепелъ, отстала отъ товарищей во время перелета черезъ море, усталая,

быть можетъ раненая, опустилась на встрѣчный корабль и была замѣчена кошачьими глазами этихъ негодяевъ. Какъ это могло случиться—оставалось, конечно, загадкой, а равно и то, какимъ образомъ они не преглядѣли ни одного изъ движеній бѣдной птицы и черезъ короткое время поймали ее. Я знаю только, что желалъ всего худого злымъ преслѣдователямъ, и между прочимъ, чтобы они судимы были тѣмъ аѳинскимъ судомъ, который однажды приговорилъ къ смерти мальчика за то, что тотъ убилъ воробья, пріютившагося у него на груди отъ преслѣдованій ястреба.

Человѣкъ природы, прежде нежели образованіе обуздаетъ его грубые инстинкты, — жестокое животное, и неразвитый итальянецъ, который и есть человѣкъ природы, весьма жестокъ. Я могу въ этомъ отношеніи только подтвердить единодушный отзывъ всѣхъ путешественниковъ. Начиная съ хорошо-одѣтаго господина, который на станціи желѣзной дороги въ Падуѣ поджигалъ кончикомъ сигары мошекъ и мухъ, бившихся объ огню и затѣмъ спокойно продолжалъ курить смертоубійственный фавель, и кончая нашимъ кучеромъ на Везувіѣ, который кончиномъ бича сбивалъ съ обломковъ лавы зелено-золотистыхъ ящерицъ, или кудряваго, черноволосаго мальчика на Капри, который заставлялъ прыгать на ниткѣ бѣдную, безпомощную, окровавленную птичку, или тѣми тремя субъектами, которые такъ позорно наругались на нашемъ кораблѣ надъ правомъ гостепріимства, — всѣ они однимъ муромъ мазаны; всѣ, какъ дѣти, не имѣютъ никакого понятія о жизни животныхъ и такъ же спокойно терзаютъ майскаго жука, какъ дѣти свою куклу, съ тою только разницею, что то, что мы склонны извинить въ дѣтахъ ихъ неразуміемъ или видимъ въ немъ по крайней мѣрѣ нѣкоторое объясненіе, кажется намъ совершенно непонятнымъ, непостижимымъ, отвратительнымъ и омерзительнымъ, когда это дѣлаютъ взрослые люди, отъ которыхъ можно было бы, казалось, требовать разума и пониманія того... чего они какъ разъ не понимаютъ. Человѣческихъ поступковъ нельзя оплакивать, нельзя также и смѣяться надъ ними, пока ихъ не поймешь, а когда ихъ поймешь, то проходить охота и плакать, и смѣяться.

Мое настроеніе въ ту ночь было отнюдь не философское; я не могъ долге выносить поведенія этихъ негодяевъ и сошелъ внизъ, хотя и зналъ, что меня тамъ ожидаетъ. Я предполагалъ многое, но не то, что напелъ; я зналъ, что моя война узка и жестка и окружена ужасной атмосферой, и даже радовался, что найду ночью чистыми и неподозрительными тѣ бѣлыя шерстяныя одѣяла, на которыя съ вечера взиралъ такъ меланхолично. Но кто не

может слышать и видеть, тот может ощущать, какъ говорить пословица, и то, что я теперь ощущалъ, когда пещерные обитатели этихъ одъялъ нахинулись толпами безъ предварительнаго объявленія войны, даже безъ единого вопля, на безоружнаго неприятеля... Ну, что-жъ! другіе испытывали то же самое, и кто знаетъ, быть можетъ, испытывалъ и тотъ великій художникъ—хотя онъ объ этомъ не сообщаетъ, — который имѣлъ привычку, какъ только началась качка на кораблѣ (а она начинается всегда очень скоро), идти внизъ въ каюту, ложиться на спину и пребывать въ этомъ горизонтальномъ положеніи по цѣлымъ часамъ, даже цѣлымъ днямъ съ настойчивостью, ему присущею, и поддерживать въ это время свою олимпійскую жизнь виномъ и хлѣбомъ. Это было, конечно, мудрымъ дѣломъ со стороны мудреца, но горизонтальное положеніе лишило его истинныхъ наслажденій, связанныхъ съ морскимъ плаваніемъ, а насъ удовольствія читать описанія этихъ наслажденій, которыя онъ, конечно, изобразилъ бы не менѣе чудесно, чѣмъ свои впечатлѣнія на terra firma. Но человѣку близко только то, что онъ понимаетъ, а Гёте, по вышеприведенной причинѣ, ничего не понималъ въ морѣ и его красотахъ. Слѣпыя почитатели, не допускающіе пятенъ на солнцѣ, могутъ говорить, что хотять, но онъ, житель твердой земли, никогда не могъ обрѣсти въ себѣ живую связь съ моремъ. Онъ его и не любилъ, и не ненавидѣлъ, а среднее отношеніе къ морю никуда не годится; чисто платоническое восхищеніе ни къ чему не приводитъ; по крайней мѣрѣ, съ нимъ живописецъ не найдетъ настоящихъ красокъ, а поэтъ настоящихъ словъ для описанія. Поразительно, до какой степени блѣдны — сравнительно, конечно, — тѣ мѣста въ итальянскихъ письмахъ Гёте, гдѣ говорится о морѣ: ни одной великой, мощной, богатой красками картины. Чувствуется какаютоневѣренность въ его словахъ; чувствуется, что техническіе термины корабельныхъ частей и манёвровъ ему чужды, и онъ, вообще любившій называть вещи ихъ именами, здѣсь довольствуется описаніями, намеками въ самыхъ общихъ выраженіяхъ. И хотя онъ, — величайшій поэтъ, — тотчасъ же находитъ теплый токъ и сердечные обороты рѣчи, какъ только заговоритъ на своемъ родномъ языкѣ, т. е. стихами, и вступительные стихи къ «Ифигеніи», и нѣкоторыя мѣста въ «Алексисъ и Дора», конечно, прекрасны и достойны моря, — но что значитъ это въ сравненіи съ неисчерпаемой полнотою, грандіозными картинами и неподражаемо живописными выраженіями, которыя мы находимъ у Байрона, дѣйствительно знавшаго и любившаго море!

Roll on, thou deep and dark blue Ocean—roll!

Но, конечно, онъ имѣлъ право говорить:

And I have loved thee, Ocean, and my joy
Of youthful sports was on thy breast to be
Borne, like thy bubbles, on ward...

For I was, as it were a child of thee,
And trusted to thy billons for and near,
And laid my hand upon thy mane — as I do here ¹⁾.

А затѣмъ возьмемъ другого нѣмецкаго поэта, Гейне, который не былъ «дитятею моря», и сравнимъ его «Meeresstille» съ стихотвореніемъ того же имени Гёте. Какъ Гейне ясно разглядѣлъ все и картинно передалъ даже запачканныя дегтемъ щеки боравельныхъ юнгъ! И до какой степени академически гладко, холодно и прилизано выходитъ все у Гёте, который здѣсь, совсѣмъ противъ своего обыкновенія, въ восьми короткихъ строкахъ шесть разъ повторяетъ одно и то же, а именно «что море тихо», а также въ pendant къ «Glückliche Fahrt», только одинъ стихъ по моему прочувствованъ:

Schon seh' ich das Land!

Отъ избытка чувствъ уста глаголятъ, да еще такія краснорѣчивыя уста! Если же краснорѣчивыя уста безмолвствуютъ или отдѣлываются общими, безцвѣтными фразами, то изъ этого можно вывести заключеніе объ отсутствіи интереса къ предмету. Океанъ никогда не былъ страстью Гёте — въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, и я могъ бы на томъ же основаніи утверждать, что онъ никогда не былъ страстнымъ наѣздникомъ или охотникомъ. Эрнестъ Морицъ Арндтъ заходить, какъ извѣстно, такъ далеко, что отрицаетъ въ немъ качества хорошаго наѣздника, конькобѣжца и вообще всякаго гимнаста, ссылаясь на крайне поразительную несоразмѣрность между его крупнымъ, массивнымъ туловищемъ и черезъ-чуръ короткими ногами. Свидѣтельство такого знатока во всѣхъ этихъ вещахъ заслуживаетъ большаго довѣрія, нежели преувеличенныя восхваленія панегиристовъ, у которыхъ — начиная съ Гуфеланда и до Эквермана — дѣло не обходится безъ Юпитера и Аполлона, какъ

¹⁾ Сжился я съ дѣтства съ океаномъ,
Я съ дѣтства раннаго мечталъ
Подъ раннимъ утреннимъ туманомъ
Тебѣ отдаться, бѣлый валъ,

Дитятей былъ твоимъ, казалось,

Я довѣрялъ твоимъ волнамъ,
На гриву волнъ, игравшихъ тамъ,
Я руку клалъ, и мнѣ случалось,
Какъ и теперь, то повторять.

Пер. Минаевъ.

скоро рѣчь зайдетъ о наружности Гѣте. «Юпитерь» куда еще ни шло, въ особенности если при этомъ имѣть въ виду Юпитера Отриволи, состоящаго изъ одной головы; но Аполлонъ, который, въ образѣ Бельведерскаго, шествуетъ сквозь тысячелѣтія на длинныхъ ногахъ, преувеличенная длина которыхъ составляетъ — что уже давно не секретъ для искусства — тайну его божественности? Противный родъ панегиристовъ, — подобно царедворцамъ и льстецамъ, которые своими подобострастными фразами отуманиваютъ душу великихъ міра, — затемняютъ изображеніе героевъ духа для современниковъ и для потомства, и такъ же, какъ и первые, вызываютъ и подстрекаютъ оппозицію со стороны яснаго взгляда и здраваго человѣческаго смысла. Молите вѣчныхъ боговъ вы, герои, да спасутъ они васъ отъ подобныхъ друзей! Это, поистинѣ, худшіе изъ вашихъ враговъ!

Какія однако странныя грѣзы посѣщаютъ человѣка, который, не смыкая глазъ, дожидается святаго разсвѣта и вмѣстѣ съ нимъ блаженнаго возстанія отъ ночного ложа, въ ужасномъ снѣгѣ «Кампидольо»! Въ счастію, я могъ надѣяться выкарабкаться изъ него живымъ. Мнѣ удалось открыть маленькое, круглое овошечко, какъ разъ возлѣ меня, и такимъ образомъ впустить въ каюту ароматный ночной воздухъ, рискуя дать вмѣстѣ съ тѣмъ доступъ непрерывно бурлившимъ, кипѣвшимъ, ронщающимъ надъ самымъ моимъ ухомъ морскимъ волнамъ. Но я лучше хотѣлъ утонуть, нежели задохнуться.

И въ концѣ-концовъ, я все же уснулъ, уснулъ такъ вѣрно, что проспалъ все утро, весь день и только проснулся отъ стука явора въ гавани Палермо.

II.

Палермо.

Недалѣко отъ Палермо, на скалистомъ берегу,

Въ тихой сѣни виллы сада

Пальма стройная растетъ...

Въ 1855 г., сколько мнѣ помнится, получилъ я черезъ посредство одного пріятеля-книгопродавца первую крупную заказную, литературную работу: переводъ книги одного американца, В. Куртиса: «Nil-Notes of an Howadji». Гонораръ былъ невѣроятно малъ, но удовольствіе, съ какимъ я работалъ, безмѣрно. Мой языкъ принадлежалъ къ породѣ, нынѣ совсѣмъ вымершей, «сан-

timentальныхъ путешественниковъ», а я хотя уже и не былъ тогда очень юнымъ человекомъ, но вполне сочувствовалъ его чувствительному тону и сумѣлъ провести его сквозь всѣ опасности путешествія (и диковинно-кудреватаго, между нами будь сказано, слога), до таинственныхъ источниковъ Нила, то-есть на разстояніи двухъ сотъ миль, начиная отъ водопадовъ до пещернаго храма въ Абу-Синобалѣ.

И въ то время, какъ я исписывалъ страницу за страницей (зачастую среди ночной тиши и до той минуты, пока утрення заря не загорится на лѣтнемъ небѣ) чудесами Востока — нѣсколько утрированными, какъ я теперь подозреваю, — я говорилъ своей терпѣливой душѣ: любезная душа! мы, вѣроятно, никогда не услышимъ плеска волнъ святой рѣки о берега, поросшіе тростникомъ, никогда не будемъ курить чубука подъ свѣтло развалинъ Карнака, но пальму въ саду виллы *Sega di Falco*, близъ Палермо, мы увидимъ прежде, нежели умремъ, не правда ли?

Эта пальма играла въ книгѣ важную роль. То была первая пальма, какую янки увидѣлъ растущей на вольномъ воздухѣ, и воспѣлъ ее, съ свойственной ему сантиментальностью, какъ предвозвѣстницу и посланницу Востока. Но былъ ли восторгъ его отмѣченъ искреннимъ чувствомъ (и у сантиментальныхъ путешественниковъ можно встрѣтить его порою), или же онъ задѣлъ больное мѣсто въ моей душѣ, давно уже болѣвшей охотой къ переменѣ мѣстъ, бессознательно для меня самого — не сумѣю сказать! Одно вѣрно, — я послѣ того никакъ не могъ забыть пальмы; я зачастую видѣлъ ее передъ собой во снѣ и на яву, и непремѣнно всякій разъ, когда сердце поэта приходитъ въ столеновленіе съ свѣтомъ, въ одно изъ тѣхъ столкновеній, изъ которыхъ, вонечно, можно выпутаться путемъ компромисса, но всегда въ ущербъ сердцу.

И вотъ, эта пальма стала для меня олицетвореніемъ горестнаго одиночества и печальной поворности своей долѣ, и тихій шелестъ ея листьевъ слышался мнѣ сквозь длинное стихотвореніе, написанное мною нѣсколько лѣтъ позднѣе, съ сердечной болью, и послѣднее слово котораго — первые стихи выставлены эпиграфомъ къ этой главѣ — опять-таки гласило: «отреченіе».

Отъ мечты же увидѣть пальму съ глазу на глазъ я почти что отказался, по мѣрѣ того, какъ шли годы и ни на волосъ не подвигали меня къ осуществленію моего желанія; или, вѣрнѣе сказать, съ теченіемъ лѣтъ, пальма перешла для меня изъ міра дѣйствительности въ ту фантастическую страну, гдѣ растутъ голубые цвѣты Гейнриха фонъ-Офтердингенса.

И вотъ, наконецъ, стоялъ я опять на палубѣ «Кампидоль», который теперь безмятежно красовался на тихихъ водахъ гавани, какъ будто въ его утробѣ не скрывались ни въ чемъ неповинные путешественники, которыхъ онъ заставилъ пережить всѣ муки ада; передо мной разстлалась страна моихъ грезъ, но я ее не узнавалъ. Я такъ же не узналъ ее, какъ и Одиссей, когда, проснувшись среди золотыхъ и серебряныхъ даровъ, разставленныхъ вокругъ спящаго предусмотрительными есаакійцами, онъ узрѣлъ свою родину. Я видѣлъ непосредственно подъ собой цѣлую тучу лодокъ, управляемыхъ смуглыми оборванцами, ссорившимися изъ-за багажа и изъ-за персонъ несчастныхъ пассажировъ «Кампидоль»; а не въ далекомъ разстояніи отъ меня—низменную набережную гавани, передъ которой опять-таки сновали лодки и стояли небольшія суда; набережная была окружена убійственно прованческими, казарменнаго вида домами—и это было Палермо.

Нѣтъ! то было не Палермо! то была частичка гавани Палермо, и очень северная частичка. Палермо совсѣмъ не такое; Палермо...

Да! если бы кто-нибудь съумѣлъ когда-нибудь въ двухъ строкахъ воспроизвести массу впечатлѣній, воспринимаемыхъ путешественникомъ, въ то время, какъ онъ осматриваетъ какой-нибудь городъ или его окрестности, съ которыми связывается для него представление или воспоминаніе о томъ, что онъ видѣлъ, —воспроизвести такъ, чтобы вызвать изъ нихъ дѣйствительность подобно тому, какъ изъ гладкаго желудя вырастаетъ дубъ, съ его сучковатымъ стволомъ и излучистыми вѣтвями, вѣточками и листьями! Но такимъ искусствомъ не обладалъ еще ни одинъ человекъ. Къ описателямъ странъ и городовъ—*mutatis mutandis*—относится рѣзкое слово, раздающееся вслѣдъ ревностному изслѣдователю, стремящемуся уловить *natura naturans* въ ея таинственныхъ мастерскихъ:

Geheimnissvoll am lichten Tag!

Намъ самимъ, конечно, чудятся, сквозъ жалкія строчки нашего дорожнаго дневника, оживленныя сцены, пережитыя нами, подобно тому, какъ музыкальное ухо восстанавливаетъ цѣлкомъ мелодію, обрывки которой доносятся до него вѣтромъ. Но даже нашъ спутникъ, вмѣстѣ съ нами посѣщавшій тѣ мѣста и въ одни и тѣ же часы, при одномъ и томъ же освѣщеніи и съ однихъ и тѣхъ же пунктовъ наблюдавшій все то, что мы описываемъ, не будетъ въ состояніи по нашему описанію вызвать въ воображеніи точь-въ-точь ту картину, какая носится передъ

его собственными умственными очами. Ему будетъ недоставать многого; ему будетъ недоставать главнаго, а именно: того неопредѣленнаго идіосинкратическаго дуновенія, которое есть не что иное, какъ рефлексъ собственной души. Ну, а каково же тому несчастливцу, который ничего подобнаго не видѣлъ и не надѣется увидѣть, и передъ которымъ, слѣдовательно, отвѣтственность наша вдвое, втрое сильнѣе! Великій Боже! я съ ужасомъ помышляю о тѣхъ сбивчивыхъ, неясныхъ и въ концѣ-концовъ совершенно лживыхъ представленіяхъ о положеніи, фізіономіи окрестностей Палермо, порожденныхъ лучшими описаніями, какія только мы имѣемъ: путевыми письмами Гёте, Шинкеля и пр. Какъ могу я надѣяться, чтобы мнѣ удалось то, что не удалось такимъ мастерамъ! Я, конечно, не такой безумецъ. Напротивъ того, настойчиво предостерегаю своихъ читателей не поддаваться заблужденію, будто Палермо, то Палермо, какое я теперь, съ Божіей помощью, вызову у нихъ въ воображеніи, имѣеть хоть что-нибудь общее, кромѣ названія, съ тѣмъ настоящимъ Палермо, которое представилось бы или представится имъ когда-нибудь въ дѣйствительности.

А теперь, любезный читатель, представь себѣ, съ соблюденіемъ вышеприведенныхъ предосторожностей, что въ одно слегка туманное утро ты приплылъ на пароходѣ съ открытаго моря въ бухту, болѣе широкую, нежели глубокую, и имѣющую форму полумѣсяца, справа окаймленную, какъ-бы бастіонами, высокими горами, громадныя стѣны которыхъ высятся почти перпендикулярно надъ самымъ моремъ, а слѣва тянутся холмы, далеко не столь высокіе, не столь сплошные и отъ которыхъ ты, кромѣ того, находишься на такомъ разстояніи, что можешь разглядѣть нѣкоторыя подробности лишь въ подворную трубу. Эти холмы — послѣдніе отроги весьма значительной, весьма расчлененной цѣпи горъ, окружающей большую бухту, но не въ формѣ полумѣсяца, а въ формѣ подковы, и хотя концы подковы (волоссальныя горы справа и низкіе холмы слѣва) совпадаютъ съ концами полумѣсяца, образуемаго бухтой, но къ срединѣ массы горъ отступаютъ все дальше и дальше, и такимъ образомъ обрамляютъ открытую въ морю долину, въ которой достаточно мѣста для большого города, которая могла бы даже вмѣстить самый громадный городъ, если бы онъ наполнилъ все свободное мѣсто, оставленное горами.

Но городъ, лежащій передъ нами, нисколько не воспользовался этимъ свободнымъ мѣстомъ; напротивъ того, онъ тѣснится въ морю, напираетъ на него, раскидываетъ свои безконечныя

набережныя, кофейни, таможни, пакгаузы, казармы, тюрьмы, млыны, сады и т. п., по правую и по лѣвую стороны, такъ далеко, какъ только можно, до самыхъ краевъ полумѣсяца, такъ что съ моря весь берегъ бухты кажется населеннымъ и только посрединѣ видѣется плотная, компактная масса, которая и есть само Палермо.

Правда, городъ раскинулъ и за своими воротами, со стороны материка, виллы, монастыри, разнообразныя строенія; но все это купается въ зеленомъ морѣ или даже какъ будто вынырнуло изъ него. Эти зеленныя стѣны, темно-золотисто-зеленныя, когда солнце озаряетъ ихъ—это безчисленныя вершины апельсиновыхъ и лимонныхъ деревьевъ; они растутъ въ садахъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга стѣнами, а издали, видѣнные à vol d'oiseau, представляютъ одну сплошную массу, занимающую восемь или девять-десятыхъ всей долины до самой подошвы горъ и даже зачастую тянутся вверхъ по горамъ.

Если самъ городъ (та именно сплошная масса домовъ въ срединѣ залива, берега котораго всѣ усѣяны постройками) и кажется невеликъ—глядишь ли на него съ моря или съ горъ, служащихъ ему колоссальными рамками, то въ дѣйствительности это не такъ.

Напротивъ того, онъ представляетъ для пѣшехода или для ѣдущаго въ экипажѣ (послѣднее здѣсь не всегда возможно) весьма почтенную массу дворцовъ, церквей, монастырей, средневѣковыхъ воротъ, пяти и шести-этажныхъ домовъ съ балконами, съ верандами, мѣстами же совсѣмъ обнаженными, ничѣмъ не украшенными, или съ грубой орнаментовкой, сѣровато-бѣлыми домами, домиками, кабаками; и все это пронизывается немногими, не особенно внушительными площадями, двумя прямыми, широкими, перекрещивающимися по срединѣ улицами и затѣмъ такимъ невѣроятнымъ количествомъ маленькихъ улицъ, переулковъ, что послѣ первыхъ попытокъ ориентироваться въ нихъ отказываешься отъ этого предпріятія разъ и навсегда, какъ отъ безнадежнаго дѣла. Но въ дѣломъ все это представляется необычайно красивымъ, когда стоишь на достаточной высотѣ, чтобы обозрѣть всю панораму, и не видишь отдѣльных, несносныхъ подробностей. Самый прекрасный видъ открывается съ платформы обсерваторіи въ палаццо Реале, расположенномъ въ задней части города, ближайшей къ горамъ, и во всякомъ случаѣ самомъ высокомъ пунктѣ города. Отсюда—такъ какъ палаццо стоитъ почти на краю города—мы видимъ, непосредственно подъ собой, если обратимся спиною къ заливу, то бронзовое море апельсиновыхъ и лимонныхъ садовъ,

среди которыхъ бѣлыя виллы выдаются точно островки; далѣе же высются сплошными массами смѣлыя вершины и глубокия долины, раздѣляющія горы, а на склонахъ послѣднихъ лѣнятся два маленькихъ городка: Монреале и Парко. Повернувшись нѣсколько вправо, видимъ большую гору, Monte Pellegrino, которая не примыкаетъ къ остальной цѣпи горъ, а образуетъ отдѣльную массу; между нею и остальной цѣпью простирается глубокая долина. Если же мы снова повернемся къ морю и поглядимъ на раскинувшуюся подъ нами и передъ нами сѣтъ дворцовъ, церквей, монастырей, замковъ, воротъ, строеній, то она теперь представляется намъ не беспорядочной кучей, а весьма живописной массой, съ куполами и зубцами, яркими блестящими на черепичныхъ и оловянныхъ крышахъ, безчисленными шестами и пестрыми драпировками палатокъ на плоскихъ кровляхъ и передъ окошками, съ лѣсомъ мачтъ въ гавани, слѣва у подошвы Monte Pellegrino, и цѣпью предмѣстевъ и деревень вплоть до правой оконечности полумѣсяца, Monte Catalano. А внутри полумѣсяца, позади сѣти домовъ разстилается голубая бухта, гдѣ стоятъ на якорѣ нѣсколько кораблей и которая далѣе сливается съ лазурной ширью открытаго моря.

Картина крайне разнообразная, пестрая, богатая красками и многообразіемъ формы, роскошная, великолѣпная, единственная, быть можетъ, въ своемъ родѣ, но отнюдь не веселая.

По крайней мѣрѣ это такъ, на мой взглядъ, и даже при яркихъ лучахъ майскаго солнца, проливаемыхъ въ настоящую минуту сверкающимъ небомъ, на которомъ неподвижно стоятъ лишь нѣсколько бѣлыхъ облаковъ.

Я пытался отдать себѣ отчетъ въ крайне серьезномъ, чтобъ не сказать мрачномъ, меланхолическомъ впечатлѣніи, какое произвело на меня Палермо, и открылъ слѣдующее, что и выскажу, съ просьбой принять это такъ, какъ оно сказано и въ томъ самомъ смыслѣ: то-есть, какъ выраженіе чисто-субъективнаго впечатлѣнія.

Для меня воспоминанія изъ классической древности гораздо ближе и въ особенности гораздо пріятнѣе, нежели средневѣковыя; потому ли, что я лучше знакомъ съ древностью, нежели съ средними вѣками, или потому, что какая-то тайная связь, какое-то неуловимое сродство въ мышленіи и чувствахъ непреодолимо влечетъ къ той эпохѣ, «когда еще вы (боги Греціи) міромъ управляли». Для меня остатки тѣхъ временъ являются настоящими реликвіями, которыя меня интересуютъ, трогаютъ, возвышаютъ, словомъ—обладаютъ для меня, вѣрующаго, чудесной силой. И при

этомъ для меня все равно, стоятъ ли передо мной эти реликвиі въ такой формѣ, красу и силу которой не могли сломить вѣка, протекшіе надъ ними, или же онѣ лежать въ развалинахъ у моихъ ногъ; мало того: бываетъ такъ, что развалины возбуждаютъ во мнѣ болѣе благоговѣйное чувство, нежели хорошо сохранившіеся храмы или статуи; точь-въ-точь какъ для благочестивыхъ людей былыхъ временъ старыя, архаическія иконы съ руками, прижатыми къ туловищу, казались достойнѣе поклоненія, нежели прекраснѣйшія творенія, выпедшія изъ мастерскихъ Фидіасовъ и Праксителей.

Въ Палермо, сколько мнѣ это извѣстно, за исключеніемъ нѣсколькихъ сомнительныхъ катакомбъ передъ Porta Ossuna, не имѣется ни единого зданія, ни даже слѣдовъ какихъ-нибудь развалинъ изъ классическихъ временъ. Ничто, рѣшительно ничто не напоминаетъ страннику «Панорму» грековъ и римскую колонію. Онъ знаетъ даже, что глубокая гавань, по имени которой названъ городъ, занесена пескомъ, застроена такъ, что даже мѣстоположеніе теперешняго города совсѣмъ иное, и онъ такъ-сказать только съ 1072 г., когда норманскіе герцоги Робертъ и Рожеръ-де-Готвилль отняли его у сарациновъ; чувствуетъ себя на твердой исторической почвѣ.

Итакъ, мы въ среднихъ вѣкахъ! Средніе вѣка, окутанные облаками дыма, окрашеннаго кровью, создали Палермо, и до сего дня мрачный духъ той эпохи сказывается «въ узкихъ улицахъ и въ почтенномъ сумрачѣ церквей», которыя для меня отнюдь не почтенны, хотя я, разумеется, не стану отрицать, чтобы перестроенная изъ греческаго креста въ латинскій монастырская церковь «Mortarana», и даже маленькая «Capella Palatina» въ палаццо Реале, съ ихъ алтарями изъ лапсѣ-лазули, ихъ мраморными и гранитными колоннами, награбленными изъ античныхъ храмовъ, ихъ византійскими мозаиками на золотомъ фонѣ, сверкающими и отливающими такъ таинственно, трансцендентально при слабомъ свѣтѣ, проливаемомъ пестрыми окнами,—не представлялись замѣчательными произведеніями искусства для всякаго образованнаго зрителя, хотя бы онъ и не былъ собственно знаткомъ въ этихъ вещахъ.

Затѣмъ, помимо всего прочаго, я полагаю, что сумрачный видъ Палермо происходитъ еще и оттого, что онъ глядитъ изъ глубины своей бухты непосредственно въ открытое море. Неаполь и съ этой стороны поставленъ въ болѣе благоприятныя условія. Неаполитанскій заливъ такъ великъ и глубокъ, что образуетъ самъ по себѣ такъ-сказать внутреннее море или огромное озеро, окруженное городами; на каждомъ возвышеніи его береговъ рас-

кидывается вила, садъ, какая-нибудь плантація. А тамъ, гдѣ это веселое озеро вдается въ море, тамъ у него есть острова: прелестное Капри, горделивая Исхія, и изъ нихъ первое въ особенноти притягиваетъ взоры непрерывными измѣненіями въ освѣщеніи, переливами красокъ, и кажушимися перемѣнами въ формѣ нарушаетъ то впечатлѣніе монотонности, какое всегда навѣваетъ на насъ видъ открытаго моря.

Но, быть можетъ, не открытое море, не некрасивый, невзрачный видъ города (въ которомъ съ 1827—48 г. не было выстроено ни одного новаго зданія), не относительная пустота улицъ, не обмелѣвшая, оживленная присутствіемъ лишь очень немногихъ кораблей гавань у подошвы Monte Pellegrino, которую Гете называетъ прекраснѣйшей горой въ свѣтѣ, но которую охотнѣе представляешь себѣ населенной воинственными, выдерживающими многолѣтнюю осаду кароагенянами, нежели нимфами и сатирами; не зубчатая цѣпь горъ, окаймляющая обширной дугой городъ со стороны материка,—быть можетъ, повторяю, не это все придаетъ Палермо его оригинальный, индивидуальный характеръ, а только то, что онъ лежитъ вдали отъ всевидящаго ока небеснаго царя въ куполѣ собора въ Монреале, надъ главнымъ алтаремъ.

Монреале—самостоятельный городъ, хотя кажется только предмѣстьемъ Палермо, посящемъ всѣ безобразныя черты столицы: настоящій лабиринтъ узкихъ, кривыхъ, темныхъ, грязнѣйшихъ улицъ и переулковъ, идущихъ въ гору и подъ гору; настоящее разбойничье гнѣздо, прилѣпившееся въ разстояніи полумили отъ Палермо на склонѣ горы, и куда ведетъ крутая, извилистая дорога, отмѣченная совсѣмъ особеннымъ, неприятнымъ характеромъ. Пусть только представить себѣ какой-нибудь берлинскій бюргеръ, отправившійся въ одинъ прекрасный день въ своемъ ландѣ въ Шарлоттенбургъ, чтобы показать дѣтямъ мавзолей,—пусть онъ представить себѣ, что у Бранденбургскихъ воротъ встрѣчаетъ его одинъ караулъ, а въ нѣсколькихъ шагахъ у Большой-Звѣзды другой, а у шоссеинаго домика третій, да, кромѣ того, между караулами постоянно разѣзжаетъ взадъ и впередъ конный патруль, и на его вопросъ: чтѣ значить это явленіе? ему отвѣтять, что это распоряженіе сдѣлано въ видахъ безопасности его самого, его дѣтей, жены, кучера и прислуги, за которую, въ противномъ случаѣ, правительство не ручается!

Путешествуешь, какъ извѣстно, затѣмъ, чтобы съ божіей помощью увидѣть, услышать что-нибудь новое, дотогѣ невиданное и неслыханное; но тѣмъ не менѣе мы глазамъ своимъ не вѣримъ, когда встрѣчаемъ при въѣздѣ въ Палермо смуглыхъ молодцовъ,

въ шляхахъ съ мягкими полями, въ штиблетахъ, въ непосредственномъ сосѣдствѣ воротъ города съ нѣскольکو-тысячнымъ населеніемъ, и все это по дорогѣ, оживленной массой нѣшеходовъ и ѣдущихъ; мы не вѣримъ въ пользу занятія этихъ господъ и склонны сначала принять все это за глупую шутку; но это уже не кажется забавнымъ, когда выѣзжаешь изъ довольно обширнаго предмѣстья на пустынную дорогу и видишь слѣва крутыя скалы и цѣлое море темнозеленыхъ апельсиновыхъ роцъ, растущихъ или у подошвы ихъ, или раскидывающихся въ самыхъ причудливыхъ формахъ по скатамъ горъ. Лишь изрѣдка попадаютъ дома на этихъ скалахъ или непосредственно на дорогѣ, и всѣ эти дома имѣютъ видъ разбойничьихъ притоновъ, а оборванцы: мужчины, женщины и дѣти, спующіе или валяющіеся вокругъ нихъ, внушаютъ очень мало довѣрія. Напротивъ того, такъ вотъ и кажется, что вотъ этотъ смуглый молодецъ, если бы только не сидѣли у него за спиной проклятые берсалъери, выхватилъ бы винтовку, которая навѣрное стоитъ у него за полуотворенной дверью, и спибъ бы съ козелъ нашего добраго Катароцци такъ же спокойно, какъ спибаютъ голубя съ крыши, и все это въ видѣ предисловія къ просьбѣ, обращенной къ господамъ, сидящимъ въ экипажѣ, благоволятъ передать ему ихъ деньги, часы, кольца и пр. А что вучеръ, хотя онъ и носить ливрею своего отеля, не станетъ оборонять, не подумаетъ защищать господъ, и не выдастъ пріятеля Джакомо или Бенно, — въ этомъ я, въ этомъ всѣ мы вполне убѣждены.

И какое здѣсь чудесное поле дѣйствія для разбойниковъ и жандармовъ! Предъ нами бѣловатая, расщелистая, повертыя громадными обломками, поросшія гигантскими кактусами, дрокомъ, вышиной съ человѣческой ростъ, и всякаго рода вустарникомъ скалы; онѣ высятся одна надъ другой, вплоть почти до самой дороги, которую можно перескочить въ два прыжка; сама дорога образуетъ такіе острые углы, что въ нихъ не заглянетъ глазъ самаго зоркаго берсалъери и не достанетъ пуля самаго отличнаго ружья, заряжающагося съ казенной части!

По правдѣ сказать, дорога въ Монреале значительно омрачается этимъ непрерывнымъ memento-mori въ картинныхъ разбойничьихъ мундирахъ; а что касается самого Монреале, то я даже испыталъ нѣкоторое удовольствіе, когда, встрѣтивъ двухъ знакомыхъ живописцевъ, которые исходили всю Сицилію и, подобно старому господину Пенкунъ, въ разсказахъ Фрица Рейтера, «не боялись чорта», услышалъ отъ нихъ, что они было предполагали

первоначально переночевать въ Монреале, съ тѣмъ чтобы на слѣдующее утро набросать эскизъ съ красиваго собора и великолѣпнаго крестнаго хода изъ монастыря, но что съ наступленіемъ сумерекъ не могли побѣдить чувства недовѣрія и страха, возбужденныхъ въ нихъ гостинницей, въ которой они пріютились, и поздно вечеромъ, ухватившись за первый попавшійся предлогъ, ушли и при свѣтѣ луны вернулись назадъ въ Палермо.

Я готовъ согласиться, что Монреале долженъ быть приглядѣнъ въ яркое утро, нежели въ пасмурный день, стоявшій во время нашей туда поѣздки; но мнѣ всегда казалось, что главная прелесть всякихъ эскизовъ, начертаны ли они перомъ или карандашомъ, заключается въ томъ, когда живописецъ или путешественникъ изобразить намъ вещи такими, какими онъ ихъ видѣлъ, а не такими, какими онъ могъ ихъ увидѣть. А поэтому я не освѣщу никакими заповѣдными солнечными лучами пасмурный день, проведенный нами въ Монреале, да въ сущности я намѣренъ говорить вовсе не объ этомъ разбойничьемъ гнѣздѣ, а о великолѣпномъ соборѣ, и прежде всего объ изумительно-прекрасномъ Христѣ, царящемъ надъ главнымъ алтаремъ и оттуда съ такой грустью взирающемъ на зрителя. Эта чудная картина непреодолимо притягивала мой взоръ и я безпрестанно къ ней возвращался, и, глядя на нее, мнѣ показалось, какъ я уже выше замѣтилъ, что я нашелъ разрѣшеніе загадки, столько уже дней занимавшей меня: нашелъ объясненіе меланхолическаго отгвѣна, который лежалъ на Палермо въ моихъ глазахъ и до сихъ поръ связанъ съ нимъ въ воспоминаніи.

Можно хорошо разглядѣть картину, хотя она и виситъ такъ страшно высоко надъ головой, если только размѣры ея колоссальны и дозволяютъ явственно разсмотрѣть каждую черту.

И подобно тому, какъ голова греческаго Зевеса (по крайней мѣрѣ, во времена Фидія) напоминаетъ всѣмъ извѣстное мѣсто изъ Илиады, такъ и этотъ Христосъ какъ двѣ капли воды похожъ на портретъ Мессіи, который находимъ въ часто упоминаемомъ письмѣ Лентулуса: «онъ человѣкъ высокаго роста, съ серьезнымъ внушительнымъ лицомъ, которое можетъ возбуждать какъ любовь, такъ и страхъ. Волоса его цвѣта вина и гладко спускаются на уши и лишены всякаго блеска, но на плечахъ вьются и блестятъ и расчесаны на обѣ стороны, по обычаю назореевъ. Чело гладкое и ясное, лицо безъ пятенъ, пріятно окрашенное легкимъ румянцемъ. Выраженіе благородное и привлекательное; носъ и ротъ безупречны, борода густая и того же

цѣта, какъ и волосы, посрединѣ раздвоенная; глаза голубые и сверкающіе. Онъ красивѣйшій изъ смертныхъ»¹⁾).

Я согласенъ съ каждымъ словомъ; но что касается ясности чела! великій Боже! если художнику это повздалось ясностью, то какъ мрачно, должно быть, было у него самого на душѣ! какимъ безотраднымъ казался ему окружающій міръ!

И вотъ, вмѣсто «ясности чела», о которой гласитъ описаніе, я нахожу въ картинѣ другую черту, въ которой художникъ, повидимому, не отдавалъ себѣ отчета и которую я, — не скажу, что приписываю ему, — но выражаю по-своему. Я хочу сказать: такое же тяжелое, слезное облако лежало на челѣ побѣдоноснаго Сципіона, когда онъ читалъ на развалинахъ Каррагена: «будетъ нѣкогда день»... Съ такимъ же выраженіемъ лица могъ вѣдать Пирръ свой знаменитый, меланхолическій, побѣдный бюлестень. Такъ будетъ глядѣть король, котораго льстецы увѣряютъ, что господство его основано на «un rocher de bronze» и который молча вопрошаетъ себя: дѣйствительно ли бронза такой неокрушимый матеріалъ?

Я изобразилъ день, проведенный въ Монреале, и вечеръ, приведшій насъ обратно въ Палермо, такими пасмурными и дождливыми, какими они были въ дѣйствительности, а теперь насколько не смягчу свирѣпой бури, разбушевавшейся въ ту ночь. Господи! какъ она ревѣла и завывала надъ отелемъ Тринакрія, открытымъ со стороны моря и гдѣ насъ приютили въ самомъ верхнемъ этажѣ (Палермо въ эти дни былъ биткомъ набитъ приѣзжими)! Какъ хлопали жалузи! какъ трещали плохо запершія окна! Какъ скрипѣли флюгера! Какой свистъ поднимался въ трубахъ на крышѣ, непосредственно надъ нашей головой! Какъ грохотало расхлывшееся море, разбиваясь о безконечную набережную! Право, я могъ бы подумать, что нахожусь не здѣсь, не въ Сициліи, не въ отелѣ Тринакрія, а въ моемъ родимомъ Ultima Thule, на Арзонскомъ маякѣ, и что эти бѣшеные голоса несутся не съ очаровательнаго моря, обитаемаго сиренами, но съ моей милой, сѣрой Балтики, и что не пальчики хорошенькой Жюльетты стучать въ дверь съ извѣщеніемъ, что «acqua calda» для синьора и синьоры уже готова, а смуглый булакъ стараго маячнаго сторожа Шиллинга, объявляющаго, что шведскій бригъ сѣлъ на мель близъ Мѣвень-Орта и что дѣло, кажется, чертовски плохо.

¹⁾ См. Kugler. Geschichte der Malerei. 3-te Auflage. I. S. 50.

Утромъ, конечно, все пришло въ порядокъ. Съ лазурнаго неба свѣтило яркое майское солнце на темносинее море, и его укромченныя, большими гладкими массами ватившіяся волны съ пѣной разбивались о большіе камни, защищающія набережную, и зачастую перебрасывались черезъ перила набережной и обдавали дождемъ брызгъ гуляющихъ.

Чудесно гулять по свѣтлой, безконечной эспланадѣ набережной, идущей отъ мраморныхъ «Porta Felice» до общественнаго, увеселительнаго сада «La Flora», и съ одной стороны опоясанной моремъ, а съ другой—дворцами и великолѣпными домами съ террасами, садами и зданіями, обсаженными двумя рядами великолѣпныхъ деревьевъ, въ числѣ которыхъ находится и нашъ отель Тринакрія. Изъ бібліотеки, расположенной въ нижнемъ этажѣ, попадаешь прямо на эту эспланаду, и мы зачастую по утрамъ или по вечерамъ проводимъ здѣсь нѣсколько часовъ и наблюдаемъ за своими прилежными собратами изъ всѣхъ странъ міра, а также и за смуглыми, оборванными лаццарони, опирающимися на перила набережной, а въ часы «Ave Maria» на знатный и высшій свѣтъ Палермо, для котораго эта набережная играетъ роль Corso.

Представителей этого послѣдняго довольно мало, несмотря на то, что теперь самое прекрасное время въ году и что аристократія еще не покинула городъ, въ сравненіи съ великолѣпнымъ зрѣлищемъ, какое представляетъ по вечерамъ Кіайя въ Неаполѣ. Но вѣдь Неаполь всемірный городъ, а Палермо, въ сущности, провинціальный городъ и не можетъ никакъ сравниться съ Bella Napoli. Bella Napoli красуется точно женщина во всемъ расцвѣтѣ ея пышной красоты, а Палермо походитъ на тѣхъ женщинъ, про которыхъ говорятъ: Господи! какъ она, должно быть, была когда-то хороша! и которая, быть можетъ, теперь, когда бѣлыя нити серебрятся въ ихъ темныхъ волосахъ, и меланхолія, выработываемая жизнью, слегка отуманиваетъ блескъ глазъ, гораздо привлекательнѣе, нежели были въ молодости.

Время, которое мы могли провести въ Палермо, истекало сегодня вечеромъ. Мы добросовѣстно исходили всѣ мѣста, которыя считалось обязательнымъ посѣщать для путешественника, по словамъ различныхъ путеводителей. Мы старались воодушевиться классическимъ духомъ въ пустыхъ залахъ музея; мы прижимали лица къ рѣшеткѣ, отдѣляющей въ соборѣ мраморныя гробницы двухъ великихъ императоровъ отъ прикосновенія простыхъ смертныхъ; мы, какъ выражаются англичане, «продѣлали» Палермо.

Но мнѣ еще предстояла одна прогулка, которую я охотнѣе совершилъ бы одинъ, и таинственный или, лучше сказать, мистическій смыслъ которой я скрылъ отъ своихъ милыхъ спутниковъ и сказалъ имъ только, что такъ какъ наканунѣ мы осмотрѣли богатый цвѣтами садъ виллы Taska, то сегодня должны необходимо посѣтить садъ виллы Setta di Falco.

Я буду вполне откровененъ: я не забывалъ про пальму во всѣ предыдущіе дни; нѣтъ! но все откладывалъ и откладывалъ посѣщение ея, какъ это обыкновенно дѣлается относительно визита къ особѣ, которую мы любили лѣтъ десять тому назадъ, а теперь со дня на день откладываемъ визитъ къ ней. Кому охота продлить длинное, длинное путешествіе *illusions perdues*, когда его можно избѣжать!

Кромѣ того: когда человѣкъ съ утра до ночи не выпускаетъ изъ рукъ Бедекера или Муррея, то онъ приходитъ въ такое безутѣшно-прозаическое расположеніе духа, что чувствуетъ себя наконецъ съ родни вѣчному жиду и, странствуя изъ улицы въ улицу, поднимаясь съ лѣстницы на лѣстницу, долженъ остерегаться, какъ бы не напугать невинныхъ прохожихъ безутѣшнымъ вопросомъ:—есть на что здѣсь поглядѣть?

Быть можетъ, и тамъ тоже «не на что было глядѣть»; быть можетъ, кто знаетъ, *е-то* именно тамъ и не увидишь. А между тѣмъ побывать въ Палермо и даже не попытаться ее увидѣть... мнѣ казалось, что это только увеличить тяжесть моихъ грѣховъ въ смертный часъ.

И вотъ, сѣли мы въ карету нашего отеля и поѣхали ...скоро, сворѣхонько... потому что времени оставалось немного и надо было торопиться — сначала по городу, а затѣмъ за городомъ, вдоль безконечныхъ, бѣловато-сѣрыхъ, тамъ-и-сямъ осѣненныхъ кустами и деревьями итальянскихъ садовыхъ стѣнъ, пока, наконецъ, не остановились передъ рѣшетчатыми воротами, которыя привели насъ на круглую площадку (передъ виллой, стоявшей по правую руку, между тѣмъ какъ паркъ шелъ по лѣвую), и на заднемъ планѣ этой площадки, на лужку изъ дѣрна, поодаль отъ всѣхъ остальныхъ кустовъ и великолѣпныхъ растений, сиявшихъ всѣмъ блескомъ и великолѣпіемъ весны, стояла — она.

Выше, прекраснѣе, толще, гораздо толще, нежели всѣ пальмы, какія я видѣлъ до того и послѣ того въ Италіи и въ Сициліи, по-истинѣ царственное дерево, и между ея вѣровидными листьями висѣли длинные пучки желтыхъ цвѣтовъ, придававшихъ ему особенное величіе и торжественность, хотя они и нарушали

отчасти красоту стройнаго ствола, и предель вѣтокъ, слегка колеблемыхъ тихимъ, вечернимъ вѣтеркомъ. То была не дѣва; то была молодая мать, которая кажется еще прекраснѣе или по крайней мѣрѣ трогательнѣе съ ребенкомъ на рукахъ.

Я машинально послѣдовалъ за своими спутниками, которыхъ повелъ садовникъ, или кто тамъ онъ былъ, желая показать имъ то, что въ его глазахъ, да вѣроятно и въ глазахъ многихъ путешественниковъ слыветъ главной достопримѣчательностью этого сада: такъ-называемый лабиринтъ, т.-е. тропинку, извивающуюся, подобно змѣѣ, по довольно большому bosquetу, изъ котораго непосвященному никогда бы не выбраться.

Безъ сомнѣнія, это очень интересно! И очень интересны, и даже страшны механическія продѣлки монаха-автомата, который въ одной бесѣдѣ встаетъ, когда вы отворите дверь, и протягиваетъ руку, чтобы благословить входящаго, и всякія другія продѣлки, которыми дразнишь насъ, бѣдныхъ, безжалостный проводникъ, вода насъ по этому лабиринту.

Затѣмъ, мы снова вернулись на прежнюю круглую площадку. Катаронци, остававшіяся при экипажѣ, торопиль насъ. Проходя черезъ рѣшетчатые ворота, я обернулся, чтобы еще разъ поглядѣть на ту, которую видѣлъ за полчаса передъ тѣмъ въ первый и въ послѣдній разъ въ жизни.

Въ послѣдній разъ?

Своими, живыми глазами—да!.. конечно, или, по крайней мѣрѣ, весьма вѣроятно! но умственными очами...

Я буду видѣть ее всегда, какъ вижу и теперь.

Но только еще выше, спокойнѣе, торжественнѣе... не какъ символъ индивидуальнаго отреченія, но какъ символъ того отреченія, что проповѣдуется всему міру—Тѣмъ, кому бросали пальмовыя вѣтви подъ ноги и пѣли: «осанна!» когда онъ вступалъ въ Иерусалимъ, и чей высокой образъ съ такой божественной меланхолей взиралъ на хныкающихъ патеровъ и на разбойничью челядь съ высоты купола надъ главнымъ алтаремъ въ соборѣ Монреале, въ Палермо.

III.

На пути въ Мессину.

... благовоною ночью ...

Гомеръ.

Ты, вознодѣй, на коварныя выдумки дерзкій,
не можешь

... оторваться отъ темной жи и отъ словъ
двоесмысленныхъ.

Гомеръ.

«Благовоною ночью!» Какъ часто произносилъ я эти слова про-себя и вслухъ, точно благодарственную молитву; въ то время какъ корабль нашъ пробѣгалъ въ майскую ночь по своему неприѣтному пути изъ Палермо въ Мессину. Дулъ легкій сирокко, ничего хорошаго не предвѣщавшій на слѣдующій день, но сегодня здѣсь, въ открытомъ морѣ, воздухъ былъ и свѣжъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ мягокъ и очаровательно благоуханенъ, такъ что имъ нельзя было надыхаться. Не было видно ни одной звѣзды; даже полная луна, сопутствовавшая намъ всю ночь, выдавала свое присутствіе лишь болѣе свѣтлымъ мѣстомъ въ туманѣ, наполнявшемъ атмосферу. Со всѣмъ тѣмъ не было, собственно говоря, непроглядной тьмы, но было настолько темно, что свѣтлый слѣдъ, прокладываемый кораблемъ на неподвижной почти темно-голубой водѣ, далеко былъ видѣнъ, и круглыя массы пѣны, взбиваемой винтомъ, танцующія на гребешкахъ волнъ, какъ-будто убѣгали отъ насъ (между тѣмъ какъ это мы двигались впередъ), образуя красивые ядра и мячики, мягко сверкавшіе бѣлымъ пламенемъ. То была ночь благоприятная для тѣхъ несчастныхъ, которые обречены на морѣ сохранять горизонтальное положеніе и придерживаться булки и краснаго вина. Качка была совсѣмъ незначительная, и поэтому довольно многочисленное общество долго за полночь еще оставалось на палубѣ, пока, наконецъ, пассажиры одинъ за другимъ не спустились внизъ по лѣстницѣ и не исчезли до слѣдующаго утра. Палермскому князю съ его княгиней не пришлось спускаться по лѣстницѣ. Имъ отведена была маленькая каюта на верхней палубѣ, которою мы тщетно пытались завладѣть для нашей дамы. То была прелестнѣйшая чета, какою только можно встрѣтить: онъ, высокій и стройный, съ черными волосами, бородой и глазами, точно будто сошелъ съ какой-то картины Тиціана и, въ видѣ шутки, промѣнялъ берретъ и мантию дожа или сенатора на современную маленькую, круглую

пляшу в палто. Она — съ темными, мягкими волосами и глубокими синими глазами, въ черномъ шелковомъ платьѣ и черномъ кружевномъ вуалѣ, которые такъ пристали къ ея граціозной фигурѣ, что никакъ нельзя было не думать, что она выскочила изъ какого-нибудь пламеннаго романа, въ которомъ при лунномъ свѣтѣ звучитъ гитара, а сердца и шпаги бьются въ тактъ. Но ея свита! нельзя было бы сказать, что она къ ней не подходитъ, но нельзя было также и подавить невольнаго вздоха: какъ жаль, что вы вращаетесь въ такомъ обществѣ! Гладко выбритый, подобострастный, съ холопской улыбкой мажордомъ, или кто бы тамъ ни былъ этотъ субъектъ, съ невѣроятно-подвижной спиной, умѣвшей сгибаться въ три погибели, — куда еще ни шель! а также и слуга въ полулибреѣ, хотя онъ и напоминалъ достойнаго Анжело въ «Эмилиі Галотти»; но два францисканскихъ монаха! Старшій — съ мрачнымъ, деспотическимъ лицомъ, а младшій — съ благочестивой миной Абельяра; послѣдній такъ усердно увивался вокругъ синьоры и такъ ухаживалъ за ней, въ особенности когда къ вечеру пульсъ моря забился сильнѣе, и княгинѣ пришлось прибѣгнуть къ окончательному горизонтальному положенію въ своей каютѣ, хотя она и до того почти не выходила изъ полулежачей позы на маленькомъ низенькомъ креслѣ, у дверей каюты. Никого изъ слугъ не оказалось по близости; только князь и Абельяръ были возлѣ нея, — и Абельяръ, по просьбѣ князя и по внушенію собственнаго сердца, достойнаго сострадательнаго самаритянина, слегка охватилъ рукою стройную талію синьоры и помогъ мужу отвести жену въ каюту. Черезъ полминуты, онъ вернулся назадъ, — понятно! больше ему нечего было дѣлать въ каютѣ! помощи его больше не требовалось! вѣдь о смерти не было и рѣчи!.. и осторожно притворилъ за собою дверь. Я стоялъ возлѣ двери; но онъ меня не видѣлъ, посмотрѣлъ въ сторону и... усмѣхнулся! Я желалъ бы, чтобы князь видѣлъ эту усмѣшку! Моя психологическая опытность говоритъ мнѣ, что ему было бы больше основанія взбѣситься за эту улыбку, нежели за пропажу туалетной пиватулки, за которую ему слѣдовало только побранить своего камердинера, а не управляющаго и вѣльнера, и которая, кромѣ того, нашлась-таки въ концѣ-концовъ.

Сцена разыгралась рано по-утру въ большой нижней каютѣ, когда мы уже находились недалеко отъ Мессины, и я никогда ее не забуду.

Уже, поднимаясь по лѣстницѣ, слышалъ я громкіе возгласы какого-то сильнаго голоса. Приподнявъ драпри, я увидѣлъ вблизи большого стола, изъ краснаго дерева, посрединѣ каюты, гдѣ ле-

жалъ разный мелкій багажъ, повидимому, только-что принесенный изъ трюма, — управляющаго и двухъ кельнеровъ; передъ ними, лицомъ ко мнѣ, стоялъ какой-то человѣкъ... неужели это князь? Неужели этотъ бѣсноватый тотъ самый знатный господинъ, у котораго сдержанныя манеры и мягкая рѣчь обратились, повидимому, во вторую природу?

Онѣ не были его первой природой; она обнаружилась въ настоящую минуту. Въ жизнь свою не видывалъ я ничего подобнаго. Чѣмъ больше говорилъ онъ, тѣмъ сильнѣе выходилъ изъ себя. Да и, собственно говоря, это были не рѣчи, а какія-то словесные потоки, то гремѣвшіе, какъ громъ, то свистѣвшіе, какъ змѣи. При этомъ самъ баринъ безпрестанно мѣнялъ положеніе, бросалъ руки вверхъ, въ сторону, размахивалъ красивыми, бѣлыми руками совсѣмъ у лица корабельной прислуги, такъ что я каждую минуту опасался, что онъ имъ дастъ, наконецъ, полную волю. Тонкое лицо его было блѣдно, какъ сама смерть, и на этомъ смертельно-блѣдномъ лицѣ сверкали черныя, горячіе, бѣшено вращавшіяся глаза! При этомъ, за исключеніемъ рѣзкаго голоса, не было въ этомъ человѣкѣ ничего неизящнаго: такъ бы долженъ былъ играть великій актеръ, который пожелалъ бы изобразить распаленнаго гнѣвомъ человѣка. И затѣмъ, когда несчастная, куда-то запропащившаяся туалетная шпатулка, — я надѣюсь, что она принадлежала княгинѣ и что половину ярости можно было объяснить супружеской любовью, — я надѣюсь, что она принадлежала княгинѣ и что половину ярости можно было объяснить супружеской любовью, — когда, говорю я, шпатулка была, наконецъ, принесена однимъ изъ корабельныхъ слугъ и униженно предъявлена гнѣвно-сверкавшимъ глазамъ — моментъ былъ поразительный! Испуганные шумомъ пассажиры, мужчины, а также и нѣсколько дамъ, присутствовали при этой дикой сценѣ, точно молчаливый хоръ; но князь въ своемъ бѣшенствѣ этого и не замѣтилъ. Теперь, приходя въ себя, послѣ своего пароксизма, онъ обвелъ темными очами собраніе. Мимолетная, быстрая, какъ молнія, судорога въ лицѣ обнаружила, какъ ему неприятно его положеніе; но вотъ и все. Какъ ни въ чемъ не бывало, какъ будто-бы ничего не случилось, съ спокойно-важнымъ лицомъ, какъ подобаетъ вельможѣ, съ мягкимъ жестомъ руки, произнесъ онъ тихимъ, музыкальнымъ голосомъ: «отнесите вещи наверхъ...» — и исчезъ.

Должно быть, уже наступилъ часъ солнечнаго восхода, когда мы вѣхали въ узкій проливъ, о которомъ Одиссей такъ много повѣствуетъ и о которомъ даже Шинкель еще нашелъ что сказать интереснаго. «Ночь наступила, — пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ, — небо грозно обложилось тучами и поднялась буря въ про-

ливѣ. Четыре раза отскакивалъ корабль назадъ въ кипящій потокъ Харибды, чтобы избѣжать крушенія¹⁾... Хотя, конечно, для путешественника нашего времени, на быстромъ пароходѣ, пробѣгающемъ этотъ проливъ, который, замѣтимъ мимоходомъ, вовсе уже не такъ узокъ (хотя бы даже и при сильномъ морскомъ волненіи, какъ это было на нашемъ возвратномъ пути), слова Шинкеля не заключаютъ въ себѣ столько сказочнаго, какъ разсказъ великаго многоопытнаго мужа, но все же звучатъ довольно странно.

Я сказалъ: должно быть, ужъ наступилъ часъ солнечнаго восхода. Къ несчастію, солнце не всходило. Тонкій туманъ, окутавшій за ночь море, сгустился и мы какъ-бы съвозъ покрывало видѣли высокіе берега Калабріи по лѣвую и плоскій сицилійскій берегъ по правую руку, вмѣстѣ съ безчисленными городками, деревнями и виллами надъ бухтой, на холмахъ; но все это представлялось неясно и гораздо дальше, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ.

И вотъ, вступили мы въ Мессинскую гавань, направо отъ раскинувшася въ ней города съ величественными фасадами дворцовъ, обращенныхъ къ берегу, съ кипившими въ ней кораблями и рыбацкими лодками, стоящими на якорѣ вдоль безконечной набережной; налѣво отъ узкаго, плоской дугой идущаго мыса, образующаго собственно гавань съ ея фортомъ, защищающимъ входъ, маякомъ, большой крѣпостью, подъ высочими, гладкими, скучными стѣнами, пробитыми бойницами, мы теперь проходили, чтобы бросить якорь по близости, возлѣ самой станціи желѣзной дороги Мессина-Катанья-Сиракузы.

На пустомъ подъѣздѣ, передъ запертыми пріемными залами, составилъ военный совѣтъ. Слѣдуетъ ли намъ держаться своей программы: пропустить Мессину, которую мы могли осмотрѣть на возвратномъ пути? или же остаться въ ней, принимая во вниманіе пасмурную погоду? Цѣлью нашего сегодняшняго путешествія должна была быть Таормина, препрославленная Таормина, которую разсудительные путешественники единодушно прославляютъ, какъ пунктъ, съ котораго открывается самый восхитительный видъ во всей Сициліи—въ цѣломъ мірѣ (за исключеніемъ, конечно, солнца, луны и другихъ планетъ), увѣряютъ энтузіасты. Но какое значеніе имѣетъ хорошій видъ въ пасмурную погоду? Вѣдь это мечъ безъ клинка, или вообще нѣчто такое, что ничѣмъ не отличается отъ самаго плохого вида, кромѣ неизбежной досады, овладѣвающей разочарованнымъ путешественникомъ. Добрый совѣтъ былъ бы дорогъ, а этотъ совѣтъ насъ покинулъ въ образѣ

¹⁾ Изъ посмертныхъ сочиненій Шинкеля, I, 108.

Катароцци, объявившаго себя впрочемъ рѣшительно за то, чтобы мы оставались въ городѣ, а теперь ушедшаго присмотрѣть за багажемъ, который должны были тѣмъ временемъ выгрузить.

И вотъ, въ эту самую минуту передъ нами, безпомощными, явилось одно изъ тѣхъ существъ, которыя также неотступно преслѣдуютъ насъ въ жизни, какъ акула корабль, шаялъ караваны; которыхъ никогда не видать, когда намъ освѣщаетъ путь наша счастливая звѣзда, но которые непременно выступаютъ впередъ, когда звѣзда наша омрачится, въ видѣ ли мабетовскихъ вѣдьмъ, кружащихся въ туманѣ, въ видѣ ли честнаго поселянина-проводника, приводящаго патруль *via recta* подъ пули вольныхъ стрѣльцовъ, или же добродушнаго, съ блаженно-пьяными глазами, болтливаго субъекта, который въ Германіи былъ бы навѣрное цирюльникомъ, въ Италіи же могъ быть всѣмъ, чѣмъ угодно,—и въ этой неопредѣленной, неизвѣстной формѣ напустился на насъ трюихъ безвредныхъ, покинутыхъ добрымъ геніемъ, топчущихся на подъѣздѣ, упавшихъ духомъ путешественниковъ, и, снявъ шляпу, вопрошалъ: не желаютъ ли осчастливить его синьоры какимъ-нибудь порученіемъ? Или же не пожелаютъ ли они собрать у него какія-нибудь справки, которыя онъ готовъ тѣмъ охотнѣе дать имъ, что знаетъ мѣстность и ея окрестности, какъ свои пять пальцевъ! Нашъ спутникъ, улыбаясь, проговорилъ намъ: надо помочь бѣднягѣ, а затѣмъ, обращаясь съ наморщеннымъ лбомъ къ подозрительному субъекту спросилъ:—Ebbene! дождемся ли мы сегодня солнечнаго дня? Кознодѣй вѣжливо пожалъ плечами:—*Chi lo sa!* это зависитъ отъ того, куда *Essellenza* думаете отправиться?—Въ Таормину?—Въ глазахъ кознодѣя свернуло нѣчто таковое, дьявольское значеніе чего мы поняли только позднѣе... слишкомъ поздно! Онъ прищелкнулъ пальцами, присвиснулъ зыкомъ: «Таормина! *Essellenza*, а сама изъ Таормины! Увидите ли вы тамъ солнце? Еще бы! У насъ въ Таорминѣ отъ него некуда спрятаться! У насъ солнце такъ и жаритъ! такъ и жаритъ! вотъ уже четыре недѣли, какъ кругомъ насъ дождь идетъ, а мы пропадаемъ отъ солнца: цистерны пересохли, поля сожжены, виноградная лоза засохла! Святой Панкратій! Ну, да мы ему задали за это! мы покажемъ ему, какъ губить насъ, своихъ вѣрныхъ таорминцевъ! Вотъ уже цѣлую недѣлю, какъ онъ сидитъ въ потемкахъ, подъ замкомъ, на хлѣбѣ и на водѣ, нагъ и нищъ, тогда какъ прежде щеголялъ въ бархатѣ, да въ шелкѣ, да въ драгоценныхъ камняхъ. И такъ будетъ, нова онъ не опаматается. Ахъ! *Essellenza!* Если бы *Essellenza* могли бы привести съ собою дождь намъ,

несчастнымъ таорминцамъ, мы бы почитали васъ и молились на васъ, какъ на самого св. Панератія!

И вознодѣй прижалъ руку къ груди, нивко кланаясь, точно хотѣлъ показать на дѣлѣ, какъ бы насъ почитали.

Мы посмѣялись надъ забавникомъ—и это послужило нашей погибелью. Со смѣхомъ порѣшено было ѣхать въ Таормину, и рѣшеніе это сообщено возвратившемуся Катароцци. Чтѣ остается дѣлать вѣрному оруженосцу, когда его помѣшанный господинъ непремѣнно хочетъ видѣть безчисленное вражеское войско въ стадѣ барановъ? Ему остается, вдыхая, стащить багажъ, уже поставленный на верхъ отельнаго экипажа и въ вагонѣ второго класса предаться меланхолическимъ размышленіямъ объ изумительной глупости своего патрона, между тѣмъ какъ этотъ послѣдній въ купѣ перваго класса благодаритъ свою спутницу за всегдашнюю готовность дѣйствовать, за ничѣмъ несокрушимую бодрость духа, и время отъ времени поглядываетъ въ окно: не показывается ли желаемое и обѣщанное солнце. Но вѣдь оно взойдетъ только въ Таорминѣ, гдѣ нивогда не бываетъ дожда! А дорога въ Таормину занимаетъ добрую четверть западнаго берега Сициліи!

IV.

Таормина.

Zarte, vergängliche Wölkchen umfliegen
den schneuenigen Aetna,
Während des Meer's Abgrund klar wie
ein Spiegel erscheint,
Steil aufthürmt sich die Stadt....

Platen.

Fair is foul and foul is fair.

Macbeth.

Радуясь въ сердцѣ, что сами спаслись
отъ смерти.

Гомеръ.

Дологъ путь изъ Мессины въ Таормину и, какъ мы нѣхота совнаемся другъ другу, немного скучновать, по крайней мѣрѣ при настоящемъ освѣщеніи, представляющемъ прямую противоположность тому, чтѣ обыкновенно называется этимъ именемъ. По лѣвую руку отъ насъ простирается море, порою такъ близко подступающа къ дорогѣ, что намъ кажется, что мы ѣдемъ по водѣ, затѣмъ отодвигается дальше и дальше и мѣстами совсѣмъ скрывается за

выдающимся мысомъ или скалой. По правую руку тянутся горы, горы, все однѣ горы, перерѣзанныя болѣе или менѣ узкими ущельями, мѣстами расширяющимися въ долины, въ которыхъ раскидывается городокъ или деревня. Но часто, слишкомъ часто долина бываетъ не чѣмъ инымъ, какъ русломъ какой-нибудь фишага, покрытымъ большими и маленькими сѣрыми камнями. Станный, печальный видъ у этихъ фишага, въ особенности когда они раскидываются на значительномъ пространствѣ, и подумаешь о той колоссальной массѣ воды, какая необходима, чтобы — хотя бы и въ теченіи тысячелѣтій — пробить эти громадные каналы въ скалахъ и вымостить ихъ такими глыбами; о той водѣ, которая весною навѣрное съ ревомъ низвергается съ горъ, и бушуетъ, и пѣнится, и отъ которой теперь не осталось ни капли, такъ что одинокій погонщикъ ословъ, который бредеть вонъ тамъ навѣрное, такъ же мало промочилъ себѣ ноги, какъ и мы здѣсь на желѣзно-дорожномъ мосту, черезъ который въ настоящую минуту съ грохотомъ несется поѣздъ.

Не промочилъ ногъ, а также и горло, конечно! Вѣдь мы въ настоящую минуту приближаемся къ Таорминѣ, а въ Таорминѣ св. Панкратій посаженъ съ недѣлю тому назадъ на хлѣбъ и на воду въ темный уголъ, за то, что не даетъ дожда; а такой старый святой упрямъ и не легко сдастся....

Но... св. Панкратій и всѣ святые вмѣстѣ! чтó тамъ такое подвигается въ открытое окно, со стороны моря? Разбитыя, оторванные клочки пѣны, безъ сомнѣнія? но какъ разъ въ этомъ самомъ мѣстѣ море очень далеко, такъ далеко, что....

Туннель, длинный, безконечный туннель, и мы терпѣливо переносимъ его потѣмки, наклонивъ голову, точно отказываясь отъ послѣдняго луча свѣта, и желая дать время солнцу и св. Панкратію выполнить свой долгъ и разсѣять плотное, сѣрое облако наверху, а съ нимъ вмѣстѣ и наши злѣйшія опасенія. И тьма быстро рѣдѣетъ, рѣдѣетъ и наконецъ становится такъ свѣтла, какъ только можетъ быть, когда мы выѣзжаемъ изъ туннеля на божій дождливый день...

Да! дальнѣйшія сомнѣнія невозможны; идетъ дождь, мелкій, но частый, какъ это всегда бываетъ послѣ туманнаго утра.... понятно, только въ долинахъ, а тамъ, на горахъ, улыбается съ просиявшимися челомъ Зевесъ. Небо высоко, а видъ изъ Таормины не могъ бы быть такъ несравненно, такъ божественно, такъ единственно хорошъ, если бы она не лежала очень высоко!

Вонъ тамъ, на высокомъ гребнѣ скалы, между ея подошвой и моремъ взмостилась маленькая станція желѣзной дороги. Му-

жественно раскрываемъ мы дождевыя зонтики, долженствующіе уступить мѣсто обыкновеннымъ, защищающимъ отъ солнца, когда двѣ утомленныхъ, измученныхъ клячи, запряженные въ большую, открытую, растрепанную коляску, втащатъ насъ наверхъ! О! понятно, что клячи замучены, а коляска растрепана, если имъ ежедневно—что не подлежить сомнѣнію—приходится совершать этотъ головоломный путь. Можно объѣхать цѣлый свѣтъ, и врядъ ли найдешь болѣе крутую, болѣе усыпанную острыми камнями, круче извивающуюся тропинку! Но и такого другого кучера не найти въ другомъ мѣстѣ, такого долговязаго, коренастаго, цыклоповиднаго, смуглаго молодца, который такъ высоко вздымается передъ нами на возлахъ, что круглая спина нашего Катароцци кажется спиной черепахи. Сегодня, впрочемъ, онъ имѣлъ достаточныя причины особенно ѣжиться, нашъ честный оруженосецъ!.. У него было въ обыкновеніи нивогда не прибѣгать къ дождевому зонтику, несмотря на всѣ наши увѣщанія и хотя бы дождь лилъ, какъ изъ ведра.

Цыклопъ все безжалостнѣе стѣгаетъ своихъ бѣдныхъ клячъ, потому что ужасная дорога становится все круче и круче, и на каждомъ шагу, на каждомъ поворотѣ на ней навѣрное открываются все новыя и новыя красоты для путешественника, красоты, которыя для насъ сегодня были и будутъ смыты дождемъ. Я уже больше въ этомъ не сомнѣваюсь. Я привсталъ въ коляскѣ и оглядываюсь назадъ, въ долину. Море катитъ съ ропотомъ сѣрыя волны, и оно, какъ и острые зубцы береговыхъ утесовъ, между которыми мы пробираемся, окутано сѣрыми облаками. Нагибаюсь ниже, я вижу, что на запяткахъ нашей коляски приютился какой-то субъектъ, и полулежитъ, полу-виситъ на нихъ. Безъ всякаго сомнѣнія, это не кто другой, какъ нашъ другъ возводѣй съ мессинскаго дебаркадера, и хитрецъ, такъ ловко убившій насъ предпринять путешествіе въ Таормину, имѣлъ въ виду не что иное, какъ воспользоваться запятками нашего экипажа. Но если бы мы были на кораблѣ, то я сказалъ бы, что этотъ наглець, съ такимъ нахальствомъ кивающій мнѣ головой, не кто иной какъ тотъ вобольдъ, то привидѣніе, которое примочается на кораблѣ, обреченномъ гибели.

Когда мы добрались до вершины и вѣхали въ городокъ, гдѣ остановились передъ маленькой гостинницей, носившей пышный титулъ: «отель Тимео», привидѣніе исчезло.

Оно исчезло въ людской толгѣ, сновавшей по узкой улицѣ и теперь собравшейся передъ «отель Тимео», чтобы поглядѣть, какъ будутъ высаживать... я чуть-было не сказалъ... выгружать пу-

тешественниковъ изъ экипажа. Было воскресенье; а такъ какъ извѣстно, что итальянецъ вообще неохотно сидитъ дома, а по праздничнымъ и воскреснымъ днямъ и подавно, то намъ представлялся случай заранѣе познакомиться со всѣми таорминцами, и это было бы ничуть не удивительно, если бы не дождь, отъ котораго итальянцы всегда прячутся. Но сегодня именно дождь вызвалъ ихъ на улицу: вымоленный, выпрошенный, и наконецъ съ угрозами и насиліемъ отвоеванный у своего святого отчаянными таорминцами! Дѣло было совсѣмъ такъ, какъ намъ сообщалъ вондѣй. Но только онъ не зналъ, или не подумалъ, или же, какъ я думаю вѣрнѣе, умолчалъ о томъ, что св. Панкратій какъ разъ сегодня сжалился надъ таорминцами. Какъ разъ въ настоящую минуту совершался туалетъ святого, долженствовавшій занять много времени, такъ какъ передъ тѣмъ съ нимъ обошлись очень круто. Его приходилось очень старательно вымыть, прежде нежели облечь въ драгоценныя одежды. Ровно въ часъ растворяются двери его темницы, и его отнесутъ съ торжественной процессіей въ его церковь передъ Porta di Messina. Неслыханное стастіе попасть на такое рѣдкостное зрѣлище въ Таорминѣ, и какъ разъ въ «Тимео», мимо котораго пройдетъ процессія, и хотя дождь и раскрытые зонтики нѣсколько испортятъ видъ, но вѣдь не слѣдуетъ также забывать, что не будь дожда, не было бы и процессіи, а сдѣлать такъ, чтобы за-разъ и солнце свѣтило, и дождь шелъ — это превышаетъ, пожалуй, могущество самого св. Панкратія, да и безъ шиповъ розы не бываетъ!

Такъ говорилъ въ волненіи полу-поддѣльнымъ, полу-искреннимъ голосомъ — кто отличить у итальянцевъ одно отъ другаго! — молодой хозяинъ «Тимео», ведя насъ вверхъ по лѣстницѣ въ домъ, гдѣ мы могли выбирать любую комнату, такъ какъ, страннымъ образомъ, мессинскій поѣздъ привезъ такихъ малочисленныхъ, хотя и такихъ избранныхъ, такихъ знаменитыхъ гостей.

Выборъ комнатъ былъ невеликъ; въ дѣйствительности была только одна приличная, которую нашъ любезный спутникъ, по обыкновенію, уступилъ намъ, а самъ удовольствовался такою, которую лишь съ нѣкоторымъ преувеличеніемъ можно было называть комнатою.

Въ томъ же родѣ и завтракъ, который полчаса позднее былъ намъ поданъ въ помѣщеніи, находившемся посрединѣ дома и напоминавшемъ частью столовую, частью кухню, частью погребъ и частью кладовую. Рыба, которая, какъ и та, что упоминается въ Горациевой одѣ, повидимому, уже нѣкоторое время провисѣла подъ вѣсомъ; молодыя буры, которыхъ уже кто-то очевидно об-

глодалъ и оставилъ только однѣ кости; настоящее спиритическое красное вино, внушившее намъ самое жалкое понятіе о цѣли нашего путешествія, и апельсины, за которые какая-нибудь берлинская фруктовая лавка лишилась бы своихъ покупателей!...

Мы повѣсили носъ, и даже вѣсть, которую оживленно прокричала намъ молодая хозяйка — лучше бы она присматривала за плитой, — что процессія приближается, не могла возбудить нашъ павшій духъ и поднять насъ съ мѣста. Наконецъ, мы сдались на неистовые вопли, раздававшіеся на улицѣ, и чуть-было не пропустили настоящаго момента, того момента, когда св. Панкратій въ каретѣ, везомой двумя тощими влячами, съ опущенными передъ окнами занавѣсками изъ бѣлаго шелка съ золотой бахромой, собственной персоной вступалъ въ городъ, т.-е. въ свою церковь. Собственной персоной — безъ сомнѣнія! потому что, въ противномъ случаѣ, зачѣмъ бы стали идущіе впереди мальчишки хора такъ усердно кадить, идущіе позади духовенство и монахи такъ неистово хныкать, а толпа направо и налево такъ набожно опускаться на колѣни въ самую грязь и такъ усердно креститься и, бросаясь къ каретѣ, цѣловать безъ конца висѣвшіе изъ завѣшанныхъ оконъ шелковые лоскутки! Безъ сомнѣнія, собственной персоной! Но на кого была похожа эта персона? Я, съ своей стороны, не сомнѣвался: то былъ кознодѣй мессинской станціи, кобольдъ съ залятокъ нашей кареты, а теперь онъ развалился на подушкахъ, спрятавъ въ разорванный красный бумажный носовой платокъ небритое, оливковое, лукавое лицо, помирая со смѣха надъ всей потѣхой вообще, и надъ вытянутыми фисіономіями троихъ путешественниковъ въ окнахъ «Тимео» въ особенности. У него было на то полное основаніе. Въ особенности, если бы онъ увидѣлъ четверть часа позднѣе, какъ они, вооружившись дождевыми зонтиками, направлялись любоваться знаменитой панорамой изъ греческаго театра. Но, впрочемъ, нѣтъ! На это они не рассчитывали, а просто хотѣли только, благо ужъ пріѣхали, осмотрѣть самый театръ.

Его стоить осмотрѣть, даже и въ дождливую погоду, тому, кто въ своемъ родномъ Берлинѣ плетется по дурно вымощеннымъ, скупо освѣщеннымъ, загроможденнымъ экипажами и людьми, душнымъ улицамъ, чтобы попасть сквозь мрачный входъ и узкіе коридоры, напоминающіе катакомбы, въ тѣсное помѣщеніе, и тамъ, тѣснымъ другими узниками, въ залѣ, наполненной пылью, газовыми и людскими испареніями, въ потѣ лица своего и съ вѣрнымъ расчетомъ на завтрашнюю мигрень, проводить нѣсколько часовъ, психическая мука которыхъ не парализуетъ для него —

для этого онъ слишкомъ закаленъ — прекрасное и великое, предлагаемое ему на сценѣ благородными артистами, но такъ ужасно, такъ ужасно — въ особенности, если онъ одаренъ тонкими чувствами — отравляетъ!

О, вы! тысячу разъ счастливые люди тѣхъ дней, которые больше никогда не вернутся! вы, которыхъ нельзя иначе себѣ представить, какъ подъ открытымъ небомъ! Вы, чьи дѣянія и жизнь, добродѣтели и преступленія совершенно непонятны, непостижимы, если позабыть про золотое солнце, свѣтившее надъ вами, голубой воздухъ, который обвивалъ ваши гениальныя желѣзныя головы, ваши впечатлительныя, покрытыя тройной броней груди! Вы, бросавшіе дѣлами толпы военно-плѣнныхъ въ каменоломняхъ и предоставлявшіе имъ погибать съ голоду и жажды, или распинавшіе ихъ на крестѣ, головою внизъ, но за то устроивавшіе свои судилища такимъ образомъ, что когда адвокат срывалъ покрывало съ груди своей клиентки, то прекрасная грудь ея ярко сіяла, какъ мраморная грудь Афродиты въ сосѣднемъ храмѣ, а театры свои строившіе тамъ, гдѣ «свѣжная вершина Этны» глядитъ на увѣчанную лаврами голову побѣдоноснаго поэта! Вы, которымъ стоило только протянуть руку къ рисполи, растущимъ изъ щелей утесовъ, гдѣ помѣщались ваши «галереи», когда вы хотѣли забросать гнилыми яблоками плохого актера!

Какое мѣсто для подмостковъ, долженствовавшихъ изображать вселенную (и, въ счастію, для васъ несуществовавшихъ!)! Это мѣсто, съ котораго видна вся вселенная! Вселенная (въ особенности для «галереи»!) раскидывалась надъ амфитеатромъ; окружавшимъ вашу каменную, украшенную мраморными колоннами, сцену, а подъ нею, на нѣсколько футъ въ глубину, далеко, далеко кругомъ, синѣло свержающее море, — далеко, до того самаго перешейка, по правую руку, который вмѣстѣ съ высокимъ мысомъ, гдѣ стоитъ театръ, образуетъ заливъ Таурамениумъ, а еще дальше перешейка снова синѣтся море до подошвы горъ, приденутыхъ къ самому морю. Позади васъ опять горы и горы, и на каждой вершинѣ свергають городскія стѣны съ острыми зубцами. По лѣвую руку тянется сицилійскій скалистый берегъ и святое море, раскидывающееся здѣсь на необозримое пространство, и въ ясные, солнечные дни изъ его лазурныхъ водъ далеко, далеко всплываютъ берега Калабріи. И надъ всѣмъ этимъ раскидывается безоблачный или усѣянный бѣлыми облачками эфиръ, и свергають бѣлые паруса коринесскаго флота, который направляется къ осажденнымъ Сиракузамъ; а надъ вашими головами раскидываются гигантскіе кактусы, растущіе на утесахъ.... О! пре-

красное, живописное, богатое формами, образами и красками сновидѣніе, которое мерещется бѣднымъ странникамъ, когда они подъ дождевыми зонтиками карабкаются по разбитымъ, скользкимъ трибунамъ и съ каждой ступенькой приходятъ все въ большее и большее недоумѣніе, касательно формы и устройства, какіе могъ имѣть театръ во время оно. А теперь, забравшись на самый верхъ и глядя въ даль (насколько позволяетъ дождь) направо и налево, внизъ и вверхъ, никакъ не могутъ согласиться: походить ли хребетъ Этны на спину Кита, или же на спину хорька? и съ удивленіемъ спрашиваютъ себя: неужели въ тѣхъ домахъ, которые увѣнчиваютъ вершины и зубцы скалъ, громоздящихся другъ на друга, обитаютъ люди? И если это дѣйствительно такъ, то что же они тамъ дѣлаютъ наверху (кромѣ того развѣ, что пасутъ стадо козъ), такъ какъ уже существованіе таорминцевъ на ихъ, поросшихъ кактусами, скалахъ, представляется неразрѣшимой загадкой.

Вѣдь не могутъ же люди, какъ это дѣлаютъ сегодня таорминцы, вѣчно фланировать по узкимъ улицамъ и толпиться небольшими кучками на маленькой площади, украшенной фонтаномъ и двумя пальмами, или же торчать въ окнахъ, изъ которыхъ сегодня вывѣшены ковры? Вѣдь не каждый же день приходится праздновать раскаяніе и исправленіе святого? А вѣдь въ этихъ узкихъ улицахъ возвышаются даже, конечно, въ незначительномъ числѣ, прекрасные дома, даже маленькіе дворцы, которые, если и построены были въ инныя, болѣе фантастическія времена, а теперь имѣютъ нѣсколько одичалый и запущенный видъ, но все же обитаемы? Слѣдовательно, на этихъ скалахъ, въ глубокихъ впадинахъ этихъ скалъ должны зрѣть оливки и анельсины, виноградъ и мансъ; и мы убѣждены въ этомъ, но болѣе «въ теоріи», и не испытываемъ ни малѣйшаго желанія пополнить наши національно-экономическія познанія, такъ какъ дорога изъ города въ театръ и изъ театра обратно въ городъ идетъ по краю береговыхъ скалъ, между садовъ съ оливами и другими деревьями, окруженными полу-развалившимися стѣнами, поросшими кактусами и розами.

И вотъ, мы снова сидимъ въ «Тимео» или, вѣрнѣе сказать, лежимъ на диванѣ, обитомъ ситцомъ, и на шерстяномъ одѣялѣ, покрывающемъ кровать. Мы ѣхали сюда изъ Палермо двадцать часовъ безъ перерыва: на лодкѣ, на кораблѣ, въ экипажѣ, пешкомъ, и очень устали и охотно бы соснули часовъ, если бы это было возможно.

Но это невозможно, благодаря св. Панератію, въ честь ко-

тораго принялись въ настоящую минуту палить изъ двухъ мортиръ, расположенныхъ на горѣ, которую видно изъ нашихъ оконъ. Длинные промежутки, слѣдующіе за выстрѣлами, еще раздражительнѣе дѣйствуютъ на нервы, нежели самая пальба, хотя эта послѣдняя довольно громко раздается въ открытыя окна. Мысль, что жалкія, биткомъ набитыя порохомъ и травой мортиры, непременно разорветъ въ рукахъ неопытныхъ канонировъ, довольно правдоподобна; но вопросъ, выдержать ли до того наши нервы и барабанная перепонка — сомнителенъ. Св. Панкратій достаточно долго вымещалъ на насъ свой гнѣвъ: противостоять долге ему было бы не мужествомъ и стойкостью, но неразуміемъ и самоубійствомъ.

Съ этою мыслью мы отправляемся въ комнату нашего спутника.

— Я былъ увѣренъ, что вы придете въ такому заключенію, — сказалъ онъ намъ. — Подъѣздъ въ Катанью отходитъ черезъ часъ; черезъ полчаса мы можемъ быть на станціи.

Я приказала Катароцци приготовить все въ отъѣздъ; въ счастью, нашъ багажъ на этотъ разъ не великъ.

И это обстоятельство дѣйствительно было счастьемъ для насъ, какъ мы въ этомъ убѣдились въ самомъ непродолжительномъ времени, когда, вооружившись дождевыми зонтиками, вышли изъ дверей «Тимео», чтобы сѣсть въ коляску циклопа, которая дѣйствительно ожидала насъ у подъѣзда и даже вещи наши были въ нее уложены, но самъ циклопъ вступилъ въ ожесточенный споръ съ Катароцци. Дѣло въ томъ, что циклопъ потребовалъ сначала умѣренную и приличную плату за то, чтобы отвезти насъ на станцію, но когда увидѣлъ, что вещи уже уложены, то заломилъ неслыханную и небывалую цѣну, вѣроятно въ предположеніи, что никто изъ таорминцевъ не захочетъ (и я полагаю, не можетъ) составить ему конкуренціи, а пѣшкомъ идти въ дождь, по ужасающей дорогѣ, совершенно немислимо не только для синьоры, но и для самого синьора.

Но у циклоповъ, какъ извѣстно, только одинъ глазъ, которымъ они видятъ всегда одну свою выгоду, и въ ихъ тупомъ и неповоротливомъ мозгу отсутствуетъ всякое понятіе о мужественныхъ сердцахъ и ногахъ. Синьора объявила немедленно, что по ея милости желаніе циклопа не будетъ исполнено и что она пойдетъ пѣшкомъ, и приказала Катароцци вынуть изъ коляски пяды и дорожные мѣшки и передать ихъ мальчишкамъ, которые глазѣли на насъ, разинувъ ротъ и, повидимому, были готовы оказать эту услугу.

Но это было легче сказать, нежели сдѣлать. Мы, полагаясь на то, что приказаніе госпожи должно быть закономъ въ самой Таорминѣ, пошли впередъ, предоставивъ Катароцци распоряжаться на счетъ багажа; но не успѣли пройти нѣсколько шаговъ, какъ услышали громкое: *dietro!* (назадъ!)

Мы обернулись и... зачѣмъ не обладаю я искусствомъ романиста для изображенія героическихъ сценъ!.. мы увидѣли добродушнѣйшаго, самаго покладливаго изъ оруженосцевъ въ портъ боргезскаго борца, напротивъ циклопа, который протягивалъ разбойничій кулакъ къ нашимъ вещамъ, съ которыми Катароцци собирался соскочить съ подножки. Снова раздалось: *dietro!* и такое громкое, такое грозное изъ храброй груди маленькаго человека, что великанъ не посмѣлъ совершить дерзкаго захвата; мы же, вернувшись бѣгомъ, бросились разнимать борцовъ и облегчили Катароцци возможность подобрать двѣ-три вещи, выпавшія у него изъ рукъ въ жару спора. Тѣмъ временемъ битва продолжалась, хотя теперь уже только на словахъ. Циклопъ утверждалъ, на ужасающемъ жаргонѣ, изъ котораго мы едва улавливали слово-другое, что имѣетъ право вести господъ, хотя бы они того или нѣтъ, а мы, конечно, самымъ энергическимъ образомъ оспаривали это право на итальянскомъ языкѣ, котораго онъ, въ свою очередь, не понималъ или не хотѣлъ понимать; по крайней мѣрѣ, его мины и жесты становились все болѣе и болѣе угрожающими и рѣшительными, а также и мины и жесты толпы, очень скоро собравшейся вокругъ насъ. Сначала вмѣшался одинъ, затѣмъ другой, наконецъ, всѣ безъ исключения подняли шумъ и гвалтъ невѣроятные, бросаясь то къ намъ, то къ Катароцци, то къ циклопу и крича всѣ разомъ; но сколько я понималъ изъ ихъ жестовъ, на которые они не скупились, всѣ стояли на сторонѣ циклопа.

Нашъ хозяинъ изъ «Тимео», стоявшій въ дверяхъ, окруженный всѣми своими домочадцами, не былъ прямо противъ насъ. Но онъ и не примыкалъ открыто къ намъ, какъ это было его обязанностью, а наблюдалъ нейтралитетъ, который, конечно, былъ въ его интересахъ, но насъ не могъ вывести изъ затрудненія. Быть можетъ, онъ ожидалъ, что дѣло кончится тѣмъ, что мы вернемся въ его домъ и въ этомъ случаѣ онъ, конечно, воспользуется своимъ правомъ убѣжища въ «Тимео». Но мы не желали сдѣлать ему этого удовольствія; мы не хотѣли доставить радость циклопу и таорминской черни, запугать насъ; мы настаивали на своемъ правѣ.

И вотъ, мы совершили нѣчто, что въ глазахъ сицилійцевъ

составляет *non plus ultra* малодушія и прямое доказательство трусости: мы призвали полицію, или—вѣрнѣе сказать: мы пошли въ полицію, въ *Prefettura*, которая, къ счастью, находилась въ той же самой улицѣ, черезъ нѣсколько домовъ, на маленькой, украшенной фонтаномъ площади, на которую выходитъ улица. За нами двинулась вся толпа, съ циклопомъ во главѣ, оставившемъ свой экипажъ у дверей «Тимео», посылая намъ вслѣдъ весьма выразительныя угрозы и по всей вѣроятности также и бранныя слова, которыя не производили, однако, желаннаго дѣйствія на нашъ трусливый духъ, потому что мы ихъ не понимали; однако, что было всего важнѣе, никто не пытался фактически помѣшать намъ выполнить наше намѣреніе. Напротивъ того, я замѣтилъ, что по мѣрѣ нашего приближенія къ цѣли, болѣе приличные на видъ субъекты отставали отъ кортежа и до дверей проводили насъ одни только оборванцы.

Тамъ провели мы, пова Катароцци ходилъ въ домъ, нѣсколько неприятныхъ минутъ, откровенно сознаюсь въ этомъ. Вѣроятность, что сегодня—въ воскресенье и праздникъ водворенія св. Панкратія на обычное мѣстожительство — бюро закрыто и г. префектъ незримъ, была болѣе нежели вѣроятна. А тогда что дѣлать? *Porta di Catania*, черезъ которую мы собирались улѣзнуть изъ негостепріимнаго города, — тамъ, говорилъ Катароцци, ведетъ тропинка для пѣшеходовъ на станцію, — была, правда, въ концѣ улицы; но пропустятъ ли насъ тамъ — вотъ вопросъ? А если бы даже и пропустили, то дорога внизъ по скаламъ безъ сомнѣнія очень длинна, крута и безлюдна и... многое можетъ на ней случиться. Насъ было трое мужчинъ и одна дама, которая была, могу сказать, такъ же мужественна, какъ и всѣ мы, но присутствіе ея—таковы ужъ мы, мужчины! и хорошо, что мы таковы—нѣсколько холодило нашу рѣшимость.

Но тутъ, въ драмѣ—самое приличное мѣсто для вступленія на сцену *deus ex machina*, а въ сицилійской дѣйствительности—появился весьма юный, весьма элегантный, въ черномъ сюртукѣ и безукоризненномъ бѣльѣ, человекъ, съ которымъ вдругъ предсталъ Катароцци изъ зіяющей тѣни сѣней дома на дождливомъ дневномъ свѣтѣ порога; снявъ цилиндръ, онъ сперва весьма любезно раскланялся съ синьорой, затѣмъ съ достоинствомъ поклонился синьорамъ, и послѣ того надѣлъ снова шляпу на безукоризненно причесанную, черную, вудрявую голову...

Нѣтъ! это можно описать только тому, кто видѣлъ Эрнеста Поссарта въ роли стараго Фрица, въ «*Des Königs Befehl*»: какъ онъ, заложивъ руки за спину, подходитъ медленными шагами

алобно, нежели робко. Онъ, очевидно, хотѣлъ сказать: я нахожусь здѣсь, какъ извочникъ, и поджидаю путешественниковъ изъ Мессины, и хотя я не посовѣтовалъ бы проклятымъ еретикамъ соваться сюда безъ тебя... но вотъ, теперь ты тутъ, самъ проваль ихъ сюда (да будетъ надъ тобой за это проклятіе Святой Дѣвы и св. Панкратія!) и имъ нѣчего меня бояться... да и тебѣ также... до поры до времени.

То ли же самое прочиталъ любезный молодой чиновникъ въ косомъ взглядѣ цирюльника? Я нисколько въ этомъ не сомнѣваюсь; но ни одна черта, ни малѣйшій признакъ смущенія на блѣдномъ лицѣ не выдали этихъ мыслей. Онъ стоялъ у дверей вагона, въ которомъ мы уже сидѣли (поѣздъ пришелъ почти одновременно съ нами), улыбаясь, болтая, пожимая руки синьорамъ и слегка прижавъ въ губамъ руку синьоры, когда раздалось «Partenza!» Поѣздъ тронулся, но онъ остался на платформѣ подъ дождемъ, держа въ одной рукѣ шляпу, другою посылая привѣтствія, пока мы, наконецъ, не потеряли его изъ виду.

А мы-то, мы, которыхъ онъ спасъ, не скажу отъ смерти, но, очевидно, отъ очень непріятнаго положенія, исполняя, конечно, свой долгъ, но все же долгъ непріятный и не безопасный... мы—стыжусь въ этомъ признаться—даже не спросили: какъ его зовутъ! Мы условились сдѣлать это впоследствии, мы условились непременно поблагодарить любезнаго, мужественнаго молодого человѣка за его самоотверженіе и доброту. Но различные сцены, предметы, люди, пестрымъ, непрерывнымъ роємъ осаждавшіе насъ во время нашего длиннаго путешествія, поглотили весь нашъ интересъ, всѣ наши силы и все наше время... и мы этого не сдѣлали!

Такъ сдѣлаю же я это теперь. Конечно, я долженъ предполагать, что эти строки никогда не попадутся ему на глаза, но я знаю, что для человѣка, съ такимъ мужествомъ выполняющаго свои обязанности и такъ гордо стоящаго на стражѣ своего прекраснаго отечества, будетъ достаточной наградой думать, когда онъ будетъ снова вбираться по скалистой тропинкѣ, что путешественники его не забудутъ, и если въ ихъ присутствіи будутъ толковать о безпорядкахъ въ его бѣдномъ, прекрасномъ отечествѣ, они скажутъ: «нельзя отчаяваться въ странѣ, которая можетъ насчитывать такихъ чиновниковъ, какъ адъютантъ полиціи въ Таорминѣ».

Фр. Шпильгагенъ.

(Нѣмецкій оригиналъ появится въ „Westermannschen Monatsheften“).

РАЗСКАЗЫ

ИЗЪ

ЕКАТЕРИНИНСКАГО ВѢКА

Записки Григорія Степановича Винскаго, времяъ Екатерины II-й
(«Русскій Архивъ», 1877 г., кн. 1—2).

Мы знаемъ свою исторію чрезвычайно неровно, — неровно не только по количеству разработанныхъ фактовъ той или другой эпохи, но и по существу; и трудно сказать, гдѣ больше самаго капитальнаго разнорѣчія, — о древней, или новѣйшей исторіи. Время Петровской реформы вызывало самыя различныя взгляды: одни видятъ въ этомъ времени нашу эпоху возрожденія, считаютъ съ него новый, европейскій періодъ національной жизни; другіе, напротивъ, считаютъ это время эпохой противонаціональной революціи, сбившей народную жизнь съ ея настоящаго пути, на который нужно и уже очень трудно возвратитъ ее; прибавилась теперь еще особая точка зрѣнія, выраженная г. Костомаровымъ. Времена, непосредственно слѣдовавшія за Петромъ, почти единогласно осуждаются, съ одной стороны, какъ застои въ реформѣ, непосильной преемникамъ Петра; съ другой, какъ пущее господство иновемцевъ, — хотя недавно нашелся и защитникъ этихъ временъ, изображавшій дѣятельность Бирона вовсе не такою мрачною, варварскою и себялюбивою, какъ ее, по преданію, представляютъ. Времена Елисаветы, а въ особенности Екатерины, вызываютъ обыкновенно сочувствія и восхваленія; Елисавета вспомнила преданія великаго отца, подняла русское начало въ правленіи; Ека-

терина была великая законодательница; ея правленіе было эпохой блестящаго развитія политической силы Россіи, успѣховъ образованности и литературы; но, съ другой стороны, находили, что въ блескѣ тѣхъ временъ было много внѣшняго, наружнаго, что либеральныя учрежденія оставались на бумагѣ, что просвѣщеніе было поверхностно; бросались въ глаза такіе контрасты, какъ блескъ столицъ и пугачевщина, развитіе внѣшняго могущества и чиновничій грабежъ и безсиліе закона внутри. Съ строго національной точки зрѣнія, это также было время большихъ ошибокъ, пущее развитіе петербургскаго періода и передрѣлки жизни на иностранный ладъ, и т. д.

Восемнадцатый вѣкъ приучилъ насъ къ панегирику. Въ обществѣ и литературѣ былъ невозможенъ другой тонъ; еще со временъ московскаго царства опасно было говорить о государственныхъ вопросахъ съ какой-нибудь тѣнью критики; во времена Петра «мятежи и казни» усилили эту опасность; взаимныя интриги сильныхъ вельможъ послѣ Петра, страшно-знаменитое «слово и дѣло» довели до послѣдней степени страхъ замкнуться о государственныхъ дѣлахъ, и этотъ страхъ долго не проходилъ. Повяту, что это крайне стѣснительно отразилось на возникавшей исторической литературѣ. Въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія для этой литературы относительно прошлаго и нынѣшняго вѣка оставалось нѣсколько открыта лишь внѣшне-политическая сторона событій, поприще военныхъ подвиговъ; полная свобода была только для панегирика. Любопытно прочесть въ напечатанныхъ недавно запискахъ Устрялова, что въ тридцатыхъ годахъ изданіе сочиненій князя Курбскаго сочтено было дѣломъ большой смѣлости, предпріятіемъ очень сомнительнымъ: эта мѣрка достаточно объясняетъ, насколько возможна была исторія.

Большой переломъ въ этомъ отношеніи начался двадцать лѣтъ тому назадъ, съ половины пятидесятихъ годовъ. Теоретическія требованія, развитія литературой сороковыхъ годовъ, между прочимъ поставили серьезно и историческую задачу; она еще мало касалась новѣйшихъ временъ, но критическая точка зрѣнія была уже подготовлена и историческій взглядъ, въ теоріи, уже не могъ довольствоваться прежними понятіями. Съ другой стороны, сама жизнь ставила историческій вопросъ: готовилось и совершалось освобожденіе крестьянъ, готовились и потомъ совершались другія реформы; ожидался и отчасти произошелъ цѣлый переворотъ въ самыхъ существенныхъ отношеніяхъ, обычаяхъ и нравахъ общества, и это невольно заставляло оглянуться назадъ, на ближайшее прошлое, отъ котораго унаслѣдованъ былъ порядокъ вещей,

подвергавшійся теперь преобразованію. Тутъ впервые названы были историческіе факты громаднаго значенія, какъ вѣрностное право; впервые критика попыталась взглянуть безпристрастно на подкладку того вѣшняго блеска, о которомъ съ такимъ безусловнымъ восхваленіемъ говорила прежняя исторія; впервые изслѣдованіе направилось на оцѣнку внутреннихъ отношеній, хозяйственнаго быта, общественнаго положенія, о которыхъ не говорила эта прежняя исторія, почти исключительно военная и вѣшне-политическая. То, что сдѣлано въ этомъ отношеніи въ послѣдніа двадцать лѣтъ, для нашей литературы было въ самомъ дѣлѣ небывалой новостью. Усилилось чрезвычайно и изданіе всякаго историческаго матеріала, лежавшаго доселѣ подъ спудомъ.

Но задача такъ обширна и трудна, что неудивительно, что и до сихъ поръ продолжается историческое недоумѣніе, о которомъ мы говорили. Старый безусловный панегирикъ потерялъ кредитъ; но онъ еще имѣетъ своихъ представителей; чтобы убѣдиться, слѣдуетъ почитать хоть «Русскій Архивъ» (не старыя матеріалы, а редакціонныя статьи); съ другой стороны, критическая исторія затруднительна не только потому, что все еще далеко не колонъ и не доступенъ матеріалъ, но и потому, что изслѣдованіе далеко не свободно. Вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, литература обходитъ много вопросовъ, безъ которыхъ невозможно, наконецъ, ясно и твердо сознать наше прошедшее, а затѣмъ, слѣдовательно, и настоящее. Нѣтъ сомнѣнія, что это положеніе вещей, т.-е. молчаніе изслѣдованія и печати о многихъ важныхъ историческихъ предметахъ, составляетъ одну изъ самыхъ слабыхъ сторонъ нашей исторической науки и нашей общественной мысли.

Извѣстно, что существующія отношенія, старыя традиціи подобнымъ образомъ стѣсняють писателя не у насъ однихъ,—теперь конечно гораздо меньше, но въ прежнія времена и очень сильно. Англійская щепетильность въ этомъ отношеніи доходила до настоящихъ крайностей, порождала неспрiятный тонъ завѣдомой, лицемѣрной общественной и исторической лжи. Нѣмецкая хвастливость создавала такую же общепринятую ложь пристрастнаго панегирика,—но ни англійскую, ни нѣмецкую литературу давно уже нельзя упрекнуть въ недостатокъ противовѣса, или въ недостатокъ строгаго историческаго требованія, и даже въ отдаленныя поры свободная критика не была лишена своихъ сильныхъ представителей. Тѣмъ болѣе въ новѣйшее время. Съ начала нынѣшняго столѣтія цѣлый поворотъ въ общественномъ мнѣніи обозначился появленіемъ Байрона, который вызвалъ страшное негодованіе своимъ рѣзкимъ протестомъ противъ обществен-

наго лицемѣрія, но въ которомъ англичане догадались, наконецъ, увидѣть свою великую и признанную славу. У нѣмцевъ еще съ конца прошлаго вѣка историческая критика стала правдиво изображать отношенія внутренней политики; въ новѣйшей литературѣ строгій голосъ Шлоссера свидѣтельствовалъ, что у лучшихъ людей не было уже тѣни сервильнаго лицемѣрія, и историческое знаніе приобрѣло независимость. Національное и общественное самолюбіе всего больше, вѣроятно, связалось у французовъ: вѣ- когда они построили настоящую мифологію изъ временъ старой монархіи, изъ Людовика XIV, потомъ такой же мифологіей окружили перваго Наполеона. Литература долго шла слѣдомъ за популярными восторгами, и съ своей стороны усиливала заблужденіе исторической эпопеей Тьера, бонапартистскими пѣснями Беранже; но и французы сумѣли отдѣлаться отъ предрассудка, такъ льстившаго національному тщеславію и державшагося такъ долго. Никто изъ иновременныхъ критиковъ Наполеона не сумѣлъ такъ опредѣлить его, какъ Ланфре. Свести наполеоновскую легенду къ ея настоящему смыслу было трудной задачей для писателя націи, пропитанной въ такой степени національнымъ самолюбіемъ какъ французы; это было усиліе надъ собой, побѣда надъ предрассудкомъ. Свободная историческая критика не могла не привести къ этому результату. Ея требованія проникаютъ въ самыя трудно-доступныя области національнаго чувства, и вліянія ея могутъ быть только благотворны для національнаго сознанія; они очищаютъ и возвышаютъ его внутреннее достоинство.

Наша историческая критика, въ примѣненіи къ новой исторіи, едва начинается. Большей частью мы остаемся только при голомъ перечнѣ событій, приведеніи въ извѣстность матеріала или на обработкѣ тѣхъ или другихъ подробностей. Основные вопросы рѣдко или почти совсѣмъ не затрогиваются—отчасти потому, что немногочисленные литературныя силы заняты, конечно, очень необходимою, предварительной работой, — отчасти потому, что условія литературы не поощряютъ подобныхъ обширныхъ работъ и не даютъ почвы для широкаго историческаго изысканія. Объ этомъ нельзя не жалѣть самымъ серьезнымъ образомъ: историческое сознаніе прошедшаго есть одно изъ сильнѣйшихъ орудій для воспитанія общественной мысли, одно изъ лучшихъ средствъ повѣрки самихъ себя и объясненія того, что происходитъ передъ нами. Между тѣмъ, рѣдко кому приходится въ голову отдать себѣ отчетъ въ положеніи нашего историческаго знанія. Недавно литература до пресыщенія наговорила о «разбродѣ» общественной мысли; въ то время всякій фельетонистъ, желавшій пощеголить глубоко-

ислѣдствіи, толковать о немъ и предлагать свои средства для исправленія отъ него, но большинство говорившихъ объ этомъ предметѣ (намъ помнятся только два исключенія) и не подумали исвать настоящихъ причинъ, пронаведшихъ разбродъ, и настоящихъ причинъ, мѣшающихъ его уничтоженію. При этомъ забывалось между прочимъ, что въ литературѣ не были даже высказаны различныя стороны существующихъ мнѣній, что полемическіе споры рѣдко или никогда не доходили до основанія вопроса; собственно говоря, осталось темнымъ, въ чемъ состоялъ «разбродъ». Печать слѣшеомъ мало передавала дѣйствительное содержаніе существующихъ воззрѣній, и они не были высказаны съ какой-нибудь полнотой даже на исторической почвѣ.

Тѣмъ не менѣе, историческое разногласіе, хотя мало формулированное, существуетъ. Мы упоминали объ историкахъ-панегристахъ; въ противоположность имъ высказывались и совсѣмъ иныя представленія о нашей старинѣ. Съ точки зрѣнія общественнаго идеала, которому не удовлетворяло настоящее, могли быть предъявлены и къ прошедшему болѣе строгія требованія, чѣмъ предъявлялъ наивный панегирикъ: «намъ, какъ обществу, еще слѣшеомъ многого недостаетъ; виной тому прошедшее, въ которомъ были цѣлыя вѣка застоя, и они не могутъ возбуждать сочувствія». Такой именно смыслъ имѣли давно уже открывшіеся споры о до-петровской старинѣ и о реформѣ. Споръ этотъ не прекратился и теперь, но, кромѣ того, онъ расширился и усложнился новыми историческими вопросами, особенно когда панегирикъ старинѣ и застою становился дѣланымъ и лицемѣрнымъ... Въ свое время «Исторія» Карамзина вызвала возраженія, отвергавшія ея основную точку зрѣнія; пушкинская «Лѣтопись села Горохина» въ добродушной шуткѣ намекала на преувеличенія чувствительной идеализаціи Карамзина; теперь «Русскій Архивъ» произвелъ «Исторію одного города». Контрастъ полный—и не случайный. Въ сожалѣнію, его трудно, даже невозможно «снять» (какъ говорили въ сороковыхъ годахъ) теперь на почвѣ реального изслѣдованія.

Пока остается довольствоваться пожеланіемъ такого изслѣдованія и розысканіемъ матеріала. Послѣднія лѣтъ пятнадцать особенно богаты поисками за этимъ матеріаломъ, особенно по тому времени, которое до сихъ поръ было всего менѣе разработано, а въ прежнее время было и вовсе недоступно для разработки—во XVIII и XIX вѣку. Такое направленіе историографіи обыкновенно совпадаетъ съ ослабленіемъ историческаго созиданія, и отчасти вознаграждаетъ за его недостатокъ, подготавливая его по

крайней мѣрѣ въ будущемъ на болѣе широкомъ основаніи. Въ настоящее время цѣлыхъ три журнала заняты собираніемъ этого матеріала, преимущественно по двумъ послѣднимъ столѣтіямъ; существуетъ цѣлое историческое общество, посвященное специально тому же труду; кромѣ того, являются отдѣльные сборники, каталоги, описанія и т. п. Матеріалъ, опубликованный вновь въ этихъ изданіяхъ, былъ очень разнообразенъ, и нерѣдко чрезвычайно замѣчательнъ. Между прочимъ, онъ представилъ нѣсколько любопытнѣйшихъ произведеній по тому отдѣлу, который до сихъ поръ былъ у насъ очень бѣденъ—по отдѣлу мемуаровъ и автобіографій. Съ шестидесятыхъ годовъ явились, напр., въ первый разъ въ печати: автобіографія знаменитаго ересіарха, протоіереева Аввакума—въ высшей степени оригинальное произведение, любопытное и по содержанію и по народно-старообрядческому стилю; записки священника Лувьянова, о путешествіи во святѣмъ мѣстамъ, въ началѣ прошлаго вѣка, — почти столько же замѣчательное, какъ образчикъ идей и языка, еще не тронутыхъ реформой; далѣе, записки Неплюева, Лопухина, Лубиновскаго; опять чрезвычайно замѣчательныя записки Добрынина, до сихъ поръ совершенно неизвѣстнаго, умнаго рассказчика и юмориста; записки Гарновскаго, агента Потемкина въ Петербургѣ; записки адмирала Шишкова; многорѣчивыя, но важныя записки Болотова и т. д. Всѣ эти произведенія мемуарной литературы и теперь являются не безъ труда въ печать; двадцать лѣтъ тому назадъ появленіе ихъ было совсѣмъ невозможно. Понятно, насколько можно было въ прежнее время ожидать полноты отъ исторической критики, и какъ справедливо могла не удовлетворять прежняя постановка историческихъ вопросовъ. Въ этихъ и подобныхъ наметникахъ давней и недавней старины, многія черты нашей исторической жизни являлись передъ нами въ первый разъ не въ формѣ одного темнаго слуха и преданія, а въ формѣ живого факта; разъяснялись внутреннія движенія общества; обобщались явленія, которыя мы знали прежде какъ отдѣльныя анекдотическія случайности и т. д. Словомъ, впервые для этихъ временъ являлась возможность историческаго пониманія.

Старая разница историческихъ воззрѣній не исчезла; но теперь она уже болѣе опредѣляется, можетъ быть выражена нагляднѣе...

Многія изъ этихъ записокъ, если не всѣ, имѣютъ тѣмъ болѣе важную важность, что онѣ не были прикрашены для литературныхъ цѣлей, и потому даютъ возможность видѣть старую жизнь какъ она была, безъ оффиціальной призмъ. Въ числу такихъ

характерныхъ записокъ принадлежить и автобіографія Винскаго, изданная въ первыхъ книжкахъ «Русскаго Архива» нынѣшняго года.

Эти записки, по словамъ издателя «Архива», достались ему послѣ покойнаго А. Н. Аванасьева (у Аванасьева было вообще большое собраніе любопытнѣйшаго историческаго матеріала въ рукописяхъ—въ великому сожалѣнію оно отчасти погибло); откуда онѣ попали къ Аванасьеву, неизвѣстно. Въ печати, записки Винскаго были упомянуты въ первый разъ въ сороковыхъ годахъ извѣстнымъ историкомъ-любителемъ, А. И. Тургеневымъ («Хроника русскаго въ Парижѣ», Москвит., 1845), который счумѣлъ оцѣнить весь ихъ интересъ для нашей бытовой исторіи.

Биографія Григорія Степановича Винскаго немногосложна. Онъ былъ уроженецъ Малороссіи, гдѣ учился и прожилъ время своей юности; онъ родился въ г. Почепѣ, въ 1752 г., въ семьѣ средняго дворянства или «шляхетства». На 18-мъ году онъ переехалъ въ Петербургъ, и въ качествѣ недоросля записался въ военную службу и полковую школу; въ школѣ отнеслись къ нему недружелюбно какъ къ «хохлу», и онъ былъ исключенъ «за негодность», хотя зналъ больше своихъ учителей. Молодость увлекла его въ разгульную жизнь, въ мотовство, въ трактирные знакомства; кончилось тѣмъ, что его замѣшали въ какую-то неблаговидную исторію о денежныхъ мошенничествахъ,—какъ онъ говорилъ, безвинно, по интригамъ. Онъ былъ посаженъ въ крѣпость и послѣ долгихъ проволочекъ былъ, наконецъ, сосланъ на житье въ Оренбургъ. Сюда отправилась съ нимъ, вопреки всѣмъ уговорамъ своей родни, его молодая жена. Чтобы существовать, онъ сталъ учителемъ; чтобы сдѣлаться учителемъ, онъ началъ учиться, много читалъ, работалъ и устроилъ себѣ новую жизнь. Впослѣдствіи, уже при Александрѣ, онъ былъ прощенъ, былъ снова въ Петербургѣ, и дожилъ свой вѣкъ, кажется, въ оренбургской губерніи.

Несмотря на то, что пребываніе въ Петербургѣ, а потомъ жизнь въ Малороссіи, куда Винскій возвращался послѣ службы въ полку, были почти исключительно заняты разгуломъ или, какъ онъ выражается, «распустой», Винскій успѣлъ дополнить свое первое школьное обученіе и пріобрѣсти, по-тогдашнему, хорошее образованіе и вѣрное пониманіе вещей. Онъ былъ очень начитанъ, и немудрено, что на склонѣ жизни ему пришла мысль разсказать свою исторію, не съ цѣлями писательства, — онъ, по своему времени, не рѣшался на писательство, какъ на трудное риторическое искусство,—а просто для себя и для своихъ. Тѣмъ

не менѣе онъ оказался писателемъ, для своего времени, далеко не дюжиннымъ; А. И. Тургеневъ обратилъ вниманіе на достоинство его слога — «слога самоучки, выучившагося писать до Карамзина, но по французскимъ образцамъ», — и писать живо, съ особенной оригинальностью, въ которой дѣйствительно проглядываетъ манера его французскихъ образцовъ, и манера Стерна. Вѣроятно, именно оттого, что онъ не хотѣлъ думать о формальномъ писательствѣ, его записки, хотя и напоминаютъ своимъ языкомъ о восемнадцатомъ вѣкѣ, читаются очень легко; это — рассказъ немного старомодный, но умный и живой.

Рассказъ Винсаго, любопытный какъ бытовая картина изъ прошлаго столѣтія, представляетъ еще особенныя черты интереса. Тотъ же Тургеневъ замѣтилъ, что для Гоголя эта рукопись была бы кладомъ. И дѣйствительно, онъ нашелъ бы здѣсь подлинныя подробности малороссійскаго быта прошлаго столѣтія, которыя расширили бы матерьялъ его поэтического воспроизведенія. Малорусскія «дѣтописи» и записки для этого времени и немногочисленны и слишкомъ заняты внѣшними официальными дѣлами, или слишкомъ законичны, какъ записки Маркевича. Записки Винсаго проще и живѣе, и официальныхъ фактовъ въ нихъ вовсе нѣтъ. Любопытно слѣдить здѣсь характеръ тогдашняго малороссійскаго общества, съ его отличительнымъ этнографическимъ складомъ, въ его срединномъ положеніи между старыми, еще живыми вліяніями польско-малороссійской образованности и возрастающими вліяніями русскими или «московскими». Съ 18-го года Винскій жилъ въ русской средѣ, писалъ свои воспоминанія въ концѣ жизни, но онъ сохраняетъ самую теплую память о «благословенной Малороссіи». Въ то время еще очень помнилась самобытность Малороссіи — не политическая, а народная, общественная; въ молодости Винсаго еще былъ у нея свой гетманъ, большое личное значеніе котораго поддерживало областную отдѣльность края; населеніе и административно, и въ практической жизни мало сближалось съ «москалями». У Винсаго не было никакого тенденціознаго взгляда на эти областныя отношенія, и тѣмъ любопытнѣе могутъ быть его замѣчанія для историка. Ему, очевидно, представляются «двѣ народности», которыя значительно отличаются по складу характера и быта, и онъ, даже въ рассказѣ о позднѣйшей своей жизни, постоянно отдѣляетъ себя отъ взглядовъ и нравовъ «русскихъ».

Подъ особой рубрикой: «Общiе моей отчизны нравы», Винскій такъ опредѣляетъ эти нравы.

«Въ сіе время, — говоритъ онъ (т.-е. въ шестидесятыхъ и

семидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія), — малороссіяне жили только между собою; кромѣ грековъ и поляковъ, иностранцы имъ вовсе не были извѣстны; даже съ великороссіянами почти не имѣли сообщенія, почему нравы ихъ были ни худшіе, ни лучшіе. Злодѣянія, каковы: убійство, разбой, грабежъ и пр., весьма были рѣдки. Пороки: пьянство, можно бы почесть всеобщимъ, поелику не только мужчины, даже женщины въ лучшихъ домахъ пили водку, наливку и пр., но напиваться до забвенія почиталось зазорнымъ, и истинные пьяницы всѣми были презираемы. Скупость, родная сестрица расчетливости, родственница бережливости, свойственница хозяйства, довольно была у соотчичей моихъ примѣтна; но скряжничествомъ и лихоимствомъ, кажутся, они душевно гнушались. Тяжбы и ябедничество были весьма употребительны и преимущественно между шляхетствомъ. Ссоры и драки у простолюдиновъ случались, но непродолжительныя и неувѣчныя, ибо наиболѣе раздѣлывались чубами; забіячества же были рѣдки. Явная распуста (т.-е. распутство) была строго наказываема; волокитство, ежели симъ именемъ назвать жениханье, было терпимо въ простомъ народѣ, но никогда почти не простиралось до порочнаго и, по бѣльшей части, имѣло въ виду супружество.

«Сказавши худое, справедливость требуетъ молвить сколько-нибудь о добрѣ. Добронравіе малороссіянь обнаруживалось разительно тѣмъ, что они въ сіе время уже имѣли общее мнѣніе, т.-е. не только злодѣй, порочный, даже своевольникъ были у всѣхъ и каждаго въ омерзѣніи; начинающаго сочлена безпутствовать каждый отецъ семейства считалъ своимъ долгомъ угovarивать, оговаривать, стыдить, унимать и, въ случаѣ неуспѣха въ томъ, по крайней мѣрѣ, искренно отвергать. Дѣти у родителей были въ полномъ повиновеніи, простиравшемся такъ далеко, что ни дѣта, ни званіе не освобождали отъ онаго; сіе, за смертію родившихъ, относилось къ старшимъ родственникамъ. Молодые люди обязаны были почтеніемъ всѣмъ вообще старикамъ. Вотъ черты, коихъ я, по выѣздѣ моемъ изъ отчизны, нигдѣ не примѣтилъ, и противодѣйствія коимъ, съ первыхъ дней, для меня были крайне удивительны, даже несносны. Страннопріимство и гостепріимство по всей Малороссіи были исполняемы съ истиннымъ усердіемъ и удовольствіемъ. Супружеское состояніе было безпорочно, надежно и тѣмъ похвальнѣе, что жены полновластны во внутреннемъ хозяйствѣ и въ своемъ поведеніи. Откровенность и дружелюбіе были общи всему народу. Праздничать, веселиться, пѣть, плясать — всѣ любили; музыку умѣли чувствовать. Наря-

жались охотно; чистота и опрятность жилищъ были повсемѣстные.

«Къ вѣрѣ малороссіане всё имѣли душевное прилѣпленіе, и по причинѣ, что тамошнее священство было довольно просвѣщено, нужнѣйшіе члены закона и церковное служеніе каждый зналъ основательно. Сіе, я думаю, воспрепятствовало завестись у нихъ разнотоловщинѣ или безтоловнымъ расколамъ. Въ храмъ ходили охотно, привлекаемые наряднымъ служеніемъ и согласнымъ пѣніемъ. Но, суевѣріе?.. Увы! сіе адское дѣтище и въ благословенной Малороссіи было почти повсемѣстно».

Идиллическая картина, быть можетъ, не опровергается тѣмъ, что дальше Винскій рассказываетъ о своихъ собственныхъ буйныхъ похожденияхъ; онъ совершалъ ихъ послѣ полковой и трактирной жизни въ Петербургѣ. Простота патриархальныхъ нравовъ и «добронравіе» дѣйствительно еще долго отличали малорусскій провинціальный бытъ. Исторія Малороссіи и особенно внутренняя бытовая исторія еще не написаны; она должна бы объяснить особенныя бытовые черты, которыя отличали южную русскую жизнь отъ сѣверной. Къ сожалѣнію, въ этой исторіи начинаютъ въ послѣднее время относиться съ новой тенденціозностью, на примѣръ, въ послѣднихъ писаніяхъ г. Кулиша, который, вмѣсто спокойнаго изслѣдованія фактовъ, составляетъ противъ своихъ предковъ чуть не обвинительные акты.

Въ своихъ запискахъ Винскій не обошелъ своего воспитанія, и подъ особой рубрикой рассказываетъ о «малороссійской суботѣ». Онъ учился въ церковной школѣ, которая не оставила у него идиллическихъ воспоминаній, — напротивъ. «Въ сей школѣ жилъ дьякъ, въ которому меня водили, который, однако, чему и какъ училъ меня — не помню; но что онъ часто и больно сѣкалъ меня, особливо по субботамъ, сіе помню. Сіе глупо-варварское обыкновеніе было въ употребленіи почти во всѣхъ приходскихъ школахъ, по причинѣ дьяку нѣкотораго доходишка».

«Послѣ субботней вечерни, всё ученики собирались въ школу и, не садясь по мѣстамъ, а стоя, ожидали дьяка. При вступленіи въ школу, онъ былъ привѣтствованъ ото всѣхъ въ одинъ голосъ: «миръ ти, благій учителю нашъ!» На что онъ отвѣчалъ: «треба сѣты васъ», и тотчасъ начинается экзекуція: «учись, не пустуй, помни суботку» — были его увѣщанія при сѣченіи. Тѣ, которыхъ матери присылали дьяку почаще млинцивъ, боланцивъ, палениць и того-другого, получали удары по платью; а бѣдняки, или у кого матери были скупы, расплачивались (... иначе). Проклятая поповщина! Гдѣ ты не злочинствовала».

Свое воспитаніе Винскій продолжалъ въ черниговской коллегіи, а потомъ въ кievской академіи. Курсъ ученія въ ней онъ описываетъ такъ: «кievская академія, по назначенію своему для духовенства, не класъ наиболѣе образовывать людей въ сіе званіе. Посему науки, преподаваемыя въ ней, были: грамматика, пѣтука, риторика, философія, богословіе и языки: латинскій—какъ основаніе, польскій—какъ истолковательный; по нимъ—греческій и еврейскій—какъ нужные для разумнѣннхъ церковныхъ писателей; нѣмецкому и французскому хотя также обучали, но весьма недостаточно; прочія же науки тамъ были совершенно неизвѣстны. Изъ сего можно видѣть, что я, учившись весьма похвально, бывши въ одной риторикѣ три года, говоривши и писавши латинскимъ и польскимъ языками какъ моимъ природнымъ, имѣвши набитую голову тропами и фигурами, умѣвши состроить хриу правильную и превращенную, выѣхалъ изъ Кіева настоящимъ, касательно необходимѣйшихъ знаній, дурнемъ, до того, что ежели бы добрый человекъ, квартировавшій тогда въ Кіевѣ, канонерскаго полка штыкъ-юнкеръ Паченко, не показалъ мнѣ первыхъ правилъ ариметики, я бы принужденъ былъ считать по пальцамъ».

Это—очень наглядное изображеніе того обученія, семинарскаго и академическаго, которое долго составляло одно изъ главныхъ средствъ высшаго образованія, даже послѣ основанія московскаго университета. Эти школы, въ которыя поступали тогда не только люди духовнаго сословія (въ то время и неотдѣленнаго рѣзко отъ другихъ сословій), но и дворяне, имѣли большую долю вліянія на умственные успѣхи русскаго общества въ семнадцатомъ и восемнадцатомъ вѣкѣ, но долгое ихъ господство во всякомъ случаѣ свидѣтельствовало о томъ, какъ мало полагалось государствомъ прошлаго столѣтія заботы о водвореніи настоящей, широкой и всесторонней школы.

Кромѣ духовныхъ наукъ, Винскій обучился и французскому языку, но независимо отъ академіи, и это помогло ему приобрѣсти потомъ много иныхъ свѣдѣній. Онъ былъ довольно начитанъ во французской литературѣ, которая съ половины XVIII-го вѣка начинала все больше и больше господствовать надъ нашей литературой и изъ которой образованные люди всего больше почерпали тогда свои знанія и свои понятія. Винскій жаловался, что судьба отдала случаю его образованіе, что школа, на которую онъ потратилъ много времени, не приготовила его къ дѣйствительной жизни, не дала именно тѣхъ свѣдѣній, какія были для нея нужны, и снабдила ненужной схоластивой; настоящее образо-

ваніе свое онъ, видимо, начинаетъ только съ тѣхъ поръ, какъ сталъ знакомиться съ французской литературой. Именно ей онъ приписываетъ и главнѣйшее значеніе въ развитіи нашей общественной образованности. Подъ рубрикой: «Точное начало просвѣщенія въ Россіи» — онъ рассуждаетъ объ этомъ слѣдующимъ образомъ:

«Несправедливо было бы требовать отъ тогдашнихъ школъ и учителей полезнѣйшаго наученія юношества: они сами точно не имѣли ни малѣйшихъ по сей части свѣдѣній. Заря наукъ для нашего отечества начала пробиваться сквозъ мракъ невѣжества въ концѣ осьмага десятка протекшаго столѣтія. Сколько бы влиха ни вопіали: «Распинайте французовъ!» но они одни гораздо болѣе способствовали нашему наученію, нежели совокупно вся Европа. Россія, по волѣ Петра Великаго, находившись болѣе полулѣта подъ ферулою нѣмецкою, даже и признавовъ не являла просвѣщенія. Царствованію Екатерины принадлежитъ вся честь водворенія въ нашемъ отечествѣ полезныхъ наукъ, которыя разительнѣйшимъ образомъ начали имѣть вліяніе на нравственность. Повторю наки: сколько бы старообрядцы, новообрядцы и всѣ ихъ отголоски ни вопіали: «Распинайте французовъ!» но Волтеры — не Мараты; Ж.-Ж. Руссо — не Кутоны, Бюффоны — не Робеспьеры. Ежели когда-нибудь настанутъ времена правды, тогда великіе умы XVIII-го столѣтія, истинные благодѣтели рода человѣческаго, получатъ всю имъ принадлежащую честь и признательность».

Это писано было Винскимъ уже въ старости и въ такое время, когда вслѣдствіе наполеоновскихъ войнъ у насъ распространялась въ среднихъ кругахъ, между которыми жилъ Винскій, крайняя вражда къ французамъ и всему французскому. Такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь прочное и сознательное мнѣніе образованныхъ людей конца прошедшаго столѣтія, — мнѣніе, исторически очень справедливое.

О случайности и неправильности хода своего собственнаго обученія онъ говоритъ: «Такъ, искренно суда, что первая существованія моего четверть, долженствовавшая быть основаніемъ моего благоденствія, была почти для меня потеряна (—и это утверждаетъ Винскій, несмотря на то, что онъ научился въ школахъ говорить и писать по-латыни, какъ на природномъ языкѣ—) я не ропщу ни на мать свою, ни на моихъ наставниковъ. Всему виною тогдашнія времена. Но ежели бы оставили меня по крайней мѣрѣ идти по той дорогѣ, на которую я былъ академіею выведенъ, я бы могъ быть изряднымъ духовнымъ, искуснымъ врачомъ, а мо-

жеть быть и порядочнымъ писателемъ; слѣдовательно, полезнымъ членомъ общества и способнымъ устроить свое счастье. Но, увы, меня—какъ будто съ умысла—возрастили у монаховъ, а заставили служить въ гвардіи! Переведенный изъ мирной, скромной, подчиненной жизни въ мятежную, наглую, своевольную, чѣмъ могъ я сдѣлаться какъ не самымъ несчастнѣйшимъ твореніемъ?»

Онъ разумѣеть ту праздную, буйную и развратную жизнь, къ которой приучился въ своей новой обстановкѣ и которая повела его къ долговымъ тюрьмамъ, а наконецъ, запутала въ какое-то большое дѣло, стоившее ему ссылки.

Первое вступленіе въ полкъ сопровождалось очень непріятными впечатлѣніями. Товарищи въ полковой шлоахъ встрѣтили его насмѣшками, переходившими въ ругательства: онъ былъ для нихъ «хохолъ», «безмозглый» и т. д. Конечно, онъ былъ крайне оскорбленъ, и въ запискахъ старается найти объясненіе этой странной и дикой враждѣ.

«Черезъ нѣсколько дней привывши, какъ къ карганью воронъ, къ ругательствамъ русскаго благородства, я приложилъ все мое стараніе открыть, на чемъ вообще основали свое мнимое преимущество гг. москаля надъ малороссами. Смотря на бѣдняковъ и мезирныхъ, составлявшихъ двѣ трети благороднаго сословія, весьма ясно видѣлъ изъ всѣхъ ихъ приемовъ, поступковъ и рѣчей, что они были сущіе мужики; приближаясь иногда къ досточнѣйшимъ, хотя и царапаемымъ, я примѣчалъ, что большая часть и отъ нихъ, даже воспитанные иностранцами, весьма ограничены въ знаніяхъ, особенно касательно словесности. Откуда же и отчего подобное предубѣжденіе? По строжайшему розысканію, виною сему старинная, какъ бы прирожденная всѣмъ русскимъ ненависть ко всему иностранному и невѣжественное презрѣніе всего не-отечественнаго. Сей недостатокъ въ москаляхъ едва ли когда-нибудь истребится. Я, живши болѣе 40 лѣтъ между ими, знаю ихъ во всѣхъ состояніяхъ; по совѣсти скажу, что глупое сіе самохвальство есть еще и теперь весьма общее всему народу. Любопытный можетъ ежечасно въ томъ увѣряться: заговори только о чемъ бы то ни было иностранномъ, и тотчасъ услышатся самыя нелѣпыя отзывы, и не отъ однихъ брадоносцевъ»...

У Винскаго, очевидно, накипѣла жѣлъчь отъ тѣхъ нападеній, какія пришлось ему вынести въ средѣ русскихъ; но въ объясненіяхъ его проходитъ вѣрное историческое замѣчаніе, что причиной этихъ нападеній была старая національная исключительность: сто лѣтъ тому назадъ, эта исключительность, повидимому, еще

мало ослабѣла съ до-петровскихъ временъ, господствовала во всей силѣ при слабомъ развитіи образованія и, какъ видимъ, простиралась даже на ближайшихъ единоплеменниковъ, къ особенностямъ которыхъ русскіе не могли привыкнуть со времени присоединенія Малороссіи. Винскій замѣчаетъ, впрочемъ, что этимъ недостаткомъ отличались не только приказные и военные, но даже и ученые люди. Любопытно, съ другой стороны, что Винскій находитъ въ «москаляхъ» ограниченность знаній: въ самомъ дѣлѣ, Малороссія, съ своими коллегіями и кievской академіей, доставляла въ тѣ времена русскому обществу много образованныхъ людей, не только въ духовномъ сословіи, но и въ чиновной іерархіи; кievскіе ученые занимаютъ почетное мѣсто въ исторіи нашей образованности и литературы прошлаго столѣтія.

Въ Петербургѣ Винскій нащелъ немало своихъ земляковъ и, конечно, съ ними облизился; на чужбинѣ это доставило ему удовольствіе, но, по собственному его признанію, отсюда пошло для него и большое зло. «Введенный въ сіе общество, — говоритъ Винскій, — я приласканъ былъ за мои знанія, скоро приобрѣлъ любовь за мою живость и сдѣлался для сего общества интереснымъ». Общество, однако, любило весело пожить; у двухъ земляковъ, достаточныхъ дѣльцовъ, ежедневно были гости, веселая бесѣда, шутки, нерѣдко карточная игра, и «къ вечеру непременно Діонисіяки», по выраженію Винскаго, т.-е. попойки. Земляки этимъ очень повредили Винскому, приучивши его къ бездѣлю и разгульной жизни. Не будемъ пересказывать его различныхъ похажденій, которыя привели его, какъ сказано, сначала въ «магистратскую тюрьму», т.-е. долговую, а потомъ въ Петропавловскую крѣпость, откуда онъ вышелъ, чтобъ отправиться въ Оренбургъ. Здѣсь есть подробности, очень любопытныя для исторіи нравовъ, тогдашняго судебного процесса; рисуется личность извѣстнаго генераль-прокурора князя А. А. Вяземскаго, и проч.

Но есть въ разсказѣ Винскаго другая сторона, опять чрезвычайно интересная для характеристики тогдашней общественной образованности. Въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ онъ заговорилъ о политикѣ — не только внутренней, но и внѣшней, и на двухъ-трехъ страницахъ нарисовалъ замѣчательно мѣткую картину тогдашняго положенія западно-европейскихъ государствъ. А. И. Тургеневъ уже обратилъ вниманіе на этотъ «легкій абрисъ Европы, правдо мастерски написанный, если подумаешь, что писатель, до ссылки своей въ Оренбургъ, былъ едва ли и читатель». Дѣйствительно, трудно себѣ представить, какимъ образомъ Вин-

скій, при своемъ образѣ жизни въ то время, при тогдашнемъ общемъ недостаткѣ политическихъ свѣдѣній и трудности получить ихъ, могъ нарисовать картину политическаго положенія, которая въ наше время была бы въ пору хорошему политическому обзорѣ-вателю. Оказывается, что у «земляковъ», кромѣ «Діонисіевъ», можно было научиться и вещамъ болѣе полезнымъ. У одного изъ нихъ Винскій, кромѣ «ласковостей и часто умныхъ бесѣдъ», нашелъ значительную бібліотеку, въ которой познакомился съ знаменитыми французскими писателями и приобрѣлъ ненасытную страсть къ чтенію. «Такъ, въ караулѣ, въ трактирахъ, въ . . . я всегда имѣлъ товарищемъ книгу, какъ и въ заключеніи моемъ занимался переводами. По страсти къ чтенію, не трудно повѣ-рять, что я имѣлъ любопытство и то узнать, чего въ книгахъ не печатали».

Въ нашихъ книгахъ не печатали тогда, между прочимъ, и подобныхъ политическихъ разсужденій о современномъ положеніи Европы. Источникъ свѣдѣній этого рода Винскій нашелъ въ гвардейскихъ офицерахъ. Гвардейская служба, по замѣчанію Винскаго, доставляла тогда много способовъ научиться. Офицерское сословіе набиралось преимущественно изъ молодыхъ людей знатныхъ домовъ. По своимъ связямъ, близости ко двору, богатству, эти молодые люди «получали познанія почти изъ источниковъ» (т.-е. познанія о ходѣ политическихъ вещей) и передавали ихъ и своимъ, менѣе богатымъ сослуживцамъ, которыхъ принимали въ свое общество. Богатые и образованные унтеръ-офицеры состояли обыкновенно безсмѣнными ординарцами при своихъ начальникахъ, всюду ихъ сопровождали, дѣлались какъ бы ихъ домохозяевами, съ ними бывали при дворѣ, и имѣли такимъ образомъ случаи многое видѣть и слышать. Наконецъ, «ученые» унтеръ-офицеры, знавшіе иностранные языки, находились при иностранной коллегіи для курьерскихъ посылокъ въ чужія государства, гдѣ проживали иногда по нѣсколькимъ мѣсяцамъ и, возвращаясь, «доставляли своей братіи свѣдѣнія, иногда самыя интересныя». Винскій бывалъ знакомъ съ такими курьерами, старался, кромѣ того, «знакомиться и сыскивать довѣренность иностранцевъ и болѣе французовъ», — что и дало ему смѣлость заговорить о политикѣ.

Не будемъ приводить его разсужденій; мы упомянули о нихъ, чтобы только показать, какими путями, въ дѣтствѣ литературы, приобрѣталось однако здравое пониманіе вещей, когда разъ были возбуждены серьезная мысль и любопытство, — хотя о томъ и «не печатали въ книгахъ». Дѣлаетъ, конечно, честь уму Винскаго,

что онъ изъ разсказовъ курьеровъ сумѣлъ извлечь такое ясное пониманіе европейскихъ дѣлъ; но еще любопытнѣе его взглядъ на тогдашніе положеніе самой Россіи.

До сихъ поръ мы чрезвычайно мало знали о томъ, что думали о предметахъ внутренней политики образованные люди того времени. То, что можно извлечь изъ тогдашней литературы, очевидно не можетъ дать объ этомъ настоящаго понятія; въ литературѣ господствовалъ тонъ державинскихъ восторговъ, отчасти искреннихъ, отчасти наивныхъ, отчасти высказываемыхъ безъ всякой мысли или по необходимости; критическое отношеніе къ предметамъ управленія, свойству тѣхъ или другихъ учреждений и административныхъ приемовъ и обычаевъ, не имѣло мѣста въ литературѣ. Сатира, о которой говорилось такъ много историками литературы, «бичевала» нравы, т.-е. недостатки частнаго быта, не касаясь быта общественнаго, котораго и не осмѣлилась бы коснуться. Извѣстно, какъ сурово встрѣчаемы были тогда малѣйшія попытки говорить или даже намекать на подобные предметы, — напр., извѣстные вопросы фонъ-Визина. Примѣры Новикова, который возымѣлъ мысль воспитывать общество въ сознательной дѣятельности; Радицева, который, по какому-то непонятному забвенію, высказалъ открыто свои мнѣнія, — эти примѣры показывали, что общество не приобрѣло еще ни малѣйшей возможности заявлять возникающее сознаніе, что за нимъ не признавалось никакого на это права. Эти примѣры такъ и остались одиночными; о нихъ въ свою очередь также нельзя было говорить, да и потомъ историки продолжали считать ихъ какимъ-то исключеніемъ изъ общаго развитія. Но были ли они такимъ рѣдкимъ исключеніемъ на самомъ дѣлѣ? Безъ сомнѣнія, нѣтъ. Условія литературы были таковы, что ихъ рѣдкость объясняется очень просто; а съ другой стороны, такія явленія, какъ эти попытки общественнаго сознанія, возникающія въ средѣ самого общества, предполагаютъ цѣлую работу мысли, долгое ея возрастаніе (потому что она является уже прочнымъ, установившимся убѣжденіемъ), солидарность многихъ умовъ, — такъ что она есть результатъ цѣлаго развитія, и слѣд. уже не случайный и исключительный фактъ. Историческое положеніе дѣла, слѣдовательно, измѣняется; мы не можемъ видѣть этотъ фактъ какъ единичный, а, напротивъ, должны признать въ немъ жизненный смыслъ; онъ не развился шире только потому, что окружающія условія подавили его, — не въ выгоду общественнаго успѣха. Примѣръ Винскаго подтверждаетъ, что критическій запросъ, который обнаруживался въ нѣкоторыхъ, хотя и немногихъ явленіяхъ нашей литературы конца прошлаго

тѣмъ, дѣйствительно не былъ случайностью и исключеніемъ. Винскій былъ человѣкъ образованный, но очень далекій и отъ правительственной области, и отъ всякихъ литературныхъ круговъ того времени; онъ не думаетъ входить въ подробныя сужденія о тогдашнихъ нравахъ, управленіи и т. п., словомъ, не задаетъ себѣ никакой публицистической цѣли; — ему пришлось, встати, сказать нѣсколько словъ о томъ, что дѣлалось тогда въ русскомъ обществѣ, — но въ этихъ словахъ, сказанныхъ мимоходомъ, сдѣлано много замѣчаній, невольно удивляющихъ яснымъ взглядомъ на дѣло. Оригинальность этого взгляда также можетъ показаться исключительной, если мы забудемъ другіе однородные примѣры изъ того времени. Но Винскій, по всему ходу его жизни, былъ человѣкъ толпы; сначала гуляка, потомъ, всю остальную жизнь, — домашній учитель; не выдавался особенно ничѣмъ, ни положеніемъ, ни талантами, это былъ только умный, мыслящій человѣкъ, — и между тѣмъ, его мысли принадлежатъ къ той самой категоріи, какъ мысли передовыхъ людей той эпохи. Издатель «Р. Архива» сравниваетъ мнѣніе Винскаго съ мнѣніями Радищева, и думаетъ, что эти отрицательныя свидѣтельства о вѣкѣ Екатерины у того и у другого вызваны «житейскими неудачами и желчнымъ міровоззрѣніемъ, образовавшимися отчасти вслѣдствіе заблужденій и страстей молодости». Объясненіе — слишкомъ дешевое; Винскій вовсе не былъ человѣкъ желчный; раздраженіе (и весьма понятное) является въ его запискахъ едва ли не одинъ только разъ, въ приведенномъ выше воспоминаніи его о тѣхъ грубыхъ насмѣшкахъ и преслѣдованіяхъ, которымъ онъ подвергся въ полковой школѣ за то только, что былъ «хохолъ»; его записки, во вкусѣ прошлаго столѣтія (и, вѣроятно, не безъ вліянія «Признаній» Руссо) пересыпанныя моральными разсужденіями, замѣчательно правдивы; онъ не думаетъ скрывать собственныхъ заблужденій, самъ произноситъ надъ собою строгій судъ, при случаѣ указываетъ и свою правоту: словомъ, мы видимъ много примѣровъ его безпристрастія и не вправѣ приписывать ему побужденій какого-нибудь недоброжелательства и набрасывать тѣмъ на его показанія. А. И. Тургеневъ лучше оцѣнилъ записки Винскаго, чѣмъ ихъ новѣйшій издатель, — который, впрочемъ, вообще судить не спроста. Въ одномъ мѣстѣ записокъ Винскій говоритъ о своемъ уваженіи къ закону, къ существующему порядку, и безъ сомнѣнія, вполне искренно. Общую картину положенія Россіи при Екатеринѣ онъ изображаетъ слѣдующими замѣчаніями:

«Россія, послѣ Петра I-го мало имѣвшая участія въ дѣлахъ

Европы, въ царствованіе Елизаветы II приняла на политическомъ театрѣ дѣйствительную роль. Она показала себя въ уважительной осанкѣ; дружескія же Англіи и Пруссіи расположенія обладежали ея первую выступь. Внутреннее ея состояніе, хотя необработанное, было неповрежденно и довольно мочно. Изобиліе и дешевизна первыхъ потребностей жизни содѣлывали народъ здоровымъ, веселымъ и на все годнымъ. Торговля, хотя въ рукахъ иностранцевъ, приносила, по причинѣ великаго плодородія земли, важныя прибитки. Словомъ, мы столько были внутренне благополучны, что для семилѣтней оконченной со славою войны не болѣе 30 вѣп. прибавлено подушныхъ; что цѣны, во все продолженіе войны, ни одною копѣйкою ни на какія вещи не возвысились; что курсъ нашъ держался всегда около 30 штиверовъ; и наконецъ, что деньги, золотыя, серебряныя, мѣдныя и ассигнаціи, ходили для всѣхъ въ своей истинной цѣнѣ⁴⁾.

Кажется, что въ этомъ изображеніи желчь ни мало не участвовала; поэтому и дальнѣйшія разсужденія Винскаго надо принимать вовсе не какъ слѣдствіе темперамента, — какъ хочеть увѣрить издатель «Р. Архива», — а какъ обдуманное мнѣніе — тѣмъ больше, что его отзывы вовсе не голословны.

Не, спокойно признавая, что было благоприятнаго въ тогдашнемъ положеніи Россіи, Винскій тѣмъ не менѣе видитъ его недостатки, и въ особенности недовѣрчиво относится къ тому показанію, внѣшнему эффекту, котораго такъ усиленно искали въ вѣкъ Елизаветы.

«Елизавета, — продолжаетъ Винскій, — разстроениемъ Польши, побѣдами надъ турками и отторженіемъ отъ нихъ Крыма, сыгравши первое дѣйствіе своея политическія фамы¹⁾ довольно удачно, задумала народъ свой занять, ослѣпить и Европѣ бросить нѣсколько въ глаза пыли блистательными торжествами и премудрыми, новыми, — ежели не фактами, то учрежденіями. Для сихъ важныхъ дѣлъ назначена была древняя столица и цѣлый 1775 г.

«Мелодрама открылась наряднѣйшимъ императрицы въѣздомъ въ Москву, предшествуемой и сопутствуемой блистательнымъ дворомъ, видными полками тѣлохранителей и безчисленнымъ народомъ. Торжественныя врата, взгроможденныя, на скорую руку, хотя изъ лубковъ и роговъ, но раскрашенныя, раззолоченныя и въ приличныхъ мѣстахъ украшенныя соответственными предмету картинами, восхищали всѣхъ до безумія; къ чему присоединя военную музыку, колокольный звонъ и пушечную пальбу, каждый

⁴⁾ Употребительное тогда слово, лат. fama, — слава, славное дѣланіе.

можетъ себѣ вообразить, что сіе очаровательное явленіе, не взирая на лютую зиму, было неподобно.

«Въ мартѣ мѣсяцѣ, государыня, при торжественномъ засѣданіи въ сенатѣ, пожаловала народу 47-мь милостей. Сія милости, для овѣковѣченія ихъ внесенныя въ государственную хронологию, тогда же, по сужденію нѣкоторыхъ крутыхъ головъ, не стоили ни одной дѣльной. Затѣмъ, скоро появилось новое учрежденіе, или совершенное преобразование правительственной махины. Все переновлено, даже до наименованій: губерніи названы намѣстничествами, губернаторы—правителями, воеводы—городничими и пр. и пр.

«Судебныя мѣста умножены, съ умноженіемъ въ нихъ чиновниковъ, такъ что иная губернія, управляемая прежде 50-ю чиновниками, раздѣлившись по сему учрежденію на четыре намѣстничества, въ каждомъ имѣла до 80-ти судей. Умноженіе судейскихъ мѣстъ, конечно, отерзло многимъ бѣднымъ семействамъ средства къ существованію, ибо жалованье по тогдашнему времени назначено было довольно достаточное; но грубой хлѣбопашецъ скоро почувствовалъ отъ сея перемѣны невыгоду; поелику, вмѣсто трехъ барановъ въ годъ, долженъ возить ихъ до 15-ти въ городъ.

«Учрежденіе совѣстнаго суда, съ важнымъ преимуществомъ рѣшать дѣла безъ переносу (т.е. безъ аппеляціи), въ рѣшеніяхъ придерживаться болѣе совѣсти, нежели закона, дѣла по суевѣрію или изувѣрству, дѣла слабоумныхъ и малолѣтнихъ, которыя составляли важнѣйшую его обязанность, заставило во всей Европѣ пропѣть и вострубить Екатеринину мудрость. Славный тогда Мерсье сторяча написалъ: «Заря благоденствія рода человѣческаго занялась на Сѣверѣ. Владыки вселенныя, законодатели народовъ! спѣшите къ полуночной Семирамидѣ и, преклонивъ колѣна, поучайтесь: она первая учредила судъ совѣсти!» Но мы, россияне, для которыхъ собственно великая законодательница изобрѣла сіи спасительныя суды, мы скоро на свой счетъ узнали, что они были одна кубольная игра...»

Винскій объясняетъ далѣе, что требовались для совѣстнаго судьи особенныя дарованія, чтобы рѣшать, на примѣръ, одни дѣла о колдовствѣ. Бывали примѣры, что по слѣдствіямъ земскихъ судовъ цѣлыя деревни оказывались виновными въ колдовствѣ, одни—какъ колдуны, другіе—какъ заколдованные. Въ дѣлахъ тяжбныхъ совѣстные суды оказались недѣйствительными, потому что они не имѣли точнаго опредѣленія своихъ полномочій. Совѣстный судъ имѣлъ силу лишь тогда обѣ тяжущіяся стороны

обращались къ нему; но стоило сторонѣ справедливой отнестись къ этому суду, чтобы другая отказалась отъ этого производства. Судъ не имѣлъ власти привлекать къ своему разбирательству, и оказался безсиленъ, и «збедниги продолжали безбоязненно угнетать безпомощныхъ».

«Полезнымъ пожалованіемъ можно было бы счесть, — говоритъ Винскій, — права и преимущества, данныя дворянству и городамъ — «ежели бы мы умѣли читать и понимать». Винскій относится къ этимъ мѣрамъ весьма скептически. «Въ другомъ европейскомъ народѣ подобныя узаконенія произвели бы неминуемо во всемъ полезныя перемены, но Екатерина знала основательно своихъ россіянъ и твердо была увѣрена, что они не только не воспользуются даруемою свободою устраивать свое ечастіе, но не поймутъ ни содержанія, ни силы ея благоволенія, и что она, не отваживая ни малѣйше симъ смѣлымъ поступкомъ своего самодержавія, бросить пыль въ глаза Европы и обморочить потомство. Сіе все въ точности воспослѣдовало». Это одно изъ тѣхъ сужденій, по поводу которыхъ издатель записокъ Винскаго говоритъ о желчномъ его мировоззрѣніи, происшедшемъ отъ страстей молодости. Но Винскій разсуждаетъ какъ современникъ, и понятно, что его выраженія о грамотѣ дворянству не были языкомъ сухого историка или лицемѣрнаго панегириста; что же касается до сущности дѣла, то новѣйшіе изслѣдователи этихъ учреждений пришли къ тому же заключенію, какое высказалъ Винскій: столѣтнее фактическое существованіе этихъ учреждений показало, что дѣйствительно они не имѣли дѣйствія, какое могли имѣть, что практика совершенно опровергала основанія. Винскій очень сурово отзывался о дворянскихъ собраніяхъ, какъ они бывали въ то время, и позднѣйшіе историки нисколько не оспариваютъ факта, выставленнаго имъ. По его словамъ, людей со свѣдѣніями и пониманіемъ было тогда весьма немного, что образованнѣйшіе (т.-е. богатые) люди были при дворѣ и въ столицахъ, а жившее въ деревняхъ дворянство, по своей грубости и бѣдности, неспособно было воспользоваться новымъ учрежденіемъ въ пользу общества: въ собраніяхъ не предлагалось никакого серьезнаго дѣла. Винскій прибавляетъ и другое: «люди благонамѣренныя, съ знаніями и думами, или правительствомъ подъ различными видами устраняемы, или, ежели случались во оныхъ, были заглушаемы кликами черни», — какъ онъ называетъ необразованное и бѣдное деревенское дворянство. «Надобно отдать Екатеринѣ справедливость, — замѣчаетъ однако Винскій, — что въ нѣсколькихъ дворянства съ правителями (т.-е. намѣстниками, гу-

(бернаторами) распрахъ, она принимала сторону дворянъ; но сіи борьбы были маловажны и рѣдки; ибо, по духу рабствованія и невѣжества дворянъ, правители гнули и вертѣли его, какъ податливый тальникъ, во всѣхъ смыслахъ».

Оставляемъ еще нѣсколько общихъ замѣчаній Винскаго о временахъ Екатерины, написанныхъ въ томъ же духѣ. Къ сожалѣнію, авторъ былъ слишкомъ занятъ своей автобиографическою задачею и мало высказался о подобныхъ общихъ чертахъ своего времени. Изъ нихъ однако во всякомъ случаѣ можно видѣть, что въ тѣ времена бывали люди, которые умѣли тревожно понижать происходящее, не ослѣплялись шумными эффектами, и которыхъ сужденія совпадали съ мнѣніями «потомства». Это была, очевидно, одна изъ «крутыхъ головъ», какъ онъ выражается иронически и шутливо, — несомнѣнно умныхъ головъ, которыя умѣли бы сказать полезное слово и однако прошли совершенно безслѣдно въ свое время. Когда случается, какъ въ примѣрѣ Винскаго, узнавать подобныхъ людей только въ ихъ «посмертныхъ» произведеніяхъ, является невольно сожалѣніе, что эти люди не имѣли въ свое время возможности сказать современникамъ то, что они говорятъ потомству: польза, которую они могли принести, исчезла для нихъ собственнаго времени, и ихъ произведенія являются только какъ историческая защита ихъ мнѣній, въ свое время мало раздѣляемыхъ и для нихъ лично небезопасныхъ. Исторія оказываетъ имъ только запоздалую защиту.

Имя Винскаго, сколько извѣстно до сихъ поръ, не встрѣчалось въ мѣстной хроникѣ края, гдѣ онъ жилъ; но, судя по его собственному разсказу, его дѣятельность не прошла безплодно. Среди своего учительства, онъ много читалъ и, наконецъ, принялся за литературную работу; онъ дѣлалъ переводы изъ иностранныхъ писателей, изъ той морализирующей беллетристики, которая была тогда особенно въ ходу, и, при слабомъ распространѣніи книгъ, его переводы расходились въ рукописяхъ не только въ околотѣ, но и далеко за его предѣлами.

Въ концѣ своихъ записокъ, Винскій передаетъ много любопытныхъ подробностей о своей учительской жизни въ помѣщичьихъ домахъ Оренбургскаго края, — подробностей, которыя будутъ нужны будущему историку русскихъ нравовъ. Понятно, что, по своему зависящему положенію, онъ чувствовалъ много неудобствъ, о которыхъ и рассказываетъ. Но рядомъ съ этимъ идетъ другая полоса — исторія его умственныхъ интересовъ, не менѣе любопытная. На его личномъ примѣрѣ мы видимъ пути, кото-

рыми въ отдаленнѣйшихъ завоулахъ находили отголосокъ и сочувствіе гуманныя идеи XVIII-го вѣка и шелъ внутренній процессъ нашей образованности, обыкновенно столь неуловимый для наблюдателя и поражающій иногда неожиданными фактами.

Винскій сознается, что и въ оренбургской жизни имъ продолжала владѣть «раснуста», «діонисіади», картежная игра; но учительская должность, взятая имъ на себя, обязывала къ большій степенности, — она расшевелила въ немъ «засохшія сѣмена малороссійскаго воспитанія» и, наконецъ, возбудила въ немъ страсть къ чтенію и размышленію: «книгами не всегда можно шутить, — онѣ часто или тихонько закрадываются, или насильно втискиваются въ человѣческое сердце, разумѣется, однако, *человѣческое*». Книжки оживили его и окончательно установили направленіе его мыслей.

Окружающая среда мало поощряла подобныя интересы. Винскій рисуетъ картину крѣпостныхъ нравовъ, вѣрность которой не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію для всякаго, кто успѣлъ видѣть послѣднія проявленія этихъ нравовъ, — притомъ она слишкомъ обильно подтверждается другими свидѣтельствами. Въ этой средѣ не было мѣста умственнымъ интересамъ; мало того, они глухли даже въ людяхъ образованныхъ, которые возвращались въ помѣщичьей деревенской жизни.

«Кто бывалъ допущенъ въ русскія искреннія бесѣды и имѣлъ возможность дѣлать наблюденія, — рассказываетъ Винскій, — тотъ признается, что онны состоятъ по большій части изъ повѣствованій. Десять и двѣнадцать человѣкъ обыкновенно слушаютъ одного рассказчика. Вещесловіе (предметъ разговора) всегдашнее въ деревняхъ: хозяйство, охоты, путешествіе; въ городахъ: тоже, съ прибавленіемъ городскихъ и столичныхъ новостей. О политическихъ дѣлахъ говорить мало; но ежели случается собственная война — непрестанно и съ неусловнымъ пристрастіемъ. При повѣствованіяхъ, — слушатели одобряютъ рассказчика взглядами, улыбками, иногда и словами. При рассказываніяхъ, — ссылки и поѣрки всегда бывають на бывалыхъ; никогда ни на одну книгу ни одинъ русской не ссылается и ни одного автора не имѣетъ. Въ случаѣ возраженія подпираются сами-собою, родными или ближними, отъ чего человѣку, знающему обхожденіе и кѣ-ливному, крайне затруднительно съ ними бесѣдовать. Дворяне нечитаютъ невѣжество своимъ правомъ. Человѣкъ со свѣдѣніями не только не уважается, но, можно сказать, нѣкоторымъ образомъ обѣгается. Смотря по обстоятельствамъ, хотя и будетъ онъ терпимъ, но въ довѣренности не будетъ никогда...

«Что невѣжескующіе говорятъ иногда о дѣлахъ важныхъ, заводятъ споры и стоятъ крѣпко за свои мнѣнія, сіе можетъ быть свойственно всѣмъ народамъ; но русскіе единственны тѣмъ, что учившіися, въ молодости имѣвшіе достаточныя свѣдѣнія, начавши жить въ деревнѣ, ставши хозяевами, отцами, скоро привикаютъ въ разговорамъ и мнѣніямъ своихъ сосѣдей, поставляютъ какъ бы зазорнымъ свои знанія, и, въ случаѣ преній, всегда держатся стороны невѣждъ. На улику: «вы сами сему учились; вы знаете, что я говорю справедливо», и проч., не стыдятся отвѣчать: «мало ли чтó пишутъ ученые; чтó лучше Святой Руси!»

Таково было большинство. Но Винскому посчастливилось встрѣтиться съ нѣсколькими просвѣщенными людьми, которые внушили ему искреннее уваженіе. Это, въ соединеніи съ чтеніемъ, наполняло его умственные интересы и удовлетворяло нравственнымъ стремленіямъ. Въ то время началъ выходить «Всемирный Путешественникъ»; онъ зажегъ любопытство Винскаго. «Блаженъ, чье сердце способно принять сію божественную искру, и преблаженъ, кто, воспламеняемый симъ священнымъ огнемъ, нападетъ самъ собою, или поведенъ будетъ добрымъ человѣкомъ любопытствовать, то есть научиться одному полезному. Къ несчастію рода человѣческаго, дщери ада, изувѣрство и ложная политива, умѣли столько засыпать гибельными мнѣніями правила чистыя нравственности, что одни счастливые и отлично прозорливые смертные могутъ ихъ отличить отъ лжей, безстыднѣйше выдаваемыхъ за истины».

Въ воспоминаніяхъ своихъ Винскій съ особенной благодарностью заноситъ имя нѣкоего Арсеньева, «дворянина отличныхъ достоинствъ по уму и добротѣ сердца»; ему особенно онъ былъ обязанъ поддержкой своихъ благихъ занятій. Винскій не охотникъ до комплиментовъ, и его отзывъ надо принять въ полномъ значеніи. «Арсеньевъ, — говоритъ онъ, — получивши превосходное воспитаніе и достаточное наученіе въ родительскомъ домѣ, потомъ усовершенствованный долговременнымъ пребываніемъ при своемъ дядѣ, бывшемъ министромъ (т.-е. посланникомъ русскимъ), въ Англіи, употребленный отличительно при посольствѣ князя Репнина, состоялъ тогда по военной службѣ подполковникомъ. Ни одного изъ русскихъ не зналъ я, кто бы, какъ г. Арсеньевъ, живши весьма долго между иностранцами, болѣе приверженъ былъ къ своему отечеству и любилъ его страстнѣе, хотя и весьма не принадлежалъ въ тому безмѣрному скопищу, гдѣ русскій дымъ называется сладкимъ, какъ благовоннымъ». Арсеньевъ,

какъ «благодѣтель ближняго», — говоритъ Винскій, — помогъ его образованію и знакомилъ съ французской литературой.

«Еще раньше этого, продолжая чтеніе, — говоритъ Винскій, — я скоро примѣтилъ, что въ російскихъ книгахъ много недоставало для удовольствованія моего любопытства, и для сего началъ знакомиться съ французскими. По счастью, у г. губернатора имѣлась богатая бібліотека, и онъ благоволилъ дать мнѣ позволеніе ею пользоваться. Первый Вольтеръ заохотилъ меня читать и разсуждать. Занимательный слогъ, важность вещесловія (предмета), смѣлыя истины тотчасъ мною переведены и сообщены знакомымъ какъ новость. Похвалы, благодарность заставили болѣе и болѣе упражняться въ переводахъ, а симъ самымъ пріобрѣталась нравственность, ибо нисать и бразничать — сладить было никакъ нельзя. Словолюбіе есть одна изъ дѣятельнѣйшихъ сердца человѣческаго пружинъ; умѣй только ее трогать, и она произведетъ немногое...»

«Переводы мои, сообщаемые моимъ знакомцамъ, доставляли мнѣ лестную награду похвалами и благодарностію. Я ожидалъ было лучшаго, т.-е. что читающіе ихъ хоть столько же ими воспользуются, сколько я, и для сего надрывался выбирать любопытнѣйшее и трудился, точно, негнѣдно. Къ несчастію, долженъ признаться, что ожиданіе мое едва-ли имѣло въ комъ успѣхъ; по меньшей мѣрѣ скажу, не хвастаясь, что я имѣлъ удовольствіе видѣть предлагаемые мнѣ мои собственные переводы за новинку, вывезенные изъ средины Сибири; въ Симбирскѣ же и въ Казани они весьма многимъ были извѣстны».

Такъ дѣйствіе времени проникало въ самыя далекія заголустя: литературныя потребности возникали сами собой, образовывались мнѣнія, и мнѣнія Винскаго, какъ видно изъ приведенныхъ образчиковъ, были уже вполне сознательныя. На его примѣрѣ мы можемъ наблюдать отвлеченное и практическое вліяніе французской литературы восемнадцатаго вѣка. Винскій восторженно говоритъ объ ея лучшихъ писателяхъ, въ которыхъ видитъ поборниковъ истины, неустрашимыхъ защитниковъ правъ чело-вѣчества. Его размышленія и интересы приняли именно тотъ складъ и направленіе, какъ у почитаемыхъ имъ писателей. «Мораль и политика были мои любимѣйшія занятія; метафизика же возбуждала во мнѣ непреодолимое отвращеніе», — такъ, разумѣется, и слѣдовало чело-вѣку, воспитавшемуся на французскихъ писателяхъ прошлаго столѣтія.

Записки Винскаго производятъ, по крайней мѣрѣ, на насъ производили, между прочимъ одно впечатлѣніе, какаго вообще

не производить наши старые писатели: онъ такъ близокъ къ нашимъ понятіямъ, что, читая его, не нужно никакого усилія переноситься въ старое время, становиться на «историческую точку зрѣнія». Онъ судить просто и здраво, и угадываетъ сужденія позднѣйшей исторіи.

Въ концѣ записокъ, издатель не преминулъ бросить въ автора ихъ еще одинъ камешекъ, заподозривъ правдивость отзывовъ Винскаго о временахъ имп. Екатерины, причемъ ссылается на воспоминанія С. Т. Аксакова объ его дѣтствѣ. Отзывы дѣйствительно разные, но издатель не подумалъ, что довольно странно ссылаться на дѣтскія воспоминанія Аксакова въ мнимое опроверженіе челоуѣка, прожившаго главную пору своей жизни въ эти времена и, надобно думать, понимавшаго вещи нѣсколько лучше, чѣмъ С. Т. Аксаковъ во времена своего ребячества. — Подобное отношеніе къ историческому источнику мы затруднимся назвать добросовѣстнымъ. Винскій и Аксаковъ не имѣютъ ничего общаго; это — люди разнаго времени, разнаго положенія, разнаго писательскаго склада и разныхъ мнѣній: въ сочиненіяхъ Аксакова проходитъ вездѣ значительная доза идилліи, которой нѣтъ нисколько у Винскаго; когда Аксаковъ рассказываетъ даже самыя неблагополучныя факты прошлаго, какъ напр., дѣянія Куролесова, предъ нимъ все-таки носится представленіе «добраго старова времени», — личное добродушіе (какъ мы полагаемъ) и привычки на половину мирять его съ подобными фактами; Аксаковъ — до известной степени поэтъ, наклонный къ идеализаціи старины; Винскій — умный и именно правдивый рассказчикъ о дѣйствительной жизни.

А. П.

НАУКА И ЛИТЕРАТУРА

ВЪ

СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИИ

ПИСЬМО ШЕСТОЕ *).

I.

1) *Mackenzie Wallace: Russia. London: Cassel and Co. 2 vol. in 8°, 466 and 472 pages. 1877.* — 2) *Eugene Schuyler: Turkistan, notes of a journey in Russian Turkistan, Khokan, Bukhara and Kuldja. London: Sampson Low. 2 vol. in 8°, 411 and 463 pages. 1876.*

«Изъ-за славянскаго вопроса, или панславизма, выступаетъ восточный вопросъ въ самомъ широкомъ смыслѣ. Судьбы Азии находятся главнымъ образомъ въ рукахъ Россіи и Англіи. Хотя поле дѣйствія достаточно обширно для обѣихъ, и исторія конференціи служитъ превосходнымъ предзнаменованіемъ, было бы нелѣпо утверждать, что онѣ всегда останутся въ ладахъ между собою. Но будемъ, по крайней мѣрѣ, остерегаться химеръ, чтобы намъ какъ-нибудь не податься изъ-за недоразумѣнія. Обязанность наша ясна: мы должны стараться какъ можно лучше познакомиться съ Россіей, чтобы избѣгать безцѣльныхъ столкновений. Въ надеждѣ содѣйствовать этому желательному результату написана эта книга».

*) См. „Вѣстникъ Европы“, февраль, 1877 г., стр. 737.

Вотъ заключительныя строки сочиненія Маккензи Уоллеса ¹⁾, — въ двухъ изящныхъ томахъ, переплетенныхъ въ тонкій холстъ, цѣта chamois и украшенныхъ на корешкѣ и на переплетѣ черными двуглавыми орломъ, съ гербомъ, короной, скипетромъ и глобусомъ, нарисованнымъ и раскрашеннымъ согласно предписаніямъ геральдическаго искусства. Авторъ прожилъ въ Россіи съ марта мѣсяца 1870 г. по декабрь 1875 г., проводя зимы въ Петербургѣ, Москвѣ и Ярославлѣ, а лѣто въ деревнѣ, собирая свѣдѣнія у священниковъ, крестьянъ и помѣщиковъ. Оффиціальныя документы, въ высшей степени цѣнныя, во множествѣ были предоставлены въ его распоряженіе. Что касается русскихъ людей, съ величайшей охотой доставлявшихъ ему всякаго рода справки, то пришлось бы наполнить ихъ именами цѣлый томъ: онъ самъ сообщаетъ намъ все это въ предисловіи. Онъ довольствуется, приводя имена гг. Капустина и Балкашина изъ ярославскаго лица, и двухъ или трехъ другихъ. «Я долженъ также, — прибавляетъ онъ, — выразить свою почтительнѣйшую признательность г-жѣ Новиковой, урожденной Кирѣевой, за содѣйствіе, оказанное ею мнѣ и благодаря которому я могъ добраться до наилучшихъ изъ современныхъ источниковъ всякихъ справокъ» (Предисловіе, стр. VI).

Итакъ, если когда-нибудь смертному везло въ какомъ-нибудь предпріятіи, то этотъ смертный какъ разъ самъ авторъ «Russia». У него не было недостатка ни въ чемъ, ни даже въ классической Эгеріи, всегда граціознаго провидѣнія, роль котораго заключается въ томъ, чтобы нѣсколько освѣтить и освѣжить сухія статистическія данныя. Вооруженный всѣми этими преимуществами, насколько м-ръ Уоллесъ достигъ своей цѣли? Насколько познакомилъ онъ Англію съ Россіей?

Конечно, совершенство никому не дано. Есть два рода ученыхъ или изслѣдователей: первые набираютъ матеріалы — какъ муравьи, выражаясь словами Бэкона, — вторые распределяютъ ихъ, какъ пчелы. М-ръ Уоллесъ самъ записываетъ себя въ число первыхъ: онъ достойно занимаетъ свое мѣсто въ средѣ этого трудолюбиваго народа. Онъ поставилъ себѣ задачу — и хорошо выполнилъ ее: никто не имѣетъ права упрекать его за его предпочтенія, обусловливаемыя его способностями. «Отъ всякаго по мѣрѣ его силъ» — вотъ часть девиза сень-симонистовъ, которую критикъ никогда не долженъ упускать изъ виду.

¹⁾ Наши читатели уже знакомы довольно подробно съ содержаніемъ книги г. М. Уоллеса (см. май, 317 — 372 стр.); въ настоящей статьѣ они увидятъ, какое впечатлѣніе произвелъ г. Уоллесъ въ Англіи. — *Ред.*

Но надо при этомъ, чтобы человекъ и не выходилъ изъ своей роли: будьте муравьемъ,—пусть такъ; но не презирайте пчелъ. И тутъ да позволено мнѣ будетъ привести мнѣше чело-вѣка безпристрастнаго и также симпатизирующаго Россіи, авторитета въ либеральной партіи: я говорю о м-рѣ Грантѣ Дюфѣ. Всѣ наши журналы «ежемѣсячные» и тѣ, что появляются въ три мѣсяца разъ, напечатали обширныя передовыя статьи о Россіи, по поводу книги м-ра Уоллеса. Большинство отзывовъ этихъ журналовъ очень благопріятно. Грантъ Дюфъ, напечатавшій свою статью въ первомъ № новаго журнала «XIX Century» — ставитъ м-ра Уоллеса гораздо выше Гаекстаузена. Затѣмъ, дойдя до вопроса объ освобожденіи, онъ спрашиваетъ: были ли результаты его вполне благопріятны для крестьянъ. «Я боюсь,—говоритъ онъ,—что м-ръ Уоллесъ не захочетъ отвѣчать на этотъ вопросъ безусловнымъ и откровеннымъ «да». Онъ отвѣтитъ намъ однимъ изъ тѣхъ *distinguo*, которые онъ такъ хорошо умѣетъ ставить; потому что его способъ разсужденія по всѣмъ важнымъ предметамъ заключается въ томъ, что онъ сопоставляетъ одни мнѣнія съ другими въ окончательномъ резюме. Онъ опишетъ, какіе труды стоило ему придти къ какому-нибудь заключенію, какіе у него въ рукахъ были средства для того, чтобы собрать всевозможныя свѣдѣнія, и что, въ концѣ-концовъ, у него нѣтъ достаточно данныхъ для окончательнаго рѣшенія».

Ничего не можетъ быть справедливѣе этой критики, написанной дружескимъ перомъ. Это осужденіе самой системы автора и вообще эмпиризма—этой формы скептицизма,—который осуждаетъ его приверженцевъ на вѣчныя сомнѣнія. Впрочемъ, въ «Russia» есть гдѣ-то оцѣнка, не оставляющая никакого сомнѣнія на счетъ истинныхъ взглядовъ автора.

Разсказавъ о нѣкоторыхъ крестьянахъ сѣверной Россіи, которыхъ онъ описываетъ дѣятельными, умными и сравнительно образованными, м-ръ Уоллесъ не можетъ придти въ себя отъ удивленія, отъ того, что находилъ въ нѣкоторыхъ библіотекахъ... догадайтесь—что именно?.. переводъ сочиненія Бокля объ исторіи цивилизаціи. И такъ какъ его русскіе пріятель очень хвалили ему эту книгу, которая много читается въ ихъ отечествѣ, онъ переходитъ отъ удивленія къ удивленію и истощается въ тщетныхъ усиліяхъ доказать, что Бокль не серьезенъ, что онъ въ сущности далъ лишь нѣсколько намѣковъ (*hints*) по части исторической науки (t. I, p. 168).

Это серьезно. Я знаю, что англичане пользуются славой, вообще заслуженной ими, что они гораздо лучше знакомы съ ино-

странными литературами, нежели съ отечественной. Но въ настоящемъ случаѣ дѣло заходить слишкомъ далеко. Конечно, тутъ играетъ роль предубѣжденіе, а не невѣжество; тѣмъ не менѣе взглядъ слишкомъ ошибочный. Отъиваться такимъ образомъ о великомъ историкѣ, о знаменитомъ мыслителѣ, о которомъ Стюартъ Милль упоминаетъ не иначе, какъ съ глубочайшимъ уваженіемъ—это по-истинѣ значить ронять самого себя. Безъ сомнѣнія, русскіе пріятели м-ра Уоллеса должны были въ свою очередь удивиться, хотя по другой причинѣ: они должны были сказать себѣ, что съ ихъ стороны вовсе уже не такъ глупо отдавать Болю, наравнѣ съ нѣмцами и французами, ту дань восхищенія, въ которой ему отказываетъ его соотечественникъ.

Въ сущности, м-ръ Уоллесъ какъ будто презираетъ науку вообще, а исторію въ особенности: онъ именно науку обозначаетъ презрительнымъ терминомъ «несвоевременныхъ обобщеній». По этой причинѣ, конечно, онъ не захотѣлъ прочесть трудовъ, изданныхъ въ его отечествѣ, равно какъ и въ Германіи послѣ 1870 г., о сельскихъ общинахъ древнихъ арійскихъ народовъ, какъ тевтонскихъ и индусскихъ, такъ и славянскихъ. Это освободило бы его отъ труда объяснять своимъ соотечественникамъ то, что они отлично знаютъ и безъ него, хотя бы, напримѣръ, изъ сочиненій сэра Мэна. Я не говорю собственно про *миръ*, который описанъ у него очень подробно и интересно. Но было бы весьма пріятно, если бы авторъ воспользовался своимъ глубокимъ знаніемъ этого предмета, чтобы провести параллель столь же поучительную, какъ и интересную между русскимъ міромъ и, напримѣръ, сельской индусской общиной.

Въ этомъ отношеніи, онъ могъ бы также, нѣсколько обобщивъ вопросъ и примѣнивъ науку въ изученію мѣстныхъ явленій, которыя ему такъ хорошо извѣстны, дать намъ то, чего мы напрасно ищемъ въ его книгѣ: ходъ развитія славянской цивилизаціи и—главное—относительно тѣхъ пунктовъ, которыми она отличается отъ цивилизаціи остального европейскаго общества. Я часто удивлялся тому, что западные историки постоянно проходить молчаніемъ этотъ интересный вопросъ. Этотъ столь сложный періодъ среднихъ вѣковъ и феодализма освѣтился бы неожиданнымъ свѣтомъ, благодаря внимательному сравненію съ явленіями русскаго общества той же эпохи. Что этимъ пренебрегали въ прежнее время—это понятно. Не далѣе какъ лѣтъ двадцать тому назадъ это общество считали весьма невѣжественно оригинальнымъ порожденіемъ азіатскаго и татарскаго вліяній. Въ то время исторію феодализма—по крайней мѣрѣ во Франціи и въ Англій—разсма-

тривали съ старинной и рутинной точки зрѣнія, въ свѣту которой охотно отождествляли съ германцами всѣ народы не-латинскаго происхожденія, обозначаемые древнимъ выраженіемъ *сарваровъ*.

Въ настоящее время и съ давнихъ уже поръ извѣстно, что всѣ эти «варвары» принадлежатъ къ той же вѣтви, какъ и греки, и латинцы; и хотя между ними и этими послѣдними провели весьма интересную и правдивую параллель, но, сколько мнѣ извѣстно, никто не сдѣлалъ этого относительно славянъ, которые, между прочимъ, занимаютъ свое мѣсто въ великой аристократической семьѣ человѣческаго рода—арійской расѣ. Развѣ не было бы крайне важно констатировать, что славяне избѣжали такъ-называемаго феодальнаго порядка? Развѣ это не капитальный фактъ для исторіи и объясненія самаго порядка? Такъ какъ славяне въ первобытныя времена мало чѣмъ отличались отъ германцевъ, то слѣдуетъ признать, что феодальный порядокъ обуславливается иными причинами, чѣмъ организаціей и завоеваніями германцевъ. Пагубное и рѣшительное вліяніе католической церкви на Западѣ обнаруживается при этомъ съ такой ясностью, что не допускаетъ никакихъ возраженій.

Европу ввело въ заблужденіе слово «*крѣпостной*», которое для всѣхъ представляетъ самую характеристическую, равно какъ и самую отвратительную сторону феодальнаго порядка. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что самые авторитетные историки виали въ грубую ошибку: усмотрѣвъ въ крѣпостничествѣ Россіи продолженіе системы, водворившейся въ Европѣ въ X вѣкѣ и даже ранѣе, и-ръ Уоллсъ, послѣ многихъ другихъ писателей, содѣйствовалъ устраненію этого заблужденія, на которое уже указываетъ сочиненіе Николая Тургенева и *Исторія цивилизаціи въ Россіи* Жеребцова. Я говорю, конечно, о сочиненіяхъ, напечатанныхъ не на русскомъ языкѣ. Что касается русскихъ писателей, писавшихъ на своемъ родномъ языкѣ, то, за исключеніемъ Карамзина и двухъ или трехъ другихъ, которымъ посчастливилось быть переведенными на иностранныя языки, — на Западѣ даже не подозреваютъ объ ихъ существованіи.

Жеребцовъ считаетъ, что окончательное освященіе *крѣпостного состоянія* воспослѣдовало въ 1718 г., когда Петръ I приказалъ произвести полную перепись народа. «При этой ревизіи, — говоритъ онъ, — *крестьяне, крѣпостные (adscripti glebae) и рабы, сидѣвшіе на помѣщичьихъ земляхъ, были занесены въ одни списки. Сверхъ того, въ 1704 г. упраздненъ былъ крѣпостной приказъ, а въ ревизіи было сказано: «каждый останется крѣпостнѣ*

земль, въ которой приписанъ». А такъ какъ рабъ назывался *крупнымъ, крупостнымъ*, то путаница въ словахъ увеличила путаницу въ вещахъ ¹⁾. Переворотъ подготовлялся въ продолженіи двухъ почти столѣтій, благодаря стремленію, все болѣе и болѣе развивавшемуся у крупныхъ землевладѣльцевъ, — прикрѣпить крестьянина къ землѣ; тѣмъ не менѣе, мы видимъ, какъ поздно совершился этотъ фактъ, и какъ онъ различался отъ условій, въ силу которыхъ организовалась феодальная система. Въ этомъ отношеніи и что бы ни говорилъ м-ръ Уоллѣсъ (т. II, р. 236), русскіе въ правѣ утверждать, что ихъ крестьяне были свободны въ тѣ отдаленныя времена, когда крестьяне другихъ странъ были рабами.

Другой пунктъ, крайне важный и на который, какъ мнѣ кажется, не обращали достаточнаго вниманія авторы послѣднихъ сочиненій о Россіи, заключается въ опѣнкѣ истиннаго вліянія великихъ реформаторовъ: Петра I и Екатерины II. Анатолий Леруа-Больѣ, который въ послѣдніе два или три года печатаетъ въ «Revue des Deux Mondes» чрезвычайно интересныя статьи, не такъ удачно изложилъ этотъ вопросъ, какъ другіе ²⁾. Сказать, что реформы Петра-Великаго удалась только потому, что были подготовлены, что справедливо лишь относительно, онъ ставитъ слѣдующій вопросъ: «дѣйствительно ли Россія цивилизованнѣе въ настоящее время, чѣмъ была бы, если бы ея великій реформаторъ вовсе не существовалъ?» И разрѣшаетъ его отрицательно, объявляя, что въ этомъ позволено усомниться. Онъ прибавляетъ: «самая рѣзкость реформы имѣла для Россіи четыре пагубныхъ послѣдствія: она произвела нравственное зло, умственное зло, социальное зло и политическое зло» ³⁾.

Отдавая больше справедливости Петру-Великому и настаивая даже на практической и полезной сторонѣ его реформъ, м-ръ Уоллѣсъ, вѣрный своей системѣ «равновѣсія» и неопредѣленности, приходитъ къ слѣдующему неожиданному заключенію, объявляя, что: «во время насильственныхъ реформъ царя, Россія выкинула за бортъ все свое историческое прошлое, со всѣми его задачами, и утратила всѣ элементы для истинно-національной цивилизаціи» (т. II, р. 124). Но, обращаясь къ Екатеринѣ II, онъ оказывается еще одностороннѣе. Онъ только и умѣетъ, что подтрунивать надъ ея «галломаніей», надъ перенискою съ Воль-

¹⁾ См. вышеупомянутое сочиненіе Жеребцова. Т. II, стр. 74.

²⁾ L'empire des tsars et les Russes. См. „Revue des Deux Mondes“ съ 15 августа 1873 г.

³⁾ Loc. cit. № 15, января 1874.

теромъ и «непогрѣшимостью энциклопедіи». Онъ даже ссылается на одинъ указъ о крѣпостныхъ, чтобы указать кажущееся противорѣчіе между поведеніемъ императрицы и ея восхищеніемъ Беккарией. Онъ забываетъ о важной реформѣ тюремъ и многихъ другихъ, которыя было бы слишкомъ долго перечислять и которыя всѣ внушены вліяніемъ тѣхъ самыхъ энциклопедистовъ, надъ которыми онъ такъ весело глумится.

Ему не слѣдовало бы забывать, что Франція, утратившая въ настоящее время свое прежнее значеніе, имѣла нѣкоторое право въ ту эпоху стоять во главѣ цивилизаціи. «Галломанія» была свойственна не одной Россіи: то былъ словно порывъ гуманности и возрожденія, который пронесся надъ всей Европой, какъ въ Австріи, гдѣ царствовалъ Іосифъ II, такъ и въ Португаліи, гдѣ правилъ Помбаль, и въ Неаполитанскомъ королевствѣ, гдѣ Танучи соперничалъ въ либерализмѣ съ Леопольдомъ тосканскимъ. Германія была не менѣе Россіи заражена галломаніей, и великій Фридрихъ—котораго м-ръ Уоллэсъ навѣрное не считаетъ дуракомъ—гордился перепиской съ самыми знаменитыми изъ этихъ «непогрѣшимыхъ энциклопедистовъ», которыхъ историку слѣдовало бы звать не только по наслышкѣ. Пусть онъ возьметъ трудъ прочесть нѣкоторыя изъ писемъ, писанныхъ прусскому королю Д'Аламберомъ и Кондорсэ, и онъ найдетъ въ нихъ не мало глубокихъ истинъ, не мало драгоцѣнныхъ указаній для человѣка, желающаго ориентироваться на трудномъ пути историческихъ и философскихъ изслѣдованій, и даже въ болѣе простомъ искусствѣ—описанія нравовъ и обычаевъ народовъ.

Въ сущности, если справедливо, что правительства являются въ нѣкоторомъ родѣ результатомъ нравовъ и дѣйствій народовъ, то и обратное столь же вѣрно: народы до нѣкоторой степени становятся такими, какими ихъ создаютъ правительства. Тутъ мы попадаемъ въ настоящій заколдованный кругъ: каждый изъ этихъ двухъ элементовъ поочередно вліяетъ на другой. Въ этомъ отношеніи государственный человѣкъ, стоящій во главѣ управленія, имѣетъ капитальное значеніе: если желанія—я не говорю: свободная воля, потому что это была бы безземслица—людей признаются въ числѣ факторовъ событій, то желанія того, кто можетъ сдѣлать почти все, что захочетъ, должны имѣть рѣшительное вліяніе. Перикль былъ возможенъ только въ Аѳинахъ: согласенъ! Но, являсь среди аѳинянъ, Перикль возвеличилъ ихъ во сто кратъ. Петръ-Великій имѣлъ дѣло съ мало-образованнымъ народомъ: его усилія должны были быть гигантскими, и если бы ему удалась самая незначительная часть его предпріятія, то все

же онъ сдѣлалъ бы для русскихъ гораздо больше, нежели Перикль могъ сдѣлать для афинянъ. Безъ него Екатерина II не была бы возможна. Безъ сомнѣнія, Россія пошла бы, тѣмъ не менѣе, по пути, расчищенному и подготовленному предыдущими цивилизациями. Но пусть разумный человѣкъ докажетъ, что, за отсутствіемъ этихъ двухъ государей, ей удалось бы занять среди европейскихъ націй то громадное мѣсто, какое она нынѣ занимаетъ.

Вотъ выводъ, который я рекомендую вниманію м-ра Уоллеса, хотя онъ гордится тѣмъ, что ничего не понимаетъ въ томъ, что презрительно обывааетъ «трансцендентальной политикой». Эти послѣднія слова высказываются по поводу извѣстнаго афоризма, приписываемаго Наполеону I: что «держава, которая овладѣетъ Константинополемъ, будетъ владычествовать надъ цѣлымъ міромъ». Онъ, глумясь, приводитъ турокъ и объявляетъ, что до сихъ поръ никто еще не умѣлъ перевести ему эти мистическія слова на простой языкъ; я попытаюсь это сдѣлать.

Конечно, если судить по теперешнимъ туркамъ, то вышеприведенный афоризмъ утрачиваетъ свое значеніе. Но перенесемъ мыслью за два или за три вѣка назадъ, ко днямъ Лепанта и Вѣны, и припомнимъ ужасъ, овладѣвшій Европой, трепещущей, науганной и видѣвшей себя, какъ во времена Аттилы, накануне того дня, когда она станетъ добычей новыхъ варваровъ. Времена переимѣнились: турецкая имперія стоитъ теперь на краю гибели. Но предположимъ на ея мѣстѣ молодую и сильную націю, кипящую юношеской мощью; пусть эта нація, уже владѣющая полъ-Европой и унаслѣдовавшая въ Малой-Азій турецкія владѣнія, займетъ еще бассейны Оксуса и Яксарта и тѣ равнины, которыя тянутся отъ Каспійскаго моря до Индукуша, и служилъ колыбелью для высшихъ расъ человѣческаго рода; пусть она завладѣетъ, какъ оно и кажется неизбежнымъ, новымъ проходомъ въ Индію и станетъ господствовать надъ навигаціей по Средиземному морю, и пусть отрицаютъ, если посмѣютъ, что такая держава, царящая въ Константинополѣ, не будетъ призвана въ свое время если не вполне господствовать, то по крайней мѣрѣ преобладать въ мірѣ.

Я надѣюсь, что м-ръ Уоллесъ извинитъ мнѣ эти критическія замѣчанія, вытекающія изъ различія точекъ зрѣнія и изъ твердаго убѣжденія, что для того, чтобы написать хорошую книгу, недостаточно наблюдать, но что надо также вполне хорошо знать наблюденія своихъ предшественниковъ. Этимъ путемъ устраняется пропасть мелочныхъ ошибокъ. Такъ, мы можемъ привести незна-

чительные сами по себѣ факты, но которые блистательно доказываютъ эту истину, и указать, что авторъ, будь у него болѣе обширное знакомство съ литературой, могъ бы уволить насъ отъ разсказа объ его отмороженномъ носѣ во время экскурсіи въ окрестностяхъ Новгорода. Нѣтъ сомнѣнія, что фактъ достоверенъ; но слѣдовало знать, что Александръ Дюма-отецъ уже разсказывалъ объ этомъ самымъ забавнымъ и милымъ образомъ, и что этотъ анекдотъ давно уже извѣстенъ.

Точно такъ онъ приводитъ вамъ, какъ самую удивительную вещь въ мірѣ: «most astounding of all», тотъ фактъ, что мужикъ выбѣгаетъ изъ бани зимой и катается по снѣгу. «Превосходное примѣненіе, — говоритъ онъ, — мѣстной пословицы, въ силу которой: что русскому здорово, то нѣмцу смерть» (t. I, p. 50).

Между тѣмъ французы давно уже знаютъ, подъ названіемъ «русской бани», эту удивительную вещь, которая есть не что иное, какъ одинъ изъ видовъ гидро-терапевтической системы, одинаково безвредной для всѣхъ національностей.

Всѣ эти критическія замѣчанія не отнимаютъ у книги м-ра Уоллеса ея неоспоримаго достоинства. Авторъ, впрочемъ, исполненъ рвенія и доброй воли, независимъ и работаетъ, сколько мѣ кажется, единственно лишь изъ любви къ наукѣ и доброй славы: все это заставляетъ относиться къ нему снисходительно и съ уваженіемъ. Мы съ нетерпѣніемъ ждемъ третьяго тома, который онъ намъ обѣщаетъ въ своемъ предисловіи въ дополненіе къ первымъ двумъ.

М-ръ Скайлеръ — тотъ самый американскій консулъ въ Константинополѣ, который надѣлалъ столько шуму въ свѣтѣ, первый указавъ, шесть мѣсяцевъ тому назадъ, на «болгарскіе ужасы». Этому обстоятельству онъ обязанъ былъ тѣмъ, что внезапно получилъ совсѣмъ неожиданное значеніе: а теперь это «welthistorischer Mann», — человекъ историческій, принимая это слово въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, нежели у Гегеля. Его книга подала поводъ къ ожесточенной полемикѣ между Гладстономъ и его противниками по случаю мнимыхъ жестокостей генерала Кауфмана въ Туркестанѣ. Извѣстно, что русское посольство въ Лондонѣ вмѣшалось отчасти въ это дѣло, опровергнувъ факты, приводимые Скайлеромъ.

Но обо всемъ этомъ уже было говорено раньше, и дальнѣе толковать объ этомъ, слава-Богу, бесполезно. Оставляя въ сторонѣ политику, я хочу сказать нѣсколько словъ о сочиненіи съ точки зрѣнія его научнаго и литературнаго значенія.

Это значеніе превосходить во многихъ отношеніяхъ значеніе книги Уоллеса. Во-первыхъ, заглавіе не обманываетъ васъ:— оно даетъ, что обѣщаетъ. Книга не претендуетъ на подробное и всеобщее описаніе Туркестана, это просто путевыя замѣтки; но онѣ добросовѣстны и интересны. Авторъ не пускается въ безполезныя препирательства о безполезности науки и методы; онъ идетъ своей дорогой, никого не задѣвая—и благо ему. Если встрѣчаешь пробѣлы или ошибки, то менѣе склоненъ упрекать его за нихъ. Что за важность, напримѣръ, что онъ пишетъ имена собственныя на турецкій ладъ, вмѣсто того, чтобы употребить персидскую орфографію; что онъ складываетъ Ташкентъ съ *m*, а не съ *d*, какъ это принято было до сихъ поръ и такъ далѣе. Признаюсь, что не раздѣляю щепетильности критика «Saturday Review» на этотъ счетъ.

Впрочемъ, что касается вопросовъ историческихъ и этнографическихъ, Свайлеръ разумно предоставляетъ ихъ людямъ болѣе компетентнымъ. Авторитетомъ его является профессоръ Григорьевъ, на котораго онъ ссылается въ случаѣ необходимости. Такимъ образомъ, онъ изложилъ намъ, на основаніи словъ русскаго ученаго оріенталиста, что первобытная распря между Ираномъ и Тураномъ происходила не между иранцами и туранцами въ современномъ смыслѣ этого слова, но между двумя племенами одной расы, такъ что эти термины употреблялись первоначально въ смыслѣ географическомъ, а не этнографическомъ: впрочемъ, это не особенно важно (t. I, p. 105).

Я не могу, къ сожалѣнію, распространяться и указать на всѣ хорошія вещи, содержащіяся въ двухъ вышеупомянутыхъ томахъ. Если въ нихъ нѣтъ ничего новаго, то мы найдемъ въ нихъ за то въ очень живомъ и обстоятельномъ изложеніи все, что можетъ интересовать ислѣдователя, касательно быта, нравовъ, а также и русскаго управленія Туркестаномъ и ханствами. Свайлеръ отдастъ полную справедливость усиліямъ центрального управленія. Углубительне узнать, напримѣръ, что русское завоеваніе поставило евреевъ на одну ногу со всѣмъ остальнымъ населеніемъ. Въ Самаркандѣ они обязаны были, въ былое время, обитать въ особенномъ кварталѣ и имъ не позволяли опоясываться ничѣмъ, кромѣ веревки. Въ этомъ отношеніи и въ томъ же направленіи европейская цивилизація можетъ дать въ этихъ странахъ тѣ же результаты, что и въ Индіи. Но кажется, что эти усилія еще не успѣли привлечь населеніе, и авторъ полагаетъ, что владѣніе Туркестаномъ не должно очень тревожить Англію, пока оно не

280

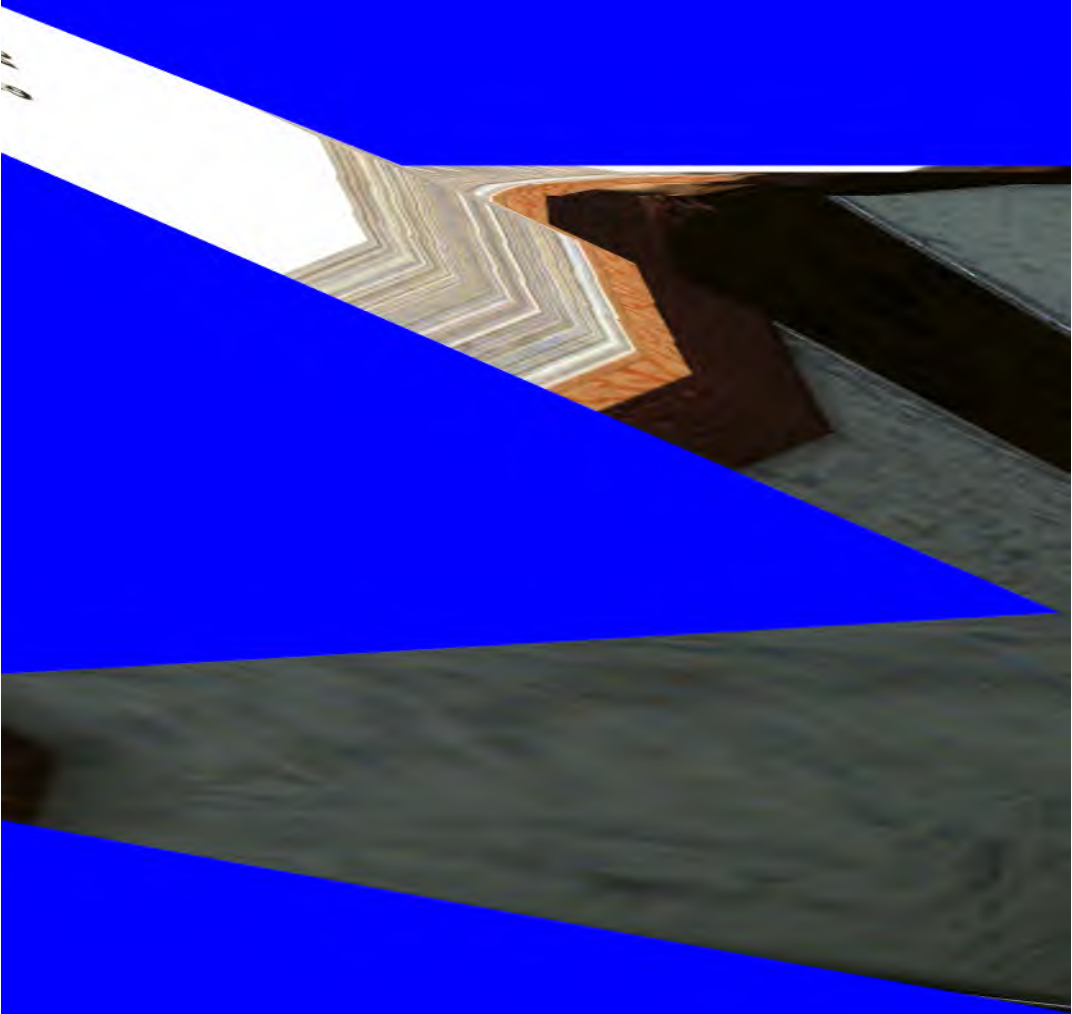
Великобританіи обезпечиваетъ ее отъ внезапнаго нападенія, или же, напротивъ того, только сильнѣе подвергаетъ ее — вопросъ спорный. На первый взглядъ каждый рѣшаетъ его въ первомъ смыслѣ; но болѣе внимательное наблюденіе вскорѣ показываетъ сложность задачи. Книга капитана Гозайера всѣмъ даетъ возможность вникнуть въ это дѣло.

Она повѣствуетъ весьма подробно и обстоятельно обо всѣхъ вторженіяхъ, совершѣнныхъ въ Англію, съ времени норманскаго завоеванія. Военныя снаряженія вторгающагося непріятели и силы страны, въ которую онъ вторгался; состояніе и родъ вооруженія, организація и дисциплина сражающихся, способы перевозки войскъ водою и сухимъ путемъ, и въ заключеніе, причины успѣха или неуспѣха различныхъ вторженій:— все это изложено весьма удовлетворительно въ книгѣ «galant»'наго офицера, употребляя британское выраженіе. Если мы скажемъ при этомъ, что авторъ даетъ даже краткій перечень вторженій римскихъ, датскихъ и савсонскихъ съ одной стороны, а съ другой—доходить до экспедиціи, организованной Наполеономъ I въ Булони, то понятно будетъ, что намъ придется ограничиться лишь нѣсколькими общими чертами.

Такимъ образомъ, можно будетъ составить себѣ понятіе о необыкновенномъ числѣ вторженій, которымъ подвергалась Англія, если мы скажемъ, что въ эпоху войны Бѣлой и Алой розы, и въ особенности съ 1459 по 1497 г., на берегахъ Великобританіи и Ирландіи происходило не менѣе десяти высадокъ. Последнею было высадка авантюриста Перренса Варбека, съ четырьмя кораблями и нѣсколькими сотнями людей, высадившагося въ Корнуальсѣ? Ни одной изъ этихъ десяти высадокъ не могли помѣшать, и пять изъ нихъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ: стоить припомнить двѣ изъ самыхъ знаменитыхъ, занесенныхъ въ память людей битвами при Нортгемптонѣ и Босвортѣ. Первая дала тронъ Англіи Эдуарду IV, вторая Генриху VII.

Воцареніе династіи Тюдоровъ имѣло для страны капитальное значеніе, едва ли превышаемое значеніемъ воцаренія Оранскаго и Ганноверскаго дома. Первая положила основаніе могуществу Англіи и упрочила ее вольности введеніемъ протестантизма; и всѣмъ извѣстно, что послѣ попытокъ Стюартовъ въ пользу деспотическаго управленія и католицизма, Вильгельмъ Оранскій, явившійся спасителемъ и триумфаторомъ, начерталъ на своемъ знамени, надъ девизомъ своего дома: «je maintiendrai» — слѣдующія слова: «вольности, Англія и протестантская религія».

Подробности вторженія принца Оранскаго извѣстны. Флотъ

саветой, доходили въ общей сложности до 133,000 человекъ. «Численное превосходство войска такъ важно, — говоритъ капитанъ Гозайеръ, — что если бы эти войска можно было сосредоточить противъ 50,000 испанской, испытанной въ бояхъ арміи, то успѣхъ оказался бы, быть можетъ, на нашей сторонѣ. Но это было невозможно. Нельзя было оставить беззащитной всю страну и заняться обороной одного только пункта. Нельзя было требовать отъ жителей Йоркшага и Девонскаго графствъ, чтобы они бросили свои жилища, поля, огороды и шли защищать лавки лондонскихъ купцовъ: надо было сторожить всё берега... Собственно говоря, самый ярый патриотъ-англичанинъ можетъ только порадоваться тому, что судьбы края рѣшены были въ мутныхъ водахъ Ла-Манша, а не на высотахъ Благѣта» (t. I, p. 225). Какъ извѣстно, стихіи играли главную роль въ неудачѣ Армады. При всемъ томъ, англійская эскадра, съ успѣхомъ нападавшая на тяжелые плавающие дома испанцевъ, много также содѣйствовала этому результату. Этого не слѣдуетъ забывать, тѣмъ болѣе, что это серьезный пунктъ въ береговой оборонѣ всѣхъ временъ.

Въ наши дни совершились громадныя перемѣны: паръ и телеграфъ — вотъ новые факторы, которые слѣдуетъ принимать во вниманіе. Но вѣдь это обоюдо-острое орудіе. Въ этомъ случаѣ заинтересованная сторона видитъ только себя: англичанинъ склоненъ рассуждать, что съ электрической проволокой и паромъ, позволяющимъ ему немедленно сосредоточивать свои войска и корабли на тѣхъ пунктахъ, которымъ грозитъ нападеніе, онъ можетъ отнынѣ парализовать наилучше задуманные планы вторженія. Но нападающій рассуждаетъ точно также, и если справедливо, что успѣхъ атаки зависитъ во многихъ случаяхъ — отъ неожиданности, и во всѣхъ — отъ быстроты дѣйствія, то онъ считаетъ вѣрнѣе: для него новѣйшія усовершенствованія особенно важны. Экспедицію, приготовленную противъ Англійскаго Наполеона I-мъ въ Булонь, жестоко осмѣивали. Съ другой стороны, извѣстно, что онъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ и что глупое отступленіе адмирала Вильнева въ Ферроль разрушило надежды, которыя очень хорошо могли осуществиться. Капитанъ Гозайеръ того мнѣнія, что Англія счастливо отдѣлалась. «Если бы Вильневъ, — говоритъ онъ, — могъ сообщаться изъ Ферроля съ Наполеономъ въ Булонь, судьба нашего края оказалась бы, конечно, совсѣмъ иною. Электрическая искра повергла бы нашъ островъ къ ногамъ побѣдоноснаго непріятеля. Соединенное-Королевство обратилось бы на нѣкоторое время въ лень французской имперіи» (t. II, p. 375).

284

Лаврентий
Лопатин

Мнѣ нѣтъ надобности говорить, что капитанъ Гозайеръ проповѣдывалъ въ пустынѣ. Его вообще сочли зловѣщей птицей, и пророчества его встрѣтили не больше вѣры, чѣмъ пророчества Кассандры или Іереміи. Совсѣмъ тѣмъ непріятное впечатлѣніе произведено: какъ бы ни были велики преувеличенія, но самая сущность его книги вѣрна, и въ ней могутъ почерпнуть много поучительнаго не только сами островитяне, но и будущіе завоеватели, если бы на бѣду они снова появились.

Во всякомъ случаѣ, этимъ послѣднимъ не худо было бы изучить карту, помѣщенную въ началѣ третьяго тома сочиненія м-ра Линдса, объ *Исторіи торговаго флота и первобытной торговли*. Она изображаетъ британскіе острова съ кораблекрушеніями и морскими неудачами, происходившими у ихъ береговъ въ продолженіи 1873—1874 гг. Окончательныя крушенія кораблей обозначены красной точкой, остальные черной. И вотъ, каналъ св. Георгія, южные и восточные берега Англіи, восточные берега Шотландіи буквально испещрены этими красными и черными точками. Берега графствъ Норфольскаго, Соффольскаго, Кента, Эссекса и Корнваллиса особенно отличаются. Прибавьте къ этому статистику морскихъ бѣдствій, случившихся въ этихъ самыхъ мѣстностяхъ съ 1855 по 1873 г., и вы получите среднюю цифру ежегодныхъ окончательныхъ кораблекрушеній 472, и 748 случаевъ, когда несчастія съ кораблями не губили ихъ окончательно. И все это сопровождалось гибелью 792 людей. Общая цифра погибшихъ при кораблекрушеніяхъ въ эти семнадцать лѣтъ доходитъ до 13,466. Мнѣ кажется, что въ этой статистикѣ и добытыхъ ею результатахъ заключается главное средство обороны Великобританіи отъ непріятельскаго вторженія: гибель Армады служитъ важнымъ примѣромъ.

Впрочемъ, четыре компактныхъ тома м-ра Линдса имѣютъ еще другія права, кромѣ вышеупомянутой карты, на вниманіе читателей вообще и государственныхъ людей въ особенности. Никто еще не пробовалъ, по крайней мѣрѣ въ Англіи, изложить въ одномъ сочиненіи полную исторію торговаго флота и торговли, съ самыхъ отдаленныхъ временъ и по сіе время. Авторъ, самъ морякъ, писавшій уже раньше объ этомъ предметѣ, могъ лучше, чѣмъ кто-нибудь, выполнить такую задачу.

Съ другой стороны, въ такомъ длинномъ и продолжительномъ трудѣ необходимо должны были проскользнуть пробѣлы и недосмотры. Такимъ образомъ, та часть сочиненія, которая посвящена происхожденію навигаціи и торговли, обработана гораздо

хуже, нежели остальные, и никто, конечно, не поблагодарить его за сообщенное свидѣніе, что Ноевъ ковчегъ значительно уступалъ со стороны вмѣстимости нашему «Great-Eastern». Его упрекали также въ кое-какихъ ошибкахъ въ дѣлѣ описанія средне-вѣковыхъ галерей. И въ этомъ отношеніи писатели хорошо бы сдѣлали, если бы остерегались пользоваться нѣкоторыми грубыми картинами, идущими изъ той эпохи, для своихъ выводовъ. Безъ сомнѣнія, ковчегъ Бойё, напримѣръ, представляетъ громадный интересъ для изученія исторіи норманскаго завоеванія, но было бы дикой ошибкой принимать каждый рисунокъ буквально.

Точно такъ въ «History of the Royal Navy», написанную Никласомъ, находимъ рисунокъ, долженствующій дать понятіе о дуврскомъ сраженіи и морской битвѣ въ XIII столѣтіи. «Но такъ какъ вышеупомянутый рисунокъ, — говоритъ критикъ «Эдинбургскаго Обзорнія», — представляетъ просто-на-просто пятерыхъ разсерженныхъ людей, жестивулирующихъ въ лохангѣ, то это не можетъ дать понятія рѣшительно ни о чемъ, кромѣ знаменитаго во время бѣго путешествія римскихъ сенаторовъ въ Филиппи».

Очень жаль тоже, что второй томъ сочиненія Линдса вышелъ раньше замѣчательнаго труда г. Юрія Толстого о первыхъ сношеніяхъ между Англіей и Россіей ¹⁾. Съ другой стороны, національное тщесловіе поранено вмѣшательствомъ русскаго, который упредилъ англичанъ въ этомъ вопросѣ. Книга г. Толстого составить отнынѣ эпоху: она стала точкой отправления и регуляторомъ многочисленныхъ и важныхъ трудовъ, въ числѣ которыхъ слѣдуетъ упомянуть о трудѣ адмирала Жюрье-де-ла-Гравьеръ, печатающагося въ «Revue des Deux Mondes», подъ заглавіемъ: «Les Mers de XVI siècle».

Только три или четыре страницы посвящены въ сочиненіи, о которомъ мы говоримъ, экспедиціи несчастнаго Уиллоби и Ченслера. Конечно, нельзя было ожидать цѣлаго тома: тутъ ему не мѣсто. Но все же кажется, что первыя отношенія между Англіей и Россіей и открытіе сѣверо-восточнаго прохода должны были бы занять больше мѣста въ общей исторіи торговаго флота. И это рельефнѣе доказываетъ услугу, оказанную русскимъ авторомъ, а также и недостатокъ Линдса, недостатокъ, общій его соотечественникамъ, которые охотно предоставляютъ иностранцамъ трудъ отрывать и пользоваться сокровищами, зарытыми въ британскихъ архивахъ.

¹⁾ См. „Вѣстникъ Европы“, 1875, августъ.

Быть можетъ также, онъ недостаточно разработалъ другой весьма интересный пунктъ: происхожденіе и начало кодекса морскихъ законовъ. Преемственность, которую такъ долго предполагали между древними временами и новѣйшей исторіей, такъ же очевидна въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ. Послѣ паденія западной римской имперіи, византійская продолжала еще долго процвѣтать. Преданія и обычаи первобытныхъ временъ, эпохи грековъ и финикійцевъ, удержались среди моряковъ Средиземнаго моря и нечувствительно передавались черезъ всѣ средніе вѣка. Какимъ бы ни были важущіяся различія, все это можетъ быть приведено къ «Jus Rhodium», къ кодексу, принятому съ давнихъ временъ на островѣ Родосѣ.

Замѣчательная вещь! Этотъ самый кодексъ, болѣе или менѣе неизмѣненный, мы находимъ въ среднихъ вѣкахъ, подъ названіемъ «Loi d'Oleugon» или, точнѣе, по тогдашней французской орѳографій: «Leu Olugoun». Кажется, что этотъ французскій островъ, въ настоящее время незначительный, игралъ важную роль съ точки зрѣнія морской юрисдикціи въ эпоху короля Ричарда Львиное-Сердце. Какъ бы то ни было, а здѣсь мы наталкиваемся на крайне важный пунктъ для тѣхъ, кто старается возстановить единство и преемственность исторіи, безтолково разрушенныхъ.

Все это очерчено весьма неполно нашимъ авторомъ. Но еще непростительнѣе было не дать намъ достаточныхъ подробностей о Ганзейскомъ Союзѣ. Онъ въ нѣсколькихъ строкахъ указываетъ на его образованіе — вотъ и все. А между тѣмъ, если когда-нибудь морская и коммерческая ассоціація играла роль въ мірѣ, то это великій нѣмецкій союзъ, корабли котораго такъ долго владычествовали въ Балтійскомъ и въ Сѣверномъ моряхъ.

Можно было сообщить много интереснаго объ этимологіи слова Ганза, которое употребляется Ульфиллой въ его готическомъ переводѣ Библии, какъ синонимъ *толты*, *когорты*. Оно появляется позднѣе въ Англіи, гдѣ примѣняется королемъ Иоанномъ къ корпораціямъ Йоркскихъ гражданъ почти какъ-бы въ смыслѣ англійскаго слова «factory». Затѣмъ наступаетъ переѣзна, и въ 1270 г. оно появляется въ статутѣ города Гамбурга, какъ синонимъ *пошлины* или *таможеннаго тарифа*. Нѣмецкая Ганза развивалась мало-по-малу, причѣмъ названіе это не имѣло территориальнаго значенія, а скорѣе смыслъ, соотвѣтствующій современному выраженію «таможенный союзъ». «Съ теченіемъ времени, — говоритъ ученый критикъ «Эдинбургскаго Обзоренія», — это названіе стало примѣняться во всѣмъ городамъ, гдѣ былъ принятъ договоръ: оно впервые употребляется въ документѣ, из-

данномъ въ Любекѣ въ 1358 г. (*Jenich Stadt van der dudeschen Hense*), послѣ чего выраженіе «ганзейскіе города» получило быстрое распространеніе».

Но если книга Линдса оставляетъ многого желать съ точки зрѣнія собственно исторической, за то она сравнительно безупрочна во всемъ, что касается открытій и усовершенствованій въ современномъ флотѣ. Развитіе его въ послѣдніе два вѣка у различныхъ народовъ, факты, относящіеся къ остиндской торговлѣ, къ войнѣ за американскую независимость, къ войнамъ Наполеона I; измѣненія, внесенныя примѣненіемъ пара со всѣми ихъ подробностями; прорытіе канала черезъ Суэзскій перешеекъ со всѣми его послѣдствіями—вотъ цѣлый рядъ сложныхъ и интересныхъ предметовъ, о которыхъ онъ даетъ самыя драгоценныя свѣдѣнія.

III.

1) *Charles Darwin*: 1° *The Effects of Cross and self fertilisation in the vegetable Kingdom*. London. Murray. 1 vol. in 8°, 482 pages. 1877.—2° *Insectivorous Plants*. 462 pages. 1875.—2) *Alfred Russel Wallace*: *The geographical distribution of animals*. London. Macmillan. 2 vols. in 8°, 503 and 607 pages. 1876.

Хотя мы и не удѣляемъ мѣста въ нашихъ обзорахъ ученымъ изслѣдованіямъ, касающимся специальныхъ журналовъ, слѣдуетъ сдѣлать исключеніе въ пользу двухъ знаменитыхъ именъ, выставленныхъ во главѣ этого отдѣла. Извѣстно, что Альфредъ Уоллесъ имѣлъ честь придти въ одно время съ Дарвиномъ къ открытію, которое произвело переворотъ въ биологическихъ наукахъ: я говорю объ общемъ происхожденіи видовъ. Его труды далеко не имѣли того значенія, какъ труды его могущественнаго соперника, и онъ самъ имѣлъ настолько порядочности, чтобы понять, что долженъ относиться почтительно и скромно къ автору «*Descent of man*».

Оба выше упомянутыя сочиненія Дарвина не возбуждаютъ того интереса, который связывается съ произведеніями общаго содержанія. Но совсѣмъ тѣмъ значеніе ихъ, хотя и менѣе доступное массѣ, весьма важно для подтвержденія ученія. Первое появившееся—самое интересное изъ обоихъ; уже самое заглавіе «*Insectivorous plants*» составляетъ цѣлое открытіе.

Еще въ 1768 году англійскій натуралистъ Элисъ послалъ Линнею странное растеніе, такое странное и удивительное, что великій шведскій ботаникъ, который посмотрѣлся-таки на нихъ,

назвать его «чудомъ природы» — *miraculum naturae*. Имя дочери Юпитера не показалось слишкомъ честолюбивымъ для нея и, замѣстивая у Венеры одно изъ ея прозвищъ, растеніе назвали Дионеей. Это трава, листья которой, разстилающіеся по землѣ, увѣнчаны каждый на концѣ расширеннымъ придаткомъ, усаженнымъ длинными рѣсницами, почти колючими. Если какое-нибудь насекомое задѣнетъ одну изъ этихъ рѣсницъ, вышеупомянутой придатокъ немедленно сжимается и животное попадаетъ въ промежутокъ между крѣпкими рѣсницами, превращающимися для него въ настоящую тюрьму.

Самъ Элисъ получилъ растеніе отъ одного американскаго ученаго: оно растетъ исключительно въ Сѣверной-Каролинѣ. Толки объ этомъ растеніи долгое время ограничивались оспариваніемъ этого замѣчательнаго явленія, и растеніе было просто-напросто поставлено на ряду съ «не тронь меня». Но въ 1834 г. одинъ американскій ботаникъ, Куртисъ, глубже проникъ въ вопросъ, и хотя и робко, но осмѣлился заявить теорію о плотоядности растеній. Д-ръ Гукеръ, директоръ садовъ Кью, избралъ ее темой для своей рѣчи въ Бельфастѣ, передъ британскою ассоціаціей для содѣйствія наукъ, въ 1874 году. Отнынѣ она установлена превосходной книгой Дарвина, результатомъ пятнадцатилѣтнихъ терпѣливыхъ и ловкихъ исследованийъ.

Извѣстно, что явленіе питанія у животныхъ состоитъ изъ трехъ главныхъ операций: принятія пищи, ихъ перевариванія посредствомъ приспособленныхъ соковъ и, наконецъ, ихъ ассимиляціи. Первая, столь поразительная у *Dionaea muscipula*, не менѣе интересна у *Rosolis*, которыя, такъ же какъ и первая, принадлежатъ къ семейству *Droseracées* и представляютъ для наблюдателя то громадное преимущество, что ихъ находятъ почти вездѣ. Листья *Rosolis* круглолистнаго покрыты дѣльнымъ лѣтвомъ волосковъ, означивающихся маленькой желѣзкой, окруженной липкой каплей и которыя Дарвинъ по аналогіи называетъ щупальцами.

Давно уже замѣчали на этихъ листьяхъ высохшіе трупы насекомыхъ, въ особенности маленькихъ мошекъ, съ прозрачными крыльями: теперь извѣстна причина и подробности этихъ трагедій. Стбить кому изъ этихъ злополучныхъ существъ задѣть лапкой за эту клейкую росу, и она прилипаетъ къ ней. Отъ давленія сжимается не только тронутое щупальце, но и сосѣднія: чѣмъ больше мошка дѣлаетъ усилій высвободиться, тѣмъ сильнѣе сжимается растеніе и самая поверхность листа сжимается и поглощаетъ животное.

Что же наступаетъ затѣмъ?—Настоящее пищевареніе. Оно на-

блюдено Дарвиномъ, посредствомъ опытовъ, съ помощью различныхъ веществъ. Яичный бѣлокъ, маленькіе кусочки говядины, кусочки хрящей и даже костей разлагались отъ дѣйствія кислаго сока желѣзовъ *Rosolis*,—кислоты, принадлежащей къ порядку укисусныхъ или жирныхъ.

Между тѣмъ, давно уже извѣстно, что протоплазма растительной кѣлочки аналогична съ протоплазмой животной кѣлочки. Растеніе, обыкновенно черезъ корень, поглощаетъ азотъ, не менѣе необходимый для него, чѣмъ и для животного. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, въ данномъ, оно получаетъ добавочный азотистый матеріалъ путемъ процесса, аналогичнаго съ процессомъ пищеваренія животныхъ; потому что нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что мясо насѣкомаго поглощается, а затѣмъ ассимилируется листьями *Droseras*. Въ подтвержденіе этого факта, Дарвинъ замѣтилъ, что у плотоядныхъ растений вообще система корней очень мало развита и ее хватаетъ только на поддержаніе влажности въ мясистой ткани листьевъ, чтобы напоить ихъ, если можно такъ выразиться, между тѣмъ какъ пища, въ собственномъ смыслѣ, получается ими частію путемъ этого изумительнаго пищеваренія.

Не надо думать, что *Droseracées* единственные растенія, пользующіея этими преимуществами. Другія растенія, принадлежащія къ семейству *utriculaires* и къ семейству *nepenthes*, напримѣръ, представляютъ аналогичныя явленія. Конечно, нельзя и думать о томъ, чтобы указать всѣ любопытныя подробности, занесенныя въ книгу знаменитаго натуралиста. Вотъ еще новое сближеніе между двумя царствами, животнымъ и растительнымъ, считавшимися во время оно безусловно различными; вотъ новый шагъ къ великой идеѣ о космическомъ единствѣ, новый камень для зданія, уже столь прочно возведеннаго, теории постепеннаго развитія. Вотъ, наконецъ, растеніе вышло изъ своей пассивной роли; до сихъ поръ мы слышали только о растеніяхъ, поѣдаемыхъ насѣкомыми, а теперь мы узнаемъ, что они платятъ имъ тѣмъ же и пожираютъ ихъ безъ зазрѣнія совѣсти, и это придаетъ имъ характеръ удалства, и даже, скажемъ, жестокости, который отъ нихъ не ожидали. Прибавимъ для чувствительныхъ душъ, что фактъ этотъ довольно рѣдкій; до сихъ поръ ни роза, ни фіалка еще не завербованы въ полчища насѣкомоядныхъ растеній.

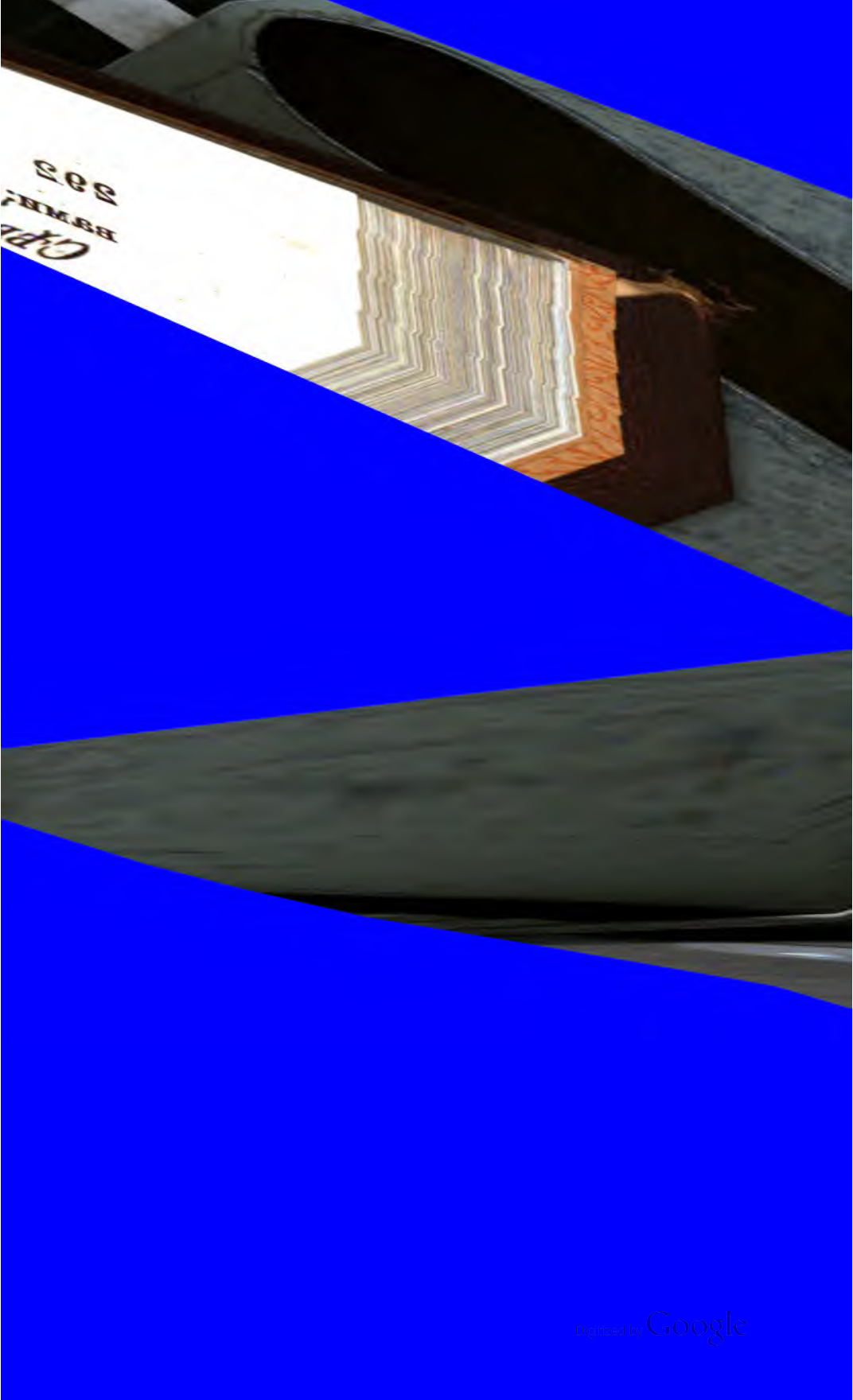
Послѣднее сочиненіе Дарвина объ оплодотвореніи растеній имѣло результатомъ очевидность слѣдующей истины, а именно: что никакой гермафродитъ (растительный) не можетъ оплодотворять самого себя до безконечности. Производя опыты надъ са-

мымъ обыкновеннымъ видомъ *Linaria vulgaris*, знаменитый наблюдатель призналъ, что растенія, происходившія отъ цвѣтка самооплодотворившагося, менѣе прекрасны и сильны, нежели растенія, родившіяся изъ смѣшаннаго оплодотворенія (*cross-fertilisation*). Это послѣднее происходитъ чаще всего въ природѣ, посредствомъ вѣтра или насѣкомыхъ, переносящихъ на женскіе цвѣтки цвѣточную пыль болѣе или менѣе далекаго растенія. Въ нѣкоторыхъ видахъ скрещенное оплодотвореніе почти единственное возможное, потому что цвѣточные органы расположены такимъ образомъ, что цвѣточной пыли очень трудно проникнуть въ рыльце того же цвѣтка.

Дарвинъ склоненъ думать, что всѣ высшія животныя происходятъ отъ гермафродитовъ, а эти гермафродиты произошли отъ соединенія двухъ индивидовъ, слегка различныхъ между собою. Точно такъ онъ полагаетъ, что гермафродитныя растенія были первоначально двудомными; оба пола были раздѣлены сначала, и гермафродитное растеніе возникло затѣмъ посредствомъ простаго соединенія. Уже съ перваго взгляда видно, какъ этотъ предметъ, такой, повидимому, простой и узкій, расширяется подъ его плодотворнымъ дѣйствіемъ, и какъ этотъ новый трудъ служить новымъ владомъ въ великій вопросъ, уже почти совсѣмъ разрѣшенный, — о происхожденіи видовъ.

То же самое можно сказать о книгѣ Уоллеса «О географическомъ распространеніи животныхъ». Въ 1857 году Склетеръ предложилъ первое истинно-научное раздѣленіе поверхности земного шара на зоологическія провинціи. Онъ раздѣлилъ его на двѣ главныхъ части: *Palaegaea* и *Neogaea*, то-есть, какъ-бы сказать, на старый и новый свѣтъ, соотвѣтствующіе восточному и западному полушарію; затѣмъ ввелъ шесть подраздѣленій. Профессоръ Гексли, въ 1868 году, отрицалъ важное значеніе, приписываемое восточному и западному полушаріямъ, и утверждалъ, что гораздо болѣе существенныя различія имѣются между полушаріями сѣвернымъ и южнымъ, характеризуемыми ихъ названіями *Arctogaea* и *Notogaea* etc.

Уоллесъ не придаетъ большого значенія этимъ крупнымъ первобытнымъ дѣленіямъ, но настаиваетъ на шести подраздѣленіяхъ Склетера, которыя, по его мнѣнію, одни достойны вниманія. Онъ раздѣляетъ земной шаръ на шесть главныхъ поясовъ: 1) *палеарктическій* поясъ, обнимающій всю Европу, Азію на сѣверъ отъ Гималайскихъ горъ, и Африку, на сѣверъ отъ Сахары; 2) *эиопскій*, включающій всю остальную Африку; 3) *восточный*, образуемый Индіей, Индо-Китаемъ и сосѣдними остро-

303
HBM&H

Александра богинѣ. И вотъ, теперь она присвоила себѣ то, что осталось отъ знаменитаго храма Эфесскаго, того самаго, чей пожаръ увѣковѣчить имя Герострата и о которомъ Филонъ въ своемъ трактатѣ *De septem orbis spectaculis* говоритъ, что «ради удовольствія обитать въ немъ боги покинули свои небесныя жилища».

Впрочемъ, надо быть справедливымъ и не вдаваться въ безцѣльные упреки. Эти такъ-называемыя удачи, какъ и все вообще, что обыкновенно относятъ къ случаю и удачѣ, объясняются совсѣмъ простыми причинами, а именно: настойчивостью и силой воли въ соединеніи съ желаніемъ славы: я разумю артистическую славу, весьма существенную, вытекающую для націи изъ такихъ завоеваній.

Не всѣ знаютъ, какъ трудно бываетъ достичь успѣха. Такимъ образомъ, извѣстны похождения лорда Эльджина, укладывавшаго на корабль обломки Паренена, кораблекрушеніе этихъ драгоценныхъ остатковъ, часть которыхъ въ теченіи трехъ лѣтъ оставалась на двѣ Средиземнаго моря, близъ острова Чернго, ихъ окончательное спасеніе и прибытіе въ Англію, послѣ столькихъ бѣдъ, въ 1808 г. Но благородный лордъ не покончилъ съ своими хлопотами. Онъ встрѣтилъ далеко не тотъ пріемъ, на какой могъ разсчитывать; напротивъ того, его осыпали насмѣшками. Лордъ Абердинъ и общество дилеттантовъ вообще доходили даже до того, что отрицали греческое происхожденіе статуй и Пентъ-Найтъ объявилъ, что въ сущности это «жалкіе обломки». Король баварскій уже переслалъ 30,000 фунтовъ стерлинговъ своимъ агентамъ въ Лондонѣ, и всѣ остальные націи были на сторожѣ.

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилось дѣло, если бы не пріѣхалъ великій скульпторъ Канова, въ 1815 г. Долго и молчаливо осматривалъ онъ мраморныя произведенія и объявилъ, что это самыя прекрасныя и самыя чистыя антики, какіе существуютъ въ мірѣ. «Эти статуи,—сказалъ онъ живописцу Гайдону,—произведутъ переворотъ въ искусствѣ. Ахъ! если бы я былъ молодымъ человѣкомъ и могъ сънова начать свою карьеру! Я бы сталъ работать совсѣмъ на другихъ началахъ, чѣмъ тѣ, которыми я до сихъ поръ руководствовался, и создалъ бы, надѣюсь, совсѣмъ иную школу»¹⁾.

¹⁾ Эти подробности заимствованы изъ книги, недавно выданной: „Haydon's Correspondence and table-talk. London“. 1876, 2 vol. in 8° Гайдонъ, англійскій художникъ, начала нынѣшняго столѣтія, у котораго было больше любви къ искусству и доброй воли, нежели таланта. Главная заслуга его заключается въ томъ, что его вліяніе рѣшило покупку Эльджинскихъ мраморовъ.

Немного времени спустя правительство рѣшилось приобрести мраморныя произведенія за сравнительно ничтожную сумму 35,000 фунтовъ стерлинговъ.

Давно уже вниманіе Англіи привлечено было эфесскимъ храмомъ и возможностью откопать его обломки. Въ 1862 г. Эдуардъ Фалькнеръ издалъ очень интересную книгу объ этомъ предметѣ¹⁾. Эфесъ, какъ и всѣ іоническія колоніи Малой-Азіи, основанъ былъ въ XI вѣкѣ до Р. Х. Несомнѣнно также, что культъ Діаны Артемиды существовалъ въ этихъ мѣстахъ задолго до прибытія греческихъ колонистовъ. Главная статуя ея, въ томъ видѣ, какъ она стояла въ храмѣ, изображаетъ ее съ величественнымъ и строгимъ лицомъ, съ головой, увѣнчанной *modius*'омъ. На груди расположено нѣсколько рядовъ сосцовъ, а остальное туловище укутано какъ-бы въ чехоль, на подобіе египетскихъ мумій, но изъ-подъ котораго видны ноги. Всѣ эти атрибуты, *modius*, или мѣра для хлѣба, сосцы, напоминающіе сосцы животныхъ, придаютъ этой богинѣ болѣе возвышенный и полный смыслъ, нежели греческой Діанѣ. Это нѣчто въ родѣ Деметры, символа природы и плодородія.

Какъ бы то ни было, культъ ея былъ очень распространенъ въ древнемъ мірѣ, какъ греческомъ, такъ и персидскомъ. Фалькнеръ перечисляетъ до *восьми* храмовъ, поочередно разрушавшихся и заново отстраиваемыхъ. Но только о двухъ изъ нихъ имѣются точныя свѣдѣнія. Первый былъ повидимому начатъ въ 500 г., почти въ ту же эпоху, какъ и храмъ Юноны въ Самосѣ и храмъ Аполлона въ Дельфахъ. Начатый Херсифрономъ, онъ былъ оконченъ, по словамъ Плинія, Пэоніемъ, архитекторомъ знаменитаго храма Аполлона въ Бранхидѣ. Обрушившійся частію и заново выстроенный, онъ былъ, какъ всякому извѣстно, сожженъ Геростратомъ въ 356 г. до Р. Х., въ самый годъ рожденія Александра. Бѣду принялись немедленно поправлять; граждане жертвовали деньги, женщины свои драгоценности, и зданіе еще великолѣпнѣе предыдущаго снова украсило іоническіе берега.

Въ маѣ 1863 г. м-ръ Вудъ, архитекторъ, дѣйствуя отъ имени *trustees* британскаго музея, получилъ фирманъ отъ турецкаго правительства и принялся разыскивать давно затерянные остатки этого послѣдняго храма Артемиды. Послѣ упорнаго труда, въ перемежку съ обычными въ такихъ случаяхъ тревоженіями, услія его были, наконецъ, увѣнчаны успѣхомъ. Въ послѣдній день 1869 г., шесть лѣтъ спустя послѣ начала раскопокъ, открытъ былъ мраморный полъ храма.

¹⁾ *E. Falkener, Ephesus and the temple of Diana, London, 1862.*

Съ помощью нѣсколькихъ найденныхъ обломковъ — увы! весьма незначительныхъ, — съ помощью, главное, указаній, которыя можно найти у Плинія, Страбона и у нѣкоторыхъ другихъ, м-ру Вуду удалось довольно удовлетворительно возсоздать зданіе. Оно возвышалось на томъ почти мѣстѣ, гдѣ нынѣ замѣчается необитаемое больше селеніе Айзалука, въ четырехъ миляхъ отъ моря, въ мѣстности очаровательной, благодаря чистотѣ неба и гармоничной линіи горъ, окружающихъ равнину. То было іоническое зданіе, состоявшее изъ *cella* или обычной главной части, окруженной двойнымъ рядомъ колоннъ. Длина этого перистила была въ 342 фута съ востока на западъ; ширина его въ 163 фута. Онъ былъ восьмистолбный, то-есть съ восемью колоннами спереди. Диаметръ ихъ былъ въ шесть футовъ, вышина въ 55, что очень близко подходитъ къ размѣрамъ въ 60 римскихъ футовъ, показанныхъ Плиніемъ.

Тридцать-шесть изъ этихъ колоннъ описаны у латинскаго автора какъ *coelata*, «упа а всора». Нѣтъ сомнѣнія; что рѣчь идетъ о колоннахъ, стоявшихъ передъ двумя фронтонами. Въ 1871 г. м-ру Вуду удалось отрыть одну изъ нихъ, и немного времени спустя посѣтители британскаго музея могли любоваться громадной мраморной глыбой, служащей основаніемъ одной изъ этихъ колоннъ и съ скульптурными изображеніями на ея окружности. Единственная вполне сохранившаяся фигура, это — Меркурій, котораго можно узнать по его кадудею; рядомъ находится фигура женщины, изумительно драпированная; головы недостаетъ. Все это совершенство не въ строгомъ и внушительномъ родѣ мраморовъ Паренона, но отличается іонійскими мягкостью и граціей.

Впрочемъ, это крайне интересный и до сихъ поръ единственный въ своемъ родѣ фактъ существованія этихъ колоннъ съ скульптурными украшениями. Безъ сомнѣнія, это было въ употребленіи въ Азій, и, судя по сохранившемуся обломку, эффектъ долженъ былъ быть поразительнымъ. Опять новость, въ которой придется привыкать закоренѣлымъ классикамъ и противъ которой они, разумѣется, будутъ вопить во весь голосъ, отрицая ее, какъ они это дѣлали во времена открытія разноцвѣтной архитектуры и скульптуры.

Но вѣдь — какъ же бытъ! Столько прекрасныхъ фразъ наговорено было о простотѣ и разнообразіи античной скульптуры! «Незыблемыя божества, — восклицаетъ одинъ изъ нихъ, — когда постъ васъ встрѣчаетъ на поворотѣ въ темную аллею, въ уединеніи большихъ садовъ, вы представляетесь ему какъ благодѣтельныя

призраки другой жизни. Въ вашихъ глазахъ, не отражающихъ больше ни свѣта, ни красокъ, онъ какъ будто читаетъ наставленія мудрости, презрѣннѣе къ нашимъ бурнымъ страстямъ и пр. и пр. ¹⁾ И вотъ, оказывается, что умный человѣкъ Шарль Бланкъ, у котораго мы заимствуемъ эти строки, доказываетъ ими свою некомпетентность въ сужденіи объ античномъ искусствѣ, которое ассимилируетъ въ этомъ отрывкѣ съ меланхолическими произведеніями другой эпохи. Но пусть же онъ знаетъ,—и онъ вынужденъ отчасти на это сдать по поводу Юпитера Олимпійскаго—этотъ мраморъ не былъ такимъ безцвѣтнымъ, какъ въ настоящее время: очевидно, что въ Паренонѣ, напримѣръ, гдѣ архитектурныя детали были размалеваны золотомъ, красной и синей красками, статуи и барельефы, возбуждающіе такой восторгъ, не должны были рѣзко выдѣляться своей бѣлизной, но гармонизировать съ остальнымъ, благодаря приспособленнымъ оттѣнкамъ.

Точно такъ эти глаза, въ противность вашимъ толкамъ, не были безъ зрачка, «не будучи живыми, потому что принадлежали безсмертнымъ». И совершенство искусства, Акропольская Минерва Фидія—имѣла зрачками драгоценныя камни, долженствовавшіе придавать ея взгляду олимпійское и пронизательное выраженіе, приличное ея достоинству. Въ Афинахъ, какъ и на Олимпѣ и въ Ефесѣ, боги природы и жизни сіяли своей окраской столько же, сколько и красовались своей формой, обрамленные яркими красными, голубыми и золотыми рисунками, сверкавшими съ основанія фриза, въ прорѣзахъ и на колоннахъ.

Труды Гитторфа, Пенроза, Бѣлэ и другихъ доказали до очевидности существованіе многоцвѣтной архитектуры и скульптуры: протестъ явился вслѣдствіе того, что привыкли видѣть и любоваться бѣлыми мраморами; на этотъ счетъ составились уже громкія и трескучія фразы, которыя жалко было сдавать въ архивъ. Но пришлось сдать передъ очевидностью, и если я настаиваю на этомъ пунктѣ, то потому, что онъ представляетъ капитальную важность для тѣхъ, кто, какъ и я, желали бы возвратитъ греческой цивилизаціи и греческому искусству ихъ настоящій характеръ, омраченный и искаженный толкованіями семитическаго ума. Къ тому же, вопросъ этотъ вовсе не праздный: въ числѣ скульптурныхъ произведеній, найденныхъ въ Эфесѣ, есть голова женщины, со слѣдами краски, которыхъ невозможно отрицать, равно какъ и нѣсколько обломковъ фриза голубого и краснаго цвѣтовъ.

¹⁾ Charles Blanc, Grammaire des arts du dessin, p. 402.

Находка вышеупомянутаго пьедестала возбудила самыя радужныя надежды. Но онѣ не осуществились: ничего болѣе важнаго не было открыто, и теперь, кажется, очевидно, что раскопки дали все, что только сохранилось. Говорили о разрушеніи Эфеса готами въ 260 г. Но дѣло въ томъ, что храмъ оставался неразрушеннымъ до того дня, когда эдиктъ Константина въ 346 г. и эдикты императоровъ Аркадія и Гонорія въ 399 г., предписывавшіе разрушеніе языческихъ зданій, возбудили рвеніе жалкихъ фанатиковъ: и такимъ образомъ въ самое короткое время — къ вѣчному позору челоуѣчества! — совершилось разрушеніе чуда, созданнаго челоуѣческимъ гениемъ и котораго не могли бы сокрушить десятки вѣбовъ.

Книга Фергюссона, объ «Исторіи архитектуры въ Индіи», представляетъ несомнѣнно самый полный трудъ, какой только появлялся до сихъ поръ объ этой отрасли восточнаго искусства. Авторъ, пользующійся большою извѣстностью въ Англіи, и не безъ основанія, написалъ исторію архитектуры всѣхъ временъ: это сочиненіе, изданное отдѣльно, образуетъ третій томъ всего труда, завершеннаго нынѣ четвертымъ томомъ, посвященнымъ современной архитектурѣ. Значительное число рисунковъ, превосходно гравированныхъ и идеально точныхъ, служатъ для читателя необходимымъ пособіемъ, не оставляющимъ ничего желать.

Но только Фергюссонъ придерживается своей теоріи — что собственно недурно, — но теоріи ложной — а это пагубно. Разсуждая какъ философъ, онъ пришелъ къ заключенію, что исторія архитектуры связывается съ исторіей великихъ челоуѣческихъ семей — съ этнографіей. Къ несчастію, онъ впалъ въ ошибку, свойственную специалистамъ, и основалъ этнографію на архитектурѣ. Такимъ образомъ, переходя къ великимъ дѣвленіямъ до-исторической эпохи, онъ, не обинуясь, называетъ туранскими всѣ народы каменнаго вѣка, — кельтическими всѣ народы бронзоваго вѣка и арійскими — народы желѣзнаго вѣка. Вмѣстѣ съ семитами мы получаемъ такимъ образомъ четыре великихъ расы, вмѣсто трехъ, которыя до сихъ поръ признавались: кельты рѣшительно отдѣляются отъ арійскаго племени, ради теоріи и симметріи, и образуютъ особое семейство.

Но нововведенія этимъ не ограничиваются. Все, что не принадлежитъ къ арійскому, кельтическому или семитскому племени, причисляется къ туранскому: «на первомъ планѣ египтяне и китайцы, признаваемые «двумя обломками, отдѣлившимися съ те-

ченіемъ времени отъ большой первобытной расы»¹⁾. Вопросъ объ Египтѣ рѣшенъ, какъ мы видѣли; въ Италиі этруски относятся къ туранцамъ, и Фергюссонъ не допускаетъ даже возраженія. Съ Греціей онъ тоже не церемонится: «пелазги» засѣли тамъ не даромъ, и безъ этихъ отъявленныхъ туранцевъ Аѳинамъ никогда бы не видать ни Парѳенона, ни Пропилей, — и такъ далѣе. Аріійцы — мечтатели, съ субъективнымъ міровоззрѣніемъ и метафизикой: они пишутъ книги, но не умѣютъ ни строить, ни рисовать, ни ваять, или, по крайней мѣрѣ, они научились этому благодаря смѣшенію съ первобытными туранцами.

Какъ видите, все это очень просто. Бѣда въ томъ только, что современные представители туранской расы не даютъ никакихъ доказательствъ своихъ артистическихъ способностей и, во всякомъ случаѣ, далеко уступаютъ народамъ индо-германскимъ. Дѣло въ томъ, что первобытные народы Египта и Ассиріи доказали свои громадныя способности по части архитектурныхъ замысловъ, столь же грандіозныхъ, какъ и странныхъ. Такими были знаменитый лабиринтъ и ниневійскій и мемфисскій дворцы, которые

. . . avec leurs vastes salles
Où sans jamais lever leurs têtes colossales
Veillaient, assis en cercle et se regardant tous,
Des dieux d'airain posant les mains sur leur genou²⁾.

Можно подумать, что здѣсь проявляется вліяніе первыхъ цивилизованныхъ людей (быть можетъ, туземнаго происхожденія), потомковъ дикарей каменнаго вѣка, сохранившихъ какъ-бы непосредственное впечатлѣніе отъ ихъ кормилицы-земли, гигантскимъ проекціямъ которой силятся подражать: легенда о Вавилонской башнѣ характеризуетъ ихъ. Если уже непременно желать называть ихъ туранцами, то Фергюссонъ правъ въ нѣкоторой степени, но слѣдовало бы прежде всего условиться въ словахъ и, во всякомъ случаѣ, не отрицать совершенно различнаго и болѣе артистичнаго генія аріійскихъ народовъ.

Онъ поочередно рассматриваетъ въ своемъ сочиненіи архитектуру *буддистскую*, архитектуру *джайнасовъ*, стиль *дравидійскій*, стиль *сѣверный* или *индо-арійскій* и, наконецъ, то, что онъ называетъ архитектурой *индо-саррацинской*, и прежде всего торжествуетъ въ своей теоріи, сообщая намъ, что приходится заби-

¹⁾ *Fergusson*, History of architecture in all countries. London: Murray, 2-me edit. 1874, t. I, p. 93.

²⁾ *Victor Hugo*. Les orientales.

ратся въ третье столѣтіе до христіанской эры, чтобы найти въ Индіи каменные памятники. Архитектура, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, начинается только въ 230 году до Р. Х., вмѣстѣ съ великимъ королемъ Азока, который окончательно закрѣпляетъ торжество за религіей Будды. Буддизмъ—религія туранская, и, слѣдовательно, архитектура начинается вмѣстѣ съ ея официальнымъ водвореніемъ. Новый примѣръ заблужденія, въ которое можетъ впасть умный человѣкъ, благодаря предвзятой идеѣ.

Какъ бы то ни было, но фактъ тотъ—и заслуга Фергюссона въ томъ, что онъ доказалъ его окончательно,—что индійская архитектура была первоначально буддистской и началась собственно въ третьемъ столѣтіи до Р. Х. Такимъ образомъ выстроены были первые храмы, вытесанные въ скалахъ (*chaityas*) и монастыри (*vinaras*). Храмы, по внутреннему расположенію, сходны съ римскими базиликами и имѣютъ то же назначеніе, что и католическія церкви. Извѣстно до тысячи этихъ подземныхъ храмовъ; 900 буддистскіе, а остальные принадлежатъ браминскимъ сектамъ или джайнамъ. Эти послѣдніе образуютъ промежуточную секту между двумя первыми, но ближе подходятъ къ буддистамъ.

Индусская или браминская архитектура раздѣляется на два весьма различныхъ порядка. На югѣ мы встрѣчаемъ *дравидійскій* стиль: здѣсь обитаютъ остатки туранскихъ народовъ, говорящіе въ настоящее время на тамильскомъ и телугускомъ языкахъ, и преимущественно поклоняющихся Шивѣ, богу-разрушителю. У нихъ же встрѣчается извѣстный древній культъ Ліугама (дѣтородныя части), въ соединеніи съ культомъ змія. Постройки ихъ отмѣчены дикимъ и массивнымъ величіемъ, и напоминаютъ первобытные египетскіе и вавилонскіе памятники; но чудовищный элементъ, изобиліе изображеній животныхъ и фантастическихъ существъ придаютъ особенный характеръ этому странному стилю.

Фергюссонъ относитъ къ числу дравидійскихъ памятниковъ знаменитую пещеру, извѣстную подъ именемъ *Kylas*, въ Эллорѣ, въ провинціи Низамъ. Она въ длину не менѣе 270 футовъ; часть зданія выходитъ на открытый воздухъ, но все же оно высѣчено въ скалѣ. Постройка его не восходитъ далѣе X-го вѣка нашей эры.

Но слѣдуетъ на этомъ покончить съ этими замѣчаніями, имѣющими цѣлью служить введеніемъ къ сочиненію, введеніемъ необходимымъ, благодаря особеннымъ взглядамъ автора. Его теоріи, зачастую неудачныя, вредятъ ясности его толкованій и, съ другой стороны, его изложеніе индусскихъ религій не можетъ дать

совершенно яснаго понятія объ этомъ предметѣ. Между тѣмъ собраніе имъ матеріалы драгоцѣнны, гравюры изображаютъ вещи какъ-бы живыми! Словомъ, сочиненіе представляетъ неисчерпаемый рудникъ для изслѣдователей, желающихъ просвѣтиться не только насчетъ литературы, но и насчетъ нравовъ, цивилизаціи и религіи Индостана.

V.

German Home Life. London. Longmans. 1 vol. in 8°, 312 p. 1876.

Эта книга надѣлала нѣкотораго шума не въ одной только Англии, но и въ Германіи. Авторъ остался анонимнымъ: но всѣмъ извѣстно, что авторъ—женщина, и нѣкоторые утверждаютъ, что англичанка, замужемъ за нѣмцемъ. Можно даже прибавить, не совершая нескромности, что зовутъ ее «графиня Ботмеръ». Несмотря на шумъ, произведенный книгой и на ея успѣхъ, я бы не говорилъ о ней, потому что для русскаго общества на-вѣрное очень мало интересно то, какъ англичанка думаетъ о нѣмцахъ.

Но оказывается, что, упрекая нѣмецкую націю за ея нравы и манеры, авторъ задѣваетъ всѣ народы континента. Иной французъ, ухватившійся за это обстоятельство и обрадовавшійся стрѣламъ, пущеннымъ въ непріятеля, не замѣтитъ, что онѣ столько же направлены и въ его соотечественниковъ. Съ этой стороны книга очень поучительна и рельефно изобличаетъ эксцентричности англійской жизни, путемъ самой критики, въ которую вдается авторъ.

Начиная съ женщинъ, авторъ—которому и книги въ руки—объявляетъ, что нѣмки окончательно лишены оригинальности и шива въ дѣлѣ туалета. Ни малѣйшаго эстетическаго чувства, никакого пониманія гармоніи цвѣтовъ въ выборѣ перчатокъ, шляпы, зонтика: вообще, детали отвратительны, а общее впечатлѣніе убійственно (р. 132).

Но, послушайте теперь, что говоритъ Тэнъ о костюмахъ лондонскихъ дамъ въ своихъ превосходныхъ «*Notes sur l'Angleterre*»:—«это костюмъ лоретки или выскочки: шляпы, обремененныя красными цвѣтами и громадными лентами, лиловое шелковое платье, бѣлыя или ярко-лиловыя перчатки... Впечатлѣніе рѣзкое. Можно подумать, что онѣ вышли изъ шваца и дефилируютъ какъ выскочка магазина новостей. Но нѣтъ, даже и не то: онѣ не умѣютъ носить своихъ туалетовъ: голова у нихъ неподвижно торчитъ на

плечахъ; платья висятъ на нихъ точно на деревянной вѣшалкѣ¹⁾. Такъ говоритъ знаменитый французскій критикъ, а же умываю руки, и замѣчу только, что ни въ одной странѣ въ мѣръ не встрѣтишь дѣвушекъ съ такими бѣленькими шейками и такими шелковистыми и пепельными волосами.

Совсѣмъ тѣмъ надо сознаться, что критикъ правъ, за исключеніемъ нѣкотораго преувеличенія въ деталяхъ. То же самое надо сказать и о воспитаніи и характерѣ. М-ше де-Ботмеръ беретъ нѣмку въ колыбели: маленькую дѣвочку пичкаютъ лакомствами, и она волочитъ жалкое существованіе, заключенная въ четырехъ стѣнахъ: ни физическихъ упражненій, ни гигиены. Она ходитъ въ школу, вырастаетъ, выходитъ замужъ и превращается въ покорную, робкую жену, никогда и не помышляющую стать на равную ногу съ мужемъ. Красота ея увядаетъ съ отчаянной быстротой.

Вотъ картина, какую англичанки рисуютъ себѣ не только о нѣмкахъ, но и обо всѣхъ дѣвушкахъ континента. И онѣ не подозрѣваютъ, что сами пользуются репутаціей въ Европѣ самыхъ деликатныхъ созданій, красота которыхъ увядаетъ быстрѣе, нежели красота полевого цвѣтка, что, впрочемъ, совершенный вздоръ. Женская гигиена здѣсь болѣе совершенна, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, и у иной молодой дѣвушки такіе мускулы въ ногахъ, что сдѣлали бы честь любой танцовщицѣ. Ошибочно также думать, что «тридцатилѣтняя женщина» существуетъ только въ отечествѣ Бальзага; онѣ попадаются и въ Лондонѣ, да еще какія прелестныя! Но это не мѣшаетъ тому, чтобы Офелія оставалась настоящимъ и наиболѣе привлекательнымъ типомъ англичанки.

Надо также признать, что женское образованіе во многихъ странахъ оставляетъ желать много лучшаго, на примѣръ во Франціи, гдѣ мать высидиваетъ и наблюдаетъ за своей выводкой цыплятъ усерднѣе, нежели курица. Но этого нельзя сказать о Германіи, и даже нашъ авторъ не отрицаетъ превосходства образованія нѣмецкихъ дѣвушекъ. Но если это такъ, то насколько справедливо то, что онъ говоритъ о роли замужней женщины? Куда дѣваются Шарлотты и Гретхенъ? «Если бракъ проза жизни,—восклицаетъ онъ,—то бракъ въ Германіи самая прозаическая изъ всѣхъ провъ». И, упомянувъ о Шиллерѣ, прибавляетъ: «по части богинь, здѣсь имѣются только богини домашнего очага» (р. 177).

И всѣ эти филиппики направлены, разумѣется, противъ неоснаснаго и дурновоспитаннаго мужа, который управляетъ всѣми

¹⁾ *Taine. Notes sur l'Angleterre, p. 73.*

своими домочадцами и, сидя у печи, съ трубкой во рту, муштрует весь домъ. Примъровъ не оберешься: «развѣ я не видѣла собственными глазами, — восклицаетъ она жалобно, — какъ моя миленькая сосѣдка, баронесса... развѣшивала собственноручно бѣлье въ саду, точно служанка изъ дѣтской пѣсенки? Развѣ не наблюдала съ растроганнымъ удивленіемъ, какъ фрау-фонъ-С... гладила крахмальные рубашки своего мужа въ продолженіи цѣлаго утра, причѣмъ капельки пота сбѣгали у ней съ висковъ на горячіе утюги? Развѣ я не видѣла, какъ фрау-фонъ-Z... приготавлила тѣсто, бульонъ, соусъ, съ энергіей, которая привывала меня къ моему наблюдательному посту».

Итакъ, вы все это видѣли, сударыня, и вынесли только одно впечатлѣніе жалости и отвращенія? Правда, что ваши соотечественницы не готовятъ тѣста собственноручно. Но въ этомъ случаѣ онѣ составляютъ исключеніе, потому что не только въ Германіи, но и во Франціи, въ Италіи, хозяйка дома — въ среднихъ и почтенныхъ классахъ — умѣетъ быть полезной мужу, дѣтямъ, гостямъ. Но и въ здѣшней странѣ, во время оно, въ эпоху Фильдинга и датскаго сваяйра Вестерна — который былъ болѣею частію пьянъ, но добръ во хмѣлю — женщины не видѣляли себя отъ остальныхъ представительницъ своего пола. И мнѣ напоминается миссисъ Примротъ, жена *Векфилдскаго священника*, если помните, которая готовила также вкусную смородиновку и не имѣла себѣ ровни по части страпни, варенья и пирожного. Все это исчезло вмѣстѣ съ торжествомъ методизма и ханжества. Но затлянемъ поглубже и приподнимемъ уголокъ покрывала: мы увидимъ, что многія англичанки средняго класса продолжаютъ печь пироги, но только плохіе, потому что пекутъ ихъ тайкомъ, точно будто онѣ дѣлаютъ что-нибудь худое. Не надо, чтобы сосѣди знали объ этомъ: это покажется *не респектабельнымъ*. Но когда о какомъ-нибудь вопросѣ берется разсуждать человекъ, пропитанный такими смѣшными предразсудками, какъ графиня Ботмеръ, то, конечно, онъ приходитъ къ заключеніямъ страннымъ, но имѣющимъ ту выгоду, что они бросаютъ неожиданный свѣтъ на домашнюю жизнь въ Англіи.

Я не желалъ бы, чтобы моя мысль была перетолкована. Жена, настоящая хозяйка дома, не должна быть простой кухаркой и штопальщицей бѣлья, но она должна умѣть это сдѣлать на всякій случай. Исключеніе всегда будетъ существовать для женщинъ, выдѣляющихся изъ общаго уровня, для Сафо, Жоржъ-Сандъ, которыя однѣ имѣютъ право быть освобожденными отъ хозяйственныхъ дрягъ и которыхъ никто не смѣшаетъ съ жалкими

«синими чулками», слишкомъ многочисленными въ здѣшней странѣ.

Что сказать также о намѣвахъ на «сплетни» и злословіе? Мнѣ всегда казалось, что въ этомъ отношеніи англичанка не уступитъ ни одной женщинѣ въ мірѣ, и знаменитая комедія Шеридана «Школа злословія» написана, сдается мнѣ, англичаниномъ, а не нѣмцемъ, русскимъ или французомъ.

Довольно: я могъ только слегка коснуться этого вопроса и ограничиться женской половиной, потому что она самая характерная и занимаетъ преобладающее мѣсто въ книгѣ. Никогда еще евангельское изреченіе о бревнѣ и сучкѣ не получало болѣе яркаго подтвержденія. Протестантизмъ и мода обдѣлали ихъ на этотъ ладъ; это пройдетъ, и онѣ останутся такими, какими ихъ создала природа, то-есть прелестными.

А. РЕНЬЯРЪ.

Лондонъ.—Май, 1877.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

ВЪ

ВИЛЕНСКОМЪ УЧЕБНОМЪ ОКРУГѢ.

Къ числу самыхъ отрадныхъ явленій нашего энергическаго стремленія къ достиженію высшаго уровня цивилизаціи, относится прогрессивно возрастающая образованность не только высшихъ и среднихъ классовъ, но и самыхъ народныхъ массъ. Не очень еще давно „грамотные“ въ народѣ были явленіе рѣдкое, исключительное, и сама „грамота“ имѣла въ глазахъ народа какое-то кабалистическое значеніе; простолюдинъ неохотно знакомился съ нею, почти боялся ея, какъ чего-то нечистаго, поганаго. Совсѣмъ не то видимъ мы въ послѣднее время.

Исслѣдованіе современнаго положенія народнаго образованія на всемъ пространствѣ Россіи составило бы трудную задачу, а потому мы ограничимся на этотъ разъ ближайшимъ рассмотрѣніемъ хода народнаго образованія въ одномъ виленскомъ учебномъ округѣ. Важнымъ источникомъ при этомъ намъ могла бы служить „Памятная книжка“ этого округа на 1876 годъ, но этотъ источникъ нельзя считать вполне удовлетворительнымъ. Не вдаваясь въ подробный ея разборъ, ограничимся небольшими образчиками: напримѣръ, въ этой книгѣ мы найдемъ подробныя свѣдѣнія о служащихъ въ виленскомъ округѣ и подвѣдомственныхъ ему училищахъ, а не показано число учащихся. Или вотъ еще примѣръ неудовлетворительности редакціи этой „Памятной книжки“. На страницахъ 171 и 185 мы читаемъ: „Одесское одноклассное приходское училище. Въ м. Одельскѣ; основано въ 1857 г.; *помощенія и средствъ къ существованію не имѣетъ. Учитель—вакансія*“... „Мельниеское одноклассное приходское училище. Въ

заплатномъ гор. Мельникахъ; основано въ 1851 г. Училище не имѣтъ ни помѣщенія, ни средствъ къ содержанію. Учитель—вакансія⁴.

Какія же это училища, которыя не имѣютъ ни помѣщенія, ни средствъ къ существованію, ни учителя? Ихъ скорѣе можно отнести къ числу несуществующихъ училищъ.

Во всякомъ случаѣ, если мы мѣстами будемъ пользоваться этою „Памятною книжкою“, то весьма осторожно, и постараемся тщательно провѣрять ее и пополнять.

Территорію виленскаго учебнаго округа составляютъ слѣдующія губерніи: виленская, гродненская, ковнская, минская, витебская и могилевская, занимающія пространство въ 5,677 кв. м., съ народонаселеніемъ въ 6.355,132 (по исчисленію 1873 года).

Мѣстныя условія мало благопріятствуютъ процвѣтанію народнаго образованія. Восьмую часть народонаселенія составляютъ евреи (738,237 ч.), въ рукахъ которыхъ почти вся торговля и промышленность. Христіанскому населенію остается средствомъ къ жизни одно земледѣліе; но оно даетъ ему мало, такъ какъ почва этой полосы неплодородная. Естественное слѣдствіе этого обстоятельства—бѣдность, а бѣдность—слабый двигатель образованія.

Народныхъ училищъ въ виленскомъ учебномъ округѣ 1,413. Содержаніе ихъ обходится до 600 тысячъ руб., изъ числа которыхъ казна отпускаетъ сверхъ 370 тысячъ (т.-е. $\frac{5}{8}$ всего содержанія), а общество даетъ остальные 230 тысячъ (т.-е. $\frac{3}{8}$ всего содержанія). Въ среднемъ числѣ приходится почти на каждыя 4,500 человѣкъ одно училище, а содержаніе cadaго училища обходится среднимъ числомъ въ 420 рублей.

Самыя благопріятныя условія для народнаго образованія находятъ въ витебской губерніи: въ ней наименьшее число жителей и наибольшая цифра средствъ на содержаніе училищъ, между тѣмъ эта губернія, по числу жителей, на которое приходится одно училище, оказывается третьею, а первую губерніею въ этомъ отношеніи гродненская, несмотря на то, что въ ней число жителей больше (на 20,834 ч.), а цифра содержанія меньше (на 6,105 р.), нежели въ витебской. Въ гродненской губерніи приходится одно училище на 3,800 чел., а въ витебской—на 4,173 чел. Послѣднее мѣсто въ этомъ отношеніи занимаетъ ковнская губернія, между тѣмъ нигдѣ не сочувствуетъ обществу народному образованію такъ сильно, какъ именно въ ней. Въ прочихъ пяти губерніяхъ общество жертвуетъ на содержаніе училищъ меньшую часть, а казна—большую (въ минской, напримѣръ, общество даетъ только 18,262 р., т.-е. меньше $\frac{1}{8}$

всего содержанія, а казна — 83,281 р., т.-е. больше $\frac{4}{5}$ всего содержанія); въ ковенской же наоборотъ: общество отпускаетъ ббльшую часть содержанія—69,283 р., т.-е. $\frac{7}{10}$ всего содержанія, а казна—меньшую—30,468 р., т.-е. $\frac{3}{10}$ всего содержанія.

Это противорѣчитъ общему положенію: чѣмъ меньше жителей и больше средствъ къ образованію, тѣмъ выше уровень образованія; но такое противорѣчіе объясняется неравномѣрною во всѣхъ губерніяхъ стоимостью содержанія училищъ. Въ гродненской губерніи обходится каждое училище среднимъ числомъ въ 361 р., въ ковенской же—въ 501 р. Понятно, почему гродненская губернія является первою, а ковенская—последнею. Въ обѣихъ губерніяхъ общая цифра содержанія почти одна и та же (въ гродненской—98,311 р., въ ковенской—99,751 р.), между тѣмъ число училищъ далеко не одно и то же, а между стоимостью содержанія училищъ въ обѣихъ губерніяхъ разница еще больше, нежели между численностью ихъ: въ гродненской каждое училище обходится, какъ мы видѣли уже выше, въ 361 р., а въ ковенской—въ 501 р.

Чѣмъ объяснить эту громадную разницу? Обѣ губерніи сосѣдни, почвенныя и прочія мѣстныя условія одни и тѣ же, пространства, занимаемыя этими двумя губерніями, одинаковы (гродненская 34,058 кв. верстъ, ковенская—35,712); стало быть, разница эта можетъ быть объяснена только индивидуальнымъ взглядомъ каждой изъ этихъ двухъ губерній на училищное дѣло и веденіе его. Въ ковенской губерніи, очевидно, разсуждаютъ такъ: пусть будетъ у насъ немного училищъ, но пусть они хорошо будутъ обставлены (кромѣ средствъ на содержаніе училищъ, общество отпускаетъ еще на нужды училищъ по мѣрѣ надобности), и дадимъ наставнику хорошее содержаніе (оно значительно выше, нежели въ прочихъ губерніяхъ). Въ гродненской разсуждаютъ иначе: назначимъ на содержаніе училищъ самую крайнюю цифру и откроемъ ихъ какъ можно больше. У первой на первомъ планѣ качественность училища, у послѣдней—количество училищъ. Въ пользу успѣшнаго хода образованія говорить въ первой хорошая обстановка какъ наставника, такъ и училища, во второй—меньшее количество учениковъ въ училищѣ, предполагая въ обѣихъ губерніяхъ одинаковое число учащихся. Кто изъ нихъ ближе къ цѣли—покажетъ время; мы на сторонѣ ковенской. Наше мнѣніе такое, что наставникъ, обезпеченный въ матеріальномъ отношеніи, достигнетъ съ ббльшимъ числомъ учениковъ лучшихъ результатовъ, нежели съ меньшимъ числомъ учениковъ наставникъ, которому приходится бороться съ нуждою. Трудно прожить семейному, даже и при готовой квартирѣ, на 100 р. въ годъ, какіе получаетъ во многихъ мѣстахъ наставникъ народнаго училища.

Самое большое число училищъ (300) приходится на минскую губернію, въ которой, замѣтимъ, и самое большое народонаселеніе (1.122,642). По числу жителей, на которое приходится одно училище, оно занимаетъ второе мѣсто. Въ этомъ отношеніи порядкомъ губерній слѣдующій: 1) гродненская, 2) минская, 3) витебская, 4) могилевская, 5) виленская, 6) ковнская. Нѣсколько страннымъ кажется, что виленская губернія, въ которой резиденція округа, и которая, такъ-сказать, ближе прочихъ къ источнику просвѣщенія, занимаетъ предпоследнее мѣсто. При народонаселеніи въ 1.037,199 людей съ 213 училищами отпускается на нее всего 88,681 р.: на 11,043 р. меньше, нежели на могилевскую, въ которой только 997,601 жит. и 210 училищъ.

Что касается до учительскихъ семинарій въ округѣ, то ихъ пока пять. Одна изъ нихъ (свислочская) еще не открыта, несвижская основана только въ прошедшемъ году и, стало-быть, ничего не могла пока дать народнымъ училищамъ; такимъ образомъ, поставщицами учителей для народныхъ училищъ являются въ настоящее время только три семинарія, и шестую часть ихъ содержанія слѣдуетъ прибавлять къ общему содержанію училищъ каждой губерніи.

Изъ всѣхъ уѣздовъ виленской губерніи, виленскій уѣздъ есть единственный, въ которомъ нѣтъ ни уѣздныхъ, ни приходскихъ, ни частныхъ, ни еврейскихъ училищъ; всѣ они сосредоточены въ самой Вильнѣ, въ которой ихъ 18, тогда какъ въ прочихъ губернскихъ городахъ таковыхъ училищъ отъ 4-хъ до 7-ми. Это, впрочемъ, нисколько не удивительно, такъ какъ въ Вильнѣ 65,102 жит., а въ прочихъ губернскихъ городахъ отъ 30 до 40 тысячъ жителей, и притомъ Вильна на одномъ изъ самыхъ бойкихъ трактовъ Россіи.

Общество даетъ $\frac{1}{3}$ всего содержанія училищъ, а остальные $\frac{2}{3}$ отпускаетъ казна. Больше всѣхъ даетъ г. Вильна (9,300 руб. изъ 17,083 руб.), меньше всѣхъ—виленскій уѣздъ (1,371 руб. изъ 9,342 руб.) и дисненскій (1,536 руб. и 8,193 руб.), которые особенно апатично относятся къ несобственно-народнымъ училищамъ: первый изъ 3,396 руб. даетъ только 200 руб., послѣдній—ровно ничего. Объяснить это малочисленностью жителей нельзя. Въ остальныхъ уѣздахъ общество и казна отпускаютъ на содержаніе почти по-ровну. Содержаніе 177-ми народныхъ училищъ обходится 7,233 руб.: дешевле содержанія остальныхъ 36-ти училищъ. Съ перваго взгляда можетъ также показаться страннымъ, что 23 училища виленскаго уѣзда обходятся въ 4,159 руб., а 19 училищъ трокскаго уѣзда въ 7,384 руб. Это происходитъ вслѣдствіе того, что въ числѣ училищъ трокскаго уѣзда есть уѣздное, приходское и еврейское 1-го разряда училище, содержаніе которыхъ несравненно дороже народныхъ,—въ виленскомъ

же уѣздѣ, какъ мы уже замѣтили выше, только одни народныя училища.

Въ ковенской губерніи обращаетъ на себя особенное вниманіе то, что содержаніе народныхъ училищъ здѣсь исключительно ведется на средства общества безъ всякаго со стороны казны пособия. На содержаніе своихъ 161 народнаго училища общество жертвуетъ гораздо больше (48,205 руб.), нежели въ виленской общество и казна на содержаніе 177-ми народныхъ училищъ (33,339 руб.). Кромѣ ассигнованной на содержаніе этихъ училищъ суммы, общество отпускаетъ еще на нужды училищъ по мѣрѣ надобности.

Какъ обставленъ въ этой губерніи учитель народнаго училища? Въ прочихъ губерніяхъ онъ получаетъ, при готовой квартирѣ, отъ 100 до 150 руб. въ годъ ¹⁾,—здѣсь же, при готовой также квартирѣ, minimum его содержанія 168 руб., а maximum доходитъ до 360 руб.!! Бѣольшая часть учителей получаетъ отъ 200 до 300 руб.

Ковенская губернія вообще отличается своею щедростью. Несмотря на то, что она содержитъ народныя училища исключительно на свои средства, она принимаетъ живѣйшее участіе также и въ содержаніи прочихъ училищъ, на которыя отпускаетъ гораздо больше, нежели казна, и потому-то ковенская губернія, изъ разсматриваемыхъ нами губерній, единственная, въ которой общество на содержаніе училищъ отпускаетъ больше, нежели казна, и разница между суммами ихъ значительная: общество даетъ $\frac{7}{10}$ всего содержанія, а казна— $\frac{2}{10}$. И при такихъ-то условіяхъ эта губернія, въ числѣ нашихъ шести губерній, оказывается, по числу жителей, на которое приходится одно училище, послѣднею! При богатой обстановкѣ училищъ, ковенская губернія, по всей вѣроятности, заняла бы болѣе высокое мѣсто, еслибъ губерніи располагались по числу жителей, на которое приходится *одна учащійся*, а не *одно училище*. Послѣднее условіе распредѣленія губерній (котораго мы теперь по необходимости держимся) не даетъ вполнѣ точнаго понятія о состояніи и уровнѣ грамотности и образованія ихъ, такъ какъ число учащихся въ училищахъ не вездѣ одинаковое, и только первое условіе можетъ служить вѣрнѣйшимъ показателемъ этого.

Самымъ щедрымъ изъ уѣздовъ оказывается понавѣжскій; меньше всѣхъ даетъ ковенскій.

По числу жителей, на которое приходится одно училище, гродненская губернія первая, по числу училищъ вторая (272 училища); первая—минская: 300 училищъ. Общая цифра содержанія училищъ

¹⁾ Есть даже и получающіе 50 руб., но такихъ весьма мало; есть и получающіе свыше 150 руб., но такихъ не много.

одинакова съ цифрою прочихъ губерній, кромѣ цифры виленской, которая самая меньшая (88,681 руб.). Общество отпускаетъ $\frac{4}{10}$, а казна $\frac{7}{10}$ всего содержанія училищъ. Каждое училище обходится среднимъ числомъ въ 361 руб. Гродненскій уѣздъ даетъ замѣчательно мало: на 21 училище только 967 руб., больше всѣхъ даетъ бѣлостовскій: на такое же число училищъ—4,494 руб. Немного даетъ также и кобринскій уѣздъ: 1,369 руб. на 38 училищъ (въ томъ числѣ 190 руб. изъ 3,780 руб. содержанія несобственно-народныхъ училищъ!).

Громадная разница въ цифрахъ содержанія равнаго числа несобственно-народныхъ училищъ гродненскаго уѣзда (550 руб.) и уѣздовъ—прузанскаго, сокальскаго и кобринскаго (отъ 3,589 руб. до 4,320 руб.)—происходитъ вслѣдствіе того, что въ гродненскомъ всѣ три училища—одноклассныя, приходскія, а въ тѣхъ трехъ уѣздахъ есть по двухклассному уѣздному училищу, содержаніе котораго несравненно дороже приходскаго. Въ гродненской губерніи самое большое число несобственно-народныхъ училищъ, т.-е. уѣздныхъ, приходскихъ, частныхъ и еврейскихъ.

Нигдѣ не отпускаетъ общество на содержаніе училищъ такъ мало, а казна такъ много, какъ въ минской губерніи (общество $\frac{1}{5}$, а казна $\frac{4}{5}$), несмотря на то, что народонаселеніе этой губерніи больше числа жителей прочихъ губерній (1.222,642 ч.). Вслѣдствіе многочисленности училищъ и почти одинаковаго съ прочими (кромѣ виленской) губерніями содержанія получается самая низшая средняя цифра стоимости содержанія каждаго училища: 338 рублей.

Содержанію этихъ училищъ общество минской губерніи, вообще говоря, сочувствуетъ мало. Борисовскій, игуменскій, мозырскій и новогрудскій уѣзды въ содержаніи ихъ не принимаютъ никакого участія; рѣчицкій отпускаетъ 300 р. изъ 3,764 р., а городъ Минскъ отпускаетъ на ихъ содержаніе 600 р. изъ числа 4,443 р. Только бобруйскій, слуцкій и пинскій уѣзды поддерживаютъ ихъ и отпускаютъ притомъ почти столько-же, какъ и казна (пинскій даже 26 р. больше казны).

Меньше всѣхъ отпускаетъ на содержаніе училищъ мозырскій уѣздъ: 764 р., больше всѣхъ—пинскій (3,519 р.) и слуцкій (3,154 р.). Что содержаніе 33 училищъ минскаго уѣзда стоить 6,469 руб., а содержаніе 34 училищъ новогрудскаго уѣзда 12,800 р., не покажется намъ страннымъ, если вычтемъ изъ послѣдней суммы цифру содержанія несобственно-народныхъ училищъ этого уѣзда (6,323 р.), казовыхъ нѣтъ въ минскомъ уѣздѣ.

Рядомъ съ обычною цифрою содержанія учительскихъ семинарій въ этой губерніи, еще 3,200 рублей отпускаются обществомъ на

тотъ же предметъ. Пояснимъ эту цифру. На содержаніе трехъ учительскихъ семинарій казна отпускаетъ 41,980 р. и, сверхъ того, жертвуютъ на содержаніе полоцкой учительской семинаріи, находящейся въ числѣ этихъ трехъ, крестьяне витебской и моголевской губерній 4000 р. и полоцкое церковное братство—1,200 р. Во всѣхъ этихъ губерніяхъ 6,996 р. составляютъ шестую часть казною отпускаемаго содержанія учительскихъ семинарій, а въ витебской губерніи цифра 3,200 р. на этотъ же предметъ составляется изъ отпускаемыхъ братствомъ 1,200 р. (которые относятся пѣликомъ сюда именно, такъ-какъ полоцкая учительская семинарія въ витебской губерніи) и половины суммы, отпускаемой крестьянами витебской и моголевской губерній; другую половину встрѣтимъ мы въ моголевской губерніи.

По числу жителей, на которое приходится одно училище, витебская губернія третья, по числу жителей—последняя (меньше всѣхъ). Общество отпускаетъ около $\frac{2}{3}$, казна— $\frac{1}{3}$ всего содержанія училищъ. Каждое училище обходится среднимъ числомъ въ 476 р. (наибольшая цифра послѣ ковенской). Общее число училищъ почти равно числу училищъ прочихъ губерній (кромя гродненской и минской, въ которыхъ ихъ больше), но на уѣзды приходится по меньшему числу училищъ, нежели въ прочихъ губерніяхъ, такъ-какъ въ витебской губерніи больше уѣздовъ (11), нежели въ прочихъ губерніяхъ (отъ 7 до 9). Количество денегъ, отпускаемое обществомъ на содержаніе училищъ, почти во всѣхъ уѣздахъ равномерное (около 2000 р.); только лепельскій и динабургскій уѣзды отличаются въ этомъ отношеніи отъ прочихъ: первый даетъ 3,442 р., послѣдній—7,815 р. Динабургскій уѣздъ жертвуетъ на содержаніе народныхъ училищъ почти вдвое, а на содержаніе несобственно-народныхъ—почти втрое больше, нежели прочіе уѣзды. Какъ въ минской губерніи, такъ и въ этой, половинное число уѣздовъ относится довольно апатично къ несобственно-народнымъ училищамъ. Городокскій и себежскій уѣзды отпускаютъ на содержаніе ихъ половину того, что прочіе уѣзды, а люцинскій, рѣжичскій и дриссенскій—ничего. Къ народнымъ училищамъ общество относится очень сочувственно. Не говоря о ковенской губерніи, гдѣ народныя училища содержатся исключительно обществомъ, витебская изъ рассмотрѣнныхъ нами губерній первая, въ которой общество отпускаетъ на содержаніе народныхъ училищъ больше, и притомъ вдвое больше казны (общество 24,027 р., а казна—12,235 р.).

По числу жителей, на которое приходится одно училище, моголевская губернія четвертая. Общество отпускаетъ $\frac{7}{10}$, казна— $\frac{3}{10}$ всего содержанія училищъ. Средняя стоимость содержанія каждаго училища—474 р. (на 2 р. меньше, нежели въ витебской губерніи). Об-

щее число училищъ почти такое же, какое и въ витебской, и какъ въ витебской, такъ и въ этой губерніи приходится на каждый уѣздъ меньше народныхъ училищъ, нежели въ прочихъ губерніяхъ, но въ могилевской училища не такъ равномерно распредѣлены между уѣздами, какъ въ витебской. Въ послѣдней губерніи числа училищъ въ уѣздахъ варьируютъ отъ 12 до 27, здѣсь — отъ 8 до 36, каково, впрочемъ, число училищъ только въ рогачовскомъ уѣздѣ. Наибольшее затѣмъ число училищъ въ гомельскомъ (21), въ остальныхъ оно не превышаетъ цифры 17.

Отношеніе общества къ народнымъ и несобственно-народнымъ училищамъ такое же, какое мы видѣли въ витебской. И здѣсь общество отпускаетъ на содержаніе народныхъ училищъ вдвое противъ казны, а къ несобственно-народнымъ относится довольно холодно: пять уѣздовъ — быховскій, мстиславскій, климовскій, чаусскій и сѣнинскій — ничего не даютъ, остальные отпускаютъ вмѣстѣ пятую часть содержанія этихъ училищъ (т.-е. 7,060 р. изъ 35,990 р.); изъ числа ихъ отличается рогачовскій, который жертвуетъ только 115 р. (изъ 4,404 р.), тогда какъ прочіе отпускаютъ каждый около 1,200 р. изъ такой же цифры, а горецкій уѣздъ — изъ 1,542 р. Существующія въ могилевскомъ уѣздѣ два еврейскія училища содержатся на счетъ общества: первое на сумму изъ свѣчнаго съ евреевъ сбора, а второе — сборомъ за ученіе.

Стоимость содержанія училищъ народныхъ не во всѣхъ уѣздахъ одинакова. Особенно значительна разница между содержаніями училищъ рогачовскаго, чериковскаго и мстиславскаго уѣздовъ. Въ первомъ уѣздѣ каждое народное училище обходится въ 180 р., во второмъ — 260 р., въ послѣднемъ — 434 р. ¹⁾

Изъ всего о могилевской губерніи сказаннаго видно, что между этою губерніею и витебскою много общаго въ дѣлѣ училищномъ.

Во всѣхъ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ виленскаго учебнаго округа, не считая вакансій, 1.303 наставника (включая сюда и 91 законоучителя, исполняющихъ наставническую должность), и 366 наставницъ, всего 1,669 лицъ. Изъ числа ихъ приходится на долю несобственно-народныхъ училищъ 350 учителей и 104 наставницы, а на долю народныхъ — 953 наставника и 262 наставницы.

Въ общее число наставниковъ не включены законоучители. Такъ какъ въ несобственно-народныхъ училищахъ ихъ положенное по

¹⁾ Стоимость содержанія училища въ каждомъ изъ этихъ трехъ уѣздовъ исчислена нами, не принимая въ расчетъ стоимости содержанія дирекціи народныхъ училищъ этой губерніи и приходящуюся на ея долю часть содержанія учительскихъ семинарій, почему стоимость содержанія училища въ мстиславскомъ уѣздѣ (впсшая во всей губерніи) и вышла ниже средняго числа для всей губерніи (т.-е. 474 р.).

штату число, то мы и не станемъ говорить о нихъ, а остановимся нѣсколько на законоучителяхъ народныхъ училищъ, которыхъ всего 825, а именно 780 православнаго исповѣданія, 34 римско-католическаго и 11 лютеранскаго.

Изъ числа народныхъ училищъ (1,183) видно, что далеко не на каждое училище приходится по законоучителю; пояснимъ это обстоятельство.

Такъ какъ въ народныхъ училищахъ ковенской губерніи нѣтъ законоучителей, то все число законоучителей приходится на пять губерній, и притомъ въ слѣдующемъ количествѣ на каждую: на 177 училищъ виленской губерніи — 99 законоучителей, на 225 училищъ гродненской — 162 законоучителя, на 269 училищъ минской — 263 законоучителя, на 179 училищъ витебской — 156 законоучителей, на 172 училища могилевской — 145 законоучителей. Изъ этого распределенія видно, что меньше всѣхъ приходится на виленскую губернію, больше всѣхъ на минскую (почти на каждое училище). Особенно выдѣляется въ этомъ отношеніи трокскій уѣздъ — 5 законоучителей (въ томъ числѣ 1 римско-католическаго вѣроисповѣданія) на 16 училищъ, и сокольскій уѣздъ — 2 законоучителя (въ томъ числѣ 1 римско-католическаго вѣроисповѣданія) на 10 училищъ. Самое большое число законоучителей римско-католическаго вѣроисповѣданія находимъ въ витебской губерніи — 24 лица изъ 34, а именно: въ двабургскомъ уѣздѣ — на 17 училищъ, изъ 16 законоучителей 11 римско-католическаго вѣроисповѣданія, и въ рѣжницкомъ — на 15 училищъ, изъ 14 законоучителей 13 римско-католическаго вѣроисповѣданія.

Большая часть законоучителей получаетъ 25 р. содержанія¹⁾; нѣкоторые — никакого. Законоучители, исполняющіе и наставническую должность, получаютъ 150 р.; только въ витебской 16 законоучителей получаютъ 175 р., 1 — 200 р., 1 — 225 р., да въ могилевской свыше 150 р. получаютъ двое: 1 — 175 р., 1 — 300 р.

Наибольшее количество учителей низшихъ учебныхъ заведеній виленскаго учебнаго округа — почти $\frac{2}{5}$ всего числа — доставляютъ учебныя заведенія духовнаго вѣдомства: духовныя семинаріи (479 чел.), учительскія семинаріи (168 чел.) и уѣздныя училища (134 чел.). Изъ числа прочихъ учебныхъ заведеній: гимназіи (43 чел.), духовныя уѣздныя училища (36 чел.) и духовныя училища (23 чел.), а для еврейскихъ училищъ — 6. виленское раввинское училище (54 чел.).

Большая часть лицъ не окончила полнаго курса учебныхъ заведеній, къ которымъ по воспитанію отнесены, но есть и окончившіе курсъ даже въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Такъ, напримѣръ,

¹⁾ Есть и получающіе 50 (2) и даже 175 р. (1).

въ велижскомъ двухклассномъ уѣздномъ училищѣ занимаетъ должность штатнаго смотрителя окончившій курсъ въ б. педагогическомъ институтѣ, а въ трокскомъ—кончившій курсъ въ нѣжинскомъ лицей. Въ дубинковскомъ народномъ училищѣ (виленскаго уѣзда), съ 1-го ноября 1874 года занимаетъ должность учителя народнаго училища кончившій курсъ въ б. главномъ педагогическомъ институтѣ и состоящій на службѣ съ 1853 года!

Учителя несобственно-народныхъ училищъ получаютъ положенное по штату содержаніе; получаемое же наставниками и наставницами народныхъ училищъ содержаніе чрезвычайно разнообразное: отъ 50 р. до 275 р. Ровнѣе всего оно въ виленской и минской губерніяхъ; разнообразіе всего—въ витебской и могилевской. Бѣльшая часть наставниковъ и наставницъ получаетъ 150 руб., и эту цифру примемъ мы за норму.

Въ виленской губерніи ниже этой нормы получаютъ только четверо: 1—50 руб., 2—70 руб., 1—95 руб.; выше ея получаютъ тоже четверо: 3—200 руб., 1—252 руб.

Въ гродненской вообще содержаніе довольно ровное; ниже нормы получаютъ 60 человѣкъ: 1—60 руб., 1—75 руб., 57—100 руб., 1—120 руб.; выше ея только одинъ—200 руб.

Въ Минской ниже нормы получаютъ двое: 1—50 руб., 1—70 руб.; выше ея восьмеро: 2—175 руб., 6—200 руб.

Въ витебской содержаніе чрезвычайно разнообразное: отъ 60 руб. до 275 руб.; ниже нормы получаютъ только четверо: 1—60 руб., 1—75 руб., 2—100 руб.; выше нормы—51 человѣкъ, въ томъ числѣ 1—160 руб., 9—170 руб., 10—175 руб., 4—180 руб., 19—200 руб.; свыше 200 руб. получаютъ восьмеро (одинъ 275 руб.). Вслѣдствіе всего этого средняя цифра содержанія наставниковъ и наставницъ въ этой губерніи выше нормы.

Въ могилевской содержаніе тоже очень разнообразное: отъ 60 р. до 200 руб. Ниже нормы получаютъ 23 человѣка: 4—60 руб., 1—70 руб., 1—75 руб. 2—80 руб., 5—100 руб., 1—110 руб., 6—120 р., 2—125 руб., 1—140 руб.; выше нормы получаютъ 19 человѣкъ: 1—160 руб., 12—175 руб., 1—180 руб., 1—196 руб., 4—200 руб.

Что касается наставницъ, то и здѣсь являются главными разсадниками учебныхъ заведеній духовнаго вѣдомства: училища для дѣвицъ духовнаго званія, которыя доставляютъ $\frac{2}{3}$ всего числа наставницъ. Содержаніе получаютъ наставницы одинаковое съ наставниками.

Въ заключеніе остановимся нѣсколько на тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, прямое, специальное назначеніе которыхъ снабжать народныя училища наставниками—на учительскихъ семинаріяхъ.

Мы замѣтили, что учительскихъ семинарій въ виленскомъ учебномъ округѣ пять:

Названія ихъ.	Время основанія.	Мѣстонахожденіе.	Стоимость содержанія.
1. Молодечненская . . .	1864 г.	Вилен. губ., вилей. у., въ м. Молодечнѣ.	14,810 р.
2. Поневѣжская	1872 „	Ковенс. губ., въ уѣздн. городѣ Поневѣжѣ.	13,650 „
3. Полоцкая	1872 „	Витеб. губ., въ уѣздн. городѣ Полоцкѣ.	18,720 „
4. Несвижская	1876 „	Минс. губ., слуп. уѣзда, въ г. Несвижѣ.	15,710 „
5. Свислочская	Основана по Высоч. утвр. 4 февр. 1875 г. мнѣнію госуд. совѣта, но не открыта еще.	Гродн. губ., волков. уѣзда, въ м. Свислочѣ.	15,710 „

Содержаніе 1, 2, 4 и 5 учительскихъ семинарій отпускается сполна изъ государственнаго казначейства, а на содержаніе полоцкой учительской семинаріи государственное казначейство даетъ 13,520 р., крестьяне витебской и могилевской губерній 4000 р., и полоцкое церковное братство 1200.

Курсъ учительскихъ семинарій трехлѣтній, слѣдовательно несвижская, какъ открытая только въ 1875 году, и свислочская, какъ не открытая еще, не могли еще обнаружить результатовъ своей дѣятельности (изъ нихъ не было еще выпусковъ), а потому говорить можно только о молодечненской, поневѣжской и полоцкой.

При общей оцѣнкѣ пользы и цѣлесообразности учебнаго заведенія число учениковъ, окончивающихъ курсъ, и стоимость воспитанія каждаго изъ нихъ играютъ важную роль. Посмотримъ на означенныя три учительскія семинаріи съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія.

Содержаніе этихъ трехъ учительскихъ семинарій, считая съ 1 іюля года основанія ихъ до 1-го іюля 1875 года, стоило уже 260,020 рублей.

Если изъ нихъ выпущено до начала 1875—1876 учебнаго года только то количество учителей, какое мы нашли въ „Памятной книжкѣ“, т.-е. 165 человѣкъ, то результатъ ихъ дѣятельности весьма небольшой, какъ по количеству окончившихъ въ нихъ курсъ, такъ въ особенности по стоимости воспитанія каждаго изъ нихъ—среднимъ числомъ 1575 р. 88 к.

Изъ молодечненской учительской семинаріи было 9 выпусковъ, изъ Поневѣжской и Полоцкой по одному. Эти 11 выпусковъ дали всего 165 учителей, стало быть, каждый выпускъ среднимъ числомъ—15 человѣкъ. Если количество окончивающихъ курсъ не повысится,

то всё пять заведений, придя въ нормальное состояніе, будутъ давать ежегодно около 75 учителей.

Содержаніе всѣхъ пяти семинарій (когда откроется и пятая), обойдется ежегодно 78,600 р., и, при нормальномъ уже состояніи ихъ, воспитаніе каждаго окончившаго курсъ будетъ стоить нѣсколько меньше, нежели теперь, а именно 1048 рублей. Это послѣднее обстоятельство заставитъ современемъ думать о средствахъ къ удешевленію, для пополненія народныхъ училищъ наставниками. Не было ли бы лучше, напримѣръ, назначать наставникамъ народныхъ училищъ, вмѣсто теперешняго жалованья (среднимъ числомъ 150 р.),—300 р. содержанія, и тогда найдется много желающихъ изъ людей вполне готовыхъ къ должности учителя; кончившіе курсъ въ гимназіяхъ, или въ прогимназіяхъ, и лишеныя, по бѣдности, возможности поступить въ университетъ, при такомъ содержаніи охотно будутъ поступать на вакансіи народныхъ учителей. Тогда на тѣ же 78,600 р., которыхъ стоятъ 75 учителей, выпускаемые ежегодно изъ пяти учительскихъ семинарій, можно имѣть 262 человека съ подготовкою не хуже той, какую даютъ учительскія семинаріи.

Р. Миньвицъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е іюля, 1877.

Уголовная статистика.—Сравнительная медленность судопроизводства.—Проценты оправданій.—Снисходительность по родамъ преступленій.—Картина семейнаго быта по уголовнымъ даннымъ.—Преступность несовершеннолѣтнихъ.—Образованіе и грамотность.—Племенные черты.

Статистика, при вѣрности данныхъ и рациональной ихъ разработкѣ, можетъ служить твердымъ основаніемъ для политическихъ наукъ вообще, для социологіи—въ особенности; для нихъ она представитъ со временемъ то, что представляетъ опытъ для наукъ физическихъ. Опытъ провѣряетъ положенія, принятыя въ наукѣ, онъ самъ наводитъ на гипотезы и онъ же разрѣшаетъ ихъ. Въ наукахъ политическихъ теорія останется необъидительною и нетвердою до тѣхъ поръ, когда статистика накопитъ для нихъ богатый, соответствующій продолжительному времени и разнообразнымъ формамъ человѣческаго сообщества, опытный матеріалъ. Время это, конечно, еще далеко, такъ какъ статистика сама-по-себѣ наука новая и доселѣ еще не получила того всеобъемлющаго характера, какой она получить должна, если человѣчество не хочетъ жить безъ точноизученныхъ слѣдовъ существованія каждаго поколѣнія, безъ обращенія страданій и борьбы, вынесенныхъ предшествующими поколѣніями,—въ поученіе поколѣніямъ грядущимъ. Самая исторія, безъ соответствующей точной статистики въ своихъ выводахъ, есть только сводъ личныхъ впечатлѣній, положимъ—провѣренныхъ взаимно, но освѣщенныхъ весьма произвольно критикомъ, т.-е. авторомъ историческаго сочиненія.

Возьмите нѣсколько сочиненій, имѣющихъ цѣлью уяснить одинъ какой-нибудь важный моментъ исторіи, напримѣръ, французскую революцію. Смотра по національности писателя и его личному настроенію, какое огромное различіе въ освѣщеніи и истолкованіи—не ха-

рактера того или другого лица, что менѣе важно, но именно *последствій* того или другого событія, значенія этихъ послѣдствій въ условіяхъ жизни даннаго народа и значенія его по сравненію съ условіями жизни другихъ народовъ, въ соответствіи времени. Мишлэ, Тьеръ, Луи-Бланъ, Зибель, Карлейль, — что историкъ, то и новая исторія, новая именно въ самомъ существенномъ, т. е. въ выводахъ, въ поученіи для будущаго. Исторія уже начинаетъ вступать на почву бытовыхъ наблюденій, на поле цифръ. Тѣмъ недавно доказалъ, какъ много свѣта можетъ пролить на смыслъ историческихъ эпохъ кака-нибудь прихода-расходная книжка, пощаженная временемъ. Но что значать подобные лоскутки, обрывки цифръ, въ сравненіи съ многосторонней, всеобъемлющей, научной статистикой, если бы она имѣлась за то время, о которомъ судить историкъ, критически разрабатывающій документы?

Жизнь общественная въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. совокупная личная жизнь тѣхъ единицъ, которыя составляютъ общество въ данное время, течетъ настолько быстрѣе жизни исторической, насколько среднее время жизни человѣка короче жизни народа. Многосторонній статистическій матеріалъ за одинъ годъ можетъ представить полную картину условій жизни общества въ настоящемъ. Сравненіе нѣсколькихъ десятковъ такихъ статистическихъ годовъ уже можетъ дать весьма ясныя и весьма важныя указанія для науки, а съ нею — и для законодательства. Достаточно нѣсколькихъ годовъ, чтобы прослѣдить въ цифрахъ нѣкоторые слѣды вліянія той или другой законодательной мѣры. Довольно даже отчета за одинъ годъ, чтобы навести публициста, а за нимъ и законодателя, на нѣкоторыя гипотезы, на размышленія о томъ — не указываетъ ли жизнь на необходимость тѣхъ или другихъ возможныхъ облегченій; а разъ возбуждена подобная догадка — они станутъ слѣдить за тѣмъ же явленіемъ въ отчетахъ слѣдующихъ годовъ, и въ умѣ ихъ сложится убѣжденіе, основанное не на особенностяхъ личнаго опыта, воспитанія или темперамента, но на указаніяхъ коллективныхъ и болѣе вѣрныхъ, такъ какъ указанія эти даны самой жизнью всего общества.

Одна изъ важѣйшихъ отраслей общественной статистики, какъ матеріала для законодателя, есть статистика уголовности. Она ведется у насъ уже нѣсколько лѣтъ и ведется съ полнотою, старательностью и многосторонностью разработки, которыя заслуживаютъ похвалы безусловной. Передъ нами четвертый выпускъ „Свода статистическихъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ“, заключающій въ себѣ свѣдѣнія о всѣхъ уголовныхъ дѣлахъ, которыя производились въ теченіи 1875 года судебными органами, дѣйствующими по уставамъ 20 ноября 1864 года. Онъ составленъ столь же старательно, какъ

предшествующіе, но нѣсколько полнѣе ихъ; каждый изъ четырехъ выпусковъ представляетъ успѣхъ въ смыслѣ болѣе полноты и лучшей разработанности. Съ одной стороны, постепенное распространеніе судебной реформы, охватывая болѣе число дѣлъ, даетъ болѣе общность и болѣе авторитетности выводамъ; съ другой стороны, самый опытъ въ работѣ указываетъ на возможность улучшеній. Такъ, въ сводѣ за 1875 годъ вошли уже полныя свѣдѣнія о дѣятельности новыхъ окружныхъ судовъ, открытыхъ въ 1874 году, между тѣмъ какъ для предшествующаго свода дѣятельность ихъ могла представить только незначительный матеріалъ. Такъ, второй отдѣлъ первой части нынѣшняго свода дополненъ общей вѣдомостью о полномъ движеніи дѣлъ въ судебныхъ установленіяхъ, по родамъ преступленій, по которой можно слѣдить за послѣдовательнымъ прохожденіемъ дѣлъ въ разныхъ инстанціяхъ. Есть и другія пополненія, но мы ограничимся указаніемъ на это одно, въ видѣ примѣра.

Что касается выводовъ или объясненій, какіе излагаются въ самомъ текстѣ, то и они много выиграли; уменьшилось число такихъ выводовъ, которые были несостоятельны по отсутствію подходящихъ данныхъ общей статистики; устранены нѣкоторыя, замѣчавшіяся въ прежнихъ сводахъ объясненія слишкомъ оптимистскаго характера, вышесказанныя скорѣе общепринятыми мнѣніями, чѣмъ реальнымъ указаніемъ цифръ. Не малой похвалой добросовѣстности составителей свода должно служить и то, нинѣ замѣчаемое нами, обстоятельство, что при изложеніи своихъ объясненій составители приняли во вниманіе нѣкоторыя указанія печати, подвергавшей обсужденію ихъ выводы, на основаніи сравненія самыхъ же цифръ свода, или указывавшей на непрочность иныхъ объясненій, по неимѣнію разныхъ другихъ статистическихъ данныхъ.

Замѣтимъ только, что теперь, когда имѣются уже на-лицо весьма подробныя и богатыя свѣдѣнія за четыре года, нѣкоторымъ объясненіямъ или выводамъ свода можно бы придать нѣсколько болѣе рѣшительности, чѣмъ они доселѣ имѣютъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ можно бы уже начать и пользоваться, для принятія мѣръ практическихъ, нѣкоторыми, достаточно ясными указаніями сравнительныхъ цифръ. Мы хорошо понимаемъ, что министерство юстиціи боится скороспѣлости выводовъ, выжидаетъ собранія матеріала за болѣе продолжительное время, однимъ словомъ, признаетъ необходимѣйшими условіями зрѣлость и обдуманность. Въ общемъ смыслѣ, мы совершенно съ этимъ согласны, и если бы кто-нибудь взался судить, на основаніи криминалистическихъ данныхъ за четыре или даже за два года, о томъ, какія послѣдствія были вызваны той или другой изъ принятыхъ недавно мѣръ, напримѣръ, хотя бы возвышеніемъ

наказаній за убійство,—то мы первые признали бы собранный доселѣ матеріалъ недостаточнымъ для основанія на немъ сужденій такого рода. Но есть условія бытовья, отчасти вынуждены законами существующими давно, и эти-то бытовья условія выражаются въ такихъ цифрахъ уголовности, которыя съ году на годъ измѣняются очень немного. По отношенію къ нимъ, законодателю и публицисту вовсе не требуется длиннаго ряда цифръ, указывающаго на колебанія въ теченіи продолжительныхъ періодовъ времени, а важно только добыть достовѣрныя цифры, соответствующія данному моменту, уловить въ нихъ бытовья условія и затѣмъ сообразить,—не отражается ли въ нихъ какая-либо очевидная потребность.

Для того, чтобы воспользоваться подобными указаніями цифръ для практической цѣли, нѣтъ нужды ожидать, чтобы судебная реформа сперва распространилась на всю имперію и чтобы затѣмъ еще 25-ти-лѣтній опытъ представилъ громадный статистическій матеріалъ. Не полагаться и здѣсь на данныя одного перваго свода, но ожидать еще года два-три, заручиться удостовѣреніемъ трехъ-четырехъ годовичныхъ сводовъ—благоразумно, но въ какомъ смыслѣ? Не для того, чтобы собрать рядъ цифръ, указывающей колебанія, но для того, чтобы трех- или четырехъ-лѣтній опытъ провѣрилъ цифры, соответствующія данному моменту; затѣмъ, когда такой опытъ доказалъ ихъ надежность—ими слѣдуетъ уже и пользоваться.

Объяснимъ это примѣрами.

Первой, ближайшей цѣлью, какую могло имѣть министерство юстиціи, когда приступало къ собиранію уголовно-статистическихъ данныхъ, было, по всей вѣроятности, желаніе провѣрить ходъ дѣлопроизводства въ судебныхъ органахъ. И вотъ, когда первый же сводъ показалъ на цифрахъ, что одинъ окружной судъ обремененъ дѣлами въ сравненіи съ другимъ, естественно было подождать дальнѣйшаго подтвержденія этихъ данныхъ. Обремененіе въ одномъ году могло зависѣть отъ неодинаковыхъ пріемовъ счета или могло быть случайно. Но вотъ проходятъ: другой годъ, третій, четвертый—и цифровыя указанія новѣйшихъ сводовъ совершенно подтверждаютъ указаніе перваго. Одинъ судъ оказывается непомерно обремененнымъ. Неужели же не слѣдуетъ воспользоваться этими указаніями, не отлагая мѣръ до неопредѣленнаго будущаго? Ясно, что въ томъ судѣ, который наиболѣе обремененъ, слѣдуетъ немедленно открыть новое отдѣленіе или просто перевести въ тотъ судъ отдѣленіе изъ другого суда, производившаго наименьшее число дѣлъ. Если этого не дѣлать немедленно, сообразно указаніямъ статистики дѣлопроизводства, то неизбежными послѣдствіями явятся не только утомленіе членовъ одного суда, но замедленіе всего хода въ немъ дѣлъ. А чтó значить

замедленіе въ ходѣ уголовного дѣла? Оно выражается такимъ образомъ: подвергнутый предварительному задержанію въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ съ нетерпѣніемъ ждетъ суда; наконецъ, наступаетъ его очередь, но дѣло его сложное, а между тѣмъ какъ разъ въ то время—масса дѣлъ; по малѣйшему предлогу, его дѣло отсрочивается еще на нѣсколько мѣсяцевъ. Затѣмъ, оно разсматривается и обвиняемый—оправданъ. Но онъ высидѣлъ въ тюрьмѣ—годъ; а другой, по счастливой случайности, былъ по однородному дѣлу скоро признанъ виновнымъ и присужденъ къ заключенію на нѣсколько мѣсяцевъ. Результатъ: виновный освобожденъ раньше невиннаго.

Другіе примѣры. Четырехлѣтній опытъ выяснилъ и удостовѣрилъ, что наши новые суды, дѣйствующіе на началахъ либеральныхъ, принуждены сохранившимися еще старыми законами присуждать ежегодно нѣсколько десятковъ человѣкъ къ ограниченію правъ, ссылкѣ и заключенію за такія преступленія, которыя не признаются кодексами другихъ образованныхъ народовъ, напр., за богохуленіе, оскорбленіе святости и т. д. Неужели же нужно выжидать накопленія двадцати-пяти сводовъ, которые только подтвердятъ то, что и теперь достовѣрно,—для того, чтобы подумать: не слѣдуетъ ли, наконецъ, вычеркнуть изъ нашего законодательства устарѣлые законы, остающіеся въ дѣйствиіи вовсе не потому, чтобы ихъ и теперь признавали нужными, а единственно потому, что еще не признали нужнымъ ихъ пересмотрѣть и отмѣнить? Далѣе, четыре свода данныхъ криминалистики краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о крайне-ненормальномъ положеніи браковъ въ Россіи. Достаточно было выждать проверки, удостовѣренія этихъ указаній тремя-четырьмя годами, но къ чему же было бы ждать длинныхъ рядовъ многолѣтнихъ цифръ, прежде чѣмъ передать производство бракоразводныхъ дѣлъ въ руки свѣтскихъ судовъ и облегчить самыя условія развода?

Вотъ почему, отдавая справедливость важности дѣла уголовной статистики, предпринятаго министерствомъ юстиціи, и добросовѣстности, съ какой оно ведется, мы желали бы имѣть свѣдѣнія, пользуется ли уже министерство юстиціи наиболѣе ясными указаніями сводовъ въ настоящее время для практическихъ цѣлей,—или же сводъ составляетъ только такъ, въ видѣ матеріаловъ для грядущихъ публицистовъ и въ видѣ доказательства успѣшности общаго хода дѣлопроизводства по судебному вѣдомству? Было бы очень жаль, если бы справедливымъ оказалось послѣднее. Впрочемъ, мы не думаемъ утверждать, что оно такъ и есть. На мысль о подобной возможности насъ навело только воспоминаніе о значеніи и бесплодности многихъ официальныхъ отчетовъ прежнихъ лѣтъ: все назначеніе ихъ было имѣло доказать полную успѣшность дѣлопроизводства. Было бы жаль, если бы

громадный, немало-стоющій въ смыслѣ матеріальномъ и весьма цѣнный въ смыслѣ пособия для практическаго законодательства трудъ, каковой представляется „сводами“, не имѣлъ результатовъ болѣе плодотворныхъ.

Обращаясь къ указаніямъ свода за 1875 годъ по движенію дѣлопроизводства въ судахъ, находимъ, что общія цифры представляютъ данныя весьма благоприятныя. Такъ, напр., что количество оканчиваемыхъ судебными слѣдователями дѣлъ въ теченіи года, по отношенію къ числу дѣлъ у нихъ возникающихъ, представляетъ 105%; иными словами, что въ теченіи года судебные слѣдователи, взятые въ совокупности, не только оканчиваютъ производствомъ число дѣлъ, равное тому, какое у нихъ возникло въ году, но еще 5 дѣлъ изъ старыхъ. Результатъ блестящій и который, конечно, не можетъ продержаться долго, потому что иначе, въ теченіи 10 лѣтъ, судебные слѣдователи окончили бы по 1050 дѣлъ на 1000 возникшихъ, что невозможно. Но если мы взглянемъ на другую таблицу, показывающую распредѣленіе числа дѣлъ, произведенныхъ за годъ слѣдователями разныхъ мѣстностей, то окажется, что въ то время, какъ среднее число по всѣмъ судебнымъ округамъ, взятымъ, доходитъ до 138 дѣлъ на cadaго слѣдователя, въ отдѣльности число дѣлъ по однимъ окружнымъ судамъ не превышаетъ 61-го и 73-хъ дѣлъ на одного слѣдователя, а по другимъ возрастаетъ до 259 и даже 366 дѣлъ на одного слѣдователя. Такъ, по ржевскому окружному суду на cadaго изъ 6-ти слѣдователей приходится по 61-му дѣлу, а по усть-медвѣдичьему суду приходится по 366-ти дѣлъ на cadaго изъ 6-ти же слѣдователей. Спрашивается: почему же по ржевскому и по усть-медвѣдичьему судамъ числится равное число слѣдователей? Если усть-медвѣдичьій судъ призналъ нужнымъ кого-либо подвергнуть предварительному задержанію по донесенію слѣдователя, то каково обвиненному дожидаться конца своего слѣдственнаго дѣла, когда такихъ дѣлъ у мѣстнаго судебного слѣдователя возникаетъ по одному каждый день въ теченіи всего года?

Статистическія данныя этого отдѣла (по дѣлопроизводству) только для того и могутъ служить, чтобы по указаніямъ ихъ принимались немедленно соотвѣтственныя мѣры; иначе они ни къ чему не служатъ. Замѣтимъ, что въ выводахъ, которые министерство дѣлаетъ изъ разныхъ цифръ, или въ объясненіяхъ, которыя даются по нимъ въ текстѣ, встрѣчается иногда неполное взаимное согласованіе, и что каждый разъ, когда усмотришь такое отсутствіе согласованія между двумя отсывами, недоразумѣніе прямо указываетъ, что медленность въ дѣлопроизводствѣ того или другого органа произошла отъ неравномѣрнаго обремененія его дѣлами, отъ непринятія своевременно

нѣрь къ усиленію личнаго состава въ одномъ мѣстѣ, хотя бы на счетъ другого мѣста, менѣе заваленнаго работою. Приведемъ два примѣра. На стр. V „общаго обзора“, при сравненіи по округамъ числа оконченныхъ съ числомъ дѣлъ производившихся, говорится: „такое процентное отношеніе хотя и указываетъ, что вообще оканчивается дѣлъ болѣе, чѣмъ возникаетъ, а слѣдовательно представляется возможнымъ постепенное уменьшеніе количества дѣлъ, остающихся въ производствѣ отъ прежнихъ лѣтъ, но уменьшеніе это настолько незначительно (особенно по округу казанской судебной палаты, гдѣ половина дѣлъ остается неразрѣшенною), что желательнѣе бы было *болѣе усиленной дѣятельности*“. Между тѣмъ, изъ другого сравненія, на стр. XXIX, дѣятельность по казанскому округу оказывается въ слѣдующемъ видѣ: „болѣе половины производящихся дѣлъ разрѣшается окружными судами въ теченіи одного мѣсяца, въ теченіи шести мѣсяцевъ разрѣшаются почти всѣ дѣла, а процентъ дѣлъ, производившихся болѣе 6-ти мѣсяцевъ, за послѣдніе три года уменьшился въ 1874 году съ 13 на 10%, а въ отчетномъ даже до 5¹/₂%; и что вообще дѣлопроизводство ежегодно улучшается“. Мало того, при общихъ выводахъ о дѣятельности окружныхъ судовъ по округамъ (стр. XXX), округъ казанской судебной палаты поставленъ во главѣ всѣхъ прочихъ, какъ такой, который не только „стоитъ въ лучшемъ положеніи, но и въ дѣлопроизводствѣ его замѣчается постоянное улучшеніе“.

Спрашивается: какою же еще желательнѣе *болѣе усиленной дѣятельности*, чѣмъ та, какую проявляетъ этотъ округъ? Отчего же происходитъ такое недоразумѣніе? Намъ нѣтъ надобности объяснять его собственными замѣчаніями; на стр. VIII „общаго обзора“, при сравненіи дѣлопроизводства у судебныхъ слѣдователей по округамъ, мы находимъ слѣдующій отзывъ: „казанскій округъ обремененъ дѣлами болѣе другихъ округовъ, но, тѣмъ не менѣе, по числу оконченныхъ дѣлъ округъ этотъ стоитъ вторымъ въ ряду другихъ... Если же, несмотря на это, по казанскому округу оказалось 34% неоконченныхъ дѣлъ, т.е. бѣльшій %, чѣмъ въ другихъ округахъ, то это происходитъ отъ *недостаточнаго количества слѣдователей*“. Спрашивается: почему ихъ тамъ недостаточное количество? Если намъ возражать, что встрѣчается бюджетное препятствіе, то мы спросимъ, почему изъ числа 30-ти слѣдователей при курскомъ судѣ, гдѣ приходится только по 96-ти дѣлъ на cadaго изъ нихъ, не переведутъ десятерыхъ въ помощь казанскимъ, которыхъ тоже 30, но на cadaго изъ которыхъ приходится по 133 дѣла? Само собою разумѣется, что на практикѣ нѣтъ нужды брать всѣхъ 10 слѣдователей отъ

одного суда, а можно взять ихъ отъ цѣлаго округа, даже отъ нѣсколькихъ округовъ.

Статистическія данныя о ходѣ дѣлопроизводства въ судахъ, повторяемъ, не могутъ служить ни къ чему, если они не служатъ для принятія своевременныхъ мѣръ въ отвращеніе медленности судопроизводства. Поэтому, мы позволимъ себѣ указать еще другой примѣръ недоразумѣнія равнозначущаго съ тѣмъ, на которое мы только что указали. Въ сравненіи „общаго обзора“ о дѣятельности окружныхъ судовъ по округамъ (стр. XXX) говорится и о менѣе успѣшномъ дѣлопроизводствѣ, причемъ указывается на *одесскій округъ*; „замѣчается медленность, которая ежегодно увеличивается особенно по одесскому округу“. Этотъ отзывъ усиливается (на стр. XXXII) слѣдующимъ замѣчаніемъ: „вообще о дѣятельности окружныхъ судовъ слѣдуетъ замѣтить, что дѣлопроизводство въ нихъ, по сравненію съ судебными слѣдователями и прокурорскимъ надзоромъ, представляется менѣе удовлетворительнымъ, такъ что желательно болѣе быстрое разрѣшеніе дѣлъ, особенно по одесскому округу“.

Замѣтимъ прежде всего, что желаніе выставить въ наилучшемъ свѣтѣ успѣшное дѣлопроизводство чиновниковъ министерства юстиціи, каковы члены прокурорскаго надзора и большинство слѣдователей, временно исправляющихъ свою должность, достаточно достигается въ иномъ мѣстѣ,—простымъ, безотносительнымъ указаніемъ на цифры, свидѣтельствующія объ успѣшной ихъ дѣятельности. Но для достиженія той же цѣли излишне дѣлать такое сравненіе, которое никому убѣдительно показаться не можетъ. Возможно ли сравнивать дѣлопроизводство у судебныхъ слѣдователей съ дѣлопроизводствомъ въ судахъ? Судебный слѣдователь, прибывъ на мѣсто, составляетъ актъ и при ненахожденіи виновныхъ черезъ двѣ недѣли прекращаетъ дѣлопроизводство. Такихъ дѣлъ много. Затѣмъ, большинство дѣлъ у судебного слѣдователя далеко не сложны, а формальности, которыми производство ихъ обставлено, весьма просты; иначе не могъ бы одинъ судебный слѣдователь производить болѣе 366 дѣлъ въ году. Между тѣмъ, въ судѣ дѣлопроизводство обусловлено такими процессуальными формами, которыя выходятъ изъ всякаго сравненія съ формами слѣдственнаго производства.

Но обратимся къ окружнымъ судамъ *одесскаго округа*. Онъ обвиняется въ сравнительной медленности и даже особенной медленности въ „общемъ обзорѣ“. Но въдѣ изъ „обзора“ не видно сравнительнаго состава разныхъ судовъ. Данныя свода соотвѣтствуютъ 1875 и предшествующимъ годамъ. Между тѣмъ, только въ концѣ прошлаго, 1876, года призвано было нужнымъ открыть въ самомъ одесскомъ окружномъ судѣ новое отдѣленіе. Стало быть, онъ признавался

слишкомъ обремененнымъ. Но въ виду такого факта, отзывъ „общаго обзора“, что „желательно болѣе быстрое разрѣшеніе дѣлъ—, особенно по одесскому округу“, представляетъ нѣкоторое недоразумѣніе. Хорошо, что мѣра была принята, не дожидая свода данныхъ еще за 1876 годъ; но, во-первыхъ, она относилась къ одному окружному суду, а ихъ въ округѣ еще шесть; во-вторыхъ, удобно ли было въ „общемъ обзорѣ“ за 1875 годъ говорить, что желательна болѣе быстрая дѣятельность судовъ округа, когда въ то самое время министерство свидѣтельствовало принятою имъ мѣрою, что желательно и необходимо усиленіе *состава* главнаго изъ этихъ же судовъ? Составители хвалятъ, между прочимъ, петербургскій округъ за быстроту производства дѣлъ въ окружныхъ судахъ. Стоитъ сдѣлать сравненіе изъ разныхъ частей свода и мы увидимъ, что въ этихъ судахъ производилось въ 1875 г. 5982 дѣла при 23-хъ членахъ, а въ окружныхъ судахъ одесскаго округа 10,759 дѣлъ при 30-ти членахъ. Стало бытъ, на одного члена окружныхъ судовъ петербургскаго округа приходилось въ годъ 257²¹/₂₃ дѣла, а на одного члена окружныхъ судовъ одесскаго округа 358¹⁹/₃₀ дѣла. Удивляться ли сравнительной медленности послѣднихъ и чего естественнѣе было *желать*: болѣе ли быстроты или просто усиленія состава?

Но перейдемъ теперь къ существенной части свода, къ статистикѣ собственно уголовности, замѣтивъ съ самаго начала, что данныя свода за 1875 годъ соотвѣтствуютъ такой полосоѣ имперіи, которая имѣетъ населеніе въ 47,884,693 души обоего пола; въ совокупности всѣхъ родовъ преступленій приходится возникшихъ дѣлъ—одно на каждыя 577 душъ. При этомъ женщины оказываются въ десять разъ менѣе склонны къ преступленіямъ, чѣмъ мужчины; 1 осужденная приходится на 22,251 женщинъ населенія, а 1 осужденный приходится на 2,123 мужчинъ населенія.

Сравнительные проценты оправданій за 1875 годъ совершенно подтверждаютъ явленіе, оказавшееся въ прежнихъ сводахъ, а именно, что наибольшая вѣроятность оправданія (36,38%) существуетъ для тѣхъ подсудимыхъ, которыхъ дѣла разсматриваются въ окружныхъ судахъ съ участіемъ присяжныхъ, наименьшая—для подсудимыхъ, выступающихъ передъ окружными судами безъ участія присяжныхъ (24,72%), и средняя для тѣхъ, которые судятся въ судебныхъ палатахъ (33,76, %). Само собою разумѣется, что такое различіе зависитъ не только отъ свойствъ суда, но еще и отъ свойствъ тѣхъ преступленій, какія разнымъ судамъ подсудны. Но приведенный результатъ, какъ и многіе изъ общихъ результатовъ—напр., что суды вообще снисходительнѣе относятся къ женщинамъ, чѣмъ къ

мужчинамъ—подтверждаясь изъ году въ годъ, показываютъ именно, что основныя данныя нашей криминалистики выяснены сводами и представляются надежными для дѣланія изъ нихъ общихъ выводовъ.

Итакъ, фактъ, что въ общей сложности присяжные вовсе не такъ безусловно склонны къ оправданію, какъ то прежде твердили нами „консерваторы“, подтверждается и новымъ сводомъ. Одною изъ положительныхъ заслугъ нашей уголовной статистики доселѣ было именно выясненіе этого факта; теперь, въ четвертый разъ, уже представлялось бы излишнимъ настаивать на немъ. Но, указавъ на этотъ фактъ, мы все-таки далеки отъ того, чтобы признать въ общемъ направленіи нашихъ судовъ, съ присяжными и безъ присяжныхъ, безусловное совершенство, утверждать, что ничего не остается и желать болѣе. Картина, какая обрисовывается процентами оправданій по разнымъ родамъ преступленій, показываетъ напротивъ, что желать остается еще очень многого, болѣе снисходительности въ однихъ случаяхъ и болѣе строгости въ другихъ.

Такъ, напримѣръ, одинъ изъ наименьшихъ процентовъ оправданій приходится по дѣламъ о святотатствѣ: въ общей сложности всѣми судами 25,55, а собственно присяжными 26,20; въ дѣлахъ объ убійствѣ и предумышленномъ убійствѣ суды проявляютъ гораздо болѣе снисходительности, чѣмъ въ дѣлахъ о святотатствѣ, а именно процентъ оправданій по обвиненію въ убійствѣ 36,45. Значитъ, изъ 100 человѣкъ, обвиняемыхъ въ святотатствѣ, осуждаются всѣми судами 74,45, а собственно присяжными 73,80, между тѣмъ какъ на 100 человѣкъ, обвиняемыхъ въ убійствѣ и даже предумышленномъ убійствѣ, осуждаются только 63,55. Но, скажутъ намъ, фактъ убійства труднѣе доказывается, чѣмъ фактъ святотатства, такъ какъ въ святотатствѣ главную роль играетъ кража церковныхъ предметовъ, а кражу легче доказать, чѣмъ совершеніе убійства. Допустимъ это. Но мы все-таки утверждаемъ, что приведенное выше различіе зависитъ не только отъ такой разницы въ полнотѣ уликъ, но и прямо отъ строгаго отношенія судовъ и присяжныхъ къ дѣяніямъ, въ которыхъ усматривается оскорбленіе святости. Чтобы выяснить это, сравнимъ святотатство съ простой кражей. Оказывается, что по кражѣ процентъ оправданій въ совокупности судовъ 27,61 и собственно у присяжныхъ 27,37, то-есть все-таки слабѣе, чѣмъ въ дѣлахъ о святотатствѣ; а тутъ уже приведеннаго возраженія намъ сдѣлать не могутъ.

Изъ сопоставленія же всѣхъ только-что указанныхъ процентныхъ цифръ оказывается, что на 100 человѣкъ, обвиняемыхъ по каждому изъ означенныхъ трехъ родовъ преступленій, въ Россіи на наибольшую снисходительность могутъ рассчитывать обвиняемые въ убійствѣ,

на гораздо меньшую—обвиняемые въ кражѣ, а наибольшей строгости должны ожидать обвиняемые въ святотатствѣ. Иными словами, что предъ судомъ жизнь обезпечена гораздо менѣе имущества, а имущество частное менѣе церковнаго. Едва-ли можно утверждать, что такое сравнительное направленіе судовъ рационально.

Продолжая подобныя сравненія, мы укажемъ и другія странности въ томъ же родѣ, причѣмъ предвѣряемъ, что процентныя цифры, нами приводимыя,—вовсе не случайны. При обзорѣ прежнихъ сводовъ общая картина выходила та же. Наибольшій процентъ оправданій оказывается по дѣламъ о преступленіяхъ противъ личной чести: въ совокупности судовъ разнаго рода по этимъ дѣламъ, изъ 100 человѣкъ оправдываются 68,87, причѣмъ, впрочемъ, присяжные выказываютъ сравнительно гораздо болѣе строгости, а именно оправдываютъ изъ 100 только 53,66. Далѣе идетъ высокій (66,67) процентъ оправданій по преступленіямъ служебнымъ. Затѣмъ идетъ процентъ оправданій по преступленіямъ противъ свободы [(57,90), причѣмъ на 100 судившихся собственно присяжными оправдываются 73,77] и оправданій по преступленіямъ противъ союза родственнаго и брачнаго (60% вообще и 59,78 собственно у присяжныхъ); далѣе довольно многочисленны оправданія по дѣламъ о преступленіяхъ противъ женской чести (около 54%).

Теперь возьмемъ наименьшіе проценты оправданій, то-есть примѣры наибольшей строгости судовъ: въ совокупности своей, суды произнесли наименѣе оправданій по преступленіямъ противъ закона о состояніяхъ (23,17% оправданій, хотя собственно у присяжныхъ процентъ оправданій по такимъ дѣламъ очень высокъ), о святотатствѣ (25,55% оправданій), о кражѣ (27,61% оправданій), и по преступленіямъ противъ порядка управленія (29,30% оправданій). Ничтожный процентъ оправданій по бродяжничеству оставляемъ въ сторонѣ, такъ какъ, по существу дѣла, бродяжничество почти не допускаетъ возможности оправданія: человѣкъ задержанъ безъ вида, отзывается непомнящимъ родства и т. п., судятъ его безъ присяжныхъ и, разумѣется, осуждаютъ по очевидности факта.

Укажемъ еще на процентъ оправданій по преступленіямъ религіознымъ: онъ составляетъ 32,48 въ совокупности судовъ и 34,25 собственно у присяжныхъ; стало быть, онъ меньше, чѣмъ процентъ оправданій по убійству (36,46). Затѣмъ, возьмемъ тѣлесныя поврежденія, къ которымъ принадлежатъ главнымъ образомъ случаи грубаго насилія и мученія малолѣтнихъ и женщинъ. Оправданій оказывается здѣсь въ совокупности судовъ 46,68%, а собственно у присяжныхъ даже 49,84%. Между тѣмъ, фактъ виновности въ нанесеніи тѣлесныхъ поврежденій доказывается гораздо легче самой кражи.

Стало быть въ многочисленности оправданій по дѣламъ о тѣлесныхъ поврежденіяхъ свазывается уже прямо снисходительность судовъ вообще, а въ особенности присяжныхъ, къ одному изъ возмутительнѣйшихъ преступленій: къ нападенію нѣсколькихъ человекъ на одного или къ избіенію женщины мужчиной, или къ звѣрству взрослого надъ ребенкомъ.

Никакъ нельзя сказать, что вся картина, возникающая изъ тѣхъ основныхъ штриховъ, какіе представляются всѣми приведенными цифрами, — особенно утѣшительна. Она свидѣтельствуетъ о грубости нравовъ, о легкомъ отношеніи къ насилию, о пренебреженіи къ личной чести, о поставленіи имущества выше жизни и значенія вѣроисповѣдныхъ различій гораздо выше нравственности. Нѣкоторые изъ замѣченныхъ нами фактовъ встрѣчаются и въ уголовной статистикѣ другихъ странъ; стало-быть, мы не можемъ отнести всѣхъ чертъ этой картины прямо къ особенностямъ собственно русскихъ судовъ, то-есть русскаго же общества, такъ какъ судъ каждой страны не выше ея общества. Таково именно ревнивое и заботливое обереганіе собственности, бѣольшая строгость къ обвиняемымъ въ кражѣ, чѣмъ къ обвиняемымъ въ убійствѣ. Здѣсь проглядываетъ черта если не общечеловѣческая, то, такъ-сказать, обще-гражданская, то-есть направленіе современныхъ обществъ, какъ они созданы условіями конкуренціи. Но въ нѣкоторыхъ изъ указанныхъ чертъ представляются все-таки особенности чисто-русскія; такова, напр., сравнительная снисходительность къ грубому насилию, къ оскорбленію чести, и сравнительная строгость къ такъ-называемымъ религіознымъ преступленіямъ.

Распредѣленіе числа оправданій по разнымъ судебнымъ округамъ представляетъ также интересныя цифры. Въ совокупности всѣхъ судовъ каждаго округа, процентъ оправданій представляетъ только малыя колебанія: наименѣе оправданій вынесено въ казанскомъ округѣ (32,43), наиболѣе въ округѣ одесскомъ (38,04); разница между этими крайними предѣлами составляетъ всего 5,61%. Но если взять по округамъ процентныя цифры оправданій собственно присяжными, то различіе выйдетъ гораздо бѣольшее, а именно: въ харьковскомъ округѣ присяжные оправдали 34,20%, а въ одесскомъ 42,65%; разница — 8,45%.

Изъ таблицы, показывающей распредѣленіе преступности по поламъ и возрастамъ, заимствуемъ замѣчательный фактъ, что наибольшее развитіе преступности у мужчинъ соотвѣтствуетъ возрасту 17—21 года, а у женщинъ именно этотъ возрастъ представляетъ наименьшую склонность къ преступности; наибольшая же преступность соотвѣтствуетъ у нихъ возрасту престарѣлыхъ, а именно 75—80

лѣтъ. На 100 осужденныхъ обоаго пола въ возрастѣ 17—21 года женщинъ бываетъ всего 7,02, а въ возрастѣ 75—80 лѣтъ женщинъ оказывается уже 18,75. Вообще же къ старости, начиная съ 50 лѣтъ, у мужчинъ процентъ преступности постепенно и довольно правильно падаетъ, между тѣмъ какъ у женщинъ, начиная съ 60 лѣтъ, онъ постоянно возрастаетъ и нѣсколько падаетъ уже только за 80-ю годами. Старики, стало-быть, хотя оказываются все-таки гораздо злѣе старухъ, но они добрѣе молодыхъ мужчинъ, а старухи, безъ всякаго сравненія, злѣе молодыхъ женщинъ. Само собою разумѣется, что главную роль при этомъ играетъ необезпеченность женщины вообще.

Цифры уголовной статистики краснорѣчивѣе всякихъ беллетристическихъ описаній обнаруживаютъ разныя стороны общественнаго быта. Такъ, картина брака, представляемая тѣми объективными, произвольными чертами, которыя приводятся цифрами, весьма неуѣдннительна. Въ числѣ осужденныхъ положительно преобладаетъ количество лицъ, состоящихъ въ супружествѣ; но за отсутствіемъ данныхъ общей статистики, т.-е. статистики населенія, мы не можемъ оцѣнить всего значенія этого факта. Для этого надо было бы знать отношеніе числа лицъ, состоящихъ въ супружествѣ, къ числу холостыхъ и вдовыхъ. На 100 осужденныхъ каждаго пола состояло холостыхъ и дѣвицъ 35,17, вдовыхъ 5,13, а въ супружествѣ 59,70.

Въ какой степени эти цифры соответствуютъ цифрамъ холостыхъ, вдовыхъ и супруговъ въ общемъ составѣ населенія, мы не знаемъ. Но сомнительно, чтобы лица, состоящія въ супружествѣ, составляли 59,70 всего населенія, если считать и дѣтей. А между тѣмъ цифры преступности включаютъ и малолѣтнихъ, даже до 14 лѣтъ. Положимъ, среди малолѣтнихъ преступленія рѣдки, но за то изъ общаго числа осужденныхъ 15% приходится на долю несовершеннолѣтнихъ, то-есть имѣющихъ менѣе 21-го года. Тѣ 59,70% всего числа осужденныхъ, которые состоятъ въ супружествѣ, распадаются на слѣдующія категоріи: имѣющіе одного ребенка составляютъ 10,47% общаго числа осужденныхъ, бездѣтные—19,08%, а имѣющіе двоихъ и болѣе дѣтей 30,15%. Наибольшія относительныя цифры холостыхъ и дѣвицъ падаютъ на бродяжество, дѣтоубійство, преступленія противъ женской чести и нравственности; наименьшія — на служебныя преступленія и нарушеніе уставовъ казенныхъ управленій. Наоборотъ, лица, состоящія въ супружествѣ, проявляютъ наименьшую—въ общемъ составѣ осужденныхъ — склонность къ бродячеству, дѣтоубійству, преступленіямъ противъ женской чести и противъ нравственности; но всего замѣтнѣе преобладаютъ въ нарушеніяхъ уставовъ казенныхъ управленій и служебныхъ преступленіяхъ, а изъ другихъ родовъ

преступленій, вызываемыхъ корыстными мотивами — въ мошенничествѣ, то-есть въ такомъ посягательствѣ на чужое имущество, которое предполагаетъ менѣе личной опасности. Что касается прямой кражи и въ особенности разбоя, то къ нимъ состоящіе въ супружествѣ проявляютъ менѣе склонности, чѣмъ холостые.

Отношеніе супружескаго союза къ преступности выясняется еще той таблицей, которая распредѣляетъ осужденныхъ по отношеніямъ каждаго къ лицамъ, потерпѣвшимъ отъ преступленія. Здѣсь мы находимъ, что на 100 осужденныхъ за убійство почти 16 (15,78) состояли въ связи брачной или внѣ-брачной съ потерпѣвшими. Иными словами: на 100 случаевъ убійства 16 предпринимаются мужьями надъ женами и наоборотъ. Процентъ громадный! Замѣтимъ при этомъ, что на 100 осужденныхъ за убійство оказывается въ родствѣ или свойствѣ съ потерпѣвшими гораздо меньше, а именно 8,19. И этотъ процентъ весьма великъ и бросаетъ весьма невыгодный свѣтъ на отношенія родства вообще въ Россіи. Но онъ почти вдвое меньше, чѣмъ тотъ, который свидѣтельствуетъ о крайне-неблагоприятныхъ условіяхъ быта семейнаго. Вѣдь родственниковъ и свойственниковъ у каждаго не одинъ человекъ, а жена одна; вѣдь сожителство съ родственниками у насъ въ деревняхъ нерѣдко; наконецъ, съ родственниками наиболѣе приходится спорить изъ-за наслѣдства, а между супругами нѣтъ повода къ дѣлежу. И, однаковожь, вдвое вѣроятнѣе убійство мужемъ жены или женой мужа, чѣмъ убійство однимъ родственникомъ кого-либо изъ всѣхъ своихъ родственниковъ и свойственниковъ.

Могутъ сказать, что въ приводимомъ процентномъ отношеніи съ связью брачною соединена связь внѣ-брачная, и что, быть можетъ, эта послѣдняя-то и обусловливаетъ столь неблагоприятный результатъ, такъ какъ она сама-по-себѣ безнравственна. Но войдемъ въ это обстоятельство. Для разсмотрѣнія его приведемъ уже не процентныя отношенія, а просто цифры осужденныхъ. Изъ числа 22,549 осужденныхъ мужчинъ 139 были осуждены за преступленія противъ своихъ женъ, а 16 за преступленія противъ своихъ любовницъ; изъ 2,152 осужденныхъ женщинъ 88 были осуждены за преступленія противъ своихъ мужей, а 5 за преступленія противъ своихъ незаконныхъ сожителей. Между тѣмъ, очевидно, невозможно допустить, чтобы въ статистикѣ населенія связи внѣ-брачныя находились къ бракамъ въ такихъ малыхъ отношеніяхъ, какъ 16 къ 139 или 5 къ 88. Любая статистика незаконныхъ рожденій показываетъ, что цифры эти гораздо менѣе отстоятъ одна отъ другой. Итакъ, ясно, что женщины угрожаютъ менѣе опасности преступленія отъ сожителя незаконнаго, чѣмъ отъ законнаго, т.-е. мужа; а мужчинѣ преступленіе со стороны

любовницы грозить безъ всякаго сравненія менѣе, чѣмъ со стороны законной его жены.

Изъ картины брака и семьи въ Россіи, какъ она очерчивается приведенными цифрами, самъ собою вытекаетъ значительный процентъ преступности малолѣтнихъ и въ особенности несовершеннолѣтнихъ. Когда семья находится въ положеніи плачевномъ въ нравственномъ смыслѣ, то чего же ожидать отъ дѣтей? До 14-ти-лѣтняго возраста ихъ удерживаетъ отъ преступленія безсиліе; но съ 14-ти-лѣтняго возраста преступность быстро усиливается и еще въ періодъ несовершеннолѣтія достигаетъ высокаго процента, такъ что съ 18-ти-лѣтняго возраста начинается преобладаніе цифръ осужденныхъ надъ процентными цифрами общаго населенія. Вотъ гдѣ истинный-то нашъ нигилизмъ и вотъ гдѣ корень того *такъ-называемаго* нигилизма, который консерваторы указываютъ въ учащейся молодежи. Семья въ Россіи представляетъ явленія крайне-неблагопріятныя, свидѣтельствующія, что на воспитаніе малолѣтнихъ она не только не можетъ имѣть хорошаго вліянія, но, напротивъ, часто оказываетъ самое дурное вліяніе. Дѣти растутъ, не имѣя возможности уважать отца, а иногда и мать, а раздоромъ ихъ пользуются, чтобы привыкнуть къ отрицанію власти обоихъ; они растутъ дико, часто не видавъ до юношества ни заботы, ни ласки, но видя кругомъ грубое насиліе и жестокій эгоизмъ. Удивительно ли, что имъ остаются чужды нѣжнѣйшія чувства человѣка; удивительно ли, что дѣтямъ въ случаѣ опасности жестокаго наказанія, а юношамъ въ случаѣ какой-либо большой неудачи такъ близка мысль о самоубійствѣ? Все это вытекаетъ одно изъ другого, и самоубійство далеко не есть исключительный удѣлъ молодежи учащейся; если бы собрать статистическія данныя о самоубійствахъ въ Россіи, то весьма вѣроятно, что процентъ образованныхъ оказался бы въ самоубійствѣ не выше, чѣмъ въ другихъ преступленіяхъ.

Кстати, выразимъ мимоходомъ сожалѣніе, что въ сводѣ нѣтъ статистики самоубійствъ. О каждомъ случаѣ самоубійства студента пишется въ газетахъ, а масса самоубійствъ малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ по деревнямъ остается неизвѣстною. Отсюда истекаетъ ложное и вредное представленіе. Составители свода оказали бы услугу для опроверженія любимаго тезиса нашихъ консерваторовъ, что школа есть корень нигилизма, между тѣмъ какъ истинный его корень — нравственная несостоятельность и даже уродливость семьи. Цифры, представляющія нынѣ въ сводѣ самоубійство, не имѣютъ никакого значенія. Дѣло въ томъ, что, принявъ—совершенно правильно впрочемъ—въ основу сравнительныхъ таблицъ числа *осужденныхъ*, составители свода могли привести и въ графѣ самоубійства только осуж-

денныхъ за попытки самоубійства, соучастіе въ немъ и побужденіе къ самоубійству. И что же, осужденныхъ по всей Россіи оказалось только 17 лицъ: 13 мужского и 4 женскаго пола. Цифра эта слишкомъ незначительна, чтобы изъ сравнительнаго распредѣленія ея можно было сдѣлать какое-либо употребленіе. Но все-таки замѣтить, что изъ числа этихъ 17 осужденныхъ за попытки къ самоубійству и соучастіе—образованныхъ не оказалось ни одного, только 1 былъ грамотный, а остальные 16 — неграмотные. Между тѣмъ, мы узнаемъ изъ цифръ, рисующихъ быстроту судебного дѣлопроизводства, что въ 1875 году было 1,527 оконченныхъ дѣлъ о самоубійствѣ. Отчего бы не сдѣлать особой таблицы съ распредѣленіемъ ихъ по возрастамъ, образованію, занятіямъ, мѣсту совершенія и т. д., какъ для прочихъ родовъ преступленія. Это бы не нарушило даже единообразія таблицъ объ осужденныхъ. Такъ или иначе, съ сознаниемъ или безъ сознанія, но самоубійца осудилъ самъ себя; какъ скоро фактъ самоубійства констатированъ, то больше ничего и не требуется для составленія такой таблицы, которая могла бы быть весьма поучительной.

Что касается уголовной статистики вообще по образованію, то результаты и за 1875 годъ, какъ за предшествующіе, остаются весьма неблагоприятными, и мы не можемъ не признать нѣсколько наивными нѣкоторые выводы, которые составители свода дѣлаютъ въ этомъ отношеніи изъ своихъ таблицъ. Таковы выводы, будто „образованіе вообще уменьшаетъ наклонность къ преступленію для осужденныхъ, составъ которыхъ въ отчетномъ году, также какъ и въ прошломъ, почти всецѣло образуется изъ лицъ, не получившихъ никакого образованія“; и далѣе—будто „образованность имѣетъ преступные роды дѣятельности, къ которымъ она прибѣгаетъ *охотнѣе* невѣжества; таковы преступленія противъ порядка управленія, служебныя преступленія“ (эти два рода поставлены первыми). Важно не то, что не получившіе никакого образованія почти всецѣло образуютъ составъ осужденныхъ, когда неграмотные почти всецѣло образуютъ составъ населенія; важно именно: въ какомъ отношеніи находятся числа образованныхъ и грамотныхъ въ составѣ осужденныхъ къ числамъ образованныхъ и грамотныхъ въ общемъ составѣ населенія. И вотъ, когда мы видимъ, что въ составѣ осужденныхъ за кражу, то-есть за такое преступленіе, которое одинаково доступно для неграмотныхъ и грамотныхъ, и образованныхъ,—первые составляютъ 75,75%, вторые 22,93%, а третьи 1,32%,—то это мы должны назвать результатомъ весьма неблагоприятнымъ. Развѣ въ такихъ отношеніяхъ находятся у насъ числа неграмотныхъ, грамотныхъ и образованныхъ въ общемъ составѣ населенія? Развѣ въ Россіи дѣлая

четверть населенія грамотна или образована? Наборы показываютъ процентъ грамотныхъ въ средѣ молодыхъ мужчинъ, то-есть въ той средѣ, гдѣ наиболѣе развита грамотность—11; значить 89 неграмотныхъ противъ 11 грамотныхъ. А если счесть старшіе возрасты мужчинъ и прибавить женщинъ, то процентъ грамотныхъ понизится вѣроятно на половину, то-есть въ общемъ составѣ населенія окажется 5,5 грамотныхъ и 94,5 неграмотныхъ. И вдругъ мы видимъ, что изъ 100 осужденныхъ воровъ почти 23 грамотны! А составители свода убѣждены, что „образование (разумѣя и грамотность) вообще уменьшаетъ наклонность къ преступленіямъ“. Сравнительно великъ среди воровъ даже процентъ получившихъ образованіе; едва ли можно утверждать, что на 10,000 чел. общаго населенія въ Россіи приходится 132 человѣка, получившихъ высшее, среднее и хотя бы низшее образованіе, однимъ словомъ—имѣющихъ учебное свидѣтельство.

Затѣмъ невѣрно и то, будто во главѣ преступныхъ родовъ дѣятельности, къ которымъ образованность прибѣгаетъ *охотнѣе*, можно поставить преступления противъ порядка управленія и служебныя преступления. Здѣсь дѣло въ самомъ свойствѣ этихъ преступленій, которыя соотвѣтствуютъ не *охотѣ*, но занятіямъ людей образованныхъ и грамотныхъ. Точно также и подлоги; само собою разумѣется, что неграмотному трудно сдѣлать подлогъ, какова бы у него ни была охота. Вотъ почему высоки цифры образованныхъ и грамотныхъ по этимъ преступленіямъ на каждые 100 чел., осужденныхъ по нимъ. Но если мы возьмемъ отдѣльно 100 чел. осужденныхъ, принадлежащихъ къ каждой категоріи образованія, то увидимъ, что въ категоріяхъ образованныхъ и грамотныхъ даже эти преступления вовсе не стоятъ во главѣ всѣхъ прочихъ. Такъ, на 100 человѣкъ осужденныхъ, имѣющихъ школьное свидѣтельство, 23,26 были виновны въ преступленіяхъ противъ порядка управленія, а 11,18 въ служебныхъ преступленіяхъ—и это понятно по самымъ родамъ общей ихъ дѣятельности; но изъ тѣхъ же 100 человѣкъ за преступления корыстныя вообще осуждено гораздо болѣе, именно 40,51, и специально за кражу—31,94. Соотвѣтствующія приведеннымъ числамъ цифры грамотныхъ (на 100 грамотныхъ осужденныхъ): противъ порядка управленія 12,59, въ служебныхъ преступленіяхъ 5,55, въ корыстныхъ вообще 55,09, и специально въ кражѣ 43,06. Итакъ, нельзя утверждать, будто образованность всего охотнѣе прибѣгаетъ къ преступленіямъ противъ порядка управленія и служебнымъ.

Изъ интересной таблицы распредѣленія преступленій по вѣроисповѣданіямъ осужденныхъ мы приведемъ нѣсколько цифровыхъ фактовъ, оговорившись при этомъ, что не придаемъ буквального значенія здѣсь различію собственно вѣроисповѣдному. Вѣроисповѣдное

различіе въ Россіи соотвѣтствуетъ племенному, за исключеніемъ раскольниковъ—и вотъ только въ отношеніи къ нимъ мы должны прямо приписать явленія преступности тѣмъ особенностямъ быта, которыя обуславливаются именно вѣроисповѣднымъ ихъ отличіемъ.

При этомъ, лишнее будетъ сдѣлать общее замѣчаніе о томъ, какъ составители свода излагаютъ свои выводы или объясненія таблицъ. Приведа сравнительную таблицу, они затѣмъ не выбираютъ изъ нея факты, въ самомъ дѣлѣ характеристичные, и не подвергаютъ ихъ критикѣ, но прямо пишутъ на основаніи наиболѣе крупныхъ цифръ и уже безъ повторенія ихъ, такъ напримѣръ: „обозрѣніе этихъ цифръ показываетъ, что лица православнаго вѣроисповѣданія выказали относительную наклонность къ святотатству, служебнымъ преступленіямъ, бродяжеству, дѣтоубійству и оставленію безъ помощи, и т. д... Въ средѣ католиковъ замѣчается наибольшая наклонность къ преступленіямъ противъ свободы и къ поддѣлкѣ монеты. У протестантовъ замѣтны цифры преступленій противъ нравственности, дѣтоубійства, преступленій противъ свободы и личной чести.“—и т. п. Такимъ образомъ все какъ-бы „смазывается“, потому что приводится вмѣстѣ, по одной высотѣ цифръ, и имѣющее значеніе и ничего незначащее. Почему, напр., православные выказываютъ „относительную наклонность“ къ служебнымъ преступленіямъ? Просто потому, что огромное большинство служащихъ—православные; немудрено, что на 100 осужденныхъ, за эти именно преступленія, православныхъ въ таблицѣ показано 94,41. Почему католики и протестанты, какъ тѣ, такъ и другіе, склонны къ преступленіямъ противъ свободы? Почему католики склонны къ поддѣлкѣ монеты, а протестанты къ преступленіямъ противъ чести? Все это ничего не значитъ, и смѣшивать въ общемъ перечнѣ такіе факты съ другими, въ самомъ дѣлѣ характеристичными, не слѣдовало бы. Не мѣшало бы также въ перечняхъ фактовъ, имѣющихъ значеніе, повторять цифры, вынося ихъ изъ таблицъ, гдѣ онѣ менѣе удобочитаемы.

Важно знать, конечно, не то, сколько на 100 человекъ осужденныхъ по каждому роду преступленій оказалось лицъ каждаго вѣроисповѣданія, но сколько процентныя цифры каждаго исповѣданія, въ каждомъ родѣ преступленій, соотвѣтствуютъ процентнымъ цифрамъ того же исповѣданія въ общемъ составѣ населенія, а затѣмъ уже дѣлать сравненія, притомъ только такихъ фактовъ, конечно, которые могутъ имѣть значеніе. Такъ, напр., когда мы видимъ, что на 100 осужденныхъ за бродяжество—православныхъ было 94,61, католиковъ 1,22, а протестантовъ 0,51, и когда сопоставимъ эти отношенія съ цифрами населенія европейской Россіи (безъ царства польскаго, которое не обнимается данными свода), то-есть съ 54³/₄ милл. право-

славныхъ, 2 м. 900 т. католиковъ, 2 м. 355 т. протестантовъ, то какіе выводы мы можемъ изъ этого сдѣлать? Относительно нравственныхъ свойствъ православныхъ—никакого. Хотя православныхъ въ населеніи въ 20 разъ больше, чѣмъ католиковъ, и, положимъ, хоть въ 21 разъ болѣе, чѣмъ протестантовъ, а осужденныхъ за бродяжество православныхъ не въ 20 и не 21 разъ, но пусть хоть въ 80 разъ больше, чѣмъ католиковъ, и въ 180 разъ болѣе, чѣмъ протестантовъ, но изъ этого все-таки нельзя получить никакого вывода о нравственныхъ свойствахъ, о большей или меньшей *наклонности* къ бродячеству. Очевидно, что бродяжество развито въ наиболѣе бѣдной части населенія, а католики и протестанты въ Россіи (напомнимъ, что прибалтійскія губерніи также не обнимаются сводомъ) не принадлежать къ этой части.

Но есть нѣкоторыя сравненія нравственныхъ особенностей, которыя все-таки возможны на основаніи цифръ таблицы. Такъ, въ общемъ составѣ всѣхъ родовъ преступленій, на 100 чел. осужденныхъ—католиковъ было 0,64, протестантовъ 0,88, евреевъ 2,87, магометанъ 2,72. Между тѣмъ, католиковъ въ Россіи больше, чѣмъ протестантовъ, протестантовъ почти столько же сколько магометанъ (которыхъ 2 м. 363 т.), а магометанъ гораздо болѣе, чѣмъ евреевъ (которыхъ 1 м. 444 т.) Стало быть, изъ всѣхъ иновѣрцевъ наибольшей преступностью отличаются евреи, за ними магометане; далѣе, при почти равномъ населеніи, протестанты выказываютъ преступность уже *отрое* меньшую противъ магометанъ, а католики, которыхъ на цѣлую четверть больше, чѣмъ протестантовъ, выказываютъ преступность меньшую противъ протестантовъ.

По отдѣльнымъ родамъ преступленій подобныя различія выступаютъ еще рельефнѣе. Такъ, напр., католики въ поддѣлѣхъ монеты и ассигнацій представляютъ 3,26%, а протестанты 0. Этотъ характеристическій фактъ, что въ годъ ни одинъ протестантъ не былъ осужденъ за это преступленіе, показываетъ безъ всякаго сомнѣнія и нравственную несклонность нѣмцевъ къ этому роду преступленія. Зато дѣтубійство представляетъ отношеніе противоположное: у протестантовъ 2,46, а у католиковъ, которыхъ болѣе, чѣмъ протестантовъ—0. Евреевъ здѣсь только 0,44, между тѣмъ какъ ихъ по числу никакъ ужъ не въ 2½ раза менѣе, чѣмъ протестантовъ. У православныхъ 95,07—одинъ изъ самыхъ высокихъ среди всѣхъ процентовъ, выражающихъ участіе ихъ въ преступленіяхъ по вѣроисповѣданіямъ; у магометанъ—0,49. Эти процентныя отношенія характеристичны именно и въ нравственномъ отношеніи. Конечно, надо всегда имѣть въ виду, что огромное большинство бѣдной части населенія принадлежитъ къ исповѣданію православному, а это обстоятельство должно имѣть пре-

обладающее вліяніе на число дѣтубійствъ, какъ и разныхъ преступленій другихъ родовъ. Но вѣдь на 100 чел. осужденныхъ за бродяжество, которое уже прямо зависитъ отъ необезпеченности православныхъ, приходится 94,61, а на 100 чел. осужденныхъ за дѣтубійство православныхъ оказывается больше, а именно 95,07, такъ что почти ни въ одномъ редѣ преступленій православные не представляютъ столь высокаго процента, какъ именно въ этомъ. Къ чему же это отнести, какъ не къ нравственной особенностямъ? Условіе большинства населенія мы устранили, такъ какъ сравниваемъ между собой только проценты православныхъ же; условіе сравнительной необезпеченности мы также устранили, потому что сравниваемъ контингентъ православныхъ въ дѣтубійствѣ съ контингентомъ православныхъ же въ бродяжествѣ, которое уже исключительно истекаетъ изъ необезпеченности. А нравственная особенность здѣсь указывается та самая, какую указываютъ частость преступленій между супругами и значительная преступность дѣтей и несовершеннолѣтнихъ—слабость нравственной семейной связи, слабое развитіе нѣжныхъ и благородныхъ человѣческихъ чувствъ вообще. Ничѣмъ инымъ этого объяснить нельзя, ни даже относительной грубостью нравовъ, такъ какъ и необезпеченность, и грубость нравовъ среди магометанъ уже навѣрное не меньше, чѣмъ среди православныхъ, а магометане въ дѣтубійствѣ участвуютъ на 0,99 процента, между тѣмъ какъ православные участвуютъ на 95,07 процента, что вовсе не соответствуетъ численному отношенію тѣхъ и другихъ въ общемъ составѣ населенія. Вѣдь православныхъ въ европейской Россіи не въ 95 разъ болѣе, чѣмъ магометанъ, а только въ 20 разъ.

Въ дѣтубійствѣ замѣчательнѣе еще высокій процентъ протестантовъ (2,46), сравнительно съ евреями (0,99) и магометанами (тоже 0,99), не говоря уже о католикахъ, у которыхъ онъ за 1875 г. равенъ нулю. Это зависитъ по всей вѣроятности отъ большого числа дѣвушекъ, вступающихъ на путь проституціи. Согласно съ этимъ свидѣтельствуемъ и высокій процентъ протестантовъ въ преступленіяхъ противъ нравственности—4,88, между тѣмъ, какъ нѣмцы въ населеніи составляютъ всего 1,37 процента и только въ соединеніи съ балтійскими финнами и латышами (которыхъ огромное большинство не входитъ въ исчисленія свода, такъ какъ они не подлежатъ новымъ судамъ) составляютъ 4,88%, то-есть подходятъ къ цифровому участию протестантовъ въ преступленіяхъ противъ нравственности.

Замѣчательно еще процентное участіе исповѣданій въ тѣлесныхъ поврежденіяхъ: православныхъ 95,48, католиковъ 0,51, протестантовъ 1,11, магометанъ 1,11. Здѣсь процентъ православныхъ выше, чѣмъ въ другихъ подобныхъ сопоставленіяхъ по какому-либо роду преступленій. Если принять въ соображеніе численность лицъ каждаго вѣ-

роисповѣданія, то окажется, что къ тѣлеснымъ поврежденіямъ православные склонны въ около 10 разъ болѣе католиковъ, католики втрое менѣе протестантовъ, а протестанты почти одинаково съ магометанами. Въ этомъ явленіи участвуютъ два элемента: грубость нравовъ и пьянство, но не степень образованности, такъ какъ протестанты въ общности образованнѣе католиковъ, а между тѣмъ втрое склоннѣе ихъ къ тѣлеснымъ поврежденіямъ; безъ всякаго сравненія болѣе образованы, чѣмъ магометане, а между тѣмъ выказываютъ наклонность равную съ послѣдними. Сравнительная грубость нравовъ и пьянство конкурируютъ въ поднятій здѣсь процента у православныхъ; затѣмъ нѣмцы берутъ верхъ надъ поляками, потому что въ средѣ первыхъ болѣе распространено пьянство, и равняются съ татарами потому, что татары хотя не отличаются мягкостью нравовъ, но за то у нихъ пьянство составляетъ рѣдкость, такъ что одно изъ этихъ условій уравнивается другимъ.

Преступность евреевъ по всѣмъ категоріямъ довольно сильна, какъ мы уже показали выше въ общихъ цифрахъ. Они значительно превосходятъ преступность магометанъ, далеко оставляя позади себя преступность прочихъ иновѣрцевъ. Но по нѣкоторымъ родамъ преступленій процентъ евреевъ поразителенъ. Такъ, напр., при общемъ среднемъ размѣрѣ ихъ преступности въ 2,87, на 100 осужденныхъ по всѣмъ родамъ преступленій,—въ средѣ 100 осужденныхъ за нарушенія уставовъ казенныхъ управленій евреевъ оказывается 19,05, за преступленія противъ законовъ о состояніяхъ 20,84, противъ благоустройства 37,89. Эта послѣдняя цифра при сравненіи съ числомъ населенія (евреи 3%, русскіе 66%) показываетъ преступность въ 14 разъ сильнѣйшую, чѣмъ у православныхъ по тому же роду преступленія. Зато же по категоріи убійства у евреевъ въ 1876 году преступность представляла 0. Добавимъ всю эту картину, упомянувъ, что среди раскольниковъ замѣчаются высокіе проценты по преступленіямъ религіознымъ, а также по преступленіямъ противъ союза родственнаго и брачнаго. То и другое совершенно понятно.

Вообще, многія данныя уголовной статистики представляютъ уже теперь, когда сходные результаты подтверждены четырехлѣтнимъ опытомъ, матеріалъ, которымъ законодательство могло бы воспользоваться непосредственно. Таковы въ особенности указанія ея на необходимость пересмотра законовъ о „религіозныхъ преступленіяхъ“, передачи бракоразводныхъ дѣлъ въ руки свѣтской власти и облегченія разводовъ. Сверхъ того, она можетъ служить къ опроверженію нѣкоторыхъ гадательныхъ сужденій, по которымъ мы должны будто бы искать своихъ идеаловъ „въ деревнѣ“.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

19/24 іюня, 1877.

Эпизодъ изъ нашествія 1870 года.

Нѣтъ нѣтъ, я разскажу вамъ былъ, правдивую былъ, слышанную мною отъ очевидца. Дѣло идетъ объ одномъ эпизодѣ нашествія 1870 года. Въ настоящее время голосъ войны заглушаетъ все въ Европѣ, а потому и я буду говорить о войнѣ, чтобы меня согласились выслушать. Литературный этюдъ, хроника парижской жизни,—право, все это кажется безцвѣтнымъ въ ту минуту, когда гремѣть пушки.

I.

Мальница дяди Мерльѣ имѣла очень праздничный видъ въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ. На дворѣ были накрыты три стола, сдвинуты мѣбѣль, и ожидали гостей. Весь околотокъ зналъ, что въ этотъ день должны были обручить дочь Мерльѣ, Франсуазу, съ Доминикомъ, высокимъ парнемъ; онъ слылъ за лѣнтая, но на него заглядывались всѣ женщины, потому что онъ былъ очень хорошъ собой.

Мальница дяди Мерльѣ смотрѣла очень весело. Она стояла какъ разъ посредиѣ Рокрѣзы, на томъ мѣстѣ, гдѣ дорога дѣлаетъ поворотъ. Въ селеніи только одна улица; два ряда хижинъ идутъ по обѣимъ сторонамъ дороги; но тамъ, на перекресткѣ, тянутся дуга, растутъ высокія деревья вдоль рѣчки Морелли и въ тѣни ихъ привольно отдыхать. Во всей Лотарингіи не найти прелестнѣе уголка. Направо и налѣво густыя рощи, вѣковыми деревья растутъ по мягкимъ скатамъ холмовъ и заливаютъ горизонтъ цѣлымъ моремъ зелени. А къ югу тянется равнина, изумительно плодородная, съ нивами, пересѣченными живыми изгородами. Но всего очаровательнѣе въ Рокрѣзѣ пролѣта, царствующая въ этомъ зеленомъ гнѣздышкѣ даже въ самые жаркіе іюльскіе и августовскіе дни. Морелль течетъ изъ лѣсовъ Ганьи, и свѣжесть листвы, подъ которой она протекаетъ, какъ будто сообщается ей; она приноситъ съ собой тихій шелестъ, прохладную и взыскательную тѣнь лѣса. И не она одна течетъ тутъ; пропасть ручейковъ журчитъ въ лѣсахъ; на каждомъ шагѣ натыкаешься на источники; когда идешь по узкимъ тропинкамъ, то чувствуешь у себя подъ ногами какъ-бы подземныя озера, которыя пробиваются изъ-подъ моха

и пользуются малѣйшей скважиной у корней деревь, между скалами, чтобы забить хрустальнымъ родникомъ. Ласковый ропотъ этихъ бесчисленныхъ водъ такъ громокъ, что заглушаетъ собой пѣніе синирей. Можно подумать, что находишься въ какомъ-то очарованномъ паркѣ, гдѣ со всѣхъ сторонъ журчатъ волшебныя каскады.

Внизу луга влажны. Гигантскіе каштаны бросаютъ темныя тѣни. Вдоль луговъ идутъ длинныя ряды тополей съ ихъ шумящей листвою. Мимо полей, къ старинному замку Ганьи, теперь уже развалившемуся, ведутъ двѣ аллеи яворовъ. На этой влажной почвѣ трава растетъ безумно высокая. Подумаешь, что попалъ въ цвѣтникъ, но только естественный, гдѣ луга замѣняютъ гряды, а гигантскія деревья образуютъ боскеты. Когда въ полдень солнце падаетъ вертикально, тѣни блѣднѣютъ, пылающая и раскраснѣвшаяся трава дремлетъ на солнечномъ припекѣ, между тѣмъ какъ ледяной трепетъ пробѣгаетъ въ листьѣ.

И вотъ тутъ-то, на краю луга, мельница дяди Мерлье оживила своимъ шумомъ весь этотъ зеленый уголокъ. Сама мельница, построенная изъ досокъ и оштукатуренная, казалась стара, какъ самъ мѣръ. Она стояла до половины въ водѣ; Морелль въ этомъ мѣстѣ расширяется въ прозрачный бассейнъ. Были сдѣланы шлюзы; вода падала съ высоты нѣсколькихъ метровъ на мельничное колесо, которое трещало, когда вертѣлось, напоминая кашель пожилой прислуги, сострѣвшейся въ домѣ. Когда дядѣ Мерлье совѣтовали его переимѣнить, онъ качалъ головой, говоря, что новое колесо будетъ глѣбнѣе и не такъ привычно къ работѣ, и чинилъ старое всѣмъ, что только ему попадалось подъ руку: досками отъ бочекъ, ржавымъ желѣзомъ, цинкомъ, оловомъ. И колесо только веселѣе вертѣлось отъ этого и профиль у него сталъ совсѣмъ диковиннымъ, потому что колесо поросло травой и мхомъ. Когда вода обливала его своей серебристой струей, оно покрывалось какъ-бы жемчугомъ, и его странный остоу проносился, сверкая жемчужнымъ уборомъ.

Впрочемъ, вся та часть мельницы, которая стояла въ водѣ, входила на грубый ковчегъ, приставшій къ этому мѣсту. Главная часть дома была выстроена на сваяхъ. Вода проникала сквозь полъ; тутъ были колодинки, гдѣ водились громадные раки и угри, славившіеся во всемъ околоткѣ. Ниже каскада бассейнъ былъ прозраченъ, какъ зеркало, и когда колесо не мутило его своей пѣной, то въ немъ виднѣлись цѣлыя стада рыбъ, плававшихъ съ медленностью эскадры. Сломанная лѣсенка вела къ рѣкѣ, къ столбу, къ которому привязывалась лодка. Деревянная галерея шла надъ колесомъ. Въ домѣ пробиты были неправильно окошки. Онъ представлялъ какую-то беспорядочную кучу угловъ, стѣнъ, пристроекъ, столбовъ и крышъ, при-

дававшихъ мельницѣ видѣ старой, полуобрушенной цитадели. Но по стѣнамъ висѣя плющъ, всякаго рода ползуція растенія закрывали слишкомъ большія трещины и одѣвали зеленымъ плащомъ старое зданіе. Романтическій поэтъ пришелъ бы въ неистовый восторгъ. Всѣ проходившія мимо барышни срисовывали въ свои альбомы мельницу дяди Мерльѣ.

Съ другой стороны, съ той, что выходила на дорогу, домъ былъ несолиднѣе. Каменные сѣни вели въ большой дворъ, обвѣшенный сирам и слѣва сараями и конюшнями. У колодца громадный вязъ бросалъ тѣнь до самой середины двора. Въ глубинѣ красовались четыре окошка перваго этажа дома, надъ которыми виднѣлась голубята. Единственное кокетство дяди Мерльѣ заключалось въ томъ, что онъ каждыя десять лѣтъ призывалъ бѣлѣть этотъ фасадъ. Его только-что выбѣлили передъ этимъ и онъ ослѣплялъ селеніе, когда солнце играло на немъ въ полдень.

Уже двадцать лѣтъ какъ дядя Мерльѣ былъ мѣромъ Рокрѣзы. Его ужали за то, что онъ съумѣлъ составить себѣ состояніе. Говорили, что у него восемьдесятъ тысячъ франковъ капитала, сколоченаго по копѣйкамъ. Когда онъ женился на Мадленѣ Гильяръ, которая принесла ему въ приданое мельницу, у него не было ни гроша денегъ. Но Мадлена никогда не расказывалась въ своемъ выборѣ, потому что онъ былъ хорошимъ хозяиномъ. Въ настоящее время жена умерла и онъ остался вдовцомъ съ своею дочерью, Франсуазой. Безъ сомнѣнія, онъ могъ бы отдохнуть и предоставить мельничному валу дремать и покрываться мхомъ; но онъ соскучился бы и домъ казался бы ему совсѣмъ мертвымъ. Онъ продолжалъ трудиться ради собственнаго удовольствія. Дядя Мерльѣ былъ въ эту эпоху высокимъ старикомъ, съ длиннымъ безмолвнымъ лицомъ, никогда не улыбающимся, но оживленнымъ тѣмъ не менѣе внутренней веселостью. Его выбрали мѣромъ, потому что онъ былъ богатъ, а также и потому, что онъ казался весьма представительнымъ, когда отправлялъ свою должность.

Франсуазѣ Мерльѣ исполнилось восемнадцать лѣтъ. Она не слыла красавицей въ околоткѣ, потому что была тщедушна. Лѣтъ до пятнадцати она была даже дурна собой. Въ Рокрѣзѣ никакъ не могли быть въ толкѣ, какимъ образомъ дочь дяди и тетки Мерльѣ, такихъ здоровенныхъ людей, росла такой тщедушной дурнушкой. Но въ шестнадцать лѣтъ, оставаясь слабенькой на видѣ, она вдругъ стала прелорошенькая. У ней были черные волосы, черные глаза и розовыя щеки, вѣчно улыбающійся ротикъ, ямочки на щекахъ и ясный лобъ, на которомъ какъ будто бы лежалъ солнечный лучъ. Хотя она считалась тщедушной въ деревнѣ, но она не была худа,—напротивъ

того, она не могла только поднять кули хлѣба—вотъ и все; но съ годами она все полнѣла и должна была со временемъ растолстѣть и сдѣлаться совсѣмъ сдобной бабёнкой. Но молчаливость отца сваранку сдѣлала ея благородною. Если она вѣчно улыбалась, то заглазъ, чтобы угодить людямъ; въ душѣ она была очень серьёзна.

Само собой разумѣется, что весь околотокъ ухаживалъ за нею, — за богатство еще больше, чѣмъ за милосердность. А она выбрала себѣ такого парня, что возмутила всѣхъ сосѣдей. На другомъ берегу Морелли жилъ высокій малый, по имени Доминикъ Пенкеръ. Онъ не былъ уроженецъ Рокрэнъ. За десять лѣтъ передъ тѣмъ онъ прибылъ изъ Бельгій, чтобы вступить во владѣнiе маленькимъ имѣнiемъ, оставленнымъ ему дядей и расположеннымъ какъ разъ на опушкѣ лѣса Ганьи, напротивъ мельницы. Онъ пріѣхалъ, чтобы продать это имѣнiе, говорилъ онъ—и вернуться въ себѣ на родину. Но мѣсто, должно быть, ему понравилось, потому что онъ больше съ нимъ не разставался. Онъ принялся обрабатывать свое поле и сажать овощи, продажей которыхъ и жилъ. Онъ удилъ рыбу, ходилъ на охоту; не разъ лѣсные сторожа чуть не ловили его на мѣстѣ преступленiя. Это безпечное существованiе, ресурсы котораго не были вполнѣ ясны для крестьянъ, упрочило, наконецъ, за нимъ худую славу. Его величали браконьеромъ. Во всякомъ случаѣ онъ былъ лѣвѣй, потому что его зачастую находили спящимъ на травѣ въ такіе часы, когда ему слѣдовало работать. Хижина, въ которой онъ жилъ, на опушкѣ лѣса тоже не производила впечатлѣнiя жилища честнаго человѣка. Если бы было дознано, что онъ водить знакомство съ волками лѣса Ганьи, то старухи въ околоткѣ этому бы не удивились. Со всѣмъ тѣмъ молодья дѣвушки рѣшались иногда защищать его, потому что этотъ подозрительный, высокій и стройный какъ тополь, былъ очень хорошъ собой, съ бѣлымъ лицомъ и бѣлокурой бородой и волосами, отливавшими золотомъ на солнцѣ. И вотъ, въ одно прекрасное утро Франсуаза объявила отцу, что любитъ Доминика и никогда не согласится выдти замужъ за другого.

Можно представить, какой это былъ ударъ для дяди Мерль. Онъ ничего не сказалъ, по своему обыкновенiю. Лицо его оставалось задумчивымъ; но внутренняя веселость не свѣтилась больше въ глазахъ. Отецъ и дочь дулись другъ на друга въ теченiи цѣлой недѣли. Франсуаза тоже ходила съ пасмурнымъ лицомъ. Дядю Мерль всего болѣе мучила мысль, какимъ образомъ этотъ мерзавецъ-браконьеръ плѣнилъ его дочь. Никогда Доминикъ не приходилъ на мельницу. Мельникъ сталъ подстерегать Доминика и подстеречь его на противоположномъ берегу, гдѣ онъ лежалъ въ травѣ, притворяясь, что спитъ. Франсуаза могла видѣть его изъ своей комнаты. Дѣло было

асло. Они полюбили другъ друга, переглядываясь черезъ мельничное колесо.

Прошла еще недѣля. Франсуаза становилась все пасмурнѣе. Дядя Мерлье все не говорилъ ни слова. Наконецъ, однажды вечеромъ, молча, самъ привелъ Доминика. Франсуаза какъ разъ въ эту минуту накрывала на столъ. Она, повидимому, не удивилась и только поставила лѣвнй приборъ; но ямочки опять появились на ея щекахъ, а губы стали улыбаться по прежнему. Дядя Мерлье отправился поутру въ лѣвну Доминика; тамъ оба мужчины поговорили по душѣ, заперевъ окна и двери. Никогда никто не узналъ, о чемъ они бесѣдовали. Одно достоверно, что, уходя отъ Доминика, дядя Мерлье обращался съ нимъ уже какъ съ сыномъ. Должно быть, старикъ призналъ хорошия и честныя малымъ этого лѣвтяя, валавшася на травѣ, круша голову дѣвчонкамъ.

Вся деревня затараторила. Женщины, стоя на порогахъ своихъ домовъ, не умолкали на счетъ безумія дяди Мерлье, вводившаго въ семью негодяя. Онъ пропускалъ всѣ замѣчанія мимо ушей. Быть можетъ, ему припомнилась его собственная женитба. У него тоже не было ни гроша въ карманѣ, когда онъ женился на Мадленѣ и на ея мельницѣ, а это не помѣшало ему быть хорошимъ мужемъ. Впрочемъ, Доминикъ заставилъ умоленуть всѣ сплетни, принявшись такъ ретиво за работу, что всѣ соеѣди рты разинули. Какъ разъ въ это самое время работнику на мельницѣ выпала жребій идти въ солдаты, и Доминикъ ни за что не позволилъ нанять другого. Онъ таскалъ кули, ѣздилъ съ тележкой, возился съ колесомъ, когда оно упрямилось и не хотѣло вертѣться, и все это такъ весело, что люди приходили на него любоваться. Дядя Мерлье улыбался про себя. Онъ очень гордился тѣмъ, что разгадалъ парня. Ничто такъ не подзадориваетъ молодежь, какъ любовь.

Трудясь съ утра до ночи, Франсуаза и Доминикъ обожали другъ друга. Они совсѣмъ почти не говорили между собой, а только любовно поглядывали одинъ на другого. Дядя Мерлье пока не упоминалъ про свадьбу, и оба уважали молчаніе старика и ждали, пока ему угодно будетъ объявить свою волю. Наконецъ, въ одинъ прекрасный день, въ половинѣ іюля, онъ велѣлъ накрыть три стола на дворѣ, позвать большимъ вазомъ, и пригласилъ всѣхъ своихъ пріятелей въ Рокрѣвъ придти вечеромъ распить съ нимъ бутылочку. Когда всѣ собрались и взяли стаканы въ руки, старикъ высоко поднялъ свой, проговоривъ:

— Я позвалъ васъ затѣмъ, чтобы имѣть удовольствіе увѣдомить васъ, что Франсуаза выйдетъ замужъ за этого молодца черезъ мѣсяць, въ день св. Лун.

Послѣ этого всѣ стали шумно чокаяться. Всѣ смѣялись. Но дядя Мерльѣ, снова возвысивъ голосъ, проговорилъ:

— Доминикъ, поцѣлуй свою невѣсту. Такъ водится.

И они поцѣловались, покраснѣвъ до ушей, между тѣмъ какъ присутствующіе громко смѣялись.

Праздникъ удался на славу. Осушили цѣлый боченокъ вина. Когда остались одни только близкіе люди, бесѣда приняла болѣе спокойный характеръ. Наступила ночь, звѣздная и очень ясная ночь. Доминикъ и Франсуаза, сидя на скамьѣ, другъ возлѣ друга, ничего не говорили. Старикъ-крестьянинъ разсуждалъ о войнѣ, которую императоръ только-что объявлялъ пруссакамъ. Вся молодежь селенія уже ушла. Наканунѣ снова проходили полки. Подерутся на славу.

— Ва!—сказалъ дядя Мерльѣ, съ эгоизмомъ счастливаго чело-вѣка,—Доминикъ—иностранецъ: его не заберутъ... а если пруссаки придутъ сюда, то онъ защититъ свою жену.

Мысль, что пруссаки могутъ придти сюда, показалась забавной. Имъ зададутъ перцу—и дѣлу конецъ.

— Я ихъ уже видалъ, я ихъ уже видалъ,—повторялъ старикъ-крестьянинъ глухимъ голосомъ.

Наступило молчаніе. Затѣмъ чокнулись еще разъ. Франсуазы и Доминикъ ничего не слышали; они тихонько взяли другъ друга за руку и были такъ счастливы, что молчали, устремивъ глаза въ темное пространство.

Что это была за чудная ночь! Селеніе засыпало по обѣимъ сторонамъ бѣлой дороги, съ безмятежностью ребенка. По временамъ вдали слышалось только гнѣіе пѣтуха, проснувагося слишкомъ рано. Изъ большихъ сосѣднихъ лѣсовъ долетала треньгъ, проносившійся по крышамъ, точно лаская ихъ. Луга, съ ихъ черными гнѣнами, пронизаны были таинственной и благоговѣйной торжественностью, а источники и родники, пробивавшіеся въ сумракъ, казались свѣжимъ и размѣреннымъ дыханіемъ засыпающей природы. Минутами, старому мельничному колесу, тоже дремавшему, какъ будто что-то грезилось, какъ тѣмъ старымъ собакамъ, что лаять, храпя. Оно трещало, оно само съ собой разговаривало, убавливаемое паденіемъ Морелли, ея музыкальнымъ и непрерывнымъ приливомъ. Никогда еще болѣе безмятежное спокойствіе не царило въ болѣе счастливымъ уголкѣ природы.

II.

Мѣсяцъ спустя, день въ день, какъ разъ наканунѣ дня св. Луи, Рокрѣза была полна ужаса. Пруссаки поколотили императора и форсированнымъ маршемъ шли на деревню. Уже съ недѣлю, какъ люди, проходившіе по дорогѣ, возвѣщали о приходѣ пруссаковъ. Они—въ Лорьерѣ, они—въ Новеллѣ, и ежедневно слыша, что они подходятъ все ближе и ближе, Рокрѣза каждое утро ожидала, что они покажутся изъ лѣсовъ Ганьи. Однако, они не шли, и это пугало еще больше. Навѣрное, они нападутъ на селеніе ночью и всѣхъ переубьютъ.

Въ предъидущую ночь, незадолго до разсвѣта, была тревога. Жители проснулись, слышавъ большой шумъ людскихъ шаговъ по дорогѣ. Женщины уже бросались на колѣни и крестились, когда, пріотворивъ осторожно окна, увидали ноги въ красныхъ панталонахъ. То былъ французскій отрядъ. Капитанъ немедленно спросилъ мэра и остался на мельницѣ, переговоривъ съ дядей Мерльѣ.

Въ это утро солнце встало особенно весело. День обѣщаль быть знойнымъ. Надъ лѣсами носился золотистый свѣтъ, а съ луговъ поднимался бѣлый паръ. Селеніе просыпалось, чистенькое и хорошенькое, а окрестность, съ ея хрустальной рѣчкой и ея родниками, была нарядна, какъ бузетъ цвѣтовъ. Но этотъ прекрасный день никого не веселилъ. Жители видѣли, какъ капитанъ ходилъ вокругъ мельницы, глядѣлъ на сосѣдніе дома, переходилъ на ту сторону Морелли и оттуда изучалъ мѣстность въ бинокль; дядя Мерльѣ, сопровождавшій его, повидимому, давалъ объясненія. Послѣ того капитанъ расставилъ солдатъ позади стѣны, за деревьями, въ дулахъ. Главная часть отряда расположилась на дворѣ мельницы. Итакъ, предстояло драться? И когда дядя Мерльѣ вернулся, всѣ обратились къ нему съ вопросами. Онъ кивнулъ головой, молча. Да, предстояло драться.

Франсуаза и Доминикъ были на дворѣ и глядѣли на него. Онъ вынулъ, наконецъ, трубку изо рта и проговорилъ:

— Да, мои бѣдняжки, завтра мнѣ не придется повѣнчать васъ.

Доминикъ, съ сжатыми губами и гнѣвной складкой на лбу, не спускалъ глазъ съ лѣсовъ Ганьи, точно будто дожидался прихода пруссаковъ. Франсуаза, очень блѣдная, серьезная, ходила взадъ и впередъ, подавая солдатамъ то, что они требовали. Они готовили сѣчь въ углу двора и смѣялись, въ ожиданіи обѣда.

Между тѣмъ капитанъ казался въ восторгѣ. Онъ осмотрѣлъ большую горницу на мельницѣ, выходящую на рѣку. И теперь, сидя возлѣ колодца, разговаривалъ съ дядей Мерльѣ.

— У васъ тутъ настоящая крѣпость,—говорилъ онъ,—мы на-
вѣрное продержимся здѣсь до вечера... Бандиты заповдали. Имъ
слѣдовало бы уже быть здѣсь.

Мельникъ оставался серьёзнымъ. Ему уже представлялось, что
его мельница горитъ. Но онъ не жаловался, находя это, конечно,
безполезнымъ. Онъ только промолвилъ:

— Вамъ бы слѣдовало спрятать лодку за колесо; тамъ есть
мѣстечко, въ которомъ она помѣщается... Кто знаетъ, она можетъ
пригодиться.

Капитанъ отдалъ приказъ. Этотъ капитанъ былъ красивый чело-
вѣкъ, лѣтъ около сорока, высокаго роста и милой наружности. Ему,
казалось, приятно было глядѣть на Франсуазу и Доминика. Онъ за-
нимался ими такъ, какъ будто бы забылъ о предстоящей борьбѣ.
Онъ не спускалъ глазъ съ Франсуазы, и его восхищенный взоръ ясно
говорилъ, что онъ находитъ ее очаровательной. Вдругъ, повернув-
шись къ Доминику, онъ спросилъ:

— Какъ это вы не въ арміи?

— Я иностранецъ,—отвѣтилъ молодой человѣкъ.

Капитана этотъ резонъ, повидимому, не удовлетворилъ. Онъ под-
мигнулъ глазомъ и улыбнулся. Водиться съ Франсуазой было прият-
нѣе, нежели съ пушками. Доминикъ, видя, что онъ улыбается, при-
бавилъ:

— Я иностранецъ, но могу всадить пулю въ голову человѣка на
пяти-стахъ метрахъ разстоянія... Вотъ и мое охотничье ружье. Оно
у васъ за спиной.

— Оно можетъ вамъ пригодиться,—просто замѣтилъ капитанъ.

Франсуаза подошла, слегка дрожа. И не заботясь о присутствую-
щихъ, Доминикъ взялъ и пожалъ обѣ руки, которыя она ему про-
тягивала, какъ-бы ища его покровительства. Капитанъ снова улыб-
нулся, но не прибавилъ больше ни слова. Онъ сидѣлъ, поставивъ
шпагу между колѣнъ, устремивъ глаза въ пространство и какъ-бы
мечтая.

Было уже десять часовъ. Жаръ становился очень силенъ. Насту-
пило глубокое безмолвіе. На дворѣ, въ тѣни сараевъ, солдаты при-
нялись ѣсть супъ. Никакого шума не долетало до селенія; жители
его наглухо заперли окна и двери; собака, оставшаяся посреди до-
роги, выла. Изъ лѣсовъ и съ сосѣднихъ луговъ доносились какой-то
отдаленный, протяжный голось, составленный изъ самыхъ различ-
ныхъ звуковъ. Кукушка прокуковала. Затѣмъ безмолвіе стало еще
глубже.

И вотъ, вдругъ, въ этомъ сонномъ воздухѣ раздался ружейный
выстрѣлъ. Капитанъ живо всталъ, солдаты выпустили изъ рукъ та-

реки съ недоуленнымъ супомъ. Въ нѣсколько секундъ всё очутились на своихъ боевыхъ постахъ; сверху до низу мельница была занята солдатами. Между тѣмъ капитанъ, вышедшій на дорогу, ничего не видѣлъ; направо, налѣво дорога тянулась безлюдная и бѣлая. Раздался вторичный выстрѣлъ, и все-таки ничего не показывалось, ни одной тѣни. Но, обернувшись, офицеръ увидѣлъ со стороны Ганьи, между двухъ деревьевъ, легкій дымокъ. Лѣсъ оставался, по прежнему, непроницаемъ и безмолвенъ.

— Негодяи спрятались въ лѣсу, — пробормоталъ капитанъ. — Они знаютъ, что мы тутъ.

Послѣ этого завязалась самая оживленная перестрѣлка между французскими солдатами, разставленными вокругъ мельницы, и пруссаками, скрывающимися за деревьями. Пули жужжали надъ Мореллю, не причиняя потерь ни той, ни другой сторонѣ. Выстрѣлы были неправильные, раздавались изъ-за каждаго куста, и все-таки ничего не было видно, кромѣ узенькихъ струекъ дыма, мягко разгоняемаго вѣтромъ. Это продолжалось болѣе двухъ часовъ. Офицеръ напѣвалъ съ равнодушнымъ видомъ. Франсуаза и Доминикъ, оставшіеся на дворѣ, приподнимались на цыпочкахъ и глядѣли черезъ низенькій заборъ. Ихъ особенно интересовалъ одинъ маленькій солдатикъ, поставленный на берегу Морелли, позади старой, сломанной лодки; онъ лежалъ на брюхѣ, сторожилъ, стрѣлялъ, затѣмъ проползалъ въ оврагъ, чтобы тамъ снова зарядить ружье, и движенія его были такія смѣшныя, такія хитрыя, такія ловкія, что нельзя было не улыбнуться, глядя на него. Онъ, должно быть, замѣтилъ голову пруссака, потому что быстро приподнялся и прицѣлился; но прежде, нежели выстрѣлялъ, вскрикнулъ, закружился на мѣстѣ и полетѣлъ въ оврагъ, гдѣ его ноги конвульсивно задргали, какъ лапы цыпленка, котораго убиваютъ. Маленькому солдатнику пуля зашла посреди груди. То былъ первый убитый. Инстинктивно Франсуаза схватила руку Доминика и сжала ее конвульсивно.

— Не стойте здѣсь, — замѣтилъ капитанъ, — пули долетаютъ сюда.

И дѣйствительно, сухой трескъ послышался въ старомъ вязѣ и кончикъ вѣтви упалъ, раскачиваясь. Но молодые люди не трогались съ мѣста, прикованные страшнымъ зрѣлищемъ. На опушкѣ лѣса одинъ пруссакъ вдругъ выступилъ изъ-за дерева, точно изъ-за кулеши и, взмахнувъ руками въ воздухъ, упалъ навзничь. И ничто болѣе не шевельнулось. Оба мертвеца точно будто спали на солнышѣ, въ заспанной окрестности ничего не было видно. Даже трескъ перестрѣлки прекратился. Одна только Морелль тихо журчала.

Дядя Мерльѣ вышелъ изъ мельницы, глядя на капитана съ видомъ удивленія, какъ-бы спрашивая его: все-ли кончено?

— Готовится самая рѣшительная атака,—шепнуть тотъ. — Берегитесь, не стойте здѣсь.

Онъ еще не договорилъ, какъ раздался страшный залпъ. Большой вѣзъ точно скосило, съ него посыпались листья. Къ счастью, пруссаки прицѣлились слишкомъ высоко. Доминикъ потащилъ, почти унесъ Франсуазу, а дядя Мерльбѣ послѣдовалъ за ними, крича:

— Спрячьтесь въ маленькій погребъ, стѣны у него прочны.

Но они его не слушали и вошли въ большую горницу, гдѣ съ десятокъ солдатъ молча дожидались, съ закрытыми ставнями, подглядывая изъ-за щелей, продѣланныхъ ими. Капитанъ остался одинъ на дворѣ, и присѣлъ на корточкахъ за маленькой стѣной, межъ тѣмъ какъ залпъ слѣдовалъ за залпомъ. На улицѣ, солдаты, разставленные имъ, уступали съ боя каждый шагъ. Однако, одинъ за другимъ возвращались во дворъ, ползкомъ, когда непріятель выбивалъ ихъ изъ позицій. Имъ приказано было выгадывать время, не показываясь, чтобы пруссаки не могли узнать, какъ великъ отрядъ, съ которымъ имъ приходится имѣть дѣло. Прошелъ еще часъ. И когда пришелъ сержантъ, говоря, что на улицѣ осталось не больше двухъ-трехъ солдатъ, офицеръ вынулъ часы, говоря:

— Уже половина третьяго... Надо продержаться еще четыре часа.

Онъ велѣлъ занереть большія сѣни, выходящія на дворъ, и все было приготовлено для отчаяннаго сопротивленія. Такъ какъ пруссаки находились по ту сторону Морелли, то немедленнаго нападенія нельзя было опасаться. Въ двухъ километрахъ разстоянія, правда, былъ мостъ, но они, должно быть, про него не знали и было мало вѣроятно, чтобы они попытались перейти рѣку въ бродъ. Поэтому офицеръ велѣлъ только сторожить дорогу. Главное дѣйствіе должно было произойти со стороны полей.

Перестрѣлка снова прекратилась. Мельница, казалось, замерла на солнечномъ припежѣ. Ни одинъ ставень не былъ отпертъ. Мало-помалу, однако, пруссаки начали показываться на опушкѣ лѣса Ганьи. Они осторожно вытягивали головы и мало-помалу ободрялись. На мельницѣ уже нѣсколько солдатъ прицѣливались; но капитанъ заставилъ ихъ опустить ружья, говоря:

— Нѣтъ, нѣтъ, подождите... дайте имъ подойти ближе.

Они подходили съ большой осторожностью, недовѣрчиво поглядывая на мельницу. Это старое зданіе, молчаливое и угрюмое, съ его плащомъ изъ зелени, внушало имъ опасенія. Однако, они все-таки подходили. Когда ихъ показалось человекъ пятьдесятъ на лугу, напротивъ мельницы, капитанъ сказалъ одно слово:

— Пла!

Послышался трескъ, послѣдовали отдѣльныя выстрѣлы, между тѣмъ какъ съ улицы донесся громкій крикъ. Франсуаза, трясясь съ головы до ногъ, невольно заткнула уши руками. Доминикъ, стоя позади солдатъ, глядѣлъ и когда дымъ нѣсколько разсѣялся, онъ увидѣлъ тронхъ пруссаковъ, растянувшихся посредию дуга на сплнѣ. Другіе попрыгали за ивы и тополи. И началась осада.

Въ продолженіи слишкомъ часа, мельница была осыпаема градомъ пуль. Когда онѣ ударались о камень, то слышно было, какъ онѣ сплющивались и падали въ Морелль съ легкимъ плескомъ. Въ лѣсу онѣ пролетали съ глухимъ шумомъ. Порою трескъ возвѣщаль, что задѣто старое колесо. Солдаты на мельницѣ берегли свои заряды и стрѣляли только тогда, когда могли прицѣлиться. Время отъ времени капитанъ вынималъ часы и смотрѣлъ — который часъ. И когда пуля пробивала ставень и всаживалась въ потолокъ, онъ бормоталъ:

— Четыре часа... Намъ не продержаться столько времени.

Мало-по-малу дѣйствительно эта страшная перестрѣлка начинала принимать старую мельницу. Одинъ ставень упалъ въ воду, сдѣлавшись сквознымъ, какъ кружево, и пришлось замѣнить его матрапомъ. Дядя Мерльё каждую минуту подвергался опасности, чтобы освидѣтельствовать вредъ, причиняемый его бѣдному колесу, трескъ котораго хваталъ его за сердце. На этотъ разъ колесу пришелъ конецъ. Его больше не починить. Солдатамъ пришлось оттащить Мерльё въ глубь горницы. Доминикъ умолялъ Франсуазу удалиться, но она захотѣла остаться съ нимъ. Она усѣлась въ глубинѣ горницы, позади большого дубоваго шезапа, защищавшаго ее. Однако, пуля врѣзалась въ шезапъ со свистомъ. Тогда Доминикъ сталъ передъ Франсуазой.

Онъ еще не стрѣлялъ, онъ держалъ ружье въ рукѣ, ему нельзя было пройти къ окнамъ, занятымъ солдатами. При каждомъ залпѣ полъ дрожалъ.

— Вниманіе! вниманіе! — вдругъ закричалъ капитанъ.

Онъ увидѣлъ, какъ въ лѣсу вышла большая темная масса. Тотчасъ же раздался страшный залпъ. Точно ураганъ пронесся надъ мельницей. Отлетѣлъ другой ставень и въ зияющее отверстіе приносились пули. Двое солдатъ упало на полъ. Одинъ и не шевельнулся; его отнесли къ стѣнкѣ, потому что онъ мѣшалъ. Другой судорожно подергивался, прося, чтобы его повончили; но его не слушали; пули продолжали влетать, каждый сторонился и старался найти бойницу, чтобы отвѣчать на огонь. Третій солдатъ былъ раненъ. Этотъ не говорилъ ни слова и присѣлъ къ столу, съ бессмысленнымъ и неподвижнымъ взглядомъ. Въ виду этихъ мертвецовъ, Франсуаза, охва-

ченая ужасомъ, машинально оттолкнула свой стулъ и присѣла на полу, у стѣны; ей казалось, что тамъ пулъ не такъ легко ее задѣтъ. Между тѣмъ стацили матрацы со всего дома и заткнули до половины окна. Горница наполнилась обломками, сломаннымъ оружіемъ, перебитой мебелью.

— Пять часовъ, — сказалъ капитанъ. — Держитесь... Они попытаются переправиться черезъ рѣку.

Въ эту минуту Франсуаза вскрикнула. Пуля, сдѣлавъ ривожеть, задѣла ея лобъ. Показалось нѣсколько капель крови. Доминикъ поглядѣлъ на нее; затѣмъ, подойдя къ окну, въ первый разъ выстрѣлилъ. И уже не переставалъ больше. Онъ заряжалъ ружье, стрѣлялъ, не обращая вниманія на то, что вокругъ него происходило; только время отъ времени онъ поглядывалъ на Франсуазу. Впрочемъ, онъ не торопился и старательно прицѣливался. Пруссаки, владучись вдоль тополей, старались переправиться черезъ Морелль, какъ это предвидѣлъ капитанъ. Но какъ только одинъ изъ нихъ подходилъ къ водѣ, такъ падалъ, прострѣленный въ голову Доминикомъ. Капитанъ, слѣдившій за его стрѣльбой, былъ въ восхищеніи. Онъ поздравилъ его, говоря, что былъ бы счастливъ, если бы у него было много такихъ искусныхъ стрѣлковъ, какъ онъ. Но Доминикъ его не слушалъ. Одна пуля задѣла его въ плечо, другая контузила руку. А онъ не трогался съ мѣста и продолжалъ стрѣлять.

Еще двое солдатъ пало. Растрепанные матрацы больше не затывали огонь. Казалось, что еще одинъ залпъ — и старая мельница обрушится. Но офицеръ повторялъ:

— Держитесь... Еще какихъ-нибудь полчаса.

Теперь онъ считалъ минуты. Онъ общалъ своимъ начальникамъ задержать здѣсь неприятеля до вечера и не отступилъ бы ни одной секундой раньше того, чѣмъ общалъ. Онъ сохранялъ свой любезный видъ, улыбался Франсуазѣ, чтобы успокоить ее. Онъ самъ поднималъ ружье одного убитаго солдата и стрѣлялъ изъ него.

Въ горницѣ оставалось только четверо солдатъ. Пруссаки показались сплошной массой на противоположномъ берегу Морелли, и было очевидно, что они съ минуты на минуту перейдутъ черезъ рѣку. Прошло еще нѣсколько минутъ. Капитанъ упрямылся, не хотѣлъ подать знакъ къ отступленію, какъ вдругъ прибѣжалъ сержантъ, говоря:

— Они уже на дорогѣ, они заходятъ къ намъ съ тыла.

Должно быть, пруссаки нашли мостъ. Капитанъ вынулъ часы.

— Еще пять минутъ, — сказалъ онъ: — они не проберутся сюда раньше пяти минутъ.

Затѣмъ ровно въ шесть часовъ согласился, наконецъ, позволить

своей командѣ выбраться черезъ маленькую дверь, выходящую въ переулокъ. Тамъ они бросились въ ровъ и пробрались въ Совальскій гѣсъ. Капитанъ, уходя, очень вѣжливо поклонился дядѣ Мерлье — съ извиненіемъ. И даже прибавилъ:

— Займите ихъ... Мы вернемся.

Между тѣмъ Доминикъ остался одинъ въ залѣ. Онъ все стрѣлялъ, ничего не слыша, ничего не понимая. Имъ владѣло только одно чувство: желаніе защитить Франсуазу. Солдаты ушли, а онъ объ этомъ и не подозрѣвалъ. Онъ прицѣливался и съ каждымъ выстрѣломъ убивалъ человѣка. Вдругъ послышался большой шумъ. Пруссаки ворвались во дворъ съ задней стороны. Онъ выстрѣлилъ въ послѣдній разъ, и они схватили его въ то время, какъ его ружье еще дымилося.

Десять человѣкъ держали его. Другіе орали вокругъ него на странномъ языкѣ. Они чуть не придушили его на мѣстѣ. Франсуаза бросилась впередъ съ умоляющимъ видомъ. Но вошелъ офицеръ и велѣлъ подвести къ нему плѣнника. Перекинувшись нѣсколькими фразами по-нѣмецки съ своими солдатами, онъ обратился къ Доминику и сурово сказалъ ему, на очень хорошемъ французскомъ языкѣ:

— Вы будете разстрѣляны черезъ два часа.

III.

То было правило, постановленное нѣмецкимъ генеральнымъ штабомъ: каждый французъ, не принадлежащій къ регулярной арміи и вытѣй съ оружіемъ въ рукахъ, долженъ быть разстрѣлянъ. Даже отряды вольныхъ стрѣлковъ не признавались воюющей стороной. Нѣмцы, прибѣгая къ такимъ жестокимъ мѣрамъ относительно крестьянъ, защищавшихъ свои домашніе очаги, желали этимъ предупредить поголовное возстаніе, котораго очень боялись.

Офицеръ, высокій и худощавый человѣкъ лѣтъ пятидесяти, подержъ Доминика короткому допросу. Хотя онъ говорилъ по-французски очень чисто, но отличался чисто прусской угловатостью.

— Вы здѣшній уроженецъ?

— Нѣтъ, я бельгіецъ.

— Зачѣмъ же вы взяли въ оружіе?... Все это до васъ не касается.

Доминикъ не отвѣчалъ. Въ эту минуту офицеръ увидѣлъ Франсуазу, стоявшую возлѣ, страшно блѣдную и прислушивающуюся; на ея блѣдомъ лбу легкая рана выдѣлялась красной чертой. Онъ поче-

редно поглядѣлъ на молодыхъ людей, какъ будто понялъ въ чемъ дѣло, и только прибавилъ:

— Вы не отрицаете, что стрѣляли?

— Я стрѣлялъ, сколько могъ, — спокойно отвѣчалъ Доминикъ.

Это сознаніе было бесполезно: онъ былъ весь чернѣй отъ пороха, покрытъ потомъ и запачканъ кровью, которая текла изъ его раненаго плеча.

— Хорошо, — повторилъ офицеръ. — Вы будете разстрѣляны черезъ два часа.

Франсуаза не закричала. Она сложила руки и подняла ихъ съ безмолвнымъ отчаяніемъ. Офицеръ замѣтилъ это движеніе. Два солдата увели Доминика въ сосѣднюю комнату, гдѣ должны были стеречь его, не спуская съ него глазъ. Молодая дѣвушка упала на стулъ; колѣни ея подгибались; она не могла плакать; она задыхалась. Между тѣмъ, офицеръ все поглядывалъ на нее. Наконецъ заговорилъ:

— Этотъ молодой человѣкъ вашъ братъ? — спросилъ онъ.

Она отрицательно кивнула головой. Онъ умолялъ, но не улыбнулся. Потомъ, помолчавъ:

— Но онъ давно уже живетъ въ этой мѣстности?

Она утвердительно кивнула головой.

— Значитъ, онъ хорошо знаетъ окрестные лѣса?

На этотъ разъ она заговорила.

— Да, сударь, — отвѣчала она, глядя на него съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

Онъ не прибавилъ ни слова и повернулся на каблучкахъ, требуя, чтобы къ нему привели мэра деревни. Но Франсуаза встала, слегка покраснѣвъ. Ей казалось, что она поняла смыслъ вопроса, и въ ней проснулась надежда. Она сама побѣжала за отцомъ.

Дядя Мерльё, какъ только выстрѣлы прекратились, живо спустился съ деревянной галереи, чтобы освидѣтельствовать колесо. Онъ обожалъ дочь; къ Доминику, своему будущему зятю, чувствовалъ большую дружбу, но колесо тоже занимало большое мѣсто въ его сердцѣ. Такъ какъ ребятишки, какъ онъ ихъ звалъ, выжили дѣлы и невредимы изъ бѣды, то онъ вспомнилъ про своего другого любимца, которому жестоко досталось. И, наклонясь надъ деревяннымъ остовомъ, онъ съ огорченнымъ видомъ разглядывалъ поврежденія. Пять лопаточекъ были искрошены, средняя часть вся пробита пулями. Онъ засовывалъ пальцы въ дыры, пробитыя пулями, измѣряя, какъ онѣ глубоки, и размышлялъ, какъ ему исправить всѣ эти поврежденія. Франсуаза увидѣла, что онъ уже принялся затыкать дыры обломками и мхомъ.

— Ватюшка, — сказала она, — они васъ зовутъ.

И, наконецъ, заплакала, передавая ему то, что слышала. Дядя Мерльё покачалъ головой. Людей такъ не разстрѣливаютъ. Надо поглядѣть. И вернулся на мельницу съ своимъ безмолвнымъ и спокойнымъ видомъ. Когда офицеръ спросилъ у него съѣстныхъ припасовъ для своихъ солдатъ, онъ отвѣчалъ, что жители Рокрвэн не привыкли къ грубому обращенію, и что отъ нихъ ничего не добьется насиліемъ, но что онъ беретъ все устроить, если ему предоставлятъ полную свободу дѣйствій. Офицеръ сначала разсердился на этотъ спокойный тонъ; затѣмъ уступилъ кроткимъ и яснымъ словамъ старика. Онъ даже позвалъ его назадъ, спрашивая:

— Какъ зовется этотъ лѣсъ, вонъ тамъ, напротивъ?

— Соваль.

— А какъ онъ великъ?

Мальникъ поглядѣлъ ему прямо въ лицо.

— Не могу вамъ сказать съ точностью... Если вамъ нуженъ проводникъ, то здѣсь есть ребята, которые знаютъ каждый кустикъ въ лѣсу... Но только я не берусь найти такого, который бы взялся васъ провожать.

И удалился. Часъ спустя, военная контрибуція съѣстными припасами, которой требовалъ офицеръ, была собрана на дворѣ мельницы. Наступала ночь. Франсуаза со страхомъ слѣдила за каждымъ движеніемъ солдатъ. Она не отходила отъ горницы, въ которой былъ запертъ Доминикъ. Около семи часовъ она пережила убійственную минуту. Она видѣла, что офицеръ вошелъ къ нему и слышала ихъ голоса. Черезъ минуту офицеръ появился на порогѣ и отдалъ по-нѣмецки привава, котораго она не поняла; но когда двѣнадцать человѣкъ выстроились во дворѣ съ ружьями на плечѣ, она вся задрожала съ ногъ до головы, обмирая въ дуплѣ. Конечно: его сейчасъ разстрѣляютъ. Двѣнадцать человѣкъ простояли здѣсь минутъ десять, голосъ Доминика продолжалъ звучать, въ чемъ-то рѣзко отказывая. Никогда Франсуаза еще не терпѣла такой пытки. Наконецъ, офицеръ вышелъ, хлопнувъ дверью и проговоривъ по-французски:

— Хорошо, подумайте... Я вамъ дамъ сроку до завтрашняго утра.

И далъ знакъ солдатамъ разойтись. Франсуаза стояла, словно одурѣлая. Дядя Мерльё, не перестававшій курить трубку, поглядывалъ на солдатъ съ любопытствомъ, подошелъ къ ней, взялъ ее за руку съ отеческой нѣжностью и увелъ въ ея комнату.

— Сиди спокойно, — сказала онъ ей, — и постарайся уснуть... Утро вечера мудренѣе.

Уходя, онъ заперъ ее изъ предосторожности. У него было при-

ципомъ, что женщины ни на что не годны и портятъ всякое серьезное дѣло, за которое берутся.

Между тѣмъ Франсуаза не ложилась. Она долго просидѣла на кровати, прислушиваясь къ шуму, происходившему въ домѣ. Нѣмецкіе солдаты, размѣщенные во дворѣ, пѣли и смѣялись; они, должно быть, ужинали до одиннадцати часовъ, потому что шумъ не прекращался ни на минуту. На самой мельницѣ время отъ времени раздавались тяжелые шаги. Это, конечно, смѣяли часовыхъ. Но ее особенно интересовалъ шумъ, который долеталъ къ ней изъ горницы, находившейся какъ разъ подъ ея собственной. Она нѣсколько разъ ложилась на полъ и прикладывала къ нему ухо. Въ этой горницѣ какъ разъ находился Доминикъ. Онъ, должно быть, ходилъ взадъ и впередъ, потому что она долго слышала его шаги. Потомъ наступила тишина; вѣроятно окъ сѣлъ. Да и вообще шумъ улегся, все заснуло. Когда домъ замеръ, она потихоньку открыла окно и оперлась на него.

На дворѣ стояла ясная и теплая ночь. Узкій серпъ луны, зашедшей за Совальскій гѣсъ, озарялъ окрестность свѣтомъ ночника. Продолговатыя тѣни высокихъ деревьевъ пересѣкали лучи черными линиями, а на открытыхъ мѣстахъ трава отливала зеленымъ бархатомъ. Но Франсуазу не привлекала таинственная прелесть ночи. Она извучала окрестность, искала часовыхъ, разставленныхъ нѣмцами. Она отчетливо видѣла ихъ тѣни вдоль Морелии. Одинъ былъ поставленъ у мельницы; онъ стоялъ какъ разъ на другомъ берегу рѣки, возлѣ нвы, вѣтви которой купались въ водѣ. Франсуаза отчетливо видѣла его. Тѣ былъ высокій молодецъ, стоявшій неподвижно, съ лицомъ, обращеннымъ къ лѣсу и съ мечтательнымъ видомъ пастуха.

Послѣ того, какъ она осмотрѣла окрестность, она отошла отъ окна и сѣла на кровать. Она просидѣла на ней часъ, погруженная въ глубокую думу. Затѣмъ снова начала прислушиваться: въ домѣ ничто не шевелилось. Она вернулась къ окну и поглядѣла въ него; но, должно быть, краешекъ луны, торчавшій еще изъ-за деревьевъ, показался ей стѣснительнымъ, потому что она опять стала ждать. Наконецъ, наступило удобное время. Ночь стала черна, какъ чернила, часовыхъ больше не видать было во мракѣ. Она прислушалась съ минуту и, наконецъ, рѣшилась. Возлѣ ея окна была желѣзная лѣстница; переладины были видѣны въ стѣну и вели отъ колеса къ амбару; во время дна, лѣстницей пользовались мельники, чтобы осматривать колеса; съ теченіемъ времени, механизмы были извѣненъ и давно уже лѣстница была прикрыта густымъ плетнемъ, обвивавшимъ мельницу съ этой стороны. Франсуаза храбро перешагнула за окно, схватилась за одну изъ желѣзныхъ полосъ и повисла въ

пространствѣ. Она начала спускаться. Юбки очень ей мѣшали. Вдруг камень оторвался отъ стѣны и полетѣлъ съ громкимъ клескомъ въ Морелль. Она остановилась, охваченная ледяной дрожью, но тутъ же сообразила, что шумъ отъ паденія воды заглушалъ весь шумъ, какой она могла произвести. И послѣ этого, она стала смѣлѣе спускаться, опираясь ногою перекладины. Когда она спустилась до окна комнаты, служившей тюрьмой Доминика, она остановилась. Совершенно неожиданное препятствіе чуть было не лишило ее мужества: окно нижней комнаты не было пробито какъ разъ подъ окномъ ея комнаты, оно было далеко отъ лѣстницы,—и, протянувъ къ нему руку, она встрѣтила стѣну. Неужели ей придется вернуться на-верхъ, не доведя своего предпріятія до конца? Руки у ней устали, отъ рожота Морелли подъ ногами у нея начинала кружиться голова. Тогда она отломилла отъ стѣны кусочекъ штукатурки и бросила въ окно Доминика. Онъ не слышалъ,—быть можетъ, онъ спалъ. Она испарала себя всѣ руки, отламывая штукатурку. И уже силы начинали измѣнять ей, она чувствовала, что падаетъ, когда Доминикъ открылъ, наконецъ, тихонько свое окно.

— Это я,—прошептала она.—Поддержи меня, а не то, я упаду.

Она въ первый разъ говорила ему *ты*. Онъ схватилъ ее, наклонившись, и внесъ въ комнату. Тамъ она расплакалась навзрыдъ, заглывая рыданія, чтобы ихъ не услышали. Потомъ, сдѣлавъ надъ собой невѣроятное усиліе, успокоилась.

— Васъ стерегутъ?—спросила она шопотомъ.

Доминикъ, все еще не могшій придти въ себя отъ изумленія, что она тутъ съ нимъ, молча указалъ на дверь. За дверью слышался кракъ часового; сонъ одолѣлъ его и онъ легъ на полъ, у двери, говоря себѣ, что такимъ образомъ плѣнникъ не убѣжить.

— Надо бѣжать,—послѣшшо произнесла она.—Я пришла умолять васъ бѣжать и проститься съ вами.

Но онъ точно не слышалъ ее. Онъ все повторялъ:

„Какъ? это вы, это вы?.. Охъ, какъ вы меня напугали! Вы могли убиться“.

Онъ взялъ ея руки и поцѣловалъ.

— Какъ я васъ люблю, Франсуаза!.. Вы такая смѣлая, и такъ добрая. Я только одного и боялся, что умру, не увидѣвъ васъ... Но вы пришли,—и теперь пусть они меня разстрѣляютъ. Когда я проведу съ вами четверть часа, я буду готовъ умереть.

Онъ привлекъ ее къ себѣ и она прислонила голову къ его плечу. Опасность сближала ихъ.

— Ахъ, Франсуаза,—началъ Доминикъ нѣжнымъ голосомъ,—згодня день св. Луи, день давно желанной нашей свадьбы. Ничто

не могло различить насъ, вотъ мы наединѣ другъ съ другомъ, ии вѣрны назначенному свиданію. Вѣдь сегодня свадьба?

— Да, да,—повторила она,—сегодня свадьба.

Они съ трепетомъ поцѣловались. Но вдругъ она высвободилась изъ его объятій; страшная дѣйствительность воскресла передъ нею.

— Надо бѣжать, надо бѣжать,—пролетѣла она.—Не будемъ терять ни минуты.

И такъ какъ онъ снова обнялъ ее, она опять заговорила съ нимъ на ты.

— Умоляю тебя,—послушайся меня. Если ты укрепишь, я тоже умру. Черезъ часъ разсвѣтетъ. Я хочу, чтобы ты сейчасъ отправился.

И поспѣшно объяснила ему свой планъ. Желѣзная лѣстница доходила до колеса; тамъ, съ помощью лопаточекъ, ему можно будетъ сѣсть въ лодку, спрятанную въ углубленіи. Ему легко будетъ затѣмъ перебраться на другой берегъ рѣки и убѣжать.

— Но вѣдь, должно быть, расставлены часовые,—замѣтилъ онъ.

— Только одинъ,—напротивъ, возлѣ первой ивы.

— А если онъ меня увидитъ и закричитъ?

Франсуаза затрепетала. Она всунула ему въ руку ножъ, который захватила съ собою. Наступило молчаніе.

— А вашъ отецъ? а вы сами?—началъ Доминикъ.—Нѣтъ, нѣтъ, я не могу бѣжать... Когда меня здѣсь не окажется, солдаты, можетъ быть, убьютъ васъ... Вы ихъ не знаете. Они мнѣ предлагали помилованіе, если я соглашусь провести ихъ въ Совальскій лѣсъ. И если я убѣгу, они способны Богъ знаетъ что сдѣлать.

Молодая дѣвушка не стала спорить. На всѣ его реверансы она отвѣчала только:

— Если вы меня любите, бѣгите... Если вы меня любите, Доминикъ, не оставайтесь здѣсь больше ни минуты.

Она обѣщала ему вернуться въ свою комнату. Никто не узнаетъ, что она ему помогала. Она страстно обняла его и стала цѣловать, чтобы убѣдить. Онъ былъ побѣжденъ. Онъ сказалъ только:

— Ну, хорошо!.. Но поклянитесь мнѣ, что вашъ отецъ знаетъ о нашемъ намѣреніи и что онъ совѣтуетъ мнѣ бѣжать?

— Меня прислалъ къ вамъ отецъ,—отвѣчала Франсуаза безъ запинки.

Она лгала. Но она убила бы самоѣ себя, чтобы спасти его. Въ настоящую минуту, у ней было только одно желаніе—знать, что онъ находится въ безопасности, отдѣлаться отъ ужасной мысли, что восходъ солнца будетъ сигналомъ его смерти. Когда онъ будетъ далеко, пусть всѣ несчастія обрушатся на нее; она все перенесетъ,

лишь бы онъ жилъ: эгоизмъ ея любви требовалъ, прежде всего, чтобы онъ жилъ.

— Хорошо,—сказалъ Доминикъ,—я сдѣлаю, какъ вамъ угодно.

Послѣ этого, они больше не промолвили ни слова. Доминикъ открылъ окно. Но внезапный шумъ оледенилъ ихъ. Дверь зашаталась, точно ее отворили. Очевидно, патруль услышалъ ихъ голоса, хотя они говорили почти шопотомъ. И оба, стоя рядомъ, дожидались въ смертельной тревогѣ. Дверь снова зашаталась, но не отворилась. Оба подавили вздохъ облегченія; они поняли, что те солдаты, лежавшій у двери, перевернулся на бокъ. И дѣйствительно, наступило молчаніе; храпъ лѣстовенно донесся до нихъ.

Доминикъ требовалъ, чтобы Франсуаза вернулась прежде всего въ свою комнату. Онъ обнялъ ее и молча простился съ ней. Потомъ помогъ ей ухватиться за лѣстницу и схватился за нее въ свою очередь. Но рѣшительно отказался спуститься до тѣхъ поръ, пока она не доберется до своей комнаты. Когда Франсуаза перешагнула черезъ свое окно, она наклонилась черезъ него и сказала чуть слышно:

— До свиданья; я люблю тебя.

Потомъ, опершись на подоконникъ, стала слѣдить за Доминикомъ. Ночь была все еще черна. Она посмотрѣла въ сторону часового, но не увидѣла его. Съ минуту ей слышался шелестъ плюща, о который задѣвалъ Доминикъ, спускаясь. Затѣмъ колесо затрещало и легкій плескъ воды показалъ ей, что молодой человекъ нашелъ лодку. Минуту спустя, дѣйствительно, она различила черныя силуэты лодки на сѣрой поверхности Морелли. Тогда страшная тревога сжала ей горло. Каждую минуту она ожидала окрика часового; всякій шорохъ въ тьмѣ ночной казался ей поспѣшными шагами солдатъ, шумомъ оружія, заряженныхъ ружей. Но проходили минуты, окрестность оставалась сѣвовойна. Доминикъ долженъ былъ уже пристать къ противоположному берегу. Франсуаза ничего больше не видѣла. Безмолвіе ночи было торжественно. И вотъ ей послышался топотъ, задуманный крикъ, глухое паденіе тѣла. Затѣмъ безмолвіе стало еще глубже. Тутъ она почувствовала, что смертельный холодъ оледенилъ ее,—и замерла среди непрогляднаго мрака.

IV.

Съ утра теропливные шаги и громкіе голоса наполнили мельницу шумомъ. Отецъ, Мерльбэ—пришелъ отпереть дверь Франсуазы, и она сошла внизъ, очень блѣдная, но спокойная. Но тамъ она не могла удержаться отъ трепета, завидѣвъ трупъ прусскаго солдата, положенный у колодца, на разостланной шинели.

Вокругъ трупъ жестикулировали солдаты, и что-то громко и разъяренно кричали. Многие изъ нихъ показывали кулакъ селенію. Между тѣмъ офицеръ позвалъ дядю Мерльбэ, какъ мэра общины.

— Вотъ,—сказалъ онъ, голосомъ, прерывавшимся отъ бѣшенства,—одного изъ нашихъ нашихъ убитыхъ у колодца... Мы хотимъ примѣрно наказать виновнаго и надѣемся, что вы поможете намъ разискать убійцу.

— Охотно,—отвѣчалъ мельникъ съ обычной флегмой.—Но только это будетъ не легко.

Офицеръ нагнулся и отдернулъ край шинели, прикрывавшей лицо убитаго. Тогда показалась странная рана. Часового проволокли въ горло и даже ножъ остался въ ранѣ. То былъ кухонный ножъ съ чернымъ, деревяннымъ черенкомъ.

— Поглядите на этотъ ножъ,—опять обратился офицеръ къ дядѣ Мерльбэ.—Быть можетъ, онъ поможетъ намъ въ нашихъ розыскахъ.

Старикъ вздрогнулъ, но тотчасъ же овладѣлъ собой и отвѣчалъ съ невозмутимымъ лицомъ.

— У всѣхъ есть такіе ножи въ нашихъ деревняхъ... Быть можетъ, вашъ солдатъ соскучился стоять на часахъ и самъ кончилъ съ собой. Это бываетъ.

— Молчите,—закричалъ бѣшено офицеръ.—Не знаю, что мнѣ мѣшаетъ поджечь ваше селеніе съ четырехъ концовъ.

Гнѣвъ, къ счастью, мѣшалъ ему замѣтить, какъ исказилось лицо Франсуазы. Она усѣлась на каменной скамьѣ, ноги у ней подкалывались. И помимо воли она глядѣла на мертвеца, лежащаго у самыхъ ея ногъ. То былъ высокій и красивый молодецъ, походившій на Доминика, съ бѣлокурными волосами и голубыми глазами, какъ и у него. Это сходство переворачивало ей всю думу. Она думала, что мертвецъ, быть можетъ, тоже оставилъ тамъ, въ Германіи, невѣсту, которая теперь выплачетъ всѣ свои глаза. И видѣла свой ножъ у него въ горлѣ. Это онъ убилъ его.

Между тѣмъ офицеръ грозилъ подвергнуть Рокрѣзу страшной карѣ, когда прибѣжали смущенные солдаты. Сейчасъ только-что замѣтили побѣгъ Доминика. Это вызвало странное волненіе. Офицеръ пошелъ на самое мѣсто событія, поглядѣлъ на окно, оставшееся открытымъ, понялъ въ чемъ дѣло и вернулся разъяренный.

Дядя Мерльбэ казался очень раздосадованнымъ бѣгствомъ Доминика.

— Дуракъ,—пробормоталъ онъ,—онъ все дѣло испортилъ.

Франсуаза, услышавшая его, почувствовала, что у ней сжалось сердце. Отецъ, впрочемъ, не подозрѣвалъ объ ея сообщничествѣ. Онъ покачалъ головой, проговоривъ вполголоса:

— Ничего сказать, надѣлалъ онъ намъ хлопотъ.

— Это надѣлалъ этотъ негодяй, это надѣлалъ этотъ негодяй,— кричалъ офицеръ.— Онъ убѣжалъ въ лѣсъ... Но пусть намъ его доставятъ, или все селеніе заплатится за него.

И обратился рѣзко къ мельнику:

— Вы навѣрное знаете, гдѣ онъ скрывается?

Дядя Мерльѣ улыбнулся про себя, указывая на склоны холмовъ, поросшихъ лѣсомъ.

— Какъ вы хотите найти тамъ человѣка?—сказалъ онъ.

— О, вы навѣрное знаете тамъ каждый кустикъ. Я отражу съ мнѣ десять человѣкъ. Вы ихъ поведете.

— Охотно. Но только намъ понадобится цѣлая недѣля, чтобы обойти всѣ окрестные лѣса.

Словамъ старика выводило офицера изъ себя. Онъ понималъ, что такіе поиски были бы въ самомъ дѣлѣ недѣльны. И вотъ тутъ увидѣлъ онъ Франсуазу, сидѣвшую на скамьѣ, блѣдную и дрожащую. Онъ умолялъ на минуту и поглядывалъ то на мельника, то на Франсуазу.

— Этотъ человѣкъ,—спросилъ онъ наконецъ внезапно у старика,— былъ любовникомъ вашей дочери?

Дядя Мерльѣ помертвѣлъ, и можно было подумать, что онъ бросится на офицера и задушитъ его. Онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе и ничего не отвѣчалъ. Франсуаза закрыла лицо руками.

— Да, это тамъ должно быть,—продолжалъ офицеръ,—вы или ваша дочь помогали ему убѣжать. Вы его соучастники... Послѣдній разъ спрашиваю васъ: готовы ли вы его выдать?

Мальчикъ ничего не отвѣчалъ. Онъ даже отвернулся, глядя вдаль съ равнодушнымъ видомъ, точно офицеръ обращался не къ нему. Это еще сильнѣе разожгло гнѣвъ послѣдняго.

— Когда такъ,—вскричалъ онъ,—я васъ разстрѣляю вмѣсто него.

И приказалъ солдатамъ выстроиться. Дядя Мерльѣ оставался невозмутимъ. Онъ слегка пожалъ плечами, точно будто хотѣлъ сказать, что вся эта драма ему не по вкусу. Ему, должно быть, не вѣрилось, что можно такъ легко разстрѣлять человѣка. Но когда солдаты построились, онъ спокойно проговорилъ:

— А, такъ это вы не шутите?... Ну, какъ хотите. Если вамъ непременно нужно разстрѣлять кого-нибудь, пусть это буду я, не кто другой.

Но Франсуаза встала, не помня себя отъ ужаса. Она подошла къ офицеру, говоря:

— Немилосердуйте. Не трогайте отца. Убейте меня вмѣсто него.... Я помогала Доминику убѣжать. Одна я виновата.

— Молчи, дочка,—закричалъ дядя Мерльё.—Зачѣмъ ты лжешь?.... Я заперъ ее на ключъ, сударь. Она лжетъ.

— Нѣтъ, я не лгу,—отвѣчала порывисто молодая дѣвушка.—Я спустилась изъ окна, я убѣдила Доминника убѣжать.... Вотъ правда, голая правда.

Старикъ помертвѣлъ. Онъ видѣлъ по ея глазамъ, что она не лжетъ. Ахъ! эти дѣти съ ихъ чувствами!—все-то они испортили! Послѣ этого онъ разсердился.

— Она сумасшедшая, не слушайте ее. Она васъ морочитъ.... Кончайте скорѣй.

Она пробовала опять увѣрять ихъ въ его невинности. Бросилась на колѣни, что-то бормоча. Офицеръ спокойно присутствовалъ при этой мучительной борьбѣ.

— Боже мой!—сказалъ онъ, наконецъ.—Я берусь за вашего отца, потому что у меня нѣтъ подъ руками другого; постарайтесь смсать того и вашъ отецъ спасенъ.

Съ минуту она поглядѣла на него, вытаращивъ глаза отъ таково жестокаго предложенія.

— Это ужасно, это ужасно!—пробормотала она.—Гдѣ я вамъ найду Доминика? Онъ ушелъ, я не знаю, гдѣ онъ теперь.

— Выбирайте любое. Или онъ—или вашъ отецъ.

— Боже мой! развѣ я могу выбрать? Если бы я даже знала, гдѣ Доминикъ, могу ли я выбрать... Вы рѣжете мое сердце... Лучше бы мнѣ самой умереть. Убейте меня, умоляю васъ, убейте меня.

Но зрѣлище слезъ и отчаянія начинало надоѣдать офицеру. Онъ вскричалъ:

— Ну, довольно! Я буду добръ и дамъ вамъ сроку два часа.... Если черезъ два часа вашъ возлюбленный не будетъ здѣсь, отецъ вашъ поплатится за него.

И велѣлъ отвести дядю Мерльё въ комнату, гдѣ былъ запертъ Доминикъ. Старикъ попросилъ табаку и принялся курить. На его невозмутимомъ лицѣ нельзя было замѣтить никакихъ слѣдовъ волненія. Но когда онъ остался одинъ, то двѣ крупныя слезы выкатились у него изъ глазъ. Бѣдная, дорогая его дѣвочка, какъ она мучается!

Франсуаза осталась посреди двора. Прусскіе солдаты проходили мимо, смѣясь. Нѣкоторые шутили съ ней, говорили ей что-то на непонятномъ для нея языкѣ. Она смотрѣла на дверь, черезъ которую прошелъ ея отецъ, и медленно поднесла руку ко лбу, какъ-бы она-сясь, что онъ треснетъ.

Офицеръ повернулся на каблучкахъ, повторяя:

— Дамъ вамъ два часа. Постарайтесь воспользоваться ими.

Ей давали срока два часа. Эта фраза звенѣла у ней въ головѣ.

И вотъ, машинально она вышла изъ двора и пошла куда глаза глядятъ? Что дѣлать? Куда идти? Она даже не стала ломать головы, потому сознавала бесполезность этого. Однако ей хотѣлось бы увидѣть Доминика. Они бы столбовались вмѣстѣ, что-нибудь бы придумали. И съ головой, отуманенной вихремъ мыслей, она спустилась къ берегамъ Морелли и перешла черезъ нее повыше плотины, тамъ, гдѣ лежали большіе камни. Ноги донесли ее до первой ивы, въ углу луга. Тамъ, наклонясь, она увидѣла лужу крови. Да, это то самое мѣсто.

И она пошла по слѣдамъ Доминика по примятой травѣ. Онъ, должно быть, бѣжалъ; видно было, какъ чьи-то крупные шаги примиали траву поперекъ луга. Дальше она потеряла слѣдъ. Но на соседнемъ лугу какъ будто пошли опять. Этотъ слѣдъ привелъ ее къ опушкѣ лѣса, гдѣ всякій слѣдъ исчезалъ.

Франсуаза углубилась тѣмъ же менѣе въ чащу. Ей было легче наединѣ. Она присѣла на минуту. Потомъ, вспомнивъ, что время уходитъ, вскопчила. Какъ давно оставила она мельницу? Пять минутъ, — полчаса. Она больше не сознавала времени. Быть можетъ, Доминикъ спрятался въ одной знакомой ей чащѣ, гдѣ однажды утромъ они вмѣстѣ щелкали орѣхи. Она пошла въ чащу, пошарила въ ней. Только дроздъ улетѣлъ, просиявъ свою краткую и печальную фразу. Тутъ ей пришло въ голову, что, быть можетъ, онъ укрывся въ одной пещерѣ, откуда часто подстерегалъ дичь. Но пещера была пуста. Къ чему искать его? Она его не найдетъ. И мало-по-малу желаніе найти его росло въ ней. Она ускорила шагъ, охваченная страстнымъ нетерпѣніемъ. Ей вдругъ пришла въ голову мысль, что онъ могъ влѣзть на дерево. Она пошла, поднявъ глаза вверхъ, и звала его на каждомъ шагу. Ей отвѣчала кукушка, между вѣтвей пробѣгалъ трепеть, заставлявшій ее каждый разъ думать, что вотъ-вотъ онъ сейчасъ спустится. Разъ ей повзало даже, что она его видитъ, и она остановилась, собираясь бѣжать. Чтб она ему скажетъ? Неужели она ищетъ его затѣмъ, чтобы его разстрѣляли? О, нѣтъ! она ему объ этомъ не скажетъ. Потомъ мысль объ отцѣ какъ острымъ ножомъ рѣзнула ей по сердцу. Она упала на траву, громко повторяя:

— Боже мой! Боже мой! зачѣмъ я здѣсь!

Она съ ума сошла, что пришла сюда. И охваченная страхомъ, бросилась бѣжать изъ лѣсу. Три раза она сбывалась съ дороги и думала уже, что не найдетъ мельницы, когда вдругъ очутилась на лугу, какъ разъ напротивъ Роверзы. Боже мой! неужели она вернется одна?

Она остановилась, какъ вдругъ услышала голосъ, который ее звалъ:

— Франсуаза! Франсуаза!

Она увидѣла Доминика, осторожно приподнимавшаго голову изъ оврага! Великій Воже! она нашла его! Небо хотѣло, значить, его смерти? И, удержавъ крикъ, она проскользнула въ оврагъ.

— Ты меня искала?—спросилъ онъ.

— Да,—отвѣчала она безсознательно.

— Что же случилось?

Она опустила глаза, бормоча:

— Ничего, я беспокоилась о тебѣ, мнѣ хотѣлось тебя видѣть.

Онъ, успокоившись, объяснилъ ей, что не хотѣлъ уходить далеко. Онъ боялся за нихъ. Негодяи пруссаки способны выместить зло на старикахъ и женщинахъ. Однако все сошло благополучно, и прибавилъ, смѣясь:

— Свадьба отложена на недѣлю, вотъ и все.

Но видя, что она сама не своя, снова насунился:

— Что съ тобой? ты отъ меня скрываешь что-то?

— Нѣтъ, клянусь тебѣ. Я скоро бѣжала и запыхалась.

Онъ поцѣловалъ ее и сказалъ, что имъ опасно долѣе разговаривать, и хотѣлъ выбраться изъ оврага и уйти въ гѣсъ. Но она остановила его. Она вся дрожала.

— Послушай, останься лучше... Никто тебя не ищетъ, ты не боишься?

— Франсуаза, ты отъ меня что-то скрываешь? повторилъ онъ.

Она снова поклялась, что ничего отъ него не скрываетъ, но только ей пріятнѣе знать, что онъ отъ нея близво. И пробормотала еще какіе-то резоны. Она показалась ему такой странной, что теперь онъ самъ не согласился бы уйти. Къ тому же, онъ ждалъ прихода французовъ. Ихъ видѣли около Совальскаго гѣса.

— Охъ, еслибы они поторопились, еслибы они поскорѣе пришли,—съ жаромъ проговорила она.

Въ эту минуту одиннадцать часовъ пробило на колокольнѣ Рокрѣн. Удары долетали ясно и отчетливо. Она вскочила, какъ безумная. Два часа уже, какъ она ушла съ мельницы.

— Послушай,—сказала она послѣнно,—если ты намъ понадобишься, то я махну тебѣ платкомъ изъ своей комнаты.

И побѣжала бѣгомъ, между тѣмъ какъ Доминикъ, очень встревоженный, залегъ во рву, чтобы наблюдать за мельницей. Подходя къ Рокрѣнъ, Франсуаза встрѣтила стараго нищаго, дядю Волтана, который зналъ весь околотокъ. Онъ поклонился ей; онъ видѣлъ изра среди пруссаковъ; потомъ, перекрестившись и бормоча несвязныя слова, продолжалъ свой путь.

— Два часа прошли, — сказалъ прусскій офицеръ, когда Франсуаза поквасалась на дворѣ.

Дядя Мерльё былъ тутъ. Онъ сидѣлъ на скамьѣ, близъ колодца, и курилъ. Молодая дѣвушка опять принялась просить, умолять, плакать. Ей хотѣлось выиграть время. Надежда на то, что французы подойдутъ, проснулася въ ней, и, плача, она прислушивалась; ей казалось, что она слышитъ вдали мѣрные шаги войска. Охъ! если бы они пришли! Если бы они спасли ихъ!

— Послушайте, сударь, еще часъ, дайте мнѣ еще часъ срока...

Но офицеръ былъ неумолимъ. Онъ приказалъ даже двумъ солдатамъ взять и увести ее, чтобы казнь старика совершилася безъ хлопотъ. Тогда страшная борьба закипѣла въ ней. Она не могла допустить, чтобы убили ее отца. Нѣтъ, нѣтъ, сворѣе она умреть вмѣстѣ съ Доминикомъ. И уже собиралась бѣжать въ свою комнату и махнуть платкомъ, когда Доминикъ самъ появился на дворѣ.

Офицеръ и солдаты вскрикнули съ торжествомъ.

Но онъ, какъ будто тутъ была только одна Франсуаза, — подошелъ къ ней спокойный и нѣсколько строгій.

— Не хорошо, — сказалъ онъ. — Зачѣмъ вы меня не вернули? Дядя Бонтанъ рассказывалъ мнѣ въ чемъ дѣло... Вотъ и я.

V.

Было три часа. Большія черныя облака медленно заволокли все небо; то были послѣднія тучи какой-нибудь бури, разразившейся по сѣверу. Это желтое небо, эти влочки облаковъ, мѣднаго цвѣта, превращали долину Рокрѣн, такую веселую на солнцѣ, въ какой-то разбойничій вертепъ. Прусскій офицеръ велѣлъ запереть Доминика, не объясняя, какая участь ожидаетъ его. Съ самаго полудня Франсуаза обмывала каждую минуту. Она не захотѣла уйти со двора, несмотря на всѣ просьбы отца. Она ждала французскъ; но часы проходили и страданія ея только усиливались отъ мысли, что все это выдуманное время ни къ чему иному не приведетъ, какъ къ страшной развязкѣ.

Между тѣмъ, около трехъ часовъ пруссаки стали готовиться къ выступленію. Офицеръ, какъ и вчера, заперся наединѣ съ Доминикомъ. Франсуаза поняла, что участь молодого человѣка рѣшается. Тогда она сложила руки и стала молиться. Дядя Мерльё, сидя велѣнъ ей, сохранялъ безмолвіе и неподвижность стараго крестьянина, который не пытается бороться съ рокомъ.

— О! Боже мой! Боже мой!—бормотала Франсуаза,—они убьют его...

Мельникъ привлекъ ее къ себѣ и посадилъ на колѣни, какъ на-лаго ребенка.

Въ эту минуту офицеръ вышелъ, а позади него двое солдатъ вели Доминика.

— Ни за что! ни за что!—кричалъ послѣдній.—Я готовъ умереть.

— Подумайте хорошенько,—замѣтилъ офицеръ.—Услугу, которой я отъ васъ прошу, окажетъ намъ другой. — Я дарю вамъ жизнь, а великодушень... Проведите насъ въ Монтредонъ черезъ лѣсъ, вотъ и все. Навѣрное туда ведутъ тропинки.

Доминикъ не отвѣчалъ.

— Итакъ, вы упрямитесь?

— Убейте меня и кончимъ этотъ споръ,—отвѣчалъ тотъ.

Франсуаза, сложивъ руки, умоляла его издали согласиться. Но дядя Мерлье схватилъ ее за руки, чтобы пруссаки не увидѣли ея отчаянныхъ жестовъ.

— Онъ правъ,—пробормоталъ онъ,—лучше умереть.

Солдаты были выстроены. Офицеръ ждалъ, чтобы Доминикъ сдался. Онъ все еще надѣялся уговорить его. Вдали слышались сильные раскаты грома. Удушающій зной стоялъ надъ деревней. И вдругъ, среди безмолвія, раздался крикъ:

— Французы! французы!

Тѣ были они. На Совальской дорогѣ, у опушки лѣса, показались красные панталоны. На мельницѣ воцарилась страшная суматоха. Прусскіе солдаты прибѣгали, испуская гортанные звуки. Впрочемъ, еще не было слышно ни одного выстрѣла.

— Французы! французы!—кричала Франсуаза, хлопая въ ладоши.

Она точно съ ума сошла. Она вырвалась изъ рукъ отца и сбѣ-лась, поднимая руку вверхъ. Наконецъ-то они пришли, и пришли въ-время, потому что Доминикъ все еще живъ.

Ружейный залпъ, оглушившій ее точно громомъ, заставлялъ ее оглянуться. Офицеръ пробормоталъ:

— Прежде всего—покончимъ наше дѣло.

И самъ толкнулъ Доминика въ сараи и приказалъ стрѣлять.

Когда Франсуаза оглянулась, Доминикъ упалъ у стѣны, съ грудью, пробитой двѣнадцатью пулями.

Она не заплакала. Она была словно громомъ убита. Взглядъ у ней сталъ неподвижнымъ и она усѣлась на землѣ подъ сараемъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ трупъ. Она глядѣла и по временамъ неопредѣленнымъ и дѣтскимъ жестомъ руки какъ-бы говорила, что

теперь все кончено. Пруссаки забрали дядю Мерльё въ качествѣ заложника.

Битва завязалась отчаянная. Офицеръ быстро разставилъ своихъ солдатъ на ихъ постахъ, понимая, что отступленіе невозможно. Лучшее было ужъ дорого продать свою жизнь. Теперь пруссаки защищали мельницу, а французы нападали на нее. У французовъ была пушка. Батарея, выставленная какъ разъ надъ оврагомъ, гдѣ прятался Доминикъ, расчищала большую дорогу Рожрэзы. Борьба не могла затануться.

Ахъ бѣдная мельница! Ядра пронизывали ее насквозь. Часть кривни была снесена. Обвалились двѣ стѣны. Но въ особенности со стороны Морелли приходилось ей плохо. Плющъ, сорванный со стѣны, висѣлъ какъ ломотья, рѣна покрылась обломками, и черезъ брешь видѣлась комната Франсуазы съ ея кроватью, надъ которой былъ старательно задернутъ бѣлый пологъ. Старое колесо было задѣто двумя ядрами и затрещало предсмертнымъ трескомъ. Лопаточки поплыли по водѣ, остовъ колеса обрушился. Съ нимъ отлетѣла веселая душа мельницы.

Затѣмъ французы пошли на приступъ. Произзошелъ жестокий бой холоднымъ оружіемъ. Небо продолжало быть ржаваго цвѣта, разбойничій вертепъ долины наполнялся мертвыми тѣлами. Обширные луга выжились сердитыми съ ихъ высокими деревьями, стоявшими особнякомъ и стѣной изъ тополей, бросавшихъ длинные тѣни. Лѣса на скатахъ холмовъ направо и налево были какъ-бы стѣнами цѣрка, выжидавшими сражающихся и тѣсившими ихъ другъ къ другу, а источники, родники—точно рыдали, охватившие паникой, сообщавшейся самой природѣ. Пушки ободрали луга, пули обили лству съ деревъ, мертвецы окровавили ясныя воды Морелли. Война производила нервозность заустѣнія въ этомъ мирномъ уголку.

Франсуаза не двигалась изъ-подъ сарая, гдѣ сидѣла у трупа Доминика. Дядя Мерльё былъ убитъ на-поваль какой-то шальной пулей. Пруссаки были все до одного перебиты, мельница загорѣлась, и французскій капитанъ первый вошелъ во дверь. Съ самаго начала войны это была первая побѣда, одержанная ими. Поэтому онъ, въ азартѣ, еще притѣ держалъ свою высокую фигуру и смѣлся съ любовнымъ видомъ красиваго кавалера. Увидя Франсуазу, сидѣвшую на землѣ и оплакивавшую мужа и отца, среди пылающихъ развалинъ мельницы, онъ галантно привѣтствовалъ ее шпагой, крича:

— Побѣда! побѣда!

Эмиль Зола.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

О ПѢСНЯХЪ МАКЕДОНСКИХЪ БОЛГАРЪ, СОБРАННЫХЪ И ИЗДАННЫХЪ
ВЕРВОВИЧЕМЪ.

Имя Степана Вервовича, сербо-хорвата, родомъ изъ Босніи, стало извѣстно москвичамъ во время московской этнографической выставки. Пользуясь славянскимъ съѣздомъ, Вервовичъ прислалъ въ Москву только-что открытую имъ въ захолустьяхъ родонскихъ горъ древнюю болгарскую пѣсню о музыкантѣ Орфѣѣ, которая должна была, по убѣжденію Вервовича, обрадовать весь славянской міръ. Эта пѣсня была немедленно напечатана въ Москвѣ, съ русскимъ переводомъ, сдѣланнымъ природнымъ болгаринномъ, покойнымъ Живковичемъ. Но не оправдались ожиданія сербскаго антикварія. Литература обшла его находку молчаніемъ и только въ нѣкоторыхъ частныхъ ученыхъ кружкахъ возбудила она непродолжительныя толки. Большинство отнеслось къ ней либо съ недоумѣніемъ, либо съ равнодушіемъ, и скоро славянской Орфѣѣ было забытъ. Такое отношеніе ученого міра къ мнѣологической пѣснѣ объясняется отчасти одиночествомъ факта, отчасти и знакомствомъ съ тенденціями Вервовича. Характеръ болгарской народной поэзіи былъ доселѣ извѣстенъ у насъ изъ сборниковъ пѣсенъ, издаваемыхъ г. Безсоновымъ въ Москвѣ и братьями Мирадиновичами въ Загребѣ. Съ этими пѣснями пѣсня, пришедшая Вервовичемъ, имѣла мало общаго: это фантастическій рассказъ о чудесномъ музыкантѣ Орфѣѣ, наполненный мнѣологическими чертами и проникнутый духомъ какой-то иной, не-славянской поэзіи. Вервовичъ видитъ здѣсь воспоминанія болгаръ о музыкантѣ Орфѣѣ, который, по его мнѣнію, былъ родомъ изъ Македоніи. Идеи Вервовича о болгарской народности живо напомнили увлеченія Венедикта и Раковскаго, и должны были естественно вызвать сомнѣнія въ подлинности пѣсни. Впрочемъ, никто не рѣшился назвать подарокъ серба славянскому міру поддѣлкою, потому что явныхъ уликъ не было. Но вотъ, года два тому назадъ появляется въ Вѣлградѣ первый томъ мнѣологическихъ и до-историческихъ македонскихъ пѣсенъ, издаваемыхъ тѣмъ же Вервовичемъ подъ заглавіемъ „Славянская Веда“ (1874). Въ него вошла только небольшая часть огромнаго эническаго матеріала, собраннаго неутомимымъ антикваріемъ въ послѣднія десять лѣтъ, именно: 15 пѣсенъ, изъ которыхъ самая короткая содержитъ

85 стиховъ, самая длинная 1,532. Каждый сюжетъ развивается въ нѣсколькихъ вариантахъ: пять пѣсень описываютъ переселеніе какаго-то народа за Дунай, три рассказываютъ о женитьбѣ талатинскаго краля на дочери ситскаго краля, одна о боѣ талатинскаго краля съ имѣемъ земли Ричны, одна о женитьбѣ Солнца на прекрасной Волганѣ и пять о рожденіи и похищеніяхъ Орфея. Эти пѣсни съ подстрочнымъ французскимъ переводомъ составляютъ томъ въ 545 страницъ.

Несмотря на то вниманіе, которымъ пользуются въ наше время произведенія народнаго творчества; несмотря на то, что ученый міръ давно созналъ ихъ высшее значеніе для изученія древнѣйшихъ вѣроманій и быта, въ нашей литературѣ, насколько намъ извѣстно, никто не обронилъ ни одного слова по поводу „Славянской Вѣдн“, хотя она уже возбудила толки въ странѣ, гораздо меньше насъ заинтересованной поэзіей славянъ, именно во Франціи. На этотъ разъ Франція раньше насъ заинтересовалась вопросомъ о подлинности мнѣологическихъ болгарскихъ пѣсень и поручила своему дипломатическому агенту, г. Дозону, хорошо знакомому съ болгарскимъ языкомъ и народною литературой, рассмотреть на мѣстѣ (именно въ Сересѣ, въ Македоніи) рукописи Верковича, и разузнать, какимъ путемъ составилъ его сборникъ. Г. Дозонъ представилъ по этому вопросу два обширныхъ отчета министру народнаго просвѣщенія, напечатанныхъ въ Парижѣ въ 1874 г. ¹⁾ Пользуясь показаніями французскаго агента, имѣвшаго случай просмотрѣть массу пѣсень, еще не напечатанныхъ, и основываясь на первомъ томѣ „Славянской Вѣдн“, мы постараемся отвѣтить на слѣдующіе вопросы: слѣдуетъ ли видѣть въ сборникѣ Верковича поддѣлку, лишнюю всякаго значія, или эти пѣсни дѣйствительно произведенія народа, и въ такомъ случаѣ, какое онѣ имѣютъ значеніе для славянскои науки?

Верковичъ, по складу ума и тенденціямъ, напоминаетъ болгарскихъ патриотовъ, безъ всякой научной подкладки, въ родѣ Раковскаго, старающагося доказать, что болгары въ до-историческія времена пришли въ новую родину изъ Индіи; что они сохраняютъ въ своей поэзи ведійскую мнѣологию; что языкъ ихъ всего ближе къ санскритскому и Zendскому; что древніе греки составляли только вѣтвь этого племени; что во всей Элладѣ нѣтъ ни одного географическаго имени, которое не было бы болгарскимъ; что Додонскій оракулъ былъ основанъ болгарами; что Александръ Великій былъ болгаринъ и т. д., и т. д. Верковичъ ожесточенъ противъ западной науки, удѣляющей

¹⁾ Les Chants populaires Bulgares. Rapports sur une mission littéraire en Macédoine, par M. Auguste Dozon. Paris. 1874.

славянскому племени болѣ скромную роль въ общечеловѣческой культурѣ, ожесточенъ и политически противъ грековъ, считающихъ себя самымъ культурнымъ племенемъ Балканскаго полуострова, ожесточенъ противъ нихъ какъ истый болгаринъ, хотя, какъ мы знаемъ, онъ родомъ сербъ. Занимался уже 20 лѣтъ народными пѣснями, онъ ищетъ въ нихъ доказательства своимъ фантастическимъ научнымъ теоріямъ. Его не занимаетъ пѣсня лирическая или бытовая, — ему важны такія, въ которыхъ онъ можетъ найти воспоминанія болгаръ объ ихъ переселеніи изъ Авіи, о ведійскихъ богахъ и древнихъ царяхъ и герояхъ, въ родѣ Орфея, Филиппа и Александра-Великаго. Въ частыхъ поѣздкахъ по Болгаріи Верковичъ хорошо изучилъ страну, обычаи, преданія и пѣсни, но долго не находилъ того, чего такъ страстно искалъ. По его собственному признанію, въ одной статьѣ въ загребскомъ журналѣ, у него было собрано болѣе 1,000 номеровъ народныхъ пѣсенъ—и всему этому собранію онъ не придавалъ никакого значенія, потому что въ немъ не было и слѣда того, что онъ отыскивалъ. Наконецъ, 1865 годъ щедро вознаградилъ всѣ его труды. Узнавъ, что въ области деревни Крушево, недалеко отъ Демир-Гиссара и Сереса, были пѣвцы, знавшіе много пѣсенъ, Верковичъ познакомился заочно съ учителемъ народной школы въ Крушевѣ, Іованомъ Экономовымъ, и просилъ его записывать пѣсни, именно такія, въ которыхъ сохранились древнѣйшія воспоминанія болгаръ. „Въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ,—говоритъ Верковичъ,—почти каждую недѣлю получалъ я по тетради пѣсенъ, почти всегда милоутческихъ, которыя, впрочемъ, для меня представляли мало интереса; наконецъ, разсвѣлъ для меня самый праздничный и дорогой день моей жизни, день 8 августа, когда изъ Крушева пришло во мнѣ извѣстіе, что мои предположенія не были обманчивымъ сномъ. Іованъ Экономовъ записалъ отъ пастуха Стояна Меркарева, изъ деревни Корчево, небольшую пѣсню въ 22 стиха, о Филипѣ Македонскомъ. За этимъ открытіемъ послѣдовали другія; скоро явились пѣсни о переселеніи славянъ въ Европу въ нѣсколькихъ вариантахъ, затѣмъ рядъ пѣсенъ объ Орфее“ и т. д. Верковичъ побуждаетъ Экономова оставить мѣсто учителя и заняться записываніемъ пѣсенъ. Онъ предлагаетъ ему въ годъ 250 франковъ—двойной окладъ противъ того, который Экономовъ получалъ въ школѣ, и школьный учитель заводитъ бакалейную лавочку въ Крушевѣ, съ цѣлью вступить въ сношеніе съ погонщиками муловъ (кираджамъ). Мѣсто выбрано удобное: черезъ Крушево проходитъ дорога, ведущая изъ Салоникъ черезъ Демиръ-Гиссаръ въ Неврокопъ и оттуда въ верхнюю Тракію и Болгарію. Погонщики муловъ завертывали ежедневно въ лавку Экономова, и здѣсь, на заднемъ дворѣ, въ избушкѣ, прилежно записыва-

льс болгарская старина. Ружкою води и нѣсколькими пѣстрами Экономовъ развязывалъ языкъ неговорчивымъ помакамъ (болгарскіи крестьянамъ-мусульманамъ), преодолевалъ ихъ предубѣжденіе противъ нечестивыхъ гаурскихъ пѣсень, которыя они знали съ дѣтства, и записывалъ до изнеможенія. О его работѣ и изумительной памяти помаковъ можно судить по одному факту: 4 декабря 1871 г. Экономовъ записалъ 7 пѣсень, содержавшихъ вмѣстѣ 6,311 стиховъ, всѣ отъ одного помака, Гасана, изъ деревни Горне-Дряново! Весь этотъ матеріалъ, безъ всякой обработки или сортировки, и только съ обозначеніемъ лицъ, отъ которыхъ былъ записанъ, послался немедленно въ Сересь Верковичу, и у него накопилась такимъ образомъ масса тетрадей, содержащая болѣе 120,000 стиховъ. Неужели весь этотъ эпическій матеріалъ—поддѣлка Верковича или Экономова? Съ такими вопросами отправился для изслѣдованія дѣла французскій агентъ въ г. Сересь. И вотъ что рассказываетъ Дозонъ, относящійся, замѣтимъ, саркастически къ научнымъ фантазіямъ сербскаго антикварія и весьма недружелюбно къ славянофильской партіи „Святой Русь“ (его собственное выраженіе). „Если я привожу нѣкоторыя соображенія,—говоритъ онъ,—чтобы снять съ Верковича подозрѣніе въ поддѣлкѣ, то это дѣлаю для тѣхъ, кто его лично не знаетъ: что касается меня, мнѣ достаточно было поговорить съ нимъ четверть часа, чтобы вполне убѣдиться въ его искренности и правдивости“. Да и какіе могли быть мотивы поддѣлки? Жажда наживы,—но Верковичъ въ теченіи 15 лѣтъ тратитъ на болгарскія пѣсни ежегодно часть своихъ скудныхъ средствъ и теперь тратитъ ихъ на печатаніе, безъ всякой надежды воротить затраты. Жажда славы,—но извѣстность собирателя и издателя слишкомъ ничтожна, чтобы вознаграить колоссальный трудъ поддѣлкою такой массы пѣсень. Къ тому же Верковичъ, какъ сербъ, не знаетъ настолько и болгарскаго языка съ его мѣстными говорами. Мысль, что Верковичъ фальсификаторъ, казалась Дозону совершенно невѣроятною. Но, быть можетъ, сербскій антикварій попался въ обманъ, быть можетъ, фальсификаторъ Іованъ Экономовъ—и Дозонъ отправляется въ Крушево, чтобы лично познакомиться съ эксъ-учителемъ. Іованъ, по словамъ Дозона, человекъ совершенно неразвитый, въ высшей степени скромный, безъ всякаго вкуса къ народной поэзіи и очевидно тяготящійся тою ролью, какою навязалъ ему Верковичъ. Онъ преподавалъ въ школѣ греческій языкъ и имѣлъ самыя смутныя понятія объ орфографіи родного, болгарскаго. Поддѣлать пѣсни было бы для него такъ же невозможно, какъ для Верковича. Къ тому же Корысть не могла быть его мотивомъ: онъ получалъ меньше всякаго переписчика. „Неужели этотъ неразвитый и забытый человекъ, постоянно враждавшійся либо съ маль-

чиками въ шлоѣ, либо съ извозчиками въ бакалейной лавочкѣ, одаренъ столь необыкновеннымъ воображеніемъ, что въ теченіи шести лѣтъ одинъ создалъ такую массу поэтическихъ произведеній, которая удивляетъ даже какъ произведеніе цѣлаго народа?" Дозонъ познакомился и съ нѣкоторыми лицами, диктовавшими пѣсни, и самъ записалъ отъ крестьянина Волчана пѣсню объ Орфеѣ (собственно Орфенѣ), поповшую въ собраніе Верковича.

Такимъ образомъ, всѣ сомнѣнія французскаго агента исчезли. Пѣсни не были фальсификаціей ни Верковича, ни Экономова. Онѣ дѣйствительно были записаны отъ крестьянъ-номадовъ, которые, въ свою очередь, слышали ихъ отъ отцовъ и дѣдовъ. Свидѣтельства Дозона, какъ человѣка далеко не увлеченнаго болгарами и не раздѣляющаго болгарофильскихъ тенденцій Верковича, для насъ важны. Но гораздо важнѣе свидѣтельства самихъ пѣсенъ, ибо, по прочтеніи ихъ, едва ли кто-нибудь усомнится въ томъ, что онѣ дѣйствительно составляютъ достоиніе македонскихъ болгаръ. Иной вопросъ—оправдываютъ ли онѣ теорію Верковича, содержать ли онѣ ведійскую мифологію и достовѣрныя преданія о болгарскомъ царѣ Александрѣ, или о пѣвцѣ Орфеѣ? Чтобы дать понятіе о характерѣ славянской Веды, выбираемъ одну обширную пѣсню о рожденіи Орфея (№ 11 собранія Верковича). Пѣснь слишкомъ велика, чтобы быть переведенной цѣликомъ; мы можемъ изложить только ея содержаніе, перевода при этомъ отдѣльными мѣста.

Ой, ты, боже, милій боже!
 Сколько ты творишь чудесъ!
 Только мѣсяцъ, какъ ты совершилъ чудо,
 Что вся земля тряслась,
 И вотъ снова ты чудо совершаешь:
 Родилась дѣвочка прекрасная на землѣ,
 И нѣтъ ей равной по красотѣ;
 Нѣтъ у нея ни отца, ни матери,
 Покинута она на горѣ,
 Въ землѣ, занятой ламиами (зміями).
 Сидитъ она на горѣ ни мало, ни много,
 Ни мало, ни много—три мѣсяца,
 И вспомнилъ о ней вншній богъ ¹⁾,
 Послалъ двухъ дэвовъ на гору,
 Чтобы они взглянули, что дѣлаетъ малая дѣвочка,—
 Жива ли она, или умерла.

Дэвы спускаются на землю и находятъ дѣвочку въ слезахъ. Оттуда

¹⁾ Верковичъ видитъ въ этомъ вншнемъ богѣ индійскаго бога Вишну и считаетъ это имя съ прописной буквой. Вотъ одна изъ невѣрныхъ поддѣлокъ сербскаго антикварія!

ея былъ первый царь въ странѣ змѣй и обладалъ силой „духувитой“ (духовной). Онъ боролся съ цѣлымъ свѣтомъ, и задумалъ завоевать и широкое море. Онъ прыгнулъ на дно морское, чтобы побороться съ моремъ; но богъ лишилъ его силы, и онъ остался на днѣ. Жена ждала его на землѣ три года и молила вышнато бога. Ея мольбу услышало солнце и сошло на землю, чтобы посмотрѣть, кто такъ сильно плачетъ. Прельстившись красотой ея, солнце полюбило ее, и плодомъ брака ихъ была дочь. Какой-то змѣй за это разгнѣвался на солнцеву *любу* и хотеть бросить ее въ темную темницу. Испуганная *люба* бросается въ море, оставивъ дочь на землѣ. За этой дочерью и послалъ вышній богъ двухъ дѣвовъ: они берутъ дѣвочку на небо, гдѣ она служитъ солнцу въ его дворцѣ. Въ это время раздается на землѣ голосъ бездѣтнаго царя Ринда:

Ой, ты, боже, вышній боже!
 Дай мнѣ, боже, чадо по сердцу,
 Чтобъ я видѣлъ его въ моихъ палатахъ,
 И мое сердце радовалось,
 Что это чадо населитъ мою землю пустыю.

Вышній богъ слышалъ молитву Ринда и хотеть дать ему чадо. Но Ринда старъ,—его волосы бѣлы, какъ снѣгъ, и нѣтъ у него жены. Думалъ объ этомъ богъ три мѣсяца и не придумалъ, что сдѣлать. Ринда повторяетъ свою просьбу и обѣщаетъ принести богу въ жертву девять черныхъ птицъ [девет пуйки црѣнувити ¹⁾], если онъ дастъ ему чадо по сердцу. Тогда вышній богъ вспомнилъ о дѣвочкѣ, взятой на небо, и посылаетъ въ солнцу двухъ дѣвовъ, чтобы они уговорили его отпустить дочь на землю къ царю Риндѣ, у котораго она заступитъ мѣсто дочери. Солнце соглашается, и дѣвочка спускается во дворецъ Ринды. Она пробуждаетъ старика, погруженнаго въ глубокой сонъ, и объявляетъ, что она дарована ему дочерью. Ринда счастливъ и приноситъ обѣщанную жертву. Настало время искать жениха для солнечной дочери. Вышній богъ спрашиваетъ у солнца— не видало ли оно молодого царя юдовъ ²⁾. Онъ предназначенъ стать мужемъ солнечной дочери. Отъ брака съ нимъ родится чудный ребенокъ, который населитъ всю пустынную землю! Солнце знаетъ, гдѣ царь юдовъ, и посылаетъ въ нему дочь съ такимъ наставленіемъ:

Юдинскій царь молодъ и прекрасенъ,
 И ищетъ любя себя достойной,
 Но такой жени нѣтъ на землѣ;
 Когда же тебя онъ увидитъ,

¹⁾ Незавѣстная птица, въ которыхъ пѣвцы пѣсенъ видятъ *индюшечку*.

²⁾ Юды—мифическое существо, то съ добрыми, то съ дурными свойствами.

Тебя, столь прекрасную,
 Какой другой нѣтъ на землѣ,—
 Ты придешься ему по-сердцу.
 Но не сходи съ нимъ въ черный годъ,
 А сходи съ нимъ въ бѣлый годъ,
 Въ бѣлый годъ, въ день Сурва,
 Когда юды купаются въ озерѣ,
 И поютъ громкую пѣснь:
 „Ой, ты, боже, Сурва боже!
 Дай намъ, боже, сурувитнѣ (свѣтлѣ) годъ,
 Чтобы всюду, гдѣ ходили мы, видѣли золото,
 И имѣли золотыя чаши въ нашихъ немерахъ,
 И пили изъ золотыхъ чашъ красное вино,
 И тебя, бога, хвалою прославляли,
 Что живешь ты на небѣ
 И творишь чудеса внизу, на землѣ“.

Солнцева дочь отыскиваетъ царя юдъ и справляетъ съ нимъ свадьбу въ домѣ своего земного отца, царя Ринды. Послѣ свадьбы она поступаетъ, какъ совѣтовало солнце. Царь юдовъ огорченъ, а Ринда разгнѣванъ и хочетъ бросить дочь въ темную тюрьму. Тогда она снимаетъ золоченое платье, надѣваетъ на голову черный платокъ и идетъ къ озеру, чтобы скрыться отъ отца и выждать наступленія бѣлаго года. Прошло три мѣсяца, къ озеру собрались юды, сбросили черныя платки съ головъ и стали купаться, воспѣвая наступленіе бѣлаго года. Слыша это, солнцева дочь возвращается во дворецъ и становится вполне женою юдинскаго царя. На четвертый мѣсяцъ она даетъ жизнь чудесному мальчику: у него крылья подъ мышками, золотыя волосы и свирѣль въ правой рукѣ. Онъ играетъ на свирѣли и поетъ; птицы слетаются во дворецъ и звѣри приходятъ съ горъ, чтобы слушать дивное пѣнье. Все плашеть кругомъ мальчика. По окончаніи игры животныя оставляютъ дворецъ; но матери захотѣлось, чтобы бѣлыя овцы стали ручными и не возвращались въ горы. Она молитъ объ этомъ вышняго бога, и онъ обращается къ солнцу:

Ой, ты, солнце, ясное солнышко!
 Завтра рано засядь на небѣ,
 И грѣй землю люто-прегато,
 Всѣ звѣри изъ дворца пойдутъ,
 Одни въ горы, другіе—въ моря,
 Но пусть овцы не уходятъ,
 А остаются въ царскомъ дворцѣ;
 Онѣ полюбили твоей дочери,
 Потому что бѣлы и кротки.
 Три мѣсяца грѣй люто-прегато,
 И пусть овцы остаются во дворцѣ.

Онъ сильно боится твоихъ ярыхъ лучей,
И сокроется въ подземныя палаты,
И не пойдутъ уже въ горы,
Но останутся во дворцѣ и поляхъ.

Солнце исполнило приказанія вышняго бога: овцы остались съ людьми и съ этихъ поръ стали ручными. Солнцева дочь приноситъ девять птицъ въ жертву вышнему богу. Настало лѣто, и овцы принесли ягнать; ягната сосутъ матокъ, а солнцева дочь радуется и сама пробуетъ молоко. Мужъ и отецъ также нашли его вкуснымъ, и всѣ хвалятъ солнцеву дочь, что она ввела овечье молоко на землѣ.

Чтобы показать всѣмъ чудеснаго внука, царь Ринда задаетъ пиръ на весь мѣръ и приглашаетъ къ себѣ 70 царей. Онъ угощаетъ ихъ новой пищей, овечьимъ молокомъ, и всѣмъ оно нравится. Чудесный ребенокъ начинаетъ играть танецъ и пѣть пѣсню; голосъ его восходить къ небу, горы пляшутъ, звѣри собираются во дворецъ, 70 царей слышатъ безъ усталости три недѣли и падаютъ въ изнеможеніи. Ребенокъ, кончивъ игру, хочетъ летѣть на небо, чтобы служить вышнему богу. Мать проситъ его остаться еще немного на землѣ, чтобы 70 царей дали ему имя. Цари назвали его *Уфреномъ*, потому, объявляетъ пѣсня, что онъ будетъ свирѣльщикомъ (свирелжіе) на землѣ, будетъ летать на небо какъ птица *Рену* и играть на хвалу вышнему богу. Получивъ имя, Уфреникъ улетаетъ на небо и остается тамъ три года. Между тѣмъ отецъ его, царь юдовъ, бросаетъ жену и улетаетъ въ свою землю—править юдами-самовилами. Онъ гнѣвается на сына, потому что, по пророчеству, сынъ долженъ занять его землю. Солнцева дочь остается у Ринды и полюбила какого-то *янского* царя, который и живетъ съ нею во дворцѣ. Уфреникъ возвращается съ неба и ищетъ два года себѣ невѣсты по всей землѣ. Не найдя дѣвушки во душѣ, онъ изнемогаетъ отъ огорченія и близокъ къ смерти. Мать, узнавъ о причинѣ его болѣзни, говоритъ, что въ землѣ *Морной* онъ найдетъ невѣсту. У тамошняго царя три прекрасныя дочери, окрашеныя тремя змѣями. Солнце предрекло, что младшая изъ дочерей, красавица *Росида*, будетъ женою Уфрена. Уфреникъ беретъ золотой ножъ и свирѣль и отправляется въ землю *Морную*. Прибывъ въ царскій дворецъ, онъ играетъ на свирѣли и три змѣи засыпаютъ глубокимъ сномъ. Три царевны начинаютъ плясать и младшая влюбляется въ свирѣльщика. Чтобы увести *Росиду*, Уфреникъ привязываетъ ей крылья подъ мышки и уводитъ ее за лѣвую руку, продолжая играть чарующую пѣсню. Двѣ старшія сестры, завидуя младшей, призываютъ арабскаго царя, влюбленнаго въ *Росиду*, и сообщаютъ ему, что ее уводитъ Уфреникъ. Вѣстѣ съ тѣмъ онъ пробуждаетъ спящихъ змѣевъ и, грозя имъ гнѣвомъ арабскаго царя, посылаютъ

ихъ въ погоню за бѣглецами. Змѣи настигаютъ ихъ; тогда Уфрэнъ снова начинаетъ играть на свирѣли, и змѣи падаютъ въ оцепененіе. Онъ вынимаетъ золотой ножъ и распарываетъ ихъ. Кровь изъ тѣл змѣевъ течетъ такъ обильно, что наводняетъ всю землю, какъ море, и Росида, летая плохо, бьется унестъ и утонуть въ этомъ кровавомъ морѣ. Уфрэнъ воснулся свирѣлью поверхкности крови, море исчезло, и Росида идетъ посуху. Скоро невѣста почувствовала сильную жажду, и Уфрэнъ обращается съ мольбою къ водному богу:

Ой, ты, боже, водный боже!
 Скажи мнѣ, гдѣ достать воды,
 Чтобы напоить мою любу,
 Чтобы не погибла она, мохочая, зеленая.
 Если же нѣтъ, боже, води на полѣ,
 Отвори твои студеные владенцы,
 Пошли потоки на землю,
 Напоить мою любу.

Водный богъ посылаетъ маленькую дѣву сказать Уфрэну, что онъ можетъ все сдѣлать своею свирѣлью: гдѣ онъ броситъ ее на-земь, тамъ забьетъ свѣжій источникъ воды. Уфрэнъ дѣлаетъ, какъ приказано и, напоивъ невѣсту, прибываетъ съ нею въ свою землю. Мать Уфрена, солнца дочь, встрѣчаетъ съ радостью невѣсту, потому что, говорить пѣсня:

Отъ лица ея свѣтитъ ясное солнце,
 На груди у нея свѣтлый мѣсяцъ,
 На поляхъ частыя звѣзды,
 Коси у нея падаютъ до земли,
 А когда говорить, изъ устъ бисеръ сыплется.

Отчимъ Уфрена, янскій царь, устраиваетъ свадебный пиръ и приглашаетъ 70 царей, которые явились у молодыхъ три мѣсяца. Уфрэнъ все это время забавляетъ гостей чудною игрою. Когда всѣ разъѣхались, Уфрэнъ задумываетъ искать для поселенія своего народа другой земли, потому что своя ему не по душѣ. Онъ гуляетъ три года, но ни одна страна ему не понравилась, а понравилась земля его отца, страна юдовъ. Эта земля плодородна и богата, но пустынна: нѣтъ въ ней людей, чѣмъ ходить по полю, нѣтъ птицъ, чѣмъ летаютъ по небу. Сюда-то ведетъ Уфрэнъ свой народъ, оставивъ старцевъ у дѣда. Переселенцы приходятъ къ Черному морю и не знаютъ, какъ перейти на другую сторону. Тогда Уфрэнъ воснулся моря свирѣлью и проложилъ на немъ дорогу. Прибывъ въ янскую землю, онъ начинаетъ играть на свирѣли, и вотъ—говоритъ пѣсня:—

Пустынная страна стала населенной,
 Тотчасъ птицы стали летать по небу,
 Молодой народъ нахатъ плодovitую почву.
 Уфрень построилъ первый городъ на землѣ,
 И былъ первымъ царемъ,
 Потому что населилъ пустынную землю.
 Тамъ онъ жилъ съ своей женою,
 И игралъ на дивной свирѣли;
 У него родились семь сыновей,
 Семь сыновей, семь царей на землѣ.
 Вотъ что совершилъ Уфрень-царь!
 И вотъ для пѣнья сложились пѣсни,
 Чтобы ми помнили, что жили дивнаго царя,
 Что творилъ чудеса дивною свирѣлюю.
 Отъ бога вамъ здравье—отъ меня пѣсня!

Вотъ образчикъ болгарскихъ пѣсней, которыя Верковичъ называетъ „Славянской Ведой“, въ полной увѣренности, что онѣ произведенія славянскаго племени и содержатъ воспоминанія о его древнѣйшей исторіи. Посмотримъ, насколько эта и другія пѣсни оправдываютъ мечтанія Верковича. Прежде всего страннымъ является то, что ни въ одной изъ пѣсней 1-го тома не упоминается имя славянъ или болгаръ. Въмѣсто областей и мѣстностей Македоніи и Болгаріи, находимъ здѣсь какія-то невѣдомыя страны: земля Рична, земля Юдинска, Морна, Ситска, Читайска, Шереніе, Янска и Аранска. Въмѣсто хорошо-знакомыхъ болгарскихъ именъ, часто упоминаемыхъ въ другихъ пѣсняхъ — Стоянъ, Цветко, Мирче, Драганъ, Бранко и т. п.—здѣсь являются царя Сада, Талатинъ, Шера, Ринда, Синдже, Брава-Самандаръ. Только одинъ „бѣль Дунавъ“ какъ будто прикрѣпляетъ пѣсни къ Балканскому полуострову,—но въ Дунавъ нужно скорѣе видѣть какую-то эпическую рѣку, по неопредѣленности топографическихъ указаній. Такъ иногда упоминаются два бѣлья Дуная, да и протекаетъ онъ по какой-то мнѣшеской мѣстности. Царь Гулема (т.-е. великій) въ одной пѣснѣ выводитъ свой народъ изъ Четской земли, переходитъ черезъ *два Дуная* и черезъ годъ достигаетъ страны *Янской*, которая составляетъ центръ земли. Это напоминаетъ географію русскихъ былинъ, въ которыхъ Дунай протекаетъ мимо Кіева. Въ собственныхъ именахъ нельзя найти ничего славянскаго, да притомъ и имена эти постоянно мѣняются. Такъ, мы видѣли, что въ вышеприведенной пѣснѣ выселителемъ народа въ новую страну является музыкантъ Уфрень; въ другой же пѣснѣ, эту роль исполняетъ *Читайска крале*, въ третьей *кралъ Сада*, въ четвертой Гулема *кралъ*, т.-е. просто *великій* царь. Постоянная смѣна именъ по различнымъ пересказамъ особенно выдается въ пѣсняхъ

объ Орфеѣ. Верковичъ вполне увѣренъ, что открылъ этого древняго музыканта; но имени Орфея нѣтъ ни въ одномъ пересказѣ. Это лицо называется иногда Френа или Френъ, иногда Форленъ, иногда Урфенъ, иногда Уфренъ, иногда Фъркленъ, иногда Френуше. Народная этимологія овладѣла этимъ именемъ и старается объяснить его по-своему. Такъ, названіе Фъркленъ находится въ связи съ глаголомъ *фърка* — летать, такъ какъ герой снабженъ крыльями; а въ вышеприведенной пѣснѣ *Уфренъ* получаетъ свое имя потому, что летаетъ по небу какъ какая-то птица *Рену*. Увлечшись нѣкоторымъ и, конечно, случайнымъ сходствомъ въ имени, Верковичъ не обратилъ вниманія на то, что единственное сходство между классическимъ Орфеемъ и болгарскимъ Уфреномъ состоитъ въ томъ, что оба они дивные музыканты. Но этого, конечно, недостаточно для отождествленія обѣихъ личностей. На такомъ же основаніи могли бы мы отождествлять съ Орфеемъ нашего гусяра купца Садко, заставляющаго плясать морского царя, и финскаго музыканта Вейнемейнена. Конечно, всѣ эти личности представляютъ одинъ и тотъ же типъ дивныхъ музыкантовъ, типъ знакомый многимъ эпосамъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ каждый изъ нихъ имѣетъ свои національныя черты. Уфренъ является первымъ царемъ на землѣ, онъ переселяетъ свой народъ, научаетъ людей земледѣлію, строитъ первый городъ, добываетъ себѣ невѣсту при помощи юдъ, онъ вьнузъ солнца—ничего подобнаго мы не знаемъ о греческомъ Орфеѣ. Все это показываетъ, что Уфренъ у болгаръ имѣетъ несравненно большее значеніе, чѣмъ то, которое имѣлъ Орфей у грековъ.

На ряду съ пѣснями, Экономовъ записалъ цѣлый рядъ объясненій отдѣльныхъ именъ и непонятныхъ словъ изъ устъ тѣхъ же рассказчиковъ. Эти глоссы *кираджей* не менѣе интересны, чѣмъ самыя пѣсни. Вотъ, на примѣръ, что сообщилъ одинъ рассказчикъ объ Урфенѣ: „Урфенъ нѣкогда вывелъ нашихъ дѣдовъ изъ прежней нашей родины на краю земли и силой своей свирѣли перевелъ ихъ черезъ Черное море. Онъ помогъ нашимъ дѣдамъ овладѣть этой нашей землєю, которая прежде была заселена другими народами. Когда пришло ему время умереть, онъ просилъ бога не посылать ему юду Мору, которая отсѣкаетъ голову, а послать ему юду Живу, которая дала бы ему зелья жизни, чтобы онъ полетѣлъ на небо,—служить богу. Богъ услышалъ его молитву, послалъ ему Живу-юду, и Урфенъ вознесся на небо, гдѣ и теперь служить богу. За это наши дѣды въ старыя времена чествовали его, какъ царя, который не умеръ, и каждый годъ кололи ему курбанъ (жертву), причемъ юнаки играли на свирѣли, а момки (дѣвицы) плясали *хору* и пѣли пѣсни, нарочно для этого сочтенныя“.

Итакъ, Урфенъ, по убѣжденію, существующему еще и доселѣ у македонскихъ болгаръ, былъ древнимъ родоначальникомъ, который былъ самъ божественнаго происхожденія, приходясь внукомъ солнечному богу. Онъ былъ, какъ сказалъ бы авторъ *Слова о Полку Игоревѣ*, внукомъ Даждь-Бога. Собственно говоря, всѣ пѣсни, до сихъ поръ на данныя Верховичемъ, представляютъ отрывки какого-то эпического цѣлага. Однѣ рассказываютъ о переселеніи народа подъ предводительствомъ царя; другія повѣствуютъ о бракѣ солнца на красавицѣ Волканѣ, но не доходятъ до солнцева внука Урфена; наконецъ, та пѣсня, которую мы привели выше, повидимому, охватываетъ главныя части македонскаго эпоса. Мы видимъ, что эпосъ начинается съ небеснаго брака солнца на земной дѣвѣ и повѣствуетъ мнѣческую исторію двухъ поколѣній: дочери солнца и солнцева внука, который является первымъ царемъ на землѣ. До сихъ поръ подобнаго мнѣологическаго эпоса у славянъ не находили, и неволью зарождается сомнѣніе въ славянскомъ происхожденіи болгарскихъ пѣсней. Не предрѣшая ничего, по недостаточности изданнаго матеріала, мы не можемъ не замѣтить, что типическія черты этого эпоса дышутъ чѣмъ-то не-славянскимъ и находятъ себѣ аналогіи въ эпосѣ другого племени. Мы имѣемъ въ виду эпосъ финновъ—„Калевалу“. Оставляя въ сторонѣ различіе въ деталяхъ, въ обстановкѣ дѣйствующихъ лицъ,—различіе, обусловленное климатическими, почвенными и историческими условіями, мы все же въ цѣломъ и въ типахъ дѣйствующихъ лицъ отыскиваемъ замѣчательное сходство. Какъ и македонская Веда,—„Калевала“ эпосъ мнѣологическій. Она занимается вопросами космогоническими, населяетъ природу богами и богинями, которые подчиняются волѣ вышняго бога Укко. Главное дѣйствующее лицо „Калевалы“,—полубогъ Вейнемейненъ, является устроителемъ земли и дивнымъ музыкантомъ. Сопоставимъ нѣкоторыя черты.

1) „Славянская Веда“ полна мнѣологій: во главѣ божествъ стоитъ вышній богъ, возсѣдающій на высотахъ небесныхъ. Онъ управляетъ міромъ и прочими богами, посылая имъ свои приказанія черезъ дѣвовъ. Ему повинуются солнечный богъ, богъ водяной и богъ огненный. Земные герои возсылаютъ къ нему безпрестанно молитвы и приносятъ въ жертву черныхъ птицъ и яловыхъ коровъ. Въ „Калевалѣ“ эта верховная личность носитъ названіе Укко и является такимъ же властителемъ боговъ и людей. Къ нему съ молитвой обращается, напримѣръ, Вейнемейненъ, когда развелъ растительность на землѣ, и проситъ Укко оросить землю медовымъ дождемъ.

2) Въ противоположность славянскому эпосу вообще, „Веда“ Верховица не отличается воинственностью. Битвы богатырей между собою

и съ разными чудищами, занимающія столь видное мѣсто въ сербскомъ и русскомъ эпосѣ, здѣсь на второмъ планѣ. Сила оружія уступаетъ иной силѣ, волшебству и чарованію,—чудная свирѣль очаровываетъ чудовищъ, усыпляетъ ихъ, ея звуки покоряютъ всю природу, источаютъ воду, раздѣляютъ Черное море. Герои надѣются не на силу меча, а на содѣйствіе бога, въ которому обращаются съ молитвой. Когда герою приходится бороться со змѣемъ, залегающимъ Дунай, онъ обыкновенно не выказываетъ храбрости; напротивъ, дрожатъ отъ страха, молятся вышнему богу, который и приказываетъ огненному богу спалить змѣя огнемъ. Иногда змѣя поражаютъ стрѣлы солнечнаго бога. Такъ, одна пѣсня воспѣваетъ *моуцаю* богатыря Саду. Этотъ богатырь попадаетъ самымъ жалкимъ образомъ въ руки трехъ дѣвъ Самовиль, которыя безъ всякаго сопротивленія съ его стороны связываютъ ему руки и бросаютъ его въ темницу. Его выручаетъ другой царь, но опять-таки не силой руки, а звучимъ дыханіемъ своего вѣщаго коня. Затѣмъ оба богатыря похищаютъ дѣвицъ, уснивъ зельемъ сторожившихъ ихъ змѣевъ, а не вступая съ ними въ бой; во время бѣгства *Сада* наталкивается на другого змѣя, который и проглатываетъ его до половины. *Сада* плачетъ и призываетъ на помощь побратима. Тотъ рѣшается биться со змѣемъ только тогда, когда получилъ отъ Юды чудесную стрѣлу. Вообще, мы не нашли ни одного случая въ пѣсняхъ, гдѣ бы изображалось мужество и неустранимость; богатыри являются далеко не храбрыми и больше надѣются на зелья и заколдованныя стрѣлы, нежели на свои силы. Такой же перевѣсъ чаръ и заклинаній надъ храбростью и физической силою составляетъ характерную черту „Калевала“. Когда состязаются два богатыря, они борются заклинаніями, и только въ крайнемъ случаѣ, когда одинаково сильны въ волшебствѣ, рѣшаютъ дѣло мечомъ. Состязаясь съ Юкагайненомъ, Вейнемейненъ очаровываетъ его пѣніемъ и загоняетъ по горло въ болото; другой герой—Лемминкейненъ,—отправляется воевать съ жителями сѣверной страны и вооружается съ ногъ до головы. Но ему не приходится прибѣгнуть къ оружію. Люди сѣвера собрались въ обширной горницѣ; это чародѣи и пѣвцы, и Лемминкейненъ околдовываетъ ихъ пѣсней. Отъ дѣйствія его пѣсни лучшіе пѣвцы стали худшими, камни наполнили имъ рты и всѣ чародѣи были разсѣяны по пустынямъ, оверамъ и трупобамъ. Въ другой походъ на сѣверъ, тотъ же Лемминкейненъ состязается съ хозяиномъ Похьолы. Лемминкейненъ проситъ пива, хозяинъ пѣніемъ создаетъ на землѣ прудъ; Лемминкейненъ создаетъ быка, который выпиваетъ всю воду, хозяинъ—волка, чтобъ онъ съѣлъ быка и т. д. Послѣ цѣлаго ряда подобныхъ чудесъ, хозяинъ Похьолы, убѣдившись, что не можетъ околдовать Лемминкейна, предлагаетъ бой на мечехъ.

3) Но главное сходство „Калевали“ съ „Ведой“ Верковича заключается въ дѣйствующемъ лицѣ, вокругъ котораго здѣсь и тамъ вертится все повѣствованіе. Болгарскій богатырь Урфенъ, внукъ солнца, живо напоминаетъ главное лицо „Калевали“, полубога Вейнемейнена. Подобно Урфену, Вейнемейнеиъ устроитель земли: онъ осушаетъ болота, превращаетъ пустыню въ цвѣтущую страну, разводитъ траву и деревья и засѣваетъ хлѣбныя зерна. Все это онъ совершаетъ какъ дивный чародѣй, музыкантъ и пѣвецъ. Сорокъ-первая руна „Калевали“, изображающая дѣйствіе чудной игры Вейнемейнена на всю природу, напоминаетъ описаніе игры болгарскаго музыканта. Когда Вейнемейнеиъ заигралъ на арфѣ изъ щучьей кости, со всѣхъ сторонъ собрались звѣри его слушать: бѣлка запрыгала по дереву, горностаи забѣгали по забору, лось свачетъ на лугу, волкъ прибѣжалъ изъ болота, медвѣдь слушалъ, опершись о заборъ, орелъ прилетѣлъ, поклевнувъ орлять въ гнѣздѣ, утка и лебедь оставили болота и озера, и пѣвчія птицы разсѣлись въ упоеніи на плечахъ музыканта.

Мы не можемъ здѣсь войти въ подробности относительно сходства болгарскихъ пѣсенъ съ „Калевалой“. Припоминая что-нибудь аналогическое македонскимъ пѣснямъ, мы не могли найти ничего подобнаго, кромѣ мелкихъ деталей, ни въ эпосѣ другихъ славянскихъ или индоевропейскихъ народовъ, ни въ восточныхъ сказкахъ: „Калевала“ съ ея мѣологіей, чарованіемъ и героемъ-музыкантомъ припомнилась сама собою, при первомъ бѣгломъ чтеніи болгарскихъ пѣсенъ. Быть можетъ, это сходство чисто случайное, но намъ не кажется невѣроятнымъ и другое предположеніе. Болгарскій народъ, какъ извѣстно, далеко не чисто славянскій. Племя, носившее имя болгаръ, принадлежало къ многочисленной семьѣ кочевыхъ племенъ уральскаго корня, бродившихъ нѣкогда въ поволжскихъ и черноморскихъ степяхъ. Ближайшими родичами болгарской орды считаютъ гунновъ и позднѣйшихъ угровъ (мадьяръ), которые одноплеменны съ финнами. Эта орда, перейдя черезъ Днѣпръ и Днѣстръ подъ предводительствомъ Аспаруха, въ VII-мъ вѣкѣ, дошла затѣмъ до Дуная и, перейдя на другой берегъ, вторгнулась въ земли, заселенныя славянскимъ племенемъ. Изъ смѣшенія болгаръ съ славянскимъ населеніемъ образовался нынѣшній болгарскій народъ, причемъ элементъ туранскій былъ поглощенъ славянскимъ, оставивъ однако на послѣднемъ нѣкоторые слѣды. Отъ языка пришлой орды дошли до насъ лишь нѣкоторыя слова, занесенныя въ списокъ одного хронографа, называемаго *Елминскимъ этнописцемъ*; здѣсь находится перечисленіе болгарскихъ древнихъ князей, изъ которыхъ пятеро правили еще по ту сторону Дуная, а слѣдующіе, начиная съ Аспаруха, владѣли уже на южной сторонѣ. Эти слова Гильфердингъ объясняетъ изъ угро-финскихъ нарѣчій. Быть

можетъ, при болѣе научномъ и точномъ изученіи болгарскаго словаря, оказались бы и другіе остатки первоначальнаго языка. Замѣтимъ, что и въ пѣсняхъ сохранились нѣкоторые слова, не находяція объясненія ни въ славянскомъ, ни, по увѣренію Дозона, въ турецкомъ языкѣ. Когда записывавшій пѣсни спрашивалъ объясненія подобныхъ словъ у рассказчиковъ, они глоссировали ихъ соответствовавшими турецкими и славянскими. Такъ, непонятное слово *им* они объясняли турецкимъ *harslamina*—т.-е. левъ. Не занимаясь угро-финскими языками, мы не въ состояніи съ этой стороны изслѣдовать пѣсни Верковича, хотя, быть можетъ, это всего скорѣе рѣшило бы вопросъ объ ихъ народности. Мы можемъ только высказать догадку, что въ нихъ сохранились эническіе мотивы не славянской, а какой-то иной, даже не индо-европейской національности, и, быть можетъ, сходство съ „Калевалой“ указываетъ, какъ слѣдуетъ объяснять присутствіе инородной примѣси въ славянскихъ пѣсняхъ. Не предрѣшая ничего, по недостаточности данныхъ, мы желали только въ нашей замѣткѣ привлечь вниманіе лицъ компетентныхъ къ богатому матеріалу, собранному Верковичемъ, и указать на то, что этотъ матеріалъ не долженъ быть игнорируемъ по винѣ тѣхъ фантастическихъ выводовъ, которые дѣлаетъ изъ него сербскій антикварій.

Всеволодъ Миллеръ.

Москва.

О томъ же.

Позволимъ себѣ прибавить нѣсколько замѣчаній къ любопытному мнѣнію г. Всеволода Миллера. Въ нашей литературѣ, это—дѣйствительно первое слово о „Славянской Вѣдѣ“ Верковича. Мы согласимся, что предметъ заслуживалъ бы больше вниманія, чѣмъ было дано ему до сихъ поръ—хотя бы для того, чтобы разыскать способъ поддѣлки. Ведійскія толкованія Верковича и Раковскаго слишкомъ наивны, чтобы нужно было еще опровергать ихъ; но требуетъ вниманія защита Дозона, челоуѣка посторонняго, повидимому ничѣмъ не заинтересованнаго въ дѣлѣ, и который положительно утверждаетъ подлинность „Славянской Вѣды“. Дозонъ — не новичокъ въ вопросѣ славянской народной поэзіи; онъ давно извѣстенъ своимъ французскимъ переводомъ сербскихъ пѣсенъ, а въ 1875 году, послѣ „Вѣды“

Верковича, издалъ и свой сборникъ болгарскихъ народныхъ пѣсенъ (*Chansons populaires bulgares inédites. Paris, 1875*, съ введеніемъ и довольно значительнымъ словаремъ, стр. 347 — 416). Въ этомъ послѣднемъ изданіи, которымъ, повидимому, не пользовался г. Всеволодъ Миллеръ, Дозонъ прибавляетъ еще матеріалъ къ своей защитѣ Верковича.

Появленіе собранія Верковича, подрѣшеннаго „Докладами“ Дозона, прежде всего вызвало толки, кажется, во французской литературѣ. Горячимъ защитникомъ „Славянской Веды“ явился извѣстный парижскій профессоръ, Александръ Ходзько — съ той склонностью къ фантастическому толкованію славянской древности, каку показалъ еще Мицкевичъ; но нашелся и противникъ „Веды“, французскій славистъ Луи Леже, который первый ее заподозрилъ. Въ славянской ученой литературѣ, извѣстный чешскій археологъ и историкъ литературы Іосифъ Иречекъ (въ декабрѣ 1874) взглянулъ на „Веду“ какъ на мистификацію. Въ такомъ же смыслѣ отнесся къ ней Константинъ Иречекъ, авторъ „Исторіи Болгарь“. Его мнѣніе состоитъ въ слѣдующемъ.

Родопскій край, отъ Мельника до Чепины и Димотики, терпѣлъ такія постоянныя и многочисленныя потрясенія отъ военныхъ походовъ византійцевъ, болгарь, сербовъ и турокъ, что можно а priori имѣть очень основательное сомнѣніе, чтобы въ народной памяти могъ сохраниться здѣсь столь древній эпосъ. Иречекъ думаетъ также, что этотъ край достаточно хорошо извѣстенъ, такъ что пѣсни, столь оригинальныя и будто бы столь распространенныя (ихъ, мы видѣли, считаютъ за 100,000 стиховъ), не могли бы остаться неизвѣстными; изъ Родопа былъ родомъ Неофитъ Рыльскій; этотъ край и его магометанскихъ жителей хорошо зналъ и другой дѣятель новой болгарской литературы, Захаріевъ, но ни одинъ изъ нихъ и никакой другой болгаринъ ни словомъ не упоминали о существованіи подобныхъ пѣсенъ. Мифологія этихъ пѣсенъ указываетъ неслышанныя славянскія божества въ родѣ „Вишну-бога“, даже „Коледу“. Въ этихъ пѣсняхъ совсѣмъ нѣтъ метрическаго склада; въ нихъ безъ всякаго порядка мѣшались стихи въ 6, 12, 10, даже 15 слоговъ. Единственное, что неизвѣстный авторъ перенялъ изъ настоящихъ народныхъ пѣсенъ, это — нѣкоторыя внѣшнія отличія пѣсеннаго стиля, живописныя эпитеты, безчисленныя тавтологіи или повторенія сходныхъ словъ („дарба дари“, „лова лови“, „вели — отговори“ и пр.), повторенія словъ при концѣ одного и началѣ другого стиха.

По всѣмъ вѣроятіямъ, думаетъ Конст. Иречекъ, самъ Верковичъ не виноватъ въ поддѣлкѣ; судя по разсказу Дозона, объ этомъ можетъ дать разъясненіе бывшій учитель въ Крушевѣ, „который за

большія деньги доставлялъ „Веду“ Верковичу“ (Gesch. der Bulgaren, стр. 568).

Не менѣе рѣшительно высказался о сборникѣ Верковича извѣстный знатокъ славянской старины и народной поэзи, Ягичъ.

Но „деньги“ не были вѣроятно особенно велики, если прежде гуртомъ Верковичъ платилъ Экономову 250 франковъ въ годъ за собраніе пѣсенъ; и безъ сомнѣнія, въ поддѣлкѣ, если она была, должны были участвовать не одни денежные побужденія. Поддѣлка старыхъ памятниковъ и народныхъ пѣсенъ есть довольно нерѣдкое, такъ-сказать патологическое явленіе, сопровождающее первый возникающій интересъ къ народности и ея древнимъ судьбамъ. Когда предметъ интереса еще слишкомъ неясенъ, когда научная разработка еще только начинается и не даетъ никакого точнаго понятія объ искомомъ предметѣ, находятся люди, которые или въ наивномъ самообольщеніи и съ неправильно понятымъ патриотизмомъ, или иногда съ намѣреннымъ желаніемъ мистифицировать, и во всякомъ случаѣ съ незнаніемъ научныхъ требованій, или неуваженіемъ къ нимъ, производятъ поддѣлку болѣе или менѣе удачную или грубую, смотря по ихъ свѣдѣніямъ. Новѣйшее національное возрожденіе произвело такое явленіе почти во всѣхъ славянскихъ литературахъ, и иногда поддѣлки обманывали, долго ли—коротко ли, даже лучшихъ знатоконъ; но иногда не удавались и съ самаго начала. У насъ, напримѣръ, поводъ къ поддѣлкамъ давало „Слово о полку Игоревѣ“; нѣкто Сулакадзе въ изготвилъ мнимый вновь открытый списокъ этого памятника, написавши его на пергаментѣ,—но никого, впрочемъ, не обманулъ; однажды пущены были въ ходъ и мнимые „гимны“ древняго пѣвца Бояна. У чеховъ, въ эпоху открытія „Любушина суда“ и „Краледворской рукописи“ произведенъ былъ цѣлый рядъ поддѣлокъ, который долженъ былъ пополнить скудный отдѣлъ древнихъ поэтическихъ памятниковъ. Таковы были „Пѣсня о Вышеградѣ“, „Любовная пѣсня короля Вацлава“ и т. п. Это обиліе поддѣлокъ, какъ извѣстно, заставило многихъ усомниться и въ названныхъ выше двухъ памятникахъ, которыми чехи гордятся какъ блестящими созданіями своей старины. Въ народной поэзи недавно раскрыты были поддѣлки малорусскихъ думъ, поддѣлки, являвшіяся въ изданіяхъ такихъ компетентныхъ знатоконъ, какъ гг. Срезневскій, Кулишъ, Максимовичъ. Въ сербской литературѣ, не далѣе какъ въ 1870 г., явился сборникъ Милоевича, осужденный критикою по недостоверности или явной поддѣлкѣ его пѣсеннаго содержанія. Собраніе болгарскихъ народныхъ произведеній началось еще слишкомъ недавно, но извѣстно, что въ „Славянской Народописи“ Шафарика въ образчикъ болгарскаго нарѣчія была уже приведена старинная пѣсня, которая оказалась грубой поддѣл-

кой. Съ тѣхъ поръ, какъ свойства народной поэзіи и языка были больше изучены, критика стала относиться гораздо строже къ новымъ собраніямъ и новымъ фактамъ, и требовательность (по пословицѣ, что обжегшись на молокѣ, станешь дуть и на воду) доходила до того, что, напр., сборникъ Рыбникова въ первый разъ принятъ былъ иними съ большимъ недоувѣріемъ, которое даже не оправдывалось обстоятельствами, и это недоувѣріе окончательно устранено было только замѣчательнымъ собирательскимъ подвигомъ Гильфердинга.

Указанные факты несомнѣнныхъ поддѣлокъ внушаютъ ученымъ этнографамъ справедливую подозрительность къ такимъ собраніямъ, подлинность которыхъ недостаточно защищается ни научнымъ авторитетомъ собирателя, ни самымъ содержаніемъ. Объ ученомъ авторитетѣ г. Верковича можно судить по приведеннымъ выше образцамъ его историческихъ и этнографическихъ мнѣній; содержаніе его сборника бросается въ глаза своимъ небывалымъ характеромъ. Если самъ Верковичъ носился годы съ мыслью отыскать мнѣологическія иѣсны и мнѣшнихъ болгаръ о древнихъ греческихъ герояхъ, считае-
мыхъ болгарскими; если онъ полагалъ въ этомъ вопросѣ достоинства болгарской національности, — то не мудро, что могъ найтись человекъ съ тѣмъ же настроеніемъ, который и рѣшился дать болгарамъ эти національные памятники.

Мы не думаемъ, впрочемъ, какъ Константъ. Иречевъ, чтобы Родо-
скій край былъ особенно изученъ; напротивъ, вся Болгарія вообще изучена крайне мало, и новыя изслѣдованія необходимы. Мы не сомнѣваемся, что Болгарія доставитъ еще много важныхъ этнографическихъ открытій, и, быть можетъ, найдутся нѣкоторыя разъясненія и для „Славянской Веды“, которая могла что-нибудь взять и изъ действительно-существующихъ сказочныхъ сюжетовъ.

Настроеніе мыслей г. Верковича свидѣтельствуетъ о полномъ отсутствіи научнаго пониманія и о наивности патриотизма, мечтающаго поддерживать національную идею историческими бреднями. Въ этомъ настроеніи сказывается печальное положеніе самой народности: беспомощность въ дѣйствительныхъ интересахъ настоящаго именно и заставляла искать утѣшенія въ этомъ фантастическомъ возвлеченіи отдаленнаго прошлаго.

А. Пыпинъ.

ПУТЕШЕСТВІЯ ПО ВОЛГѢ.

— *Le Volga. Notes sur la Russie, par A. Legrelle, docteur ès lettres. Paris, Hachette, 1877.*

— По Волгѣ. Очерки и впечатлѣнія лѣтней поѣздки. В. И. Немпровича-Данченко. Изданіе книгопродавца Тузова. Спб., 1877.

Наши публицисты любятъ похвастаться „неизвѣданными богатствами“ нашего отечества, хотя имъ давно уже указывали, что эти богатства могутъ считаться богатствами только тогда, когда именно будутъ „извѣданы“ и обращены на пользу. Въ такомъ же родѣ ведется разговоръ о красотахъ природы, которыя находятся въ различныхъ странахъ, принадлежащихъ русской имперіи; ссылаясь на эти красоты (также „неизвѣданныя“?), иногда упрекаютъ русскихъ, которые ѣдутъ исвать красоту природы въ Италію или Швейцарію. Дѣйствительно, въ предѣлахъ нашего отечества находится изумительное разнообразіе и обиліе красотъ природы, отъ дикаго суроваго величія полярныхъ странъ, до Крыма и Кавказа, которые соперничаютъ съ Швейцаріей; отъ своеобразной красоты русской равнинной природы до сибирскихъ горъ, Амура и Уссурийскаго края. Тѣ, кто ищетъ эффектныхъ и величественныхъ явленій природы, или просто цѣлебнаго климата, врачевныхъ минеральныхъ источниковъ, горнаго воздуха, можетъ найти все это на Кавказѣ, владѣющемъ, какъ говорить, иногда единственными по своей силѣ водами. Но — все это имѣетъ свою оборотную медаль, свои неудобства, столь крупныя, что огромное большинство все-таки бѣжитъ за-границу, а нерѣдко и заражается незлечимымъ „абсентизмомъ“. Не будемъ говорить даже о томъ, что „заграничныя“ воды, красоты природы и т. д., находятся въ Германіи, Швейцаріи, Франціи, Италиі, странахъ, которыя, и кромѣ красотъ, представляютъ для русскаго путешественника величайшій интересъ, какового не въ состояніи возбудить Ялтскій уѣздъ или Терская область, — интересъ образованности и гражданской жизни, дѣлающихъ впечатлѣніе даже на грубыхъ людей, что бы ни говорили новѣйшіе противники Европы. Итакъ, не говоря объ этомъ, путешественникъ встрѣтитъ въ нашей Швейцаріи и Италиі другой недостатокъ — отсутствіе первыхъ удобствъ жизни, или же страшную дороговизну на нихъ. Въ настоящую Швейцарію, на германскіи „воды“ — могутъ ѣхать даже люди съ очень скромными средствами, и существовать тамъ по-человѣчески, лечиться въ сносныхъ условіяхъ. У насъ — увы! они должны отказаться отъ привычки, не скажемъ къ комфорту, а просто къ опрятности, къ чистому воздуху, къ сно-

ной нищѣ. Каждое лѣто въ нашихъ газетахъ мы читаемъ жалобы любителей природы, или людей, ищущихъ отдыха и здоровья, и заѣзжающихъ въ Пятигорскъ, Ялту, какіе-нибудь Друсскеники, — и которымъ приходится очень плохо. Эти жалобы бывали иногда настоящими воплями негодованія людей, которые, вмѣсто отдыха, должны были вести настоящую „борьбу за существованіе“: они или должны были отказываться отъ этого существованія, или платить страшныя цѣны—просто, напримѣръ, за одну обратность.

Разница съ „настоящей“ Швейцаріей — очень прискорбная для насъ. Причина ея—простая. Тамъ, нашъ путешественникъ попадаетъ въ среду, хотя иногда и не особенно богатую, но выработавшую себѣ извѣстныя привычки цивилизованнаго быта, т.-е. въ среднемъ уровнѣ имѣющую больше благосостоянія и образованности. У насъ, путешественникъ съ подобными привычками является въ среду, со всѣмъ не внающую такихъ привычекъ, въ среду и небогатую, и неразвитую, и подвергается грубой эксплуатаціи, за которую не получаетъ даже элементарныхъ удобствъ существованія. Цѣлое путешествіе въ европейскихъ странахъ въ высшей степени разнообразно,—по характеру природы, національнымъ типамъ людей и жизни, богатству культуры, историческимъ воспоминаніямъ. Наши страны, богатныя красотами природы, или далеки, или неудобно-обитаемы, и почти всегда „неизвѣданы“—мы имѣемъ о нихъ самое неясное понятіе.

Но, указывая неудобства нашихъ домашнихъ путешествій, мы не думаемъ ни мало охлаждать охоты къ нимъ; напротивъ, мы очень желали бы, чтобъ они распространялись и умножались: надо только желать при этомъ, чтобы явилась возможность путешествія,—а пока нельзя устранить изъ головы той мысли, что, путешествуя у насъ, рискуешь выносить упомянутую „борьбу за существованіе“, въ самыхъ разнообразныхъ видахъ,—до того, что сами обыватели (какъ бывали примѣры) представляли въ земскую полицію „неизвѣстныхъ“ людей, которые хотѣли—было изучать народныя обычаи или флору и фауну (одинъ изъ такихъ „неизвѣстныхъ“ людей былъ довольно извѣстный натуралистъ; другой—очень извѣстный петербургскій фотографъ, который вздумалъ собирать этнографическіе типы, и т. д.). Нечего говорить о томъ, сколько поучительнаго и интереснаго можетъ представлять путешествіе по Россіи для всякаго мыслящаго человѣка, какимъ прекраснымъ средствомъ могло бы оно служить для воспитанія юношества, для ознакомленія его съ отечествомъ, его богатствами и нуждами, съ характеромъ и жизнью своего народа,—какую серьезную любовь къ нему могло бы оно внушать молодымъ умамъ и сердцамъ. Нѣмецкій и французскій студентъ страдаетъ кѣшвомъ въ свои вакаціонныя мѣсяцы, безъ всякаго стѣс-

ненія обличается съ своимъ народомъ, и — знаетъ его; у насъ, знаніе народа (не одно грубо-практическое, у промышленниковъ или чиновниковъ) есть большая рѣдкость; человекъ, мало-мальски по-видавшій народную жизнь, есть уже авторитетъ; знаніе, хотя неполное, иногда и плоховатое, превратное, цѣнится — по трудности его приобрѣтенія. Къ сожалѣнію, много печальныхъ предубѣждений дѣлаетъ эту трудность очень большой и до настоящаго времени. Въ то же время съ равныхъ сторонъ, особенно съ славянофильской, наше общество вникать въ отдѣленія отъ народа...

При этомъ положеніи вещей, нѣтъ ничего страннаго, что литература путешествій по Россіи у насъ очень бѣдна. Если исключить официальные работы по статистическому описанію разныхъ мѣстностей и разные малкіе опыты „литераторовъ-обывателей“, число настоящихъ путешествій, обнимающихъ нѣсколько обширную область и стоящихъ этого названія, окажется крайне невелико. Кромѣ приведенныхъ причинъ, вообще не поощрявшихъ къ „путешествію“, были и простыя внѣшнія причины, мѣшавшія развитію этой литературы. Громадныя пространства Россіи полагали особенное затрудненіе путешествію; это одно требовало много времени и много денежныхъ затратъ. Несвобода печатнаго слова, непривычка самого общества къ публичности, должны были обезвуживать наблюдателя, ослаблять выраженіе его впечатлѣній и нанолять его умолчаніями. Не мудрено, что осѣдлое большинство общества знаетъ чрезвычайно мало не только объ „окраинахъ“, но и о самыхъ русскихъ мѣстностяхъ государства, плохо отличаетъ Кострому отъ Кіева или Вильну отъ Воронежа, зная только ихъ географическое положеніе. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что при иномъ общемъ положеніи дѣла явились бы и вполне компетентныя силы для подобныхъ работъ: имена Федченки и Пржевальскаго въ ихъ спеціальной области приобрѣли европейскую славу; этнографическія путешествія Гиллфердинга, г. Ровинскаго, разныхъ дѣятелей географическаго общества, и т. д. ручаются, что у насъ для подобной работы не было бы недостатка въ людяхъ, богатыхъ знаніями и ревностныхъ къ дѣлу.

Сколько любопытнаго и важнаго предстоитъ еще изучить и рассказать литературѣ о нашемъ отечествѣ, когда литература приобрѣтетъ, наконецъ, извѣстную самостоятельность и будетъ дѣйствительною потребностью и органомъ общественности, а не случайнымъ аксессуаромъ, интереснымъ, понятнымъ и любимымъ только „для немногихъ“! Но пока это будетъ, обратимся къ тому, что есть.

Мы выписали въ заглавіи статьи названіе французской книги, которую мы прочитали не безъ удовольствія. Французы не на шутку привалялись изучать Россію. Въ послѣднія пять-шесть лѣтъ мы имѣли

случай указать нѣсколько французскихъ книгъ и статей о Россіи, написанныхъ не только съ знаніемъ дѣла (до тѣхъ поръ вещь невиданная у французевъ), но и съ положительными сочувствіями къ Россіи (вещь также мало виданная). Къ числу ихъ надо прибавить и книгу Легрелля. Авторъ довольно извѣстенъ во французской литературѣ, между прочимъ большой книгой: „La Prusse et la France devant l'histoire“, которая была замѣчена среди огромной литературы, вызванной франко-прусской войною, и выдержала до четырехъ изданій. Это писатель умный, но нѣкоторые взгляды его были странны въ смелѣй французскаго *ordre moral*; отчасти они странны и въ настоящей книгѣ. Тѣмъ не менѣе „Le Volga“ Легрелля — умно написанная книга, которую можетъ съ любопытствомъ прочесть французъ, и не безъ пользы даже и русскій читатель. Кажется, въ первый разъ съ сотворенія міра, или съ сотворенія Волги, французскому писателю пришла мысль, что эта замѣчательная рѣка заслуживаетъ своего особеннаго описанія, которое познакомило бы съ ней большую публику, рассказало объ ея достопримѣчательностяхъ, захотело къ ея посѣщенію. Къ стыду нашему, эта идея въ первый разъ пришла французу, и Легрелль исполнилъ свою задачу очень хорошо (хотя, правда, мы все еще должны сказать это съ нѣкоторой оговоркой, какую вообще приходится дѣлать о рассказахъ и описаніяхъ иностранцевъ).

Книга Легрелля не есть, впрочемъ, полный трактатъ о Волгѣ; авторъ видѣлъ ее отъ Твери до Ярославля, отсюда проѣхалъ въ Москву и Нижній, и отъ Нижняго по Волгѣ до Астрахани; это не есть и подробное описаніе ея теченія, которое, правда, было бы утончательно и не нужно для общей книги. Но авторъ сумѣлъ однако поставить предметъ въ широкую рамку, какая ему подобасть, и ищетъ книгу, которая въ иностранной литературѣ представитъ много новаго и любопытнаго. Авторъ начинаетъ съ общаго очерка, тѣ сумѣлъ живо очертить особенности географическаго положенія Волги, строеніе равнины, занятой ея бассейномъ; значеніе Волги, какъ громаднаго торговаго пути, пролегающаго въ центрѣ натовщей Россіи и соединяющаго сѣверъ съ югомъ и Европу съ Азіей; наконецъ, національное значеніе Волги, — потому что, по справедливому его замѣчанію, никакая другая изъ огромныхъ рѣкъ Европейской Россіи не можетъ назваться центральной и національной русской рѣкой съ такимъ правомъ, какъ Волга; на ней, въ ея бассейнѣ, въ первый разъ сложилась русская национальность и русское государство, — хотя и до сихъ поръ на берегахъ ея дѣлы разнообразны финно-татарскія и азіатскія племена. Авторъ даетъ, по книгамъ, знаніе о верховьяхъ Волги, затѣмъ описываетъ ее по собственному

наблюденію до Ярославля; затѣмъ, послѣ эпизода о Москвѣ, описываетъ ее съ Нижняго до Астрахани и проводитъ передъ нами рядъ своихъ разсказовъ, наблюденій, разговоровъ, описаній. Чтобы не быть въ Россіи, какъ въ лѣсу, и не довольствоваться только (какъ всегда почти бывало съ его соотечественниками) людьми, знающими по-французски, Легрелль постарался вникнуться по-русски, и, конечно, расширилъ очень горизонтъ своихъ наблюденій и впечатлѣній: Легрелль могъ читать книги и газеты, разговаривать съ купечествомъ, мѣщанствомъ, понимать крестьянина. Авторъ пугаетъ сначала трудностями русскаго языка, съ тридцатью-шестью буквами его азбуки, изъ которыхъ, по счету автора, составляется до *двухъ-сотъ* особыхъ знаковъ (т.-е. заглавныхъ и строчныхъ, прямыхъ и курсивныхъ, печатныхъ и письменныхъ), даже не принимая въ расчетъ церковной печати;—но, такимъ образомъ, во всякомъ европейскомъ языкѣ, и французскомъ въ томъ числѣ, буквы придется считать не десятками, а также сотнями. Онъ пугаетъ и неправильностями произношенія, которое въ русскомъ языкѣ опять, конечно, несравненно меньше отстаетъ отъ написанія, чѣмъ въ французскомъ. Но „*cette difficulté vaincue*“, Легрелль находитъ, что русскій языкъ ничѣмъ не труднѣе другого, напримѣръ, нѣмецкаго; и, наконецъ, восхищается его богатствомъ, замѣчательной точностью и тонкостью, позволяющими выражать идею со всѣми малѣйшими отбѣнками. Въ параллель къ этому, укажемъ отзывъ другого француза, знавшаго по-русски, Ипполита Ожэ, записки котораго напечатаны недавно въ одномъ изъ нашихъ историческихъ изданій: „побѣдивши трудность“, Ожэ находитъ, что русскій языкъ (узнанный имъ въ первой четверти столѣтія) имѣлъ всѣ данныя сдѣлаться всемірнымъ языкомъ, какъ самъ французскій языкъ.

Въ описаніи „своего героя“, какъ авторъ называетъ Волгу, онъ поступаетъ очень обстоятельно: перечиталъ, какія могъ найти, русскія книги о Волгѣ, пересмотрѣлъ путешествія, вспомнилъ даже о голландцѣ Стрѣйсѣ, описывавшемъ Волгу въ XVII столѣтіи,—для иностраннаго путешественника хорошо уже то, что онъ знакомъ съ нашими книгами. Вооружившись свѣдѣніями, Легрелль умѣлъ нарисовать физическую картину Волги, очертить историческія воспоминанія волжскаго края; по собственнымъ впечатлѣніямъ, онъ рисуетъ разнохарактерный ландшафтъ волжскаго теченія и пеструю жизнь, которая кипитъ на немъ въ лѣтнюю пору. Легрелль видимо привязался къ „своему герою“; онъ съ любовью отмѣчаетъ его характеристическія черты, умѣетъ оцѣнить его отношеніе къ народному быту. Какъ обыкновенно бываетъ съ „путевыми впечатлѣніями“, здѣсь есть доля балагурства, но вообще изложеніе очень оживлен-

ное, иногда очень остроумное; и въ русскихъ книгахъ (исключивъ немногіе поэтическіе эпизоды, какъ, напримѣръ, въ стихотвореніяхъ Некрасова) мы не припомнимъ такого искренно-сочувственнаго отношенія къ своеобразнымъ красотамъ и поэзіи Волги.

„Герой“ Легрелля наводитъ его и на общія мысли о Россіи, о взглядахъ французовъ на русскій народъ и государство. Онъ сознается, что французы знали и знаютъ ихъ очень мало и очень неправильно, и старается найти причину предрасудка, представлявшаго Россію въ очень неблагоприятномъ свѣтѣ. Легрелль не указалъ хорошо этихъ причинъ, но въ особенности останавливается на двухъ: во Франціи сочувствовали Польшѣ и возлагали на одну Россію вину ея паденія,—теперь только начинаютъ понимать, что не одна Россія участвовала въ этомъ фактѣ, что она, въ сущности, гораздо меньше враждебна Польшѣ, чѣмъ, напримѣръ, Пруссія; во-вторыхъ, источникомъ заблужденій была „une basse monomanie de dénigrement par infatuation national“, съ которой говорили о Россіи нѣмцы, а нѣмцы были главными посредниками, черезъ которыхъ въ Европу шли свѣдѣнія о Россіи. Нѣмецъ Легрелль вообще сильно недолюбливаетъ; онъ не пропускаетъ случая колнуть ихъ, подтрунить надъ ними, и не забываетъ упомянуть, что очень надоедливаго, плодущаго и прожорливаго таракана русскіе называютъ „пруссаконъ“.

Легрелль, какъ и другіе новые писатели у французовъ, относится къ Россіи съ большими сочувствіями, которыя должны быть намъ пріятны; но есть тутъ и нѣчто непріятное—именно, что сужденія его о внутреннихъ нашихъ отношеніяхъ иногда черезъ-чуръ неосновательны. Иной разъ можетъ показаться, что его похвалы говорятся, если не отъ простого (очень крайняго, однако) непониманія, то лишь *rag dépit*, напримѣръ, на-зло нѣмцамъ, или тѣмъ партіямъ, которымъ авторъ не сочувствуетъ у себя дома. Этимъ послѣднимъ, быть можетъ, объясняется стр. 348, гдѣ говоритъ какъ-будто приверженецъ нинѣшняго Макъ-Магона и Бромъи. Чистое незнаніе обнаруживается въ замѣчаніяхъ автора „объ избыткѣ знанія, преждевременно (!) наливающемся на Россію“ (стр. 207); разсужденія о положеніи русской печати (стр. 253) опять наивны уже слишкомъ.

Ошибки болѣе или менѣе грубыя въ сужденіяхъ о внутренней русской жизни, вѣроятно, еще долго будутъ свойствомъ иностранной литературы о Россіи, — но у Легрелля эти разсужденія занимаютъ къ счастью очень небольшое мѣсто, и книга оставляетъ пріятное впечатлѣніе своимъ искреннимъ тономъ, добродушнымъ юморомъ, нрѣдко остроумной наблюдательностью.

Эти качества заставляютъ тѣмъ больше себя цѣнить, когда отъ

французской книги мы перейдемъ къ русской. Выше мы высказывали сожалѣнiе о недостаткѣ у насъ описательныхъ книгъ о Россiи; но мы еще больше пожалѣемъ, если недостатокъ будетъ пополняться такими книгами, какъ новое произведенiе г. Немировича-Данченка. Чтенiе этой книги невольнo напомнило намъ замѣчанiя г. Петерсона о современной техникѣ¹⁾: это—литературная техника, которая даетъ вамъ красивую внѣшность и очень неважную сущность. Г. Немировичъ-Данченко произвелъ нѣкоторое впечатлѣнiе своими первыми рассказами: нѣкоторыя увлеченiя, черезъ-чуръ ярки краски, которыя положилъ онъ на „Соловки“, нѣкоторые другiе недостатки можно было приписать „дности таланта“ и ожидать, что они пройдутъ у автора съ ббльшей зрѣлостью. Но ожиданiя не оправдались. Автору сдѣланы были замѣчанiя объ этихъ недостаткахъ, но, какъ видно было изъ его дальнѣйшихъ произведенiй, онъ не обратилъ на нихъ никакого вниманiя, и мало того, недостатки стали усиливаться съ каждымъ новымъ „трудомъ“. У г. Немировича есть извѣстное фельетонное умѣнье писать, извѣстная наблюдательность,—но, не говоря о томъ, что онъ ни мало не старается понять вещи нѣсколько серьезно, онъ перестаетъ, наконецъ, пользоваться и наблюдательностью. На многихъ читателей авторъ успѣлъ уже произвести то впечатлѣнiе, что онъ не видѣлъ сценъ, не слышалъ разговоровъ, какіе приводитъ въ своихъ рассказахъ, а просто комбинируетъ ихъ, сидя за письменнымъ столомъ, по какимъ-нибудь ключамъ наблюденiй, или вовсе безъ нихъ. Мы не вѣдали бы спорить съ этими читателями, и новая книга также ихъ не опровергаетъ.

Прискорбно сказать, но сличенiе французской и русской книги по *русскому* сюжету выходитъ не въ пользу послѣдней. Русскiй авторъ имѣлъ, конечно, безъ сравненiя, больше способовъ узнать хорошо предметъ, и однако во французской книгѣ больше содержанiя. Легрель, безъ сомнѣнiя, больше прочелъ о Волгѣ, нежели г. Немировичъ, видѣлъ пожалуй меньше, но понялъ больше. Какъ русскiй, г. Немировичъ могъ больше узнать изъ разспросовъ о мѣстныхъ преданьяхъ и повѣрьяхъ, о мѣстныхъ промыслахъ, напр., рыболовствѣ; но и эта сторона книги не удовлетворитъ сколько-нибудь серьезнаго требованiя. Народныя преданья цѣнны лишь тогда, когда они подлинны, и мало не приращены и переданы въ народной формѣ; г. Немировичъ сообщаетъ ихъ „своими словами“ и съ поэтическими развитiями во вкусѣ г. Безсонова,—гдѣ подлинное видѣлеть невозможно. Рассказы о промыслахъ и вообще мѣстной жизни могли бы быть очень занимательны, еслибъ имъ не вредила несчастная манера, при-

¹⁾ См. статью „Техника и техники“, въ прошлой книгѣ „Вѣстника Европы“.

нятая г. Немировичемъ,—непремѣнно выводить какихъ-то маріонетокъ и заставлять ихъ разговаривать. Разговоры наполняютъ цѣлыя страницы, и читатель принужденъ вылавливать въ кучѣ ломаныхъ словъ и мнимо-народныхъ прибаутокъ содержаніе, которое удобно уместилось бы въ нѣсколькихъ строкахъ.

Эти „разговоры“ надобѣдаютъ до послѣдней степени. Г-нъ Немировичъ перенялъ эту манеру у беллетристовъ, писавшихъ „этнографическіе очерки“, и думаетъ, вѣроятно, что (кромѣ наполненія страницъ) эти разговоры дадутъ его разсказу живость и осязательность. Но смѣемъ увѣрить его, что онъ ошибается. Читатель съ первыхъ страницъ догадывается, что разговоры вовсе не нужны, что они крайне однообразны и придуманы, что ихъ „народный складъ“ состоитъ въ повтореніи немногихъ (ихъ можно было бы всѣ сосчитать) искверканныхъ выраженій. Г-нъ Немировичъ воображаетъ, что если онъ заставитъ своихъ дѣйствующихъ лицъ говорить: „страсъ“, „пущать“, „въ ѣмъ“, „глупостевъ“ и т. п., то этого уже достаточно, чтобы сдѣлать языкъ „народнымъ“. Нѣтъ, это—слишкомъ дешевое средство изображать народную жизнь, и авторъ жестоко заблуждается, если думаетъ, что *этимъ* достигаетъ цѣли: правда, въ дѣйствительности встрѣчаются подобныя выраженія, но ими должно пользоваться въ мѣру; иначе, передъ нами является не народный, а какой-то ломаный, трактирный, полу-идіотскій языкъ, возбуждающій, наконецъ, отвращеніе. Напомнимъ автору, что великіе мастера литературнаго искусства, какъ Пушкинъ и Гоголь, никогда не употребляли подобнаго коверканнаго языка, и однако изумительно передавали народныя черты тина и разговора; языкъ, которымъ г. Немировичъ угощаетъ своихъ читателей, съ первой страницы до послѣдней, напомнитъ имъ не народъ, а трактирныхъ полевыхъ изъ плохого трактира. Другое замѣчаніе. Г-нъ Немировичъ, въ свою еще недолгую литературную дѣятельность, успѣлъ описать множество странъ, „отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды“, и мы замѣтили (самъ онъ, очевидно, не замѣтилъ), что *его* народъ вездѣ говоритъ *однимъ и тѣмъ же* уродованнымъ языкомъ—на дѣлѣ этого однообразія нѣтъ, и читатель перестаетъ вѣрить этимъ разговорамъ и считаетъ ихъ трафаретнымъ малеваньемъ.

Въ одномъ мѣстѣ своей книги г. Немировичъ справедливо нападаетъ на одного „невѣжественнаго книгопродавца (нѣкоего Земслага, въ Москвѣ), который спекулируетъ глупостью и дикостью провинціальныхъ читателей“ и предлагаетъ имъ или „Море крови и океанъ страстей“, или „Гостиницу семи повѣщенныхъ“, или „Омутъ сорока утопленниковъ“ и т. п. Справедливо также авторъ смотритъ на дѣятельность спекулянта-книжника, какъ на „дѣятельность англій-

скихъ торговцевъ опиумомъ, развращающихъ миллионы китайцевъ, или какъ на дѣятельность родныхъ россійскихъ цѣловальниковъ, безцеремонно примѣшивающихъ одуряющія вещества и въ безъ того отвратительную свзуху“. Совершенно справедливо.

Въ книгѣ г. Немировича бросается въ глаза одна особенность. Она разбита на отдѣлы и главки, и заглавія даются имъ обыкновенно такіа странная, бьющая на оригинальность, что авторъ, очевидно, дѣлалъ это намѣренно. Напримѣръ: „Листки изъ прошлаго; караулъ, грабятъ—Муравьевская дылда и виды съ гребенка—Какскій медвѣдь въ роли трагическаго злодѣя—Какъ калика переходила двѣнадцать богатыршъ побѣдила и что она потомъ съ ними сдѣлала—Плачущій крокодилъ и мужественный поросенокъ—Персидскій шахъ въ роли разбойника—Полиція изъ лекоковской оперетки и оффенбаховскіе революціонеры—Нептунъ у купца Орѣхова—Микула Селяниновичъ на Каспій“ и т. д. Все это, конечно, должно разжечь любопытство читателя; но не слишкомъ ли это похоже на „Океанъ страстей“ или „Сорокъ утопленниковъ?“

Если не ошибаемся, книга г. Немировича составлена изъ фельтоновъ, печатавшихся въ какой-то газетѣ. На нашъ взглядъ, они и въ газетѣ не были особеннымъ приобритеніемъ для литературы; но авторъ собралъ ихъ въ книгу, рассчитывая и впредь поучать публику о Волгѣ. Напомнимъ ему, что книга вызываетъ болѣе строгія требованія, чѣмъ фельетонъ, бросаемый по прочтеніи или даже безъ прочтенія. Чтобы дать книгу о Волгѣ, автору слѣдовало бы приобрѣсти нѣсколько свѣдѣній,—хоть столько, сколько приобрѣлъ ихъ французъ, сдѣлавшій тотъ же путь и написавшій о немъ книгу. Свѣдѣній оказывается очень немного, и взамѣнъ того, книга наполняется безсодержательной болтовней, остроумничаньемъ весьма сомнительнаго достоинства, множествомъ пустыхъ разговоровъ въ минимонародномъ стилѣ. Считаемо нужнымъ сказать автору, что на этомъ пути не трудно довести свои произведенія до той цѣны, какую нѣютъ изданія г. Земскаго.

Къ такому „описанію“ Волги авторъ счелъ нужнымъ (не совсѣмъ кстати) присоединить особую главу подѣ названіемъ „Славянское дѣло и русская глушь“. Ужъ лучше бы авторъ не касался подобныхъ предметовъ; они—серьезны.

Д.

ОБОЗРѢНІЕ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.

Съ 20-го мая по 20-ое іюня.

Первый нашъ обзоръ обнималъ военныя дѣйствія съ начала войны, 12-го апрѣля—по двадцатые числа мая; теперь мы бросимъ взглядъ на дѣйствія въ истекшій мѣсяцъ, съ двадцатыхъ чиселъ мая по двадцатые числа іюня. Въ то время главные успѣхи были приобрѣтены въ Малой-Азій, на Дунаѣ же происходило только сосредоточеніе войскъ. Теперь главный успѣхъ приобрѣтенъ на Дунаѣ—совершена переправа на правый берегъ значительныхъ силъ, такъ что мы стали уже твердою ногой въ Добруджѣ; въ Малой-Азій же главный интересъ сосредоточенъ на началѣ осады Карса и на значительномъ передвиженіи впередъ южнѣйшаго изъ нашихъ отрядовъ—генерала Тергукасова, по пути изъ Баязета къ Эрзеруму.

Въ половинѣ мая, какъ мы видѣли, главные силы русскихъ войскъ, дѣйствующихъ въ Малой-Азій, были собраны въ Займѣ, подъ Карсомъ, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова. Оставивъ въ Займѣ отрядъ генерала Девеля, г.-а. Лорисъ-Меликовъ пошелъ на южную сторону Карса къ Хаджи-Халилю, выславъ впередъ, къ Ардосту, кавалерійскую дивизію кн. Чавчавадзе, которая и одержала 18 мая блестящую побѣду надъ горскою конницею непріятеля, при Бегли-Ахметѣ. За кавалерією и другія войска г.-а. Лорисъ-Меликова вступили сперва въ Ардостъ, затѣмъ стали къ Бозгалѣ и Аравартану, на западной сторонѣ Карса. Между тѣмъ генералъ Девель приблизился изъ Займа къ Карсу и сталъ, 21-го мая, въ Мапрѣ, на восточной сторонѣ Карса. Его Высочество, главнокомандующій кавказскою армією, великій князь Михаилъ Николаевичъ, 24-го мая отправился къ войскамъ, дѣйствующимъ въ Малой-Азій. Обложеніе Карса было дополнено нѣсколькими рекогносцировками и отраженіемъ сильной вылазки изъ крѣпости. На сѣверо-востокѣ ея, какъ уже сказано, находится лагерь генерала Девеля въ Мапрѣ, куда и прибылъ главнокомандующій. На западѣ, между Бозгалой и Аравартаномъ, стояли войска генерала Геймана; а въ Когалахъ, позади Бозгалы, расположена была кавалерія князя Чавчавадзе. Приступлено было къ первымъ осаднымъ работамъ. Турки предприняли помѣшать имъ и сдѣлали, 2-го іюня, вылазку изъ крѣпости, въ составѣ 9-ти батальоновъ и 2-хъ батарей; они заняли высоты у Чивтлика, прямо противъ Ара-

вартана. Генералъ Гейманъ далъ имъ отпоръ стрѣльбамъ, а между тѣмъ двинулъ въ тылъ неприятелю изъ Кюгалъ кавалерію кн. Чававадзе, которому содѣйствовали 2 батальона и 1 батарея. Выбитые съ позиціи пѣхотою, турки обратились въ бѣгство, когда ихъ взял во флангъ сѣверскій драгунскій полкъ съ конной батареей.

Затѣмъ началось уже бомбардированіе сѣверныхъ фортовъ Карса, 5-го іюня, изъ 25-ти орудій осадныхъ батарей. Съ тѣхъ поръ число осадныхъ батарей постоянно возростало, и къ двадцатымъ числамъ крѣпость обстрѣливалась уже изъ 60—70 орудій. Наши ежедневныя потери отъ отвѣтнаго огня турецкихъ фортовъ составляютъ въ среднемъ размѣрѣ 2-хъ раненыхъ въ день: съ 30-го мая по 10-е іюня убито 5 человекъ, ранено 21. Небольшая вылазка была произведена турками еще 10-го іюня, съ цѣлью фуражировки: 2 батальона и 2 эскадрона съ батареею вышли изъ крѣпости, но были загнаны назадъ нашими кавалеріей. Между тѣмъ изъ лагеря подъ Карсомъ двинута была часть войскъ, подъ начальствомъ г.-а. Лорисъ-Меликова, по дорогѣ отъ Карса къ Эрзеруму. Въ составъ этихъ войскъ вошла колонна генерала Геймана. Какъ видно, движеніе это было признано необходимымъ для поддержанія генерала Тергукасова, такъ какъ 2-го іюня генералъ Гейманъ еще отражалъ вылазку противъ Аравартана, а 13-го іюня онъ уже принималъ участіе въ большомъ дѣлѣ г.-а. Лорисъ-Меликова противъ Измаила-паши подъ Зивинкомъ, о чемъ мы упомянемъ ниже. Это отвлеченіе части войскъ отъ осады Карса потребовалось именно для оказанія поддержки южному (эриванскому) отряду генерала Тергукасова, который выдвинулся далеко въ глубь неприятельской территоріи и подошелъ уже весьма близко къ Эрзеруму, имѣя предъ собою далеко превосходящія его числомъ, главныя силы неприятеля, сосредоточенныя у Кенри-Кіюя, всего въ двухъ переходахъ отъ Эрзерума.

Мы обратимся теперь къ дѣйствіямъ этого отряда, который сдѣлался нашимъ передовымъ отрядомъ въ Малой-Азій, а затѣмъ и къ дѣйствіямъ другихъ отдѣльныхъ отрядовъ на азіатскомъ театрѣ войны. Въ то время, какъ наши главныя силы окружали Карсъ съ востока и запада, правый флангъ нашей арміи представлялся колонною, посланною изъ Ардагана, чтобы дѣйствовать съ сѣвера на сообщеніи Эрзерума съ Карсомъ; колонна эта заняла 21 мая Пенякъ и Ольту. Лѣвый же флангъ арміи, представляемый отрядомъ генерала Тергукасова, находился, въ двадцатыхъ числахъ мая, въ Суринъ-Оганесѣ, куда онъ вступилъ, подвигаясь изъ Баязета впередъ по дорогѣ оттуда къ Эрзеруму. Видъ района этихъ дѣйствій находились: отрядъ генерала Оклобжіо (ріонскій), дѣйствующій на сѣверѣ противъ Ватума и остановленный препятствіями мѣстности на р. Кинтриши, у турецкой

крѣпости Цихедзиря, и—войска генераловъ Алказова и Кравченко, занятыхъ въ нашихъ предѣлахъ отраженіемъ турецкихъ высадокъ на восточномъ берегу Чернаго моря.

Мухтаръ-паша, о смѣнѣ котораго ошибочно извѣщала въ прошломъ мѣсяцѣ одна телеграмма, стоялъ впереди Эрзерума на дорогѣ къ Карсу, опираясь своимъ лѣвымъ флангомъ на Ольту, а правымъ на Кара-Килису, вблизи Суртъ-Отанеса. Вслѣдствіе указанныхъ выше наступательныхъ движеній нашихъ фланговыхъ отрядовъ, онъ отодвинулся назадъ, къ Эрзеруму, а именно: правый флангъ свой перевелъ въ Зейдекину изъ Кара-Килисы, которую занялъ генералъ Тергукасовъ, а лѣвый флангъ на Гассанъ-Кала, такъ что наша ардагавская колонна (нашъ правый флангъ) заняла Ольту; главныя же свои силы онъ расположилъ у Кепри-Кіюя, какъ уже сказано выше, въ двухъ переходахъ отъ Эрзерума. По мѣрѣ отступленія праваго турецкаго фланга нашъ лѣвый флангъ, подъ начальствомъ генерала Тергукасова, все подавался впередъ: изъ Кара-Килисы онъ вступилъ въ оставленный турками Алашвертъ, а 29 мая занялъ Зейдекину. За Зейдекиною онъ уже долженъ былъ натолкнуться на значительныя силы непріятеля, такъ какъ войска Мухтара болѣе и болѣе сосредоточивались къ Кепри-Кіюю, и правый флангъ ихъ, къ которому все приближался генералъ Тергукасовъ, находясь въ трехъ переходахъ отъ турецкой главной квартиры, легко могъ получать подкрѣпленія, которыя могли дать ему огромное численное превосходство передъ небольшимъ отрядомъ генерала Тергукасова. Смѣлое движеніе этого отряда, состоящаго всего изъ 9 батальоновъ, такъ далеко впередъ, можетъ быть объяснено мнѣніемъ, которое отражалось въ корреспонденціяхъ нашихъ газетъ, что армія Мухтара отступала подъ вліяніемъ паники и находилась въ состояніи полной деморализаціи.

За Зейдекиною, по дорогѣ къ Даару, то-есть продолжая подвигаться къ расположенію главныхъ турецкихъ силъ, генералъ Тергукасовъ встрѣтилъ при Мулла-Сулейманѣ Махмета-пашу, въ отрядѣ котораго находился англійскій военный агентъ, генералъ Кэмпбелль, и 4-го іюня, атаковавъ самъ непріятеля, совершенно разбилъ его; самъ Махметъ-паша былъ убитъ; Кэмпбелль, который, какъ говорятъ, руководилъ дѣйствіями турокъ, едва спасся отъ плѣна и турки потеряли до 1,000 человекъ убитыми и ранеными; нѣсколько сотъ человекъ были взяты въ плѣнъ; наша потеря исчислялась въ 200 человѣкъ, а не въ 200 тысячъ, какъ пишутъ. Но когда генералъ Тергукасовъ выдвинулся еще впередъ на сѣверо-западъ и подошелъ къ Даару, гдѣ онъ находился уже всего въ двухъ переходахъ отъ Кепри-Кіюя,—онъ былъ атакованъ 9-го іюня турецкимъ отрядомъ изъ 20 батальоновъ и 4,500 всадниковъ, съ 12 орудіями. Отрядъ этотъ былъ вдвое сильнѣе ге-

нерала Тергукасова, который однако не уступилъ ему поля битвы. Она продолжалась 10 часовъ, причемъ высоты на лѣвомъ флангѣ нѣсколько разъ переходили изъ рукъ въ руки. Наши войска удержали свою позицію, но понесли чувствительную потерю: убито 3 офицера и 50 солдатъ, ранено 12 офицеровъ и 363 нижнихъ чиновъ.

Между тѣмъ отрядъ, посланный отъ Карса по Эрзерумской дорогѣ, подъ начальствомъ генераль-адъютанта Лорисъ-Меликова, и въ составѣ котораго находится колонна генерала Геймана, 12-го іюня вступилъ въ Менджигертъ. Оттуда всего около 20-ти верстъ до Хорасана, близъ котораго встрѣчаются дороги обонхъ нашихъ отрядовъ: изъ Зейдеяна и Даяра на Хорасанъ, по которой шелъ генераль Тергукасовъ, и отъ Карса на Эрзерумъ, — по которой слѣдовали генераль-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ съ генераломъ Гейманомъ, на помощь генералу Тергукасову. Но для каждаго изъ обонхъ нашихъ отрядовъ, прежде чѣмъ соединиться съ Хорасаномъ, требовалось одолѣть особое препятствіе. Генералу Тергукасову предстояло изъ Даяра пройти на Хорасанъ мимо Делибабы, чрезъ хребетъ Драмъ-Дагъ, и это не могло обойтись безъ новаго сраженія, такъ какъ турки, конечно, воспользовались бы вѣрными позиціями, которыя представляютъ хребетъ. А послѣ сраженія при Мулла-Сулейманѣ, нашему отряду было не легко идти на новую битву при невыгодныхъ условіяхъ мѣстности и въ виду превосходства силъ непріятеля. Генераль Лорисъ-Меликовъ, съ своей стороны, прежде чѣмъ идти на Хорасанъ, долженъ былъ атаковать находившійся съ праваго его фланга, при Зивинѣ, укрѣпленный лагерь непріятеля; иначе непріятель самъ бы взялъ его во флангъ. Дѣйствительно, генераль-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ 13-го іюня атаковалъ турокъ въ укрѣпленномъ лагерѣ подъ Зивиномъ; бой продолжался съ 2-хъ часовъ дня до наступленія темноты. Наши войска вытѣснили непріятеля изъ передовыхъ его позицій, но ночью отошли на свои позиціи, чтобы не подвергнуться огню укрѣпленій. Намъ въ эту минуту еще неизвѣстна численность отряда генераль-адъютанта Лорисъ-Меликова, но турки и противъ него оказались въ превосходныхъ силахъ, какъ и противъ генерала Тергукасова: въ сраженіи подъ Зивиномъ у нихъ было 23 батальона, и большія потери нашего отряда объясняются самой телеграммою несораазмѣрностью силъ. Потери эти состояли въ 30 убитыхъ и раненыхъ офицерахъ и до 850 нижнихъ чиновъ.

Повторяемъ, что такъ какъ Мухтаръ сосредоточилъ свои силы и обращаетъ къ нашимъ отрядамъ узкую боевую линію, въ формѣ угла, въ которомъ оба фланга непосредственно упираются въ вершину, т. е. въ Кенри-Кіюй, гдѣ расположены главныя силы, то оба наши, пока еще раздѣленные хребтомъ, отряда будутъ имѣть дѣло

съ превосходными силами непріятеля. Но они все-таки должны соединиться.

О правомъ флангѣ общаго расположенія нашихъ войскъ, то-есть о колоннѣ, вышедшей изъ Ардагана и занявшей Пенякъ и Ольги, мы не имѣемъ свѣдѣній; по нѣкоторымъ иностраннымъ извѣстіямъ, она вышла изъ Ольги обратно въ Пенякъ; весьма вѣроятно, что впоследствии она была станута къ отряду г.-а. Лорисъ-Меликова на карско-эрзерумскую дорогу. Между тѣмъ, на лѣвомъ нашемъ флангѣ, турки, пользуясь движеніемъ генерала Тергукасова изъ Баязета на сѣверозападъ, двинули свои войска, стоявшія гораздо южнѣе, на восточномъ берегу озера Ванъ—по направленію къ Баязету и обложили этотъ городъ. Первоначально они имѣли при этомъ въ виду, вѣроятно,—отрѣзать генералу Тергукасову возможность отступленія по баязетско-эрзерумской дорогѣ. Въ Баязетѣ, который имѣетъ цитадель, остался нашъ гарнизонъ, который окруженъ непріятельскими войсками, вдесятеро его сильнѣйшими, по официальному сообщенію. Но принимаются всѣ мѣры къ выручкѣ его. Отрядъ генерала Калобалай-Хана отбылъ, 13 іюня, съ урономъ непріятельскія толпы у Карабулаха подъ Баязетомъ, но отошелъ затѣмъ къ Оргову въ ожиданіи подкрѣпленій, которыя слѣдуютъ изъ Эривани, Акстафы и Александрополя.

Такъ какъ турецкія войска, обложившія Баязетъ, состоятъ ббльшей частью изъ иррегулярныхъ скопищъ, то можно надѣяться, что и небольшому, сравнительно, нашему отряду, составленному изъ войскъ, вновь выступающихъ изъ Эриванской области, удастся освободить Баязетъ и отбросить непріятеля назадъ къ Вану. Тогда и, предполагая успѣшное соединеніе генераловъ Лорисъ-Меликова и Тергукасова на карско-эрзерумской дорогѣ, самая осада Карса могла бы, вслѣдствіе сдѣланнаго генераломъ Тергукасовымъ движенія въ глубь страны, значительно облегчиться. Само собою разумѣется, что отъ войскъ, осаждающихъ Карсъ, пришлось бы отвлечь еще дальнѣйшія подкрѣпленія, которыя необходимы г.-а. Лорисъ-Меликову, чтобы продолжать дѣйствія противъ Мухтара-паши по соединеніи съ генераломъ Тергукасовымъ. Но, несмотря на то, осада Карса все-таки бы облегчилась. Дѣло въ томъ, что изъ трехъ способовъ овладѣнія крѣпостью: штурма, блокады и постепенной осады—намъ удобнѣе третій; взять Карсъ внезапнымъ штурмомъ, послѣ кратковременнаго бомбардированія, какъ то удалось въ 1828 году, мы теперь не можемъ, потому что теперь Карсъ лучше вооруженъ и турецкія войска гораздо лучше обучены; подвергнуть Карсъ совершенной блокадѣ и рассчитывать на сдачу его вслѣдствіе недостатка продовольствія,—мы едва-ли можемъ по числу тѣхъ войскъ, какія были сосредоточены подъ этой крѣпостью, даже ранѣе отвлеченія отъ нея от-

ряда г.-а. Лорисъ-Меликова. Что же касается постепенной осады, съ медленными подступательными работами, для которой достаточно выставить противъ крѣпости нѣсколько отрядовъ, не замыкая ее совершенно, то такую осаду можетъ вести армія во всякомъ составѣ, лишь бы онъ превышалъ силы гарнизона. А между тѣмъ, успѣшныя дѣйствія далеко впередъ, противъ Эрзерума, то-есть поражение Мухтара-паши, заставили бы гарнизонъ Карса пасть духомъ, такъ какъ онъ потерялъ бы надежду на помощь главной арміи, и ускорили бы сдачу крѣпости. Но можетъ, конечно, случиться и иное: если бы движеніе генераловъ Лорисъ-Меликова и Тергукасова впередъ, на Хорасанъ, оказалось невозможнымъ, первый изъ нихъ могъ бы перейти на параллельную, но болѣе южную дорогу, а второй могъ бы отступить, стараясь сблизиться съ генераломъ Лорисъ-Меликовымъ, — такъ, чтобы они могли возвратиться, подавая другъ другу помощь.

Обратимся теперь къ положенію двухъ другихъ отрядовъ кавказской арміи, дѣйствующихъ внѣ района нашихъ главныхъ силъ. Это — отрядъ генерала Оклобжіо, дѣйствующій противъ Батума и отрядъ генерала Алхазова, дѣйствующій въ Абхазіи для отраженія турецкихъ высадокъ на восточномъ берегу Чернаго моря. Ріонскій отрядъ генерала Оклобжіо возобновилъ 11 и 12 іюня свои дѣйствія противъ крѣпостцы Цихедзири, лежащей на дорогѣ къ Батуму. Въ первый день бой длился съ утра до вечера и окончился взятіемъ нѣкоторыхъ позицій у непріателя. Наши потери убитыми и ранеными составили 11 офицеровъ и 400 нижнихъ чиновъ. На другой день, турки, усиленные свѣжими войсками, прибывшими изъ Константинополя, сами атаковали, подъ предводительствомъ Дервиша-паши (новаге своего начальника), нашу позицію на Самебскихъ высотахъ, но послѣ девяти-часового ожесточеннаго боя были отражены съ большимъ урономъ. Наша потеря въ этомъ дѣлѣ — 150 чел., выбывшихъ изъ строя.

Въ Сухумскомъ отдѣлѣ турки продолжали высаживать новыя силы съ артиллерією, стараясь поддержать возстаніе въ Абхазіи; 13 іюня они атаковали отрядъ генерала Алхазова, у приморскаго поста Илори, куда ими сдѣлана была новая высадка, но были отброшены, причѣмъ у насъ раненъ 1 солдатъ. Но въ сѣверномъ Дагестанѣ было дѣло серьезнѣе. Вслѣдствіе возникшихъ тамъ, въ Дидоевскомъ обществѣ, то-есть уже на сѣверномъ склонѣ главнаго кавказскаго хребта, беспорядковъ былъ посланъ туда небольшой отрядъ, который 12 іюня и подвергся нападенію со стороны дидоевцовъ. Они потерпѣли поражение и понесли огромную потерю: у насъ убито и ранено 2 офицера и 30 нижнихъ чиновъ.

Переходя къ капитальному событію прошлаго мѣсяца, къ блестящему успѣху нашей переправы черезъ Дунай, оговоримся, что этому дѣлу мы отводимъ менѣе мѣста, чѣмъ дѣйствіямъ въ Азін, во-первыхъ потому, что оно само яснѣе представляется для читателей, а, во-вторыхъ,—потому, что переправа въ тотъ день, когда мы заканчиваемъ нашъ обзоръ, еще далеко не окончена, или по крайней мѣрѣ не имѣется свѣдѣній о переходѣ на правый берегъ главныхъ силъ нашей арміи. Но имѣются достаточныя свѣдѣнія о началѣ переправы.

Условія успѣха этого большого дѣла были весьма сложны. Независимо отъ выбора удобнѣйшихъ мѣстъ, какъ по соображеніямъ минуты, такъ и въ виду дальнѣйшихъ дѣйствій за Дунаемъ, требовалось: распредѣлить наши дѣйствія такъ, чтобы непріятель до самаго момента переправы сомнѣвался насчетъ того, какіе пункты линіи Дуная нами избраны, а между тѣмъ имѣть въ готовности, вблизи этихъ пунктовъ, достаточныя силы для того, чтобы съ-разу стать на правомъ берегу твердою ногой; заготовить огромныя запасы лѣсу для плотовъ, лодокъ и баржъ, и все это доставить въ избранныя пункты; возвести сильныя батареи для защиты переправляющихся войскъ и устроить минныя загражденія, которыя отдали бы въ полное наше владѣніе соотвѣтствующія мѣста рѣки. Всѣ эти условія были комбинированы и выполнены съ такой основательностью, которая дѣлаетъ величайшую честь главнокомандующему и главной квартирѣ. Мы уже замѣчали въ прошломъ мѣсяцѣ, что турки сперва предполагали нашу переправу на верхней части Дуная, между Виддиномъ и Кладовою, и, соотвѣтственно тому, держали главныя свои силы на Дунаѣ — въ Виддинѣ, располагая только незначительными войсками на нижнемъ Дунаѣ. Потомъ они стали постепенно усиливать свои войска здѣсь, въ Добруджѣ. Но затѣмъ, получивъ свѣдѣнія о новыхъ движеніяхъ русскихъ войскъ въ рѣкѣ Алутѣ, впадающей въ Дунай у Никополя, и о возведеніи новыхъ батарей русскими и румынами у Никополя, турки стали стягивать свои силы къ этому мѣсту, усиливъ расположенныя тамъ войска отрядами изъ Рушукъ, Силистріи и Виддина. Они стали укрѣплять Систо-во и Никополь, которыхъ укрѣпленія до того времени были ничтожны. Но, во-первыхъ, эти новыя работы предприняты были, на скорую руку, уже слышномъ поздно; во-вторыхъ, непріятель до самаго послѣдняго времени колебался, предполагая возможной переправу и ниже Рушукъ, въ окрестностяхъ Туртукада. Въ этомъ мнѣніи поддерживало ихъ сильное бомбардированіе Рушукъ изъ Журжева.

Между тѣмъ, съ нашей стороны рѣшено было начать переправу съ двухъ пунктовъ: вблизи устьевъ Дуная—изъ Галаца и Бранлова,

съ цѣлью очистить отъ непріятеля Добруджу и занять желѣзную дорогу изъ Черноводъ въ Кюстендже, и между Рущукомъ и Никоподемъ — изъ Зимницы, лежащей напротивъ Систова. Противъ самаго Никополя находится Турну-Магурелли, а за Алутою — Ислаць, дополняющіе линію переправы изъ Зимницы. Мы пока еще не имѣемъ свѣдѣній о переправѣ изъ Турну-Магурелли, но и этотъ пунктъ можетъ послужить для нея. Вся мѣстность вверхъ по лѣвому берегу Дуная, начиная отъ Зимницы на Турну-Магурелли и Ислаць, представляетъ менѣе болотистую, болѣе твердую почву и удобства для возведенія батарей. Сверхъ того, переправа изъ Зимницы на Систово представляетъ еще то удобство для дальнѣйшихъ дѣйствій за Дунаемъ, что Систово лежитъ прямо къ сѣверу отъ Тырнова, на которое изъ Систова ведетъ большая дорога, а изъ Тырнова открывается кратчайшій путь къ Адрианополю. Переправа изъ Зимницы въ Систово происходила подъ прикрытіемъ батарей, а одновременно по всей линіи Дуная со всѣхъ нашихъ и румынскихъ прибрежныхъ батарей производился усиленный огонь на Виддинъ, Никополь, Рущукъ, Туртукай и Силистрію. Усиленное бомбардированіе Рущука помогало гарнизону этой вѣрности выслать подкрѣпленія въ Систово, такъ какъ непріятель могъ думать, что главные силы наши переправятся въ окрестностяхъ Рущука.

Между тѣмъ на низовьяхъ Дуная была собрана нами небольшая флотилія, которая, произведя удачную рекогносцировку окрестностей Гирсова, побудила турецкіе мониторы подняться выше по теченію рѣки, избѣгая торпедъ, и произвела минныя загражденія около Гирсова и въ Мачинскомъ рукавѣ. Лѣсъ для плотовъ давно уже заготовлялся въ Трансильваніи и въ другихъ мѣстахъ; сколько требовалось лѣсу — можно судить изъ того, что мостъ подъ Браиловымъ приходилось строить длиною свыше двухъ верстъ, такъ какъ вода въ Дунаѣ все еще была высока и браиловскій берегъ затопленъ; но и дорога къ Мачину находилась подъ водой. Большое число лодокъ и баржъ, необходимое для переправы цѣлаго корпуса, было добыто заблаговременнымъ сборомъ лодокъ во всѣхъ ближайшихъ мѣстностяхъ и спускомъ ихъ, какъ и лѣса, по разнымъ рѣчкамъ, а частью и сухопутной доставкой, и постройкою баржъ на мѣстѣ. Пароходы для буксировки были получены отъ румынскаго правительства; въ Браиловѣ ихъ было пять. Для перевозки войскъ воспользовались также купеческими судами, стоявшими въ браиловской гавани. Баржи и пароходы, назначенные для перевозки, были вооружены щитами, съ бойницами для стрѣлковъ и легкими орудіями.

Самая переправа совершилась слѣдующимъ образомъ. Въ ночь съ 9 на 10 іюня, въ Галацѣ изъ войскъ 14 корпуса, генерала Циммер-

мана, посажены были на суда 10 ротъ; прибывъ къ неприятельскому берегу, онѣ были встрѣчены сильнымъ огнемъ изъ турецкихъ ложементовъ, но бросились на высоты и выбили неприятеля. Къ 7-ми часамъ утра турки, получивъ подерѣвленіе, возобновили атаку, при помощи кавалеріи, противъ которой наша пѣхота пошла въ штыки. Турки, впрочемъ, были слабы въ этомъ мѣстѣ, такъ что, по прибытіи перваго же нашего орудія, они отступили, и наши войска заняли высоты Буджака. Но неприятель былъ все-таки сильнѣе нашихъ 10 ротъ, такъ какъ имѣлъ 3000 чел. пѣхоты и 300 чел. конницы при 2-хъ орудіяхъ. Этой первой переправой командовалъ генераль Жуковъ. Затѣмъ, 11 числа переправился изъ Браилова въ Мачинъ съ однимъ полкомъ на пароходахъ, баржахъ и гребныхъ судахъ генераль Циммерманъ и не нашелъ въ Мачинѣ неприятеля; городъ былъ имъ оставленъ. Затѣмъ, приступлено было къ устройству моста. Наша потеря была убитыхъ 51, раненыхъ 90; затѣмъ переправа продолжалась безпрепятственно и всѣ части 14-го корпуса, т.-е. всѣ войска, стоявшія по рѣкѣ ниже Гирсова, перешли на правый берегъ. Турки очистили Исаичу и Тульчу, которыя заняты были нашими войсками, также какъ и Гирсово, и удалились сперва на Бабадагъ, а потомъ къ линіи Черноводы—Кюстендже. По частнымъ свѣдѣніямъ, они находятся здѣсь въ составѣ 27 батальоновъ. Между тѣмъ наши разъѣзды по послѣднимъ извѣстіямъ, какія у насъ теперь есть, уже доходили до Меджидіе, которое лежитъ на линіи этой желѣзной дороги.

Затѣмъ, 15-го числа началась переправа изъ Зимницы на Систоно. На разсвѣтѣ, 14-я пѣхотная дивизія генерала Драгомирова стала переправляться на лодкахъ; а за нею и весь 8-й корпусъ генерала Радецкаго, къ составу котораго принадлежитъ та дивизія, а также 4-я стрѣлковая бригада и 35 дивизія. Переправа совершалась подъ огнемъ Систоно и окружающихъ его высотъ, которыя немедленно были взяты приступомъ нашими войсками. Потери наши при этомъ не превышали 150 убитыхъ и 700 раненыхъ, т.-е. онѣ были безъ всякаго сравненія меньше, чѣмъ у насъ ожидали. Между Систоно и Зимницей, 16-го іюня, начали строить мостъ, который и рассчитывали окончить въ двое сутокъ; но въ ночь на 18-е число онъ былъ разорванъ бурей, причѣмъ потонуло 26 понтоновъ, такъ что мостъ былъ готовъ только 19-го. Между тѣмъ продолжалось усиленное бомбардированіе Руцука, который, какъ и Никополь, сталъ горѣть въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

Итакъ, переправа была совершена въ теченіи нѣсколькихъ дней цѣлыми двумя корпусами, что съ-разу дало намъ вѣрное положеніе за Дунаемъ и устранило возможность какой-либо попытки турокъ отбросить наши войска назадъ. Въ числѣ первыхъ войскъ, перепра-

вывшихся изъ Зимницы, находился и небольшой гвардейскій сводный отрядъ, составленный изъ солдатъ отъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ: по 16-ти человекъ отъ каждаго пѣхотнаго полка и по 6-ти отъ каждаго кавалерійскаго. Главная квартира Государя и главнокомандующаго съ 16-го юня переведена въ Зимницу. Переправившись чрезъ Дунай 16-го числа, послѣ полудня, Государь объѣхалъ войска и благодарилъ ихъ на самомъ полгѣ сраженія. По частнымъ извѣстіямъ, вблизи Его Величества разорвало бомбу. Обдуманность и смѣлость, съ какими совершенно сложное и трудное дѣло переправы, дають осязательное основаніе надѣяться дальнѣйшихъ успѣховъ.

Необходимо упомянуть хоть въ нѣсколькихъ словахъ о положеніи въ то же время военныхъ дѣлъ въ Черногоріи. Турки въ теченіи мѣсяца, который обнимается этимъ обзоромъ, вторглись въ Черногорію съ трехъ сторонъ: съ сѣвера, изъ Герцеговины, вступилъ Сулейманъ-паша, съ юга, изъ Албаніи—Али-Сайбъ-паша, съ востока же—Мехмедъ-Али. Первые два предполагали соединиться въ Даниловградѣ и вмѣстѣ идти на Цетинье. Занятіе Черногоріи казалось неизбежнымъ. Но декорація внезапно перемѣнилась: Вождь Петровичъ разбилъ Али-Сайба и предупредилъ его соединеніе съ Сулейманомъ въ Даниловградѣ; оба паша были принуждены отступить къ Подгорицѣ, то-есть выйти изъ Черногоріи на востокъ. По новѣйшему извѣстію, они намѣрены возобновить наступательныя дѣйствія соединенными силами и вступить въ Черногорію у Жабляка, то-есть у ближайшаго къ Цетинью пункта юго-восточной границы Черногоріи. Нѣтъ сомнѣнія, что нашъ переходъ черезъ Дунай побудитъ черногорцевъ къ еще ббльшей энергіи.

ИЗВѢСТІЯ

I. ОБЩЕСТВО ДЛЯ ПОСОБІЯ СЛУШАТЕЛЬНИЦАМЪ ВРАЧЕБНЫХЪ И ПЕДАГОГИЧЕСКИХЪ КУРСОВЪ.

Отчетъ за 1876 годъ.

Составъ комитета, управляющаго дѣлами общества: Предсѣдатель Комитета—Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ (Мойка, у Конопшеннаго моста, 9, кв. 13). Товарищъ Предсѣдателя Николай Николаевичъ Тютчевъ (Невскій проспектъ, 96, кв. 18). Казначей—Профессоръ Александръ Порфирьевичъ Вородинъ (Зданіе Медико-Хирургической Академіи). Секретарь—Профессоръ Алексѣй Петровичъ Доброславинъ (Зданіе Медико-Хирургической Академіи).

Члены комитета: Прасковья Николаевна Тарновская (Мойка, у Поцѣлуева моста, 102), Варвара Павловна Тарновская (Надеждинская, 3), Ольга Александровна Морданова (У Спаса Преображенья, Церковный переулокъ, 2), Надежда Терентьевна Рудкова (Пески, девятая улица, 26), Дмитрій Васильевичъ Ставовъ (Малая Морская, 8, кв. 6).

ОТЧЕТЪ СЕКРЕТАРЯ

за 1876 годъ.

I. Личный составъ Общества.

Послѣ выборовъ, произведенныхъ въ Общемъ Собраніи, состоявшемся 29 февраля 1876 г., числилось въ Обществѣ 526 членовъ.

Въ теченіи года исключены изъ списковъ 36 членовъ, въ томъ числѣ 4 умершихъ (В. Е. Бокъ, I. В. Забѣлинъ, Я. Я. Соловьевъ и И. О. Утинъ); изъ остальныхъ нѣкоторые отказались отъ званія членовъ, а нѣкоторые признаны сложившими съ себя это званіе по неплатежу взносовъ въ теченіи двухъ лѣтъ. Затѣмъ нынѣ числится 490 членовъ.

Со времени прошлогодняго Общаго Собранія изъявили желаніе поступить въ дѣйствительные Члены Общества 164 кандидата, означенные въ особомъ спискѣ. Если настоящему Общему Собранію угодно будетъ избрать ихъ въ члены Общества, то въ общей сложности составитсѣ 654 члена Общества.

II. Составъ Комитета.

До конца февраля 1876 г. Комитетъ Общества составляли слѣдующія лица: Предсѣдатель В. А. Арцимовичъ, Товарищъ Предсѣдателя Е. И. Рагозинъ, члены: С. А. Буренина, П. С. Стасова, М. В. Трубникова, А. П. Философова, О. Э. Миллеръ, Казначей С. М. Неклюдовъ и Секретарь В. Г. Дехтеревъ.

Послѣ выборовъ въ Общемъ Собраніи 29 февраля 1876 г. Комитетъ имѣлъ слѣдующій составъ: Предсѣдатель В. А. Арцимовичъ, Товарищъ Предсѣдателя Н. Н. Тютчевъ; члены: г-жи Е. И. Арсеньева, О. К. Граве, М. Ф. Павловская, В. П. Тарновская, г-нъ А. П. Доброславинъ, Казначей А. П. Бородинъ, Секретарь И. А. Павловъ.

Въ теченіи 1876 г. Комитетъ имѣлъ 18 засѣданій.

На гѣтнее время за выѣздомъ изъ Петербурга Предсѣдателя и всѣхъ Членовъ Комитета, оставшіяся близъ Петербурга Товарищъ Предсѣдателя былъ уполномоченъ для веденія дѣлъ Комитета, и осенью, по возобновеніи засѣданій, представилъ Комитету подробный отчетъ за все время своей дѣятельности съ мая по октябрь мѣсяць.

На мѣсто г-жи Арсеньевой, отказавшейся осенью, по болѣзни, отъ занятій въ Комитетѣ, поступила старшая кандидата П. Н. Тарновская.—Вслѣдъ затѣмъ выбылъ изъ Комитета и И. А. Павловъ, по причинѣ предстоявшаго ему выѣзда изъ Петербурга на неопредѣленное время и вмѣсто него въ Секретари избранъ Комитетомъ А. П. Доброславинъ. Нынѣ, сверхъ г-на Павлова, выбываютъ изъ Комитета, на основаніи Устава, О. К. Граве и М. Ф. Павловская. Настоящему Общему Собранію предстоитъ сдѣлать выборы для замѣщенія открывшихся вакансій трехъ Членовъ Комитета и Кандидатовъ къ онимъ.

III. Занятія Комитета.

а) По сбору средствъ.

Прямую обязанность Комитета составляютъ заботы о возможно успѣшномъ сборѣ средствъ, требуемыхъ для удовлетворенія ежедневно возрастающаго числа просьбъ о пособіи, вызываемыхъ какъ дороговизною жизни въ Петербургѣ, такъ и значительнымъ увеличеніемъ числа слушательницъ, коихъ нынѣ состоитъ 427 при врачебныхъ курсахъ и 241 при педагогическихъ.

Главные источники дохода Общества составляютъ: ежегодные взносы Членовъ Общества и единовременныя пожертвованія какъ Членовъ Общества, такъ и постороннихъ лицъ.

Членскіи взносы.

Поступленіе *Членскихъ взносовъ* въ теченіи 1876 г. выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

Пожизненныхъ взносовъ, по сто рублей, поступило отъ 4 лицъ на 400 р.

Ежегодная поступило:					
отъ	7 лицъ	по 25 р.	} за 1876 г.	175 р.	1)
"	3 "	" 15 "		45 "	
"	26 "	" 10 "		260 "	
"	1 "	" 6 "		6 "	
"	5 "	" 6 "		30 "	
"	24 "	" 5 "		120 "	
"	189 членовъ	за 1875 и 1876 г.	230 "		
"	102 кандидатовъ	за 1876 г.	5 р.	945 "	
"	102 кандидатовъ	"	5 р.	510 "	
Всего . . .				2611 р.	23 к.

Кромѣ 510 р., внесенныхъ 102 кандидатами, избранными пятирублевымъ размѣръ взноса, внесено въ число вышепоказанныхъ частныхъ итоговъ:

Кандидатомъ А. И. Закомъ пожизненно	100 р.
2 кандидатами по 25 р.	50 р.
2 " " 15 "	30 "
10 " " 10 "	100 "
1 " " 6 " 23 к.	6 " 23 к.
2 " " 6 "	12 "
Всего 120 кандидатами внесено	808 р. 23 к.

Если означенныхъ 120 кандидатовъ и сдѣланные ими взносы исключить изъ вышепоказаннаго общаго итога, то оказывается, что собственно Членами Общества внесено:

3 лицами по 100 р.	300 р.
5 " " 25 "	125 "
1 " " 15 "	15 "
16 " " 10 "	160 "
3 " " 6 "	18 "
189 " " 5 "	945 "
24 " " 5 " за 1875 г.	120 "
24 " " 5 " за 1876 г.	120 "

Итого 241 членами 1803 р.

Числа эти приводятъ къ тому выводу, что изъ числа 162 кандидатовъ, еще не утвержденныхъ въ званіи Членовъ, въ теченіи года 120 сдѣлали необязательные для нихъ взносы на сумму 808 р. 23 к., между тѣмъ какъ изъ числа 490 учредителей и действительныхъ членовъ Общества обязательные взносы сдѣлали только 241 лицомъ. Если къ тому прибавить 15 лицъ, сдѣлавшихъ пожизненные взносы въ 1875 г. и необязанныхъ дѣлать годовые взносы, то окажется, что не сдѣлано въ 1876 г. обязательныхъ ежегодныхъ взносовъ 234 Членами Общества.

Столь малое вниманіе почти цѣлой половины Членовъ къ нуждамъ и потребностямъ Общества имѣло послѣдствіемъ значительное сокращеніе этого источника дохода, какъ видно изъ сравненія съ

1) Члены и кандидаты, сдѣлавшіе взносы въ размѣрѣ отъ 10 до 25 р., помечены въ отчетѣ какъ членъ.

1875 годомъ, въ теченіи коего отъ Членскихъ взносовъ поступило 3,382 руб.

Комитетъ Общества, озабочиваясь поднятіемъ этого существеннаго источника доходовъ Общества, два раза въ теченіи года посылалъ гг. Членамъ именныя напоминанія о взносахъ и, независимо отъ того, сообщилъ въ газетахъ желающимъ дѣлать взносы о мѣстѣ жительства всѣхъ Членовъ Комитета, въ томъ числѣ и Базначей Общества, а равно о томъ, что контора Общества „Дружина“ (Невскій прос., № 68) изъявила согласіе принимать взносы и пожертвованія въ пользу нашего Общества.

По важности этого обстоятельства Комитетъ почелъ долгомъ доложить о немъ Общему Собранію съ надлежащею подробностью, въ тѣхъ видахъ, чтобы обратить на свое вниманіе всѣхъ лицъ, сочувствующихъ задачѣ нашего Общества.

ПОЖЕРТВОВАНІЯ.

Старанія Комитета относительно сбора единовременныхъ пожертвованій увѣнчались большимъ успѣхомъ.

ПОСТУПИЛО ПОЖЕРТВОВАНІЙ.

А. Личныхъ: 1,521 руб.

Доставлено по духовному завѣщанію умершаго врача Сергѣя Яковлевича Чернышева для обращенія въ неприкосновенный капиталъ, и пользованія только процентами. 450 „

В. Собранныхъ по книжкамъ: 919 „ 50 к.

Всего поступило единовременныхъ пожертвованій и сборовъ по книжкамъ 2,890 р. 50 к.
Противъ 1875 г. болѣе на 1,320 р. 89 к.

По мѣстностямъ, наиболѣе крупныя, выше 50 р., пожертвованія, личныя и по сборнымъ книжкамъ, поступили изъ губерній:

Петербургской	983 р. 50 к.
Московской	275 „ — „
Нижегородской	220 „ — „
Съ Кавказа	134 „ — „
Тобольской	100 „ — „
Тульской	75 „ — „
Тамбовской	73 „ — „

Если сложить поступившій въ 1876 г. доходъ по взносамъ (2,611 р. 28 к.) и по пожертвованіямъ и сборнымъ книжкамъ (2,890 р. 50 к.), то оказывается, что въ общей сложности по этимъ двумъ статьямъ, сравнительно съ 1875 г., получено дохода болѣе на 550 руб. 7 коп.

Литературныя чтенія, концерты и проч.

Въ мартѣ 1876 г. Членъ Общества П. Д. Боборыкинъ прочелъ три лекціи о повѣстѣ французскаго романъ и пожертвовалъ весь сборъ (315 р.) въ пользу нашего Общества. Изъ суммъ этой, по же-

ланию почтеннаго лектора, 200 р. отнесены въ пожизненныя взносы П. Д. Боборыкина и супруги его, а 115 руб. показаны выше въ числѣ личныхъ единовременныхъ пожертвованій.

Независимо отъ сего поступило въ кассу Общества 1,103 р. съ одного танцевальнаго вечера и съ одного концерта, данныхъ въ пользу Общества въ декабрѣ 1875 г.

Устройствомъ этихъ собраній Комитетъ обязанъ некоторымъ членамъ Общества, принявшимъ на себя необходимыя хлопоты по устройству вечера и концерта, и въ особенности Петру Ивановичу Зейнбергу, которымъ были приглашены принять участіе въ благотворительномъ концертѣ гг. артисты: Ауэръ, Вуръ, Давиловъ, Морозовъ, г-анъ Клебелъ, Мешнинова, гг. Мусоргскій, Римскій-Корсаковъ и Штейнъ.

Перечисливъ выше лицъ, сдѣлавшихъ денежныя пожертвованія въ пользу Общества, Комитетъ считаетъ долгомъ обратить вниманіе Общаго Собранія и на лицъ, оказавшихъ разными способами благожелательное содѣйствіе Обществу.

По предложенію М. М. Стасюлевича, отчетъ Общества за 1875 г. былъ напечатанъ безвозмездно въ его типографіи, которая пожертвовала и бумагу.

Редакція газетъ: Буржевыя Вѣдомости, Голосъ, Новое Время и С.-Петербургскія Вѣдомости печатали безвозмездно извѣстія, касающіяся Общества. Музыкальные магазины: Бесселя и Югансона продавали безвозмездно билеты на концертъ, данный въ пользу Общества; контора Общества „Дружина“, съ разрѣшенія члена Общества Е. И. Рагозина, изъявила согласіе принимать взносы и пожертвованія въ пользу Общества.

Комитетъ, изъявивъ своевременно глубокую благодарность за каждое пожертвованіе, сдѣланное въ пользу Общества, и за каждую услугу, оказанную Обществу, считаетъ долгомъ своимъ о вышеупомянутыхъ лицахъ и редакціяхъ довести до свѣдѣнія Общаго Собранія и просить о выраженіи имъ признательности Общаго Собранія, въ виду того, что Комитетъ тогда только можетъ служить Обществу съ пользою, когда будетъ поддерживать сочувствіемъ членовъ Общества и благожелательнымъ содѣйствіемъ постороннихъ лицъ, и что дѣятельность его будетъ парализована, если она будетъ встрѣчена равнодушіемъ и безучастностью Общества.

О неприкосновенномъ капиталѣ:

Изъ отчета казначея за 1876 г. видно, что въ общей сложности дѣйствительнаго дохода поступило 7,123 р. 30 к. На основаніи § 9 Устава и правилъ о неприкосновенномъ капиталѣ, утвержденныхъ Общимъ Собраніемъ 4-го мая 1875 г., слѣдовало бы изъ общаго дохода обратить въ означенный капиталъ:

1) Пожизненные членскіе взносы сполна	400 р.
2) По завѣщанію С. Я. Чернышева	450 "
3) Съ единовременно пожертвованныхъ 2,440 р.—10%	244 "
4) Изъ сбора съ концерта и бала 1,103 руб.—10%	110 "

Итого 1,204 р.

По присоединеніи отчисленныхъ въ 1875 г. къ неприкосновенному капиталу. 2,687 р.

Въ означенномъ капиталѣ должно числиться нынѣ 0 . . . 3,891 р.

Комитетъ, вынужденный въ теченіи 1876 года удовлетворять вопліи законныя и основательныя просьбы нуждающихся слушательницъ, какъ о непосредственномъ пособіи, такъ преимущественно объ уплатѣ за лекціи, и задавъ себѣ задачу, по возможности, предохранять слушательницъ отъ исключенія изъ курсовъ за невносъ платы за лекціи, былъ поставленъ въ невозможность превратить сполна исчисленную выше сумму въ процентныя бумаги.

Въ теченіи года къ имѣвшимся на лицо въ началу года процентнымъ бумагамъ на 1,900 руб. куплено таковыхъ еще на 1,100 руб., такъ что нынѣ имѣется въ процентныхъ бумагахъ 3,000 рублей.

Затѣмъ Комитетъ поставляетъ себѣ въ обязанность, при первой возможности, приобрести процентныя бумаги на остальные 891 руб., числящіяся по неприкосновенному капиталу.

б) Дѣйствія комитета по распределенію пособій.

По указанной выше причинѣ, и согласно съ желаніями, изложенными въ прошеніяхъ, поступавшихъ на разсмотрѣніе Комитета, главные средства Общества были употреблены на уплату за слушаніе лекцій.

По врачебнымъ курсамъ въ первомъ полугодіи за 63 и во второмъ за 66 слушательницъ уплачено 3,225 р.

По педагогическимъ курсамъ на тотъ же предметъ за 25 лицъ въ первомъ полугодіи и за 30 во второмъ выдано 1,650 „

Безсрочныхъ выдать 55 слушательницамъ врачебныхъ и педагогическихъ курсовъ, какъ подробно указано въ отчетѣ казначея, произведено на. 1,500 „

Срочныя ссуды выданы 21 лицу на 675 „

Кромѣ того, доктору за пользованіе заболѣвающихъ слушательницъ педагогическихъ курсовъ и на покупку лекарствъ по условію выдано. 185 „

Всего израсходовано на разныя пособія слушательницамъ врачебныхъ и педагогическихъ курсовъ 7,205 р.

Размѣръ произведенныхъ въ теченіи года безсрочныхъ выдать и срочныхъ ссудъ, по врачебнымъ и педагогическимъ курсамъ, слѣдующій:

а) Срочныя ссуды.

1 слушательницѣ	100 р.
1 „ „	70 „
2 слушательницамъ по	50 „
4 „ „ „	30 „
9 „ „ „	25 „
1 слушательницѣ	20 „
2 слушательницамъ по	15 „
1 слушательницѣ	10 „

б) БѢЗСРОЧНЫЯ ВЫДАЧИ.

1	слушательницѣ	65 р.
2	слушательницамъ по	60 „
2	„ „	50 „
4	„ „	45 „
7	„ „	40 „
3	„ „	30 „
13	„ „	25 „
3	„ „	20 „
10	„ „	15 „
13	„ „	10 „

Вышеприведенный общій итогъ суммъ, обращенныхъ на пособія слушательницамъ врачебныхъ и педагогическихъ курсовъ (7,205 р.), указываетъ, что вся сумма дѣйствительнаго дохода, полученная въ 1876 г. (7,123 р. 30 к.), употреблена безъ остатка на возможное, по средствамъ Общества, удовлетвореніе прошеній, поступившихъ на разсмотрѣніе Комитета.

То обстоятельство, что сумма, ассигнованная въ пользу слушательницъ врачебныхъ курсовъ, значительное, чѣмъ сумма, ассигнованная въ пользу слушательницъ педагогическихъ курсовъ, объясняется тѣмъ, что число слушательницъ врачебныхъ курсовъ почти вдвое превышаетъ число слушательницъ курсовъ педагогическихъ.

ОТЧЕТЪ КАЗНАЧЕЯ

за 1876 годъ.

А. Состояніе кассы въ началѣ года.

Къ 1 января 1876 г. состояло въ кассѣ 3,283 р. 24 к.

Въ томъ числѣ:

Процентными бумагами 1,900 р. — к.

На текущемъ счету и наличными . 1,383 „ 24 „

Итого 3,283 р. 24 к.

В. Приходъ.

Въ теченіи года поступило въ кассу 8,223 р. 30 к.

Въ томъ числѣ:

I. Дѣйствительнаго дохода 7,123 р. 30 к.

А именно:

1. Членскіе взносы:

а) пожизненные по 100 р. отъ

4 лицъ 400 р. — к.

б) ежегодные отъ 7 лицъ по 25 р.

175 „ — „

„ 3 „ „ 15 „ 45 „ — „

„ 26 „ „ 10 „ 260 „ — „

„ 1 „ „ 6 „ 23 к. 6 „ 23 „

„ 5 „ „ 6 „ 30 „ — „

отъ 24 член. по 5 р. въ годъ, за 1875 и 1876 гт.	240 " — "
отъ 189 членовъ за 1876 г. по 5 р.	945 " — "
отъ 102 кандидатовъ по 5 р.	510 " — "
Итого взносовъ	2,611 р. 23 к.

2. ПОЖЕРТВОВАНІЯ.

а) собрано по книжкамъ 24-мя ли- цами	919 р. 50 к.
б) личныя пожертвованія 46 лицъ	1,521 " — "
в) по духовному завѣщанію умер- шаго врача Сергѣя Яковлевича Чернышева	450 " — "
Итого пожертвованій	2,890 р. 50 к.

3. СВОРЪ СЪ ВАЛА И КОНЦЕРТА.

а) дополнительный съ вечера 25-го ноября 1875 г.	12 р. — к.
б) съ танцевальнаго вечера 5-го де- кабря 1876 г.	524 " — "
в) съ концерта 19-го декаб. 1876 г.	567 " — "
Итого	1,103 р. — к.

4. Возвращено по ссудамъ.

а) 3-мя слушательницами педагоги- ческихъ курсовъ	90 р. — к.
б) 8-ю слушательницами врачебныхъ курсовъ	205 " — "
Итого	295 р. — к.

5. Проценты съ капитала.

а) за 1875 г. по текущему счету	93 р. 57 к.
б) за второе полугодіе 1875 г. съ банковъхъ билетовъ на 800 р.	20 " — "
в) съ 1900 р. за весь 1876 г.	95 " — "
г) съ 600 р. за 2-ое полугодіе 1876 г.	15 " — "
Итого	223 р. 57 к.
Всего дѣйствительнаго дохода	7,123 р. 30 к.

II. По оборотамъ.

Поступило въ кассу купленныхъ въ теченіи года 5% банковыхъ билетовъ нарицательно, на.	1,100 р. — к.
Всего въ теченіи года поступило	8,223 р. 30 к.
Въ общей сложности съ наличностью кассы въ на- чалѣ года (3,283 р. 24 к.) составляетъ.	11,506 р. 54 к.

В. Расходъ.

Въ теченіи года израсходовано 8,334 „ 58 „

Въ томъ числѣ:

Расхода дѣйствительнаго на 7,267 „ 10 „

А именно:

1. По просьбамъ слушательницъ врачебныхъ курсовъ выданы:

а) безсрочныя пособія 48 лицамъ на	1,360 р. — к.
б) срочныя ссуды 15 лицамъ на	540 „ — „
в) внесена уплата за слушаніе лекцій въ первомъ полугодіи за 63 и во второмъ за 66 слушательницъ, полагая въ годъ по 50 р. — на	3,225 „ — „

Итого въ пользу слушательницъ врачебныхъ курсовъ 5,125 р. — к.

2. По просьбамъ слушательницъ педагогическихъ курсовъ выданы:

а) безсрочныя пособія 7-ми лицамъ на	140 р. — к.
б) срочныя ссуды 6-ти лицамъ на	135 „ — „
в) внесена плата за слушаніе лекцій въ первомъ полугодіи за 25, во второмъ за 30 слушательницъ, полагая въ годъ по 60 р., на	1,650 „ — „
г) за пользованіе заболѣвающихъ педагогическихъ слушательницъ въ теченіи 9 мѣсяцевъ уплачено врачу 135 р. и на покупке медикаментовъ употреблено 20 р., всего израсходовано	155 р. — „

Итого въ пользу слушательницъ педагогическихъ курсовъ 2,080 р. — к.

3. По дѣлопроизводству:

а) расходы канцелярскіе и почтовые	52 р. — к.
б) разсылному за доставленіе членамъ напоминаній о взносахъ.	10 „ 10 „

Итого 62 р. 10 к.

Всего расхода дѣйствительнаго 7,267 р. 10 к.

II. По оборотамъ:

На покупку 5% банковыхъ билетовъ, нарицательною цѣною на 1,100, употреблено наличными деньгами 1,067 р. 43 к.

Въ общей сложности въ теченіи года израсходовано 8,334 р. 53 к.

Г. Состояніе кассы къ концу года.

По 31 декабря 1876 г. записано на приходъ . . . 11,506 р. 54 к.

„ 31 „ 1876 „ выписано въ расходъ . . . 8,334 „ 53 „

Къ 1 января 1877 г. состоитъ въ кассѣ 3,172 р. 1 к.

Въ томъ числѣ:

а) процентными бумагами	3,000 р. — к.
б) наличными деньгами.	172 „ 1 „
Итого	3,172 р. 1 к.

ЖУРНАЛЬ

РЕВИЗИОННОЙ КОМИССИИ.

1877 года марта 10-го дня. Члены Ревизионной Комиссии, избранные общимъ собраніемъ „Общества для пособія лицамъ женскаго пола, обучающимся на курсахъ врачебныхъ и педагогическихъ“, на основаніи § 28 устава, для ревизіи отчетности „Общества“ за 1875 и 1876 годы, провѣривъ книги и документы, нашли, что всѣ поступления суммъ, въ коихъ выдавались квитанціи, записаны на приходъ по кассовой книгѣ и всѣ расходныя статьи подтверждены документами; въ наличности къ 1-му января 1877 года оказались *три тысячи рублей* въ 5% билетахъ и деньгами 172 р. 1 коп., а всего 3,172 р. 1 коп.

Разсмотрѣвъ журналы засѣданій Комитета за 1875 и 1876 годы, Комиссія признала одну выдачу произведенною несогласно съ Уставомъ; именно 19 июня 1875 года выдано 35 руб. одному лицу, окончившему курсъ ученія въ Императорскомъ Повивальномъ Институтѣ, для полученія диплома Института, съ которымъ оно имѣло бы возможность поступить на курсы ученыхъ акушерокъ. Комиссія полагала бы, что на будущее время подобныхъ выдачъ дѣлать не слѣдуетъ, такъ какъ право на помощь Общества имѣють, на основаніи Устава, лишь лица учащіяся уже на врачебныхъ и педагогическихъ курсахъ, а не лица, желающія поступить на эти курсы.

Въ виду необходимости, съ одной стороны, оказанія врачебной помощи слушательницамъ педагогическихъ курсовъ, а съ другой—недостаточности средствъ Общества, Ревизионная Комиссія признавала бы полезнымъ рекомендовать Комитету озаботиться прислааніемъ врачей, которые согласились бы оказывать помощь безвозмездно, и аптекарей, которые согласились бы отпускать медикаменты по уменьшенной цѣнѣ.

ОВЪЯСНЕНІЯ КОМИТЕТА

НА ЗАБЛЮЧЕНІИ РЕВИЗИОННОЙ КОМИССИИ.

Комитетъ, выслушавъ замѣчаніе Ревизионной Комиссии и вполне соглашаясь съ первымъ изъ нихъ—о произведенной, однажды въ 1875 году, несогласно съ Уставомъ, выдачѣ 35 руб. лицу, не поступившему еще на врачебные курсы, постановилъ: впередъ руководствоваться этимъ замѣчаніемъ, причѣмъ считаетъ долгомъ объяснить, что уже въ теченіи всего 1876 года подобнаго отступленія отъ Устава Комитетомъ допускаемо не было.

Что же касается до указанія Комиссией на то, что было бы желательно озаботиться прислааніемъ врачей, которые согласились бы оказывать безвозмездно медицинскую помощь слушательницамъ пе-

дагогическихъ курсовъ, то Комитетъ вѣдѣетъ себѣ въ обязанность довести до свѣдѣнія Общаго Собранія объ основаніяхъ, по которымъ онъ призналъ полезнымъ обезпечить, за скромную плату 15 руб. въ мѣсяцъ, врачебную помощь означеннымъ слушательницамъ.

1) Приглашеніе особаго доктора состоялось вслѣдствіе заявленія начальницы педагогическихъ курсовъ, члена нашего Общества А. А. Варакиной, о крайней необходимости для слушательницъ этихъ курсовъ имѣть во всякое время года близкую и скорую медицинскую помощь.

2) По отдаленности зданія, въ которомъ помѣщаются педагогическіе курсы (на Гороховой) отъ М.-Х. Академіи (на Выборгской) и отъ мѣста жительства большей части профессоровъ оной, безвозмездною врачебною помощью которыхъ пользуются слушательницы врачебныхъ курсовъ, представлялось необходимымъ прислать врача, живущаго въ болѣе близкой отъ педагогическихъ курсовъ мѣстности. Указанный А. А. Варакиною докторъ, живя въ близкомъ разстояніи отъ курсовъ, имѣетъ полную возможность являться туда ежедневно и, въ случаѣ надобности, оказывать необходимую помощь безъ всякаго промедленія, а потому Комитетъ съ благодарностью принялъ весьма умѣренную назначенную имъ плату, покрывающую развѣ только отчасти расходы на развѣзды. Что же касается до медикаментовъ, то въ теченіи всего 1876 года на покупку оныхъ отпущено только 20 руб. изъ кассы Общества.

Отчетъ казначея за первую треть 1877 года.

I. Состояніе Кассы въ началѣ года.

Къ 1-му января 1877 г. состояло на лицо процентными бумагами 3,000 р. и деньгами 172 руб. 1 коп., всего . . . 3,172 р. 1 к.

II. Приходъ. Въ теченіи 4 мѣсяцевъ поступило . 3,343 3 "

Итого по 1 мая записано на приходъ . 6,515 р. 4 к.

Въ томъ числѣ:

1) Ежегодныхъ взносовъ отъ 210 членовъ и 36 кандидатовъ въ члены Общества. . 1,605 р.

2) Единовременныхъ пожертвованій отъ 17 лицъ 1,413 "

3) Возвратъ 6 ссудъ. 175 "

4) Выручка отъ дѣтскаго праздника 137 "

5) Проценты по текущему счету за 1876 годъ 13 3 к.

Итого 3,343 р. 3 к.

III. Расходъ. Въ теченіи 4 мѣсяцевъ нерасходовано, 2,502 „ 83 „

Въ томъ числѣ:

1) Сдѣланы взносы за лекціи за 36 слушательницъ врачевныхъ и за 32 слушательницы педагогическихъ курсовъ, всего	1,860 р.
2) Выдано ссудъ и пособій 23 лицамъ	510 „
3) Употреблено на оказаніе медицинскаго пособія слушательницамъ педагогическихъ курсовъ отъ 1-го ноября 1876 по 1 мая 1877 года.	90 „
4) Типографскіе, канцелярскіе и почтовые расходы.	29 „ 60 к.
5) Разсылному за сборъ членскихъ взносовъ.	13 „ 23 „
Итого	2,502 р. 83 к.

IV. Состояніе кассы въ концу трети.

По 1 мая записано на приходъ	6,515 „ 4 „
„ „ выписано въ расходъ	2,502 „ 83 „
Въ 1 мая 1877 г. на лицо.	4,012 р. 21 к.

Въ томъ числѣ процентными бумагами 3,500 р. и деньгами 512 р. 21 коп.

Въ счетъ вышелоказанныхъ 1,413 р., сдѣлали *личныя пожертвованія*: Дѣйствительный тайный совѣтникъ Менде 500 р.; Н. Т. Глушановская 425 р. 50 к.; Ю. А. Варгунина 100 р., двѣ сестры изъ провинціи 75 р.; Е. А. Сибирикава 100 р.; Общество для распространенія просвѣщенія между евреями 50 р.; Е. А. Воткина 25 р.; Н. З. 15 р., А. Н. Пуриковъ 2 р. 50 к.; К. П. Веймарнъ 5 р.; Незвѣстные 10 р. и 4 руб.

Представили деньги по сборнымъ книжкамъ: Е. А. Гернгросъ 26 р.; А. Л. Гулакъ - Артемовскій 10 р.; Г. А. Гусевъ 15 р.; П. А. Пещуровъ (изъ Тифлиса) 50 руб.

Комитетъ Общества считаетъ долгомъ повторить искреннюю свою признательность какъ тѣмъ лицамъ, которые сами сдѣлали пожертвованія, такъ и тѣмъ, которые взяли на себя трудъ собиранія пожертвованій въ пользу Общества.

Въ число *членскихъ ежегодныхъ взносовъ* на сумму 1,860 р. внесли: Н. А. Некрасовъ за 1875, 1876 и 1877 годы 50 р.

За 1877 г.: К. К. Арсеньевъ, Е. И. Арсеньева, баронъ Г. О. Гинцбургъ, К. И. Домонтовичъ, Н. Н. Тютчевъ и К. А. Чербышевичъ по 25 р.; А. О. Гамъ 15 р.; Е. А. Бачманова, М. А. Варнаевскій, М. С. Воронинъ, А. А. Герасимовъ, А. Е. Голубевъ, А. Е. Данилова, Н. А. Комаровъ, Д. В. Константинова, А. А. Краевскій, О. В. Козлова, В. И. Лихачевъ, Е. О. Лихачева, А. Д. Мохначевъ, А. С. Нелюдовъ, И. А. Новиковъ, А. С. Суворинъ, В. М. Тарновскій, П. Н. Тарновская и С. Н. Тютчевъ по 10 р.; Д. П. Шашкинъ 8 р.; И. И. Михайловъ 6 р. Прочіе члены Общества сдѣлали пятирублевые годовые взносы.

Замѣтка. *Прошения и заявления*, касающіяся Общества, слѣдуетъ адресовать на имя председателя Общества Виктора Антоновича Арцимовича (у Конопшеннаго-моста, Мойка, 9).

Членскіе взносы и пожертвованія принимаются, съ выдачею квитанцій, казначей Общества профессоръ Александръ Порфирьевичъ Бородинъ. Онъ же *выдаетъ суды и пособия*, разрѣшенныя Комитетомъ Общества (Зданіе Медико-Хирургической Академіи, на Выборгской сторонѣ). Жителями Петербурга годовыя платежи и одновременныя пожертвованія могутъ быть внесены по буднямъ, отъ 10 до 4 часовъ, и въ контору „Дружина“ (Невскій проспектъ, 68, у Анничкина-моста, входъ съ Фонтанки); для избѣжанія недоразумѣній, въ конторѣ заведена особая книга, въ которую Члены Общества и жертвователи записываютъ собственноручно вносимую ими сумму и свой точный адресъ. По передачѣ денегъ изъ конторы казначею Общества, послѣднимъ доставляются надлежащія квитанціи.

Комитетъ поворѣйше проситъ Гр. Членовъ Общества:

- а) Доставлять своевременно годовыя членскіе взносы и уплатить недоимки за прѣзжіе годы.
- б) По мѣрѣ возможности содѣйствовать усиленію средствъ Общества сборомъ пожертвованій между лицами, сочувствующими цѣлямъ онаго.
- в) Доставить нынѣ же Комитету свои настоящіе адреса и увѣдомлять своевременно о перемѣнѣ мѣста жительства.

II. Общество вспомоцествованія студентамъ с.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Составъ Комитета Общества.

(съ 8-го февраля 1877 г.).

Предсѣдатель общества—Петръ Петровичъ Семеновъ (Вас. Остр., 8 л., д. Заблоцкаго).

Товарищъ предсѣдателя—Орестъ Ѳеодоровичъ Миллеръ (Эртелевъ пер., д. № 2).

Секретари: Василій Ивановичъ Семевскій (Вас. Остр. 2 л., дома № 11, кв. 10); Евгений Исаковичъ Утинъ (Галерная, 20).

Казначей—Леопольдъ Ѳеодоровичъ Пантелеевъ (М. Итальянская, д. № 47).

Члены Комитета:

Андрей Никодимовичъ Бекетовъ, непрѣмѣнный членъ (въ зданіи университета).

Иванъ Ивановичъ Боргманъ (Коломенская, № 3).

Николай Михайловичъ Коржуновъ (Ждановка, № 3).

Александръ Ѳеодоровичъ Отто (Стрѣмянная, № 10).

Викторъ Романовичъ Россъ (Фуршт., № 25, кв. 11).

Василій Ивановичъ Сергѣевъ (Надеждинская, № 6).

Николай Степановичъ Таганцевъ (Вас. Ост., уг. Средин. Пр. и 2 л., д. Дидерихса).

Замѣтка для членовъ Общества, жертвователей и просителей.

Членскіе взносы и пожертвованія принимаются всѣми членами Комитета, которые и выдаютъ квитанціи. Кромѣ того, годовые платежи членовъ Общества и пожертвованія могутъ быть внесены въ книжномъ магазинѣ Черкесова (по Невскому пр., противъ Публичной Библіотеки) и въ „Русской Книжной Торговлѣ“ (противъ Гостиннаго двора), гдѣ имѣются для этой цѣли шнуровыя книги. Пожертвованіе вещами (платье, бѣлье, обувь и проч.) могутъ быть присылаемы М. В. Ерофѣеву, въ минералогическій кабинетъ университета.

Студенты С.-Петербургскаго университета, а равно и омончившіе въ нихъ курсъ (въ теченіе перваго года по выходѣ, на основаніи примѣчанія къ § 1 устава Общества), обращаются съ прошеніями о ссудахъ преимущественно къ преподавателямъ университета, изъ которыхъ четверо постоянно состоятъ членами Комитета (на основаніи § 13 устава).

ОТЧЕТЪ СЕКРЕТАРЯ

за 1876 г.

I. Личный составъ.

Къ 1-му января 1876 года въ Обществѣ числилось 584 члена. Въ теченіе 1876 года вновь избрано 194 члена. Исключены изъ списка 33 человѣка, изъ которыхъ 4 умерли, остальные же или отказались, или попали въ списокъ прошлыхъ лѣтъ по ошибкѣ. Къ 1-му января 1877 года въ Обществѣ числится 745 членовъ; въ числѣ этомъ находятся, однако, до 138 человѣкъ, адреса которыхъ совершенно неизвѣстны, и до 50-ти человѣкъ, которыхъ въ будущемъ году придется исключить, на основаніи примѣчанія 1 къ § 7 устава, какъ недѣлавшихъ членскихъ взносов въ теченіе болѣе двухъ лѣтъ.

II. Занятія членовъ Общества.

Общество имѣло одно годовое общее собраніе (7-го февраля 1876 года) и одно чрезвычайное (6-го декабря). Комитетъ имѣлъ 24 засѣданія.

На годовомъ собраніи присутствовали 59, на чрезвычайномъ 20 членовъ Общества.

На годовомъ собраніи было единогласно постановлено отчислить въ неприкосновенный капиталъ Общества всѣ пожизненные взносы членовъ;—затѣмъ, признавая въ принципѣ необходимость усиленія этого капитала, отложить, однако, на неопредѣленное время, отчисленіе въ него процентовъ со всего чистаго прихода Общества, дабы не стѣснять и не ограничивать дѣйствій Комитета при выдачѣ ссудъ.

На этомъ же собраніи въ члены Ревизионной комиссіи избраны были: М. Н. Любощинскій, В. Д. Спасовичъ, К. Д. Казелинъ, Ю. С. Булахъ и И. С. Ремезовъ. На чрезвычайномъ собраніи, вслѣдствіе

выбитія изъ С.-Петербурга Ю. С. Булаха, на мѣсто его избранъ былъ В. Н. Никитинъ.

Редакція „Вѣстника Европы“ безвозмездно напечатала, при апрѣльской книжкѣ журнала, отчетъ Общества за 1875 годъ; редакція „Дѣла“, при посредствѣ типографіи Тушнова, напечатала бесплатно же отчетъ для членовъ Общества отдѣльною брошюрою въ количествѣ 1200 экземпляровъ; редакціи „Новаго Времени“, „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, „Голоса“ и „Виржевыхъ Вѣдомостей“ печатали бесплатно объявленія Комитета о принсканіи студентамъ занятій, а также и приглашенія членовъ Общества на общія собранія.

III. Занятія членовъ Комитета.

А. Плата за слушаніе лекцій.

За слушаніе лекцій внесена была плата за 80 недостаточныхъ студентовъ, на сумму 1807 руб., а именно:

а) историко-филолог. фак. за 11 студ.	237 руб. 50 коп.
б) физико-математич. „ „ 32 „	730 „ —
в) юридическаго „ „ 37 „	839 „ 50 „

Всего за 80 студ. 1807 рублей.

Плата вносилась или въ размѣрѣ 25 рублей за одно полугодіе, или же, смотря по надобности, въ количествѣ 15 или 12 рублей 50 коп.

Сверхъ того, Комитетомъ рассмотрѣно до 200 прошеній, поданныхъ студентами г. бывшему ректору университета, П. Г. Рѣдкину, о назначеніи платы за слушаніе лекцій изъ суммы (5000 рублей), пожертвованной для этой цѣли присяжнымъ повѣреннымъ А. Л. Ворониковскимъ. Пожертвованіе это, сдѣланное хотя и не прямо Обществу, а потому и израсходованное уже безвозвратно, безъ взятія долговыхъ расписокъ, уплата которыхъ со временемъ могла бы значительно увеличить средства Общества, облегчило, однако, въ высшей степени дѣятельность Комитета относительно платы за слушаніе лекцій, чѣмъ и объясняется меньшая, противъ прежнихъ отчетныхъ годовъ, сумма ея.

Б. Денежныя пособія въ видѣ ссудъ.

Денежныхъ пособій въ теченіе отчетнаго года выдано было 496 студентамъ, по 700 прошеніямъ, на сумму 11,454 руб. 15 коп.

На плату за слушаніе лекцій израсходовано 1807 руб. Всего, слѣдовательно, выдано 13,291 руб. 15 коп., на 496 студентовъ. Просьбы (болѣе 150) 72 студентовъ были отклоняемы. Вообще, въ теченіе отчетнаго года рассмотрѣно около 1200 прошеній.

В. Расходы Комитета.

На предварительныя затраты по студ. вечеру	100 руб.
По счетамъ магазинна бумажя Полякова . .	55 „ 45 к.
%, на сбору членск. взносовъ разсылкѣ	41 „ —
Расылка отчетовъ, извѣщеній и другіе nocto-	
вые расходы	31 „ 90 „
Шкафъ для архива Общества	20 „ —

Расходы по общему собранію.	15	„	14	„
Объявленія.	7	„	16	„

Всего 270 руб. 65 к.

Выданные на предварительныя затраты по студенческому вечеру 100 рублей возвращены, сверхъ чистаго дохода съ него, и снова записаны на приходъ; такимъ образомъ, Комитетомъ въ дѣйствительности истрачено только 170 руб. 65 коп., т.-е. менѣе 1⁰/₁₀ съ капитала.

Всевозможныя книги, бланки, навѣщенія и другія бумаги Общества печатались бесплатно В. И. Граціанскимъ, которому Комитетъ считаетъ долгомъ выразить свою глубокую благодарность.

Г. Неденежныя посовія.

На общемъ собраніи прошлаго года нѣкоторыми членами, обратившими вниманіе на недостаточность доставленія студентамъ занятій, было предложено, чтобы Комитетъ чаще дѣлалъ объявленія въ газетахъ. Такія объявленія Комитета печатались часто и безвозмездно на первой страницѣ „Новаго Времени“ и „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, а иногда и „Голоса“ и „Биржевыхъ Вѣдомостей“, но, хотя и принесли извѣстную пользу, не дали, однако, желаемаго результата и врядъ ли оправдали бы денежную на нихъ затрату. Занятія доставлены не болѣе, какъ 40 студентамъ.

Библиотека А. М. Поршнякова (В. Московская, 16) продолжала по прежнему выдавать бесплатно книги для чтенія недостаточнымъ студентамъ, числомъ отъ 50 до 60 человекъ.

Посовія вещами были весьма рѣдки, такъ какъ и пожертвованій этого рода почти не поступало.

За медицинскою помощію студенты обращались преимущественно къ университетскому доктору и члену Общества, К. Θ. Чербышевичу (Васильевскій остр., зд. университета), а затѣмъ и къ нѣкоторымъ другимъ докторамъ, спискомъ и адреса которыхъ приводятся здѣсь вмѣстѣ съ таковыми же аптекъ, выдающихъ недостаточнымъ студентамъ лекарства или по уменьшенной цѣнѣ, или же и вовсе бесплатно.

Доктора.

- Аванасьевъ, Ник. Ив., Троицкій пер., 7.
 Вари, Эд. Як., Вас. остр., 1 л., 60.
 Бертенсонъ, Левъ Берн., Литейный пр., д. Мурузи.
 Вильцерь, Людвигъ Богд., Вас. остр., 7 л., № 6, кв. 2.
 Граціанскій, Петръ Ив., Фонтанка, 103, кв. 4.
 Добертъ, Г. Я., Вас. остр., 1 л., 18, кв. 5.
 Карѣевъ, Г. Дм., Сергіевская ул., 31, кв. 5.
 Лесгафтъ, П. Ф., Выборгская ст., Астраханская ул.
 Уверскій, Ник. Ив., Вас. остр., зд. университета.
 Эрихсенъ, Ал. Ал., Вас. остр., 4 л., 9, кв. 11.

Аптеки.

- Боргмана—Невскій пр., противъ Казанскаго собора.
 Пеля—Вас. остр., 7 линія.
 Трофимова—Загородный пр., у Технологическаго института.

Шамбахера—Вас. Остр.

Шапиро—Невскій пр., уголь В. Морской.

Шульца—Вас. Остр., Средн. пр., между 3 и 4 лин.

Иордана—Петерб. сторона, Большой пр.

Комитетомъ внесено 50 руб. 17 коп. за леченіе одного душевно-больного студента, принятаго позже бесплатно въ клинику душевно-больныхъ, согласно ходатайству Комитета и благодаря содѣйствію члена Общества, К. Ф. Ордина.

На поддержку 3-й Дешевой столовой, находящейся на Вас. остр., Комитетъ выдалъ 500 руб., согласно прежде принятому обязательству, по которому предстоитъ выдать еще такую же сумму.

Въ пользу Общества были читаны лекціи о „Національномъ вопросѣ“ проф. А. Д. Градовскимъ, которому Комитетъ считаетъ долгомъ выразить благодарность. Предполагались еще лекціи члена Общества В. Д. Спасовича: „О польскомъ поэтѣ Сырокомлѣ“, но, въ сожалѣнію, разрѣшенія на нихъ не послѣдовало.

Комитетъ приноситъ глубокую благодарность г-жѣ Савиной, г. Сазонову и другимъ артистамъ русской драматической труппы, любезно принявшимъ участіе въ спектаклѣ, данномъ въ пользу Общества, 28-го декабря, причѣмъ Общество русскихъ драматическихъ писателей освободило Комитетъ отъ причитающейся въ его пользу платы.

При устройствѣ студенческаго бала, спектакля и лекцій Комитету содѣйствовали гг. студенты: Ерошенко, Никольскій, Лозинскій, Кашкадамовъ, Баліозъ, Косаговскій, Володкевичъ и Шидловскій.

Большую услугу оказывалъ Комитету секретарь университета по студенческимъ дѣламъ, Н. Н. Погорѣловъ, обязательнымъ доставленіемъ свѣдѣній о студентахъ-просителяхъ.

IV. Пожертвованія въ пользу Общества.

А. Безъ указанія осоваго назначенія—8306 руб. 60 коп.

Изъ числа 46 книжекъ для сбора пожертвованій, выданныхъ Комитетомъ въ разное время, представлены были только 4; затѣмъ, возвращены еще 2 и такимъ образомъ непредставленныхъ книжекъ остается 40. Желательно, чтобы лица, имѣющія таковыя сборныя книжки, представляли бы ихъ въ Комитетъ хотя разъ въ концѣ каждаго отчетнаго года, если затруднительно дѣлать это чаще.

Б. На плату за слушаніе лекцій—100 руб.

В. На стипендію имени бывшаго предсѣдателя Общества, А. С. Воронова—660 руб.

Г. На стипендію имени бывшаго студента С.-Петербургскаго университета, А. Г. Ерошенко, увитаго въ Сербію въ 1876 г.—604 р. 48 к.

V. Членскіе взносы.

Отъ 544 лицъ поступило 5374 руб.

Были приняты всѣ мѣры для своевременнаго полученія членскихъ взносовъ: разсылались напоминательныя повѣстки, ходилъ разсылный съ сборною книгою, принимались взносы въ „Русской Книжной Торговлѣ“ (противъ Гостиннаго двора) и такимъ образомъ за отчетный годъ получено только 385 взносовъ изъ числа 745, долженствовав-

пихъ поступить. Впрочемъ, въ числѣ несдѣлавшихъ годового взноса находятся и тѣ 138 членовъ, за которыми числится недонимка и за 1875 годъ, и адреса которыхъ невозможно было узнать.

VI. Возвратъ ссудъ.

Въ теченіе отчетнаго года въ возвратъ ссудъ отъ студентовъ поступило 3044 руб. 77 коп., взятыхъ частью подъ залогъ лѣтнихъ стипендій, частью же на обязательно краткій срокъ. Въ общей суммѣ возврата заключаются и 302 руб. 50 коп., поступившіе отъ студентовъ, окончившихъ курсъ и лишившихся права на дальнѣйшія ссуды изъ кассы Общества.

VII. Неприкосновенный капиталъ Общества.

Въ настоящее время неприкосновенный капиталъ Общества состоитъ изъ 4564 руб. 48 коп. Составился онъ изъ 24 пожизненныхъ взносовъ отчетнаго года, 1 пожизненнаго взноса въ концѣ 1875 г. и 8 взносовъ, возстановленныхъ изъ тѣхъ (числомъ 21), которые были затрачены Комитетомъ до постановленія Общаго собранія относительно отчисленія ихъ въ неприкосновенный капиталъ. Затѣмъ, поступило еще 660 руб. на стипендію А. С. Воронова и 604 руб. 48 коп. на стипендію А. Г. Ерошенко, что и составитъ вышеприведенную сумму (4564 руб. 48 коп.), изъ которыхъ 4294 руб. 61 коп. употреблены на покупку процентныхъ бумагъ, а именно: облигацій С.П.Б. Гор. Кред. Общества (нарицательной стоимости 4700 руб.), а 269 руб. 87 коп. имѣются наличными деньгами.

VIII. Общій приходъ и расходъ въ 1876 году.

(Отчетъ казначея).

Приходъ.

Остатокъ отъ прошлаго года	1508 р. 89 к.
Пожертвованія безъ особаго назначенія	8306 " 60 "
Пожертвованія на плату за слушаніе лекцій	100 " — "
Пожертвованія на стипендію А. С. Воронова	660 " — "
Пожертвованія на стипендію А. Г. Ерошенко	604 " 48 "
Годовые членскіе взносы (520 лицъ)	2974 " — "
Пожизненные членскіе взносы (24 лицъ)	2400 " — "
Возвратъ ссудъ	3044 " 77 "
Всего	19,598 р. 74 к.

Расходъ.	
Плата за слушаніе лекцій.	1807 р. — к.
Пособія въ видѣ ссудъ.	11,484 " 15 "
На поддержку 3-й Дешевой столовой.	500 " — "
Расходы по дѣламъ Комитета	270 " 65 "
Всего	14,061 р. 80 к.
Приходъ	19,598 р. 74 к.
Расходъ	14,061 " 80 "
Остатокъ	5536 р. 94 к., изъ которыхъ неприкосновен-
наго капитала	4564 " 48 " и такимъ образомъ
на 1877 г. отнесено	972 р. 46 к. для текущаго расхода.

IX. Числовые итоги дѣятельности Общества за три года его существованія.

Въ 1874 г. внесена плата за	98 студ., на сумму 2947 р. 50 к.
" 1875 " " " " "	136 " " " 3494 " — "
" 1876 " " " " " "	80 " " " 1807 " — "
Всего за 314 студ., на сумму 8248 р. 50 к.	
Въ 1874 г. ден. пос. въ видѣ ссудъ выд. по	373 прош. 11,099 р. 50 к.
" 1875 " " " " " "	623 " 9905 " 35 "
" 1876 " " " " " "	700 " 11,454 " 15 "
Всего выд. по 1694 прош. 32,459 р.	

Въ теченіе трехлѣтняго суще-	
ствованія Общества ссудъ	
выдано на сумму	32,459 р. — к. (830 студентамъ)*).
Платы внесено на сумму.	8248 р. 50 " (за 314 студентовъ).
Всего на сумму.	40,707 р. 50 к.

X. Журналъ Ревизіонной комиссіи.

1877 года февраля 1-го дня, избранная Обществомъ вспоможенія студентамъ С.-Петербургскаго университета Ревизіонная комиссія, по провѣркѣ казначейскихъ книгъ Комитета, съ относящимися къ нимъ денежными документами, и по обзорѣ дѣлопроизводства Комитета, нашла: 1) что доходъ Общества съ 15,179 р. возросъ въ отчетномъ году до 19,598 руб. 74 коп.; 2) что вслѣдствіе сего, независимо отъ зачисленія 4564 р. 48 к. въ неприкосновенный капиталъ, представилась возможность оказать пособіе 496 студентамъ, на сумму 13,291 р. 15 к.; 3) что Комитетомъ примѣнены въ дѣлу проецированны бывшею Ревизіонною комиссіею и одобренны Общимъ собраніемъ 7-го февраля 1876 г. правила счетоводства и отчетности, за исключеніемъ одной несущественной подробности, а

*) Изъ этого числа 69 студентовъ уплатили вполнѣ свой долгъ Обществу.

именно расходныхъ книжекъ членовъ Комитета, въ заведеніи которыхъ не представилось надобности, и 4) что по приходо-расходной книгѣ Комитета приходныя статьи вносились согласно квитанціоннымъ книжкамъ членовъ Комитета, а расходы оправданы надлежащими документами.

Заключая изъ вышеизложеннаго, что Комитетомъ были приняты всѣ зависящія отъ него мѣры къ увеличенію средствъ Общества и осуществленію указанной уставомъ цѣли его, Ревизионная комиссія признала справедливымъ предложить Общему Собранію о выраженіи Комитету признательности Общества за его полезную и успѣшную дѣятельность.

ОПЕЧАТКИ.

Въ майской книгѣ:

Стр.	Строчка.	Напечатано:	Читай:
449	св. 2	Велькеръ	Велькеръ
452	— 12	miro	meo
—	— 19	Октавію	Октавіану
458	св. 2	Eleutherion	Eleutheriou
454	— 10	Немеса	Немею
455	св. 2	важѣе	вѣрѣе
464	— 7	лады	лада:
466	св. 8	счастливой (235)	счастливую (225)
471	св. 7	конгіеріи	конгіаріи
475	св. 5	числомъ	числамъ
479	— 15	временна	временемъ
480	св. 11	милости	миліиію
481	св. 4	прежде	прежде всего
484	св. 16	Мурена	Мурени.

М. СТАСОВИЧЪ.

ВЪСТАНКЪЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛITERАТУРЫ.

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 8-я.

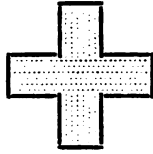
АВГУСТЪ, 1877.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 8-я. — АВГУСТЪ, 1877.

I.—БЕЗЪ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ.—Романъ въ двухъ частяхъ.—Часть вторая.— (Окончаніе).—Ардова	421
II.—АВГУСТЪ И УСТАНОВЛЕНІЕ РИМСКОЙ ИМПЕРІИ. — III. Личность Августа.—(Окончаніе).—В. П. Герье	518
III.—НѢМЕЦКОЕ ОБЩЕСТВО ПОСЛѢ ФРАНКО-ПРУССКОЙ ВОЙНЫ. (Karl Gutzkow, Die neuen Scapionsbrüder). — I-IV.—А. Э.	571
IV.—ВИКТОРЪ ГЮГО ПО ВОЗВРАЩЕНІИ ЕГО ВО ФРАНЦІЮ.—(Victor Hugo, Depuis Pexil).—К. К. Арсеньева	643
V.—ИЗЪ МОЕЙ ЗАПИСНОЙ КНИГИ.—Въ Сидцали.—V.—(Окончаніе).—Фр. Шпильгагена	671
VI.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I.—Двѣ пѣсни.—II.—На разсвѣтѣ.—III.—Ночь.—А. А—ва	701
VII.—РОССІЯ И ЕВРОПА ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ ЦАРСТВОВАНІЯ АЛЕ- КСАНДРА I-ГО.—II.—Александръ и Наполеонъ до смерти герцога Анген- скаго.—С. М. Соловьева	708
VIII.—ХРОНИКА.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Займы и кредитные билеты.—Па- деніе вексельныхъ курсовъ.—Взиманіе таможенныхъ пошлинъ золотомъ.—Ме- таллическая валюта на желѣзныхъ дорогахъ.—Табачный акцизъ и возвышеніе пошанинъ.—Налогъ на музыкальное образованіе.—Пріемные вѣззаны въ высшія спеціальныя училища.—Новыя условія пріема въ военныя училища.	740
IX.—КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ЛОНДОНА. — Окончаніе парламентской сессіи.—В.	759
X.—КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.—Лѣтнія канцлеры нейтральныхъ державъ.—К.	774
XI.—ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.—XXVII.—Французская печать.—Эм. Зола.	791
XII.—БИБЛОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.—Новѣйшій этнографическій стиль. —Бродячая Русь Христа-ради. С. Максимова.—Д.	822
XIII.—ОБОЗРѢНІЕ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.—Іюль	831
XIV.—ОПРОВЕРЖЕНІЕ.—По требованію министерства народнаго просвѣщенія	850
XV.—БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Рудольфъ Жень. Шекспиръ, его жизнь и сочиненія.—Павловскъ. Очеркъ исторіи и описаніе. 1777—1877. — Свара- менна Турція. Историко-этнографическіе очерки. Н. Р. Овсанаго.	

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВА

ПОПЕЧЕНИЯ О РАНЕННЫХЪ И БОЛЬНЫХЪ ВОИНАХЪ ДѢЙСТВУЮЩИХЪ АРМІЙ.

Пожертванія принимаются:

I. Въ Главномъ управленіи общества.

II. Въ мѣстныхъ управленіяхъ и комитетахъ общества въ различныхъ городахъ Имперіи.

III. Двумя главноуполномоченными общества: княземъ Владиміромъ Александровичемъ Черкасскимъ, находящимся при Главнокомандующемъ дѣйствующей арміею, и Николаемъ Саввичемъ Абаза, находящимся въ тылу арміи, въ городѣ Кишиневѣ.

IV. Въ церквахъ, по распоряженію Святѣйшаго Синода.

Пожертванія могутъ быть дѣлаемы деньгами, вещами, не исключая и меднаментовъ, и личною службою, какъ по уходу за больными и ранеными воинами, такъ и принятіемъ на себя административныхъ обязанностей по обществу Краснаго Креста.

I. Въ *Главномъ управленіи* (въ зданіи Министерства, Государственныхъ Имуществъ, на Большой Морской):

A) Для денежныхъ жертвованій учреждается въ немъ постоянное дежурство изъ членовъ общества, отъ 9 часовъ утра до 4 часовъ пополудни, ежедневно, не исключая воскресныхъ и праздничныхъ дней. Жертвователямъ выдаются квитанціи.

Для лицъ, приносящихъ пожертванія внѣ опредѣленныхъ часовъ, устанавливается въ Главномъ управленіи кружка, въ которую опускаются деньги или билеты, съ обозначеніемъ имени жертвователя, если онъ того пожелаетъ.

Независимо приема въ помѣщеніи Главнаго управленія, въ различныхъ мѣстностяхъ города выставляются кружки, съ надписью: «Въ пользу общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ».

Денегныя пожертванія, полученные по почтѣ, принимаются казначеемъ общества и вписываются въ общую книгу пожертвованій.

О всѣхъ пожертваніяхъ публикуется въ газетахъ на другой или на третій день по поступленіи ихъ; о деньгахъ, вынутыхъ изъ кружекъ, публикуется по вскрытіи кружекъ ежедневно.

B) Вещевыя пожертванія могутъ быть производимы въ приготовленномъ видѣ и въ сыромъ матеріалѣ; тѣ и другія принимаются въ Центральномъ петербургскомъ складѣ общества (у церкви Благовѣщенія, въ казармахъ 8-го флотскаго экипажа).

О поступившихъ въ теченіи недѣли вещевыхъ пожертваніяхъ публикуется въ газетахъ.

B) Предложенія личныхъ услугъ отъ желающихъ посвятить себя уходу за ранеными и больными и воинами, а равно служенію по административной части общества заявляются Главному управленію общества, при слѣдующихъ условіяхъ:

1. При заявленіи отъ общинъ и другихъ учреждений слѣдуетъ представлять подробныя рѣзанія о числѣ лицъ, о желаемомъ мѣстѣ ихъ употребленія, о той санитарной подготовкѣ, которая дана имъ, и о той матеріальной помощи,

которую они снабжены, а равно и о той, которую они ожидают получить от общества Краснаго Креста.

2. При предложеніи услуг докторовъ и фельдшеровъ представляются ихъ аттестаты и свидѣтельства подлежащаго начальства, а равно и подписки въ томъ, что на основаніи предлагаемыхъ ими услугъ, они обязываются вполне подчиняться распоряженіямъ управленія общества, гдѣ бы и когда бы они ни были употреблены для исполненія возложенныхъ на нихъ обязанностей.

3. При заявленіи братьевъ и сестеръ милосердія, представляются ими удостовѣренія отъ общинъ и госпиталей, при которыхъ они состояли или приготовлялись въ санитарномъ отношеніи; лица, не получившія должной подготовки, по представленіи ими свидѣтельство въ ихъ благонадежности, направляются въ учрежденія, гдѣ они могутъ выслушать предположенный для этой цѣли сокращенный курсъ.

Во всѣхъ случаяхъ лица, заявляющія свою готовность служить обществу, обязываются поставить Главное управленіе въ извѣстность о мѣстѣ своего жительства.

II. Пожертвованія чрезъ мѣстныя управленія и комитеты общества.

Мѣстныя учрежденія общества принимаютъ пожертвованія, также какъ и Главное управленіе, деньгами, вещами и предложеніемъ личныхъ услугъ, причемъ руководствуются тѣми же правилами, какъ и Главное управленіе. Мѣстныя учрежденія общества непременно заявляютъ, что они принимаютъ пожертвованія не только на удовлетвореніе мѣстныхъ ихъ потребностей, какъ-то: устройство мѣстныхъ госпиталей для раненыхъ и больныхъ воиновъ, устройство складовъ, и проч., но что чрезъ посредство ихъ могутъ быть направлены пожертвованія въ Главное управленіе, для общихъ нуждъ общества, а также и къ главноуполномоченнымъ, находящимся при арміи, а потому деньги, предназначенныя жертвователями для санитарной помощи на самомъ театрѣ войны, полностью пересылаются мѣстными учрежденіями или въ Главное управленіе, или, по желанію жертвователей, прямо на имя главноуполномоченныхъ. Вещныя пожертвованія должны быть вообще хорошаго качества и, предназначенныя къ отправленію прямо на театръ войны, въ готовомъ видѣ для употребленія.

Предложенія личныхъ услугъ принимаются мѣстными учрежденіями при тѣхъ же условіяхъ, кои выше обозначены для Главнаго управленія.

III. Пожертвованія, направленные къ главноуполномоченнымъ общества.

Такія пожертвованія поступаютъ: 1) вслѣдствіе вызововъ, дѣлаемыхъ ими самими чрезъ публиканіи въ мѣстныхъ или столичныхъ органахъ печати; 2) изъ Главнаго управленія общества, которыя будутъ получены въ немъ съ спеціальною цѣлью пересылки ихъ въ распоряженіе главноуполномоченныхъ; 3) изъ мѣстныхъ управленій и комитетовъ общества, полученныя тамъ съ тою же цѣлью.

Въ двухъ послѣднихъ случаяхъ, учрежденія общества, служа передаточными инстанціями для облегченія жертвователей, публикуютъ еженедѣльно въ газетахъ; главноуполномоченные дѣлаютъ тоже о пожертвованіяхъ, непосредственно ими полученныхъ.

Всѣ пожертвованія, въ какомъ бы видѣ они ни предлагались на помощь больнымъ и раненымъ воинамъ, могутъ достигнуть своей цѣли не иначе, какъ чрезъ учрежденія общества Краснаго Креста.

С.-Петербургскій Центральный складъ общества попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ, снабжающій преимущественно дѣйствующія арміи за границей, объявляетъ, что всякаго рода пожертвованія могутъ быть присылаемы и доставляемы въ помѣщеніе склада, у Благовѣщенія, въ казармахъ 8-го флотскаго экипажа. Пріемъ въ складъ производится во всякое время, съ 10 часовъ утра до 8 часовъ вечера, лицами, составляющими управленіе склада. Сверхъ того, въ складѣ будутъ находиться ежедневно, съ 12 до 4 часовъ пополудни, дежурныя дамы, обязательно принявшія на себя участіе въ семь дѣтъ. Желающіе могутъ получать отъ нихъ свѣдѣнія о тѣхъ вещахъ и предметахъ, которые преимущественно требуются для врачебной помощи и для удовлетворенія нуждъ больныхъ и раненыхъ въ военное время.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ ТИПОГРАФІИ М. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, В. О., 2-я лин.,

д. № 7.

БѢЛИНСКІЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ПЕРЕПИСКА.

Сочиненіе А. Н. Пышина. Въ двухъ томахъ. Спб. 1876. Цѣна 4 рубля, въ переплетѣ 4 руб. 50 коп.

Въ этомъ отдѣльномъ изданіи біографія Бѣлинскаго значительно дополнена новыми матеріалами, явившимися въ печати за послѣднее время, и новымъ рядомъ писемъ Бѣлинскаго, доселѣ неизданныхъ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢВИЧЪ ПУШКИНЪ въ Александровскую эпоху.

П. В. Анненкова. Спб. 1874. Цѣна 1 руб. 75 коп.

ВОСПОМИНАНІЯ И КРИТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

П. В. Анненкова.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ: I. Наказуяиъ пятидесятихъ годовъ.—II. Н. В. Гоголь въ Римѣ.—III. Февраль и мартъ въ Парижѣ 1848 г.—IV. Е. П. Ковалевскій.—Спб. 1877. Стр. 848. Ц. 1 р. 50 коп.

ОПЫТЪ СТАТИСТИЧЕСКАГО ИЗСЛѢДОВАНІЯ

КРЕСТЬЯНСКИХЪ НАДѢЛАХЪ И ПЛАТЕЖАХЪ.

Ю. Э. Яковлева.

Спб. 1877. Стр. 160 и 26 стр. таблицъ. Ц. 1 р. 25 к.

Седьмой томъ „РУССКОЙ БИБЛІОТЕКИ“

НИКОЛАЙ АЛЕКСѢВИЧЪ НЕКРАСОВЪ.

1845 — 1876.

Избранныя стихотворенія, съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ. Спб. 1877. Стр. 258 и XII. Цѣна 75 коп.; въ англ. переплетѣ 1 руб.

Всѣ семь томовъ: Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Жуковскій, Гривосодовъ, Тургеневъ, Некрасовъ—5 руб. 25 коп.; въ англійск. переплетѣ 7 руб.; съ пер. 6 руб. 75 коп. и 8 руб. 50 коп. Земскія управы, училища и книгопродавцы: 4 руб. 25 коп. и 5 руб. 70 коп.; съ перес. 5 руб. 75 коп. и 7 руб. 20 коп.

ЖИЗНЬ ДѢТЕЙ

СОВРАНИЕ ДѢТСКИХЪ РАЗСКАЗОВЪ И ПОВѢСТЕЙ.

ВЫПУСКЪ I: Исторія съ бакарейкой.—Спб. 1877. Стр. 125. Ц. 20 коп.

Сборъ отъ продажи въ пользу Елисаветинской Дѣтской Больницы.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНІЙ

Гр. А. К. Толстого.

Второе изданіе, въ одномъ компактномъ томѣ, съ дополненіями. Спб. 1877. Стр. XVI и 552. Цѣна 2 руб. на простой бумагѣ, и 3 руб. 50 коп. на веленовой, съ портретомъ автора, гравированнымъ на стали (въ англійскомъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ 4 руб. 25 коп.).—Портреть продается особо по 50 коп. экземпляръ.

КНЯЗЬ СЕРЕБРЯНЫЙ.

Повѣсть времени Іоанна Грознаго. Соч. гр. А. К. Толстого. Второе изданіе. Спб. 1869. Цѣна 1 руб. 50 коп.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ТРИЛОГІЯ.

I. Смерть Іоанна Грознаго.—II. Царь Ѳеодоръ.—III. Царь Борисъ. Гр. А. К. Толстого. Спб. 1876. Стр. 451. Цѣна 2 руб. — При ней особая брошюра: „Проектъ постановки на сценѣ трагедіи „Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ“. Спб. 1870. Ц. 25 к.

ОКОЛО ДЕНЕГЪ.

Романъ изъ сельской фабричной жизни. Алексѣя Итѣхина. Спб. 1877. Стр. 239. Цѣна 1 руб. 25 коп.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО ЭЖЕНЪ РУГОНЪ.

Романъ изъ времени второй французской имперіи. Эмиля Зола. Спб. 1876. Цѣна 2 руб.

РУССКІЙ РАБОЧІЙ

У СЪВЕРО-АМЕРИКАНСКАГО ПЛАНТАТОРА.

А. С. Курбскаго. Спб. 1875. Стр. 445. Ц. 2 р.

ВСАДНИКЪ.

Практическій курсъ верховой ѣзды. В. Франкони. Переводъ съ французскаго. Л. И. Спб. 1876. Цѣна 1 руб. 25 коп.

ПОЖАРНАЯ КНИГА.

Постановленія закона о предосторожностяхъ отъ огня и руководство къ тушенію всякаго рода пожаровъ. Съ полнѣйшими рисунками. Составилъ А. И.—въ. Спб. 1875. По уменьшенной цѣнѣ 1 руб. 25 коп. вмѣсто 8-хъ рублей.

Книгопродавцамъ обычная уступка. Иногородные прилагаютъ за пересылку по почтѣ 10⁰/₀ со стоимости книги, въ круглыхъ цифрахъ.

БЕЗЪ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ

РОМАНЪ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ *).

I.

У подъѣзда большого пятиэтажнаго дома на Владимірской улицѣ остановились извозничьи сани. Высокій господинъ въ мѣховою шапкѣ, крѣпко закутанный въ большую ентовую шубу, медленно выгнѣвъ изъ нихъ и, расплатившись съ извозникомъ, вошелъ въ ярко-освѣщенный подъѣздъ. Громко стуча калошами, поднялся онъ по лѣстницѣ до третьяго этажа и нервно дернулъ за ручку звонка. Дверь немедленно отворилась. Господинъ вошелъ въ освѣщенную газомъ переднюю, сбросилъ шубу на руки молоденькой горничной, отворившей ему дверь, подошелъ къ зеркалу и снялъ шапку. Газовый рожокъ освѣтилъ блѣдное, изуренное лицо, принадлежавшее не кому иному, какъ нашему старому знакомому Алексѣю Васильевичу Вильду. Его высокая, костлявая фигура будто сгорбилась, брови нахмурились надъ впалыми глазами, темные волосы порѣдѣли и кое-гдѣ посѣдѣли, а въ отвислой нижней губѣ засѣло капризное, брезгливое выраженіе.

- Барыня дома?—обратился онъ отрывисто къ горничной.
- Дома-съ. Приваже лампу зажечь въ кабинетѣ?
- Не надо. Гдѣ Степанъ?
- Барыня усади его за повушками къ ужину.

*) См. выше: июль, 60 стр.

— Развѣ не могли послать его утромъ?

Горничная молчала.

— Вѣчно все навыворотъ! — проворчалъ Вильдъ. — Подавай обѣдъ.

Съ этими словами онъ вошелъ въ небольшую, устланную мягкимъ ковромъ комнату, среди которой стоялъ столъ, накрытый на два прибора. Висячая лампа весело освѣщала бѣлоснѣжную скатерть, блестящее серебро и хрусталь. Въ каминѣ ярко пылалъ огонь. Алексѣй Васильевичъ, слегка космившая сапогами и поѣживаясь, подошелъ къ камину, искоса брезгливо осмотрѣвъ столъ. Ему подъ ноги попала дѣтская игрушка; онъ съ нетерпѣніемъ шарахнулъ ее въ сторону. Наклонясь къ камину, грѣясь онъ въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ худыя, костлявыя руки. Вокругъ все было тихо, будто въ квартирѣ никого не было; только угли въ каминѣ по временамъ трещали, да свистѣлъ пущенный слишкомъ сильно газъ въ розетѣ.

Вильдъ выпрямился, нетерпѣливо передернулъ плечами и прошелся раза два по коврау. Изъ отдаленной комнаты донесся дѣтскій крикъ и смѣхъ, мягкій женскій голосъ отвѣчалъ на него. Голосъ этотъ, казалось, произвелъ раздражительное дѣйствіе на Вильда. Онъ вдругъ круто повернулся на каблучкахъ, подошелъ къ передней и сердито крикнулъ:

— Что-жь, — обѣдать!

— Сейчасъ подаю-сь, — отвѣчала робко горничная, возмущаясь съ графиномъ воды въ рукахъ.

— Я, кажется, не разъ, не два приказывала, чтобы обѣдъ былъ на столѣ ровно въ четыре часа!

Горничная съ испугомъ, искоса, посмотрѣла на барина, поспѣшно поставила графинъ на столъ и удалилась; но черезъ нѣсколько секундъ она снова вернулась, неся на подносѣ супъ, пирожки, закуску. Вильдъ все время продолжала ходить по комнатѣ.

— Надежда Николаевна знаютъ, что я дома?

— Знаютъ-сь. Онѣ сейчасъ выйдутъ.

— Чтб, у нихъ гости, что ли?

— Нѣтъ-сь, никого нѣтъ!

— Такъ пойдѣ, доложи имъ, что супъ давно на столѣ! Чортъ знаетъ что такое! Работашь какъ волъ, съ утра до ночи, устанешь какъ собака и не можешь добиться, чтобы хоть обѣдъ вовремя подавали!

Горничная бросилась — было къ двери исполнять приказаніе барина, но на порогѣ чуть не столкнулась съ бариней.

Надя медленно, не глядя на мужа, подошла къ столу, сняла крышку съ миски и подала ее горничной; послѣдняя выпшла. Три года тоже не безслѣдно прошли для Нади. Она выросла, сильно похудѣла; движенія ея были медленны, будто уставши; лицо вытянулось, между тонкими бровями легла рѣзкая складка, а въ углахъ губъ замерло что-то жѣсткое, горькое. Она, молча, поставила тарелку съ супомъ передъ мужемъ и сѣла.

Алексѣй Васильевичъ медленно, методично развернувъ салфетку, разложилъ ее на колѣннхъ. Внимательно выбралъ онъ на близъ-стоящей тарелкѣ вилку побольше и потише, тщательно очистилъ ее, налилъ водки въ рюмку, опрокинулъ водку въ ротъ, закусилъ вилкой съ чернымъ хлѣбомъ и затѣмъ уже принялся за супъ. Согнувшись надъ тарелкой, нахмуривъ брови, онъ громко отхлебывалъ его. Надя, повертѣвъ ложкой въ тарелкѣ, отодвинула ее и, маневрально играя вилкой, смотрѣла передъ собой.

— Скажите, пожалуйста, — началъ Вильдъ послѣ довольно продолжительнаго молчанія, не глядя на жену, — вѣроятно это весьма трудно, даже, кажется, невозможно, добиться, чтобы у меня въ домѣ былъ порядокъ?

— Къ чему вы это говорите? — спросила Надя, холодно взглядывая на него.

— Къ тому-съ, — возразилъ Вильдъ, съ сердцемъ отодвигая тарелку и откидываясь на спинку стула, — къ тому-съ, что я говорилъ не десять, а сто разъ, что желаю имѣть въ домѣ порядокъ. Я желаю обѣдать въ четыре часа, и не разъ уже имѣлъ честь высказывать вамъ свое желаніе... И вотъ, прѣвзяко голодный, усталый, безъ десяти минутъ четыре, и меня заставляютъ здѣсь ждать одного почти часа...

— Ты ждалъ не болѣе четверти часа... Впрочемъ, сдѣлай снова выговоръ кухаркѣ и не удивляйся, если и она, какъ другія, потребуетъ расчета...

— Я не намѣренъ потакать беспорядкамъ, вы это очень хорошо знаете... И я добьюсь порядка! — произнесъ онъ, возвышая голосъ... — Я ждалъ болѣе получаса! — продолжалъ онъ, отчеканивая каждое слово. — Разумѣется, въ это время супруга моя была занята какими-нибудь научнымъ вопросомъ и не могла снизойти съ высоты своего величія, чтобы подумать объ усталомъ мужѣ...

— Вася нездоровъ. Я была все время съ нимъ...

— О, вы всегда заботливая мать, ннѣте въ этомъ не сомнѣвается! Не мѣшало бы только быть болѣе заботливой супругой...

Надя не отвѣчала; углы губъ ея приподнялись въ презрительную усмѣшку, а лицо выразило крайнее утомленіе.

Усмѣшка эта не ускользнула отъ Вильда; онъ рѣзко подвинулся на стулѣ. Въ это время горничная внесла на блюдѣ жаркое, обложеное картофелемъ, и поставила передъ барининомъ. Убравъ лишнюю посуду, она снова вышла. Вильдъ, опустивъ нижнюю губу и продолжая кмурить брови, началъ точить ножъ о вилку. Наточивъ его, онъ придвинулъ блюдо, осмотрѣлъ ростбифъ со всѣхъ сторонъ и принялся рѣзать.

— Такъ и есть! опять недожарено! Вѣдь это изъ рукъ вонъ! Даша!

Въ дверяхъ появилась горничная.

— Позови сюда кухарку!

Даша исчезла.

— Что-жъ вы смотрите, скажите, пожалуйста! — обратился Вильдъ къ женѣ. — Каждый день обѣдъ испорченъ... Вотъ, утормъ я видѣлъ у васъ на столѣ «Политическую Экономію» Милля... Въмѣсто того, чтобы пичкать голову недоступными вамъ вещами, лучше было бы заняться нѣсколько повнимательнѣе домашнимъ хозяйствомъ.

Надя не успѣла отвѣчать. Вошла кухарка и стала у дверей, запрягивая голые локти подъ драдедамовый, неопредѣленного цвѣта платокъ.

— Марья, пойдѣ сюда! — призывалъ ее Вильдъ.

Марья двинулась отъ двери и стала у стола, во всѣ глаза глядя на барина.

— Что это такое? — процѣдилъ Вильдъ, указывая на недожаренный ростбифъ.

Марья перевела глаза на блюдо, затѣмъ снова уставилась на барина.

— Маленько недожарено, — прованесла она глухимъ голосомъ.

— А отчего онъ недожаренъ?

Молчаніе.

— Отчего онъ недожаренъ? — повторилъ Вильдъ.

— Замѣшкалась... Часы не досмотрѣла.

— Не досмотрѣла! А отчето не досмотрѣла, а? кофен раскивала, да гостей занимала? Сказано, чтобы гостей до обѣда не принимать!.. Я требую, чтобы мнѣ служили хорошо, добросовѣстно, — понимаешь? Жалованье я плачу не маленькое, обращеніе здѣсь хорошее... Пожаловаться, кажется, не можешь!... Дѣла тоже немного; исполнять его, кажется, не трудно... Не разъ, не два го-

ворилъ я, что требую, чтобы обѣдъ былъ готовъ въ-время... Слышала ты это, или нѣтъ?

Видѣе продолжалъ въ этомъ духѣ нѣсколько минутъ, тѣкая наставительно виной въ недожаренный ростбифъ.

— Теперь ступай, да чтобы впредь этого не было! — закончилъ онъ наконецъ.

Марья не заставила дважды повторить это приказаніе. Выходя въ переднюю, она съ сердцемъ плюнула.

— Вѣдь этакой язвительный! — проворчала она. — Ужъ лучше бы выругалъ какими ни на есть скверными словами, а то язвить, язвить, душу вытянетъ! Кабы не жалованье, дня не осталась бы!..

Надя во все время сцены съ кухаркой сидѣла неподвижно. Крайнее утомленіе выражало ея лицо, ея полузакрытые глаза. Лишь только Марья вышла, она тоже встала и направилась къ противоположной двери.

— Куда же вы? Обѣдать развѣ не хотите?

— Нѣтъ.

— Милая семейная жизнь, нечего сказать! Это изъ рукъ зонъ, наконецъ! — вскрикнулъ онъ, вскакивая со стула. — Когда ни прійдешь, вѣчно супруга дуется! Когда же этому конецъ!

Надя повернулась.

— Я васъ тоже спрашиваю, когда же этому конецъ? — замѣтила она медленно; глаза ея жѣство остановились на мужѣ. — Вы знаете, что никто болѣе меня не желаетъ конца.

— Знаю-съ, прекрасно знаю-съ! Нечего вамъ напоминать!

— Если знаешь, то отчего же ты не соглашаешься съ моимъ предложеніемъ?

— Съ твоимъ предложеніемъ! Вы забыли, Надежда Николаевна, что я не колпакъ, какъ вашъ папенька, и не намѣренъ плясать по дудочкѣ моей супруги. Я требую отъ васъ законнаго, только уступокъ, на второя я, какъ мужъ, имѣю право расчитывать... А вы?—что вы требуете? Вы требуете, чтобы мы...

— Я требую, чтобы мы разошлись хоть на время, и не понимаю, какъ ты самъ этого не желаешь! Не понимаю, какъ тебѣ не надобли трехлѣтнія, ежедневныя сцены!..

— Надобли, матушка моя, надобли! по-горло надобли! А кто же въ нихъ виноватъ? Вы, разумѣется, съ обычной вамъ справедливостью, скажете, что я!..

— Я ничего не скажу. Кто виноватъ: ты или я—не знаю. Вѣрнѣе всего, что никто изъ насъ, или оба вмѣстѣ. Я знаю только, что тебѣ не такую жену надо было, а мнѣ...

Надя заднулась и встряхнула головой, какъ-бы отгоняя неотвязчивыя мысли.

— Ахъ, въ чему все это? — продолжала она съ тоской. — Сколько разъ ужъ переговаривали! Будто дѣло не ясно, какъ божій день!

— Прикажете убирать? — провознесла Даша, появляясь въ дверяхъ.

— Убирай! — грубо крикнулъ Вильдъ. Надя вышла изъ комнаты.

Вильдъ, закуривъ сигару, опустился въ кресло около каминна; черезъ минуту онъ вскочилъ и подошелъ къ окну. На дворѣ былъ сильный морозъ; стекла покрылись густыми, замысловатыми узорами, савою которые съ трудомъ можно было различить медь-каніе уличныхъ и экипажныхъ фонарей. Вильдъ простоялъ нѣсколько минутъ у окна, машинально прислушиваясь къ отдаленнымъ унылымъ звукамъ шарманки. Даша едва слышно убирала со стола. Замѣнивъ бѣлую скатерть цвѣтною, бархатною, она осторожно вышла въ переднюю, тихо притворивъ за собою дверь. Вильдъ обернулся, подошелъ къ камину и снова бросился въ кресло. Лицо его, за минуту злобное, раздраженное, приняло теперь грустное, почти жалобное выраженіе.

— «И отчего она меня не любитъ? отчего? думалъ онъ, кусая кончикъ сигары.— Я ли не былъ готовъ на рукахъ ее носить, беречь, холить? И за всю мою ласку, кромѣ холодности, кромѣ тупой ненависти, я ничего не встрѣчалъ!»

Онъ пристально смотрѣлъ въ каминъ, разсѣянно слѣдя за длинными синими язычками, ползающими то тамъ, то сямъ по угольямъ. Отдаленные звуки шарманки приближались все ближе и ближе и болѣзненно бередили его нервы. Наконецъ она остановилась передъ самымъ домомъ и раздалась столь извѣстные, избитые, весь міръ облетѣвшіе мотивы изъ «Травіаты». Вильдъ будто замеръ въ креслѣ. Ему вдругъ вспомнился первый день его свадьбы. Этотъ номеръ гостинницы, гдѣ они остановились; эта огромная комната съ неуклюжею, потертою мѣбелю, со всѣми претензіями на роскошь, съ золотыми багетками на окнахъ, но съ отсутствіемъ шторъ и занавѣсъ; эти лубочныя картины на стѣнахъ... Какъ живо представляется ему вся эта комната. Двѣ свѣчи горятъ на столѣ; свѣтъ ихъ едва достигаетъ до большой двуспальной кровати, оставляя въ тѣни занимаемый ею уголъ. Надя сидитъ, съѣжившись, на диванѣ; она не сняла ни бурнуса, ни шляпки и пугливо, крѣпко прижимается въ уголокъ; глаза ея широко раскрылись, какъ у испуганнаго ребенка; со страхомъ озирается она

вокругъ. Все тихо въ корридорѣ; только въ отдаленномъ номерѣ что-то на сценичѣ наигрываетъ мотивы изъ «Травиаты». Какъ хороша она была въ этой позѣ пугливой невинности! Какой страстный трепеть пробѣгалъ по всему тѣлу его, когда онъ, взглядывая на ея граціозную, какъ слабый цвѣтокъ трепещущую фигуру. И теперь при воспоминаніи объ этомъ сладкій трепеть пробѣгалъ по немъ и глаза его заблестѣли. Но это оживленіе было мгновенное. Вильдъ нервно разгребъ уголья, и лицо его снова приняло жѣсткое выраженіе.

...Да, она была обожестительно хороша! Ея дѣвичій страхъ, стыдъ возбудили въ немъ бѣшеную, неудержимую страсть! Ни одна женщина не была любима съ такой страстью, какъ она! У ногъ ни одной женщины не было положено столько любви, мольбы, слезъ, клятвъ, раскаяній! А она? Она только рыдала въ его объятыхъ и съ крикомъ ужаса, ненависти отталкивала его! Вся страсть его не могла возбудить искру любви въ этой холодной, бездушной Галатей!.. Онъ привезъ съ собой испуганное, нервное существо; онъ окружилъ ее комфортомъ, лелѣвалъ, холитъ ее; онъ на колѣняхъ молилъ ея любви; онъ рыдалъ какъ безумный у ея ногъ... и на все, на все отвѣчала она горькими слезами и холодною ненавистью!.. Онъ потратилъ свою страсть на дѣвочку, на слабое существо, не умѣвшее оцѣнить все значеніе его любви, не умѣвшее понять, что эта любовь была искупленіемъ за все прошедшее, что онъ могъ выдти просвѣтленнымъ, преобразованнымъ изъ неа!.. Она не могла понять, что онъ, ни передъ кѣмъ не склонявшійся, отдавался ей въ руки съ довѣріемъ ребенка, не боялся раскрыть передъ ней недостатки свои, а она — ребенокъ, неопытный, безсердечный — съ отвращеніемъ отвернулась отъ него, не сумѣла оцѣнить все значеніе этого довѣрія! Она осмѣлилась осуждать, она, которая не знаетъ, что такое страданіе, что такое борьба!..

Вильдъ съ сердцемъ разгребъ уголья, такъ что искры полетѣли во всѣ стороны.

...Деспотомъ, эгоистомъ величаютъ его всѣ!.. Да, онъ деспотъ для другихъ, онъ былъ деспотомъ съ бѣдной Солей, но въ рукахъ этого бездушнаго созданія — лицо Вильда приняло снова враждебное выраженіе — онъ могъ сдѣлаться маркисомъ, какъ воскъ, если бы она сдѣлала хоть малѣйшую уступку его законнымъ требованіямъ, если бы онъ видѣлъ хоть искру любви съ ея стороны... Но это вѣчное противорѣчіе, это вѣчное сопротивленіе могло и святого довести до бѣшенства, а тѣмъ болѣе его, страстнаго, необузданнаго...

Шарманка замолкла. Жалобно, фальшиво протянулся оборванный на полъ-ногѣ звукъ — и все стекло. Вильдъ нервно повернулся въ креслѣ, всталъ, закурилъ сигару и снова опустился въ кресло. Изъ отдаленной комнаты доносился дѣтскій лепетъ и смѣхъ. Голоса Нади не было слышно. Вильдъ, захвативъ тугунной лопаточкой нѣсколько кусковъ угля изъ брызгъ-стоявшаго угольного ящика, бросилъ въ каминъ. Уголья весело затрещали; красные языки еще послѣдшіе ввалились вверху.

...Она требуетъ разрыва! Хочетъ уѣхать съ сыномъ хоть года на два!.. Да, разумѣется, такъ легче!.. Разрубить Гордіевъ узелъ — да и все тутъ! Голова ея наполнена всякою модною дребеденью!.. И не подумаетъ она, что разрушаетъ святое семейное начало!.. Развѣ она имѣетъ какое-нибудь понятіе объ этомъ началѣ!.. Ей надо только поставить на своемъ, только яснѣе показать свою ненависть!..

Вильдъ всочилъ и зашагалъ по ковру. Дойдя до половинки комнаты, онъ вдругъ остановился. Онъ припомнилъ, какъ вчера, когда онъ выходилъ съ женой изъ театра, до него случайно донесли слова одного его пріятеля:

— Бѣдный Вильдъ! — говорилъ этотъ пріятель, не замѣчая Алексѣя Васильевича, видимо, продолжая начатый разговоръ. — Бѣдный! ему положительно не везетъ! Во вторую жену онъ, кажется, еще болѣе влюбленъ, чѣмъ въ первую, а она платитъ ему тою же холодностью!

Эти слова, какъ ножомъ, кольнули Вильда. Онъ быстро взглянулъ на жену и уловилъ на ея блѣдномъ, усталомъ лицѣ едва замѣтную, горькую усмѣшку. Она слышала замѣчаніе пріятеля.

...О, какую ненависть чувствуетъ онъ въ ней! Чтѣ мѣшаетъ ему уничтожить, стереть ее съ земли! Сколько разъ въ минуту бѣшеной сцены онъ подымалъ руку на нее!.. Чтѣ же останавливало его? Ея презрительный, спокойный взглядъ, или холодный рассудокъ, что онъ необдуманномъ поступкомъ введетъ постороннихъ лицъ въ свою семейную драму!.. Нѣтъ, онъ не позволитъ ей давать смѣяться надъ собой! Онъ не позволитъ ей сдѣлать изъ него посмѣшище для другихъ!.. Она ея жена!.. Она принадлежитъ ему!.. Она должна подчиниться, должна!.. Полнаго разрыва требуетъ она!.. Это еще увидимъ...

Вильдъ коротко расмѣялся. Слова пріятеля окончательно разнуздали его нервы. Онъ все болѣе и болѣе настроивалъ себя.

Въ это время снова раздался дѣтскій крикъ. Вильдъ послѣшно подошелъ къ двери.

— Авдотья! — крикнулъ онъ рѣзкимъ голосомъ.

Послышались торопливые шаги. Рослая, полная, уже немолодая женщина, въ опрятномъ ситцевомъ платьѣ появилась въ дверяхъ. Широкое, полное лицо ея обрамлялось гладко припосаженными, рѣдеными, русыми волосами, закрученными въ крошечную косичку на ватыльѣ.

— Отчего ты не принесла мнѣ Васю сегодня?

— Они маленько простудились, такъ барыня не приказала выносить ихъ изъ дѣтской.

— Пустяки! Принеси его!

— Слушаю-съ.

Авдотья вышла. Вильдъ зашагалъ по комнатѣ.

— «Дикая фантазія!» — думалъ онъ: — «кутать ребенка, какъ старую бабу! Все это притворство! Главное, надо же какъ-нибудь досадить мнѣ»...

Приходъ Нади прервалъ его разсужденія. Она вошла, неся на рукахъ пухленькаго, двухлѣтняго мальчика; одутловатыя щечки его горѣли неестественнымъ румянцемъ. Ребенокъ, обхвативъ рученьками шею матери, прижался щекой къ ея щекѣ. Не глядя на мужа, подошла она къ камину и сѣла въ кресло. Вася, указывая пальчикомъ на огонь, зашепталъ ему одному, да матери понятнымъ разговоромъ. Надя улыбкой отвѣчала ему. Это была уже не та свѣтлая улыбка, вызывавшая ямочки на юныхъ, дѣвичьи щеки и такъ плѣнившая нѣкогда Вильда. Горькая скорбь засѣла въ теперешней улыбкѣ. Губы улыбались, а глаза сохраняли прежнее горькое выраженіе. Но и это подобіе улыбки развеселило Васю; онъ еще громче зашепталъ, указывая то на то, то на другой предметъ.

Вильдъ, молча, съ другого конца комнаты смотрѣлъ, какъ Надя усаживалась съ ребенкомъ. Когда она сѣла, онъ подошелъ и наклонился надъ сыномъ. Глаза его не смягчились, глядя на мальчика. Смотри на сына, онъ, въ сущности, видѣлъ только мать, а по отношенію къ ней послѣ всего, что она съ нимъ сдѣлала, онъ не чувствовалъ ни малѣйшей мягкости. Вася зашныкалъ.

— Развѣ ты не любишь папу? — проговорилъ Вильдъ, какъ можно болѣе мягкимъ голосомъ, наклоняясь еще ближе къ ребенку. — Дай ручку.

Но Вася не только не далъ ручки, а совсѣмъ отвернулся и готовъ былъ разразиться крикомъ. Вильдъ съ сердцемъ выпрямился и отошелъ.

— Прекрасное воспитаніе, нечего сказать! — проворчалъ онъ

связь зубы. — Съ этикъ уже перъ приучать сына ненавидѣть отца!

Надя не отвѣчала; она пыталась успокоить Васю, обращая его вниманіе на различные предметы; но Вася продолжалъ хныкать.

Вильдъ раздражительно шагаль по комнатѣ. Ребенокъ будто понималъ раздраженіе отца. Онъ, хныкая, прижимался къ матери и, наконецъ, разразился громкимъ плачемъ. Вильдъ нетерпѣливо топнулъ ногой.

— До чего вы его избаловали! — рѣзво обратился онъ къ женѣ.

— Вамъ сказали, что его нельзя выносить изъ дѣтской; онъ нездоровъ, — холодно возразила Надя, вставая и направляясь къ двери.

— Погодите. Надѣюсь, вы не забыли, что у насъ сегодня гости?

— Нѣтъ, не забыла. Къ чаю и ужину все готово.

— Я желаю съ вами говорить до прихода нашихъ гостей...

Кригъ Васи помѣшалъ ей отвѣчать. Она вышла, крѣпко притворивъ за собой дверь.

Вильдъ остался снова одинъ. Онъ подошелъ къ окну и нетерпѣливо забарабанилъ по стеклу. Плачь ребенка истерзалъ ему нервы, плачь этотъ раздавался и теперь, и заставлялъ его морщиться, какъ отъ физической боли. Долго, долго раздавались эти крики; наконецъ, ребенокъ замолкъ; тихое пѣніе матери замѣнило его плачь. Вильдъ вспомнилъ, какъ три года тому назадъ, за нѣсколько дней передъ свадьбой, онъ случайно услышалъ этотъ нѣжный, симпатичный голосокъ. Надя, оставаясь одна, любила иногда напѣвать какую-нибудь пѣсню про себя. Вспомнилъ онъ какая сладость наполнила его душу при звукахъ этого голоса; слезы подступали въ глазамъ; онъ чувствовалъ себя необычайно мягкимъ, способнымъ на всякое намѣненіе...

... И она не сумѣла оцѣнить это душевное настроеніе! Сколько женщинъ, которыхъ онъ нѣкогда любилъ, напрасно добивались этой мягкости, этого умиленія! А ей оно прямо въ руки давалось, безъ всякаго усилія съ ея стороны!.. И она отвернулась отъ него!.. Онъ никогда не проститъ ей эту рану, нанесенную его самолюбію! никогда!.. Какъ ненавидѣла бы покойная мать его свою невѣсту! Вспомнились ему всѣ мечты ея о будущей женѣ его! Какой заботой, любовью, самозабвенной преданностью окружала она въ своемъ воображеніи домашній очагъ его!.. Да,

хороша любовь! хороша преданность! Вторая ошибка въ жизни, и вторая горьче первой!.. Онъ зналъ, что Соня не пара ему... Онъ женился изъ жалости, изъ великодушія, и ничего не могъ сдѣлать изъ нея!.. Она была запугана, не переставала бояться его...—а онъ не страха ждалъ, но любви... Онъ, деспотъ, эгоистъ, жаждалъ этой любви и думалъ найти во второй женѣ—и тутъ...

Вильдъ быстро отвернулся отъ окна; въ комнату вошла Нада.

— Что Вася?—отрывисто спросилъ онъ.

— Заснулъ,—тихо отвѣчала она, подходя къ камину.

Крѣпко закутываясь въ сѣрую, пуховую косынку, она сѣла въ кресло, протянувъ узенькія ноги на каминную рѣшетку. Легкая дрожь пробирала ее; она крѣпче станула косынку на плечахъ и еще ближе придвинула кресло къ камину. Лицо ея было холодно, спокойно; глаза безучастно смотрѣли въ огонь.

— Ты хотѣлъ говорить со мной,—начала она беззвучнымъ голосомъ, послѣ минутнаго молчанія.

Вильдъ не отвѣчалъ. Онъ стоялъ, опираясь рукой на столъ, и машинально смотрѣлъ на лежавшую передъ нимъ газету. При появленіи Нади, раздраженіе, злоба неудержимымъ потокомъ приступили къ нему. Нада слегка повернула голову и посмотрѣла на него. Глаза ея сохраняли прежнее безучастное, усталое выраженіе; она медленно отвернулась и снова принялась смотрѣть въ огонь. Тихо тлѣли уголья, изрѣдка издавая легкій трескъ. Ни малѣйшаго звука не доносилось съ улицы, только порой громкіе шаги раздавались на лѣстницѣ, затѣмъ снова все стихало.

— Да-съ, я хотѣлъ говорить съ вами,—произнесъ, наконецъ, Вильдъ, отодвигаясь отъ стола. Онъ подошелъ къ камину и облокотился о выступъ одной рукой, заложивъ другую въ карманъ жилета.

Нада смѣрила его взглядомъ съ ногъ до головы.

— Все о томъ же?—спросила она холодно.

— Все о томъ же-съ,—иронически возразилъ Вильдъ.

Нада пожала плечами и съ утомленіемъ откинулась на спинку кресла. Вильдъ злобно смотрѣлъ на нее.

— Я считаю своимъ долгомъ предупредить васъ,—началъ онъ,—что я не намѣренъ долѣе выносить такое положеніе вещей.

— Очень рада, что вы болѣе не намѣрены выносить его,—произнесла Нада, стагивая еще крѣпче косынку на плечахъ.

— Прошу васъ не перебивать меня. Доселѣ я старался ла-

свой, увѣщаніемъ дѣйствовать на ваши безумныя сопротивленія, но теперь кончено! И у святого не хватитъ терпѣнія вести ежедневную борьбу съ закоренѣлымъ озлобленіемъ, съ женскимъ упрямствомъ... Вы знаете, что право на моей сторонѣ, что я могу требовать то, чего добивался горячей любовью...

— Вы уже не разъ намеряли на это право, и я не разъ говорила, что этого права я за вами не признаю...

Вильдъ отодвинулся отъ камина. Глаза его приняли свинцово-оловянное выраженіе.

— Я тебя заставляю признать это право. Повторяю: мое терпѣніе лопнуло!

Надя слегка приподнялась на креслѣ; глаза ея засверкали.

— Вы спросите—осталась ли у меня хоть капля терпѣнія!.. Вы знаете, что меня держать у васъ въ домѣ?..—Только Васа! Если бы его не было—думаете ли вы, что я осталась бы одинъ день съ вами? Развѣ я вамъ не сказала этого послѣ рожденія Васи? развѣ я не сказала, что, ради него, буду выносить все, что я постараюсь сдѣлать сносными наши отношенія—и развѣ я не держала свое обѣщаніе болѣе года?.. А вы? что вы дѣлали? Сдержали ли вы хоть на йоту ваше самодурство! Подумали ли вы хоть разъ о матери вашего сына, которую вы такъ-сказать на рукахъ носите! Подумали ли вы о ней, когда настанвали на отношеніяхъ, которыя, вы знаете, ненавистны мнѣ и которыя я, ради Васи, рѣшилась выносить!.. Я не могу и не хочу долѣе выносить ихъ,—слышите! Не доводите меня до крайности... У меня тоже терпѣніе лопнуло!..

Надя всочила. Горячій румянецъ покрылъ ея щеки, глаза сверкали, губы вздрагивали. Она проговорила все это такъ быстро, съ такою страстью, что на минуту ошеломила мужа. Онъ неподвижно стоялъ, въперивъ въ нее глаза. Лишь только она вскочила, онъ схватилъ ее за руку и, крѣпко стискивая ее, злобнымъ попортомъ произнесъ:

— Надя, берегись! Не доводи меня до крайности! Ты моя жена и останешься моей, если не волей, то силой!

Надя не пыталась высвободить руку и не поморщилась отъ боли.

— Какъ-будто это въ первый разъ!—произнесла она презрительно.—Съ тѣхъ поръ, какъ вы очли нужнымъ сбросить ваше джентльменски-рыцарское обращеніе, сила не разъ была пущена въ ходъ.

— Надя!—крикнулъ Вильдъ, весь повеленъвъ. Вѣщенство мѣшало ему говорить. Оба они на минуту замолчали и съ глу-

бковой ненавистью смотрѣли другъ на друга. Вильдъ боролся съ желаніемъ поднять надъ ней руку. Нада поняла его борьбу.

— Напрасно! — проговорила она съ какии-то тупымъ ожесточеніемъ. — Вы знаете, что въ сосѣднихъ комнатахъ люди; вы ничего не сдѣлаете при свидѣтеляхъ. Уйдите ихъ — по обыкновению!

Вильдъ въ бѣшенствѣ схватилъ другую ея руку и близко, съ звѣрскимъ выраженіемъ, наклонился. Громкій звонокъ раздался въ это время въ передней. Вильдъ отбросилъ руки и, тяжело дыша, отошелъ отъ нея.

Нада не двигалась. Румянецъ мало-по-малу отхлынулъ отъ ея щекъ; глаза потухли, и снова безучастное утомленіе замѣнило гнѣвное выраженіе ея лица.

— Гдѣ они? въ столовой? — спрашивалъ мужской голосъ въ передней.

При звукѣ этого голоса, неудовольствіе распространилось на лицѣ Нады. Она повернулась и направилась въ двери, ведущей въ дѣтскую; но не успѣла она дойти до порога, какъ противоположная дверь растворилась и въ комнату вошелъ рослый, широкоплечій, уже немолодой мужчина.

Большая голова, съ рѣдкими, сѣдыми волосами, сидѣла на слишкомъ короткой, толстой шеѣ. Широкій черный галстукъ, изъ котораго выступали туго навзрахмаленные воротнички, вѣрнѣе стягивалъ шею и напрасно старался скрыть довольно значительный зобъ. Съ трудомъ поворачивалась голова въ этомъ галстукѣ, а широкий двухэтажный подбородокъ совсѣмъ уходилъ въ воротнички. Длинный, нѣсколько старомодный скюртукъ удлиннѣлъ еще болѣе и безъ того уже длинное туловище. На атласномъ, черномъ жилетѣ съ разводами широко разстилалась толстая золотая цѣпочка съ брелочками.

Эта довольно представительная фигура принадлежала старинному пріятелю и сослуживцу Вильда — Прокофію Даниловичу Мицко.

Прокофій Даниловичъ, войдя въ комнату, тотчасъ же замѣтилъ, что между супругами произошла неприязнь, но ещѣ долгомъ не показать и вида, что замѣтилъ.

— Такъ-съ, — началъ онъ сильнымъ голосомъ, — здарошь-съ, какъ и подобаетъ нѣжнымъ голубкамъ! А я немного раненько пришелъ. Чтѣ, думаю, сидѣть дома! Можетъ, успѣемъ еще въ пиветецъ поиграть, — говорилъ онъ, подходя къ Вильду и Надѣ и пожимая имъ руки.

«Ого!» подумалъ онъ. «Тучи грошныя и руины у ебоихъ какъ ледъ. Была стычка!»

— А что птенчикъ? — спросилъ онъ громко.

— Вася нездоровъ... Я шла къ нему... Вы меня извините, — отвѣчала Надя, и, не дожидаясь отвѣта, вышла изъ комнаты.

— Что, братъ? — обратился Прокoфій Даниловичъ къ Вильду, хлопнувъ его по плечу.

Вильдъ надрогнулъ.

— Что? ничего! — отрывисто возразилъ онъ, сильно встревоживъ головой.

— Ничего! будто? — замѣтилъ Прокoфій Даниловичъ, подмигивая глазами. — Маленькая... того... супружеская сцена, а?

Вильдъ не отвѣчалъ. Онъ отошелъ отъ камина и зашаргалъ по ковру. Прокoфій Даниловичъ съ улыбкой посмотрѣлъ ему вслѣдъ, затѣмъ спокойно сталъ накладывать уголь въ каминъ. Онъ, видимо, былъ свой человѣкъ здѣсь. Яркое пламя взвилось кверху. Прокoфій Даниловичъ на короточкахъ грѣлъ большія жилистыя руки.

— Скверная погода, да? — замѣтилъ Вильдъ, разсѣянно взглядывая на пріятеля.

— Нѣтъ, ничего... Мерозецъ славный, — возразилъ Прокoфій Даниловичъ, вставая и разваливаясь въ креслѣ.

— Что-жъ Эмилія Ивановна не пришла?

— А на что ей? Пусть себѣ дома сидитъ съ ребятишками. Кого-то изъ нихъ сейчасъ купать собиралась.

Послѣдовало молчаніе. Весело трещали уголья, распространяя пріятную теплоту по всей комнатѣ. Прокoфій Даниловичъ съ наслажденіемъ ощущалъ эту теплоту. Щуря глазки, смотрѣлъ онъ на пламя съ видомъ довольнаго вота, у котораго пощечотали за ухомъ. Вильдъ продолжалъ шагать, закуривая одну папироску за другой.

— Да что ты не сидишь? — лѣниво спросилъ Прокoфій Даниловичъ, не оборачиваясь. — Ходишь словно маятникъ изъ угла въ уголь. Изъ душевное волненіе тебя такъ одолѣло?

Отвѣта не послѣдовало.

— Эхъ, ужъ эти женщины! — прибавилъ немного погодя Прокoфій Даниловичъ съ добродушной улыбкой.

Теплота располагала его къ благодушію.

— Какъ бы ты поступилъ на моемъ мѣстѣ? — спросилъ вдругъ Вильдъ, подходя къ камину.

— То-есть — какъ на твоемъ мѣстѣ?

— Ну, да. Ты самъ видишь, въ какомъ положеніи дѣло!

Не разъ, вѣдь, приходилось тебѣ наталкиваться на суицидескія сценки, какъ ты выражаешься.

Провофій Даниловичъ слегка повернулся къ нему такимъ образомъ, чтобы всѣ части его рослаго тѣла были одинаково подогрѣваемы, и, продолжая шурить глазами, процѣдилъ, глубокомысленно покачивая головой:

— Видишь-то, вижу! Какъ не видѣть... Положеніе, дѣйствительно, того...

Вильдъ придвинулъ другое кресло и сѣлъ около камина. Облокотившись на одно колѣно и подпирая рукой голову, онъ нѣкоторое время хранилъ молчаніе.

— Да, какъ бы ты поступилъ на моемъ мѣстѣ? — проговорилъ онъ, отлекаясь на спинку кресла. — Я долженъ говорить съ тобой... Я все только такъ мелькомъ рассказывалъ, но теперь... наступила минута рѣшительная... Мнѣ необходимъ добрый совѣтъ.

Онъ замолчалъ. Провофій Даниловичъ медленно вытаскилъ огромные часы изъ кармана.

— Девятый часъ... Намъ помѣшаютъ...

— Да, да, правда, — озабоченно произнесъ Вильдъ и снова задумался.

— Послѣ ужина, если хочешь..., — началъ Провофій Даниловичъ.

Вильдъ утвердительно кивнулъ головой и всталъ. Въ комнату входили Степанъ и Даша съ разной чайной несудой. Они торопливо принялись накрывать на столъ. Вильдъ упорно слѣдилъ за ними, направляя движенія ихъ короткими приказаниями.

— Гдѣ это вы ели пирошковъ? — спросилъ онъ отрывисто.

— Въ булочной-съ, — отгапортовалъ Степанъ.

— Что, тебѣ трудно было сдѣлать нѣсколько шаговъ до кондитерской?

— Барыня приказала... Въ такой морозъ, говорятъ, далече идти.

«Сердобожная казак!» — вырвалось-было у Вильда, но онъ удержался и только пожалъ плечами. Отдавъ еще два-три приказанія и отворивъ дверь въ другія, уже освѣщенные, комнаты, онъ вышелъ.

Провофій Даниловичъ продолжалъ благодушеествовать у камина. Довольная улыбочка свѣтилась въ прищуренныхъ глазахъ. Предстоящій разговоръ, повидимому, доставлялъ ему большое удовольствіе.

Прокофій Даниловичъ, какъ мы уже сказали, былъ старинный пріятель и сослуживецъ Вильда. Оба они служили въ сенатѣ и шли, такъ-сказать, рука-объ-руку въ томъ, что касается воронной службы. Прокофій Даниловичъ чрезвычайно цѣнилъ Алексѣя Васильевича, считалъ его человѣкомъ замѣчательнымъ, но несовершеннымъ излишнею чувствительностью и идеализмомъ. Вильда, въ свою очередь, весьма уважалъ Прокофія Даниловича за его бюрократическія способности и принципы.

Прокофій Даниловичъ былъ еще стараго зачала человѣкъ, не зараженный разными новыми идеями, занесенными на святую Русь съ Запада. Онъ былъ консерваторъ съ головы до ногъ, и какъ въ государственномъ, такъ и въ семейномъ строѣ строго придерживался до-петровскихъ началъ. Въ семьѣ, по его мнѣнію, брады правленія, безъ сомнѣнія, должны принадлежать мужу; главная же и прямая обязанность жены—пещись о сохраненіи рода человѣческаго; другими словами: ее обязанность производить какъ можно болѣе здоровыхъ дѣтей, кормить, обшивать ихъ. Всѣ стремленія современныхъ женщинъ онъ презрительно называлъ модною дребеденью, которая только и могла родиться въ головѣ захлѣбшаго женскаго повогбнія, позабывшаго прямую цѣль своего существованія. Однако, Прокофій Даниловичъ не выражался такъ прямо въ дамскомъ обществѣ. Онъ съ добродушной улыбкой, подмигивая, выслушивалъ дамскіе разговоры о женскомъ трудѣ, равноправіи половъ и т. п., и заканчивалъ обыкновенно каждый подобный разговоръ слѣдующими словами:

— Эхъ, сударыня, вы все толкуете не о томъ-съ, право—не о томъ-съ! Не туда мѣтите!

Если ратующая за новыя начала была дѣвица, онъ, снисходительно качая головой, прищуривая глаза, говорилъ:

— Вотъ, познаете узы брачныя, узы сладкія, то и увидите, куда мѣтить надо, а это все около, да подлѣ, право-съ!

Къ замуженной женщинѣ онъ относился строже.

— Ученаго учить только портить!—говорилъ онъ, и, указывая на кого-нибудь изъ дѣтей:—вотъ побольше такихъ творите... Это прямая-съ польза обществу!

На раздражительное или презрительное пожатіе плечъ, слѣдовавшее обыкновенно за подобнымъ замѣчаніемъ, онъ отвѣчалъ короткимъ смѣхомъ, выставляя при этомъ черные, испорченные зубы.

— Да ужъ это такъ-съ!—прибавлялъ онъ, — какъ тамъ ни вертите... А все остальное пустяки, бредни!

Къ Вильдамъ онъ приходилъ аккуратно два раза въ недѣлю

поговорить съ Алексѣемъ Васильевичемъ о высокихъ матеріяхъ, какъ онъ выражался, и поиграть въ пиветецъ для развлечения. Нада не влюбилась въ него съ перваго же взгляда. Вся ея рослая, крѣпко спитая фигура, его сильный голосъ, его маленькіе, вѣчно подмигивающіе глазки оттапливающимъ образомъ дѣйствовали на нее. Прокофій Даниловичъ прекрасно видѣлъ ея явную антипатію и въ душѣ рѣшилъ мстить ей за это. Онъ не могъ выносить отвращенія къ себѣ хорошенькой женщины, а Нада весьма приглянулась ему, и хотя онъ былъ строгихъ правилъ и въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Вильдомъ, но приударить за женой не считалъ грѣхомъ. Нада съ перваго же раза обрѣзала его ласковскія попытки, и съ тѣхъ поръ между ними установилась тайная вражда, — не тайная, впрочемъ, со стороны Нады. Никакія свѣтскія приличія не могли заставить ее скрыть свое нерасположеніе, но Прокофій Даниловичъ сдерживалъ уязвленное самолюбіе подъ видомъ безпечнаго добродушія и снисходительности къ прихотямъ хорошенькой женщины.

«Слишкомъ туго натянули струну, прелестнѣйшая Надежда Николаевна!» думалъ онъ въ настоящую минуту, шурась на уголь. «Того и гляди, что лопнетъ! Поусмирится тогда ваше строптивое сердечко, да-съ! Рѣшительная минута, несомнѣнно... И Прокофій Даниловичъ пригодился бы... Но, нѣтъ-съ, слуга поворный»...

Здѣсь, неожиданно для самого себя, Прокофій Даниловичъ чихнулъ, да такъ громко, что Даша, поливавшая около него туалетнымъ уксусомъ раскаленную плитку, вскрикнула и чуть было не уронила плитку ему на колѣни.

Прокофій Даниловичъ вскочилъ какъ опшаренный.

— Чтѣ ты, чтѣ ты, безумная! — вскрикнулъ онъ съ негодованіемъ. — Насквозь меня прожжешь! И кто тебѣ велѣлъ подъ носомъ курить такую мерзость!

Новое чиханіе прервало его.

— Чтѣ тамъ такое? — спросила Нада, появляясь въ дверяхъ.

Свѣтлое, шелковое платье, красиво убранное черными кружевами, замѣнило ея простенькій, домашній костюмъ и еще рѣзче отгнѣяло усталое, безучастное выраженіе блѣднаго, иссушаго лица.

— Да, вотъ, это они-съ... — возразила. Даша, фыркая, — чихнула... Я испугалась... чуть плитку...

Она разразилась смѣхомъ. Нада слабо улыбулась.

— Дура, право дура! — ворчалъ, между тѣмъ, Прокофій

Даниловичъ, громко сморкаясь. — И вдумалось же обкуривать честныхъ людей, словно очумленных!

Въ передней провонялъ колокольчикъ. Нада, своей медленной, усталой походкой прошла черезъ всю комнату въ гостиную мимо Прокофія Даниловича, не глядя на него и слегка касаясь его своимъ длиннымъ, блестящимъ шлейфомъ. Прокофій Даниловичъ отодвинулся и сумрачно посмотрѣлъ ей вслѣдъ.

«Поусмиритесь, Надежда Николаевна, поусмиритесь!» прошептала она сквозь зубы. «И Прокофій Даниловичъ понадобится, да-съ!»

II.

Черезъ часъ въ освѣщенныхъ комнатахъ раздавался говоръ, сдержанный смѣхъ и шуршаніе дамскихъ платьевъ.

Довольно многочисленный кругъ знакомыхъ Вильда принадлежалъ въ среднему разряду столичныхъ чиновниковъ. Это были люди сытые, чинные, степенные, вносившіе съ собой всюду степенное же оживленіе. Легкій, канцелярскій отбѣнокъ лежалъ на нихъ, на ихъ рѣчи, походкѣ, даже на одеждѣ. Казалось, будто и фраки, и модные жилеты невольно принимали на ихъ плечахъ форменный видъ виць-мундира. Дамы, въ свою очередь, не уступали имъ въ степенности и отличались положительностью и практичностью своихъ взглядовъ и стремленій. Большая часть изъ нихъ получила домашнее воспитаніе подъ руководствомъ добропорядочныхъ швейцарокъ и чопорныхъ англичанокъ, которыя привили имъ умѣнье держать себя. Одѣвались онѣ прекрасно, не оригинально, но по послѣдней модѣ. Приличіе и сдержанность во всемъ, всегда, во всякое время — было ихъ кодексомъ. Всякое рѣзкое движеніе, громкій смѣхъ, горячее слово считалось не то что «mauvais genre», а смѣшнымъ. А *quoi bon se — тѣлячій восторгъ!* — говорилось обыкновенно.

Общество раздѣлилось на группы. Въ кабинетѣ, за карточными столами, возсѣдали самые степенные члены общества. Игра шла по пятачку. Никто не волновался; выигрывали и проигрывали чинно, разнообразя эти два обстоятельства передачей другъ другу разныхъ официальныхъ новостей, правительственныхъ распоряженій, биржевыхъ извѣстій и т. п.

Молодые дѣвицы сидѣли за столами съ альбомами. Двое, трое молодыхъ людей — драгоценная рѣдкость гостиной — занимали ихъ. Степанъ разносилъ чай и печенье. Дѣвицы, покусывая

бюквитники и деликатно отпивая чай изъ изящныхъ фарфоровыхъ чашекъ, перебрасывались словами съ молодыми людьми о Патти, Нильсонъ, о туалетѣ княгини А., о прекрасной игрѣ Рубинштейна, о томъ, какъ скучно у Наваринскихъ, гдѣ весь вечеръ надо просидѣть въ темной комнатѣ, вертѣть столы и слушать рассказы о спиритическихъ явленіяхъ. Хорошенькія улыбки, сдержанный смѣхъ доказывали, что, повидѣному, дѣвицамъ было весело.

За чайнымъ столомъ тоже шла оживленная бесѣда объ итальянской оперѣ, о французской группѣ, о Nartal въ роли «La Dame aux Camélias», о столоверченіи.

Вильдъ весело рассказывалъ между гостями, болтая и любезничая съ дамами. Чрезвычайною мягкостью, тонкою, едва уловимую лестью звучало каждое слово его въ дамскомъ обществѣ. За то всѣ дамы были безъ ума отъ него и при его появленіи лицо каждой оварялось удовольствіемъ.

Надя предсѣдательствовала за чайнымъ столомъ и довольно разсѣяннo слушала рассказы одной дамы о свадьбѣ ихъ общей знакомой.

Дама эта, Александра Леонтьевна Рыкова, высокая, полная, съ крупными чертами лица, съ мелкими завитушками рыжеватыхъ волосъ на лбу и густымъ мужскимъ голосомъ, приходилась троюродной кузиной Вильду. Темные слухи ходили объ ея страстной любви къ нему, о прежнихъ не вполне братскихъ отношеніяхъ ихъ; но эти слухи касались только прошедшаго, о нихъ почти забыли и въ настоящемъ видѣли только крайне дружеское отношеніе съ обѣихъ сторонъ. Александра Леонтьевна занимала въ своемъ кругу независимое положеніе богатой, бездѣтной вдовы. Ея немного побаивались, и дѣйствительно, за словомъ въ карманъ она не ходила и на ногу себѣ ступить не позволяла. Барыня она была, что называется, «съ душею». Свои сужденія высказывала рѣзко, категорически, не допуская и мысли о противорѣчии или опроверженіи.

— Ахъ, да, Nadine, — прервала она вдругъ свой рассказъ о свадьбѣ. — Знаете новость?

— Какую новость, кузина? — спросила Надя, размѣщая чашки на поданномъ Степаномъ подносѣ.

— Ваша хваленая Marie Ренъ какую штуку выкинула?

— Какую штуку?

— Сбѣжала!.. да, да сбѣжала!.. Pour tout de bon!.. Съ этимъ... какъ его? Ну, да съ этимъ знаменитымъ барономъ, — вѣдь вы знаете его?..

Надя вспыхнула и замялась. Разговоръ за столомъ умолкъ. Всѣ обратились въ слухъ.

— Какъ!—подхватилъ Прокофій Даниловичъ, придвигая свой стулъ къ столу:—Ренъ сбѣжала? Вотъ-те на!

Онъ засмѣялся своимъ сильнымъ смѣхомъ.

— Нечему тутъ смѣяться! — рѣзко замѣтила Александра Леонтьевна: — она принадлежала къ *нашему* обществу. Это скандалъ!

— Я всегда думалъ, что она кончитъ такимъ образомъ,—глубокомысленно замѣтилъ высокій господинъ во фракѣ и съ англійскимъ проборомъ на затылкѣ.

— Да когда же это случилось?—спросилъ только-что начинающій молодой прокуроръ, съ пухленькимъ розовымъ личикомъ и бородкой вѣеромъ.—Я еще на прошлой недѣлѣ имѣлъ честь танцовать съ ней. Она, по обыкновенію, была весела...

— Да о чемъ ей грустить?—перебила его презрительно Александра Леонтьевна.—Бросила себѣ мужа и дѣтей, да и была такова!

— Слышишь, Ольга, чтó говоритъ Александра Леонтьевна?—обратился господинъ, съ проборомъ на затылкѣ, къ своей супругѣ, блонкурой, длиннолицей дамѣ, съ двумя длинными локонами по обѣ стороны головы. Она только-что подошла къ столу.

— Слышала,—возразила съ холоднымъ пренебреженіемъ блонкурая дама, поправляя кружево на рукавѣ.—Я ничего другого не ожидала отъ Marie Ренъ.

Въ этомъ пренебрежительномъ голосѣ заключался цѣлый приговоръ.

— И давно они сговорились съ этимъ барономъ?—полюбопытствовалъ Прокофій Даниловичъ.

— Кто же ихъ знаетъ!—съ сердцемъ возразила Александра Леонтьевна.—Я давно говорила, что она просто неприлично держитъ себя... А вы ее еще все защищали!—обратилась она язвительно къ Надѣ.

— Я и теперь...,—начала-было Надя порывисто, но Александра Леонтьевна прервала ее нетерпѣливымъ пожатіемъ плечъ.

— Послѣ этого можно все допускать... все защищать!.. Отвергать всѣ принципы... Вы, вѣрно, не знаете, что она назначала ему свиданіе въ ресторанахъ... какъ кокетка!..

Ропотъ негодованія пронесся по всему столу.

— А чтó же мужъ?—спросилъ вдругъ Вильдъ.

Надя вздрогнула и мелькомъ взглянула на него; глаза ихъ на мгновеніе встрѣтились.

— Что-жь прикажешь ему дѣлать?—вскринула Александра Леонтьевна:—посуди самъ, какое глупое положеніе!

Злорадное выраженіе промелькнуло на лицахъ мужчинъ, но приличіе тотчасъ замѣнило его сочувственнымъ пожатіемъ плечъ.

— Вѣроятно, онъ не оставитъ это дѣло такъ,—замѣтилъ медленно Вильдъ.

— Ты знаешь Рена, Alexis,—возразила Александра Леонтьевна. —Онъ тотчасъ теряется... Ему теперь совѣстно въ люди показаться!..

— Ему совѣстно?—протянулъ Вильдъ.—Это почему? Не онъ себя обрызгалъ грязью, а супруга... Я только не понимаю, какъ онъ допустилъ, какъ онъ раньше не отнялъ у этой госпожи всякую возможность поставить его въ такое глупое положеніе...

— Вообразите, онъ, говорятъ, былъ влюбленъ въ нее,—пребрежительно замѣтила Ольга Михайловна.

— Влюбленъ!—съ горечью подхватилъ Вильдъ.—Да, онъ былъ влюбленъ въ нее—и въ этомъ вся разгадка!.. Я бы запретилъ всѣ браки по любви!..

Всѣ засмѣялись.

— Что бы сказали наши барышни, мечтающія о вѣчной, пламенной любви!—со смѣхомъ вскричалъ розовенькій прокуроръ.

— Онъ бы искалъ любовь внѣ брака и до, и по, и во,—подмигивая возразилъ Прокофій Даниловичъ.

— Въ томъ-то и дѣло!—продолжалъ Вильдъ, пропуская замѣчаніе Прокофія Даниловича,—что при нашемъ глупомъ женскомъ воспитаніи онъ только мечтаютъ о какой-то возвышенной любви, а дѣйствительной, реальной любви не понимаютъ... Поэтому, при нашемъ положеніи общества, бракъ по любви нарушаетъ семейное начало...

Между дамами пронесся гулъ негодованія. Мужчины подсмѣивались.

— Да, mesdames, — произнесъ, какъ-бы съ сожалѣніемъ, Вильдъ,—я долженъ окончательно васъ шокировать. Бракъ—святое таинство, съ этимъ, вѣдь, никто не спорить... На немъ зиждется вся нравственная основа общества, любовь же—страсть—потрясаетъ эти основы. Какъ же вы хотите?—продолжалъ онъ, возвышая голосъ и прерывая нѣкоторыя попытки заговорить:—Какъ же вы хотите, чтобы семейное начало сохранилось, когда глава семьи отуманенъ, ослѣпленъ страстью и не видитъ, что у него подъ носомъ дѣлается, не въ силахъ удержать за собой авторитетъ...

Дамы протестовали.

— Алексѣй Васильевичъ, вы ли это? васъ ли я слышу? я васъ не узнаю! Nous revenons aux temps barbares!—посыпалось на него со всѣхъ сторонъ.

— Ну, братъ, акціи твои падаютъ!—произнесъ Прокофій Даниловичъ.

— Ахъ, пожалуйста, Прокофій Даниловичъ, — полусердито вскрикнула Александра Леонтьевна, — не начинайте... Вы матеріалистъ и болѣе ничего!

Прокофій Даниловичъ, прищуривъ одинъ глазъ и выставивъ черные зубы, собирался возражать, но его перебилъ рововый прокуроръ.

— Слышите, Алексѣй Васильевичъ, — вскрикнулъ онъ. — Ольга Михайловна (онъ головой указалъ на блѣющую даму въ кружевахъ) полагаетъ, что дѣло такъ не кончится: Рень требуетъ развода.

— Вотъ вамъ занятіе, — обратился къ нему господинъ съ пробормомъ.

Прокуроръ улыбнулся и продолжалъ вопросительно глядѣть на Вильда.

— Не понимаю Рена, какъ онъ допустилъ до такого скандала!—возразилъ Вильдъ, пожмая плечами.

— Но что же будетъ съ дѣтьми! подумайте!..—вскрикнула востроносенькая брюнетка, извѣстная въ кругу своихъ близкихъ знакомыхъ подъ именемъ Barbe. Она давно уже горѣла желаніемъ вставить и свое словечко. — Поступокъ Marie Рень ужасенъ!.. ужасенъ, ужасенъ!—повторила она, возвышая голосъ и энергически потрясая крошечной головой, на которой возвышался цѣлый монументъ изъ громаднаго шиньона, доконовъ, косъ и бантовъ. Все это зданіе тоже пришло въ движеніе, и, казалось, тоже повторяло: ужасенъ, ужасенъ!..

— Но можно... à la rigueur найти нѣкоторыя... ну... оправданія, что-ли? la passion... говорить... знаете... Но бросить дѣтей, это непростительно... Elle n'a pas de coeur!..

— Да, да, непростительно! Ужасно! C'est barbare!—заговорили дамы.

— А говорить еще, что она такъ любитъ дѣтей, — съ усмѣшкой проговорила Ольга Михайловна.

— Но какая же это любовь!—вскрикнула востроносенькая Barbe.

— Кажется, послѣ развода дѣти останутся у него?—замѣтилъ кто-то изъ присутствующихъ.

— Да, ужъ разумѣется, — возразилъ съ ѣдкой улыбкой

Вильдъ.—Какъ же вы хотите иначе? Развѣ подобная мать можетъ удостоиться счастья видѣть около себя дѣтей своихъ. Она сама себя наказала, если только это наказание для нея!..

— Чѣмъ же дѣти виноваты?—рѣзко спросила Нада.

Всѣ съ удивленіемъ взглянули на нее.

— Меня твой вопросъ удивляетъ, Нада!—миглемъ голосомъ замѣтилъ Вильдъ.

— Ну-да,—продолжала Нада, не глядя на мужа; легкій трепетъ пробѣжалъ по ней.—Съ какого права снимаютъ у матери дѣтей?

— Какъ съ какого права? да она сама лишила его, поступивъ такимъ образомъ!..—вѣжливо замѣтилъ господинъ съ пробормотомъ.

— Наконецъ, законъ...—ввернулъ съ улыбкой прокуроръ.

— Законъ!—подхватила, вся вспыхнувъ, Нада.—Развѣ можетъ законъ, написанный неизвестно когда и кѣмъ, рѣшать нравственное право человека?

— Vous êtes imprayable, Nadine!—вскрикнула Barbe.—Всегда оригинальны. Но вы забыли—она сама бросила дѣтей!

— Нѣтъ, вы забыли еще другое, Надежда Николаевна,—замѣтила блондура Ольга Михайловна,—что она ожерствозала своими дѣтьми для... для... son amant!..

Ольгѣ Михайловнѣ почему-то показалось, что французское выраженіе смягчаетъ суть дѣла.

— Какое же имѣеть отношеніе къ дѣтмъ любовь матери не къ отцу ея дѣтей, а къ постороннему человѣку! Развѣ она послѣ этого перестаетъ быть матерью?

— Нада, позволь тебѣ сказать, — слова мягко замѣтилъ Вильдъ,—что ты, кажется, превратно понимаешь этотъ вопросъ, этотъ жизненный вопросъ, если мнѣ позволитъ такъ выразиться. Ни одинъ уважающій себя человѣкъ не дозволитъ, чтобы возлѣ его дѣтей находилась женщина, заклеившая певоромъ его имя, понимаешь—не *des-so-mits!*

— C'est évident! — подхватила господинъ съ пробормотомъ.— Это очевидно!—перевалъ онъ, обращаясь въ своей супругѣ. Та только пожала плечами.

— Не дозволитъ!—повторила съ горечью Нада; глаза ея заблестѣли.—Да съ какого права онъ не дозволитъ? Кто далъ ему право—изъ чувства мести, оттого только, что она перестала любить его,—лишать ее дѣтей, которыя принадлежать настолько же ей, какъ и ему?.. Неужели и здѣсь ссылаются на законы!

Вильдъ слегка нахмурилъ брови и съ худо-скрытой досадою глядѣлъ на жену.

— Меня вообще удивляетъ, Надя, — началъ онъ сдержанно, — что ты волнуешься такъ изъ-за вопроса, который никого здѣсь лично не касается... Разговоръ принялъ слишкомъ серьезный оборотъ, и для продолженія его необходимо знать нѣкоторыя основныя положенія, о которыхъ, къ сожалѣнью, ты не имѣешь никакихъ понятій...

Горячій румянецъ разлился по щекамъ и шеѣ Нади; сердце ея сильно забилось, виски застучали. Она всѣми силами старалась побороть внезапногъ гнѣвъ, овладѣвшій ею. Неловкое минутное молчаніе воцарилось за чайнымъ столомъ.

Въ гостиной раздался въ это время шумъ, легкія вскрикиванія и смѣхъ.

— Надя чѣмъ это наша молодежь смѣется? — съ насильственной улыбкой замѣтилъ Вильдъ, направляясь къ гостиной.

— Алексѣй Васильчъ! М-г Вильдъ, ахъ, venez ici! сюда, пожалуйста! — залепетали дѣвичьи уста. — Помогите намъ уговорить м-г Зыряно спѣть что-нибудь.

М-г Зыряно, бѣлобрысый, небольшого роста человѣчекъ, былъ вездѣ, что называется, душой общества. У него въ карманѣ всегда находился запасъ анекдотовъ, сантиментальныхъ и комическихъ романсовъ, загадокъ, каламбуровъ и тому подобныхъ «talents de société», какъ выражаются французы. Онъ даже самъ написалъ два-три романа, имѣвшіе большой успѣхъ въ кругу его знакомыхъ.

— И неужели вы можете отказываться, когда столь прекрасныя уста васъ молятъ, просить! — замѣтилъ Вильдъ, усаживаясь въ кругу дѣвицъ. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній и препирательствъ, м-г Зыряно направился, наконецъ, къ роялю. Всѣ его окружили. Почти всѣ бесѣдовавшіе за самоваромъ тоже перешли въ гостиную.

За чайнымъ столомъ оставалась только Надя, двѣ-три дамы и Прокофій Даниловичъ. Но Надя не замедлила встать и, ссылаясь на необходимость провѣдать Васю, собиралась выйти, когда въ передней громко провенѣлъ колокольчикъ.

— Кто это такъ поздно? — проговорилъ Прокофій Даниловичъ.

Вонелъ Степанъ и подалъ Надѣ визитную карточку. Взглянувъ на нее, она вдругъ оживилась и быстро, почти бѣгомъ, направилась въ переднюю, крѣпко затворивъ за собой дверь.

— Какая странная женщина! — замѣтила вполголоса одна

изъ дамы, обращаясь съ кривой улыбкой къ Провофью Даниловичу.

Провофій Даниловичъ не возражалъ; его заинтересовала визитная карточка.

— Но какъ ее любить Алексѣй Васильевичъ,—продолжала та же дама,—это даже удивительно! Какой привлекательный человекъ!

— Что мы тутъ сидимъ?—произнесъ, наконецъ, Провофій Даниловичъ.—Послушаемъ-ка того гѣвуна.

Дама зашурпала платьями. Онъ тоже всталъ, однако не послѣдовалъ за ними въ гостиную, а направился въ переднюю.

Тихо, осторожно пріотворилъ онъ дверь. Степанъ и нѣсколько лакеевъ полулежали на ларѣ и стульяхъ. Степанъ вскочилъ.

— Кто это звонилъ?—спросилъ Провофій Даниловичъ.

— Барыня какая-то...

— Барыня? гдѣ-жъ она? уѣхала?

— Никать нѣтъ-съ... У барыни въ спальнѣ.

Провофій Даниловичъ вопросительно взглянулъ на Степана.

— А, хорошо!—процѣдилъ онъ и, затворивъ за собой дверь, снова вошелъ въ столовую.

«Барыня! что за барыня?», подумалъ онъ.

А Надя въ это время ввела свою гостью въ спальню и спѣшила зажечь свѣчу.

— Ну, скажите, пожалуйста,—живо проговорила она, подходя со свѣчей къ гостьѣ и освѣщая красивое лицо Климской.—Какими судьбами вы здѣсь?

— Какими судьбами!—весело повторила Климская.—Я приѣхала вчера, а завтра уже ѣду за границу.

— За границу? зачѣмъ?

— Доктора посылаютъ... Я въ вамъ на минутку... У васъ гости... Мнѣ страшно хотѣлось васъ видѣть...

Надя молчала. Ея тяжело поразила худоба Климской и неестественный румянецъ на впалыхъ щекахъ.

— Садитесь,—проговорила она, наконецъ, подводя ее къ дивану.

— А вашъ саго спрошу что скажете? Вѣдь вы знаете, мы не друзья,—замѣтила съ улыбкой Климская, усаживаясь однако на диванъ.

Надя не отвѣчала.

— Вы прямо изъ П.?

— Да, прямо оттуда.

— Расскажите мнѣ, что тамъ дѣлается, — тихо сказала она, беря Климскую за руку.

— Нѣтъ, прежде чѣмъ рассказывать, дайте мнѣ на васъ посмотрѣть! — проговорила Климская, впиваясь жгучими глазами въ лицо Нади.

— Неужели это вы? — продолжала она серьезнымъ голосомъ. — Тамъ, въ передней, мнѣ показалось, что вы совсѣмъ не измѣнились, а теперь...

Климская покачала головой.

— Зачѣмъ вы не отвѣчали на мои письма?

Надя повраснѣла.

— Я вамъ отвѣчала, — уклончиво произнесла она.

— Отвѣчали! — Написали только слова два послѣ второго или третьяго моего посланія, да и то только для того, чтобы просить меня болѣе не писать...

Надя встала и подошла къ сосѣдней комнатѣ.

— Кто тамъ такое? — спитъ кто-нибудь? — отрывисто спросила Климская.

— Да, Вася... Онъ нездоровъ.

— Ахъ да, я и забыла, что вы мать семейства. Счастье для васъ!...

— Это вѣдь счастье для всѣхъ женщинъ, — съ улыбкой замѣтила Надя, возвращаясь къ дивану.

— Ну, нѣтъ, я съ этимъ не согласна! Что бы я, напримѣръ, стала дѣлать съ дѣтми? Еще, впрочемъ, мальчики туда-сюда, а дѣвочки!... Съ какой стати производить на свѣтъ Божій вѣчно-ноющія созданія!...

— Расскажите же мнѣ про себя, — перебила ее Надя. — Отчего васъ посылаютъ за границу?

— А вотъ для чего? — живо возразила Климская, съ веселой улыбкой указывая на впалыя щеки. — Да, вѣдь, это пустяки! Они думаютъ, что излечать... Давно ужъ я знаю, что неизлечима! Ъду я только потому, что мнѣ хочется перемѣны. П. надоѣтъ мнѣ и, вѣроятно, отъ скуки мнѣ стало хуже... Вотъ они и то-ропать!...

Климская закашлялась и послѣдшнею поднесла платокъ къ губамъ; легкая струйка крови показалась на платкѣ. У Нади защемило сердце.

— Вы не удивились, что я написала вамъ? — снова заговорила Климская, оправившись отъ кашля.

— Нѣтъ, — возразила Надя, тихо пожимая ей руку.

— Мнѣ отъ васъ лично хотѣлось знать, какъ вамъ живется.

Я разспрашивала о васъ, кого могла. Разъ даже пересилила себя и подошла къ Любови Гавриловнѣ... Она, между прочимъ, молодѣетъ и молодѣетъ; ни одного бала не пропускаетъ въ собраніи... Итакъ, я подошла къ ней, чтобы спросить о васъ, счастливы-ли вы? «Надя!» вскрикнула она съ изумленіемъ:» да какъ же ей не быть счастливой? Мужъ на рукахъ ее носить!... Онъ влюбленъ, до безумія влюбленъ въ нее!... говорила она съ удареніемъ на каждомъ словѣ... Съ намѣреніемъ — понимаете? Она думала, что извѣстие это возбудитъ мою ревность!» C'est un magi geste, chère m-me Klimsky! прибавила она, принимая приглашеніе какого-то кавалера... Вотъ все, что я отъ нея узнала!

Легкая горькая усмѣшка промелькнула въ глазахъ Нади.

— Не могла я утерпѣть, чтобы не заѣхать къ вамъ теперь, — продолжала Климская. — Мнѣ казалось, что послѣ того разговора тамъ, въ читальной комнатѣ, мы болѣе не чужія... Помните вы тотъ разговоръ?

Климская наклонилась къ Надѣ и пытливо взглянула на нее, но Надя не успѣла отвѣчать. Дверь распахнулась и въ комнату поспѣшно вошелъ Вильдъ. Одна свѣча тѣмъ тускло освѣщала комнату, что только за два шага отъ дивана онъ узналъ Климскую. Онъ вдругъ остановился.

— Мы все какъ-то внезапно встрѣчаемся, Алексѣй Васильевичъ, — развязно произнесла Климская. — Прошу извинить меня, что я явилась незванной гостьей!

— Помилуйте, Екатерина Дмитриевна, я весьма радъ, — съ свѣтской любезностью возразилъ Вильдъ, подходя къ ней и пожимая ей руку. Но затѣмъ же вы не желаете удостоить насъ чести пожаловать въ тѣ комнаты? Надя, какъ же ты не догадалась, душа моя, ввести Екатерину Дмитриевну въ гостиную и не дала мнѣ знать объ ея пріѣздѣ... Ты знаешь, я всегда радъ старымъ знакомымъ.

— Вы изумительно любезны! — съ легкой насмѣшкой замѣтила Климская. — Но какъ же я появлюсь между вашими гостями? Вы видите, я въ домашнемъ платьѣ.

Климская указала на черное шелковое платье, ловко обхватывающее ее стройный, но сильно похудѣвшій станъ. Вильдъ любезно улыбнулся.

— Вашъ туалетъ, какъ всегда, безупороченъ. Къ тому же, какъ мнѣ ни жаль нарушить вашу бесѣду, обязанность хозяина принуждаетъ меня напомнить Надѣ, что наши гости удивлены ея отсутствіемъ.

Климская встала.

— Пойдемте, Надежда Николаевна. Какъ видите, противъ насъ заговоръ. Вашъ мужъ боится насъ оставить en tête-à-tête, — прибавила она, съ насмѣшливой улыбкой взглядывая на Вильда. — Онъ боится, что я васъ совращу съ пути истиннаго!...

Вильдъ нахмурилъ брови.

— Я привыкъ къ вашимъ насмѣшкамъ, Екатерина Дмитриевна, и не позволю себѣ забыть, что вы моя гостыя.

— Ого! какой величественный тонъ!—со смѣхомъ возразила Климская.—Но вы ошибаетесь, я гостыя Надежды Николаевны!... Однако пойдете, пойдете!—живо продолжала она, беря Надю подъ руку,—а то, чего добраго... On va me mettre à la porte, а я на васъ еще не посмотрѣлась!

Вильдъ попытался улыбнуться, но губы его искривились въ кислую гримасу, а глаза враждебно глядѣли на все еще прелестное, несмотря на худобу, лицо Климской.

Нѣсколько минутъ спустя они втроемъ появились среди чино-веселаго общества, слегка озадаченнаго отсутствіемъ хозяевъ. Появленіе Климской озадачило его еще болѣе. Всѣ почти замолкли; даже Зяряно, съ выразительными жестами рассказывавшій въ кругу двѣцѣ какое-то необычайное происшествіе, случившееся съ его пріятелемъ въ Италіи, даже и онъ вдругъ остановился на самомъ эффектноиъ мѣстѣ и съ изумленіемъ смотрѣлъ на красивую, черную даму.

Климскую никто не зналъ въ этомъ обществѣ, кромѣ Александры Леонтьевны и Прокофья Даниловича. Оба они въ былое время были повѣренными любви Вильда и съ живѣйшимъ интересомъ слѣдили за всѣми перипетіями этой драмы. Прокофій Даниловичъ благодушно покровительствовалъ влюбленнымъ и отечески принималъ Екатерину Дмитриевну, гдѣ дурковатая супруга его, Эмилія Ивановна, всегда готова была служить ширмой чему угодно. Когда любовь Вильда слегка испарилась и онъ, испуганный энергіей Екатерины Дмитриевны, поспѣшилъ спрятаться за свои принципы, Прокофій Даниловичъ, давно предвидѣвшій эту развязку, полагалъ, что теперь настала его очередь. Но онъ какъ-то не въ-время приступилъ къ дѣлу и наскочилъ на такую сцену, выслушалъ такіе эпитеты, что еще долго спустя онъ вспоминалъ ихъ безъ малѣйшаго удовольствія.

Александра Леонтьевна играла въ этой обыкновенной исторіи роль ангела-хранителя. Она съ трогательной заботливостью предохраняла Вильда отъ коварства Екатерины Дмитриевны и всѣми силами старалась удержать его отъ брака, въ который, по ея мнѣнію, онъ твердо рѣшилъ вступить.

— Какая дерзость!—прошептала она теперь такъ громко, что сидѣвшая около нея Ольга Михайловна съ удивленіемъ взглянула на нее и затѣмъ, прищуривъ глаза, оглядѣла съ ногъ до головы Климскую. Сверкающая красота Екатерины Дмитріевны, ея простой, но изящный туалетъ, роскошные, искусно зачесанные волосы—все это тотчасъ же бросилось въ глаза Ольгѣ Михайловнѣ, и она еще съ большимъ пренебреженіемъ оглядѣла молодую женщину.

— *Quelle est cette apparition?*—обратилась она къ Александрѣ Леонтьевнѣ.

— Я вамъ расскажу это послѣ, *chère amie*.... Теперь нельзя... Она сейчасъ подойдетъ ко мнѣ.

Но Александра Леонтьевна ошиблась. Климская и не думала подходить къ ней и даже будто не замѣчала ее.

— «Эге! вотъ кто эта барыня!» подумалъ между тѣмъ Прокофій Даниловичъ, тяжелой, развалистой походкой направляясь къ Климской.

— Екатерина Дмитріевна, васъ ли я вижу?—проговорилъ онъ, нервѣнительно протагивая ей жилистую, красную руку.

— Меня, почтеннѣйшій Прокофій Даниловичъ, меня!—съ легкимъ смѣхомъ возразила Климская.—Я думаю, если бы вамъ явился привракъ, вы не были бы болѣе удивлены.

— Отчего же-съ? Очень пріятно васъ видѣть и, къ тому же, все такой же веселой-съ!—проговорилъ Прокофій Даниловичъ съ добродушной улыбочкой, севозъ которую проглядывало однако нѣкоторое замѣшательство.

— Что же подѣлываетъ Эмилія Ивановна?

— Ничего-съ. Здравствуетъ.

— Каждый годъ, согласно вашимъ принципамъ, дарить вамъ наслѣдниковъ. Я думаю, у васъ уже цѣлый полкъ?

— Пожалуй, что за немногимъ дѣло стало, — съ сильнымъ смѣхомъ возразилъ Прокофій Даниловичъ.

— Ну, а *Gardinenpredigten* продолжаютъ?

— Какія *Gardinenpredigten*?

— Будто вы не знаете? Полноте притворяться. Когда, бывало, Эмилія Ивановна провинится въ чемъ-нибудь, — обратилась со смѣхомъ Климская къ Надѣ, — Прокофій Даниловичъ никогда тутъ же не сдѣлаетъ ей замѣчанія, а съ глазу на глазъ и начнетъ ей выговаривать, да такъ исправно, что Эмилія Ивановна потомъ плачетъ, плачетъ, — не можетъ заплакаться.

— Богъ знаетъ, что вы на меня клепаете, Екатерина Дмитріевна! — смѣясь, говорилъ Прокофій Даниловичъ, но недобрый

взглядъ кинули на нее его прищуренные глазки. Онъ любилъ слыть за добродушнаго семьянина, поэтому не совсѣмъ-то приятно задѣло его это громогласное раскрытіе его семейныхъ тайнъ.

— Какая безтактность!—прошептала Александра Леонтьевна настолько громко, чтобы находившійся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея предметъ ея злобы могъ слышать ея замѣчаніе. Но Климская даже не оглянулась. Вильдъ въ это время представлялъ ей съ официальной вѣжливостью розовенькаго прокурора.

Дамамъ она положительно не понравилась; за тѣ мужчины съ ея появленіемъ оживились и не спускали глазъ съ нея. Зыряно давно повинулъ кругъ дѣвицъ и смѣнилъ ножками около нея, съ нетерпѣніемъ взглядывая на Вильда въ ожиданіи, что онъ и его, наконецъ, представить ей.

Появленіе Степана съ мороженымъ, фруктами, конфетами оживило нѣсколько дамское общество. Надя, воспользовавшись этимъ случаемъ, взяла Климскую подъ руку и увела ее въ заставленный зеленью уголокъ гостиной, гдѣ на время онѣ остались одиѣ.

Въ Вильду подошелъ старичокъ съ орденомъ на шеѣ, плѣшивый, сморщенный, какъ сморчокъ. Онъ конфиденціально взялъ подъ руку хозяина дома, называя его «*mon cher*» и увелъ въ кабинетъ для сообщенія какого-то весьма важнаго дѣла. Прокофій Даниловичъ не рискнулъ тотчасъ же понасть на язычокъ Климской. Запасшись предварительно мороженымъ, онъ сѣлъ около Александры Леонтьевны, и съ улыбкой слушалъ ея таинственныя поясненія Ольгѣ Михайловнѣ нѣкоторыхъ біографическихъ подробностей о Климской. Ольга Михайловна была возмущена; она не понимала, какъ такую госпожу Вильды принимаютъ.

— Что же дѣлать, *chère amie*?—съ соболѣзнованіемъ говорила Александра Леонтьевна.—*Alexis* такъ много, деликатен!.. Это все *Nadine*... Но я ему скажу, что это просто неприлично... Я непременно ему скажу...

— И часто у васъ собраніе звѣрей?—говорила между тѣмъ Климская, усаживаясь около Нади.

— Разъ въ мѣсяць,—съ улыбкой возразила Надя.—Но расскажите же мнѣ, наконецъ, про П.

Климская придвинулась къ ней и, не отвѣчая на ея просьбу, проговорила вполголоса.

— Вы мнѣ не нравитесь, Надежда Николаевна.

Надя слегка покраснѣла.

— Что такъ?—спросила она съ насильственной улыбкой.

— Вы слишкомъ серьезно смотрите на жизнь...

— Не будемъ философствовать... Расскажите мнѣ лучше про себя, про нашихъ общихъ знакомыхъ...

— Нѣтъ, будемъ говорить о васъ, пока насъ не прервали!— настоячиво проговорила Климская. — Знаете... вы до такой степени измѣнились, что я бы васъ не узнала... Мени тревожить выраженіе вашего лица.

Нѣжная нотка зазвучала въ серебристомъ голосѣ, а глаза ея приняли мягкое, бархатное выраженіе. Надя и не предполагала, чтобы эти жгучіе глаза могли засвѣтиться такой мягкостью. Мягкость эта сообщилась и ей. У нея вдругъ пропала охота уклоняться отъ этого разговора.

— Отчего же оно васъ тревожить?—тихо спросила она.

— Оттого, что съ такимъ выраженіемъ люди добромъ не кончаютъ.

Надя слегка вздрогнула и вопросительно взглянула на Климскую.

— Да, не кончаютъ,—повторила еще тише Екатерина Дмитриевна.—Вы знаете, исповѣди мнѣ вашей не надо; я и безъ словъ знаю, что въ эти три года произошло. Въ васъ вѣра исчезла, ваши мечты разбились... Я предвидѣла это, и думала, что тогда остановлю васъ... Какъ будто можетъ чужой опытъ остановить того бы то ни было отъ ошибокъ!

Чарующимъ образомъ дѣйствовалъ ея бархатный, вкрадчивый голосъ на Надю. Ей казалось, что одинъ за другимъ спадаютъ тѣ желѣзные обручи, что до боли сжимали ей сердце и не давали ему вольно биться въ продолженіи трехъ лѣтъ; ей казалось, что эти бархатные, милые глаза проникаютъ въ самую глубь ея наиболѣе души и съ жгучею болью видятъ, понимаютъ все, что въ ней накипѣло. Дыханіе ея сперлось; кинуться къ ней на шею хотѣлось ей и выплакать въ горячихъ слезахъ все то тяжелое, отъ чужихъ глазъ укрываемое, что годами на сердцѣ накопилося. Но вокругъ нихъ сидѣли чужіе люди, раздавался говоръ, сдержанный смѣхъ, и обѣ онѣ оставались неподвижно на своихъ мѣстахъ, смутно сознавая, что между ними исчезли тѣ свѣтскія преграды, которыя стоятъ между малознакомыми людьми.

Надя подняла голову и встрѣтилась глазами съ Климской; обѣ онѣ улыбнулись.

— Вы говорите, я слишкомъ серьезно смотрю на жизнь,—проговорила Надя съ легкой усмѣшкой.—А вы? Къ чему ведетъ ваше отношеніе къ жизни? Къ этому?

Она указала на впалыя, худыя щеки Климской.

— Ахъ, это другое дѣло!— живо заговорила Екатерина Дмитриевна, встряхивая головой.— Что я? мои дни сочтены!.. Я живу, не жалѣя себя, изо дня въ день, такъ чтобы день промелькнулъ скорѣе, да веселѣе! Собой мнѣ дорожить нечего! Но вы-то, вы-то зачѣмъ себя губите?

— Чѣмъ же я себя гублю?

— Тѣмъ, что пассивно отдаетесь обстоятельствамъ... Вамъ скверно... Отчего же вы тянете канитель?

— У меня сынъ,— тихо произнесла Нада.

— Сынъ! — злобно повторила Климская, и глаза ея сверкнули.— Отчего же вы не возьмете его и не уйдете отсюда?

— Онъ принадлежитъ не мнѣ одной..

— Не вамъ? А кто его больше любитъ? Вы, или онъ?

— Я не имѣю права... Онъ также и его сынъ, — съ усиленіемъ произнесла Нада.

— А онъ имѣетъ право васъ мучить? Скажите, на что вы похожи? Какой вы можете быть матерью послѣ этого?

Горячій румянецъ прихлынулъ къ щекамъ Нади и снова исчезъ. Съ мольбой взглянула она на Климскую.

— Ахъ, оставимъ это! къ чему? Вѣдь здѣсь нельзя говорить! Кто знаетъ? Можетъ, я сама во многомъ виновата!.. Я не сумѣла справиться... Вѣдь другія же женщины живутъ и довольны, а онѣ, можетъ, тоже ожидали встрѣтить въ бракѣ не то, что встрѣтили...

Климская собиралась возражать, но Нада быстро остановила ее.

— Нѣтъ, нѣтъ! Не надо! не здѣсь! ради Бога!

— Когда же?— Нетерпѣливо замѣтила Климская.— Вѣдь другого такого случая не будетъ! Вы знаете, что я всѣмъ существомъ готова помогать вамъ... Я не уйду... Скажите только... Рѣшитесь... Не тяните только канитель!.. Это ни къ чему не поведетъ! поймите вы это!

— Нада, ты и не предложила Екатеринѣ Дмитриевнѣ мороженого,— произнесъ въ это время Вильдъ, подходя къ нимъ и подозрительно всматриваясь въ обѣихъ.

— Благодарю васъ, я не хочу,— возразила Климская, мелькомъ взглядывая на него и снова обращаясь къ Надѣ.

Вильду показалось, что въ этомъ косвенномъ взглядѣ было какое-то пренебреженіе. Лицо его передернулось, онъ взялъ стулъ и съ вызывающимъ видомъ сѣлъ около Нади.

— Не скажете-ли вы мнѣ, Екатерина Дмитриевна, что дѣ-

заетъ Лысухинъ?—произнесъ онъ сдержаннымъ голосомъ, но въ которомъ звучало оскорбленное самолюбіе.

— Да то же, что и прежде. Состоитъ при Любовъ Гавриловнѣ, играетъ въ карты и продолжаетъ искать богатыхъ невѣстъ. Но ему неудача! Вотъ вы отбили у него Надежду Николаевну...

— А что Реввовъ? — послѣшила спросить Надя, видя, что насмѣшливое раздраженіе увеличиваетъ раздраженіе Вильда.

— Вы развѣ не слыхали, что онъ потерпѣлъ фіаско въ Москвѣ? Да, да, — полное фіаско! — несмотря на гарантіи знаменитаго Стефани. Съ горы бѣдный юноша закутилъ, тутъ подвернулась ему какая-то госпожа... Менѣе чѣмъ въ годъ облупила она его, какъ липку, и скитается онъ теперь по Руси съ какою-то вочующей труппой...

— Бѣдный Реввовъ! — грустно произнесла Надя.

— Позвольте вамъ представить, Еватерина Дмитриевна, — проговорилъ Прокофій Даниловичъ, — молодого композитора, подающаго большія надежды, м-г Зыряно.

М-г Зыряно съ скромной улыбкой шаркнулъ ножкой, быстро наклонилъ и также быстро поднялъ голову, будто сзади его кто дернулъ за пружину и, захлебываясь, заговорилъ, что онъ весьма радъ, давно жаждалъ имѣть честь...

Разговоръ сдѣлался общимъ. Прокофій Даниловичъ, Зыряно, рововенькій прокуроръ болѣе не отходили отъ Климовой. Дамы сторонились. Вильдъ ни на югу не отступалъ отъ законовъ вѣжливости относительно своей непрошенной гостыи, но, видя, что ее окружили и не даютъ говорить съ Надей, избѣгалъ подходить къ ней, и, какъ въ началѣ вечера, переходилъ отъ одной группы къ другой. Но вечеръ не клеился. Хозяева, видимо, были не въ своей тарелкѣ, а появленіе Климовой внесло чужой элементъ въ это чинное общество. Дѣвицы, оставшись безъ кавалеровъ, скучали; дамъ шокировала развязность и красота Климовой. Къ тому же, біографическіе очерки Александры Леонтьевны успѣли облетѣть гостиную и усилить чопорность всего общества. Многія дамы стали довольно явно посматривать на часы и торопить къ отбѣду заграбшихся въ карты мужей.

Одно обстоятельство еще болѣе ускорило отбѣздъ случаящихся гостей. Въ то время, какъ въ столовой уже шли приготовления къ ужину, въ гостиную вошла Даша и, послѣшно подойдя къ Надѣ, шепнула ей что-то на ухо. Надя перемѣнилась въ лицѣ, встала и немедленно вышла. Вильдъ послѣдовалъ за ней. Черезъ минуту онъ вернулся съ извѣстіемъ, что ребенку

его хуже; жена просить гостей извинить ее: она не может отойти отъ Васи. Извѣстіе это обдало холодомъ и безъ того уже охладѣвшее общество. Всѣ заторопились ѣхать. Вильдъ не удерживалъ и съ грустнымъ, озабоченнымъ лицомъ выслушивалъ всѣ соболѣзнованія.

Климская, при первыхъ словахъ Вильда, поспѣшно направилась въ дѣтскую. Надя стояла надъ кроваткой и съ невыразимой тоской смотрѣла на ребенка. Вася горѣлъ въ жару, метался, тихо стоналъ. Климская неслышно подошла къ Надѣ и обняла ее. Надя не двигалась; она не спускала глазъ съ мальчика.

— Что у него такое?—прошептала Климская.

— Не знаю... Въ городѣ, говорятъ, скарлатина, — глухимъ голосомъ произнесла она.

— Я не могу помочь вамъ?

Надя отрицательно повачала головой.

— За нимъ уходъ будетъ... Это обыкновенная дѣтская болѣзнь... Многіе же переживаютъ ее...

Голосъ ея дрогнулъ. Она быстро нагнулась надъ мальчикомъ и прижалась губами къ его горячей головкѣ. Климская задумчиво стояла около нея. Многое надо было сказать ей, но теперь все было бы нестати. Для Нади никто и ничто не существовало въ этотъ моментъ. А завтра надо ѣхать!.. Надя останется одна... Не остаться ли? Но Вильдъ не дозволить быть съ ней...

Климская взглянула на Надю. Она, повидимому, забыла объ ея присутствіи и, склонившись надъ ребенкомъ, съ тревогой прислушивалась къ его прерывистому дыханію.

— Вы думаете, что опасности нѣтъ?—спрашивалъ Вильдъ, наливая дрожащей рукой вина доктору.

— Ничего еще не могу сказать, Алексѣй Васильевичъ, — возразилъ чуть-чуть съ нѣмецкимъ акцентомъ докторъ, плотный мужчина лѣтъ сорока-пяти, слегка плѣшивый, съ изумительно бѣлымъ, пухлымъ, будто прозрачнымъ лицомъ. — Завтра, не позже, болѣзнь выяснится.

— Не могу понять, гдѣ онъ простудился?—съ озабоченнымъ видомъ говорилъ Вильдъ. —Его такъ кутаютъ...

— Да, это не слѣдуетъ, — возразилъ докторъ, съ разстановкой отпивая вино. — Но вы, почтеннѣйшій Алексѣй Васильевичъ, не волнуйтесь. Дастъ Богъ, все кончится благополучно.

— Ну, вотъ, и я ему говорю, что не слѣдуетъ волноваться, —

замѣтилъ Прокофій Даниловичъ, на минуту отрываясь отъ заливаго изъ дичи и наливая себѣ вина.

— Не слѣдуетъ, не слѣдуетъ,—повторилъ докторъ, опоражнивая стаканъ и вставая.—Дайте ему мнестуры,—обратился онъ съ дѣловымъ видомъ къ Вильду,—черезъ часть по чайной ложкѣ... Впрочемъ, супруга ваша уже знаетъ... Завтра утромъ заѣду... Прощайте-съ!..

Вильдъ и Прокофій Даниловичъ остались одни. Глубокое молчаніе воцарилось въ столовой. Вильдъ, подперевъ рукой голову, сумрачно глядѣлъ себѣ въ тарелку. Прокофій Даниловичъ не любилъ говорить за ѣдой. Онъ, молча, съ видимымъ удовольствіемъ, уписывалъ лакомые кусочки и обильно запивалъ все проглатываемое виномъ. Основательно отвѣдавъ отъ всѣхъ яствъ, приготовленныхъ для многочисленнаго общества, онъ съ легкимъ вздохомъ удовлетворенія отодвинулъ, наконецъ, отъ себя тарелку, обтеръ губы салфеткой и, наливъ себѣ еще портвейна, закурилъ сигару.

— Напрасно, братецъ, ты ничего не ѣшь,—началъ онъ, прищелкивая губами, чтобъ высвободить крошки, попавшія между зубами.—Ужинъ сдѣланъ на славу! Вѣрно, не дома?

— Конечно, нѣтъ. Въ англійскомъ клубѣ заказанъ.

— Манифигъ!—продолжалъ Прокофій Даниловичъ, густыми струями выпуская дымъ.—Ну-съ, теперь я готовъ слушать.

— Чтѣ слушать?—нетерпѣливо спросилъ Вильдъ, поднимая голову.

— Да, вотъ, ты давеча хотѣлъ говорить со мной...

— Ахъ, да!—произнесъ Вильдъ, вставая и принимаясь шагать.

— Не лучше ли намъ вотъ у огонька посидѣть?—и спокойно, и пріятно... Прикажи Степану угольевъ принести и отпусти его. Чтѣ ему въ передней торчать, да носомъ клевать! Ты и самъ можешь за мной дверь запереть.

Прокофій Даниловичъ, захвативъ бутылку портвейна и стаканъ, направился къ камину. Вильдъ, между тѣмъ, отрывисто отдавъ приказаніе Степану, продолжалъ шагать. Снова ярко запылали уголья, алымъ заревомъ освѣщая благодушствующаго Прокофія Даниловича. Степанъ, погасивъ лишнія свѣчи, на цыпочкахъ вышелъ изъ передней, осторожно притворивъ за собой дверь.

Вильдъ подвятилъ другое кресло къ камину и съ видомъ изнеможенія бросился въ него. Прокофій Даниловичъ, слегка повернувъ къ нему часть своего тѣла, оставался въ выжидательномъ положеніи.

— Ты знаешь меня,—началъ Вильдъ, нервно проводя рукой по лбу,—ты знаешь, до чего я мягкій человѣкъ... Ты знаешь, что во мнѣ почти женская потребность ласки и любви, и много надо, чтобы довести меня до ожесточенія, до жестокости...

— Такъ, такъ,—согласился Прокофій Даниловичъ, одобрительно потрясая головой.

— Много, много надо,—продолжалъ Вильдъ прерывистымъ голосомъ,—чтобы довести меня до ожесточенія! И вотъ, три года меня систематически доводятъ до этого... Съ самаго перваго дня свадьбы сдѣлалась она моимъ врагомъ... Я тебѣ тогда не говорилъ... Самъ знаешь, между мужемъ и женой не всегда возможно вводить третье лицо.

Глазки Прокофья Даниловича еще крѣпче зажмурились. Онъ ошочательно повернулся въ сторону Вильда и снова, въ знакъ участія, потрясая головой.

— Да, съ самаго перваго дня свадьбы сдѣлалась она моимъ врагомъ,—раздражительно повторилъ Вильдъ.—Ея голову напичкали чортъ знаетъ какою нелѣпностью относительно брака... Ну, да нечего на этомъ останавливаться. Дѣло въ томъ, что сперва все это меня тѣшило... нѣтъ, не тѣшило! Скажу болѣе: эта дѣвическая чистота приводила меня въ такое умиленіе, что я былъ способенъ на все для нея, ради нея! Она изъ меня могла дѣлать все, что угодно, а я на волѣннѣхъ стоялъ бы и молился на нее...

— Неисправимый идеалистъ!—прошепталъ Прокофій Даниловичъ.

— Неисправимый, разумѣется,—съ горькой усмѣшкой возразилъ Вильдъ.—Тебѣ хорошо говорить! Ты, съ твоимъ матеріалистическимъ взглядомъ на женщину, никогда не сталкивался съ разочарованіемъ.

— Съ своими матеріалистическими взглядами я устроилъ свою жизнь спокойнѣе и проще, чѣмъ ты съ своими идеальными требованіями и стремленіями. Впрочемъ, объ этомъ послѣ. Дальше, дальше... я слушаю.

Прокофій Даниловичъ еще покойнѣе растянулся на креслѣ, приготовляясь слушать еще внимательнѣе.

— Ты понимаешь, что, относясь къ ней, какъ я къ ней относился, я едва могъ дожидаться нашей свадьбы... И съ какимъ трепетомъ ожидалъ я этого дня, съ какимъ благоговѣйнымъ трепетомъ!.. Какою нѣжностію, любовью я давалъ себѣ слово окружить ее...

Лицо Вильда приняло мягкое выраженіе, глаза сдѣлались

влажными, голосъ зазвенѣлъ. Прокофій Даниловичъ съ участіемъ придвинулъ кресло ближе къ пріятелю.

— Но съ перваго же дня я встрѣтилъ въ ней такую ненависть, такое ожесточеніе, какового не могъ предположить въ этой мечтательной дѣвушкѣ. Видишь ли, она почувствовала себя оскорбленной,—оскорбленной моей глубокой, неудержимой страстью!..

Вильдъ злобно разсмѣялся; Прокофій Даниловичъ отвѣчалъ ему легкой усмѣшкой.

— Неужели,—началь-было онъ,—Любовь Гавриловна съ намѣреніемъ воспитывала свою дочку въ такомъ...

— Нѣтъ, куда!—перебилъ его Вильдъ.—Ее воспитывала старая, полоумная тетя... Она-то и напичкала ей голову разными бреднями.

Вильдъ раздражительно вскочилъ и зашагалъ по ковру.

— Вотъ, изъ-за этой тѣтки,—проговорилъ онъ, останавливаясь передъ Прокофѣемъ Даниловичемъ,—тоже выходили у насъ сцены. Надя настаивала, чтобы она жила съ нами... Но—слуга покорный! Я не желаю, чтобы третье лицо становилось между нами.

Прокофій Даниловичъ не возражалъ. Нагнувшись надъ каминномъ, онъ тщательно разгребалъ уголья.

— Да, такъ что-жъ я хотѣлъ сказать?—началь Вильдъ, снова бросаясь на кресло и проводя рукой по волосамъ.—Да! я сказалъ, что съ самаго дня нашей свадьбы она почувствовала ко мнѣ ненависть, и съ тѣхъ поръ ненависть эта только росла и росла. Всѣ мои просьбы, увѣщанія, требованія ни къ чему не вели! Послѣ рожденія Васи она, будто, немного смягчилась, смирилась, но это только наружно. Внутри я чувствовалъ постоянный отпоръ, постоянный нѣмой упрекъ!... Терпѣніе мое, наконецъ, лопнуло! Это вѣчныя сцены, дутье, слезы—невыносимы мнѣ... Она предлагаетъ разойтись—а? какъ тебѣ это нравится! Разойтись! Для того, чтобы на меня пальцами показывали, смѣялись надо мной, жалѣли...

Вильдъ на минуту остановился; лицо его поблѣднѣло, губы дрожали.

— А нѣтъ-ли тутъ—началь съ разстановкой Прокофій Даниловичъ,—какъ тебѣ сказать?—чего-нибудь сердечнаго, такъ, на сторонѣ?

— То-есть не влюблена-ли она въ кого-нибудь?

Прокофій Даниловичъ утвердительно кивнулъ головой.

— Нѣтъ! я допытывался... Она терпѣть не можетъ,—вонечно на зло мнѣ,—почти всѣхъ, кто бываетъ у насъ!

— Знаю, по опыту знаю!—насмѣшливо замѣтилъ Прокофій Даниловичъ.— Не по праву приплысь...

— Ну да... Своихъ знакомыхъ она не имѣеть. Я бы не допустилъ... Нѣтъ, это не тѣ... Модная дребедень, видишь-ли, за-сѣла ей въ голову! Хочется ей завести французскій ménage. Monsieur—на одной половинѣ, madame—на другой... Она грозитъ, что ни передъ чѣмъ не остановится, и я знаю—она теперь способна на все...

Вильдъ снова вскочилъ и въ волненіи зашагалъ по комнатѣ. Прокофій Даниловичъ тоже покинулъ кресло и сталъ спиной въ камину, раздвинувъ обѣими руками полы сюртука.

— Да. Какъ бы ты поступилъ на моемъ мѣстѣ?—проговорилъ Вильдъ, останавливаясь передъ пріятелемъ.

— На твоемъ мѣстѣ? гмъ! Я даже и представить себя не могу на твоемъ мѣстѣ!

Странное выраженіе промелькнуло въ крошечныхъ глазахъ Прокофія Даниловича. Онъ, будто, удерживался отъ смѣха. Вильдъ продолжалъ стоять передъ нимъ, сумрачно глядя себѣ подъ ноги.

— Ну, какъ же мнѣ послѣ этого не бранить тебя за идеализмъ! Ну, виданное-ли дѣло, чтобы до формальнаго развода, жена...

Прокофій Даниловичъ вдругъ разразился хохотомъ. Вильдъ нетерпѣливо топнулъ ногой.

— Перестань!—раздражительно крикнулъ онъ, тряся пріятеля за руку.—Я у тебя совѣта спрашиваю, а ты хохочешь! Самъ знаю, мое положеніе глупое! и не хочу я,—слышишь, не хочу—оставаться въ дуракахъ!

— Да кто-жъ тебѣ велить!—продолжалъ Прокофій Даниловичъ, съ трудомъ пересиливая смѣхъ и закашливаясь.

— Что-жъ ты хочешь?—чтобы я силу употребилъ!

— Н-н-нѣтъ! Это, пожалуй, неудобно! Распустилъ бразды, поздно прибѣгать теперь въ силѣ!... Надежда Николаевна далеко не овечья!... Есть другія средства!...

— Какія?

— Мало-ли ихъ! Будто самъ не знаешь? Вотъ, въ примѣру: слабая струнка Надежды Николаевны—Вася. Ну, и пригрози, что удалишь его отъ нея.

Вильдъ не отвѣчалъ. Онъ пристально смотрѣлъ на своего собесѣдника и, казалось, взвѣшивалъ все значеніе этого совѣта.

— Если болѣзнь Васи не опасна, не затянется, то теперь, можетъ, самая удобная минута,—проговорилъ онъ задумчиво.

— Разумѣется!... Эхъ, братъ!—продолжалъ Прокофій Данило-

вичь, хлопая его по плечу. — Вѣдь, кажется, у тебя царь въ головѣ, какъ же ты съ женщинами справиться не можешь?

Онъ снова сильно засмѣялся. Вильдъ не отвѣчалъ. Онъ сѣлъ въ кресло и задумчиво глядѣлъ въ каминъ.

— Да вотъ еще!—продолжалъ Прокофій Даниловичъ, наливая себѣ вина.—Ты не очень-то допускай Екатерину Дмитриевну до жены... Мнѣ кажется, что она настраиваетъ ее противъ тебя. Не даромъ онѣ тамъ, въ гостиной, такъ долго шептались.

— Принесла же ее нелегкая!—проворчалъ Вильдъ, стискивая зубы.—Чего ей отъ меня нужно?

Прокофій Даниловичъ не тотчасъ же отвѣтилъ. Онъ медленно, съ чувствомъ, отпивалъ вино, какъ-бы желая продолжить удовольствіе—бутылка была уже порожняя.—Дойдя до дна стакана, онъ разомъ опрокинулъ остатокъ вина въ ротъ, чмокнулъ, поставилъ стаканъ на каминъ и тогда уже обратился къ Вильду.

— Очень ужъ она тебя не любитъ! Ну, да вѣдь и есть на то причины! Самъ знаешь. Такъ лучше подальше. Отъ нея вѣдь можно всякую штуку ожидать... Демонъ это, а не женщина!... А какъ еще чертовски хороша она?...

Прокофій Даниловичъ подмигнулъ глазомъ.

— Чортъ съ ней!—крикнулъ Вильдъ, съ сердцемъ передергивая плечами.

Прокофій Даниловичъ усмѣхнулся, но не возражалъ. Нѣкоторое время длилось молчаніе.

— Да,—проговорилъ наконецъ Вильдъ, встряхивая головой,— это лучший способъ. Раньше было неудобно. Вася былъ слишкомъ малъ, но теперь...

— Разумѣется, теперь самое время,—согласился Прокофій Даниловичъ.

Пріятели потолковали еще нѣкоторое время, какъ приступить къ дѣйствию, и часы давно пробили два, когда Прокофій Даниловичъ, потянувшись и зѣвнувъ, объявилъ наконецъ, что ему пора домой.

III.

Пока шелъ этотъ разговоръ въ столовой, Надя сидѣла въ дѣтской около кровати больного сына. Она велѣла подвинуть кушетку ближе къ кровати, постлать себѣ постель на ней и, замѣнивъ нарядное платье теплой, шерстяной блузой, намѣревалась провести всю ночь около Васи. Придвинувъ къ себѣ не-

большой столикъ и поставивъ на него лампу съ зеленымъ абажуромъ, Надя машинально перелистывала какую-то книгу. По временамъ она вставала и подходила къ спящему ребенку. Онъ сильно разбросался на постели, руки и щеки его горѣли. Надя озабоченно наклонялась надъ нимъ и прислушивалась къ его дыханію. Глубокую скорбь выражало ея поблѣднѣвшее лицо, когда она снова возвращалась на мѣсто. Мрачныя, тяжелыя мысли тѣснились у нея въ головѣ, и не могла она оттолкнуть ихъ, не могла сбросить съ себя неотвязчивыя думы.

«А что, если онъ умретъ!»

Грудь ея крѣпче стягивала жгучая боль, она снова вскакивала и подходила къ кровати. Ребенокъ спалъ и дышалъ по прежнему тяжело, прерывисто.

— Посмотри, не принесли ли лекарство, — проговорила Надя, оборачиваясь къ Авдотѣ.

Нянька сидѣла на противоположномъ концѣ комнаты и дремала надъ чулкомъ. При словахъ Нади она встрепенулась.

— Развѣ Васенькѣ хуже? — спросила она, вставая и направляясь-было къ кровати.

— Нѣтъ, нѣтъ, оставь! — нетерпѣливо возразила Надя. — Поди, узнай!

Авдотья повиновалась. Черезъ минуту она вернулась, неся въ рукахъ склянку съ микстурой.

— Сейчасъ только принесли, — проговорила она, зѣвая.

Вася застоналъ. Надя взяла его на руки и, лаская, голубя, приговаривая, старалась влить ему лекарство въ ротъ. Ребенокъ горько заплакалъ. Горячо прижимая его къ себѣ и покрывая поцѣлуями его горячія щеки и руки, она пыталась успокоить его. Долго стоналъ онъ, наконецъ ласки, тихій голосъ матери произвели свое дѣйствіе; онъ сталъ засыпать.

— Иди теперь спать, — тихо прошептала Надя. — Я останусь при немъ.

— Какъ же такъ? Вы умеете, — начала-было нерѣшительно Авдотья, съ трудомъ раскрывая слипавшіяся отъ сна глаза.

Надя сдѣлала нетерпѣливый жестъ. Авдотья повиновалась. Кряхтя, вздыхая, зѣвая и при каждомъ зѣвѣ перекрещивая ротъ, она медленно раздвѣвалась и укладывалась въ постель. Мало-помалу, однако, она улеглась и скоро раздалось ея ровное дыханіе, прерываемое по временамъ легкимъ храпомъ.

Вася спалъ. Надя положила его обратно въ кроватку и осталась одна съ своими думами и опасеніями. Она пыталась читать, но чтеніе не шло ей на умъ. Пристально смотрѣла она

на развернутую страницу и не видѣла ни единого слова. Картины, одна другой мрачнѣе, проносились въ ея разгоряченномъ воображеніи. Вотъ кажется ей, что снова, вторично, докторъ входитъ въ комнату. Онъ наклоняется надъ ребенкомъ, долго, безконечно долго прислушивается къ его дыханію, шупаетъ ему пульсъ, наконецъ поднимаетъ голову, и она явственно читаетъ на его блѣдомъ, безстрастномъ лицѣ: «Все кончено!»... А вонъ тамъ! Что это такое бѣлѣтъ въ томъ темномъ углу? Ахъ, да! Это газетовая крышка съ того ящика, въ который положить ея мальчишка... Слышится ей заунывное, раздражающее гнѣвнѣе, а затѣмъ все смолкло. Ничего нѣтъ. Она одна, совершенно одна, и въ комнатѣ все прибрано, и въ кровати нивого нѣтъ!...

Надя съ грудомъ удержала легкой стонъ; она порывисто встала и подошла къ Васѣ. Онъ тихо лежалъ; щеки его будто поблѣднѣли. Надя со страхомъ нагнулась къ нему; онъ слабо, но ровно дышалъ. Она перевела дыханіе. Нѣсколько минутъ простояла она неподвижно, судорожно прижимая похолодѣвшія руки къ сильно бьющемуся сердцу.

«Нѣтъ, нѣтъ! — прошептала она, отходя отъ постельки. — Это невозможно! Онъ не такъ боленъ!»

И чтобы отогнать эти неотвязчивыя, гнетущія мысли, она взяла лежавшую въ столѣ толстую тетрадь и принялась машинально перелистывать ее. Это былъ ея дневникъ. Какъ давно она ничего туда не вписывала! Почти годъ, а чего-чего въ этотъ годъ не произошло! Отвлеченная на минуту видомъ этой тетради отъ упорной, гнетущей мысли, она вдругъ вспомнила весь предшествующій вечеръ. Климская, ея живое, горячее слово, ея нѣжные, въ душу проникающіе глаза... «Зачѣмъ вы себя губите?» слышится ей мягкой, ласкающей голосъ. Легкая, грустная усмѣшка промелькнула на озабоченномъ лицѣ Нади, но тонкія брови снова сдвинулись. Припомнилась ей вдругъ сцена, которая произошла между ею и мужемъ за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ. Страхъ за Васю вытѣснилъ на время все остальное изъ ея головы, но теперь снова зазвучали всѣ рѣзкія, враждебныя слова, и снова губы ея приняли горькое, жесткое выраженіе. Съ досадою встряхнула она головой, какъ-бы желая страхнуть съ себя всѣ эти неприятныя воспоминанія, и, поправивъ лампу, принялась перелистывать дневникъ въ первый разъ послѣ долгаго времени. Прошедшее широкимъ, мутнымъ потокомъ нахлынуло на нее и заставило на время забыть все окружающее. Съ глубокою скорбью пробѣгала она первая страницы, окапанныя слезами, исписанныя лихорадочнымъ, едва разборчивымъ почеркомъ.

«...*Сентябрь*... Я едва держу перо; мнѣ не велѣли вставать съ постели, но я должна писать... Я должна хоть на бумагѣ излить все, что меня давитъ, душитъ... Недѣля прошла со дня моей свадьбы, недѣля! Мнѣ кажется, что годы и годы прошли съ тѣхъ поръ!... Его нѣтъ! Въ первый разъ послѣ отъѣзда изъ дома я одна... Онъ принужденъ былъ уйти, и я осталась одна, совершенно одна!... Какъ страстно ждала я этой минуты, и вотъ она настала... Отчего же какой-то страхъ нападаетъ на меня? Я жаждала одиночества, и мнѣ страшно быть одной... Мнѣ все кажется, что вокругъ меня кто-то ходитъ, что кто-то шепчетъ странныя, непонятныя мнѣ рѣчи... Этотъ день, этотъ ужасный день! никогда я не забуду его!... Еще тамъ, въ вагонѣ, на меня вдругъ напалъ страхъ... Я не узнавала его, я не могла понять его улыбки, его пристальныхъ взглядовъ, я не могла понять его внезапной переменны. Я вдругъ почувствовала, что изъ робкаго, сдержаннаго, покорнаго онъ сдѣлался самоувѣреннымъ, почти нахальнымъ... У меня шумѣло въ ухахъ, рябило въ глазахъ. Однако, достало еще духу сказать, что мнѣ не нравится его обращеніе. Онъ разсмѣялся. Боже! какъ меня передернуло отъ этого смѣха! Испуганной птичкой назвалъ онъ меня, и прибавилъ, что теперь я поймана, посадить онъ меня въ клетку, въ золотую, окружить всевозможнымъ комфортомъ, но клетку отпирать не будетъ... Какъ прошелъ этотъ день — не знаю. Железный обручъ стягивалъ мнѣ голову, невыразимая боль сжимала мнѣ сердце, я готова была вскрикнуть отъ боли—и я молчала, прижавшись въ уголокъ вагона и крѣпко стягивая вокругъ себя бурнусъ; мнѣ казалось, что я, будто, ставлю преграду между мной и имъ...

«Мы пріѣхали въ X. поздно вечеромъ... Что было? какъ это случилось? Я не могу, не могу вспомнить... Я видѣла только, что передо мной не тотъ человѣкъ, котораго я знала, что джентльменъ, рыцарь исчезъ, лишь только онъ облекся въ халатъ и овладѣлъ онъ мной, какъ вещь, купленной, ему принадлежащей на вѣки... О, какую ненависть — безумную, безграничную — почувствовала я къ человѣку, который такъ безжалостно сломалъ мою жизнь, мои мечты!... И это они называютъ любовью! Овладѣть женщиной внезапно, насильно, только потому, что въ церкви священникъ благословилъ ихъ,—это они называютъ законнымъ, это они называютъ священнымъ таинствомъ!... Къ чему не называть факты своимъ именемъ! Къ чему украшать розами скелеты! Вѣдь знаютъ же, что розы завянуть... При первомъ движеніи

скелета онѣ отпадутъ и мертвая голова еще ужаснѣе выставится наружу!...

«Мы недѣлю живемъ въ этой гостинницѣ... Зачѣмъ? почему?— Не знаю. Я знаю, что я плачу день и ночь, не переставая. О, какое страстное желаніе овладѣвало мной по минутамъ убится, покончить съ собой! Но онъ слѣдилъ за мной, онъ ни на шагъ не покидалъ меня, инстинктивно понимая, кажется, что во мнѣ таится что-то недоброе!... Вчера мнѣ удалось, однако, незамѣтно выскользнуть изъ гостинницы... Я быстро направилась къ вокзалу желѣзной дороги... У меня было смутное желаніе броситься подъ вагоны... Я уже стояла у рельсовъ и съ какимъ-то страннымъ спокойствіемъ ожидала приближенія поѣзда... Какъ вдругъ меня кто-то схватилъ за руку. Я обернулась; это былъ онъ... На немъ лица не было. «Надя!—прошепталъ онъ,—что ты дѣлаешь!» Я, молча, въ тупомъ отчаяніи послѣдовала за нимъ. Онъ также молчалъ; его лицо было искажено неподдѣльнымъ ужасомъ... Мнѣ стало жаль его... Въ первый разъ что-то мягкое проникло въ мою душу... Еслибъ онъ пересталъ меня мучить!... Можетъ быть!... Нѣтъ! нѣтъ! я не могла бы любить его! но во мнѣ не было бы той жѣсткости къ нему!...

«Когда мы вернулись въ гостинницу, я легла на диванъ и долго лежала неподвижно, ни о чемъ не думая, ничего не чувствуя... Невыразимая усталость овладѣла мной... Онъ, молча, ходилъ по комнатѣ, и шумъ его шаговъ слился мало-по-малу въ какой-то неясный гулъ. Я не спала, и вдругъ, не знаю какимъ образомъ, представилось мнѣ видѣніе, которое я не разъ вызывала въ дѣтствѣ. Чудный, тѣнистый садъ, съ сверкающими фонтанами, пѣніе, аромат, свѣтъ и теплота вокругъ... Меня окружаетъ толпа людей молодыхъ, прекрасныхъ, и нашептываютъ они мнѣ чудныя, волшебныя рѣчи про любовь и счастье! Сердце мое, какъ бывало прежде, забилося отъ сладкаго ожиданія; на мгновеніе я забыла, гдѣ я и что я, я забыла, что между мной и этимъ видѣніемъ лежатъ уже годы и годы... Паденіе чего-то твердаго на полъ заставило меня вздрогнуть и придти въ себя. Видѣніе исчезло; а я,—я находилась въ той комнатѣ, гдѣ были разбиты всѣ мои мечты о любви и счастья, я находилась одна съ нимъ, съ этимъ чужимъ мнѣ человѣкомъ, съ которымъ безумное слово тогда въ церкви связало меня на всю жизнь!.. Дрожь пробирала меня!.. Зачѣмъ это видѣніе теперь здѣсь, въ этой комнатѣ? Уже много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я его не вызывала! Или уже въ немъ, въ этомъ дѣтскомъ бредѣ лежали

основы моихъ безумныхъ, призрачныхъ мечтаній о любви и счастья!...

«Вы снова плачете?» рѣзко спросилъ онъ. Я не замѣчала, что обильныя слезы текли у меня по щекамъ. Я быстро отерла ихъ и отвернулась отъ него. Я не могла видѣть его и эти глаза, эти ненавистные глаза, которые ежеминутно разгорались и пугали меня своимъ выраженіемъ... Онъ говорилъ мнѣ, — что? не помню. Голосъ его звучалъ сначала холодно, жѣство, и мнѣ пріятна была эта жѣستگی. Такъ, именно такъ долженъ онъ говорить!.. Но онъ смягчился, всталъ на колѣни, и снова начались ласки и поцѣлуи!.. Я не сопротивлялась; къ чему? Вѣдь ужъ все кончено, все умерло! Пусть дѣлаетъ, что хочетъ! А онъ, онъ думалъ, что я, наконецъ, смирилась! Онъ не понималъ, что ласкаетъ бездушный трупъ, и былъ на верху блаженства. Велѣлъ подать ужинъ, заказалъ шампанское, заставлялъ меня пить, пѣлъ, смѣялся... Онъ не замѣчалъ, что я застываю отъ отвращенія, смотря на его безумную радость... Онъ рассказывалъ мнѣ до мельчайшихъ подробностей свои отношенія къ другимъ женщинамъ, ихъ любовь и страданія, и послѣ каждаго такого разсказа покрывалъ поцѣлуями мои руки, приговаривая, что я одна, гордая, чистая, дала ему испытать настоящую, святую страсть, и не замѣчалъ, что я холодѣю при всѣхъ его разсказахъ... Святая! чистая!.. Господи, неужели есть столь противоположныя понятія для этихъ словъ!.. У меня виски стучали, сердце сжималось, такъ что я вздохнуть не могла... Мнѣ было душно, тяжело... Я просила окно открыть... Онъ повиновался и хотѣлъ самъ поднять меня и поднести къ окну, но я отклонилась и подошла одна. Такъ тихо, тѣмно было вокругъ, но какія странныя тѣни ползли тамъ по забору! Онѣ все росли, росли, принимали опредѣленную форму... Это все мужчины и женщины. Какія безобразныя лица! Какъ страшно смѣются они, протягивая другъ другу объятья!.. О, Боже! куда я ни взгляну, — вездѣ то же самое! Вездѣ этотъ смѣхъ, эти рѣчи, поцѣлуи!.. Мнѣ казалось, что я съ ума схожу! Голова горѣла; все вертѣлось вокругъ... Я ухватилась за косякъ... Онъ подхватилъ меня на руки и отнесъ на диванъ... Я очнулась только черезъ нѣсколько часовъ въ постель... Всю ночь у меня былъ бредъ... Докторъ говоритъ, что я слышеюмъ взволнована, что я не могу ѣхать... Зачѣмъ они держатъ меня здѣсь? Развѣ они не видятъ, что я съ ума схожу здѣсь, въ этой комнатѣ!.. Утромъ, проснувшись, я взглянула на себя въ зеркало... Неужели эта блѣдная женщина, съ испуганными глазами, прежняя Нада!..»

Надя закрыла лицо руками. Легкій трепетъ пробѣжалъ по всему тѣлу ея и старыя раны заныли. Три года прошло съ того дня, какъ она въ лихорадочномъ бреду написала эти строки, и ни разу съ тѣхъ поръ не хватало у нея духу перечитать ихъ. Но какъ живо чувствуетъ она теперь все пережитое! какъ живо видитъ передъ собой этотъ номеръ! Да, тамъ, въ этой гостиницѣ, было положено начало разрыва между ею и имъ, тамъ была разрушена возможность къ сближенію; но не только эта возможность была разрушена, — все, во что она вѣрила, все, чѣмъ она жила прежде, было развѣяно въ прахъ. Казалось ей, что она упала съ огромной высоты на твердую каменистую почву; она не разбилась; руки и ноги остались цѣлы, но она не могла болѣе оправиться отъ внезапнаго паденія, и съ того дня захлѣбла нравственно, какъ хлѣбютъ физически дѣти, которыхъ рожаютъ неумѣлыя няньки.

Подобно сотнямъ своихъ предшественницъ, она вступила въ бракъ, руководимая жалостью къ страданіямъ влюбленнаго въ нее человѣка и честолюбивыми надеждами — исправить его искореканную жизнь. Ей и въ голову не приходило, что нельзя исправлять чью бы то ни было жизнь, когда не имѣешь понятія о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ складывалась эта жизнь. Ей и въ голову не приходило, что нельзя стать спасительницей человѣка, когда, вмѣсто любви, приносишь ему только простое дружеское чувство, возвышенное въ квадратъ — жалостью. На слова тѣтки, сказанныя ей наканунѣ свадьбы: «... завтра вы будете мужемъ и женой... Мужъ иное, чѣмъ братъ или женихъ... Требованія его иныя, права другія... Подумала ли ты объ этомъ?» — Надя отвѣчаетъ: «мы обвѣчаемся завтра, но... отношенія наши не измѣнятся пока!..»

Многимъ покажется смѣшнымъ, — пожалуй, даже исключительнымъ этотъ дѣтски-наивный отвѣтъ, смѣемъ однако утверждать, что, въ сожалѣнію, Надя далеко не исключеніе изъ общаго правила! Двѣ-третьи дѣвушекъ изъ такъ-называемаго образованнаго круга намѣренно воспитываются въ такой наивности. По странному, закоренѣлому предразсудку, отъ нихъ тщательно скрывается жизнь, та уличная, заурядная жизнь, которая для нихъ однѣхъ остается закулисной тайной. Всѣ наперерывъ водружаютъ передъ взорами дѣвушки охранительныя щиты, которые заслоняютъ малѣйшія струйки свѣта, могущія проскользнуть изъ того невѣдомаго ей міра. И никто не видитъ, что за этими щитами она создаетъ свой собственный міръ, не имѣющій никакого отношенія въ дѣйствительности! Никто не видитъ, что за этими

щитами въ ней развивается болѣзненный идеализмъ, наполняющій ея голову несбыточными мечтами. Никому и въ голову не приходитъ, что вся она, вся ея духовная жизнь складывается подъ вліяніемъ призраковъ, что въ самыя впечатлительныя годы она вырабатываетъ себѣ убѣжденія и требованія, которыя придется не пошатнуть, а прямо сломать. Всѣ окружающіе наивно любятъ ея невѣдніемъ и ревниво берегутъ для того счастливца, который первый возьметъ ее за руку и мгновенно, отстранивъ всѣ щиты, перенесетъ ее изъ ея призрачнаго міра въ свой дѣйствительный и покажетъ ей свѣтъ, какъ онъ есть. До поры до времени, и онъ тоже умалчиваетъ о всемъ томъ, что могло бы разсвѣять ея ребяческое невѣдніе. Ея чистота чаруетъ его, и не понимаетъ онъ, что это умиляющее его невѣдніе ставить ему такія требованія, которыя съ перваго же дня брака онъ отказывается исполнять. Онъ не понимаетъ, что любимая имъ чистая дѣвушка полюбитъ въ немъ тотъ образъ, который онъ принялъ, когда явился искателемъ ея любви. Она не видитъ, что подъ той красивой, изящной одеждой, въ которую онъ облекся, чтобы понравиться ей, надѣтъ старый, неряшливый халатъ. Она не можетъ себѣ представить его въ этомъ халатѣ, неряшливымъ, распущеннымъ; а онъ, едва имѣя терпѣніе дождаться конца вѣнчальнаго обряда, сбрасываетъ всю красивую одежду, какъ взятую на случай, на провать вещь, является въ халатѣ, нравственно на распашку, и разомъ разсвѣиваетъ одинъ призракъ за другимъ, разомъ разоблачаетъ передъ ней всю закулисную жизнь, доселѣ отъ нея скрываемую, и она съ ужасомъ видитъ, что все, что она предполагала о жизни, — все это пустяки, ненужное украшеніе, которое должно быть сброшено и далеко запрятано, какъ и вѣнецъ изъ померанцевыхъ цвѣтовъ; что и человекъ, котораго она полюбила, совсѣмъ не такой, какимъ она себѣ его воображала, — и любить онъ ее не первую, и велъ доселѣ далеко не чистую, безпорочную жизнь, какъ она, да и чистота-то вообще — понятіе относительное, и болѣе неизбѣжная въ теоріи, чѣмъ на практикѣ! Съ діаметрально-противоположными понятіями на взаимныя отношенія, требованія и права вступаютъ они въ бракъ, — что-жъ удивительнаго, что, при первомъ же столкновеніи, разсвѣиваются радужныя мечтанія о безконечномъ счастіи, и что ей, подобно тысячамъ другихъ жертвъ безумія и уродливаго воспитанія, приходится съ горечью хоронить въ бракѣ всѣ свои вѣрованія и желанія!.. Гордость, боязнь насмѣшки заставятъ ее глубоко въ душѣ затаить прежнія надежды, и она постарается помириться съ своими утратами, вполне увѣренная, что иначе быть

не можетъ... Но когда заботы, дразги наложатъ свою давящую руку на ихъ супружескую жизнь, когда ежедневныя пренія превратятся въ открытый разладъ, никому и въ голову не приходитъ, что разладъ этотъ давно уже существовалъ, что онъ начался уже съ самаго перваго дня брака, когда и онъ и она впервые почувствовали, что не знаютъ и не понимаютъ другъ друга...

Вильдъ и Нада не избѣгли участи своихъ многочисленныхъ предшественниковъ. Она, чистая, искренняя, непочатая, какъ нѣкогда называлъ ее Вильдъ, стала тѣсно рядомъ съ человѣкомъ, котораго жизнь поистерла, поистрепала. Ея жизнь, какъ водится, складывалась въ тѣсной рамкѣ семейной обстановки, и врожденная мечтательность еще воввысила обычную дѣвическую восторженность. Онъ же шелъ по обычной дорожкѣ холостяковъ, и подошелъ къ ней, когда надѣла ему холостая, одинокая жизнь, когда многое уже было позади его и за многое приходилось краснѣть. Ихъ внутренній міръ былъ чуждъ, неизвѣстенъ другъ другу. Онъ все въ ней называлъ дѣтскими бреднями, нелѣпымъ идеализмомъ, фанаберіями, вычитанными изъ книгъ. Она — все клеймила въ немъ какъ цинизмъ, самодурство, грубый деспотизмъ. И стали они другъ противъ друга, какъ враги, которыхъ заковали въ одну и ту же цѣпь, и нѣтъ у нихъ власти оторваться другъ отъ друга!..

Картины прошлыхъ, никому не переданныхъ терзаній и мученій постепенно развертывали свои сѣрые, непривлекательные пейзажи передъ Надей въ то время, какъ она перелистывала свой дневникъ. Она не останавливалась на страницахъ, поспѣшно, съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ переворачивала ихъ и, не дойдя до половины, захлопнула тетрадь и бросила ее на кушетку. Каждая строка вызывала въ душѣ ея тяжелое, болѣзненное нѣтье. Хотя она бросила читать и теперь съ утомленіемъ откинулась на спинку кушетки и закрыла глаза, но нерадостная повѣсть ея жизни упорно развертывала передъ ней свои страницы и день за днемъ вставалъ въ ея памяти, напоминая ей всю ту же бесплодную борьбу съ самой собой и съ нимъ, все то же бесплодное желаніе приладить свой внутренній, завѣтный міръ къ роковой дѣйствительности. Съ каждымъ днемъ дѣйствительность безжалостно обрывала цвѣтокъ за цвѣткомъ съ того радужнаго вѣнка, который сплели для нея дѣтскія бредни и мечты. Съ восторженностью юности мечтала она, будучи невѣстой, посвятить свою жизнь ему, тому страдальцу, изнуренный образъ котораго такъ болѣзненно заставлялъ сжиматься ея сердце.

Но гдѣ же это страданіе? Съ каждымъ днемъ убѣждалась она, что самолюбіе, болѣзненное, громадное, развитое былымъ, всеобщимъ поклоненіемъ — причина всѣхъ страданій; съ каждымъ днемъ ей дѣлалось ясно, что борьба заключалась въ самообличеніяхъ и самоуничженіяхъ, послѣ которыхъ самообожаніе и эгоистическая требовательность еще удвоивались. Она ожидала встрѣтить силу, хотя и подкошенную, но все-таки силу, которой ей удастся дать толчокъ, и встрѣтилась съ слабымъ человѣкомъ, опутаннымъ съ ногъ до головы себялюбіемъ и чувственностью. Иллюзіи разрушались одна за другой, какъ варточные домики, и потянулись дни, недѣли, мѣсяцы, наполненные безобразными супружескими сценами и домашними дразгами. Рожденіе Васи внесло какъ-бы лучъ солнца въ эту темную семейную жизнь, и на короткое время наступило какое-то затишье. Но не даромъ достиглось это временное затишье! Вспомнила теперь Надя, какъ, ради Васи, она рѣшилась прилаживаться къ требованіямъ и характеру мужа, и къ какимъ средствамъ прибѣгала она! Какъ лицемѣрила и на ласку отвѣчала ласвой! Надя встрепенулась. Лицо и шея ея покрылись горячимъ румянцемъ стыда. Она нетерпѣливо тряхнула головой, какъ-бы отгоняя воспоминанія о тѣхъ унижительныхъ сценахъ, которыя отрывками тѣснились въ ея воображеніи и наполняли душу ея отвращеніемъ. Чего достигла она всѣми этими уступками, униженіями? Пропасть между имъ и ею все увеличивалась, и во всѣмъ прежнимъ терзаніямъ прибавился еще стыдъ за свое лицемѣріе!..

Слабый стонъ Васи оторвалъ ее отъ гнетущихъ думъ. Она бросилась къ постельгѣ и со страхомъ нагнулась надъ мальчикомъ. Ребенокъ спалъ; легкая испарина покрывала его лобикъ. Надя опустила на колѣни и прижалась головой къ краю кровати.

...Здѣсь, въ этомъ маленькомъ пространствѣ, вся ея жизнь, весь ея міръ! За предѣлами его для нея ничего нѣтъ! Все въ ней умерло, все разбито!.. Вася даетъ ей силу жить; для Васи готова она вести борьбу—только не здѣсь, не рядомъ съ этимъ человѣкомъ!.. Борьба съ нимъ болѣе ей не подъ силу...

— Зачѣмъ вы таете канитель?—слышался ей голосъ Клим-свой:—отчего вы не возьмете его и не уйдете съ нимъ?

Надя вздрогнула и еще крѣпче прижалась головой къ кровати.

...Взять его, своего мальчика и уйти далеко, далеко отсюда, такъ далеко, чтобы онъ никогда не могъ найти ее,—это было бы такое блаженство, что одна мысль о немъ заставляетъ радостно замирать ея сердце... И неужели она не имѣетъ на это права?

Развѣ онъ не принадлежитъ ей болѣе, чѣмъ ему? Она въ страданіяхъ, съ опасностью своей собственной жизни, дала ему жизнь; она слѣдила за каждымъ его движеніемъ; безконечной, безграничной любовью оберегала она его отъ всякой болѣзни... И онъ принадлежитъ не ей! Кто это сказалъ? Кто опуталъ ее софизмами? Онъ ея ребенокъ, и никому не уступитъ она его! «Какая вы мать для него!» слышится снова голосъ Климовой... Да, какая она мать! Развѣ она можетъ дать ему жизнь здѣсь, гдѣ она задыхается, гдѣ она чувствуетъ, что съ каждымъ днемъ заживо умираетъ!.. А если онъ вдругъ самъ для того, чтобы заставить ее исполнять его требованія, отнять у нея ребенка!..

Надя чувствовала, что у нея волосы становятся дыбомъ и холодный потъ выступилъ на вискахъ. Она выпрямилась, глаза ея расширились.

...Онъ на это способенъ теперь!.. Можетъ, эта мысль уже пришла ему... Можетъ быть, тамъ, въ столовой, они говорятъ объ этомъ!.. Прокофій Даниловичъ!.. Онъ такъ значительно смотрѣлъ на нее давеча!..

Надя судорожно стиснула край кровати, съ трудомъ удерживая стонъ, готовый вырваться изъ ея стѣсненной груди. Она порывисто встала и нагнулась надъ ребенкомъ. Съ лихорадочнымъ страхомъ притрогивалась она къ его рукамъ...

Нѣтъ, жара болѣе нѣтъ!.. Онъ не такъ боленъ... Она возьметъ его, лишь только онъ поправится, и уйдетъ съ нимъ... Только надо потихоньку!.. Надо скрыть!..

Щеки и руки ея покрылись горячимъ румянцемъ, глаза блестя, грудь готова была разорваться отъ тяжелаго дыханія. Она не могла оставаться на мѣстѣ; вся взволнованная, направилась она къ окну и прижалась пылающей головой къ замерзшему стеклу. Беспорядочныя, отрывистыя мысли какъ туманъ колыхались въ ея головѣ.

Какъ уйти, чтобы онъ не зналъ, чтобы онъ не тотчасъ же хватился, гдѣ она... Потому она начнетъ процессъ... Онъ боится скандала... Дѣло, можетъ быть, уладится... Отецъ! мать! Всѣ будутъ противъ нея... Но не изверги же они!.. Они увидятъ сами въ концѣ-концовъ, что лбомъ стѣну не прошибешь!.. Пока она поселится съ тѣткой... Вѣдь не вернуть же ее силой, по этапамъ!.. Онъ не посмѣетъ; онъ знаетъ, что тогда она готова на все!..

И вотъ, то, что за часъ передъ тѣмъ казалось ей несбыточнымъ, невозможнымъ, то сложилось теперь въ головѣ ея, какъ неоспоримый, непреложный фактъ, и она не думала уже о томъ,

имѣть-ли она право, а только о томъ, какъ привести въ исполненіе свое намѣреніе.

Въ три часа по-полудни, на усыпанныхъ краснымъ пескомъ мосткахъ Лѣтняго - сада толкалась толпа гуляющихъ. День былъ ясный, солнечный, — одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ февральскихъ дней, которые какъ-бы служатъ предвѣстниками весны. Солнце ярко свѣтило, усыпая блестками Неву и золоты обнаженные верхушки деревьевъ. Безпрерывно къ чугунной рѣшеткѣ подъѣзжали щегольскія сани и кареты, выпуская нарядныхъ дамъ съ боннами и дѣтьми, съ левретками, покрытыми суконными попонами, штатскихъ въ цилиндрахъ и мѣховыхъ пальто, военныхъ, бряцающихъ саблями. Выходя изъ экипажей, одни направлялись влѣво, другіе вправо отъ воротъ, многіе же образовали группы и оставались въ нетерпѣливомъ ожиданіи нѣкоторое время у чугунной рѣшетки.

— Пріѣхалъ государь?—спрашивала одна дама.

— Нѣтъ, еще не пріѣхалъ. Но, должно быть, скоро будетъ!—отвѣчали ей.

— Какъ не пріѣхалъ! Пріѣхалъ; уже съ четверть часа, какъ онъ гуляетъ.

— Да нѣтъ же...

— Ну, какъ нѣтъ! Я его встрѣтила.

— Да вамъ показалось...

— Вотъ прекрасно: показалось! Какъ же мнѣ можетъ показаться!

— Пропустили! А все ты, Зиви!—обратилась толстая барыня гнѣвно къ щедущей, блѣдной барышнѣ.

— Я тебѣ говорила, что пропустимъ! Очень нужно было останавливаться и болтать! Изволь по твоей милости бѣгать теперь во всѣ стороны!

— Ахъ, та tante!—не безъ досады проговорила барышня, надувая губки:—ну, пойдите направо, навѣрное тогда встрѣтимъ.

— Навѣрное, навѣрное!—передразнила ее тѣтка.—Vous êtes toujours sûre de tout!

По одной изъ аллей шла Ольга Михайловна подъ руку съ своимъ супругомъ. Они чинно подвигались впередъ. При встрѣчѣ съ знакомыми Ольга Михайловна наклоняла голову; супругъ поднималъ слегка цилиндръ. Оба молчали.

— Ольга Михайловна! Погодите! Ольга Михайловна!—раздался сзади нихъ тоненькій женскій голосокъ.

Ольга Михайловна обернулась; супругъ послѣдовалъ ея дви-

женію! Ихъ настигала востроносенькая *Barbe*. Высокая шляпа съ длиннымъ болтающимся перомъ гордо возсѣдала на верхушкѣ пирамидальной головки. *Barbe* тащила за собою восьмилѣтняго мальчика, одѣтаго въ полупотландскій костюмъ. Голыя икры его посвѣбли отъ холода.

— Наконецъ-то! проговорила она запыхавшимся голосомъ, подбѣгая къ чинно-ожидавшей ее четѣ. — Я уже давно вижу васъ и никакъ не могу подойти! *Quelle foule!*..

Ольга Михайловна съ полуулыбкой протянула ей длинную, узкую руку, обгннутую въ свѣтлую лайковую перчатку; супругъ ея вѣжливо приподнялъ цилиндръ.

— *Bonjour, Platon!*— обратился онъ къ мальчику, покровительственно подавая ему руку.

Мальчикъ неохотно отвѣчалъ на привѣтствіе.

— Какъ вы его легко одѣваете!— замѣтила Ольга Михайловна.

— Ахъ, вы знаете, у меня свои принципы на счетъ воспитанія! Я хочу сдѣлать изъ него спартанца... Онъ долженъ ко всему привыкнуть!.. *Platon, soyez sage!*— обратилась она къ сыну.

Platon весьма нелюбезно дергалъ мать за платье.

— Ты обѣщала купить пирожное!— промычалъ будущій спартанецъ.

— Ахъ, *non-sense, Platon!*— вскрикнула мать. — Развѣ нельзя подождать?

Мальчикъ съ сердцемъ выдернулъ руку изъ руки матери и пошелъ сзади, лѣниво волоча ноги. Мать пожала плечами.

— *Il est si pegeux!*— обратилась она къ Ольгѣ Михайловнѣ.

— Скажите, пожалуйста,— начала она снова, пройдя съ ними нѣсколько шаговъ, — слыхали вы о Вильдахъ?

Длинное лицо Ольги Михайловны приняло строгое выраженіе.

— Слыхала. *C'est inouï!*

— *Inouï!*— повторила *Barbe*. — Кто бы это могъ подумать? Они такъ хорошо, кажется, жили... Онъ ее на рукахъ носилъ...

— Вильдъ прекраснѣйшій человѣкъ!— ввернулъ съ достоинствомъ супругъ Ольги Михайловны.

— Чудесный!— подхватила *Barbe*, — я не понимала... я не хотѣла вѣрить... я говорила, что это не можетъ быть!..

— Вы, значитъ, не наблюдательны, *Barbe!*— замѣтила съ легкимъ пренебреженіемъ Ольга Михайловна. — Поступокъ этотъ не противорѣчитъ манерамъ Надежды Николаевны...

— Вы находите? Да, да, *elle était bizarre...* Но скажите, правда-ли,— *Barbe* понизила голосъ, — правда-ли, что у нея давно уже были... *des relations?*..

Она съ жаднымъ любопытствомъ смотрѣла на непроницаемую Ольгу Михайловну.

— Вы знаете, ma chère, мнѣ вся эта исторія извѣстна, — произнесла Ольга Михайловна, медленно, будто выкидывая каждое слово и этимъ еще болѣе разжигая любопытство Barbe. — Александра Леонтьевна, конечно, все мнѣ рассказала, mais sous le sceau d'un secret! Онъ не желаетъ, чтобы про его жену говорили дурно. Хоть теперь... c'est un secret de Polichinelle!

— Онъ не желаетъ! — повторила съ восторгомъ Barbe. — Quel homme généreux!... Я всегда говорила, что Алексѣй Васильевичъ — рыцарь! C'est un chevalier sans peur et sans reproche!... Но скажите, кто же былъ ея...

— Дѣло въ томъ, — перебила ее Ольга Михайловна, — что нибого не было.

— Какъ? — не было любов...

Barbe не договорила. Она опустила муфту, висѣвшую у нея на шеѣ, и съ удивленіемъ сложила крошечныя руки.

— Platon, laissez moi tranquille! — обратилась она нетерпѣливо къ сыну. — Allez courir!

Мальчижь не заставилъ дважды повторить это позволеніе, и исчезъ въ толпѣ. Ей было не до него.

— Не было! — повторила Barbe. — Mais alors зачѣмъ же, зачѣмъ?

Ольга Михайловна не отвѣчала. Прищуривъ свѣтлые, прозрачныя глаза, она пристально смотрѣла въ конецъ аллеи.

— Woldemar! — обратилась она къ супругу. — Это не Александра Леонтьевна?

Woldemar медленно вынулъ изъ верхняго бокового карманка pince-nez, приладилъ его на крупномъ носѣ съ горбинкой и нѣкоторое время всматривался въ толпу.

— Она! — произнесъ онъ наконецъ, движеніемъ носа ловко сбрасывая pince-nez. — Кажется идетъ сюда.

Дѣйствительно, Александра Леонтьевна шла имъ на встрѣчу. Торопливо пробиралась она сквозь толпу гуляющихъ, искусно оберегая полное тѣло отъ толчковъ. Лицо ея раскраснѣлось; она озабоченно оглядывалась.

— Александра Леонтьевна! — позвала ее Ольга Михайловна.

— Ахъ, chère amie, я васъ и не вижу, — проговорила Александра Леонтьевна, подходя къ нимъ. — Здравствуйте, Barbe! Владиміръ Федоровичъ, bonjour!

Держа одной рукой Ольгу Михайловну, она подала другую поочередно Barbe и Владиміру Федоровичу.

— Вы не видали Alexis?—тревожно спросила она.

— Алексѣя Васильевича?—съ непривычной живостью переспросила Ольга Михайловна.—Развѣ онъ здѣсь?

— Да, да! По крайней мѣрѣ онъ хотѣлъ придти съ Мицею. Я уговорила его... Надо же разсѣиваться... Я ему сказала, что онъ долженъ это хоть для друзей сдѣлать...

— Чтѣ онъ?—спросилъ съ чувствомъ Владиміръ Ѳеодоровичъ.

— Чтѣ! убить! это мертвый человѣкъ!—съ горечью возразила Александра Леонтьевна.—Ахъ, друзья мои, повѣрите-ли, у меня просто голова кругомъ идетъ!... Такъ страшно за него!... Но я должна идти! Онъ будетъ искать меня!

— Мы пойдемъ съ вами!—заговорили всѣ:—можно?

— Разумѣется. Пусть онъ видитъ, какъ всѣ его любятъ!

— Ахъ, Боже мой! гдѣ Platon?—вскрикнула Barbe.

— Не безпокойтесь!—замѣтила Александра Леонтьевна.—Я его только-что видѣла. Онъ съ Сержинькой Ольги Михайловны. Miss Hetty съ ними.

— Скажите, пожалуйста,—лихорадочно заговорила Barbe.—Я только-что спрашивала Ольгу Михайловну... какая же причина? Александра Леонтьевна поджала губы.

— Какая причина!—повторила она.—Alexis самъ не знаетъ, какая причина! Онъ говорить, что не можетъ понять... Они такъ хорошо жили, и вдругъ она покидаетъ его, покидаетъ тайкомъ, лишаетъ всего... увозитъ сына, котораго онъ такъ страстно любить...

— Mon Dieu!—вскрикнула Barbe.—Какъ она могла! Comment avait elle le coeur!...

— Да, она меня всегда отталкивала,—замѣтила Ольга Михайловна.—Сухая такая!

— Ужасно сухая!—подхватила Barbe.—Но скажите,—продолжала она съ запинкой,—неужели она покинула мужа такъ... sans raison... говорить elle avait des rѣla...

— Эта женщина такъ скрытна, что никто ничего не знаетъ,—запальчиво перебила ее Александра Леонтьевна.—Она всегда умѣла скрыть концы въ воду. Alexis говорить, что ничего такого вѣтъ. Почему онъ знаетъ? Онъ такъ вѣрилъ...

— Помните, — начала медленно, съ разстановкой, Ольга Михайловна,—помните, какъ она тогда у себя на вечерѣ защищала Marie Рентъ?

— Ахъ, да!—вскрикнула Barbe,—помните?

— Я тогда подумала, — продолжала Ольга Михайловна, — что это не сирота.

Александра Леонтьевна не тотчасъ же отвѣчала. Она тревожно оглядывалась вокругъ.

— Станемъ здѣсь,—проговорила она,—отсюда будетъ видно во всѣ стороны.

Она сошла съ мостовъ и стала на расчищенное мѣсто около длинной, полукруглой скамейки. Всѣ послѣдовали за ней. Владиміръ Ѳедоровичъ потрогалъ рукой скамейку.

— Нѣтъ, сыро,—замѣтила Александра Леонтьевна,—лучше постоять.

Она снова пытливо оглянулась вокругъ. Толпа гуляющихъ рѣдѣла.

— Онъ нейдетъ!—прошептала она съ тоской.

— Но какъ же онъ намѣренъ поступать теперь?—спросилъ Владиміръ Ѳедоровичъ.

— Онъ думаетъ снова ѣхать въ П.

— Онъ ужъ разъ ѣздилъ?—вскрикнула Вагбе.

— Лишь только узналъ, гдѣ она. Поѣхалъ, думалъ убѣдить эту госпожу... Бѣдный! такъ онъ наивенъ!... Вернулся, конечно, ни съ чѣмъ, убитый, измученный... Повѣрите-ли, снѣге апіе, этотъ сильный человѣкъ при мнѣ рыдалъ какъ ребенокъ.

Александра Леонтьевна замолкла вся въ волненіи. У дамъ навернулись слезы. Вагбе вынула крошечный платочекъ изъ муфты и безшумно высморкалась. Владиміръ Ѳедоровичъ, заложивъ руку между пуговицами пальто, хранилъ серьезное молчаніе.

— Вотъ вы гдѣ!—проговорилъ въ это время въ двухъ шагахъ отъ нихъ Прокофій Даниловичъ.—Я васъ вездѣ ищу.

— А Alexis? гдѣ же онъ?—говорила тревожно Александра Леонтьевна.—Мнѣ такъ страшно, когда онъ остается одинъ.

— Ну, что съ нимъ сдѣлается?—началь-было Прокофій Даниловичъ.

— Ничего вы не понимаете!—напустилась на него Александра Леонтьевна.—Онъ въ такомъ состояніи, что можетъ все случиться... Представьте себѣ,—обратилась она къ Ольгѣ Михайловнѣ,—онъ по цѣлымъ часамъ просиживаетъ въ ея комнатѣ. На-дняхъ я не утерпѣла, вошла туда, и представьте себѣ—онъ сидитъ у постели и цѣлуетъ ея подушку! Чистое безуміе!...

— Quel homme!—вскрикнула съ восторгомъ Вагбе.—Кто бы могъ думать, что такого человѣка....—обратилась она къ Прокофію Даниловичу.—Нѣтъ! я ее никогда не любила, но этого я отъ нея все-таки не ожидала!

— Въ тихомъ омутѣ...—проворчалъ сквозь зубы Прокофій Даниловичъ. Онъ, видимо, былъ не въ духѣ.

— Это народу сволье! — продолжалъ онъ, прислонясь спиной къ дереву и недружелюбно оглядывая гуляющихъ.

— Но я все-таки не понимаю, Александра Леонтьевна, — за-мѣтила Ольга Михайловна. — Положимъ, Алексѣй Васильевичъ деликатный человѣкъ, но неужели онъ все это такъ оставитъ?

— Кто же говорить, что онъ оставитъ! — раздражительно вмѣшался Прокофій Даниловичъ, полуоборачиваясь. — Ничего онъ не оставитъ!

— Онъ вернуть ее силой? — вскрикнула Варбе, полуоткрывъ узенькій ротикъ отъ жаднаго ожиданія.

— Силой! — повторилъ Прокофій Даниловичъ, презрительно взглядывая на ее черную стрекозиную фигурку. — Кто будетъ употреблять силу! Будто нѣтъ...

Онъ хотѣлъ сказать: будто нѣтъ средствъ заставить возвращаться добровольно, — но только прибавилъ:

— Прошло время возвращать силой убѣжавшихъ женъ!

— Да и кто же изъ порядочныхъ людей рѣшится на это! — гнѣвно вскрикнула Александра Леонтьевна. — Еслибъ я была на мѣстѣ Alexis, я не смотрѣла бы такъ трагически на это. Она такъ уронила себя въ глазахъ всѣхъ порядочныхъ людей, что лучшее наказаніе для нея: забвеніе и презрѣніе!...

— Да, конечно, но сынъ? — робко, съ недоумѣніемъ вернула Варбе.

— А какъ вы думаете, у кого онъ долженъ быть? — съ усмѣшкой спросилъ Прокофій Даниловичъ, искоса взглядывая на нее.

Варбе на минуту растерялась, но, собравшись съ духомъ, вдругъ вскрикнула тоненькимъ голоскомъ.

— Разумѣется, онъ долженъ взять его... Она не имѣетъ права... она...

Варбе не договорила. Ей почему-то вспомнился Platon. Она съ испугомъ взглянула на подсмѣивающагося Прокофія Даниловича.

— По-моему, вопросъ такъ ясенъ, что не требуетъ обсуждения, — спокойно провознесла Ольга Михайловна, медленно оправляя развязавшіеся концы своего длиннаго боа.

— Alexis! — вскрикнула въ это время Александра Леонтьевна, и рванулась впередъ.

Всѣ встрепенулись. Среди пестрой рѣдѣющей толпы рѣзко выдѣлялась высокая, сухощавая фигура Вильда. Онъ медленнымъ, усталымъ шагомъ подвигался впередъ. Голова его въ высокомъ цилиндрѣ опускалась на грудь; плечи подались впередъ, будто взнемогая подъ тяжкимъ бременемъ. Одну руку онъ заложилъ

за пальто, другая безпомощно висѣла. Онъ сумрачно глядѣлъ себѣ подь ноги.

— На него ужасно смотрѣть!—проговорила Barbe, вынимая изъ муфты маленькій платочекъ.

— C'est l'image de la douleur! — замѣтила тихо Ольга Михайловна съ легкимъ волненіемъ.— Да вы подождите здѣсь, chère amie, — обратилась она къ Александрѣ Леонтьевнѣ, которая рвалась впередъ; но, какъ нарочно, на мосткахъ около полуруглой скамейки столпилось нѣсколько дѣтей съ своими няньками, и невозможно было пройти, не спихнувъ кого-нибудь изъ нихъ.

— Чтò за несносная мелюзга! — раздражительно всерикнула она.— Господи! На чтò онъ похожъ!

Александра Леонтьевна приподнялась на цыпочки и, не спуская глазъ съ Вильда, жестами старалась обратить его вниманіе.

— Alexis! Alexis! — нѣжно, вполголоса звала она его.

Но, несмотря на нѣсколько паръ глазъ, съ жаднымъ любопытствомъ устремленныхъ на него, Вильдъ не поднималъ головы. Онъ продолжалъ медленно, будто въ забытій, подвигаться впередъ, не забывая, однако, законы вѣжливости и уступая мѣсто проходившимъ дамамъ.

— Alexis! — позвала его громче Александра Леонтьевна, когда онъ уже находился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ.

Вильдъ остановился и разсѣянно оглянулся вокругъ.

— Я здѣсь, Alexis, я здѣсь! — говорила Александра Леонтьевна.

Вильдъ посмотрѣлъ на нее, какъ-бы не узнавая ее, выпрямился и медленно направился къ группѣ, съ нетерпѣніемъ ожидавшей его. Дамы окружили его.

— Алексѣй Васильевичъ, какъ давно мы не видали васъ! — проговорила Ольга Михайловна, съ любезной улыбкой протягивая ему руку.

— Вы насъ совсѣмъ забыли, Алексѣй Васильевичъ, — произнесъ Владиміръ Федоровичъ, съ чувствомъ пожимая ему руку.

— А мы съ мужемъ такъ много, такъ часто говорили про васъ, — продолжала Ольга Михайловна. — Мы были постоянно мысленно съ вами, но, конечно, не хотѣли навязываться съ своимъ сочувствіемъ... Друзья умѣютъ ждать!

— Да, мы ждали, — повторилъ Владиміръ Федоровичъ, — пока вы вспомните о насъ.

Вильдъ въ волненіи пожалъ имъ руки.

Barbe не знала, чтò сказать. Она нервно переступала съ

ноги на ногу, непрерывно мигая и пуская въ ходъ носовой платокъ.

Прокофій Даниловичъ молчалъ. Эти изліянія, казалось, раздражали его, и онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда всё успокоится. Прислонившись къ дереву, онъ продолжалъ сердито провозжать глазами гуляющихъ, не упуская ни единого слова изъ того, что говорилось вокругъ. Поступокъ Нади озадачилъ его. Онъ не ожидалъ отъ нея такой прыти, главное, — рѣшимость ея совпала какъ разъ съ тѣмъ временемъ, когда онъ предложилъ Вильду свой стратегическій планъ дѣйствій. Планъ этотъ рухнулъ. Нада распорядилась собой безъ всякой его помощи. Положимъ, она поплатится за свою чисто-женскую выходку, т.-е. необдуманную. Васю у нея вольмутъ... Да что въ томъ толку? Вышла настоящая трагедія, — тамъ, гдѣ онъ только предполагалъ легкую траги-комедію! Онъ хотѣлъ только пострадать, такъ — семейнымъ образомъ, а тутъ — скандалъ, огласка!.. Дѣло затянулось, скрыть ничего нельзя... Переписки, уговоры, ни къ чему не ведутъ. Нада упрямится...

— «Чортъ знаетъ какая гиль!» — думалъ онъ: — «и что за страсть у этихъ женщинъ вѣчно напрашиваться на мелодрамы! Ну, къ чему это? Хоть бы себя-то пожалѣла! Вѣдь заставить же смириться»...

Прокофій Даниловичъ вынулъ толстое письмо изъ кармана и осмотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ.

— «Голодъ не свой братъ!» — подумалъ онъ какъ-бы съ сожалѣніемъ. — «Безумная, право безумная!»

Онъ уворизненно покачалъ головой.

— Ахъ, bonjour mesdames! — затараторила въ это время толстая барыня въ лиловомъ платьѣ, подбѣгая съ своей тщедушной племянницей къ группѣ дамъ, окружавшихъ Вильду. — И вы здѣсь! Сколько знакомыхъ! Весь городъ собрался! Ахъ, и-г Вильдъ, — обратилась она съ замѣшательствомъ къ Вильду. — Pardon! я васъ не узнала!.. Боже мой, какъ вы измѣнились... Здоровы ли вы?

— Comment se porte madame? — обратилась къ нему съ любезной улыбкой Зизи.

Всѣ съ испугомъ на нее посмотрѣли; одни закашлялись, другіе смущенно высморкались. Тѣтка сердито дернула ее за платье. Дѣвушка покраснѣла и растерянно посмотрѣла вокругъ себя. Вильдъ хранилъ молчаніе.

— Но, pardon, mesdames, мы уже собирались идти, — заговорила Александра Леонтьевна. Пойдемте, Ольга Михайловна.

Вся группа двинулась на мостки. Тётка и племянница сконфуженно повернули въ другую сторону.

— Vous êtes une sottie! — донесся издалека голосъ тётки.

— Мнѣ надо тебѣ сообщить кое-что, — обратился Прокофій Даниловичъ къ Вильду.

— Ахъ, Боже мой, Прокофій Даниловичъ, вы его совсѣмъ измучите! — замѣтила съ неудовольствіемъ Александра Леонтьевна.

— Нельзя-съ, неотложное дѣло-съ! — произнесъ съ усмѣшкой Прокофій Даниловичъ, опережая вмѣстѣ съ Вильдомъ дамъ.

— Чтѣ тамъ еще такое? — спросилъ Вильдъ, нервно вздрагивая.

— Вотъ письмо отъ Любовь Гавриловны. Я нашелъ его у тебя на столѣ, когда заѣхалъ... Распечаталъ...

— Ну?

— На, прочти.

Прокофій Даниловичъ подалъ письмо. Вильдъ вынулъ изъ конверта три листа почтовой бумаги большого формата, мелко исписанные красивымъ четкимъ почеркомъ.

— Длинное какое! — произнесъ онъ брезгливо.

— Да, таки-многословно, но красиво! Такъ расписано, что хоть въ фельетонъ тискай! И французскій діалектъ, и все, какъ слѣдуетъ... Впрочемъ, самая суть въ концѣ. Ее-то и прочти теперь.

Вильдъ неохотно развернулъ письмо.

— Да вотъ еще! — началъ Прокофій Даниловичъ, понижая голосъ. — Климская...

Вильдъ быстро поднялъ голову и посмотрѣлъ на пріятеля.

— Уѣхала, — продолжалъ съ усмѣшкой Прокофій Даниловичъ.

— За границу?

— Увезли... Положеніе отчаянное...

Сумрачное лицо Вильда просвѣтлѣло.

— Скатертью дорога! — процѣдилъ онъ.

— Значить, некому болѣе потворствовать Надеждѣ Николаевнѣ. Прочти, чтѣ пишетъ Любовь Гавриловна... Ее лишаютъ всякой поддержки, и тогда дѣло въ шляпѣ... Да что? Все-таки чепуха! Предлагаю я дѣло дѣлать быстро, нахрапомъ, а ты разнюнился... распустился... Ну, скандалъ, огласка... терпѣть не могу...

Говоря это, Прокофій Даниловичъ взялъ изъ рукъ Вильда первые два листа письма, перевернулъ третій и, указывая пальцемъ на вторую страницу, произнесъ:

— Читай отсюда.

«...Если мнѣ удалось, мой дорогой другъ,—писала Любовь Гавриловна,—узнать вамъ, какъ я страдала за васъ, то вы поймете, что не могу я относиться снисходительно къ Надѣ, какъ вы того просите, не могу. Я оскорблена во всѣхъ моихъ чувствахъ, и я и Николай Петровичъ оскорблены... Николай Петровичъ не можетъ такъ тонко чувствовать... Vous savez, il n'a pas cette délicatesse de sentiment... но онъ возмущенъ...

«Знаете-ли, mon cher et infortuné ami, что я до сихъ поръ не могу понять, въ кого она уродилась! Знаете ли что, бывали минуты, когда я плакала, je versais des larmes de sang, думая объ ея безсердечности! Я думала: съ вами, qui êtes tout sentiment, она смягчится, но значить, я не знала свою дочь!.. Мы такіа различныя натуры. Простите мать, что она не сказала вамъ всю истину! Простите, что она не предупредила васъ заранѣе относительно всѣхъ разочарованій, которыя васъ ожидаютъ! Простите! C'était plus fort que moi! я желала счастья моей дочери! я виновата передъ вами, и горько оплакиваю свою вину... Но теперь не vous faites pas l'injure думать, что мы когда-либо станемъ на сторону этой недостойной женщины! Да, да, я, мать, имѣю храбрость назвать мою дочь недостойной женщиной!.. Мы даже не видимся, какъ вы уже знаете. Послѣ нашего отъѣзда я всего разъ зашла къ ней. Ея не было дома. У нея теперь манія—ходить къ одному петербургскому адвокату, къ какой-то тамъ вашей знаменитости. Мнѣ право смѣшно! Ну, что она можетъ сдѣлать? Прихожу. Ирина Петровна сидитъ, какъ Церберъ, около Васи. Она всегда была похожа на сумасшедшую, а теперь Богъ знаетъ что такое, снуетъ всюду, бѣгаетъ, смотритъ на всѣхъ, какъ будто боится, что ее обокрадутъ; я, конечно, не обратила на нее вниманія: подхожу къ Васѣ, хочу взять его на руки. Какъ она бросится къ нему, схватила его и кричитъ: «Не дамъ, не дамъ! уходите! Вы Надю убить хотите, убить! Вы ее извели, измучили съ вашимъ зятемъ, теперь ребенка хотите отнять! Не отдамъ его, пока жива буду—не отдамъ!» Сама красная, глаза блестятъ какъ у помѣшанной... Vous savez comme j'ai horreur des scènes!.. Я хотѣла-было образумить ее: говорю, что она не можетъ не дать мнѣ ребенка! я не унесу его; на что онъ мнѣ? но что отецъ возьметъ его,—въ этомъ, конечно, нѣтъ сомнѣнія!.. А она отъ меня пятится, прижимая къ себѣ Васю, и все только шепчетъ: «уйдите! уйдите!» Ну, что мнѣ съ ней было дѣлать? Я только сказала: «Вы дура, моя милая!» и ушла. Эта полоумная женщина вывела меня изъ себя, она довела меня до того, что я сказала ей un gros mot! Вы понимаете, что съ

тѣхъ поръ я не была тамъ, и съ нетерпѣніемъ жду, когда вы прійдете! J'en ai rag dessus la tête! Понимаете, у насъ все верхъ дномъ идетъ! Николой Петровичъ выходитъ изъ себя; вѣчно кричитъ, что онъ ее въ монастырь засадитъ!.. Затѣмъ—всѣ эти вопросы, намеки! Всѣ меня спрашиваютъ, дѣлаютъ предположенія... «Elle a un amant!» думаютъ одни. «Онъ ее билъ!» думаютъ другіе.. Ну, конечно, кто же можетъ предположить, что женщина, qui se respecte, рѣшится на такой скандалъ безъ всякой причины. Вы знаете, mon cher Alexis, я не старыхъ понятій, я иду съ вѣкомъ. Je suis partisane de l'amour libre... Но такъ, ни съ того, ни съ сего все бросить, все разорвать, c'est plus qu'absurde! Приѣзжайте, приѣзжайте! Въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ la bonté est un crime! Vous vous devez à votre fils! Мы будемъ вамъ содѣйствовать во всемъ. Николой Петровичъ проситъ передать вамъ, что она не будетъ имѣть ни гроша отъ насъ. Проценты съ капитала будутъ высылаются вамъ, какъ и прежде, по сдѣланному уговору. Если она хочетъ ими пользоваться... elle n'a qu'à retourner sous votre toit, ce qu'elle finira par faire, cela est certain! Merci, mon ami, что вы прислали ей видъ. По крайней мѣрѣ хоть отъ скандала съ полиціей избавились мы! и въ этомъ деликатномъ поступкѣ я снова узнаю васъ! Но довольно, довольно! я не могу больше... Я измучена, истерзана... у меня нѣтъ силы выносить такіе ужасы... Я совсѣмъ больна, разстроена... Мои друзья встрѣчаютъ меня, не узнаютъ. Милая Любовь Гавриловна, говорятъ они, вы неузнаваемы!»

Вильдъ бѣгло пробѣжалъ четвертую страницу, не останавливаясь на излияніяхъ.

— Кончилъ? — спросилъ Прокофій Даниловичъ, подходя къ нему.

Онъ на минуту отошелъ къ дамамъ и старался шуточками удержать Александру Леонтьевну, чтобы она не прерывала чтеніе письма.

— Завтра ѣду,—произнесъ Вильдъ.

Прокофій Даниловичъ все съ тѣмъ же сердитымъ лицомъ, молча, взявъ у него изъ рукъ прочитанный листокъ, вложилъ его снова въ конвертъ и подаль все письмо Вильду.

— Ну, что-жъ, дѣло! — промолвилъ онъ, наконецъ.

Вильдъ помолчалъ.

— Возьму отпускъ, поѣду съ Васей за границу.

— Ну, а дальше что?

Вильдъ неопредѣленно усмѣхнулся.

— Ты знаешь, мнѣ предлагаютъ мѣсто въ N?

— Знаю. Мѣсто выгодное.

— Да. Переѣду туда съ семьей.

— Съ семьей?

Оба они посмотрѣли другъ на друга и усмѣхнулись.

«Поусмиритесь, Надежда Николаевна, поусмиритесь!» — подумалъ Прокофій Даниловичъ.

— А все-таки, говорю я, напрасно было дѣлать такой скандалъ! — произнесъ онъ громко.

— Ну, нѣтъ, я больше его вамъ не дамъ! Вы его совсѣмъ измучите! — вскрикнула Александра Леонтьевна, беря Вильда подъ руку и энергически отстраняя свободной рукой Прокофья Даниловича. — Alexis, у насъ противъ тебя заговоръ. Мы хотимъ, чтобы ты весь вечеръ провелъ съ друзьями! Ты долженъ обѣдать у меня! Насъ всего будетъ шестеро!...

Она шутливо принялась считать по пальцамъ.

— Ольга Михайловна — разъ! Владиміръ Федоровичъ — два! Варге — три! Прокофій Даниловичъ...

Прокофій Даниловичъ собирався было возражать, но Александра Леонтьевна поспѣшно перебила его.

— И слышать ничего не хочу! У меня для васъ приманка: новый поварь! Готовить такъ, что вы пальчики себѣ оближете!.. Ну-съ, значить, Прокофій Даниловичъ — четыре! и насъ двое — шесть! Alexis, я не принимаю никакихъ возраженій!... Je ne veux pas que tu broies du noir dans ta maison abandonnée! — прибавила она шопотомъ.

— Мы просто его не отпустимъ, — съ любезной улыбкой замѣтила Ольга Михайлова.

— Не отпустимъ, не отпустимъ! — пискнула Варге.

Вильдъ снисходительно улыбнулся.

— Будьте покойны, Александра Леонтьевна, — замѣтилъ, подсмѣиваясь, Прокофій Даниловичъ, — онъ сердцемъ мягокъ, не откажетъ. Да, помидуйте, развѣ есть возможность отказать?... Вы такъ энергически ведете атаку! На что ужъ я человѣкъ твердый, а новый поварь сразилъ меня, окончательно сразилъ-съ. Только и остается сложить оружіе и волей-неволей признать себя побѣжденнымъ!

Всѣ, смѣясь, направились къ воротамъ сада.

IV.

Прошла весна; за ней быстро пролетѣло короткое, петербургское лѣто, тамъ потянулась осень, сѣрая, неприглядная сѣверная осень, и снова наступила зима, наступилъ декабрь съ его непрерывными туманами, снѣгомъ и непогодой.

На платформѣ вокзала варшавской желѣзной дороги столпилась толпа народа и съ напряженіемъ слѣдила за приближающимся поѣздомъ. Онъ медленно, пыхтя, стуча колесами, подходилъ къ платформѣ, обильно обладая ее густыми бѣлесоватыми клубами пара, сквозь которые, словно два налитые кровью глаза, едва мерцали красные фонари. Поѣздъ остановился. Все засуетилось; толпа съ шумомъ двинулась впередъ; носильщики бросились къ вагонамъ. Появились пассажиры съ саками и подушками. Немилосердно тиская другъ друга, поспѣшно спускались они съ площадокъ и растерянно оглядывались вокругъ, стараясь разглядѣть сквозь туманъ и тусклый свѣтъ фонарей знакомыя, близкія лица.

Прислонясь къ периламъ у выходной двери, стоялъ Прокофій Даниловичъ и равнодушно посматривалъ на спѣшащій мимо него людъ. По временамъ онъ подавался впередъ и заглядывалъ подъ шляпки протискивающихся мимо него дамъ. Бѣльшеею частью результатъ этихъ мимолетныхъ наблюденій оказывался неудовлетворительнымъ; онъ выпрямлялся и снова лѣнливо оглядывалъ платформу. Толпа начала уже значительно рѣдѣть, когда въ нѣсколькихъ шагахъ отъ перилъ показался Вильдъ. За нимъ шелъ носильщикъ съ мѣшкомъ, пледомъ и тому подобными дорожными принадлежностями. Прокофій Даниловичъ отодвинулся отъ перилъ.

— Ну, вотъ и ты! — произнесъ онъ, подходя къ Вильду и пожимая ему руку. — Благополучно доѣхалъ?

— Благополучно, — возразилъ коротко Вильдъ. — Чтѣ, у тебя карета?

— Нѣтъ, зачѣмъ же? Омнибусъ изъ гостинницы есть.

Вильдъ отрывисто отдалъ носильщику приказаніе отнести вещи въ омнибусъ гостинницы Клея и вмѣстѣ съ Прокофьемъ Даниловичемъ направился къ выходу. Холодный, пронизывающій вѣтеръ чуть не сорвалъ съ нихъ шапки и мигомъ облѣпилъ ихъ большими хлопьями мокраго снѣга.

— Анаемская погода! — проговорилъ Вильдъ, влѣзая въ омнибусъ. — Лишь только пріѣдешь сюда, такъ тебя и область всюю петербургскою мерзостью!

Прокофій Даниловичъ только усмѣхнулся и, съ трудомъ протискивая грузное тѣло сквозь дверцы кареты, въ свою очередь влѣзъ въ омнибусъ. Отряхнувшись отъ снѣга и громко высморкавшись, онъ оглядѣлся вокругъ себя. Кромѣ нихъ, въ омнибусѣ сидѣло еще трое или четверо пассажировъ. Всѣ ёжились, пожимались и казались сумрачными, надутыми, сердитыми, какъ сама погода. Прокофій Даниловичъ попытался-было заглянуть подъ шляпку своей сосѣдки, сухощавой, длинной дамѣ, закутанной въ густой синій вуаль, но она сердито отвернулась отъ него, и его взору представился шиньонъ изъ желтоватыхъ фальшивыхъ волосъ.

«Уродъ должно быть!» — рѣшилъ мысленно Прокофій Даниловичъ. Онъ обернулся тогда къ Вильду и, не выдавъ его почти полгода, хотѣлъ-было приступить съ кое-какими незначительными вопросами, но Вильдъ отвѣчалъ неохотно. Надвинувъ мѣховую шапку низко на лобъ, онъ прижался въ уголь кареты и угрюмо глядѣлъ себѣ подъ ноги.

Омнибусъ, несмотря на топкій, липкій снѣгъ, катилъ довольно быстро. Очевидно, кучеръ не прочь былъ укрыться отъ вѣтра, слиставшаго ему снѣгомъ глаза, поэтому не прошло и сорока минутъ, какъ къ великой радости утомленныхъ, продрогшихъ путниковъ тяжелый экипажъ съ грохотомъ подкатилъ къ освѣщенному подъѣзду гостиницы. Вильда немедленно провели въ большую комнату, заранѣе заказанную Прокофьемъ Даниловичемъ. Лакей внесъ багажъ и зажегъ свѣчи. Пріатели сбросили шубы.

— Чего тебѣ хочется: чаю или чего-нибудь тамъ въ родѣ какой-нибудь закуски? — спросилъ Прокофій Даниловичъ, громко снимая валопы и подходя къ жарко-нагретой печи.

— И того, и другого, — возразилъ Вильдъ. — Заважи тамъ, какъ знаешь. Только поскорѣй.

Онъ медленно снялъ дорожный сюртукъ и съ утомленіемъ бросился въ кресло. Прокофій Даниловичъ, отдавъ подробныя приказанія на счетъ закуски, вернулся къ печкѣ и оттуда, молча, смотрѣлъ на пріателя.

«Поддался-таки!» — думалъ онъ, качая головой. — «Постарѣлъ! опустился! Вонъ, какъ сѣдина то пробилась! а ужъ глаза какіе нехорошіе... Подвернись ему теперь жена, вѣдь онъ задушилъ бы ее, право, задушил!»

Прокофій Даниловичъ пытливо взглянулъ на Вильда, какъ-бы желая убѣдиться, задушилъ ли бы онъ жену или нѣтъ.

«Вѣдь какъ распускается человѣкъ!» — продолжалъ онъ раз-

суждать самъ съ собой.— «Ну, конечно, положеніе неказистое!... Главное, вотъ этого точила-то, червяка, самолюбившею это какъ тутъ заморишь! Гложеть оно, гложеть... Добро бы ради кого-нибудь бросила, а то такъ себѣ, здорово живешь! на вотъ тебѣ!.. Ну, да теперь баста! Всему конецъ приходитъ! Въ нашихъ рукахъ она теперь... не увернется! Поукротимъ дикую возочку, поукротимъ!»...

Прокофій Даниловичъ съ довольной улыбочкой отошелъ отъ печки. Лакей входилъ въ комнату съ различной посудой въ рукахъ и принялся поспѣшно накрывать на столъ. Вильдъ слегка повернулся въ креслѣ, потянулся и громко зѣвнулъ. Столбнякъ, напавшій-было на него отъ физическаго и нравственнаго раздраженія, начиналъ проходить подъ влияніемъ пріятной теплоты комнаты и дружелюбнаго шипѣнія пузатаго самовара.

— А что Васютка?—спросилъ Прокофій Даниловичъ, замѣтивъ, что Вильдъ отошелъ и снова получаетъ способность отвѣчать на вопросы.

— Ничего, здоровъ. При немъ бонна-швейцарка теперь!... Александра Леонтьевна рекомендовала.

— Александра Леонтьевна все еще у тебя гостить?

— Нѣтъ, она въ Москвѣ, но скоро снова пріѣдетъ... Впрочемъ, для избѣжанія сплетенъ поселится не у меня.

Вильдъ на минуту остановился.

— Ужъ правда,—продолжалъ онъ съ волненіемъ,—что истинныхъ друзей познаешь только въ горѣ! Эта женщина выказала необыкновенную, безкорыстную преданность и самопожертвованіе... Я положительно не умѣлъ цѣнить ее прежде!

Едва уловимая усмѣшка скользнула въ прищуренныхъ глазахъ Прокофья Даниловича, однако онъ ничего не возразилъ и, переимѣнивъ тему разговора, обратился къ Вильду съ вопросомъ касательно его новаго назначенія.

Пріятели мало-по-малу разговорились, но оба будто тайно согласились не затрогивать за ѣдой того предмета, который ихъ свелъ вмѣстѣ въ настоящій вечеръ, и довольствовались передачей фактовъ о своей служебной дѣятельности, столкновеніяхъ, предположеніяхъ и т. п. Вильдъ все болѣе и болѣе оживлялся. Онъ непрерывно наливалъ себѣ вина въ стаканъ. Прокофій Даниловичъ нѣсколько разъ искоса взглянулъ на него.

— Вотъ ты какъ нынче!—замѣтилъ онъ наконецъ, когда Вильдъ, отливъ значительную часть чаю изъ своего стакана, дополнилъ его ромомъ.

— А что?—спросилъ, отрывисто смѣясь, Вильдъ.

— Да то, что ты ужъ больно много что-то подливаешь себѣ!

— Нервы слишкомъ ослабли; искусственнаго возбужденія требуютъ... Впрочемъ, что-жъ? не больше тебя пью!...

Прокофій Даниловичъ только неопредѣленно промывчалъ въ отвѣтъ. На минуту оживившійся разговоръ снова затихъ. Вильдъ послѣ сдѣланнаго ему замѣчанія оттолкнулъ отъ себя тарелку съ холоднымъ ростбифомъ и, откинувшись на спинку кресла, угрюмо сдвинулъ брови. Прокофій Даниловичъ тоже отодвинулъ тарелку, налилъ себѣ стаканъ чаю и закурилъ папироску. Это былъ вѣрный знакъ, что ѣсть онъ болѣе не будетъ и готовъ приступить къ серьезному разговору. Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Прокофій Даниловичъ не прерывалъ его. Съ серьезнымъ, даже нѣсколько торжественнымъ выраженіемъ лица выпускалъ онъ изо рта густыя струи дыма. Всякое подобіе усмѣшки или подмигиванія исчезло.

— Ну, вотъ видишь, я сейчасъ пріѣхалъ,—началъ Вильдъ, нервно встряхивая головой и пристально взглядывая на пріятеля.— Она здѣсь?

Прокофій Даниловичъ утвердительно кивнулъ головой.

— Давно?

— Съ мѣсяць, полагаю...

— Какъ же это раньше мы не узнали?

— Отъ кого же было узнать? Берновичъ за границей. Вѣрный ихъ вѣстовщикъ—Лысухинъ—въ командировкѣ... Кому же было справляться?

— Съ какою стати Любовь Гавриловна написала тебѣ, а не мнѣ?

— Пишетъ, что не хочетъ напрасно разстраивать тебя. Слухи объ отъѣздѣ Надежды Николаевны дошли до нея не изъ вполне вѣрныхъ источниковъ... Надо было, чтобы я первоначально навелъ справки... Да вотъ письмо, прочти.

Прокофій Даниловичъ подаль-было толстый пакетъ Вильду, но тотъ нетерпѣливо отклонилъ его.

— Не надо. Расскажи просто вкратцѣ въ чемъ дѣло. Ты такую телеграмму послалъ, что я, разумѣется, тотчасъ же взялъ отпускъ. Самъ знаешь, это нелегко было сдѣлать... Два мѣсяца всего на новомъ мѣстѣ и уже отпускъ! Будемъ надѣяться, что не даромъ заварилась каша,—прибавилъ онъ, хмурия брови.

— Не даромъ, не безпокойся!—промолвилъ Прокофій Даниловичъ, отхлебнувъ глотка два простывшаго чая. Онъ, казалось, взвѣшивалъ, съ чего бы ему лучше начать.

— Такъ рассказать тебѣ, что пишетъ Любовь Гавриловна?—

спросилъ онъ, слегка поглаживая рукой свой широкій, мясистый подбородокъ.

Вильдъ утвердительно кивнулъ головой.

— Только поворочте!—прибавилъ онъ раздражительно.

— Я самъ многословіи не люблю. Значить, не буду останавливаться на разстроенномъ здоровьѣ твоей нареченной маменьки и на предписаніи докторовъ во что бы то ни стало разсѣиваться и провести нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижѣ... Все это въ сторону. Самъ прочтешь когда-нибудь, если захочешь. Перехожу къ дѣлу. Она пишетъ, что, не желая растравлять твои раны, какъ она выражается, она избѣгала упоминать въ письмахъ къ тебѣ о положеніи дѣлъ въ П. Мнѣ же она пишетъ подробнѣе. По ея словамъ, еще до отъѣзда ихъ за границу у Надежды Николаевны сильно изсякъ денежный источникъ. Петербургскій адвокатъ вытянулъ послѣдній грошъ у нея и до Берновичей дошли слухи, что Ирина Петровна тайкомъ отъ племянницы ищетъ какъ-бы заложить свой домишко. Любовь Гавриловна пишетъ, что Надежда Николаевна обращалась во многіе дома за работой, но, разумѣется, вездѣ получала отказъ. Тѣтка же ея просто въ вожи лѣзетъ, набирая вязанья болѣе чѣмъ вдвое прежняго... Да ты, можетъ, все это уже знаешь?—спросилъ Прокофій Даниловичъ, останавливаясь.

Вильдъ не отвѣчалъ. Онъ неподвижно сидѣлъ на мѣстѣ, подперевъ рукой голову и пристально глядя себѣ подъ ноги. При упоминаніи имени жены его слегка передернуло.

— Съ той минуты, какъ ты увезъ Васю, Надежду Николаевну никто не видалъ. Любовь Гавриловна пишетъ, что до нея дошли слухи, что будто мѣсяца три или четыре тому назадъ она была серьезно больна...

Прокофій Даниловичъ снова остановился и вопросительно взглянулъ на Вильда, стараясь узнать, извѣстно-ли ему это обстоятельство или нѣтъ. Вильдъ не пошевелился.

— Мудрено было узнать нѣчто положительное,—продолжалъ Прокофій Даниловичъ, не дождавшись отвѣта.—Дѣло было лѣтомъ. Знакомыхъ въ П.—никого. Въ тому же, Ирина Петровна обратилась не къ знакомому, городскому доктору, а къ какому-то пріѣзжему, уѣздному врачу, который, впрочемъ, поставилъ болъную на ноги. До болѣзни, какъ и по выздоровленіи, Надежда Николаевна продолжала вести затворническую жизнь. Мѣсяцъ тому назадъ ее кто-то встрѣтилъ на желѣзной дорогѣ. Она ѣхала въ Петербургъ, и ѣхала одна, въ третьемъ классѣ. Это извѣстие было вторично подтверждено еще вѣмъ-то Любовъ Гавриловнѣ.

— Ну?—произнесъ Вильдъ, когда Провофій Даниловичъ замолчалъ.

— Ну, она, дѣйствительно, здѣсь.

— Ты ее видѣлъ?—поспѣшно спросилъ Вильдъ.

— Нѣтъ. Два раза былъ и оба раза не засталъ ее дома. Вторично былъ сегодня... Думалъ, можетъ, не дурно будетъ подготовить какъ-нибудь къ твоему прїѣзду...

— Гдѣ она остановилась?—перебилъ его Вильдъ.

— Ну, не очень-то тебѣ прїятно будетъ узнать, гдѣ жена твоя остановилась! Да ужъ теперь махни рукой! Это вѣдь послѣдняя дистанція—несомнѣнно! Остановилась она въ 15-ой линіи, въ меблированныхъ комнатахъ, весьма сомнительнаго свойства. Кто ей ихъ рекомендовалъ—уму непостижимо!... Вѣрно, кто-нибудь изъ спутниковъ третьяго класса. Дворникъ рассказывалъ мнѣ, что хозяйка этихъ номеровъ имѣетъ благородную привычку не брать впередъ денегъ за первый мѣсяць. Это, должно быть, и побудило Надежду Николаевну остановиться тамъ.

— Зачѣмъ она прїѣхала сюда?—жѣство спросилъ Вильдъ.

— Вотъ въ этомъ-то весь вопросъ! Зачѣмъ? Прежде всего оттого, что нечѣмъ жить стало. Думаетъ, еще здѣсь кое-какъ пробиться... Не хочется вѣдь послѣ такой катавасіи такъ скоро сдаться на капитуляцію...

— Можетъ, она еще надѣется выиграть процессъ?—иронически замѣтилъ Вильдъ.

— Не знаю. Думаю, не зачѣмъ прїѣхала она сюда безъ гроша денегъ... Кто знаетъ, не желаетъ-ли она ужъ сама сдѣлать маленькую уступочку? Отсюда вѣдь ближе въ N., чѣмъ въ П.

Вильдъ молчалъ.

— Рѣшительная минута настала, Алексій Васильевичъ!—съ непривычнымъ оживленіемъ произнесъ вдругъ Прокрофій Даниловичъ, придвигаясь къ столу.—Твое дѣло—не плошать... Хочешь получить жену обратно безъ огласки, безъ скандала—отправляйся завтра же туда. Нищета—не свой братъ! Задолжала она своей хозяйкѣ за цѣлый мѣсяць... Работы ни-ни—и помина нѣтъ! Ужъ все развѣдалъ. Словно зайчикъ загнана она въ кусты—ни туда, ни сюда!... Одно средство—сдаться. Все дѣло въ твоихъ рукахъ... Съумѣй только воспользоваться случаемъ, а тамъ—ужъ припомни мое слово,—послѣ такой школы шелковая будетъ.

Вильдъ не тотчасъ возражалъ. Сѣро-оловянные глаза его сохраняли во все время одушевленной рѣчи Прокрофья Даниловича холодное, жѣстное выраженіе.

— А ты думаешь, я могу простить ее?—спросилъ онъ.

Прокoфій Даниловичъ неопредѣленно шевельнулъ бровями.

— Ты думаешь, я могу забыть? Ты думаешь, я могу забыть весь этотъ годъ мученій, униженій, терзаній? Ты думаешь, что все это не врѣзалось каленымъ желѣзомъ въ меня? Ты думаешь, что во мнѣ осталась хоть капля любви къ ней? Нѣтъ! Она убила, съ ворнемъ вырвала послѣдній зародышъ любви!... Рѣшительная минута настала, говоришь ты, разумѣется, рѣшительная! Не безпокойся, медлить я не стану! Я ѣхалъ сюда, чтобы положить всему конецъ... Я не хочу, чтобы, ради своего безумія, она таскала имя мое по всякимъ меблированнымъ комнатамъ сомнительнаго свойства! Не хочу я, чтобы на нее указывали пальцами, какъ на жену мою!... Еще подъ охраной этой полоумной, но все-таки уважаемой всѣми тѣтки, я могъ терпѣть, чтобы она продолжала жить по-своему... Но здѣсь!... Почему я знаю, до чего ее доведетъ упрямство и страхъ подчиниться своему долгу?

Вильдъ всочилъ и зашагалъ по комнатамъ.

— Ты можешь быть спокоенъ,—продолжалъ онъ черезъ минуту, останавливаясь передъ Прокoфьемъ Даниловичемъ,—къ осласкѣ я не прибѣгну. Не мало ужъ вся эта комедія испортила мнѣ мою карьеру! Я исполню свой долгъ относительно ея; я приведу ее въ домъ свой... Я не забуду, что она мать моего сына, не забуду, что она носитъ мое имя! Ни криковъ, ни угрозъ она не услышитъ! Нѣтъ! я стумбю сдержанъ себя... Но она узнаетъ по опыту, что это была за жизнь, которую она отвергла; она узнаетъ, что значить топтать ногами любовь человѣка, который всецѣло отдавался ей! она узнаетъ...

Онъ остановился. Волненіе мѣшало ему говорить. Мысль о томъ, что онъ наконецъ достигъ минуты, когда будетъ имѣть возможность отмстить ей за всѣ муки, за всѣ раны, нанесенныя его чувству, его самолюбію,—мысль эта захватывала ему дыханіе и заставляла сердце его неистово колотиться въ груди. Тяжело дыша, отошелъ онъ отъ стола и зашагалъ по комнатамъ.

Прокoфій Даниловичъ съ живѣйшимъ интересомъ слѣдилъ за нимъ. Онъ прекрасно видѣлъ и понималъ все, что происходило въ немъ—и вполне сочувствовалъ ему. Онъ мысленно рисовалъ себѣ тотъ моментъ, когда Надя вернется въ домъ мужа—робкая, униженная. Онъ ясно представлялъ себѣ тактику Вильда. Не грубость встрѣтитъ она, не угрозы, а вѣжливое, холодное пренебреженіе, постоянное нѣмое недовѣріе. Ее поразитъ, что къ ней относятся какъ будто великодушно, не попрекаютъ, не угрожаютъ, а она еще тѣмъ сильнѣе будетъ страдать и убиваться за свою прошлую вину... Всѣ вѣдь женщины скроены на одинъ

покрой! Увѣщанія, угрозы, крики поднимають ихъ на дыбы, а лишь только отнестись къ нимъ съ пренебреженіемъ, онѣ готовы на колѣняхъ стоять и молить о прощеніи!.. Настанетъ минута, когда и къ Провофію Даниловичу обратятся...

Провофій Даниловичъ подмигнулъ глазкомъ и невольно громко разсмѣялся.

— Чему ты?—спросилъ его Вильдъ съ изумленіемъ.

— Да такъ! вонецъ всей этой траги-комедіи приходитъ! — весело проговорилъ Провофій Даниловичъ.—По правдѣ сказать, вотъ гдѣ она у меня сидитъ!

Провофій Даниловичъ указалъ на затылокъ.

— Что-жъ, если рѣшаться, то скорѣй! Я сейчасъ поѣду, — отрывисто замѣтилъ Вильдъ.

Онъ не могъ дожидаться минуты, когда она снова будетъ въ его рукахъ.

— Сейчасъ! Что ты! одиннадцатый часъ! Куда ты поѣдешь такую даль?.. Нѣтъ, ужъ лучше завтра. Какіе могутъ быть переговоры въ ночное время!.. Не бойся, не ускользнетъ теперь.

«Куда ей уйти!» — думалъ Провофій Даниловичъ. — «Рада радѣшенька будетъ, что ей какъ-нибудь удастся выдти изъ петли, избавиться отъ своей хозяйки, которой она задолжала! Да ужъ и уватали, вѣрно, сивку крутыя горки!»

— Лучше отдохни, выспись хорошенько, — проговорилъ онъ громко.—Завтра, такъ-сказать, генеральное сраженіе; надо быть, слѣдовательно, въ полномъ вооруженіи!

Провофій Даниловичъ разсмѣялся. Вильдъ даже не усмѣхнулся. Предстоящая развязка слишкомъ захватывала его. Блѣдный, взволнованный, съ судорожно сжатыми за спиной руками — ходилъ онъ по комнатѣ. Вся кровь прилиwała ему въ голову, виски стучали, во рту пересохло. Онъ подошелъ къ столу, налилъ себѣ полный стаканъ воды и залпомъ выпилъ его.

«Провофій Даниловичъ правъ! Лучше подождать до завтра... Онъ слишкомъ взволнованъ... Пожалуй, злоба, ненависть къ этой женщинѣ вырвется наружу и вырвется не такъ, какъ онъ этого хочетъ! Нѣтъ, надо больше спокойствія, больше самообладанія! Да, да, надо!» — повторялъ онъ мысленно, опираясь дрожащей рукой на столъ.

Жалобный, протяжный стонъ раздался вдругъ въ это время у окна. Вильдъ нервно вздрогнулъ.

— Экъ вѣтеръ воетъ, — замѣтилъ Провофій Даниловичъ, вставая и потягиваясь.

«Завтра! Какъ еще долго завтра?» — подумалъ Вильдъ, съ какимъ-то непонятнымъ страхомъ подходя къ окну.

Декабрьская непогода не на шутку разгулялась. Вѣтеръ такъ и вылъ въ форточку, такъ и рвалъ все, что ему ни попадалось на пути; мокрый снѣгъ непрерывно хлесталъ по стекламъ.

Вильдъ неподвижно стоялъ у окна, борясь съ самимъ собой. Непонятный страхъ разрастался все болѣе и болѣе... Онъ столько мѣсяцевъ ожидалъ этой минуты! Неужели она ускользнетъ отъ него!

— Ну, что ты наводишь на себя меланхолю сей безотрадной картиной! — весело произнесъ Прокофій Даниловичъ, хлопая его по плечу. — Пойдемъ лучше спать. Приободритесь, Алексѣй Васильевичъ, приободритесь! Наступаетъ и на вашей улицѣ праздничекъ!

Вильдъ, молча, отошелъ отъ окна.

— А я, братецъ ты мой, — продолжалъ все въ томъ же тонѣ Прокофій Даниловичъ, — не намѣренъ отправляться домой въ такую вьюгу. Я вотъ здѣсь на диванчикѣ сосну.

«Лишь бы только поскорѣй!» — думалъ Вильдъ, не слушая развеселившагося пріятеля, но собираясь, однако, послѣдовать его совѣту, то-есть по возможности терпѣливо ожидать наступленія утра въ постели, гдѣ волненіе, онъ зналъ ужъ это заранѣе, не дастъ ему всю ночь глаза сомкнуть.

А вѣтеръ такъ и гулялъ по улицамъ, разгоняя всѣхъ, кому не было крайней необходимости, по домамъ. Снѣгъ валилъ хлопьями, рѣдкіе фонари разливали тусклый, дрожащій свѣтъ на мокрые тротуары. По колѣно вязли извозничьи одры въ густой, слизистой массѣ, образовавшейся изъ снѣга и грязи, и съ трудомъ тащили за собой сани. Извозчики по возможности облегчали имъ трудный, непосильный трудъ. На самыхъ изъѣзженныхъ мѣстахъ они сходили съ возель и шлепали по грязи около саней. Но напрасно ободряли они кнотомъ своихъ несчастныхъ россинантъ; сани оттого не подвигались скорѣе впередъ и сѣдоки, закутанные по уши въ шубы, принуждены были стоячески выносить скрипъ полозьевъ по обнаженнымъ камнямъ и терпѣливо выжидать, пока извозчику удастся своротить куда-нибудь въ сторону и провезти ихъ сносно нѣсколько шаговъ.

На Большой-Мѣщанской скрипъ полозьевъ, понуканіе извозчиковъ, плескъ воды подъ ногами лошадей раздавались болѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было. Порой, кареты съ грохотомъ пролетали

мимо Ваневъ, отдавая грязью сѣдковъ; громкія проклятія раздавались имъ вслѣдъ; затѣмъ снова слышался скрипъ, хлестъ внута и шлепаніе по лужамъ валенокъ извошниковъ.

Пусто было на тротуарахъ, пусто передъ освѣщенными магазинами. Обыденные ротозѣи и праздношатающіеся попрятались по угламъ, и рѣдкіе прохожіе шли не оглядываясь и не останавливаясь, очевидно, выгнанные только неотложной необходимостью на улицу. Между этимъ бѣгущимъ и спѣшащимъ за дѣломъ народомъ выдѣлялась фигура женщины. Она медленно подвигалась впередъ. Драповое, короткое пальто, черный башлыкъ, навинутый на маленькую шапочку, отороченную барашкомъ, плохо оберегали ее отъ моерого снѣга и вѣтра, но она, казалось, не чувствовала ни холода, ни сырости. Тихо шла она, опустивъ голову на грудь и пристально смотрѣла себѣ подъ ноги, ничего, повидимому, не видя, такъ какъ не избѣгала ни лужъ, ни толчковъ прохожихъ. Яркій свѣтъ колбасной обратилъ ея вниманіе. Она подняла голову и машинально взглянула на освѣщенные окна, затѣмъ также машинально подошла и остановилась передъ магазиномъ. Газовые рожки полнымъ свѣтомъ озарили теперь худое, болѣзненное лицо, и нелегко было узнать въ этой блѣдной, изнуренной женщинѣ прежнюю Надю Берновичъ. Только годъ прошелъ съ той ночи, когда въ ней зародилась рѣшимость распорядиться собой самовольно, но уже замѣтные слѣды оставилъ этотъ годъ на ея впалыхъ, исхудалыхъ щекахъ. Она, казалось, постарѣла на десять лѣтъ. Преждевременныя морщины появились въ углахъ крѣпко сжатого рта и вокругъ тонкихъ ноздрей. Темные глаза ввалились и безучастно смотрѣли передъ собой; все лицо ея поражало полнымъ отсутствіемъ жизни. Нѣкоторое время простояла она у окна колбасной, машинально рассматривая жирные оборота, сыры, колбасы, разставленные въ симметрическомъ порядкѣ на окнѣ, но мало-по-малу безжизненные глаза оживились, губы разжались, тонкія ноздри расширились, какъ-бы вдыхая запахъ съѣстного; она невольно придвинулась къ окну. Видъ всѣхъ этихъ яствъ пробудилъ въ ней, наконецъ, нѣкоторое сознаніе—сознаніе голода. Со вчерашняго дня она ничего не ѣла.

— Хорошенькая какая!—произнесъ вдругъ около нея мужской голосъ.

Надя обернулась. Рядомъ съ ней стоялъ рослый мужчина, закутанный въ большую енотовую шубу, покрытую чернымъ сукномъ; изъ-подъ большой бобровой шапки смотрѣли масляные, сѣрые глаза на выкатѣ; жирныя, розовыя щеки дышали здоро-

вѣемъ; красныя, влажныя губы, украшенныя небольшими темными усиками, раскрылись въ приторную улыбку, выставляя на показъ рядъ большихъ безуворизненныхъ зубовъ. Судя по выговору, господинъ этотъ былъ изъ купеческаго званія. Нада, бѣгло осматрѣвъ его съ ногъ до головы, отвернулась и снова стала смотрѣть въ окно. Но на минуту оживившійся взглядъ ея потухъ и лицо приняло прежнее безучастное выраженіе.

— Поѣдемъ ко мнѣ, — върадчиво прошепталъ мужчина, придвигаясь къ ней.

Слабый румянецъ вспыхнулъ на впалыхъ щекахъ Нади. Она быстро отошла отъ колбасной и, не оглядываясь, зашагала впередъ.

— Какія же вы спѣсивыя! — говорилъ мужчина, нагоняя ее. — Иль ты боишься? Не бойся, не съѣмъ тебя! Такой хорошенькой нечего бояться!.. Ну, полно, полно жеманиться... Дай ручку, а не то...

Онъ наклонился къ ней и хотѣлъ-было обнять ее, но Нада отшатнулась и перебѣжала на другую сторону улицы. Онъ послѣдовалъ за ней.

— Дудки, барышня! — Отъ меня не убѣжишь! Вишь, какая вострая, не утонишься за ней!

Нада со страхомъ оглянулась вокругъ. Какъ нарочно, улица была совершенно пуста; только вдаль мелькали двѣ-три фигуры.

— И къ чему жеманиться! Смотри, какая хорошенькая, а на плечикахъ пальтишко укусомъ подбитое! Видно ужъ въ карманѣ вѣтеръ ходить, а у меня деньги куры не клюютъ! Поѣдемъ только со мной, моя кралечка! Такихъ тебѣ нарядовъ надарю, какихъ ты и въ жисть не видала, такими сладкими угощу, что глазки разбѣгутся во всѣ стороны!

Онъ говорилъ это скороговоркой, быстро шагая около Нади. Она, не оглядываясь, бѣжала впередъ. Видя, что попытки перебѣгать съ одной стороны улицы на другую ни къ чему не ведутъ и онъ все слѣдуетъ за ней, она остановилась.

— Оставьте меня, какъ вамъ не стыдно? — рѣзко произнесла она.

— Стыдно! чего стыдиться? Любоваться такой хорошенькой ничуть не стыдно! — возразилъ онъ съ приторной улыбкой, стараясь обнять ее.

Она попыталась вырваться; но онъ крѣпко держалъ ее за руки.

— Пустите меня; я закричу!

— А вотъ мы сперва кликнемъ извозчика и посадимъ нашу королевну!

Онъ, дѣйствительно, кликнулъ ѣхавшаго недалеко извозчика. Въ это время изъ-подъ воротъ сосѣдняго дома вышли два мужа и направились къ Невскому. Нада быстрымъ движеніемъ освободилась изъ объятій мужчины и мгновенно очутилась около мужиковъ.

— Ради Бога, — умоляла она, — позвольте мнѣ идти съ вами. Мужики съ удивленіемъ посмотрѣли на нее.

— Иди, барышня, кто-жъ тебѣ не велитъ!

Краснощекій мужчина, увидавъ ее подъ защитой, а главное замѣтивъ вдали городского, ворча, перешелъ на другую сторону улицы.

— Ради Бога, не оставляйте меня, — съ испугомъ прошептала Нада.

— Не оставимъ. Энтотъ баринъ, что-ль, тебя обидѣлъ?

Нада утвердительно кивнула головой и, молча, пошла рядомъ съ ними.

— Ты не бойся; теперь не тронетъ. Тебѣ на Невскій, что-ль?

— На Васильевскій, — прошептала Нада.

— Ну, до Адмиралтейства проводимъ. Намъ по дорогѣ.

Краснощекій шелъ параллельно съ Надей и ея защитниками по другой сторонѣ Мѣщанской. Онъ дошелъ съ ними до Невскаго, но видя, что Нада повернула и мужики послѣдовали за ней, остановился, посмотрѣлъ имъ вслѣдъ и круто повернулъ направо.

— Ну, ушелъ баринъ, не бойся, барышня, — успокоивающимъ голосомъ проговорилъ одинъ изъ мужиковъ.

Она не отвѣчала. Молча дошли они до Адмиралтейскаго бульвара; здѣсь она минуту остановилась и проговоривъ: «спасибо вамъ!» опередила мужиковъ и, не оглядываясь, пошла по бульвару. Мужики посмотрѣли ей вслѣдъ.

— Болѣзная, должно быть! — замѣтилъ одинъ изъ нихъ, почесывая голову.

Нада бѣгомъ прошла Адмиралтейскій бульваръ и Николаевскій мостъ. Войдя на набережную Васильевскаго Острова, она остановилась и перевела дыханіе.

Снѣгъ шелъ все сильнѣе и сильнѣе; точно саваномъ покрылъ онъ ее сверху до-низу. Прислонясь къ мокрому, гранитнымъ периламъ, неподвижно простояла она нѣсколько минутъ. Сердце ея сильно билось отъ сворой ходьбы; судорожно прижимала она руку къ стѣсенной груди, не чувствуя, что худенькіе пальцы

покрываются снѣгомъ и коченѣютъ отъ холода. Нева, словно бѣлая, безконечная скатерть—разстилась у ея ногъ. Матовая, однообразная бѣлизна ея свѣтилась въ темнотѣ, прерываемая мѣстами черными, расплывающимися пятнами большихъ полей. Вѣтеръ стихъ. Глубокая тишина царствовала на набережной; изрѣдка тащились санки ночного извозчика, или пробѣжала одинокая карета, затѣмъ все снова стихало. На тротуарахъ было пусто; только на противоположной сторонѣ набережной стоялъ городской оwohl своей будки и лѣниво посматривалъ вокругъ себя. Надя тихо сдвинулась съ мѣста и ступила шага два впередъ. Тусклый свѣтъ фонаря освѣтилъ гранитныя ступени, ведущія къ рѣкѣ. Большая, темная прорубь тянулась у подножія этихъ ступеней. Надя остановилась.

— Двѣ минуты страданья—и все было бы кончено!—прошептала она и невольно подалась впередъ.

Зіяющая, черная пропасть неотразимо притягивала ее къ себѣ. Она перегнулась черезъ перила и не въ силахъ была отъ нея глазъ оторвать. Отдаленный скрипъ саней заставилъ ее вздрогнуть и отодвинуться.

«А если вдругъ во-время вытащатъ!» промелькнуло у нея въ головѣ.—И тогда снова жить! Нѣтъ, нѣтъ! то лучше, скорѣе... И потомъ надо написать...

«Надо написать!» прошептала она машинально нѣсколько разъ сряду, и снова принялась глядѣть въ прорубь. Ей казалось, что прорубь эта принимаетъ громадныя размѣры; она растягивается, растягивается безъ конца, и все ближе, ближе тянется къ ней. Вотъ ужъ она у самыхъ ногъ ея... Стоять сдѣлать шагъ одинъ—и черная холодная влага охватитъ ее со всѣхъ сторонъ. Судорожная дрожь пробѣжала по всему тѣлу ея.

«Нѣтъ, нѣтъ!» прошептала она, отшатываясь отъ перилъ.

Громкій кашель нарушилъ вдругъ мертвую тишину. Надя съ испугомъ оглянулась. Городовой все еще стоялъ у будки, но ей показалось, что онъ всматривается въ нее, отходить отъ будки и идти къ ней. Крѣпко запрягивая ооченѣлыя руки въ рукава пальто, она порывисто отошла отъ перилъ и быстро пошла вдоль набережной. Не оглядываясь, прошла она значительное пространство, все болѣе и болѣе ускоряя шаги. Повернувъ въ 15-ю линію, она вдругъ остановилась и оглянулась вокругъ, какъ-бы желая убѣдиться, что она не сбилась съ дороги. Затѣмъ снова почти бѣгомъ пустилась она шагать и остановилась только на самомъ концѣ линіи, передъ большимъ каменнымъ домомъ. Ворота были заперты. Она постучала.

— Кто тамъ?—отозвался заспанный голосъ дворника.

— Жиличка, изъ номера шестого.

— О, чтобъ васъ! Шляются по ночамъ!.. Только и дѣла, что отпирай имъ!—ворчалъ дворникъ, ощупью ища задвижку.

Калитка скрипнула. Надя молча проскользнула мимо ворчащаго дворника. Торопливо перешла она первый дворъ, вошла во второй и поднялась по темной, грязной лѣстницѣ. Ощупью поднималась она по ней до четвертаго этажа; здѣсь она остановилась и, найдя ручку звонка, позвонила. Глухо задребезжалъ звонокъ. Дверь не раскрывалась. Надя снова дернула звонокъ, снова задребезжалъ онъ и снова все смолкло. Схватившись за ручку звонка, она нетерпѣливо дернула ее нѣсколько разъ сряду.

«Нарочно не отпираетъ!» злобно подумала она.

— Иду, иду!—раздался, наконецъ, за дверью сбобный женскій голосъ.—Экъ трезвонить! Всѣхъ жильцовъ перепугаетъ! Кто тамъ?

— Отоprite же, наконецъ, Авдотья Алексѣевна!

Дверь отворилась, и на порогѣ появилась высокая, толстая, сорока-пяти-лѣтняя женщина съ лампой въ рукѣ. Кое-какъ наброшенный чепецъ сомнительной чистоты, обрамлялъ толстое, набѣленное лицо, носившее еще слѣды красоты. Накинутый просто на рубашку красный платокъ не скрывалъ жирныхъ плечъ и пышной груди. Этотъ—довольно-легкій костюмъ сверху, оканчивался снизу затасканной зеленой шелковой юбкой, съ бархатной отдѣлкой. Черные волосы были заплетены на лбу въ мелкія косички и запрятаны въ чепецъ.

— Это вы, Надежда Николаевна?—проговорила Авдотья Алексѣевна, остановясь въ дверяхъ и зорко осматривая Надю съ ногъ до головы.—Что это вы такъ повдно? Я думала, ужъ ночевать не придете.

Надя, молча, прошла мимо нея и вошла прямо изъ передней въ крошечную, темную комнату. Притворивъ за собой дверь, она пошарила въ одномъ углу и, найдя спички, зажгла маленькую лампочку.

— До утра хватить,—прошптала она, внимательно осматрѣвъ резервуаръ съ керосиномъ.

Тусклый свѣтъ лампы освѣтилъ бѣдную обстановку конурки. Порванный, обитый волосяной матеріей диванъ, служившій вмѣстѣ съ тѣмъ и постелью, небольшой о трехъ ножкахъ комодъ краснаго дерева, два-три деревянные стула; на одномъ изъ нихъ глиняная чашка и рукомойникъ съ отбитой ручкой; небольшой письменный столикъ, покрытый черной, драной клеѣнкой,—со-

ставляли все убранство комнаты. Надя сняла башлыкъ и шапочку, сбросила промокшее пальто и, нагнувшись надъ диваномъ, вытасила изъ-подъ него пару сувонныхъ туфель. Въ это время дверь открылась и въ комнату безцеремонно вошла Авдотья Алексѣевна. Надя обернулась и съ неудовольствіемъ взглянула на нее, но Авдотья Алексѣевна не обратила вниманія на этотъ взглядъ, сняла со стула мокрое пальто, положила его на оево и сѣла, облокотясь жирнымъ локтемъ на столъ.

— Что вамъ угодно?—раздражительно спросила Надя.

— Угодно мнѣ, душечка,—возразила Авдотья Алексѣевна, насмѣшливо взглядывая на нее,—сами знаете что! Угодно мнѣ знать, когда же это мнѣ заплатятъ за квартиру! Даровые-то жильцы мнѣ не по карману.

— Я ужъ вамъ сказала, что завтра заплачу.

— Завтра? завтраками сытъ не будешь! Не разъ ужъ это слышала!

— Что-жъ вы хотите? теперь у меня денегъ нѣтъ!

— Знаю, что нѣтъ, моя душа,—со смѣхомъ возразила Авдотья Алексѣевна,—не только денегъ,—и вещей-то нѣтъ! Сегодня весь комодъ перешарила, и окромя какихъ-то тетрадокъ, да бѣлья ничего нѣтъ... Все, значить, спустили!

Надя вспыхнула.

— Вы шарили въ мои вещи! да какъ вы смѣли!—крикнула она дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ.

— Потихе, моя красавица! Какъ я смѣла? Да, вотъ, такъ и посмѣла! Ужъ извините меня, неразумную: не спросясь вашей милости, осмотрѣла ваши богатства! Не бойтесь, матушка, ничего не утасила! Таскать-то нечего! Вишь ты, фря какая! За душой ни гроша, а туда же носъ задираетъ!

Авдотья Алексѣевна съ каждымъ словомъ возвышала голосъ и послѣднія слова почти прокричала. Надя молчала. Темные глаза мрачно смотрѣли на хозяйку, тонкія ноздри вздрагивали и губы крѣпко сжались. Ея пристальный взглядъ особенно раздражалъ Авдотью Алексѣевну. Выкрикивая послѣднія слова, она приподнялась съ мѣста, подбоченилась и съ вызывающимъ видомъ сдѣлала шагъ впередъ.

— Что же вы хотите?—глухо произнесла Надя, продолжая смотрѣть на нее.

Вопросъ удивилъ Авдотью Алексѣевну; она всплеснула руками.

— Отцы мои! Никакъ она рехнулась! Чего я хочу? Денегъ моихъ хочу, вотъ что! Мѣсяцъ на исходѣ, а за квартиру и столъ ничего не заплачено!

— Откуда же мнѣ взять? Нѣтъ у меня денегъ! Завтра буду, говорю вамъ, — съ отчаяніемъ произнесла Надя.

— Денегъ нѣтъ! а когда нанимали, видно, были деньги, или такъ, на даровщинку хотѣлось пожить?

Надя снова вспыхнула; слезы готовы были брызнуть изъ глазъ. Она быстро повернулась и сѣла на диванъ. Авдотья Алексѣевна слѣдила за каждымъ ея движеніемъ, какъ кошка за мышью.

— Нѣтъ денегъ! — повторила она какъ-бы про себя. — Будто ужъ такъ трудно достать деньги такой красавицѣ!

Она посмотрѣла на свою жиличку. Надя неподвижно сидѣла на диванѣ; глаза ея пристально смотрѣли на полъ; брови сдвинулись и вздулись, какъ отъ физической боли. Казалось, она не слыхала замѣчанія хозяйки.

Авдотья Алексѣевна, послѣ минутнаго колебанія, придвинула свой стулъ ближе къ Надѣ и попыталась взять ее за руку. Надя отклонила эту попытку и съ нескрываемымъ отвращеніемъ отодвинулась отъ нея. Авдотья Алексѣевна не обидѣлась. Подвинувъ свой стулъ еще ближе къ дивану, она нагнулась къ Надѣ и, стараясь придать особенно нѣжное выраженіе лицу своему, заговорила таинственнымъ голосомъ:

— Давно ужъ хотѣлось мнѣ поговорить съ вами по душѣ, моя милочка, и дать вамъ добрый совѣтъ. Вы не смотрите, что я такая моложавая... Всѣ думаютъ, что мнѣ всего тридцать лѣтъ. — Авдотья Алексѣевна при этомъ самодовольно улыбнулась. — Пусть думаютъ! Это мнѣ не въ убытокъ! Но, между нами будь сказано, я ужъ не молода и, пожалуй, годилась бы вамъ въ матери!

Надя съ изумленіемъ посмотрѣла на толстое, самодовольное лицо Авдотьи Алексѣевны, которой ни въ какомъ случаѣ нельзя было дать менѣе сорока-пяти лѣтъ.

— Что мнѣ за дѣло до вашихъ лѣтъ, — съ сердцемъ проговорила она, приподнимаясь съ дивана. — Прошу васъ оставить меня... И спать хочу. Деньги...

Авдотья Алексѣевна удержала ее за платье.

— Одну минуточку! Какія же вы, право, строптивыя! Ужъ я вѣдь не робкаго десятка, а вотъ сколько времени смотрю на васъ и все не рѣшаюсь поговорить по душѣ! А отчего же не поговорить? Вашего же добра желаю! Я горячая; иной разъ и наговорю ни въсть что, только не со зла, а такъ, знаете, языкъ безъ костей!.. Ну, и сердце у меня отходчивое, мягкое, и къ вамъ, ужъ не знаю съ чего — особенно влонить меня... Такое у

меня въ вамъ сочувствіе, такое сочувствіе, что я вамъ и сказать не могу!

Надя нервно повернулась на диванѣ.

— Господи! неужели ужъ я у себя въ комнатѣ не госпожа!— съ тоской прошептала она.

Но Авдотья Алексѣевна вошла въ пакозъ и пропустила мимо ушей это замѣчаніе.

— Смотрю я на васъ и жалко мнѣ, какъ вы губите молодость свою и красоту!.. Я, вѣдь, тѣртый валацъ; съ-разу увидала, что вы не нашего поля згодка!.. Не въ такой конурѣ жили вы прежде... Вонъ бѣлье-то у васъ все тонкое, барское, да и сами-то ужъ больно брезгливы Привыкли, значить, въ другой жизни... Что-жь, будто ужъ невозможно снова зажить припѣваючи?..

Авдотья Алексѣевна отвашлялась.

— Бѣгаете вы цѣлое утро; видно, все уроки или другую работу какую ищите... А что эти уроки дадутъ вамъ? Дурнушкѣ, уроку какому-нибудь на роду написано безъ денегъ сидѣть и рыскать по городу за грошовой работой, а красавица въ сорочкѣ на свѣтъ рождается, и только стѣмбѣй подставлять карманы, деньги сами посыплутся!.. И я была молода и хороша была, и еще какъ хороша-то! Ну, ужъ и цѣну себѣ знала! Пожурировала-таки въ молодости! Въ тѣсной коморкѣ не сидѣла, а деньги такъ и сыпались, такъ и сыпались!..

Авдотья Алексѣевна перевела духъ, и пытливо, искоса, посмотрѣла на свою жиличку. Надя не шевелилась; блѣдное лицо ея точно окаменѣло, рука судорожно стиснула уголь подушки и будто замерла въ этомъ движеніи. Принявъ эту неподвижность за напряженное вниманіе, Авдотья Алексѣевна пересѣла на диванъ и фамиллярно положила руку на платье Нади. Придерживая другой рукой платокъ на груди, она понизила голосъ и продолжала еще болѣе таинственно:

— Мужъ хозяйки нашего дома, знаете, генералъ. Живуть они въ бель-этажѣ, что выходитъ на улицу. Ну-съ, вотъ видите, генералъ этотъ мнѣ знакомъ! Богатый онъ; за женой кучу денегъ вzialъ. Такъ вотъ намердись призываетъ онъ меня и говоритъ: «Авдотья Алексѣевна, у васъ новая жиличка?» — «Да, говорю, ваше превосходительство». — «Очень, кажется, хорошенкавая?» — «Ничего, говорю, недурна». — «Какое, говорить, недурна, — красавица! Я ее уже раза три видѣлъ и, какъ честный человекъ говорю вамъ, Авдотья Алексѣевна, такой красотою давно не видалъ! Вы знаете меня, Авдотья Алексѣевна, я не

скрага, и еслибъ она согласилась на знакомство, я озолочу ее съ ногъ до головы и буду вамъ...

Авдотья Алексѣевна внезапно остановилась и отдернула руку съ волѣнъ своей слушательницы. Темные глаза впелись ей въ лицо; синія губы дрожали, напрасно слясь заговорить. Нада вдругъ встала, подошла къ двери и настежь растворила ее.

— Извольте выдти отсюда!—проговорила она глухимъ голосомъ.

— Что-съ!—вскрикнула Авдотья Алексѣевна, вскакивая съ дивана.—Чтобъ я вышла отсюда? Скажите, пожалуйста? Да ты рехнулась, что-ли! Заплати мнѣ прежде, да потомъ и гони меня изъ моей квартиры. Ужъ если кого гнать, такъ тебя, голубушку, выгнать слѣдуетъ, вотъ что! Что ты выпучила глаза-то,—думаешь, испугаюсь!—кричала Авдотья Алексѣевна, дѣйствительно испуганная страннымъ взглядомъ Нади.

— Вы говорите, вашъ генералъ женатъ на хозяйкѣ этого дома. Я знаю эту хозяйку—и если вы тотчасъ не выйдете изъ моей комнаты, я завтра же пойду и расскажу ей о предложеніи ея мужа и расскажу, какія дѣла вы для него устраиваете. Вы можете быть увѣрены, что она повѣритъ мнѣ.

Авдотья Алексѣевна смутилась.

«Съ нея станеть,—подумала она,—а генеральша не овечка!»

— А что мнѣ за дѣло!—произнесла она громко, вызывающимъ голосомъ.—Экъ, чѣмъ испугала! Пойди, расскажи! да такую потаскушку и въ переднюю не пустать!

Она двинулась къ двери. Нада, молча, все также пристально глядя на разъяренную бабу, отошла нѣсколько отъ порога.

— Если ты завтра же не заплатишь, тебя въ шею выгнать, слышишь?—крикнула Авдотья Алексѣевна, съ сердцемъ натягивая красный платокъ, сползшій въ пылу негодованія съ толстыхъ, голыхъ плечъ.

Въ передней и въ сосѣднемъ корридорѣ слышался скрипъ дверей и робкій шопотъ. Жильцы высыпали изъ своихъ комнатъ, привлеченные крикомъ хозяйки.

— Урокъ же мнѣ, отдавать комнаты всякой дрянн!—кричала Авдотья Алексѣевна, выходя въ переднюю.

Нада послѣшно подошла къ двери и заперла ее на ключъ.

— Завтра, слышишь? а не то къ мировому!—прокричала Авдотья Алексѣевна за дверью.

Нада не отвѣчала. Неподвижно простояла она нѣсколько минутъ среди комнаты. Мертвенная блѣдность покрывала ея лицо; темные глаза казались еще болѣе впалыми и горѣли неесте-

ственнымъ блескомъ. Наклонивъ впередъ голову, крѣпко сжимая грудь обѣими руками, она прислушивалась къ провзвительному крику хозяйки и говору жильцовъ. Звонкій голосъ Авдотьи Алексѣевны еще долго раздавался по всей квартирѣ. Она съ яростью хлопала дверью и швыряла что-то по комнатѣ. Наконецъ она утомилась. Жильцы снова разошлись по своимъ комнатамъ, и мало-по-малу все стихло.

Надя медленно, будто машинально, подошла къ столу и опустилась на стулъ. Подперевъ обѣими руками голову, она пристально стала смотрѣть на лампу. Неизвѣстно, думала-ли она о чемъ-нибудь. Блѣдное лицо и пристальный взглядъ выражали только полное изнеможеніе. Она, можетъ быть, долго просидѣла бы неподвижно, еслибъ въ дверяхъ не послышался легкій стукъ. Надя подняла голову.

— Надежда Николаевна! — послышалось за дверью.

Надя встала, подошла къ двери и повернула ключъ въ замкѣ. Растрепанная голова высунулась въ дверь, за головой появилась на половину ея владѣтельница, рябая, подслѣповатая женщина, въ грязномъ, изодранномъ ситцевомъ платьѣ.

— Надежда Николаевна, — шопотомъ проговорила она, — я къ вамъ за письмомъ.

Надя расбѣянно взглянула на нее, какъ-бы не понимая, что она отъ нея хочетъ.

— За письмомъ? — озабоченно повторила она, потирая рукою лобъ. — Да, да, помню... я его еще не написала... Ты подожди, Мареуша... иль нѣтъ, я лучше сама тебѣ принесу его...

Мареуша совсѣмъ пролѣзла въ комнату.

— Я еще за однимъ дѣломъ, — проговорила она, тревожно поглядывая на дверь.

Надя заперла ее. Мареуша переминалась съ ноги на ногу; косые глаза ея тупо смотрѣли на Надю.

— Давеча былъ тутъ господинъ одинъ, — прошептала она таинственно.

— Гдѣ тутъ?

— Тутъ, у васъ. Позвонилъ, а ея дома не было. (Мареуша мотнула головой по направленію двери). — Дома, говорить? — Нѣтъ дома, говорю. — Когда же онѣ будутъ? — А я не знала... Вы не сказали, я и не знала. — Гдѣ-жъ, говорить, ихъ комната? Мнѣ бы очень любопытно посмотрѣть. Я, говорить, имъ сродственникъ. А сами мнѣ цѣлковый въ руку... Что-жъ, думаю, баринъ, кажется, добрый... отчего не показать комнату?.. Грѣха въ этомъ нѣтъ... Ну, я и провела ихъ сюда...

Надя съ напряженіемъ слушала Мареушу.

— Какой баринъ?—спросила она лихорадочно. — Высокій? худой?

— Нѣтъ, не худой! Высокій, точно-что высокій, но толстый такой, плотный... Голова большущая и говорить точно сипить.

— Прокофій Даниловичъ!—чуть не вскрикнула Надя. Холодный трепеть пробѣжалъ по всему ея тѣлу; она судорожно прижала руки къ груди.

— Что онъ сказалъ?—съ усиліемъ произнесла она.

— Что-жъ, говорить, ихъ никогда дома нѣтъ. Я ужъ второй разъ прихожу... Постояли, посмотрѣли и пошли себѣ. Какъ, говорю, доложить о васъ? Не надо, говорятъ, я опосля зайду. Сегодня, говорю, зайдете? — Нѣтъ, говорятъ, завтра.

Мареуша остановилась.

— Когда-жъ онъ былъ?—пробормотала она. — Я, кажись, его впервые вижу... Видно, кто изъ жильцовъ отпиралъ ему!..

— Завтра!—Надя перевела дыханіе. — Завтра ничего! Только бы не сегодня, только не сегодня!..

Она растерянно глядѣла на Мареушу. Та неподвижно стояла, прислонясь къ двери и не спуская тупыхъ глазъ съ Нади. Она напрасно силилась сообразить, кто бы это изъ жильцовъ могъ отпереть дверь барину. Послѣдовало довольно продолжительное молчаніе.

— Я бы письмоцо взяла,—начала-было Мареуша.

— Да, да,—проговорила Надя, приходя въ себя. — Ты пойдн, Мареуша.—Я принесу... Вотъ чтб, ты не жди. Ложись спать. Я тебѣ въ карманъ положу... Не забудешь въ ящикъ положить?..

Мареуша отрицательно покачала головой.

— Вотъ,—продолжала Надя, поспѣшно вынимая изъ кармана топцій porte-monnaie. — На, возьми... вмѣсто денегъ... Можешь продать... Дадутъ навѣрное рубля четыре, а можетъ и пять...

Она вынула изъ пустого porte-monnaie маленькое аметистовое колечко и подала его. Косые глаза Мареуши загорѣлись. Она вдѣпилась въ колечко, захвативъ при этомъ пальцы Нади, и судорожно стиснула свою руку.

— Ну, теперь ступай! — нетерпѣливо замѣтила Надя, освобождая свои пальцы изъ грязныхъ рукъ Мареуши. — Смотри, не забудь... Чуть свѣтъ, брось въ ящикъ!..

Восторгъ помѣшалъ Мареушѣ отвѣчать. Она двинулась къ порогу.

— Она-то ужъ не узнаетъ! — съ усиліемъ проговорила она,

протискиваясь въ дверь и пытаясь лукаво подмигнуть косыми глазами.

Надя, молча, заперла за ней дверь.

«Положить! не забудеть!» — прошептала она, опускаясь на стулъ передъ столомъ. — «Зачѣмъ онъ приходилъ?» — думала она съ тоской. — «Что имъ нужно отъ меня? что имъ нужно?»

Она судорожно стиснула похолодѣвшими руками голову.

«Не пойду я туда! не пойду!... Не могу я туда идти! Какъ это они не понимаютъ?... Завтра! — прошептала она, пристально глядя передъ собой. — Что-жъ я испугалась!... Завтра все ужъ будетъ кончено... Все, все будетъ кончено! И страданіе, и муки... Все, все кончено!»...

Она медленно разжала руки и, подперевъ ими голову, снова принялась смотрѣть на лампу.

Все было тихо вокругъ. Противъ обыкновенія, жильцы Авдотьи Алексѣевны улеглись рано спать. Ни единого звука не доносилось изъ сосѣднихъ комнатъ; только по временамъ лай дворовой собаки, да стукъ выходной двери нарушали глубокую тишину. Въ передней забили часы. Ихъ громкое, медленное шипѣніе злобѣющимъ образомъ раздалось по всей квартирѣ. Надя подняла голову.

«Двѣнадцать!» — прошептала она при послѣднемъ ударѣ. Опустивъ руку въ карманъ, она вынула небольшой револьверъ.

«Этотъ способъ лучше, вѣрнѣе!» — подумала она, внимательно осматривая курокъ. Минутное вниманіе снова смѣнилось полнымъ отсутствіемъ мысли и лицо ея приняло равнодушное выраженіе. Она положила револьверъ около себя и, казалось, совершенно забыла о немъ, такъ же какъ забыла и о Прокофѣй Даниловичѣ, и обо всемъ, что ее такъ встревожило за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ. Въ передней снова зашипѣли часы. Надя вздрогнула и встала. Тихо подошла она къ комоду и вынула небольшую тетрадь почтовой бумаги изъ верхняго ящика. Не закрывая его, она вернулась къ столу; но въ то время, какъ она хотѣла положить бумагу на столъ, изъ тетради выскользнула фотографическая карточка и упала на полъ. Надя нагнулась и машинально подняла карточку съ пола. Лицо ея вдругъ оживилось; она опустилась на стулъ и поднесла портретъ къ губамъ.

«Вася!» — прошептала она. — «Дитя мое! ангель мой!»

Горячіе поцѣлуи сыпались на карточку. Отдаливъ ее отъ себя, она съ любовью осматривала пухленькое, дѣтское личико.

«Прелестъ моя!» — шептала она. — «Вася! радость моя, дитя мое, не осуди меня!»

Горячія слезы завапали на столъ. Уронивъ голову на руки, она горько зарыдала. Долго раздавались судорожныя, отчаянныя всхлипыванія; худенькое тѣло вдрагивало и трепетало отъ рыданій, и ручьями струились жгучія слезы по тонкимъ, прозрачнымъ пальцамъ. А вокругъ все было по прежнему тихо; только изъ передней доносился медленный, равномерный стукъ маятника, да въ углу подъ диваномъ шуршали мыши бумагой. Громкій, внезапный трескъ разошедшей половицы заставилъ ее вздрогнуть и поднять голову. Взглядъ ея упалъ на револьверъ.

«Боже мой, что же я дѣлаю! — почти громко проговорила она. — Время летитъ, а я еще не написала!»

Торопливо отеревъ слезы, она отодвинула карточку и револьверъ и положила передъ собой листокъ бумаги. Обмакнувъ перо въ чернила, она задумалась.

«Тѣтя моя» — начала она медленно, будто машинально, выводить перомъ буквы. Брови ея судорожно сдвинулись; перо выпало изъ рукъ. Съ глухимъ стономъ уронила она снова бѣдную, больную голову свою на руки. Ей вдругъ представился тотъ моментъ, когда Ирина Петровна получить это роковое письмо. Блѣдное, искаженное ужасомъ лицо промелькнуло мимо нея и заставило ее содрогнуться и еще крѣпче прижаться головой къ столу, какъ-бы желая этимъ физическимъ дѣйствіемъ оттолкнуть отъ себя терзающій ее образъ. Но неотступно преслѣдовалъ онъ ее, и съ болѣзненною прозорливостью слѣдила она за всѣми проявленіями недоумѣнія, страданія, отчаянія на этомъ дорогомъ ей лицѣ.

«Это убьетъ ее! — думала она. — Что-жъ съ Васей тогда? Господи, я такъ была уже покойна, такъ все ужъ рѣшила! И вотъ, снова страданія, снова сомнѣнія!... Когда же конецъ всѣмъ этимъ мукамъ!»...

Ломая руки, прошлась она по комнатѣ. Но движеніе, казалось, еще болѣе волновало ее. Она бросилась на диванъ и закрычала лицо въ подушки. Несвязными, отрывистыми влочками носились мысли въ пылающей головѣ ея. Воображеніе уносило ее въ маленькій желтый домикъ, и какъ вихрь проносились передъ ней давно забытыя, свѣтлыя картины ея дѣтства и юности. Напрасно пыталась она отогнать ихъ, онѣ будто на зло выплывали передъ ней и неотступно мельбало доброе, сморщенное лицо Ирины Петровны, а рядомъ съ нимъ образъ прежней Нади.

...Зачѣмъ, зачѣмъ всѣ эти терзанія въ эту послѣднюю ночь? Будто она уже недостаточно измучена, истерзана! Зачѣмъ эта послѣдняя капля во всей той чашѣ горечи, которую она уже

до дна испила! Мысль объ отчаяніи дорогого, любимаго существа ежечасно, ежеминутно преслѣдовала ее и заставляла откладывать рѣшеніе свое со дня на день, и вотъ, теперь, когда ужъ ей казалось, что все кончено, мысль эта снова врывается и разрываетъ ей душу на части.

Съ тяжкимъ стономъ подняла Надя голову и судорожно сжала руками сильно бьющіяся виски.

«Развѣ она можетъ жить? Господи! еслибъ она только заглянула ей въ душу, она сама поняла бы, что жизни нѣтъ и не можетъ быть!... нѣтъ и не можетъ быть!» — повторила она нѣсколько разъ, продолжая сжимать голову руками.

Неподвижно просидѣла она нѣсколько минутъ; глаза ее пристально вперились въ противоположную стѣну. Тихій дѣтскій плачь раздавался въ это время. Какъ безумная вскочила она съ дивана.

«Что это? Вася?» — мелькнуло у нея въ головѣ. Вся кровь прилила ей въ сердце; глаза расширились.

«Ахъ, пѣтъ!» — прошептала она, съ усиліемъ перевода дыханіе и проводя дрожащей рукой по лицу. — «Тамъ, въ концѣ корридора, женщина одна... У нея ребенокъ! Онъ у нея... Его не отняли...»

Надя медленно, будто въ забытій, подошла къ столу.

«Вы своимъ безумнымъ поступкомъ, — слышится ей голосъ Вильда, — довели меня до того, что я принужденъ употребить силу... Вася останется у меня... Отъ васъ зависитъ быть при немъ. Возвратитесь въ мой домъ. Я постараюсь простить, загладить сдѣланный вами скандалъ»...

И онъ унесъ его, унесъ съ собой все, что составляло ее жизнь! Какъ долго раздавался плачь ее мальчика! И какъ тихо вдругъ, какъ пусто стало внутри, когда послѣдній звукъ этого плача замеръ вдали. Будто что-то оборвалось тамъ, оборвалось на-вѣки! Бѣдная тѣтя! Какъ безумно рыдала она всю ночь! какъ молила ее не отчаяваться! Она надѣялась, что все еще уладится, главное — надѣялась, что она вернется *къ нему!* Сколько мѣсяцевъ ради нея пыталась она сдержатъ, заглушить безысходное отчаяніе, которое овладѣло ею съ той минуты, когда у нея отняли ребенка! Откуда у нея силъ хватило на это! Откуда у нея силъ хватило пытаться просуществовать, когда ей явно было доказано, что ждать ей нечего, что *онъ* не возвратитъ ей ребенка, и что она не имѣетъ права на него.

«Неужели ей оставаться жить?» Холодная дрожь пробѣжала

по всему тѣлу ея. — «Нѣтъ, нѣтъ! это невозможно! Невозможно жить, когда все уже умерло! Жить—значить вернуться къ нему!

Надя встрахнула головой и порывисто взяла перо.

«Она не знаетъ, что требуетъ!» — съ отчаяніемъ подумала она, снова садясь къ столу. — «Не понимаетъ она, что такъ еще хуже!»

Вся кровь прилила къ ея блѣднымъ, вянущимъ щекамъ. Рука быстро, лихорадочно задвигалась и горячимъ, неудержимымъ потокомъ полились слова на бумагу. Долго писала она, не останавливаясь; глаза ея блестя, губы судорожно шевелились, будто она про себя повторяла все, что писала. Мало-по-малу, однако, румянецъ отхлынулъ отъ щекъ, глаза потухли, взволнованное, встревоженное лицо приняло серьезное, сосредоточенное выражение, рука двигалась медленнѣе и почеркъ становился все тверже и тверже. Тяжело перевела она дыханіе, когда послѣднее слово было, наконецъ, написано и перо положено на столъ. Тщательно свернула она письмо, твердымъ почеркомъ написала адресъ Ирины Петровны на конвертъ и, наклеивъ марку, встала. Ни минуты не медля, взяла она маленькую лампочку и рѣшительно направилась къ двери.

Мертвая тишина царствовала въ передней. Надя неслышно ступала, задерживая дыханіе и напряженно прислушиваясь. Все спало. Одни только часы своимъ однообразнымъ стукомъ нарушали всеобщій сонъ. Надя мелькомъ взглянула на нихъ и судорожно стиснула лампу. «Половина четвертаго! Какъ поздно!» Она ускорила шаги, растворила одну изъ дверей передней и вошла въ темную кухню. Съ безповойствомъ овиралась она вокругъ.

«Мареуши нѣтъ! Гдѣ же она?»

Надя тревожно подняла лампу надъ головой и, напрягая зрѣніе, увидѣла, наконецъ, за плитой что-то свернутое въ комокъ. Она подошла ближе. На полу, на грязномъ, изодранномъ кускѣ войлока покоилась Мареуша, заснувшая, какъ была, въ платьѣ. Положивъ голову на какой-то узелъ, исполнявшій должность подушки, она громко храпѣла. Надя поставила лампу на плиту, нагнулась къ Мареушѣ и осторожно стала искать ея карманъ. Съ немалымъ трудомъ удалось ей найти его, но лишь только хотѣла она опустить въ него письмо, какъ Мареуша вскочила какъ встрепанная, сѣла, поджавъ ноги, на свой войлокъ и громко что-то забормотала.

— Тише, Мареуша, тише! это я! — шептала испуганная Надя, зажимая ей ротъ рукой. — Я письмо въ карманъ положила.

Мареуша тупо взглянула на нее.

— Письмо?... перстенёкъ!... Да, да, чуть свѣтъ! — забормотала она, и, пожевавъ губами, снова повалилась на свою импровизованную подушку.

Надя тщательно вложила письмо въ ея карманъ и, взявъ лампу, внимательно осмотрѣла Марюшу, но та уже спала и снова громкій храпъ замѣнилъ ея бормотаніе.

Тихими, неслышными шагами вышла Надя изъ кухни, крѣпко притворивъ за собою дверь. Поспѣшно, не оглядываясь, прошла она переднюю и подошла къ своей комнатѣ. Взявшись за ручку двери, она на минуту остановилась, какъ-бы въ нерѣшимости. Легкая судорога пробѣжала по лицу ея; оно вытянулось, глаза расширились и пристально уставились въ дверь, какъ-бы глядящая во что-то страшное, непонятное. Колебаніе длилось одно мгновеніе. Дверь раскрылась и тотчасъ же закрылась за Надей. Глухо щелкнулъ заржавленный замокъ — и все стихло.

Сѣрое, туманное утро смѣнило вечернюю непогоду. Несмотря на ранній уже часъ, казалось, будто еще не совсѣмъ разсвѣло. Свинцовыя облака обложили небо, и не то свѣтъ, не то дождь сыпался на землю. Былъ уже одиннадцатый часъ утра, когда Вильдъ и Прокофій Даниловичъ вѣхали въ каретѣ въ пятнадцатую линію и остановились у высокаго, каменнаго дома. Въ воротахъ его и на тротуарѣ столпилось нѣсколько человѣкъ. Двѣ женщины наперерывъ что-то рассказывали окружающимъ ихъ слушателямъ; громкіе голоса ихъ и жесты выражали волненіе. Слушатели охали, пожимали плечами, качали головой и, видимо, принимали живѣйшее участіе въ ихъ рассказѣ.

— Я вотъ тутъ въ трактирчикѣ подожду, — проговорилъ Прокофій Даниловичъ, выльвая вслѣдъ за Вильдомъ изъ кареты и мелькомъ взглядывая на оживленную группу у воротъ. Онъ указалъ при этомъ на противоположную сторону улицы, гдѣ на подъѣздѣ довольно представительнаго дома бросалась въ глаза ярко-синяя вывѣска съ надписью «Малороссія».

— Тамъ изъ окна будетъ видно, одинъ-ли ты поѣдешь, или нѣтъ? — Онъ весело подмигнулъ глазомъ. — А можетъ, что и нужно будетъ!... Ты запомнилъ, какъ идти? На второмъ дворѣ, первая дверь направо, а тамъ въ четвертомъ этажѣ — налѣво.

Вильдъ, молча, кивнулъ головой и, не оглядываясь, вошелъ въ ворота. Прокофій Даниловичъ, слегка поѣживаясь отъ прохватывающей его сырости, перешелъ улицу и вошелъ въ трактиръ. Посѣтителей было немного. Только у одного окна сидѣли

двѣ-три личности въ длиннополыхъ сюртукахъ, не то купцы, не то мѣщане и, усердно опоражнивая огромный самоваръ, перебрасывались отъ времени до времени односложными словами. За прилавкомъ сидѣлъ хозяинъ, весь поглощенный въ какіе-то счеты; толстые, красные пальцы съ усиліемъ выводили перомъ цифры на грязномъ клочкѣ бумаги. Два половыхъ безъ дѣла сновали изъ угла въ уголъ.

Прокофій Даниловичъ бѣгло осмотрѣлъ всѣхъ присутствующихъ, заказавъ себѣ стаканъ чаю и усѣлся у окна за столъ, покрытый грязною скатертью. Вынувъ изъ кармана газету, онъ принялся было читать, но чтеніе не ладилось. Онъ непрерывно, съ любопытствомъ, поглядывалъ на противоположную сторону и охотно бы посмотрѣлъ, что дѣлается тамъ, на второмъ дворѣ, въ четвертомъ этажѣ, тамъ; въ маленькой конуркѣ, гдѣ вчера въ немъ увѣрилась полная увѣренность, что насталъ конецъ всей комедіи, настала пора явиться примирителемъ двухъ враждующихъ сторонъ. Веселая усмѣшечка свѣтилась въ его прищуренныхъ глазахъ, и безмятежно посматривалъ онъ на улицу.

«Не ранѣе, какъ черезъ часъ кончится ихъ мирная бесѣда», подумалъ онъ, подсмѣиваясь и вытаскивая часы изъ кармана. «Иль ужъ нужда такъ ее стѣснила, что она тотчасъ же пойдетъ за мужемъ! Нѣтъ, тотчасъ же не пойдетъ! Не похоже что-то! Ну, ужъ характерецъ!» прибавилъ онъ мысленно. «Ну, да теперь шелковая будетъ, и на Прокофья Даниловича авось милостивѣе взглянуть».

Онъ небожно размѣялся, но, увидѣвъ изумленный взглядъ проходившаго мимо полового, заслонилъ лицо газетой, какъ-бы весь поглощенный въ чтеніе. Черезъ минуту, однако, онъ снова смотрѣлъ на улицу.

Въ воротахъ каменнаго дома происходило теперь замѣтное движеніе. Группа, столпившаяся на тротуарѣ, все увеличивалась и увеличивалась. Къ ней присоединялись то прохожіе, то мастеровые, дворники, кухарки изъ сосѣднихъ домовъ. Одни поспѣшно входили въ ворота, но въ свою очередь смѣнялись другими, выходящими изъ воротъ. Любопытство, волненіе все болѣе и болѣе охватывало толпу.

— «Что тамъ такое случилось?» подумалъ Прокофій Даниловичъ. — «Кража, вѣрно? Ну да, вѣрно, кража! Вотъ и полиція появилась... Что-жъ только одинъ городской? Можетъ, частный приставъ уже тамъ... Послалъ его только за чѣмъ-нибудь!» соображалъ Прокофій Даниловичъ, слѣдя за выходящимъ изъ-подъ воротъ каменнаго дома городовымъ.

— А у насъ тамъ, дяденька, неладно! — проговорилъ въ это время за спиной Прокофья Даниловича мальчишка-мастеровой, посланный размѣнять рубль на мелкую монету.

Прокофій Даниловичъ обернулся.

— Да чтó тамъ у васъ такое? — спросилъ лѣниво хозяинъ, отсчитывая пятаки.

— Тамъ, на второмъ двору, женщина одна порѣшила съ собой.

Прокофій Даниловичъ замеръ на мѣстѣ. Черныя пятна замелькали у него передъ глазами, въ ухахъ загудѣло такъ, что онъ съ трудомъ могъ слышать то, чтó говорилось въ двухъ шагахъ отъ него.

— Повѣсилась? — равнодушно спросилъ хозяинъ, владывая въ руку мальчишки пятаки.

— Нѣтъ, застрѣли... — отвѣчалъ-было мальчишка, но голосъ его оборвался; онъ съ испугомъ повернулъ голову. Прокофій Даниловичъ держалъ его за воротъ и изо всей силы трясъ его.

— Женщина? какая женщина? — хрипѣлъ онъ. — Да говори же, чортъ, говори!

— Тамъ въ номер... — началъ-было перепуганный мальчишъ, выпуская изъ рукъ пятаки; но Прокофій Даниловичъ не слушалъ уже. Съ силой оттолкнувъ его, онъ машинально схватилъ со стула шляпу и высочилъ на улицу. Сырой, холодный воздухъ обхватилъ его пылающую голову, но не освѣжилъ ее. Держа шляпу въ рукахъ, перебѣжалъ онъ улицу, растолкавъ толпу галдѣющаго народа у воротъ и, самъ не помня какъ, очутился на лѣстницѣ, ведущей въ номера. На всей лѣстницѣ и на площадкахъ квартиръ собрались жильцы, и всѣ они говорили, толковали о томъ происшествіи, которому онъ не хотѣлъ, не могъ вѣрить. Несвязныя слова долетали до него, онъ ничего не понималъ, ничего не слышалъ. Не переводя дыханія, спихивая все и всѣхъ, кто попадался ему на пути, не обращая вниманія на ругательства и провлятія, онъ летѣлъ по лѣстницѣ. Передняя извѣстныхъ ему номеровъ была биткомъ набита жильцами и посторонними.

— Да, вотъ, пускай всѣхъ! — раздавался сдобный голосъ Авдоты Алексѣевны. — Огласка теперь пойдетъ на всѣ номера! Какой чортъ ея комнату найметъ!... Да вы куда прѣте? — крикнула она гнѣвно на Прокофья Даниловича, который пробирался къ знаемой ему комнатѣ, мощной рукой раздвигая всѣхъ на своемъ пути.

— Нельзя туда! — проговорила она, хватая его за руку. — Видите, залерто! не велѣно пускать!

— Прочь! — прохрипѣлъ Прокофій Даниловичъ, оттолкнувъ ее такъ, что она отлетѣла шага на два. Схватившись за ручку двери, онъ ворвался въ комнату.

— О, Господи! — прошепталъ онъ, прислоняясь къ стѣпѣ.

На диванѣ лежала Надя. Голова ея была откинута на подушки, платье разстегнуто на груди. На рубашкѣ и на простынѣ около лѣвой руки запеклись небольшіе потѣки крови. Все вытянутое тѣло ея сохраняло еще судорожное движеніе, и какое-то горькое недоумѣніе выражало блѣдное, молодое, безжизненное лицо.

Въ двухъ шагахъ отъ нея сидѣлъ Вильдъ. Его, должно быть, посадили на стулъ. Голова его опускалась на грудь, руки безпомощно висѣли между колѣнъ. Онъ, казалось, вдругъ постарѣлъ на двадцать лѣтъ. Неподвижно сидѣлъ онъ, вперивъ глаза въ полъ. По временамъ холодная дрожь пробѣгала по немъ; онъ хватался за голову и тихо шепталъ:

— Надя! зачѣмъ же это? зачѣмъ?

У стола сидѣлъ частный приставъ и писмоводитель, и составляли протоколъ. Частный приставъ съ любопытствомъ осматривалъ револьверъ.

— Плохенькій, — говорилъ онъ. — Вотъ что значить случайность!... Изъ десяти случаевъ одинъ выдастся, что такъ мѣтко попадетъ, прямо-таки въ сердце...

— Вѣдь я никого не велѣлъ пускаты! — началъ было онъ грозно, но, взглянувъ на багровое, искаженное лицо Прокофія Даниловича, остановился и переглянулся съ тутъ же сидѣвшимъ докторомъ. Оба они перевели глаза на Вильда и затѣмъ снова взглянули на Прокофія Даниловича.

— Можетъ, тоже изъ близвкихъ, — прошепталъ приставъ, обращаясь къ доктору. — Все это очень странно! — прибавилъ онъ, качая головой.

Прокофій Даниловичъ не двигался. Инстинктивно сдернулъ онъ душившій его галстукъ и не спускалъ глазъ съ блѣднаго лица Нади.

Въ дверяхъ полурастворенной двери столпились между тѣмъ зрители. Они тихо перешептывались, поглядывая на Надю.

— Молодая еще какая! — говорила одна женщина. — И какъ это ее Господь Богъ допустилъ!

— Жизнь-то, видно, не сладка была... Долго-ль до грѣха! Что-жъ что молода! Въ иной часъ и молодой смерть враще жизни!

— Замужняя, говорятъ, была!... Можетъ, дѣточекъ оставила...

— Гдѣ-жъ мужъ?... Вѣрно бросилъ ее...

— А вонь, можетъ, и онъ сидитъ... Что-то ужъ очень убивается...

Нѣсколько головъ вытянулись въ дверь.

— Дверь закройте! — крикнулъ приставъ.

Привазаніе его было немедленно исполнено.

— Здѣсь письмо, — замѣтилъ докторъ, подходя къ Прокофію Даниловичу. — Можетъ, вы родственникъ?... захотите взглянуть...

Прокофій Даниловичъ отвелъ глаза отъ Нади и машинально взялся за письмо. На конвертѣ былъ твердой рукой написать адресъ и имя Вильда. Конвертъ былъ не запечатанъ. Онъ медленно вынулъ вдвое сложенную записку; въ ней заключались слѣдующія слова:

«Исполни мою послѣднюю просьбу: позволь Иринѣ Петровнѣ быть при Васѣ. Прости меня.

Надя».

Прокофій Даниловичъ дрожащей рукой сложилъ снова письмо.

— Это мужу, — съ усиленіемъ проговорилъ онъ, указывая головой на Вильда. — Можетъ еще что-нибудь есть? — прибавилъ онъ, съ трудомъ перевода дыханіе.

— Нѣтъ, — возразилъ докторъ, — только вотъ еще два слова, что никто въ смерти не виноватъ.

Частный приставъ, собравъ всѣ бумаги, всталъ и тоже подошелъ къ Прокофію Даниловичу.

— Тутъ хозяйка нумеровъ заявляетъ претензіи. Затѣмъ, надо было бы нѣкоторыя формальности исполнить... Если вы родственникъ самоубійцы, то...

— Дѣлайте какъ знаете, — перебилъ его Прокофій Даниловичъ, нетерпѣливо махая рукой. — Исполняйте всѣ формальности... За все будетъ заплачено!.. Скажите тамъ хозяйкѣ, что все будетъ выплачено, все, все... Только чтобъ она не смѣла сюда лѣзть!...

Частный приставъ пожалъ плечами и хотѣлъ-было возражать, но докторъ дернулъ его за рукавъ.

— Послѣ, — прошепталъ онъ, съ состраданіемъ указывая на Вильда.

Частный приставъ и письмоводитель вышли. Докторъ послѣдовалъ за ними.

Глубокая тишина воцарилась въ комнатѣ.

«Не смирилась!» думалъ Прокофій Даниловичъ, не спуская пристальныхъ глазъ съ лица Нади. — «Вотъ до чего мы ее довели!

Голодь не свой братъ!» повторилъ онъ машинально, какъ-бы заученную фразу.

Глухой стонъ, раздавшійся въ эту минуту, вывелъ его изъ тяжелаго забытья. Онъ взглянулъ на сгорбленную фигуру Вильда. Молча подошелъ онъ къ нему и положилъ ему руку на плечо. Вильдъ вздрогнулъ и быстро поднялъ голову.

— Вотъ,—проговорилъ онъ прерывистымъ, сдавленнымъ голосомъ.—Говорилъ—завтра!.. Видишь, что она сдѣлала! видишь!..

Съ глубокимъ стономъ повалился онъ на колѣни на полъ и съ громкимъ, судорожнымъ рыданіемъ прижался головой къ ногамъ Нади.

Слабый, зимній лучъ солнца пробился въ это время севозь свинцовыя облака и, поигравъ на стеклѣ, скользнулъ на подушку и на лицо Нади. Будто какой-то трепетъ пробѣжалъ вдругъ по немъ. Легкая судорога сжала блѣдныя губы, болѣзненно сдвинулись брови, и все молодое, измученное лицо, казалось, спрашивало:

— Къ чему все это? Зачѣмъ столько страданій? Зачѣмъ, зачѣмъ?

Лучъ солнца исчезъ и снова спокойно, недвижима лежала она, навсегда избавленная отъ всѣхъ мукъ и страданій, а у ногъ ея отчаянно рыдалъ Вильдъ, оплакивая свою такъ жестоко сломанную, разбитую жизнь.

Ардовъ.

АВГУСТЪ

и

УСТАНОВЛЕНИЕ РИМСКОЙ ИМПЕРІИ.

О кончаніе.

III *).

Личность Августа.

Staturam brevem habuit, sed quae commoditate et aequitate membrorum occuleretur, ut nonnisi ex comparatione astantis alicujus procerioris intellegi posset.
Sueton. Div. Aug. 79.

Разсмотрѣвши въ предшествовавшей статьѣ *дѣло* Августа, т.-е. организацію, данную имъ государству, и характеръ его внутренней политики, мы можемъ приступить къ другой нашей задачѣ — изученію личности Августа, для того, чтобы потомъ разрѣшить вопросъ о вліяніи личнаго элемента въ политической дѣятельности этого императора. Но прежде необходимо, однако, остановиться на одномъ предметѣ, который можетъ послужить удобнымъ переходомъ къ занимающему насъ теперь вопросу, такъ какъ онъ столько же относится къ организаціи имперіи при ея установленіи, сколько касается личнаго образа дѣйствія и характера основателя имперіи. Мы говоримъ о тѣхъ мѣрахъ, которыя должны

*) См. выше: июнь, 445; июль, 60 стр.

были упрочить продолжительность монархическаго строя, даннаго республикѣ, т.-е. обезпечить преемственность или наслѣдственность монархической власти.

Мы видимъ, что одинъ изъ главныхъ упрековъ, которые дѣлаются имперіи, заключается въ отсутствіи опредѣленнаго, всѣми признаннаго порядка престолонаслѣдія и въ вытекавшихъ отсюда смутахъ. Этотъ недостатокъ обыкновенно сводятъ на неполноту организаціи Августа, на двусмысленность его образа дѣйствія, по вопросу о преемственности монархической власти, — а это объясняютъ его личнымъ характеромъ. Даже Моммзенъ, въ своемъ теоретическомъ изложеніи государственнаго права римской имперіи, въ данномъ случаѣ, счелъ нужнымъ отступить отъ отвлеченнаго метода и, обвинивъ Августа за установившійся въ Римѣ принципъ престолонаслѣдія, искать причины этого въ боязливой нерѣшительности Августа (*ängstliche Halbheit*).

Но что вѣжется нерѣшительностью и колебаніемъ со стороны перваго императора, въ опредѣленіи перехода верховной власти отъ одного лица къ другому, то вытекало изъ всей организаціи государства и практической силы вещей.

Читатель, знакомый съ организаціей имперіи при Августѣ, конечно, замѣтитъ глубокую связь между дуалистическимъ характеромъ этой организаціи и установившимися въ Римѣ способами перехода императорской власти. Власть римскаго императора не была и не могла быть ни простой республиканской магистратурой, ни чистой деспотіей на восточный ладъ, — но была монархіей съ характеромъ магистратуры. Этимъ свойствомъ ея долженъ былъ обуславливаться и переходъ этой власти. Насколько императорская власть была монархіей, — она влекла за собой принципъ наслѣдственности; насколько же она была магистратурой, — этотъ принципъ ей былъ чуждъ, и ей соответствовалъ республиканскій способъ избранія магистрата или его назначеніе предшественникомъ. Такъ какъ принципатъ былъ сдѣлкой между республикой и монархіей, былъ магистратурой и въ то же время монархіей, то и въ способъ передачи его власти должна была отразиться сдѣлка между назначеніемъ и наслѣдственностью. На самомъ дѣлѣ мы видимъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда власть переходитъ по наслѣдству, наслѣдственность принимаетъ характеръ назначенія или, какъ можно также выразиться, укрывается за нимъ, — а въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ естественнаго наслѣдника, или онъ устраняется и власть переходитъ къ преемнику по назначенію, то это назначеніе принимаетъ характеръ наслѣдственности, укрывается за принципомъ *династическимъ*. Въ обо-

ихъ случаяхъ имперія заимствуетъ необходимыя ей формы изъ республиканской старины. Въ первомъ случаѣ, изъ республики берется принципъ *коллегіальности*, т.-е. сынъ или наслѣдникъ по крови, еще при жизни царствующаго императора, проходитъ не только по степенямъ республиканской магистратуры, но ему поручается и чрезвычайная власть императора: онъ получаетъ высшую военную власть, имперіумъ, надъ провинціями и войсками, ему передаютъ также высшую гражданскую власть (*potestatem tribuniciam*), т.-е. онъ становится товарищемъ своего отца, его соправителемъ. Въ этомъ постоянно повторяющемся фактѣ, что императоръ беретъ себѣ сына въ соправители, необыкновенно ясно выражается магистратурный характеръ императорской власти, и въ то же время національная сторона ея. Римскій умъ какъ-будто никогда не былъ въ состояніи представлять себѣ монархическую власть иначе, какъ въ видѣ магистратуры, допускающей, слѣдовательно, раздѣленіе власти и коллегіальность. Не даромъ встрѣчаемъ мы понятіе о коллегіальности у самаго корня Рима, и преданіе даетъ первому царю, — основателю, какъ полагали римляне, и города, и всего государственнаго строя, — *товарища* во власти, т.-е. начинаетъ исторію Рима съ *двоецарствія*.

Съ другой стороны, когда нѣтъ наслѣдника, или когда онъ устраняется и императору приходится взять себѣ преемника изъ постороннихъ лицъ, т.-е. когда имперія переходитъ какъ магистратура, какъ нѣкогда переходило консульство, — монархическій принципъ однако пробивается и тутъ, беретъ свое и требуетъ наслѣдственныхъ формъ. И въ этомъ случаѣ затрудненіе устраняется тѣмъ, что прибѣгаютъ къ освященнымъ исторіей формамъ. Римское гражданское право и обычай римской жизни представляли какъ-разъ такую форму, которая совершенно соотвѣтствовала потребностямъ государственнаго права, а именно — усыновленіе взрослого лица, со всѣми послѣдствіями, которыя имѣло естественное народженіе. И потому мы встрѣчаемъ усыновленіе всякій разъ, когда имперія переходитъ не по наслѣдственному праву (исключая, конечно, случаи наслѣдственнаго перерыва); усыновленіе становится господствующей чертой римской имперіи, пока она сохраняетъ характеръ принципата. Не менѣе, чѣмъ коллегіальность, усыновленіе преемника свидѣтельствуетъ о консервативномъ, національномъ характерѣ римской имперіи, о преемственной связи между ея исторіей и республиканскимъ періодомъ.

Такъ какъ дуалистическая организація государства не была слѣдствіемъ случайности, личнаго произвола или теоретическаго

измышленія, но имѣла свое основаніе въ силѣ вещей, въ борьбѣ и равновѣсіи реальныхъ политическихъ элементовъ, то эта организація и не окончилась со смертію ея виновника, а проходить черезъ всю исторію римской имперіи. Борьба между живучимъ республиканскимъ элементомъ и неизбежной монархіей не могла окончиться внезапной побѣдой сильнѣйшаго принципа, и потому постоянно проявляется въ столкновенияхъ между республиканскими и монархическими стремленіями среди римскаго общества и между ихъ представителями—сенатомъ и императорами. Подобно этому и дуалистическій способъ перехода императорской власти обуславливался дѣйствительностью и поддерживался борьбой между республиканскимъ и монархическими принципами. Эта борьба выражалась въ лицахъ, въ различіи ихъ положенія, въ столкновеніи ихъ интересовъ, въ личныхъ симпатіяхъ и отношеніяхъ. Обладатель верховной власти естественно желалъ передать ее своимъ дѣтямъ или ближайшимъ по крови лицамъ. Но это далеко не всегда было легко или возможно. Императоръ, какъ глава гражданскаго правительства, нуждался въ признаніи сената: положеніе принцепса и трибунскую власть онъ могъ получить только съ согласія сената или комицій; конечно, это согласіе можно было вынудить силою; но для этого, въ такомъ случаѣ, нужно было быть вполне обеспеченнымъ со стороны силы, т. е. войска. Императоромъ же первоначально назывался всякій военачальникъ, кого войско провозглашало таковымъ послѣ побѣды. Это свойство императора республиканскихъ временъ перешло и къ императору монархическаго періода. И во время имперіи среди войска сохранился прежній взглядъ, господствовало убѣжденіе, что императоръ нуждается въ его провозглашеніи или, по крайней мѣрѣ, признаніи. Поэтому императоръ не только не могъ быть всегда убѣжденъ, что войско согласится признать послѣ его смерти того, кто его естественный наслѣдникъ; но—что еще хуже—при жизни императора могли быть лица, стоявшія въ близкихъ отношеніяхъ къ войску, лица, которыя имѣли надъ нимъ имперіумъ, не разъ водили его въ побѣдѣ, которыя, по республиканскому обычаю, были бы провозглашены императорами.

Кромѣ того, императоръ въ первые вѣка былъ магистратомъ въ старинномъ смыслѣ: какъ у магистрата, у него были только личные помощники; имперія еще не была обставлена бюрократіей; императоръ не имѣлъ, какъ монархи нашихъ дней, при многосложномъ управленіи государствомъ, въ своемъ распоряженіи министерствъ, т. е. высшихъ государственныхъ слугъ, между которыми распределены, специализированы различныя вѣдомства

правительственной власти. А между тѣмъ правитель обширнаго государства, которое простиралось отъ океана до Евфрата и было со всѣхъ сторонъ окружено воинственными варварами, постоянно нуждался въ помощникахъ и соудникахъ съ обширными полномочіями. Эти лица, облеченныя чрезвычайнымъ безсрочнымъ имперіумомъ, посылаемыя на границы или на Востокъ, вполнѣ замѣняли тамъ императора, становились какъ-бы сами императорами. Не даромъ восточные люди, очень чуткіе къ силѣ власти, смотрѣли на нихъ, какъ на соправителей императора ¹⁾. Такія лица могли быть очень опасными; если они были честолюбивы, они становились соперниками, а если были терпѣливы, то дѣлались естественными наслѣдниками императора.

Политика императоровъ, конечно, должна была заключаться въ томъ, чтобы давать такія чрезвычайныя полномочія только близкимъ родственникамъ и по возможности кровному наслѣднику, или же дѣлать лицъ, которымъ даны были такія полномочія — наслѣдниками. Но такой выборъ не всегда былъ возможенъ; нерѣдко кровный наслѣдникъ вслѣдствіе возраста или другихъ причинъ былъ неспособенъ къ такимъ порученіямъ, а передать наслѣдства «достойнѣйшему» помощнику мѣшала естественная любовь къ наслѣднику по крови или уваженіе къ принципу наслѣдственности. Въ такихъ случаяхъ неизбѣжно было столкновеніе интересовъ и лицъ; слѣдствіемъ этого при жизни императора должны были быть интриги или преступленія, а по смерти его — гражданская война.

II.

Разсматривая эти случайности, мы тѣмъ самымъ изображали исторію Августа, насколько въ ней игралъ роль вопросъ о престолонаслѣдіи, и описывали мотивы его образа дѣйствія въ этомъ вопросѣ.

Не имѣя другого потомства, кромѣ дочери, и другихъ близкихъ родственниковъ, кромѣ племянника — отъ нѣжно любимой сестры, Августъ выдалъ свою дочь за послѣдняго. Такимъ образомъ, Марцеллъ сталъ единственнымъ наслѣдникомъ Августа, который страстно любилъ свою семью и въ то же время очень

¹⁾ Такимъ именно образомъ отнеслись, на примѣръ, на востокъ къ Агриппѣ, когда онъ былъ отправленъ туда Августомъ, и въ такихъ выраженіяхъ говорить о его положеніи Юсифъ Флавій (см. Frandsen, Agrippa, p. 45).

дорожилъ наслѣдственнымъ принципомъ, бывшимъ главной ступенью къ его собственному возвышенію и служившимъ для него важнымъ залогомъ прочности власти и популярности, такъ какъ этотъ принципъ связывалъ его съ обоженныхъ Цезаремъ, потомкомъ альбанскихъ царей, Энея и богини Венеры.

Но Августъ, кромѣ Марцелла, имѣлъ при себѣ и Агриппу. Относительно этого крупнаго историческаго лица историки впадали въ большія крайности. Большею частью они забывали о немъ изъ-за возвеличенія Августа; Беле же, какъ мы видѣли, изъ желанія доказать ничтожность императора возвелъ Агриппу въ основатели римской имперіи. Это — преувеличеніе; для того, чтобы основать имперію, нужны были сила воли и умъ Августа, но, конечно, Агриппа былъ при этомъ его главнымъ сподвижникомъ. Агриппа, какъ полководецъ, выигралъ всѣ рѣшительныя битвы въ войнахъ Августа; энергія Агриппы была нужна Августу каждый разъ, когда обстоятельства требовали присутствія императора одновременно въ нѣсколькихъ мѣстахъ; его, напр., онъ отправилъ въ Италію послѣ побѣды при Авціумѣ, когда узналъ, что тамошнія войска не повинуются Мецену, и далъ Агриппѣ свой перстень, какъ символъ высшей правительственной власти.

О намѣреніяхъ и политическихъ убѣжденіяхъ Агриппы еще въ древности составлялись самыя странныя и невѣрные взгляды. Новые историки повтѣряли ихъ безъ всякой критики, несмотря на ихъ неправдоподобность. Наконецъ, дѣятельность и личность Агриппы были представлены въ истинномъ свѣтѣ добросовѣстнымъ трудомъ одного малоизвѣстнаго ученаго Франдсена ¹⁾. Но и послѣ выхода этой книгѣ повторяются прежнія ошибки, особенно у французскихъ историковъ, которые, не зная нѣмецкаго языка, рѣдко пользуются трудами нѣмецкихъ ученыхъ. Главная ошибка относительно Агриппы состояла въ томъ, что его еще въ древности сочли за республиканца по убѣжденію. Представленіе это возникло въ риторическихъ школахъ, которыя любили упражнять ораторское искусство обсужденіемъ разныхъ вопросовъ съ двухъ противоположныхъ точекъ зрѣнія. Чтобы придать рѣчамъ болѣе реальный характеръ и живыя краски, они брали на-угадъ какихъ-нибудь двухъ историческихъ дѣятелей и влагали имъ въ уста соответствующія рѣчи. Особенно удобную обстановку представлялъ въ этомъ отношеніи переходъ римской республики къ монархіи. Политическая жизнь римскаго общества въ эпоху им-

¹⁾ Frandsen, M. V. Agrippa. Altona. 1836.

періи долго представляла собою столкновение между двумя противоположными системами—республики и монархіи. Еще дольше сохранялся контрастъ между ними въ памяти риторическихъ школъ, составлявшихъ главное образовательное средство временъ имперіи. Переходъ отъ республиканской свободы въ монархическому порядку и принужденію долженъ былъ сдѣлаться важною проблемой для потомковъ древнихъ республиканцевъ и очень занимать мыслящую часть общества. Имъ естественно было представлять себѣ, что эта проблема ставилась въ такой же теоретической формѣ въ эпоху самаго перехода, что вокругъ Августа также отвлеченно обсуждалось преимущество республиканскаго или монархическаго образа правленія. Удобнѣе всего было избрать представителями двухъ противоположныхъ взглядовъ двухъ ближайшихъ къ Августу людей и постоянныхъ сподвижниковъ его—Мецена и Агриппу, приписать одному совѣтъ сохранить республику, другому—совѣтъ основать монархію. Кому изъ нихъ приписать тотъ или другой совѣтъ, было въ сущности безразлично. Когда именно впервые воспользовались этими двумя лицами для риторическихъ цѣлей, неизвѣстно; но едва ли честь этого изобрѣтенія классической реторики принадлежитъ греческому историку Діону Кассію, писавшему въ первой четверти III вѣка и сочинившему, подъ названіемъ рѣчей Мецена и Агриппы, два замѣчательныхъ политическихъ трактата, въ которомъ онъ отправляется не только отъ современныхъ ему взглядовъ, но и отъ дѣйствовавшихъ въ его эпоху учрежденій римской имперіи. Что заставило Діона Кассія или его предшественника избрать Агриппу представителемъ республиканскаго образа мыслей, трудно рѣшить—вѣроятно то соображеніе, что Меценъ по своему мягкому темпераменту и эпикурейскимъ наклонностямъ былъ болѣе способенъ войти въ интересы новаго монарха, Агриппа же своей воинственностью и энергіей, напоминавшими древнихъ римлянъ, могъ быть болѣе самостоятеленъ и долженъ былъ чувствовать симпатію къ старинному строю.

Но такое заключеніе было невѣрно въ историческомъ отношеніи. Франдсенъ серьезно взвѣсилъ всѣ данныя, на которыхъ основано мнѣніе о республиканскомъ образѣ мыслей Агриппы, и доказалъ, насколько это возможно, ихъ невѣроятность. Если бы Агриппа былъ противникомъ монархіи, то едва ли первымъ политическимъ дѣйствіемъ его было публичное обвиненіе передъ судомъ Кассія, убійцы Цезаря, и едва ли осторожный Августъ отправилъ бы Агриппу въ Римъ съ своимъ перстнемъ и неогра-

ниченными полномочіями въ то время, когда онъ самъ намѣревался на нѣсколько лѣтъ углубиться въ отдаленный Востокъ.

Но для насъ еще важнѣе другая черта историческаго характера Агриппы. Онъ былъ честолюбивъ; зная себѣ цѣну и свою популярность, которой онъ пользовался среди солдатъ, онъ былъ способенъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ самъ протянуть руку за верховной властью. Съ Августомъ онъ бы не вступилъ въ союзяніе; онъ былъ товарищемъ его юности и съ дѣтства привыкъ смотрѣть на него какъ на будущаго монарха — наследника всемогущаго диктатора Цезаря. Но, кромѣ него, онъ едва ли бы согласился кому-нибудь служить. Вообще невозможно вѣрнѣе и точнѣе характеризовать Агриппу, какъ словами Веллея Патеркула: «онъ вполне умѣлъ повиноваться, но только *одному*, другими же любилъ повелѣвать»¹⁾.

Таковъ былъ Агриппа, стоявшій рядомъ съ Марцелломъ около престола Августа. Императоръ поспѣшилъ привязать къ себѣ такого человѣка и при первой возможности породнился съ нимъ, выдавъ за него свою племянницу, сестру Марцелла. Но это не устранило столкновения между преемникомъ по монархическому и преемникомъ по республиканскому принципу. Столкновение обнаружилось по случаю опасной болѣзни, въ которую впалъ Августъ. Случилось это въ 23 году до Р. Х., только 4 года послѣ «возстановленія республики», по официальной терминологіи, т. е. замѣны чрезвычайной власти триумвира принципатомъ, допускавшимъ болѣе правильную дѣятельность республиканскихъ органовъ. Монархія была еще недостаточна укрѣплена, не была упрочена сознаниемъ необходимости и привычки. Августъ не могъ поэтому прямо назначить себѣ преемника. Онъ пригласилъ въ своей постели магистратовъ и знатнѣйшихъ сенаторовъ. Съ любопытствомъ окружали они умирающаго принцепса, ожидая, что онъ укажетъ имъ на Марцелла, какъ на своего преемника. Августъ говорилъ съ ними о государственныхъ дѣлахъ, но не упомянулъ о преемникѣ. Своему товарищу по консульству Пизону, представителю республики, онъ передалъ списокъ военныхъ силъ и государственныхъ доходовъ, наконецъ протянулъ Агриппѣ свой перстень.

Передача перстня, конечно, не имѣла официальнаго значенія. Августъ потомъ принесъ въ сенатъ свое завѣщаніе, и собирався прочесть его, чтобы убѣдить сенаторовъ въ своей преданности республиканскому порядку, т. е. въ томъ, что онъ не навязывалъ народу преемника врученной ему лично власти. Но

¹⁾ Parendi, sed uni, scientissimus, aliis sanę imperandi cupidus. Vell. Pat. II. 79.

передача перстня доказываетъ, что онъ былъ убѣжденъ, что сила вещей дастъ ему преемника и что этимъ преемникомъ будетъ тотъ, кто еще при его жизни умѣлъ управлять посредствомъ его перстня.

По выздоровленіи, Августъ, вѣроятно, хотѣлъ удвоенною нѣжностью къ Марцеллу загладить разочарованіе молодого человѣка, или, можетъ быть, Марцеллъ поспѣшилъ выказать свою досаду предпочтенному сопернику; — какъ бы то ни было, между соперниками произошло столкновение. Агриппа удалился изъ Рима; Августъ ли отправилъ его на Востокъ, какъ говоритъ Діонъ, чтобы устранить возможность открытаго разлада между родственниками, или Агриппа, какъ думаетъ Светоній, самъ удалился противъ воли Августа, недовольный отношеніями къ нему императора и предпочтеніемъ Марцелла. Августъ далъ ему чрезвычайную власть надъ Востокомъ; но Агриппа остался на островѣ Лесбосѣ и управлялъ восточными провинціями посредствомъ своихъ легатовъ.

Если бы въ это время умеръ Августъ, римскій міръ пережилъ бы, вѣроятно, повтореніе того, что произошло между Октавіаномъ, наслѣдникомъ Цезаря, и Антоніемъ, его наперсникомъ — столкновение между императоромъ Запада и императоромъ Востока. Но смерть дала дѣламъ Рима иное направленіе. Умеръ не Августъ, а его наслѣдникъ Марцеллъ; столкновение между римской и греческой половиной міра было устранено; Августъ продолжалъ управлять Западомъ, Агриппа Востокомъ, подобно тому, какъ двѣ статуи ихъ стояли въ симметрической гармоніи въ пропилеяхъ Пантеона, выстроеннаго Агриппой. Но отношенія между ними не могли оставаться въ такомъ неопредѣленномъ положеніи, которое хорошо характеризуется словами, сказанными Августу Меценомъ или приписанными послѣднему: «ты такъ возвеличилъ Агриппу, что его нужно или устранить, или сдѣлать твоимъ зятемъ». Мы полагаемъ, что Мецену не нужно было давать Августу такого совѣта. Сама судьба соединила на одномъ лицѣ монархической и республиканскій принципъ преемства. Между Августомъ и Агриппой не стояло болѣе ни одного мужского родственника. Агриппа уже прежде, своей женитьбой на племянницѣ императора, породнился съ нимъ; теперь дочь послѣдняго, Юлія, осталась молодой вдовой; естественно было соправителя сдѣлать самымъ близкимъ родственникомъ. И дѣйствительно, Августъ упросилъ свою сестру Октавію уступить ему зятя, Агриппа развелся съ ея дочерью Марцеллой и, женившись на Юліи, сталъ зятемъ Августа.

Въ этомъ бракѣ Агриппа сдѣлался отцомъ двухъ сыновей; старшій изъ нихъ былъ названъ Гаемъ—именемъ Юлія Цезаря, что указывало на его предназначеніе. Августъ могъ теперь спокойно предаваться любимой мечтѣ,—утвердить принципатъ въ своемъ домѣ по принципу наслѣдственности. Въ 17 г. до Р. Хр. онъ усыновилъ обоихъ внуковъ; столкновения и соперничества между отцомъ и сыновьями нельзя было ожидать—Агриппѣ было уже 44 года, когда у него родился первый сынъ. Напротивъ, императоръ могъ теперь смѣло рассчитывать на Агриппу, какъ на главную опору наслѣдственнаго принципа. До сихъ поръ Августъ дѣлилъ съ нимъ только свою военную власть. Еще въ 26 году до Р. Х., онъ предоставилъ ему право вмѣстѣ съ нимъ давать паролъ войску, потомъ, какъ мы видѣли, поручилъ ему управлять восточными провинціями съ полноправнымъ имперіумомъ. Теперь, по рожденіи его сыновей, Августъ подѣлилъ съ Агриппой свою гражданскую власть, сдѣлавъ его на пять лѣтъ своимъ товарищемъ по трибунату и возобновивъ потомъ эту власть на такой же срокъ. Самъ Августъ въ это время принималъ на себя свою чрезвычайную власть только на пятилѣтніе сроки.

Но Августу пришлось пережить еще много волненій по вопросу о преемственности императорской власти. Агриппа умеръ, когда его старшему сыну, наслѣднику престола, было только 8 лѣтъ. Августу было уже 50 лѣтъ, а болѣзненность приближала его еще больше къ старчеству. Между тѣмъ непрерывныя и опасныя войны вдоль всей германской границы дѣлали необходимымъ сосредоточеніе важныхъ полномочій въ рукахъ одного человѣка. Императору нуженъ былъ другой Агриппа. Опасно было его искать внѣ императорской семьи, и Августъ остановилъ свой выборъ на своемъ старшемъ пасынкѣ Тиберіѣ, уже прославившемся своими походами. Тиберій былъ отправленъ въ Паннонію, чтобы окончить войну, которую тамъ велъ Агриппа, и въ то же время былъ помолвленъ съ его вдовой; причемъ ему пришлось развестись съ любимой имъ женой, сестрой Агриппы. По возвращеніи изъ Панноніи была отпразднована свадьба, и Тиберій сталъ зятемъ Августа.

Новая комбинація была далеко не такъ удовлетворительна, какъ прежняя. Можно было не опасаться столкновеній между наслѣдникомъ императора и его соправителемъ, пока послѣдній былъ, какъ Агриппа, *отцомъ* наслѣдника; но отношенія между пасынкомъ и отчимомъ были иного свойства, тѣмъ болѣе, что они ухудшались еще посторонними причинами. У Тацита со-

хранилось извѣстіе, что Юлія относилась съ пренебреженіемъ къ своему мужу Тиберію, какъ къ неравному (App. I, 53, *spererat ut imparem*); это чувство не могло не отразиться на отношеніяхъ къ Тиберію со стороны сыновей Юліи, молодыхъ Цезарей.

Между тѣмъ эти молодые люди росли какъ всѣми признанные наслѣдники императора; народъ принималъ ихъ въ театрѣ съ шумными демонстраціями и требовалъ для нихъ преждевременныхъ почестей. Они быстро проходили ступени республиканской магистратуры; пятнадцати лѣтъ были назначены консулами съ тѣмъ, чтобы вступить въ должность по достиженіи двадцатилѣтняго возраста; имъ былъ данъ титулъ принципсовъ римскаго юношества ¹⁾, соотвѣтствовавшій титулу принцепса сената или, точнѣе, всего римскаго народа, который имѣлъ ихъ дѣдъ. Августъ старался съ чрезвычайной тщательностью поддерживать равновѣсіе между преемниками по наслѣдственному принципу и тѣмъ, кто могъ сдѣлаться преемникомъ по республиканскому принципу. Онъ, съ одной стороны, умѣрялъ честолюбіе внуковъ, строгимъ эдиктомъ выразилъ народу свое неодобреніе за демонстраціи въ пользу юношей, съ другой — онъ возвелъ въ товарищи себѣ Тиберія, сдѣлавшагося по смерти своего брата Друза главнокомандующимъ всѣхъ римскихъ силъ на границахъ Германіи и окончившаго свои походы блестящимъ, триумфальнымъ въѣздомъ въ Римъ, т.-е. поручилъ ему на 5 лѣтъ, по примѣру Агриппы, трибунскую власть.

Но этимъ искуснымъ уравновѣшиваніемъ Августъ не могъ устранить столкновенія между лицами, соперничество которыхъ неизбежно вытекало если не изъ честолюбія, то изъ самаго положенія ихъ. Въ Римѣ повторилось то, что произошло между Марцелломъ и Агриппой. Тиберій объявилъ, что онъ отказывается отъ государственной дѣятельности и, противъ желанія Августа, удалился на островъ Родосъ, потому-ли, что его побудило къ этому распущенное поведеніе Юліи, какъ полагаютъ Тацитъ и Светоній, или потому, что онъ не хотѣлъ стоять на дорогѣ

¹⁾ Замѣчательная привязанность римлянъ къ коллегіальности, т.-е. къ магистратурному республиканскому характеру власти, обнаруживается въ томъ, что отъ этого принципа не отступили даже въ томъ случаѣ, когда дѣло шло объ упроченіи наслѣдственной императорской власти. Августъ усыновилъ *обоихъ* внуковъ, обоимъ былъ данъ титулъ *principes juvenutis*; служебная карьера обоихъ была почти одинакова; различіе обуславливалось тѣмъ, что одинъ изъ Цезарей былъ годомъ старше, а потому раньше получалъ почести. Подобное отношеніе къ двумъ сыновьямъ, какъ къ *двумъ* наслѣдникамъ, постоянно повторяется въ исторіи римской имперіи.

молодыхъ Цезарей, какъ онъ самъ утверждалъ въ своихъ запискахъ и какъ объясняли его удаленіе, по свидѣтельству Светонія, иные историки, а изъ дошедшихъ до насъ — Веллей и Діонъ Кассій.

Августъ былъ очень недоволенъ удаленіемъ Тиберія; онъ жаловался въ сенатѣ, что его «повидаютъ» на старости лѣтъ среди трудныхъ дѣлъ. Но еще другого рода соображеніе мучило его. Опять повторилось натынутое положеніе той тяжелой поры, когда Агриппа проживалъ въ Лесбосѣ въ разладѣ съ молодымъ наследникомъ императора. Въ случаѣ смерти Августа разладъ между усыновленнымъ внукомъ и товарищемъ по трибунской и военной власти могъ бы разгорѣться въ открытую войну. Между тѣмъ прошелъ срокъ трибунской власти Тиберія и она не была возобновлена. Съ трудомъ удалось Ливіи выхлопотать для сына званіе императорскаго легата для того, чтобы дать ему какое-нибудь официальное положеніе и обезпечить отъ обидъ, которыми онъ легко могъ подвергнуться въ качествѣ опального человѣка.

Итакъ, всѣмъ склонились въ пользу преемниковъ по принципу наследственности. 1-го января 1-го года нашей эры Гай Цезарь вступилъ въ должность консула и потомъ былъ отправленъ дѣдомъ съ обширными полномочіями на Востокъ, чтобы уладить дѣла въ Арменіи и отношенія къ парянамъ, и чтобы на Востокѣ привыкли на него смотрѣть, какъ на наследника «римскаго самодержца». Братъ его, Луцій, былъ отправленъ послѣ своего консульства въ важнѣйшую изъ западныхъ провинцій, Галлію. Но опасность для Цезарей не была вполне устранена: нерѣдко, вѣроятно, заходила о ней рѣчь при ихъ маленькомъ дворѣ; мы знаемъ, что одинъ изъ приближенныхъ Гая Цезаря заявилъ ему однажды за пиршествомъ: «скажи одно слово, Цезарь, и я отправлюсь въ Родосъ и привезу тебѣ голову изгнанника».

Столкновеніе опять было устранено преждевременною смертью представителей наследственнаго принципа. Луцій, а потомъ и Гай Цезарь умерли, и снова оказалось возможнымъ приблизить къ престолу того, кто имѣлъ на него право, какъ товарищъ и сподвижникъ императора. Въ годъ смерти Гая Цезаря, Тиберій былъ усыновленъ Августомъ и снова надѣленъ трибунскою властью. Но Августъ былъ слишкомъ привязанъ къ своей семьѣ и къ наследственному принципу, чтобы отказаться отъ послѣдняго; пока былъ въ живыхъ хотя какой-нибудь потомокъ или родственникъ по врови, пока существовала хоть какая-нибудь надежда на осуществленіе наследственнаго принципа. У Августа отъ Юліи съ Агриппой былъ еще внукъ, пятнадцатилѣтній Агриппа

Постумъ, юноша неспособный и съ дивнымъ темпераментомъ; усыновляя Тиберія, Августъ усыновилъ и Агриппу; надѣялся ли онъ, что юноша исправится, или желалъ этимъ приблизить къ престолу по крайней мѣрѣ будущую семью Агриппы—своихъ прямыхъ потомковъ; но заботливость Августа о семьѣ и наслѣдственномъ принципѣ простиралась еще далѣе. У Тиберія былъ четырнадцатилѣтній сынъ отъ перваго брака—Друзъ; тѣмъ не менѣе Августъ заставилъ его усыновить своего пятнадцатилѣтняго племянника—Германика: о причинѣ не трудно догадаться: Германикъ былъ сыномъ Друза и Антоніи, племянницы Августа; такимъ образомъ, въ его жилахъ текла кровь Октавіевъ и Юліевъ. Посредствомъ усыновленія онъ становился старшимъ сыномъ Тиберія и ближайшимъ его преемникомъ. Чтобы усилить связь крови и сосредоточить права, которыя она предоставляла, Августъ женилъ Германика, впрочемъ, самаго достойнаго изъ принцевъ императорскаго дома, на своей родной внучкѣ отъ Юліи—Агриппинѣ. Въ дѣтяхъ Германика и Агриппины, и по отцу и по матери, текла кровь Августа и Цезаря. Но попытки Августа примирить наслѣдственность монархической власти съ историческими и практическими условіями, поддерживавшими республиканскій, магистратурный характеръ императорской власти, на этотъ разъ были еще неудачнѣе прежнихъ. Августу еще самому пришлось удалить Агриппу за необузданный нравъ въ изгнаніе, а бракъ Германика съ Агриппиною послужилъ завязкой для дальнѣйшихъ потрясающихъ драмъ, которыя разыгрались уже послѣ смерти императора.

Съ перваго взгляда можетъ казаться, что эта борьба, которая происходила въ самомъ Августѣ и вокругъ него по вопросу о наслѣдствѣ, была дѣломъ случайности—столкновеніемъ личныхъ симпатій, интересовъ и положеній. Но въ исторіи постоянно случается, что въ борьбѣ такихъ личныхъ интересовъ и положеній выражается борьба идей и принциповъ. За соперничествомъ претендентовъ, права которыхъ такъ осмотрительно устанавливалъ Августъ, скрывается борьба между республиканскимъ строемъ и монархическимъ. Эта борьба велась не потому, чтобы Августъ не рѣшился открыто провозгласить принципъ наслѣдственности, — онъ заявилъ себя довольно откровенно за него, — но потому, что въ условіяхъ, въ которыхъ находилась императорская власть въ Римѣ, заключался источникъ такой борьбы. Императоромъ въ Римѣ, т. е. главнокомандующимъ, облеченнымъ властью надъ гражданами, могъ быть только тотъ, чью команду слушало войско и кого признавали граждане, — могъ потому сдѣлаться тотъ, кто

соединялъ въ себѣ эти условія, даже помимо ближайшаго наследника умершаго императора. Въ этомъ выражается магистратурная, республиканская сторона императорской власти. Съ другой стороны, эта власть естественно склонялась къ принципу наследственности. Рѣшеніе вопроса, какой принципъ долженъ преодолѣть, — зависѣло не отъ личной воли императора, а отъ реальныхъ условій. Оттого борьба между обоими принципами и продолжалась еще такъ долго послѣ Августа. Она должна была продолжаться, пока въ устройствѣ имперіи имѣли значеніе римскія учрежденія, пока въ обществѣ держался старинный римскій духъ. Живучесть этого духа и вмѣстѣ съ тѣмъ противоположность между монархическимъ и республиканскимъ характеромъ императорской власти еще обнаружилась въ полной силѣ и ясности черезъ столѣтъ послѣ Августа, въ рѣчи, которую Тацитъ вложилъ въ уста императору Гальбѣ при усыновленіи Пизона. «Августъ, — говоритъ съ узоромъ Гальба, — искалъ преемника въ домѣ своемъ, а же — въ республикѣ». Принципъ замѣщенія императорской должности по республиканскому обычаю, посредствомъ назначенія самимъ императоромъ «достойнѣйшаго» гражданина себѣ въ преемники, прославляется здѣсь на счетъ чисто-монархическаго принципа наследственности. «До этого времени, — сказано въ той же рѣчи, — мы (т.-е. республика) были какъ будто вотчиной одного рода» — *unius familiae quasi hereditas fuimus*.

III.

Образъ дѣйствія Августа относительно вопроса о престолонаследіи чрезвычайно интересенъ въ томъ смыслѣ, что здѣсь гораздо яснѣе просвѣчиваютъ личные взгляды и симпатіи императора, чѣмъ въ общей организациі государства, нами разсмотрѣнной въ предыдущей статьѣ. Мы имѣли передъ собою не только политика, создающаго извѣстный государственный строй, но и человека, проводящаго въ этотъ строй личные желанія, обнаруживающаго въ своей правительственной дѣятельности влеченія сердца и чувства. Приглядѣвшись къ вліянію личнаго элемента въ мѣрахъ Августа по отношенію къ вопросу о престолонаследіи, приступимъ теперь къ болѣе подробному изученію его личности для того; чтобы опредѣлить вліяніе ея на организацию имперіи вообще. При обезужденіи характера исторической личности главное условіе вѣрной оцѣнки заключается въ томъ, чтобы сдѣлать на общемъ фонѣ психологическихъ опредѣленій обрисовать трудно-

уловимыя индивидуальныя черты. Нельзя сказать, чтобы исторіографія привыкла ставить себѣ такую задачу. Особенно исторіографія XVIII вѣка страдала непониманіемъ этой обязанности. Историки вѣка рационализма всегда понимали или брали историческія личности отвлеченно, подводили ихъ подъ общія психологическія категоріи и этимъ лишали ихъ индивидуальной жизни. Какъ во французской драматической поэзіи герои были олицетвореніемъ какой-нибудь идеи или какого-нибудь чувства, представляли собой говорящія идеи или ходячія чувства, напримѣръ, тираннію, ханжество, благородство, ревность и пр., такъ и исторіографія представляла своихъ дѣятелей воплощеніемъ какой-нибудь политической мысли или общечеловѣческой черты. Карлъ XII—Вольтера,—напр., есть не что иное, какъ «смѣлый герой вообще», манекень, на который можно надѣть какой угодно костюмъ; его такъ же удобно можно было бы помѣстить въ эпоху Александра Македонскаго или представить себѣ героемъ какого-нибудь рыцарскаго или разбойничьяго романа, какъ и побѣдителемъ при Нарвѣ.

Такой неправильный методъ не исчезъ однако въ исторіографіи вмѣстѣ съ вліяніемъ рационализма; онъ коренится въ обыкновенныхъ приемахъ человѣческой мысли. Когда мы составляемъ себѣ понятіе о какомъ-нибудь человѣкѣ, анализируемъ его, то руководимся обыкновенно при этомъ самыми отвлеченными опредѣленіями. Анализируя свойства извѣстнаго лица, мы подводимъ ихъ подъ категоріи психологіи, а психологія знаетъ только человѣка вообще, изучаетъ духовныя свойства отвлеченнаго человѣка. Между тѣмъ индивидуальность зависитъ не столько отъ силъ или слабости главныхъ психическихъ элементовъ, ума, воли или чувствъ, сколько отъ извѣстной, рѣдко повторяющейся комбинаціи различныхъ психическихъ элементовъ. Къ этому присоединяется еще другое: умъ, воля и чувства не представляются въ человѣческой исторіи такими абсолютными элементами, какъ, напр., кислородъ или азотъ въ природѣ; они всегда встрѣчаются съ какии-нибудь специфическимъ характеромъ или оттѣнкомъ, которые налагаются вліяніемъ извѣстной расы, среды и эпохи. Человѣкъ, вступая въ міръ, не получаетъ только извѣстную долю ума, силы воли, фантазіи и чувствъ; но умъ этотъ всегда имѣетъ извѣстный складъ, а чувства извѣстную тенденцію національнаго или временнаго свойства.

Особенно пострадалъ Августъ оттого, что при оцѣнкѣ его характера не брали въ расчетъ ни того, что можно назвать оттѣнкомъ расы, ни индивидуальнаго, свойственнаго ему соче-

танія психологическихъ элементовъ. А послѣднее именно относительно его особенно важно. Свойства его натуры были таковы, что заслоняли его умъ, заставляли цѣнить его умъ ниже дѣйствительности, приписывать темпераменту то, что было слѣдствіемъ ясности ума и практическаго смысла—а складъ ума Августа былъ таковъ, что давалъ поводъ рѣзко и недоброжелательно опредѣлять его натуру, считать ее слабой, признавать его темпераментъ, обузданный силою ума, ничтожнымъ, безцвѣтнымъ и холоднымъ.

Въ основаніи индивидуальности Августа прежде всего лежала энергическая натура, поддерживаемая яснымъ умомъ и сильной волею. Ему было 18 лѣтъ и онъ находился въ Аполлоніи, далеко отъ Рима, занимаясь науками, когда неожиданно получилъ извѣстіе объ убійствѣ дяди, который его усыновилъ и готовилъ себя въ преемники. Съ большою рѣшимостью, никѣмъ непризнанный юноша задумалъ собственными силами достигнуть того, что было ему обѣщано Цезаремъ, и съ полною самостоятельностью онъ привелъ свой планъ въ исполненіе. Офицеры находившихся вблизи легионовъ предложили ему услуги своихъ отрядовъ; Агриппа и другіе приближенные совѣтовали ему воспользоваться предложеніемъ. Но Октавіанъ на это не согласился, и поспѣшилъ въ Римъ безъ прикрытія войскомъ. Въ Римѣ мать и вотчимъ отговаривали его всѣми силами отъ его намѣренія выступить гражданскимъ и политическимъ наслѣдникомъ Цезаря. Имущество Цезаря было захвачено Антоніемъ, и на Октавіанѣ лежали только тяжелыя денежныя обязательства относительно римской черни; вытекавшія изъ завѣщанія Цезаря. Но Октавіанъ и тутъ поступилъ смѣло и по своему усмотрѣнію. Онъ истратилъ свое личное состояніе и состояніе матери на то, чтобы расплатиться съ народомъ; а потомъ выступилъ претендентомъ на политическое наслѣдство. Годъ спустя онъ былъ побѣдителемъ надъ Антоніемъ и заставилъ его искать своего союза; еще черезъ годъ оппозиція противъ Цезаря и партія сената были сокрушены, а 32-хъ лѣтъ Октавіанъ сталъ безспорнымъ властителемъ римскаго міра и его организаторомъ.

При общей энергіи натуры Октавіанъ отличался смѣлостью и присутствіемъ духа въ критическія минуты. Въ войнѣ противъ Секста Помпея въ Сициліи участвовалъ и другой триумвиръ, Лепидъ, прибывшій изъ Африки по приглашенію Октавіана съ 12-ю легионами. Когда Помпей былъ принужденъ бѣжать изъ Сициліи, его легионы сдались Лепиду, стоявшему лагеремъ вблизи ихъ. Чрезвычайно возгордившись этимъ нечаяннымъ успѣхомъ, Лепидъ

сталъ увлекаться честолюбивыми замыслами и, опираясь на силу своихъ 20-ти легионовъ, желалъ заставить Октавіана удалиться изъ Сициліи. Тогда Октавіанъ поспѣшилъ безъ оружія и прикрытія въ лагерь Лепида и, несмотря на стрѣлы, которыя въ него пускали, и на копье, пронзившее его плащъ, онъ схватилъ орла одного изъ легионовъ и понесъ его, уговаривая солдатъ слѣдовать за нимъ. Всѣ двадцать легионовъ перешли къ нему, и Лепидъ былъ принужденъ удалиться въ частную жизнь.

Подобнымъ образомъ, когда Августъ уже въ старости праздновалъ играми совершеннѣйшаго своихъ внучатъ и когда народомъ въ театрѣ вдругъ овладѣлъ панической страхъ, что зданіе рухнетъ, и вслѣдствіе этого толпа стала стремительно оставлять театръ, не поддаваясь никакимъ увѣщаніямъ, императоръ пересѣлъ на то мѣсто, за которое особенно опасались.

У Августа даже не было недостатка въ личной храбрости воина; въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, несмотря на многочисленныя и часто несообразныя клеветы, распространенныя на этотъ счетъ его врагами. Въ опасной и долго колебавшейся битвѣ при Мутинѣ онъ исполнялъ роль не только вождя, но и воина; когда палецъ отъ тяжелой раны знаменосецъ его легиона, онъ поднималъ орла на свои плечи и долго носилъ его, ободряя солдатъ среди ожесточенной сѣчи (*in media dimicatione*).

Самостоятельный и рѣшительный въ своихъ намѣреніяхъ, спокойный и послѣдовательный при достиженіи своей цѣли, Августъ былъ твердъ, когда встрѣчалъ на пути преграды и оппозицію. Чѣмъ болѣе склонны могли быть легионы приписывать успѣхъ императора не его стратегическимъ способностямъ, а своей собственной храбрости, тѣмъ болѣе вниманія заслуживаетъ съ нашей стороны независимость и твердость Августа относительно войска. Ни разу не удалось легионамъ, привыкшимъ въ смутамъ и избалованнымъ своими вождями, сдѣлать изъ него игрушку своихъ страстей; напротивъ, онъ не допускалъ ни малѣйшей поблажки; даже во время военного террора въ государствѣ Августъ велѣлъ, напр., вывести изъ театра солдата, усѣвшагося на скамьѣ всадниковъ. Онъ же первый сталъ обращаться съ войскомъ не какъ военный, а какъ государь, замѣнивъ обычное воззваніе «товарищи» — *commilitones*, краткимъ и повелительнымъ «*militēs*» — (воины).

Таковую же твердость обнаруживалъ Августъ относительно «верховнаго народа», избалованной римской черни. Когда народъ однажды съ шумомъ требовалъ угощенья — не обѣщаннаго Августомъ, — онъ упрекнулъ его въ своемъ эдиктѣ въ безстыдствѣ и

подлости (*turpitude*) и объявилъ, что хотя и собирался прежде даровать народу конгiорiй, теперь же не дасть. Въ другой разъ, когда чернь стала жаловаться на дороговизну вина, Августъ усмирилъ ее строгимъ голосомъ и съ свойственнымъ ему холоднымъ сарказмомъ замѣтилъ, что его зять, Агриппа, устроивши столько водопроводовъ, достаточно предотвратилъ отъ людей опасность жажды.

Но при энергiи и рѣшительности темпераментъ Августа отличался необыкновенной осторожностью, которая была возведена имъ въ сознательный принципъ. Августъ не любилъ риска тамъ, гдѣ можно было избѣгнуть его; дѣлъ, которую онъ имѣлъ въ виду, не ослѣпляла его относительно средствъ къ ея достиженiю; онъ смѣялся надъ тѣми, которые, гонясь за извѣстной выгодой, приносятъ при этомъ въ жертву болѣе значительные интересы и сравнивалъ ихъ съ людьми, удищими рыбу золотымъ крючкомъ, за потерю котораго не могла бы вознаградить никакая добыча.

Съ такой точки зрѣнiя смотрѣлъ онъ на стратегiю. Онъ полагалъ, по выраженiю Светонiя, что ничто такъ мало не идетъ хорошему полководцу, какъ послѣпность и опрометчивость. Часто онъ повторялъ греческiя поговорки: «спѣши съ оглядкой», «осмотрительный вождь вѣрнѣе смѣлаго», и латинскую: «довольно скоро совершается то, что дѣлается хорошо».

Такою же осмотрительностью отличалась его внутренняя политика; онъ не любилъ крутыхъ мѣръ, и тамъ, гдѣ ему приходилось проводить непопулярное дѣло, онъ старался постепенно привести общество къ сознанию его неизбежности. Чрезвычайно любопытенъ его образъ дѣйствiя по одному финансовому вопросу. Римскiе граждане давно уже не платили прямыхъ податей; это было главной привилегiей ихъ господствовавшего въ государствѣ положенiя. Между тѣмъ расходы на постоянное войско, которое не могло, какъ прежде, содержать себя грабежомъ и добычей, стали такъ значительны, что не оплачивались обыкновенными доходами государства. Тогда Августъ предложилъ сенату назначить опредѣленную подать съ гражданъ на содержанiе войска. Долго обсуждалъ сенатъ этотъ вопросъ и никакъ не могъ остановиться на какой-нибудь податной системѣ; каждая изъ предложенныхъ мѣръ признавалась слишкомъ стѣснительной. Наконецъ, Августъ учредилъ особую военную кассу, взнесъ въ нее за себя и за Тиберию опредѣленную сумму и объявилъ, что будетъ ежегодно повторять этотъ взносъ. Разные города и вассальные цари обѣщали свое содѣйствiе; многiя изъ частныхъ лицъ также об-

явили, что согласны участвовать во взносахъ, но никто изъ послѣднихъ ничего не уплатилъ. Такъ какъ поступления были не соразмѣрны съ расходами казны и оказалась необходимой постоянная подать, Августъ предложилъ, чтобы каждый сенаторъ, подумавши, письменно представилъ ему свое мнѣніе. Каждый изъ нихъ предлагалъ свое; всѣ эти предложенія, однако, по мнѣнію Августа, не годились, и тогда онъ установилъ, чтобы въ военную казну поступали пять процентовъ со всѣхъ наслѣдствъ, за исключеніемъ незначительныхъ и такихъ, которыя переходили къ ближайшимъ родственникамъ. При этомъ онъ объявилъ, что нашелъ такой совѣтъ въ бумагахъ Цезаря. Такая подать, впрочемъ, уже существовала въ прежнія времена въ Римѣ.

Пошлина, установленная Августомъ, взималась уже лѣтъ шесть; но римляне не могли съ ней примириться и неудовольствіе до того возросло, что стали опасаться волненій. Тогда Августъ отправилъ посланіе въ сенатъ съ требованіемъ указать другую подать. Опять были сдѣланы самыя разнообразныя предложенія и письменно представлены императору. Августъ убѣдился изъ нихъ, что римляне согласятся скорѣе на всякую другую подать. Тогда онъ переложилъ ее на землю и дома, и отправилъ во всѣ стороны оцѣнщиковъ для описи недвижимаго имущества городовъ и частныхъ лицъ, не обнаруживавъ при этомъ данныхъ имъ инструкцій. Онъ сдѣлалъ это съ той цѣлью, чтобы внушить римлянамъ страхъ, что ихъ имущества будутъ обложены имъ высокимъ сборомъ и тѣмъ сдѣлать для нихъ пошлину съ наслѣдствъ сноснѣе. Такъ и случилось, и пошлина, введенная Августомъ, вошла въ податную систему.

Но Августъ былъ не только осмотрителенъ въ своихъ дѣйствіяхъ и рассчитывалъ впередъ силу и свойство ихъ вліанія, онъ точно также относился къ своимъ словамъ. Хотя, по свидѣтельству его биографа, онъ былъ способенъ къ краснорѣчію безъ приготовленія, онъ однако не произнесъ ни передъ сенатомъ, ни передъ народомъ, ни передъ войскомъ ни одной рѣчи, которая не была бы впередъ обдуманна и составлена. Даже въ бесѣдахъ съ отдѣльными лицами и въ дѣловымъ разговорамъ съ самой Ливіей онъ приступалъ не иначе, какъ написавши предварительно то, что хотѣлъ сказать (*ponnisi scriptos et e libello habebat*).

Несмотря на такую наклонность къ осторожности и расчетливости въ образѣ дѣйствія, нѣтъ основанія обвинять Августа въ коварствѣ. Коварною называютъ особенно его политику въ первые годы его карьеры, когда ему приходилось пробивать себѣ дорогу къ власти и значенію среди такихъ трудныхъ условій —

туть нѣтъ однако ничего иного, кромѣ обыкновенныхъ пріемовъ политической борьбы. Когда Октавіанъ прибылъ въ Римъ, онъ надѣялся найти поддержку въ друзьяхъ своего дяди; но Антоній не захотѣлъ служить наслѣднику того, кому онъ самъ поднесъ царскую корону, и потому болѣе другихъ жѣлалъ возвышенію Октавіана. Тогда Октавіанъ сталъ искать поддержки у сената и выступилъ его защитникомъ противъ Антонія. Когда опасность миновала, Октавіанъ убѣдился, что и сенатъ не желалъ его возвышенія, а смотрѣлъ на него только какъ на орудіе. Если бы онъ остался на сторонѣ сената, ему пришлось бы ограничиться неблагоприятной и практически невозможной ролью Помпея, а потому ясный для всѣхъ расчетъ побудилъ его войти въ союзъ съ Антоніемъ. Коварство собственно замѣчаемъ мы въ его поведеніи только одинъ разъ, когда онъ имѣлъ дѣло съ личностью чрезвычайно коварной. Это было послѣ побѣды подъ Акціумомъ, когда Октавіанъ приближался въ Египту, гдѣ готовились въ послѣдней оборонѣ Клеопатра и Антоній. Чтобы выиграть время, они отправили пословъ къ Октавіану, которые предлагали ему миръ, а его приближеннымъ деньги. Въ то же время Клеопатра прислала ему безъ вѣдома Антонія престолъ, скипетръ и корону изъ золота, чтобы расположить его къ себѣ лично въ томъ случаѣ, если бы онъ не захотѣлъ пощадить Антонія. Интересъ Октавіана по отношенію къ этимъ двумъ лицамъ былъ совершенно различенъ. Антонія ему нельзя было пощадить, если онъ желалъ единовластія, но онъ и не могъ лишить его жизни безъ ущерба для своей популярности; Клеопатру же ему очень хотѣлось захватить въ свою власть живую, чтобы украсить ея свой триумфальный вѣздъ въ Римъ; съ этой цѣлью онъ въ официальномъ отвѣтѣ потребовалъ отъ Клеопатры, чтобы она положила оружіе и отказалась отъ престола, предоставляя свою судьбу безусловно на его усмотрѣніе; тайно же, принявъ ея подарки, онъ извѣстилъ ее, что если она погубитъ Антонія, то жизнь и престолъ будутъ дарованы ей безъ ущерба.

Также поступилъ онъ, когда отъ Антонія и Клеопатры явились новыя посольства; онъ принялъ подарки; первому ничего не отвѣтилъ, Клеопатрѣ отвѣчалъ угрозой, но тайно отправилъ къ ней вольноотпущенника Тирза, который увѣрилъ восточную красавицу, что и третій властитель Рима, подобно Антонію и Цезарю, пламенѣетъ къ ней любовью. Эти хитрости удались. Клеопатра сдала Октавіану крѣпость Пелузіумъ, заставила египетскій флотъ перейти отъ Антонія къ нему, и скрывшись въ своемъ мавзолеѣ, послала Антонію извѣстіе, что лишила себя

жизни; — вѣрный любовникъ не замедлилъ нанести себѣ смертельную рану, но, узнавши, что она жива, велѣлъ спустить себя въ ея склепъ, и умереть въ ея объятіяхъ. Но и послѣ этого продолжалась та же игра со стороны Октавіана, опасавшагося, чтобы царица не поняла обмана и не сожгла себя въ мавзолеѣ вмѣстѣ съ своими сокровищами. Его посланные вступили съ ней въ дружественные переговоры, вдругъ насильно овладѣли ею и перенесли во дворецъ, гдѣ ее окружили всѣми возможными почестями и предосторожностями. Клеопатра все рассчитывала на свое личное свиданіе съ молодымъ Октавіаномъ. Свиданіе состоялось, но побѣдитель Антонія устоялъ противъ всѣхъ искушеній восточной царицы. Съ опущеннымъ на землю взоромъ угѣшалъ онъ ее, общая жизнь, но не упоминая о престолѣ и уговаривая успокоиться. Тогда, наконецъ, Клеопатра поняла свою судьбу и разстроила планы своего побѣдителя.

IV.

Различныя черты въ характерѣ и поведеніи Августа побудили многихъ историковъ провозгласить его «эгоистомъ» и признать основнымъ отличіемъ его индивидуальности — холодность природы; такъ напримѣръ, даже Штаръ, который старается Тиберія представить чуть не святымъ человекомъ, называетъ Августа «великимъ эгоистомъ». Для того, чтобы судить о справедливости этого упрека, рассмотримъ Августа въ кругу его привязанностей и частныхъ отношеній. Августъ женился на Ливіи по страсти; онъ взялъ ее беременною отъ ея перваго мужа; силу его привязанности еще болѣе доказываетъ то, что она выдержала столько искушеній и продолжалась столько лѣтъ. Несмотря однако на эту любовь къ Ливіи, Августъ всегда сохранялъ чрезвычайную нѣжность въ своему потомству отъ перваго брака, особенно къ сыновьямъ Юліи. Августъ самъ училъ своихъ внуковъ читать и писать, и особенно старался о томъ, чтобы они приняли его почеркъ; онъ не садился обѣдать безъ того, чтобы они не заняли своихъ мѣстъ рядомъ съ нимъ, никуда не отправлялся безъ ихъ сопровожденія; они должны были ѣхать верхомъ около него, или въ колесницѣ впереди. Когда старшій внукъ, уже взрослый, былъ на Востоцѣ, Августъ переписывался съ нимъ самымъ нѣжнымъ образомъ, называя его *ocellus jucidissimus meus* (сладкій мой глазокъ). Еще болѣе свидѣтельствуютъ о его нѣжности — страхъ, съ которымъ онъ слѣдилъ за тѣмъ,

чтобы они не были испорчены лестью, — и его огорченіе, когда они обнаружили преждевременныя притязанія на почести и власть. Когда римляне приняли молодого Луція Цезаря въ театрѣ съ шумными рукоплесканіями и тотъ сталъ просить у народа консульства для своего старшаго 15-лѣтняго брата, Августъ, узнавши объ этомъ, очень разсердился и умолялъ боговъ избавить Римъ отъ бѣдствія, имѣть консуломъ юношу моложе 20-ти лѣтъ.

Въ дружественныя отношенія, говоритъ Светоній, Августъ не скоро входилъ, но былъ чрезвычайно постояненъ въ нихъ; онъ не только умѣлъ цѣнить хорошія свойства своихъ друзей, но также переносить ихъ пороки и дурныя стороны. Изъ его друзей только двое, Сальвиденіенъ и Галлъ, которыхъ онъ возвелъ изъ неизвѣстности въ высокія почести, подверглись опалѣ, одинъ за неблагодарный и злобный нравъ; другого обвинили въ политическихъ замыслахъ, направленныхъ противъ Августа. Съ Меценомъ же и съ Агриппой его соединяла особенная дружба. Узнавши, что Агриппа опасно заболѣлъ въ Кампаніи на пути въ Римъ, Августъ тотчасъ поспѣшилъ къ нему. Какъ онъ вѣрилъ въ ихъ дружбу, свидѣтельствуетъ грустное восклицаніе его, когда обнаружился позоръ его дочери: «этого бы не случилось со мной при жизни Мецена и Агриппы».

Еще важнѣе, чѣмъ интимная жизнь, для опредѣленія степени эгоизма Августа, — его отношеніе къ римскому народу и къ своей задачѣ. Можно ли сказать, что онъ смотрѣлъ на римскій народъ только какъ на орудіе, а на свое положеніе, — только съ точки зрѣнія личнаго удовлетворенія? Изъ того, что мы говорили о консерватизмѣ Августа, читатель могъ убѣдиться, что онъ былъ привязанъ къ римской національности, что онъ замѣчалъ съ огорченіемъ упадокъ національнаго духа. Онъ принималъ разныя мѣры къ отвращенію зла и съ искреннимъ сожалѣніемъ отступался отъ нѣкоторыхъ мѣръ, когда убѣждался въ невозможности ихъ осуществленія, напр., отъ отмены даровой раздачи хлѣба. Царственное положеніе его не сливалось въ его глазахъ съ его личнымъ я; онъ признавалъ за собой извѣстныя обязанности и исполненіе ихъ ставилъ выше интересовъ своей популярности или своего спокойствія. Мы не станемъ приводить въ доказательство этого различныя заявленія самого Августа, хотя въ нихъ звучитъ голосъ искренности, напр., слова, сказанныя въ сенатѣ, когда ему поднесли титулъ «отца отечества», или эдиктъ императора, приведенный Светоніемъ въ 28-й главѣ — весь духъ и характеръ правленія Августа убѣждаютъ насъ въ спра-

ведливости опредѣленія, сдѣланнаго его биографомъ — *saluber magis quam ambitiosus princeps*, т.-е. что онъ болѣе руководился общественною пользою, чѣмъ честолюбіемъ. Какъ въ природѣ сила свѣта и тѣни удобно измѣряется сравненіемъ, такъ и въ исторіи лучшее средство для вѣрной оцѣнки личности—ея сравненіе съ другою, находящеюся въ аналогическомъ положеніи. Для разрѣшенія вопроса, насколько Августа слѣдуетъ считать эгоистомъ, для римскаго императора выгодно сопоставленіе съ Наполеономъ I, въ которомъ гораздо рѣзче проявляется эгоизмъ властителя. Возьмемъ ли мы его въ кругу семьи, рассмотримъ ли его отношенія къ Жозефинѣ и къ братьямъ, или внѣ семьи, въ отношеніяхъ къ военнымъ товарищамъ и сподвижникамъ, вездѣ мы встрѣчаемъ съ его стороны искреннее наивное убѣжденіе, что всѣ должны служить ему орудіемъ и что онъ ничѣмъ не обязанъ относительно кого бы то ни было. Но Августъ особенно выигрываетъ, если мы возьмемъ во вниманіе отношенія Наполеона къ странѣ и къ народу. Историческое призваніе французскаго императора, по его убѣжденію, вполне отождествляется съ его личной судьбой, съ его славой и могуществомъ; внѣ этихъ цѣлей у него нѣтъ никакихъ обязанностей, никакихъ симпатій; у него, въ сущности, даже мало любви къ французскому народу, съ которымъ онъ не связанъ инстинктивно никакими національными чертами; онъ остался холоденъ къ нему и тогда, когда сдѣлался его монархомъ. Сравненіе Августа съ другими можетъ предостеречь насъ отъ преувеличенія его эгоизма; точно также не слѣдуетъ впадать въ крайность, когда заходитъ рѣчь о *холодной* натурѣ и *безстрастности* Августа. Наружная сдержанность и ровность въ публичной дѣятельности могутъ быть слѣдствіемъ совершенно различныхъ причинъ:—спокойнаго темперамента или равнодушія къ человѣческимъ интересамъ, слабости воли въ проявленіи желаній или же, наоборотъ, энергической воли, подавляющей сильныя страсти подъ вліяніемъ расчетовъ ума и правилъ, налагаемыхъ общественной обстановкою и положеніемъ. Объясненіе «безстрастности» Августа, конечно, слѣдуетъ искать въ мотивахъ второго разряда. Тѣ двѣ страсти, которыя имѣютъ главное вліяніе на судьбы человѣческаго общества — властолюбіе и влеченіе, такъ часто прикрывающее себя именемъ любви — засѣли глубокими корнями въ душѣ Августа, но послѣдняя не помѣшала ему прожить за 50 лѣтъ въ любви и единодушій съ своею женою, а первая не помѣшала ему управлять почти столько же лѣтъ Римомъ въ мирномъ согласіи съ сенатомъ; — можно, пожалуй, даже сказать, что онъ былъ

образцомъ конституціоннаго государя древности, съ тою особенностью, что если многіе конституціонные монархи Европы только уступаютъ возложенной на нихъ или унаслѣдованной конституціи, Августъ самъ обставилъ себя извѣстною конституціей и добровольно руководствовался ею до того возраста, до котораго рѣдко доживаютъ съ людьми ясность ума и энергія воли.

Итакъ, въ самообладаніи, въ умѣннн отводить страсти и инстинктамъ природы извѣстный предѣлъ, сохранять всегда сознаніе своей власти надъ порывами и влеченіями, — нужно искать ключъ къ образу дѣйствія Августа. Это доказывается его поведеніемъ въ самыя тяжелыя минуты его жизни, когда душевные порывы прорывали всѣ сдержки и вызывали психическія явленія, не только не согласныя съ его обыкновенной чинностью, но и вообще чуждыя античному самообладанію. Когда было получено извѣстіе о неожиданной гибели трехъ легионовъ съ ихъ вождемъ въ лѣсахъ побѣжденной Германіи, Августъ не только въ минутномъ порывѣ горя разорвалъ на себѣ одежду, но «цѣлые мѣсяцы не брилъ бороды и съ отпущенными волосами такъ горевалъ, что по временамъ ударялся головой о двери, восклицая: «Квинтилій Варъ, отдай мои легионы»¹⁾. А открывшійся, наконецъ, предъ нимъ позоръ его дочери огорчилъ его «сильнѣе», чѣмъ вѣсть о смерти его двухъ любимыхъ внуковъ, на которыхъ были сосредоточены всѣ надежды и вся гордость его монархическихъ и родовыхъ притязаній. Къ огорченію отца, убѣдившагося, что любимая дочь отплатила обманомъ и неблагодарностью за ласки и заботы, присоединилось сознаніе падающаго на него позора и гнѣвъ государя, родное дитя котораго становится представителемъ ненавистной ему и преслѣдуемой имъ распущенности — того паденія, изъ котораго онъ хотѣлъ извлечь римское общество законодательными мѣрами. Августъ сенатскимъ постановленіемъ сослалъ дочь въ вѣчную и строгую ссылку и запретилъ, чтобы даже послѣ смерти ихъ прахъ былъ соединенъ въ родовомъ склепѣ. Въ настроеніи его постоянно чередовались грусть и горечь гнѣва. Онъ часто повторялъ греческій стихъ:

„Ахъ, если бы я былъ бездѣтенъ и остался не женатъ“.

А когда ему сказали, что Фѣба, вольноотпущенная Юлія, лишила себя жизни, онъ воскликнулъ: «лучше было бы мнѣ быть отцомъ Фѣбы, чѣмъ Юлія».

Заявленія народа, выражавшаго свое участіе къ нему и тре-

¹⁾ D. Cass. 56, 23. Suet., 23.

бовавшего прощенья Юліи, не смягчили его; онъ воскликнулъ, что скорѣе огонь смѣшается съ водой, чѣмъ онъ согласится простить дочь; онъ остался холоденъ, когда массы народа стали бросать въ Тибръ пылавшіе факелы, такъ что вся рѣка какъ будто горѣла огнемъ, а когда народъ приступилъ къ нему съ тѣмъ же требованіемъ въ театрѣ, онъ до такой степени вышелъ изъ себя, что произнесъ проклятiе народу, пожелавъ ему такихъ женъ и такихъ дочерей.

Самообладаніе и сдержанность, которыми отличался Августъ въ вышеприведенныхъ случаяхъ, не давались ему легко, но были слѣдствіемъ внутренней борьбы и побѣды принципа надъ порывомъ. Мы рассказывали, съ какимъ хладнокровіемъ императоръ переносилъ оскорбленія, которымъ онъ иногда подвергался на судебныхъ разбирательствахъ, гдѣ онъ участвовалъ въ качествѣ судьи или свидѣтеля. Такое же хладнокровіе обнаруживалъ онъ относительно множества направленныхъ противъ него пасквилей и памфлетовъ, и только подъ конецъ царствованія принялъ стѣснительныя мѣры противъ совершенно свободной до того времени литературной дѣятельности. Эта снисходительность къ личнымъ нападкамъ не была слѣдствіемъ равнодушія или пренебреженія къ общественному мнѣнію; Августъ, напротивъ, былъ очень щепетиленъ относительно чувства своего достоинства. Онъ, какъ говоритъ Светоній, не любилъ, чтобы о немъ писали не въ серьезномъ топѣ и не первоклассные литераторы, и приказалъ преторамъ не допускать, чтобы шиты и риторы на своихъ составаніяхъ «трепали» его имя (Suet. 89). Великодушное отношеніе Августа къ нападкамъ на него вытекало изъ убѣжденія, высказаннаго имъ однажды, когда онъ оправдалъ на судѣ обвинителя одного изъ своихъ друзей, привлеченнаго къ отвѣтственности за рѣзкія выходы во время процесса: «прямота необходима при господствующей испорченности». Оттого Августъ переносилъ не только личные оскорбленія, но и выраженіе оппозиціи противъ его правительственной дѣятельности. Когда открылся заговоръ Цепіона и Мурены противъ жизни императора, и заговорщики заочно были приговорены къ казни, отецъ Цепіона, желая наградить одного изъ рабовъ, бѣжавшихъ съ его сыномъ, даровалъ ему свободу, а другого, донесшаго на сына, онъ публично провелъ по форуму съ надписью, указывавшей на его вину, а потомъ распялъ на крестѣ. Историкъ, сообщившій эти факты, прибавляетъ, что Августъ не выразилъ при этомъ ни малѣйшаго неудовольствія. Но что такое благоразуміе со стороны императора обходилось не безъ борьбы, объ этомъ свидѣтель-

ствуеть другой случай, рассказанный Діономъ Кассіемъ. Корнелій Зивенна, котораго упрекали за поведеніе его жены, объявилъ въ засѣданіи сената, что женился на ней съ вѣдома и по совѣту Августа. Императоръ былъ въ высшей степени взбѣшенъ этимъ заявленіемъ, но сдержался, а только быстро вышелъ изъ сената, куда вскорѣ опять возвратился. Послѣ же засѣданія онъ признался своимъ приближеннымъ, что рѣшился на этотъ, хотя и неумѣстный, выходъ изъ затрудненія для того, чтобъ не увлечся подъ вліяніемъ страсти до чего-нибудь дурного.

Эта необходимость борьбы для Августа съ его порывами подтверждается и нѣкоторыми совѣтами близкихъ къ нему лицъ. Въ извлеченіяхъ, напр., Плануда сохранился слѣдующій рассказъ. Когда философъ Атенодоръ задумалъ возвратиться въ свое отечество, онъ наклонился къ уху Августа, какъ будто хотѣлъ поцѣловать императора, и сказалъ: «Не произноси никогда, Цезарь, ни надъ кѣмъ приговора, пока ты не перескажешь 24 буквы алфавита». Императоръ вздохнулъ и сказалъ: «ты мнѣ нуженъ, оставайся еще со мной». Писатель, сообщившій это извѣстіе, сопровождаетъ его замѣчаніемъ, что Атенодоръ потому далъ этотъ совѣтъ, что Августъ подъ вліяніемъ страсти былъ склоненъ произносить смертные приговоры, но его легко было смягчить и склонить къ милосердію. Трудно рѣшить, вывелъ-ли историкъ такое заключеніе изъ совѣта Атенодора, или изъ дѣйствительныхъ фактовъ; справедливость второй догадки, повидимому, подтверждается другимъ рассказомъ изъ жизни Августа. Однажды Меценъ, стоявшій близъ трибунала императора, замѣтилъ, что онъ намѣревался произнести смертный приговоръ надъ значительнымъ числомъ подсудимыхъ. Не имѣя возможности пробраться къ Августу сквозь толпу, густо его обступавшую, Меценъ написалъ на своей записной книгѣ слова—«встань, палачъ», и бросилъ ее императору. Прочитавши написанное, Августъ поспѣшно всталъ, не произнеши приговора.

V.

Этотъ рассказъ, которымъ нѣкоторые историки пользовались, чтобъ выставить въ рѣзкомъ свѣтѣ жестокость Августа, наводитъ насъ на вопросъ,—былъ ли этотъ императоръ жестокъ по своей натурѣ? Приведенный фактъ этого еще не доказываетъ; если вѣрно объясненіе, прибавленное въ рассказу Плануда объ Атенодорѣ, то и вмѣшательство Мецена могло быть вызвано вспыльчивостью

Августа, подъ вліяніемъ которой онъ слишкомъ поспѣшно провозносилъ судебные приговоры. Но оба извѣстія, по нашему мнѣнію, во всякомъ случаѣ, обнаруживаютъ еще другую черту характера Августа, которая замѣтно выступаетъ въ его образѣ дѣйствія,—его склонность къ *строгости*. Августъ былъ чрезвычайно строгъ въ военной дисциплинѣ: онъ былъ истымъ потомкомъ тѣхъ консуловъ, которые наказывали своихъ офицеровъ и даже сыновей за побѣды, одержанныя вопреки данному имъ предписанію, которые немилосердно казнили цѣлые ряды согражданъ за неповиновеніе въ строю. Цѣлыя когорты, обратившіяся въ бѣгство, Августъ децимировалъ и для позора давалъ имъ въ пищу вмѣсто пшеницы—ячмень. Офицеровъ, оставившихъ свой постъ, онъ казнилъ, какъ рядовыхъ; за другіе проступки наказывалъ различными позорными наказаніями: заставлялъ стоять цѣлый день передъ палаткой главнокомандующаго, въ гражданскомъ платьѣ—или съ саженью, которою солдаты отмѣривали лагерь,—или же заставлялъ ихъ, какъ простыхъ солдатъ, носить дернъ для обкладыванія вала. Такими мѣрами онъ возвратилъ войскамъ старинный римскій духъ, составлявшій во время имперіи единственный оплотъ цивилизованныхъ областей отъ варваровъ. Подобною строгостью отмѣчено отчасти и законодательство Августа, о которомъ, въ сожалѣнію, мы имѣемъ слишкомъ мало подробныхъ извѣстій. Когда на заочномъ судѣ, надъ участниками въ заговоръ Мурены, нѣкоторые судьи положили въ урну оправдательныя дощечки, Августъ отмѣнилъ тайную подачу голосовъ для судимыхъ заочно и постановилъ, чтобы такіе подсудимые были единогласно признаваемы виновными. Въ другомъ распоряженіи Августа, кромѣ строгости, любопытнымъ образомъ проявляется римскій формализмъ. По римскому обычаю, рабы не подвергались пыткѣ на допросѣ при уголовномъ слѣдствіи надъ ихъ господиномъ, такъ какъ они оставались собственностью подсудимаго; императоръ, желая усилить уголовное слѣдствіе, не нарушая обычая, распорядился, чтобы, въ случаѣ надобности, рабы продавались предварительно республикѣ или ему самому, а потомъ подвергались пыткѣ.

Сопоставляя, однако, эти факты со многими другими, можно придти къ заключенію, что Августъ былъ строгъ по принципу и тамъ, гдѣ онъ находилъ это нужнымъ; на практикѣ же очень часто намѣренно отступалъ отъ этого принципа. Когда, напримѣръ, въ 8-мъ году до Р. Х., консулы и многіе другіе магистраты были обвинены въ томъ, что подеупомъ получили свои мѣста на выборахъ, императоръ прекратилъ слѣдствіе, потому

что, говоритъ Діонъ Кассій, онъ не желалъ карать и не желалъ миловать уличеннаго въ преступленіи. Во время процесса надъ Юліей и ея сообщницами, многія другія женщины были обвинены въ подобныхъ преступленіяхъ; но Августъ назначилъ для этого извѣстный срокъ давности. Еще важнѣе прямое свидѣтельство Светонія, что Августъ не только съ большою ревностью самъ чинилъ судъ, нерѣдко до самой ночи, и когда бывалъ нездоровъ, то дѣлалъ это сидя на носилкахъ, вмѣсто трибунала, или даже у себя дома, но что судебные приговоры его отличались столько же крайней осмотрительностью, сколько и мягкостью (*lenitate*). Примѣры, приводимые Светоніемъ, показываютъ, что Августъ иногда очень искусно обходилъ старые законы, иногда же рѣшительно отступалъ отъ нихъ, когда они казались ему жестокими или несправедливыми. Однажды онъ судилъ отцеубійцу съ явными уликами: по древнѣйшему праву, такой преступникъ наказывался тѣмъ, что его зашивали вмѣстѣ съ собакой, обезьяной, зайцемъ и змѣей въ кожаный мѣшокъ и топили въ рѣкѣ; но смыслъ старинной формулы давалъ возможность примѣнять это наказаніе лишь къ тѣмъ, которые сознавались въ своемъ преступленіи. Желая избѣгнуть необходимости возстановить варварскій обычай, императоръ поставилъ подсудимому вопросъ въ слѣдующей формѣ: «конечно, ты не убивалъ своего отца?» Въ другой разъ, разбиралось дѣло о подложномъ завѣщаніи: по судебному уставу Суллы, всѣ свидѣтели, скрѣпившіе такое завѣщаніе своею подписью, подвергались одинаковому наказанію, — Августъ же далъ *присяжнымъ* не только двѣ обычныхъ дощечки, обвинительную или оправдательную, но еще и третью, которая дала имъ возможность пощадить тѣхъ, которые были введены въ обманъ или подписались по неосмотрительности.

Изъ этого видно, что прирожденная Августу, какъ и вообще римлянамъ, наклонность къ строгости уравновѣшивалась у него чувствомъ справедливости и умѣрялась соображеніями его ума. Это же даетъ намъ ключъ и къ вопросу объ его жестокости. Въ натурѣ Августа была извѣстная жестокость, вслѣдствіе которой онъ былъ способенъ къ «жестокости». Жестокость эта, главнымъ образомъ, проявилась во время проскрипціи, устроенной триумвирами. Относительно образа дѣйствія Августа, въ этомъ случаѣ, мы имѣемъ интересное извѣстіе Светонія, что онъ нѣсколько времени не соглашался съ своими товарищами и противился проскрипціи, но когда она началась, то онъ проводилъ эту мѣру жестче ихъ обоихъ. Октавіанъ, вѣроятно, хорошо сознавалъ все зло этой мѣры и тотъ вредъ, который она можетъ имѣть для него

самого. Но когда онъ убѣдился въ необходимости террора,—для того ли, чтобы удовлетворить солдатъ, или для того, чтобы сломить оппозицію—или же по невозможности воздержаться отъ него Антонія и Лепида, 20-лѣтній юноша хладнокровно провелъ этотъ терроръ, какъ всякую другую политическую мѣру; Октавіанъ при этомъ не только не отстаивалъ тѣхъ жертвъ, которыхъ требовала мстительность его товарищей, напримѣръ, опекуна, но когда другіе триумвиры стали падать многихъ, побужденные къ тому разными просьбами, онъ одинъ настаивалъ на томъ, чтобы ни для кого изъ попавшихъ въ списки не было сдѣлано исключенія.

Конечно, не всѣ факты, приводимые историками о жестокостяхъ Октавіана-триумвира слѣдуетъ считать достоверными, потому что ни въ чемъ не могла обнаружиться съ такой злобой личная и политическая вражда, какъ въ клеветахъ, относившихся къ этому событію. Нѣкоторые изъ этихъ фактовъ притомъ сообщаются съ очевидно-несообразными подробностями, напримѣръ, рассказъ о преторѣ Кв. Галліѣ: этотъ преторъ явился на аудіенцію къ триумвиру, держа подъ тогой дѣлтихъ (складную записную книжку); Октавіанъ заподозрилъ, будто бы, что онъ скрываетъ за пазухой кинжалъ, но не рѣшился тутъ же велѣть его обыскать, изъ опасенія, чтобы не нашли чего-нибудь вполнѣ невиннаго; послѣ же аудіенціи, привазалъ солдатамъ схватить его, подвергъ его пыткѣ, подобно рабу, и хотя тотъ ни въ чемъ не признался, велѣлъ его убить, причемъ, будто бы, собственными руками вырвалъ у него глаза; самъ же Августъ сообщилъ въ своихъ мемуарахъ, что Галліѣ, испросивъ у него аудіенцію, замышлялъ противъ его жизни и былъ посаженъ имъ въ заключеніе, а потомъ изгнанъ изъ города; въ изгнаніи онъ погибъ отъ кораблекрушенія или же отъ руки разбойниковъ. Конечно, трудно рѣшить, какой рассказъ ближе къ истинѣ, но такъ какъ Светоній сообщаетъ еще другой подобный фактъ, то мы можемъ придти къ заключенію, что Октавіанъ въ молодости, подъ вліяніемъ вспыльчивости и подозрительности, развивающейся во время террора, вѣроятно, не разъ самъ поступалъ жестоко, не говоря уже о допущенныхъ имъ ужасахъ. Жестокость его особенно проявляется въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ, которыя ему приписываются. Когда, по взятіи Перузіи, надъ защищавшимися тамъ сообщниками Луція Антонія разразилась страшная кара, Октавіанъ отвѣчалъ всѣмъ, просившимъ у него пощады или оправдывавшимъ свое поведеніе, только одно: «*moriendum est*» (должно умереть). А послѣ пораженія Брута и Кассія, онъ глумился надъ многими

изъ знатныхъ плѣнныхъ, просившихъ милости: одному отцу онъ предложилъ вступить въ единоборство съ сыномъ или бросить жребій—кому изъ нихъ умереть; а другому римлянину, просившему у него погребенія послѣ смерти, онъ, «какъ говорятъ» (это слова Светонія), отвѣтилъ: «объ этомъ позаботятся птицы».

Но рядомъ съ этимъ, мы встрѣчаемъ черты совершенно другого характера. Тотъ же Октавіанъ нѣкоторыхъ помиловалъ, напримѣръ, Марка Савра, брата, по-матери, Секста Помпея; другіе потомъ получили прощеніе, напримѣръ, Соссій, хотя онъ нѣсколько разъ поднималъ противъ Августа оружіе. Одного вольноотпущенника онъ наградилъ саномъ всадника, за то, что тотъ скрывалъ у себя во время проскрипціи своего патрона, хотя это наказывалось смертной казнью. Когда Антонію была объявлена война и вся Италия присягнула Октавіану, онъ не только отпустилъ въ лагерь Антонія его родственниковъ и друзей, но дозволилъ жителямъ Болоньи, которые были кліентами его врага, не принимать участія въ присягѣ. Особенно характеристиченъ его образъ дѣйствія по отношенію къ дѣтямъ Антонія и Клеопатры. Старшаго сына Антонія отъ Фульвіи и сына Клеопатры, Цезаріона, котораго она приписывала Цезарю, Августъ предалъ смерти, остальныхъ же дѣтей онъ не только пощадилъ, но воспитывалъ, какъ родственниковъ, и покровительствовалъ имъ. Изъ Светонія, который сообщаетъ этотъ фактъ, мы бы не поняли причины такого различія; но мы узнаемъ изъ Діона Кассія, что Антоній и Клеопатра передъ войной объявили своихъ старшихъ сыновей совершеннолѣтними и какъ-бы провозгласили ихъ правителями, на случай своего отсутствія или смерти. Октавіанъ, какъ видно изъ этого, не питалъ вражды къ дѣтямъ Антонія и Клеопатры и не былъ жестокъ къ нимъ, но старшихъ казнилъ по политическому расчету, и, можно прибавить, какъ формалистъ.

Итакъ, жестокость Августа никогда не была сама-по-себѣ цѣлью, что собственно «есть признакъ жестокой натуры», а только средствомъ. Тамъ, гдѣ политическія обстоятельства не требовали жестокости, Августъ часто бывалъ великодушенъ. «Много существуетъ доказательствъ и очень поразительныхъ, — говоритъ Светоній, — въ пользу великодушія и милосердія Августа. Чтобы не перечислять, сколько политическихъ противниковъ и кого именно онъ не только помиловалъ и пощадилъ, но и допустилъ до высшихъ почестей въ государствѣ, я упомяну только о томъ, что онъ считъ достаточнымъ наказаніемъ для Юлія Новата денежную пеню, а для Кассія Падуанскаго легкое изгнаніе, за то, что первый, будучи юношей, написалъ и распустилъ въ народѣ отъ

имени Агриппы чрезвычайно оскорбительное письмо объ императорѣ, а второй публично заявилъ на многочисленномъ обѣдѣ, что у него есть и желаніе и достанетъ храбрости убить императора» (Suet., 51). Самый извѣстный примѣръ изъ тѣхъ, которыхъ не перечислилъ Светоній, это — дѣло Цинны, составлявшаго заговоръ противъ императора со многими другими лицами. Августъ не только помиловалъ всѣхъ заговорщиковъ, но Цинну, племянника триумвира Помпея, сдѣлалъ консуломъ. Характеристично письмо, которое онъ написалъ Тиберію по поводу Эліана, обвиненнаго между прочими преступленіями и въ злословіи противъ императора: «Не уступай увлеченію твоего возраста и не негодуй слишкомъ на то, что есть люди, которые обо мнѣ злословятъ; достаточно и того, если никто изъ нихъ не въ состояніи причинить намъ зла». Августъ былъ не только великодушнѣе относительно отдѣльныхъ лицъ, но нѣкоторыя изъ его распоряженій проникнуты гуманностью; въ нихъ впервые выразилось цивилизующее вліяніе императорской власти по отношенію къ древнимъ нравамъ. Такъ, напр., Августъ запретилъ давать гладиаторскія игры — *sine missione* — «безъ пощады», т.-е. съ условіемъ, чтобы побѣдитель непременно добилъ своего противника.

Нужно замѣтить, что всѣ извѣстія о жестокости Августа относятся ко времени его молодости и триумvirатства; нѣтъ ни одного изъ позднѣйшей эпохи его жизни, когда, напротивъ, прославляется его великодушіе. Діонъ Кассій даже прямо говоритъ, что Августъ съ годами становился мягче. Такая перемѣна въ обращеніи императора достаточно объясняется тѣмъ, что мы сказали объ его самообладаніи, вслѣдствіе котораго наклонности его темперамента обнаруживались или сдерживались сообразно съ его политической программой. Но къ этому присоединяется еще другое. Историки, которые, подобно Амперу, видятъ какое-то нравственное противорѣчіе между жестокимъ триумvirомъ и великодушнымъ императоромъ и объясняютъ его тѣмъ, что Октавіанъ надѣлъ маску на Августа, забываютъ, что историческіе дѣятели не представляютъ въ своей внутренней жизни какую-то бронзовую статую, черты которой съ-разу отлиты, и навсегда остаются одинаковыми. Нѣтъ, они развиваются и измѣняются, подобно другимъ людямъ, и еще сильнѣе, одни къ лучшему, другіе къ худшему. Одни растутъ съ своимъ положеніемъ, другіе мельчаютъ, по мѣрѣ того, какъ поднимаются на высоту. Августъ умѣлъ расти съ своимъ возвышеніемъ; и, конечно, это не мѣньшая изъ его заслугъ, что онъ послѣ долгаго единовластія, въ такой порѣ, когда многіе государи, поставленные въ несравненно болѣе нор-

мальныя отношенія, становились подозрительными и произвольными, суждѣль окончательно побороть грубые инстинкты своего темперамента, развившіеся среди гражданскихъ смуть, и стать образцомъ царственнаго великодушія.

VI.

Изъ всѣхъ человѣческихъ страстей, которымъ особенно были подвержены римляне, корыстолюбіе имѣло наименьшую власть надъ Августомъ. По своимъ вѣусамъ онъ не былъ расточителемъ, по своему темпераменту онъ не былъ склоненъ къ щедрости; онъ былъ, какъ старые римляне и какъ ихъ потомки-итальянцы, хорошимъ хозяиномъ. Но деньги и даже драгоценныя вещи не были для него приманкой. По взятіи Александріи, онъ изъ несмѣтныхъ сокровищъ египетскихъ царей взялъ себѣ только одну муриновую (родъ хрустала) вазу и велѣлъ расплавить даже тѣ золотыя сосуды, которые предназначались для ежедневнаго употребленія. Деньги были для него только средствомъ, которымъ онъ свободно пользовался для политическихъ и государственныхъ цѣлей. Онъ не копилъ ихъ и оставилъ по смерти небольшую сравнительно сумму; но онъ и не употреблялъ ихъ только на привлеченіе къ себѣ и къ своей династіи римскаго населенія, а тратилъ ихъ на полезныя для государства предпріятія, какъ, напр., дороги, каналы, гавани, военное устройство, колоніи и т. п., и въ то же время расходовалъ громадныя суммы на художественныя и эстетическія потребности, такъ что могъ съ гордостью сказать, что получилъ при вступленіи въ управленіе *кирничный* Римъ, а оставилъ потомкамъ *мраморный*. Если въ такихъ дѣйствіяхъ обнаруживается умное отношеніе къ деньгамъ, то въ другихъ высказывается отношеніе благородное, рѣдкое въ его эпоху. У римлянъ развилась мода оставлять по завѣщанію большія суммы множеству различныхъ лицъ, друзьямъ и даже не близкимъ людямъ, въ ущербъ естественнымъ наслѣдникамъ и даже роднымъ дѣтямъ. Когда возникла монархія, установился обычай назначать известную сумму императору въ знакъ уваженія къ нему. Но Августъ никогда не принималъ наслѣдствъ, назначенныхъ въ его пользу отцомъ или матерью, а уступалъ ихъ тотчасъ дѣтямъ, если они были совершеннолѣтны; въ противномъ же случаѣ выдавалъ капиталъ съ процентами сыновьямъ въ день ихъ совершеннолѣтія, а дочерямъ въ день свадьбы.

Равнодушіе Августа къ деньгамъ, его умѣнье употреблять

ихъ какъ орудіе для своихъ соображеній — особенно характерично обнаруживается въ способѣ его игры. Августъ, какъ всѣ почти римляне его эпохи, былъ страстный охотникъ до игры въ кости. Светоній сохранилъ намъ нѣсколько интересныхъ писемъ Августа къ дочери и Тиберію, проникнутыхъ добродушіемъ веселаго старичка и словоохотливостью игрока, сообщающаго ходъ и условія вчерашней игры. Августъ обыкновенно раздавалъ своимъ дѣтямъ и гостямъ извѣстныя суммы (напр. 250 денаріевъ — 50 р.) для игры въ кости или въ четъ и нечетъ во время обѣда (саепа). Въ одномъ письмѣ Августъ пишетъ: «Пятидневное празднество Минервы мы, любезный Тиберій, очень весело провели, ибо каждый день играли и не давали костямъ остывать. Твой братъ (т.-е. младшій Агриппа) при этомъ ужасно горячился; въ концѣ же концовъ онъ не много потерялъ, и противъ ожиданія понемногу высвободился изъ большихъ проигрышей. Я проигралъ 20,000 сестерцій (1,000 р.) за свой счетъ, но только потому, что былъ чрезвычайно великодушенъ въ игрѣ, по своему обыкновенію. А если бы я вытребовалъ все тѣ, чего я не взялъ, или сохранилъ то, что я роздалъ на игру, я выигралъ бы околѣ 50,000. Но такъ лучше; ибо моя благосклонность заставить превозносить меня до небесъ».

Изъ всѣхъ наклонностей своего темперамента Августъ менѣе всего умѣлъ или считалъ нужнымъ обуздывать чувственное влеченіе; но это — та сторона индивидуальной жизни, о которой потомству наименѣе приходится судить; ибо нѣтъ предмета, относительно котораго такъ разыгрывалась во всѣ времена фантазія общества и его страсть въ скандалу, и нѣтъ вопроса, гдѣ бы историкъ было труднѣе отличить правду отъ клеветы. Августа не пощадили въ этомъ отношеніи; онъ, впрочемъ, и не имѣлъ большого права на пощадку. Справедливость, однако, требуетъ обратить вниманіе на то, что Светоній, который ко всему одинаково прислушивается, безусловно хвалитъ императора за то, что онъ былъ свободенъ отъ самаго дурного порока, развѣдшаго античное общество и однако же воспѣваемаго прелестными звуками классической лиры.

Намъ остается пополнить нашу характеристику Августа описаніемъ его образа жизни, привычекъ и вкусовъ. Относящіяся сюда черты у рѣдкаго историческаго лица такъ характеристичны, такъ обрисовываютъ индивидуальность и въ такой очевидной связи съ политической дѣятельностью, какъ у Августа, и потому они имѣютъ для насъ особенное значеніе.

Энергія и сила воли, которыя составляютъ главную черту

духовной индивидуальности Августа, особенно ярко проявляются также в его физической жизни. Онъ былъ слабого сложения и здоровья, и цѣлую жизнь боролся съ недугами. Сонъ у него былъ некрѣпкій и неправильный, и потому не подкрѣплялъ его. Подъ утро сонъ его былъ тяжелъ, и если ему не удавалось доспать, ему было не по-себѣ; поэтому, если ему приходилось присутствовать рано поутру на какой-нибудь религіозной или политической церемоніи, то онъ проводилъ ночь по близости въ домѣ какого-нибудь знакомаго; но и въ такихъ случаяхъ онъ засыпалъ, пока его несли по улицамъ, или когда ставили на землю носилки. Такою слабостью онъ страдалъ еще въ юные годы, и передъ битвой съ Помпеемъ у Милъ онъ вдругъ заснулъ такъ крѣпко, что его пришлось разбудить для подачи сигнала. Это подало поводъ Антонію обвинить его въ томъ, что онъ отъ трусости не былъ въ состояніи взглянуть на войско и лежалъ съ бессмысленнымъ выраженіемъ обращенныхъ вверхъ глазъ до тѣхъ поръ, пока Агриппа не извѣстилъ его, что непріятельскій флотъ разбитъ. Августъ былъ очень умѣренъ въ пищѣ, но слабому желудку его были не по силамъ обычныя разстоянія между ѣдой, и императору часто приходилось на пути въ колесницѣ или въ носилкахъ успокоить свой аппетитъ кусочкомъ хлѣба съ фидами или съ нѣсколькими ягодами винограда. За то во время званаго обѣда онъ иногда ничего не ѣлъ. Нерѣдко ему приходилось прибѣгать къ полной діетѣ: «Ни одинъ іудей, — пишетъ онъ однажды Тиберію, — не соблюдаетъ такъ тщательно поста въ шабашъ, какъ я сегодня; ибо только въ 7 часовъ вечера я съѣлъ два кусочка въ банѣ, приступая къ натранію». Августъ перенесъ въ своей жизни нѣсколько тяжелыхъ и опасныхъ болѣзней; но, кромѣ того, онъ страдалъ разными хроническими недугами и болѣзнями, періодически возвращавшимися, которые подробно перечислены Светоніемъ. Но жизнь этого слабого тѣла поддерживалась силою духа. Августъ былъ чрезвычайно дѣятеленъ; до глубокой старости онъ былъ самъ своимъ министромъ и входилъ въ самыя мелкія стороны своего управленія; послѣ обѣда онъ удалялся на свой рабочій диванъ (*lecticula lucubratoria*) и оставался тамъ до глубокой ночи, пока не рѣшалъ всѣхъ неоконченныхъ еще дѣлъ или, по крайней мѣрѣ, большую ихъ часть. Если онъ намѣревался заняться чѣмъ-нибудь секретнымъ или безъ перерывовъ, то удалялся въ особое помѣщеніе наверху, которое онъ называлъ своей мастерской или своими «Сиракузами», въ воспоминаніе, вѣроятно, объ Архимедѣ, который въ своемъ кабинетѣ не слыхалъ, какъ городъ былъ взятъ приступомъ. Ав-

густъ такъ дорожилъ временемъ, что заставлялъ нѣсколькихъ слугъ заразъ стричь или брить себя, и въ то время всегда что-нибудь читалъ или даже писалъ.

Но энергія его въ борьбѣ съ такимъ слабымъ тѣломъ особенно обнаружилась въ томъ, что онъ значительную часть жизни провелъ въ походахъ и разбѣздахъ. Изъ первыхъ 18-ти лѣтъ своего правленія онъ около 11 лѣтъ посвятилъ посѣщенію и организаціи различныхъ провинцій. Когда же онъ оставался въ Италіи, то зиму всегда проводилъ въ Римѣ, хотя убѣдился на опытъ, что пребываніе это вредно для его здоровья. Можно сказать, что бодрость духа помогла ему дожить до глубокой старости, и, что еще важнѣе, сохранить почти до 76 лѣтъ неизмѣнными ясность ума, твердость воли и сдержанность темперамента. Эти же свойства его природы доставили ему то, чего онъ особенно желалъ — легкую смерть. До конца онъ владелъ собой и такъ ясно сознавалъ себя и свою жизнь, что могъ относиться къ себѣ, какъ къ постороннему лицу. Во время послѣдней болѣзни, за нѣсколько дней до смерти, онъ сочинилъ греческій стихъ на зрѣлище, представлявшееся ему изъ окна, и спросилъ ученаго грека Тразилла, изъ какого поэта этотъ стихъ. Тотъ призадумался; тогда онъ сложилъ другой и предложилъ тотъ же вопросъ; а когда Тразиль отвѣтилъ, чьи бы стихи ни были, но они хороши, Августъ громко разсмѣялся и пустился въ безконечныя шутки.

А въ послѣдній день жизни онъ спросилъ, началась ли уже въ народѣ тревога по поводу его состоянія, велѣлъ подать себѣ зеркало и причесать волосы, а затѣмъ обратился къ приближеннымъ съ словами: «полагаютъ ли они, что онъ хорошо сыгралъ роль жизни», прибавивъ въ этому тѣ два стиха, которыми актеры на греческомъ театрѣ заканчивали пьесу:

... а если

Удачна шутка, то рукоплещите,
И весело ведите насъ со сцены.

Для него дѣйствительно жизнь была ролью; ему не пришлось, какъ непосредственнымъ натурамъ, жить по влеченію своего темперамента или идти, какъ большая часть людей, по протоптанной другими колеѣ, не оглядываясь по сторонамъ. Онъ жилъ и дѣйствовалъ всегда сознательно и обдуманно. Подобно хорошему актеру, онъ изучалъ свою роль, принаравливался къ ней, онъ создалъ ее сообразно съ требованіями обстановки. Юношей онъ росъ въ убѣжденіи, что ему, какъ наслѣднику Цезаря, предназначено быть правителемъ своего отечества и властителемъ обшир-

нѣйшаго государства; но когда, вслѣдствіе убійства его дяди, эта власть только послѣ долгой борьбы и трудныхъ препятствій, наконецъ, сосредоточилась въ его рукахъ, онъ имѣлъ за собой жизненный опытъ; онъ понималъ, что его власть нѣчто новое, противорѣчащее всему старинному строю, всѣмъ идеямъ и привычкамъ его согражданъ; исходя изъ этихъ реальныхъ данныхъ, онъ создалъ новый порядокъ вещей, тотъ искусственный строй, въ которомъ новое такъ прилаживалось къ старому, что само казалось чѣмъ-то старымъ, давно знакомымъ. Строй этотъ могъ упрочиться, могъ представлять гармоническое цѣлое подлѣ условіемъ, чтобы тотъ, кто создалъ его, держался тѣхъ принциповъ, которые были имъ положены въ его основаніе. И Августъ составилъ для себя зрѣло обдуманннй планъ дѣйствія и не отступалъ отъ него въ теченіи 43 лѣтъ, несмотря ни на какія препятствія или искушенія. А когда наступило время разстаться съ этимъ созданнымъ имъ строемъ, Августу была дана возможность спокойно окинуть взоромъ свое долгое прошедшее. Онъ остался доволенъ, ибо ему удалось, что такъ рѣдко случается, исполнить свою задачу, осуществить тотъ жизненный идеалъ, который онъ себѣ поставилъ, и онъ пригласилъ своихъ друзей принять участіе въ его удовольствіи и признать, что задача была хорошо исполнена. Въ этомъ собственномъ сознаніи и признаніи со стороны другихъ онъ искалъ и находилъ утѣшеніе въ томъ, что ему приходилось, наконецъ, оторваться отъ созданнаго имъ строя, который жилъ его духомъ. Другого рода утѣшенія въ эту торжественную минуту у Августа не могло быть. Онъ, конечно, не былъ въ состояніи усладить разлуку съ жизнью и отгонять страхъ смерти мыслью, что черезъ минуту ему придется занять мѣсто между Поллуксомъ и Геркулесомъ, принимая буквально слова вдохновеннаго поэта:

Quos inter Augustus recumbens
Purpureo bibit ore nectar ¹⁾.

А что Августъ высказалъ свое внутреннее чувство сравненіемъ, заимствованнымъ изъ театральной сферы, совершенно естественно. Люди античнаго міра несравненно болѣе, чѣмъ мы, наслаждались, можно сказать, жили театромъ; а римляне эпохи Августа до такой степени были пропитаны греческою литературой, что у нихъ были постоянно на языкѣ греческіе стихи и изреченія. Сколько разъ въ жизни приходилось Августу слышать вопросъ, обращенный къ зрителямъ: понравилось ли вамъ исполненіе?—

¹⁾ Августъ межъ ними возлжетъ со временемъ,
Нектаръ вкушая устами пурпурными. Гор., III, 3.

и не разъ при этомъ въ немъ могла возникнуть мысль, что изъ всѣхъ современниковъ на него возложена самая великая и самая трудная роль.

Всѣ почти разсмотрѣнные нами личныя свойства Августа находятся въ такой прямой, непосредственной связи съ его общественной дѣятельностью, что должны были находиться подъ вліяніемъ его политическаго положенія и его программы; но есть въ немъ, кромѣ того, другая сторона, съ помощію которой еще удобнѣе проникнуть въ характеръ его индивидуальности, которая знакомитъ насъ съ нимъ не какъ съ человѣкомъ вообще, а какъ съ человѣкомъ съ извѣстнымъ историческимъ колоритомъ—это его вкусы, его забавы, наконецъ, свойство и степень его образованія.

По своимъ вкусамъ Августъ представляетъ собой одного изъ римлянъ стараго, добраго времени, которые чуждались роскоши не потому, что ея не знали, но потому, что не находили въ ней удовольствія и что простота обстановки гармонировала съ ихъ внутреннимъ міромъ. Что Августъ не построилъ себѣ дворца въ стилѣ восточныхъ монарховъ и остался въ «скромномъ домѣ» оратора Гортензія, можно объяснить тѣмъ, что онъ по своей политической программѣ хотѣлъ представлять перваго гражданина римской республики, а не монарха; но изъ такого намѣренія не вытекала необходимость жить среди болѣе скромной внутренней обстановки, чѣмъ современная знать и даже чѣмъ зажиточные всадники. Въ домѣ императора были только небольшіе портики съ колоннами изъ альбанскаго камня и не было ни одной комнаты, украшенной мраморомъ или мозаичнымъ поломъ. Еще болѣе характеристично то, что императоръ провелъ болѣе сорока лѣтъ зимою и лѣтомъ въ одной и той же комнатѣ, тогда какъ въ домахъ самыхъ обыкновенныхъ, даже въ провинціальныя городахъ, были особенные покои для знойнаго лѣта и для зимы. Августъ часто посѣщалъ окрестности Рима, сосѣдніе города, напримѣръ, Пренесте, Тибуръ, гдѣ онъ не рѣдко творилъ судъ съ трибунала въ портикѣ Геркулеса, и острова Кампаніи. Но и вдали отъ города онъ не любилъ обширныхъ и дорогихъ помѣщеній. Виллу своей внучки Юліи, роскошно ею выстроенную, онъ велѣлъ сломать до основанія, а собственныя виллы, которыя были не обширны, онъ украшалъ, по выраженію Светонія, не столько статуями и картинами, сколько аллеями и рощами, а также замѣчательными древностями и рѣдкостями.

Незабѣйливость его мебели и посуды еще позднимъ потомкамъ служили предметомъ удивленія и Светоній говорить о нихъ,

что большая часть ихъ не соотвѣтствовала комфорту даже частнаго человѣка.

Въ эпоху Августа мода требовала рѣзныхъ, украшенныхъ слоновой костью и металлами высокихъ кроватей, на которыя можно было взойти только съ помощью скамейки — Августъ всегда спалъ на низкой кровати, устланной чрезвычайно скромно. Одѣвался онъ рѣдко иначе какъ въ простую одежду, сотканную членами его семьи. Тога на немъ, какъ напелъ нужнымъ сообщить намъ его биографъ, была ни тѣсна, ни обширна; пурпуровая сенаторская кайма на ней была ни узка, ни широка, подошвы сандалій были толще обыкновеннаго для того, чтобы онъ казался нѣсколько выше.

Августъ любилъ общество и очень часто приглашалъ на обѣдъ гостей, но былъ очень разборчивъ относительно общественнаго положенія и личнаго достоинства приглашаемыхъ. Валерій Мессала сообщаетъ, что онъ приглашалъ къ столу только одного вольноотпущеннаго, и то даровавши ему званіе свободно-рожденнаго — это былъ, какъ мы упоминали, Менось, адмиралъ Помпея, перешедшій на его сторону. А самъ Августъ напелъ нужнымъ упомянуть въ своихъ мемуарахъ, что онъ пригласилъ къ столу одного бывшаго при немъ вѣстового, въ видѣ котораго онъ остановился. Обѣды, на которые приглашалъ императоръ, не были роскошны; они состояли обыкновенно изъ трехъ блюдъ, а когда были очень парадны, то изъ шести. За то они отличались большою непринужденностью и привлекали радушіемъ хозяина. Императоръ не рѣдко опаздывалъ на обѣдъ или уходилъ до окончанія его; въ такихъ случаяхъ гости начинали обѣдать, не ожидая его, или оставались за столомъ послѣ его ухода. Когда же онъ присутствовалъ, то привлекалъ въ общей бесѣдѣ молчавшихъ или говорившихъ вполголоса между собою, или же, по обычаю того времени, развлекалъ гостей приглашенными чтецами, пѣвцами и актерами.

Самъ онъ ѣлъ очень мало и предпочиталъ ту пищу, которую питался простой римскій народъ. Любимыми яствами его были — хлѣбъ второго сорта, мелкая рыба, сыръ домашняго приготовленія и недозрѣлыя фиги (т.-е. не слишкомъ сладкія). Относительно вина онъ былъ также умѣренъ: онъ рѣдко пилъ въ промежутокъ между завтракомъ и обѣдомъ; когда же его томилъ жажда, онъ утолялъ ее кусочкомъ хлѣба, опущеннымъ въ холодную воду, кускомъ огурца, стеблемъ салата или жѣсткимъ яблокомъ кислватаго вкуса. За обѣдомъ же, когда онъ желалъ, какъ говорить его биографъ, себя побаловать, онъ выпивалъ не

болѣе одной бутылки вина. Притомъ въ ту эпоху, когда римляне такъ цѣнили и прославляли тонкія и иностранныя вина, императоръ предпочиталъ всѣмъ другимъ ретійское вино, со склоновъ горъ въ долину Эчь.

Что касается до развлеченій и забавъ Августа, то они отличались національнымъ характеромъ и прародительской грубоватостью. Какъ всѣ люди, по своему воспитанію или нраву близко стоящіе къ народной старинѣ, Августъ чрезвычайно любилъ праздновать и праздновать отъ души и по всѣмъ правиламъ всѣ торжественные дни, которыхъ было такъ много въ римскомъ календарѣ. Его страсть пошутить и подразнить и его добродушіе въ веселомъ обществѣ особенно проявлялись во время національнаго праздника Сатурналій, римскихъ святокъ, когда даже современники Цинциннатовъ и Фабриціевъ забывали свою холодную чинность, давали нѣкоторую волю даже рабамъ и снисходительно смотрѣли, какъ они наряжались господами. Въ это время, по старому обычаю, всѣ близкія лица дѣлали другъ другу подарки. И Августъ въ эти дни, а иногда и въ другое время, любилъ щедрозать своею щедростью и раздавать приближеннымъ одежды, золотыя и серебряныя вещи, монеты разнаго чекана, даже старинныя монеты иностранныхъ царей; иногда же, чтобы подразнить разочарованныхъ гостей, надѣлялъ ихъ только различнымъ домашнимъ хламомъ — войлочными одѣялами, губками, деревянными ложками, щипцами для очага и т. п., съ разными темными и двусмысленными надписями. Тѣ, которые знакомы со стишками Августа, сохраненными у Марціала, могутъ представить себѣ, какого рода остроуміе заключалось въ этихъ надписяхъ, а остальные читатели легко повѣрятъ, что соль этихъ остроумій была бы гораздо понятнѣе посѣтителямъ престонародныхъ тавернъ Рима, чѣмъ теперь намъ. Другого рода забава заключалась въ томъ, что онъ за столомъ между кушаньями продавалъ съ аукціона вещи самой различной цѣнности, напримѣръ картины, поставленныя обратной стороной къ зрителямъ, такъ что покупавшимъ приходилось то радоваться выигрышу, то разочаровываться. Гости при этомъ торговались партіями; каждая триглинія, т.-е. столъ для трехъ лицъ, составляла отдѣльную партію, члены которой дѣлили между собой барышъ и убытокъ. вмѣсто актеровъ, которыхъ онъ, какъ мы говорили, приглашалъ для развлечения гостей, призывались иногда простые клоуны изъ цирка, а всего чаще такъ-называемые аретологи, т.-е. уличные ораторы, которые съ извѣстнымъ запасомъ правилъ и изреченій, заимствованныхъ у стоическихъ философовъ, громили на площадяхъ людскіе пороки

и напыщенно восхваляли презрѣніе къ мірскимъ благамъ, при чемъ имъ вѣроятно нерѣдко доставалось отъ толпы, какъ проповѣднику Лукіана, когда кто-нибудь уличалъ ихъ въ непослѣдовательности.

Отъ воинственныхъ упражненій на конѣ и съ оружіемъ Августъ долженъ былъ отказаться, по состоянію своего здоровья послѣ междоусобныхъ войнъ, и ограничиться игрой въ мячъ; но потому онъ и отъ этого отказался, его моціонъ состоялъ только въ прогулкѣ или верховой ѣздѣ. Для умственного же отдохновенія (*animi laxandi causa*) онъ то удилъ рыбу, то игралъ въ кости или въ орѣхи съ маленькими мальчиками, которые нравились ему красивой наружностью и болтливостью и каковыхъ онъ отовсюду собиралъ, особенно же изъ Мавританіи и Сиріи. Къ карликамъ же и всякаго рода уродамъ, которые составляли и въ его время, какъ и въ другія эпохи, развлеченіе знатныхъ людей, онъ питалъ отвращеніе, вида въ нихъ насмѣшную природу и дурное предзнаменованіе. Какъ и всѣ римляне, Августъ очень любилъ театръ и всякаго рода зрѣлища. Актерамъ и гимнастамъ онъ часто дѣлалъ щедрые подарки, не только когда самъ устраивалъ представленія и игры, но и когда участвовалъ зрителемъ на представленіяхъ, устроенныхъ на счетъ другихъ. Августъ никогда не пропускалъ случая, чтобы не наградить сообразно съ достоинствомъ каждаго изъ участниковъ въ греческихъ играхъ и очень хорошо зналъ цѣну классической греческой драмѣ, но особенный онъ былъ охотникъ смотрѣть на кулачный бой, преимущественно латинскій; онъ такъ любилъ это зрѣлище, что не только заставлялъ римскихъ борцовъ состязаться съ греческими, но ему доставляло удовольствіе смотрѣть на простыхъ бойцовъ изъ городской черни, которые дрались въ узкихъ улицахъ, какъ попало, безъ всякаго искусства. Прибавимъ къ этому еще одну характеристическую подробность, которая указываетъ на *реалистическій* складъ ума Августа и связываетъ его на этотъ разъ не съ римскимъ прошедшимъ, а съ новыми для римскаго міра интересами и стремленіями. Античная цивилизація имѣла главнымъ образомъ литературный и эстетическій характеръ, а потому и древній дилеттантизмъ отличается подобнымъ направленіемъ; Августъ же не столько любилъ картины и статуи классическихъ мастеровъ, сколько предметы древности, а между послѣдними—древности природы: на своемъ любимомъ островѣ, Капрей, онъ составилъ собраніе исполинскихъ костей морскихъ и наземныхъ животныхъ, которыхъ тогда называли костями гигантовъ и ору-

діями богатырей, т.-е. такъ-сказать—первый палеонтологическій музей.

Перейдемъ теперь къ вопросу о степени образованія Августа, вопросу, имѣющему особую важность по отношенію къ основателю новаго политическаго строя и верховному правителю всего цивилизованнаго міра. Для судьбы этого міра и интересовъ цивилизации было, конечно, очень важно, что Августъ былъ не только образованнымъ человѣкомъ, но и любилъ образованіе. Онъ съ малолѣтства занимался очень охотно и съ большимъ прилежаніемъ ораторскимъ искусствомъ и другими предметами, входившими въ составъ тогдашняго образованія. Политическія дѣла заставили его раньше разстаться съ правильными занятіями, чѣмъ бы слѣдовало; но и въ лагерѣ подъ Мутиной, несмотря на множество дѣлъ, онъ каждый день читалъ, сочинялъ и упражнялся въ произнесеніи рѣчей.

Въ эпоху Августа римскій народъ переживалъ тотъ періодъ, когда все почти высшее общество съ жадностью предается литературному интересу. Такія эпохи бывають отмѣчены характеромъ дилеттантства, изъ среди котораго выходятъ иногда и великіе таланты; но всеобщій интересъ къ литературѣ и мода въ эти эпохи такъ сильны, что почти каждый становится сочинителемъ и поэтомъ, и участіе въ литературномъ творчествѣ становится какъ-бы непременнымъ условіемъ для того, чтобы быть признаннымъ вполне образованнымъ человѣкомъ. Но никогда, можетъ быть, литературный дилеттантизмъ не охватывалъ такъ широко все высшее общество, какъ въ вѣкъ Августа; всѣ почти замѣчательные дѣятели того времени предавались также до извѣстной степени литературѣ. Между ними былъ и самъ императоръ; онъ пробовалъ свои силы въ разныхъ родахъ литературы и даже читалъ, какъ это стало входить тогда въ обычай, свои сочиненія въ кругу приближенныхъ; онъ написалъ свои мемуары въ 13-ти книгахъ, но довелъ ихъ только до войны въ Кантабріи; написалъ политическое сочиненіе — «Возраженія на сочиненіе Брута о Катонѣ»; философское сочиненіе—«Возбужденіе къ философіи»; онъ не пренебрегалъ и повѣіей: кромѣ множества легкихъ стиховъ и эпиграммъ, онъ написалъ въ гекзаметрахъ поэму описательнаго характера о Сициліи. и наконецъ принялся съ большимъ одушевленіемъ за классическую драму—«Аяксъ»; но, недовольный ею, уничтожилъ написанное. На вопросъ, чѣмъ подѣльваетъ Аяксъ, онъ отвѣтилъ каламбуромъ, намекая на судьбу настоящаго Аякса—*in spongeam incubuit*—погибъ отъ губки.

Замѣчателенъ во многихъ отношеніяхъ характеръ слога Ав-

густова, который въ эпохи литературнаго образованія составляет предметъ не только большихъ заботъ, но толковъ и полемики. Августъ любилъ изящный и умѣренный, т.-е. чуждый всякихъ крайностей слогъ; онъ терпѣть не могъ напыщенности и будреватости, а также, какъ онъ выражался, запаха устарѣвшихъ словъ и оборотовъ, до которыхъ между римлянами со времени Катона было много охотниковъ. Главною заботой Августа относительно слога было «выразить какъ можно яснѣе свою мысль». Для того, чтобы облегчить читателю или слушателю пониманіе, нигдѣ не затруднить и не задержать его, онъ всегда повторялъ предлоги и союзы тамъ, гдѣ другіе ихъ обыкновенно опускали ради гладкости рѣчи, хотя бы отъ этого смыслъ нѣсколько затемнился. Августъ особенно нападалъ на своего Мецена, «раздушенныхъ мудряшки» котораго онъ постоянно осмѣивалъ и пародировалъ. Но и Тиберію онъ не спускалъ, когда тотъ, какъ иногда случалось, употреблялъ устарѣлыя и темныя выраженія. Антонія же онъ называлъ сумасшедшимъ, упрекая его въ томъ, что онъ, когда пишетъ, имѣетъ болѣе въ виду поразить читателей, чѣмъ быть ими понятымъ. Въ связи съ этимъ находится и способъ писанія и особенность орфографіи Августа. Онъ никогда не переносилъ словъ на другую сторону, а подписывалъ конецъ слова подъ строчкой, а въ орфографіи онъ держался вопреки грамматикамъ правила, что нужно писать такъ, какъ произносятся. Относительно образованія онъ былъ очень требователенъ къ членамъ высшей администраціи; передаютъ, что онъ отставилъ одного легата, т.-е. правителя императорской провинціи, когда замѣтилъ, что тотъ написалъ *ixi* вмѣсто *ixvi*—какъ человѣка невѣжественнаго и малограмотнаго.

Особенную же важность имѣетъ въ нашихъ глазахъ отношеніе Августа къ *греческой* образованности. Античная цивилизація въ смыслѣ образованія есть собственно греческая. Римляне были образованы настолько, насколько прониклись греческимъ образованіемъ. Но для римлянъ греческая цивилизація не имѣла такого отвлеченнаго значенія, какъ для насъ; греческій языкъ былъ языкомъ живого народа, съ извѣстнымъ міровоззрѣніемъ, извѣстными національными стремленіями; для римлянина, особенно для политическаго дѣятеля, не могло быть безразлично, насколько онъ своей духовною жизнью проникъ въ этотъ внутренній міръ другой національности, усвоилъ ли онъ себѣ греческій языкъ какъ родной, привыкъ ли онъ писать и думать по-гречески; чувствовалъ ли онъ себя одинаково дома въ области греческой литературы и греческаго способа представленія, какъ въ націо-

нальной литературѣ; были ли для него греческій языкъ и вообще греческая цивилизація только средствомъ для образованія, или эта прекрасная цивилизація настолько овладѣла имъ самимъ, что вполне слилась съ его индивидуальностью и незамѣтно для него самого измѣнила его внутренній строй, его вкусъ, симпатію, направленіе его мыслей?

Въ этомъ-то отношеніи нельзя не обратить вниманія на свидѣтельство Светонія, что Августъ съ большимъ прилежаніемъ предавался изученію греческаго языка, и достигъ значительныхъ успѣховъ; языкъ и краснорѣчіе онъ изучалъ съ помощью Аполлодора Пергамскаго, котораго онъ взялъ съ собой въ Аполлонію уже будучи юношей, а потомъ онъ приобрѣлъ большую и разнообразную ученость посредствомъ сожительства съ философомъ Ареемъ и его сыновьями, Діонисомъ и Ниваноромъ; но тѣмъ не менѣе онъ не говорилъ достаточно свободно по-гречески и не рѣшался писать на этомъ языкѣ; а когда въ томъ представлялась надобность, онъ писалъ по-латыни и давалъ это перевести.

VI

Мы потому такъ подробно остановились на личности Августа, что и мы въ этой личности ищемъ ключа къ объясненію характера римской имперіи, не съ тѣмъ однако, чтобы въ какой-нибудь случайной личной чертѣ перваго императора видѣть причину исторической судьбы античнаго міра и даже всего чело-вѣчества, какъ это, напр., дѣлаетъ Дюрюк; но мы считаемъ возможнымъ посредствомъ изученія личности Августа познакомиться съ историческими силами, которыя слагали исторію Рима, такъ какъ въ личности основателя имперіи отражаются, какъ въ микровозмѣ, творческая способность римскаго народа, съ его идеалами и стремленіями, а также умственная и нравственная среда того общества и того вѣка, которымъ принадлежитъ Августъ.

Если сопоставить личный характеръ императора съ формами установленной имъ имперіи, то, конечно, между ними обнаруживается извѣстная связь; но эту связь объясняли не вѣрно: одни отъ политическихъ формъ имперіи дѣлали заключенія о характерѣ Августа; полагали, что такъ какъ въ имперіи республиканскій принципъ былъ замѣненъ монархическимъ, то, слѣдовательно, Августъ по натурѣ былъ тираномъ; но такъ какъ монархія въ имперіи была обставлена республиканскими формами, то, значить, Августъ по натурѣ былъ хитеръ; такимъ образомъ

былъ созданъ типъ хитраго тирана (*rusé tyran*), какъ опредѣляетъ Августа Монтескьё. Другіе поступали наоборотъ, и отдѣльными чертами личности Августа, его осторожностью, практическимъ расчетомъ и т. д. объясняли характеръ имперіи.

Связь между личностью крупнаго историческаго дѣятеля и результатомъ его дѣятельности—двойкая. Подобно тому, какъ индивидуальная жизнь человѣка складывается изъ двухъ элементовъ—бессознательнаго и сознательнаго, такъ эти же элементы обнаруживаются и въ его политической дѣятельности. Ясный, практическій умъ Августа, который всегда видѣлъ препятствія и хорошо понималъ людей, научилъ его, что римлянамъ его времени была антипатична монархія въ восточныхъ формахъ: расчетливость его натуры, не постигавшей, какъ можно было на достиженіе цѣли тратить больше, чѣмъ она стоила,—заставила его предпочесть реальную власть, безъ деспотической обстановки, рѣзкому проявленію непопулярной власти; осторожность его темперамента склоняла его къ тому, чтобы не вводить новаго политическаго элемента посредствомъ крутого переворота, а постепенно. Его нерасположенію къ внѣшнему блеску и наружнымъ признакамъ почта соответствовалъ болѣе гражданскій и магистратурный характеръ императорской власти. Организуя имперію такимъ образомъ, по внушеніямъ своего ума и темперамента, Августъ дѣйствовалъ сознательно и какъ-будто сообразуясь только съ своимъ личнымъ интересомъ; но въ его расположеніи къ магистратурному характеру власти нужно видѣть нѣчто болѣе, чѣмъ личную черту; мы здѣсь приблизились къ области бессознательныхъ влеченій и инстинктовъ, и можемъ утверждать, что Августъ дѣйствовалъ такъ не какъ случайная личность, но что въ немъ и черезъ него проявляется римскій народъ, какъ историческій дѣятель. Августъ дѣйствовалъ тутъ, какъ типическій представитель римскаго общества, проникнутаго извѣстными понятіями и національными свойствами.

Октавіанъ происходилъ изъ муниципальной аристократіи,—мы бы сказали изъ провинціального или средняго дворянства; англичане сказали бы—изъ *gentry*. Его родъ былъ изъ Велитръ, и только его отецъ занялъ *мѣсто среди римской аристократіи* ¹⁾.

¹⁾ Самъ Августъ утверждалъ, что онъ происходилъ изъ рода всадниковъ, но рода древняго и богатаго, и что его отецъ былъ первымъ сенаторомъ въ ихъ родѣ; другіе же вводили его изъ древняго рода *римскихъ* Октавіевъ, которые *уже* Сервіемъ Тулліемъ были пожалованы въ патриціи, а потомъ опять перешли въ плебейство. И тутъ также высказывается трезвость, спокойное чувство достоинства и полное отсутствіе суетности въ претензіяхъ, которыми отличается первый императоръ.

Въ муниципіяхъ хранился старый римскій духъ съ его упругимъ консерватизмомъ, суевѣрной преданностью формамъ, съ его инстинктивнымъ уваженіемъ къ преданіямъ республики, наконецъ, съ его домовитостью, расчетливостью и проистекающей отсюда умѣренностью. Сто лѣтъ спустя,—въ лицѣ Веспасіана этотъ самый муниципальный духъ снова завладѣлъ римскимъ обществомъ, и Тацитъ засвидѣтельствовалъ, какое это имѣло вліяніе на отрешеніе римскаго общества, на уменьшеніе роскоши и возвращеніе къ ббльшей простотѣ нравовъ. Но эти сто лѣтъ прошли не даромъ; республика съ ея гражданскими формами была давно назади, и въ лицѣ Веспасіана старинный римскій духъ проявляется уже съ одностороннимъ солдатскимъ характеромъ. Притомъ, Веспасіанъ былъ изъ престопа роднаго слоя: его дѣдъ выслужился до центуріона и далъ возможность сыну вступить на второстепенную чиновничью карьеру. Октавіанъ же былъ изъ древней и богатой фамиліи, привышей играть первую роль въ своей муниципальной республикѣ, привышей къ гражданскимъ почестямъ, пріобрѣтшей опытность въ дѣлахъ и политическую мудрость, и впитавшей въ себя античный, республиканскій духъ.

Этотъ духъ создалъ античную общину, создалъ и укрѣпилъ римскую республику съ ея аристократическимъ характеромъ, съ ея сильной деспотической магистратурой, съ ея демократическими формами по отношенію къ простымъ гражданамъ (*civilitas*), съ ея муниципальной и національной исключительностью, съ ея презрѣніемъ къ рабамъ и вольноотпущеннымъ. Теперь этотъ же духъ былъ призванъ создать римскую монархію или преобразовать республику посредствомъ монархическаго принципа. Конечно, подъ вліяніемъ этого духа не могла быть введена восточная деспотія — и монархическая власть должна была принять характеръ магистратуры: эта власть не была въ состояніи свести разомъ старинную правительствующую аристократію, создавшую государство, на степень персидскихъ вельможъ, бьющихъ челомъ въ землю (*προσκυῖν*), и съ-разу уничтожить представленіе, что народное собраніе есть источникъ закона и власти. Духъ римскаго народа не могъ допустить, чтобы связь съ прошедшимъ была насильно порвана, по крайней мѣрѣ, относительно формъ: онъ требовалъ отъ новаго монарха въ республикѣ почтенія къ сенаторамъ, равенства въ обращеніи къ гражданамъ. Наконецъ, римскій народъ не могъ съ-разу отказаться отъ наслѣдства своихъ предковъ, отъ господства надъ другими народами, вупленного дорогомъ цѣною крови и славы, не могъ тотчасъ подъ игомъ общей власти слиться съ потомками ненавистныхъ пунійцевъ, съ болт-

ливыми и заискивающими греками, извѣженными сирійцами и грубыми варварами, только-что покоренными. Конечно, какъ при анализѣ отдѣльныхъ дѣйствій человѣка нельзя провести рѣзкой черты между сознательными и инстинктивными мотивами, такъ и дѣятельность Августа нельзя разбить на отдѣльныя, опредѣленныя области, указывать всякій разъ, — гдѣ онъ руководствовался своими личными наклонностями, а гдѣ поступалъ несогласно съ своими желаніями, уступая реальнымъ условіямъ, требованіямъ и предразсудкамъ современнаго общества, — гдѣ онъ дѣйствовалъ какъ случайное историческое лицо, съ извѣстными свойствами ума и темперамента, а гдѣ — какъ лицо типическое, какъ представитель своего народа въ его историческомъ развитіи.

Есть въ его дѣятельности стороны, гдѣ его планы ясны и гдѣ, въ то же время, удобно слѣдить, какъ онъ сообразовался, при проведеніи ихъ, съ обстоятельствами; на примѣръ, его отношенія къ вопросу о престолонаслѣдіи: сначала онъ не рѣшается высказаться за преемство власти и за наслѣдственность ея въ его домѣ, — не назначаетъ наслѣдника, а перстень передаетъ Агриппѣ; потомъ онъ смѣло и открыто проводитъ идею наслѣдственности въ нисходящей линіи, но обстоятельствами принужденъ отклониться отъ нея. Въ другихъ же сторонахъ его политики, видимо, преобладаетъ инстинктивный элементъ, — вліяніе *расы*, на примѣръ, въ преобладаніи національнаго надъ космополитическимъ принципомъ при организаціи государства. Тутъ Августъ дѣйствуетъ какъ римлянинъ, который сильно надѣленъ національнымъ духомъ, національными вкусами и, по своему образованію, не оторвался отъ національной почвы и не поднялся надъ національною исключительностью.

Въ этомъ признаніи расоваго элемента, въ обширномъ смыслѣ этого слова, въ личности и дѣятельности Августа заключается выходъ изъ тѣхъ противорѣчій, въ которыя впадали историки римской имперіи. Если мы оторвемъ Августа отъ его національной, исторической почвы, — мы превратимъ исторію въ хаосъ, гдѣ господствуетъ игра случая, т.-е. придемъ къ заключенію, что судьба римскаго народа и всего античнаго міра зависѣла оттого, что триумвиръ, въ руки котораго досталось единовластіе, былъ случайно человѣкъ такого-то ума и характера; — или же, если мы скажемъ, что все, что случилось при Августѣ, должно было такъ случиться, — мы впадемъ въ бессмысленный фатализмъ, который есть только пародія на историческій законъ, потому что онъ ничего не объясняетъ и ничему не поучаетъ. Наоборотъ, мы устранимъ случай, избѣгнемъ фатализма и обнаружимъ историческій

законъ, если намъ удастся показать, что въ организаціи имперіи главнымъ дѣятелемъ былъ тотъ же римскій народъ, который создалъ республику; что характеръ имперіи, при ея установленіи, былъ слѣдствіемъ предшествовавшей римской исторіи, съ ея формализмомъ, консервативностью въ прогрессѣ, и сословной и національной исключительностью; наконецъ, что въ самой личности Августа отразился въ извѣстной полнотѣ историческій типъ римскаго народа.

Въ послѣднемъ замѣчаніи будетъ въ то же время заключаться для самого Августа безпристрастный, оправдательный приговоръ исторіи, приговоръ, которымъ онъ остался бы доволенъ, потому что судъ принялъ бы во вниманіе то, чѣмъ онъ былъ, чего онъ хотѣлъ и чего онъ могъ желать въ своемъ положеніи, а не судилъ бы его съ точки зрѣнія иныхъ временъ и иной цивилизаціи.

VIII.

Но для Августа существуетъ еще другое, лучшее оправданіе, — оправданіе, вытекающее не изъ разсмотрѣнія предшествовавшей Августу исторіи, — а послѣдующей за нимъ исторической эпохи. Можно сказать, что организація имперіи, данная Августомъ, была не только самая естественная, но, въ общихъ чертахъ своихъ, и лучшая изъ возможныхъ въ то время формъ.

Чтобы вѣрно понять историческое значеніе дѣла Августа, полезно сравнить его съ Цезаремъ, хотя именно этимъ сравненіемъ злоупотребляли для униженія Августа.

Конечно, если сравнить *личности* Цезаря и его преемника, то всѣ преимущества, которыя могутъ вызвать почитаніе и симпатію, останутся на сторонѣ перваго. Въ умѣ и идеяхъ Цезаря болѣе широты, въ его душѣ болѣе страсти и увлеченія, его способности ярче, его пороки блестящѣе, потому что являются обратной стороной великихъ свойствъ.

Столкновеніе между старымъ республиканскимъ началомъ и новымъ монархическимъ, насколько оно отражалось въ душѣ Цезаря — грандіознѣе. До него республика была еще въ цѣлости; властолюбіе, за которымъ скрывалось историческое призваніе Цезаря, вступало въ трагическую борьбу съ закономъ и съ правомъ. Не даромъ Цезарь постоянно повторялъ стихъ Эврипида въ своемъ переводѣ:

Nam si violandum est jus, regnandi gratia
Violandum est; aliis rebus pietatem colas ¹⁾.

Въ его замыслахъ болѣе новизны и болѣе самоувѣренности; онъ не усомнился протянуть руку къ коронѣ и не поколебался занять при жизни мѣсто среди римскихъ боговъ; въ его образѣ дѣйствій болѣе смѣлости и риска—какая-то непредѣльная вѣра въ свою судьбу, увлекающая потомство, какъ она увлекала его сподвижниковъ. Его щедрость доходитъ до рѣшительности и этимъ скрываетъ лежавшій въ основаніи ея расчетъ. Въ преслѣдованіи враговъ у него менѣе холодной, спокойной вражды, а въ помилованіи ихъ—болѣе добродушія.

Натура Цезаря одареннѣе и способности разнообразнѣе—онъ гениальный полководецъ, замѣчательный ораторъ и писатель, мыслитель съ научнымъ интересомъ; въ его вкусахъ болѣе блеска; его болѣе глубокое образование придало его натурѣ еще болѣе широты и помогло ему подняться надъ исключительностью римскаго національнаго духа.

Но если сравнить дѣло Августа съ дѣломъ Цезаря, то преимущество не будетъ до такой степени на одной только сторонѣ.

Обыкновенно Цезаря восхваляютъ за то, что, подобно его личности, и его политика была смѣлѣе, величественнѣе и шире. Говорятъ, что въ его иностранной политикѣ было болѣе гениальности, въ устройствѣ государства—болѣе царственности, въ устройствѣ общества—болѣе демократизма, въ отношеніи къ провинціямъ—болѣе космополитизма. Границы Рима онъ расширилъ бы за Дунай, до нынѣшнихъ предѣловъ Россіи, и за Тигръ, до предѣловъ Индіи; монархическій принципъ онъ провелъ бы откровеннѣе и послѣдовательнѣе, и этимъ установилъ бы имперію прочнѣе; но въ то же время, призвавъ къ новой жизни демократическіе элементы въ муниципіяхъ и провинціальныхъ городахъ, онъ оставилъ бы имперію свободными учрежденіями; а уравнивъ въ политическихъ правахъ и въ гражданскомъ правѣ провинціаловъ съ римскими гражданами, онъ сплотилъ бы разнообразное населеніе имперіи въ величественное и живое цѣлое, и этимъ упрочилъ бы ея продолжительность и ея цивилизацію.

Но при такомъ сравненіи цѣлей и политики Цезаря и Августа слѣдуетъ имѣть въ виду: во-первыхъ, что многое приписывается Цезарю на основаніи только гаданій и свидѣтельствъ, не вполне достовѣрныхъ; затѣмъ, даже то, что достовѣрно из-

¹⁾ Если нарушать право, то нарушать его ради престола; во всемъ остальномъ соблюдать благочестіе.

вѣстно о политикѣ Цезаря, осталось лишь на степени проекта и при осуществленіи своемъ могло бы встрѣтить непреодолимые препятствія или принесло бы въ дѣйствительности совершенно не тѣ результаты, которыхъ можно было бы ожидать отъ самой идеи.

Что касается до внѣшней политики Цезаря, то мы не можемъ входить здѣсь въ критическій анализъ тѣхъ предположеній и свидѣтельствъ въ источникахъ, на которыхъ основана вышеупомянутая похвала; подробное разсмотрѣніе этого вопроса могло бы найти мѣсто только въ монографіи о Цезарѣ. По поводу предположенныхъ имъ новыхъ походовъ мы ограничимся указаніемъ на то, что покореніе Балканскаго полуострова потребовало бы у Цезаря больше жертвъ и больше времени и доставило бы ему меньше военной славы, а Риму меньше могущества, чѣмъ завоеваніе Галліи. А исходъ войны съ парянами, даже при стратегической гениальности Цезаря, трудно опредѣлить, и даже при полномъ успѣхѣ, римляне не были бы въ состояніи удержать за собой власть надъ пустыннымъ и безводнымъ Ираномъ.

Что касается до демократической имперіи, которая приписывается Цезарю, до этого государства, составленнаго изъ цѣлой массы свободныхъ, независимыхъ въ своемъ самоуправленіи городскихъ общинъ, съ монархомъ во главѣ, почитаемымъ за бога,—то такой политическій строй можетъ существовать только въ фантазіи историковъ, но не въ дѣйствительности. Кромѣ того, отношенія Цезаря къ римской демократіи не показываютъ большого уваженія къ ней или намѣренія стѣснить свою власть въ пользу какихъ бы то ни было коалицій. А если бы такая идея и представлялась Цезарю, то едва ли бы онъ былъ въ состояніи практически разрѣшить проблему, при разрѣшеніи которой потерпѣли неудачу различные политическіе дѣятели и конституціи французской революціи, желавшіе сочетать демократическую свободную общину съ всемогущей центральной властью. Далѣе, сенатъ, составленный не изъ одной римской аристократіи, а изъ грековъ, царедворцевъ династіи Птолемеевъ и изъ князьковъ варварскихъ племенъ, едва ли былъ бы въ состояніи *лучше* сдерживать и направлять монархическую власть, которую имѣлъ въ виду Цезарь, или обуздать такихъ его преемниковъ, какъ Калигула и Неронъ, чѣмъ сенаторы изъ патриціевъ и муниципальной знати.

Наконецъ, по поводу космополитизма Цезаря, можно сомнѣваться, удалось ли бы ему—если бы даже, опередивъ Каракаллу на два с лишкомъ вѣка, онъ и далъ провинціаламъ римское гражданство—устранить глубоко коренившійся дуализмъ между Запа-

домъ и Востокомъ, между римлянами и греками, дуализмъ, который потомъ привелъ къ раздѣленію имперіи на римскую и византійскую и къ раздѣленію христіанства на католическое и православное.

Уже изъ сказаннаго видно, насколько менѣе выгодно въ исторіи положеніе Августа сравнительно съ Цезаремъ. Личность Цезаря и его политика представляются цѣльными, потому что эта политика по большей части осталась въ области идеи; дѣятельность Августа представляется нерѣшительной, непослѣдовательной, потому что тутъ мы имѣемъ дѣло не съ идеями, а съ фактами. Идея или политическій принципъ всегда проигрываютъ при осуществленіи, потому что, воплощаясь въ фактахъ, они не сохраняютъ логической ясности и широты, но принимаютъ характеръ окружающей среды, вступаютъ въ сдѣлку, преломляются, какъ лучи, вступающіе изъ чистой области эфира въ болѣе матеріальные слои.

Но Августъ проигрываетъ сравнительно съ Цезаремъ не только потому, что ему пришлось реализовать монархическій принципъ, но что ему пришлось основывать монархію при совершенно иныхъ условіяхъ. Возьмемъ, на примѣръ, его положеніе относительно внѣшней и внутренней политики.

Четырнадцать лѣтъ проскрипцій и междоусобныхъ войнъ, отдѣляющихъ единовластіе Августа отъ Цезаря, подточили силы римскаго элемента въ государствѣ; римскимъ обществомъ, которое предалось стремленію обогащаться и наслаждаться нажитымъ, овладѣло отвращеніе отъ военныхъ занятій—при Августѣ одинъ римскій всадникъ отрѣзалъ своимъ сыновьямъ большой палецъ, для того, чтобы они не были въ состояніи служить въ арміи. Военственная и завоевательная политика римлянъ была возможна, пока они воевали съ богатыми культурными странами, которыя несли тяжесть войнъ и еще обогащали Римъ. Даже Галлію, завоеванную Цезаремъ, нужно причислить къ подобнымъ странамъ; Галлія и тогда была богата золотомъ. Цезарь былъ въ состояніи не только содержать въ Галліи свое многочисленное войско, но еще посылать въ Римъ громадныя суммы для приобрѣтенія себѣ приверженцевъ. При Августѣ же, по присоединеніи къ римскимъ владѣніямъ Египта, не было ни одной богатой страны, съ которою было бы выгодно для римлянъ воевать. Всѣ остальные войны велись только ради сохраненія того, что было прежде приобрѣтено; онѣ стоили дорого, истощали населеніе и денежныя средства имперіи, а въ случаѣ успѣха и расширенія границъ, доставляли ей такія области, которыя требовали большихъ расхо-

довъ на гарнизоны и на управленіе. Августу и въ отношеніи иностранной политики пришлось подводить фундаментъ подъ величественное зданіе, выстроенное Цезаремъ. Цезарь не только расширилъ римскіе предѣлы до Британскаго канала и Рейна, но Рейнъ покрылъ мостомъ, а каналъ переплывалъ съ своимъ флотомъ; между Галліею и Италіею однако жили въ то время враждебные горные народы, которые могли, пова легіоны покрывали себя славой въ Британіи и Месопотаміи, угрожать стѣнамъ Рима. Среди римскихъ владѣній тянулись на многія сотни миль, отъ Атлантическаго океана до Чернаго моря, дѣпи высокихъ горъ, населенныя независимыми воинственными племенами. Это горное пространство покорялъ или умиротворялъ Августъ въ продолженіи полулѣтѣ; ему пришлось въ одно время воевать въ ущельяхъ, гдѣ такъ долго держались варварскіе фанатизма. Это было для Рима такое же тяжкое, копотливое, но еще болѣе необходимое дѣло, какъ для Россіи замиреніе Кавказа, на которое потребовалось не одно поколѣніе.

Несмотря на затруднительность положенія и на трезвость политики Августа, она не была лишена величія. Бурная сила римскаго народа, которая влекла его слѣпо отъ одной войны къ другой, изъ одной покоренной страны въ другую, впервые была подчинена принципу, прониклась идеей, т.-е. идеализировалась. Эта идея—рах Романа: римскій мечъ долженъ былъ выходить изъ ноженъ только для того, чтобы поддержать римскій миръ, а римскій миръ былъ тождественъ съ цивилизаціей. Программа Августа заключалась въ томъ, чтобы опоясать государство естественными границами и твердымъ оплотомъ легіоновъ, внутри хранить миръ и воевать въ интересахъ этого мира съ пограничными варварами. Римскія войны во время имперіи, включая сюда и завоеваніе Галліи первымъ Цезаремъ, впервые перестаютъ разрушать цивилизацію, а становятся войнами, разносящими цивилизацію.

Въ иномъ положеніи находился Августъ и относительно внутренней политики. Римское общество успѣло высказаться относительно монархическихъ плановъ: убійство Цезаря было важнымъ знаменіемъ времени, но не менѣе важнымъ знаменіемъ была и смерть Катона. Августъ убѣдился, что республика была не только политической системой, которая требовала сдѣлки, но и вѣрованіемъ, которое требовало извѣстной терпимости и даже поклоненія. Генію монарха римскій миръ противопоставилъ идеалъ республиканскаго гражданина, который умираетъ потому, что не

хочет пережить республики. Культъ Катона вызвалъ цѣлую политическую литературу, которая такъ захватывала всеобщій интересъ, что самъ Августъ принялъ личное участіе въ ней. Кромѣ того, идея всемірной монархіи, которая воодушевляла Цезаря, съ его смертію утратила свою новизну и свой блескъ, а, напротивъ, обнаружила свою непопулярность; поэтому Августъ задумалъ дать монархіи болѣе скромный и національный характеръ, желая примкнуть къ древней, патриархальной царской власти, которая основала Римъ и дала ему, по преданію, учрежденія, составившія его величіе. Онъ поселился на Палатинѣ, отклонилъ отъ себя божественность, но гордился именованіемъ сына бога (*divi filius*), подобно тому, какъ Ромулъ былъ сыномъ Марса; онъ чрезвычайно желалъ принять имя Ромула; но и тутъ встрѣтилъ отпоръ. Какъ ни былъ услужливъ сенатъ, императоръ не достигъ своего, не былъ въ состояніи освятить императорскую власть именованіемъ перваго царя. Сенаторы изобрѣтали для него всевозможныя почести; дали ему титулъ «отца отечества», титулъ «священнаго» (*Augustus*), но не предложили имени Ромула.

Далѣе, Октавіанъ имѣлъ случай убѣдиться, что крѣпость и будущность государства основаны на римскомъ элементѣ, что преимущество силы и живучести пока на сторонѣ Запада, на сторонѣ римскихъ завоевателей. Въ междоусобныхъ войнахъ одолевалъ тотъ, кто велъ въ сраженіе силы западныхъ провинцій, кто въ минуту борьбы владѣлъ Римомъ и Италіей. Римское общество громко и неоднократно высказывало свое нежеланіе поѣдѣлиться властью съ Востокомъ, развѣнчать *уродъ* (*urbs*) въ пользу какой бы то ни было столицы, хотя бы то была и мифическая колыбель Рима, — прославленная поэтами Троя. Это настроеніе нашло себѣ краснорѣчивое выраженіе въ проникнутой достоинствомъ и патриотизмомъ одѣ Горация — *Iustum et tenacem propositi virum*, которая, какъ мы полагаемъ, была написана, когда Августъ въ 733/21 году пребывалъ въ Азіи, отказываясь отъ консульства, и въ Римѣ распространились слухи, что онъ хочет остаться на Востокѣ, выбравъ себѣ новую столицу въ Троѣ, т.-е. сдѣлать то, что 300 лѣтъ спустя сдѣлалъ Константинъ Великій ¹⁾. Ода проникнута опасеніемъ, чтобы Иліонъ, т.-е.

¹⁾ Известно, сколькимъ разнообразнымъ толкованіямъ подвергалась эта ода со стороны филологовъ, но мы не встрѣтили между ними того, которое мы считаемъ самымъ естественнымъ, т.-е. что Гораций имѣлъ въ виду слухи, относившіяся къ Августу. Довольно правдоподобнымъ кажется намъ и другое предположеніе, что поэтъ имѣлъ въ виду Антонія. Оно высказано известнымъ поэтомъ Гейбелемъ, и мы его также не встрѣчали у комментаторовъ.

Троя, не былъ возстановленъ и чтобы возрожденіе его не сдѣлалось роковымъ событіемъ для римскаго народа. Эта мысль выражена въ формѣ угрозы, которая влагается въ уста Юнонѣ:

Пусть Капитолій стоитъ и блистательный
Римъ побѣжденными въ битвахъ мидійцами
Править со властью законодательной,
Звѣри доколѣ живутъ и скрываются
Тамъ, гдѣ Парисъ и Пріамъ успокоены.
Грозное имя пускай простираетъ Римъ
Въ край отдаленный, гдѣ влага срединная
Дѣлитъ Европу отъ жителя Африки,
Нилъ, гдѣ поля орошаетъ пустынная;
Пусть до границъ мірозданія римляне
Идутъ съ оружіемъ развѣдать пытливые.
Только я славу квиритамъ воинственнымъ
Съ тѣмъ предреку, чтобы они по словію
Трою опять обновлять не задумали,
Лишней увлекшись сыновней любовью.

Несмотря, однако, на свой патріотизмъ, Августъ не былъ чуждъ идеѣ сближенія подвластныхъ ему народовъ, и онъ иногда гордился царственной мыслью, что его власть есть источникъ благоденствія не только для римлянъ, но и для эллиновъ, и въ такія минуты онъ готовъ былъ одинаковой любовью обнять оба народа. Особенную торжественность имѣетъ минута, которую Августъ пережилъ незадолго до смерти и которая могла исполнить его чувствомъ внутренняго удовлетворенія и убѣдить, что онъ хорошо сыгралъ свою роль. Когда онъ, уже больной, плылъ на кораблѣ, вдоль чуднаго берега Неаполитанскаго залива, у Пуццолъ онъ встрѣтилъ корабль, только-что прибывшій изъ Александріи. Увидѣвши его, пассажиры и матросы корабля «облеклись бѣлой одеждой и съ вѣнками на головѣ стали, по своему обычаю, воскуривать ему өміамъ»; высказывать пожеланія лучшихъ благъ и превозносить похвалами: «тобою, Цезарь, мы живемъ, благодаря тебѣ плаваемъ по морю, благодаря тебѣ наслаждаемся свободой и богатствомъ». Семидесятипятилѣтній государь до такой степени былъ тронутъ этимъ, что роздалъ каждому изъ своей свиты по 40 золотыхъ, потребовавъ отъ cadaго вѣтвенное обѣщаніе, что онъ всѣ эти деньги истратитъ на покупку александрійскихъ товаровъ. И въ слѣдующіе за тѣмъ дни Августъ продолжалъ раздавать подарки, римскія тоги и греческіе палліи, приказывая, чтобы римляне одѣвались и говорили по-гречески, а греки по-римски.

Эта подробность очень характеристична; она показываетъ

намъ, какимъ путемъ въ то время только и могло совершиться объединеніе двухъ половинъ римской имперіи и ея населенія: римляне должны были сдѣлаться греками, или греки римлянами. Но греки этого не хотѣли, а тѣмъ менѣе могли этого желать господствовавшіе римляне.

Если положеніе, въ которомъ находился Октавіанъ, явившись послѣ Цезаря, оправдываетъ во многихъ частностяхъ его отступленія отъ образа дѣйствія его дяди, то послѣдующая затѣмъ римская исторія еще болѣе оправдываетъ общій духъ политики Августа, т.-е. его консерватизмъ относительно учреждений и формъ республики, и его приверженность къ римской національности.

Правда, историческое, прогрессивное значеніе римской имперіи состоитъ въ томъ, что она выработала форму государства на мѣсто античнаго городского устройства, и что она замѣнила механическое, насильственное объединеніе античнаго міра подъ игомъ римскаго завоеванія—государственнымъ и до извѣстной степени духовнымъ объединеніемъ этого міра, и послужила почвой, изъ которой развились христіанская церковь. Съ этой точки зрѣнія можетъ казаться, что Августъ своимъ консерватизмомъ задерживалъ необходимый историческій прогрессъ и противодействовалъ ему. Но такое представленіе весьма ошибочно. Исторія римской имперіи распадается на двѣ рѣзко различающіяся одна отъ другой половины—эпоху первыхъ двухъ вѣковъ—когда имперія могущественна, общество цивилизовано и оба управляются, болѣею частью, замѣчательными государями, и эпоху двухъ послѣднихъ вѣковъ, когда быстро обнаруживаются симптомы политическаго и внутренняго паденія, когда цивилизованный міръ, за нѣкоторыми исключеніями, управляется солдатами и варварами. При самомъ бѣгломъ сравненіи этихъ двухъ половинъ обнаружится, что въ первую эпоху преобладаетъ въ государствѣ, въ обществѣ и въ войскѣ римскій элементъ, и еще живо преданіе республики; во второй же половинѣ, республиканское преданіе совершенно сглаживается, а римскій элементъ уравнивается съ другими. Мы не можемъ входить здѣсь въ подробное разсмотрѣніе связи, существующей между этими явленіями, достаточно напомнить, что объединеніе и уравниеніе ведутъ къ прогрессу только тогда, когда они равносильны общему возвышенію; когда же уравниеніе только значитъ приниженіе къ низшему уровню, то онъ не можетъ имѣть для цѣлаго хорошихъ результатовъ; достаточно напомнить, что римскій элементъ былъ самымъ главнымъ условіемъ для живучести государства, а республикан-

ское преданіе — самымъ цивилизующимъ началомъ въ политической его жизни.

На этихъ двухъ началахъ утверждалась организація Августа, и имперія была могущественна, пока она держалась направленія, данного ей Августомъ.

Вліяніе республики на политическое устройство имперіи выразилось двояко: въ томъ, что власть императора имѣла характеръ магистратуры, и въ томъ, что между этой властью и сенатомъ существовалъ извѣстный дуализмъ, который служилъ оплотомъ противъ деспотизма. Монархическій принципъ въ римской имперіи былъ благотворенъ и великъ, пока онъ хранилъ въ себѣ преданіе римской магистратуры. Тогдашній міръ зналъ монархію только въ ея восточной языческой формѣ, связанной съ идолопоклонствомъ, которая дѣйствовала разстѣвающимъ образомъ, когда попадала на западную почву. Самыми дурными императорами были тѣ, которые открыто отрекались отъ преданія, установленнаго Августомъ, хотѣли быть монархами на манеръ египетскихъ Птолемеевъ и сирійскихъ Селевкидовъ. Самыми лучшими императорами были тѣ, которые на престолѣ оставались магистратами. Различіе это обнаруживается даже въ способѣ полученія власти. Тѣ изъ преемниковъ Августа преимущественно заятнали имя римскаго императора, которые попадали на престолъ по наслѣдственному праву, — Калигула, Неронъ, Домиціанъ, Коммодъ, Каракала. Вредное вліяніе наслѣдственнаго принципа въ римской средѣ обнаружилось еще при Августѣ; какъ ни заботился этотъ государь, чтобы его внуки не были испорчены лестью и преждевременными почестями, но, несмотря на это, Кай и Луцій Цезари дають предчувствовать Калигулу, помѣшавшагося на обожаніи. Съ другой стороны, идеаломъ государя для всѣхъ временъ были тѣ изъ римскихъ императоровъ, которые получали престолъ посредствомъ избранія или назначенія предшественникомъ, т. е. по способу магистратуры.

Императорская власть представляется съ достоинствомъ, пока держится республиканское уваженіе къ сенату, пока императоры не принимаютъ сенаторовъ за толпу придворныхъ, не видятъ въ нихъ позволенную декорачію престола, а правительствующее сословіе; пока, благодаря этому дуализму и авторитету сената въ государствѣ, военный характеръ правительства до нѣкоторой степени уравнивается гражданскимъ. Поворотъ къ упадку вполне ознаменовывается, когда одинъ изъ императоровъ — первый *не римлянинъ* на римскомъ престолѣ — Септимій Северъ, отрекаясь отъ завѣщанія Августа, внушаетъ своимъ сыновьямъ противопо-

ложное политическое правило: «обогащайте солдатъ и презирайте все остальное».

Имперія держится на высотѣ, пока въ государствѣ господствуетъ римскій элементъ, пока провинціалы, особенно восточные, держатся въ подчиненіи, пока варвары не получаютъ возможности посредствомъ военной карьеры достигать высшихъ степеней въ государствѣ и даже престола. Сими́томы неудержимаго паденія вполнѣ обнаруживаются, когда на престолъ Августа всходитъ первый восточный человекъ — пуниецъ Септимій Северъ, въ дѣтствѣ говорившій лучше на языкъ Карагана, чѣмъ на языкъ Рима; когда этотъ Северъ вводитъ въ римскій сенатъ массу александрійскихъ сенаторовъ, и когда его сынъ, Каракалла, даетъ всѣмъ провинціямъ право римскаго гражданства.

Имѣя это въ виду, нужно признать, что Августъ своею организаціей не задержалъ историческаго прогресса, а содѣйствовалъ ему. Входя въ сдѣлку съ республикой, онъ далъ новому монархическому началу цивилизующее значеніе. Римская имперія была въ состояніи выработать типъ отвлеченнаго государства только потому, что не перешла сразу въ восточную деспотію, а въ мудромъ самоограниченіи обставила себя республиканскими магистратурами до тѣхъ поръ, пока подъ вліяніемъ этой магистратуры образовалась искусно организованная бюрократія, которая была главнымъ оплотомъ и главнымъ историческимъ результатомъ повѣдѣннѣйшей римской имперіи.

Такое же цивилизующее значеніе имѣлъ консерватизмъ Августа относительно римской національности. Въ эпоху Августа римляне были самымъ живучимъ элементомъ античнаго міра, и тому, что Августъ обезпечилъ за ними господствующее положеніе, мы не только обязаны прекраснымъ культурнымъ цвѣтомъ, который представляетъ Римъ въ первые два вѣка имперіи, но въ значительной степени обязаны собственной, т.е. европейской цивилизаціей. Нельзя же не признать, что европейская, т.е. по своему происхожденію западная, цивилизація основана не на греческой, а на римской; и западная цивилизація могла возникнуть на такомъ прочномъ основаніи только потому, что западныя римскія провинціи успѣли набраться римскаго духа и римской цивилизаціи во время господства въ имперіи римскаго элемента.

Мы не имѣемъ въ виду ставить все это въ прямую, личную заслугу Августа. Августъ — римлянинъ, и его дѣятельность есть отрывокъ изъ исторіи римскаго народа. Это забываютъ тѣ, которые цѣнятъ его слишкомъ низко, вслѣдствіе того, что разсма-

триваютъ его царствованіе, какъ будто оно отрывокъ—изъ французской или другой какой-нибудь исторіи, судятъ о немъ съ либеральной, или космополитической, или социалистической или другой какой-нибудь теоретической точки зрѣнія; но національность Августа не слѣдуетъ забывать и для того, чтобы не приписывать сознательной дѣятельности его то, что было отчасти дѣломъ инстинкта и темперамента, чтобы не приписывать личности того, что было также дѣломъ народа. Исторія римскаго народа была основана на идеѣ республики и на идеѣ господства римлянъ надъ другими народами, и имперія въ первую эпоху, особенно при Августѣ, является продолженіемъ этого порядка вещей. Живучесть римскаго народа, выразившаяся въ замѣчательной организаціи республики съ ея магистратурой, сенатомъ и комиціями и въ распредѣленіи между ними власти, а также въ стремительности завоевательной политики, не могла исчезнуть съ-разу, и геній Рима долженъ былъ отразиться на организаціи и судьбѣ имперіи. Главной чертой въ исторіи римскаго народа является консерватизмъ, и историческое значеніе дѣятельности Августа отмѣчено тѣмъ, что въ ней этотъ консерватизмъ проявляется въ особенно рельефной формѣ и съ особенно благотворными послѣдствіями. Августъ облегчилъ римлянамъ самый трудный шагъ, который, можетъ быть, приходилось дѣлать какому-либо народу, — переходъ отъ республиканской свободы къ абсолютизму. Борьба между обоими началами не могла съ-разу прекратиться и не могла происходить безъ глубокихъ потрясеній. Самымъ лучшимъ исходомъ для общества, привыкшаго къ старому строю, и самымъ полезнымъ дѣломъ для самого абсолютизма была сдѣлка. Эту сдѣлку Августъ осуществилъ посредствомъ своего консерватизма. Подобно тому, какъ въ нашъ вѣкъ французскій народъ, выросшій подъ монархическимъ строемъ, переходитъ въ трудной внутренней борьбѣ къ строю республиканскому, и политическая опасность заставила, наконецъ, его вождей позаботиться о томъ, чтобы сдѣлать этотъ переходъ постепеннымъ и незамѣтнымъ, — въ эпоху Августа римскій народъ переходилъ отъ республики къ монархіи, и пока царствовалъ Августъ, переходъ этотъ совершался постепенно и безъ болѣзненныхъ потрясеній. Консервативной республикѣ нашихъ дней соответствуетъ консервативная имперія Августа. Оттого организація, устроенная Августомъ, была такъ прочна. Относительно этого политическаго дѣятеля вполне оправдались извѣстныя слова бывшаго президента испанской республики, Кастеллара: «либеральному принципу приходится чертить планы для будущаго прогресса, а консервативному — приводить ихъ въ испол-

неніе». Но не слѣдуетъ забывать, что консервативнымъ Августа, какъ и вообще римскаго народа, никогда не исключалъ движенія впередъ. Бываютъ въ исторіи положенія, когда приходится сочувствовать быстрому и смѣлому движенію впередъ, рѣшительному разрыву съ прошедшимъ, безцеремонной ломкѣ старинныхъ учреждений и явному отчужденію отъ національныхъ формъ и предрассудковъ. Но не таково было положеніе Августа. Въ его эпоху благоденствіе римскаго міра зависѣло именно отъ того, чтобы избѣгнуть крутого перелома, сохранить уваженіе къ формамъ и обычаямъ прошедшаго, чтобы не лишить новое правительство стараго гражданскаго духа и новое общество тѣхъ моральныхъ силъ, которыя оно могло черпать изъ стараго преданія.

Если, такимъ образомъ, преобладающей чертой исторической дѣятельности Августа является римскій консерватизмъ, то опредѣленіемъ его личности можетъ служить другая античная черта — равновѣсіе и гармонія. Въ своей внутренней жизни онъ свѣтлымъ умомъ и сильной волей обуздывалъ и смягчилъ свой темпераментъ и достигъ внутренняго спокойствія и душевной ясности, которыя не измѣняли ему до глубокой старости и до послѣднихъ минутъ жизни. Въ своей государственной дѣятельности ему удалось привести въ такое же равновѣсіе, соединить въ себѣ гармонически противоположные политическіе принципы. Какъ властитель, онъ представляетъ въ одномъ лицѣ перваго императора и послѣдняго верховнаго римскаго магистрата, представляетъ собою республиканца на престолѣ и монарха въ республикѣ; какъ правитель, онъ сумѣлъ согласить интересы провинціаловъ съ правами римлянъ. То же равновѣсіе, та же ясность и гармонія выразились, наконецъ, въ его взорѣ и во всемъ его внѣшнемъ видѣ. Ничто, по нашему мнѣнію, не даетъ такого вѣрнаго понятія о цѣломъ духовномъ существѣ его, какъ эти немногія слова, которыми Светоній описываетъ его внѣшній видъ: «Выраженіе его лица, говорилъ ли онъ или молчалъ, было до такой степени спокойно и ясно, что одинъ изъ галльскихъ князей сознался своимъ соотечественникамъ, что былъ обезоруженъ и смяченъ этимъ выраженіемъ императора, когда во время перехода черезъ Альпы подошелъ къ нему съ тѣмъ, чтобы свергнуть его въ пропасть. Взоръ его былъ блестящій и ясный; роста онъ былъ невысокаго ¹⁾; но равновѣсіе и пропорціональность его членовъ до такой степени скрывали его малорослость, что ее можно было

¹⁾ Впрочемъ, по свидѣтельству секретаря Августа, Нолія Марата, приведенному у того же Светонія, въ немъ было пять футовъ съ дюймою.

забѣтъ только по сравненію, когда рядомъ съ нимъ становится кто-нибудь болѣе высокаго роста».

Это пропорціональное сложеніе можетъ послужить, по нашему мнѣнію, разгадкой личности Августа и объясненіемъ его историческаго значенія. Гармонія вѣшнихъ формъ соотвѣтствуетъ такое же равновѣсіе духовныхъ силъ, такая же гармонія внутренняго строя. Въ такой именно личности нуждался тогдашній міръ, раздираемый долготѣною борьбою противоположныхъ стремленій и интересовъ. Едва ли кто былъ въ то время въ состояніи дать этому міру лучшей строй, привести въ болѣе полное и прочное согласіе непримиримые элементы тогдашняго общества — побѣдителей и поверенныхъ, республику и монархію, гражданъ и войско, свободу римлянъ и единство и цѣлостъ римскаго государства. Въ установленіи извѣстнаго согласія и сдѣлки между этими элементами заключается величіе Августа.

Конечно, это величіе, какъ все въ исторіи, относительное, и заслуга Августа относительно разрѣшенія возложенной на него задачи — условная. Въ исторіи есть личности, при сравненіи съ которыми Августъ проигрываетъ, а организація, данная имъ римской имперіи, покажется неудовлетворительною, если мы станемъ соразмѣрять ее съ высокими современными идеалами относительно равноправности народовъ и политической свободы. Но при оцѣнкѣ Августа и его дѣла нужно помнить, что личность Августа представляется менѣе значительною только при сопоставленіи съ гениальнымъ Цезаремъ, а дѣло Августа *недостаточнымъ* лишь сравнительно съ *результатами* и *плодами* той европейской цивилизаціи, надъ основаніемъ которой потрудился и Августъ.

В. ГѢРЬЕ.

НѢМЕЦКОЕ ОБЩЕСТВО

ПОСЛѢ

ФРАНКО-ПРУССКОЙ ВОЙНЫ

— Die neuen Serapionsbrüder. Roman in drei Bänden von Karl Gutzkow.
Breslau, 1877.

Новый романъ Гудкова довольно живо рисуетъ нравственное состояніе нѣмецкаго общества въ настоящее время и тѣ мысли и чувства, которыя его волнуютъ. Ко многимъ явленіямъ современной жизни Гудковъ относится шире, нежели многие изъ его собратьевъ, и это придаетъ мѣстамъ его произведенію сатирической отгѣнобѣ. Но въ одномъ отношеніи Гудковъ такой же закоренѣлый, неисправимый буржуа и филистеръ, какъ и большинство нѣмецкихъ писателей — въ отношеніи къ демократическому движенію. Страхъ и неразлучный его спутникъ, ненависть, до такой степени ослѣпляютъ его, что онъ даже перестаетъ быть умнымъ человѣкомъ и говорить глупости устами одного изъ своихъ героев, долженствующаго, какъ кажется, передавать воззрѣнія самого автора: фабриканта-идеалиста Вольни, доходящаго до того, что всеобщую подачу голосовъ, освященную закономъ, считаетъ мятежомъ, потому что она даетъ возможность «четвертому» сословію посылать представителей въ парламентъ. Ни для кого, конечно, не новость, что буржуазія, находившая въ свое время выгоднымъ для себя, а потому и нравственнымъ, потрясать «троны и алтари», теперь призываетъ всѣ силы неба и земли къ охраненію прилавка. И въ этомъ отношеніи въ романѣ Гудкова очень вѣрно отра-

жаются паника и путаница понятій, царствующія въ средѣ образованныхъ и либеральныхъ нѣмцевъ. Съ одной стороны они видятъ, что въ современной общественной жизни проявляется много уродливаго, и вопіютъ объ уtratѣ идеаловъ, о материализмѣ, себялюбіи, жаждѣ къ наживѣ, овладѣвшимъ, точно зараза, всѣми отъ мала до велика, и приглашаютъ вспомнить о «совѣсти»; но, съ другой стороны, какъ только дѣло коснется задавленной нищетою и невѣжествомъ массы, они сейчасъ забываютъ о своей возвышенной проповѣди о любви къ ближнему и всеобщему благу, и поютъ хвалебные гимны аршину и безмѣну. Такимъ образомъ, герои Гуцкова, всѣ эти различные «совѣтники» и «профессора», печалующіеся о современномъ «поврежденіи нравовъ» въ Германіи, являются какими-то наивными и забавными *songes-cueux*.

И «все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно.»

I.

— Какъ? Чтѣ такое?—раздалось со всѣхъ сторонъ.—Что за тротуарная болѣзнь?..

— Новая нервная болѣзнь? Невѣроятно!

— Расскажите! сообщите!

Такое оживленное и непарламентское выраженіе любопытства происходило на одной изъ точекъ нѣмецкой ландкарты, въ одномъ сѣверномъ нѣмецкомъ городѣ, названіе котораго идетъ изъ сѣдой древности, когда люди, какъ бобры, обитали въ свайныхъ постройкахъ. А теперь тамъ выстроено многое-множество красивыхъ дворцовъ и налоги взимаются тамъ въ исправности, а солнце довольно печально свѣтитъ въ винный погребокъ девятнадцатаго столѣтія. Ученые, чиновники, образованные промышленники собираются здѣсь по понедѣльникамъ. Стѣны этого локала изъ темныхъ стали сѣрыми, чтѣ слѣдуетъ приписать дѣйствию сигарнаго дыма. По стѣнамъ виднѣтся множество желѣзныхъ крючковъ для платя, торчащихъ вездѣ, куда ни взглянешь. Здѣсь «новые Серапионовы братья»,—какъ прозвалъ себя добродушный, ни о какихъ переворотахъ непомышляющій кружокъ людей, въ память знаменитаго сказочника Гоффмана,—собирались съ единственной цѣлью на-скоро позавтракать, выпить полъ-кружки самаго невиннаго «мозеля» и, послѣ краткой болтовни, снова ринуться «въ борьбу за существованіе», которая стала для всѣхъ обитателей этого города, не исключая рантѣ и капиталистовъ, крайне тяжелой и почти исключительной задачей жизни.

Отсутствіе газетъ по понедѣльникамъ, а для женатыхъ людей стирка, происходившая у нихъ по этимъ днямъ, не мало содѣйствовали привлекательности этихъ собраній.

— Въ самомъ дѣлѣ, санитарный совѣтникъ Эльгестеръ читалъ вчера докладъ о новой болѣзни, тротуарной болѣзни? — переспросилъ неизбѣжный въ каждомъ кружкѣ коммерци-совѣтникъ.

Маленькій, съ пронизательными глазами, вѣчно-улыбающійся санитарный совѣтникъ, точно онъ собирался подсластить самую смерть для своихъ пациентовъ, забѣжалъ лишь на нѣсколько минутъ. Онъ оставилъ свое элегантное купе, обращенное въ читальню, у дверей дома, кучера, погруженнымъ въ рассказъ о замураванной въ стѣнѣ монахинѣ въ Браковѣ, и закусывалъ съ обычной умѣренностью, хорошо извѣстной прислугѣ погребка, жерой и нѣсколькими ломтиками лососины.

— Тротуарная болѣзань! Санитарный совѣтникъ! Что это за штука такая? — началъ стровительный совѣтникъ Омма, фрисландецъ, пересаженный въ здѣшній городъ новѣйшими политическими событіями.

— Дайте ему подкрѣпитесь! — замѣтилъ знаменитый парламентскій докладчикъ, статскій совѣтникъ Пфифферлингъ. — Тутъ, конечно, разумѣются наши гранитные тротуары и безопасность строительной полиціи, дозволяющей землевладѣльцамъ мямлить цѣлую вѣчность, прежде нежели они рѣшатся проложить, вмѣсто простой мостовой, гранитныя плиты вдоль садовъ, деревянныхъ и дровяныхъ складовъ, и такимъ образомъ человѣческая жизнь...

— Шш! шш! — раздалось со всѣхъ сторонъ.

Но санитарный совѣтникъ еще не покончилъ съ завтракомъ и, уставивъ глаза на длинный столъ, покрытый зеленой клеенкой, проговорилъ:

— Гм! газеты сегодня не выходятъ! Завтра можно будетъ прочитать докладъ о тротуарной болѣзни во всѣхъ газетахъ! Мы говоримъ, занимаемся и живемъ только для печати...

— Для гласности, — поправили оптимисты.

— Господа! — началъ санитарный совѣтникъ, съ своей спокойной и сардонической улыбкой. — Я читалъ докладъ о нервныхъ болѣзняхъ, и замѣтилъ при этомъ, что въ настоящее время жизнь въ большихъ городахъ развиваетъ особенныя формы нервного расстройства, совсѣмъ незнакомыя въ прежнее время. Насколько биржа вліяетъ на нервы — это всѣмъ вамъ хорошо извѣстно!

Съ бессознательнымъ, рефлективнымъ движеніемъ нѣкоторые изъ присутствующихъ вынули часы изъ кармана. Биржевой часъ

еще не наступалъ. Единственный сынъ Израиля, принадлежавшій къ кружку, банкиръ Ашеръ Аперсонъ утверждалъ, что посящаетъ биржу только въ качествѣ психолога.

— Знаменитые дамскіе *vapeurs* вышли изъ моды!—продолжалъ медикъ.—Женскій полъ ведетъ теперь гораздо болѣе дѣятельную жизнь, чѣмъ прежде, больше выѣзжаетъ, ѣздитъ верхомъ, посящаетъ воды, пьетъ вино и пиво! Я слышу тихіе вздохи...—перебилъ самого себя ораторъ съ сухимъ, но язвительнымъ юморомъ, и отпилъ вина.

Всѣ засмѣялись.

— Дочери Евы не могли бы служить своему теперешнему идолу—роскоши и нарядамъ, если бы продолжали, какъ и въ прошломъ столѣтіи, вдыхать и жаловаться, лежа на кушеткѣ.

— Нѣкоторыя соединяютъ и то, и другое!—замѣтилъ уныло голосъ какаго-то мученика супружеской жизни, невольно выдавашаго себя во всеобщему веселью.

— Но мы говоримъ теперь о мужчинахъ!—продолжалъ санитарный совѣтникъ.—Измѣненіе сортовъ вина, которые теперь пьютъ, подѣйствовало на уменьшеніе подагры, и она въ настоящее время существуетъ только на сценѣ! Съ другой стороны, избытокъ углекислоты, поглощаемой теперь въ шампанскомъ и въ содовой водѣ, къ этому еще и сигары вызвали новыя болѣзни. Здѣсь, у насъ,—въ провинціи можно сказать, такъ какъ мы скоро превратимся въ провинцію,—появилась болѣзнь, которая происходитъ отъ безобразнаго учрежденія тротуаровъ! Тотъ, кто ввелъ моду,—и даже сдѣлалъ ее полицейски обязательной,—клясть камни передъ домами, шириной въ какіе-нибудь четыре фута, заслуживалъ, чтобы его повѣсили, какъ величайшаго злодѣя!

— Вы шутите!—закричали со всѣхъ сторонъ, и взоры всѣхъ устремились на молодого человѣка, торговца деревомъ и подобного рода камнями,—какъ ихъ называлъ санитарный совѣтникъ.

Среди сомнѣнія и напряженія, выражаемыхъ на всѣ лады, вдругъ раздался звучный басъ:

— Я бы самъ повѣсилъ этого молодца! Но, къ несчастью, онъ давно уже умеръ!

Всѣ поглядѣли на говорившаго. То былъ очень извѣстный скульпторъ. Его статная фигура была всѣмъ хорошо знакома. Длинные волосы обрамляли его лицо. Они уже серебрились сѣдиной, точно будто посыпанные мраморной пылью его мастерской. Темные глаза сверкали изъ-подъ черныхъ рѣсницъ. Большая, сильная рука, покрытая мозолями, покоилась на клеѣнкѣ стола.

— Альтингъ! Альтингъ! — закричали присутствующіе.

— Слово принадлежит санитарному совѣтнику! — возразилъ скульпторъ, и пояснилъ, что подождетъ пока высказывать свое мнѣніе объ этомъ предметѣ.

— Я не могу долго оставаться съ вами сегодня, — началъ Эльгестеръ, поглядывая на часы, — и постараюсь быть краткимъ. Вамъ извѣстна исторія про разстроившуюся лекцію Канта, вслѣдствіе того, что великій мыслитель замѣтилъ, что у одного изъ его слушателей недостаетъ пуговицы на сюртукѣ. Онъ привыкъ смотрѣть на него во время лекціи. Не менѣе знакома вамъ сила взгляда вообще. Нервные женщины не могутъ выдержать пристальнаго взгляда. И всѣ вы, господа, согласитесь, что пристальный взглядъ, устремленный на васъ въ какой-нибудь гостиной, можетъ привести васъ въ замѣшательство, взволновать, встревожить. «Глазъ чловѣка двѣтельнѣе, нежели ухо», говорили еще древніе. У Мимерскаго источника испивали мудрость, но за то платились, какъ Одинъ, — глазомъ! Ну-съ, господа, представьте себѣ, что миллионъ людей проходитъ мимо васъ по такой узкой дорожкѣ, что задѣваетъ плечомъ. Порою приходится ждать, пока людская волна отхлынетъ! Чтобы пробираться по тротуарамъ, требуется нѣкоторая ловкость, а не однѣ только здоровыя ноги. Ну, прибавьте къ этому нестерпимое любопытство нашего народа...

— Любознательность! — поправили оптимисты.

— На этомъ узкомъ тротуарѣ, — продолжалъ ораторъ, — смѣшаны всѣ сословія! Торопящійся въ департаментъ, съ судорожно приподнятыми вверхъ плечами, тайный совѣтникъ; кухарка, бѣгущая на рынокъ, съ огромной корзиной, которая, благодаря возрастающей вѣжливости нашего поволенія, нисколько не падаетъ чужихъ боковъ; рабочій съ своими острыми, желѣзными инструментами, каменщикъ въ кожаныхъ передникахъ, зачистую толпами въ пять, шесть чловѣкъ, по вечерамъ въ блаженномъ «на-веселѣ» — все стремится по этой узкой тропѣ и *siriditas rerum novarum*, какъ скажу я вмѣстѣ съ Цезаремъ, глазѣтъ, паять глаза, и оглядываетъ прохожихъ, и въ каждого, кто только не совсѣмъ идиотъ, западаетъ хоть какое-нибудь впечатлѣніе отъ каждой фizioноміи, хоть какой-нибудь, самый поверхностный интересъ, хоть эмбрионъ какой-нибудь мысли. Каждая фizioномія оставляетъ отпечатокъ въ нашей душѣ. И случается, что эти непрерывно мѣняющіяся впечатлѣнія дѣйствуютъ такъ сильно на лѣнныя, непривыкшія къ размнмленію натуры, что ихъ нервы не выдерживаютъ. Разнообразіе встрѣчныхъ фizioномій, выраженій, взглядовъ не развлекаетъ ихъ, а раздражаетъ.

И если при этомъ у человѣка есть еще какое-нибудь бремя на душѣ, семейное горе, ошибка, сдѣланная имъ, ложный шагъ, оплакиваемый имъ, словомъ, вообще какой-нибудь поводъ къ душевному волненію, то — не говоря уже о большомъ напряженіи физическихъ силъ, какое требуется жизнью въ большихъ городахъ и среди густого населенія — одна эта узкая тротуарная стезя сквозь лабиринтъ людской толпы, этотъ узкій проулокъ черезъ музей лицъ можетъ довести нервы до безконечнаго раздраженія или ослабленія. Я долженъ былъ посоветовать многимъ изъ своихъ націентовъ бросить прогулки пѣшкомъ и выѣзжать только въ каретѣ. Другимъ, преимущественно ученымъ и биржевикамъ, я приказалъ ходить только по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ имъ можно держаться середины улицы. Господа! раздраженіе спинного и головного мозга въ наше время не пустое слово!

— Вы забываете еще одно, санитарный совѣтникъ! — дополнилъ взволнованный художникъ объясненіе врача, выслушанное съ безмолвнымъ удивленіемъ. — Когда толпа указываетъ на васъ пальцемъ! Когда она поднимаетъ васъ на смѣхъ за то, что вы не Торвальдсенъ! Когда она скалитъ на васъ зубы, потому что какой-нибудь шкельный педантъ объявилъ вамъ, что вы не Шиллеръ! Потому что какой-нибудь критикъ облилъ желчью ваше произведеніе! И вотъ, каково тогда переносить эти дерзкія, нахальныя мины: какъ вы поживаете? Взгляды глазъ, читающихъ всѣ газеты, все знающихъ, языки, все пересказывающіе...

— Тише! тише! — перебилъ врачъ. — Я вижу и слышу настоящій припадокъ тротуарной болѣзни. Любезный Альтингъ, — вы не хотите, чтобы васъ называли профессоромъ? — вы живете среди большого парка, на окраинѣ города и ежедневно должны пробѣгать съ полмили до церкви, которую украшаете превосходными барельефами! Ничто и не помышляеть, въ сущности, о вашемъ, какъ вамъ, быть можетъ, кажется, непризнанномъ геніи, о вашей славѣ, умаляемой критическими статьями, но вы воображаете себѣ это, потому что во время вашей прогулки тысячи людей глазѣли на васъ. И вотъ, всѣ эти невинныя лица представляются вамъ ослабляющимися харями. Но вѣдь для васъ тяжелѣе равнодушіе къ вашимъ дѣйствіямъ и твореніямъ, нежели мысль, что прохожіе читали злостный фельетонъ, неблагожелонно отозвавшійся о вашемъ произведеніи.

Санитарный совѣтникъ отвлался среди своей рѣчи. Всворѣ слышно было, какъ отъѣхала его карета. Остальные члены кружка спѣшили наперерывъ другъ передъ другомъ сказать что-нибудь любезное скульптору объ его работахъ. Но художнику во всѣхъ

словахъ чудилось состраданіе. Всѣ знали, что этого превосходнаго мастера постигла великая неудача въ началѣ его карьеры. Онъ послалъ на выставку группу: «Амуръ и Психея». Она была еще изъ глины и едва успѣла высохнуть. Неловкіе рабочіе уронили группу передъ самыми дверями выставки! Шедшій за ними художникъ увидѣлъ, какъ его произведеніе обратилось въ черепокъ! Съ этого времени болѣзненная складка образовалась въ характерѣ этого превосходнаго человѣка.

Общество постепенно разошлось, и Альтингъ направился домой и при этомъ послѣдовалъ предписываемой санитарнымъ совѣтникомъ системѣ изолированія. Онъ держался середины улицы, хотя встрѣчные экипажи, грязь и крики и здѣсь достаточно досаждали ипохондрию.

Вдругъ на одной сравнительно тихой и пустынной площади его схватилъ подъ руку молодой человѣкъ, со словами:

— Здравствуй, папа! какъ поживаешь? Былъ сегодня, должно быть, на своемъ понедѣльникѣ?

— Оттомаръ! ты не въ судѣ? ты не у Луціуса? — отвѣчалъ отецъ, съ любовью глядя на красиваго сына.

— Все по дѣламъ! — отвѣчалъ Оттомаръ Альтингъ, молодой юристъ, занимавшійся у одного адвоката, единственный сынъ художника, симпатичная, изящная личность. Единственную дочь скульптора звали Еленой. Сынъ жилъ уже не у родителей.

— Что подѣлываютъ твои Серапіоновы братья? — спросилъ Оттомаръ яснымъ, твердымъ голосомъ. — Вѣрно, каждый сообщаетъ какой-нибудь анекдотъ? А ты рассказывалъ что-нибудь? Про Италию? Что вы, придерживаетесь Тива, или Гоффмана? Или же у васъ иныя какія цѣли?

— Тива или Гоффмана? Наше время покончилось съ ними! — проворчалъ старикъ. — Хорошо ужъ и то, что можешь хоть когда-нибудь посидѣть въ кругу людей, у которыхъ на языкѣ не все только рейхстагъ, да выборы, партіи, дворъ, императорскія поѣздки, парады да театральныя принцессы. У Тива, продолжалъ онъ, люди, рассказывавшіе другъ другу исторіи, назывались Эдуардомъ, Генрихомъ, Вильгельмомъ, а также и у Гоффмана. Гоффману мерещился монахъ Серапіонъ, который былъ, должно быть, удивительнымъ оригиналомъ. Люди собирались только по вечерамъ. Мнѣ представляется, точно живой, одинъ изъ членовъ этой «шутовской компаніи», уголовный слѣдователь — въ рассказѣ онъ фигурируетъ подъ именемъ Эдуарда! Этотъ человѣкъ бродилъ по улицамъ, заложивъ руки за спину, останавливался передъ каждой витриной, почему либо привлекавшей его

вниманіе. Его теперь окрестили бы зѣвакой и уличные мальчишки подняли бы на смѣхъ. Тогда еще росла трава на нашихъ улицахъ.

— И не было тротуаровъ... — перебилъ Оттомаръ значительно, точно указывая на великій прогрессъ вѣка.

Отецъ тихо засмѣялся и умолебъ. Спорить бесполезно! — было однимъ изъ положеній его философіи.

— Почему ты не пришелъ вчера обѣдать? — спросилъ старикъ. — Сынъ обязанъ отдавать воскресный день родителямъ! Дѣти, забывающія въ воскресенье родителей...

— Ну, ну, ну, ну! — перебилъ спокойно сынъ ворочтю старика.

Здѣсь мы могли бы наблюдать оригинальное, современное явленіе: два поколѣнія, обмѣнявшіяся ролями. Молодое — самое хладнокровное изъ двухъ, а старое — самое пылкое. Сынъ, вовсе не флегматикъ, а совсѣмъ наоборотъ, энергическій, трудолюбивый, предусмотрительный, участвовалъ въ войнѣ, получилъ крестъ за отличіе и числился офицеромъ резерва. Отецъ былъ почти фантазеръ, порою совсѣмъ непонятный, но всегда милый для тѣхъ, кто умѣлъ заглядывать въ его душу. Онъ былъ открытой книгой для сына, дочери, жены; книгой, въ которой тѣ читали самыя прекрасныя и хорошія вещи, между тѣмъ какъ онъ самъ протестовалъ изо всѣхъ силъ противъ такого содержанія своего сердца, приписывалъ себѣ всѣ страсти и утверждалъ, что въ душѣ его клокочетъ настоящій адъ.

Въ нѣкоторомъ отдаленіи стоялъ старинный дворецъ.

— Погляди, — сказалъ сынъ: — вонъ, въ этомъ дворцѣ обѣдалъ я вчера! Графъ Трейенфельсъ, мой старый товарищъ по университету, задержалъ меня на цѣлый день! Вечеромъ я былъ приглашенъ къ своему принципалу на чай и на танцы! Всѣ соперники теперь въ томъ, чтобы балъ у нихъ продлился хотя бы на нѣсколько минутъ долѣе, чѣмъ у другихъ.

Отецъ поглядѣлъ на дворецъ. Передъ входомъ видѣлись тамъ въ настоящую минуту берейторъ и рейткнехтъ, первый верхомъ на лошади, второй держа подъ уздцы свою лошадь и другую, осѣдланную дамскимъ сѣдломъ. Одно какое-нибудь мгновеніе продолжалось видѣніе: изъ дому выбѣжала молодая дама, ловко вспрыгнула въ сѣдло, поправила свою длинную свѣтлосѣрую амазонку, надвинула глубже на тѣмныя волосы маленькій цилиндръ и проскакала мимо отца съ сыномъ.

— Кто эта дама? — спросилъ отецъ.

Оттомаръ не слышалъ вопроса. Лицо его вдругъ просвѣтлѣло;

теплый взглядъ темныхъ, блестящихъ глазъ скользнулъ по молодому человеку. Граціозное наклоненіе коротенькой головки отвѣчало на его почтительный поклонъ.

Весь вспыхнувъ и словно прикованный къ мѣсту, слѣдилъ онъ за ея развѣвающимся вуалемъ, пока тотъ не исчезъ вдали.

Отецъ узналъ наконецъ, что онъ видѣлъ Аду фонъ-Форбекъ, невѣсту молодого графа Трейенфельса. Она, вѣроятно, была съ визитомъ у старой графини, которая недавно овдовѣла.

— Графъ Трейенфельсъ въ траурѣ! какъ могъ ты такъ долго у него засидѣться?—спросилъ онъ, пройдя нѣсколько шаговъ, у сына, который вдругъ сталъ разсѣянъ и молчаливъ.—Твой неприятный юстиціи-совѣтникъ выжимаетъ изъ васъ сокъ, какъ изъ лимоновъ, и по праздникамъ, и по буднямъ.

— Неприятный,—повторилъ сынъ, перебивая отца.—Быть можетъ, онъ кажется тебѣ такимъ, благодаря своимъ очкамъ?

— Или благодаря моимъ!—засмѣялся отецъ.—Онъ не носитъ очковъ.

— Луціусъ предоставляет намъ полную свободу,—продолжалъ сынъ:—я даже и теперь опять иду въ графу. Тѣтка графа, урожденная княгиня Рауденъ, какъ тебѣ быть можетъ извѣстно, желаетъ заказать великолѣпный мавзолей для своего супруга. Само собой разумѣется, что онъ будетъ заказанъ тебѣ.

Отецъ вдругъ остановился, оглядѣлся, нѣтъ ли кого по близости, и закричалъ:

— Оттомаръ, какъ смѣешь ты говорить мнѣ такія вещи...

Онъ не договорилъ и трахнулъ сѣдymi кудрями.

— Побираться!—закричалъ онъ черезъ минуту.—Пользоваться случайными знакомствами! Фи! фи! Я никогда не былъ на это способенъ.

— Папá, все будетъ сдѣлано съ соблюденіемъ приличій и съ тактомъ...—успокоивалъ сынъ, тоже оглядываясь, нѣтъ ли лишнихъ свидѣтелей.

— Неужто мнѣ поступать такъ, какъ мои братья? Толкаться въ переднихъ вельможъ? Подстергать удобный моментъ снять портретъ? Этого сорта художники опустылили мнѣ еще въ Италіи. Вѣдь и модные магазины также посылаютъ свои преисъкуранты въ дома, гдѣ пронохаютъ свадьбу.

— И магазины, гдѣ продаются траурныя платья, тоже присылаютъ образцы *сѣре de deuil*, когда въ домъ покойникъ!—пародировалъ Оттомаръ, а отецъ его пріостановился, какъ-бы ища кругомъ себя палки, которую онъ однако держалъ въ рукахъ. Большое лавровишневое дерево стояло рядомъ съ нимъ. Листья

его блестяли на яркомъ полуденномъ солнцѣ. Онъ отвелъ назадъ руку, потому что они больно кололись.

Но Оттомаръ уже убѣжалъ со смѣхомъ и крикнулъ издали:

— Папá, до слѣдующаго понедѣльника! А монументъ будетъ все-таки заказанъ тебѣ! И ты получишь за него десять тысячъ талеровъ.

Дворецъ графовъ Трейенфельсовъ, куда направился Оттомаръ Альтингъ, былъ выстроенъ въ стилѣ прошлаго столѣтія, который снова входитъ въ моду. Время движется спирально. Мы отнюдь не можемъ быть увѣрены, что не вернемся въ парижъ и кося.

Графъ Вильгельмъ Трейенфельсъ, бездѣтный, колоссально богатый владѣлецъ майората, скоропостижно умеръ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Наслѣдникомъ его былъ племянникъ, университетскій товарищъ Оттомара Альтинга.

Графъ Удо Трейенфельсъ избралъ морскую службу, но заболѣлъ въ Вальпарайсо желтой лихорадкой. Когда онъ выздоровѣлъ, дядя запретилъ ему снова выступать на это опасное поприще, и устроилъ такъ, что графъ Удо, который былъ еще не въ силахъ предпринять обратное путешествіе на родину, былъ назначенъ консуломъ въ Вальпарайсо и такимъ образомъ сталъ дипломатомъ. Съ тѣхъ поръ онъ перебивалъ на другихъ, болѣе высокихъ постахъ, нѣсколько разъ прїѣзжалъ въ Европу и въ родную столицу, и теперь только-что прибылъ изъ Лиссабона, гдѣ служилъ первымъ attaché при посольствѣ. Онъ привезъ съ береговъ Тахо, въ качествѣ камердинера, одного француза, фактотума посольства, долгіе годы вращавшагося за-границей, восполита безъ всякой идеи о «возмездіи».

— Баронъ Форбекъ у графа?—спросилъ Оттомаръ у этого послѣдняго.

Оттомаръ говорилъ о братѣ прелестной амазонки, чей поклонъ наполнилъ его душу свѣтлой радостью.

Monsieur La Rose говорилъ то по-португальски, то по-французски, то по-итальянски, то по-нѣмецки.

— Si! si!—отвѣтилъ онъ въ настоящую минуту, и дѣйствительно, изъ покоевъ графа долеталъ громкій говоръ, служившій лучшимъ отвѣтомъ. Братъ Ады, баронъ Максъ фонъ-Форбекъ, непріятный человѣкъ, былъ у графа.

Когда Оттомаръ, предшествуемый камердинеромъ, доложившимъ объ его приходѣ, вошелъ въ комнату, графъ Удо встрѣтилъ его такъ же дружески, какъ и вчера, когда они были одинъ. На этомъ узнается искреннее расположеніе людей. Неизмѣнное

дружеское обращеніе при постороннихъ, какъ и наединѣ—вотъ пробный камень искренности чувствъ.

Съ прищуренными глазами и кислосладкой улыбкой поклонился Оттомару баронъ фонъ-Форбекъ и продолжалъ свои разглагольствованія. Онъ рассказывалъ различные эпизоды прошлой войны.

— Да! вѣдь вы участвовали въ походѣ,—обратился онъ къ Оттомару.—Я рассказываю о нашей охотѣ за шампанскимъ! То, что мы пили на виллѣ Ротшильда, было превосходно! Мы догадались, не найдя въ погребѣ ни одной бутылки, что оно должно быть спрятано гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Ну, вотъ, мы и разослали патруль, перерыть все въ окрестности, подъ снѣгомъ, землей или ихомъ, гдѣ только можно было заподозрить скрытое шампанское. И что-жъ бы вы думали! Въ одномъ укромномъ мѣстечкѣ, гдѣ бы никому не пришло въ голову его искать и куда пробираться даже было не совсѣмъ безопасно—оно все поросло елями и въ немъ могли скрываться вольные стрѣлки—какъ бы то ни было, молодцы наши раскопали подъ грудой угля свѣтлую струю Эпернэ. Бутылки, которыхъ не могли допить, поколотили. И такъ бывало вездѣ, но, къ сожалѣнію, удовольствіе длилось не долго. Забили тревогу—и пришлось занять свой постъ.

Графъ Удо, одѣтый съ головы до ногъ въ трауръ, съ серьезнымъ и задумчивымъ лицомъ, стройный какъ и Оттомаръ, но совсѣмъ блѣдный и съ вудрявыми волосами, нахмурился.

Оттомаръ принужденно засмѣялся и сказалъ:

— Да! къ сожалѣнію, таковы германцы! Для многихъ изъ нашихъ соратниковъ походъ превратился въ вопросъ о продовольствіи! Этотъ вопросъ выступилъ на первый планъ для многихъ дюжинныхъ натуръ.

Графъ Удо замѣтилъ съ серьезнымъ лицомъ:

— Какъ сильно должно было быть одушевленіе предводителей и большинства въ эту войну, если святое дѣло не пострадало отъ такого увлеченія нашими старинными германскими вондотьерскими замашками.

— Разумѣется!—выло протянулъ баронъ Форбекъ.

Только теперь замѣтилъ Оттомаръ, что на столѣ въ углу бутылка вина и два стакана. Одинъ былъ полонъ и казался нетронутымъ. За то другой безпрестанно осушался и вываживалъ несомнѣнное намѣреніе поглотить содержимое всей бутылки.

Французъ принесъ поспѣшно третій стаканъ для Альтинга, и хотѣлъ налить вина, но Оттомаръ отказался.

Графъ Удо казался не въ духѣ. Онъ наморщилъ лобъ и сказалъ:

— Вы напоминаете мнѣ о моемъ несчастіи, что я не могъ участвовать въ войнѣ. Я былъ въ это время на Южномъ океанѣ и вторично захворалъ!.. Болѣзнь постоянно затягивала меня все глубже и глубже въ дипломатію. Гдѣ мнѣ приходилось выдвигать, тамъ добрѣйшій дядя хлопоталъ о моемъ назначеніи генеральнымъ консуломъ! Къ сожалѣнію, наслѣдство принуждаетъ меня разстаться съ этимъ поприщемъ. Къ тому же, Ада считаетъ всѣхъ дипломатовъ прирожденными лицемѣрами.

Вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ, старый графъ завѣщалъ племяннику жениться на Адѣ фонъ-Форбекъ.

Графиня положила вонецъ несному присутствію барона Форбека. Она слегка пріотворила дверь, завѣшанную портьерой.

— Тѣтушкѣ надо переговорить по дѣлу съ Альтингомъ! Извини, любезный другъ... — сказалъ графъ Удо, доливая стаканъ будущаго зятя остатками рюдесгеймера.

— Я ничему не мѣшаю... не церемоньтесь, — отвѣчалъ баронъ, рассматривая въ зеркалѣ свое раскраснѣвшееся отъ вина лицо.

— Совѣщаніе должно происходить здѣсь! — перебилъ графъ Удо, окидывая глазами комнату, и только теперь Оттомаръ замѣтилъ, что большой письменный столъ былъ покрытъ письмами, бумагами, пакетами, перевязанными красными и зелеными шелковинками. Форбекъ, должно быть, неожиданно ворвался къ графу и засталъ его за ревизіей семейныхъ документовъ покойнаго графа Вильгельма. Вчерашній день графъ Удо былъ гораздо веселѣе.

— Ладно! — проговорилъ Форбекъ съ недоброжелательнымъ взглядомъ на Оттомара, выпилъ залпомъ, съ принужденнымъ видомъ, свой стаканъ и исчезъ за дверью, прокричавъ съ порога: — Мама каждый вечеръ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ тебя!

Лыкъ у него немного путался. Графъ проводилъ будущаго зятя, разсыпаясь въ извиненіяхъ и прося передать поклонъ прекрасной амазонкѣ.

— Вы, быть можетъ, не знаете, любезный Альтингъ, — началъ графъ, проводивши гостя и усаживая Оттомара на покойное мѣсто на диванѣ, — что меня связываетъ совсѣмъ особенная судьба съ этимъ — между нами будь сказано — жалкимъ, невыносимымъ человѣкомъ. Мой дядя смертельно ранилъ на дуэли старика Форбека, а дуэль произошла изъ-за меня! Я самъ дрался съ этимъ Форбекомъ, какъ и съ вами, помните, въ Боннѣ, съ тою только

разницей, что съ вами дуэль была вызвана корпоративными мотивами, а Форбекъ лично оскорбилъ меня. НѢмецкіе университеты, кажется, стоятъ на томъ, чтобы увѣковѣчивать грубость нравовъ! Я былъ тяжело раненъ въ руку. Дядя, всегда очень любившій меня, пріѣхалъ въ Боннъ. Надо же было случиться такъ, что и отецъ Форбека, старикъ генералъ, тоже находился въ Боннѣ. Старики погорячились изъ-за насъ и послѣдовали примѣру сына и племянника! Оружіе на этотъ разъ избрано было смертельное, пистолеты. Генералъ былъ раненъ и умеръ отъ раны. Это наложило на меня—такъ какъ дядя мой былъ благороднѣйшій человѣкъ въ мірѣ—нѣкоторыя обязательства, которыя... но объ этомъ послѣ,—перебилъ рассказчикъ самого себя, какъ-бы желая уклониться отъ неприятнаго разговора.—Самымъ важнымъ дѣломъ теперь, милый, вновь обрѣтенный другъ, это то, чтобы я представилъ васъ своей тѣткѣ и чтобы вы условились съ ней на счетъ того, какимъ образомъ мы убѣдимъ вашего папѣ принять заказъ на памятникъ. Хорошая старуха уже выразила свои желанія: памятникъ долженъ увѣковѣчить супружескую вѣрность—любовь по ту сторону гроба... вѣру... или—тутъ графъ Удо съ тяжкимъ вздохомъ уставилъ глаза въ полъ и умолялъ—или мечту... Ну, словомъ, вы понимаете.

— Пойдемте сейчасъ къ тѣткѣ!—проговорилъ графъ, спустя нѣкоторое время.—Мы возьмемъ тѣтку приступомъ! Впрочемъ, она уже до нѣкоторой степени подготовлена! Она живетъ только мыслью о моемъ пріемномъ отцѣ! Памятникъ служить ей нѣкоторымъ утѣшеніемъ, успокоеніемъ; онъ совсѣмъ поглощаетъ ее. Если она рѣшитъ сдѣлать заказъ вашему отцу, то никакой король или императоръ не заставитъ ее измѣнить своему слову! Благородство чувствъ всегда отличало мою добрую тѣтку, къ сожалѣнію, никогда не отличавшуюся красотой или привлекательностью. Она была старше дяди.

Альтингъ довольно неохотно послѣдовалъ за графомъ. Черезъ минуту онъ стоялъ, все еще смущенный страннымъ заявленіемъ своего пріятели объ отсутствіи привлекательной наружности у его тѣтки, передъ маленькой, одѣтой съ головы до ногъ въ черное, дамой, слегка привставшей съ мѣста, когда онъ вошелъ въ комнату. Машинально высказавъ онъ ей о своемъ соблазнованіи. Она внимательно выслушала его и попросила садиться. Вопросъ о памятникѣ былъ вскорѣ порѣшенъ. Товарищъ по университету Удо—о томъ, что онъ дрался съ нимъ на дуэли, отъ которой у него до сихъ поръ оставался рубецъ, графъ пока умолчалъ—и таковой привлекательный молодой человѣкъ, а отецъ его скульп-

торь! Да, при такихъ условіяхъ заказъ былъ настолько вѣренъ, насколько самъ старикъ изъявить на него свое согласіе. Такъ какъ молодой Альтингъ объявилъ, что согласіе это довольно проблематическое, то графъ Удо повончилъ толки объ этомъ предметѣ замѣчаніемъ:—Я сегодня вечеромъ накрою вашего батюшку въ семейномъ кружкѣ. Въ мастерской, быть можетъ, онъ окажется податливѣе! Дѣло сдѣлано, тѣтя. Тебѣ нужно отдохнуть. Вѣдь у тебя сегодня засѣданіе дамскаго комитета. Передай мнѣ всю письменную часть. Я согласенъ быть вашимъ секретаремъ, пока мы не прищемъ лучшаго!

Оба распрощались съ графиней.

— Ну, вотъ, все обошлось какъ нельзя лучше, — замѣтилъ графъ, когда они вернулись въ кабинетъ покойнаго графа. — Сегодня вечеромъ я постараюсь обдѣлать остальное. Я навѣщу вашего батюшку. Приходите и вы! Говорятъ, у васъ сестра красавица?

— Но она не служитъ моделью для отца!—отвѣтилъ братъ, нѣсколько задѣтый этимъ неожиданнымъ замѣчаніемъ.

Но графъ такъ твердо рѣшился сдѣлать визитъ отцу, что Оттомаръ невольно высказалъ ему то, что онъ объ этомъ думалъ. Онъ рѣшилъ, что не станетъ предупреждать ни матери, ни сестры о посѣщеніи графа. Въ противномъ случаѣ, отецъ способенъ убѣжать въ клубъ художниковъ или куда-нибудь въ другое мѣсто, гдѣ онъ могъ еще порою встрѣтить, какъ онъ говорилъ, правильно сложеннаго человѣка. Настоящій художникъ, по его мнѣнію, не могъ во всю жизнь позабыть Рима и Неаполя.

— Любезный Альтингъ, что за птица человѣкъ вообще! — вскричалъ графъ, какъ-бы поддаваясь долго сдерживаемому чувству. Слова его звучали шуткой, но лицо было глубоко серьезно.—Откровенно говоря,—продолжалъ онъ,—я въ состояніи теперь воскликнуть, какъ король Филиппъ восклицаетъ на сценѣ:—милосердное Провидѣніе! пошли мнѣ человѣка!..

Альтингъ удивился его тону и положилъ сигару, которую было-собирался закурить.

— Да, да,—продолжалъ графъ,—и, придерживаясь опять-таки поѣтовъ, мнѣ припоминаются слова Гамлета о томъ, какъ ведутъ себя наперсники, пожимаютъ плечами, словно о чемъ-то знаютъ, что могли бы выболтать, если бы только захотѣли?... Альтингъ!—вдругъ рѣшился онъ и заговорилъ тише,—вы внушаете мнѣ довѣріе, я чувствую къ вамъ искреннюю дружбу; я не забылъ, какъ вы отнеслись ко мнѣ въ Боннѣ, послѣ нашей дуэли. Теперь вы опытнѣе меня, знаете свѣтъ, между тѣмъ какъ

я изучалъ людей и обезьянъ, воду и воздухъ! Мнѣ хочется повѣрить вамъ одну тайну.

— А что, Гораціо не измѣнилъ датскому принцу? Въ настоящую минуту я рѣшительно этого не помню!—отвѣчалъ Оттомаръ, который, подъ вліяніемъ ли вѣшняго различія условій ихъ жизни, или по другой каковой причинѣ, все еще уклонялся отъ роли повѣреннаго и друга, навязываемой ему графомъ.

— Мы можемъ справиться, — замѣтилъ графъ задумчиво, подавая Альтингу сигару и огня, и принуждая его сѣсть на диванъ.

Альтингъ замѣтилъ, что всѣ письма и докумѣнты исчезли со стола. Графъ старательно припряталъ ихъ, пока Форбекъ бесѣдовалъ съ бутылкой, наблюдая за тѣмъ, чтобы будущій зять не подходилъ слишкомъ близко къ столу.

— Мнѣ нужна рука, которая бы дѣйствовала за меня, уста, которыя бы за меня говорили, ухо, которое бы за меня слушало, — сказалъ графъ.

— Я юрисконсультъ и занимаюсь у одного адвоката, — отвѣчалъ Альтингъ на это странное вступленіе. — Я могъ бы навести необходимые справки.

— Только не у вашего Луціуса...

— Но, вѣдь, кажется онъ завѣдывалъ имущественными дѣлами вашего дяди?

— На этотъ счетъ все въ порядкѣ! Имущественный вопросъ не представляетъ никакихъ затрудненій. Состояніе дяди отдѣлено отъ состоянія тѣтки. Со временемъ я наслѣдую тому и другому. Нѣтъ, нѣтъ, — прибавилъ графъ, опуская глаза, — есть еще иное наслѣдіе, честь дяди, которую мнѣ приходится оберегать, его добрая слава...

— Незаконныя дѣти? — догадался Оттомаръ.

— Нѣчто въ этомъ родѣ.

Молодые люди умолкли. Никто изъ нихъ, повидимому, не обладалъ способностью легко относиться къ чужимъ заблужденіямъ. Этому научаются или въ преклонныя лѣта, вслѣдствіе развительнаго духа злословія, или раньше, въ силу собственной порочности.

Графъ Удо сказалъ:

— Вонъ, въ томъ письменномъ столѣ я не нашелъ никакихъ указаній на счетъ существованія незаконныхъ дѣтей. Дядя умеръ такъ внезапно, что не успѣлъ привести въ порядокъ своихъ бумагъ. Онъ возвратился по обыкновенію около одиннадцати часовъ вечера изъ дворянскаго клуба, почувствовалъ себя дурно и

скончался скоропостижно. Хорошая тётка, которая на него молдилась, и къ которой онъ самъ относился съ крайней предупредительностью и добротой, думала, что онъ аккуратно посѣщаетъ клубъ... думала такъ въ продолженіи четырехъ-пяти лѣтъ... безъ всякаго основанія... Я въ этомъ увѣренъ... Хотя кто возьмется морализировать? Но эта исторія, съ теперешними ея послѣдствіями, дѣлаетъ меня истинно несчастнымъ...

Альтингъ желалъ сдержать не выраженіе, но силу нравственной скорби словами:

— Итакъ, моему отцу не слѣдуетъ изображать якоря на монументѣ.

— Видите, — вскричалъ графъ, — вы уже пускаете въ ходъ гамлетовскій образный языкъ! Нѣтъ, онъ именно долженъ изобразить якорь! Чувства тётки должны быть пощажены! Она получила сантиментальное воспитаніе, находитъ радость въ выраженіи своей печали, и если это одно можетъ ее утѣшить, то кто пожелаетъ отнять у нея эту мечту!

Альтингъ ничего не слыхалъ про госпожу Эдвину Марлофъ, имя которой графъ произнесъ шопотомъ. Онъ пока еще не поручаетъ ему навѣдаться по адресу, котораго самъ еще не имѣетъ въ рукахъ. Но, кажется, что эта барыня замужемъ за негодеемъ, который продалъ ее покойному графу. Графа особенно тревожило то обстоятельство, что этотъ Марлофъ уже приходилъ разъ въ домъ графа и толковалъ съ прислугой. Къ счастью, въ тотъ разъ онъ не засталъ никого изъ господъ дома. Онъ объявилъ, что напишетъ. И дѣйствительно, прислалъ письмо, къ счастью адресованное на имя графа. Въ немъ онъ желалъ узнать, какія распоряженія оставилъ графъ относительно его жены. Ему извѣстно, что графъ обѣщалъ завѣщать ей тридцать тысячъ талеровъ.

— Безсовѣстный! — закричалъ Альтингъ. — Онъ, вѣроятно, игрокъ или вообще какой-нибудь совсѣмъ пропащій человекъ.

— Я покажу вамъ его письмо. Онъ требуетъ въ немъ скорѣйшаго рѣшенія...

И какъ будто въ подтвержденіе этихъ послѣднихъ словъ, сказанныхъ съ жаромъ, хотя и вполголоса, послышался стукъ въ дверь.

La Rose вошелъ въ комнату съ докладомъ, что пришелъ тотъ самый господинъ Марлофъ, котораго графъ не приказалъ принимать.

— Мошенникъ! Навѣрное уже по виду можно судить, что онъ негодай! — вскричалъ по-французски графъ, дрожа всѣмъ тѣ-

домъ, между тѣмъ какъ Оттомаръ, взволнованный приключеніемъ, въ которомъ долженъ былъ оказать свое содѣйствіе пріятелю, крѣпко схватился за спинку стула.

— Au contraire, monseigneur! Un homme comme il faut! A peu près un ancien professeur! — отвѣчалъ камердинеръ.

Ларозу приходилось изучать на дипломатическомъ поприщѣ столько загадочныхъ фізіономій, что на его сужденіе можно было положиться.

Тѣмъ не менѣе графъ рѣшительно отказался принять г. «инженера» Марлофа, который прислалъ свою карточку. Онъ велѣлъ сказать ему, что напишетъ или пришлетъ довѣренное лицо съ отвѣтомъ.

— Это попрошайка! — закричалъ Оттомаръ.

Ларозъ покачалъ головой и усмѣхнулся. Онъ зналъ, каковы бывають попрошайки изъ того, что наблюдалъ въ различныхъ консульствахъ. Но тѣмъ не менѣе передалъ посѣтителю отказъ графа принять его такъ же рѣшительно, какъ и вѣжливо.

Альтингъ предвидѣлъ, что ему придется играть роль посредника, болѣе приличную, быть можетъ, его принципалу, Луціусу.

— Дайте мнѣ письмо этого человѣка, я наведу о немъ справки и навѣдаюсь къ нему. Ни о какомъ платежѣ не можетъ быть и рѣчи!

— Въ такомъ случаѣ мы наживемъ процессъ! — началъ графъ, обрадовавшись, что Альтингъ принимаетъ на себя переговоры объ этомъ неприятномъ дѣлѣ.

— Если бы даже вы и заплатили 30,000 талеровъ, то не замажете имъ этимъ рта, — замѣтилъ молодой юристъ.

— Конечно, конечно! — отвѣчалъ графъ, поглядывая на дверь, ведущую въ покои овдовѣвшей графини.

Оттомаръ ушелъ. Часъ его обѣда давно уже прошелъ. Вечеромъ новые союзники должны были вновь сойтись.

II.

Снова наступилъ безгазетный понедѣльникъ. Снова выстроились небольшія бутылки рейнскаго вина на длинномъ столѣ, покрытомъ зеленой клеенкой. Снова дружеское «ага!» встрѣчало каждого изъ входящихъ. Даже зараженный нервной, тротуарной болѣзью скульпторъ пришелъ сегодня въ клубъ. Санитарный совѣтникъ Эльгестеръ просидѣлъ съ четверть часа возлѣ него, щупая ему пульсъ, который нашелъ превосходнымъ. Онъ

спокойно замѣтилъ: «я скоронилъ нѣсколько покойниковъ на этихъ дняхъ! Поэтому, мнѣ можно посидѣть съ полчаса съ Серапіоновыми братьями. Къ тому же, врачъ и скульпторъ работаютъ другъ другу въ руку».

— Серапіоновы братья!—закричалъ изъ темнаго угла громкій, рѣзкій голосъ.—Это названіе изъ гофмановскихъ старыхъ временъ собственно нейдетъ къ намъ. Намъ бы слѣдовало называться братьями Сераписа! Хотя я лично знавалъ человѣка съ свиной фizioноміей и свиной натурой, который далъ это названіе собранію повѣстей различнаго достоинства. Его Серапіоновы братья собирались для такого же времяпрепровожденія, какъ и мы, и окрестили себя такъ въ память старыхъ монаховъ, изъ коихъ многіе назывались Серапіонами. Я знаю объ одномъ изъ нихъ отличную, чисто-католическую легенду. Онъ былъ бѣденъ. Однажды повстрѣчалась ему вдова и попросила милостыни.

— Бѣдная женщина, мнѣ нѣчего тебѣ дать,—сказалъ онъ.— Но погоди! Вонъ тамъ проходитъ труппа бродячихъ комедіантовъ, я продамъ имъ въ кабалу, а деньги отдамъ тебѣ. Комедіанты были такъ тронуты благородствомъ души этого монаха, что дали ему и денегъ, и свободу.

— Нельзя ли это обработать въ новѣйшемъ духѣ? — закричали со смѣхомъ съ различныхъ сторонъ.

— Состряпать изъ этого водевилъ?

— Монахъ долженъ чистить лампы для актѣровъ.

— Онъ долженъ служить клавиромъ, хлопотать о рекламахъ.

Другіе голоса потребовали молчанія. Они хотѣли послушать про братьевъ Сераписа.

Санитарный совѣтникъ стоялъ за братьевъ Сераписа. Онъ называлъ Сераписа египетскимъ эскулапомъ. Только съ тою разницей, прибавлялъ онъ, что Сераписъ былъ въ то же самое время и солнцемъ ночи.

Всѣ прислушались и повторили: солнцемъ ночи?

— Да,—продолжалъ санитарный совѣтникъ,—глубокая идея—это египетское представленіе о ночномъ солнцѣ, солнцѣ, свѣтящемъ намъ ночью, какъ эмблема науки, таинственной жизни природы. И у египтянъ религія имѣла еще и ту хорошую сторону, что занималась также и врачеваніемъ тѣла. Жрецы лечили болѣзни частію молитвами, какъ это и теперь еще дѣлается въ Мюнхенѣ и въ Вестфали, частію дѣтскими началами нашей *matéria medica*. Что жрецы Сераписа образовали тѣсно сплоченное братство и не допускали никакихъ уклоненій,—лежитъ въ характерѣ каждаго ученія, исключающаго сомнѣніе. Образъ дѣйствій

нашихъ теперешнихъ партій очень схожъ съ этимъ. Кто посвященъ въ Элевзинскія таинства какой-нибудь фракціи, тотъ долженъ соглашаться со всѣмъ, что говорятъ вожаки партій. Все снова стремится къ ложѣ, господа,—къ масонской ложѣ!

— Преобладаніе медицинской идеи въ вашемъ объясненіи смущаетъ меня,—замѣтилъ Тризель, живописецъ, изукрашенный всѣми орденами какъ христіанскихъ, такъ и восточныхъ дворовъ, и приподнял на лобъ золотыя очки.—Къ тому же, мы засѣдаемъ не по ночамъ. Останемся лучше при нашемъ простомъ, новѣйшемъ Серапионовомъ братствѣ!

Санитарный совѣтникъ торопился, поглядѣлъ на часы и поднялся съ мѣста, продолжая отставивать братьевъ Сераписа и шута воскликнуть:

— Вѣдь это богъ умершихъ душъ! Ночное солнце! А ночью, къ сожалѣнію, зачастую звонятъ у дверей врача!

Онъ вышелъ, столкнувшись въ дверяхъ съ новыми посѣтителями. Комната наполнилась новыми лицами, которыя радовались, найдя собраніе такимъ оживленнымъ и многолюднымъ.

— Видите ли,—проговорилъ чей-то голосъ, что въ наше время нельзя людямъ сойтись вмѣстѣ безъ того, чтобы тотчасъ же о чемъ-нибудь не поспорить. Мы препираемся даже изъ-за того, какъ намъ называться!

Другой, вставшій съ тѣмъ, чтобы уходить, замѣтилъ:

— Вообще говоря, наше Серапиново братство слишкомъ распущенное общество! Мы точь-въ-точь люди въ католическихъ странахъ, которые, отправляясь на рынокъ, забѣгаютъ по дорогѣ въ церковь, положить два-три поклона, окропать себя святой водой и обгугутъ затѣмъ за картофелемъ и рѣпой.

Это говорилъ совѣтникъ юстиціи Луціусъ, собиравшійся уходить.

— Стойте, совѣтникъ! — закричалъ ему вслѣдъ Тризель:— сравненіе недурно! Такимъ же образомъ отбываешь свою повинность относительно прекраснаго и возвышеннаго, записавшись въ клубъ художниковъ! За пять талеровъ въ годъ получаешь право не заботиться больше ни о какихъ художествахъ! Не такъ ли, Альтингъ?

— Ему нужно тоже одобреніе отдѣльныхъ лицъ,—пробормоталъ сквозь зубы Альтингъ. — Такъ-называемое «всеобщее одобреніе» больше его не удовлетворяетъ.—И такъ какъ замѣчаніе Тризеля вызвало общій вздохъ:—какъ устроиться лучше? Альтингъ отвѣчалъ громкимъ голосомъ:

— Пусть каждый отдѣляется отъ своего себялюбія! Пусть пойметъ, что, вромѣ его погони за почестями, отличіями, деньгами,

существуетъ еще нѣчто другое! То, что происходитъ въ церквахъ или на театрѣ, нисколько не доказываетъ уваженія къ высшему смыслу жизни. Въ будничной, повседневной жизни остается въ той же силѣ стремленіе къ власти, стремленіе раздавить своего противника. А главное — бросьте преувеличенія, не отдѣлывайтесь фразами изъ Шиллера и Гёте, и вы увидите, что вашъ Пегасъ живо превратится въ старую извощичью влячу, а ваше современное государство въ бѣшеную собаку, набрасывающуюся на людей...

— Альтингъ! Альтингъ! — протестовали съ разныхъ сторонъ. Совѣтникъ юстиціи скрылся. Дальнія разстоянія и вуча дѣлъ, тяготѣвшая на плечахъ этого оригинальнаго, для многихъ загадочнаго человѣка, должны были бы, казалось, побудить его исполнить страстное желаніе его жены и дочерей, завести собственный экипажъ. Но страдавшій полнокровіемъ или душевнымъ разстройствомъ совѣтникъ объявилъ, что хочетъ по возможности быть свободнымъ, а это невозможно, когда заведешь свой экипажъ. Тогда становишься рабомъ неразумныхъ звѣрей, и жертвой звѣроподобныхъ, черезъ каждыя двѣ недѣли мѣняющихся кучеро夫. Онъ предпочитаетъ ѣздить на извощивахъ, которыхъ можно найти на всѣхъ углахъ.

Такъ и теперь — онъ подозвалъ извощика и вскорѣ былъ уже на своей квартирѣ, гдѣ его дожидалась толпа клиентовъ. Домовладѣльцы, спекулянты, женщины, желающія развестись съ мужьями, другія, уже успѣвшія развестись и нажить новыя хлопоты — все наперерывъ стремилось къ адвокату, прославившемуся въ газетахъ своими удачными процессами.

Высокій, толстый человѣкъ, страдавшій легкой отдышкой, вѣчно дѣятельный и, быть можетъ, вѣчно занятый мыслью о томъ, гдѣ бы ему достать денегъ, не нарушая приличій, долженъ былъ самъ неоднократно въ жизни испытывать желаніе развестись съ женой. Въ настоящую минуту совѣтница и ея двѣ дочери: Саша и Церлина, снова завладѣли всѣмъ служебнымъ персоналомъ отца съ цѣлью обезужденія предстоявшаго бала. Въмѣсто того, чтобы сидѣть въ конторѣ и составлять апелляціонныя жалобы, Оттомаръ Альтингъ, Иоганнъ Фоглеръ и Эдмундъ Дитеричи, на которыхъ эти женщины смотрѣли, какъ на отцовскихъ невольниковъ, были призваны дамами изобрѣтать фигуры для котильона.

— Вы сегодня совсѣмъ безтолковы! — вскричала Саша, жестливо глядя на Оттомара.

Въ другихъ случаяхъ этотъ, самый способный изъ сотрудниковъ отца бывалъ всегда очень любезенъ. Но сегодня у него

голова была полна всякаго рода соображеніями, кромѣ соображеній объ оригинальныхъ фигурахъ для вотивьона.

— Обратитесь къ Теодориху!—отвѣчалъ онъ, и хотѣлъ уйти.

— Альтингъ!—вскричалъ тотъ, на кого онъ указывалъ, референдарій Дитерици, худенькая, блѣдная фигурка съ бѣлокурыми, завитыми волосами,—и вы тоже позволяете себѣ коверкать мое имя...

— Остготъ! — вскричалъ третій изъ помощниковъ, Фоглеръ, крупный, склонный къ толщинѣ человекъ,—почему вы отказываетесь отъ трагической судьбы вашего дома! Теперь, когда вы заключили союзъ съ сарматами и можете соединенными силами ринуться на Римъ...

Дитерици не могъ не разсмѣяться. Онъ понялъ намѣкъ на его новую, хорошенькую хозяйку, нѣмецкую польку и католичку, у которой была вдобавокъ хорошенькая черноволосая сестра.

— Ахъ! оставьте это, г. Фоглеръ!—вскричали дамы, и въ самомъ дѣлѣ готовились злоупотребить драгоценнымъ временемъ отцовскихъ сотрудниковъ на изобрѣтеніе вотивьонныхъ фигуръ; если бы вдругъ не раздалось:—папá пріѣхалъ!

Пріѣздъ совѣтника юстиціи позволилъ тремъ мученикамъ спастись бѣгствомъ. Фоглеръ утверждалъ, что у него синяки на руцѣ отъ щипковъ этихъ фурій. Дитерици, прозванный Теодорихомъ, большой педантъ и крайне тщеславный человекъ, хотя на видъ и добродушный, объявилъ, что намѣренъ уклоняться на будущее время отъ подобныхъ tête-à-tête съ дочками своего принцепала, тѣмъ болѣе, что маленькая Церлина позволила себѣ, не обинуясь, отвѣтить на какое-то его замѣчаніе:— вы глупы! и вообще была очень дерзка на языкъ. Маменька порывалась было обуздывать своеволие дочекъ, но у нея не хватало времени. Вѣчные визиты, вѣчная бѣготня по театрамъ и собраніямъ, лѣтомъ поѣздки на воды—жизнь проходила какъ въ чадѣ. Когда тутъ было заниматься воспитаніемъ дочерей или инымъ дѣломъ. Все это называлось быть естественнымъ. У двѣцъ было общей модой разыгрывать своевольную «простушку», и Оттомаръ долженъ былъ сознаться про себя, что у завѣщанной невѣсты графа Трейенфельса, Ады фонъ-Форбекъ, точно такія же манеры и обращеніе..

Оттомаръ вспомнилъ про письмо безсовѣстнаго мужа, продавшаго свою молодую, прекрасную жену. Въ немъ обозначенъ былъ и адресъ. Мужъ жилъ въ одномъ изъ предмѣстievъ города. Письмо было коротко и ясно: оно требовало 30,000 талеровъ, обѣщанныхъ будто бы графомъ.

Альтингъ взялъ извожника и поѣхалъ по данному адресу.

Его подвезли въ красивому новому дому; но когда онъ спросилъ, гдѣ живетъ инженеръ Марлофъ, то провели на второй дворъ, довольно, впрочемъ, чистый и свѣтлый. Ему пришлось подняться въ четвертый этажъ по не совсѣмъ опрятно содержанной, узкой лѣстницѣ! А онъ-то воображалъ найти человѣка, обѣдающаго не иначе, какъ въ дорогихъ ресторанахъ, избалованнаго сибарита. Съ удивленіемъ постучался онъ въ дверь, на которой дѣйствительно стояло означенное имя. Простая маленькая рабочая комната представилась его взорамъ. На большомъ столѣ, стоявшемъ у самаго окна, лежали планы, циркули и всякіе инструменты, пригодные для инженера. Немедленно отворилась дверь въ сосѣднюю комнату, и загорѣлый, средняго роста человѣкъ, съ сѣдыми волосами, черными, огненными глазами, въ полосатой курткѣ, безъ подтяжекъ на спустившихся панталонахъ, оторванный очевидно отъ обѣда, рѣзко встрѣтилъ его словами: «Что вамъ угодно? кого вамъ нужно? Чѣмъ могу вамъ служить? Не ошиблись ли вы дверью?»

«Навѣрное, скрага!» подумалъ Оттомаръ. Онъ не тотчасъ нашелся что отвѣтить. Этотъ мужъ легкомысленной молодой женщины, этотъ мотъ и кутила былъ накрытъ имъ во время обѣда, въ которомъ говядина не играла, повидимому, никакой роли. По крайней мѣрѣ, онъ видѣлъ на столѣ только картофель, морковь и колбасу.

— Я желалъ бы переговорить съ г. инженеромъ Марлофомъ... и, кажется, дѣйствительно ошибся...

— Я инженеръ Марлофъ! У меня слишкомъ много заказовъ. Больше не принимаю...—прозвучалъ нелюбезный отвѣтъ.

Господинъ инженеръ, лицо котораго постепенно разгоралось, испытывалъ, повидимому, желаніе вышвырнуть посѣтителя за дверь.

— Я пришелъ по порученію графа Трейенфельса и долженъ узнать, по какому праву вы предъявляете дерзкое требованіе...

— Это больше меня не касается!—перебилъ старикъ съ гнѣвнымъ взглядомъ.—Жена сама взялась хлопотать объ этомъ дѣлѣ! Она сама написала молодому графу. Оставьте меня въ покоѣ съ этимъ дѣломъ! Оно меня больше не касается. Вы помѣшали мнѣ обѣдать.

— Долженъ сознаться,—возразилъ Альтингъ,—что ожидаю отъ вашей, по всей вѣроятности роскошно живущей, супруги болѣе заботливости о комфортахъ своего снисходительнаго мужа...

— Ха, ха, ха!—залился мефистофелевскимъ смѣхомъ ото-

рванный отъ обѣда Діогенъ. — Милостивый государь, — продолжалъ онъ, — по какому праву вы вѣщиваетесь въ мои дѣла? Комфортъ! комфортъ! Я самъ знаю, что мнѣ по вкусу. Сорочъ тысячь чертей! — вопросъ порѣшенъ. Жена сама хочетъ предъявить свое требованіе. Графъ сегодня получить ея письмо, и затѣмъ оставьте меня въ покоѣ. Мнѣ, какъ вы можете легко повѣрить, не очень пріятно толковать объ этомъ предметѣ, и я радъ, что умылъ руки въ этомъ дѣлѣ. Впрочемъ, графъ Вильгельмъ былъ честный человѣкъ. Мы никакихъ злодѣйствъ не замыслиаемъ, а потребовали только необходимаго! Милостивый государь, свѣтъ такъ устроенъ, что человѣкъ не всегда таковъ, какимъ онъ кажется! Вашъ покорный слуга! Прощайте.

Во вниманіе къ жалкому, простывшему обѣду и упоминанію о графѣ Вильгельмѣ, Оттомаръ рѣшилъ удалиться.

— Но я долженъ васъ все-таки попросить, — сказалъ онъ, уже уходя, и невольно возвысилъ голосъ: — не беспокоить молодого графа, моего пріятеля, который прислалъ меня къ вамъ, ни своими письмами, ни своими посѣщеніями! Что ваша супруга сама рѣшается взять перо въ руки — это просто-на-просто жестоко и крайне недобросовѣстно относительно тѣтки графа!

Послѣднія слова Альтингъ проговорилъ уже для себя, потому что старикъ, нахмуренное лицо котораго не выказывало ни малѣйшаго участія къ этому дѣлу, сердито залеръ за нимъ дверь.

Что здѣсь скрывается таинственная житейская драма — это казалось для посланнаго внѣ всякаго сомнѣнія. Оттомаръ представлялъ себѣ досаду графа при полученіи упомянутаго письма. Старикъ этотъ не похожъ, однако, на попрошайку. Столъ, покрытый документами и планами, указывалъ на постоянныя занятія. Стекланный ящикъ съ чучелами птицъ, быть можетъ, принадлежалъ ховяину мебелированныхъ комнатъ. Но богатая коллекція хорошо переплетенныхъ книгъ, которыя онъ замѣтилъ на полкахъ на стѣнѣ, должна была принадлежать старику. Между полками висѣлъ, какъ онъ это замѣтилъ, револьверъ. Онъ, быть можетъ, женился на молодой женщинѣ, — подумалъ Оттомаръ, который, подобно многимъ молодымъ юристамъ, узналъ человѣческую низость прежде всего изъ юридическихъ книгъ, — она убѣждала отъ него и онъ не хочетъ больше ее знать! Требованіе тридцати тысячъ талеровъ было его послѣдней уступкой. Теперь она хочетъ дѣйствовать самостоятельно. Она постарается очаровать молодого графа... Эта послѣдняя мысль точно будто освѣтила для него какимъ-то роковымъ свѣтомъ будущее. Точно элек-

трическій свѣтъ внезапно озарилъ окутанную сумракомъ окрестность. Ему представилось, какъ-бы въ волшебномъ фонарѣ, графъ въ объятіяхъ Цирцеи; онъ самъ, скачущій верхомъ на лошади возлѣ Ады Форбекъ по парку, и его сестра Елена, плачущая вдали.

Какія только комбинаціи не слагаются въ мозгу людей подъ вліяніемъ необыденныхъ впечатлѣній!

И вотъ какъ разъ въ эту самую минуту его опять приветствовалъ дружескій поклонъ, на этотъ разъ изъ коляски. Ада фонъ-Форбекъ съ матерью и братомъ промчалась мимо него въ экипажѣ графа Трейенфельса. Юстиціи совѣтникъ Луціусъ поразказалъ ему дивовиныхъ вещей про эту генеральшу фонъ-Форбекъ. Мать прекрасной молодой невѣсты, въ черномъ шелковомъ платьѣ съ свѣтло-желтыми кружевами и пунцовыми бантами, легкой, черной шляпѣ съ перьями и красными цвѣтами, уже съ этихъ поръ отсылала счета отъ модистокъ и мебельныхъ фабрикантовъ къ кассиру графа, и злые языки прибавляли, что Максъ фонъ-Форбекъ негласнымъ образомъ приписалъ къ этимъ счетамъ также и свои долги.

Видъ ресторана напомнилъ Оттомару, что наступилъ часъ обѣда и пора подумать и о брэнномъ тѣлѣ.

Графъ Удо посѣтилъ скульптора неожиданно на его квартирѣ, какъ было условлено съ Оттомаромъ, и старикъ согласился принять заказъ на мавзолей. Графъ Трейенфельсъ явился въ одинъ изъ прекрасныхъ осеннихъ вечеровъ. Оттомаръ очень благоразумно сдѣлалъ, что не предупреждалъ никого объ его посѣщеніи, потому что въ противномъ случаѣ отецъ его встрѣтилъ бы графа съ недоверіемъ и врядъ ли бы дѣло состоялось. Теперь же вечеръ вышелъ очень удачный. Сестра Оттомара, прелестная дѣвушка, умная и образованная, и его, все еще привлекательная, хотя и болѣзненная, мать содѣйствовали тому, что вечеръ пролетѣлъ незамѣтно, и графъ Удо, уходя отъ нихъ въ сопровожденіи Оттомара, былъ въ такомъ восторженномъ настроеніи, что замѣтилъ Оттомару: — Мы должны говорить другъ другу *ты*, а церемонію, предшествующую этому, мы выполнимъ какъ-нибудь при удобномъ случаѣ.

Древность, выказывавшая очень грубыя чувства въ этихъ вещахъ, величала скульптора не художникомъ, но ремесленникомъ.

Но ремесленную часть этого искусства исполняютъ для скульптора помощники, такъ-называемые пунетиреры, которые отесы-

ваютъ мраморъ по точкамъ, обозначеннымъ самимъ мастеромъ и готовятъ фигуру, которую долженъ изображать благородный камень.

Пунктиреры, многіе годы уже находившіеся въ услуженіи у скульптора Альтинга, звались Плюмике и Блаумейсель. Первый даже жилъ въ верхнемъ этажѣ мастерской, т.-е. на чердакѣ, гдѣ человѣку приходится постоянно сгибаться и противъ воли принимать покорную позу. Онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и сторожемъ мастерской, расположенной въ глубинѣ сада, окружавшаго красивый домъ, въ которомъ жилъ Альтингъ. Блаумейселя Альтингъ уступалъ по временамъ другимъ художникамъ, покровительствуемымъ при дворѣ скульпторамъ, ваятелямъ гражданскихъ и военныхъ монументовъ, фабрикующимъ изъ году въ годъ, за неизмѣнимъ лучшимъ, статуи побѣды, которыя всегда расходятся. Но Альтингъ выговаривалъ при этомъ, что Блаумейсель немедленно вернется къ нему, какъ только онъ ему понадобится. Онъ взялъ съ него простое обѣщаніе, и до сихъ поръ еще ни разу контрактъ не былъ нарушенъ, хотя у Блаумейселя была жена, вербовавшая его въ социаль-демократы. Фрау Блаумейсель, полька изъ восточныхъ прусскихъ провинцій, любила развлечения, была хороша собой и таскала мужа на собранія, гдѣ за кружкой пива услышишь такъ много краснорѣчивыхъ рѣчей о «страданіяхъ народа». Референдарій Теодорикъ нанималъ у ней комнату и съ восторгомъ отзывался объ ея поварскомъ искусствѣ.

Мастерская состояла изъ двухъ большихъ комнатъ и множества разныхъ закоулковъ. Даже собачья конура, помѣщавшаяся рядомъ, но необитаемая, была употребляема въ дѣло.

Мастеръ Альтингъ охотно оставлялъ раскрытою дверь, которая вела изъ его комнаты въ другую, гдѣ занимались пунктиреры. Онъ говорилъ мало, но охотно слушалъ, когда другіе разговаривали, а его помощники не умѣли молча работать. Развитие начинается только тогда, когда приобретаешь силу сдерживать свою экспансивность.

— Плюмике, не дѣлайте этого!—сказалъ сегодня Альтингъ, работая, когда этотъ послѣдній, по счастью, небольшого роста, но плечистый человѣкъ, съ добродушными голубыми глазами и не особенно умнымъ лицомъ, вернулся къ своей любимой тѣмѣ!—Я ужъ и то съ ужасомъ помышляю о пытѣхъ, какою приходится выносить вашему позвоночному столбу тамъ, на чердакѣ, а тутъ еще вы добровольно собираетесь себя мучить.

— Господинъ профессоръ!—вмѣшался Блаумейсель. — Плюмике только страшаетъ насъ! Все это вліяніе овощей, растущихъ

здѣсь въ саду! Они заставляютъ его пытаться шпинатомъ и яйцами! У насъ онъ живо обратится на путь истинный. Напротивъ насъ живетъ мясникъ.

— Бррр!—замѣтилъ Плюмике, отряхиваясь.

— Подумайте только, какая это роскошь!—продолжалъ развеселившійся Альтингъ, даже пропустивъ безъ вниманія титулъ «профессора», который Блаумейсель подцѣпилъ въ другихъ мастерскихъ,—вы хотите копить, а яйца теперь дороги, какъ я не знаю чтó... онъ проглотилъ слова: я это слышу ежедневно за обѣдомъ.

— Что касается яицъ,—вскричалъ Блаумейсель,—то онъ хочетъ поступить на фабрику лакированной кожи! Тамъ яйца покупаются тысячами, а въ дѣло идетъ одинъ только бѣлокъ. Желтокъ же продается бочками отелямъ и ресторанамъ! Ну, вотъ ему и можно будетъ покупать тамъ желтки и готовить себѣ драчену или что-нибудь въ этомъ родѣ. Масло допускается этими шарлатанами.

Плюмике готовился превратиться въ брамина.—Шарлатаны!—воскликнулъ онъ, приведенный растительной пищею въ мрачное Шопенгауrowsкое настроеніе духа. Къ сожалѣнію, у него не хватало мужества провести въ жизнь то, чтó онъ признавалъ въ принципѣ. Сосиска изъ сосѣдней колбасной, лукаво пожираемая у него подъ самымъ носомъ Блаумейселемъ, доставляла ему муку Тантала. Блаумейсель задѣлъ его большое мѣсто: нерѣшительность.

Мать Елены имѣла привычку отдыхать послѣ обѣда. Отецъ возвращался къ занятіямъ, а Елена, съ книгой или работой въ рукахъ, отправлялась въ ту часть сада, которая прилежала къ мастерской, а потому не была возбранена для обитателей четвертаго этажа.

Сегодня стоялъ теплый осенній день; Елена вышла въ лѣтнемъ свѣтло-сѣромъ платьѣ, въ легкой шерстяной матеріи, съ вышиваньемъ въ рукахъ, въ ту часть сада, которая величалась паркомъ. Ея рыжевато-бѣлокурые волосы густыми косами спускались до самаго затылка. Кожа ея была прозрачной бѣлизны. Улыбка отрывала маленькіе бѣлые зубки. Она была такъ хорошо сложена, что казалась высокаго роста, хотя въ сущности была невелика. Она доставала подбородкомъ только до плеча брата и должна была приподниматься на цыпочкахъ, чтобы поцѣловать его въ щеку въ день его рожденія.—Въ остальное время онъ не допускалъ такихъ нѣжностей!—говаривала она съ комической грустью. Она вошла въ мастерскую.

Присутствіе дочери не помѣшало скульптору продолжать свою работу. Онъ дѣлалъ людей изъ глины.

— Плюмке участвуетъ въ вашихъ социалистическихъ шалостяхъ!— прозвищъ выразительно скульпторъ.— Вамъ, какъ художникамъ, не слѣдъ было бы путаться въ эти дѣла! — проворчалъ онъ.

— Г. профессоръ, тамъ есть..., — хотѣлъ было возразить Блаумейсель, но Альтингъ сердито перебилъ его:

— Оставьте къ чорту проклятый титулъ! Я васъ не буду пускать въ другія мастерскія, Блаумейсель! Вы напоминаете мнѣ, съ позволенія сказать, охотничью собаку, которую уступаешь на свою бѣду пріятелямъ. Иногда животное ворочается къ вамъ съ такими замашками, что остается только его пристрѣлять.

— Папа! папа! — укоризненно остановила его Елена, входя въ мастерскую. Она разслышала послѣднія слова.

Плюмке покачалъ головой и поглядѣлъ на своего товарища Блаумейселя, которому слѣдовало бы знать, какъ здѣсь относятся къ титулу профессора.

— Я—профессоръ! — вскричалъ Альтингъ. — Они навязали мнѣ этотъ непрощенный титулъ. Профессоръ и художникъ плохо ладятъ другъ съ другомъ! Профессоръ стоитъ обыкновенно за рутину, ремесло, а искусство—свободно. Конечно, художники могутъ быть профессорами, но художникъ почти всегда умираетъ въ профессоръ! Сейчасъ у него являются претензіи, точно ревматизмъ, схватывающій человѣка, поспавшаго у сырой стѣны!

Альтингъ смягчился и пожелалъ узнать подробности о посѣщеніяхъ социаль-демократическихъ собраній.

— Художники, г-нъ профес...— началъ было опять Блаумейсель, но тотчасъ поправился:— г-нъ Альтингъ! Вы правы! Я тоже чувствую себя художникомъ, и не дамъ своротить себя съ своей дороги. Блаумейсель, сказалъ я себѣ, когда я родился въ Силезіи... ахъ! тѣ, бишь, когда я раздумался надъ своимъ именемъ— что означаетъ твое имя? Во-первыхъ, вторая половина его означаетъ—рѣзецъ, а, во-вторыхъ, въ цѣломъ выходитъ—милая синичка, хорошая птица! Я не вѣрю, чтобы мое имя стояло въ уменьшительномъ просто изъ одной ласки, какъ увѣряетъ моя жена. Но наружность обманчива. И вотъ это-то и дѣйствуетъ на мою жену. Она такъ любитъ проводить вечера въ обществѣ. Когда газъ горитъ въ лампахъ, музыка играетъ, кельнеры бѣгаютъ взадъ и впередъ, и скринки завываютъ, а въ воздухѣ носится, стоитъ запахъ сосисекъ...

— Тогда бывшая вухарка-полька чувствуетъ себя въ своей тарелкѣ!— договорилъ Альтингъ.

— Уже одинъ этотъ противный запахъ сосисекъ, о которомъ

вы такъ краснорѣчиво распространяетесь, можете обратить чело-
вѣка въ приверженца растительной пищи,—замѣтилъ Плюмике.

Елена читала книгу и слушала только однимъ ухомъ.

— Ахъ! когда Плюмике станетъ моимъ зятемъ...,—прогово-
рилъ Блаумейсель.

Плюмике вышелъ изъ себя отъ этой нескромности.

— Что? какъ?—спросили въ одинъ голосъ Альтингъ и Елена.

— Да, моя свояченица вскружила ему голову,—продолжалъ
Блаумейсель невозмутимо. — Ее зовутъ Жозефа; она только-что
пріѣхала изъ Польши. Конечно, она должна была поступить въ
услуженіе и получила хорошее мѣсто... Какъ, бишь, зовутъ ея
госпожу?

Плюмике освѣжилъ слабую память своего товарища, назвалъ
имя г-жи фонъ-Марлофъ.

— Да! пахнетъ свадьбой!—задумчиво проговорилъ Альтингъ
какъ бы про-себя.—Плюмике собирается жениться.

— Что вы? что вы?—протестовалъ этотъ послѣдній.

— Онъ сдѣлается социаль-демократомъ, приверженцемъ ра-
стительной пищи, если ему позволить жена. Онъ женится на
сестрѣ г-жи Мишелины Зипоровиусъ. Ну, вотъ, тогда женѣ можно
будеть завладѣть, наконецъ, чердакомъ для своего стараго хлама!
Насъ здѣсь, вѣдь, навѣрное никто не обокрадетъ!

— Хорошо придумали, нечего сказать!—вскричалъ Плюмике,
когда Елена стала его поздравлять.—Воображаете, что вы здѣсь
въ безопасности? Третьяго-дня еще полиція накрыла двадцать-
пять бродягъ, которые ночевали у «тѣтки Грюль». И, кромѣ того,
я всего только два раза и видѣлъ эту мамвелъ! Теперь она по-
ступила на мѣсто къ одинокой дамѣ, которая развелась съ му-
жемъ. Богъ вѣсть! увижусь ли я съ ней опять! Нѣтъ, г-нъ Аль-
тингъ, борьба за существованіе становится все труднѣе, все до-
роже, и всякіе лишніе рты...

— Борьба за существованіе!—перебила Елена.—Это все со-
циалистическія идеи сбиваютъ васъ съ толку, Плюмике. Вы под-
хватили это выраженіе на сходкахъ! Марта Элердтъ рассказывала
мнѣ страшныя вещи объ этомъ! Но что я вижу?—Вотъ и она
сама!—радостно закричала она, бросаясь на встрѣчу молодой
дѣвушкѣ, въ теплоемъ осеннемъ простомъ платьѣ, стального цвѣта,
которая, вся раскраснѣвшись, вбѣжала въ садъ, обняла Елену и
поцѣловала ее со словами:

— Я только на минутку забѣжала,—меня ждетъ карета на
улицѣ! Я должна исполнить пропастъ порученій дамскаго коми-
тета, за которыя взялась-было наша совѣтница, когда она еще

была покрѣпче, а теперь она заболѣла, и все падаетъ на меня...

Елена знала о странныхъ отношеніяхъ въ домѣ фабриканта Вольни, гдѣ Марта жила въ качествѣ *dame-de-compagnie*, а братъ ея былъ управляющимъ фабрикой.

— Я читалъ въ газетахъ,—замѣтилъ Альтингъ,—что на вашей фабрикѣ стачка, и что вашъ братъ главный ея зачинщикъ! Передайте ему, что, во избѣжаніе споровъ, до которыхъ я не большой охотникъ, я прошу его не посѣщать больше моего дома!

Юноно-подобная Марта, которая часто заставляла скульптора замѣчать про-себя: «то-то была бы знатная модель!» вздрогнула. Слезы навернулись у нея на глазахъ. Елена обняла пріятельницу, проговоривъ: «папа не такъ сердитъ, какъ это кажется», и увела ее въ садъ.

Альтингъ снова принялся за работу.

Послѣ минутнаго молчанія, Плюмие замѣтилъ:

— Увѣряю васъ, г-нъ Альтингъ, что если бы я не готовился стать приверженцемъ растительной пищи и избѣгать всякаго даже запаха мяса, то пошелъ бы къ ветеринарамъ и спросилъ бы ихъ, у кого сильнѣе легкія: у быка, или у человѣка. Говорю вамъ, когда этотъ человѣкъ, этотъ Элердтъ, прокричитъ слово: «капиталь» надъ головами нятисотъ слушателей и тысячи пивныхъ кружекъ (пятьсотъ стоятъ опорожненныя и невыполосканныя), то, говорю вамъ, что мнѣ всегда припоминается прозвище Вильгельма Телля, про которое я читалъ у Шиллера: бьешь Ури!

— А какъ онъ произноситъ: «буржуа»...—замѣтилъ Блаумейсель.— Ура!

— Или «Шульце-Делить!» — дополнилъ не безъ робости Плюмие.— Точно будто онъ собирается сбросить этого человѣка въ пропасть, гдѣ раздаются скрежетъ зубовъ!

— А «сожженіе труповъ» тоже фигурируетъ въ его рѣчахъ?—спросилъ скульпторъ, который какъ-разъ въ эту минуту глѣпил опрокинутый факель.

Эта похоронная тема вызвала всеобщее молчаніе. Оба помощника знали, что Альтингъ считаетъ сожженіе труповъ смертью пластики. Мать Елены замѣтила какъ-то недавно, когда рѣчь зашла объ этомъ предметѣ въ мастерской, что какъ-разъ въ древности, когда существовало сожженіе труповъ, скульптура особенно процвѣтала. Но скульпторъ возразилъ на это, что современная скульптура опирается на вѣрѣ въ безсмертіе души. Древніе не нуждались въ этой вѣрѣ, потому что у нихъ были иные мотивы для занятія искусствами. Но всѣ эти мотивы для насъ утра-

тели весь свой смыслъ. Искусство всегда нуждалось въ какомъ-нибудь предлогѣ для своего существованія.

— Сожженіе труповъ, — прибавилъ Альтингъ, — принесетъ намъ нѣсколько заказовъ на урны; но ихъ скоро будутъ дѣлать горшечники изъ обожженной глины. Главный мотивъ, заставляющій украшать памятниками могилы, — любовь къ человѣческому образу, утратится съ сожженіемъ труповъ. Съ представленіемъ о немедленномъ уничтоженіи этого образа, безсознательно угаснетъ въ душѣ людей интересъ къ его увѣковѣченію въ памяти людской. Когда люди перестанутъ вѣрить, что надъ кладбищами въ тихія ночи, при лунномъ свѣтѣ, носятя бѣлыя, туманныя фигуры, которыя скорбятъ о грусти оставшихся на землѣ и охотно сообщили бы имъ тайну творенія, если бы на ихъ устахъ не лежало печати молчанія, тогда наступитъ конецъ нашимъ мавзолеямъ и статуямъ!..

Такъ говорилъ старикъ — и Блаумейсель и Пшюмке не хотѣли угроживать этого щекотливаго вопроса.

Тѣмъ временемъ вернулась дочь скульптора — и не одна. Альтингъ былъ очень удивленъ и, вставъ съ мѣста, раскланялся съ новымъ посѣтителемъ. То былъ — графъ Удо. Елена встрѣтила его у дверей дома, провожая Марту, садившуюся въ великолѣпный экипажъ, и провела его въ мастерскую. Графъ былъ въ траурѣ. У него на шляпѣ былъ нашитъ черный крестъ.

— Я проходилъ мимо и не хотѣлъ пропустить случая зайти въ вашу мастерскую, чтобы переговорить съ вами, — началъ онъ свойственнымъ ему небрежнымъ, но добродушнымъ тономъ, и надѣюсь, съ вашего позволенія, повторять время отъ времени свои посѣщенія.

— Въ такомъ случаѣ вамъ придется отложить свое возвращеніе въ ту прекрасную страну... Испанію или Португалію? — отрѣзалъ не особенно любезно Альтингъ.

Онъ не любилъ, когда въ его мастерскую шатались наблюдать за его работой.

«Гдѣ въ темной листьѣ померанецъ горитъ золотистый».... — перебила Елена, чтобы смягчить рѣзвость отцовскаго замѣчанія.

«И розы роскошнѣй цвѣтутъ», думаете вы? — докончилъ графъ, ловя блестящій взглядъ большихъ голубыхъ глазъ Елены. — Не вѣрьте этому! Въ Германіи розы гораздо красивѣе, чѣмъ въ Лиссабонѣ.

Отецъ перебилъ эту болтовню ворвотней на то, что нѣтъ стула, чтобы предложить его графу: всѣ имѣвшіеся на лицо завалены были рисунками и гипсовыми моделями.

Графъ гладилъ шляпу: на черный крепъ, обвинавшій ее, попало нѣсколько бѣлой пыли. Плюмике принесъ щѣтку.

— Довѣрьте мнѣ вану шляпу,—сказала Елена,—и я лучше пришью вамъ крепъ.—У меня нѣтъ съ собой иголки съ ниткой. Я снесу ее къ намъ наверхъ!

— Подниматься на четвертый этажъ изъ-за меня! ради Бога не надо!—вскричалъ графъ.—Мой слуга, французъ, полагаетъ, что ловко владѣеть иглой.—Вы правы, крепъ сейчасъ отлетитъ.

— Ну, такъ зайдите въ какой-нибудь шляпный магазинъ и дайте модисткѣ пришить его,—замѣтила Елена.

— Я бы такъ и сдѣлалъ, когда бы не былъ такъ скупъ!

Веселая болтовня не прекращалась. Слово «модистка» навело разговоръ на «соціальную задачу», потому что обѣ дѣвушки, Елена Альтингъ и Марта Элердтъ, принимали очень близко къ сердцу женскій вопросъ.

Среди одушевленнаго разговора Плюмике провозгласилъ торжествующимъ голосомъ: г. Оттомаръ!

— А стульевъ-то нѣтъ, какъ нѣтъ!—замѣтила Елена.

Скульпторъ предложилъ свой стулъ. Онъ боялся, что сынъ начнетъ журить его за то, что онъ, по своему обыкновенію, работалъ при гостяхъ.

Оттомаръ удивился, встрѣтивъ графа, котораго собирался сегодня навѣстить.

— Я задерживаю тебя сегодня на весь вечеръ,—сказалъ графъ, къ удивленію всей мастерской, не ожидавшей, что графъ съ Оттомаромъ на «ты».—Мы сегодня обѣдаемъ раньше обыкновеннаго, потому что тѣтка впервые снова появляется въ свѣтъ. Съ тѣхъ поръ, какъ вопросъ о памятникѣ порѣшенъ, у нея точно камень свалился съ сердца. Она давно уже предсѣдательницей одного женскаго комитета, общества... право, не помню его цѣли... и въ ней такъ долго приставали...

— Общества поощренія женскаго труда и образованія,—дополнила Елена.

— Именно! совершенно вѣрно!—продолжалъ графъ.—Но дѣло вотъ въ какомъ положеніи: засѣданій не бывало уже цѣлую вѣчность, кассиръ убѣжалъ съ деньгами, секретарь получилъ мѣсто въ провинціи, я хотѣлъ-было вести протоколы... но сознаюсь, что охотнѣе уступлю эту должность, которая оплачивается, другому. Она доставитъ ему интереснѣйшія дамскія знакомства, ежегодное жалованье въ триста талеровъ и на елку шубу или гѣчто въ этомъ родѣ. Любезный Альтингъ, прими это мѣсто! Въ

благодарность ты получишь поцѣлуй отъ каждой изъ дамъ! Самой младшей изъ нихъ кажется пятьдесятъ-пять лѣтъ.

Оттомаръ молчалъ. И вся мастерская безмолствовала. Но отецъ былъ очень доволенъ. Оттомаръ проговорилъ наконецъ:

— Объ этомъ можно подумать!

А Елена замѣтила:

— Ахъ! вотъ почему бѣдную Марту послали обѣгать всѣхъ бѣдныхъ! Эти засѣданія давно, значить, не происходили! И вотъ тѣ несчастныя, о которыхъ говорили коммерціи-совѣтницѣ, можетъ быть за полгода тому назадъ, посѣщаются на скорую руку теперь, передъ самымъ засѣданіемъ! Тѣмъ временемъ бѣдные могли пропасть и умереть съ голоду!

Оттомаръ тотчасъ понялъ смыслъ этого замѣчанія. Также отецъ и присутствующіе социаль-демократы. Но для графа оно было нѣсколько темно.

— Я согласенъ, — произнесъ, наконецъ, Оттомаръ, — но поставлю только одно условіе. Жена моего принципала, фрау юстицъ-ратъ Луціусъ, умоляла меня повліять на тебя и на графиню въ томъ смыслѣ, чтобы ее приняли въ комитетъ.

Страсть быть упомянутой въ газетахъ на ряду съ аристократическими именами, одно изъ самыхъ жалкихъ доказательствъ, что самыя лучшія вещи въ мірѣ могутъ имѣть самыя скверныя послѣдствія, была совсѣмъ незнакома графу Удо.

— Это можно устроить. Поставь имъ это непремѣннымъ условіемъ.

Какъ выросъ Оттомаръ! До сихъ поръ Блаумейсель часто бормоталъ: «поручикъ безъ жалованья, референдарій безъ жалованья, наемный писецъ у адвоката; мать заботится объ его бѣлѣ, а старику все еще приходится помогать ему»... Оттомаръ напелъ, что его *chambre garnie* слишкомъ дорога и въ ней слишкомъ пахнетъ жаренымъ лукомъ.

Искусство Елены поддерживать разговоръ между обоними друзьями, которые теперь забрались въ недовозленную часть сада и тамъ расхаживали взадъ и впередъ, ея искусство забрасывать легкія нити, которыя подобно лѣтнимъ паутинкамъ охватывали гуляющихъ, казалось графу изумительнымъ. Но при этомъ наблюдательная дѣвушка видѣла то, о чемъ не подозрѣвала графъ: а именно, что филистерскій духъ домовладѣльца былъ въ высшей степени возбужденъ появленіемъ непрошенныхъ гостей въ той части сада, которая была возбранена для постороннихъ. Въ окнахъ показывались изумленные, вытянутыя лица. Дѣтей послали бѣгать въ садъ. Наконецъ появилась жена бывшего пивовара и

сдѣлала видъ, что намѣрена, не взирая на прохладный осенній вечеръ, засѣсть въ бесѣдѣ, напоминавшей птичью клѣтку. И все это для того только, чтобы напомнить жильцамъ § 11-й контракта по квартирѣ.

Когда Оттомаръ объяснилъ, въ чемъ дѣло, отецъ замѣтилъ: — Врожденное, завистливое недоброжелательство обитателей этого города зародилось еще, полагаю я, въ эпоху свайныхъ построекъ. Этотъ городъ былъ когда-то на сваяхъ, а жители его занимались рыболовствомъ. Рыба, попадающая въ неводъ одного, отсутствуетъ въ неводѣ другого! Всѣ прибрежные жители эгоисты.

Въ настоящую минуту показалось красное, лоснящееся лицо хозяина въ окнѣ кухни, выходившей на маленькій дворикъ, уставленный большими кадками съ растениями. Графъ Удо поспѣшно рассланился и ушелъ съ Оттомаромъ, взявъ его подъ руку. Отецъ и дочь съ удивленіемъ поглядѣли имъ вслѣдъ.

Большой паркъ стоялъ въ полной осенней красѣ. Золотые блики, частію отъ лучей заходящаго солнца, частію отъ разнообразія окраски листьвы, играли на дорогѣ и на неизмѣняющихся своего вида еляхъ. Поезія осени, — суета жуковъ, плоды, шелковыя нити, протягивающіяся въ воздухѣ, — отсутствуетъ въ лѣсныхъ чащахъ, посѣщаемыхъ толпой народа.

Оттомаръ пересказалъ, насколько ему позволялъ стукъ экипажей и людской шумъ, о своемъ посѣщеніи инженера.

И графъ Удо подтвердилъ, что получилъ письмо.

— Ты его прочтешь! Оно коротко и ясно! Квинтъ-эссенціей въ немъ то, что я долженъ жить съ ней.

— Она хочетъ очаровать тебя!

Наступило минутное молчаніе. Шумъ вокругъ нихъ былъ слишкомъ великъ.

— Я не изъ добродѣтельныхъ людей! — сказалъ графъ, спустя нѣкоторое время. — Но въ южной Америкѣ я слушалъ проповѣдь одного іезуита, на тему, избѣгайте случаевъ грѣшнѣ! Добродѣтель не что иное, какъ мудрый расчетъ! Въ настоящую минуту..., — онъ странно сжалъ при этомъ руку Оттомара, — а бы, конечно, ушелъ отъ нея цѣлъ и невредимъ, какъ бы ни была она хороша и увлекательна.

Оттомаръ подумалъ объ его невѣстѣ, о предстоящей свадьбѣ...

— Охраняемый любимымъ существомъ! — продолжалъ графъ съ экстазомъ. — Ангеломъ-хранителемъ во всякой бѣдѣ и опасности! Женщиной, носящей въ себѣ небо! О! продолжалъ онъ, зачѣмъ нарушаемъ мы законы природы! Зачѣмъ не слушаемъ ея голоса,

кричащаго намъ: — кто смѣетъ мѣшать тебѣ взять свое счастье тамъ, гдѣ ты его находишь!

Оттомаръ, которому былъ неясенъ ходъ мыслей пріятеля, замѣтилъ, смѣясь:

— По этой теоріи г-жа Марлофъ завладѣетъ тобой съ перваго взгляда! Она, говорятъ, въ самомъ дѣлѣ очень хороша собой.

Графъ только покачалъ головой....

Пріятели взяли, наконецъ, извозчика, который и привезъ ихъ во дворецъ графа, гдѣ былъ сегодня большой съѣздъ. Карета подъѣзжала за каретой. Можно было подумать, что въ домѣ балъ. Пробыло семь часовъ. Всѣ газовые рожки горѣли. Слуги принимали шали и шляпы. Родственницы слѣдовали примѣру хозяйки дома и явились въ черныхъ платьяхъ, съ чернымъ крепомъ вокругъ лица и въ черныхъ перчаткахъ. Такъ же была одѣта и генеральша фонъ-Форбекъ, длинная, съ строгой миной дама, которая немедленно послѣ того, какъ графъ Удо представилъ новаго секретаря, навела на послѣдняго лорнетъ и напомнила о статутахъ общества, въ силу которыхъ предложеніе новаго члена должно быть сдѣлано за три недѣли до выборовъ, причѣмъ послѣдніе происходятъ всегда при закрытой баллотировкѣ.

— Это условіе,—вскричалъ Оттомаръ, мигомъ освоившійся въ обществѣ двадцати или около того важныхъ барынь,—лишитъ мою клиентку на три недѣли спокойствія духа! У нея двѣ дочери! При такихъ условіяхъ голова матери обыкновенно полна мыслями о нарядахъ. Но она ни о чемъ не будетъ въ состояніи думать, кромѣ того, что провалится на выборахъ... бѣдная, несчастная женщина!

— Не безпокойтесь, любезный г. Альтингъ, — проговорила полная, статная дама, давно уже знавшая его и дружески поздравлявшаяся съ нимъ. — Добрѣйшая юстиць-совѣтница можетъ рассчитывать на бѣлые шары! Кто можетъ быть противъ нея въ нашемъ кружкѣ! И, наконецъ, мы выберемъ ее изъ благодарности, что приобрѣли васъ. Вамъ придется имѣть много терпѣнія съ нами!.. Мой мужъ не захотѣлъ принять это мѣсто...

— Это мѣсто? Вольни? Я думалъ, что у него и безъ того много заботъ,—отвѣчалъ Оттомаръ.

— Какъ это? Ахъ, да! Стачка...—возразила вдругъ омрачившаяся барыня, и отвернулась отъ него. Тѣ была бывшая коммерціи совѣтница Робе, теперешняя фрау-докторъ Вольни.

— Все болѣе и болѣе набирается къ намъ бюргеризмъ,—съ досадою проворчала генеральша и неохотно улыбнулась. Она

всегда неохотно улыбалась. У нея зубы были некорошки. — Я бы желала, чтобы новая кандидата была из нашихъ, — прошептала она другой высородной дамѣ. Короче сказать, она уже вербовала черные шары.

Тѣму о недворянскомъ происхожденіи нельзя было разрабатывать далѣе, благодаря присутствію нѣсколькихъ коммерціи-совѣтницъ. Та, которая-было такъ дружески заговорила съ Оттомаромъ, производила странное впечатлѣніе. Глядя на нее, невольно задавали себѣ вопросъ: что она, молода и хороша? или же стара, и молодость ея поддѣльная? Она принадлежала къ числу посѣтительницъ всевозможныхъ благотворительныхъ базаровъ, не пропускала ни одного бала въ оперѣ и пользовалась вниманіемъ самыхъ высокопоставленныхъ лицъ. Ея первый мужъ пробился изъ ничтожества. Теперь она была больна, неизлечимо больна. Она скрывала свое состояніе отчасти изъ прирожденнаго женщинамъ героизма, съ какимъ онѣ переносятъ свои недуги, тая ихъ отъ постороннихъ, отчасти изъ любви къ мужу, бывшему прежде учителемъ въ ея домѣ. Ей не хотѣлось, чтобы посторонніе могли думать, что онѣ изъ одного расчета женился на богатой вдовѣ. Марга Элердтъ, пріятельница Елены, попала въ эту психологическую путаницу.

Сегодня въ комитетѣ стоялъ на очереди вопросъ объ «объденныхъ маркахъ». Изыскивались средства помѣшать настоящей биржевой игрѣ, какая велась съ билетами, выдававшимися на посѣщеніе народныхъ кухонь. Жиды могли съ гордостью указывать своимъ противникамъ, что здѣсь велся ажіотажъ, которому они непричастны. Но настоящіе владѣльцы марокъ, нищѣ, неохотно обѣдаютъ въ народныхъ кухняхъ, гдѣ, какъ они говорятъ, овощи недоварены, между тѣмъ какъ многое множество лицъ: сверплатныхъ чиновниковъ всѣхъ возможныхъ канцелярій, учительницъ, самостоятельно работающихъ швей, мужественныхъ борцовъ противъ теченія жида — охотно посѣщаютъ столы, накрываемые болѣею частію въ подвалахъ.

Графъ Удо удалился въ свои комнаты, и въ разсѣянности, совершенно позабывъ о траурѣ въ домѣ, открылъ фортепьяно и собирался играть, какъ вдругъ услышалъ за спиной слова:

— Вотъ это прекрасно! Вы играете на фортепьяно? Трауръ снятъ? Слава Богу! радуюсь, какъ собака!

— Ада! — вскричалъ графъ съ упрекомъ. Ея сравненіе заставило его привскочить съ мѣста. Ада вошла неслышно. Засѣданіе было кончено. Она была очень нарядна. Средняго роста,

она набросила на себя длинный кружевной вуаль, спускавшийся съ головы до обнаженныхъ плечъ. Съ своими черными волосами, смуглымъ лицомъ и свергающими глазами она походила на испанку, отправляющуюся во дворъ. Она собиралась съ матерью на большой вечеръ. Въ волосахъ у нея красовалась чайная роза, вокругъ шеи обвивалась нитка розовыхъ коралловъ; длинное шелковое платье со шлейфомъ было съ открытымъ лифомъ и короткими рукавами. Она съ удовольствіемъ поглядѣла на себя въ трюмо. Графъ негодовалъ на ея сравненіе.

— Но что же собственно ты можешь противъ него возразить? — говорила Ада, вертясь передъ зеркаломъ. — Развѣ есть другое существо въ мірѣ, которое бы живѣе выражало свою радость, чѣмъ собака? Нашъ Каро прыгаетъ, скачетъ, кувиркается, когда я беру его съ собою гулять... Сравненія всегда должны быть картинными. Г. Альтингъ! — обратилась она къ вонедшему Оттомару, съ удивленіемъ поклонившемуся ей, — рѣшите нашъ споръ! Развѣ нельзя сказать: я радуюсь, какъ собака?

— О, почему бы ужъ прямо не сказать: какъ пудель? — отвѣтилъ Оттомаръ.

Ада надула губки.

— Вотъ и вы противъ меня! — сказала она. — А между тѣмъ вы сами виноваты въ этомъ сравненіи!

— Какимъ образомъ причастенъ я этому грѣху?

— Вы говорили въ прошедшемъ году на балѣ у генерала Фило, что всѣ сравненія должны быть натуральны.

— И вы это запомнили? Очень лестно для меня! Но радость — понятіе благородное, а потому и сравненіе должно быть также благородно.

— Какъ? — вскричала Ада, — собака не благородна? Развѣ собака не есть идеалъ вѣрной любви? Я очень уважаю привязанность Удо ко мнѣ, но ужъ, разумѣется, Каро любить меня больше.

— Покорно благодарю за такого соперника! — возразилъ графъ, смѣясь, и вышелъ распорядиться на счетъ ужина.

— Г. Альтингъ! — продолжала Ада, — съ вами можно говорить серьезно. Нашъ профессоръ эстетики переводилъ намъ Гомера. Тамъ многія богини, и между прочимъ, сколько мнѣ помнится, сама величественная Юнона, назывались «волоокими», а летучіе отряды, наступавшіе на Трою, постоянно сравнивались съ овцами и гусями. Проницательный взглядъ Минервы — Оффенбахъ нарядилъ бы ее въ очки — онъ сравниваетъ со взглядомъ совы ночью и называетъ ее «совиноокой». И вы хотите увѣрить

нѣтъ передъ собой великій примѣръ дѣдушки Гомера, что мое сравненіе съ собакой неблагородно?

Говорила Ада серьезно, или только дурачилась? Къ ужину новый секретарь общества повелъ подъ руку предсѣдательницу, но былъ не мало удивленъ, когда Ада закричала ему:

— Ваше мѣсто здѣсь! Она перемѣнила билетки, и графъ Удо очутился возлѣ графини, а Оттомаръ возлѣ нея.

— Такъ какъ я не ужинаю, потому что ѣду на вечеръ, то могу занять васъ своимъ глупымъ разговоромъ! — сказала она, перебрасывая свой вуаль черезъ спинку стула. Но «глупый разговоръ» немедленно перескочилъ на Церлину и Сашу Луціусъ, и Ада безпечно спросила: — если совѣтница прокатится на чернышкахъ, то которая изъ двухъ дѣвицъ пришлетъ вамъ тѣхву?

Оттомаръ положилъ вилку и ножикъ.

— Ваши слова оскорбительны, милостивая государыня!

Ада засмѣялась такъ громко, что всѣ освѣдомились: что ее такъ забавляетъ? И даже одна тайная совѣтница, недавно попавшая въ министерши, шутя погрозила ей пальцемъ. То была маленькая попытка этой барыни остаться естественной въ своемъ новомъ рангѣ.

Послѣ ужина графъ Удо увелъ къ себѣ Оттомара, слегка отуманеннаго неприятнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на него Адой. Она, напр., замѣтила, между прочимъ: — хорошимъ человѣкомъ я называю такого, который сумѣетъ достать стулья въ зоологическомъ саду даже тогда, когда онъ биткомъ набитъ публикой!

— Какъ тебѣ нравится Ада? — спросилъ графъ.

— Она можетъ быть очень груба, — отвѣчалъ Оттомаръ и передалъ нѣкоторыя рѣзкости Ады.

— Ты ошибаешься въ мотивахъ! — замѣтилъ графъ Удо.

— Она открыла въ тебѣ талантъ, который женщины цѣнятъ выше всего.

— Носить шаль...

— Боже упаси! Дать при случаѣ кельнеру на чай или также дать ему пощечину... Чѣмъ больше въ человѣкѣ самостоятельности, тѣмъ сильнѣе очарованіе...

— Будь забіякой! — вотъ лозунгъ новѣйшаго времени! — отвѣчалъ Оттомаръ, и почувствовалъ, что разсердился. Да, онъ, конечно, былъ рѣшителенъ, скоръ въ поступкахъ; на войнѣ онъ доказалъ это въ тысячѣ случаяхъ. Но онъ начиналъ въ послѣднее время ненавидѣть эгоистическое направленіе вѣва, въ которомъ каждый помышлялъ только о себѣ. Отецъ и Елена часто

упрекали его въ послѣднее время за внѣшнюю холодность и сдержанность.

Когда графъ спросилъ его про засѣданіе, онъ разсѣянно передалъ въ общихъ чертахъ слышанное и видѣнное. Его огорошили замѣчаніемъ, что подобныя общества имѣютъ въ виду не столько оказаніе дѣйствительной помощи, сколько нравственное ободряющее дѣйствіе частію на неспорченные еще массы, частію на имущественные классы. Одинъ священникъ подалъ эту удивительную мысль обществу. Пусть бѣдные не думаютъ, что о нихъ не заботятся, а богатые пусть не воображаютъ, что нѣтъ бѣдныхъ. Но генеральша, — повѣствовала Оттомаръ, — уже фантазируетъ о близкой борьбѣ циклоповъ съ богами. Она предвидитъ моментъ, когда вся армія пропитается социаль-демократическимъ ядомъ и при командѣ: «направо кругомъ, маршъ!» сокрушитъ весь міръ и съ нимъ вмѣстѣ дворянство. Фрау Вольни поддерживала эту ужасающую фантазію, разрѣшавшуюся Крупномъ съ его пушками. Новая министерша, дѣйствовавшая въ сферѣ народнаго просвѣщенія и любви къ свободѣ, наслушалась идей чисто въ духѣ герцога Альбы.

III.

Снова понедѣльникъ соединилъ Серапіоновыхъ братьевъ.

Золотые лучи солнца освѣщали фисіономіи нѣкоторыхъ лицъ, рѣдко показывающихся въ кружкѣ. Сегодня здѣсь былъ докторъ Вольни, человекъ лѣтъ тридцати, съ озабоченнымъ лицомъ, нахмуреннымъ лбомъ; улыбка его пропадала такъ же быстро, какъ и появлялась. Онъ былъ такъ погруженъ въ свои мысли, что сигара безпрестанно тухла въ его бѣлыхъ рукахъ, не носившихъ слѣдовъ занятій на машинной фабрикѣ. Его привелъ Альтинг-отецъ. Сегодня и онъ тоже былъ ~~на~~-лицо. Онъ хотѣлъ отдохнуть отъ своего воскресенья, потому что для добраго отца семейства воскресенье какъ разъ самый тяжелый день въ недѣлѣ. Онъ обязанъ этотъ день посвящать семьѣ. А вчера, вдобавокъ, его заставили кататься въ лодкѣ.

Забастовка рабочихъ на фабрикѣ Робе была предметомъ разговора цѣлаго города. Главнымъ агитаторомъ считали Раймунда Элердта, молодого человека, необыкновенно даровитаго, но чрезвычайно честолюбиваго и поставившаго идеаломъ своей жизни двигать толпою рабочихъ — однимъ мановеніемъ руки.

— Откуда происходитъ эта смута въ умахъ, это всеобщее

недовольство?—спросилъ одинъ изъ присутствовавшихъ здѣсь промышленниковъ, фабрикантъ Шиндлеръ.—И это послѣ блестящихъ побѣдъ, которыя мы одержали? Послѣ неожиданнаго объединенія? Конечно, спекуляція подорвала общее благосостояніе; не настоящая причина всеобщаго недовольства коренится не въ этомъ...

Кто-то крикнулъ не особенно увѣренно: «Въ церковномъ вопросѣ! Въ отсутствіи религіи!» Другой возгласъ: «Въ философіи Шопенгауэра! Въ пессимизмѣ!»—тоже не былъ принятъ серьезно.

Много было приведено объясненій явленія, котораго никто не отрицалъ. Всѣ соглашались въ общемъ недовольствѣ существующимъ порядкомъ, въ равнодушіи къ одержаннымъ побѣдамъ. Нѣкоторые объясненія касались политической сферы. Политики «по возможности» избѣгали въ силу немногихъ статутовъ кружка. «По возможности» было вставлено Луціусомъ, котораго сегодня здѣсь не было. Онъ выразился такъ, когда статуты обсуждались: «Спрашиваю васъ, господа, какъ хотите вы, чтобы двое людей сошлись въ наше время и не съѣхали на политику? Мнѣ она давно уже стоитъ поперекъ горла; но спастись отъ нея нѣтъ никакой возможности!»

— Мы всѣ, быть можетъ, платимся за то, что многое множество проявленій вѣроломства, предательства, перебѣжничества изъ одного лагеря въ другой, насилія прошли безнаказанными,— началъ Вольни необыкновенно явственнымъ, хотя и не особенно громкимъ голосомъ, свойственнымъ многимъ хорошимъ учителямъ.—Мнѣ сдается, что наше время страдаетъ недобросовѣстностью! *Meliora probo, deteriora sequor!* Хорошее и доброе признается, худое, живое превозносится и воспринимается. Сегодня понеждѣльникъ, и газеты не выходятъ! Ну, можно съ увѣренностію сказать, что въ этой массѣ газетъ беззащитно печатается пропасть фактовъ, надъ которыми невольно задумываешься и спрашиваешь себя: не выдуманно ли все это? Прочитайте только безконечные отчеты о путешествіяхъ великихъ міра сего, объ ихъ балахъ и туалетахъ! Либеральная гордость, заставлявшая оставлять это безъ вниманія, совершенно исчезла. Всѣ добиваются милостей и карьеры. Нѣмецкіе государи, сланные въ архивъ союзнымъ сеймомъ, вдругъ воскресли къ новой жизни! Затѣмъ, іудейство, послѣ долгаго устраненія, завладѣло всѣми сферами жизни и породило совсѣмъ небывалыя и неслышанныя вещи на германской почвѣ. Всему поважному вѣрять на-слово, не вникая въ то: справедливо оно или живо, честно или нечестно, въ самомъ дѣлѣ существуетъ, или только на-показъ? Никто его не изслѣдуетъ, не критикуетъ. Ступайте въ театр. Пьеса дается

жалкая! Всѣ это чувствуютъ, всѣ это знаютъ! Но влажѣры выхлѣбать изъ себя и:—«что-жъ, надо сознаться, разыграно недурно!» гласить общій приговоръ. Аристократія духа больше не существуетъ! Тираниія дѣльцовъ царить надъ умами. Шопенгауэръ двадцать лѣтъ сряду взывалъ въ пустое пространство: кто не раздѣляетъ моей философіи, тотъ дуракъ! Въ концѣ-концовъ его услышали и повѣрили ему. И къ довершенію всего, у современныхъ людей совѣсть исчезла, а потому имъ скверно живется.

Наступило молчаніе. Слышно было только, какъ вдохнулъ Альтингъ:—«совершенно справедливо!» Въ это время дверь открылась и вошло двое господъ, не принадлежащихъ собственно къ кружку. То были братъ Ады, Максъ Форбекъ и экс-ассессоръ Робе, пасынокъ Вольни, его бывшій воспитанникъ, съ которымъ онъ не могъ сладить, благодаря его скверному характеру. Онъ отдалъ его въ концѣ-концовъ въ строгій пансіонъ, и въ настоящее время отношенія между ними были крайне натянуты.

— Ахъ! папѣ! — вскричалъ тотъ, завидя его.

Шляпа была у него надѣта на бекрень и онъ, повидимому, только-что разстался съ какимъ-нибудь виннымъ погребомъ.

— У тебя вынужденные каникулы! Господа, *odi profanum vulgus et arceo*—это я отъ него выучилъ. Мы посидимъ съ вами минутку...

— Вы позволите, — пролепеталъ Форбекъ, — выпить кружку вина въ нашемъ обществѣ!

Съ этими словами онъ опустился на стулъ и взялъ одну изъ приготовленныхъ зеленыхъ бутылокъ.

Борода смягчаетъ въ нынѣшнее время рѣзкость чертъ всякой фязіономіи, внѣшній лоскъ цивилизаціи точно также. Курносая фязіономія перваго оратора придавала ему сходство съ москвой. Второй напоминалъ злого, задорнаго индѣйскаго пѣтуха.

Докторъ Вольни заплатилъ за завтракъ и немедленно распрощался. Всѣ знали, что онъ былъ въ худыхъ отношеніяхъ съ своимъ пасынкомъ. Мать стояла на краю гроба. Но будь она даже здорова, то и тогда оказалась бы воплощенной слабостью въ этой борьбѣ. Тщеславіе заглушало въ ней всѣ хорошія качества. Сынъ ея былъ однимъ изъ извѣстныхъ моговъ и кутилъ въ городѣ. Онъ столкнулся и сблизился на этомъ поприщѣ съ Максимомъ Форбекомъ, братомъ Ады, который три раза проваливался на юридическомъ экзаменѣ, бесславно служилъ въ военной службѣ и вынужденъ былъ оставить ее по внушеніямъ свыше. И вотъ, пришлось ему теперь изворачиваться на всѣ лады, чтобы продолжать свое безпутное существованіе. Главныя надежды его

были основаны на обещаніи, которое далъ его умирающему отцу графъ Вильгельмъ, приведенный въ отчаяніе результатомъ дуэли: женить своего наследника на Адѣ фонъ-Форбекъ. Надежда эта исполнялась, и при весьма благоприятныхъ обстоятельствахъ. Графъ Удо сталъ владѣльцемъ майората! Приданое готовилось и въ каждомъ счетѣ, представляемомъ графу, Максу доставалась львиная доля...

Вольни давно собирался переговорить съ управляющимъ фабрики его жены, Раймундомъ Элердтомъ, и направилась теперь къ нему.

Раймундъ Элердтъ жилъ въ одномъ изъ тѣхъ громаднхъ домовъ, гдѣ скучиваются самые разнородные слои населенія. Въ подвалахъ, на чердакахъ ютятся пролетаріи, въ среднихъ этажахъ обитаютъ биржевые спекулянты, военные средняго ранга, чиновники. Внутри квартиры отдѣланы довольно элегантно, но домъ слишкомъ многолюденъ, а потому и не считается «комильфотнымъ».

Въ третьемъ этажѣ такого дома Раймундъ Элердтъ нанималъ три хорошенькихъ, свѣтлыхъ мебелированныхъ комнаты, въ которыхъ въ настоящій моментъ царствовалъ большой беспорядокъ. Далеко за полночь здѣсь происходили «совѣщанія» о благѣ человѣчества. Бутылки съ виномъ, ббльшею частію пустыя, стояли и лежали, точно въ чуланѣ какой-нибудь гостиницы. Одинъ изъ вчерашнихъ гостей, по имени Малб, рыный спорщикъ и двусмысленный социаль-демократъ, находился еще на лицо. Въ квартирѣ стояло фортепьяно, что указывало на то, что искусство не было изгнано окончательно изъ жизни. Кругомъ валялось много книгъ, рисунковъ, чертежей машинъ.

Малб обдумывалъ что-то про себя и затѣмъ высказалъ свою мысль вслухъ рѣвкимъ тономъ:

— Ты ѣдилъ въ Хемницъ въ послѣдній разъ, дай же и другимъ попользоваться «суточными».

— Попользоваться суточными! — повторилъ Раймундъ насмѣшливо.

Передъ нимъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которыми онъ игралъ, какъ Раппо мячиками въ циркѣ!

— Развѣ ты не пользуешься весь вѣкъ моими сигарами! Попользоваться суточными!

Онъ расхохотался и при этомъ повязалъ себѣ галстукъ передъ зеркаломъ.

Малб прибѣгнулъ къ лести, безъ которой матадоры, управ-

ляють ли они государствами, театрами или фабриками, не могут существовать.

— А зачѣмъ ты куришь такія славныя сигары! Онѣ когда-нибудь навлекутъ на тебя подозрѣніе общества въ томъ, что ты аристократъ!...

Раймундъ усмѣхнулся; замѣчаніе ему понравилось, и онъ соображалъ, глядясь въ зеркало: не лучше ли будетъ короче остричь волоса. Споръ съ Малѳ переходилъ иногда въ брань, въ особенности, когда затрогивался вопросъ о «суточныхъ» и съ нахальнымъ прибавленіемъ «попользоваться!»

— Ты забываешь, что на мою долю причитается въ кассѣ ассоціаціи слишкомъ пятьдесятъ талеровъ, — началъ было Раймундъ, но тутъ же перебилъ самого себя восклицаніемъ:—Подумать только, что они выбрали тебя кассиромъ! Вотъ глупость! Въ слѣдующій разъ я внесу предложеніе объ отпѣнѣ кассы и берегись, если она окажется у тебя не въ порядкѣ.

— Въ такомъ случаѣ, любезный другъ, надо измѣнить программу, — отвѣчалъ Малѳ, и чтобы скрыть свой страхъ, схватилъ бутылку и налилъ себѣ вина. — Но вотъ кстати, кто-то желаетъ тебя видѣть.

То былъ мальчишка-разсѣянный, съ корректурой изъ типографіи, гдѣ печатался «Соціальный уравнитель».

Съ смѣлостью, которой прежде не было и въ поминѣ въ сношеніяхъ мастеровыхъ съ заказчиками, а тѣмъ менѣе наборщиковъ съ авторами, этотъ карадузникъ объявилъ отъ имени фактора, что подчеркнутое синимъ карандашомъ мѣсто «чистѣйшая нечѣсть».

— Это говоритъ факторъ? — вскричалъ Раймундъ, кидаясь въ ярости къ мальчику и тряся его за плечо.

Малѳ также выказалъ признаки негодованія.

— Это вольный переводъ самого мальчишки! — замѣтилъ онъ. — Мальчишку зовутъ Штифтъ. — Я знаю его. Онъ иногда посѣщаетъ сходки! Факторъ выразился гораздо вѣжливѣе.

— Наборщики не хотятъ больше, чтобы было по нѣскольку корректуръ! — продолжалъ мальчикъ. — Напишите на этой: «годно къ печати!»

— Это тоже говоритъ факторъ? — яростно заоралъ Раймундъ.

— Опять вольный переводъ! — перебилъ Малѳ. — Штифтъ! Штифтъ! Я знаю твоего отца! Онъ вѣрный членъ союза! Не будь свободолобивъ не впадай! Мы вѣдъ друзья народа!

Съ этими словами онъ далъ малышу обрывокъ газеты, чтобы завернуть сигары, которыми наградилъ его изъ запаса Раймунда.

Последній читалъ корректуру. Патетическимъ голосомъ прозвонилъ онъ: «эти ничтожныя уступки принципаловъ, что они такое, какъ не послѣднее пиршество палача, которое тиранъ, самодержавный капиталъ...»

— Нѣтъ, любезный ювона! — перебилъ онъ самого себя. — Долой это Н! Оно паразитъ въ вашихъ шрифтахъ.

— Когда такъ, — замѣтилъ Штифтъ не безъ лукавства, то господинъ корректоръ говоритъ: зачѣмъ у васъ у самого столько лишнихъ буквъ въ имени? Васъ зовутъ Ehlerdt и въ вамъ навѣрное отъ предковъ перешли бесполезныя *H D!* Вы можете, кто знаетъ, получить откуда-нибудь наслѣдство, а если будете писаться Elert вмѣсто Ehlerdt, то наслѣдство вамъ не достанется.

Шутка вывела смѣхъ Раймунда. Онъ сложилъ корректуру, велѣлъ замѣстить пустой столбецъ отрывкомъ изъ одной брошюры, которую взялъ съ полки, и отпустилъ мальчика. Листокъ началъ зыготить его. Онъ стѣснялъ его свободу, какъ онъ жаловался Малю, который тоже ушелъ съ мальчикомъ, объявивъ, что надѣется еще увидѣться съ пріятелемъ на дебаркадерѣ желѣзной дороги. Его быстрое исчезновеніе показалось Раймунду подозрительнымъ. Онъ, по всей вѣроятности, присвоилъ себѣ какую-нибудь вещь, какой Раймундъ потомъ хватится. Но онъ, какъ и левъ, не всегда былъ расположенъ къ преслѣдованію.

Съ удивленіемъ встрѣтилъ Раймундъ вошедшаго въ нему Вольни и, предлагая ему стулъ, проговорилъ твердымъ голосомъ:

— Г-нъ докторъ, чѣмъ могу вамъ служить?

— Когда, бишь, я былъ у васъ въ послѣдній разъ? — сказалъ Вольни иронически. — Да, такъ! Когда вы собирались ѣхать на рабочій конгрессъ въ Гамбургъ. Теперь вы собираетесь отправиться въ Лейпцигъ. Если вы туда поѣдете, то наши отношенія должны прекратиться. У меня уже есть въ виду человѣкъ, который можетъ замѣнить васъ. Сообразите, куда васъ привести... Онъ умоляетъ, прискивая выраженіе, которое было бы не обидно, но не нашелъ, и продолжалъ:... печальная зависимость отъ сборныхъ кружекъ въ кнѣпахъ.

— Въ мастерскихъ, г. докторъ! — поправилъ Раймундъ, не безъ волненія. Отказъ отъ мѣста и перспектива быть замѣненнымъ другимъ ему не улыбались.

— Вы стали писателемъ! — продолжалъ Вольни. — Да, да, да, также условіемъ сохраненія за вами вашего мѣста, чтобы вы отказались отъ редактированія «Соціального уравнивателя!»

— Это для меня не потеря! — отвѣчалъ Раймундъ, и забавлялъ пальцами по столу, возлѣ котораго оба сидѣли.

- Далѣ: вы оставите комитетъ общества взаимной помощи.
- Этому я не могу сдѣлать.
- Что же вамъ мѣшаетъ?
- Моя совѣсть!...

— Испытайте хорошенько свою совѣсть! Вѣдь у совѣсти нѣтъ нѣсколькихъ инстанцій, какъ для гражданскихъ тяжбъ: городской судъ, камерный судъ, высшій судъ... Совѣсть произносить всегда одинъ и тотъ же приговоръ! Но бываетъ иногда, что голосъ ея слишкомъ слабъ для нечувствительныхъ ушей.

— Г-нъ Вольни, — возразилъ Раймундъ, все еще надѣявшійся на примиреніе, — я долженъ предсѣдательствовать въ нынѣшнемъ году! Важные вопросы предстоятъ для обсужденія!

— Если такъ, то между нами все кончено! — отвѣчалъ Вольни. — Я считаю васъ выбывшимъ изъ дѣла, и пришлю вамъ письменный аттестатъ въ благодарность за ваши прежнія заслуги.

Съ этими словами Вольни всталъ, взялъ шляпу и направился къ двери.

— Но чѣмъ мѣшаетъ вамъ мое предсѣдательство въ комитетѣ? — спросилъ повелитель болѣе нежели 10,000 головъ. — Развѣ вы хотите, чтобы всѣ ваши рабочіе бросили вапу фабрику, за исключеніемъ старыхъ инвалидовъ?

— Потому что вы прикажете имъ бросить фабрику? — обернулся къ нему Вольни, дрожа отъ гнѣва и блѣдный, какъ смерть.

— Условія, высказанныя вами мнѣ, — возразилъ Элердтъ, — будутъ повергнуты на всеобщее обсужденіе. Общее собраніе соберется въ будущемъ мѣсяцѣ, оно самодержавно. Приказъ можетъ войти только отъ него.

— И это будетъ ваша месть? — вскричалъ Вольни.

— Самооборона, г. Вольни! Организація! Мы связаны другъ съ другомъ, какъ звенья одной цѣпи.

— Да, одной цѣпи! — перебилъ Вольни, не сдерживая больше своей злости. — Цѣпи, которую общество и здравый смыслъ должны теперь влечь за собой, какъ ядро каторжника! Но я выскажу мое мнѣніе. Васъ обуздаетъ недостатокъ работы! Когда всѣ фабриканты перестанутъ давать вамъ работу, то вы присмирѣете! Я стою лишь случайно во главѣ обширнаго заведенія.

— Ну да, я тоже такъ думаю, — отпарировалъ насмѣшливо Раймундъ.

Вольни вадрогнулъ отъ этой дерзости.

— Вы въ разговорѣ, ... — вырвалось у него, но онъ не договорилъ: «съ моимъ пасынкомъ», постарался овладѣть собой, и продолжалъ: — я женился на вдовѣ, съ которой познакомился въ трудную минуту

ея жизни и которая объявила мнѣ, что не можетъ жить безъ меня. Я нашелъ, что годы не лишили ея привлекательности. Я открылъ въ ней благородное сердце и долгіе годы былъ ей вѣрнымъ другомъ. Но дни ея сочтены. Она неизлечимо больна. Сыну ея никогда не достанется фабрика. Такова воля его отца, выраженная въ завѣщаніи, которое у меня хранится. Всѣмъ извѣстно его содержаніе! Я ликвидирую дѣла и не буду продолжать борьбу съ неразуміемъ и безсовѣстностью.

— Послѣ того, какъ вступите вторично въ бракъ?—прибавилъ злостно Раймундъ, бросивъ на него острый взглядъ.

Вольни почувствовалъ, что земля зашаталась у него подъ ногами. Безсознательно пришло ему въ голову сравнить насмѣшливое, злое лицо, глядѣвшее на него, съ чертами сестры, на которую намекали его слова. Да, сходство существовало несомнѣнное, онъ долженъ былъ въ этомъ сознаться. Ему хотѣлось заплакать. Онъ дѣйствительно любилъ Марту...

— Нашъ вѣкъ, г. Вольни, не отдѣляется отъ соціального вопроса,—продолжалъ Раймундъ, торжествуя надъ смущеніемъ противника.—Кто своими руками способствуетъ приращенію или хотя бы только обращенію капитала, тотъ имѣетъ право на участіе въ барышахъ!

— Это философія грабителей большихъ дорогъ,—сердился Вольни,—логика разбойниковъ въ Абруццахъ! Фра-Діаволо дѣлалъ такимъ образомъ барыши между своей шайкой. Возлѣ него лежали кинжалы и пистолеты. Онъ забиралъ себѣ львиную долю. Капиталомъ его былъ ужасъ, внушаемый его именемъ. Что такое вообще капиталъ въ дѣлѣ?—Не что иное, какъ возможность для послѣдняго существовать. Капиталъ долженъ быть сосредоточенъ въ однѣхъ рукахъ, подобно запасу угля для заводской печи! Предпримчивость должна опираться на вѣрныя, неизмѣнныя средства. Ваше желаніе участвовать въ барышахъ идетъ изъ другого міра, міра рабочихъ—въ міръ купеческій, который такъ же старъ, какъ сама вселенная. Купечество никогда не перестанетъ существовать! Если вы убьете купца, то мы вернемся ко временамъ гунновъ, гусситовъ и шведской войны, когда зарывали деньги въ землю!

Элердтъ насмѣшливо возразилъ:

— Вы хорошо запомнили свою послѣднюю рѣчь! И прибѣгаете все къ тѣмъ же сравненіямъ. Но я еще не настолько забылъ латынь, чтобы не привести пословицы: *Omne simile claudicat*.

Вольни не отвѣчалъ, но только поправилъ неправильное удареніе, сдѣланное Раймундомъ на одномъ изъ этихъ словъ.

Сконфуженный Элердтъ заговорилъ болѣе мягкимъ тономъ:

— Г-нъ Вольни, — сказалъ онъ, хитро прищуривая свои острые глаза, — вы вѣдь честолюбивы! Весь свѣтъ теперь честолюбивъ! Будущая жизнь находится подъ сомнѣніемъ. Поэтому всѣ хотятъ насладиться здѣшней, насколько возможно.

— Это не моя философія! — пробормоталъ Вольни, ожидая, куда мѣтнуть его оппонентъ.

— Почему вы не хотите пристать къ намъ? Всеобщей подачи голоса не отнять у насъ ни Богъ, ни дьяволъ! На выборахъ нашъ голосъ будетъ рѣшающимъ! Почему вы не сдѣлаете какъ другіе! Войдите въ сдѣлку съ рабочими! Примите участіе въ нашемъ дѣлѣ! или по крайней мѣрѣ высказитесь вообще въ нашу пользу!...

— Я бы презиралъ себя, — отрѣзалъ Вольни, — если бы проникъ въ священныя стѣны законодательнаго собранія на плечахъ мѣтежа... Итакъ, наши отношенія покончены, и я бы давно расстался съ вами послѣ того, какъ поближе узналъ васъ, если бы не заступничество особы, которую вы недостойны называть своей сестрой!

Съ этими словами Вольни вышелъ изъ комнаты.

Раймундъ Элердтъ былъ видѣ себя. Всѣ духи мести забушевали въ немъ, всѣ скорпіоны гнѣва вцѣпились въ его душу. Онъ взялъ стулъ и хватилъ его объ полъ, такъ что спинка отлетѣла. Отказъ отъ мѣста былъ ему очень неприятенъ. Его властительная роль въ рабочихъ кружкахъ стоила ему дорого. Какъ отомстить за себя? Какимъ способомъ? Чѣмъ? Ассессоръ Робе давно уже поддѣлывался къ нему и толговалъ ему про ожидаемую смерть матери и про «дурацкое завѣщаніе» отца.

Сегодня, сходя съ лѣстницы, онъ, какъ нарочно, натолкнулся на Робе, шедшаго съ какимъ-то другимъ, неизвѣстнымъ ему лицомъ.

— Г-нъ Элердтъ! Свободны ли вы? Зайдемте-ка въ испанскій погребокъ! Баронъ фонъ-Форбекъ... г. Раймундъ Элердтъ, нашъ управляющій..., — представилъ Робе. — Выпьемъ по стакану портвейна, знаете — того, темно-краснаго. Vinhos de feitogia нигдѣ такъ не обезпечено, какъ въ испанскомъ погребѣ.

Съ этими словами Робе увлекъ пылавшаго мстью Элердта и съ удовольствіемъ узналъ, что тотъ крайне раздраженъ противъ его вотчина. За стаканомъ темно-краснаго портвейна можно было многое обсудить и наладить.

Оттомаръ рѣшился исполнить порученіе графа и побывать у

Эдвину Марлофъ, жившей въ томъ же самомъ домѣ, гдѣ жилъ и Эдмундъ Элердтъ, только этажемъ ниже. Когда онъ явился съ отчетомъ о своемъ визитѣ къ пріятелю, то нашелъ того очень разсѣяннымъ и озабоченнымъ.

Подъ печатью великой тайны показалъ ему графъ толстый конвертъ съ подклееннымъ полотномъ, содержащимъ цѣлую кучу неуплаченныхъ счетовъ, присланныхъ ему геперальшей. Оттомаръ молча пробѣжалъ огромные итоги.

— Подъ этимъ скрываются долги Макса! — вскричалъ графъ. — Его низкую натуру я узналъ еще въ университетѣ и тамъ дрался съ нимъ изъ-за одного казуснаго денежнаго дѣла. А тутъ еще нищенское условіе старика, чтобы я женился на его дочери.... Все это меня крайне бѣситъ!

Оттомаръ молчалъ.

Графъ оперся головой о печку и проговорилъ:

— Ну, такъ расскажи, пожалуйста, про свой визитъ.

— Я долженъ былъ дожидаться вечера и хорошенько завернуться въ пальто, — началъ Оттомаръ. — Въ томъ самомъ домѣ живетъ братъ одной пріятельницы моей сестры и, кромѣ того, меня признала одна личность, дѣвушка, отворявшая мнѣ дверь. Я, должно быть, гдѣ-то видѣлъ ее.

— Ты не назвалъ своей фамиліи! — перебилъ графъ.

— Сначала, нѣтъ! Но я сослался на свое свиданіе съ мужемъ, упомянулъ о возложенномъ на меня порученіи. Меня не скоро, однако, допустили. Сначала мнѣ на-отрѣзъ отказали. Барыня никого не принимаетъ. Только когда я сказалъ, что пришелъ вслѣдствіе письма, написаннаго самой госпожею Марлофъ, горничная пошла въ третій разъ доложить обо мнѣ, и меня приняли.

— Это все были уловки, чтобы выгадать время и принарядиться! — замѣтилъ графъ Удо, любопытство котораго было возбуждено.

— Весьма возможно! Мнѣ пришлось ждать цѣлую вѣчность въ темной прихожей...

— Или у нея были гости...

— Все, все возможно. Не знаю. Убранство квартиры оказалось весьма элегантнымъ. Шелковые драпир, мебель, ковры, картины въ золотыхъ рамахъ. Все это устроить, должно быть, твой дядя!.. Даже шахматная доска была на лицо и, казалось, что на ней только-что играли.

Графъ Удо былъ тронутъ. Добрый дядя, горячо любившій его, былъ страстнымъ шахматнымъ игрокомъ. Онъ зналъ это.

И ему живо представилось, какъ тотъ проводилъ петашенные вечера съ этой сомнительной особой за своей любимой игрой...

На столѣ лежали даже книги! Первыми мнѣ бросились въ глаза стихотворенія Ады Кристенъ! Мой собратъ Дитерици отъ нихъ безъ ума. Я уже зналъ нѣкоторые изъ этикъ изліній въ Гейневскомъ родѣ, потому что онъ вѣчно ихъ декламируетъ.

— А какія другія книги лежали тамъ?—спросилъ графъ.— Быть можетъ, съ гравюрами?

— Разсмотрю въ слѣдующій разъ! Тамъ такія лежали въ самомъ дѣлѣ. Но хозяйка вошла въ комнату и ослѣпила меня!

— Въ самомъ дѣлѣ?—спросилъ графъ Удо, заинтересованный.— Тебѣ, можетъ быть, такъ показалось въ потемкахъ?..— добавилъ онъ съ сомнѣніемъ.

— У меня хорошее зрѣніе! Фигура стройная, сложеніе безукоризненное, голова благородная, дивные, большіе, темные глаза съ черными рѣсницами и бровями; волосы же пепельнаго цвѣта.

— Игра природы?..—спросилъ графъ съ сомнѣніемъ.— Можетъ быть, она была напудрена?

— Пепельные волосы... темные глаза... черныя рѣсницы и брови... Мой отецъ усмотрѣлъ бы въ этомъ нѣчто демоническое, противоестественное, какой-то капризъ природы, навѣрное свидѣтельствующій о такой же аномалии въ характерѣ и не предвѣщающій ничего добраго!

— Брови были выкрашены...,—объяснилъ графъ, все еще не хотѣвшій вѣрить.

— Но рѣсницы не могли быть выкрашены!—увѣрялъ Оттомаръ.— Она производила впечатлѣніе незамужней женщины, да она навѣрное и незамужемъ! Короче сказать, она незаконная дочь твоего дяди!

Графъ Удо вскочилъ съ мѣста. Онъ закрылъ глаза обѣими руками.

— Ужасно!—вырвалось у него.— Другъ, другъ, я вѣдь знаю исторію... Лукреція Борджіа...

Оттомаръ молчалъ.

— Здѣсь главную роль играетъ обманъ!—закричалъ графъ, забывъ, что его можетъ услышать графиня. Молчаніе Оттомара раздражило его окончательно.

— Успокойся!—проговорилъ Оттомаръ.— Здѣсь есть какая-то загадка. Соберись съ духомъ! Фактъ, кажется, несомнѣнень, но твой дядя, какъ мнѣ кажется, не переставалъ быть благороднымъ

и добрымъ человекомъ. Боже милостивый! какикъ только изусовъ не случается въ жизни!..

Графъ Удо перевелъ духъ.

— Хочешь выслушать дальнѣйшія подробности, — продолжалъ Оттомаръ шутливымъ тономъ. — Въ комнатѣ сильно пахло керосиномъ и длинные пальчики хозяйки пахли если не керосиномъ, то тѣмъ мыломъ, каковымъ она только-что вымыла руки, усердствовавши заодно съ руками ея горничной въ задѣтъ: «да будетъ свѣтъ». Комната была небольшая: уютный и комфортабельный будуаръ. Мебель мягкая. Ковры. Тропическія растенія почти заслоняли окна, завѣшанныя портьерами. И фортепяно было на лицо. За письменнымъ столомъ, повидимому, часто занимались. Свѣчи, стоявшія на пемъ, были до половины сожжены. Кухетка, на которой лежала красавица, была обита желтой матеріей...

— Лежала?.. Какъ, уже лежала?.. — перебилъ графъ.

— Когда она вошла, то поглядѣла на меня испытующимъ взглядомъ, — продолжалъ Оттомаръ, — и тотчасъ же замѣтила, что я восхищенъ ея наружностью. Съ непринужденной граціей прилегла она на кушетку и указала мнѣ рукой на близь-стоявшее кресло. Глаза ея казались при свѣтѣ лампы еще темнѣе, волосы блестѣли. Капотъ изъ свѣтлоглубого кашмира съ турецкой вышивкой, дожилса мягкими складками вокругъ стройной фигуры. Капотъ былъ подхваченъ серебрянымъ поясомъ. Длинные волосы вились по плечамъ и спускались до самой спины!

— Ты хорошо наблюдалъ! — сказалъ графъ, смѣясь.

— Сначала она заговорила о смерти графа, жаловалась на то, что онъ забылъ упомянуть о ней въ завѣщаніи. Она заплакала, протягиваясь на кушеткѣ затѣмъ, чтобы показать, какъ она стройна, какъ мнѣ показалось. Кухетка была желтая, какъ и вся остальная мебель. Вся она могла служить рельефнымъ фономъ для ея черныхъ рѣсницъ. Короче сказать, эта особа показалась мнѣ смѣсью добраго и злого. Она злорадно разсмѣялась надъ моимъ предложеніемъ принять тысячу талеровъ одновременно и получать ежегодно по 500 талеровъ въ продолженіи трехъ лѣтъ. Или, быть можетъ, она смѣялась такъ долго затѣмъ, чтобы показать свои бѣлые зубы. Вообще она заключала съѣхомъ всѣ свои возраженія, указывавшія, между прочимъ, на сильную антипатію къ моей персонѣ...

— Какъ такъ? антипатію? — переспросилъ графъ.

— Я, должно быть, сначала и а priori отнесся къ ней, какъ къ особѣ весьма сомнительной нравственности и прогово-

рился, что считаю ее движимой самым низким воровстолюбиемъ. Вообще, ее постоянный прищѣвъ былъ: «почему графъ Удо самъ не прѣдетъ ко мнѣ? Зачѣмъ онъ присылаетъ мнѣ посредника? Вы видите, что моя обстановка весьма прилична! Кто можетъ сказать про меня что-нибудь худое? Правда, я въ разводѣ съ мужемъ, но живу въ величайшемъ уединеніи. Я читаю, рисую. Стараюсь образовать себя, какъ та гречанка—представь себѣ: я передаю ей слова буквально—Аспазія, съ которой я, конечно, не сравнюсь въ красотѣ... — она, въ самомъ дѣлѣ, была такъ на нее похожа въ эту минуту, что мнѣ вспомнился отецъ, который бы непременно заставилъ ее послужить ему моделью...—но которую,—продолжала она,—я умѣю цѣнить. Общество умныхъ людей—вотъ единственное, что можетъ осчастливить разумную женщину; остальное все пустыня и имѣетъ цѣну лишь въ глазахъ дюжинныхъ женщинъ. Графъ Трейенфельсъ постоянно говорилъ мнѣ,—продолжала она, мечтательно откидывая назадъ голову,—что Аспазія освободила женщинъ изъ ужаснаго домашняго заточенія, въ которомъ матери, жены, сестры, дѣти у грековъ жили вмѣстѣ съ рабами и кухарками, въ то время, какъ мужчины посѣщали народные собранія и театры. И вотъ,—дочка она совсемъ наивно,—въ Аспазіи стали сбѣгаться всѣ молодня дѣвушки въ Аѳинахъ... и главное потому, что онѣ желали научиться у этой образованной особы, которая прѣехала въ Аѳины откуда-то изъ другого мѣста, какъ обращаться съ мужчинами и имѣть на нихъ вліяніе! Наша любовь въ нарядахъ и удовольствіямъ совсѣмъ жалка!

Наступила пауза.

Затѣмъ графъ Удо проговорилъ:

— Но, какъ она тебѣ сплела свою лживую исторію про дядю? Потому что это ложь, ложь и не можетъ не быть ложью...

— Когда на ее непрерывное требованіе—переговорить лично съ тобой, я всталъ и объявилъ ей свой ультиматумъ, она закричала, вскакивая съ мѣста: «мнѣ нужны эти обѣщанные 30,000 талеровъ! Они помогутъ мнѣ занять приличное положеніе въ обществѣ. И чтобы вы знали всю правду: я дочь графа Вильгельма, и моею матерью была жена инженера Марлофа!» Съ этими словами она отвернула дверь и нанесла моему самолюбію самую жестокую обиду: она, повидимому, не нашла ничего интереснаго въ моеи особѣ и до нѣкоторой степени выпшвырнула меня за дверь.

Графъ Удо безпокойно шагаль назадъ и впередъ по комнатѣ.

— Придется отсчитать ей всю сумму сполна,—проговорилъ онъ.—Все остальное должно остаться неизслѣдованнымъ. Другъ!—

подхватилъ онъ, трясъ Оттомара за руку, — ты приносишь мнѣ въ жертву свою репутацію, но... я все же не рѣшусь къ ней пойти! Меня удерживаетъ отъ этого ангелъ, свѣтлое созданіе!.. Я, собственно говоря, не виртуозъ въ нашей такъ-называемой добродѣтели...

Онъ умолялъ, устремивъ глаза въ потолокъ, затѣмъ овладѣлъ собою, заперъ конвертъ со счетами и хотѣлъ заговорить о постороннемъ.

— Я еще не кончилъ,—продолжалъ Оттомаръ.—Я не далъ себя такъ легко выгнать. Съ гнѣвомъ вернулся я въ комнату, схватилъ ея руку, такъ, что ей, должно быть, стало больно, и сказалъ: «и вы такую наглуую дождь рѣшаетесь пронести при вашей служанкѣ?»—«Весь свѣтъ узнаетъ объ этомъ!» яростно воскликнула она. «Милостивый государь, я больше пережила, нежели вы. Я побывала въ Венгріи и въ Турціи, и уже восьмилѣтнимъ ребенкомъ должна была напрягать всѣ силы ума, не для того, чтобы кокетничать, а чтобы избѣжать смертельной опасности!.. Будетъ препираться объ этомъ. Мнѣ нужны эти 30,000 талеровъ для выполненія моихъ плановъ. Поняли?»—И съ этими словами я опять очутился за дверью.

— Неужели это возможно!—нѣсколько разъ съ-ряду повторилъ графъ. Воспоминаніе о папѣ Александрѣ VI положило вонецъ дальнѣйшимъ соображеніямъ. Только одинъ еще вопросъ сдѣлалъ графъ:

— Было ли все тихо въ ея квартирѣ? Никто вамъ не мѣшалъ? Служанки не было слышно?

— Дѣвушка, которую я, должно быть, гдѣ-нибудь видѣлъ, принесла, какъ-разъ въ моментъ разглагольствованій объ Аспазіи, двѣ визитныхъ карточки, которыя она мнѣ показала.

— Кто же пріѣзжалъ къ ней съ визитомъ?

— Пасынокъ моего друга Вольфи, ассессоръ Робе, и баронъ Максъ фонъ-Форбекъ...—доказательство, что она пріобрѣтаетъ известность, какъ авантюристка.

— Какъ это все близко вращается отъ той сферы, гдѣ я живу,—пожаловался графъ.

— Она велѣла отдать карточки этимъ господамъ обратно, и я слышалъ, какъ служанка хлопнула дверью изъ-всей ночи,—рассказывалъ Оттомаръ.—Это должно было означать: «господа, вы не туда попали! здѣсь монастырь!» Но я не могъ промолчать дольше, не могъ высказывать своихъ сомнѣній: она же, очевидно, притворилась, показывая, будто этотъ визитъ нисколько ее не возмущалъ. Напротивъ того, искусственное спокойствіе

оставило ее. Она прислушивалась, и, мнѣ кажется, это была единственная минута, когда и я ей былъ не противенъ.

— Ты сейчасъ же охватишь рукой ее талию? признавайся! — попробовалъ графъ пошутить.

— Не совсѣмъ такъ, — возразилъ Оттомаръ, — но она ужасно какъ распространялась про Аспазію и воекетничала знакомствомъ съ ея исторіей. Тогда я придвинулся ближе съ своимъ стуломъ. «Графъ Вильгельмъ Трейенфельсъ — она называла его постоянно «мой покровитель» — былъ точно Сократъ», говорила она. «Скажите графу... но, нѣтъ, нѣтъ, онъ долженъ самъ пріѣхать и я ему все расскажу!» — Почему же не мнѣ? спросилъ я. Я также интересуюсь Сократомъ. Онъ былъ безобразенъ, а это не мѣшало Аспазіи награждать его по временамъ поцѣлуями.

— И ты похитилъ у нея поцѣлуй, сознайся! — перебилъ графъ.

— Это была чудная минута, — признался Оттомаръ. — Она оттолкнула мою протанутую руку и однако такъ приблизилась ко мнѣ, вставая съ мѣста, что рукавъ моей рѣшително некуда было дѣться, какъ только обвиться вокругъ ея талии. Съ чарующимъ воекетствомъ, — полу-отгальывая меня, полу-сдаваясь, — она замѣтила мнѣ: «мой Сократъ утверждалъ: человекъ испытываетъ порою желаніе видѣть и бывать въ обществѣ женщины, которая — только женщина, съ женщиной «an sich», не съ женщиной въ качествѣ жены, матери, дочери. Женщина «сама по-себѣ» — это была для него идея, воспитанная поэтомъ, воспитанная Соломономъ въ его «Пѣсни пѣсней!» Въ повседневной, христіанской жизни женщина «сама по-себѣ» больше не существуетъ, развѣ только въ мертвомъ вультѣ Мадонны католической церкви. Телеграфистки, женщины-медики, женщины-кассиры желѣзныхъ дорогъ и т. д. омончательно завладѣли бы міромъ, не будь у насъ поэтовъ, мечтательницъ, мормонства и тому подобныхъ спасительныхъ средствъ, сохраняющихъ для мужчины женщину «an sich!» — И хотя я ей сказалъ: вы, кажется, изучали Канта! — но, въ концѣ-концовъ, она все-таки выпшвырнула меня за дверь, такъ же безцеремонно, какъ и ея пріемный отецъ... Я вообще полагаю, что Марлофъ въ самомъ-дѣлѣ ея пріемный отецъ.

На лицѣ графа лежало облако, — не грозовое, которое, наконецъ, разрѣшается, но такое, какія иногда окутываютъ горы, грозы, повидимому, никогда не разсѣются. Въ бумагахъ дяди онъ нашелъ темные намѣки на какое-то давнишнее увлеченіе. Размѣръ требуемой суммы дѣлалъ необходимымъ непріятные переговоры съ управителемъ наслѣдованнаго имѣнія. Лично побивать

у такой рѣшительной и смѣлой авантюристки онъ не осмѣливался. Онъ откровенно говорилъ: «мнѣ представляется точно сцена изъ «Фрейшюца», когда Агата появляется въ волшебномъ сіяніи на высокой скалѣ и, ломая руки, умоляетъ своего возлюбленнаго Макса не ходить въ волчью долину!.. И этотъ призракъ... не Ада Форбекъ...—добавилъ онъ, умолкая.—Призракъ этотъ—Елена, милая сестра вѣрнаго и великодушнаго друга!»

Добрая графиня-вдова каждую недѣлю навѣщала мастерскую скульптора и черпала бодрость духа въ символѣ своей супружеской вѣрности,—черпала въ такомъ количествѣ, что даже не находила неприличнымъ, чтобы свадьба племянника съ графомъ состоялась немедленно, послѣ чего молодые должны были отправиться путешествовать.

Ларозъ пришелъ объявить, что лампы зажжены, и что хозяйка сейчасъ позоветъ въ столу.

— Отобѣдай съ нами! Я не въ состояніи ни о чемъ говорить за столомъ. Графиня замѣтаетъ, что я разстроены. Быть можетъ, Ада обѣдаетъ съ нами...

Ларозъ подтвердилъ, что она уже пріѣхала, и ушелъ.

— Другъ! — вскричалъ Удо въ сильномъ волненіи. — Какъ мы страдаемъ отъ цѣпей, налагаемыхъ на насъ предрассудками и рутинной! Грудь моя просто разрывается, когда я вспомню про слова нашего Сократа: женщина «сама по себѣ» больше не существуетъ! Я же говорю: природа больше не существуетъ! Торжествомъ природы было бы, если бы Ада откровенно сказала не то, что она говоритъ обыкновенно: «Альгингъ очень милъ», но: «я его люблю»!

— Графъ! — вскричалъ Оттомаръ, вскакивая съ мѣста.

— Это правда! Я вѣдь не ревную! — отвѣчалъ женихъ Ады, и увлекъ окаменѣвшаго пріятеля въ высокую, настезь раскрытую дверь, изъ-за которой лилось на нихъ цѣлое море свѣта.

IV.

Съ наступившей зимой собранія друзей по понедѣльникамъ стали гораздо люднѣе, нежели были лѣтомъ. Число тридцать, собственно говоря, не должно было превышать по статуту, но отъ всякихъ формальностей, статутовъ, выборовъ старались по возможности уклониться, такъ какъ уже вообще въ жизни приходилось наслаждаться всѣмъ этимъ до пресыщенія. Парламентаризмъ преслѣдовалъ на всѣхъ углахъ и перекресткахъ! Форма-

лиственна грозила затопить всѣ здоровыя жизненныя отправленія. Въ особенности у молодыхъ юристовъ замѣчалось настоящее фанатическое увлеченіе формальностями англійскихъ верхней и нижней палаты.

Оттомаръ насилу отдѣлался въ одинъ изъ понедѣльниковъ отъ жаркой бесѣды, завязавшейся на улицѣ о «правѣ, даже послѣ заключительнаго доклада, переходить къ очередному порядку», и, постучавшись въ дверь помещенія, служившаго пріютомъ для новыхъ Сераціоновыхъ братьевъ, просунувъ голову въ дверь и спросилъ: не здѣсь ли его отецъ, профессоръ Альтингъ.

И изъ присутствовавшихъ здѣсь двадцати гостей, по крайней мѣрѣ десять закричали:

— Побудьте съ нами, любезный Альтингъ! Онъ навѣрное придетъ! Присядьте!

— Если позволите, — отвѣчалъ молодой человекъ, снявъ теплое пальто, повѣсилъ его на гвоздь, гдѣ бы оно было у него на глазахъ (да простится это недовѣріе въ общественной безопасности въ большихъ городахъ) и былъ немедленно озадаченъ слѣдующимъ вопросомъ:

— Вы офицеръ, г. Альтингъ! Мы обсуждаемъ вопросъ: правда ли, что военные составляютъ первое сословіе въ государствѣ? Какъ вы думаете объ этомъ?

Молодой Альтингъ объявилъ, что онъ не болѣе какъ поручикъ резерва, и что его взгляды на этотъ предметъ не установились, и прибавилъ:

— Одинъ изъ моихъ товарищей доказывалъ мнѣ только-что сдѣланное вами положеніе слѣдующимъ аргументомъ: — назовите мнѣ какое-нибудь сословіе въ мірѣ, членъ котораго, простой поручикъ, прибывъ въ столицу и узнавъ, что при дворѣ дается балъ, имѣлъ бы право отправиться немедленно въ коменданту, представиться и появиться въ парадномъ мундирѣ на балѣ во дворцѣ!...

Этотъ *argumentum ad hominem* возбудилъ всеобщее удивленіе.

Вопросъ былъ поставленъ глубже. Нѣкоторые чиновники, директоръ гимназій Вейгель, присоединенный фрисландецъ Омма и другіе совершенно серьезно утверждали, что нравственной и умственной основой государства служить армія. Одинъ восторженный судебный совѣтникъ, Элмеръ, объявилъ даже: — не будемъ закрывать глаза на то, что биржа, равно какъ и заблужденія науки, а также и полнѣйшее омертвѣніе богословія поставили насъ въ такую зависимость отъ военнаго сословія, которую я

цѣню, хотя, быть можетъ, и напугаю васъ указаніемъ на образованіе новаго монашескаго ордена. Да, милостивые государи, офицерство есть единственный прочный цементъ въ обществѣ! Но оно можетъ имъ быть лишь вслѣдствіе своей такъ-сказать монастырской организаціи. Милитаризмъ является синонимомъ новой іерархіи. Кадетскіе корпуса суть школы неофитовъ! Развѣ вы не замѣчали, что всѣ воспитанники этихъ заведеній носятъ всѣ признаки замкнутой жизни, всѣ характеристическія черты дрессировки военнаго Лойола, Лайнеца или Санхеда? И неужели вы станете отрицать, что среди распатаннаго общества, общества такъ-сказать все болѣе и болѣе деморализирующагося; общества, въ которомъ даже самое понятіе о правѣ стало просто-на-просто игрушкой въ рукахъ различныхъ партій, такъ что самое понятіе о наказаніи перестало быть яснымъ для судей, военная выправка, офицерская жизнь стала хранилищемъ честности, чести, приличія, чувства собственнаго достоинства и даже образованія? И чисто путемъ заимствованной у іезуитовъ,—выскажемъ это откровенно,—системы взаимнаго надзора, обязательности доносовъ, послужныхъ списковъ, подбора личностей,—нужды нѣтъ, что все это напоминаетъ іезуитовъ,—оно гарантируетъ человечеству прочные устои... потому что все остальное стало въ государствѣ гнило!

— Гнило до самой сердцевины!—поддакнуло нѣсколько голосовъ, между тѣмъ какъ другіе протестовали, а фабрикантъ Шиндлеръ откровенно высказалъ:

— Это называется поволоотить свои цѣпи!

— Въ силу этого слѣдовало бы, значить, заставлять генераловъ читать проповѣди по воскресеньямъ! — иронически замѣтилъ статскій совѣтникъ Пфифферлингъ.

Но шутнику не поздоровилось. Придворный живописецъ Трипель, особа, изукрашенная всякими орденами, былъ сегодня тутъ, и онъ-то собственно и навелъ разговоръ на эту тему: онъ рисовалъ большой парадъ съ портретами, снятыми съ натуры, и каждый желалъ выразить ему свое восхищеніе. Онъ выговорилъ себѣ въ высшихъ сферахъ условіе, что не станетъ изображать призываннаго воскреснаго парада изъ нюрнбергскихъ оловянныхъ солдатиковъ, а представить его въ облакахъ пыли, такъ что фигуры будутъ лишь смутно рисоваться. Критики превозносили до небесъ «эту гениальную мысль». И вотъ, слово-за-словомъ, перешли въ восхваленію военнаго духа, который, несмотря на страшное бремя военнаго бюджета, тяготѣвшее надъ народомъ, служить охраной отъ варварства, создаетъ выдержку характеровъ, честь,

хорошее поведеніе, строгіе нравы, приличіе, образованіе, любовь къ историческимъ традиціямъ.

Наконецъ, сильный басъ промышленника Шиндлера приостановилъ потоки радужныхъ красокъ, какъ онъ называлъ эти разглагольствованія, замѣстивъ сравненіе изъ своей сферы — онъ владелъ большой красильной — во всеобщему веселію, и, напротивъ того, сталъ доказывать, что всеобщая воинская повинность приведетъ какъ разъ къ гибели нѣмецкій народъ; что она уже образовала лѣнивое поколѣніе, утратившее знаніе самыхъ необходимыхъ приѣмовъ въ промышленности. Возбужденный ораторъ приводилъ числа и имена, точно въ статистическомъ бюро. Оттомаромъ овладѣла сильная апатія, а иначе онъ принялъ бы участіе въ этихъ преніяхъ. Вопросы, которыхъ они касались, вообще живо интересовали его. Но онъ попалъ въ такую житейскую сутолоку, что она совсѣмъ опутала его. Недавнее заявленіе графа объ Адѣ, которое рѣшительно подтверждалось фактами, вынужденные визиты къ Эдвинѣ Марлофъ совсѣмъ сбили его съ толку. Въ настоящую минуту онъ безпрестанно поглядывалъ на дверь: не идетъ ли, наконецъ, отецъ; рука его устало лежала на столѣ и онъ не слушалъ разсужденій на тѣму: улучшается ли человѣчество или ухудшается солдатскимъ мундиромъ? — Во времена «Симплициссимуса», — пробормоталъ онъ только разъ, когда высказывалъ свое мнѣніе одинъ преподаватель высшихъ учебныхъ заведеній, — солдатскій мундиръ рѣшительно портилъ людей!

Отецъ его не приходилъ. Онъ долго рѣшалъ: дожидаться ли ему его или уйти. Ему хотѣлось только увидѣть его и пожать руку. Вчера они провели очень, очень неприятныя минуты! Рѣзкія слова, несправедливыя обвиненія были высказаны! Старикъ скульпторъ испортилъ для своихъ домашнихъ вчерашнее воскресенье, которое Оттомаръ проводилъ обыкновенно съ родителями! Только благодаря зимнимъ рамамъ, рѣзвости, начавшіяся уже за обѣдомъ, не долетали до слуха постороннихъ, а за кофеемъ, который обыкновенно проходилъ среди полной безмятежности въ низкихъ комнатахъ четвертаго этажа, разразилась настоящая буря. Даже слезы можно было бы подслушать, такъ какъ слова матери и Елены сопровождались рыданіями.

— Я не изъ тѣхъ скульпторовъ, какіе описываются въ твоихъ романахъ, — кричалъ отецъ, обращаясь къ Еленѣ. — Я не дѣлаю чести нѣмецкому искусству, заводя двѣ мастерскія: одну, гдѣ служу Іисусу, другую — Венерѣ и страстямъ! Подумать только, что нашелся поэтъ, который живетъ между художниками и могъ ихъ такъ изобразить! Мы, художники, можемъ быть иногда без-

умцами въ своемъ направленіи, и вся исторія нѣмецкаго искусства доказываетъ, что мы всегда увлекались крайностями! Стбить зародиться каковой-нибудь идеѣ—и ее тотчасъ довести до абсурда. Всякая оригинальность порождаетъ манерность! Но мы отдаемся вполне, беззаветно тому, что насъ увлекаетъ. Если мы создаемъ «Богородицъ» и Распятія, то душа наша участвуетъ въ этомъ созданіи! Если мы рисуемъ Мадоннъ, то хладнокровно переносимъ насмѣшливыя улыбки своихъ собратьевъ. Но мы не откупаемся отъ добровольнаго мученичества, налагаемаго убѣжденіями, заводя другую мастерскую, гдѣ удовлетворяются личныя наклонности. Вы доведете меня до того, что я разобью въ дребезги монументъ и вытолкаю за дверь вашего легвомысленнаго графа!

О, какія большія мѣста затрогивались при этомъ! Графъ со времени своего перваго посѣщенія появлялся такъ часто, что слезы Елены перешли въ судорожныя рыданія, которыя только усилили раздраженіе отца.

— Его свадьба съ фрейлейнъ Форбесъ должна состояться въ самомъ непродолжительномъ времени!—кричалъ онъ.—Чего онъ шатается сюда и излагаетъ правила и взгляды, противорѣчащіе честной и адровой морали! Все въ немъ фразѣрство, притворство, которые я ненавижу хуже смертнаго грѣха!

При этомъ онъ взялъ книгу, про которую съ такимъ удовольствіемъ рассказывали ему дамы и которая принесена была имъ графомъ, и бросилъ ее на полъ. Кроткая жена тщетно пыталась успокоить его.

— Ты еще всего не знаешь,—возражалъ онъ ей.—Но мы должны выжить этого молодчина отсюда!

И когда Оттомаръ обидѣлся этими словами и пожелалъ узнать, въ чемъ ихъ обвиняютъ, его и графа, то отвѣтъ гласилъ: «Я знаю, что знаю!» Оттомаръ покраснѣлъ, сестра и мать смутились. Сестра Минелины Блаумейсель, Жозефа, служила у Эдвина. «Берегись маленькихъ людей», прозвучало въ ушахъ Оттомара, а отецъ выразительно прибавилъ: «у людей есть глаза и уши!»

Теперь Оттомару приходилось отказываться отъ мысли уже сегодня примириться съ отцомъ. Ему еще предстояло много хлопотъ на нынѣшній день. Вечеромъ онъ долженъ былъ ѣхать на балъ, на который его пригласила дѣйствительно умирающая фрау Вольни. Совѣтникъ юстиціи Луціусъ говорилъ ему, что она хочетъ составить свое собственное завѣщаніе, хотя и согласно волѣ перваго мужа. Натурально, г-жа Луціусъ съ дочерью не могла не быть на балѣ. Такіе танцоры, какъ Фоглеръ и Дитериди,—тоже. Необходимость присутствовать на балѣ за-

ключалась для Оттомара въ зависимости его не отъ дочекъ Луциуса, но отъ другой, невѣроятно сильной воли, которой онъ началъ невольно подчиняться. Что дамскій комитетъ гонялъ его туда и сюда—было уже для него достаточно мучительно. Но тамъ онъ поворачался ради добраго дѣла. Но Ада не переставала гонять его на кордѣ, какъ она выражалась. А затѣмъ? Она прямо говорила ему: «чтобы васъ видѣть». Графъ Удо уѣхалъ на нѣкоторое время въ имѣніе покойнаго дяди.

Оттомаръ незамѣтно ускользнулъ отъ Серапіоновыхъ братьевъ, находившихся сегодня подъ впечатлѣніемъ ожидаемой отъ Тризеля картины: «парада, окутаннаго столбами пыли». При выходѣ онъ натолкнулся на своего товарища Дитерици. Этотъ послѣдній былъ, какъ всегда, въ изящнѣйшемъ костюмѣ; его бѣлокурные усики были завиты и напомажены.

— Вы вылетѣли, какъ бомба,—сказалъ Дитерици несвойственнымъ ему веселымъ тономъ.

— А я такъ дивлюсь, что встрѣчаю васъ въ такомъ мѣстѣ, которое вы «въ принципѣ» не должны посѣщать,—отвѣчалъ Оттомаръ.

«Въ принципѣ» было однимъ изъ любимыхъ выраженій Дитерици.

Тотъ на это только блаженно усмѣхнулся и многозначительно промолчалъ.

— Ужъ не нашли ли вы необходимымъ,—продолжалъ Оттомаръ, внимательно глядя на него, въ то время какъ оба пошли по одной дорогѣ,—нѣсколько промочить горло для разрѣшенія коренныхъ задачъ жизни? Да,—подхватилъ онъ,—вѣдь мы всѣ сегодня вечеромъ на балѣ у Вольни! Дамы будутъ осаждать васъ разсужденіями о безсмертіи!

Дитерици опять усмѣхнулся. Онъ былъ дѣйствительно въ своемъ родѣ философомъ. Худоцавый, съ чахоточнымъ сложеніемъ юноша, съ довольно красивой головой, но слишкомъ жидкими, бѣлокурными, завитыми волосами, съ глубокими свѣтло-голубыми глазами, съ множествомъ веснушекъ на лицѣ, но всегда въ изыснаннѣйшемъ костюмѣ, не курившій, но, напротивъ того, строго наблюдавшій за своимъ дыханіемъ, ударами пульса, биеніемъ сердца, силою вдоховъ, которую онъ испытывалъ на стеклѣ окна, или же сдувая голову одувачника, когда гулялъ съ Блаумейселемъ и Плюмике—короче сказать, ипохондрикъ, уже въ юныхъ годахъ выработавшій цѣлый кодексъ правилъ и сужденій, по которому желалъ жить. Въ промежуткахъ между засѣданіями въ судѣ, утромъ за завтракомъ, когда другіе читаютъ газеты въ

кофейняхъ, и даже по вечерамъ въ фойе театра, который онъ охотно посѣщалъ, онъ подкрѣплялъ себя чтеніемъ какой-нибудь книги въ борьбѣ съ несмыслиемъ нашей эпохи. Онъ во всѣхъ находилъ отсутствіе стремленія къ рѣшенію коренныхъ задачъ человѣчества. Это выраженіе сорвалось у него раза два въ присутствіи Фоглера, и циническій, рѣдко трезвый сослуживецъ протащилъ его по всѣмъ нотаріальнымъ и адвокатскимъ конторамъ. Осгого Теодорикъ наследуетъ коренныя задачи человѣческой жизни! Многіе, которые видѣли, какимъ высококомѣрнымъ молчаніемъ отвѣчалъ послѣдній на этотъ вопросъ, съ которымъ къ нему обращались изумленные слушатели, въ самомъ дѣлѣ полагаали, что этотъ блондинъ съ маленькими усиками поставилъ себѣ эту философскую задачу.

— Вы сегодня вечеромъ восхититесь моимъ новымъ фраккомъ,—небрежно замѣтилъ онъ, шествуя рядомъ съ Оттомаромъ.— Портной живетъ тутъ по близости. Это внушило мнѣ охоту позавтракать. Воротникъ у моего фрака шелковый. Что вы на это скажете? Это самая послѣдняя мода!

— Шелковый? Ну, такъ всѣ подумаютъ, что прежній воротникъ сносился. Лучше бы вы заказали его изъ бархата.

— Я заказалъ фракъ съ шелковымъ воротникомъ и шелковыми отворотами!—повторилъ Дитерици твердо и рѣшительно, не обращая вниманія на замѣчаніе.—Я увидѣлъ такой на модной картинкѣ! Императорская, парижская мода! онъ похожъ на придворный мундиръ! У васъ уже всѣ танцы замѣщены?—перебилъ онъ свою болтовню, доказывавшую его хорошее расположеніе духа.

— Я полагаюсь въ этомъ на Церлину и Сашу,—отвѣчалъ Оттомаръ.—У нихъ всегда набирается столько пріятельницъ, не имѣющихъ кавалеровъ, что мои таблетки наполняются а самъ не знаю какъ.

— Кстати,—спросилъ Дитерици,—отчего ваша сестра никогда не бываетъ на балахъ?

— Отецъ вообще не одобряетъ танцевъ, да и сестра ихъ не любитъ...

— Это неправильно! Неправильно въ принципѣ! Танецъ, это—невольная гимнастика! Ею слѣдуетъ пользоваться какъ можно чаще! Это изящнѣйшая комнатная гимнастика! Курьезное дѣло—наша физическая безсознательность! Я, напримѣръ, сегодня хотѣлъ перемѣнить стальное перо правой рукой и не могъ вытащить его, несмотря на всѣ усилія. Я считалъ правую руку сильнѣйшею, а лѣвую слабѣйшею. Наконецъ, взялся за дѣло лѣвою

рукой—и что-жъ бы вы думали? Перо вытаснилось въ одно мгновеніе. Только моя воля дѣлала до сихъ поръ мою правую руку сильнѣйшею. Но ошибка обнаружилась. Безсознательно глѣвая была сильнѣе... такіе опыты принадлежатъ въ нашимъ кореннымъ задачамъ.

— Или же, быть можетъ, стальное перо уже было достаточно распатано правою рукою! — замѣтилъ Оттомаръ и повернулъ въ сторону, проговоривъ: добраго утра!

Онъ поспѣшно свернулъ въ боковую улицу. Онъ замѣтилъ, что Дитерици готовился развернуть свои крылушки майскаго жука, а въ такихъ случаяхъ его сослуживецъ обыкновенно терялся въ несвончаемыхъ цитатахъ изъ Шопенгауэра и Гартмана. Упомяновеніе объ его сестрѣ было ему также неприятно, хотя изслѣдователь коренныхъ задачъ жизни, равно какъ и Фоглеръ выдавали себя за ея особенныхъ поклонниковъ. Слово «любовь», по мнѣнію Дитерици, выраженіе преувеличенное, было вычеркнуто изъ его философскаго словаря. При всемъ томъ, онъ прибѣгалъ къ восторженнымъ выраженіямъ, когда вопросъ касался его лирическихъ впечатлѣній. Въ одномъ томикѣ стихотвореній онъ воспѣлъ десятка съ два женщинъ, поочередно вдохновлявшихъ его музу. Въ одномъ стихотвореніи онъ умиралъ, въ другомъ оживалъ, совсѣмъ на подобіе своему прототипу Гейнриху Гейне.

Примиреніе Оттомара съ отцомъ совершилось совсѣмъ неожиданно. Они внезапно встрѣтились на улицѣ, среди уличнаго гама и шума,—и мигомъ все уладилось. О вчерашней бурѣ даже не было упомянуто. Отецъ, повидимому, и не помнилъ даже о ней. Онъ рассказалъ, что вчера пріѣзжала къ нимъ Марта Элердтъ и сообщила много утѣшительнаго. Братъ ея написалъ самое разсудительное письмо къ Вольни съ извиненіемъ, отказался отъ редакціи «Соціального уравниателя» и снова поступилъ на фабрику, рискуя посориться съ своими единомышленниками! Часть забастовавшихъ рабочихъ, благодаря его убѣжденіямъ, вернулась съ нимъ на фабрику! Изумительное примиреніе Вольни съ Раймундомъ Элердтомъ было такъ рѣшительно, что послѣдній былъ даже приглашенъ на сегодняшній балъ.

Уличная суматоха вскорѣ разлучила отца съ сыномъ, но миръ былъ восстановленъ.—Приходи поскорѣе!—звучало еще въ ухахъ сына.

Самой тяжелой заботой на сердцѣ Оттомара былъ сегодняшний балъ. Ада должна была пріѣхать. Съ Адой отношенія Оттомара были самыя странныя. Смуглая, черноволосая, напоминав-

тая газель дѣвушка, въ самомъ дѣлѣ любила его. Она любила его, несмотря на то, что должна была и хотѣла, и не могла не хотѣть сдѣлаться графиней Трейенфельсъ въ самомъ непродолжительномъ времени. Ея отношеніе къ этому факту было совсѣмъ легкомысленное, и Оттомаръ содрогался, когда видѣлъ, что и пріятель его, графъ Удо, относится къ нему точно такъ же. Этотъ послѣдній явно любилъ его золотокудрую сестру. Братъ видѣлъ, что Елена въ тайнѣ страдаетъ. Воображеніе Елены было затронуто наружностью графа, его остроумной болтовней, его разсказами о пережитыхъ имъ впечатлѣніяхъ во время путешествій, маленькими дозволенными любезностями, въ родѣ подношенія портретовъ, фотографій и тому подобное. Оттомаръ не зналъ: не слѣдуетъ ли ему серьезно предостеречь графа объ опасности, какой онъ подвергаетъ его любимую сестру? Но тутъ услышалъ онъ, какъ этотъ послѣдній толковалъ о склонности Ады къ нему, Оттомару, о назойливости генеральши, о назойливости брата Ады, обремененнаго долгами, выгнаннаго изъ арміи. Все, что только носило фамилію Форбекъ, съ отчаяніемъ дожидалось свадьбы. Графъ Удо столько унастилъ долговъ этой семьѣ, что уже одно это могло омрачить его отношенія къ Адѣ.

Оттомаръ держался того принципа, что онъ не долженъ влюбляться, пока не найдетъ средствъ содержать семейство. Но онъ противъ воли заинтересовался Адой, ея рѣзвостями, ея пренебреженіемъ въ тому впечатлѣнію, какое производили ея слова и поступки. Образъ ея преслѣдовалъ его, какъ тѣнь. Все напоминало ему Аду! То, что въ Сашѣ и Церлинѣ казалось пошлостью: неожиданное хватаніе за руку, дѣланнй глѣвъ, рѣзкія выраженія, подхваченныя въ театрѣ или «изъ разговора изволицьковъ», какъ выразился однажды Оттомаръ, разсерженный передразниваніемъ театральныхъ простушекъ, — все это въ Адѣ производило совсѣмъ иное впечатлѣніе. Она походила на Эльфа, на Пуза изъ «Сна въ лѣтнюю ночь», одурачивающаго людей цѣвочной пылью! Братъ называлъ ее иногда обезьяной! И дѣйствительно, обезьяна сказывалась въ ея дурачествахъ, въ ея шалостяхъ. Подобно тому, какъ Шопенгауэръ сидѣлъ передъ кѣтвой съ обезьянами, стараясь подмѣтить въ нихъ проявленія челоувѣческой души, такъ и Оттомаръ видѣлъ въ Адѣ милаго ребенка, испорченнаго дурнымъ воспитаніемъ. Давно уже заблестѣли для него крупинки золота изъ-подъ наружной, грубой оболочки. Зачастую, когда ей случалось высказывать своимъ звучнымъ, груднымъ голосомъ какую-нибудь благородную мысль, какое-нибудь возвышенное чувство, сердце его билось...

— Эй! г. Малó, г. Малó, здравствуйте!—закричалъ одинъ рабочій съ фабрики Робе, въ тотъ день, какъ назначенъ былъ балъ, вслѣдъ человѣку съ краснымъ носомъ, осторожно прокрадывавшемуся изъ дома Вольни. — Откуда васъ Богъ несетъ въ такую рань? Развѣ вы тоже хотите помириться съ докторомъ?

Говорившій былъ истопникъ, весь черный отъ угля и съ нетерпѣніемъ дожидавшійся, чтобы его дражайшая половина принесла ему кофе. Онъ выглянулъ на улицу: не идетъ ли жена съ страстно ожидаемой корзинкой?

Малó, повидимому, были неприятны и эта встрѣча, и это прѣвѣтвіе.

— Я былъ по порученію!—отвѣчалъ онъ. — Помириться съ вами? Поступить такъ же низко, какъ Элердтъ? Чорта съ два!

На этомъ разговоръ покончился. Малó уже исчезъ со двора фабрики, чернаго отъ угля. Тамъ-и-самъ слышно было, какъ растворялись ставни. Только-что пробило семь. Какимъ образомъ Малó могъ пробраться въ домъ, который на ночь запирался — этого истопникъ никакъ не могъ понять. Но ему некогда было ломать надъ этимъ голову, такъ какъ его призывали обязанности его должности, да онъ, въ сущности, интересовался главнымъ образомъ своимъ кофе.

Малó бѣжалъ торопливыми шагами. Морозъ кусалъ его. Платье у него было легкое, почти лѣтнее. Улица была полна рабочихъ, шедшихъ на фабрику. Онъ посылалъ имъ вслѣдъ насмѣшливыя прѣвѣтвія и получалъ въ отвѣтъ или громкій хохотъ, или угрозу вдуть его. Подъ вонецъ онъ столкнулся съ Раймундомъ Элердтомъ, ушедшимъ съ носомъ въ воротникъ своего пальто и мрачно выглядывавшимъ оттуда.

Элердтъ вадрогнулъ и сталъ въ позицію бѣрца. Малó, предугадавшій это движеніе, прошелъ мимо него съ сухимъ: здравствуйте!

Вновь обращенному хотѣлось побѣжать вслѣдъ за Малó, остановить его и сказать: неужели ты думаешь, что я сдѣлалъ это взаправду? Что я въ самомъ дѣлѣ помирился съ хозяиномъ? Какъ ты глупъ...

Да! онъ только разыгрывалъ комедію.

У нихъ былъ составленъ цѣлый заговоръ на сегодняшний вечеръ. Мать Робе должна была скоро «отправиться на тотъ свѣтъ», какъ выражался ея нѣжный сыночекъ. Если она умретъ, не составивъ завѣщанія, то отцовское вступить въ полную силу. Онъ все предоставилъ его матери, а если она выйдетъ вторично замужъ—что онъ, вѣроятно, заранѣе предвидѣлъ,—и если вто-

рой мужъ будетъ управлять фабрикой, то послѣдняя должна была перейти къ нему по смерти жены. Ассессоръ считался отдѣленнымъ, вслѣдствіе его мотовства и тѣхъ громадныхъ суммъ, которыя онъ уже получилъ отъ матери. Какъ побудить мать составить новое завѣщаніе въ пользу сына?—Вотъ что составляло главную заботу ассессора Робе. Авѣнскими письмами непрерывно получались совѣтницей, и въ нихъ мужъ ея обвинялся въ невѣрности. Въ нихъ толковалось объ интригѣ съ Мартой Элердтъ, какъ о вещи, не подлежащей сомнѣнію и прослѣженной на дѣлѣ. Но мать поговаривала иногда про разводъ (изъ любви, какъ говорила она съ элегической сентиментальностью), но не хотѣла и слышать о новомъ завѣщаніи. Она была слишкомъ занята своей былой красотой, своимъ изяществомъ, своими знатными знакомствами; ее можно было довести до бѣшенства напоминаніемъ о смерти. Она хотѣла быть молодой, прекрасной, по крайней мѣрѣ казаться такой при вечернемъ освѣщеніи. Она, прежде всего, не хотѣла вѣрить въ нямбну мужа, отвергала всѣ клеветы, звала его къ себѣ, цѣловала, и его мягкость, его доброта цѣлительно дѣйствовали на нее... такъ, по крайней мѣрѣ, говорила она. О какомъ же завѣщаніи могла быть тутъ рѣчь. Но затѣмъ наступалъ переворотъ въ настроеніи: она сближалась съ сыномъ; поддавалась льстивой рѣчи его жены, ловкой, безсердечной интригантки, которая умѣла повернуть дѣло такъ, что совѣтница начинала вѣрить во всѣ клеветы, направленные противъ мужа. Она собиралась призвать Лудіуса, и, отдѣливъ значительную сумму денегъ мужу, сдѣлать единственнымъ наследникомъ сына. Но и это все разбивалось объ ея страхъ смерти...

Наступилъ, наконецъ, вечеръ. Свѣчи и газовые рожки были зажжены. Фрау Вольни принимала одинъ порошокъ за другимъ, чтобы подкрѣпить свои силы. Зеркало показывало ей, что важное дѣло—ея туалетъ, въ которомъ принимали участіе всѣ горничныя и Марта, и рассчитанный на эффектъ при первомъ появленіи въ бальной залѣ,—удалось.

Ада фонъ-Форбекъ была въ прелестномъ бальномъ платьѣ. Въ качествѣ невесты челоуѣка, носившаго трауръ, она успокоила свою совѣсть тѣмъ, что одѣлась въ бѣлое съ головы до ногъ. На бѣлую шелковую нижнюю юбку наброшенъ былъ плотный, усыпанный кристаллами тюникъ, подхваченный тамъ-и-сямъ въ легкія складки бѣлыми розами. Вѣнокъ изъ бѣлыхъ розъ былъ надѣтъ на темные локны, ниспадавшіе на спину, жемчугъ обвивался вокругъ граціозной шеи. — Ундина! — шептали при ея появленіи. На дворѣ стояла зима, но на лицѣ ея сіяла весна.

— Но почему же вы не танцуете?—спросилъ Оттомаръ, который прѣѣхалъ повидимому только для Ады.

— Я вообще танцую, какъ медвѣдь,—объявила она, какъ-бы по секрету.

— Вы хотите сказать, что не танцуете изъ вниманія къ графу!—поправилъ молодой человекъ, раскланиваясь съ генеральшей.

— Вы видѣли, какъ Ада танцуетъ?—спросила эта послѣдняя, обмахиваясь вѣеромъ такъ усердно, что могла возбудить головокруженіе въ зрителѣ.

— Я не бываю на придворныхъ балахъ!—отвѣчалъ Оттомаръ.

О, зачѣмъ поклонился онъ и отошелъ! Онъ могъ бы услышать:—онъ прелесть какъ милъ!—За чтó генеральша ущипнула Аду до синяка, проговоривъ:—онъ дерзковъ!—Къ счастью—онъ не слышалъ и этого послѣдняго замѣчанія.

Ада была похожа на ягненка, бѣгающаго за пастухомъ.

— Танцуешь вѣдь только потому, что иначе васъ объявятъ старой дѣвой,—объявила Ада своему любимцу, когда ей снова удалось захватить его на буксирь.

— Или влюбленной!—отвѣчалъ онъ.

— Создатель! какъ вы злы сегодня!—замѣтила Ада.—Но вы правы!—обернулась она къ нему лукаво.—Чего это Саша Луцусъ такъ устала на насъ! Мама ея сидитъ съ такимъ видомъ, будто ей дали понюхать чего-то очень кислаго.

— У Саши хорошенькіе глазки!—замѣтилъ Оттомаръ.—Только зачѣмъ, чтобы глядѣть въ нихъ, я сюда и прѣѣхалъ.

И при этомъ поглядѣлъ въ глаза Адѣ.

— Вотъ какъ!—продолжала дразнить его Ада, и надула губки.—Потрудитесь ей передать отъ меня, что она глупа!

Оттомаръ удержался отъ улыбки, поклонился и сказалъ:

— Не прикажете ли еще чего-нибудь?

— Принесите мнѣ лимонаду!—закричала она ему вслѣдъ.

Онъ отходилъ.—Я передамъ ваше приказаніе слугѣ!—отвѣчалъ онъ и вернулся къ танцамъ.

Генеральша вторично ущипнула дочь.

Въ теченіи вечера Вольни встрѣтилъ въ комнатахъ нижняго этажа Марту, которая несла въ серебряной корзинѣ бисквиты. Туалетъ Марты былъ простъ. Прозрачный бѣлый тюникъ надѣтъ былъ на красную нижнюю юбку. Въ волосахъ сверкали темныя гранаты.

Вольни взялъ у Марты изъ рукъ корзинку, поставилъ ее на первый понавѣшійся столъ и сказалъ:

— Вы знаете, что я не могу видѣть, когда вы здѣсь прислуживаете: ваше положеніе въ домѣ можетъ быть неретолковано!

— Совѣтница желала..., — начала было Марта, извиняясь, но Вольни перебилъ ее почти съ сердцемъ:

— Зачѣмъ оскорбляете вы меня, величая мою жену этимъ титуломъ? Развѣ вы не чувствуете, что мнѣ тяжело всякій разъ, какъ его произносить? Что означаетъ этотъ титулъ? Не что иное, какъ—ты женился на женщинѣ изъ высшаго круга и теперь играешь въ немъ роль ассессуара!

— О, зачѣмъ вы это такъ объясняете!—возразила испуганная Марта, но тотчасъ прибавила:—очень понятно и благородно, что васъ возмущаетъ этотъ обычай.

— По временамъ, — продолжалъ Вольни, оглядываясь кругомъ,—я желалъ бы объявить всему свѣту: обстоятельства, которые привели меня въ этому союзу, не зависѣли отъ моей воли! Вы никогда не прочтаете моихъ бумагъ. Но вѣдь я все рассказалъ вамъ въ ту ночь, когда мы вдвоемъ ухаживали за женой. Любовь, только любовь привлекла меня къ этой женщинѣ! Развѣ не можетъ молодой человѣкъ влюбиться въ женщину, которая старше его годами? Кому придетъ въ голову освѣдомляться о годахъ той особы, которая ему нравится? Но не одна наружность привлекла меня къ Габриели? Я былъ удивленъ, что нашелъ такія возвышенныя чувства у женщины, не особенно образованной. Я узналъ ихъ, когда увидѣлъ, что она осуждена жить мелочной жизнью. Ужасно, когда въ душѣ живутъ великія стремленія, голова полна великихъ замысловъ, а окружающая жизнь мелка, узка, ничтожна. Меня тронула судьба этой женщины. Мужъ ея былъ необразованный человѣкъ, гонявшійся за чинами и орденами. Онъ оставилъ разстроенныя дѣла, дурно окруженную вдову, сына, уже съ малолѣтства доказывавшаго, что онъ намѣренъ шествовать по стопамъ родителя... я его не боюсь,—отвѣтилъ Вольни, когда Марта замѣтила ему, что въ домѣ поднялась какая-то особенная суета и слышалась бѣготня по лѣстницамъ.—У меня есть противъ него оружіе! Мнѣ пришлось его воспитывать. Я взялся было за это. Зачѣмъ отдалъ его въ исправительное заведеніе, въ Тюрингин, когда онъ оказался неисправимымъ, съ порученіемъ обращаться съ нимъ какъ можно строже. Зачѣмъ вознѣвъ тотъ романъ, который я васъ прошу не называть больше «госпожой совѣтницей коммерціи».

Марта была точно на иголкахъ. Этотъ разговоръ не могъ остаться незамѣченнымъ. Съ тѣхъ поръ, какъ она была въ домѣ Вольни, только во второй разъ сегодня заговорилъ онъ о своемъ

положеніи въ немъ. Она старалась успокоить его. Но бесѣды ихъ положенъ былъ конецъ прибѣжавшимъ слугой, который казался весь внопыхалъ.

— Кассиръ желаетъ переговорить съ вами, сударь,—объявилъ онъ Вольни.

Вольни пошелъ на верхъ, и вскорѣ ему пришлось поочередно предупреждать своихъ гостей не пугаться того, что должно произойти и главное не напугать его жены. Кассиръ сообщилъ ему, что онъ слышалъ отъ рабочихъ, будто Малю, въ отместку за возвращеніе Элерта на фабрику и за его приглашеніе на балъ, пробрался ночью въ домъ и заложилъ гдѣ-то такъ-называемыя бомбовыя трубки. Одну изъ нихъ нашли на дворѣ.

Одинъ офицеръ замѣтилъ:

— Въ бомбовыхъ трубкахъ все зависитъ отъ количества заряда и его плотности! По всей вѣроятности, дѣло кончится пустяками!

Другой замѣтилъ:

— Дамы кричатъ даже тогда, когда хлопнетъ пробка отъ шампанскаго!

— Балъ не пройдетъ безъ хлопотъ... кажется, рабочіе задумали чѣмъ-то отомстить...—вскорѣ пронеслось по залу, причѣмъ бомбовыя трубки превратились въ разрывныя патроны, зажигательныя ракеты и брандугели. Фоглеръ бросился на дворъ фабрики, чтобы изслѣдовать опасность вблизи. Чтобы не показаться трусомъ, Дитерици послѣдовалъ за нимъ. Во всемъ домѣ поднялась страшная суматоха. Только до игровыхъ и кружекъ престарѣлыхъ дамъ, удалившихся въ дальнія комнаты, не дошла эта вѣсть. Ада сидѣла тамъ съ Оттомаромъ не вдалекѣ отъ матери и болтала.

— Минута благоприятна!—прошепталъ сильный голосъ, когда музыка опять заиграла и публика нѣсколько успокоилась.—Приступимъ!

То говорилъ Робе; Форбекъ подошелъ по его знаку. Раймундъ Элертъ, въ изысканнѣйшемъ бальномъ костюмѣ, сначала танцевалъ съ увлеченіемъ, а затѣмъ такъ усердно приглядывался къ шампанскому, что теперь стоялъ нетвердо на ногахъ.

Но вдругъ среди веселаго смѣха и болтовни раздался крикъ ужаса. Нѣсколько выстрѣловъ, одинъ за другимъ, потрясли домъ до основанія. Всѣ бросились въ верхнія залы. Всѣмъ казалось, что имъ угрожаетъ гибель. Никто не ожидалъ, чтобы шутка оказалась такой злостной. Очагъ дьявольской затѣи оказался въ

нижней этажѣ, въ небольшой комнатѣ, прилежавшей къ спальнѣ совѣтницы, въ которой Вольни иногда работалъ по ночамъ.

Но какая сцена предстала глазамъ собиравшагося и растеряннаго общества! Совѣтница желала провалиться сеювозъ землю! Какъ улынулся присутствовавшій на балѣ прокуроръ Штракъ, который собирался назначить слѣдствіе по всему этому дѣлу! Какъ приличнѣе было бы замѣнить единодушное восклицаніе молодыхъ дѣвицъ «комично» (Ада также платила дань своему воспитанію и всегда въ первую минуту находила «трагическое» «комическимъ») «трагико-комическимъ» или просто даже «трагическимъ!»

Въ маленькой комнатѣ, гдѣ стоялъ письменный столъ, кушетка и конторка, послѣдняя оказалась отпертой, ящики ея выдвинутыми, и вовлѣ нея стоялъ Раймундъ Элердтъ съ связкой ключей въ рукахъ, ассессоръ Робе съ желѣзной шкатулкой въ рукахъ, а Форбекъ съ связкой бумагъ. Затѣянное ими воровство со взломомъ обнаружилось, вслѣдствіе разрыва патроновъ, на которые они случайно наступили и которые валялись на полу. Комната была еще полна густымъ синимъ дымомъ. Но въ тотъ самый моментъ, какъ всѣ удивленно переглядывались между собой, не рѣшаясь высказать того, что вертѣлось у всѣхъ на умѣ, послышался звучный голосъ Вольни, произносившій слѣдующія загадочныя слова:

— Итакъ, вотъ въ чемъ заключалась продѣлка негодяевъ! Благодарю васъ, г. Элердтъ! Мало хотѣлъ отомстить вамъ!

Всѣ повернулись къ нему съ удивленіемъ. Самому безтолковому изъ зрителей было ясно, что разрывъ патроновъ лишь случайно совпалъ со взломомъ конторки.

Но Вольни продолжалъ стоять на своемъ.

— Гарри, — весело обратился онъ къ своему пасынку, — ты очень испугался, бѣдный мальчикъ!... Благодарю васъ также, — повернулся онъ къ Форбеку, беря отъ него бумаги, торчавшія у него изъ-подъ фрака. — Вы оказали мнѣ услугу! Я, должно быть, потерялъ въ суматохѣ ключъ. Благодарю, г. Элердтъ, что вы исполнили мое порученіе! Я хотѣлъ отпереть конторку, господа! — повернулся онъ къ гостямъ; но никакъ не могъ найти ключа. Тогда пришлось прибѣгнуть къ искусству. Да, я не гожусь въ техники; я часто это замѣчалъ. Благодарю васъ, — заключилъ онъ, принимая отъ смущенныхъ героевъ этой исторіи ихъ добычу и поспѣшно зашпуря ея подъ ключъ, который вытащилъ изъ кармана. — Уйдемте изъ этого опаснаго помѣщенія! Кто знаетъ, не

приготовилъ ли намъ Малò новаго сюрприза. Идемъ! пора ужина-
ть! Господа, ведите дамъ къ столу!

Форбекъ былъ самый отважный изъ троихъ. Онъ взялъ подъ
руку ассессоршу Робе, которая была какъ на иголкахъ. Всворѣ
внизу осталось весьма немного лицъ и между ними прокуроръ
Штраксъ, который никакъ не могъ понять, почему хозяйнѣ и хо-
зяйка дома, немедленно упавшая въ обморокъ, не желали про-
изводить никакого разслѣдованія этого случая, и просили не тре-
вожить даже Малò.

— Мы только посмотримъ—оставилъ ли въ повоѣ негодяй
комнату жены! Онъ прокрался въ домъ ночью. Теперь я это
знаю навѣрное. Ему завидно было, что Раймундъ Элердтъ при-
глашенъ на балъ. Зависть угнетаетъ этихъ людей, зависть, голая
зависть, которую они прикрываютъ блестящими фразами о на-
родномъ благѣ. Но не надо никакого слѣдствія, кромѣ того,
какое мы произведемъ въ комнатѣ жены, которая, къ сожалѣ-
нiю, кажется, не можетъ вернуться къ гостямъ! Робе, Элердтъ и
г-нъ фонъ-Форбекъ дѣйствовали по моей просьбѣ. Я потерялъ
ключъ и только позднее нашелъ его.

Совѣтница лежала безъ языка. Ее перенесли въ спальню
и положили на кровать. Она увидѣла то, чѣмъ давно грозилъ
ей сынъ. Она видѣла бумаги, желѣзную шкатулку, содержавшую,
быть можетъ... документы, свидѣтельствовавшiе о тѣсной связи
Марты Элердтъ съ ея мужемъ!.. Анонимныя письма, которыя тамъ
лежали вмѣстѣ съ единственнымъ экземпляромъ заѣщанія, пре-
вратились въ ядовитыхъ змѣй, обвившихся вокругъ ея сердца.

Тѣмъ временемъ ужинъ былъ въ полномъ разгарѣ. Проку-
роръ сидѣлъ напротивъ троихъ нахаловъ, изъ коихъ двое совер-
шенно развязно пили его здоровье изъ зеленыхъ рюмокъ, но не
хотѣли чокаться съ третьимъ сообщникомъ. Раймундъ Элердтъ
испортилъ все дѣло тѣмъ, что напился.

Вольни ушелъ отъ жены. Она почти неприязненно отослала
его къ гостямъ. На лѣстницѣ ему попалась навстрѣчу Марта,
блѣдная, какъ смерть. Она протянула ему руки съ мольбой и
проговорила голосомъ, въ которомъ слышались слезы:

— Не нахожу словъ, чтобы выразить свои чувства!

— Успокойтесь,—отвѣчалъ Вольни, оглядываясь.—Все при-
шло въ порядокъ!

— Ахъ! я не знаю,—продолжала Марта со слезами,—что
больше волнуетъ меня: отчаянiе ли отъ пережитаго позора,—или
благодарность за ваше великодушiе, за вашу безпристрастную
доброту!..

— Чтѣ тавое? чтѣ вы хотите сказать?—притворился удивленнымъ Вольни.

— О, не притворяйтесь! Развѣ я не видѣла собственными глазами того, чтѣ всѣ видѣли?.. Развѣ я не поняла всего, чтѣ было и чтѣ прикрыли вы покровомъ любви! Братъ мой въ союзѣ съ вашими врагами! Раскаяніе его—одно только притворство! Я все понимаю! Они искали средствъ погубить васъ! Потому что, хотя, конечно...—голосъ ея дрогнулъ...—имъ нужны были и документы, и деньги...

— Боже сохрани! нѣтъ, нѣтъ!—перебилъ Вольни.—Не думайте этого. Я, конечно, возмущенъ и внутренне взбѣшенъ, но... причина, почему я придалъ такой оборотъ всему дѣлу... Ступайте къ моей жейѣ и снесите ей этотъ ключъ. Онъ отъ той конторки. Быть можетъ, она сама пожелаетъ осмотрѣть ее...

Марта хотѣла-было отказаться, но Вольни послѣпно ушелъ, и ключъ остался у нея въ рукахъ. Она и безъ того, впрочемъ, должна была идти къ совѣтницѣ. Это входило въ кругъ ея обязанностей. Но она знала, что ее можетъ встрѣтить такой приемъ: «вы пришли взглянуть—не умираю ли я?» И если она отвѣчала на это: «я не останусь долѣе ни минуты въ вашемъ домѣ!»—то вызывала этимъ злѣйшій припадокъ ревности, и совѣтница требовала, чтобы она не смѣла нигдѣ дышать, кромѣ какъ на ея глазахъ. «Я хочу видѣть васъ обоихъ! я хочу наблюдать ваши взгляды! Развѣ вы можете отрицать, что любите моего мужа?..» Такихъ сценъ и рѣчей ожидала Марта и теперь. Поворная, какъ тѣнь направилась она въ спальню своей повелительницы, не зная: отдавать ей ключъ или нѣтъ; потому что, навѣрное, вѣдь имъ запералось то, чтѣ лучше было оставить въ тѣни.

Она услышала отъ горничной вѣсть, что совѣтница не желаетъ, чтобы ее беспокоили, что докторъ предписалъ ей полное спокойствіе. Тогда она пошла въ свою комнату, преслѣдуемая издали шумомъ бала, такъ какъ совѣтница пожелала, чтобы танцы возобновились послѣ ужина, и провела ночь, прерываемую музыкой и стукомъ отъѣзжающихъ экипажей, въ слезахъ...

Оттомаръ, диковиннымъ образомъ, только вскользь былъ затронутъ событіями этого вечера. Ада совсѣмъ завладѣла имъ! Ея шутки, вопросы и отвѣты нарушали всѣ условныя формы. Она безпрестанно переходила изъ мажорнаго тона въ минорный. Чтобы Оттомаръ совсѣмъ не танцевалъ—этого нельзя было устроить. Но за тѣ немногіе туры вальса, которые онъ вынужденъ былъ

сдѣлать, она упрекала его съ свойственной ей, но, въ сущности, дѣланной рѣзкостью.

— Подумайте только, какая страшная скука выпадаетъ на долю на долю статистовъ!—говорила она ему, снова затащивъ въ маленькій будуаръ, очаровательное убѣжище, наполненное дарами Флоренціи: статуями и картинами въ золотыхъ рамахъ.—Краденъ у Господа Бога время, которое, по новѣйшимъ ученіямъ, такъ скупо отпущено намъ! Или вы вѣрите въ загробную жизнь? Когда Бога перестанутъ принимать въ расчетъ, то произойдетъ такая революція, что все перевернется вверхъ дномъ!

И когда Оттомаръ, сидѣвшій почти у ея ногъ, на низкомъ табуретѣ, спросилъ: «какъ? вы уже начинаете считать свои годы?»—она отвѣчала:

— Да, г-нъ Альтингъ, я каждое утро нахожу у себя сѣдой волосъ, причесываясь!

Затѣмъ объявила съ тяжкими вздохами, что грудь ей давить цѣлая гора печали.—Если бы все шло, какъ хочетъ мамаша, то она сказала бы... какъ говорить Шиллеръ?

— Ей-богу, не знаю,—отвѣчалъ Оттомаръ.

— Вы должны угадать.

— Вернитесь лучше къ повѣствованію о вашихъ горестяхъ! Я и безъ Шиллера пойму, что вы горюете о томъ, что не можете ѣздить верхомъ! Мнѣ не припоминается никакой цитаты о докторяхъ.

— Мамаша сердится на весь міръ, а я сержусь только на одного человѣка въ мірѣ,—на васъ! Отчего я не могу цитировать Шиллера? Или это дозволяется только Сапфъ и Церлинъ?

— Цитируя классиковъ, не слѣдуетъ прибѣгать къ чужой помощи!—отрѣзалъ Оттомаръ.

Но это не вызвало рѣзкаго отвѣта, а только мечтательный взглядъ. Она вдругъ спросила ни къ селу, ни къ городу:

— Послушайте, зачѣмъ вы не пишете стиховъ? Этотъ Дитерици такъ носитъ съ ними! Иныя дамы въ самомъ дѣлѣ увлекаются имъ, когда онъ пишетъ на нихъ стихи! А вѣдь онъ, какъ хотите, баранъ!

Оттомаръ притворился, что разсерженъ. Внутренно онъ не могъ не разсмѣяться надъ вѣрностью этого сужденія. Да! можно битый часъ говорить заученныя—патетическія, лирическія фразы, и быть, тѣмъ не менѣе, бараномъ!

— Прошу васъ, какъ можете вы такъ обижать моихъ друзей! Дитерици—человѣкъ способный, но только немножко... оригиналь.

— И такъ тщеславенъ! такъ тщеславенъ!

— Всѣ стихотворцы тщеславны! Они должны быть тщеславны!.. Потому что только изъ своего собственнаго я черпаютъ свои силы!

— Жаль. Я бы очень желала, чтобы вы написали стихотвореніе ко мнѣ.

— Благодарю! послѣ вашей теоріи о баранахъ! Впрочемъ, я могу написать стихи на вашу свадьбу!

— Для всеобщаго свѣдѣнія? Нѣтъ, это не годится. Я хочу, чтобы стихи были для меня одной! Чтобы вы высказали въ нихъ свои интимнѣйшія чувства!.. Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы мнѣ наговорили тьму комплиментовъ. Удо совсѣмъ не умѣеть говорить комплиментовъ.

— Потому что онъ честенъ.

— Развѣ потому?—спросила она элегическимъ тономъ,—и замолчала. Молчаніе и разсѣянная задумчивость длились такъ долго, что Оттомаръ хотѣлъ-было уже удалиться.

— Подождите, — остановила она его, — неужели васъ уже снова тянетъ къ другимъ людямъ? Скажите мнѣ еще одно: чѣмъ вы собственно намѣрены быть въ жизни?—спросила она, обмахиваясь вѣеромъ.

— Я намѣреваюсь быть человекомъ и искать мѣста окружнаго судьи въ Иноврацлавѣ, на польской границѣ!

Съ этими словами Оттомаръ исчезъ на продолжительное время. Но затѣмъ она снова поймала его и сказала:

— Въ Иноврацлавѣ водятся еще волки! Вы должны будете ходить на охоту!.. Я умѣю стрѣлять даже изъ игольчатаго ружья. Мы были разъ въ гостяхъ у стараго графа Вильгельма, въ его имѣніи Гохлинденъ!—болтала она, снова уводя его въ будуаръ.— Тамъ были чудныя березовыя рощи, а земля—точно коверъ изъ моху!.. Незабудокъ—пропасты!.. Такое великолѣпіе! И мостики тамъ былъ—совсѣмъ бѣлый, изъ березоваго дерева! Видны были мѣста, гдѣ обрублены сучья!.. Черезъ небольшой ручей, поросшій тростникомъ, можно было попадать въ садъ... Ахъ! тамъ было прелестно!.. Въ вашихъ польскихъ лѣсахъ тоже должны быть березовыя рощи, ольхи и мохъ!

И она снова задумалась. Она на этотъ разъ такъ долго мечтала о жизни окружнаго судьи въ Иноврацлавѣ, что Оттомаръ снова успелъ, тронутый усиліями Ады сказать ему что-нибудь пріятное.

Только за ужинномъ Ада утратила свое кажущееся спокойствіе. Она переимѣнилась мѣстами съ одной дамой и пожелала

узнать отъ Оттомара, рядомъ съ которымъ сидѣла, что такое собственно случилось внизу.

— Видите ли, — отвѣчала Оттомаръ, — тутъ собственно совпали два обстоятельства. Одно независимо отъ другого.

— Малѣ, — такъ кажется зовется онъ, — подбросилъ разрывные патроны, но другой, тотъ, кого застали со связкой ключей... красивый, впрочемъ, человѣкъ, я наблюдала за нимъ весь вечеръ...

— Кто красивъ? — спросилъ Оттомаръ, подавляя чувство ревности.

— Да Элердтъ же! Вонъ онъ сидитъ теперь такой блѣдный и такъ страшно много пьетъ! Если его сестра пріятельница вашей, то я готова признать этого молодого человѣка интереснымъ.

— Очень интересенъ! Впрочемъ, я не спорю! — продолжалъ Оттомаръ, и такъ наморщилъ брови, что Ада замолчала испуганная. И вдругъ, послѣ долгаго молчанія и наблюденія за братомъ и прислушиванія къ ироническимъ замѣчаніямъ, раздававшимся кругомъ нея, она проговорила Оттомару дрожащимъ голосомъ:

— Сожмите мнѣ покрѣпче руку подъ столомъ, мнѣ дурно! Тише! тише! — поспѣшно добавила она, видя, что Оттомаръ готовъ вскочить съ мѣста. Онъ взглянулъ на поблѣднѣвшее лицо Ады, но она насильно усадила его и такъ судорожно сжала при этомъ его руку, точно хотѣла почерпнуть въ этомъ пожатіи жизненные силы, оставлявшія ее, и прошептала:

— Сидите! Я сейчасъ оправлюсь!

Съ этимъ магнетическимъ пожатіемъ руки окончился ужинъ, общество удалилось въ пустыя, остывшія залы. Оттомаръ дождался, какъ уѣхала Ада. Онъ не прощался ни съ ней, ни съ генеральшей. Онъ отыскалъ Вольни, чтобы узнать отъ него, что случилось. Но тотъ разсѣяннo и торопливо объявилъ:

— Завтра! завтра! — и тотчасъ же обратился къ остальнымъ гостямъ, которыхъ ему приходилось занимать. Послѣ этого Оттомаръ тоже удалился пѣшеомъ. Проходя мимо дома, гдѣ жила Эвина Марлофъ, Оттомаръ поглядѣлъ на ея окна. Въ нихъ не было видно свѣта. Все кругомъ казалось погружено въ глубокой сонъ. Вѣтеръ свисталъ. Оттомаръ покрѣпче запахнулъ пальто надъ легкимъ бальнымъ платьемъ и подумалъ о своихъ тонкихъ сапогахъ. Онъ хотѣлъ ускорить шагъ, какъ вдругъ замѣтилъ свѣтъ, падавшій въ верхнее стекло входной двери. Онъ подошелъ ближе, услышалъ шумъ, и вскорѣ дверь отперлась. Закутанный человѣкъ вышелъ изъ двери, провожаемый какой-то старухой. Что она, перемѣнила прислугу? или же это и была ея настоя-

иная повѣренная, а все остальное, Жозефа и прочее, существовало только для виду? Вотъ что прежде всего пришло въ голову Оттомару. Дверь затворилась. Человѣкъ, вышедшій изъ нея, пошелъ въ противоположную сторону той, куда надо было идти Оттомару, но этотъ послѣдній тѣмъ не менѣе послѣдовалъ за нимъ.

«Вдругъ это самъ графъ Удо!» подумалъ онъ. «Ну, вдругъ онъ совсѣмъ не уѣзжалъ и уже подпалъ власти этого причудливаго созданія!» Но его недоумѣніе длилось не долго. Онъ вдругъ узналъ ночного посѣтителя. Тѣ былъ не кто иной, какъ инженеръ Марлофъ. Возмущенный заключеніями, какія можно было вывести изъ такихъ ночныхъ посѣщеній, онъ подошелъ къ человѣку, рѣзкія черты котораго были для него незабываемы. Въ возможность, чтобы Эвина была дочерью графа Вильгельма, онъ всегда плохо вѣрилъ.

— Добрый вечеръ, г. Марлофъ! — закричалъ онъ сильнымъ, рѣшительнымъ голосомъ. — Это вы такъ поздно засидѣлись у вашей прекрасной супруги?

Человѣкъ, къ которому онъ обратился съ этою рѣчью, остановился, поднялъ палку, которую держалъ въ рукѣ съ угрожающимъ видомъ и поглядѣлъ въ лицо Оттомару, широко раскрывъ глаза, но не говоря ни слова.

— Ну, что? ваши желанія, наконецъ, исполнились? — продолжалъ Оттомаръ, возбужденный виномъ иужиномъ. — Графъ уѣхалъ! У васъ прелестная жена! Долженъ въ этомъ сознаться! Или она, въ самомъ дѣлѣ, только дочь ваша? Въ обѣихъ случаяхъ ей не пристало обитать въ вашей маленькой квартирѣ, на заднемъ дворѣ. Да, у кого есть деньги и кому нѣчего смотрѣть на людскія сплетни! Я бы охотно бросилъ тридцать тысячъ талеровъ къ ея ногамъ! Но графъ, кажется, намѣревается раскошелиться... Счастливый вы этакій супругъ или отецъ семейства!

Старикъ пошелъ дальше, отвѣтивъ на всѣ эти дерзости рѣзкимъ тономъ:

— Вы, кажется, были въ гостяхъ и пьяны!

— Развѣ вы меня не узнаете? Я былъ у васъ и восхищался скромностью вашего обѣда и вашей практической, коричневой, домашней курткѣю.

— Я васъ узналъ и жалѣю, что въ настоящую минуту не могу выгнать васъ за дверь.

— Ого! — замѣтили два ночныхъ сторожа, стоявшіе по близости и испугавшіеся, слыша эту бесѣду, — какъ бы она не нарушила ночного спокойствія.

— Зайдемте въ какой-нибудь погребъ! — началъ Оттомаръ

болѣе мягкимъ тономъ.—Разскажите мнѣ всю правду о пикантнѣйшемъ созданіи, какое когда-либо существовало на землѣ! Обѣщаю вамъ, что не составлю на основаніи вашего разсказа передовой статьи для какой-нибудь газеты! Меня она три раза прогоняла ни съ чѣмъ, хотя я и приходилъ отъ графа! Но, кажется, 30,000 будутъ выплачены! Если мы свернемъ теперь направо, то скоро придемъ туда, гдѣ по понедѣльникамъ собираются новые Серапіоновы братья. Составимъ вдвоемъ союзъ, который бы собирался по ночамъ! Чтѣ вы на это скажете, старый польскій медвѣдь!...

Оттомаръ самъ догадывался, что шампанское его друга Вольи и пикантная болтовня Ады ударили ему въ голову.

Ночной странникъ, продолжавшій идти впередъ, должно быть слышалъ что-нибудь про новыхъ Серапіоновыхъ братьевъ, быть можетъ отъ архитекторовъ, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло. Онъ отвѣчалъ менѣе рѣзко и какъ будто зараженный добродушнымъ юморомъ своего спутника:

— Я не пью вина!

— Вы, кажется, очень экономны! — замѣтилъ Оттомаръ. — Вы такимъ образомъ накопите цѣлое состояніе, такъ какъ, по видимому, знатокъ своего дѣла! Кто такая старуха, выпустившая васъ изъ дому? — доврѣчиво спросилъ онъ.

— Бабушка чорта! — отвѣчалъ инженеръ, по видимому проходя въ лучшее расположеніе духа. — А чтѣ это за Серапіоновы братья? — спросилъ онъ, подавая такимъ образомъ первый приваза, что крѣпость сдастся. Онъ водружалъ бѣлое знамя.

Оттомаръ объяснилъ все. Онъ упомянулъ также и о томъ, что санитарный совѣтникъ Эльтестеръ совѣтовалъ называться лучше братьями Сераписа, въ честь бога Сераписа, бога подземнаго солнца, солнца ночи!

— Ну, — продолжалъ Оттомаръ съ нѣкоторою напыщенностью, — пусть свѣтитъ намъ это солнце! Гостей теперь мало въ нашемъ клубѣ! Можно поговорить по душѣ! Графъ боится правды, а его другъ, выберите меня посредникомъ.

Инженеръ остановился. Онъ распахнулъ свой плащъ. Соколиный взглядъ, сверкавшій изъ-подъ очковъ, смягчился. Онъ снялъ очки, говоря, что лучше видитъ, благодаря яркимъ газовымъ фонарямъ. Они были возлѣ желаемого ловаля. Онъ повернулъ свое худое лицо, въ которомъ было что-то мефистофельское, и пробормоталъ:

— Солнце ночи, говорите вы? Да, да, хорошо, если бы оно могло свѣтить намъ! Оно показало бы обратную сторону всѣхъ вещей.

Они вошли въ пустую комнату извѣстнаго виннаго погребка, гдѣ газовыя рожки уже были частію потушены и вельнеръ въ углу сладко дремалъ. Разбуженный звономъ пустыхъ бутылокъ, онъ скоро принесъ поспѣтелямъ требуемое. Старикъ согласился выпить рюмку венгерскаго вина.

Подперевъ рукою сѣдую голову, онъ распустилъ галстухъ и, казалось, совсѣмъ смягчился и сбросилъ свою грубую оболочку. Оттомаръ ждалъ, чтобы онъ отдохнулъ и отпилъ налитое вино. Послѣ этого старикъ заговорилъ съ печальнымъ взглядомъ:

— Исторія моя коротка, но мука вѣчна! Горестъ, стыдъ никогда не пройдутъ! Одно ужъ то, что я долженъ постоянно лгать передъ цѣлымъ міромъ! Эдвина въ самомъ дѣлѣ дочь графа Вильгельма, хотя я поклялся нѣкогда и даже расписался въ церковной книгѣ, что она моя дочь! Но графъ самъ выдалъ ей эту тайну!... Милостивый государь, — продолжалъ старикъ послѣ нѣкотораго молчанія, — у меня была красавица жена, хотя и простая дѣвушка, изъ народа. Вы только-что видѣли мать моей жены, простую честную прачку. Она стираетъ на Эдвину бѣлье и этимъ зарабатываетъ свой хлѣбъ! Другой помощи она отъ нея не принимаетъ.

Оттомаръ невольно проговорилъ:

— Въ то время, какъ Эдвина валяется на кушеткахъ?

— Бабушкѣ семьдесятъ-три года... Она благочестивая и строгихъ правилъ женщина...

— Но неужели же Эдвина не принимаетъ къ себѣ бабушку? Неужели же она живетъ не съ ней?

— Онѣ не могутъ поладить другъ съ другомъ! Рожденіе Эдвины стоило жизни ея дочери. Происхожденіе Эдвины, ея образъ жизни... все для честной старухи представляется чудовищнымъ, но она стираетъ на нее бѣлье... Ха! ха! ха! — ѣдко разсмѣялся старикъ, и продолжалъ:

— Моя старая тѣща счастлива на своемъ заднемъ дворѣ! Она сообщаетъ мнѣ свѣдѣнія объ Эдвинѣ! Эдвина такое созданіе, съ которымъ я никогда не могъ справиться! У ней есть хорошія стороны, но она кончитъ худо. Много, много хлопотъ было намъ съ нею. Я ненавижу графа, но долженъ сознаться, что онъ все дѣлалъ, чтобы исправить, воспитать дочь, наставить ее на путь истинный. Какое несчастье, что онъ умеръ! Онъ бы выдалъ ее прилично замужъ! Я инженеръ, какъ вамъ извѣстно, и много странствовалъ въ своей жизни. Проводя желѣзныя дороги, я доѣзжалъ до самой Турціи. Я долго жилъ въ хорошенькомъ городѣ Вейльгеймѣ, гдѣ у меня было казенное мѣсто.

Случайно попалъ я въ близъ-лежащій замокъ Гохлинденъ. Жена моя очень понравилась графинѣ, и та пригласила ее гостить къ себѣ, на время моихъ разъѣздовъ. Жена моя была противъ воли обольстительная змѣя. Эдвина ея живой портреты! Уже одни глаза у нихъ не могутъ не кокетничать! Мать ея поплатилась жизнью за свою измѣну мнѣ, но оставила ребенка, котораго я долженъ былъ воспитывать, и котораго, сознаюсь откровенно, ненавидѣлъ! Все осталось шито и крыто по приказанію графа, но его-то вмѣшательство и было мнѣ всего неприятнѣе. Я не хотѣлъ его помощи и принялъ на себя весь трудъ и всѣ тягости воспитанія ребенка; мнѣ помогала въ этомъ дѣлѣ моя тѣща. Но занятія мои требовали безпрестанныхъ разъѣздовъ. Ребенокъ росъ, своевольный и капризный. Восьми лѣтъ отъ роду она убѣжала отъ меня. Я пріѣхалъ съ ней въ Венгрію. Мои мѣстопробыванія постоянно мѣнялись. Въ Германштадтѣ я поручилъ ее одной честной пасторской семьѣ. Она и оттуда скрылась въ одинъ прекрасный день! Цѣлыхъ два года пропадалъ несчастный ребенокъ! Представьте, каково мнѣ было! Вѣдь, если не любовь, то чувство долга связываетъ меня съ нею...

Оттомаръ слушалъ съ напряженнымъ любопытствомъ и удивленіемъ.

— Но гдѣ же она оставалась такое долгое время?

— По ея повдѣйшимъ рассказамъ, она обратилась къ дамѣ, ѣхавшей въ коляскѣ съ ливрейнымъ лакеемъ на запяточкахъ. Дамы взяла въ экипажъ заблудившуюся дѣвочку и увезла съ собой на турецкую границу. Только позднѣе узналъ я названіе города, близъ котораго находилось имѣніе этой женщины—Крайова. Два года провела Эдвина у этой женщины... баронессы Угарты. И даже не два, а три, потому что Эдвина потомъ снова убѣжала къ ней! Когда я нашелъ, наконецъ, ее, то баронесса увѣрила меня, что ей не попадались на глаза объявленія о пропавшей дѣвочкѣ, а сама Эдвина упорно скрывала, кто она такая, — ее въ замкѣ называли Маруццой. — Я взялъ Эдвину къ себѣ, но она снова убѣжала или, вѣрнѣе сказать, была увезена подосланными отъ баронессы людьми. Тогда я обратился за помощію къ графу Вильгельму и рассказалъ ему обо всемъ. Онъ пришелъ въ ужасъ; послѣ долгихъ розысковъ, мы нашли ее въ Крайовѣ, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда баронесса Угарты была отдана подъ судъ и посажена въ заключеніе, за подозрительныя сношенія съ пашами Сараева и Скутари!...

— Я номѣстилъ Эдвину въ одинъ швейцарскій пансіонъ, гдѣ за ней былъ учрежденъ строгій присмотръ, и гдѣ она сна-

чала хорошо училась. Свѣдѣнія о ней приходили самая благоприятныя. Но по прошествіи двухъ лѣтъ она самовольно уѣхала изъ пансіона и явилась во мнѣ, незваная, непрошенная, проѣхавъ одна всю Швейцарію и Германію! Она объявила мнѣ наотрѣзъ, что мой образъ жизни ей не по вкусу! Съ невѣроятной самоувѣренностью, пересыпая свою французскую рѣчь остротами и шуточками, она объявила мнѣ, что Угарті выпущена изъ заключенія, что она милая женщина, что ее оклеветали враги... словомъ, я увидѣлъ, что дѣло плохо, и призвалъ на помощь графа. Открытіе, что она дочь графа, произвело на нее почти религиозное впечатлѣніе! Она заплакала, упала передъ нимъ на колѣни и поклялась всѣмъ святымъ, что исправится. Графъ былъ тронутъ ея слезами и восхищенъ ея красотой. Онъ взялъ съ нея обѣщаніе снова поступить въ пансіонъ одного небольшого городка. Тамъ она вела себя безукоризненно, въ полной увѣренности, что по окончаніи своего ученія вернется не въ мой домъ къ старухѣ бабушкѣ, но въ домъ графа. Когда она вышла изъ пансіона, графъ нанялъ ей квартиру, въ которой вы были, и часто навѣщалъ ее. Но смерть его застала насъ врасплохъ, на перекресткѣ, гдѣ скрещивается нѣсколько дорогъ и нѣтъ никакого столба съ указаніемъ, куда идти...

Разсвѣзчикъ торопился кончить. Хозяинъ потушилъ одинъ изъ горящихъ газовыхъ рожковъ и многозначительнымъ: «покойной ночи!», сопровождаемымъ низкимъ поклономъ, далъ понять, что пора запереть погребокъ. Ночной сторожъ возвѣстилъ, что уже пробило три часа.

Обоимъ посѣтителямъ: мрачно глядѣвшему отцу и посланцу графа—приходилось идти въ разныя стороны. Оттомаръ обѣщалъ навѣдаться къ нему, а тѣмъ временемъ, пока «продолженіе слѣдуетъ», поразмыслить надъ системой графскаго воспитанія путемъ шахматной доски, сигары, болтовни на французскомъ діалектѣ объ искусствѣ и древности...

— Не забывайте про кухню! Эдвина знаетъ въ ней толкъ! Графъ каждый вечеръ ужиналъ у нея...

— И пить венгерское вино...— вскричалъ Оттомаръ такимъ тономъ, который показывалъ, что въ немъ снова проснулись сомнѣнія на счетъ чистоты этихъ отношеній.

Старикъ пошелъ своей дорогой и не услышалъ его. Обоихъ разлучила ночь, окутанная звѣздами дочь первобытнаго хаоса. Все было тихо кругомъ.

А. Э.

ВИКТОРЪ ГЮГО

ПО

ВОЗВРАЩЕНИИ ЕГО ВО ФРАНЦІЮ

— *Victor Hugo, Actes et paroles. III. Depuis l'exil, 1870—1876. Paris, 1876.*

Годъ тому назадъ, говоря, по поводу первыхъ двухъ томовъ «*Actes et paroles*», о политической дѣятельности В. Гюго, мы остановились на третьемъ поворотномъ пунктѣ его жизни—на возвращеніи его изъ изгнанія, продолжавшагося почти девятнадцать лѣтъ¹⁾. Вышедшій послѣ того третій томъ «*Actes et paroles*» обнимаетъ собою промежутокъ времени съ 1870 по 1876 годъ и оканчивается первою рѣчью, произнесенною В. Гюго въ сенатѣ французской республики. Съ помощью заключающагося въ этомъ томѣ матеріала, мы можемъ дополнить начатую нами характеристику знаменитаго поэта, какъ политическаго дѣятеля.

В. Гюго возвратился въ Парижъ 5-го сентября 1870 г., на другой день послѣ паденія имперіи, и не оставлялъ его до окончанія военныхъ дѣйствій, въ февралѣ 1871 г., раздѣляя съ парижанами всѣ лишенія и тревоги четырехъ-мѣсячной осады. Шестидесяти-восьми-лѣтній старикъ мѣняетъ безъ колебанія спокойствіе и удобства своей гернсейской жизни на участіе въ опас-

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“, 1876 г., № 4, стр. 601.

ностях, угрожающих его любимому городу. Но вмѣстѣ съ силой духа, укрѣпленной долгими годами неравной борьбы, онъ переноситъ въ новую сферу дѣйствій и ту мономанію величія, которую воспитали въ немъ миражи уединенія и изгнанія. Онъ надѣется, что среди военного шума, наполняющаго Францію, среди крайняго раздраженія народныхъ страстей, его вѣщій голосъ будетъ услышанъ и друзьями, и врагами, его слово—принято всѣми, какъ рѣшающій приговоръ пророка и первосвященника обновленной Европы. 9-го сентября онъ обращается къ германцамъ съ прокламаціей, въ которой убѣждаетъ ихъ остановиться, не поднимать руи на Парижъ, ихъ умственный и нравственный центръ, принадлежащій столько же имъ, сколько и французамъ. Онъ упрекаетъ ихъ за то, что они застигли Францію врасплохъ, выставили десять человѣкъ противъ одного, предпочли искусную войну войнѣ блестящей, полезное—великому; онъ утверждаетъ (послѣ Седана!), что если побѣда на сторонѣ Пруссіи, то слава—на сторонѣ Франціи; но это не мѣшаетъ ему относиться къ германцамъ, какъ къ противникамъ равноправнымъ, называть ихъ «великодушною арміей, мужественнымъ народомъ», признавать, что Германія и Франція *вмѣстѣ* создали Европу. «Германцы,—говоритъ онъ—нація мыслителей, въ случаѣ надобности превращающаяся въ легионъ героев. Ихъ солдаты достойны французскихъ; если послѣдніе—воплощеніе невозмутимой храбрости, то первые—воплощеніе неустрашимаго спокойствія». Проходить нѣсколько недѣль; нѣмецкая армія, не внимая «братскому предостереженію» поэта, осаждаетъ Парижъ, хотя въ стѣнахъ его и обитаютъ «безоружный старецъ (Гюго) и два его внука, изъ которыхъ одинъ—грудной ребенокъ». Въ возмездіе за это въ прокламаціи къ парижанамъ (отъ 2-го октября) нѣтъ уже рѣчи о германцахъ и Германіи; мѣсто ихъ заступили пруссаки, Пруссія,—Пруссія, представительница ночи и тьмы, драконъ, вступающій въ борьбу съ архангеломъ и, конечно, обреченный на участь дракона. «До сихъ поръ,—восклицаетъ Гюго,—пруссакъ сражались изъ засады (!), осторожные, невидимые, прятующіеся; теперь, когда передъ ними левъ—Парижъ, имъ придется бросить эту кошачью стратегію, выступить въ открытое поле, столкнуться съ французами лицомъ къ лицу—и здѣсь ожидаетъ ихъ вѣрная гибель». Какъ совмѣстить эти презрительные отзывы о врагѣ съ недавнимъ признаніемъ его высокихъ качествъ—на этотъ вопросъ напрасно было бы искать отвѣта въ прокламаціяхъ В. Гюго. Желалъ ли онъ униженіемъ противника поднять упавшій духъ своихъ согражданъ, потерялъ ли онъ само-

обладаніе вслѣдствіе неуспѣха своей первой попытки, увлекался ли онъ искренней вѣрой въ несокрушимость Парижа, искреннимъ убѣжденіемъ въ святотатственности насильственныхъ противъ него дѣйствій—во всякомъ случаѣ, путь, имъ избранный, былъ крайше опасенъ и для него самого, и для дѣла, которое онъ защищалъ. Насколько сильно было ободряющее дѣйствіе пророчества, настолько глубоко должно быть уныніе отъ его неисполненія; а пророчества В. Гюго остались неисполненными. Осажденные парижане безъ того были слишкомъ расположены вѣрить въ скорое снятіе осады, въ неминуемое пораженіе пруссаковъ; не умалять опасность, а выставять на видъ всю серьезность—хотя и не безнадежность—положенія слѣдовало тѣмъ, кто руководилъ общественнымъ мнѣніемъ столицы. Похвалы въ родѣ тѣхъ, которыми преисполнены прокламаціи Гюго въ французамъ и парижанамъ, должны были привести народъ къ мысли, что не въ превосходящей силѣ враговъ, а въ бездарности или измѣнѣ собственныхъ правителей и генераловъ заключается причина несчастія, преслѣдующаго французское оружіе. Съ распространеніемъ этой мысли падало довѣріе, единодушіе, становились неизбежными октябрьскіе и январьскіе беспорядки. Несправедливо было бы, конечно, обвинять В. Гюго за то, что онъ, вмѣстѣ съ Гамбеттой и большинствомъ вождей республиканской партіи, считалъ возможнымъ, даже весьма вѣроятнымъ, повтореніе въ 1870—1871 г. событій 1792—1794 г., торжество волонтеровъ надъ регулярными арміями, энтузіазма надъ военнымъ искусствомъ. Все это съ давнихъ поръ было символомъ вѣры республиканской партіи, аксіомой, въ ея глазахъ не требовавшей доказательствъ. Съ точки зрѣнія, однажды установленной преданіемъ, различіе между сравниваемыми эпохами, такъ рѣзко бросающееся въ глаза—особенно *post factum*—спокойному наблюдателю, не существовало вовсе; не видно было ни того, что Франція, только что вышедшая изъ-подъ наполеоновскаго режима, не похожа на Францію, охваченную въ первый разъ революціоннымъ жаромъ, ни того, что германская армія, одушевленная однимъ чувствомъ и руководимая одною волей, не похожа на плохо склеенныя, механически движущіяся союзныя войска 1792 г. В. Гюго могъ надѣяться на побѣду, могъ стремиться къ возбужденію или укрѣпленію той же надежды въ своихъ согражданахъ; но чего онъ не долженъ былъ дѣлать—это внушать имъ хвастливую увѣренность въ своемъ превосходствѣ, высокомерное пренебреженіе въ врагу, силу котораго онъ самъ вполне понималъ и такъ недавно еще признавалъ открыто. Вѣдь не могли же, въ самомъ

дѣлѣ, «мужественные воины» обратиться въ трусовъ отъ одного лицебрѣнія Париза. Народъ долженъ смотрѣть событіямъ прямо въ глаза, и кто старается скрыть отъ него ихъ грозную сторону, тотъ оказываетъ ему плохую услугу. Говорить ему, что «у швейцарскихъ крестьянъ были только топоры, у польскихъ крестьянъ— только косы, у бретонскихъ крестьянъ— только палки, а между тѣмъ все исчезало передъ ними», что «въ храброй рукѣ непобѣдимы и обломокъ старой сабли, и плохое ружье», значить употреблять во зло незнакомство народа съ исторіей, убаюкивать его дѣтской сказкой, зажигать въ немъ несбыточные ожидания. Въ прокламаціяхъ Гюго къ французамъ и парижанамъ такія фальшивыя ноты слышатся на каждомъ шагѣ, среди фразеологій, въ которой много треску и блеску ¹⁾, но мало задушевнаго чувства.

Контрастъ между чудесами народной обороны, обѣщанными въ прокламаціяхъ Гюго, и непрерывнымъ — если не считать мимолетныхъ побѣдъ подъ Орлеаномъ — рядомъ неудачъ, достигшихъ республиканскія арміи, былъ такъ великъ, что заставилъ уможнужать самого В. Гюго. Съ октября по февраль онъ возвышаетъ голосъ только одинъ разъ (въ ноябрѣ), въ небольшомъ письмѣ на имя Шодэ (молодого республиканца, погибшаго во время коммуны), въ которомъ проповѣдуетъ единодушіе въ виду опасности, угрожающей отечеству, отсрочку спорныхъ вопросовъ внутренней организаціи до окончанія расчетовъ съ внѣшнимъ врагомъ. Нельзя не пожалѣть, что Гюго не возвращался болѣе къ этой темѣ, не настаивалъ на ней въ тѣ смутные дни, когда послѣднія усилія осажденных сливались съ первыми порывами движенія, вскорѣ затѣмъ создавшаго коммуну. Трудно рѣшить, подѣйствовало ли бы даже его слово на взволнованные умы; но сказать это слово во всеуслышаніе онъ во всякомъ случаѣ былъ обязанъ. Какъ велика была въ то время популярность Гюго среди парижанъ, это всего яснѣе видно изъ громаднаго числа голосовъ (214 тысячъ), поданныхъ за него 8 февраля 1871 г. при выборахъ въ національное собраніе; въ ряду депутатовъ города Париза онъ занялъ второе мѣсто, непо-

¹⁾ „Lyon, prends ton fusil, Bordeaux, prends ta carabine, Rouen, tire ton épée et toi, Marseille, chante ta chanson et viens terrible. Cités; cités, cités, faites des forêts de piques, épaississez vos bayonnettes, et toi, village, prends ta fourche... Lapidez les envahisseurs avec les ossements de notre mère la France... Que les vieilles mères indignées attestent leurs cheveux blancs, que les tombeaux crient, que derrière toute muraille on sente le peuple et Dieu!. O Paris, tu as couronné de fleurs la statue de Strasbourg—l'histoire te couronnera d'étoiles“.

средственно послѣ Л. Блана, получившаго слишкомъ 216,000 голосовъ.

13-го февраля Гюго прибылъ въ Бордо, въ открытію засѣданій національнаго собранія; 1-го марта онъ произнесъ въ собраніи рѣчь по вопросу о войнѣ или мирѣ, высказавшись, какъ и можно было ожидать, за продолженіе войны во что бы то ни стало. Возможно ли такое продолженіе, есть ли для него у Франціи, въ данную минуту, силы и средства—этого вопроса Гюго даже не ставилъ; а между тѣмъ имъ исчерпывался весь предметъ спора. Что Германія не имѣетъ никакого права на Эльзасъ и Лотарингію, что Франція никогда не свызнется съ мыслью о потерѣ своихъ провинцій, что миръ, заключенный на такихъ условіяхъ, будетъ только перемиріемъ, болѣе или менѣе продолжительнымъ—въ этомъ были согласны всѣ партіи, и рѣчь Гюго, посвященная исключительно этой сторонѣ дѣла, не могла оказать вліянія на исходъ преній. Въ ней нѣтъ и слѣда того практическаго смысла, того политическаго чутья, которымъ—наравнѣ съ красотой формы—отличались лучшія рѣчи Гюго въ законодательномъ собраніи 1849—51 г. Тогда онъ былъ настоящимъ ораторомъ, стремившимся не только къ эффекту, но и къ реальному результату, старавшимся не только удивить, но и убѣдить своихъ слушателей, говорившимъ для палаты, пожалуй для Франціи, а не для какой-то воображаемой аудиторіи, собранной со всѣхъ концовъ вселенной. Теперь Гюго, стоя на трибунѣ, произноситъ одну изъ своихъ гернсейскихъ «проповѣдей на свалѣ» — поучаетъ Европу, громитъ Германію, и забываетъ только о ближайшей, роковой задачѣ, которую предстоитъ разрѣшить французскому національному собранію¹⁾. Выслушавъ рѣчь 1-го марта, демократическая партія могла расстаться съ надеждой найти въ Гюго того могучаго союзника, какимъ онъ былъ для нея въ борьбѣ, окончившейся декабрьскимъ переворотомъ. Довершить разочарованіе должна была первая мѣра, предложенная В. Гюго; она оказалась столь же мало практичной, какъ и первая рѣчь его. Когда національное собраніе утвердило уступку Эльзаса и части Лотарингіи, представители уступленных мѣстностей заявили, что они слагаютъ съ себя званіе депутатовъ. В. Гюго, въ собраніи лѣвой стороны, предложилъ не принимать ихъ отставки и признавать ихъ постоянными, безсмысленными пред-

¹⁾ Мы слышали отъ лица, присутствовавшаго въ засѣданіи 1-го марта, что рѣчь В. Гюго и по формѣ напоминала проповѣдь, произнесенную съ величайшею важностью и ложнымъ пафосомъ.

ставителями потерянных провинцій; впредь до возвращенія послѣднихъ Франціи. Уступая обаянію поэта, лѣвая сторона одобрила составленный имъ въ этомъ смыслѣ проектъ деклараціи, который онъ и долженъ былъ прочесть съ трибуны; но когда, вслѣдъ затѣмъ, Гюго вышелъ изъ собранія, декларация, по безмолвному соглашенію всѣхъ членовъ оппозиціи, была положена подъ сукно, и отставка эльзасско-лотарингскихъ депутатовъ принята собраніемъ безъ протеста. Отсюда ясно, что сама республиканская партія понимала всю бесплодность бравады, задуманной В. Гюго. Отставка эльзасско-лотарингскихъ депутатовъ была естественнымъ, логическимъ послѣдствіемъ только-что заключеннаго мирнаго трактата. Германія, конечно, не согласилась бы оставить во французскомъ національномъ собраніи представителей Страсбурга и Меца, и вынужденное удаленіе ихъ изъ собранія было бы только новымъ униженіемъ для Франціи.

Парламентская дѣятельность В. Гюго, начатая при столь неблагоприятныхъ предзнаменованіяхъ, продолжалась мѣсяца — и окончаніе ея вполнѣ соответствовало началу. 8-го марта въ собраніи возникъ вопросъ о правильности избранія Гарибальди въ депутаты; коммиссія, въ которой преобладали члены правой стороны, предлагала признать избраніе его недѣйствительнымъ. Противъ этого предложенія возсталъ В. Гюго, справедливо негодуя на неблагодарность и несправедливость консерваторовъ, въ противніе папы не хотѣвшихъ видѣть великодушнаго защитника Франціи. Въ пылу увлеченія онъ назвалъ Гарибальди единственнымъ изъ всѣхъ сражавшихся за Францію генераловъ, который остался непобѣжденнымъ. Слова эти, весьма близкія къ истинѣ, вызвали цѣлую бурю. Консерваторы — и между ними въ особенности *побѣжденные* генералы (съ Дюкро во главѣ, тѣмъ Дюкро, который, подобно Фрицу въ «Grande duchesse de Gerolstein», повлялся не возвращаться вовсе или возвратиться побѣдителемъ и — возвратился побѣжденнымъ) — стали прерывать Гюго, упрекая его въ недостатокъ патріотизма, въ оскорбленіи Франціи; произошла, однимъ словомъ, одна изъ тѣхъ сценъ, которыя такъ обыкновенны во французской парламентской исторіи, и героємъ, или жертвой, которыхъ не одинъ разъ бывалъ самъ Гюго, въ законодательномъ собраніи 1849—51 г. Разница между прежними случаями и этимъ заключалась только въ томъ, что тогда президентъ (Дюпенъ) былъ на сторонѣ прерывавшихъ и вмѣстѣ съ ними стѣснялъ свободу оратора, а теперь президентъ (Греви) употреблялъ всѣ усилія для восстановленія тишины, угрожалъ нарушителямъ ея призывомъ въ порядку и оставлялъ слово за

В. Гюго, находя, что онъ не допустилъ никакого отступленія отъ парламентскихъ правилъ. И что же? Только потому, что въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ ему не удалось добиться спокойствія и вниманія, В. Гюго сходитъ съ трибуны и письменно заявляетъ президенту свой отказъ отъ званія депутата. Президентъ, *съ общаго согласія*, отлагаетъ чтеніе письма Гюго до слѣдующаго дня, чтобы дать ему время придти въ себя и взять назадъ поспѣшно сказанное слово. Радикальная партія, вся лѣвая сторона, *левый центръ*, депутація отъ жителей Бордо — одни за другими просятъ Гюго измѣнить свое рѣшеніе; онъ остается непоколебимымъ, объясняя, что ничего не ожидаетъ отъ собранія, отказавшагося выслушать его и Гарibaldi, что свобода слова, а слѣдовательно и борьба, невозможна для него среди людей, систематически заглушающихъ его голосъ. Онъ забываетъ, что эти самые люди спокойно выслушали его рѣчь 1-го марта; что при безпристрастіи президента самое необузданное большинство можетъ только затруднить, но не устранить свободное пользованіе словомъ; что мотивы, которыми онъ оправдываетъ свой выходъ изъ собранія, одинаково примѣнимы ко всѣмъ выдающимся членамъ меньшинства, и что, слѣдовательно, большинству стбитъ только кричать почаще и посильнѣе, чтобы очистить поле битвы отъ самыхъ опасныхъ враговъ своихъ. Онъ забываетъ все это, потому что въ немъ громче всего говоритъ оскорбленное самолюбіе, потому что онъ не можетъ свыкнуться съ мыслью, что ему — *ему!* — отказываютъ въ почтительномъ вниманіи. Къ этому объясненію насъ приводитъ въ особенности послѣдующій образъ дѣйствій В. Гюго. Если дальнѣйшая борьба въ національномъ собраніи казалась ему безусловно невозможной, онъ долженъ былъ, очевидно, отвергать всякую мысль о возвращеніи въ среду этого собранія, не выставлять и не принимать, пока оно существуетъ, никакой кандидатуры въ депутаты. Тѣ ли мы видимъ на самомъ дѣлѣ? Уже въ іюль 1871 г., при первыхъ дополнительныхъ выборахъ въ собраніе, онъ допускаетъ включеніе его въ число кандидатовъ (въ Парижѣ), но получаетъ только 57,000 голосовъ и остается неизбраннымъ. 31-го октября 1871 г. онъ говоритъ, въ письмѣ къ редакторамъ «*Rappel*», о собраніи, «*къ которому онъ имѣетъ честь больше не принадлежать*»¹⁾, — а менѣе двухъ мѣсяцевъ спустя онъ не только принимаетъ кандидатуру въ члены этого самаго собранія, но даже прямо ставитъ ее въ деклараціи на имя парижскихъ избирателей (отъ 28-го де-

¹⁾ „Depuis l'exil“, стр. 169.

кабря 1871 г.). При этомъ онъ соглашается на такъ-называемое *договорное полномочіе* (*mandat contractuel*), подписывая вмѣстѣ съ представителями избирательныхъ комитетовъ программу, которой онъ обѣщаетъ держаться въ случаѣ избранія, подъ опасеніемъ обязательной подачи въ отставку по приговору суда чести (избираемаго по жребію изъ числа другихъ депутатовъ, принявшихъ договорное полномочіе). Очевидно, что такое договорное полномочіе—въ сущности не что иное, какъ *полномочіе повелительное* (*mandat impératif*), которое самъ Гюго признаетъ стѣсненіемъ свободы депутата и потому отвергаетъ ¹⁾. И на этотъ разъ, однако, отступление Гюго отъ однажды принятаго рѣшенія не приводитъ къ желанной цѣли; соперникъ его, президентъ парижскаго муниципальнаго совѣта, Вотренъ, получаетъ 122,000 голосовъ, противъ 96,000, данныхъ Гюго. Въ прокламаціи къ парижанамъ, написанной по этому поводу, Гюго называетъ свое поражение — пораженіемъ Парижа, затмѣніемъ всеобщей подачи голосовъ ²⁾, торжествомъ реакціи и страха! Послѣ двухъ неудачъ, Гюго не рѣшается на третью попытку, и въ мартѣ 1873 г. отказывается отъ кандидатуры, предложенной ему въ Лионѣ; но причиной этого отказа онъ выставляетъ не невозможность для него возвратиться въ собраніе, систематически не желающее его слушать, а другія, болѣе общія соображенія. Итакъ, двукратнымъ согласіемъ на кандидатуру и самыми мотивами позднѣйшаго отъ нея отказа В. Гюго доказалъ совершенно ясно, что выходъ его изъ собранія въ мартѣ 1871 г. былъ дѣломъ не глубокаго убѣжденія, а мимолетной досады, вызванной именно тѣми особенностями характера Гюго, которыя развились въ немъ въ періодъ изгнанія.

А между тѣмъ обстоятельства, въ моментъ выхода Гюго изъ собранія, не были таковы, чтобы обиженный Ахиллесъ могъ спокойно удалиться въ свою палатку. Чѣмъ глубже былъ разладъ между случайно-составившимся большинствомъ собранія и мыслящею частью французскаго общества, тѣмъ менѣе умѣстно было добровольное удаленіе съ поля битвы хотя бы одного члена малочисленной группы, на долю которой падало противодѣйствіе ретроградной разнузданности *деревенскихъ* депутатовъ (*les ruraux*, какъ ихъ прозвали въ это время). Два вопроса стояли на очереди,—оба въ высшей степени серьезные: избраніе мѣстопробыванія для

¹⁾ „Depuis l'exil“, стр. 185.

²⁾ Чтобы оцѣнить по достоинству это неслыханное хвастовство, слѣдуетъ припомнить, что Вотренъ былъ кандидатомъ не реакціонеровъ, а умѣренныхъ республиканцевъ.

національнаго собранія и для правительства,—и установленіе новой формы правленія, со всѣми органическими законами, ею обусловливаемыми. Что Гюго понималъ всю важность перваго вопроса — это видно изъ рѣчи, произнесенной имъ въ одномъ изъ отдѣленій собранія, за два дня до 8-го марта; онъ горячо убѣждалъ своихъ сочленовъ не раздражать парижанъ огнятіемъ у Парижа первенствующаго мѣста, болѣе чѣмъ когда-либо принадлежащаго ему по праву, послѣ блестящей его обороны противъ нѣмцевъ. Собраніе рѣшило иначе—и, нѣсколько дней спустя, произошли событія 18-го марта, обнаружилась неизбежность страшнаго столкновенія между Парижемъ и Версалемъ, между коммунной и собраніемъ. Какое положеніе занялъ въ эту критическую минуту Викторъ Гюго? Лишивъ себя возможности проповѣдовать соглашеніе, примиреніе съ трибуны собранія, онъ могъ дѣйствовать въ этомъ смыслѣ какъ публицистъ, какъ поэтъ, какъ народный ораторъ. Къ сожалѣнію, во все время борьбы онъ не былъ ни въ Парижѣ, ни даже во Франціи. Потерявъ, 13-го марта, своего сына Шарля, онъ отправился въ Бельгію, чтобы привести въ порядокъ дѣла своихъ внуковъ, дѣтей Шарля. «Бракъ Шарля Гюго,—напечатано было 21-го марта въ газетѣ «*Rappel*» (органѣ Виктора Гюго, его семейства и его друзей)—совершёнъ былъ въ Бельгіи,—тамъ же родились его дѣти. Въ ихъ интересахъ, дѣдъ (и опекунъ) ихъ долженъ исполнить въ Брюсселѣ нѣкоторыя формальности, по окончаніи которыхъ онъ немедленно возвратится въ Парижъ». Въ чемъ заключались эти формальности и какъ долго онѣ продолжались—это въ «*Depuis l'exil*» не разъяснено; мы знаемъ только, что Гюго оставался въ Брюсселѣ до тѣхъ поръ, пока не былъ высланъ оттуда бельгійскимъ правительствомъ (30-го мая, т. е. уже по взятіи Парижа войсками Макъ-Магона). Нельзя сказать, впрочемъ, чтобы онъ оставался безмолвнымъ зрителемъ борьбы, выгнвшея въ стѣнахъ и подъ стѣнами Парижа; она внушила ему три стихотворенія, изъ которыхъ одно—«*pas de représailles*» — принадлежитъ къ числу лучшихъ, когда-либо имъ написанныхъ. Онъ указываетъ въ нихъ на весь ужасъ, все беззаконіе междоусобій въ виду вѣшнаго врага, вслѣдъ за окончаніемъ тяжелой, несчастной войны, глубоко истощившея Францію; онъ нападаетъ съ одинаковою силой на версальцевъ, разрушающихъ своими бомбами триумфальную арку звѣзды, и на парижанъ, собирающихся низвергнуть Вандомскую колонну,—эти два памятника прежняго величія, которые слѣдовало бы тѣмъ болѣе охранять и лелѣять, чѣмъ ненавистіе они побѣдоносному непріятелю; онъ возстаетъ противъ преслѣдованій

и безправных мѣръ, предпринимаемыхъ или замышляемыхъ коммуной, востаетъ противъ нихъ во имя того начала, что новое не должно подражать старому, что насиліе—зло, отъ кого бы оно ни исходило.

On ne va point au vrai par une route oblique.
 Sois juste; c'est ainsi qu'on sert la république.
 Le devoir envers elle et l'équité pour tous;
 Pas de colère; et nul n'est juste s'il n'est doux...
 Ceux que j'ai terrassés, je ne les brise pas.
 Mon cercle c'est mon droit, leur droit est mon compas.
 Qu'entre mes ennemis et moi tout s'équilibre;
 Si je les vois liés, je ne me sens pas libre...
 Jamais je ne dirai: „ce traître a mérité,
 „Parce qu'il fut pervers, que moi je sois inique;
 „Je succède à sa lèpre; il me la communique;
 „Et je fais, devenant le même homme que lui,
 „De son forfait d'hier ma vertu d'aujourd'hui.
 „Il était mon tyran, il sera ma victime“.
 Le talion n'est pas un reflux légitime...
 Pas plus que deux soleils je ne vois deux justices;
 Nos ennemis tombés sont là; leur liberté,
 Et la nôtre, o vainqueur, c'est la même clarté! ¹⁾

Это честное, мужественное слово вполне достойно поэта, который еще въ изгнаніи отвергалъ всякую мысль о репрессаліяхъ, который, въ пылу ожесточенной полемики противъ Наполеона III, постоянно признавалъ, что личность побѣжденнаго врага должна быть неприкосновенной. Но осужденіе или одобреніе известнаго способа дѣйствій не предвѣщаетъ вопроса о правотѣ или неправотѣ стремленій, въ осуществленію которыхъ онъ направленъ. На чьей сторонѣ стоялъ Гюго въ борьбѣ между національнымъ собраніемъ и коммуной? Изъ стихотвореній, упомянутыхъ нами, этого съ ясностью не видно; только превознесеніе парижанъ «выше облака ходячаго» — свойственное, впрочемъ, всѣмъ провозведеніямъ Виктора Гюго, въ особенности позднѣйшимъ, — можетъ привести къ предположенію, что симпатіи Гюго и на этотъ разъ принадле-

¹⁾ И это превосходное стихотвореніе Гюго испорчено, до известной степени, чрезмѣрнымъ выдвиганіемъ на первый планъ личности поэта. Ему кажется, что, даже въ самый разгаръ борьбы, онъ, стоящій вдали отъ нея, обращаетъ на себя всеобщее вниманіе, что противники его поглощены мыслью о немъ, ожиданіемъ ошибокъ, которыя онъ сдѣлаетъ. Онъ восклицаетъ: „Non, l'espoir de me voir petit sera trompé! Quoi! je serais sophiste ayant été prophète!.. Je n'ai pas besoin, Dieu, que tu m'avertisses!.. Je n'abdiquerai pas mon droit à l'innocence!“— какъ будто бы въ страшные апрѣльскіе и майскіе дни 1871 года кого-нибудь могъ занимать вопросъ о томъ, возвысится ли или умалится Викторъ Гюго, сохранитъ ли онъ или теряетъ свою политическую невинность?..

жать всецѣло его возлюбленнымъ парижанамъ. «Paris veut être libre,—говоритъ онъ; ici le monde et là Paris—c'est l'équilibre». Если Парижъ уравниваетъ собою цѣлый міръ, то не слѣдуетъ ли отсюда, что онъ не можетъ ошибаться, и что безусловно виноваты тѣ, которые, не представляя собою всего міра, осмѣливаются противиться его столицѣ? Оказывается однако, что не такова была на самомъ дѣлѣ мысль Виктора Гюго. Въ письмѣ отъ 28-го апрѣля, написанномъ на имя редакторовъ «Rapport», онъ относится къ членамъ коммуны съ такимъ же порицаніемъ, какъ и къ руководителямъ палаты. Упреки его распределяются довольно безпристрастно между обѣими враждующими сторонами. Движеніе 18-го марта является здѣсь не только несвоевременнымъ,—на это, какъ мы видѣли, есть указанія и въ стихахъ Гюго,—но и попавшимъ въ неумѣлыя, невѣжественныя руки, неизбежно обреченнымъ на неудачу, такъ какъ взаимодействие между Парижемъ и Франціей не менѣе необходимо для перваго, чѣмъ для послѣдней (теперь, слѣдовательно, Парижъ уравнивается уже не цѣлымъ міромъ, а одною Франціей). Разобщенная съ Парижемъ, Франція ошиблась въ выборѣ своихъ депутатовъ; разобщенный съ Франціей, Парижъ ошибся въ выборѣ своей коммуны. Викторъ Гюго идетъ еще дальше; принципу муниципальной жизни, воплощенному въ коммунѣ, онъ противопоставляетъ принципъ жизни національной, воплощенный въ собраніи, и этимъ самымъ не только съуживаетъ, стѣсняетъ сферу дѣйствій коммуны, но и разрѣшаетъ противъ нея вопросъ о правѣ, спорный между нею и собраніемъ. Правда, въ другой части письма, Гюго впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, признавая за Парижемъ, какъ общиной, право имѣть свое особое законодательство, свой особый социальный бытъ; но эта непоследовательность не уничтожаетъ прежнихъ его аргументовъ, доказывающихъ, *по меньшей мѣрѣ*, равноправность собранія и коммуны. Нельзя не пожалѣть, поѣтому, что письмо 28-го апрѣля осталось ненапечатаннымъ именно въ то время, когда оно могло оказать нѣкоторое вліяніе на умы парижанъ. За коммуну стояли многіе десятки тысячъ изъ тѣхъ избирателей, которые нѣсколькими недѣлями раньше, на выборахъ въ собраніе, подали голосъ за Виктора Гюго; трудно представить себѣ, чтобы они отнеслись совершенно безучастно къ увѣщаніямъ своего избранника, популярность котораго въ ихъ глазахъ могла быть только увеличена рѣчью 1-го марта и самымъ выходомъ Гюго изъ палаты. Въ примѣчаніи къ письму 28-го апрѣля мы читаемъ, что оно не могло появиться въ свѣтъ при коммунѣ,—«по всѣмъ извѣстнымъ причинамъ». Эти причины,—т. е. молчаніе, ко-

торое налагала коммуна на оппозиционную журналистику, — объясняют вполне ненапечатание письма Виктора Гюго въ «*Revue*» и другихъ парижскихъ газетахъ; но мы не понимаемъ, почему оно не могло появиться въ иностранныхъ газетахъ, напримеръ, въ «*Indépendance Belge*», помѣстившей, какъ мы сейчасъ увидимъ, письмо 26-го мая, гораздо менѣе удобное для напечатанія. Какъ бы то ни было, горькія истины, съ которыми обращался Гюго къ дѣятелямъ коммуны, не были выслушаны ими, и они до конца могли думать, что помимо нѣкоторыхъ отдѣльныхъ жѣръ, — напримеръ арестованія заложниковъ, разрушенія Вандомской колонны, — предпріятіе ихъ пользуется сочувствіемъ великаго поэта.

Эпизодъ изгнанія В. Гюго изъ Бельгіи надѣлалъ въ свое время много шума, такъ что достаточно будетъ напомнить о немъ въ немногихъ словахъ. Въ то время, когда на улицахъ Парижа еще происходилъ ожесточенный бой между версальскими войсками и защитниками коммуны, но уже можно было предвидѣть побѣду правительства и наплывъ бѣглецовъ въ пограничныя съ Франціей государства, бельгійскій министръ иностранныхъ дѣлъ объявилъ въ палатѣ представителей, что бѣглецы эти будутъ разсматриваемы какъ обыкновенные не-политическіе преступники — другими словами, будутъ выдаваемы французскому правительству, по его требованію. Объявленіе это вызвало протестъ со стороны В. Гюго, въ письмѣ отъ 26-го мая, напечатанномъ въ «*Indépendance Belge*». Объясняя насильственные дѣйствія коммуны невѣжествомъ и безуміемъ, онъ признаетъ за ея приверженцами право на убѣжище въ Бельгіи, и предлагаетъ имъ это убѣжище въ своемъ домѣ. «Пускай одинъ изъ парижскихъ побѣжденныхъ», говоритъ онъ, «одинъ изъ членовъ такъ-называемой коммуны, хотя бы онъ былъ моимъ личнымъ врагомъ — въ особенности, если онъ мой личный врагъ — постучится въ мою дверь, — я отворю ему, и онъ сдѣлается неприкосновеннымъ. Если его арестуютъ въ моемъ домѣ, пускай же и меня арестуютъ вмѣстѣ съ нимъ; если его выдадутъ, я послѣдую за нимъ и сяду вмѣстѣ съ нимъ на скамью обвиняемыхъ. Я исполню свой долгъ: прежде всего уваженіе къ принципамъ». Вслѣдъ за напечатаніемъ этого письма, въ ночь съ 27-го на 28-е мая, небольшая вучка людей (принадлежавшихъ, какъ говорятъ, къ высшему классу брюссельскаго общества) сдѣлала передъ домомъ Гюго враждебную ему демонстрацію — разбила камнями нѣсколько оконныхъ стеколъ, кричала: «смерть В. Гюго! смерть разбойнику, бандиту» и т. п., грозила выломать двери и разошлась только на разсвѣтѣ. Описаніе этой демон-

страціи, составленное для газетъ сыномъ В. Гюго и перепечатанное въ «*Deruis l'exil*», страдаетъ явными преувеличеніями; если бы участники демонстраціи имѣли приписываемое имъ намѣреніе вломаться въ домъ В. Гюго, для какихъ-нибудь насильственныхъ надъ нимъ дѣйствій, то они, конечно, успѣли бы это сдѣлать, такъ какъ сцена на площади продолжалась болѣе двухъ часовъ, полиція во все это время не появлялась, а со стороны обитателей дома—В. Гюго, невѣстки его съ двумя маленькими дѣтьми и трехъ служанокъ—не было и не могло быть никакого сопротивленія. Достаточно, впрочемъ, и несомнѣнныхъ фактовъ, чтобы осудить со всею строгостью эту презрѣнную выходку изъ-за угла противъ семидесятилѣтняго старика, великаго поэта, гостя Бельгіи. Но клерикальное бельгійское министерство, порицая ее на словахъ и весьма слабо преслѣдуя ее на самомъ дѣлѣ, выставило ее, вмѣстѣ съ письмомъ 26-го мая, предлогомъ къ высылкѣ Гюго изъ Бельгіи, какъ лица, присутствіе котораго угрожаетъ общественному спокойствію! Еще замѣчательнѣе то, что въ палатѣ представителей нашлось только пять человѣкъ, высказавшихся противъ этой мѣры! Великодушный порывъ, вызвавшій письмо 26-го мая, не заслуживалъ, очевидно, ни негодованія со стороны общества, ни карательныхъ мѣръ со стороны правительства. Систематическій, давнишній, въ этомъ отношеніи всегда вѣрный самому себѣ противникъ преслѣдованій, репрессалій, казней—В. Гюго долженъ былъ отнестись къ побѣжденнымъ коммуны именно такъ, какъ онъ это сдѣлалъ въ письмѣ 26-го мая. Онъ только приложилъ къ частному случаю общія начала, которыя проповѣдывалъ вездѣ и всегда. То, что въ устахъ другого могло бы быть принято за вызовъ къ неповиновенію властямъ, къ ослушанію закона, въ устахъ В. Гюго было только привычнымъ лирическимъ взмахомъ мысли, не умѣющей оставаться на почвѣ дѣйствительности. Въ переводѣ на обыкновенный языкъ поэтическія фразы В. Гюго о неприкосновенности того, кому онъ дастъ приютъ подъ своимъ кровомъ, и т. п. — оказывались лишенными всякаго значенія, хотя онъ самъ, можетъ быть, и смотрѣлъ на нихъ совершенно серьезно. Протестъ В. Гюго не помѣшалъ бы, конечно, бельгійскому правительству арестовать того, кого оно признало бы подлежащимъ аресту; поэту не позволили бы ни послѣдовать за арестованнымъ, ни сѣсть вмѣстѣ съ нимъ на свамью обвиняемыхъ. Изгнаніе Гюго изъ Бельгіи было, такимъ образомъ, не только несправедливостью, но и политическою ошибкой. Правительство Тьера поступило гораздо благоразумнѣе, оставивъ безъ преслѣдованія все, что было для него

оскорбительнаго въ письмѣ 26-го мая, и допустивъ безпрепятственно возвращеніе Гюго во Францію.

Мы видѣли уже, что попытки В. Гюго вновь проникнуть въ національное собраніе, откуда онъ такъ легкомысленно удался, не увѣнчались успѣхомъ. Нѣсколько журнальныхъ статей, писемъ, надгробныхъ словъ—вотъ единственный владѣ В. Гюго въ трудную внутреннюю работу, совершавшуюся во Франціи въ печальный періодъ господства версальскаго собранія и правительства *борьбы* или *нравственнаго порядка*. Большой цѣнности за этимъ владѣмъ признать нельзя. Уроки, данные Франціи февральскою республикой, имперіей, войной 1870—1871 г. и ея послѣдствіями,— для В. Гюго прошли безслѣдно; онъ ничему не научился и ничего не забылъ. Подобно тому, какъ онъ видѣлъ въ декабрьскомъ переворотѣ *только* злодѣйство Наполеона, побѣды Германіи кажутся ему только торжествомъ бисмарковскаго маккиавелизма и грубой военной силы. Глубокія причины пораженія Франціи, лежащія въ ней самой, остаются для него столь же незамѣтными, какъ и ошибки демократической партіи 1848—1851 г., сдѣлавшія возможнымъ успѣхъ наполеоновской узурпаціи ¹⁾. Чтобы французскому уму, французскому характеру чего-нибудь не доставало, чтобы Франція могла и должна была чему-нибудь научиться, хотя бы и у сосѣдей, хотя бы и у непріятеля—эта мысль недоступна для В. Гюго; онъ думаетъ только объ *умительской* роли Франціи, о европейскомъ, всемірномъ значеніи Парижа. «Необходимо поднять Францію», говоритъ онъ въ письмѣ отъ 31-го октября 1871 г., «но для кого? для самой Франціи? Нѣтъ; для всего міра. Свѣтильникъ зажигаютъ не для самого свѣтильника, а для тѣхъ, кто блуждаетъ во тьмѣ, хотя бы они сами ослѣпили себя, погасивъ свѣтильникъ. Францію необходимо поднять ради Германіи, которая пребываетъ въ рабствѣ и отъ Франціи получить свою свободу». Подъ вліяніемъ такихъ иллюзій война 1870—1871 г. получаетъ въ глазахъ Гюго значеніе, котораго она вовсе не имѣла—значеніе борьбы варварства противъ просвѣщенія, деспотизма противъ свободы. «Пруссаки, повидимому, рѣшили» — читаемъ мы въ одномъ изъ манифестовъ, написанныхъ В. Гюго во время осады Парижа,— «что Франція бу-

¹⁾ Въ этомъ отношеніи любознательно сравнить В. Гюго съ Прудономъ, для котораго, наоборотъ, ошибки демократіи почти заслоняютъ собою вину Людовика-Наполеона. Для В. Гюго декабрьскій переворотъ—преступленіе, случайно удавшееся, для Прудона—неизбѣжное послѣдствіе сложннхъ историческихъ причинъ (см. корреспонденцію Прудона, извлеченія изъ которой были напечатаны въ „Вѣстникъ Европы“).

детъ Германіей, а Германія—Пруссіей; что въ полдень должна начинаться ночь; что Эвротасъ, Нилъ, Тибръ и Сена—притоки Шпрее; что городу, четыре вѣка проливающему свѣтъ на вселенную, незачѣмъ болѣе существовать, что достаточно одного Берлина; что Монтэня, Паскаля, Корнеля, Мольера, Монтескье, Жанъ-Жака, Мирабо и Дантона никогда не было, какъ не было и французской революціи; что въ Вольтерѣ нѣтъ надобности, когда имѣется г. Бисмаркъ; что мысль, поэзія, искусство, разумъ отнынѣ будутъ начинаться съ Шпандау и оканчиваться Потсдамомъ; что не будетъ больше ни цивилизаціи, ни Европы, ни Парижа; что человѣческій родъ отнынѣ будетъ державой второго разряда». И все это изъ-за того, что германская армія осмѣлилась осадить Парижъ! Въ рѣчи 1-го марта цѣлью войны, предпринятой Германією, опять выставляется уничтоженіе Франціи Пруссією, столь же невозможное, какъ и уничтоженіе будущаго прошедшимъ. Во время войны или вслѣдъ за окончаніемъ ея это искаженіе фактовъ—до такой степени чудовищное, что оно близко граничить съ смѣшнымъ—могло еще отчасти быть извиняемо возбужденіемъ борьбы, слѣпотою отчаянія; но оно повторяется Гюго и въ болѣе спокойныя минуты. Полтора года спустя послѣ заключенія мира онъ еще сравниваетъ нѣмцевъ съ вандалами, предводителя ихъ—съ Аттилой ¹⁾. Онъ не можетъ отрѣшиться отъ преданій первой революціи и не хочетъ видѣть того несомнѣннаго факта, что между задачами союзниковъ 1792 г. и обновленной Германіи 1870—1871 г. нѣтъ ничего общаго, что монополія новыхъ идей и прогрессивныхъ стремленій давно перестала принадлежать Франціи. Наибольшей крайности достигаетъ В. Гюго въ своемъ идолопоклонствѣ передъ Парижемъ. «Снимая съ Парижа діадему французской столицы», восклицаетъ онъ (въ 1876 г.), «враги его для всѣхъ сдѣлали яснымъ, что онъ—мозгъ міра, столица вселенной ²⁾. Великій лобъ Парижа теперь видимъ вполне, развѣичанный, но тѣмъ болѣе сіяющій. Отнынѣ всѣ народы единодушно признаютъ Парижъ главнымъ городомъ человѣческаго рода... Парижъ—единственный городъ, обладающій даромъ превращенія, умѣющій быть Спартой—въ борьбѣ съ врагомъ, Римомъ—въ господствѣ надъ міромъ, Афинами—въ поклоненіи искусству и идеалу... Парижане, вы насадители прогресса, вы доблестное юношество новаго человѣчества, вы народъ по преи-

¹⁾ „Depuis l'exil“, стр. 215.

²⁾ Въ подлинникѣ сказано: „les ennemis ont mis à nu son cerveau de capitale du monde“—но по-русски подобныхъ вещей нельзя передавать съ буквальной точностью.

муштеству, народъ народовъ». Столицей міра В. Гюго называетъ Парижъ даже въ рѣчи, произнесенной передъ французскимъ сенатомъ. Фраза, много разъ повторенная, очевидно обратилась для него въ нѣчто реальное, чему онъ самъ вѣритъ и изъ чего выводитъ практическія заключенія. Неудивительно, что при такомъ самопоклоненіи—говоримъ: *самопоклоненіи*, потому что В. Гюго въ значительной степени отождествляетъ самого себя съ Франціей и Парижемъ—В. Гюго не имѣетъ ни времени, ни охоты останавливаться на вопросахъ дня, на ближайшихъ задачахъ демократіи, на средствахъ къ осуществленію ихъ, сообразно съ данными, жизненными условіями. Фантазіи поэта душно въ этой тѣсной области; онъ чувствуетъ себя привольно только среди грезъ о всемірной республикѣ, о Соединенныхъ Штатахъ Европы, о вѣчномъ мирѣ, которому однако должна предшествовать еще одна, побѣдоносная для Франціи, война съ Германіей. В. Гюго—одинъ изъ послѣднихъ могиканъ политической метафизики. Онъ вѣритъ въ право, какъ въ нѣчто абсолютное, предвѣчное, неизмѣнное. Онъ ставитъ девизомъ своей жизни борьбу за право противъ закона (*pro jure contra legem*), понимая первое не въ смыслѣ положенія, вновь принятаго теоріей, но еще не проведеннаго въ жизнь, а въ смыслѣ метафизической сущности, неподвижной, всегда равной самой себѣ ¹⁾). «Право существуетъ отъ вѣка (*le droit préexiste*)», говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ ²⁾); «оно было прежде, будетъ послѣ всего. Оно существовало, когда еще не было народа, подобно тому, какъ нравственность существовала когда еще не было нравовъ (*la morale existe avant les mœurs!*). Оно настолько выше закона, насколько божественное выше человѣческаго. Оно создаетъ всеобщую подачу голосовъ, которая въ свою очередь создаетъ законъ. Законъ, употребляющій всеобщую подачу голосовъ какъ средство къ разрушенію права,—это дочь, побуждающая отца къ убійству дѣда». Другая метафизическая сущность, признаваемая В. Гюго, это—республика. Она также существуетъ отъ вѣка (*préexiste*), она институтъ естественнаго права (*elle est de droit naturel*). Подвергать ее голосованію нельзя, какъ нельзя подавать голоса въ пользу или противъ воздуха, которымъ дышешь, въ пользу или противъ закона, въ силу котораго растеть человѣчскій родъ ³⁾).

¹⁾ „Le droit et la loi“, предисловіе къ „*Avant l'exil*“, стр. V.

²⁾ „*Depuis l'exil*“, стр. 169.

³⁾ „*Depuis l'exil*“, стр. 279.

Такова заоблачная сфера, въ которой вращается политическая мысль В. Гюго. Понятно, что она остается совершенно бесплодной.

Есть, однако, одинъ политическій вопросъ, котораго Викторъ Гюго не можетъ воснуться, не возвысившись надъ самимъ собою, которому мы обязаны многими превосходными страницами и въ драмахъ, и въ романахъ, и въ стихахъ, и въ политическихъ произведеніяхъ его: это вопросъ о смертной казни, или еще шире — о превосходствѣ кротости передъ строгостью, прощенія, примиренія передъ преслѣдованіемъ, чувства любви передъ чувствомъ страха. Сколько разъ Викторъ Гюго говорилъ на эту тему — и въ «Эрнани», гдѣ Карлъ V, простивъ заговорщиковъ, благодаритъ тѣнь Карла Великаго, внушившую ему, что милость — лучшее начало труднаго царствованія ¹⁾; и въ глубоко-прочувствованныхъ думахъ «Dernier jour d'un condamné»; и въ четверостишіи, которымъ было куплено помилованіе Барбеса ²⁾; и въ судебной защитѣ Шарля Гюго, преданнаго суду за рѣзкій отзывъ объ одномъ смертномъ приговорѣ; и въ многочисленныхъ письмахъ изъ изгнанія, написанныхъ для спасенія жизни того или другого осужденнаго преступника; и въ приведенномъ нами протестѣ противъ насилія коммуны; и въ «Quatre-vingt-treize», въ предсмертной бесѣдѣ между Говеномъ и Симурденомъ, — и все же она не исчерпана имъ, все же въ «Depuis l'exil» не найдется ничего болѣе выдающагося, чѣмъ письмо и статья, ей посвященныя. Письмо написано (въ ноябрѣ 1871 г.), къ защитнику Маротто, молодого журналиста, присужденнаго военнымъ судомъ къ смертной казни за статью, напечатанную имъ во время коммуны. Доказывая, вмѣстѣ съ защитникомъ, что Маротто не заслужилъ смерти, что наказаніе, ему назначенное, не

¹⁾ Charlemagne! empereur, suis-je bien un autre homme?..

Ai-je compris la voix qui parle en ton tombeau?

Ah! j'étais seul, perdu, seul devant un empire,

Tout un monde qui hurle, et menace, et conspire...

Tout pressé, tout pressant, tout faire à la fois!

Je t'ai crié: par où faut-il que je commence?

Et tu m'as répondu: mon fils, *par la clémence!*

²⁾ Вотъ это четверостишіе, посланное Викт. Гюго Людовику-Филиппу 12 июля 1839 г. (скоро послѣ смерти одной изъ дочерей короля и рожденія его старшаго внука, графа Парижскаго):

Par votre ange envolée ainsi qu'une colombe,

Par ce royal enfant, doux et frère roseau,

Grâce encore une fois! grâce au nom de la tombe,

Grâce au nom du berceau!

соотвѣтствуетъ его винѣ ¹⁾, В. Гюго расширяетъ рамки вопроса и переноситъ его съ почвы справедливости на почву общественнаго блага. Онъ спрашиваетъ себя, неужели это благо не можетъ быть ограждено безъ принесенія въ жертву семи-восьми осужденныхъ ²⁾, и отказывается вѣрить, чтобы гильотина или пуля была лекарствомъ отъ всѣхъ золъ, постигшихъ Францію. «Въ то время», восклицаетъ онъ, «когда государственный человекъ задумывается надъ разорванной картой Франціи, надъ ужасающей цифрой пяти миллиардовъ, надъ пораженіями, катастрофами, капитуляціями, измѣнами, надъ землетрясеніемъ, постигшимъ Парижъ, надъ нависшими обвалами, грозящими паденіемъ, надъ невѣжествомъ, надъ нищетой, надъ страшнымъ будущимъ; когда въ виду пропасти, со всѣхъ сторонъ открытой, онъ надѣется на помощь, самъ не зная откуда она придетъ, и ожидаетъ Тюрго, въ которомъ нуждаются наши финансы, Мирабо, въ которомъ нуждаются наши собранія, Аристиды, въ которомъ нуждается наша магистратура, Аннибалы, въ которомъ нуждаются наши арміи; когда онъ наклоняется надъ мракомъ будущаго и молить о ниспосланіи ему истины, мудрости, свѣта, знанія, разума, генія; когда онъ призываетъ мысленно исцѣлителя народныхъ болѣзней, кормчаго великихъ кораблекрушеній, архангела обдѣствующихъ націй, спасителя — передъ нимъ появляется, въ отвѣтъ на всѣ его мольбы и надежды, могильщикъ, съ лопаткой на плечѣ!» Не менѣе сильна проповѣдь противъ смертной казни, заключающаяся въ статьѣ: «*Pour un soldat*». Въ февралѣ 1875 г. рядовой Бланъ былъ приговоренъ къ смерти военнымъ судомъ за обиду, нанесенную начальнику. «Исполненіе этого приговора», пишетъ Гюго, «кажется мнѣ невозможнымъ, и вотъ почему: 10 декабря 1873 г., вожди нашей арміи, засѣдая въ Трианонѣ въ составѣ верховнаго военнаго суда, уничтожили смертную казнь, въ примѣненіи ея къ военному сословію. Передъ ними стоялъ солдатъ, солдатъ болѣе всѣхъ другихъ отвѣтственный — маршалъ Франціи. Этотъ солдатъ, въ часъ рѣшительныхъ катастрофъ, нарушилъ свой долгъ, унижилъ Францію передъ Пруссіей, позволилъ разбить себя, имѣя возможность побѣдить, т.-е. перешелъ на сторону непріятели. Занимая сильнѣйшую изъ крѣпостей Европы, онъ сдалъ ее; командуя арміей, послѣдней защитой національной чести, онъ отдалъ ее связанною въ руки нѣмцевъ;

¹⁾ Смертный приговоръ надъ Маротто не былъ приведенъ въ исполненіе.

²⁾ Участь остальныхъ лицъ, приговоренныхъ военнымъ судомъ къ смерти за дѣянія ихъ во время коммуны, Ферре, Люлье, Росселя и др., въ эту минуту не была еще окончательно рѣшена.

отворивъ двери дѣвственнаго Меца, онъ предрѣшилъ участь геройскаго Парижа; онъ могъ спасти родину—и погубилъ ее; онъ сдѣлался убійцей своего отечества. Военный судъ призналъ его заслуживающимъ смерти—и объявилъ, что ему должна быть дарована жизнь. Поступивъ такимъ образомъ, военный судъ, повторяю еще разъ, уничтожилъ смертную казнь въ средѣ арміи; онъ рѣшилъ, что отнынѣ ни измѣнники, ни дезертиры, ни матереубійцы—убійство отечества все равно что матереубійство—не будутъ наказываемы смертью. Рѣшеніе это справедливо, и мы громко хвалимъ за него верховный военный судъ». Установивъ эту исходную точку, В. Гюго выводитъ изъ нея вполне логическое заключеніе, что Бланъ не можетъ быть казнень, что правительство, помиловавшее Базена, *должно* помиловать несчастнаго молодого солдата, виновнаго только въ несдержанности, въ увлеченіи. «Пощадивъ перваго, можно ли быть безжалостнымъ во второму? Возможны ли такіе контрасты? Полезно ли было бы предлагать человѣческому уму такія неразрѣшимыя загадки? Не страшно ли было бы простое сопоставленіе слѣдующихъ фактовъ: маршалъ Франціи, продавшій свое знамя, предавшій армію, измѣнившій отечеству, оставляется въ живыхъ—солдатъ, ударившій капрала, наказывается смертью?» Несообразность, такъ ярко выставленная на видъ въ этихъ словахъ, не наступила; наказаніе Блана было ограничено пятилѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ—и мы готовы вѣрить, что онъ обязанъ жизнью неотразимо-убѣдительною защитѣ В. Гюго.

Если рѣчь, произнесенная В. Гюго 22 мая 1876 г. въ сѣданіи сената, напоминаетъ собою, по крайней мѣрѣ отчасти, лучшія его рѣчи 1850 и 1851 гг. и замѣтно возвышается надъ уровнемъ другихъ его политическихъ произведеній, относящихся въ разсматриваемому нами періоду его жизни, то объясненіе этого факта слѣдуетъ искать все въ той же идеѣ помилованія, сообщившей слову оратора искреннее, неподдѣльное, по временамъ увлекательное одушевленіе. Мы не станемъ разбирать спорнаго вопроса объ амнистіи, до сихъ поръ тяготящаго надъ политическою жизнью Франціи; скажемъ только, что та сторона вопроса, которая затрогиваетъ непосредственно чувство, разработана въ рѣчи В. Гюго съ замѣчательнымъ искусствомъ. Нельзя не замѣтить, по этому поводу, что настоящее мѣсто В. Гюго было бы не въ сенатѣ, а въ палатѣ депутатовъ. Конечно, и въ палатѣ онъ не могъ бы играть особенно выдающейся роли, не могъ бы сдѣлаться руководителемъ или главнымъ ораторомъ партіи. Краснорѣчіе В. Гюго, въ томъ видѣ, въ какомъ оно

выработалось изгнаніемъ, уединеніемъ, привычкой воображать себя оракуломъ или пророкомъ, пригодно скорѣе для кафедры проповѣдника, чѣмъ для ораторской трибуны; оно предполагаетъ публику вѣрующихъ, набожно воспринимающихъ слова своего апостола, безъ критики, безъ всякой мысли о возраженіи, о спорѣ. В. Гюго не столько доказываетъ, сколько вѣщаетъ, не столько убѣждаетъ, сколько предписываетъ, — а собраніе, составленное изъ представителей всѣхъ партій, не расположено ни въ благоговѣнію, ни въ послушанію. Какъ бы то ни было, въ палатѣ депутатовъ, гдѣ болѣе молодыхъ, увлекающихся людей, доступныхъ влиянію поэтическаго образа, даже сильной риторической фразы, слово В. Гюго, раздаваясь рѣдко, въ торжественныя, критическія минуты, могло бы имѣть извѣстный вѣсъ, извѣстное значеніе, и во всякомъ случаѣ не было бы гласомъ вопіющаго въ пустынь. Въ сенатѣ, наоборотъ, преобладаютъ люди пожилые, практическіе, спокойные, чуждые всякаго идеализма и относящіеся къ нему либо враждебно, либо — что еще хуже — съ пренебрежительнымъ равнодушіемъ. Съ другой стороны, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, спорный вопросъ достигаетъ сената уже почти исчерпаннымъ преніями въ палатѣ депутатовъ, и на долю сената выпадаютъ развѣ поправки въ отдѣльныхъ частяхъ закона. Рѣчь В. Гюго объ амнистіи осталась въ сенатѣ безъ всякаго отвѣта; тотчасъ послѣ нея было приступлено къ голосованію. Въ палатѣ депутатовъ такое явленіе было бы немислимо. Вотъ почему намъ кажется, что В. Гюго сдѣлалъ большую ошибку, принявъ предложенную ему кандидатуру въ сенаторы. Въ томъ, что онъ былъ бы выбранъ депутатомъ въ Парижѣ или какомъ-либо другомъ изъ большихъ городовъ Франціи, конечно, не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Матеріалы, собранныя въ «*Depuis l'exil*», показываютъ намъ В. Гюго не только въ роли политическаго дѣятеля, но и въ роли литературнаго критика, которую онъ вообще принималъ на себя довольно рѣдко. И здѣсь, и тамъ онъ одинаково далекъ отъ пониманія дѣйствительности, одинаково ослѣпленъ насчетъ самого себя и насчетъ всего окружающаго. Въ 1871 г. онъ стоитъ еще на точкѣ зрѣнія тридцатыхъ или сороковыхъ годовъ, на точкѣ зрѣнія романтизма, только-что побѣдившаго и упоеннаго своей побѣдой. Въ то самое время, когда реалисты, въ сознательномъ антагонизмѣ съ своими предшественниками-романтиками, прокладываютъ новые пути, ставятъ новыя задачи, вводятъ новыя приемы, когда Ламартинъ, Ж. Зандъ и самъ Гюго развѣнчиваются въ пользу Бальзака, Стендаля и Флобера, когда

растетъ извѣстность Зола, Доде и Гонкуровъ—В. Гюго мечтаетъ о литературномъ замишѣ, о примиреніи всѣхъ литературныхъ партій, и провозглашаетъ окончаніе борьбы, не замѣчая, что она только-что разгорается ¹⁾. И въ самомъ-дѣлѣ, движеніе, во главѣ котораго стоялъ В. Гюго, достигло своей цѣли, опрокинуло классицизмъ и старую рутину—чего же болѣе искать, къ чему еще стремиться? Развѣ можно пойти далѣе и выше, чѣмъ пошелъ самъ В. Гюго? Сквозь этотъ туманъ, тщательно спущаемый литературными прислужниками поэта, тѣми мирмидонами его, о которыхъ недавно говорилъ въ «Вѣстникѣ Европы» Эмиль Зола ²⁾, состарѣвшійся Ахиллъ романтизма не видитъ даже очертаній новой школы, пришедшей смѣнить его, какъ онъ въ свое время смѣнилъ Лемерсье, Эсменара и Бауръ-Лорміана. До какой степени ослабѣло критическое чутье В. Гюго—это всего яснѣе показываютъ похвалы, расточаемыя имъ А. Дюма-отцу (въ письмѣ, написанномъ по поводу его погребенія Дюма-сыну). «А. Дюма былъ однимъ изъ тѣхъ людей, которыхъ можно назвать сѣтелями цивилизаціи. Онъ улучшаетъ и освѣжаетъ умы каковыя-то веселымъ, сильнымъ свѣтомъ, онъ оплодотворяетъ душу и разумъ, роняетъ въ сердца французскую идею,—идею, въ которой столько гуманности, что она всюду несетъ съ собою прогрессъ. Изъ всѣхъ сочиненій Дюма, столь разнообразныхъ, столь прелестныхъ, столь могучихъ, исходить свѣтъ, свойственный Франціи. Въ удивительномъ зданіи, построенномъ этимъ искуснымъ зодчимъ, можно найти и потрясающій паеосъ драмы, и глубокую иронию комедій, и анализъ романа, и инстинктивную проницательность исторій. Все въ немъ напоминаетъ Вольтера и Мольера». Чтобы объяснить себѣ всѣ эти колоссальныя преувеличенія, недостаточно вспомнить о дружбѣ, связывавшей В. Гюго съ А. Дюма,—необходимо принять во вниманіе, что послѣдній былъ однимъ изъ главныхъ союзниковъ перваго въ романтическомъ штурмѣ, и что слѣдовательно онъ имѣетъ, въ глазахъ В. Гюго, несомнѣнное право на часть ореола, окружающаго, вмѣстѣ съ полководцемъ, всѣхъ борцовъ этой эпохи.

Въ семьдесятъ-пять лѣтъ повдно мѣняться, и В. Гюго, безъ сомнѣнія, не внесетъ ничего новаго въ свою политическую дѣятельность, сколько бы времени она еще ни продолжалась. Послѣ

¹⁾ „Depuis l'exil“, стр. 166—167.

²⁾ № 4, стр. 859—61.

рѣчи объ амнистіи, сказанной болѣе года тому назадъ, онъ говорилъ въ сенатѣ одинъ только разъ, во время преній о распущеніи палаты, и не намѣренъ, повидимому, принимать активнаго участія въ парламентской жизни. Отъ времени до времени онъ пишетъ горячее письмо въ защиту какого-нибудь страждущаго лица или народа (напр. въ прошедшемъ году — въ защиту возставшихъ турецкихъ славянъ), произноситъ въ публичномъ собраніи рѣчь, въ сотый разъ прославляющую Францію, Парижъ или что-нибудь французское, въ сотый разъ предсказывающую Франціи, а черезъ нее и Европѣ, и міру, счастливое, славное будущее. Дальше этого онъ не идетъ и идти не можетъ. Какъ поэтическія изліянія, эти рѣчи и письма имѣютъ иногда нѣкоторое значеніе, какъ политическія дѣйствія — никакого. Но если В. Гюго вноситъ повѣю въ политику, то онъ по прежнему продолжаетъ вносить въ повѣю свои политическія и соціальныя идеи и стремленія. Мы говорили въ первой статьѣ нашей о В. Гюго, что эта подкладка его поэмъ и романовъ составляетъ сильную ихъ сторону, согрѣвая ихъ глубокимъ чувствомъ вражды къ несправедливости, къ насилію, любви ко всему слабому, угнетенному; мы говорили также, что безмѣрно-высокое самоувѣреніе В. Гюго, претензіи его на даръ пророчества, на роль учителя вѣковъ и народовъ гораздо менѣ замѣтны въ литературныхъ его произведеніяхъ, — конечно, къ большой ихъ выгодѣ. То же самое мы можемъ повторить и теперь, съ одной только оговоркой. Изъ числа трехъ сочиненій В. Гюго, напечатанныхъ въ рассматриваемый нами періодъ времени, т.-е. послѣ возвращенія Гюго изъ изгнанія — «L'année terrible», «Quatre-vingt-treize» и «Légende des siècles (nouvelle série)» — послѣднее соединяетъ въ себѣ всѣ недостатки рѣчей и манифестовъ В. Гюго. Стремленіе возвыситься надъ всѣмъ окружающимъ доходить здѣсь до болѣзненной натуги, желаніе создать нѣчто необычайное производитъ спутанность мысли, темноту выраженій, и часто, слишкомъ часто, заставляетъ поэта переступить тотъ шагъ, который отдѣляетъ высокое отъ смѣшного. Среди массы неудачныхъ аллегорій, фальшиво-освѣщенныхъ картинъ, утомительнаго многословія, и здѣсь, однако, встрѣчаются отдѣльныя мѣста, даже цѣлыя поэмы, достойныя стать на ряду съ лучшими произведеніями В. Гюго. Первое мѣсто между ними занимаетъ, по нашему мнѣнію, «Guerre civile», въ которой превосходно очерченъ переходъ народной массы отъ ярости къ прощенью, отъ жажды крови къ состраданію. Назовемъ еще «Jean chouan», «Question sociale», «La comète», «Les bannis», «Le roi de Perse», «Welf, castel-

lan d'Osbor». Каждый разъ, когда Гюго даетъ волю одному изъ чувствъ, дѣйствительно живущихъ въ его душѣ, онъ перестаетъ быть риторомъ и опять становится поэтомъ. Намъ кажется, что эта черта упущена изъ виду или по крайней мѣрѣ недостаточно оцѣнена Э. Зола, въ его замѣчательной—особенно для французскаго писателя ¹⁾—статьѣ о В. Гюго. Безъ сомнѣнiя, далеко не все написанное В. Гюго перейдетъ въ потомство; но оно едва ли будетъ видѣть въ немъ только автора «пятидесяти или шестидесяти мастерскихъ лирическихъ стихотворенiй». Мы думаемъ, что оно будетъ чтить въ немъ больше всего защитника *чуждости*, сражавшагося за нее самыми разнообразными оружіями, на самыхъ различныхъ дорогахъ, и не забудетъ вполнѣ ни романовъ, ни драмъ, ни даже рѣчей, въ которыхъ выразилось всего ярче служенiе этому идеалу. Торжество натурализма, о которомъ говоритъ Зола, можетъ поколебать, но не разрушить главныхъ основы популярности В. Гюго, потому что изученiе настоящаго не исключаетъ, и едва ли когда-нибудь исключитъ, мечту о будущемъ.

В. АРСЕНЬЕВЪ.

¹⁾ Ошибочно было бы, однако, предполагать, что никто изъ французскихъ критиковъ не рѣшился сказать правду о второй части „Légende des siècles“. Почти въ одно время съ напечатанiемъ статьи Э. Зола въ „Вѣстникѣ Европы“ появилась въ „Revue des Deux-Mondes“ статья Сенъ-Рене-Тальианде, въ которой онъ приходитъ почти къ тѣмъ же выводамъ, какъ и Зола, только съ другой точки зрѣнiя.

ИЗЪ МОЕЙ ЗАПИСНОЙ КНИГИ

ВЪ СИЦИЛИИ

Окончаніе.

V *).

Катанья.

Der Sanger sprach: Hier bleib' ich gern;
Bin hier der Sonne nah;
Hier ist, was Dichtermund erzahlt,
Vom Land Arcadia;
Hier glanzen Himmel, Erd' und Meer,
Wie ich's im Traume sah.
Bayard Taylor.

Кому не случалось уносить гораздо больше пріятныхъ впечатлѣній изъ общества, въ которое попадаешь, не рассчитывая веселиться, нежели изъ праздника, къ которому долго готовился?

То же самое повторяется и во время путешествія: мы вступаемъ въ иной городъ съ чувствомъ почтенія, какое внушаетъ намъ его всемірное историческое или художественное значеніе, и съ полной готовностью восхищаться, трогаться, благоговѣть, и выѣзжаемъ изъ него утомленные, недовольные, потерявъ одной иллюзіей больше. А тутъ за эту потерю насъ вдругъ вознаграждаетъ другой городъ, ничѣмъ не отмѣченный въ нашей до-

*) См. выше: июль, 206 стр.

рожной программѣ, вознаграждаетъ прекраснѣйшими часами, которые мы въ немъ проводимъ и за которые мы тѣмъ болѣе благодарны, что вовсе на нихъ не рассчитывали, и по тому самому принимаемъ ихъ какъ неожиданный даръ милостивыхъ боговъ.

Такъ было съ нами въ Катаньѣ. Дни, проведенные нами тамъ, принадлежать къ числу прекраснѣйшихъ не только во время путешествія по Сициліи, но и по всей Италиі.

Конечно, многое содѣйствовало тому, чтобы особенно подстрекнуть нашу впечатлительность ко всему нами видѣнному и слышанному. Еще свѣжо было впечатлѣніе печали, произведенное на насъ Палермо съ его безнадежно-погибшимъ величіемъ и суровыми горами, тѣснящими его со всѣхъ сторонъ къ самому морю. Мы еще не оправились отъ длинной, утомительной, торопливой, похожей подъ конецъ на бѣгство, тридцатичасовой поѣздки; члены наши еще ныли, передъ глазами носилось зеленое покрывало дождевыхъ облаковъ, которые такъ безжалостно скрыли отъ насъ знаменитый видъ изъ Таормины и изъ-за нихъ выступалъ угрожающій образъ злого циклопа.

И вотъ, мы очутились въ прелестномъ, уютномъ, чистенькомъ, трудолюбивомъ, промышленномъ, оживленномъ городѣ, и при этомъ никакихъ историко-археолого-критическихъ задачъ: никакого иного дѣла, кромѣ какъ отдыхать, бродить по окрестностямъ, глядѣть на пирамиду Этны со всевозможныхъ пунктовъ и наслаждаться мыслью, что намъ никуда не надо лазить... Чего нужно еще безобидному путешественнику, утомленному и быть можетъ чуть-чуть пресыщенному долгимъ, непрерывнымъ странствованіемъ по итальянской Кампаньѣ, если при этомъ у него есть еще хорошее помѣщеніе, внимательная прислуга, прекрасный столъ и отличный погребъ?

Даже и этимъ послѣднимъ преимуществомъ, хотя и ничтожнымъ для возвышенной души тевтонскаго странника, мы пользовались въ отелѣ, расположенномъ въ сосѣдствѣ съ станціей желѣзной дороги, и который, если не ошибаюсь, содержится однимъ швейцарцемъ, во всякомъ случаѣ никакъ не итальянцемъ: вѣжливымъ, услужливымъ, но вообще молчаливымъ и даже меланхолическимъ человѣкомъ. Находилась ли эта меланхолія въ связи съ пребываніемъ молодой родственницы, занимавшейся ховайствомъ этого вдовца—это осталось для меня нерѣшеннымъ вопросомъ. Я знаю только одно: самая красивая дѣвушка, какую я видѣлъ въ свое слишкомъ четырехмѣсячное пребываніе въ Италиі, была не итальянка.

Въ вечеръ нашего прибытія, къ пережитымъ уже нами при-

ключеніямъ присоединилось еще новое. Мы сидѣли въ своемъ салонѣ за ужиномъ, перебирая, по обычаю путешественниковъ, все пережитое нами за день и поздравляя другъ друга, что такъ удачно выбрались изъ негостепріимной Таормины: «радуясь въ сердцѣ, что сами спаслись отъ смерти», декламировалъ я; — «и не въ сокрушеніи великомъ о милыхъ мертвыхъ», продолжалъ спутникъ, слегка искажая стихъ.

Онъ любезно поклонился при этомъ, приложивъ руку къ груди, какъ вдругъ поблѣднѣлъ и пробормоталъ извиненіе, всталъ и вышелъ изъ комнаты. Я подумалъ, что онъ внезапно почувствовалъ себя дурно и надѣялся, что дурнота эта скоро пройдетъ. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся и, повидимому, совсѣмъ непринужденно продолжалъ начатый разговоръ, но облако лежало на его всегда веселомъ лицѣ. Сначала онъ отрицалъ это, но потомъ сдался и проговорилъ:

— Вы правы: попутчики должны обо всемъ сообщать другъ другу, о непріятномъ, какъ и о пріятномъ, тѣмъ болѣе, когда этого никакъ нельзя скрыть. И если подтвердится то, въ чемъ я больше не сомнѣваюсь, то все равно—такъ или иначе, а мнѣ придется обратиться къ вамъ: за исключеніемъ тѣхъ немногихъ лиръ, которыя имѣетъ при себѣ Катароцци, я остался безъ гроша денегъ: я потерялъ свой портфель.

Нашъ пріятель сказалъ это, смѣясь; но это было вовсе не смѣшно—и ему, полагаю, менѣе, тѣмъ кому бы то ни было. Въ портфелѣ находилось, кромѣ довольно значительной суммы наличными деньгами, также и его кредитивъ (на 1000 ф. стерл.). Къ этому: книжка чѣковъ, дорогія для него письма, записки и пр. Прямой убытокъ былъ еще наименѣе важный, но тѣ неудобства, та путаница, безвонечныя хлопоты и возня, какія неизбежно влекла за собой потеря документовъ... это было нестерпимо. Нашъ пріятель и не скрывалъ этого. Посланы были немедленно телеграммы въ Палермо къ хозяину отеля «Trinastia», въ Мессину, къ капитану нашего корабля; въ Таормину, — гдѣ при безпрестанномъ переодѣваніи, благодаря непрерывно шедшему дождю, портфель было такъ легко потерять, — послыался самъ Катароцци, лично, въ тотъ же вечеръ съ послѣднимъ поѣздомъ.

Бѣдный Катароцци! онъ не сказалъ ни слова; это входило въ его обязанности оруженосца, но не было пріятно... Нѣтъ, этого не могъ требовать или ожидать ни одинъ рыцарь въ мирѣ, какъ бы мало онъ ни безповолялся о впечатлѣніяхъ своего оруженосца: не легко было ему выполненіе этой обязанности. Кто могъ поручиться за то, что когда онъ выйдетъ на станціи изъ

вагона сегодня въ 12 часовъ ночи, первое лицо, повстрѣчающееся ему, не будетъ циклопъ съ его соумышленниками? А дорога въ Таормину, какъ читатель, вѣроятно, еще помнить, длинна и крута, а ночь по всей вѣроятности будетъ темна, хоть глазъ выколи. Невесело было объ этомъ думать... Однако, дѣлать нечего, и нашъ пріятель замѣтилъ: «за грѣхи королей расплачиваются честные ахейцы!»

Вдругъ дверь отворяется—и входитъ Катароцци. Полное, какъ мѣсяцъ, лицо его, обрамленное густой бородой, сіяло радостью, а въ рукѣ онъ держалъ портфель! Весьма понятное нежеланіе совершать предстоявшее ночное путешествіе еще усилило его врожденную смѣлливость и догадливость. Онъ перерылъ все въ комнатѣ своего господина, наконецъ, отодвинулъ стулъ изъ-подъ стола, покрытаго сватертью... а на стулѣ-то какъ разъ и лежалъ портфель. Нашъ пріятель самъ положилъ его на стулъ: теперь онъ очень отчетливо припоминалъ это обстоятельство, а затѣмъ пододвинулъ стулъ, стоявшій у него на дорогѣ, подъ столъ!

Во избѣжаніе на будущее время непріятныхъ послѣдствій такой минутной разсѣянности и забывчивости (которымъ мы, рыцари, слишкомъ подвержены), честный оруженосецъ былъ немедленно провозглашенъ хранителемъ портфеля и удалился съ гордымъ чувствомъ, что золотая ноша прибавилась ко всѣмъ другимъ его ношамъ и на сто лиръ богаче, которыя щедрый господинъ немедленно переложилъ изъ своего портфеля въ собственный его, Катароцци, выслушавъ его застѣнчивую благодарность.

Шляясь на другое утро по улицамъ Катаньи, мы представляемъ себѣ—не безъ злораднаго удовольствія,—какое разочарованіе ожидаетъ романическаго путешественника, который питаетъ законное желаніе быть вознагражденнымъ за потраченные деньги, время и труды ежеминутными чудесами... и вотъ, вдругъ тутъ, въ Катаньѣ, у подошвы Этны, прохаживаясь по прекраснымъ, прямымъ улицамъ, онъ находитъ все такимъ же точно, какъ и у себя дома, въ Берлинѣ или во Франкфуртѣ. Вотъ тѣ же самыя изящныя ювелирныя, шоловые товары, тѣ же самыя выставки художественныхъ произведеній, нотъ, книгъ и проч. Магазины съ такими же выставками на окнахъ и такими же приващивками, а передъ прилавками такія же элегантныя дамы; на тротуарахъ тѣснится, спѣшить такая же публика, съ дѣловыми, озабоченными лицами, расхаживаютъ такіе же зѣваки; вонъ тамъ, у угла, стоитъ экипажъ, изъ котораго дома непременно бы вышла наша знакомая, баронесса N.; вонъ тамъ катятся такія же откыр-

тыя дрожжи (но только здѣсь они дѣйствительно ватятся), и приходится только удивляться, что никто изъ встрѣчныхъ не машетъ намъ рукой, или не кричитъ черезъ всю улицу: «завтра! завтра!»

Но, конечно, есть тутъ—въ этомъ прекрасномъ кварталѣ съ всемірною физиономіею—нѣчто такое, что живо напоминаетъ намъ о томъ, что мы дѣйствительно находимся «на дальнемъ югѣ» и въ весьма замѣчательномъ мѣстѣ. И прежде всего—солнце! Св. Панкратій! какое солнце! Хотя теперь и наступила уже вторая половина мая, но мы гуляемъ еще довольно рано поутру, а такого солнца не бываетъ во Франкфуртѣ или Берлинѣ и въ исключительные, июльскіе жары! Термометръ въ лавѣ, гдѣ нашъ пріятель покупаетъ себѣ синіе очки, показывааетъ въ тѣни 28° Реомюра. Со всѣмъ тѣмъ вовсе не душно; напротивъ того, несмотря на жару, съ наслажденіемъ дышаешь чистый, голубой воздухъ! Но какая сила свѣта! Точно будто нѣсколько солнцъ свѣтитъ за-разъ, и съ правой, и съ лѣвой стороны, на широкія, прямыя улицы, идущія съ юго-востока къ сѣверо-западу! Какъ густо должно было быть вчера облачное покрывало, что это солнце, которое стояло же, однако, гдѣ-нибудь на небѣ, не могло черезъ него проникнуть! или же—какъ сильно поддѣйствовали карательныя мѣры таорминцевъ на упрямаго святого.

Мы, наконецъ, обрадовались, когда переходимъ отъ нарядной прозы широкихъ улицъ въ сравнительно темныя, узкіе и кривыя переулки, ведущіе къ гавани. Конечно:

Se Catania avesse porto,
Palermo sarebbe morto...

давно уже сказано намъ, а это значитъ въ переводѣ на простой языкъ: если бы у Катаньи была гавань, то Палермо давнымъ-давно заглохло бы—изъ чего мы можемъ заключить, что Катанья не пользуется этой необходимѣйшей для морского города принадлежностью. Но это не вполне такъ: гавань-то есть, но она мала и не глубока, и не безопасна, несмотря на молъ, сооруженный жителями Катаньи въ теченіи долгихъ годовъ и съ большими издержками.

Со всѣмъ тѣмъ нѣкогда была эта гавань и велика, и глубока, и безопасна. Но Этна, всемогущій властелинъ всей Сициліи вообще, а Катаньи въ особенности, порѣшила иное, и въ 1669 г. выслала громадный потокъ лавы на городъ, лежавшій на берегу бухты, и при этомъ форма самой бухты (включая сюда и гавань) видоизмѣнилась и приняла форму, неблагоприятную для торговли и судоходства, къ великому огорченію катанцевъ.

Мы знали изъ Муррея, что нигдѣ не можемъ лучше изучать этотъ потокъ лавы во всемъ его тогдашнемъ дѣйствіи и образѣ, какъ на виллѣ Scabrosa, которую одинъ англійскій путешественникъ называетъ величайшей достопримѣчательностью Катаньи. «Эта вилла, — говоритъ Муррей, — выстроена въ прошедшемъ столѣтїи княземъ Игнатіемъ Бискари непосредственно на руслѣ потока лавы, какъ разъ тамъ, гдѣ онъ текъ въ море. Миновавъ кладбище, попадаешь на потокъ лавы, черный, какъ уголь, твердый, какъ желѣзо, вздымающійся самыми причудливыми волнами, которыя дѣлаютъ хожденіе по немъ почти невозможнымъ».

Все это было совершенно вѣрно, хотя намъ вовсе не легко было столкнуться съ извошникомъ, котораго мы наняли по близости отъ гавани, и забраться такъ далеко. Мы проѣхали кладбище, затѣмъ нѣсколько маленькихъ, узкихъ улицъ, мимо рыбацкихъ хижинокъ, расположенныхъ въ нѣкоторомъ отдаленіи другъ отъ друга, наконецъ черезъ пространство, покрытое золой отъ лавы, по колѣно глубиной, добрались до того мѣста, гдѣ уже ѣхать дальше было невозможно, и намъ пришлось выдти изъ экипажа и продолжать свой путь по «черной какъ уголь, твердой, какъ желѣзо» и пр. лавѣ, постоянно ожидая на каждомъ поворотѣ дорогѣ, огибавшей громаднаыя глыбы, продолженія программы, гласившей: «но здѣсь неутомимый князь выровнялъ грубыя скалы, выстроилъ дома и вывопалъ два громадныхъ пруда съ прѣсной водой, которые питаются источниками, пробивающимися изъ самой лавы».

Но удивительное однако дѣло, что всего этого... и видомъ не видать. Мы искали на-право, искали на-лѣво; ходили по тропинкамъ (которыя дѣйствительно тамъ имѣлись) до тѣхъ поръ, пока онѣ не обрывались; мы карабкались съ опасностью если не для жизни, то для нашихъ сапогъ — по острымъ, какъ стекло, обломкамъ лавы и горамъ; затѣмъ вернулись назадъ къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ нашъ экипажъ возлѣ одно-этажнаго домика, гдѣ обрѣталось нѣсколько женъ рыбаковъ, съ удивленіемъ слѣдившихъ за нашими походами. Мы усердно просили кучера и рыбацкихъ дамъ указать, какъ намъ пробраться черезъ это море лавы къ тому раю, который нашъ Муррей такъ соблазнительно описывалъ; сказать намъ всю правду, хотя бы даже она заключалась въ томъ, что Муррею прегрезнилось все это, или что новое землетрясеніе поглотило всѣ эти прелести и что — мало ли чего не бываетъ съ земными красотами, да еще въ Сициліи — эти одно-этажныя, грязныя хижины, въ оконныхъ отверстіяхъ которыхъ развѣвалось на пестяхъ оборванное бѣлье, и суть та самая пре-

прославленная вила Скаброва или то, что отъ нея осталось на землѣ (или на лавѣ). — Тщетны были наши мольбы, просьбы, ласковыя рѣчи; тщетно прибѣгали мы къ своему краснорѣчію и пускали въ ходъ все наше знаніе итальянскаго языка. Если бы мы говорили похуже по-итальянски или бы они говорили на немъ получше, то, быть можетъ, мы бы поняли другъ друга! Но теперь скорѣе Архимедъ нашелъ бы квадратуру круга, чѣмъ мы поняли бы, что они намъ толкуютъ, или они то, о чемъ мы у нихъ спрашиваемъ. Я не увѣренъ, чтобы подъ конецъ не были произнесены тѣ сильныя выраженія, которыми облегчаетъ себя нѣмецкій духъ, когда онъ бываетъ удрученъ. И хотя женщины съ ихъ прирожденной добротой не потеряли терпѣнія съ чужестранцами, которые вѣроятно казались имъ немного помѣшанными, и не уставали обдавать насъ потоками своего краснорѣчія, но кучеру все это, повидимому, надоѣло хуже горькой рѣдьки и онъ далъ намъ понять выразительными жестами, что вовсе не намѣренъ дожидаться здѣсь полуденнаго солнца, и что если у насъ есть еще здѣсь какое-нибудь дѣло, то чтобы мы торопились его обдѣлать.

Поэтому мы рѣшились сдѣлать то, съ чего намъ слѣдовало начать: мы послѣдовали указанію, скрывающемуся въ послѣднихъ строчкахъ мудраго Муррея, посвященныхъ описанію этой величайшей достопримѣчательности Катаньи: «это безутѣшное и для постройки замка столь непригодное мѣсто господствуетъ за то надъ самымъ прекраснымъ видомъ на Катанью съ Этной на заднемъ планѣ».

Это тоже было совершенно вѣрно. Тамъ, гдѣ скалистый берегъ, на которомъ мы стояли, выгибается рѣзкой дугой на-право, начинается городъ, раскинувшійся прямой линіей за безконечнымъ желѣзнодорожнымъ виадукомъ съ его стройными домами, плоскими крышами, высоко вздымающимися колокольными соборами и монастырями и цѣлымъ лѣсомъ мачтъ вдали, обрамляющимъ послѣднія окраины города къ сѣверу, со стороны Сиракуз... и все это сияетъ, сверкаетъ, блеститъ на солнцѣ, а на переднемъ планѣ сверкаетъ, блеститъ яркое море.

На заднемъ же планѣ красуется, «изъ горъ гора», которая съ этого пункта представляется пирамидой, почти съ равномерными боками, срѣзанными сначала подъ 65° угломъ, а затѣмъ подъ 75° и такъ высоко вздымается надъ городомъ и гаванью, что эти послѣднія кажутся лишь блестящей пряжкой на ея башмагѣ.

На лакированномъ, черномъ башмагѣ, который такъ далеко

выставился, что морская пѣна обдаётъ его подошву или лучше связать черную обнаженную ногу. А не то, бросимъ-ка мы лучше все это сравненіе, которое, въ сущности, не вызываетъ никакой картины, и пусть читатель представить себѣ морской берегъ, возвышающійся мѣстами на тридцать-сорокъ футовъ въ вышину (это тотъ самый, на которомъ мы стоимъ и съ котораго глядимъ на гавань, городъ и Этну), и представить себѣ этотъ берегъ въ расщелинахъ, покрытыхъ обломками и каменными глыбами, и самой причудливой формы, и этотъ причудливый берегъ весь опоясывается буруномъ, катящимъ длинна, голубья, съ бѣлымъ пѣнистымъ гребнемъ волны, которая разбиваются между остѣпительно-черными каменными глыбами. И затѣмъ—повторяю—на заднемъ планѣ, надъ сверкающимъ моремъ возвышается сверкающій городъ, а позади него виситъ пирамида колоссальной горы, позлащенная болѣе мягкими тонами въ голубомъ эфирѣ, который сегодня такъ небесно прозраченъ, что не въ состояніи вынести ни одного облачка, — и вотъ онъ получить «за то» (то-есть за то, что я такъ долго держу его на этомъ мѣстѣ) представленіе «о самомъ прекрасномъ видѣ на Катанью».

Мы той же самой дорогой вернулись въ городъ; расплатились съ кучеромъ, который смертельно былъ радъ развязаться съ непонятными и безтолковыми сѣдовами, и углубляемся въ кварталъ, окружающій гавань. Черезъ улицы и переулки, мимо рынка, на которомъ весело толпится пестрая публика, состоящая изъ рыбаковъ, рыночныхъ торговцевъ и т. п. люда, и который не блещетъ чистотой, мы добираемся до другой достопримѣчательности Катаньи, которую разыскиваемъ, до колодца, который заслуживаетъ, чтобы его разыскали, потому что другого подобнаго ему нѣтъ въ цѣломъ мірѣ.

Онъ находится какъ разъ возлѣ старой городской стѣны, но которой болѣе совсѣмъ не видать, такъ какъ, тотъ знаменитый потокъ лавы, по руслу котораго мы только-что прохаживались, когда дотекъ до этого мѣста и встрѣтилъ слишкомъ сильное препятствіе въ толстой стѣнѣ, то постарался, видя, что ему не удастся пробить ее, перешагнуть черезъ нее. Это удалось ему—и съ избыткомъ, потому что онъ не только достигъ высоты стѣны, но еще вадулся футовъ на тридцать-сорокъ выше, занявъ цѣлый кварталъ и обломки его покрылъ весьма солиднымъ слоемъ лавы. Само собой разумѣется, кварталъ снова выстроился (мы только-что проходили по немъ) на черной могильной плитѣ скороннаго (мимоходомъ замѣчу, что почти половина всей Катаньи выстроена изъ этой самой могильной плиты, т.-е. изъ лавы) квар-

тала. Все снова пришло въ порядокъ, теперь даже жили двумя этажами выше, привольнѣе, веселѣе, но только-что тѣ нѣсколько колодцевъ, которыми пользовался кварталъ, были теперь замурованы и оставались замурованными въ теченіи цѣлаго столѣтія или около того, пока, наконецъ, тотъ самый хитроумный князь Бискари, которому мы обязаны «прекраснѣйшимъ видомъ», придумалъ на радость людей снова откопать колодцы, обратившіеся въ преданіе. По-истинѣ княжеская мысль! Какъ должно быть радовался народъ, съ жаднымъ любопытствомъ слѣдившій за работою землекоповъ, когда, наконецъ, подъ ударами заступа брызнула драгоценный источникъ изъ черной лавы! Облагоудѣлствовать цѣлое населеніе—это сознаніе, по моему мнѣнію, можетъ скорѣе усладить послѣдній, смертный часъ, нежели воспоминаніе о многихъ выигранныхъ сраженіяхъ. Честь и слава памяти добраго князя!

И какое прекрасное зрѣлище открылось нашимъ глазамъ, когда, прислонившись къ краю окружающей колодецъ балюстрады, мы смотримъ внизъ на расщелистыя, черныя стѣны кратера, на дно котораго ведетъ лѣстница изъ 63 ступенекъ и откуда брызжетъ вода изъ нѣсколькихъ трубокъ, и въ такомъ изобиліи, что сколько бы ее ни черпали, она постоянно наполняетъ громадный бассейнъ изъ лавы, къ которому безпрестанно сплываютъ по лѣстницѣ шумливыя прачки съ полными или пустыми кувшинами на головахъ, подперевъ бокомъ правую или лѣвую руку. А по правую руку стоятъ домики изъ лавы—счастливыхъ, невинныхъ жителей, которые далеко не всѣ свои лохмотья напялили на себя или сдали на попеченіе прачекъ: изъ каждаго окна, подъ каждой крышей развѣваются пестрыя лоскуты. Слава, слава памяти добраго, благороднаго князя!

Солнце все выше и выше поднимается въ небѣ, все короче и короче становятся тѣни даже въ этихъ узкихъ, кривыхъ улицахъ. Мы доходимъ до широкой и лишенной всякой тѣни площади Слезивореа и подвергаемся сильному искушенію. Мы знаемъ, что тутъ входъ въ развалины античнаго амфитеатра, который былъ такъ обширенъ, что и теперь еще цѣлый монастырь помѣщается на его аренѣ, между тѣмъ какъ окружавшія его стѣны и каменныя сидѣнья—разрушенныя, покрытыя лавой,—были заново выстроены и обломки ихъ можно видѣть и теперь подъ землей или, вѣрнѣе, сказать подъ лавою «при свѣтѣ факеловъ». Это вѣдь очень соблазнительно, но мы стоимъ въ нерѣшимости на улицѣ подъ палящими лучами солнца. Мы поклялись себѣ до самыхъ Сиракузъ, гдѣ намъ предстоитъ много работы, не осматривать

наимѣренно ни одного мѣста, съ которымъ связано какое-нибудь историческое воспоминаніе, къ которому мы должны подыскивать изъ нашихъ путеvodителей имена, факты, числа. Поэтому мы заткнули уши, чтобы не слышать крикъ проводниковъ, осаждающихъ входъ въ амфитеатръ, и за это награждены на Пьяцца дель-Дуомо, на которую вскорѣ попадаемъ, самой тѣнистой прохладой и самымъ веселымъ зрѣлищемъ.

Въ тѣни громаднаго собора, ограничивающаго съ востока прекрасную площадь, помѣстился очень разряженный шарлатанъ съ своей повозкой, столомъ, операционнымъ стуломъ и всѣми другими принадлежностями. На столѣ стояли бутылки и стаканы, и шарлатанъ наливалъ изъ нихъ крайне подозрительныя красныя и зеленыя жидкости, мѣшая ихъ стеклянной палочкой, подносилъ смѣсь къ свѣту, пробовалъ ее, строилъ гримасы восторга или ужаса, ораторствовалъ, декламировалъ, приглашая купить его снадобья... И все это втунѣ, какъ казалось, потому что никто изъ толпившейся вокругъ публики, начиная съ изыщѣннѣйшихъ зѣвакъ и кончая оборванными лаззарони, и начиная съ нарядныхъ дамъ, подъ кружевными вуалями, только-что вышедшихъ отъ обѣдни, и кончая дѣвушкой съ кувшиномъ, полнымъ водою, на головѣ, которая только-что пришла отъ колодца...—вся эта пестрая толпа зрителей слушала рѣчи, дарила удачныя остроты громкимъ хохотомъ, но никто не хотѣлъ входить на платформу, хотя докторъ неоднократно выставлялъ на показъ то свои ослѣпительно-бѣлые зубы, то свои страшныя инструменты, которыми онъ съ торжествомъ помахивалъ надъ своимъ цилиндромъ и затѣмъ движеніемъ руки приглашалъ занять мѣсто на его операционномъ стулѣ. Наконецъ, одинъ старый поселянинъ, съ подвязанной пестрымъ платкомъ щекой, рѣшился и взглялъ на эшафотъ, гдѣ нарядный баринъ встрѣтилъ его со всѣмъ вниманіемъ, подобающимъ старости и страданію, и усадилъ на стулъ, гдѣ онъ долженъ былъ красоваться какъ ужасный примѣръ того состоянія, въ которое приходятъ несчастные, питающіе безумную мечту, что они могутъ дожить до свѣтлой и здоровой старости, не прибѣгая къ искусству д-ра Бартоло. Въ самомъ дѣлѣ, состояніе старика было, должно быть, ужасающее, если судить по минамъ и жестамъ доктора (словъ мы не могли разобрать вполнѣ, во 1-хъ, вслѣдствіе разстоянія, во 2-хъ, вслѣдствіе того, что онъ зачастую, ради комизма, прибѣгалъ къ областному нарѣчію). Онъ всплеснулъ руками, по окончаніи изслѣдованія, дившагося очень долго и при которомъ онъ чуть-было не свернулъ челюсть бѣдной жертвѣ, и, воздѣвъ руки къ небу, началъ громкимъ голосомъ призы-

вать Бога, св. Дѣву и всѣхъ святыхъ въ свидѣтели, что онъ видѣлъ нѣчто ужасающее, и умоляя ихъ помиловать этого несчастнаго не столько посредствомъ его искусства (потому что тутъ ниваго искусство не поможетъ), сколько посредствомъ чуда.

Само собой разумѣется, что все это отъ начала до конца — то-есть слѣдующая затѣмъ операція и съ триумфомъ показанный всѣмъ, вырванный громадный зубъ—одна только комедія, но разыгранная съ такимъ жаромъ, съ такимъ знаніемъ тѣхъ средствъ, какими можно повліять на публику, для которой все это предназначалось, что мы понимали рвеніе, съ какимъ послѣ всего этого настоящіе пациенты принялись осаждать подмостки шарлатана. Конечно, та именно публика, на которую и рассчитывал шарлатанъ: крестьяне изъ деревень, рабочіе изъ гавани, оборванные уличные тунеядцы и *habitués* церковныхъ папертей. Въ Италіи вообще для всякихъ представлений и зрѣлищъ почва благоприятна, чѣмъ гдѣ бы то ни было. По крайней мѣрѣ въ Берлинѣ нивагъ бы не могла пройти такъ спойной и прилично кукольная комедія, на которую мы попали позднимъ вечеромъ того же дня, бродя по освѣщеннымъ луною улицамъ и наткнувшись въ темномъ переулкѣ на жалкій деревянный балаганъ, въ которомъ она происходила,—маленькій чуланъ изъ досокъ, куда насъ провели, величая его торжественнымъ названіемъ ложи, хотя и приходился почти подъ самымъ потолкомъ, а не возвышался болѣе чѣмъ фута на два отъ партера. И это было удобно для того, чтобы изучить публику, собравшуюся тамъ: пара жалкихъ масляныхъ лампъ, висѣвшихъ на довольно далекомъ другъ отъ друга разстояніи, распространяла тусклый свѣтъ, при которомъ ничего нельзя было явственно разобрать въ двухъ шагахъ отъ себя. Публика была точь-въ-точь такая же, какъ и давеча на площади, за исключеніемъ крестьянъ, которые давно вернулись въ свои деревни, а также за исключеніемъ женщинъ и дѣвушекъ, изъ которыхъ здѣсь не было ни одной. Одни только мужчины, принадлежащіе къ низшимъ классамъ, тѣснились на деревянныхъ скамьяхъ, опершись локтями въ колѣни, подперевъ голову кулаками и вообще въ позахъ внимательныхъ слушателей, не обращающихъ вниманія на обстановку. Никто изъ нихъ почти не шевелился, никто не говорилъ ни слова—все безмолвовало. На сценѣ же происходило самое оживленное дѣйствіе: куклы, величиною почти въ половину человѣческаго роста, размахивали руками и ногами какъ заправскіе актеры, въ особенности одинъ рыцарь въ блестящемъ шлемѣ, голубомъ бархатномъ кафтанѣ, бѣломъ трико и высокихъ сапогахъ, который, повидимому, крѣпко

ревновалъ даму сердца въ одному опасному юношѣ, точно какой-нибудь Ринальдо Ринальдини, а можетъ быть, кто знаетъ, то и былъ самъ великій разбойникъ. То, что кричалъ при этомъ изъ-за кулисъ невѣроятно гибкій голосъ и бойкій языкъ, было для насъ «тарабарской грамотой», потому что это было все то же областное нарѣчіе, которое столько же отличается отъ настоящаго итальянскаго языка, сколько верхне-германское нарѣчіе отличается отъ нижне-германскаго.

Мы такъ глубоко погрузились въ свое *far niente*, что только утромъ слѣдующаго дня нашли въ себѣ рѣшимость приступить къ выполнению того, что мы считали своей настоящей (и единственной) задачей въ Катань: къ побѣдѣ на Этну, въ чемъ намъ очень завидовали два молодыхъ англичанина, наши сосѣди по комнатамъ и балконамъ. Не то, чтобы они не собирались сами посѣтить Этну... напротивъ того! Они должны были взобраться на самую вершину, *должны* были, если не хотѣли упасть во мнѣніи своихъ родныхъ и знакомыхъ.—Это совершенно обязательно; каждый дѣлаетъ это съ тѣхъ поръ, какъ м-ръ Гладстонъ побывалъ тамъ въ 1838 году и напечаталъ свой знаменитый рассказъ объ этомъ путешествіи,—говорилъ мнѣ одинъ изъ нихъ.—Мы знаемъ его навзусь, мы прочитали все, что когда-либо было написано объ Этнѣ, мы могли бы, не побывавъ тамъ наверху, подробно рассказать обо всемъ, что тамъ находится, но...—и онъ пожалъ плечами и съ меланхолическимъ видомъ принялся разсматривать маленькое, бѣлое облачко, висѣвшее съ правой стороны горы, возлѣ самой ея верхушки.

— Вонъ, оно стоитъ тамъ уже четыре дня,—продолжалъ молодой человекъ,—а проводники утверждаютъ, что, пока оно не разсѣется, нѣтъ никакой возможности рассчитывать на ясный солнечный восходъ; потому что оно, за часъ передъ восходомъ, расширяется, окутываетъ всю вершину и принимаетъ свои уменьшенные размѣры лишь часъ спустя послѣ восхода солнца. Но восходъ солнца! милостивый государь!—это, видите ли,—штука!.. Брайдошъ говорить, что, быть можетъ, ни съ какого пункта вселенной красота творенія не представляется яснѣе, какъ съ этого мѣста въ удачный моментъ. Катрфажъ видѣлъ съ горы Палермо на западъ; на сѣверъ, еще отчетливѣе Липарскіе острова съ черной, правильной пирамидой Стромболи, и могъ при этомъ различить каждое углубленіе берега по дорогѣ къ Мессинѣ и бе-

реговья свалы Калабрии. Адмиралъ Смитъ исчисляетъ радіусъ длины круговора съ вершины горы въ 150 англійскихъ миль, между тѣмъ, какъ лордъ Ормондъ утверждаетъ, что заливъ Тарентскій блестѣлъ у него передъ глазами на солнцѣ, а зубчатая линия горъ Terra di Secce, по ту сторону залива, темной чертой вырѣзалась на небѣ, хотя разстояніе до нихъ составляетъ 245 миль. М-гъ Гладстонъ... но вотъ ваша карета!.. Счастливаго пути!

Иронически-грустное пожеланіе юной жертвы неизбежнаго путешествія исполнилось какъ-нельзя лучше: мы совершили восхитительную поѣзду по длинной, прямой, чуть-замѣтно поднимающейся въ гору улицѣ Этны, въ концѣ которой гигантская гора кажется какъ-бы Гулливеромъ въ городѣ Лиллипутовъ и которая за воротами города переходитъ непосредственно въ большую дорогу. По этой послѣдней мы ѣхали, уже замѣтно поднимаясь въ гору, черезъ ту ея область, которая, по своему положенію, можетъ быть названа *piedimontana*, а по своему характеру *colta* или *fertile*. Въ самомъ дѣлѣ, никакими словами нельзя изобразить живописность, плодородіе и роскошь растительности этой области горы,—говоритъ нашъ Муррей,—а потому я не стану и пытаться сдѣлать то, что объявлено невозможнымъ и ограничусь только мольбой въ богамъ, чтобы они даровали каждому доброму человѣку (только не англичанину, котораго безъ всякаго милосердія слѣдуетъ гнать до самой вершины) совершить прекраснымъ утромъ, въ пріятномъ обществѣ, въ покойномъ, запряженномъ тремя бодрыми конями экипажѣ поѣзду въ Николози. Онъ повстрѣчаетъ при этомъ случаѣ много пестрыхъ телѣжекъ, запряженныхъ бойкими лошадами; увидитъ домики изъ лавы, увитые розами, окруженные оливковыми и апельсинными садами, и обитаемые смиренными, довольными своей судьбой людьми; будетъ проѣзжать по глубокой, черной золѣ лавы и затѣмъ снова по гладкой мостовой изъ лавы—и при этомъ пить столько солнечныхъ лучей, какъ рѣдко, быть можетъ, приводилось ему въ жизни, въ теченіи столь короткихъ часовъ. Передъ нимъ будетъ все время красоваться прекрасная пирамида горы, къ вершинѣ которой онъ, повидимому, нисколько не приблизился, хотя ѣхалъ уже цѣлыхъ три часа и находится теперь на высотѣ 2,264 англійскихъ футъ надъ уровнемъ моря. Такъ какъ самъ волосъ насчитываетъ 11,000 футъ высоты, то остается еще четыре-пятыхъ пути до вершины. Здѣсь, въ Николози, все еще не оканчивается такъ-называемая «*piedimontana*», то-есть подошва горы, но идетъ дальше по откосу горы—до того пункта, гдѣ подъѣмъ становится круче и начинается настоящее восхожденіе на гору. Это почти

то же отношеніе, что и на Везувіи, когда достигнешь обсерваторіи и оттуда поглядишь черезъ поля лавы на вершину. Только что здѣсь тамошнія пропорціи увеличены въ три или въ четыре раза, какъ оно и подобаетъ горѣ, основаніе которой въ своей периферіи насчитываетъ около 30-ти нѣмецкихъ миль, между тѣмъ какъ Везувій стоитъ на дѣтскихъ ножкахъ въ 7 миль въ окружности.

Но хотя мы все еще находимся на «*piedimontana*», въ «обработанной и плодородной области» горы, но видимъ, что достигли ея конца. Это замѣтили бы мы, если бы глаза не докладывали намъ этого, уже потому, что кругомъ не видать больше ни одного деревца, ни одного листочка, по глубокой золѣ, по которой намъ приходится теперь странствовать, когда мы покидаемъ маленькое, застроенное низенькими домиками изъ лавы мѣстечко, чтобы поискать лучшаго вида на «*Monti rossi*». Это близнецы-кратеры, которые, при изверженіи 1669 г. (слѣды котораго мы разыскиваемъ въ потѣ лица своего), выросли изъ южной равнины на 450 футъ въ вышину и получили свое названіе отъ краснаго цвѣта шлаковъ, изъ которыхъ состоятъ. Они находятся въ полу-миль отъ мѣстечка, и намъ слѣдовало бы посѣтить ихъ, какъ цѣль, къ которой стремится всякій порядочный путешественникъ (Гете, напримѣръ), и взойти на нихъ. Но мы относимся къ дѣлу не такъ строго; мы даже считаемъ большой жертвой, приносимой нами любовнательности, когда слѣдуемъ за однимъ сѣдовласымъ здѣшнимъ уроженцемъ, который къ намъ присосѣдился и взялся показывать то, что онъ называетъ «*Nicolosi vecchio*». Если «старое Николози» было похоже, какъ это слѣдуетъ предполагать, — на новое, то въ немъ нѣ на что смотрѣть; но мы не могли не разсмѣяться, когда сѣдовласый проводникъ, протаскивъ насъ на нѣсколько тысячъ шаговъ по золѣ лавы, остановился у края воронкообразной ямы, глубиной въ какихъ-нибудь футъ двадцать, и смуглымъ пальцемъ указалъ на дно воронки, на которомъ лежала груда кирпичныхъ обломковъ, которые легко можно было бы набросать туда за десять минутъ «*ad hoc*», совершенно серьезно проговорилъ: «*ecco, Nicolosi vecchio!*» И смуглые, оборванные дѣти, мальчики и дѣвочки, точно также поглядѣли въ воронку, приготовляясь, должно-быть, къ своей будущей роли проводниковъ, и затѣмъ проводили насъ въ нашу гостинницу, гдѣ мы освѣжили пересохшее горло апельсинами и туземнымъ виномъ, а проснувшійся послѣ долгой ѣзды голодъ утолили простымъ бѣлымъ хлѣбомъ. Фрукты, вино и зерно созрѣли, по сказанію нашего добродушнаго хозяина, на почвѣ Николози. Слѣдовало ему

вѣрить, принимая во вниманіе, что мѣстечко насчитывало около 3,000 жителей, которые не могли же питаться исключительно воздухомъ, какъ бы чистъ и освѣжительно онъ ни былъ. Но гдѣ скрывались тѣ сады и поля—осталось для насъ тайной. Быть можетъ, въ той или другой складкѣ расщелистаго и неровнаго грунта. Подъ этимъ благословеннымъ небомъ, на этой изумительной почвѣ достаточно малѣйшей жилки воды, чтобы превратить мрачную пустыню въ цвѣтущій рай!

Послѣ того, мы спустились въ долину и путешествіе по долинѣ показалось мнѣ еще восхитительнѣе, нежели путешествіе вверхъ по горѣ. Солнце стояло уже довольно низко и тысячи подробностей, которыя сегодня утромъ пропадали при ослѣпительномъ солнечномъ сіяніи, теперь рельефно выступали при мягкомъ, вечернемъ освѣщеніи: рощи и плодовые сады, монастыри и деревни. Позади насъ уходила высоко-высоко въ розово-зеленоватый эфиръ волосальная пирамида; передъ нами раскидывалось лазурное море на необозримую даль... У ногъ нашихъ—Катанья, съ своими бѣлыми домами, церквами, монастырями, вся утопущая въ яркомъ, аломъ сіяніи. Хотѣлось бы имѣть глаза—спереди, сзади и съ боковъ, и мы почти все время простояли въ экипажѣ, чтобы не проглядѣть то или другое, чтó каждый изъ насъ усматривалъ ежеминутно.

Для вечера, заботливый Катароцци устроилъ и подготовилъ намъ особенное наслажденіе: концертъ на знаменитомъ органѣ въ знаменитомъ бенедиктинскомъ монастырѣ. Знаменитость того и другого, т.-е. органа и монастыря, главнымъ образомъ—количественная, потому что послѣдній считается вторымъ по величинѣ изъ всѣхъ монастырей христіанскаго міра, а первый—даже самымъ большимъ изъ всѣхъ органовъ въ мірѣ, съ пятью, сколько мнѣ помнится, ключами и ужъ не знаю сколькоими тысячами «трубъ», изъ которыхъ не раздавалось бы больше ни одинаго звука, если бы лава 1669 г. (она опять тутъ какъ-тутъ!), приблизившись къ монастырю, на разстояніи всего какихъ-нибудь нѣсколькихъ локтей, не была вынуждена обогнуть громадное зданіе, — частью вправо, частью влѣво,—благодари, конечно, чуду!.. А именно: благодаря тому, что адской стихіи выставили навстрѣчу гвоздь, которымъ была прибита правая рука Христа ко кресту и который завѣщанъ монастырю какимъ-то королемъ (носившимъ при жизни эту реликвию постоянно на шеѣ).

Я долженъ, конечно, приписать закоренѣлому невѣрію, въ которомъ моя бѣдная душа обрѣтается съ самаго рожденія, то обстоятельство, что въ ней не проснулось ни малѣйшаго рели-

госпаго возбужденія, когда полились мощные звуки подъ высокими сводами. Я сталъ какъ можно дальше отъ органа—на хорахъ, такъ далеко, что двѣ свѣчи, зажженные для того, чтобы освѣщать ноты музыканта-монаха, блестяли, точно двѣ звѣздочки. Со всѣмъ тѣмъ между громадными столбами, когда я медленно пробирался между ними, было не темно къ моему великому изумленію, пока я, наконецъ, обогнувъ колосса, не увидѣлъ какъ разъ за собою высокое окна, въ которое свѣтила полная луна ослѣпительно ярко. То былъ одинъ изъ тѣхъ моментовъ, которые запечатлѣваются со всѣми подробностями даже въ наименѣе вѣрливой памяти, и онъ нисколько не былъ испорченъ для меня тѣмъ обстоятельствомъ, что монахъ за органомъ, вмѣсто того, чтобы играть Палестрину или Себастьяна Баха, безцеремонно разыгрывалъ аріи изъ *Troutaire*. Разумѣется, онъ могъ играть и духовную музыку; но ему не пришла въ голову, чтобы синьоры пожелали ее послушать, и вотъ онъ принесъ нѣсколько оперныхъ арій,—впрочемъ, если синьора желаетъ, то онъ живетъ тутъ неподалеку... Я, съ своей стороны, не желалъ ничего подобнаго; я находилъ жалобные, сантиментальные, романтическіе звуки вполне соответствующими свѣтлому лику луны, глядѣвшему въ священные покои, подъ мрачной сѣнью которыхъ въ темныя ночи могли носиться привидѣнія богъ вѣсть какихъ мрачныхъ и кровавыхъ тайнъ.

Но на дворѣ, въ монастырскомъ саду, можно было мечтать лишь о сладостныхъ тайнахъ: что это была за ночь! такая мягкая, чудная, лунная, волшебная ночь!

Монахи окрестили садъ названіемъ «*il Paradiso*», и не могли бы придумать лучшаго названія. На этомъ маленькомъ пространствѣ соединено все, что земля въ тепломъ климатѣ даетъ самаго лучшаго и привлекательнаго. Между тѣмъ какъ съ грядокъ несли почти одурающій ароматъ безчисленныхъ цвѣтовъ, на апельсиновыхъ и лимонныхъ деревьяхъ блестяли зрѣлые плоды; вокругъ стройныхъ кипарисовъ обвивались розы и висѣли гирляндами между темныхъ вѣтвей. А сквозь легкій ропотъ мраморнаго фонтана прорывалось по временамъ сонное щебетанье птицъ, которыя, должно быть, принимали яркій лунный свѣтъ за начинающійся разсвѣтъ. Нѣсколько меньше объемомъ, тѣмъ я видѣлъ его въ окно церкви, но еще ярче сверкая, стоялъ мѣсяцъ на небесномъ сводѣ, мягкая лазурь котораго была такъ свѣтла и прозрачна, что слова Гёте:

«И луна свѣтитъ ярче, нежели сѣверный день!»...

—не показались мнѣ преувеличеніемъ. Золотыми и серебряными потоками лился ея свѣтъ съ зубцовъ и колоннъ собора, и на порталѣ бокового монастырскаго зданія, изъ котораго мы вышли, можно было удобно изучать всѣ его фантастическія подробности. А дойдя до конца низкой террасы сада, видишь передъ собой часть города вдали, — слышимъ далеко, чтобы до насъ могъ долетѣть какой-нибудь шумъ съ его тихихъ улицъ, но достаточно близко, чтобы видѣть, какъ блестятъ и сверкаютъ шесты на его плоскихъ кровляхъ и стекла въ окнахъ, обращенныхъ къ намъ лицевымъ фасадомъ домовъ. Другія свѣтлыя точки, но блѣднѣе и рѣже, сверкали дальше направо, на какой-то темной равнинѣ, для которой мы сначала не находили никакого объясненія, пока не догадались, что это море, часть моря, на которое мы вчера глядѣли съ скалистаго берега.

Тотъ самый скалистый берегъ, который созданъ лавой, которая могла бы ступить весь этотъ рай, со всѣми его кипарисами, апельсинными и лимонными деревьями, розами, цвѣточными грядами, мраморнымъ фонтаномъ, монастыремъ, соборомъ и схоронить подъ черной могильной плитой, если бы не «свѣтой гвоздь». Какъ могли мы сомнѣваться долге въ его чудотворной силѣ! Какъ могли мы не устыдиться до глубины своей невѣрующей души, когда, поглядѣвъ на широкій ровъ, который — подобно широкому крѣпостному рву, идущему между крѣпостнымъ валомъ и крѣпостной стѣной — отдѣляетъ низенькую садовую ограду, на которой мы сидимъ, отъ черной, расщелистой, взбудораженной окрестности! Можно было бы сказать: особенное строеніе почвы заставило потокъ лавы уклониться отъ монастыря и потечь отъ него на извѣстномъ разстояніи, обусловленномъ характеромъ почвы; но при этомъ католическомъ лунномъ сіяніи, при этомъ блаженномъ ароматѣ сладкихъ розъ, наполняющемъ воздухъ... мы должны были бы по-истинѣ имѣть каменные сердца, чтобы не повѣрить здѣсь всему, что кажется невѣроятнымъ! Неужели то дѣйствительно наши тѣни такъ черно ложатся на садовую тропинку? Неужели то наши голоса нарушаютъ оживленное безмолвіе этой ночи? Или же все это не что иное, какъ прекрасный, чудный сонъ, какіе порою отъливаются въ душѣ, утомленной будничной суетой, какъ эхо потеряннаго рая?

Катародци того мнѣнія, что — спимъ ли мы или бодрствуемъ, а отпѣренное намъ время уже протекло. Онъ, какъ ангелъ, вооруженный не мечомъ, а своимъ правомъ, простоялъ на стражѣ у воротъ рая, вмѣстѣ съ экипажемъ. Это право, въ теченіи цѣлаго часа пользоваться исключительнымъ пребываніемъ въ церкви

и монастырѣ, куплено почтенной суммой денегъ. Мы не могли отказать въ первы навязчивой толпѣ постороннихъ, примкнувшихъ къ намъ безъ всякаго права, въ наслажденіи послушать концертъ и видѣли, какъ они размѣстились кучками между громадными колоннами или же усѣлись на скамьяхъ и ступенькахъ, ведущихъ къ алтарю. Но на этомъ покончилось наше снисхожденіе. Въ рай мы никого не пустили, въ рай мы хотѣли быть одни! Какую цѣну можетъ имѣть рай, который приходится дѣлить съ цѣлой толпой своихъ ближнихъ!

Но Катароцци пришлось выдержать цѣлый приступъ: ему предлагали значительныя суммы, чтобы онъ только пропустилъ въ садъ. Но онъ устоялъ, и искусители, смѣясь и ворча, удалились и съ ними вмѣстѣ кастелянъ монастыря, который, вѣроятно подъ вліяніемъ сильныхъ причинъ, желалъ, чтобы доступъ въ садъ былъ разрѣшенъ и другимъ, и теперь, въ отместку за то, что это не удалось, предоставилъ намъ выбираться какъ знаемъ въ лабиринта монастыря, второго въ свѣтѣ по своей обширности. Онъ не могъ бы доставить намъ бѣльшаго удовольствія.

Въ громадномъ зданіи, которое въ главныхъ своихъ частяхъ гораздо менѣе похоже на монастырѣ, нежели на казарму и по бѣльшей части стоитъ пустое, мы проходили по безконечнымъ и длиннымъ корридорамъ, гдѣ громко раздавались наши шаги и гдѣ луна бросала такія причудливыя тѣни на плиты,—по корридорамъ, которые внезапно выходили на галлерей, откуда видны были дворы, четырехугольныя, украшенные фонтанами, усаженные цвѣтущими кустами...

Въ самомъ дѣлѣ, если бы намъ желалось еще прогрѣвить съ полчаса, то мы могли это сдѣлать теперь, пробираясь по этому волшебному, озаренному луной дворцу, гдѣ мы готовы были признать самымъ естественнымъ дѣломъ появленіе привидѣнія, какъ самаго прекраснаго, такъ и самаго безобразнаго. И мы не мало удивились, когда, спустившись, наконецъ, по великобѣпной мраморной лѣстницѣ, нашли внизу на дворѣ настоящаго живого человѣка, который выпустилъ насъ изъ монастыря, получивъ за трудъ настоящую «на водеу».

Мы вышли на улицу, гдѣ луна озаряла маленькіе бѣлые домики и черную мостовую изъ лавы.

Предъ однимъ изъ домиковъ возлѣ открытыхъ дверей на теплой мостовой изъ лавы спалъ маленькій мальчикъ такъ сповоино, точно дитя въ своей колыбельѣ.

Мы тихо прошли на цыпочкахъ мимо него; намъ не хотѣлось разбудить его. Можетъ быть, ему грезился рай.

Сиракузы.

Съ корней, какъ говорится, все было
вырвано и ничего не осталось...

Фукидидъ.

Io vedo tutto!

Нашъ переводчикъ въ Сиракузахъ.

— «И ничего не осталось отъ арміи и флота. Только немногіе изъ многихъ вернулись домой. Вотъ чтó случилось въ Сициліи».

Я тихонько закрылъ книгу и прислонился въ уголъ вагона.

— Вы много потеряли, — сказала мнѣ спутникъ, глядя своими умными, ясными, голубыми очами въ мои, утомленные чтеніемъ и покрасѣвшіе глаза.

— Они все потеряли, — пробормоталъ я.

— О чемъ вы говорите? — спросилъ спутникъ.

— О трагической гибели аэинской экспедиціи.

— А я о великолѣпномъ солнечномъ закатѣ. Но хотя оно и не хотѣло дожидаться, пока вы окончите ваше длинное и, боюсь, скучное чтеніе, однако, осталось еще на чтó поглядѣть. Да, право! съ каждымъ моментомъ картина становится все прекраснѣе! Да! поглядите-ка: всего какихъ-нибудь три или четыре большихъ линіи и три или четыре цвѣтныхъ тона, а какая картина!

Въ самомъ дѣлѣ, какая картина открывалась изъ окна вагона! Непосредственно передъ нами море, вокругъ котораго берегъ изгибался длинной другою къ западу, и мы, огибавшіе южную часть залива, ясно видѣли, какъ цѣпь холмовъ съ лѣвой стороны была освѣщена и бросала направо свою синеватую тѣнь, между тѣмъ какъ городъ, на крайней оконечности далеко выдающагося мыса, сверкалъ ровнымъ свѣтомъ. По лѣвую руку стояла Этна, такъ близко, повидимому, какъ будто бы воздымалась непосредственно позади бухты, несмотря на то, что мы уже три или четыре часа тому назадъ отъѣхали отъ ея подошвы и въ этотъ промежутокъ времени между ней и нами выросъ весь большой заливъ, южнѣе отъ Катаньи. Городъ же, который сверкалъ вдали, былъ Агоста, и полчаса тому назадъ мы были въ его непосредственномъ сосѣдствѣ, а теперь огибали заливъ, лежащій между этимъ городомъ и полуостровомъ, который къ югу предшествуетъ маленькому острову, на которомъ стоятъ Сиракузы. Все это стало для меня яснымъ послѣ перваго взгляда въ

окно вагона, потому что карта живо сидѣла еще у меня въ головѣ,—но могло ли оставаться смутнымъ и загадочнымъ въ этомъ ландшафтѣ и при этомъ освѣщеніи! Пріятель былъ правъ: три или четыре линіи, если принять за одну изъ нихъ высокую пирамиду Этны, береговую дугу—за вторую, городъ, вдающійся на своемъ мысу въ море, за третью, а горизонтъ, окаймляющій море, за четвертую и послѣднюю. Но цвѣтныхъ тоновъ было собственно только два,—разумѣется, со многими весьма рѣзко опредѣленными оттѣнками: ярко розовая Этна, темно-розовый длинный, низкій берегъ, темно-красный городъ; свѣтло-голубое небо, темно-голубая тѣнь, ложившаяся на розовый берегъ и синее море.

— Это такъ просто и понятно,—сказалъ я,—и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ прекрасно въ своей понятной простотѣ, точно описаніе Букидида.

— Оставьте, ради Бога, въ покоѣ стараго грека!—вскричалъ пріятель, смѣясь.—Я не хочу изслѣдовать, по какой причинѣ вы нисколько не мучили насъ за все время путешествія скучной ученостью; но мы вамъ за это благодарны, и просимъ и на будущее время вашего снисхожденія. Не заставляйте насъ платиться слишкомъ жестоко за то, что въ книжномъ магазинѣ Неаполя, гдѣ вы искали для меня собраніе вашихъ сочиненій, несчастный случай натолкнулъ васъ на стараго болтуна; освободите себя и насъ отъ этого кошмара и выбросьте старую дребедень въ ошею!

— Въ такомъ случаѣ намъ лучше вернуться немедленно назадъ, потому—что же мы будемъ дѣлать въ Сиракузахъ, если не станемъ искать слѣдовъ этого человѣка.

И я торжественно положилъ руку на закрытую книгу.

— Желаю вамъ успѣха,—вскричалъ пріятель,—но для насъ Сиракузы могутъ быть еще нѣчто, кромѣ слѣдовъ, которые, сколько мнѣ извѣстно, протекшими двадцатью столѣтіями стерты до неузнаваемости. Я готовлюсь увидѣть городъ съ гаванью, въ которомъ, собственно говоря, нѣчего глядѣть, какъ и въ цѣлой дюжинѣ другихъ, которые уже стоятъ въ моемъ итальянскомъ репертуарѣ, и о которомъ можно впоследствии сказать только: *anch'io!* Кромѣ этого, онъ не представляетъ для меня, вѣрнѣе, никакой цѣли!

Это не было настоящимъ мнѣніемъ пріятеля, но онъ привелъ себя въ это полу-сомнѣвающееся, полу-мрачное настроеніе духа.

— Мы еще поговоримъ объ этомъ,—заклучилъ онъ, иронически улыбаясь.

Ахъ! какъ часто замѣчалъ я эту улыбку на его тонкихъ губахъ и въ его ясныхъ, голубыхъ глазахъ во время нашего пребыванія въ Сиракузахъ! И какъ часто имѣлъ онъ полное основаніе такъ улыбаться!

И немедленно послѣ того, какъ мы выѣхали изъ рѣзкой выемки, которую описываетъ желѣзная дорога въ низкой и, какъ мнѣ казалось, совершенно необитаемой равнинѣ, остановились у маленькой, непрезентабельной станціи, и, пройдя черезъ зданіе станціи, увидѣли передъ подъѣздомъ штуки три жалкихъ дрожекъ, къ которымъ Катаронци съ усиленіемъ провели насъ съ своею толпою накинувшихся на насъ коммисіонеровъ и помощниковъ ихъ помощниковъ. Пыльная, тамъ-и-сямъ обсаженная деревьями дорога; мостъ, ворота, большая площадь, опять мостъ, еще ворота... — самъ не знаю сколько мостовъ и воротъ—и, наконецъ, маленькая площадь, на которой бродятъ дюжины двѣ лавзарони, немедленно увязывающихся за нашимъ экипажемъ въ очень узенькую, идущую въ гору улицу, хватаясь за колеса и безъ памяти вопя: *uno soldo! uno soldo!* въ видѣ привѣтствія нашему прибытію въ «*Locanda del Sole!*» Мы поднимаемся по крутой лѣстницѣ въ заказанныя для насъ заранѣе комнаты и прямо бросаемся къ окну, доходящему до самаго пола и до половины загражденному рѣшеткой.

Я хотѣлъ только взглянуть изъ окна мелькомъ, а вмѣсто того не могъ оторвать глазъ отъ представившейся мнѣ картины. Подо мной разстелились кучи плоскихъ крышъ, фронтоновъ, стѣнъ заднихъ домовъ и заднихъ дворовъ узкой улицы, въ которой стоялъ нашъ отель. За ними колыхалось большое пространство воды, съ плоскимъ берегомъ по ту сторону. Небо, раскидывавшееся надъ всѣмъ этимъ, было зеленоватое, а ближе къ горизонту—темно-шафраннаго цвѣта, и отражалось въ плоской поверхности воды, такъ что плоскій берегъ казался лишь темной, неправильной чертой между небомъ и водою. Верхушки мачтъ отъ нѣсколькихъ кораблей, которые стояли, должно быть, гдѣ-то по сю сторону воды, у берега, и дальше, на самой водѣ, такъ что намъ видѣлось одно небольшое судно, черный силуэтъ котораго вырѣзывался на шафраннаго цвѣта водѣ и на шафраннаго цвѣта небѣ...

И эта вода, озаренная печальнымъ вечернимъ свѣтомъ... пустынная, забытая... такая пустынная и забытая, точно будто бы дѣйственный лѣсъ Купера... то была «величественная гавань» Сиракузъ... театръ, на которомъ разыгралось послѣднее дѣйствіе той страшной трагедіи, которой я всего какой-нибудь часъ тому

назадъ зачитался съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ, какъ будто бы до того времени я о ней ничего и не слыхивалъ... арена борьбы, на которой—это можно сказать безъ преувеличенія—должна была рѣшиться судьба цѣлаго міра.

Тѣ короткія минуты, которыя я простоялъ передъ открытымъ окномъ, углубленный въ мечты и соображенія, принадлежать къ тѣмъ рѣдкимъ минутамъ, ради которыхъ стоить вынести трудъ и хлопоты долгаго путешествія. Живая фантазія такъ многое предвосхищаетъ, такъ многое рисуется въ величественнѣе и прекраснѣе, нежели оно бываетъ въ дѣйствительности. Прилежное изученіе географіи и исторіи тѣхъ странъ, по которымъ путешествуешь, часто разлетается прахомъ при столкновеніи съ пестрыми, многообразными путевыми впечатлѣніями... Но такія минуты и то, что онѣ намъ даютъ, выходятъ за предѣлы фантазіи и кругъ знаній, въ ту таинственную область, въ которой наша душа соприкасается съ міромъ духовъ. Я испыталъ силу ощущенія, которое меня теперь охватило, только еще одинъ разъ передъ тѣмъ, за время длиннаго путешествія; а именно, когда передо мной впервые предстала съ высокаго берега Байи, точно въ волшебномъ зеркалѣ, классическая прелесть южнаго неба и моря. Но какъ различны были между собой эти два момента! такъ различны, какъ утренная и вечерняя заря, рожденіе и смерть, свиданіе и разлука, безумная радость и безумное горе!

Войдя нѣсколько времени спустя въ общій салонъ, мы застали пріятеля въ жарвой бесѣдѣ съ какимъ-то господиномъ, котораго онъ намъ представилъ, какъ синьора Сальватора Полити, извѣстнаго путеводаителя иностранцевъ въ Сиракузахъ: высокаго, очень просто, съ итальянской точки зрѣнія, одѣтаго человѣка, съ несовсѣмъ незначительнымъ, бритымъ лицомъ, изъ котораго серьезно, почти печально, глядѣли большіе голубые глаза, и котораго въ Германіи я непремѣнно принялъ бы за учителя въ какомъ-нибудь высшемъ заведеніи. Рѣчь шла о программѣ для нашего трехдневнаго пребыванія въ Сиракузахъ. Пріятель, не скрывавшій своего невѣрія въ угасшія развалины угасшаго величія Сиракузъ, былъ того мнѣнія, что слѣдуетъ начать съ тѣхъ задачъ, которыя не требуютъ приправы учености: какъ, напр. (предписываемыя дорожными путеводаителями) поѣздки въ «Апаро» и въ «Grotta di Nettuno». Я соглашался и на это, потому что надѣялся такимъ образомъ скорѣе освоиться съ топографіей города и окрестностей, безъ чего, какъ я уже говорилъ мимоходомъ, невозможно понять пестрыхъ перипетій замѣчательнаго мѣстоположенія. Синьоръ Полити внимательно выслушивалъ всѣ

предложенія и мнѣнія и вѣжливо улыбался. Какъ часто случилось ему вести такую же точно бесѣду съ клиентами изъ всевозможныхъ странъ и въ этомъ самомъ салонѣ, между тѣмъ какъ онъ оцѣнялъ ихъ въ своемъ умѣ и оцѣнялъ, что и сколько предложить онъ имъ изъ своихъ сокровищъ.

Наступила уже ночь, когда мы совершили одну изъ тѣхъ прогулокъ по городу, когда темнота и совершенное незнакомство гуляющихъ со всѣмъ, что ихъ окружаетъ, придаетъ поэтическій колоритъ даже самымъ обыденнымъ и будничнымъ вещамъ. Луна, взошедшая надъ крышами, ярко озаряла одну изъ улицъ, между тѣмъ какъ въ другой царствовала глубокая тьма — и этимъ содѣйствовала очарованію. Грустное очарованіе! Какъ было тихо въ узкихъ улицахъ! Едва гдѣ мелькалъ свѣтъ въ окошкахъ или въ открытыхъ дверяхъ какой-нибудь кофейни; едва гдѣ по дорогѣ попадались намъ темныя фигуры. Ни пѣнія, ни музыки, безъ которыхъ нельзя себѣ представить итальянскаго города вечеромъ; ни журчанія фонтана... все тихо, пустынно и забыто, какъ только бываетъ въ эти часы въ маленькихъ гаваняхъ Помераніи.

Мы шли все дальше и дальше, не опасаясь заблудиться, что было едва ли возможно при небольшомъ протяженіи города и его расположеніи на маленькомъ островѣ, который онъ весь занимаетъ. Я хорошо изучилъ планъ и зналъ, что палисадъ, мимо котораго мы теперь шли, отдѣляетъ насъ отъ «маленькой сѣверной гавани», что, обогнувъ направо каменную стѣну, мы дойдемъ до крѣпости, лежащей на мысѣ, выступающемъ къ югу, и что, подвигаясь дальше направо между крѣпостью и маякомъ, мы будемъ имѣть по лѣвую руку «большую западную гавань».

И вотъ она въ самомъ дѣлѣ, озаренная луннымъ сіяніемъ, съ тихо дремлющей, почти неподвижной водой. По лѣвую руку отъ насъ тянутся фасады длиннаго ряда красивыхъ домовъ; по правую каменные столбы балюстрады, идущей, какъ мы это замѣчаемъ, прислонясь къ рѣшеткѣ, вдоль высокаго городского вала. У подошвы вала раскинулось усаженное деревьями гулянье (во вкусѣ всѣхъ итальянскихъ городовъ) вдоль набережной «большой гавани».

Теперь, когда мы смотримъ на нее въ непосредственной близости и съ возвышеннаго пункта, мы видимъ, какъ велика она была нѣкогда: такъ велика, что противоположный, излучистый берегъ, несмотря на лунный свѣтъ, утопаетъ въ сумракѣ; такъ велика, что это прекрасное, тихое озеро, съ его широкими воротами въ открытое море, могло помѣстить за-разъ два большихъ флота. И

вотъ, въ маленькой бухтѣ направо стоить съ подюжину незначительныхъ судовъ, а посрединѣ, на открытомъ мѣстѣ, врасуется тотъ одинокій корабль, который мы уже замѣтили изъ оконъ нашей гостинницы... а на широкой-широкой водяной площади тихо струится лунный свѣтъ.

Какъ и солнечный свѣтъ на другое утро, когда мы на лодкѣ съ четырьмя гребцами и въ сопровожденіи синьора Полети пересѣкали голубую воду, направляясь въ Анапо, рѣчонкѣ, впадающей въ заливъ на западѣ. Она довольно незначительна при устьѣ, принимая во вниманіе, что катить воды двухъ рѣчекъ, которыя сливаются за полчаса передъ впаденіемъ въ море; но тѣмъ не менѣе она играла во время осады важную роль, потому что черезъ нее нужно перебираться, если желаешь попасть по сушѣ съ сѣверной стороны гавани (городской стороны) въ южную, а она течетъ по низкимъ болотистымъ трясинамъ. Теперь черезъ Анапо перекинуть только одинъ мостъ, по сосѣдству съ устьемъ; но въ то время ихъ существовало навѣрное нѣсколько; или же, быть можетъ, афиняне навели временные мосты, хотя Фукидидъ объ этомъ и не упоминаетъ, вѣроятно какъ о вещи, которая самособой разумѣется. По всей вѣроятности, болотистая пустыня не была въ то время такъ пустынна и болотиста. Вѣдь на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь торчатъ два одинокихъ обломка столбовъ, изъ-за жалкихъ полей съ хлѣбомъ, стоялъ большой, знаменитый и богатый храмъ Юпитера Олимпійскаго и маленький городъ, которымъ афиняне завладѣли тотчасъ же, какъ высадились, какъ ключомъ позиціи. Но, увы, ключъ лежалъ совсѣмъ въ иномъ мѣстѣ, а пока они нашли его на высотахъ, господствующихъ надъ городомъ, лучшее время было упущено и замѣкъ сталъ такимъ вѣрнымъ, что имъ не удалось, несмотря на всѣ свои усилія, отомкнуть его.

Но, какъ я уже сказалъ, переходъ черезъ это мѣсто долженъ былъ быть затруднительнымъ уже и тогда, а болотистыя испаренія уже и тогда производили лихорадку, какъ это доказано. Бѣдныя, отброшенные сюда съ высотъ Эпиполи и въ свою очередь осажденные, афиняне видѣли, какъ ряды ихъ опустошались смертельными болѣзнями, которыя Фукидидъ приписываетъ нездоровой, болотистой мѣстности.

Но какъ должно палить здѣсь солнце въ жаркое время года, когда уже и теперь лучи его почти нестерпимы. Рѣчка становится все уже и уже послѣ того, какъ мы перебираемся изъ главнаго теченія въ боковое. Вѣсла больше не въ ходу, люди отпихиваются съ трудомъ шестами или же, выгѣзши втроемъ на

берегъ, тащатъ лодку на веревкѣ, а четвертый управляетъ рулемъ. Большая, бѣлая, мѣтѣ незнакомая болотная птица, уже съ полчаса какъ летитъ впереди насъ, спокойно подпускаетъ насъ къ себѣ, затѣмъ снова поднимается и пролетитъ нѣсколько шаговъ далѣе, пока, наконецъ, не пропадаетъ изъ виду въ папирусномъ тростникѣ. Этотъ папирусъ на берегахъ Анапо, какъ извѣстно, единственный въ своемъ родѣ въ Европѣ, потому что не растетъ болѣе даже на берегахъ Нила, откуда онъ былъ вывезенъ. И сами по себѣ 10—20-ти-футовые пальмообразные стволы папируса довольно замѣчательны, но скоро надоѣдаютъ; верхушки ихъ едва колеблются отъ дуновенія вѣтерка, а здѣсь, посреди ихъ густой чащи, стоитъ жаркій и удушливый воздухъ, и единственная тѣнь, которую мы наслаждаемся, — это тѣнь отъ нашихъ зонтиковъ. Пріятель положилъ-было руку на край лодки и отдернулъ ее, точно обжогся. Это не преувеличеніе; дерево почти раскалилось, а также и наши лица и смуглыя лица нашихъ лодочниковъ, и только одинъ синьоръ Полити еще не снялъ легкой шерстяной шали, которою укутался сегодня на свѣжемъ утреннемъ воздухѣ, и, устремивъ глаза на недовольныя лица своихъ питомцевъ, рассказываетъ, точно мать, старающаяся умѣрить нетерпѣніе своихъ дѣтей, о темносинемъ источникѣ, въ которому мы скоро должны добраться, и который прежде былъ нимфой, осмѣлившейся преградить путь повелителю подземнаго міра, когда онъ уносилъ въ свое темное царство Персефону. Богъ, разсерженный, какъ сердятся боги въ этихъ случаяхъ, а можетъ быть также и ихъ темныя прототипы, ударилъ въ землю своимъ скипетромъ и исчезъ этимъ, для него отнюдь не необыкновеннымъ, путемъ вмѣстѣ съ своей огненной колесницей и прекрасной плѣнницей, предоставивъ доброй нимфѣ наполнить отверстіе, тѣмъ ли, что превратилъ ее ad hoc въ источникъ, какъ гласитъ преданіе, или же — какъ я позволяю себѣ думать — просто предоставивъ ей исполнять свои обычныя водяныя занятія, вмѣсто того, чтобы вмѣшиваться въ чужія огненные дѣла. Какъ бы то ни было, а «La Pisma», какъ называется теперь это мѣсто, заслуживаетъ того, чтобы быть жилищемъ нимфы: прекрасный, почти круглый, быть можетъ имѣющій 60' въ поперечникѣ бассейнъ, окруженъ со всѣхъ сторонъ стѣной изъ папирусовъ и разнообразныхъ тростниковъ, и наполненъ чистѣйшей водой, на глубинѣ которой, несмотря на то, что она доходитъ до 30', такъ ясно виднѣются большія рыбы, точно какъ-бы онѣ рѣзвились близъ самой поверхности воды.

— Очень хорошо! прекрасно! — сказалъ пріятель, вздыхая; — но я желалъ бы, что мы вернулись безъ солнечнаго удара домой!

Да, мы вернулись безъ солнечнаго удара, и головная боль, возбужденная скорѣе тяжелымъ болотнымъ воздухомъ, нежели солнечнымъ жаромъ, скоро прошла, когда мы поплыли поперекъ «большой гавани». Дулъ легкій вѣтерокъ. Наша лодка колыхалась на голубыхъ волнахъ и ея примитивный такелажъ вызывалъ улыбку соблазнованія у сына Балтвика, а также и живой обменъ словъ въ сопровожденіи неизбежныхъ жестовъ у четырехъ смуглыхъ молодцовъ всякій разъ, какъ требовалась какая-нибудь перемѣна въ направленіи судна. Правда, этого не требовалось до тѣхъ поръ, пока мы находились въ гавани, потому что, при западномъ вѣтрѣ, намъ приходилось держаться какъ разъ восточнаго направленія; передъ нами лежалъ широкій выходъ изъ гавани въ открытое море; направо низкій утесистый берегъ Шеммириума, образующаго полуостровъ на югѣ бухты; налѣво городъ, оваренный яркимъ полуденнымъ солнцемъ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на свѣжій вѣтерокъ, качаніе волнъ и солнечные лучи, — какой меланхоліей вѣетъ отъ этой картины для «sentimental traveller», который никакъ не можетъ не думать о тѣхъ дняхъ, когда аевняне, отплывая отъ того самаго мѣста, на которомъ мы сейчасъ находились, — у устья Анапо находился ихъ послѣдній лагерь, укрѣпленный палисадомъ и судами съ баластомъ, стоявшими на якорѣ, — пытались пробить себѣ дорогу въ открытое море, и когда, послѣ ихъ тщетныхъ усилій пробить линію спиракусенскихъ судовъ, наступила та странная битва, которая распространилась на все пространство большой гавани. Только подумать, что двѣсти большихъ кораблей стѣснились на небольшомъ сравнительно пространствѣ! И вотъ когда случилось, что, «вслѣдствіе тѣсноты, шедшіе на abordажъ корабли съ одной стороны сами подвергались abordажу съ другой, и два или три корабля сцѣплялись разомъ и экипажу приходилось защищаться отъ однихъ и нападать на другихъ, не одно послѣ другого, но разомъ и со всѣхъ сторонъ».

И это страшное зрѣлище происходило на глазахъ у туземцевъ, собравшихся толпами на стѣнахъ родимаго города и «заранѣе гордившихся желанной, славной побѣдой»; а сухопутныя войска аевнянъ, оставленные защищать палисадный лагерь, ждала погибель, если ихъ сторона не побѣдитъ. Какой страшный часъ пережили несчастные! «Арена битвы лежала у нихъ передъ глазами, и такъ какъ не всѣ глядѣли на одно мѣсто, то между тѣмъ какъ у однихъ воскресало мужество, когда они видѣли

своих побѣдителями на какомъ-нибудь пунктѣ и взывали къ богамъ, прося ихъ не лишать ихъ возврата на родину, другіе, усматривавшіе поражение, жаловались и стонали и падали духомъ сильнѣе даже, чѣмъ тѣ, которые участвовали въ битвѣ. Третья, наконецъ, глядѣвшіе въ ту сторону, гдѣ побѣда колебалась, переживали мучительнѣйшее возбужденіе, вслѣдствіе продолжительной неизвѣстности исхода боя и выражали жестами и тѣлодвиженіями страхъ, волновавшій ихъ при видѣ совершающагося, потому что одинъ волосокъ постоянно отдѣлялъ погибель отъ спасенія»...

— Очень хорошо, — сказалъ пріятель, — чрезвычайно наглядно; пожалуйста, дайте мнѣ книгу!

Я подаль ему книжечку, изъ которой прочиталъ это, и онъ преспокойно положилъ ее въ карманъ.

— Ну, — сказалъ онъ, — обращаясь къ синьорѣ, — теперь, наконецъ, онъ уgomонится; онъ больше не получитъ ее обратно, положитесь на меня!

Синьора улыбнулась; синьоръ Полити, сидѣвшій на носу лодки и ни слова непонимавшій изъ нашего чтенія и разговора, происходившихъ на нѣмецкомъ языкѣ, но видѣвшій, что я поглядываю на Племмириумъ и предположившій, что я сообщалъ что-нибудь объ этомъ мѣстѣ, замѣтилъ:

— Послѣ потери трехъ фортовъ, которые аэиняне тутъ построили и которые были взяты лакедемонцами, союзниками Сиракузъ, послѣ ожесточенной битвы, судьба осажденныхъ была рѣшена. Они были отрѣзаны отъ входа въ гавань и въ открытое море, а отступление съ суши было отрѣзано имъ раньше того, и такимъ образомъ они вынуждены были выдти въ рѣшительный бой, который Фукидидъ...

— Я съ ума сойду! — сказалъ пріятель сначала по-нѣмецки, а потомъ по-итальянски, обращаясь къ синьору Полити: — пріятель нашъ только-что читалъ намъ Фукидиду.

Синьоръ Полити поклонился какъ-бы въ извиненіе, лодка выплыла изъ знаменитаго выхода въ открытое море. Наши четыре смуглыхъ молодца принялись орать и жестикулировать теперь, когда мы поплыли, оставя городъ у себя по лѣвую руку въ сѣверномъ направленіи, въ цѣли нашего путешествія: замѣчательной Grotta di Diecle или di Nettuno, пещерѣ изъ сталактитовъ среди утесовъ того полуострова, берегъ котораго тянется почти прямою линіею на сѣверъ, и южную оконечность котораго образуетъ маленькій островъ Отриджіо, на которомъ стояла старѣйшая часть города и расположенъ нынѣшній.

На этомъ большомъ полуостровѣ, мимо восточной части котораго мы теперь плывемъ, находились четыре городскія части, изъ которыхъ нѣкогда состояли Сиракузы (а пятая принадлежала острову). Но не весь полуостровъ занятъ былъ городомъ; на немъ находится еще возвышенность или горная площадка, съ крутыми краями и въ формѣ продолговатаго треугольника; основаніемъ и однимъ изъ катетовъ ему служить какъ разъ тотъ берегъ, къ которому мы теперь приплыли, между тѣмъ какъ второй катетъ, длиной почти въ цѣлую милю, тянется отъ востока на западъ и его гипотенузу образуетъ линія, которую слѣдуетъ провести отъ южнаго пункта основанія (отъ того мѣста, гдѣ лежитъ маленькая гавань между полуостровомъ и островомъ) къ концу длиннаго сѣвернаго катета. На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ гипотенуза и длинный катетъ сходятся подъ крайне острымъ угломъ и находится высшая точка горной площадки, и она съ этого пункта склоняется къ основанію (на которомъ мы теперь стоимъ) и къ другому катету, обращенному къ большой гавани—все это пространство занимаетъ полторы квадратныхъ мили и въ цвѣтущія времена города—счастливую эпоху владычества Герона II—занято было виллами и великолѣпными садами.

Я забѣгаю здѣсь немного впередъ, потому что, когда мы, осмотрѣвъ гротъ, вскарабкались на береговые утесы и, озираясь вокругъ себя, пожелали ориентироваться относительно мѣстности, съ помощью картъ и объясненій снѣжника Полити, то это намъ не удалось, и снѣжникъ Полити утѣшалъ насъ тѣмъ, что мы поймемъ въ чемъ дѣло, когда, вмѣсто того, чтобы осматривать площадку съ основанія, осмотримъ ее съ высшаго пункта, крѣпости Эвріала, на крайней ея оконечности. Онъ былъ вполне правъ, какъ это оказалось два дня спустя, когда мы попали туда, но и теперь мы имѣли въ остаткахъ городской стѣны на береговомъ холмѣ, на которые онъ намъ указалъ, путеводную нить; но всѣ попытки вызвать въ воображеніи картину богатаго, цвѣтущаго города, украшеннаго дворцами и храмами, разбились о каменную пустыню, представлявшуюся вѣтромъ и казавшуюся еще безутѣшнѣе при яркомъ свѣтѣ полуденнаго солнца. Я уже больше не рѣшался глядѣть на пріятеля, боясь встрѣтиться съ его пролическимъ взглядомъ. Съ чувствомъ героя, потерпѣвшаго поражение, спустились мы съ утесовъ, и были рады, когда снова очутились въ лодкѣ и поплыли противъ вѣтра, который повернулъ теперь къ югу, и спустя полчаса вошли въ «маленькую гавань», лежащую между полуостровомъ, съ которымъ мы только-что раз-

стались, и городскимъ островомъ. И подумать только, что это пространство воды, обнесенное палисадомъ и ничтожными постройками и на которомъ стояло нѣсколько жалкихъ суденышекъ и лодокъ, привязанныхъ къ источенной червями деревянной набережной—что это мизерное пространство воды величалось когда-то римлянами: *Portus maritimus*, вслѣдствіе безчисленнаго множества статуй, которыми украсили его берега Діонисій и Агаевъ, и мраморныхъ плитъ, которыми они выложили его!.. «*Credat Judaeus Appella!*» сказалъ бы пріятель, знающій навзустъ Горация, если бы могъ угадать мои мысли, о которыхъ я благо-разумно умолчалъ.

Но мѣстоположеніе какъ разъ такое, какимъ его описываетъ Цицеронъ: «объ гавани имѣють отдѣльные входы, сообщаются на противоположныхъ концахъ. Вслѣдствіе ихъ слиянія та часть города, которая зовется островомъ, отдѣляется отъ остальныхъ узкимъ проливомъ и соединена съ ними мостомъ».

Такъ было и такъ остается и по сіе время, и подъ этимъ мостомъ (или его преамбуломъ) плывемъ мы въ настоящую минуту въ большую гавань, чтобы причалить какъ разъ къ тому самому мѣсту, съ каковаго мы отплыли сегодня утромъ, у заведенія морскихъ купаленъ, устроеннаго на сваяхъ, и затѣмъ черезъ ворота, украшенныя нелѣпыми сарацинскими головами, попасть на маленькую площадь, гдѣ дремлютъ на солнцѣ или въ тѣни десятка два лаззарони и отсюда лѣстница ведетъ на верхнее гулянье.

Тутъ мы прислоняемся на минуту къ балюстрадѣ, прежде нежели подняться въ узкую улицу, ведущую въ гостиницу, и глядимъ на залитую яркимъ солнцемъ большую гавань, хотя собственно говоря на ней нечего видѣть. Даже корабль, стоявшій на якорѣ, по срединѣ, исчезъ; тутъ, право, до того пустынно и уединенно, точно на какомъ-нибудь индійскомъ дѣвственномъ озерѣ. Кромѣ того, мы утомлены долгимъ, утомительнымъ плаваніемъ по морю и совсѣмъ тѣмъ не можемъ уйти отсюда. Меланхолическое очарованіе охватило насъ и даже пріятеля, который вдругъ сталъ необыкновенно тихъ и серьезенъ. Непосредственно подъ нами, въ тѣни дерева, на гуляньѣ сидятъ на мраморной скамьѣ двѣ фигуры: юноша и пожилой господинъ. Оба сняли свои шляпы и сдвинули головы: одну съ темными кудрами, другую уже слегка помысѣвшую и съ посѣдѣлыми, театрално взъерошенными волосами. Оба читають какой-то листокъ со стихами. Стихи написаны юношей; потому что старикъ указываетъ

пальцемъ на недостатки размѣра, и юноша поправляетъ карандашомъ ошибки противъ стихосложенія. Какое содержаніе у этихъ стиховъ? Это едва ли любовное стихотвореніе: старикъ энергически указываетъ пальцемъ то на тотъ, то на другой пунктъ противоположнаго берега; это, слѣдовательно, героическое стихотвореніе и содержаніе у него можетъ быть только одно: досто-славная борьба сиракузцевъ съ вторгнувшимися непріятелемъ, страшный, рѣшительный бой, происходившій на этихъ тихихъ водахъ въ тотъ вѣчно памятный день: «то, что должно вѣчно жить въ гѣснѣ». Мы не знаемъ, юный поэтъ, обесмертятся ли твои стихи послѣ поправокъ стараго импровизатора... Это возможно, и мы этого желаемъ; но то, о чемъ ты поешь, отжило на-вѣки—это несомнѣнно.

И вотъ эта увѣренность въ безусловномъ отходѣ въ вѣчность, въ безповоротной, безслѣдной гибели всего, что нѣкогда здѣсь жило и процвѣтало, сообщаетъ нашему двухдневному пребыванію въ Сиракузахъ такую меланхолію и уныніе, что подъ конецъ они переходятъ въ настоящую тоску. «Безслѣдная гибель»—собственно говоря, преувеличеніе; слѣды еще остаются, и слѣды въ буквальномъ смыслѣ этого слова: слѣды колеесъ, въ вершохъ глубиной, проложенные въ теченіи столбыхъ столѣтій въ здѣшней твердой каменистой почвѣ; слѣды въ переносномъ значеніи этого слова: въ гробницахъ, въ циклопическихъ фундаментахъ стѣнъ, въ развалинахъ водопровода, тянувагося нѣкогда на цѣлую милю; сравнявшимися почти съ землей развалинами амфитеатра; наконецъ, въ тѣхъ громадныхъ и знаменитыхъ каменоломняхъ, изъ которыхъ извлекался весь матеріалъ для великолѣпныхъ построекъ гигантскаго города—одинъ англичанинъ назвалъ его «Лондономъ древности»—и куда бросали тѣхъ несчастныхъ аеинянъ, которые пережили день страшнаго боя—все это еще осталось, и усердный и мыслящій странникъ не можетъ миновать ихъ. Но надо представить себѣ, что всѣ эти развалины и обломки расбѣяны на громадномъ пространствѣ въ полторы квадратныя мили... Каменоломни лежатъ подъ землей, остальное едва возвышается надъ поверхностью земли... и вся эта громадная поверхность представляется голой и пустынной, усѣянной большими и мелкими камнями, изъ которыхъ ни одинъ, если взять его въ руки, не носитъ слѣдовъ человеческого творчества... и при всемъ томъ, кто можетъ оказаться настолько безчувственнымъ, чтобы остаться глухимъ въ торжественному голосу, говорящему съ нимъ въ этой пустынѣ?

Нашъ пріятель прикидывался, что остается глухъ къ нему, — но въ дѣйствительности этого не было... я зналъ его лучше — даже и въ послѣдній день, когда мы стояли на развалинахъ форта Эвриала при лучахъ уже заходившаго за горы солнца. И вотъ теперь, когда мы на немъ стояли, то намъ стало совершенно непонятно, какъ могли афинскіе полководцы проглядѣть стратегическую важность этого пункта, господствующаго надъ всѣмъ пространствомъ, занимаемымъ городомъ и увѣрнуться сначала въ болотистой низменности Анапо между этой возвышенностью и Племмириумомъ.

— Видите ли, если бы они тотчасъ же возвели здѣсь фортъ, — говорилъ синьоръ Полити, — крѣпкій, неприступный фортъ, въ чемъ сиракузяне, крайняя городская стѣна которыхъ шла вонъ тамъ, гораздо дальше, внизу, никакъ не могли бы помѣшать имъ, то у нихъ сохранилось бы сообщеніе съ суши, и вмѣстѣ съ тѣмъ они бы господствовали надъ большой гаванью, и вмѣстѣ съ тѣмъ можно было бы соединить этотъ пунктъ непосредственно съ большой гаванью, посредствомъ двойной линіи стѣнъ. Вы знаете, что Діонисій провелъ какъ разъ отъ этого пункта большую стѣну, фундаментъ которой вы видите вонъ тамъ, на краю холма и до самаго моря, то-есть на протяженіи одной нѣмецкой мили, и всего въ двадцать дней со всѣми бапнями и бастіонами, конечно съ помощью 60,000 рабочихъ и 6,000 воловъ.

— Но греки понимали военное строительное искусство не хуже, и страхъ, внушаемый ихъ именемъ въ первые дни неожиданнаго нападенія и переполоха, привлечь бы къ нимъ рабочихъ массами изъ густо-заселенныхъ окрестностей. И какой бы это былъ триумфъ, стоя на этомъ пунктѣ, смотрѣть на городъ, завоеваніе котораго было бы лишь вопросомъ времени, — городъ, который, начинаясь въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда, непрерывно раскидывался на всемъ этомъ обширномъ пространствѣ, съ его блестящими дворцами, высокими храмами, форумомъ, украшеннымъ колоннами, великолѣпными виллами, роскошными садами, хорошо обстроеными улицами, спускавшимися къ самому морю и оттуда снова перебрасывавшимися на островъ, гдѣ расположена была старѣйшая и по своему положенію важнѣйшая часть города, и тамъ снова застроенными дворцами и храмами — въ томъ числѣ великолѣпнымъ храмомъ Артемиды, шлемъ которой на высокихъ зубцахъ виднѣлся мореходамъ еще издалека...

— Я ничего этого не вижу, — перебилъ пріятель.

Но лицо человѣка, простыя черты котораго совершенно пре-

образились отъ восторга, бодрѣнно передернуло; онъ тихо опустилъ руку и съ неподвижнымъ взоромъ глазъ, только что сверкавшихъ огнемъ, тихо промолвилъ: *Io vedo tutto* (я все вижу)!

Пріятель не желалъ огорчить его. Онъ поддакъ только одному изъ тѣхъ настроеній, которое овладѣваетъ сильными натурами, когда онѣ боятся поддаться какому-нибудь впечатлѣнію. Но ему не удалось на этотъ разъ достичь того, чего ему хотѣлось, а именно: возвыситься до ироніи, перейдя къ которой свободныя умы чувствуютъ себя всего пріятнѣе.

Мы сидѣли на развалинахъ крѣпости, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ старину могъ находиться бастионъ. Позади насъ развалины шли еще выше и закрывали отъ насъ видъ на горную площадку — мѣстность, гдѣ раскидывался древній городъ — и на теперешній городъ на ея крайней омонечности, вмѣстѣ съ гаванью. — Направо отъ насъ шли развалины стѣны Діонисія — какъ разъ вдоль края площадки. Подъ нашими ногами разстиглась сѣрая, каменистая, тамъ-и-сямъ покрытая фантастически растущими оливковыми деревьями, равнина, въ которую голубое море врѣзывалось поближе небольшой, а подалеже болѣе глубокой бухтой. По ту сторону послѣдней — такъ казалось, по крайней мѣрѣ, хотя на дѣлѣ тутъ былъ еще глубокой заливъ Катаньи, — возвышалась Этна — и все это было залито лучами заходящаго солнца. Вокругъ насъ царствовала глубокая тишина, казавшаяся еще торжественнѣе отъ треска сверчковъ и цикадъ между разбросанными камнями.

И вотъ, вдругъ въ этой каменной пустынѣ, озаренной лучами заходящаго солнца, пронесся тихій и жалобный звукъ, точно будто бы сначала застонали камни вдали, а затѣмъ подхватили этотъ стонъ другіе, и теперь онъ раздавался поблизости отъ насъ. Мы готовы были бы побожиться, что это стонетъ сама пустыня или ея духъ, великій Панъ, которому все это принадлежало, пока не выстроили высокыхъ стѣнъ вокругъ всемірнаго города, и который снова завладѣлъ всѣмъ этимъ, послѣ того какъ и всемірный городъ и высокія стѣны исчезли съ лица земли.

И вотъ, появился смуглый мальчикъ, гнавшій пару сѣрыхъ воевъ между сѣрыми камнями, и попросилъ у насъ подачки.

Друзья, которымъ мы это рассказывали впоследствии и которые сами любовались на солнечный закатъ съ форта Эвріала, говорили намъ: и къ нимъ также подходилъ смуглый мальчикъ и ко всѣмъ, кому они это рассказывали... какъ разъ съ той самой стороны и въ тотъ самый часъ, гоня тѣхъ же самыхъ сѣрыхъ воевъ и играя на той же самой дудочкѣ.

Могли ли мы не утверждать послѣ единодушныхъ увѣреній всѣхъ нашихъ друзей и друзей нашихъ друзей то, въ чемъ сначала и сами хотѣли-было побойться: — а именно, что 27 мая 1873 г., въ часъ солнечнаго заката, среди развалинъ форта Эвриала близъ Сиракузь, намъ предсталъ великій Панъ въ образѣ смуглаго пастушка со свирѣлью и козами?

Но, быть можетъ, онъ являлся не намъ однимъ—вотъ и все. Быть можетъ, онъ показывался и другимъ людямъ, которые сумѣли разгадать его тайну? А кто не проникъ этой тайны среди развалинъ форта Эвриала близъ Сиракузь, тотъ конечно... совсѣмъ напрасно туда ѣздилъ.

Фр. Шнильгагенъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ДВѢ ПѢСНИ.

1.

Я пѣсню слыкала: вечерней порой,
Когда, подъ навѣсомъ вѣтвей,
Въ лѣсу разстилается сумракъ густой,—
Ту пѣсню поетъ соловей.

Чарующей нѣги и страсти полна,—
Какъ юности голосъ живой,
Свободно и громко несется она
Изъ чащи тѣнистой, лѣсной.

И звуки ея, какъ дыханье весны,
Огнемъ зажигаютъ всю кровь;
И свѣтлаго счастья роскошные сны
Въ душѣ поднимаются вновь.

2.

Я пѣсню другую слыкала не разъ:
Уныло склонясь надъ сохой,
Поетъ ее пахарь, въ полуденный часъ,
Песчаной бредя полосой.

Печали покорной и вроткой полна,
Какъ стонъ наболѣвшей души,
Мучительно-скорбно несется она
Въ глухой, безотвѣтной тиши.

И долго той пѣсни нерадостный звукъ
Въ сердечной дрожить глубинѣ;—
И бремя чужихъ, неизвѣданныхъ мукъ
Понятно становится мнѣ.

НА РАЗСВѢТѢ.

Зари сіянемъ благодатнымъ
Зажегся радостно востокъ;
Дыханьемъ вѣетъ ароматнымъ
Весенній свѣжій вѣтерокъ.
Еще, густой, туманной мглою,
Клубится сумракъ надъ землею,
Но утра свѣтъ ужъ не далекъ.

Ужъ скоро солнце золотое,
Разсѣявъ грустной ночи тѣнь,
Освѣтитъ небо голубое,—
И лучезарный, яркій день
Съ земли прогонитъ мракъ лѣтний,
И оваритъ луга и нивы,
И тьму печальныхъ деревень.

Потоки свѣта разольются,—
Исчезнутъ привраки и сны,
И звуки жизни разнесутся
Въ угрюмомъ царствѣ тишины.
Проснувшись, бодро встанутъ люди,
И сладко ихъ упыются груди
Дыханьемъ утра и весны.

НОЧЬЮ.

Весенней ночи синей мглою
Объята сонная земля;
Росы прозрачной пеленою
Покрты тихія поля;
Цвѣтовъ струятся ароматы,
Какъ еиміама сладкій дымъ.
Подъ сводомъ неба голубымъ
Горятъ блестящія лампы;
И льетъ сіянье ихъ лучей
На міръ земной благословенъ...
Пошли, Господь, усвоенье
Въ сердца мятежныхъ людей!

А. А — в. А.

РОССІЯ И ЕВРОПА

ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ

ЦАРСТВОВАНІЯ АЛЕКСАНДРА I.

II.

АЛЕКСАНДРЪ И НАПОЛЕОНЪ ДО СМЕРТИ ГЕРЦОГА АНГЬЕНСКАГО.

Въ началѣ XIX вѣка Европа представляла удивительное на первый взглядъ явленіе, бывшее результатомъ всей ея исторіи. Два крайнія государства ея на континентѣ, Россія и Франція, неимѣвшія, повидимому, никакихъ точекъ соприкосновенія, стояли другъ передъ другомъ, готовыя къ борьбѣ. Что противъ Франціи на первомъ планѣ стояла Россія, это самое показывало уже, что дѣло идетъ не о частномъ какомъ-нибудь интересѣ. Отъ Франціи шло наступательное, завоевательное движеніе, въ ея челѣ стоялъ первый полководецъ времени, задачей котораго было ссорить, разъединять, бить поодиначѣ, поражать страхомъ, внезапностію нападенія, силою притягивать къ себѣ чужіе народы. Отъ Россіи, наоборотъ, шло движеніе оборонительное, и государь ея, въ соотвѣтствіе этому характеру движенія, отличался не воинственными наклонностями, не искусствомъ браннаго вождя, но желаніемъ и умѣньемъ соединять, примирять, устраивать общее дѣйствіе, рѣшать европейскія дѣла на общихъ совѣтахъ, приводить въ исполненіе общія рѣшенія. Во время борьбы съ Наполеономъ Александръ является составителемъ и вождемъ коалицій

для отпора завоевательному движенію Франціи. Съ обовязательнымъ успѣхомъ послѣдней коалиціи, съ низверженіемъ виновника завоевательнаго французскаго движенія, цѣлю Александра является поддержаніе общеевропейскаго союза для сохраненія мира и общественнаго порядка, поддержаніе общаго дѣйствія, общаго управленія Европы посредствомъ собраній, совѣтовъ государей и уполномоченныхъ ихъ, посредствомъ конгрессовъ. Такимъ образомъ, дѣятельность Александра I-го, вслѣдствіе личнаго характера его и вслѣдствіе положенія Европы и Россіи, раздѣляется 1814 годомъ на двѣ половины: эпоху коалицій и эпоху конгрессовъ.

Если императоръ Александръ съ самаго начала своего царствованія предвидѣлъ, какая дѣятельность предстояла ему въ европейскихъ событіяхъ, дѣятельность начинателя и главы коалицій противъ завоевательныхъ стремленій Франціи, то Наполеонъ также ясно видѣлъ, что такая дѣятельность могла принадлежать только Россіи, ея государю; безъ Россіи никакая коалиція, если бы и была возможна, то не была бы ему опасна, и потому главная цѣль его политики въ отношеніи къ Россіи заключалась въ томъ, чтобы разными хитростями и приманками оттапливать Россію, по возможности, отъ связи съ другими державами; пока не принудитъ ихъ поодиночкѣ подчиниться своей волѣ; тогда Россія должна будетъ отказаться отъ дѣятельности, оставшись въ одиночествѣ, и если вѣдываетъ противиться, то будетъ поражена всеевропейскою коалиціею, направленною противъ нея подъ знаменами перваго полководца вѣва. Какъ въ прошломъ столѣтіи Фридрихъ II заключилъ союзъ съ Россіей и, обезпечивъ себя имъ, не хотѣлъ слышать съ русской стороны предложеній расширить этотъ союзъ введеніемъ въ него ряда другихъ, слабѣйшихъ державъ, ибо это связывало ему руки: такъ теперь Наполеонъ не хочетъ слышать русскихъ предложеній вести дѣла сообща съ какою-нибудь другою державою. Для Россіи нужна прочность отношеній между державами, обезпечивающая продолжительный миръ, а эта прочность отношеній условливается союзомъ большинства значительнѣйшихъ державъ. Александръ не хотѣлъ исключать изъ этого союза могущественную Францію, хотѣлъ ея присутствіемъ въ союзѣ еще болѣе сдѣлать его; но человѣкъ, управлявшій Франціею, подъ именемъ перваго консула, вовсе не хотѣлъ прочности отношеній между державами, ведшей къ продолжительному миру: онъ смотрѣлъ на миръ только какъ на перемиріе, дававшее передышку и время устроить нѣкоторыя выгодныя для будущей войны отношенія; потому Наполеонъ не хотѣлъ слышать ни о какомъ общемъ дѣлѣ, общемъ

соглашеніи, которое бы связывало ему руки. Русскій посланникъ Колычевъ, отправленный въ Парижъ еще императоромъ Павломъ, писалъ ¹⁾, что первый консулъ отвергъ тотчасъ же статьи предложеннаго ему съ русской стороны договора, въ которыхъ заключалось обязательство при общемъ замиреніи не допускать для вознагражденій никакихъ другихъ основаній, кромѣ установленныхъ Россією, Пруссією и Францією. Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Талейранъ выразилъ положительно желаніе своего правительства войти прямо и просто въ соглашеніе съ русскимъ императоромъ относительно предметовъ, гдѣ интересы обоихъ правительствъ сойдутся. Талейранъ при этомъ внушалъ Колычеву, что необходимо составить общій планъ, чтобъ воспрепятствовать дворахъ берлинскому и вѣнскому воспользоваться настоящими обстоятельствами и приобрѣсти въ Германіи больше того, на что дѣйствительно имѣютъ право.

Эти настоящія обстоятельства заключались въ томъ, что по люневильскому миру, заключенному (9-го февраля 1801 года) Германскою имперією съ Францією, вслѣдствіе послѣдняго погрома Австріи, лѣвый берегъ Рейна отходилъ къ Франціи. Германія лишалась 1150 квадратныхъ миль, но владѣльцы не хотѣли лишиться ничего, имъ выговорено было вознагражденіе, которое они должны были получить посредствомъ такъ-называемой секуляризаціи, т. е. отдачи свѣтскимъ князьямъ въ потомственное владѣніе церковныхъ владѣній, епископствъ и аббатствъ; вольные города также должны были потерять свою вольность для вознагражденія владѣльцевъ, лишившихся своихъ земель на лѣвомъ берегу Рейна. Казалось бы, что такое чисто германское дѣло надобно было устроить внутри Германіи, по соглашенію однихъ ея владѣтелей. Но если бы это соглашеніе было возможно, то не было бы и люневильскаго мира и уступки Франціи лѣваго берега Рейна. Крупныя германскія государства, Австрія и Пруссія, потеряли свое значеніе, и мелкія, не имѣвшія обо что опереться у себя, бросились, какъ слабыя, во вѣншіей силѣ, начали преклоняться предъ французскимъ правительствомъ, и дѣло вознагражденія перешло въ руки Наполеона, который, желая пока имѣть на своей сторонѣ Россію, соглашался уступить извѣстную долю участія въ дѣлѣ русскому императору, но съ исключеніемъ всякой германской державы. Почувявъ, гдѣ сила, гдѣ рѣшеніе дѣла, уполномоченные германскихъ дворовъ бросились въ Парижъ и не щадили ничего, ни денегъ, ни ласкательствъ,

¹⁾ 22-го марта (8-го апрѣля) 1801 года.

ни униженія, чтобы только сослужить вѣрную службу своимъ высшимъ довѣрителямъ: это были патріоты и вѣроподданные своего рода. Въ Парижѣ производилась торговля епископствами, аббатствами, вольными городами; нѣмецкіе посланники, съ деньгами въ рукахъ, взапуски ползали передъ любовницею Талейрана, передъ его секретаремъ Матье, передъ французскимъ посланникомъ въ Регенсбургъ, Лафорестомъ. Впечатлѣніе, производимое этимъ явленіемъ на перваго консула и создаваемое имъ французское сановничество, было ужасное, развращающее; оно внушало имъ полное презрѣніе въ слабымъ, надежду на одну силу, которой все позволено. И легко понять, какъ для избалованнаго раболѣпствомъ главы французской республики невыносимъ былъ представитель какаго-нибудь государства, который съ достоинствомъ поддерживалъ это представительство, который не гнулся передъ людьми, привывшими кричать: «горе побѣжденнымъ!» не гнулся потому, что не признавалъ своего государства побѣжденнымъ. Колычевъ былъ непріятель первому консулу и его министрамъ именно потому, что велъ себя съ достоинствомъ, съ нимъ надобно было считаться, говорить иначе, чѣмъ съ другими послами, что особенно видно изъ слѣдующаго. Вѣсть о кончинѣ императора Павла была для Наполеона громовымъ ударомъ; по обычаю, онъ искалъ, на комъ бы сорвать сердце, и сорвалъ его въ «Монитерѣ» на англичанахъ; но кромѣ выхода въ журналъ—другого средства достать англичанъ не было; легче и пріятнѣе было сорвать сердце на сардинскомъ королѣ, за котораго заступался покойный императоръ Павелъ, требуя возвращенія ему Пьемонта. Теперь, когда заступника уже болѣе не было, Наполеонъ постыдился дать Пьемонту управленіе, одинаковое съ управленіемъ всѣхъ другихъ французскихъ департаментовъ, причемъ предписалъ: если Колычевъ станетъ на это жаловаться, то отвѣчать, что дѣло еще нерѣшенное, что сардинскій король вывелъ перваго консула изъ терпѣнія своимъ неуваженіемъ въ нему; а если бы сталъ жаловаться прусскій посланникъ, Люкзевини, то ему отвѣчать, что французское правительство не обязано разсуждать съ прусскимъ королемъ объ итальянскихъ дѣлахъ.

Колычевъ дѣйствительно протестовалъ, и протестовалъ сильно противъ французскихъ распоряженій въ Италіи, настаивая на исполненіи обѣщаній, данныхъ императору Павлу, и давая знать *гражданину* Талейрану, что если эти обѣщанія не будутъ исполнены, то восстановленіе дружбы между Россією и Францією не можетъ быть долговременно. Гражданинъ Талейранъ жаловался

на рѣзкій тонъ Колычева, который скоро былъ отозванъ; но Наполеонъ и Талейранъ ничего не выиграли отъ этой перемирия. Преемникомъ Колычеву былъ назначенъ графъ Марковъ, какъ болѣе искусный и способный на трудномъ постѣ посланника при французской республикѣ; притомъ же опальный сановникъ прошлаго царствованія возобновлялъ свою дѣятельность на блестящемъ постѣ внѣшнемъ, тогда какъ возобновленіе этой дѣятельности на какомъ-нибудь внутреннемъ не очень желалось. Марковъ отличался самыми изысканными придворными манерами XVIII вѣка, утонченною вѣжливостію, входилъ и раскланивался по правиламъ танцевальнаго искусства, ступалъ на цыпочкахъ, говорилъ на ухо, и все остроты. Но этотъ утонченнѣйшій маркизъ превращался во льва, когда надобно было охранять интересы и честь Россіи; онъ принадлежалъ къ такимъ русскимъ дѣятелямъ, о которыхъ говорили, что они *катеринствуютъ*, къ людямъ, привыкшимъ при Екатеринѣ считать Россію первымъ государствомъ въ мірѣ, рѣшительницею судебъ другихъ народовъ.

11-го октября (н. с.) 1801 года Марковъ заключилъ тайную конвенцію между Россіею и Франціею: обѣ державы обязались сообща, въ полномъ согласіи, покончить дѣло о вознагражденіи германскихъ владѣльцевъ вслѣдствіе люневильскаго мира, причемъ выражено было желаніе допускать какъ можно менѣе перемиръ въ государственномъ устройствѣ Германіи; сохранять справедливое равновѣсіе между домами австрійскимъ и бранденбургскимъ; соблюдать искреннее согласіе и сообщать другъ другу свои намѣренія относительно устройства Италіи и свѣтскихъ отношеній римскаго двора для дружескаго окончанія всѣхъ этихъ дѣлъ; первый консулъ обязывался, при русскомъ посредничествѣ, открыть въ скорости мирныя переговоры съ оттоманскою Портою; сохранить неприкосновенность владѣній короля обѣихъ Сицилій, и, какъ скоро судьба Египта будетъ рѣшена, вывести французскія войска изъ Неаполитанскаго королевства; обѣ державы обязались заняться дружески и доброжелательно интересами короля сардинскаго, сколько возможно по настоящему положенію вещей; независимость республики семи іоническихъ острововъ была признана, и постановлено, чтобы въ ней не оставалось болѣе иностранныхъ войскъ; русскій императоръ обязался стараться объ освобожденіи французовъ, находившихся въ турецкомъ плѣну. Обѣ державы обязались немедленно заняться средствами утвердить на вышесказанныхъ основаніяхъ всеобщій миръ, возстановить должное равновѣсіе въ различныхъ частяхъ свѣта, обезопасить свободу морей и дѣйствовать согласно, убѣжденіями и силой

для блага человѣчества, общаго спокойствія и независимости правительства.

Сила, военная удача дали Франціи первенствующее положеніе въ западной Европѣ; но на востокѣ Европы было государство, съ которымъ Франція должна была считаться, подѣлиться своимъ значеніемъ, сообща распорядиться европейскими дѣлами, причѣмъ Россія прямо выставляеть свое начало, свою цѣль: дѣйствовать для блага человѣчества, общаго спокойствія и независимости государствъ. Намъ теперь все это можетъ показаться наивными фразами въ конвенціи, заключаемой съ Наполеономъ; но мы видѣли, что императоръ Александръ именно хотѣлъ испытать новаго правителя Франціи. Не обращая вниманія ни на форму, ни на имя, ни на происхожденіе французскаго правительства, русскій государь задавалъ вопросъ: согласно ли будетъ это правительство содѣйствовать видамъ Россіи въ установленіи всеобщаго спокойствія и прочихъ правильныхъ отношеній между государствами Европы: если будетъ согласно, то какъ бы ни назывался правитель Франціи, первымъ консуломъ или иначе, Россія будетъ съ нимъ въ тѣсномъ союзѣ; если же нѣтъ, то слѣдствіемъ будетъ постоянная вражда. Такимъ образомъ, конвенція естественно вытекала изъ основнаго взгляда императора Александра на вѣщныя отношенія Россіи. Сильно были недовольны конвенціею въ Англіи; сильно потому сердился на нее графъ Семень Воронцовъ и не щадилъ на счетъ ея рѣзкихъ выраженій, причѣмъ продолжалъ толковать о панинскихъ внушеніяхъ, выгораживая Маркова, какъ невольное орудіе. Отчего же конвенція заслужила такую немилость на другомъ берегу пролива? Здѣсь, какъ и во Франціи, вообще не были довольны поведеніемъ новаго русскаго государя, несмотря на то, что онъ миролюбиво, дружественно отнесся ко всѣмъ. Въ Англіи ждали, что въ петербургскомъ кабинетѣ произойдетъ полная реакція послѣднимъ направленіемъ политики предыдущаго царствованія, что новый императоръ сейчасъ же порветъ съ Франціею и тѣсно соединится съ Англіею; сколько въ Англіи надѣялись на такой переворотъ въ политикѣ Россіи, столько же во Франціи боялись его; успокоились, когда увидали, что его нѣтъ, но все же не были довольны миромъ Россіи съ Англіею, спокойнымъ, безпристрастнымъ тономъ политики новаго государя, ея самостоятельностью и независимостию, что все не давало надежды употребить Россію орудіемъ для своихъ цѣлей, заставляло считаться съ нею. Какъ бы то ни было, положеніе, которое принялъ Александръ, должно было повести хотя въ кратковременному усвоенію

Европы: Англія и Франція обѣ были утомлены войною; но скорый миръ былъ бы невозможенъ, еслибъ Франція надѣялась на русскую помощь, какъ было при Павлѣ, или если бы по смерти Павла произошла та реакція, каковой ожидали въ Англіи, которая оперлась бы на Россію для полученія болѣе выгодныхъ мирныхъ условій. Но спокойное и безпристрастное положеніе Россіи представляло Англіи и Франціи перевѣдываться однимъ другъ съ другомъ; онѣ устали, нуждались хотя въ кратковременной передышкѣ, континентальные успѣхи одной были уравновѣшены морскими успѣхами другой: Россія, которая могла положить свою тяжесть на ту или другую чашку вѣсовъ, отстранялась, и воюющія державы приступили къ мирнымъ переговорамъ; Питтъ, котораго имя было неразлучно съ представленіемъ о борьбѣ на жизнь и на смерть между Англіею и Франціею, Питтъ вышелъ изъ министерства; преемникъ его Аддингтонъ поставилъ своею задачею заключеніе и поддержаніе мира.

1-го октября 1801 года были подписаны въ Лондонѣ прелиминарныя статьи мира между Франціею и Англіею: послѣдняя возвращала французской республикѣ и ея союзникамъ всѣ колоніи, захваченныя у нихъ англичанами во время войны, кромѣ испанскаго острова Тринидада въ Америкѣ и голландскаго Цейлона въ Азіи, которые оставались навсегда за Англіею; Египетъ возвращался Турціи, Мальта ордену св. Іоанна іерусалимскаго; французскія войска должны были очистить римскія и неаполитанскія владѣнія, англійскіе острова и гавани Средиземнаго и Адриатическаго морей; обезпечивалась цѣлость Португаліи.

Прелиминарныя лондонскія статьи и парижская франко-русская конвенція были заключены почти въ одно время, вели къ одной общей цѣли, никакого противорѣчія въ себѣ не заключали, а между тѣмъ въ Англіи сильно были взволнованы и раздражены франко-русскою конвенціею: въ ней опять затрогивалось чувствительное мѣсто. Мы видѣли, каковымъ раздраженіемъ было встрѣчено въ Англіи русское предложеніе первому консулу посредничать при заключеніи мира между Франціею и Турціею. Теперь Англія взялась быть посредницей, выговаривая возвращеніе Египта Турціи, и вдругъ узнаеть, что Россія не отказалась отъ своего посредничества и внесла его въ парижскую конвенцію. Въ Англіи не умѣли при этомъ скрыть своего раздраженія, не умѣли скрыть своего стремленія отстранить русское влияние въ Константинополѣ, и министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Гоуесбюри, объявилъ графу Воронцову, что король сильно огорченъ невниманіемъ императора Александра къ его пражскимъ

просьбамъ отказаться отъ плана отдѣльнаго мира между Франціею и Турціею, потому что Англія не заключитъ мира съ Франціею безъ включенія въ него Турціи. Марковъ долженъ былъ знать о лондонскихъ прелиминарныхъ статьяхъ, и, несмотря на это, все же внесъ въ свою конвенцію условіе о посредничествѣ Россіи между Франціею и Турціею.

Англія хотѣла уничтожить вліяніе Россіи на Востока; но до столкновенія этихъ двухъ державъ здѣсь было еще далеко; восточный вопросъ не становился еще на очередь; отношенія на Западѣ оттягивали все вниманіе, а здѣсь человекъ, управлявшій французскою республикою, хотѣлъ отнять у Англіи всякое вліяніе на дѣла континента. Когда, послѣ подписанія лондонскихъ прелиминарій, открылись между Англіею и Франціею переговоры въ Амьенѣ, французскій уполномоченный, братъ перваго консула, Иосифъ Бонапартъ, получилъ внушеніе, что французское правительство не хочетъ слышать при переговорахъ ни о королѣ сардинскомъ, ни о внутреннихъ дѣлахъ Батавіи (Голландіи), Германіи, Швейцаріи и республикъ итальянскихъ; все это совершенно чуждо переговорамъ между Франціею и Англіею, и при составленіи прелиминарій было объ этомъ говорено очень мало—достаточное доказательство, что теперь вовсе не нужно поднимать объ этомъ вопроса. Кабинетъ Аддингтона хотѣлъ во что бы то ни стало заключить поскорѣе миръ: въ этомъ онъ поставлялъ свое значеніе, свою славу, возможность существованія, предполагая сильное желаніе народа видѣть конецъ войны. При сильномъ желаніи уладить что-нибудь, обыкновенно смотрятъ сквозь пальцы на нѣкоторыя затрудненія, спѣшатъ обойти ихъ молчаніемъ, предполагая, что съ теченіемъ времени все уладится, хотя очень часто, съ теченіемъ времени, эти затрудненія являются неодолимыми и разрушаютъ желанное дѣло. Миръ между Англіею и Франціею былъ заключенъ въ Амьенѣ, 25-го марта 1802 года, и народъ въ Англіи, дѣйствительно желавшій передышки, встрѣтилъ его съ восторгомъ. Но когда первое впечатлѣніе прошло, когда наступили минуты спокойнаго обсужденія дѣла, положенія, имъ созданнаго, то стало оказываться, что положеніе это вовсе невыгодно, что противъ стремленія Франціи въ усиленію нѣтъ никакихъ гарантій, континентъ отданъ ей на жертву. Это обсужденіе положенія, созданнаго амьенскимъ миромъ, началось двумя обычными, открытыми путями, путемъ парламентскихъ преній и путемъ печати. Въ парламентѣ поднялась оппозиція изъ приверженцевъ прежняго Питтова министерства; раздались слова: «Англія похожа на крѣпость, которая потеряла

свои внѣшнія увѣрженія. — Амьенскій договоръ представляетъ предиминарію смертнаго приговора Англіи¹⁾. Министры могли отвѣчать одно: «Необходимость требовала заключить миръ: ни оставлены союзниками, новая коалиція на континентѣ въ эту минуту невозможна».

Печать, съ своей стороны, указывала на невыгоды Амьенскаго мира, на ошибки, сдѣланныя при его заключеніи. Англійскіе министры привыкли спокойно относиться къ выходкамъ печати противъ своихъ дѣйствій; но не привыкъ въ этому правитель Франціи. Кромѣ условій, заключающихся въ характерѣ Наполеона и не позволявшихъ ему равнодушно сносить и свободнаго отзыва о его дѣйствіяхъ — не только оскорбленія, самое положеніе его заставляло его быть чрезвычайно чувствительнымъ къ публичнымъ, печатнымъ порицаніямъ. Добиваясь власти и ея утвержденія, онъ былъ осужденъ на постоянную борьбу съ препятствіями, съ людьми, которые не желали его власти, ея утвержденія; онъ не былъ законный государь, онъ былъ только вождь партіи, которую надобно было постоянно усиливать, дѣлать господствующею. Средствомъ для этого былъ успѣхъ очевидный, признанный, блескъ, слава, заставляющія молчать противниковъ; похвала, восторгъ могущественно дѣйствуютъ на толпу, на большинство, заставляютъ его преклоняться предъ человекомъ, которому раздаются постоянныя похвалы, имя котораго провозносится съ восторгомъ; но вотъ раздаются слова сомнѣнія, порицанія, и вождю партіи кажется, что уже толпа смущается, дѣлится, обаяніе исчезаетъ, кумиръ безъ омиама уже не богъ, ему кажется, что число поклонниковъ его уже уменьшается, партія слабѣетъ: поэтому понятно, въ какое раздраженіе приводитъ его каждый враждебный голосъ; понятно, какъ онъ пользуется своею силою, чтобы заставить молчать своихъ противниковъ, враждебныя партіи. На увѣщанія установить свободу печати, Наполеонъ отвѣчалъ: «чего ожидать отъ этихъ людей, которые все еще сидятъ на своей метафизикѣ 1789 года! Свобода печати! Стоять мнѣ только ее возстановить, такъ сейчасъ же появится тридцать журналовъ роялистскихъ, столько же журналовъ яacobинскихъ, и мнѣ придется управлять съ меньшинствомъ!»

Во Франціи слышится одна хвала человеку силы, вождю господствующей партіи; онъ успокоивается, чувствуетъ подъ собою твердую почву, цѣль утвержденія власти кажется достигнутою; но смущаютъ его враждебныя рѣчи, раздающіяся изъ странъ

¹⁾ Рѣчи лорда Гренвилля и Виндгэма.

чужихъ; хотя и не вдругъ, и не безъ труда, но проникнуть они во Францію и могутъ произвести то же дѣйствіе, какъ если бы они раздавались прямо внутри страны; раздраженіе и опасеніе усиливаются тѣмъ, что эти враждебныя статьи и сочиненія выходятъ не только изъ-подъ пера иностранцевъ, мнѣнія которыхъ встрѣчаютъ противодѣйствіе въ патриотическомъ чувствѣ, но также изъ-подъ пера французовъ, роялистовъ, конституціонистовъ, якобинцевъ, у которыхъ есть соумышленники въ самой Франціи; раздраженіе усиливалось еще тѣмъ, что уничтожить эти враждебныя сочиненія, наказать ихъ авторовъ было не во власти правителя Франціи; враги коюли человѣка силы и смѣялись надъ его бессильною яростію; обаяніе силы уменьшалось. Но сила, развиваясь, отвѣчаетъ предполагать для себя препятствія неодолимыя, и первый консуль требуетъ у англійскаго правительства превращенія выходокъ англійской печати, требуетъ изгнанія или наказанія французовъ, нашедшихъ убѣжище въ Англии и пишущихъ противъ новаго порядка вещей въ своемъ отечествѣ. Ему отвѣчаютъ, что по англійской конституціи печать пользуется полною свободою; что въ Англии не потеряты вредныя дѣйствія французскихъ эмигрантовъ, но принимать противъ нихъ мѣры предварительныя несогласно съ честью и закономъ гостепримства. Наполеонъ возражалъ, что англійское правительство можетъ позволять печати порицанія дѣйствій своего внутренняго управленія; но есть высшія требованія, требованія междунаrodnаго права, предъ которыми должны молчать законы отдѣльныхъ государствъ; что можно терпѣть у себя и противъ себя, того нельзя позволять въ отношеніи къ чужимъ правительствамъ. Эти новыя положенія междунаrodnаго права не могли быть признаны англійскимъ правительствомъ, и Наполеонъ сталъ вести войну противъ англійскихъ газетъ въ своей газетѣ, въ «Монитерѣ», гдѣ постоянно появлялись самыя грубыя выходы противъ основъ англійской политической жизни. Любопытны сцены, какіе иногда въ «Монитерѣ» сводились между двумя хищничествами, французскимъ и англійскимъ; сравнивая французовъ съ англичанами, «Монитеръ» однажды воскликнулъ: «какое различіе между народомъ, который дѣлаетъ завоеванія изъ любви къ славѣ, и народомъ торгашей, который становится завоевателемъ!»

Понятно, что такая газетная война не могла успокоить раздраженія; она напомнила обычай первобытныхъ народовъ—передъ началомъ битвы ругаться, особенно осыпать насмѣшками и бранью вождей. Обычай сохранился съ тѣмъ различіемъ, что у народовъ первобытныхъ бранятся устно передъ битвой, а у наро-

довъ цивилизованныхъ бранятся печатно, въ газетахъ и отдѣльныхъ сочиненіяхъ, въ прозѣ, а иногда и въ стихахъ, слѣдствіе же одно и то же—взаимное раздраженіе. Но, кромѣ этого раздраженія, были и другія причины, недопускавшія продолженія мира. Наполеонъ не хотѣлъ признать за Англіею никакого права вмѣшиваться въ его распоряженія съ сосѣдними слабыми народами; на представленія относительно этихъ распоряженій онъ отвѣчалъ съ такою безцеремонностію, отъ какой новыя европейско-христіанскіе народы давно уже отвыкли. Англія, съ своей стороны, не могла удержаться отъ искушенія удерживать за собой драгоцѣнную Мальту, оправдывая такое нарушеніе договора его непрочностію вслѣдствіе поступковъ перваго консула. Наполеонъ присоединилъ въ Франціи Пьемонтъ и островъ Эльбу и распоряжался хозяиномъ въ Швейцаріи; англійское правительство заговорило по этому поводу о политическомъ равновѣсіи, о люневильскомъ мирѣ. Наполеонъ велѣлъ отвѣчать на это угрозами: «безъ сомнѣнія, Англія станетъ искать союзниковъ въ Европѣ. Если она ихъ найдетъ, то этимъ она только заставитъ насъ завоевать Европу. Первому консулу только 33 года, онъ сокрушалъ только до сихъ поръ государства второстепенныя! Кто знаетъ, сколько ему понадобится времени, чтобъ измѣнить лицо Европы и возстановить западную имперію?» Но въ Англіи думали, что если дать Наполеону свободу распоряжаться на континентѣ—такъ, какъ онъ до сихъ поръ распоряжался, то не будетъ безопасности и для владычицы морей. Въ парламентѣ раздавались слова: «ждать-ли, чтобъ онъ овладѣлъ всѣмъ континентомъ и тогда только начать противъ него дѣйствовать. Бонапартъ заключилъ договоръ съ французами: они согласны повиноваться ему подъ условіемъ, что онъ доставитъ имъ владычество надъ вселенной». Раздраженіе и безъ того уже было сильно, когда Наполеонъ, съ цѣлюю пристращать Англію, коснулся главнаго ея интереса: въ началѣ 1803 года въ «Монитѣрѣ» появилось доведеніе Себастіани, отправленнаго первымъ консуломъ на Востокъ; здѣсь говорилось о легкости вторичнаго завоеванія Египта Франціею: по утвержденію Себастіани, для этого достаточно было 6000 французскаго войска. Нельзя было придумать лучшаго средства задѣть англичанъ за живое; раздраженіе ихъ достигло высшей степени. Аддингтонъ долженъ былъ отказаться отъ своей системы поддерживать миръ во что бы то ни стало. Наполеонъ слалъ одну угрозу за другой: онъ объявилъ въ «Монитѣрѣ», что 500,000 войска готово защищать республику и мстить за нее. Наполеонъ, какъ всѣ люди его характера и по-

ложенія, считалъ только своимъ правомъ грозить, пугать, и выходить изъ себя, если угрожаемый становился въ боевое положеніе. Такъ, когда король Георгъ III повѣстилъ палатѣ общины, что надобно принять мѣры предосторожности, Бонапартъ въ сильномъ волненіи подошелъ къ англійскому посланнику лорду Уитворту и сказалъ ему громко: «итагъ, вы рѣшились объявить намъ войну! Мы воевали десять лѣтъ, вы хотите воевать еще 15 лѣтъ, вы меня къ этому принуждаете». Подлѣ стояли два посла — русскій, Марковъ, и испанскій, Азара; Наполеонъ обратился къ нимъ: «англичане хотятъ войны; но если они первые обнажать шпагу, то я послѣдній вложу ее въ ножны; они не уважаютъ договоровъ, которые должно покрыть чернымъ вѣтромъ». Послѣ этой выходки, Наполеонъ обратился опять къ Уитворту: «зачѣмъ вооруженіе? Противъ кого мѣры предосторожности? У меня нѣтъ ни одного линейнаго корабля въ моихъ гаваняхъ! Вы хотите драться, и я буду драться! Вы можете убить Францію, но не испугать!» — «Мы бы не хотѣли ни того, ни другого, хотѣли бы жить въ добромъ согласіи съ Франціею», — сказалъ посланникъ. — «Такъ надобно уважать договоры, — закричалъ Наполеонъ: — горе неуважающимъ договоры!» Наполеонъ этими словами намекалъ на то, что Англія не очищала «Мальты»; но упрекъ другимъ въ неуваженіи договоровъ звучалъ очень дико въ устахъ Наполеона. Въ отвѣтъ на выходку перваго консула Англія потребовала, въ видѣ гарантіи, «Мальту» на десять лѣтъ, и въ то же время потребовала, чтобы Франція вывела войска свои изъ батавской республики (Голландіи), изъ Швейцаріи и дала вознагражденіе королю сардинскому. Подобныя требованія могли быть сдѣланы только для того, чтобы выдти изъ тяжелаго нерѣшительнаго положенія; цѣль была достигнута: война между Англіею и Франціею началась снова; французы заняли Ганноверъ, принадлежавшій англійскому королю.

А между тѣмъ Наполеонъ не хотѣлъ войны съ Англіею: кромѣ убытковъ, вѣрныхъ морскихъ пораженій, потери флота, эта война не могла ему ничего обшцать; руки были коротки, достать ненавистный островъ, несмотря на всю его близость, было нельзя; угроза высадки, несмотря на всѣ приготовления, оставалась только угрозою; занятіе Ганновера, принадлежавшаго англійскому королю, нисколько не трогало англичанъ. Но и миръ съ Англіею былъ невозможенъ, потому что Англія не хотѣла смотрѣть равнодушно, какъ Наполеонъ распоряжался на континентѣ. Точно въ такомъ же положеніи находился Наполеонъ и въ Россіи: онъ не хотѣлъ войны съ нею, а война была неиз-

бѣжна, потому что Россія не давала ему распоряжаться въ Европѣ, поработать слабѣйшія государства; съ Россією заключены были обязательства—съ тѣмъ, разумѣется, чтобъ ихъ не исполнять; но Россія отъ нихъ не отступалась; надобно было какъ-нибудь ее занять на время, заставить выпустить изъ виду общіе интересы для частнаго, соблазнить, указавъ на какой-нибудь лакомый кусокъ. Въ 1802 году, когда готовился разрывъ амьенскаго мира, Марковъ доносилъ своему двору, что Бонапартъ постоянно заводитъ разговоръ о близкомъ распаденіи оттоманской имперіи. Это произвело тревогу въ Петербургѣ. Все вниманіе сосредоточено было на Западѣ; Турція, не услѣвшая еще опомниться послѣ египетскаго похода Наполеонова, когда страшная опасность стала грозить ей со стороны, откуда она вовсе ее не ожидала, Турція не подавала никакого повода къ неудовольствию, и въ Петербургѣ брало верхъ мнѣніе, что слабая Турція есть самый удобный сосѣдъ и трогать ее не слѣдуетъ. Объ этомъ твердилъ графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ, слѣдовательно, таково-жъ было убѣжденіе и брата его, графа Александра, теперь канцлера, причемъ Воронцовымъ было пріятно указывать, что политика Екатерины II относительно Турціи была ошибочна; здѣсь они дѣйствовали въ духъ партій, ибо не могли не знать, что обѣ турецкія войны при Екатеринѣ II были начаты совершенно противъ воли русскаго правительства. Взглядъ Воронцовыхъ вполне раадѣлялъ молодой, близкій къ императору Александру, графъ Викторъ Павловичъ Кочубей, бывшій посланникомъ въ Константинополь и потомъ короткое время помогавшій канцлеру Воронцову въ завѣдываніи иностранными дѣлами до Чарторыйскаго. Кочубею, какъ знающему съ положеніемъ Турціи, принадлежалъ теперь первый голосъ, когда надобно было подумать о восточныхъ дѣлахъ вслѣдствіе донесенія Маркова. Кочубей объявилъ, что при поднятіи восточнаго вопроса Россіи предстоитъ выборъ: «или приступить къ подѣлу Турціи съ Франціею и Австріею, или стараться отратить столь вредное положеніе вещей. Сомнѣнія нѣтъ, чтобъ послѣднее не было предпочтительнѣе, ибо независимо, что Россія въ пространствѣ своемъ не имѣетъ уже нужды въ расширеніи, нѣтъ сосѣдей покойнѣе турковъ, и сохраненіе сихъ естественныхъ непріятелей нашихъ должно дѣйствительно впредь быть вѣчнымъ правиломъ нашей политики». Кочубей совѣтовалъ свестись по этому дѣлу съ Англіею и предостеречь Турцію. Мнѣніе было принято, и 24 декабря 1802 года канцлеръ Воронцовъ отправилъ Маркову письмо, въ второмъ уполномочивалъ его каждый разъ отвѣчать

Бонапарту ясно, что императоръ Александръ никакъ не намѣренъ принять участіе ни въ какомъ проеكتѣ, враждебномъ Турціи.

Удочка завидывалась понапрасну; Россія не пошла на эту приманку. Попробовали другое средство: въ доказательство своего уваженія къ императору Александру, Наполеонъ предложилъ ему быть не только посредникомъ, но верховнымъ рѣшителемъ спора между Англіей и Франціей. Александръ отклонилъ эту опасную честь: война уже началась; согласится ли Англія для ея окончанія подчиниться рѣшеніямъ русскаго государя; если не согласится, то это будетъ оскорбленіе, и Франція получитъ право требовать союза Россіи противъ державы оскорбившей. Но если бы даже Англія и согласилась, то развѣ легко было безпристрастнымъ рѣшеніемъ удовлетворить обѣ державы? Александръ принялъ болѣе скромную роль посредника и предложилъ условія: Франціи — очистить Ганноверъ, Голландію, Швейцарію, верхнюю и нижнюю Италію; Пьемонтъ останется за нею, но сардинскій король получитъ за него вознагражденіе. Александръ предлагалъ занять русскими войсками островъ Мальту, съ тѣмъ, чтобы срокъ этого занятія былъ опредѣленъ впоследствии. Наполеонъ отвѣчалъ, что онъ можетъ заключить миръ съ Англіей только на амьенскихъ условіяхъ. Безъ сомнѣнія, онъ очиститъ, когда придетъ время, Голландію, Италію и Швейцарію; но это никакъ не можетъ войти въ условія мира съ Англіей. Наполеонъ требовалъ перемирія и конгресса для рѣшенія всѣхъ споровъ. Но условія, предложенныя Александромъ, были такъ же необходимы и для Россіи, какъ для Англіи. Прежде всего, по отношенію къ Балканскому полуострову, нельзя было допустить владычества французовъ въ Италіи. Графъ Семенъ Воронцовъ, руководясь интересомъ минуты, даже совѣтовалъ англійскому министерству удерживать Мальту въ видахъ недопущенія французовъ въ турецкія владѣнія; совѣтъ былъ неблаговиденъ; графу Семёну послали изъ Петербурга на этотъ счетъ внушеніе и придумали средство прекратить споръ и обезопасить свои интересы — занятіемъ Мальты русскими войсками; но отвѣтъ Наполеона, что онъ очиститъ Италію, Швейцарію, Голландію, когда придетъ время, показывалъ всю его неискренность. Россія, по своему положенію, непосредственно войны начать не могла; она могла стать только во главѣ коалиціи, поддерживать другія ближайшія къ Франціи державы; Англія могла поддерживать коалицію деньгами, но безъ Россіи не могла ничего сдѣлать на континентѣ, и потому, какъ скоро Россія и Англія видѣли, что Наполеонъ не можетъ остановиться

на пути захвата, то необходимо сближались для образованія и поддержки коалиціи. Отсюда, передъ разрывомъ Англій съ Франціей, когда старанія Россіи поддержать амьенскій миръ оставались тщетными, сближеніе Россіи съ Англіей становилось тѣснѣе, и русскій посолъ во Франціи, естественно, долженъ былъ сближаться съ посломъ англійскимъ; и послѣ разрыва мира въ 1803 году, по удаленіи лорда Уитворта изъ Парижа, графъ Марковъ долженъ былъ вести себя по-прежнему, ибо со стороны французскаго правительства не видно было ни малѣйшей склонности удовлетворить русскимъ требованіямъ. Поведеніе Маркова, самостоятельное и твердое, сильно раздражало Наполеона; не могъ онъ выносить присутствія человѣка, въ глазахъ котораго читалъ: «я за тобою слѣжу и очень хорошо тебя понимаю, ты меня не обманешь!» Хотя Наполеонъ не могъ не понимать, что охлажденіе между Россіей и Франціей, и даже разрывъ между ними — неизбеженъ по самому ходу дѣлъ, но все же перемѣна посла представляла нѣкоторую возможность отдалить развязку: быть можетъ, пришлютъ кого-нибудь менѣе проникательнаго, искуснаго и твердаго, чѣмъ Марковъ?

Въ августѣ 1803 года, Талейранъ поручилъ французскому посланнику въ Петербургѣ, Гедувиллю, потребовать отъ русскаго правительства, именемъ перваго консула, отозванія Маркова изъ Франціи! Причины приводились слѣдующія, причемъ не пощажено было ничего, чтобъ очернить русскаго посла въ глазахъ его государя: «Пока миръ продолжался (между Франціей и Англіей), — писалъ Талейранъ, — Маркова терпѣли въ Парижѣ, хотя онъ велъ себя, какъ истый англичанинъ, потому что это не было опасно; но теперь, когда началась война, которой нельзя предвидѣть конца, присутствіе человѣка, столь недоброжелательнаго къ Франціи, болѣе, чѣмъ неприятно для перваго консула. 18-тъ мѣсяцевъ г. Марковъ заставлялъ извѣстнаго Фуилью распространять бюллетени, заключавшіе въ себѣ оскорбленія и клеветы. Первый консулъ не хотѣлъ придавать важности такому поведенію, потому что г. Марковъ недавно пріѣхалъ, могъ еще не испробовать почвы, гдѣ находился. Но и послѣ восемнадцати-мѣсячнаго пребыванія, поведеніе его не стало болѣе дружественнымъ и болѣе скромнымъ. Онъ болтаетъ во всѣхъ углахъ Парижа и болтаетъ такъ, что первый консулъ не можетъ болѣе выносить этой болтовни. Должно сказать, что онъ не падить и поступковъ собственнаго правительства, не падить даже особы Его Величества. Чего не наговорилъ онъ объ указѣ относительно народнаго просвѣщенія, о поощреніяхъ Его Величества крестьян-

скому освобожденію? Онъ безпрестанно повторяетъ фразу: «У императора своя воля, а у русскаго народа другая». При настоящихъ обстоятельствахъ, г. Марковъ ежедневно предсказываетъ, что пламя войны обхватитъ весь континентъ, и нельзя съ нимъ имѣть никакого разговора: онъ все перетолкуетъ въ дурную сторону. Самъ лордъ Уитвортъ былъ пораженъ яростью, съ какою Марковъ побуждалъ къ войнѣ; изумленіе его было такъ сильно, что онъ сказалъ гражданину Іосифу Бонапарту, съ которымъ онъ былъ въ дружбѣ, что г. Марковъ играетъ ненавистную роль».

Бонапартъ не расстался съ Марковымъ мирно. Онъ возненавидѣлъ его еще болѣе, потому что оскорблялъ, и не могъ удержаться отъ нападенія на ненавистнаго человѣка; притомъ очень нравилось молодому генералу, власти новой, унижать представителей древнихъ властей; распевать по-военному пословъ иностранныхъ входило въ привычку. Въ сентябрѣ 1803 года, во время одной изъ публичныхъ аудіенцій, Бонапартъ подошелъ къ Маркову, съ искаженнымъ отъ злобы лицомъ, дрожащими губами, и сталъ ему говорить задыхающимся, но громкимъ голосомъ: «Зачѣмъ императоръ покровительствуетъ Дантрегу, французскому уроженцу, который живетъ въ Дрезденѣ и пишетъ тамъ пасквили противъ французскаго правительства; еслибъ я позволялъ себѣ такое же поведеніе относительно русскаго подданнаго, поселившагося во Франціи, то, конечно, императоръ не былъ бы доволенъ». — «Дантрегъ, — отвѣчалъ Марковъ, — давно уже числится въ русской службѣ, и могу увѣрить, что императоръ ничего не зналъ о пасквиляхъ его противъ французскаго правительства, а еслибъ узналъ, то немедленно заставилъ бы его прекратить такую дѣятельность; я также ничего не зналъ объ этомъ: въ первый разъ слышу». Отбитый словами, смыслъ которыхъ состоялъ въ томъ, что о такихъ ничтожныхъ дѣлахъ, какъ дѣло Дантрега, правительства, прежде упрековъ и жалобъ изъ устъ главы государства, даютъ знать другъ другу чрезъ министровъ, если только находятъ нужнымъ давать знать, Наполеонъ бросился въ другую сторону, но къ такому же собственно полицейскому дѣлу, срывая свое сердце въ ругательствахъ противъ Крестена. Этотъ Крестенъ былъ родомъ швейцарецъ, находился также въ русской службѣ и получалъ отъ русскаго двора пенсію. Теперь вдругъ французское правительство его схватило и посадило въ крѣпость. Марковъ протестовалъ, и за этотъ-то протестъ Бонапартъ счелъ нужнымъ теперь дать на него окрикъ: «Я велѣлъ схватить и отвести въ крѣпость Крестена, потому что онъ французъ и былъ секретаремъ принцевъ (бурбонскихъ), да и всегда

велъ себя гадко». — «Кристѣнъ, — отвѣчалъ Марковъ, — вовсе не французъ, а швейцарецъ, и я имѣлъ достаточное право оказать ему покровительство въ случаѣ его невинности». Слыша и тутъ твердую отвѣдь, Наполеонъ оставилъ Маркова, но, уходя, сказалъ громко: «Мы не такія бабы, чтобъ терпѣливо сносить подобныя поступки со стороны Россіи, и я буду арестовывать всѣхъ, которые станутъ дѣйствовать противъ интересовъ Франціи».

На другой день Марковъ поѣхалъ къ Талейрану и далъ ему записку, въ которой излагалась вчерашняя сцена. Талейранъ обратилъ все это въ шутку и сталъ упрашивать Маркова взять записку назадъ и не давать дѣлу хода. «Вы, — говорилъ онъ, — должны смотрѣть на эти вещи спокойнѣе, чѣмъ другіе, потому что вы больше другихъ получаете предпочтенія и уваженія, которые вамъ здѣсь расточаютъ при всякомъ случаѣ». Марковъ, смотря ему пристально въ лицо, отвѣчалъ: «Эти знаки уваженія секретъ для меня и для другихъ, тогда какъ оскорбленіе было мнѣ нанесено публично, и я васъ прошу представить мою записку первому консулу, чтобъ впередъ мнѣ было обезпеченіе отъ подобныхъ выходовъ». Талейранъ началъ толковать о томъ уваженіи, какое Бонапартъ всегда оказываетъ къ желаніямъ императора Александра. «Гдѣ это уваженіе? — отвѣчалъ Марковъ: — императоръ проситъ васъ уважать нейтралитетъ государствъ ему союзныхъ и таковыхъ, которыхъ торговые интересы связаны съ интересами его подданныхъ, а вы продолжаете наводить ихъ войсками. Императоръ, по человеколюбію и съ вашего согласія, образовалъ маленькое государство на іоническихъ островахъ, а вашъ повѣренный въ Корфу свѣтъ тамъ раздоръ и анархію, и самъ первый консулъ позволилъ себѣ такой неслыханный поступокъ, назначивъ на своемъ жалованьи коммерческаго агента для этой маленькой республики. Я вамъ подаю рекламации, и не получаю никакого отвѣта». Талейранъ: «Охотно будемъ уважать нейтралитетъ на сушѣ, только заставьте Англію уважать его на морѣ; а на іоническихъ островахъ ваше вліяніе сильнѣе французскаго».

Въ тотъ же день Талейранъ прислалъ свою жену завтракать съ дочерью Маркова, ребенкомъ пяти съ половиною лѣтъ. Другая дама рассказывала русскому послу, что первый консулъ жагѣеть о своей живости и что объ этомъ слышала она отъ самой Жозефины Бонапартъ. Для уясненія себѣ, въ какомъ положеніи находятся дѣла, Марковъ обратился къ брату перваго консула — Луціану, зная, что онъ хорошъ съ Талейраномъ. Луціанъ отвѣчалъ, что они съ братомъ Іосифомъ часто говорили о немъ,

Марковъ, брату Наполеону, и тотъ жаловался на нѣкоторую гордость или рѣзкость характера Маркова, которая его оскорбляетъ, тѣмъ болѣе, что всѣ остальные послы преклонялись предъ нимъ. Луціанъ прибавилъ, что они съ братомъ Иосифомъ часто горевали, видя уступчивость императора Александра относительно перваго консула; если бы Наполеонъ встрѣтилъ препятствія со стороны русскаго государя, то, несмотря на бурность своего характера, духъ правоты, которымъ онъ въ то же время обладаетъ (?), остановилъ бы его относительно многихъ вещей; но теперь, увѣрившись, что нѣчего бояться со стороны далекой Россіи, и низложивши или обольстивши все окружающее, онъ считаетъ для себя все позволительнымъ и не перестаетъ затѣвать предпріятія, которыя рано или поздно могутъ привести его и родныхъ его къ погибели.

Скоро послѣ этого Марковъ былъ отозванъ. Александръ далъ знать первому консулу, что не усматриваетъ виновности Маркова, ибо все, что донесено на него, противно точной истинѣ (*exacte vérité*); но отзываетъ его вслѣдствіе собственной его повторенной просьбы, ибо нельзя оставлять его въ такомъ неприятномъ положеніи (17 октября 1803 года). Въ рескриптѣ Маркову говорилось, что государь съ сожалѣніемъ лишается его службы на этомъ постѣ, что обвиненія, на него взведенныя, суть клеветы. Преемникъ Маркову назначенъ не былъ; во Франціи остался русскій повѣренный въ дѣлахъ—Убри. Испытаніе, означенное въ политической программѣ Александра, кончилось: Наполеонъ оказался неспособнымъ уважать независимость державъ и содѣйствовать установленію европейскаго равновѣсія; сношенія съ нимъ не повели къ удовлетворительному результату. Для его достиженія, надобно было обратиться къ другому средству,—къ составленію коалиціи; Англія была уже въ войнѣ съ Франціей; надобно было склонить къ общему дѣйствию Австрію и Пруссію.

Австрія, послѣ двухъ бонапартовскихъ погромовъ, имѣла нужду въ отдыхѣ и должна была желать, чтобъ отдыхъ этотъ былъ какъ можно продолжительнѣе; но все же борьба съ Франціей представлялась ей какъ необходимость, и всѣ усилія направлялись къ тому, чтобъ встрѣтить эту необходимость при возможно-благоприятныхъ условіяхъ, съ лучшимъ приготовленіемъ. Она чувствовала себя въ осадномъ положеніи отъ Франціи, которая стояла у ея воротъ—и въ Германіи, и въ Италіи; преимущественно въ послѣдней странѣ, гдѣ въ дѣйствительности границы французскія сходились съ австрійскими, и окончательный шагъ къ слитію Италіи съ Франціей долженъ былъ принудить Австрію

въ отчаянному усилию для воспрепятствованія этому шагу. Тяжелый опытъ, несчастное окончаніе двухъ кампаній убѣждали, что Австрія не можетъ вести борьбу съ Наполеономъ одинъ-на-одинъ, что на соединеніе съ Пруссіею надѣяться нечего, что помощи можно ожидать отъ одной Россіи, и гибель стала грозить Австріи, когда, при императорѣ Павлѣ, Россія отвернулась отъ нея, входя въ соглашенія съ Франціею и Пруссіею. Чѣмъ сильнѣе было въ Вѣнѣ чувство страшной опасности, тѣмъ отраднѣе была вѣсть о вступленіи на престолъ Александра, объявившаго, что будетъ идти по стопамъ Екатерины. Не дожидаясь извѣщенія о восшествіи на престолъ новаго русскаго государя, императоръ Францъ отправилъ Александру письмо, съ выраженіемъ сильнѣйшаго желанія возстановить между Россіею и Австріею старый союзъ, отчего зависить судьба Европы. Но послѣ этого общаго заявленія, въ Вѣнѣ спѣшили оговориться, точнѣе опредѣлить отношенія, чтобъ письмо императора Франца не показалось въ Петербургѣ предложеніемъ къ коалиціи, и австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Коллоредо, сообщилъ князю Куракину такой мемуаръ (27 мая 1801 года): «Императоръ-король, спѣша открыть свои самыя сокровенныя мысли послѣдователю Екатерины II-й, начинаетъ признаніемъ полного различія въ мѣрахъ, требуемаго совершеннымъ различіемъ между политическими обстоятельствами, въ какихъ оставила Европу эта великая государыня, и тѣми, какія существуютъ теперь. Не къ составленію враждебной коалиціи противъ французской республики клонятся желанія Австріи. Она чувствуетъ необходимость мира: это первая потребность Европы и особенно первая потребность австрійскихъ владѣній, ослабленныхъ, истощенныхъ относительно людей и финансовыхъ средствъ. Къ поддержанію мира, его возможности, его твердости устремлены всѣ заботы и желанія Австріи. Главное средство удержать французское правительство въ границахъ—это возстановленіе согласія между важнѣйшими государствами; но дѣло вознагражденія германскихъ дворовъ, выговореннаго въ люневильскомъ договорѣ, препятствуетъ этому согласію. Французы и друзья ихъ стараются воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобъ удалить другъ отъ друга императорскіе дворы, поселяя въ русскомъ правительствѣ подозрѣнія на счетъ намѣреній Австріи».

Въ Вѣнѣ дѣйствительно думали, что французы и друзья ихъ (т.-е. Пруссія) стараются удалить Россію отъ сближенія съ Австріею; но основанія политики молодого русскаго императора были такъ тверды, что никакія перессориванія не могли дости-

гать дѣли: рѣшено было испытать, способно ли французское правительство къ миру, и если неспособно, то дѣйствовать посредствомъ коалиціи; но сильная неувѣренность въ успѣхъ испытанія и необходимость имѣть въ виду коалицію заставляли самымъ дружественнымъ образомъ относиться къ Австріи. Ея посланникъ, князь Шварценбергъ, былъ принятъ чрезвычайно радушно императоромъ и министрами. Князь Куракинъ говорилъ ему о сильнѣйшемъ желаніи императора Александра возстановить дружественныя отношенія между обоими государствами; Панинъ говорилъ, что до сихъ поръ шли по ложной дорогѣ, и эти слова имѣли для Шварценберга особенный вѣсъ именно въ устахъ Панина; другія вліятельнѣйшія лица также выражали склонность къ союзу съ Австріею. Вопросъ для русскаго кабинета заключался въ томъ, въ какой степени этотъ союзъ можетъ быть полезенъ при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находился австрійскій дворъ. Въ знаменитой инструкціи русскимъ министрамъ при иностранныхъ дворахъ объ австрійскихъ отношеніяхъ императоръ Александръ говорилъ: «Такъ какъ я убѣжденъ, что союзъ великихъ державъ одинъ въ состояніи возстановить миръ и общественный порядокъ, то однимъ изъ первыхъ моихъ дѣлъ было заявленіе вѣнскому двору искренняго желанія предать забвенію все прошлое. Такое же стремленіе, основанное на тѣхъ же самыхъ побужденіяхъ, заставило римскаго императора идти на встрѣчу моимъ желаніямъ. Не ожидая извѣщенія о моемъ восшествіи на престолъ, этотъ государь въ собственноручномъ письмѣ выразилъ мнѣ самое сильное желаніе возстановить дружескія отношенія. Австрія, поставленная между Франціею, къ которой питаетъ боязнь и ненависть, между Пруссіею, которой не вѣритъ, и остальною Германіею, которую отчудила отъ себя своими корыстными замыслами, чувствуетъ необходимость сблизиться съ Россіею. Этотъ принципъ сближенія, превосходный въ теоріи, можетъ оказаться ничтожнымъ въ практикѣ, какъ скоро будетъ дурно приложено; а этого надобно опасаться, пока благонамѣренность государя и ревность подданныхъ, наиболѣе преданныхъ добродѣлю, будутъ встрѣчать препятствія въ придворныхъ и министерскихъ интригахъ, въ взаимной ненависти и страстяхъ вліятельныхъ лицъ. Эти лица суть: императрица, Тугутъ и эрцгерцогъ Карлъ. Около нихъ составлены партіи, раздирающія государство. Эес-министръ (Тугутъ, которому приписывались всѣ дѣйствія, поведшія къ разрыву австро-русской коалиціи при императорѣ Павлѣ), хотя находится въ отсутствіи, но приводитъ въ движеніе Коллоредо, а черезъ него имѣетъ вліаніе на всѣ раз-

сужденія кабинета». Въ Петербургѣ получались донесенія изъ Вѣны, что императрица Марія-Тереза совершенно владѣетъ императоромъ, не показывая его въ публику, не отходитъ отъ него, и ненавидима народомъ, который жальетъ Франца, предполагая въ немъ большую доброту. Тугутъ живетъ въ Пресбургѣ, но съ нимъ безпрестанно пересылаются курьерами, совѣщаются; онъ сохранилъ свое вліяніе надъ императоромъ, или, лучше сказать, надъ императрицею. Народъ приписываетъ Тугуту всѣ бѣдствія имперіи. Императрица и Тугутъ дѣйствуютъ интригами; но у эрцгерцога Карла есть партія, которая его обожаетъ по мѣрѣ ненависти къ его личнымъ врагамъ—императрицѣ и Тугуту. Писать къ императору Александру понудилъ Франца графъ Траутмансдорфъ, человекъ благонамѣренный.

Сближеніе съ одною Австріею было недостаточно, особенно въ видахъ коалиціи; Александру I предстоялъ тотъ же страшный трудъ, который былъ употребленъ понапрасну его бабкою и отцомъ, трудъ склонить Пруссію къ общему дѣйствию, и тутъ прежде всего нужно было мирить непримиримые интересы Австріи и Пруссіи. По прежнему эти державы забывали общую опасность, общій интересъ, когда поднимался вопросъ о добычѣ, вознагражденіи; обѣ державы, позабывая все, имѣли въ виду только одно, чтобъ которая-нибудь изъ нихъ не получила больше. Въ концѣ XVIII вѣка онѣ перессорились, потеряли возможность общаго дѣйствія изъ-за польской добычи; теперь, въ началѣ XIX вѣка, онѣ косились изъ-за вознагражденія, которое германскіе владѣльцы должны были получить за лѣвый берегъ Рейна, отошедшій къ Франціи по люневильскому миру; Австрія втягивалась въ это дѣло потому, что должна была получить вознагражденіе для одного изъ своихъ принцевъ, потерявшаго Тоскану, и, главное, хлопотала, чтобъ Пруссія не получила много. Въ Вѣнѣ съ ужасомъ видѣли, что Россія склонна удовлетворить прусскимъ требованіямъ, хотя въ Петербургѣ и подсмѣивались надъ аптекарскимъ счетомъ, составленнымъ въ Берлинѣ. Стало празднымъ мѣсто архіепископа вѣльскаго: Австрія хотѣла, чтобъ выборы послѣдовали немедленно, имѣя въ виду избраніе одного изъ своихъ принцевъ; Пруссія требовала, чтобъ выборы были отложены до рѣшенія вопроса о вознагражденіяхъ; Россія раздѣляла мнѣніе Пруссіи, какъ соответствующее обстоятельствамъ. Австрія твердила, что готова согласиться на все въ пользу Баваріи, Вюртемберга и Бадена, лишь бы только Пруссія не получила ничего лишняго. «Неужели,—говорили въ Вѣнѣ,—въ Петербургѣ такъ ослаблены, что не видятъ опасности, какая грозитъ Россіи отъ

Пруссія? Ни Порты, ни Швеція не могутъ быть для Россіи такими страшными врагами, какъ Пруссія?» Въ Петербургѣ австрійскій посланникъ графъ Заурау сказалъ графу Кочубею: «Россія будетъ расказываться, что содѣйствовала увеличенію Пруссіи, не обращая никакого вниманія на Австрію».

Въ Россіи дѣйствительно не обращали вниманія, только не на Австрію, а на ея внушенія противъ Пруссіи; здѣсь были убѣждены, что опасность для Россіи и Европы грозитъ изъ Франціи, и для предотвращенія этой опасности державамъ надобно стоять въ тѣсномъ союзѣ съ оружіемъ въ рукахъ, и что этотъ союзъ будетъ неполонъ, если въ него не будетъ входить Пруссія. Склонить ее къ этому было чрезвычайно трудно; это значило въ государствѣ самодержавномъ, что трудно было склонить короля Фридриха-Вильгельма III. Дѣйствительно, находили причины прусскаго бездѣйствія въ характерѣ короля, въ отсутствіи энергіи, военныхъ способностей, откуда происходила робость предъ рѣшительнымъ шагомъ, предъ вступленіемъ въ борьбу съ такимъ врагомъ, какъ Наполеонъ. Нельзя отрицать въ натурѣ Фридриха-Вильгельма III значительной доли мягкости, которая дѣлала для него труднымъ рѣшительный шагъ; нужно было исторіи употребить сильныя средства, нужны были тяжелые удары судьбы, чтобъ заставить его рѣшиться на энергическія мѣры или, по крайней мѣрѣ, сочувственно смотрѣть на ихъ проведеніе. Но, съ другой стороны, нельзя отрицать, что робость, нерѣшительность Фридриха-Вильгельма происходили также отъ сознанія положенія и средствъ своего государства. Пруссія жила славою, наслѣдованною отъ Фридриха II; но, при внимательномъ взглядѣ, можно было усмотрѣть, что средства внутреннія и условія внѣшнія далеко не соотвѣтствовали тому значенію, какое придавалось ей, и какое, разумѣется, ей очень хотѣлось поддержать. Пруссія была обязана своимъ значеніемъ преимущественно личности Великаго-Фридриха; но, несмотря на всѣ усилія этого государя, Пруссія, по его смерти, не была великою державою, которая бы представляла вполнѣ независимую силу, особенно когда поднялась Франція при Наполеонѣ; Пруссія явилась слабою среди сильныхъ: по одну сторону Франція была сильнѣе ея, по другую Россія была сильнѣе ея, да и враждебная Австрія превосходила ее внутренними средствами, возможностью вести борьбу и скорѣе оправляться послѣ пораженія. Оказывалось ясно, что Европѣ предстоитъ долгая и тяжелая борьба вслѣдствіе завоевательныхъ стремленій Франціи, главное противодѣйствіе которымъ будетъ оказываться со стороны Россіи; борьба, слѣдовательно, будетъ идти между этими

главными, столбовыми государствами Европы; государства слабѣйшія, находящіеся посрединѣ, должны, по своимъ интересамъ и обстоятельствамъ, примыкать къ той или другой. Наступательное движеніе идетъ явно со стороны Франціи, которая не останавливается въ своихъ захватахъ; политика Россіи охранительная, она представляетъ защиту, опору коалиціи противъ Франціи; казалось бы, поэтому, что самымъ простымъ, естественнымъ дѣломъ было примкнуть къ Россіи; но для прусскаго короля и его приближенныхъ людей существовали причины, производившія раздумье. Пруссія не была въ такихъ непосредственныхъ столкновеніяхъ съ Франціею, какъ Австрія по отношенію къ Италіи. Главною соперницею Пруссіи считалась Австрія; на союзъ съ нею въ Пруссіи смотрѣли какъ на противоестественный. Попытка къ нему оказалась неудачною въ концѣ прошлаго вѣка, Пруссія разорвала противный ей союзъ, заключила отдѣльный миръ съ Франціею, и миръ не прерывался, — это уже было преданіе. Россія предлагаетъ защиту, опору — все это прекрасно, и, въ случаѣ нужды, надобно имѣть въ виду эту защиту и опору; но не надобно спѣшить. Союзъ съ Россіею, какъ съ государствомъ сильнѣйшимъ, имѣлъ невыгоды; тутъ нѣтъ равенства, а во всякомъ случаѣ нѣкоторое подчиненіе; благоразумно ли содѣйствовать усиленію Россіи, и безъ того уже опасной соеѣдки? Даже и въ томъ случаѣ, если бы она не увлеклась своею силою, властолюбіемъ, Россія дѣйствуетъ по своимъ принципамъ, имѣетъ въ виду поддержаніе европейскаго равновѣсія, и т. п. Ей хорошо, ей нечего расширять своихъ владѣній, она и безъ того велика и сильна, а Пруссіи еще нужно расти, нужно еще много расширяться и округляться, чтобъ сравняться съ Россіею и Франціею; восторжествуетъ Россія съ помощію Пруссіи, начнетъ дѣлить своихъ союзниковъ по-своему, и ненавистной Австріи дастъ столько же, сколько Пруссіи — для сохраненія равновѣсія! Такой русскій дѣлежъ Пруссія уже испытала при Екатеринѣ II, нѣтъ надобности дожидаться подобнаго и при внуцѣ, который обѣщаетъ идти по слѣдамъ бабки. Но восторжествуетъ ли еще Россія въ борьбѣ? Ея войска составили себѣ славу побѣдами надъ поляками и турками; Суворовъ билъ и французовъ, да безъ Бонапарта; теперь у французовъ Бонапартъ; у русскихъ Суворова нѣтъ. Въ случаѣ торжества Франціи, Россія останется ветропунтою, а поплатится Пруссія.

При такихъ соображеніяхъ, изъ которыхъ истекало печальное убѣжденіе, что слабое государство находится между двумя борющимися другъ съ другомъ сильными, находится между двухъ

огней, — при такихъ соображеніяхъ, разумѣется, съ непреодолимою силою должны были ухватиться за возможность выхода безъ обжого, съ выгодною, по крайней мѣрѣ безъ потерь и съ сохраненіемъ чести: эту возможность представлялъ нейтралитетъ. Россія съ Франціею непосредственно бороться не можетъ, можетъ бороться только черезъ Австрію и Пруссію; интересъ послѣдней состоитъ въ томъ, чтобы не допустить борьбы, служить посредницею между Россіею и Франціею, — положеніе почетное! Станутъ вести войну черезъ Австрію — разнимать, понуждать къ миру, въ случаѣ нужды и угрозою — пристать къ той или другой сторонѣ, болѣе податливой на миръ или болѣе правой. Важное, почетное значеніе сохранено, а между тѣмъ, пользуясь обстоятельствами, тѣмъ, что съ разныхъ сторонъ заискиваютъ, можно приобрѣсть и выгоды, увеличить свою территорію, округлиться, и сдѣлать это безъ пожертвованій. Образъ дѣйствій Фридриха II по обстоятельствамъ былъ невозможенъ; надобно было возобновить политику его предшественниковъ, Фридриха I, Фридриха-Вильгельма I, ловко держаться между воюющими сторонами и, при первомъ удобномъ случаѣ, схватить что-нибудь; да и самъ Фридрихъ II развѣ не посредничествомъ между Россіею и Австріею приобрѣлъ земли по первому раздѣлу Польши даромъ, безъ всякихъ жертвовацій? Уже давно Германія дѣлится на двѣ половины — сѣверную, протестантскую и южную, католическую; въ послѣдней Австрія и Франція давно уже борются за вліяніе; если Франція осилитъ здѣсь Австрію — не бѣда, лишь бы сѣверная Германія осталась нетронутою подъ защитой Пруссіи, которая здѣсь должна искать себѣ средствъ къ усиленію. И вотъ Пруссія, при затруднительныхъ обстоятельствахъ, въ началѣ XIX вѣка крѣпко держится системы нейтралитета; въ ней видитъ спасеніе самъ король; по собственному убѣжденію или по выгодѣ быть одного убѣжденія съ королемъ, или по тому или другому вмѣстѣ, системы нейтралитета держатся люди, близкіе къ королю, генераль-адъютанты, члены кабинета.

Но противъ системы нейтралитета слышались вѣскія возраженія. Сильные не любятъ нейтралитета слабыхъ; эта претензія на независимость и самостоятельность раздражаетъ ихъ иногда даже болѣе, чѣмъ явная вражда, ибо все явное менѣе беспокоитъ, чѣмъ неопредѣленное, тайное; притомъ желаніе сохранять нейтралитетъ обыкновенно предполагаетъ робость, слабость; сильные не уважаютъ слабыхъ и при нужномъ случаѣ не позадумаются нарушить нейтралитетъ. При нейтралитетѣ небольшая надежда на приобрѣтеніе какой-нибудь выгоды: хорошо платять за

союзъ, за дѣйствительную помощь; за нейтралитетъ ничего не даютъ или даютъ дешево, и посредничество державы, заподозрѣнной въ робости или слабости, не имѣетъ важнаго значенія, угрозы ея не производятъ большого дѣйствія. Пруссія слаба, разбросана, ей нужно окрѣпить, усилиться, чтобъ получить важное значеніе; для этого робкая политика нейтралитета не годится, надобно прямо вступать въ союзъ съ тою стороною, которая предлагаетъ большія выгоды. Но это мнѣніе не могло осилить противоположнаго взгляда у короля и большинства его совѣтниковъ, потому что предлагались мѣры рѣшительныя, энергическія, которыхъ боялись, въ успѣхъ которыхъ мало вѣрили, не видали обезпеченія на востокъ со стороны Россіи, при союзѣ съ Франціею, и не видали обезпеченія на западъ, со стороны Франціи, при союзѣ съ Россіею. Обезпеченіе могло заключаться въ сознаніи своей силы, а этого сознанія не было; на востокъ видѣли количество, на западъ, количество и качество, у себя не видали ни того, ни другого. Очень хорошо знали, что провозглашеніе системы нейтралитета и готовность поддержать его при случаѣ вооруженною рукою, принятіе на себя посреднической роли для сохраненія спокойствія Европы—все это было только выставка, за которою притаились слабость и робость; видѣли, что должны сквозь пальцы смотрѣть на дѣйствія правителя Франціи, чтобъ не вызвать его на борьбу, и въ то же время нѣжничать съ Россіею, чтобъ на всякій случай имѣть въ ней прибѣжище; видѣли неловкость, недостойнство такихъ отношеній, и тѣмъ болѣе сердились на людей, которые возражали противъ нихъ, и этимъ прямо обвиняли въ робости; поведеніе подобныхъ людей раздражало и оскорбляло короля, потому что они, вооружаясь противъ его системы, не брали на себя отвѣтственности въ случаѣ затрудненій и бѣдъ, легко могшихъ произойти отъ системы противоположной; вся отвѣтственность падала на короля. Эти люди красовались передъ публикою своимъ патріотизмомъ, своимъ стремленіемъ поддержать честь и пользу отечества; но они красовались на счетъ короля, прибрѣтали популярность на счетъ его популярности. Тѣмъ благосклоннѣе король относился къ людямъ, которые входили въ его видъ, признавали ихъ необходимость, не выставляли въ противоположность королевской системѣ своей системы, могшей привлекать большее сочувствіе публики, но служили королю вѣрную службу, жертвуя ему своею популярностію, перенимая на себя негодованіе публики, приписывавшей неприятели для нея образъ дѣйствій не королю, а близкимъ къ нему людямъ.

Затрудненія начались съ возобновленіемъ войны между Франціею и Англіею. Англійскому королю на твердой землѣ принадлежалъ Ганноверъ, который и становился первою добычею Наполеона. Но Ганноверъ составлялъ часть германской имперіи; Пруссія не должна была равнодушно смотрѣть на его занятіе французами, и въ Берлинѣ рождался вопросъ, нельзя ли воспользоваться обстоятельствами и приобрести Ганноверъ, сперва занять его хотя временно, подъ благовиднымъ предлогомъ сохраненія его для Германіи отъ чуждаго завоеванія, а потомъ, безъ войны, посредствомъ переговоровъ и сдѣлокъ, закрѣпить и навсегда за собою. Дѣло трудное, но возможное; въ XVIII вѣкѣ Пруссія приобретала же владѣнія такимъ образомъ; отчего же нельзя этого сдѣлать въ XIX? Англійскій король, курфюрстъ ганноверскій, разумѣется, не скоро на это согласится; но англійскій народъ равнодушенъ въ германскимъ владѣніямъ своего короля; Россія, которая такъ старается привлечь Пруссію на свою сторону, и не имѣетъ причины не желать ея усиленія въ виду общаго дѣйствія съ нею, не должна отказаться употребить все свое вліяніе въ Лондонѣ, чтобъ заставить здѣсь войти въ виды Пруссіи; Наполеона также можно склонить обѣщаніемъ союза или нѣкоторыми уступками его видамъ. Такъ, при войнѣ съ Англіею, для Наполеона было важно, чтобъ Англія, пользуясь своимъ господствомъ на моряхъ, не уничтожила французской торговли недопущеніемъ къ ней нейтральныхъ кораблей; если бы Пруссіи удалось склонить Англію признать основанія вооруженнаго нейтралитета, то Наполеонъ за это могъ бы позволить Пруссіи занять Ганноверъ. Лондонскому кабинету было сдѣлано предложеніе относительно нейтралитета, съ обѣщаніемъ за это охранять и защищать Ганноверъ отъ французовъ. Но Англія, съ обычною своею безцеремонностію въ тонѣ, отвергла прусское предложеніе, ибо не могла отказаться для Ганновера отъ средства наносить врагу самый чувствительный ударъ, да и король Георгъ III предпочиталъ занятіе Ганновера французами занятію пруссаками, потому что первое было временное, тогда какъ второе легко могло обратиться въ вѣчное. Въ Петербургѣ также поняли настоящія намѣренія Пруссіи, ихъ неблаговидность и вредъ отъ нихъ для общаго дѣла: Австрія была бы раздражена, и Пруссія могла занять Ганноверъ только съ большими уступками Наполеону, что вовсе не могло входить въ планы Россіи. Когда король Фридрихъ-Вильгельмъ обратился къ императору Александру за совѣтомъ, тотъ прямо высказалъ ему свой взглядъ на дѣло: «Забойтесь о

сохраненіи славы короля», Александръ не совѣтовалъ ему занимать Ганноверъ. Ганноверъ былъ занятъ французами.

Такимъ образомъ возможность пріобрѣтенія соблазнительной добычи стала зависѣть преимущественно отъ Франціи, и поднимался вопросъ о союзѣ съ Наполеономъ; но какія бы ни представлялись выгоды этого союза, королю и его министрамъ, завѣдывавшимъ попеременно иностранными дѣлами, графу Гаугвицу и барону Гарденбергу, трудно было заглушить въ себѣ сознаніе непрочности французскаго союза; они ясно видѣли, что Наполеонъ не позволитъ Пруссіи употребить Францію орудіемъ для своихъ цѣлей, а, наоборотъ, союзъ съ нимъ будетъ для Пруссіи равносильнъ подчиненію; невозможно было освободиться отъ мысли, что рано или поздно столкновение съ нимъ необходимо; притомъ же союзъ съ Франціею велъ къ разрыву съ Россіею, чего никакъ не хотѣли какъ вслѣдствіе прямыхъ невыгодъ и опасностей разрыва, такъ и вслѣдствіе сознанія надобности въ Россіи, единственно вѣрной опорѣ противъ наполеоновскихъ захватовъ; наконецъ, вслѣдствіе вліянія, пріобрѣтеннаго императоромъ Александромъ надъ королемъ во время свиданія ихъ въ Мемель въ іюнѣ 1802 года. Такое колебаніе, выжиданіе, одинакій страхъ передъ разрывомъ и съ Франціею, и съ Россіею не могли внушить ни той, ни другой большого уваженія къ Пруссіи. Русскій посланникъ въ Берлинѣ Алопеусъ писалъ канцлеру Воронцову (4 (16) ноября 1803 года), о несчастномъ состояніи сѣверной Германіи «вслѣдствіе глубокой апатіи прусскаго короля; о слѣдствіяхъ для Россіи господства, въ которому стремится Франція посредствомъ своей коварной политики. Нѣмецкая имперія существуетъ только по имени. Австрія, ослабленная послѣдними войнами, вовсе не видитъ кормила своего правленія въ рукахъ, способныхъ извлечь выгоды изъ большихъ средствъ, которыя еще у нея остались, несмотря на всѣ потери. Пруссія почти не считается въ политическомъ равновѣсіи Европы. Это машина, въ движеніяхъ которой можно еще видѣть, что она вышла изъ рукъ Фридриха II-го, но часть колесъ этой машины уже сломана». Подъ вліяніемъ подобныхъ извѣстій въ Петербургѣ не могли очень любезно относиться къ Пруссіи. Россія предлагала ей выслать вмѣстѣ войска къ Эльбѣ, потребовать отъ Франціи, чтобы она очистила Ганноверъ, и когда это очищеніе послѣдуетъ, занять его союзными русско-прусскими войсками; но король никакъ на это не согласился, предпологая, что Россія затягиваетъ его въ войну съ страшнымъ Наполеономъ; Фридрихъ-Вильгельмъ объявилъ: пока ни одинъ прусскій подданный не

будеть убитъ на прусской почвѣ, до тѣхъ поръ онъ не приметъ участія ни въ какой распрѣ. Но, боясь оскорбить императора Александра отказомъ, онъ написалъ ему въ началѣ 1804 года: «Ваше Величество не разъ увѣряли меня, что при нуждѣ я всегда найду васъ готовымъ на помощь. Теперь я обращаюсь къ вамъ за совѣтомъ, сильно желая, чтобъ мнѣ не пришлось когда-нибудь обратиться къ вамъ зачѣмъ-нибудь другимъ. Выгнать французовъ изъ Ганновера было бы предпріятіемъ, могущимъ повести еще къ ббльшему несчастію. Но если Бонапартъ, обманутый въ надеждѣ приковать къ себѣ безусловно прусскую политику, попытается отомстить за это Пруссіи прямо или косвенно, то насколько послѣдняя въ такомъ случаѣ можетъ рассчитывать на помощь Россіи и ея союзниковъ? Я буду покоенъ на счетъ судебъ Пруссіи, если Россія соединитъ ихъ съ своими». Александръ отвѣчалъ (16 марта н. с.), что «бываютъ случаи, когда вѣрнѣйшій другъ не въ состояніи подать совѣтъ, когда каждый долженъ принять самъ свое рѣшеніе. Императоръ предлагалъ королю самый дружескій совѣтъ; но тотъ счелъ нужнымъ послѣдовать другимъ мнѣніямъ. Королю принадлежитъ выборъ: на одной сторонѣ честь, слава, истинный интересъ прусской монархіи; на другой — рѣшительная и неизбѣжная гибель послѣдней, при вѣчномъ упрекѣ въ содѣйствіи къ всемірной монархіи человѣка, столь мало ея достойнаго. Если король вооружится за независимость и благо цѣлой Европы, то немедленно найдетъ императора подлѣ себя; Пруссія не должна бояться, что Россія покинетъ ее одну въ такой благородной борьбѣ». Въ Россіи говорили о необходимости борьбы; въ Пруссіи отвѣчали, что борьбу начинать рано, надобно потихоньку приготовляться. А между тѣмъ Наполеонъ схватилъ на нѣмецкой независимой почвѣ одного изъ бурбонскихъ принцевъ и убилъ его.

Наполеонъ готовился сдѣлать послѣдній шагъ для утверженія своей власти во Франціи; онъ уже былъ провозглашенъ пожизненнымъ первымъ консуломъ; оставалось только велѣть провозгласить себя наслѣдственнымъ императоромъ, и въ такое рѣшительное время онъ былъ страшно раздраженъ заговорами приверженцевъ старой династіи. Въ этомъ раздраженіи Наполеону, по его природѣ, мало было казнить, разослать вѣрныхъ слугъ бурбонской династіи, орудіе заговора, — ему нужна была жертва болѣе значительная, кто-нибудь изъ самихъ Бурбоновъ. Этою жертвою сдѣлался молодой герцогъ Ангьенскій, внукъ Конде, который жилъ въ Эттенгеймѣ, въ баденскихъ владѣніяхъ. Неприкосновенность независимыхъ владѣній должна была слу-

жить ему вѣрнымъ ручательствомъ безопасности; но во времена Наполеона этого ручательства не было болѣе. Въ мартѣ 1804 года французскіе жандармы являются ночью въ Эттенгеймъ, схватываютъ герцога и отвозятъ во Францію. Судьба его была рѣшена: Наполеону нужно было показать свою силу, поразить враговъ ужасомъ, наругаться надъ ними, унижить передъ толпою древнюю династію казню одного изъ видныхъ ея членовъ, поразить толпу впечатлѣніемъ, что для ея правителя казнить и принца ничего не значить. Герцогъ Ангьенскій былъ разстрѣлянъ во рву Венсенскаго зѣмба.

Въ тотъ день, какъ въ Петербургѣ было получено извѣстіе о смерти герцога Ангьенскаго, жена французскаго посланника, мадамъ Гедувиль, съ жившею у нея родственницею поѣхали вечеромъ къ князю Бѣлосельскому, гдѣ собралось больше шестидесяти человѣкъ. Послѣ ледяного приѣма ее оставили на диванѣ одну съ кузинею; никто къ нимъ не подошелъ; долго французженки бесѣдовали другъ съ другомъ, наконецъ, отправились домой за часъ до ужина. «Я вижу, что на насъ смотрять здѣсь какъ на зараженныхъ», сказала мадамъ Гедувиль, уѣзжая. 5-го апрѣля былъ назначенъ совѣтъ по поводу венсенскаго событія. Большинство членовъ было за то, чтобъ наложить трауръ и отозвать повѣреннаго въ дѣлахъ Убри, было вообще за энергическія мѣры. Графъ Завадовскій объявилъ, что Россія, по своимъ силамъ и по своему географическому положенію, безопасна, если бы даже французы переметили всѣ сосѣднія государства. Графъ Николай Румянцовъ объявилъ, что не надобно разрывать съ Франціею безъ важныхъ причинъ и не надобно давать другимъ государствамъ увлекаться въ войну. Только одни государственныя причины могутъ повести къ какимъ-нибудь рѣшеніямъ, а чувства должны оставаться въ сторонѣ, и потому надобно только надѣть трауръ и замолчать. Князь Чарторыйскій присоединился къ Румянцову.

Но императоръ былъ не за молчаніе; онъ понималъ, что дѣло идетъ не о чувствахъ только, когда правитель одного государства хватается вооруженною рукою въ другомъ независимомъ государствѣ непріятнаго ему человѣка и разстрѣливаетъ его. Алопеусъ давалъ знать Александру, что венсенское событіе произвело сильное впечатлѣніе въ Берлинѣ — но какія же слѣдствія? Александръ написалъ Фридриху-Вильгельму: «Я уже знаю изъ письма Алопеуса, что В. В. были сильно оскорблены ужаснымъ поступкомъ, который позволилъ себѣ Бонапартъ похищеніемъ герцога Ангьенскаго. Но, государь, на нашемъ мѣстѣ часто бываетъ недостаточно только почувствовать справедливое негодо-

ваніе въ глубинѣ своего сердца, — надобно его выразить. До сихъ поръ Россія и Пруссія обходились съ Франціею очень кротко, и что выиграли? Надобно перемѣнить обращеніе. Бонапартъ нагналъ на всѣ правительства паническій страхъ, который служитъ главнымъ основаніемъ его могущества. Встрѣтитъ онъ твердое сопротивленіе — и пылъ его утихнетъ». Но правительства, находящіяся подъ вліяніемъ паническаго страха, могутъ ли оказать твердое сопротивленіе; могутъ ли и принять совѣтъ о его необходимости? Исторія герцога Ангьенскаго показала это всего лучше. Дѣло касалось прежде всего германской имперіи, неприкосновенность ея границъ была нарушена самымъ наглýmъ образомъ; имперскій сеймъ въ Регенсбургѣ былъ въ самомъ непріятномъ положеніи: и стыдно промолчать, и что и какъ сказать? Наполеонъ! Лучше, безопаснѣе промолчать, не обратить никакого вниманія; дѣло скоро забудется. Начали успоковываться, какъ вдругъ, неожиданная, непрошенная, приходитъ русская нота въ сильныхъ выраженіяхъ, съ требованіемъ протеста, съ указаніемъ на опасность, какая произойдетъ для Европы, если такіа насилія будутъ производиться безпрепятственно, пропускаться безъ вниманія. Къ русскому протесту присоединился ганноверскій посланникъ, представитель члена имперіи; шведскій король, Густавъ IV, также прислалъ протестъ. У Германіи былъ глава — императоръ, онъ не могъ молчать, когда заговорилъ императоръ русскій. Въ Вѣнѣ не-хотя промолвили, что можно попросить у французскаго правительства достаточнаго успокоительнаго уясненія дѣла. Промолвили — и испугались; велѣли въ Парижѣ извиниться: «желалось сохранить глубокое молчаніе и до сихъ поръ не произносили ни слова; но царь заставилъ говорить; французское правительство, которое и безъ того дало бы разъясненіе, конечно будетъ довольно, получивши объ этомъ такое умѣренное предложеніе отъ императора Франца». Хвалились, что вмѣсто жѣсткаго русскаго требованія поставлено умѣренное приличное предложеніе. Но въ Парижѣ не тронулись этими извиненіями, потому что раздражались всякимъ требованіемъ отвѣта, когда отвѣта давать не хотѣли; въ Парижѣ на учтивости австрійскаго посла отвѣчали упреками въ соглашеніи Австріи съ Россіею; австрійскому послу приходилось при этомъ отрекаться болѣе трехъ разъ. Французскій посланникъ въ Вѣнѣ, Шампаньи, требовалъ, чтобы вѣнскій дворъ склонилъ курфюрста баденскаго сообщить въ Регенсбургъ сейму, что онъ, курфюрстъ, получилъ отъ Франціи самыя удовлетворительныя объясненія и что все произошло съ его согласія. Это было уже слишкомъ; требованіе

отълюбили. Тогда французское правительство обошлось и безъ помощи Австріи относительно курфюрста баденскаго: онъ прислалъ въ Регенсбургъ заявленіе: тутъ была и благодарность русскому императору за его чистое намѣреніе и благожелательное участіе, и увѣренность въ дружескихъ чувствахъ французскаго правительства и его высочаго главы, и, наконецъ, настоятельная просьба не давать дѣлу дальнѣйшихъ послѣдствій. У представителей германскихъ государей на сеймѣ отлегло отъ сердца. Пруссія прямо присоединилась къ баденскому заявленію; Австрія не возражала; только русскій посланникъ не хотѣлъ понять, какъ такимъ образомъ могутъ быть обезпечены достоинство и самостоятельность германской имперіи. Чтобъ не имѣть больше дѣла съ такою странною непонятливостью, сеймъ придумалъ отличное средство: онъ разѣхался до срока.

Но во Франціи дѣло кончилось обратно: оттуда уѣхалъ русскій повѣренный въ дѣлахъ. Когда Убри передалъ Талейрану ноту съ протестомъ противъ поступка главы французскаго правительства съ герцогомъ Ангьенскимъ, и съ изложеніемъ всѣхъ недружественныхъ поступковъ французскаго правительства относительно русскаго, Талейранъ сказалъ тихонько, какъ будто про себя: «мнѣ вѣжется, что это дѣло сдѣлано немного легкомысленно». Убри всталъ съ рассерженнымъ видомъ. Талейранъ при этомъ движеніи сказалъ съ живостію: «Я нахожу вездѣ духъ и приемы г. Маркова». — «Это мнѣніе императора», сказалъ Убри; но Талейранъ продолжалъ утверждать, что все это Марковъ. — «Не Марковъ, — говорилъ Убри, — но уклоненіе отъ обязательствъ, постановленныхъ въ секретномъ договорѣ относительно Неаполя, сардинскаго короля и проч., заставило императора высказать все свое неудовольствіе противъ Франціи». Послѣ доклада Бонапарту Талейранъ отвѣчалъ нотою, въ которой русское правительство обвинялось въ томъ, что держитъ въ Дрезденѣ и Римѣ заговорщиковъ противъ Франціи и стремится нарушить безопасность и независимость націй. Относительно герцога Ангьенскаго говорилось, что германскіе государи не протестуютъ: изъ чего же Россія хлопочетъ? «Если, — говорилось въ нотѣ, — настоящая цѣль Его Величества состоитъ въ томъ, чтобъ образовать въ Европѣ новую коалицію и возобновить войну, то къ чему служатъ пустые предлоги? и почему не дѣйствовать открыто? Первый консулъ не знаетъ на землѣ никого, кто бы могъ испугать Францію, никого, кому бы онъ позволилъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла страны». Затѣмъ была пущена кор-

сицианская стрѣла: на Англію въведено обвиненіе въ замыслахъ противъ императора Павла съ прибавкою, что если бы въ Россіи узнали, что злоумышленники находятся не далеко отъ границы, то, конечно, схватили бы ихъ. Убри потребовалъ паспортовъ; Талейранъ уговаривалъ его остаться. Тогда Убри для продолженія дипломатическихъ сношеній между Россією и Францією потребовалъ немедленнаго удовлетворенія по тремъ пунктамъ: очищенія Неаполя, вознагражденія сардинскаго короля, очищенія сѣверной Германіи. Удовлетворенія не было. Въ августѣ 1804 года, Убри снова потребовалъ паспортовъ, и на этотъ разъ получилъ ихъ.

С. СОЛОВЬЕВЪ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е августа, 1877.

Займы и кредитные билеты.—Паденіе вексельныхъ курсовъ.—Взیمانіе таможенныхъ пошлинъ золотомъ.—Металлическая валюта на желѣзныхъ дорогахъ.—Табачный акцизъ и возвышеніе пошлины.—Налогъ на музыкальное образованіе.—Приемные экзамены въ высшія спеціальныя училища.—Новыя условія пріема въ военныя училища.

Позволительно надѣяться, что, послѣ успѣшной реализаціи займовъ, признано будетъ возможнымъ обойтись безъ дальнѣйшихъ выпусковъ банкомъ кредитныхъ билетовъ. Если бы потребовались новыя чрезвычайныя средства, то лучше добыть ихъ путемъ новаго внѣшняго займа, не обращаясь къ пособію усиленныхъ выпусковъ бумажекъ. Внѣшній кредитъ Россіи далеко не исчерпанъ, конечно, обусловленнымъ займомъ 15 милл. фунтовъ, а успѣхи нашихъ войскъ на рѣшающемъ театрѣ войны общають намъ даже и не неблагопріятныя условія новаго займа. Отъ того сомнительнаго пособія, какое представляется въ увеличеніи кредитнаго обращенія, слѣдовало бы во всякомъ случаѣ отказаться.

Насъ побуждаютъ коснуться этого предмета два соображенія. Во-первыхъ, можетъ существовать такое мнѣніе, что неопредѣленное умноженіе количества кредитныхъ денегъ безопасно, когда одновременно двумя внутренними займами ихъ извлекается изъ обращенія до 300 милл. рублей. Въ печати намъ не случилось встрѣтить этого мнѣнія, но оно можетъ существовать и поддерживать дальнѣйшіе выпуски кредитныхъ билетовъ. Во-вторыхъ,—и на этотъ разъ уже въ печати,—мы встрѣчаемся съ такимъ взглядомъ на дѣло,—что хотя „въ пониженію цѣны кредитныхъ билетовъ еще болѣе повліяли новыя ихъ выпуски, вынужденные войною“, но что „избѣгнуть вовсе этихъ выпусковъ не было никакой возможности и надо скорѣе радоваться, что они до сихъ поръ относительно незначительны“; наконецъ, что такъ какъ „въ Россіи нѣтъ налоговъ, которые могли бы

быть немедленно возвышены для покрытія внезапныхъ финансовыхъ нуждъ", то „обезцѣненіе бумажныхъ денегъ—или что то же—вздорожаніе всего остального, нужнаго для жизни каждаго" и есть „тотъ чрезвычайный налогъ, который каждый изъ насъ долженъ заплатить теперь на войну изъ своего кармана". Это говорила газета „Голосъ", прибавляя, что „война не можетъ обойтись безъ крайнихъ жертвъ, и всѣ оплакивающіе паденіе нашей денежной валюты должны помнить, что они, съ другой стороны, не платятъ пока никакихъ новыхъ налоговъ" и что „это особенно должны помнить высшіе, такъ-называемые неподатные классы, которые не платятъ въ казну прямыхъ податей".

Когда мы, два и три мѣсяца тому назадъ, указывали на новые выпуски кредитныхъ денегъ государственнымъ банкомъ, то оговаривались, что видимъ въ нихъ явленіе только временное, явленіе, которому положить конецъ реализація вѣщнаго займа. Но теперь мы имѣемъ въ виду два мнѣнія, которыя прямо клонятся къ тому, чтобы наши финансовые дѣятели и общество „примирились" („Голосъ" провозноситъ даже это слово) съ явленіемъ неизбѣжнымъ и безопаснымъ. Вотъ почему мы обязаны указать на несостоятельность этихъ мнѣній. Не менѣе горячо, чѣмъ кто-либо, мы желаемъ соединенія въ рукахъ правительства возможно-большихъ средствъ для успѣшнаго окончанія войны, которая должна имѣть вліяніе на будущность Россіи. Никому мы не уступаемъ и въ сознаніи, что всякія пожертвованія со стороны всѣхъ слоевъ народа теперь законны и необходимы. Если бы потребовались даже такіа чрезвычайныя средства, какъ принудительный заемъ или продажа государственныхъ имуществъ, мы пріѣтствовали бы ихъ, лишь бы честь Россіи была поддержана и величайшіе интересы ея будущности были охранены.

Но вѣдь, слава-Богу, о средствахъ, подобныхъ двумъ сейчасъ названнымъ, теперь не можетъ быть и рѣчи, и между различными, болѣе нормальными средствами есть еще выборъ. Вотъ въ этомъ смыслѣ мы и говоримъ, что наименѣе нормальнымъ, наименѣе рациональнымъ и цѣлесообразнымъ изъ всѣхъ тѣхъ средствъ, между какими можно выбирать, въ настоящее время, намъ представляется—дальнѣйшее увеличеніе бумажно-денежнаго обращенія. Въ крайнемъ случаѣ, разумѣется, мы были бы готовы „примириться" и съ нимъ, и хотя бы съ девальвациею нарицательной цѣны этого обращенія на 50%,—но этотъ крайній случай далеко еще не наступилъ, и ужь, конечно, не наступитъ, пока мы будемъ воевать съ одной Турціей. Стало-быть, теперь мы еще имѣемъ полное право говорить о выборѣ между различными средствами, и среди ихъ самымъ рѣшительнымъ обра-

зомъ отрицать пользу дальнѣйшихъ, неопредѣленныхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ.

Начнемъ съ перваго изъ указанныхъ выше мнѣнй, приглашающихъ насъ „примириться“ съ продолженіемъ этихъ выпусковъ. Оно утѣшаетъ насъ тѣмъ, что кредитныхъ билетовъ выпущено вновь на гораздо меньшую сумму, чѣмъ сколько „извлечено ихъ изъ обращенія“ двумя внутренними займами. Дѣйствительно, если мы сравнимъ состояніе счетовъ государственнаго банка наканунѣ войны, къ 11-му апрѣля, съ счетами банка къ 1-му іюля, то видимъ, что въ той и другой таблицѣ цифра „кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ въ обращеніе“, остается одна и та же—734³/₄ милл. руб.; но цифра „кредитныхъ билетовъ, временно-выпущенныхъ на поддержаніе кассъ конторы и отдѣленій“, составлявшая къ 11-му апрѣля 45 милл. руб., къ 1-му іюля составляла 112 милл. руб. Итакъ, новыхъ билетовъ мы имѣемъ на 67 милл. руб., между тѣмъ какъ двумя послѣдовавшими въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ внутренними займами извлечено или должно быть извлечено изъ обращенія кредитныхъ билетовъ на 300 милл. руб. Но дѣло въ томъ, что эти 300 милл. руб. извлекаются изъ обращенія вѣдь не съ тѣмъ, чтобы быть уничтоженными, а съ тѣмъ, чтобы быть тотчасъ же выпускаемыми вновь на покрытіе чрезвычайныхъ расходовъ по приведенію арміи на военное положеніе и по снабженію ея во время войны. Стало-быть, эти 300 милл. руб. кредитныхъ денегъ, поступающія въ кассы банка, въ то же время вытекаютъ вновь на рынокъ изъ кассы государственнаго казначейства и никакого корректива новымъ выпускамъ бумажныхъ денегъ представлять не могутъ.

Переходимъ къ другому мнѣнію, мнѣнію „Голоса“. Публицисту „Голоса“ мы не скажемъ ничего такого, что бы не было извѣстно ему точно такъ же, какъ и намъ. Но онъ задался спеціальной цѣлью—ободрить общество, утѣшить его въ необходимости пожертвованій, и потому, поддавшись оптимизму, указалъ только на одну сторону дѣла, а другую оставилъ въ тѣни. Между тѣмъ, какія бы жертвованія ни требовались, передъ обществомъ должно всегда ставить напрямки истинное ихъ значеніе и соотношеніе. Вотъ почему мы совершенно несогласны съ взглядомъ „Голоса“, будто „обсужденіе финансовыхъ вопросовъ въ военное время, еслибъ даже и не было безплодно, совершенно невозможно“. Не понимаемъ, почему оно было бы болѣе „безплодно“ въ военное время, чѣмъ въ мирное. Не понимаемъ также, почему оно невозможно. Финансовые документы и состояніе счетовъ государственнаго банка публикуются у насъ во всеобщее свѣдѣніе и факты, ими заявляемые, тотчасъ переходятъ во всѣ экономическія газеты Европы. Какая же будетъ польза, если англійскій „Economist“

и всѣ однородные иностранные органы станутъ объяснять положеніе русскихъ финансовъ на основаніи официальныхъ данныхъ, а только одинъ „Голосъ“ будетъ отъ этого воздерживаться, считая подобное обсужденіе невозможнымъ во время войны? Если бы вся русская печать приняла такой взглядъ, то результатъ былъ бы тотъ, что за-границею факты были бы общезвѣстны, а только русскому обществу, отъ котораго именно и требуются пожертвованія, положеніе дѣлъ оставалось бы тайной.

Затѣмъ, мы не можемъ оспаривать всей той стороны вопроса, которую публицистъ „Голоса“ оборачиваетъ къ своимъ читателямъ. Но вѣдь и вѣрные факты могутъ привести къ ложному заключенію, если показывается только одна сторона. Справедливо, что зло бумажно-денежнаго обращенія съ принудительнымъ курсомъ у насъ—зло старое; но отсюда можно правильно выводить только такое заключеніе, что теперь не время полного его излеченія, а никакъ не то, что если зло само по себѣ старо, то какъ бы мы его въ настоящее время ни запускали и ни уснливали, беспокоиться не о чемъ, а надо „примириться“. Въ томъ-то и главная бѣда, что зло—старое. Если для расходовъ крымской войны и для расчетовъ по ней мы могли выпустить вновь до 400 м. кредитныхъ рублей; то именно потому мы теперь этого сдѣлать не можемъ, что сдѣлали это тогда и съ тѣхъ поръ не уменьшили итога нашего бумажнаго обращенія. При сохраненіи такого напряженія, въ настоящее время новый выпускъ каждаго 10 милліоновъ кредитовъ окажется чувствительнѣе, чѣмъ выпускъ 30 милл. ихъ въ то время, когда нашъ кредитный рубль еще такъ недавно стоялъ наравнѣ съ серебрянымъ.

Справедливо сѣтованіе „Голоса“ на нѣкоторые весьма странные экономическіе взгляды, какіе высказывались иными газетами, сѣтованіе на отсутствіе въ этихъ взглядахъ чего-либо похожего на знаніе. Публицистъ, въ видѣ примѣра такихъ взглядовъ, приводитъ мысль, „что Россія, вслѣдствіе своихъ какихъ-то историческихъ и національных особенностей, способна вести войну и безъ денегъ“. Но въ той же статьѣ, повторивъ, что „недугъ бумажныхъ денегъ“ есть у насъ недугъ застарѣлый и что „для своего исцѣленія онъ требуетъ особыхъ мѣръ, которыя всего менѣе могутъ быть приняты во время войны“, публицистъ „Голоса“ не совсѣмъ удачно прибавляетъ, что „съ этимъ зломъ мы должны волею-неволею примириться и оно еще не такъ велико во время войны, чтобъ должно было привести въ уныніе русскій народъ посреди великихъ подвиговъ, совершаемыхъ имъ въ Турціи“. Въ этихъ словахъ онъ самъ, незамѣтно для себя, приблизился къ порицаемому имъ взгляду, будто Россія въ силу какихъ-то историческихъ и національных особенностей способна вести

войну и безъ денегъ. Если чрезмѣрное бремя бумажнаго обращенія есть зло, то можно ли примириться съ дальнѣйшимъ обезцѣненіемъ нашихъ денегъ потому только, что наши войска совершаютъ подвиги въ Турціи? Нисколько не впадая въ уныніе, можно ясно отдавать себѣ отчетъ въ томъ, что какъ безъ денегъ нельзя вести войну, такъ ее труднѣе вести, если мы станемъ дѣлать новыя и новыя шаги къ обезцѣненію нашихъ денегъ. Впрочемъ, „Голосъ“ самъ противорѣчить себѣ, когда съ одной стороны говорить, что зло бумажныхъ денегъ „еще не такъ велико въ военное время“, а чрезъ нѣсколько строкъ далѣе замѣчаетъ, что „война если и не создала зла бумажныхъ денегъ, оставленнаго намъ въ наслѣдіе первому восточной войною, то значительно усилила *страданія*, связанныя съ этимъ зломъ“. Спрашивается, отчего же зло еще не такъ велико въ то именно время, которое усилило страданія, съ нимъ связанныя?

Слишкомъ понятно—и не для публициста „Голоса“, конечно, но для всякаго человѣка—что бремя бумажныхъ денегъ только въ мирное время и можетъ быть сравнительно легко, но никакъ не во время войны, когда расходы государства сильно возрастаютъ, а съ ними и переплаты его по быстрому вздорожанію продуктовъ, вслѣдствіе паденія монетной единицы, какою измѣряется ихъ цѣна; когда государство особенно нуждается во внѣшнемъ кредитѣ, а низкій вексельный курсъ понижаетъ цѣну выпуска его облигацій, то-есть количество дѣйствительно имъ приобретаемыхъ средствъ, не говоря уже о томъ затрудненіи, какое представляетъ самое заключеніе внѣшнихъ займовъ въ военное время, для государства обремененнаго бумажными деньгами.

Мы не можемъ не согласиться и съ тѣми фактами, которые указываетъ „Голосъ“, что въ Россіи нѣтъ такихъ прямыхъ налоговъ, которые могли бы быть немедленно возвышены для покрытія внезапныхъ финансовыхъ нуждъ, что пожертвованія со стороны общества необходимы и что такъ-называемые „неподатные классы“ должны теперь припомнить, что они не платятъ въ казну прямыхъ податей. Но изъ всего этого никакъ не слѣдуютъ тѣ оптимистическія заключенія, какими „Голосъ“ пытается примирить насъ съ новыми выпусками бумажныхъ денегъ.

Начать съ того, что нигдѣ „внезапныя финансовыя нужды“ не покрываются возвышеніемъ прямыхъ налоговъ. Эти налоги, по свойству своему, таковы, что возвышеніе ихъ употребляется только на уплату процентовъ и погашенія по займамъ, заключеннымъ на немедленное пріобрѣтеніе средствъ для внезапныхъ нуждъ, а не на удовлетвореніе чрезвычайныхъ расходовъ прямо изъ прямыхъ налоговъ, получаемыхъ по возвышенному окладу. Но за то въ Россіи, какъ

и въ другихъ мѣстахъ, на удовлетвореніе внезапныхъ нуждъ принята мѣра возвышенія налога косвеннаго, а именно оплата таможенныхъ пошлинъ золотомъ. Предположивъ даже, что съ уменьшеніемъ ввоза, цифра таможеннаго дохода упадетъ съ 60¹/₂ милл. (бюджетъ 1876 г.) до 36 милл. рублей въ нынѣшнемъ году, мы все-таки получаемъ по 3 м. рублей золотомъ въ мѣсяцъ. И если этотъ приливъ золота не оказываетъ никакого вліянія на поддержаніе вексельнаго курса, какъ замѣчаетъ „Голосъ“, то нельзя упускать изъ виду, что при этомъ мы въ послѣдніе два съ половиной мѣсяца увеличивали кредитное обращеніе на 26 милл. р. въ мѣсяцъ. Одно изъ этихъ явленій по меньшей мѣрѣ уравниваетъ другое во вліяніи на вексельный курсъ.

Что система нашихъ прямыхъ налоговъ не рациональна, что существуютъ классы не несущіе подушныхъ сборовъ,—все это такъ, но это совсѣмъ особый вопросъ. Публицистъ „Голоса“, конечно, согласится, что преобразование податной системы во время войны всего менѣе можетъ быть предпринято. Это дѣло во всякомъ случаѣ труднѣе исполнить въ военное время, чѣмъ воздержаться отъ дальнѣйшаго увеличенія того зла, которое во время войны всего менѣе можетъ быть исцѣлено, по мнѣнію „Голоса“. Что пожертвованія теперь необходимы, это несомнѣнно, но вѣдь вопросъ въ томъ и состоитъ, въ какомъ видѣ пожертвованія могутъ быть, съ одной стороны, менѣе тягостны для общества, а съ другой, болѣе производительны для чрезвычайныхъ нуждъ государства. Увеличеніе бумажно-денежнаго обращенія, то-есть обезцѣненіе денегъ, есть именно тотъ видъ, который наиболѣе тягостенъ для общества и наименѣе производителенъ для государства. Между тѣмъ публицистъ „Голоса“ пишетъ: „обезцѣненіе бумажныхъ денегъ или, что тоже, вздорожаніе всего остального, нужнаго для жизни каждаго, вотъ тотъ чрезвычайный налогъ, который каждый изъ насъ долженъ заплатить теперь на войну изъ своего кармана. Война не можетъ обойтись безъ крайнихъ жертвъ, и всѣ оплакивающіе паденіе нашей денежной валюты должны помнить, что они, съ другой стороны, не платятъ пока никакихъ новыхъ налоговъ“.

Признаемъ, въ первый разъ намъ пришлось встрѣтить такой экономическій взглядъ, будто обезцѣненіе бумажныхъ денегъ представляетъ нѣчто похожее на чрезвычайный налогъ. Первое условіе всякаго налога заключается въ томъ, что онъ взимается съ чистаго дохода имущественнаго, промысловаго или трудового; второе условіе всякаго налога заключается въ равномѣрности его, въ общей системѣ налоговъ. Новый налогъ можетъ быть общимъ; въ такомъ случаѣ онъ долженъ распространяться на всѣхъ, сообразно со сред-

ствами каждаго; или новый налогъ можетъ быть спеціальнымъ, то-есть падать только на извѣстный классъ людей или на извѣстный предметъ потребления; въ такомъ случаѣ онъ является какъ дополнение къ существующей системѣ налоговъ—именно для приданія ей равномерности. Но ни одного изъ этихъ условий не вмѣщаетъ въ себя такой рядъ мѣръ, который имѣетъ послѣдствіемъ обезцѣненіе расчетной единицы и всеобщее вздорожаніе предметовъ потребления. По отношенію къ капиталистамъ онъ падаетъ не на чистый доходъ, но на самый капиталъ, обезцѣниваетъ капиталъ, уноситъ изъ него двадцатую, десятую часть или половину, смотря по паденію валюты. По отношенію къ должникамъ, онъ представляетъ не пожертвованіе съ ихъ стороны въ пользу государства, но пожертвованіе въ ихъ пользу со стороны кредиторовъ; по отношенію къ плательщикамъ податей онъ точно также представляетъ не ихъ пожертвованіе въ казну, но ея недоборъ въ ихъ пользу; по отношенію къ лицамъ, получающимъ опредѣленные оклады, онъ представляетъ уменьшеніе всего валового дохода въ томъ же размѣрѣ, какъ для капиталистовъ уменьшеніе капитала. По отношенію къ классамъ имущественнымъ и производящимъ онъ не представляетъ никакого пожертвованія. Однимъ словомъ это не общій чрезвычайный налогъ, какъ неудачно выразился „Голосъ“, но общая чрезвычайная пертурбація, въ силу которой одни будутъ получать меньше, а другіе меньше платить. Ни одного изъ основныхъ условий налога здѣсь нѣтъ, и изъ всѣхъ формъ пожертвованій народа въ пользу казны, это—самая непродуцательная, потому что она путемъ переплатъ казны, вслѣдствіе вздорожанія, при усиленныхъ къ тому же потребностяхъ казны, уноситъ почти все, что казна приобретаетъ посредствомъ новыхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ.

Достаточно взглянуть на цифры, чтобы убѣдиться въ этомъ. Сумма бумажныхъ денегъ умножилась у насъ въ послѣдніе два съ половиной мѣсяца (къ 1 іюля) на 67 милл. рублей, а вексельный курсъ упалъ противъ первой недѣли апрѣля съ 280 сантимовъ до 262 сант. (биржа 8 іюля), т.-е. на 18 сантимовъ. Не можетъ быть сомнѣнія, что общее вздорожаніе произошло не въ этомъ, но въ гораздо высшемъ размѣрѣ, потому что оно всегда опережаетъ курсъ въ данный моментъ. Если продавецъ переплатитъ 18 сант. на продуктъ, который онъ произвелъ или приобрѣлъ для продажи, то съ покупателя онъ возьметъ никакъ не тѣ же 18 сант., но гораздо болѣе, такъ какъ долженъ прикрывать себя въ виду дальнѣйшаго паденія цѣны денегъ. Но допустимъ, что вздорожаніе произошло только на 20 сантимовъ, т.-е. на 5 мет. копѣекъ въ рублѣ. Положимъ, что окончательный бюджетъ нашъ за годъ войны составитъ 800 м. р., то-есть, что

къ росписи на 1877 г. (570 м. р.) прибавится 25 м. р. обычныхъ сверхсмытныхъ расходовъ, да еще только 205 м. р. специально вызванныхъ войною. По курсу 70 металл. копѣекъ въ рубль (курсъ 280 сант. за рубль), 800 м. р. составляли бы 560 мет. рублей, а по курсу 65 мет. коп. въ рубль (курсъ 262 сант. за рубль) 800 м. р. составятъ только 520 м. р. Затѣмъ, 67 м. р. новыхъ бумажныхъ денегъ по курсу 65 составляютъ только $43\frac{1}{2}$ м. р. металл. Итакъ, на суммѣ 800 м. р. бумажныхъ всего бюджета, мы теряемъ, вслѣдствіе паденія рубля на 5 коп., 40 м. р. металл., а новые выпуски бумажныхъ денегъ на 67 м. р. даютъ намъ только $43\frac{1}{2}$ м. р. металл. Спрашивается, что же въ концѣ-концовъ приобретаетъ казна отъ пожертвованій общества въ формѣ обезцѣненія денегъ, въ видѣ того „чрезвычайнаго налога“, о которомъ говоритъ „Голосъ“?—всего $3\frac{1}{2}$ м. мет. рублей выгоды на вздорожаніе для народа всѣхъ предметовъ потребленія на 7% (при паденіи бумажнаго рубля съ 70 коп. мет. до 65 коп. мет.), а въ дѣйствительности на гораздо ббльшій процентъ. Положимъ, паденіе вексельнаго курса зависить не отъ однихъ выпусковъ бумажныхъ денегъ. Но главный факторъ въ этомъ явленіи все-таки они; вздорожаніе продуктовъ вызывается прямо ими.

Мы нисколько не думаемъ, что, сдѣлавъ эти замѣчанія, мы сказали что-нибудь новое и не имѣемъ притязанія учить публициста „Голоса“ такимъ вещамъ, которыя, разумѣется, ему извѣстны. Мало того, мы признаемся даже, что наше возраженіе заходитъ за тѣсныя предѣлы его формальныхъ положеній. Но мы вѣдь и не имѣемъ безплодной цѣли учить элементарнымъ вещамъ человѣка знающаго; мы возражаемъ не ему, но тому впечатлѣнію, какое должна была произвести его статья на массу читателей, тѣмъ выводамъ, какіе они должны были изъ нея сдѣлать. Пусть „Голосъ“ хотѣлъ сказать только то, что выпуски бумажныхъ денегъ, производимые нынѣ, не составляютъ ничего новаго; что обиліе этихъ денегъ, съ принудительнымъ курсомъ, у насъ старое зло—и все дѣло въ немъ. Но вѣдь это извѣстно уже рѣшительно всѣмъ читателямъ, и они, конечно, поняли статью не такъ. Когда подобныя разсужденія заявляются въ моментъ усиленныхъ выпусковъ, когда эти выпуски провозглашаются неизбѣжными, а зло—не новымъ, и къ тому же неустрашимымъ въ военное время, даже „не такимъ великимъ“ именно въ военное время,—то практическій выводъ въ умѣ большинства читателей можетъ быть только въ одномъ смыслѣ. И вотъ, противъ этого-то вывода мы и сочли необходимымъ выступить самымъ рѣшительнымъ образомъ. Повторяемъ: лучше пожертвованіе во всякой иной формѣ, чѣмъ въ видѣ неопредѣленнаго продолженія этихъ выпусковъ. Мы позволимъ себѣ даже высказать надежду, что министерство финансовъ

предпочтеть реализовать теперь же всю сумму договореннаго низшаго займа, хотя бы на невыгодныхъ условіяхъ, но съ тѣмъ, чтобы прекратить дальнѣйшіе выпуски кредитныхъ билетовъ.

Какую бы жертву мы ни понесли на займъ, въ пользу иностранныхъ банкировъ, это будетъ жертва ясная и опредѣленная, между тѣмъ какъ то пожертваніе, съ которымъ насъ „примиряетъ“ „Голосъ“, по своей неопредѣлительности совершенно не подпадаетъ исчисленію. Особенно теперь, когда торговля южныхъ портовъ парализована войною, когда хорошій урожай во всей Европѣ уменьшитъ спросъ на нашъ хлѣбъ, несмотря на всю выгоду его закупи по нынѣшнему курсу, совершенно нельзя и предвидѣть, на какомъ предѣлѣ можетъ остановиться паденіе нашей бумажной единицы, въ случаѣ продолженія выпусковъ почти на миллионъ рублей въ день. Лишній расходъ въ какіе-нибудь 200, 300 и хотя бы 400 м. р. самъ по себѣ вовсе не страшенъ для русскихъ финансовъ.—Какъ недавно замѣтилъ одинъ корреспондентъ „Times'a“, даже 500 м. р. расходовъ на войну, увеличивъ ежегодную сумму по системѣ кредита на 25 м. р., не представляютъ опасности для финансовой будущности Россіи, такъ какъ при эластичности ея бюджета эти 25 м. р. могутъ быть добываемы даже безъ увеличенія налоговъ. Замѣчаніе это справедливо въ томъ смыслѣ, что, по восстановленіи мира, усиленная производительность и возобновленіе большихъ торговыхъ дѣлъ, по всей вѣроятности, сильно поднимутъ цифру государственнаго дохода. Но тѣмъ менѣе основаній предпочитать реализаціи займа, хотя бы невыгоднаго, въ сравненіи съ прежними,—такія средства, которыя лишаютъ реальнаго значенія самую цифру дохода.

Оберегая расчетную единицу отъ дальнѣйшаго паденія, финансовое управленіе должно было бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, самымъ энергическимъ образомъ устранять всякую мысль о какихъ-либо внутреннихъ расчетахъ съ казною или съ ея утвержденія—на основаніи металлической валюты, вмѣсто кредитной. Принудительный курсъ сдѣлался бы немислимъ, если бы отъ него стала отрекаться казна при своихъ полученіяхъ или если бы она стала дѣлать для кого-либо исключенія. Одно исключеніе уже сдѣлано: это—оплата таможенной пошлины золотомъ; но всякій дальнѣйшій шагъ на этомъ пути былъ бы опасенъ. Такъ, положительно опасно было бы разрѣшеніе желѣзнымъ дорогамъ дѣлать расчеты съ публикою на основаніи металлической валюты, о чемъ, какъ извѣстно, уже заявлено ходатайство. По нашему мнѣнію, было бы даже полезно, если бы министерство финансовъ теперь же объявило, что опредѣленія металлической валюты взаимнѣ бумажной въ какихъ-либо внутреннихъ расчетахъ съ казною или отъ нея зависящихъ вновь допущено не будетъ. Оплата та-

военныхъ пошлинъ золотомъ имѣетъ цѣль специальную, обусловленную потребностями военныхъ расходовъ; расчеты съ поставщиками дѣйствующей арміи по курсу обусловлены также потребностями войны; это—мѣра, равнозначущая съ уплатою войскамъ за границую жалованья металломъ. Но затѣмъ нивакихъ дальнѣйшихъ исключеній въ этомъ смыслѣ вновь допускаемо быть не должно, въ виду опасности ихъ для значенія кредитныхъ билетовъ.

Мы надѣемся, что ходатайство желѣзныхъ дорогъ будетъ рѣшительно отклонено. Излишне было бы распространяться о невыгодахъ принудительнаго курса вообще. Но когда не существуетъ размѣна кредитныхъ билетовъ, когда всѣ частные расчеты совершаются бумажными деньгами, принудительный курсъ является самъ собою и не теперь, конечно, можетъ быть восстановленъ размѣнъ. Но если допустить отміну принудительнаго курса въ томъ огромномъ оборотѣ, какой представляется валовымъ сборомъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ,—то это будетъ весьма серьезнымъ шагомъ къ отміну принудительнаго курса кредитныхъ билетовъ вообще, безъ восстановленія ихъ размѣна. Это представило бы явленіе, доселѣ еще невиданное. Кредитные билеты принимались бы одними по курсу определенному—приблизительно къ биржевому, а другими по курсу нарицательному; для однихъ принудительный курсъ пересталъ бы существовать, а для другихъ оставался бы въ силѣ. Само собою разумѣется, что это различіе не могло бы продолжаться долго и пришлось бы идти далѣе по этому пути, который и привелъ бы, въ концѣ-концовъ, во взиманію всѣхъ податей не по нарицательному, но по определенному, въ согласіи съ биржевымъ, курсу кредитныхъ билетовъ. А во что обратился бы этотъ курсъ тогда, когда исчезло бы самое представленіе о нарицательной цѣнности кредитнаго рубля?

Ходатайство желѣзно-дорожныхъ обществъ, какъ первый и весьма серьезный шагъ на этомъ опасномъ пути, должно быть рѣшительно отклонено, тѣмъ болѣе, что нѣтъ основательныхъ поводовъ къ самому его заявленію. Говорятъ, что общества эти всѣ свои „операци“ совершаютъ на основаніи металлической валюты. Но такъ какъ основныя операци обществъ, то-есть реализація ихъ капитала и ежегодные платежи по нему, совершены и совершаются главнымъ образомъ правительствомъ, которое, сверхъ того, гарантируетъ ихъ доходъ своими приплатами, то требовать металлической валюты для сборовъ на желѣзныхъ дорогахъ совершенно не логично до тѣхъ поръ, пока казна взимаетъ подати по нарицательной цѣнѣ кредитныхъ билетовъ. Вопросъ о томъ, что уменьшеніе доходовъ желѣзныхъ дорогъ падеть на казну, есть вопросъ объ интересахъ казны, и желѣзно-дорожники напрасно прикрываются такимъ соображеніемъ.

Спрашивается, почему же для казны могли быть болѣе чувствительны потери ея по приплатѣ желѣзно-дорожнымъ обществамъ, чѣмъ тѣ потери, какія она несетъ на всей суммѣ своихъ операцій отъ паденія цѣнности кредитныхъ билетовъ? Какой особенный, какъ будто священный интересъ представляется въ государствѣ интересомъ желѣзно-дорожныхъ компаній, для того, чтобы его можно было выдѣлять изъ всѣхъ прочихъ интересовъ, государственныхъ и частныхъ, и предоставлять ему совершенно исключительную привилегію, вдобавокъ — такую привилегію, которая была бы соединена съ общимъ ущербомъ? Насколько интересъ желѣзныхъ дорогъ есть интересъ казенный, нѣтъ основанія выдѣлять его изъ прочихъ интересовъ казны. Едва ли было бы логично со стороны казны допускать, для устраненія отъ себя одной потери, такую мѣру, которая повела бы къ гораздо болѣе большимъ потерямъ по общей сложности ея сборовъ. Насколько интересъ желѣзныхъ дорогъ представляетъ собой интересъ частный, нѣтъ никакого повода создавать ему совершенно привилегированное положеніе въ ряду прочихъ частныхъ интересовъ и въ ущербъ имъ.

Не желѣзно-дорожнымъ обществамъ, которыя изъ году въ годъ увеличиваютъ свою задолженность казнѣ недоплатами слѣдующихъ съ нихъ суммъ, говорить столь горячо объ интересахъ казны. Отстаивать свои собственные интересы общества, эти или тѣ капиталисты, которые являются собственниками какъ желѣзныхъ дорогъ, такъ и общества, при нихъ состоящихъ, имѣютъ, конечно, полное право. Но трудно было бы понять, почему гг. Уайненсъ, Полюковъ, Губонинъ, Кроненбергъ, Варшавскій и т. д., воспользовавшіеся уже столькими „концессіями“, то-есть „уступками“, имѣли бы право на такую исключительную уступку въ то время, когда рабочій, законтрактовавшійся на опредѣленный заработокъ, и всѣ служащіе какъ государству, такъ и по найму у частныхъ лицъ, не воспользовавшіеся никакой уступкой доселѣ, нынѣ были бы принесены въ жертву этимъ господамъ. Имъ же были бы принесены въ жертву и всѣ торговцы, которые, заключивъ сдѣлки на поставку товара въ виду прежнихъ цѣнъ на перевозку по желѣзнымъ дорогамъ, должны были бы исполнять свои обязательства при возвышенной провозной платѣ.

Но какъ бы ни посмотрѣло финансовое управленіе на интересы желѣзно-дорожныхъ компаній въ настоящемъ случаѣ, оно могло бы, въ случаѣ если сочтетъ нужнымъ, оказать имъ помощь во всякой иной формѣ предпочтительно предъ той, на какую указываютъ желѣзно-дорожники. Пусть будетъ отсрочена часть ихъ годовыхъ платежей казнѣ, пусть даже возвышенъ будетъ провозный тарифъ, лишь бы только не было допущено взиманіе платы на дорогахъ по курсу

кредитнаго рубля. Возвышеніе тарифа было бы жертвой всего народа въ пользу желѣзныхъ дорогъ. Но такая мѣра, какъ отиѣна принудительнаго курса для однихъ желѣзно-дорожныхъ обществъ въ то время, какъ онъ продолжалъ бы существовать для всѣхъ, была бы, во-первыхъ, крайне-несправедлива по самой своей формѣ, а во-вторыхъ, устранила бы самое представленіе о нарицательной цѣнности кредитныхъ билетовъ во внутреннихъ сдѣлкахъ. Купца, который сегодня заплатилъ за провозъ товара бумажными деньгами, считая по 70 мет. коп. въ рублѣ, а черезъ мѣсяць—считая по 60 мет. к., вскорѣ оказалось бы невозможнымъ принуждать, чтобы онъ не дѣлалъ той же разницы при продажѣ потребителямъ. Тогда вздорожаніе всѣхъ предметовъ потребленія пошло бы еще болѣе быстро, чѣмъ оно шло доселѣ. Не только каждый десятокъ миллионѡвъ кредитныхъ денегъ, вновь выпущенныхъ банкомъ, но каждое измѣненіе курса кредитнаго рубля по тарифу желѣзныхъ дорогъ вызывало бы вздорожаніе, притомъ, какъ то всегда бываетъ, въ размѣрахъ болѣе-шихъ, чѣмъ на дѣйствительное паденіе расчетной единицы.

Необходимо имѣть въ виду простую истину, что хотя принудительный курсъ и не приноситъ никакой пользы, но отиѣна его въ пользу однихъ, съ сохраненіемъ для другихъ, можетъ принести только общій вредъ. Принудительный курсъ можетъ быть отиѣненъ только для всѣхъ въ одно время и не иначе, какъ восстановленіемъ размѣна. Одно изъ двухъ: или не слѣдуетъ вовсе трогать этого дѣла, или если принять какую-либо мѣру, то она можетъ быть только общая.

Между тѣмъ война продолжаетъ вызывать нѣкоторое стремленіе къ протекціонизму; такъ было не въ одной Россіи, явленіе это замѣчалось повсюду. Общее напряженіе къ охраненію своихъ интересовъ, естественно, помогаетъ успѣху такъ-называемыхъ „охранительныхъ“ таможенныхъ мѣръ. Такое настроеніе у насъ обнаружилось въ послѣднее время нѣсколькими фактами. Наиболѣе характеристичными изъ нихъ были наиболѣе мелкіе, то-есть именно тѣ, въ которыхъ оказалась уже не заботливость объ умноженіи доходовъ государства, но именно попеченіе объ „охраненіи“ мѣстной производительности. Факты, о которыхъ мы говоримъ, представлялись: возвышеніемъ всего таможеннаго тарифа на около 30% (а въ настоящее время уже болѣе), вслѣдствіе взиманія пошлины золотомъ, возвышеніемъ пошлины съ иностранныхъ паровозовъ, возвышеніемъ пошлины съ иностраннаго табака и возвышеніемъ пошлины съ привозимыхъ изъ-за границы ролей и органовъ. Конечно, возвышеніе всего таможеннаго тарифа, вслѣдствіе оплаты пошлины золотомъ, имѣло цѣль

главнымъ образомъ камеральную; та же цѣль могла побудить къ возвышенію пошлины съ привознаго табака, по значительности этой статьи. Но возвышеніе пошлины на паровозы и въ особенности на музыкальные инструменты уже не могло имѣть главной цѣлью — увеличеніе суммы государственныхъ доходовъ. Обѣ эти послѣднія мѣры обнаруживаютъ временное торжество „охранительныхъ принциповъ“, и къ усиленію ихъ война оказала свое дѣйствіе.

О запретительныхъ мѣрахъ, принятыхъ по отношенію къ возобновленію подвижнаго состава нашихъ желѣзныхъ дорогъ при помощи иностраннаго паровознаго строительства, мы уже говорили въ одномъ изъ недавнихъ „обозрѣній“. Въ то время мы поставляли на видъ интересы нашихъ желѣзныхъ дорогъ, но интересы ихъ, согласные съ общей пользой, точно такъ, какъ нынѣ оспариваемъ такіе заявляемые желѣзно-дорожными обществами интересы, которые общей пользѣ противорѣчатъ. О новомъ налогѣ на семейное музыкальное образованіе въ пользу сборныхъ мастерскихъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и т. д. мы говорили раньше, чѣмъ эта мѣра состоялась и высказывались рѣшительно противъ нея. Теперь, когда мѣра эта уже утверждена, не излишне будетъ однако прибавить нѣсколько словъ къ сказанному нами прежде.

Дѣйствительно, возвышать пошлину на рояли и фортепьяно, собранные за-границею, въ пользу нѣсколькихъ здѣшнихъ мастерскихъ, которыя выписываютъ всѣ части инструментовъ (и даже лѣсъ для столярной работы) изъ-за границы, а здѣсь только собираютъ ихъ, дѣлаютъ корпусъ и продаютъ вдвое дороже, чѣмъ тѣ части имъ обошлись въ выпискѣ, есть даже не „охраненіе“ внутренняго производства. Это просто—покровительство однимъ комиссіонерамъ въ ущербъ другимъ, то-есть тѣмъ, которые, выписывая изъ-за границы инструменты готовые и перевоза сюда громоздкую вещь, продаютъ ее по цѣнѣ, равной той, какую требуютъ комиссіонеры, выписавшіе только отдѣльныя части: механизмъ, струны, рамы и дерево. До сихъ поръ здѣшній фортепьянный „мастеръ“, то-есть комиссіонеръ по выпискѣ частей, имѣлъ барыша болѣе, чѣмъ иностранный фабрикантъ, выславшій готовые инструменты: во-первыхъ, рублей на 40, составившихъ разницу въ перевозѣ вещей, занимающихъ мало мѣста противъ перевозки цѣлаго рояля; во-вторыхъ, онъ имѣлъ въ барышѣ рублей 20 на пошлинѣ; въ-третьихъ, онъ менѣе терялъ на курсѣ, такъ какъ работу по сборкѣ и корпусу производилъ здѣсь. Въ сравненіи же съ комиссіонеромъ по выпискѣ готовыхъ инструментовъ отъ иностранныхъ фабрикантовъ онъ имѣлъ барыша настолько болѣе, насколько указанная сейчасъ разница, за исключеніемъ изъ нея расхода по сборкѣ и постройкѣ корпуса, превышала простую комисс-

сионную плату, какую комиссіонеры иностранныхъ фабрикантовъ получали отъ нихъ.

Но теперь, вмѣсто прежней пошлнны: на рояли, фортепьяно и большіе органы въ 40 руб. со штуки, установлена пошлнна въ 60 р. на „клавикорды“ или фортепьяно, піанино, а на рояли и церковные органы до 100 руб. со штуки. Стало быть, къ указанному выше барышу въ около 60 руб. для здѣшняго мастера противъ иностраннаго прибавилось теперь еще 20—60 руб. На чтѣ падаетъ этотъ налогъ въ около 100 рублей съ инструмента?—на семейное музыкальное образованіе. На книги у насъ пошлнны не существуетъ, въ видахъ интересовъ образованія, хотя можно, пожалуй, разсуждать, что при русскихъ книгахъ можно и обойтись безъ иностранныхъ. Но на фортепьяно и рояли пошлнна существуетъ, и теперь усилена такъ, что равняется (съ провозомъ) отъ 10-ти до 25-ти процентамъ цѣны инструмента. И тутъ, конечно, можно сказать: къ чему иностранные инструменты, когда инструменты дѣлаются или, по крайней мѣрѣ, „собираются“ въ Россіи. Но это было бы разсужденіе весьма наивное. Мы едва ли ошибемся, предсказавъ, что и впредь иностранные рояли будутъ у насъ конкурировать съ издѣліями нашихъ фабрикантовъ, потому что послѣдніе вовсе не подарятъ публикѣ того возвышенія пошлнны, какое сдѣлано въ ихъ пользу, а поднимутъ цѣну на свои издѣлія вновь до уровня иностранныхъ. Въ результатѣ получится то, что какъ тѣ, такъ и другіе вздорожаютъ на 20—60 руб. и этотъ новый налогъ падетъ прямо на семейства, дающія музыкальное образованіе дѣтямъ. Налогъ этотъ въ меньшинствѣ случаевъ составитъ только 20 рублей (т.-е. разницу прежней пошлнны съ фортепьяно 40 руб. и нынѣшней 60 руб.), потому что иностранныхъ „фортепьяно“ и піанино выписывается не такъ много, какъ иностранныхъ роялей, которые, хотя бы небольшіе, подлежатъ теперь пошлннѣ въ 100 рублей.

Мы не станемъ, разумѣется, сравнивать умѣнья играть на фортепьяно съ интересами научнаго образованія. Однако, нельзя не признать, что и интересы музыкальнаго образованія, которое оказываетъ немалую пользу для поднятія и дополненія нравственнаго развитія человѣка, расширяя сферу его умственной жизни, вовсе не такъ ничтожны, чтобы налогъ на него въ пользу нѣсколькихъ сборныхъ мастерскихъ не вызывалъ нѣкотораго сожалѣнія. Мы рѣшимся даже сказать, что напрасно для музыкальнаго образованія большинства учащихся въ среднихъ школахъ не дѣлается пока ничего, что напрасно оно представлено исключительно попеченію семействъ; что вообще даже, въ видахъ смятченія нѣкоторой односторонности и шероховатости въ умственной выдержкѣ нашего учащагося муж-

ского юношества, полезно было бы не оставлять музыкальнаго образованія на заботливости одной семьи, но сдѣлать что-нибудь для него и въ школѣ. Но если единственнымъ орудіемъ музыкальнаго образованія у насъ пока остается семейное фортепьяно, то едва ли рационально подвергать его усилленному налогу.

Что касается возвышенія пошлины на привозный табакъ, то хотя эту мѣру и можно разсматривать какъ направленную собственно къ усиленію казеннаго дохода, такъ какъ она сопровождалась разными дополненіями устава объ акцизѣ съ табака, для усиленія контроля, но все-таки огромный размѣръ повышенія свидѣлствуетъ, что и этой мѣрѣ присуща была мысль протекціонистская, тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ возвышеніемъ пошлины на табакъ привозный, пониженъ тарифъ бандеролей для издѣлій изъ табака внутренняго приготвленія. Надо замѣтить притомъ, что принятая нынѣ мѣра имѣетъ цѣлю покровительствовать не фабрикантамъ табачныхъ издѣлій, но собственникамъ табачныхъ плантацій въ Россіи.

Съ привознаго табака въ листахъ и папушахъ взымалось доселѣ 4 р. 40 к. съ пуда, а теперь будетъ взыматься 14 рублей. Мѣра эта прямо падетъ на русскихъ фабрикантовъ табачныхъ издѣлій. При прежней пошлинѣ на привозный табакъ въ листахъ, и будучи защищены отъ иностранныхъ фабрикантовъ пошлиною въ 88 руб. съ пуда на табакъ въ готовыхъ сигарахъ, они едва соглашались продавать свои издѣлія по цѣнамъ, равнымъ иностраннымъ издѣліямъ того же достоинства. Теперь, при возвышеніи пошлины съ иностраннаго табака въ листахъ до тройнаго слишкомъ размѣра противъ прежняго, они должны будутъ или поднять цѣны своихъ издѣлій, или ухудшить ихъ качество, употребляя для нихъ менѣе табака привознаго. Но такъ какъ спросъ на табачныя издѣлія вовсе не такъ неизмѣненъ, какъ спросъ на предметы первой потребности, то фабриканты табачныхъ издѣлій подвергаются при этомъ уменьшенію спроса на ихъ издѣлія, особенно на болѣе цѣнные. Многіе потребители, вмѣсто сигаръ, станутъ курить папиросы, другіе, вмѣсто папиросъ готовыхъ, станутъ употреблять папиросы собственнаго приготвленія. Пониженіе цѣны бандеролей можетъ оказаться недостаточнымъ, чтобы отвратить такое удешевленіе потребленія, при которомъ однѣ бандероли замѣнятся другими, болѣе дешевыми. Возьмемъ примѣръ. Потребитель сигаръ внутренняго приготвленія доселѣ платилъ за бандероль 25-ти штукъ сигаръ перваго сорта 25 коп., теперь будетъ платить 15 коп.; за бандероль 100 папиросъ перваго сорта онъ платилъ 30 к., а теперь будетъ платить 15 к. Но такъ какъ цѣны на самый товаръ возвысятся вслѣдствіе утроенія пошлины на иностранный табакъ американскій и такъ-называемый турецкій, или качество товара

соотвѣтственно ухудшится, то пониженіе цѣны бандеролей не представитъ потребителю достаточнаго вознагражденія, и онъ измѣнитъ самое свое потребленіе. вмѣсто 25 сигаръ, стбюющихъ, положимъ, 1 р. 50 к. или 2 р., онъ станетъ покупать 50 папирозъ, стбюющихъ всего 50 коп., вмѣсто ящика въ 100 штукъ готовыхъ папирозъ, стоящаго 1 р., онъ станетъ покупать четверть фунта табаку, стоящую 50 коп. и будетъ самъ свертывать папирозы. Въ результатѣ казна можетъ ничего не выиграть, а фабрики табачныхъ издѣлій могутъ очень много проиграть и выиграютъ одни разводители табака.

Въ Россіи собирается до 2½ милл. пудовъ табаку, но въ болѣе цѣнныхъ внутреннѣхъ издѣліяхъ онъ входитъ только какъ составная часть. Усиленіе воровательства ему отвратитъ старанія объ улучшеніи его. А между тѣмъ, тѣ 350 табачныхъ фабрикъ, которыя существовали доселѣ и брали бандеролей на сумму до 9 мил. р. въ годъ, могутъ сократиться, и самый доходъ казны отъ табачнаго акциза (до 11 м. р.) можетъ упасть. Сверхъ того, для самаго разведенія табака въ Россіи то увеличеніе спроса его, какое можетъ возникнуть вслѣдствіе употребленія его, въ болѣе противъ прежняго размѣрѣ, на издѣлія болѣе цѣнныхъ, окажется ничтожнымъ. Такимъ образомъ, въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, мы не можемъ ожидать пользы отъ принятія „охранительной“ мѣры. Въ настоящемъ случаѣ, она едва ли принесетъ пользу самимъ производителямъ, а о потребителяхъ, конечно, нечего и говорить.

Число кандидатовъ являющихся для поступленія въ реальныя училища и въ особенности въ военныя гимназій съ году на годъ увеличивается. Нынѣшнимъ лѣтомъ, по газетнымъ свѣдѣніямъ, наплывъ кандидатовъ въ тѣ и другія заведенія еще небывалый. Въ сожалѣнію, мы не имѣемъ свѣдѣній, велико ли число учениковъ, прибывающихъ нынѣшнимъ лѣтомъ въ гражданскія классическія гимназій, но едва ли можно сомнѣваться, что если оно и не такъ велико, по сравненію съ вѣстительностью, то все-таки весьма значительно. Дѣло въ томъ, что общій спросъ на образованіе усиливается съ необыкновенной быстротой.

Въ настоящее время, когда у насъ уже установились два типа средняго и два типа высшаго образованія, полезно указать на два разнородныхъ явленія, какія замѣчаются въ высшихъ спеціальныхъ училищахъ, подвѣдомственныхъ различнымъ гражданскимъ вѣдомствамъ съ одной стороны и въ военныхъ училищахъ—съ другой.

Спеціальныя училища разныхъ гражданскихъ вѣдомствъ въ послѣдніе годы поддались стремленію закрыть въ нихъ доступъ ученикамъ, не прошедшимъ чрезъ гимназій или реальныя училища

министерства народнаго просвѣщенія. Теперь остался уже едва ли не одинъ только технологическій институтъ, сохранившій право собственнаго приѣмнаго экзамена. Другія высшія спеціальныя училища гражданскихъ вѣдомствъ сохранили только право повѣрочнаго приѣмнаго экзамена изъ нѣкоторыхъ предметовъ, а общаго экзамена не производятъ, требуя отъ кандидатовъ представленія свидѣтельствъ гимназій и реальныхъ училищъ. Такъ дѣлаютъ институты инженеровъ путей сообщенія, горный и др. Лишеніе права на общій приѣмный экзаменъ примѣнилось позже другихъ высшихъ спеціальныхъ училищъ—къ строительному училищу министерства внутреннихъ дѣлъ. Но и тамъ, по уставу, введенному въ текущемъ году, этотъ экзаменъ устраняется; онъ сохраненъ только на нѣшній годъ, въ видѣ изыатія.

Между тѣмъ, военныя училища слѣдуютъ иному пути, по нашему убѣжденію—болѣе рациональному. Они принимаютъ безъ экзамена въ младшій классъ—всѣхъ представляющихъ свидѣтельства объ окончаніи курса въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ другихъ вѣдомствъ и даже частныхъ гимназій, а въ старшій классъ (спеціально-военный) допускаютъ безъ экзамена всѣхъ кончившихъ курсъ въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Затѣмъ, они прибѣгаютъ и къ повѣрочному экзамену изъ извѣстныхъ предметовъ учениковъ, кончившихъ курсы *нѣкоторыхъ* среднихъ заведеній, какъ, напр., духовныхъ семинарій. Но одновременно съ этимъ раскрытіемъ широкаго доступа для лицъ, представляющихъ удостовѣренія отъ школъ разныхъ вѣдомствъ, военныя училища благоразумно сохраняютъ за собой право принимать по собственному экзамену изъ всѣхъ предметовъ общеобразовательнаго курса, кромѣ древнихъ языковъ, и такихъ молодыхъ людей, которые никакаго удостовѣренія отъ иныхъ школъ не представили.

Дѣло въ томъ, что нѣтъ никакаго основанія видѣть въ какой-либо программѣ средняго образованія, составленной однимъ вѣдомствомъ, единый путь къ спасенію, условіе *si qua non* умственной подготовки, достаточной для слушанія высшаго спеціального курса. А курсъ высшаго заведенія—и хотя бы курсъ университета—всегда будетъ спеціальнымъ, насколько онъ не будетъ простымъ повтореніемъ задовъ. Военныя училища, пѣхотныя и кавалерійскія—нѣчто среднее между гимназіями и высшими спеціальными, военными же училищами. По отношенію къ артиллерійскому или инженерному училищу они представляютъ почти то же, что первый курсъ на университетскихъ факультетахъ. Съ этимъ курсомъ можно особенно сравнить особый *военный классъ*, учрежденный при 2-мъ военномъ константиновскомъ училищѣ, для изученія однѣхъ только военныхъ наукъ въ

теченіи одного года. Юнкера этихъ училищъ, по окончаніи въ нихъ курса, поступають уже въ старшій классъ артиллерійскаго и инженернаго училищъ:

Но изъ того, что военныя училища не считаютъ необходимымъ допускать въ свою среду только учениковъ, представляющихъ свѣдѣтельства школы того или другого вѣдомства, а открываютъ доступъ для учениковъ всѣхъ среднихъ школъ, никакъ не слѣдуетъ выводить такого заключенія, будто они относятся безъ всякаго разбора ко всѣмъ этимъ школамъ. Нѣтъ, они выказываютъ благоразумную осторожность въ этомъ отношеніи и проявляютъ ее тѣмъ, что опредѣляютъ особо *каждый годъ*, какіе изъ курсовъ учебныхъ заведеній различныхъ вѣдомствъ дѣйствительно „даютъ подготовку“, достаточную для слушанія курса военно-училищнаго.

Такимъ образомъ, въ нынѣшнемъ году военныя училища считаютъ нужнымъ подвергать повѣрочному испытанію изъ математики, физики и иностранныхъ языковъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій, а изъ одного русскаго языка — воспитанниковъ финляндскаго кадетскаго корпуса, но принимаютъ безъ экзамена, наприимѣръ, учениковъ московскаго лицея Цесаревича Николая, прошедшихъ гимназическій его курсъ, и учениковъ частныхъ гимназій, кончившихъ ихъ курсъ. Но если бы, вслѣдствіе какихъ-либо измѣненій въ учебныхъ программахъ этихъ послѣднихъ заведеній, коммиссія изъ представителей военныхъ училищъ нашла, чрезъ нѣсколько лѣтъ, учебный курсъ гимназическихъ классовъ лицея Цесаревича Николая или какой-либо частной гимназій, недающимъ „достаточной подготовки“ для слушанія курса военно-училищнаго, то коммиссія эта, въ росписаніи на слѣдующій годъ, опредѣлитъ не принимать учениковъ, окончившихъ курсъ тѣхъ заведеній въ военныя училища, безъ повѣрочнаго экзамена, а можетъ быть и безъ полнаго экзамена изъ всѣхъ предметовъ.

Таковъ смыслъ распубликованнаго въ истекшемъ мѣсяцѣ объявленія главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній, съ изясненіемъ правилъ, установленныхъ впредь для приѣма въ нихъ учениковъ. Правила эти кажутся намъ вполне рациональными. ими, съ одной стороны, устраняется всякая особая привилегія тому или другому роду среднихъ школъ, привилегія, исключаящая конкуренцію между заведеніями и уже поэтому вредная; допускается равноправность разныхъ программъ, лишь бы онѣ дѣйствительно давали достаточную подготовку къ слушанію специальныхъ курсовъ (какими всегда будутъ всѣ высшіе курсы) а, сверхъ того, осуществляется, съ другой стороны, право самостоятельныхъ требованій, которое должно

бы принадлежать всѣмъ высшимъ школамъ, право руководствоваться при приѣмѣ не авторитетомъ того или другого вѣдомства, но дѣйствительнымъ положеніемъ преподаванія и ученія въ его школахъ.

Спеціальная подготовка, высокой духъ самопожертвованія и практическое знаніе, обнаруживаемы воспитанниками нашихъ военныхъ училищъ въ настоящую войну, ставятъ эти заведенія внѣ всякихъ заподозриваній со стороны какихъ бы то ни было литературныхъ ревнителей. Не мѣшало бы и высшимъ специальнымъ училищамъ другихъ вѣдомствъ воспользоваться примѣромъ училищъ вѣдомства военнаго и возвратить себѣ право самостоятельной общей оцѣнки знаній вступающихъ въ нихъ учениковъ. Съ этимъ согласна и общая польза образованія въ странѣ; польза—не въ односторонности и привилегіи, но—въ конкуренціи и въ свободѣ.

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ ИЗЪ ЛОНДОНА.

5/17 июля, 1877.

ОКОНЧАНИЕ ПАРЛАМЕНТСКОЙ СЕССИИ.

Въ ту минуту, какъ эти строки появятся въ печати, парламентъ Дизраэли окончитъ безъ особенныхъ хлопотъ четвертый годъ своего существованія. Парламентская сессія, которой предшествовалъ періодъ чрезвычайнаго волненія и которая началась въ разгаръ борьбы самыхъ крайнихъ мнѣній, высказывавшихся съ тѣмъ болѣею замѣчательностью, что каждое было увѣрено въ своемъ торжествѣ, будетъ заключена среди сравнительнаго спокойствія. По мѣрѣ того, какъ война становилась все несомнѣннѣе, рвеніе борцовъ все охлаждалось: и грохотъ пушекъ, раздававшійся на Дунаѣ, покрывъ, наконецъ, собою грохъ парламентской бури, разигравшейся на берегахъ Темзы.

Последніе раскаты слышались въ первыхъ числахъ мая, по случаю знаменитыхъ „революцій“ м-ра Гладстона. 30 апрѣля онѣ были внесены въ бюро палаты общинъ неутомимымъ вождемъ либеральной партіи. И вотъ ихъ содержаніе, принадлежащее отнынѣ исторіи. Отъ палаты требовалось объявить:

1) что она имѣетъ все основанія жаловаться на поведеніе Порты въ виду депешы лорда Дерби, отъ 21 сентября 1876 г., касающейся болгарской рѣзни;

2) что до тѣхъ поръ, пока это поведеніе не измѣнится, до тѣхъ поръ, пока Порта не дастъ своимъ подданнымъ иныхъ гарантій въ хорошемъ управленіи, кромѣ обѣщаній, въ которыхъ она разсыпается въ настоящее время, эта держава совершенно утратила всякое право на матеріальную или нравственную поддержку британской короны;

3) что, среди современныхъ усложненій и войны, вліяніе англійскаго правительства въ совѣтахъ Европы должно клониться къ тому, чтобы вызвать развитіе мѣстныхъ вольностей и самоуправленія въ турецкихъ провинціяхъ, охваченныхъ волненіями, и положить конецъ игу, тяготѣющему надъ ними, но не подчиняя ихъ иноземному владычеству;

4) что, припоминая мудрую и честную политику здѣшней страны въ эпоху протокола 1826 г. и трактата 1827 г. касательно Греціи, она желаетъ, чтобы вліяніе Англій направлено было, въ согласіи съ европейскими кабинетами, къ тому, чтобы потребовать отъ Порты, въ силу ихъ общей власти, такихъ переизмѣнъ, какія могутъ казаться

необходимыми въ турецкомъ управленіи ради правъ гуманности и справедливости, огражденія отъ интригъ, и всеобщаго мира;

5) чтобы почтительный адресъ, заключающій въ себѣ сущность предыдущихъ резолюцій, былъ представленъ Ея Величеству:

Кто захочетъ взглянуть въ смыслъ четырехъ первыхъ предложеній—пятое не что иное, какъ простая формальность,—тотъ увидитъ, что они принадлежатъ различному порядку идей. Первое и второе выражаютъ только въ болѣе опредѣленной формѣ фактъ, признававшійся, по крайней мѣрѣ до послѣдняго времени, членами кабинета.

Не то скажемъ о третьемъ и четвертомъ пунктѣ. Они главнѣйшымъ образомъ важны тѣмъ, что напоминаютъ о событіяхъ 1826—1827 годовъ. Что же тогда происходило? Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ геройской борьбы между Греціей и турецкой имперіей, Европа выѣшалась въ дѣло. Она потребовала для Греціи независимаго управленія, предоставляя Портъ права суверена: полная независимость явилась впоследствии и силою вещей. Какъ и въ настоящее время, султанъ отказалъ, и вызванная на борьбу Европа отвѣтила Навариномъ. Желаютъ ли въ настоящее время придти къ тому же самому? Можно было бы, казалось, вывести такое заключеніе изъ четвертой резолюціи: логическимъ ея выводомъ былъ бы союзъ Англій съ Россіей противъ Турціи.

Изумленіе было крайнее, и одинъ изъ наиболѣе выдающихся членовъ либеральной партіи, знаменитый авторъ весьма важныхъ сочиненій о до-историческомъ человѣкѣ, сэръ Джонъ Леббокъ, объявилъ, что онъ требуетъ предварительнаго запроса. Разладъ поселился въ либеральномъ лагерѣ.

Въ понедѣльникъ, 8 мая, день, назначенный министерствомъ для обсужденія резолюцій, палата общинъ собралась въ полномъ своемъ составѣ. Галлереи, предназначенныя для зрителей, были биткомъ набиты, какъ въ самые торжественные дни: и дѣйствительно, общія ожиданія не были обмануты. Въ самомъ дѣлѣ, если такъ будетъ продолжаться долѣе, англійскій парламентъ утратитъ репутацію *respectability*, отличающую его. Во время этой сессіи снова выступили на свѣтъ божій старыя заманки, заимствованныя главнѣйшымъ образомъ изъ парламентскаго репертуара Франціи. Можно было бы подумать, что переживаемыя самые тяжкіе дни конвента. Никогда еще, говоритъ одна газета, не бывало такого удивительнаго засѣданія, и къ довершенію характеристики „Times“ объявилъ, что „г. Пальде-Кассаньякъ почувствовалъ бы себя какъ дома“.

Вотъ что происходило. Въ публикѣ извѣстно было, что Гладстонъ во всей вѣроятности измѣнитъ свои резолюціи, потому что, кромѣ сэра Джона Леббока, извѣстно было, что и официальный вождь оппозиціи, лордъ Гартингтонъ не станетъ поддерживать резолюцій въ

этой редакціи. Но, откровенно говоря, событія превзошли всѣ ожиданія. Въ минуту открытія преній, Тревиліанъ, племянникъ Маколея, известный либераль, спросилъ у Гладстона: не согласится ли онъ взять обратно 3 и 4 резолюцію; что онъ предлагаетъ поддерживать двѣ первыхъ, придавъ нѣсколько болѣе рѣзкую форму второй (той, которая объявляла, что Турція утратила право на поддержку Англіи). Гладстонъ, съ любезностью, заранѣе подготовленной, объявилъ свою готовность принести эту жертву: послѣ чего сэръ Джонъ Лэббокъ отказался отъ предварительнаго запроса, между тѣмъ какъ маркизъ Гартингтонъ обѣщалъ искреннюю поддержку новой комбинаціи.

Требованія и условія парламентской системы извѣстны: извѣстно, что различныя фракціи какой-нибудь партіи должны комбинировать свои взгляды, чтобы придти къ рѣшенію, способному удовлетворить всѣхъ членовъ. Но это соглашеніе должно быть предварительнымъ; эти комбинаціи должны совершиться въ четырехъ стѣнахъ, и разъ это сдѣлано, какъ въ данномъ случаѣ, смѣшно желать придать имъ характеръ неподготовленности, который никого не обманываетъ. Кто-то сказалъ, что мы присутствовали при „повтореніи комедіи“, и надо сознаться, что друзья Россіи очень неловко берутся за ея защиту. Поэтому можно себѣ представить гвалтъ, произведенный этимъ обѣиномъ любезностей между кумовьями. Воцарился невыразимый беспорядокъ. Ужасно сказать: въ священныя стѣнахъ мы увидѣли человѣкъ пять, говорящихъ разомъ и махающихъ руками, причемъ невозможно было заставить ихъ умолкнуть: голосъ спикера, торжественность его костюма, самый паркъ его какъ-будто утратили все свое обаяніе. Наконецъ, спокойствіе воцарилось, и Гладстонъ могъ развить свой тезисъ.

Онъ выполнилъ эту задачу съ своимъ обычнымъ искусствомъ. Правительство, по его мнѣнію, вело двойственную игру. Если конференція ни къ чему не привела, то потому, что вліяніе сэра Эллиота парализовало вліяніе лорда Салисбери. Турцію старательно предупреждали, что Англія ни въ какомъ случаѣ не потребуетъ исполненія рѣшеній конференціи: турки даже благодарили по этому случаю лорда Виконсфильда. Кромѣ того, въ Константинополь посланъ былъ Лейардъ, самый рѣшительный приверженецъ турецкаго правительства, которое, само собою разумѣется, благодарило кабинетъ за это „деликатное вниманіе“. Во всемъ этомъ дѣлѣ англійское правительство было злымъ гениемъ Европы. И, оживляясь съ теченіемъ своей рѣчи, онъ прибавилъ:— „Можемъ ли мы, полага руку на сердце, объявить, что мы исполнили свой долгъ? Было время, сэръ, когда Англія была надеждой для свободы. На какомъ бы пунктѣ земнаго шара ни проявлялись благородныя стремленія, въ Англіи устремля-

лись ввѣры всѣхъ угнетенныхъ, — къ этой обѣтованной землѣ, къ этому дорогому и привилегированному убѣжищу счастья, гдѣ народъ, создавшій себѣ это благородное зданіе, всегда готовъ сдѣлать все отъ него зависящее для обезпеченія другимъ несравненнаго пользованія тѣми же самыми благами (*рукопискианія*). Вы говорите мнѣ о традиціи, установившейся относительно Турціи: я обращаюсь къ другой традиціи, болѣе древней, болѣе широкой и болѣе благородной, къ той традиціи, которая, не пренебрегая англійскими интересами, учила насъ искать осуществленія ихъ путями, совмѣстными съ предписаніями чести и справедливости“.

Вотъ, безъ сомнѣнія, прекрасныя слова, и другіе ораторы оппозиціи: Фоусеттъ, Форстеръ, Гошень, ничего не прибавили къ силѣ аргументаціи своего вождя. Маркизь Гартингтонъ высказалъ причины, по которымъ онъ и его друзья отступили передъ 3 и 4 революціями, которыя бы повлекли за собой употребленіе силы противъ Турціи. Затѣмъ, послѣ новаго перечисленія упрековъ, дѣлаемыхъ правительству, онъ объявилъ, что еге политическаго нейтралитета заслужить одобреніе страны; но кабинетъ не долженъ закрывать глаза на то, что рано или поздно ему придется вмѣшаться въ борьбу, которую онъ допустилъ завязаться.

Три министра поочередно и неоднократно говорили во время преній: изъ всѣхъ ихъ рѣчей самой важной была рѣчь Кросса, статсъ-секретаря по внутреннимъ дѣламъ. Такъ давно уже вкривъ и вкось толкуютъ объ англійскихъ интересахъ, что публика вообще и европейскіе кабинеты должны были съ живѣйшимъ удовольствіемъ выслушать весьма точное опредѣленіе этихъ интересовъ.

„Толковали про Батумъ и про нѣкоторыя другія крѣпости, — вскричалъ Кроссъ; — но вѣдь существуетъ Суэзскій каналъ, которымъ интересуется не только Англія, но и весь свѣтъ. Я не вижу, съ какою стати на него посягнетъ Россія; во всякомъ случаѣ это интересъ не только англійскій, но и европейскій. Это путь съ запада на востокъ земного шара. Вотъ еще другой пунктъ вселенной, который интересуется и Англію и всю Европу: я назвалъ Египетъ. Чтѣ сказать о трактатахъ, касающихся Дарданельскаго пролива и владѣнія Константинополя? Есть ли необходимость, чтобы, въ теченіи войны между Россіей и Турціей, городъ Константинополь былъ занятъ или хотя бы окруженъ? Я отвѣчаю: нѣтъ! На эти вопросы ни одна страна въ мірѣ не можетъ смотрѣть равнодушно, и я упоминаю о нихъ съ надеждой, что они никогда не возникнутъ въ дѣйствительности... Если Россія сдержитъ свое слово, англійскіе интересы не пострадаютъ. Но побѣдоносную армію сдержать не легко; трудно умиротворить возбужденную страну. Все, что я могу сказать, это

„что правительство ея величества питаетъ полное довѣріе къ дѣйствіямъ Россіи: они не потребуютъ его вмѣшательства въ защиту этихъ интересовъ: если бы, однако, имъ угрожала опасность, не слѣдуетъ рассчитывать на то, чтобы Европа или Англія не вмѣшались для ихъ защиты“ (рукописскія).

Вотъ самое рельефное въ рѣчи министра внутреннихъ дѣлъ, которая вообще произвела очень хорошее впечатлѣніе.

Канцлеръ казначейства, восемь дней спустя — пренія продолжавшіеся цѣлую недѣлю—могъ только подтвердить заявленія своего собрата. Наконецъ, палата приступила къ голосованію первой резолюціи. Изъ 577 членовъ, 223 высказались *за*, 354 голоса *противъ* нея, и такимъ образомъ на сторонѣ правительства оказалось большинства 131 голоса.

Оппозиція ожидала подобнаго результата, но не рассчитывала на такое подавляющее большинство. Всего чудеснѣе то, что обѣ партіи объявили, что онѣ довольны. Что касается кабинета, дѣло понятно; но что касается либераловъ, то не совсѣмъ. Однако, послѣдніе утверждали, что выиграли одинъ важный пунктъ: принудили кабинетъ объясниться, и подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, послѣдній заявилъ о своемъ строгомъ нейтралитетѣ. Въ сущности, говорили нѣкоторые органы печати, это все, что отъ него требовалось. Известно было, впрочемъ, что онъ преслѣдуетъ двойственную политику, представляемую, съ одной стороны, лордомъ Виконфильдомъ, съ другой—маркизомъ Салисбери. Благодаря ловкому маневру оппозиціи, представлявшей волю страны, послѣдній одержалъ верхъ.

И действительно, когда, нѣсколько времени спустя, лордъ Моули сдѣлалъ запросъ въ палатѣ лордовъ о необходимости назначить англійскихъ консуловъ въ нѣкоторые города Средней Азіи, для того, чтобы получать болѣе вѣрныя свѣдѣнія о приближеніи русскихъ къ Индіи, лордъ Салисбери поднялъ на-смѣхъ эти опасенія. Въ тотъ же самый вечеръ, на банкетѣ „Merchant Tailors' Hall“, онъ еще строже заклеимилъ людей, которые идутъ на войну подъ вліяніемъ кошмара.

Это происходило въ началѣ іюня, недолго спустя послѣ знаменитыхъ преній. Но вотъ опять все разомъ переимѣнилось! Въ концѣ того же мѣсяца вдругъ пронесся слухъ, что правительство требуетъ у палаты общинъ кредита въ пять милліоновъ фунтовъ стерлинговъ на покрытіе издержекъ войны, которой можно ожидать. Почти въ то же самое время, статсъ-секретарь по остъ-индскимъ дѣламъ, представляя бюджетъ этой страны, потребовалъ разрѣшенія заключить заемъ въ пять милліоновъ, чтобы покрыть расходы, причиненные новымъ голодомъ. Вѣдь теперь уже стало несомнѣннымъ фактомъ, что имперія Великаго Могола каждые два или три года

подвергается этому страшному бѣдствию. Наступило первое важное военное событіе—переправа черезъ Дунай русской арміи, и нѣсколько дней спустя, всѣ узнали, что англійскій флотъ вернулся въ Беникску бухту. Въ то же самое время разнесся слухъ, что лордъ Салисбери выходитъ изъ кабинета. Вотъ факты. Теперь, —что слѣдуетъ думать о всѣхъ этихъ противорѣчіяхъ и въ чемъ заключается истина? Не трудно уловить ее человѣку, не ослѣпленному предубѣжденіями или пристрастіями. Вопросъ стоитъ ясно: въ настоящую минуту не существуетъ больше ни консерваторовъ, ни либераловъ, но одни только туркофилы и руссофилы. Въ извѣстномъ смыслѣ, для вождей великой славянской семьи утѣшительно видѣть свое имя, связаннаго съ именами самыхъ знаменитыхъ англійскихъ либераловъ и радикаловъ. Но, признавъ этотъ фактъ, слѣдуетъ признать и то, что „друзья Россіи“ составляютъ меньшинство.

Въ парламентѣ этотъ фактъ давно извѣстенъ и получилъ новое подтвержденіе. Представьте теперь, что палата общинъ была бы завтра распущена, благодаря одному изъ тѣхъ переворотовъ, секретомъ которыхъ владѣетъ французское правительство, —вы можете быть увѣрены, что большинство останется почти то же самое въ новой палатѣ. Право, ужасно быть вынужденнымъ вѣчно повторять одно и то же, но я могу сказать, какъ одно лицо, не помню уже въ какой комедіи: „я говорю все одно и то же, потому что дѣлается все одно и то же“. Я уже упоминалъ о томъ, что „Daily-News“—единственный руссофилъ изъ числа серьезныхъ ежедневныхъ газетъ. „Times“ высказывается также немного въ этомъ направленіи, въ особенности въ послѣднее время. Но не увлекайтесь этимъ: эта газета—прежде всего, представительница мнѣній тѣхъ, кто желаетъ мира во-что бы то ни стало, мнѣнія финансоваго міра: онъ соприсягается съ политикой самой незначительной стороны—и вліяніе его оказалось бы ничтожнымъ въ случаѣ выборовъ. Напротивъ того, „Daily Telegraph“, органъ либеральной, туркофильской фракціи, выходитъ въ настоящее время въ 242,000 экземплярахъ!

Итакъ, допустивъ, —въ чемъ рѣшительно нельзя сомнѣваться, —что настоящій кабинетъ представляетъ мнѣніе страны, въ чемъ заключается его политика? Въ самомъ ли дѣлѣ она двойственна, какъ это утверждаютъ, —и существуетъ ли разногласіе между нѣвторыми самими вліятельными членами?

Вотъ первый неоспоримый фактъ: если бы Дизраэли, —такъ назывался онъ въ то время, —начиналъ свою карьеру снова, онъ бы не вѣдалъ лорда Салисбери себѣ въ товарищи. Вѣдавъ его, онъ съ нимъ не расстанется, хотя слухъ объ отставкѣ статсъ-секретаря не есть индскимъ дѣламъ распространялся неоднократно, но этого, кажется, не

приходится опасаться, по крайней мѣрѣ, въ настоящую минуту. Мало того: благородного лорда пускаютъ впередъ въ тѣхъ случаяхъ, когда необходимо сдѣлать нѣкоторыя кажущіяся уступки оппозиціи или дипломатіи.

Разъ установивъ это, политика правительства лорда Биконсфильда вполне единодушна и идетъ въ одной цѣли; но только идетъ къ ней окольными путями, а не прямой дорогой. Уже съ самаго начала онъ сталъ мѣшать переговорамъ, которые—онъ знаетъ—не приведутъ ни къ чему, и такимъ образомъ оказалъ Турціи хотя и отрицательную, но весьма существенную поддержку. Цѣлью всѣхъ послѣдующихъ дѣйствій и рѣчей было показать, что Англія не отказалась отъ поддержки своего стариннаго союзника. Кто можетъ сказать, что это поведеніе не отсрочило войны?

Съ другой стороны, манифестаціи Гладстоновскихъ митинговъ мало-по-малу нейтрализовали дѣйствіе этой политики, введи въ заблужденіе на-счетъ истиннаго характера чувствъ англійскаго народа. Событія чередовались: наступила конференція, недавней и веселой памяти, и появился, наконецъ, генераль Ігнатъевъ съ своимъ протоколомъ, столь наивно подписаннымъ лордомъ Дерби. Война вспыхнула; скрѣпя сердце, принялись наблюдать за событіями, въ ожиданіи будущей поддержки Австріи. Съ переправой русскихъ войскъ черезъ Дунай, англійскій флотъ вернулся въ Дарданеллы. Кредитъ, необходимый для покрытія возможныхъ случайностей, еще не былъ потребованъ, но болѣе, нежели вѣроятно, что его потребуютъ въ самомъ непродолжительномъ времени. Забудьте при этомъ, что никогда еще наборы не были такъ многочисленны и ведены съ такой дѣятельностью. Пусть говорятъ, что въ это время всегда бывало то же самое; я утверждаю, что давно не видать было такого множества прокламацій, въ которыхъ сулятъ золотныя горы бѣднягамъ, желающимъ вступить въ ряды войскъ ея величества.

Слѣдуетъ ли заключить изъ этого, что Англія готовится немедленно выступить на арену борьбы? Отнюдь нѣтъ. Но только она желаетъ быть готовой на всякій случай, и если Австрія рѣшится выступить впередъ, она не останется назадъ.

Въ сущности, слѣдуетъ видѣть вещи въ ихъ настоящемъ свѣтѣ, а не сквозь призму сантиментальности и фантазерства. Руссофилы и туркофилы одинаково смѣшать людей серьезныхъ: первые своими замашками à la Петръ-Пустынникъ, вторые съ своими протестами въ защиту сыновъ пророка. Оставимъ первыхъ въ сторонѣ. Но что касается вторыхъ, т.-е. друзей турокъ, то они хорошо бы сдѣлали, если бы отказались отъ своихъ замашекъ непризнанныхъ филантроповъ. Правительство лорда Биконсфильда высказало истину своимъ

противникамъ, обвинявшимъ его въ симпатіяхъ къ туркамъ. Оно жа-
 лаетъ защищать британскіе интересы—и это, дѣйствительно, правда,
 и, по крайней мѣрѣ, хорошо то, что оно откровенно объ этомъ за-
 являетъ.

Извѣстный публицистъ, обычный сотрудникъ „Revue des Deux-Mon-
 des“, де-Лавелъ, только-что написалъ сенсационную статью объ этомъ
 вопросѣ въ „Fortnightly Review“. Фламандецъ по происхожденію, онъ
 объявляетъ, что совершенно безпристрастенъ въ этомъ вопросѣ и
 чтобы не сомнѣвались въ его добрыхъ намѣреніяхъ, пишетъ слѣдую-
 щее: „Англія представляетъ въ мірѣ, лучше, чѣмъ всякая другая
 нація, принципы политической свободы и свободы торговли, парла-
 ментскую систему, духъ промышленности,—словомъ, всѣ идеи и изобрѣ-
 тенія, которыя составляютъ корень и источникъ всякаго усовер-
 шенствованія для человѣчества. Она основала въ Америкѣ, въ Австра-
 лій колоніи, которыя уже сдѣлались могущественными государствами.
 Она управляла, во всеобщему восхищенію, странами, которыми вла-
 дѣла или владѣетъ: Канадой, колоніей Мыса Доброй-Надежды, Остъ-
 Индіей и Ионическими островами. Если бы она могла присоединить
 къ себѣ Европу или дать ей въ управленіе своихъ губернаторовъ,
 то, нѣтъ сомнѣнія, что страны, ее составляющія, болѣе процвѣтали
 бы и лучше управлялись, нежели теперь ¹⁾“.

Надѣюсь, что это любезно сказано, и что у Джона Буля козелъ
 отъ этого закружится голова. Но, высказавъ это, авторъ утверждаетъ,
 что Англіи не зачѣмъ вмѣшиваться въ настоящую войну, если бы
 даже русскіе дошли и до самаго Константинополя.—Если турки, все-
 ма справедливо замѣчаетъ онъ, будутъ знать, что ихъ столица не
 будетъ занята, то, владѣя моремъ, кто имъ мѣшаетъ продолжать
 войну до безконечности? Россія будетъ имѣть тогда право сказать
 Англіи: вы задерживаете бѣрбу, которая истощаетъ мои силы и
 разоряетъ Европу; предоставьте мнѣ продиетовать миръ на берегахъ
 Босфора или же ступайте за нимъ сами и продиетуйте его своимъ
 протезѣ. Слѣдовательно, только два исхода возможны: или чтобы
 Англія предписала миръ туркамъ въ Константинополѣ, или чтобы
 она допустила туда русскихъ.

Эта дилемма, повидимому, непоколебима. Но не спѣшите радоваться:
 потому что авторъ прибавляетъ, что если бы русскіе вздумали утвер-
 диться въ Стамбулѣ, то Великобританія найдетъ въ Австріи и въ
 Германіи двухъ союзниковъ для того, чтобы ихъ оттуда изгнать. Въ
 Азіи, напротивъ того, она оказалась бы изолированной. Между тѣмъ

¹⁾ „Fortnightly Review“. July 1876, p. 25, „British interests in the present crisis“.

она не имѣетъ никакого права противиться тому, чтобы русскіе присоединили къ себѣ Арменію. Курды, также какъ и христіане, съ радостью признаютъ новый порядокъ вещей: потому что злополучное управленіе пашей разоряетъ эту несчастную страну и лишаетъ ее всякой надежды на прогрессъ. Населеніе Арменіи, очевидно, выиграетъ отъ присоединенія къ Россіи, и такое расширеніе русскихъ предѣловъ окажется въ интересахъ цивилизаціи.

„Какое же вознагражденіе пришлось бы въ такомъ случаѣ на долю Англіи и какая гарантія „британскихъ интересовъ?“—Занятіе Египта и острова Кипра. Такимъ образомъ, путь въ Индію обезпеченъ. Впрочемъ, объявляю, что Англія въ концѣ-концовъ утратитъ имперію Великаго Могола: лишняя причина сохранить съ этими богатѣйшими странами прямое сообщеніе. Не думайте, чтобы Россія считалась наслѣдницею этихъ владѣній. Сами туземцы, сознавъ свою силу и проникнувшись чувствомъ собственнаго достоинства, благодаря успѣхамъ цивилизаціи, которою они обязаны своимъ завоевателямъ, кончатъ тѣмъ, что свергнутъ иго и провозгласятъ свою независимость“.

Въ этомъ Лавелэ ошибается. Многочисленнее населеніе Индустана всегда съ величайшей покорностью подчинялось игу какого-нибудь правителя. Объ этомъ было говорено въ одной изъ предыдущихъ корреспонденцій и въ этой истинѣ каждый можетъ убѣдиться, прочитавъ внимательно исторію края. Конечно, если говорить о томъ, что можетъ случиться послѣ долгаго ряда вѣковъ, „in saecula saeculorum“, то дѣло не невозможно. Но, оставаясь въ предѣлахъ возможнаго и доступнаго человѣческой оцѣнкѣ, можно утвердительно сказать, что Индія останется за Англіей, если только Россія не отниметъ ее. Но, повторяю, въ настоящее время настроеніе жителей Индіи, какъ индуосовъ такъ и мусульманъ—благопріятно для Великобританіи.

Я привелъ частію мнѣніе бельгійскаго публициста, потому что оно довольно хорошо и сравнительно безпристрастно выражаетъ настроеніе умовъ въ настоящую минуту. Занятіе Египта—старая исторія, но которая принимаетъ все болѣе и болѣе осязательную форму и начинаетъ входить въ область дѣйствительнаго: всѣ газеты полны ею. Забудьте, кромѣ того, что вышеупомянутая статья появилась въ „Fortnightly Review“, органѣ дружественномъ Гладстону и радикальномъ по преимуществу.

Какъ бы то ни было, а ждите новаго. По всей вѣроятности, требованіе дополнительныхъ кредитовъ будетъ сдѣлано до конца настоящей сессіи. „Quarterly Review“, торійскій органъ, появился уже сегодня съ оглашеннымъ воззваніемъ къ энергіи и дѣятельности.

Пока мы ежедневно созерцаемъ на улицахъ Лондона выставку туркофильскихъ и руссофильскихъ страстей со всѣмъ ихъ преувели-

ченіемъ. Извѣстно, что газеты сопровождаютъ каждое изданіе болѣнными объявленіями, которыя выставляются на дверяхъ лавокъ и гдѣ читается перечень сенсационныхъ фактовъ. Такимъ, образомъ, ежедневно читаемъ про „большое пораженіе русской арміи“ или же про „совершенное пораженіе турецкой арміи“, и все это въ одну и ту же часъ и на одномъ и томъ же мѣстѣ. Но только благодаря пропорціи, выше указанной, гораздо больше извѣстій, благопріятныхъ туркамъ.

Правительство безмолвствуетъ въ настоящую минуту, среди этого волненія страстей. Въ непродолжительномъ времени парламентъ разоидется, и тогда, будьте увѣрены, лордъ Вилксфильдъ угоститъ насъ по своему обыкновенію какою-нибудь дичинойной рѣчью. Серьезныя вещи подготовятся во время парламентскихъ каникулъ. Надо прибавить, что послѣднія извѣстія о войнѣ въ Азіи подзадорили рвеніе приверженцевъ вѣнзательства, не говоря уже о томъ, что они были перепечатаны всѣми газетами, включая и „Times“, съ нескрываемымъ удовольствіемъ.

Кромѣ длинныхъ и неизбежныхъ преній о восточномъ вопросѣ, самымъ значительнымъ трудомъ парламента въ настоящую сессію было вотированіе новаго закона о тюрьмахъ, уже разобраннаго въ прошлой корреспонденціи. Надо прибавить къ этому билль объ Оксфордскомъ и Кембриджскомъ университетахъ, имѣющій цѣлю регулировать, трудами специальной комиссіи, употребленіе доходовъ, все увеличивающихся, этихъ двухъ знаменитыхъ корпорацій. Въ продолженіи всего года разрабатывался законъ о погребеніяхъ и кладбищенской полиціи (Burial grounds Bill); но такъ какъ правительство взяло его обратно, отсрочивъ проведеніе его до будущей сессіи, то мы не станемъ говорить о немъ сегодня.

Другой законъ, болѣе важный, билль „South Africa Bill“, вотированный 10 іюля. Цѣль его дозволить колоніямъ южной оконечности Африки соединиться въ конфедерацію. На дѣлѣ, недавнее присоединеніе Трансваальской республики побудило правительство внести этотъ законъ. Вотъ что произошло въ прошломъ апрѣлѣ.

Извѣстно, что голландскія владѣнія въ этой мѣстности были официально переданы Англии въ 1814 г. „Вооръ“, какъ называютъ голландскихъ колонистовъ, не мирились съ такимъ порядкомъ дѣлъ: привыкнувъ пользоваться туземцами, какъ рабами, они неблагоприятно смотрѣли на миролюбивую политику Великобританіи относительно послѣднихъ. Въ 1833 г. освобожденіе негровъ побудило ихъ эмигрировать. Они углубились во внутръ страны и основали два небольшихъ независимыхъ государства. Одно: „Orange River free State“ (Свободное государство Оранжевой Рѣки), находится между 27 и 31 град.

южн. широты, другое „Transvaal Republic“ (Трансваальская республика)—между 22 и 28 град.

Это послѣднее заключаетъ около 115,000 квадратныхъ миль, съ населеніемъ въ 30—40,000 бѣлыхъ и 250—300 тысячъ негровъ. Страна довольно плодородна, богата пастбищами, минеральными произведеніями: климатъ благорастворенный и въ высшей степени благоприятный для европейцевъ. Политическое устройство его довольно интересно. Это демократія въ полномъ значеніи этого слова: существуетъ „народный совѣтъ“, собраніе, избираемое всеобщей подачей голосовъ—бѣлыхъ, разумѣется. Оно собирается четыре раза въ годъ и назначаетъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ. Каждый бѣлый имѣетъ право на три тысячи акровъ общественной земли. Если вы прибавите къ этому, что колонисты пользуются земледѣльческимъ и другимъ чернымъ трудомъ полу-дикихъ геттентотовъ, то согласитесь, что эта республика походитъ нѣкоторыми сторонами на спартанскую.

Присоединивъ въ 1848 г. „государство Оранжевой рѣки“, правительство англійское поздѣе отказалось отъ него и въ 1854 и 1862 г. признало независимость обѣихъ республикъ. Къ несчастію, колонисты, ведущіе, какъ кажется, очень патріархальную жизнь, въ то же время очень воинственнаго нрава: кромѣ того, они чувствуютъ по временамъ необходимость набирать себѣ плотовъ въ средѣ туземныхъ племенъ. Отсюда происходитъ вѣчная война, представляющая, надо сознаться, серьезныя неудобства для сосѣднихъ англійскихъ колоній.

Послѣднія битвы ованчились плачевно для маленькой республики, и британское правительство счло своей обязанностью вмѣшаться въ дѣло. Оно отрядило сэра Свенстона съ необходимыми полномочіями. Онъ прибылъ въ столицу трансваальской республики, въ сопровожденіи всего 25 полицменовъ. 12 апрѣля онъ объявилъ президенту народнаго совѣта, что не можетъ долѣе ждать восстановленія порядка въ республикѣ и долженъ занять страну, отъ имени королевы. Президентъ составилъ формальный протестъ, который и былъ прибитъ къ стѣнамъ города въ формѣ прокламаціи къ народу. Но видѣвъ съ тѣмъ, онъ совѣтовалъ покориться, хотя бы и временно. Англійское знамя было выкинуто въ преторіи и войска, стояція на границѣ Натала, англійской колоніи, получили приказъ быть наготовѣ, чтобы подавить сопротивленіе, котораго до сихъ поръ не проявлялось.

И вотъ, какимъ образомъ англійская корона обогатилась новой жемчужиной, правда, не особенно дорогой. Но взглянемъ впередъ. Во-первыхъ, „государство Оранжевой рѣки“ навѣрное въ скоромъ времени постигнетъ та же участь. Такимъ образомъ англичане про-

двинутся до Замбези. У нихъ есть станція на озерѣ Ниасса; вскорѣ у нихъ появятся другія на озерахъ Танганійка и Виктория. Съ другой стороны, Египеть простирается теперь до большихъ озеръ и въ случаѣ его присоединенія Англія будетъ владѣть всею Африкой.

Но пока мы еще не дожили до этого, и въ ожиданіи „*paulo tunc*“, перейдемъ къ менѣе грандіознымъ событіямъ. Двѣ небольшихъ книжки, появившихся изъ двухъ совершенно противоположныхъ лагерей, возбудили недавно великій скандалъ. Первая—произведеніе той партіи англиканской церкви, по поводу которой Гладстонъ дѣлалъ такъ много шума два года тому назадъ. Я говорю о ритуалистахъ; книга носитъ заглавіе: „*The Priest in absolution*“.

Мы уже не разъ упоминали о раздорахъ въ англиканской церкви. Напомнимъ только, что „ритуалистъ“—новое слово, которымъ обозначаютъ тѣхъ, кого въ былое время называли „*Ritualists*“. Это та отрасль англиканства, которая все болѣе и болѣе склоняется къ католицизму и совсѣмъ перешла бы въ него, если бы не главенство папы. Идеаломъ этихъ людей былъ бы *англиканскій католицизмъ*, въ подражаніе галликанскому времени Воссюэта и Людовика XIV.

Однимъ изъ пунктовъ, которые ближе всего имъ къ сердцу, это словесная исповѣдь, и книга, которая надѣлала теперь шуму, не что иное какъ руководство къ исповѣди для молодого священника.

Но здѣсь очень худо приняли это нововведеніе. „*Priest in absolution*“ послужилъ предметомъ двойнаго запроса въ палатѣ лордовъ и въ палатѣ общинъ, и архіепископъ кентерберійскій, не обинуясь, объявилъ, что выгнать вонъ всякаго священника, который осмѣлится обратиться къ его женѣ и дѣтамъ съ такими рѣчами, какія рекомендуются этимъ руководствомъ. Забудьте, что дѣлу этому покровительствуетъ могущественная ассоціація „*Holy Cross*“, насчитывающая не менѣе 700 членовъ, которые почти всѣ священники англиканской церкви. Дѣло было предъявлено на судѣ собранія епископовъ, собирающагося ежегодно: и сама книга и рекомендуемые ею приемы были безусловно осуждены. Какъ бы то ни было, но относительно этой книги негодованіе выразилось платоническимъ образомъ. Не то было относительно другого памфлета, озаглавленнаго: „*Fruits of philosophy*“, продающагося въ книжной торговлѣ Брадло и его компаньона, м-съ Византъ. Негодованіе въ этомъ случаѣ было умѣреннее, чисто мѣтное, ограничивающееся кружкомъ „*Holy Cross*“ и другихъ. Но за то послѣдствія его болѣе серьезны. Брадло и миссъ Византъ призваны въ судъ *королевской скамьи*, и послѣ громкаго процесса приговорены къ шестимѣсячному заключенію и 200 ф. с. пени.

Между тѣмъ брошюра заключаетъ въ себѣ не что иное, какъ не-

ложение системы Мальтуса и способов предупредить излишекъ населенія.

За исключеніемъ этихъ эпизодовъ, бывавшихъ много толковъ, сезонъ проходилъ какъ обыкновенно. Послѣ объявленія войны умы успокоились мало-по-малу и дѣла пошлн общиннымъ ходомъ; но, конечно, такъ кажется лишь на первый взглядъ. Если заглядывать въ глубину вещей, то въ этой странѣ, равно какъ и во всѣхъ другихъ въ Европѣ, отзывались военныя событія. Совсѣмъ тѣмъ всѣ ѣздили въ паркъ и въ оперу, по обыкновенію и поочередн рукоплескали Альбани и Патти. Успѣхъ послѣдней даже значительнѣе, чѣмъ когда-либо.

Правда, что высшее общество прикидывалось, что его стѣсняютъ послѣднія событія изъ частной жизни гѣвицы. Какъ будто это имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ искусству. Впрочемъ, надо замѣтить, что „high life“ всврѣ поналъ нелѣпность своихъ претензій, и кончилъ тѣмъ, что принялся дружно рукоплескать гѣвицѣ, никогда не перестававшей быть его любимицей.

Но музыкальнымъ событіемъ сезона былъ рядъ концертовъ, данныхъ въ „Albert Hall“ Рихардомъ Вагнеромъ. Въ теченіи восьми вечеровъ подъ рядъ маэстро исполнялъ различныя отрывки своихъ произведеній. Самой великой приманкой служила трилогія „Кольцо Нибелунговъ“, исполняемая артистами, участниками Байретскаго фестиваля. Естественно, давались лишь отрывки, которые не могли не потерять уже вслѣдствіе того, что концертная зала не приспособлена для необходимыхъ сценическихъ эффектовъ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на невыгодныя условія, успѣхъ былъ колоссальный. Восторженная публика аплодировала и заставляла повторять каждый вечеръ пѣснь „Дочерей Рейна“, (въ „Золотѣ Рейна“), „Пробужденіе Бруннгильды“ (въ „Зигфридѣ“) и похоронный маршъ по случаю смерти геросовъ (въ „Гибели Боговъ“). Сожалѣю, что не могу распространиться объ этомъ предметѣ, потому что на это потребовалась бы цѣлая статья. Но отнынѣ, какъ у людей компетентныхъ, такъ и у публики одно мнѣніе на счетъ этого гигантскаго произведенія, а именно: что это— „chef-d'oeuvre“ музыкальнаго искусства всѣхъ странъ и всѣхъ временъ.

Въ сущности, и наперекоръ всемъ языкамъ, оперы Вагнера, поставленныя въ Лондонѣ два года тому назадъ, остались въ репертуарѣ, и въ особенности „Лоэнгринъ“ начинаетъ производить фуроръ, какъ на королевскомъ театрѣ съ Нильсонъ, такъ и въ коventгарденскомъ театрѣ съ Альбани. Эту послѣднюю примадонну ожидаетъ, по нашему мнѣнію, болѣе блестящая будущность, нежели это думаютъ. М-ръ Джай поручилъ ей главную роль въ „Fliegende Hol-

länder" Вагнера, поставленномъ въ нынѣшнемъ году, и она превосходно выполнила эту трудную роль. Укажемъ также, въ заключеніе этого краткаго музыкальнаго обзорѣнія, музыкальный праздникъ въ память Генделя, который бываетъ каждыя три года и въ нынѣшнемъ происходилъ съ обычнымъ блескомъ въ „Хрустальномъ Дворцѣ“, куда стеклись по этому случаю тысячи посѣтителей. Надо представить англичанамъ сладкую иллюзію, что, играя и слушая музыку Генделя, они, наконецъ, убѣдятъ міръ, что творецъ ея ихъ соотечественникъ.

Выставка картинъ открылась нынѣшній годъ въ обычное время въ „Королевской академіи“, т. е. въ зданіи, стоящемъ въ центрѣ Пикадилли и извѣстномъ подъ названіемъ „Burlington House“. Выставка далеко не представляетъ такого интереса, какъ прошлогодняя, на которой я насчиталъ три капитальныхъ произведенія. Въ нынѣшній разъ нѣтъ ничего подобнаго, и я могу указать только на двѣ картины.

Первая опять принадлежитъ Лейтону, который заслужилъ такіа справедливыя похвалы своей „Daphnephoria“. На этотъ разъ картина принадлежитъ къ такъ-называемому „жанру“ и называется: *Урокъ музыки*. Въ ней только два дѣйствующихъ лица: молодая женщина и маленькая дѣвочка въ античномъ костюмѣ. Но нельзя себѣ представить ничего прелестнѣе цѣлаго этой картины и ничего изящнѣе и воспитательнѣе голыхъ ножекъ ребенка. Это реально, живо и вмѣстѣ съ тѣмъ граціозно. Англичанинъ не пренебрегъ бы этой маленькой картиной. Но можно, однако, упрекнуть артиста въ томъ, что онъ недостаточно отдѣлалъ нѣкоторыя части: руки, напримѣръ, совсѣмъ не такъ хороши и не отвѣчаютъ остальному.

Другая картина, принадлежащая Лонгу, представляетъ египетскій праздникъ. Среди условной декораціи, соотечественники короля Хеопса засѣдаютъ за пиршественными столами и пируютъ, между тѣмъ какъ, на основаніи разсказа Геродота, рабы влечатъ передъ пирующими мумію, говоря имъ:—„глядите, и пойте и веселитесь, потому что и вы тоже умрете“. Нельзя дать лучшаго понятія о художникѣ, какъ сравнить его съ французскимъ живописцемъ Жеромомъ. То же изящество въ отдѣлкѣ, та же заботливость о подробностяхъ. Въ углу налѣво молодая египтянка играетъ на арфѣ: одна изъ нихъ, играя, что-то шепчетъ на ухо товарибѣ, улыбаясь. Все это передано необыкновенно правдиво. Словомъ, это произведеніе заслуживаетъ похвалъ, которыми его осыпаютъ. Но только съ какой стати пришла м-ру Лонгу злосчастная идея помѣстить на первомъ планѣ ужасную старуху, которая жалостливо поглядываетъ

на мумію, тѣмъ болѣе, что сама близка къ тому, чтобы превратиться въ мумію. Безъ сомнѣнія, выраженіе ея лица тоже передано превосходно. Но все же оно безобразно, бесполезно и художнику непротитительно было ее вывести.

Слѣдуетъ теперь сказать, что выставка „Королевской академіи“ не единственное артистическое событіе наступающаго сезона. Новая картинная галлерей, интересная какъ по своему происхожденію, такъ и по цѣли, преслѣдуемой ею, открылась въ Уэстъ-Эндѣ. Это частное предпріятіе. Владѣлецъ и предприниматель—богатый баронетъ, сэръ Кутсъ Линдса, хорошо извѣстный своей щедростью и своими артистическими вкусами. Онъ самъ живописецъ, и ему пришла въ голову мысль открыть свои великолѣпные салоны, куда бы допускались, по его инициативѣ, художники, заслуживающіе этой чести, приняты они или нѣтъ въ официальный академическій салонъ. Открытіе происходило 10 мая и началось банкетомъ, происходившимъ въ роскошныхъ салонахъ, отнынѣ извѣстныхъ подъ именемъ „Grosvenor Gallery“. Почти всѣ члены королевской фамиліи присутствовали на немъ, включая принца и принцессу Уэльскихъ, и, кромя того, всѣ самыя громкія имена англійской аристократіи. Безполезно прибавлять, что большинство живописцевъ, выставившихъ свои картины, не были забыты.

Безъ сомнѣнія слѣдуетъ ждать серьезныхъ произведеній, когда дѣло идетъ о такомъ высокомъ покровительствѣ. И дѣйствительно, ожиданія не были обмануты. Я уже говорилъ о до-рафаэлевской школѣ, которая надѣлала столько шума въ Лондонѣ дѣтъ тридцать тому назадъ. Эти реформаторы, главою которыхъ былъ Росетти, имѣли цѣлью главнымъ образомъ реагировать противъ грубыхъ стремленій англійскаго искусства. Кромя ненависти къ пошлomu и условному, они стремились обратиться къ природѣ, какъ она изображалась въ произведеніяхъ живописцевъ, предшествовавшихъ Рафаэлю.

Въ „Grosvenor-Gallery“ собраны замѣчательные образцы произведеній этой школы. И правду сказать, входя въ главную залу, воображаешь, что очутился среди итальянскихъ мастеровъ XV вѣка. На первомъ планѣ выступаетъ живописецъ, котораго большинство англичанъ знало до сихъ поръ только по имени и слава котораго очень возрасла за эти нѣсколько дней. М-ръ Бёркъ-Джонсъ выставилъ нѣсколько картинъ, изъ которыхъ самая замѣчательная на нашъ взглядъ та, что озаглавлена „Venus Mirror“. Посреди ландшафта, напоминающаго нѣкоторыя мѣстности Греціи, на берегу озера, поросшаго незабудками, толпа молодыхъ дѣвушекъ смотритъ въ это естественное зеркало. Онѣ тѣснятся другъ возлѣ друга въ самыхъ разнообразныхъ позахъ и лица ихъ отражаются въ чистой и прозрачной водѣ.

Во-первыхъ, тутъ побѣждена очень большая трудность въ передачѣ отражаемыхъ фигуръ. Но это только подробность. Прелестнѣе всего общій видъ этихъ хорошемихъ лицъ, тѣснящихся одно воуль другого и сіяющихъ жизнью, молодостью и красотой. Все удачно: композиція, рисунокъ, краски.

Но слѣдуетъ ли воскликнуть вмѣстѣ съ извѣстнымъ критикомъ, что Англія обрѣла свой *chef-d'oeuvre*? „Среди насъ,—говорить м-ръ Сидни Кольвинъ,—живетъ поэтъ рисунка и красокъ, какихъ еще мы не видывали до сихъ поръ!“ Это нѣсколько преувеличено, и повторить эти похвалы не позволитъ самая аффектація живописца рисовать картины такъ-сказать заднимъ числомъ. XIV и въ особенности XVI вѣка не представляютъ идеала живописи въ искусствѣ. Тиціанъ, Веронезе и Рафаэль писали лучше. Но чтó въ моихъ глазахъ составляетъ главное достоинство „*Venus Mirror*“, это то, что она очень мало напоминаетъ до-рафаэлевскую живопись и гораздо больше во вкусѣ великихъ венеціанскихъ мастеровъ.

Итакъ, вы видите, что въ концѣ-концовъ лондонское общество примирилось съ самыми страшными перспективами, и что кровь, проливаемая на восточной окраинѣ Европы, не мѣшаетъ ему предаваться мирнымъ наслажденіямъ. Миръ остается все тѣмъ же, и люди не стѣсняются въ примѣненіи правила, „*saque d'eam*“. И они правы: потому что въ настоящее время болѣе, чѣмъ когда-либо, никому неизвѣстно, чтó сулитъ намъ будущее.

R.

КОРРЕСПОНДЕНЦІА ИЗЪ БЕРЛИНА.

14/21 іюля, 1877.

ЛѢТНІА БАНКЕУИ НЕЙТРАЛЬНЫХЪ ДЕРЖАВЪ.

Вотъ впервые въ послѣдніа 14 лѣтъ, что Европа только глядитъ на войну, сама вооружившись съ ногъ до головы. Въ 1864 г., въ датскую войну, Пруссія была въ союзѣ съ Австріей; въ 1866 г. дуэль завязалась между Пруссіей и Австріей и окончилась такъ поразительно быстро торжествомъ Пруссіи. Въ 1870 и 1871 г. Германія и Франція сдѣлались другъ съ другомъ, а вся остальная Европа оставалась зрительницей борьбы. Въ послѣднюю войну главная заслуга въ томъ, что война, употребляя выраженіе, созданное императоромъ

Наполеоновою, локализовалась, вынадеетъ на долю Россіи. Эту политику локализациі войны слѣдуетъ считать однимъ изъ величайшихъ приобретений новѣйшаго времени. Она до нѣкоторой степени является въ pendant къ утопіи всеобщаго мира или третейскаго суда, который долженъ повести за собой таковой миръ. Локализациа представляетъ по крайней мѣрѣ ту выгоду, что значительная часть вселенной все же остается внѣ борьбы и что, слѣдовательно, мирные труды и занятія идутъ своимъ чередомъ въ большинствѣ странъ, а это даже для самихъ воюющихъ странъ является преимуществомъ.

Когда Германія вела въ послѣдній разъ войну, у всѣхъ было въ мысляхъ одно: какъ счастливы нейтральныя державы, которыя совершаютъ военныя событія, не тратя ни вошѣйши и не проливая ни капли крови и даже, напротивъ того, могутъ очень выгодно обдѣлывать свои дѣла. Въ настоящее время Германія явилась познала горести и радости нейтральной державы, и знаетъ, что нейтралитетъ не безъ терній. Я попытаюсь показать, чѣмъ это обусловливается, причѣмъ коснусь какъ внѣшней политики, такъ и внутренняго политико-экономическаго положенія дѣлъ и приведу нѣсколько характерныхъ явленій.

Послѣ того, какъ былъ заключенъ миръ между Германіей и Франціей, нѣмецкому народу было обѣщано въ награду за его усилія и жертвы, что миръ заключенъ на долгіе годы и онъ можетъ спокойно наслаждаться плодами своихъ побѣдъ. Медовый мѣсяцъ этого обѣщанія длился, какъ извѣстно, не долго. Уже при обсужденіи военныхъ законовъ въ 1874 г. комитетные люди утверждали, что Германія отнюдь не такъ безопасна, чтобы съ полнымъ спокойствіемъ смотрѣть на будущее. Еще болѣе нарушилась увѣренность въ долговѣчности мира весною 1875 г., когда казалось, что Австрія, Франція и Италия соединятся противъ нея. Эта опасность скоро разсѣялась, но не успѣла она миновать, какъ проявились первые признаки оживленія восточнаго вопроса, окончившіеся катастрофой. Опять Бисмаркъ принялъ относительно этого вопроса самое опредѣленное положеніе, объявивъ, какъ извѣстно, что Германія всего менѣе заинтересована въ этомъ вопросѣ. Надо полагать однако, что союзъ трехъ императоровъ играетъ, по всей вѣроятности, во всемъ этомъ такую роль, какаа еще не обнаружилась для публики, между тѣмъ какъ нѣкоторыя событія только и можно объяснить этимъ союзомъ, который, какъ извѣстно, заключенъ въ 1872 г.

Оппозиція, съ того момента, какъ обнаружилось, что война съ Франціей отнюдь не привела къ вѣчному миру, съ возобновленнымъ жаромъ обратилась противъ политики Бисмарка, на которую она сваливаетъ всѣ опасности прошлыхъ и будущихъ временъ. Mala fides

этого воззрѣнія очевидна. Естественные противники Германіи не уменьшились и не увеличились въ настоящую минуту сравнительно съ тѣмъ, какъ это было 25 лѣтъ тому назадъ, т.-е. раньше того, чѣмъ Бисмаркъ приобрѣлъ руководящее вліяніе на нѣмецкую политику. Разница заключается только въ томъ, что теперь Германія, благодаря своему единству и въ особенности благодаря своей однородной арміи, можетъ лучше обороняться, чѣмъ прежде. Только единство Германіи сдѣлало возможнымъ образованіе такого флота, который почти обезпечиваетъ безопасность береговъ, которые прежде были совсѣмъ незащитны.

Нельзя, конечно, допустить, чтобы такой государственный чело-вѣкъ, какъ князь Бисмаркъ, не имѣлъ своихъ воззрѣній на позднѣйшую организацію вещей на Востоку. Прослѣдивъ всю политическую дѣятельность князя Бисмарка, найдешь, что онъ очень долго размышляетъ надъ политическими задачами, прежде нежели заняться ими. Когда же начнетъ ими заниматься, то дѣйствуетъ не на основаніи заранее составленной программы, но на основаніи текущихъ событий, которыми онъ, такъ же мало, какъ и всякій другой чело-вѣкъ, можетъ располагать. Онъ достаточно часто высказывалъ эти принципы своей политики, какъ съ трибуны, такъ и дружественнымъ дипломатамъ и въ своемъ интимномъ кружкѣ. Въ восточномъ вопросѣ политика его, судя по всему, что онъ до сихъ поръ высказывалъ, есть политика строгаго нейтралитета; но этотъ нейтралитетъ отнюдь не исключаетъ того, чтобы онъ не слѣдилъ съ живѣйшимъ участіемъ за ходомъ событий. Уже однѣ дружескія отношенія Германіи къ Австріи и Россіи дѣлаютъ полное равнодушіе немислимымъ. Меньше значенія слѣдуетъ придавать участію Германіи въ извѣстныхъ переговорахъ, которыми Турцію должны были побудить подчиниться требованіямъ Россіи и этимъ избѣжать войны. Германія никогда не брала начала въ этихъ переговорахъ, но поддерживала требованія улучшенія быта турецкихъ христіанъ, во всемъ же остальномъ дѣйствовала въ примиряющемъ духѣ относительно дружественныхъ ей державъ, къ которымъ не принадлежитъ Турція. Можно сказать, что она пошла дальше, когда объявила, что будущее рѣшеніе восточнаго вопроса не должно нарушать интересовъ Австріи. Но въ сущности это само собой разумѣется, потому что Россія начала войну, опираясь на свои дружескія отношенія къ Германіи и Австріи и не должна она-саться такой коалиціи, какая составила въ 1854 г. Конечно, однимъ изъ результатовъ этихъ дружескихъ отношеній можетъ быть и то, что восточный вопросъ не будетъ такъ окончательнo рѣшенъ, какъ бы это было желательно, что онъ можетъ въ скоромъ времени снова потревожить Европу и грозить ей опасностью. Задолго уже до начала

войны были нѣкоторые намеки на то, что князю Бисмарку пріятно бы было, если бы Австрія приняла болѣе дѣятельное участіе въ разрѣшеніи этого вопроса. Въ Вѣнѣ это возрѣніе, какъ извѣстно, господствуетъ въ нѣкоторыхъ кружкахъ и его примѣненію мѣшаетъ только сопротивленіе Венгріи. Съ Англіей же, повидимому, не только не происходило никакого соглашенія, но даже и не пробовали добиваться его. Поведеніе Англіи въ послѣднюю войну относительно Франціи провадело весьма неблагопріятное впечатлѣніе въ Германіи, начиная сверху и до низу, и, кромѣ того, слѣдуетъ принять во вниманіе еще и то обстоятельство, что парламентская форма правленія въ Англіи обуславливаетъ въ ея внѣшней политикѣ такіа непредвидѣнныя колебанія, что союзъ съ Англіей можетъ подвергнуть величайшимъ опасностямъ всякое государство, поддавшееся на этотъ союзъ, если только послѣдній не служитъ исключительно англійскимъ интересамъ, какъ это было въ крымскую войну: матеріальныя выгоды отъ этой войны пали исключительно на долю Англіи, между тѣмъ какъ Франція извлекла изъ нея только сомнительное преимущество; а именно: усиленіе своего воинскаго обаянія, которое съ тѣхъ поръ, какъ извѣстно, очень сильно пострадало. Хотя интересы Германіи далеко не такъ тѣсно связаны съ государственнымъ устройствомъ на юго-востокѣ Европы, какъ интересы Россіи и Австріи, однако нѣмецкій государственный человѣкъ не можетъ вполнѣ равнодушно и безстрастно смотрѣть на тамошній ходъ событій, потому-что интересы всего земного шара все болѣе и болѣе обобщаются. Поэтому нѣмецкая политика можетъ прежде всего желать, чтобы страны, находящіяся подъ варварскимъ управленіемъ Турціи, возможно скорѣе получили болѣе цивилизованное управленіе. Туркофильская партія въ Германіи ограничивается весьма небольшимъ кругомъ людей, и даже у нихъ благожелательство къ Турціи обуславливается не столько вѣрой въ способность Турціи къ воспріятію цивилизаціи, сколько ненавистью къ Россіи, не племенной, но опирающейся на убѣжденіи, что Россія закоренѣлый и непреодолимый врагъ конституціоннаго правленія, существующаго въ настоящее время въ большинствѣ европейскихъ государствъ. Существуетъ еще другое обстоятельство, благодаря которому всякое нападеніе со стороны Россіи на Турцію считается опаснымъ: это извѣстное изреченіе Наполеона I, что владычество надъ Константинополемъ равняется владычеству надъ цѣлымъ міромъ. Такого рода изреченія бывали популярны во всѣ времена, но никогда не оправдывались. Отношенія мѣняются постоянно. Крупныя открытія новѣйшаго времени перевернули вверхъ дномъ всѣ прежнія возрѣнія на военную политику государствъ; осталось неприкосновеннымъ лишь одно положеніе, что территориальное рас-

ширеніе государства далеко не всегда обозначаетъ усиленіе его могущества.

Но всѣ эти соображенія не обусловливаютъ отношеній дипломатіи. Какъ бы ни былъ пронизителенъ государственный человѣкъ, а все же ему приходится ограничиваться ближайшими событіями, и главной заботой нѣмецкой дипломатіи можетъ быть въ настоящую минуту, какъ и два года тому назадъ, только наблюденіе за ходомъ событій, чтобы на основаніи ихъ рѣшить свой собственный образъ дѣйствія. Настоящее положеніе отличается тѣмъ, что Франція не можетъ играть активной роли. Большинство французовъ болѣзненно ощущаетъ то, что Франція лишилась своего вліянія на вѣнскія событія, и говорить, что выборы должны обусловиться именно тѣмъ соображеніемъ, чтобы Франція въ тому времени, когда будутъ получаться результаты теперешней войны, не казалась бы обезсиленной внутренними раздорами. Какъ я вамъ уже писалъ, первое впечатлѣніе, произведенное въ Германіи событіями 16-го мая, было крайне неблагопріятное. Въ этихъ событіяхъ усматривалась побѣда клерикаловъ, а клерикалы считаются злѣйшими и непримиримыми врагами Германіи. Былъ моментъ, когда можно было опасаться взрыва, но со времени визита, сдѣланнаго Гонтэ-Бирономъ императору Вильгельму въ Эмеъ, вѣтеръ переимѣнился и полемика съ Франціей замолкла. Возможно также и то, что другое обстоятельство отвлекаетъ вниманіе отъ Франціи, а именно: вѣроятность, что папѣ Пію IX остается не долго жить и что затѣмъ наступитъ весьма критическій моментъ. Давно уже въ Римѣ пребываютъ кардиналъ князь Гогенлоэ, братъ нѣмецкаго посланника въ Парижѣ, и герцогъ Ратиборъ, одинъ изъ самыхъ знатныхъ прусскихъ магнатовъ и теперешній президентъ палаты господъ. Такъ какъ римское духовенство вообще никогда не славилось умѣньемъ держать языкъ за зубами, то надо предполагать, что въ настоящее время нѣмецкое правительство давно уже знаетъ, чего ему слѣдуетъ ожидать въ случаѣ избранія папы. Князь Висмаркъ давно уже высказался на счетъ этого пункта, но не принялъ никакой опредѣленной программы, и кажется, что въ настоящее время установился такой взглядъ, что державы не стануть вліять на выборъ папы. Кажется далѣе, что нѣмецкое правительство освоилось съ мыслью, что смерть Пія IX не произведетъ никакой переимѣны въ отношеніяхъ куріи въ Германіи. Коллегія кардиналовъ давно уже пополнена самимъ папой такими людьми, которые вполне раздѣляютъ его воззрѣнія, и хотя низшее духовенство и желаетъ прекращенія распри, стоящей ему большихъ жертвъ, но сомнительно, чтобы жалобы ихъ повліяли на римскую курію. Конечно, могутъ найтись еще и другія причины желать скорѣйшаго прекращенія распри. Какъ из-

вѣстно, вліяніе церковныхъ законовъ съ каждымъ днемъ слабеетъ все ощутительнѣе, такъ какъ хотя старые священники и сохраняютъ свои мѣста, новыя же получаютъ ихъ только тогда, когда исполнѣе соответствуютъ условіямъ тѣхъ законовъ, и такимъ образомъ все увеличивается число приходовъ, изъятыхъ изъ-подъ вліянія римской курии. Касательно этого обстоятельства Бисмаркъ высказалъ недавно нѣкоторымъ господамъ, которыхъ навѣстилъ въ Кюссингенѣ, что онъ радъ тому, что теперь не предстоитъ больше проводить нивкакихъ новыхъ церковныхъ законовъ, и правительство можетъ ограничиться только отстанавленіемъ старыхъ. Канцлеръ, значитъ, очевидно разсчитываетъ на то, что курия утоится борьбой, между тѣмъ какъ эта послѣдняя постоянно надѣется на вѣнскую помощь и болѣе, чѣмъ когда-либо, куется ковы противъ Германіи. Дипломатическія нити церковной политики тянутся непрерывно между Римомъ, Парижемъ и Вѣной, и было бы интересно и поучительно пороче познакомиться съ этими переговорами. Въ тѣхъ державахъ, которыя считаютъ папство своимъ ближайшимъ союзникомъ, и въ самой курии существуютъ различныя направленія.

Французскіе легитимисты и клерикалы считаютъ за лучшее, чтобы папа уриширлся съ Италіей, а это можетъ совершиться лишь при полномъ отреченіи отъ свѣтской власти. Если бы папа рѣшился на эту жертву, то миръ между нимъ и итальянскимъ королевствомъ возстановился бы немедленно. Ни одно изъ существующихъ государствъ не жаждетъ такъ территоріальныхъ приобрѣтеній и не готово такъ преслѣдовать политику приключеній, какъ Италия. По этой причинѣ распря съ папствомъ ей очень непріятна, но образованные и вліятельные люди, т.-е. всѣ тѣ, кто направляетъ политику, совершенно убѣждены въ невозможности возстановленія свѣтской власти папы. Французскіе клерикалы и легитимисты желаютъ примиренія Италиі съ папой потому, что убѣждены, что пока Италия можетъ опасаться возстановленія свѣтской власти папы, она ни за что не рѣшится порвать съ Германіей, потому что только Германія можетъ служить ей оплотомъ противъ этого бѣдствія. Французскіе же политики пришли также къ убѣжденію, что Франція возьметъ задачу не по силамъ, если будетъ воевать одновременно съ Германіей и съ Италіей. Послѣ опыта послѣднихъ лѣтъ было бы безуміемъ для Франціи предпринимать войну противъ Германіи безъ союзниковъ, даже и въ томъ случаѣ, если бы у самой Германіи не было союзниковъ, такъ какъ послѣдняя во всякую данную минуту можетъ найти союзника въ Италиі. Но это воззрѣніе сталкивается съ другимъ воззрѣніемъ, господствующимъ въ римской курии; а именно: если папа отречется отъ своей свѣтской власти, то станетъ итальянскимъ подданнымъ, или

же долженъ будетъ, чтобы уклониться отъ этого, опереться на Францію, но тогда ему придется проводить французскіе интересы. Какой бы путь ни избрало панство, а онъ грозитъ опасностью тому положенію папы, какое съ такимъ трудомъ и рискомъ создано ему послѣднимъ ватиканскимъ соборомъ. Это абсолютистское уложеніе, составляющее, какъ извѣстно, совершенную противоположность старинному уложенію римско-католической церкви, есть дѣло іезуитовъ, которые этимъ самымъ упрочили свое вліяніе и теперь являются господствующимъ элементомъ церкви. Можно сказать, что вредныя послѣдствія этой политики обнаружатся позднѣе, но римская церковь была всегда очень властолюбива и даже въ самые опасные моменты никогда не дѣлала никакихъ существенныхъ уступокъ, которыя бы хоть сколько-нибудь ограничивали ея претензіи.

Если ни одно изъ этихъ возвращеній не возьметъ верхъ, то наступитъ политика выжиданія, въ расчетѣ, что Германія первая окажетъ уступчивость. Конечно, не невозможно, что Германія отменитъ законы, изданные ею для огражденія отъ злоупотребленій властью римскаго духовенства. Но это можетъ случиться только законнымъ, конституционнымъ путемъ, а это, принимая во вниманіе всевозможныя благоприятныя обстоятельства, займетъ не менѣе времени, чѣмъ сколько потребовалось на то, чтобы провести ихъ. Остается, слѣдовательно, рассчитывать на одно, что въ Германіи, т.-е. въ Пруссіи, во главѣ управленія станетъ такое правительство, которое фактически не будетъ примѣнять этихъ законовъ до тѣхъ поръ, пока путемъ крайне безнравственныхъ и опасныхъ мѣропріятій не вызоветъ ихъ отмену. Возможность такой политики обуславливается однимъ только обстоятельствомъ: если она будетъ опираться на коалицію ультрамонтановъ съ евангелическими ханжами, и этой коалиціи, въ союзѣ съ другими центробѣжными силами Германіи: партикуляристами, поляками и т. д., удастся составить большинство въ прусскомъ ландтагѣ. Послѣдствія такой коалиціи были бы неисчислимы и могутъ испугать каждого патриота. Но нельзя отрицать, что евангелическіе ханжи, которые въ политикѣ являются самыми крайними консерваторами, все болѣе и болѣе возлагаютъ всѣ свои надежды на союзъ съ ультрамонтанами. „Крестовая Газета“, органъ этой партіи, долгое время вела себя сдержанно, но съ нѣкоторыхъ поръ снова принялась сильно нападать на Бисмарка и на министра Фалька, какъ на зачинщиковъ такъ называемой культурной борьбы, и требуетъ окончанія этой борьбы, т.-е. фактическаго подчиненія государства римской курии. Внезапное оживленіе этой, никогда не умиравшей, но подавленной одно время партіи находится въ связи съ нѣкоторыми событіями, совершившимися

мися въ нѣдрахъ евангелической церкви, которыя я долженъ, хотя кратко, очертить.

Стремленіе дать евангелической церкви внутреннее самоуправленіе только въ послѣднее время, какъ извѣстно, привело къ окончательному результату: въ маѣ 1875 г. собравшійся здѣсь генеральный синодъ выработалъ церковное уложеніе, которое въ маѣ слѣдующаго года было принято прусскими палатами и въ силу котораго, какъ я уже сообщалъ объ этомъ въ свое время, организація церковнаго самоуправленія получила такое же развитіе, какъ и государственное самоуправленіе. Оно опирается на нѣсколько большихъ и малыхъ корпорацій, изъ которыхъ малыя выходятъ изъ большихъ: они называются окружными синодами, провинціальными синодами и генеральными синодами. Настоящаго нормальнаго генеральнаго синода еще не собиралось (синодъ 1875 г. былъ чрезвычайный), такъ какъ сначала должны собраться окружные синоды, чтобы избрать членовъ провинціального синода; затѣмъ должны собраться члены провинціального синода, чтобы избрать членовъ генеральнаго синода, а послѣдній долженъ регулировать церковную свободу преподаванія. До собранія генеральнаго синода пройдетъ не мало времени, такъ какъ прежде должны собраться окружные синоды. Уже на выборахъ въ общинные церковные совѣты, между различными партіями, либералами и консерваторами или ханжами, шла жестокая борьба, и эти явленія повторились на выборахъ въ окружные синоды. Въ большинствѣ мѣстностей консерваторы одержали верхъ. Только Берлинъ составилъ исключеніе. Въ Берлинѣ находится четыре окружныхъ синода, которые уже собирались въ прошломъ мѣсяцѣ и вообще сповойно занимались своимъ дѣломъ. Только въ одномъ изъ нихъ дѣло сложилось нѣсколько иначе. Синодъ собрался въ нѣсколько возбужденномъ настроеніи. За нѣсколько дней передъ тѣмъ въ одной изъ церквей этого округа произошло событіе, возбудившее много толковъ. Въ евангелической церкви существуетъ обычай, что когда откроется ваканція на мѣсто провѣдника, кандидаты на это мѣсто должны читать пробныя проповѣди. Въ церкви св. Якова открылась ваканція, и въ числѣ кандидатовъ находился проповѣдникъ Госбахъ, который давно уже подвизается въ одной изъ здѣшнихъ церквей и стоитъ во главѣ либеральныхъ богослововъ. Случилось, что во время проповѣди, въ томъ мѣстѣ, гдѣ проповѣдникъ излагалъ свои рационалистическіе взгляды, часть слушателей сначала стала заявлять признаки неудовольствія, а затѣмъ съ шумомъ вышла изъ церкви. Въ общинѣ св. Якова, которая большей частью либеральна, ханжамъ удалось однако образовать довольно сильную партію, и она-то и была причиною вышеупомянутаго происшествія, которое сильно раздражило

либераловъ. Борьба завязалась не на животь, а на смерть, когда собрался синодъ, и это самое событіе повело къ оживленной борьбѣ между обѣими партіями. Ханжи объявили, что въ церкви нѣтъ болѣе мѣста для Госбаха, пусть убирается по добру по здорому. Послѣ долгихъ преній было принято, наконецъ, предложеніе, сдѣланное однимъ либеральнымъ проповѣдникомъ: синодъ выразилъ свое сожалѣніе по случаю демонстраціи, произшедшей во время пробной проповѣди Госбаха. Возбужденные умы возбудились еще сильнѣе, когда на слѣдующемъ засѣданіи одинъ изъ общинныхъ церковныхъ совѣтовъ, въ общинѣ, принадлежащей къ синоду, внесъ предложеніе ходатайствовать передъ высшими церковными властями о томъ, чтобы символъ вѣры не читался больше во время церковной службы. Тутъ столкнулись три воззрѣнія: ханжи усматриваютъ въ этомъ предложеніи ни болѣе, ни менѣе какъ низверженіе церкви, либералы утверждаютъ, что символъ вѣры устарѣлъ, а люди, не причастные ни къ той, ни къ другой партіи, вертятся во всѣ стороны и вообще оспариваютъ компетентность синода въ постановкѣ подобнаго вопроса. Въ заключеніе въ предложеніи сдѣлана поправка, которая нѣсколько смягчить его.

Въ то самое время, какъ эти вещи происходили, въ средѣ евангелической церкви возникло еще болѣе важное усложненіе. Президентъ консисторіи провинціи Бранденбургъ (консисторія—высшая церковная провинціальная власть), Гегель, сынъ знаменитаго профессора, принадлежитъ къ самымъ отъявленнымъ ханжамъ и врагамъ министра Фалька. Давно уже общее мнѣніе было таково, что этия двумъ людямъ не ужиться вмѣстѣ, какъ не ужиться Гегелю такъ и съ президентомъ высшаго церковнаго совѣта, Германомъ, принадлежащимъ къ умѣренной партіи. По службѣ Гегелю приходится имѣть непосредственныя отношенія съ президентомъ высшаго церковнаго совѣта и между ними происходитъ вѣчное разногласіе. Всѣ думали, что если Гегель останется на своемъ мѣстѣ, то Германъ долженъ будетъ уйти, а съ нимъ вмѣстѣ и министръ просвѣщенія и вѣроповѣданій, раздѣляющій его воззрѣнія, и въ такомъ случаѣ неизбѣжно должно воспослѣдовать паденіе всей теперешней системы, и даже, говоря безъ преувеличенія, самъ Бисмаркъ. Извѣстно было, что Гегель давно уже послалъ королю просьбу объ отставкѣ, но что рѣшенія все еще никакого не было. Такъ какъ король Вильгельмъ не имѣетъ обычая волочить подобнаго рода дѣла, то проволока эта давала поводъ къ самымъ разнообразнымъ толкамъ и ожиданіямъ.

15 іюня стало извѣстно, что король наканунѣ отклонилъ просьбу объ отставкѣ Гегеля и въ то же самое время обнародованъ былъ самый текстъ письма къ Гегелю, въ которомъ король напоминаетъ,

что онъ самъ всегда признавалъ символъ вѣры, какъ и его предки, и затѣмъ буквально слѣдуютъ слова: „въ тотъ моментъ, когда, какъ недавно въ одномъ изъ синодальныхъ собраній столицы, принадлежавшихъ къ органамъ церкви, обнаружались симптомы невѣрія и искаженія вѣры до того, что внесено даже предложеніе объ отмѣнѣ символа вѣры, и дошли до всеобщаго свѣдѣнія, а не могу выпустать въ отставку чиновниковъ, славящихся своей строгой вѣрой, не поселивъ смуты въ умахъ моего народа“.

Далѣе въ письмѣ говорилось, что король надѣется, что Гегель оправдаетъ оказанное ему довѣріе точнымъ примѣненіемъ церковныхъ законовъ и будетъ подчиняться рѣшеніямъ свыше, даже и тогда, когда они не будутъ сходиться съ его личными воззрѣніями, которыми онъ, какъ и всякій свободный гражданинъ, воленъ имѣть.

Восторгу консерваторовъ и ультрамонтановъ не было предѣловъ, и первая слова письма заставили ихъ забыть послѣднія, свидѣтельствовавшія о томъ, что король вовсе не нагѣренъ порвать со всей теперешней системой. Если сначала либералы ввали въ ошибку, то теперь консерваторы ввали въ такую же точно, обнаруживая свой необузданный восторгъ, который раскрылъ глаза насчетъ тѣхъ цѣлей, которыя они преслѣдовали. Нѣсколько дней спустя послѣ обнародованія письма къ Гегелю, стало извѣстно, что король произвелъ Германа въ дѣйствительные тайные совѣтники съ титуломъ превосходительства, — отличіе, которое въ Пруссіи дается сравнительно рѣдко; въ той же служебной сферѣ, гдѣ подымается Германъ, совсѣмъ необыкновенно. Король снова доказалъ въ этомъ случаѣ, какъ и въ распрѣ между Бисмаркомъ и Стошемъ, что онъ ставитъ себя выше партій и держитъ бразды правленія сильной рукой. Ультрамонтаны утѣшаютъ себя тѣмъ, что король взялъ на себя рѣшеніе въ вопросѣ о вѣрѣ, и такимъ образомъ поставилъ себя какъ-бы евангелическимъ напой.

Исходъ этого дѣла былъ, конечно, весьма непріятенъ для либераловъ, но они вынуждены были оставить его пона безъ протеста. Министръ просвѣщенія, одинъ изъ мучениковъ настоящаго времени, который только-что окончилъ гигантскій трудъ законопроекта по преподаванію, который обнимаетъ все преподаваніе, отъ самаго низшаго до самаго высшаго, снова былъ выведенъ на сцену, по поводу одного обстоятельства, которое въ другихъ государствахъ прошло бы совсѣмъ или почти незамѣченнымъ, — здѣсь же возбуждаетъ очень сильное вниманіе.

Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ въ здѣшнемъ университетѣ служить приватъ-доцентомъ д-ръ Дюрингъ. Положеніе приватъ-доцентовъ въ германскихъ университетахъ, какъ извѣстно, весьма свое-

образное: одни считаютъ его превосходнымъ учрежденіемъ, другіе—крайне неудовлетворительнымъ. Отношеніе привать-доцентовъ къ университету совершенно свободное, они могутъ каждую минуту его оставить, могутъ развивать большую или меньшую дѣятельность, но за то и не пользуются опредѣленнымъ содержаніемъ, и получаютъ только тотъ гонораръ, который студенты платятъ за слушаніе лекцій и не превосходящій 20 марокъ въ семестръ за одинъ предметъ. Государство не обязано пополнять ими ряды экстраординарныхъ и ординарныхъ профессоровъ, но тѣмъ не менѣе вошло въ обычай, что привать-доценты, если окажутся способными, призываются въ коллегію профессоровъ. Дюрингъ былъ сначала юристомъ, но имѣлъ несчастіе ослѣпнуть и ему пришлось отказаться отъ юридической карьеры. Онъ обратился къ изученію философіи и математики. Одаренный большимъ умомъ и замѣчательнымъ трудолюбіемъ, онъ вскорѣ отвоевалъ себѣ въ этихъ сферахъ значительное положеніе. Но вслѣдствіе своихъ физическихъ страданій, а также и плохихъ матеріальныхъ средствъ, онъ проникся большой горечью въ существующему порядку вещей. Его имя впервые получило обширную извѣстность, когда онъ вступилъ въ полемику съ Вагенеромъ, котораго онъ, кажется, справедливо обвинялъ въ томъ, что тотъ присвоилъ себѣ одну изъ его работъ. Онъ не принадлежалъ собственно къ такъ-называемымъ „Katheder-socialisten“, но все болѣе и болѣе переходилъ на сторону тѣхъ, кто борется противъ всего современнаго строя, и жестоко нападалъ на профессоровъ. Уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ у него было столеновеніе по этому случаю, которое навлекло на него выговоръ по службѣ, съ угрозой удаленія изъ университета, если подобное повторится. Но онъ не остановился передъ этимъ и какъ въ своихъ лекціяхъ, такъ и въ статьяхъ продолжалъ свои нападки на своихъ сотоварищей. Катастрофа произошла слѣдующимъ образомъ. Одно изъ его сочиненій было удостоено премии философскимъ факультетомъ Гёттингена. Онъ выпустилъ новое изданіе его, предиславъ ему похвалу вышеупомянутаго факультета, къ которой прибавилъ сильнѣйшія нападки на ненавистныхъ ему профессоровъ. Гёттингенскій университетъ возмущился тѣмъ, что его именемъ какъ будто освящали такіа нападки, и поднялъ такіа громкіа жалобы, что даже старанія здѣшнихъ оскорбленныхъ профессоровъ уладить дѣло — не увѣнчались успѣхомъ. Здѣшній философскій факультетъ внесъ это дѣло въ свой совѣтъ, и на немъ порѣшено было потребовать удаленія Дюринга. Онъ подалъ объ этомъ прошеніе министру просвѣщенія, и министръ принялъ его. Дюрингу было запрещено продолжать свои лекціи, ему даже не было позволено проститься съ своими слушателями. Теперь всѣ факты этого дѣла извѣстны вполнѣ, потому

что обнародованы всѣ документы, касающіеся его. Но, прежде нежели послѣдовалъ министерскій указъ, стало извѣстно, что факультетъ потребовалъ удаленія Дюринга, и это вызвало большое волненіе между студентами, придерживающимися того воззрѣнія, что такимъ поступкомъ нарушается свобода преподаванія, даваемая конституціей. Теперешнему поколѣнію или, по крайней мѣрѣ, старшимъ представителямъ его еще памятна роль, какую играли студенты въ 1848 г. въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ. Съ тѣхъ поръ, то-есть въ послѣднія лѣтъ двадцать, студенты въ Германіи нікогда больше не участвовали въ политическихъ дѣлахъ. И это довольно понятно. Съ 1848 г. и даже съ періода злѣйшей реакціи, свобода каедры нікогда не бывала вполне подавлена. Съ наступленіемъ 24-хъ-лѣтняго возраста молодой человекъ уже могъ пользоваться всѣми своими гражданскими правами. Онъ могъ избирать, могъ, въ силу послѣдняго избирательнаго закона, быть самъ выбранъ. Настоящаго революціоннаго движенія не проявлялось во все это время. Кромѣ каедры, печать пользуется въ послѣдніе годы довольно значительной свободой и всѣ эти обстоятельства устраняютъ тѣ поводы, въ силу которыхъ учащееся юношество воображаетъ иногда, что оно призвано играть дѣятельную, освободительную, спасающую роль среди всеобщаго застоя.

Весьма незначительное меньшинство среди студентовъ посѣщаетъ сходки соціалъ-демократовъ и примыкаетъ къ ихъ революціямъ, но этотъ фактъ тѣмъ не менѣе имѣетъ то важное значеніе, что показываетъ, что принципъ, установившійся въ послѣднія 20 лѣтъ о воздержаніи учащагося юношества отъ политики, пошатнулся.

Событія показываютъ, что соціалъ-демократія отвоевываетъ себѣ все бблшій и бблшій кругъ дѣйствія, и не признавать успѣховъ ея и необходимость всесторонняго изученія ея, значить не понимать положенія вещей.

Когда я рано поутру выхожу изъ своей квартиры, то несомнѣнно встрѣчаю два сорта людей: письмоносецевъ, совершающихъ свой первый обходъ, и продавщицъ газетъ. Разноска газетъ по подписчикамъ почти исключительно сосредоточивается въ Берлинѣ въ рукахъ женщинъ и зачастую служитъ послѣднимъ приближеніемъ бурной и на видъ блестящей жизни. Эти женщины разносятъ газеты въ корзинахъ, и газетные экспедиторы, въ услуженіи у которыхъ находятся эти женщины, стараются устроить такъ, чтобы отвести каждой возможно ограниченный районъ, въ которомъ она распредѣляетъ газеты всѣхъ цвѣтовъ. Такимъ образомъ случается, что разнощица подаетъ въ первый этажъ консервативную газету, во второй — національ-либеральную, въ третій—прогрессивную, а во дворъ или въ подвалъ—

соціалъ-демократическую, хотя я этимъ вовсе не хочу сказать, чтобы читатели прогрессивной газеты не могли жить въ первомъ этажѣ. Число экземпляровъ соціалъ-демократическихъ газетъ постоянно растетъ. Берлинская соціалистическая печать является теперь въ числѣ 10—12,000 экземпляровъ, цифра, которая хотя и не достигаетъ цифры самыхъ популярныхъ прогрессивныхъ газетъ, все-таки весьма значительна. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что соціалъ-демократы вездѣ, гдѣ они хоть сколько-нибудь многочисленны, немедленно основываютъ мѣстные органы, и что настоящимъ центральнымъ органомъ ихъ является издающійся въ Лейпцигѣ „Vorwärts“. Берлинская соціалистическая печать вообще издается далеко не дурно. Главная сила ея заключается въ безстрастныхъ и безцеремонныхъ нападкахъ на всѣхъ и на все; честь занять сколько-нибудь выдающееся положеніе немислима безъ двухлѣтняго тюремнаго заключенія. Редакторы газетъ мѣняются каждый мѣсяць, иногда каждую недѣлю. Но на смѣну старымъ постоянно являются новые, которые ведутъ дѣло съ неутомимой энергіей и мужествомъ. Нѣсколько времени тому назадъ сюда назначенъ былъ новый, особенно энергическій прокуроръ, Тессендорфъ, похвалявшійся тѣмъ, что скоро справится съ предпринимателями и съ соціалъ-демократами. И дѣйствительно, человѣка два предпринимателей были осуждены въ силу новаго и крайне натянутого толкованія существующаго закона. Но успѣхъ былъ столь сомнителенъ, что большинство начатыхъ процессовъ (говорятъ, у Тессендорфа стояло въ спискѣ около 80 предпринимателей) было оставлено безъ послѣдствій. Обвинительные приговоры надъ соціалистами такъ же сыпались, какъ градъ, но результатомъ этого была избирательная побѣда соціалистовъ, которые на своемъ побѣдномъ банкетѣ пили за здоровье Тессендорфа, доставившаго имъ это торжество, потому что преслѣдованія его послужили для нихъ пропагандой. И дѣйствительно, послѣ этого процессы противъ соціалъ-демократовъ уменьшились, потому что въ правительственныхъ кружкахъ пришли къ заключенію, что этимъ способомъ за соціалъ-демократами устанавливается только слава мучениковъ. Далѣе, соціалъ-демократы придумали весьма умно издавать иллюстрированную воскресную газету, содержащую большія историческія и естественно-историческія статьи, и которая прикладывается къ политическимъ листкамъ соціалистовъ. Эта газета расходуется уже въ числѣ 100,000 экземпляровъ и при такомъ колоссальномъ распространеніи можно давать уже очень хорошій матеріалъ, несмотря на очень дешевую цѣну.

Нѣсколько времени тому назадъ соціалъ-демократическій депутатъ рейхстага Мостъ читалъ лекцію объ извѣстномъ историкѣ Моммзеновѣ. Мостъ, бывший прежде переплетчикомъ, воспользовался, также какъ

и его собрать, социалистическій депутатъ рейхстага, бывшій токарь Бебаль, досугами долгаго тюремнаго заключенія — съ тѣмъ, чтобы пополнить свое образованіе, и занялся исторіей; теперь онъ вообразилъ себя великимъ знатокомъ римской исторіи и предпринялъ доказать, что Моммзенъ — и вмѣстѣ съ нимъ, конечно, и всѣ другіе историки — частію неправильно помяди римскую исторію, частію умншенно исказили ее. Смѣлость, съ какою Мостъ высказывалъ свои соображенія, довольно оригинальна. Такъ, онъ сказалъ, по словамъ газетъ, въ своемъ вступленіи: — „многіе сочтутъ дерзостью, что я, простой переплетчикъ, рѣшаюсь говорить о римлянахъ и полемизировать съ ученѣйшими знатоками древности. Но, какъ человѣкъ съ здоровыми пятю чувствами, я имѣю право произнести свое сужденіе о Моммзенѣ и о достоинствѣ его сочиненія, тѣмъ болѣе, что и другіе (ораторъ, само собой разумѣется, не называетъ кто) пришли къ такому же выводу: что большинство знаменитыхъ историковъ, начиная съ Геродота и кончая Трешке, въ сущности были поддѣльвателями исторіи, и, какъ таковыя, могутъ быть приравнены къ поддѣльвателямъ вакселей, причеиъ смягчающимъ обстоятельствомъ можетъ тодько служить ихъ безграничное невѣжество основаній народнаго хозяйства. Пристрастіе академическаго юношества къ римской исторіи, которая основана на цезаризмѣ, рабствѣ и абсолютномъ сословномъ господствѣ, проистекаетъ отъ врожденной склонности къ хищничеству и отъ увлеченія романтикой.“

Ораторъ, само собой разумѣется, проводилъ параллель между тогдашнимъ и теперешнимъ положеніемъ дѣлъ; сравнивалъ, наприиѣръ, вліаніе римскихъ жрецовъ на подавленіе низшихъ классовъ съ такими же усиліями христіанскаго духовенства и обратно. Многіе изъ его намековъ потребовали бы слишкомъ пространныхъ объясненій, и потому я ограничиваюсь этой цитатой, дающей должное понятіе о направленіи и наложеніи оратора. Успѣхъ первой лекціи побудилъ его прочесть и вторую, которая тоже привлекла немало слушателей.

Послѣ этого эпизода я вернусь къ своей тѣмѣ. Изучая въ настоящую минуту силы социаль-демократіи, находишь, что онѣ набираются во всѣхъ классахъ общества. Несомнѣнно, что рабочіе все еще составляютъ главный контингентъ социаль-демократической арміи, но мелкіе ремесленники, сильно пострадавшіе отъ современнаго экономическаго кризиса, толпами приступаютъ къ ней. Велико также число ея приверженцевъ среди мелкихъ чиновниковъ. Что они находятъ себѣ молчаливое покровительство въ высшихъ сферахъ — объ этомъ я уже упоминалъ какъ-то, и теперь еще больше въ этомъ убѣдился. Успѣхъ этой пропаганды въ высшихъ сферахъ является главнымъ образомъ послѣдствіемъ періода шарлатанскаго антрепренѣрства, когда легкость наживы для лю-

дей, торгующихъ деньгами и кредитомъ, возбуждала зависть въ лицахъ, обязанныхъ довольствоваться опредѣленнымъ, неизмѣннымъ содержаніемъ. Сюда присоединяется еще постоянно возрастающая антипатія знатныхъ, а также и образованныхъ кружковъ къ еврейскому населенію, которое все болѣе и болѣе захватываетъ въ свои руки матеріальныя блага. Евреи всего болѣе эксплуатировали эпоху антрепренёрства.

Чтобы быть справедливымъ, я долженъ также прибавить, что покровительство, которое оказываетъ правительство такъ-называемому „Kathedersocialismus“, содѣйствовало и содѣйствуетъ распространенію социалистическихъ доктринъ среди молодежи и образованнаго общества. Я не желаю упрекать въ этомъ правительство. „Kathedersocialisten“, конечно, не желаютъ быть социаль-демократами, но они сходятся съ ними въ важнѣйшихъ пунктахъ, и это—тѣ самые пункты, на которыхъ монархія тоже можетъ поладить съ социалистами. Первымъ и главнымъ принципомъ свободной торговли является то, что государство никакъ не должно вмѣшиваться въ промышленную жизнь націи, потому что его вмѣшательство бываетъ или бесполезно, или вредно. Социаль-демократы, также какъ и „Kathedersocialisten“, возражаютъ на это, что безусловная свобода выгодна только для сильныхъ, а слабые при этомъ погибаютъ, а монархія, то-есть монархъ всегда считалъ однимъ изъ своихъ существенныхъ правъ и обязанностей покровительствовать слабымъ. Далѣе нельзя отрицать, что большое развитіе чиновничества въ государствѣ благопріятствуетъ пропагандѣ основной идеи социаль-демократическаго государства, что каждый человекъ есть чиновникъ, т.-е. имѣетъ опредѣленный кругъ обязанностей и долженъ пользоваться за исполненіе ихъ опредѣленнымъ и неподверженнымъ случайнымъ колебаніямъ содержаніемъ. Все это такія отношенія, какихъ не искоренишь тѣмъ, что будешь ихъ игнорировать и которыя даютъ социализму точку опоры въ современныхъ порядкахъ, безъ которой онъ никогда не получилъ бы такого опаснаго развитія. Эта опасность, конечно, лишь относительная и касается лишь тѣхъ, кому выгодно удержать современный порядокъ вещей. Эти послѣдніе утверждаютъ прежде всего, что социаль-демократы преслѣдуютъ утопію, что ихъ государство, разъ установившись, немедленно распалось бы. Тѣ, которые борются съ социалистами, руководятся двумя причинами: матеріальной и идеальной. Матеріальная заключается въ томъ, что они защищаютъ свою собственность отъ социалистовъ, открыто не признающихъ ее; идеальная въ томъ, что они отстаиваютъ свою личную свободу отъ невыносимаго, по ихъ мнѣнію, гнета, какому социалисты стремятся подчинить каждого.

Теперь спрашивается, гдѣ собственно больше силы?—на сторонѣ ли консервативной или на сторонѣ разрушающей, въ надеждѣ учредить нѣчто новое и лучшее на мѣсто стараго? Объективность моего обсуждения существующихъ отношеній даетъ возможность признать пунктъ, о которомъ забываютъ, а именно: что настоящая борьба социализма съ существующимъ порядкомъ должна окончиться не подавленіемъ „бунта“, или не гибелью общества, но компромиссомъ, который во всякомъ случаѣ повлечетъ за собой большое преобразование существующихъ отношеній, но облегчится тѣмъ, что побѣда будетъ, благодаря продолжительности борьбы, совершаться постепенно.

Но какъ дѣйствовать при этомъ? Правительство въ предпоследнюю и последнюю парламентскую сессію внесло и частію провело нѣсколько законовъ, которые предоставляютъ ему нѣсколько большую свободу дѣйствія, нежели это было до сихъ поръ, и, какъ извѣстно, при обсужденіи одного изъ этихъ законовъ министръ Эйленбургъ сказалъ свои знаменательныя слова: что безъ такого поддержанія правительства, можетъ наступить моментъ, когда ружье станетъ стрѣлять, а сабля рубить. Весьма возможно, что правительство намѣревается предоставить дѣла ихъ естественному теченію въ эти три года и противодѣйствовать лишь самымъ грубымъ проявленіямъ. Быть можетъ, хорошій урокъ не пропадетъ даромъ и для среднихъ классовъ, которые, благодаря своей политической бездѣятельности, виноваты въ томъ, что социальная демократія дѣлаетъ такіе быстрые успѣхи. До сихъ поръ, конечно, они не выказываютъ никакихъ признаковъ этого сознанія. Съ каждымъ днемъ выясняется, какую громадную ошибку сдѣлала прогрессивная партія, когда воспользовалась принятіемъ юридическихъ законовъ съ тѣмъ, чтобы предпринять походъ противъ національ-либеральной партіи и дискредитировать ее въ общественномъ мнѣніи. При злополучномъ расчисленіи партій въ обихъ парламентскихъ собраніяхъ: въ рейхстагъ и ландтагъ, расчисленіи, являющемся, конечно, продуктомъ историческихъ условій, существованіе такой большой партіи, какъ національ-либеральная, было истиннымъ благодѣяніемъ для государства. Хотя національ-либеральная партія и не имѣла большинства на своей сторонѣ, но ей достаточно было ничтожной поддержки со стороны ли умѣренныхъ элементовъ прогрессивной партіи, или со стороны свободныхъ консерваторовъ, которые отнюдь не реакціонеры, чтобы получить большинство. Благодаря этому большинству, осуществилась большая часть законодательства, охватывающаго государственную и экономическую жизнь страны, и которое, проникнутое либеральнымъ духомъ, доказываетъ такой прогрессъ, котораго еще ни одинъ народъ не совершалъ въ такой короткій срокъ. Единственный упрекъ, который

ему дѣлали, это, что оно слишкомъ забѣгаетъ впередъ, что наилучшимъ образомъ доказывается тѣмъ, что теперь почти противъ каждаго изъ этихъ законовъ выступаетъ сильная оппозиція, отнюдь не ограничивающаяся одними консерваторами, но чаще всего идущая отъ либераловъ. Правда, что почти всѣ эти законы осуществлены посредствомъ компромиссовъ, но иначе и быть не могло. Теорія о равновѣсїи силъ давно уже научила и на практикѣ доказала свою несостоятельность. Во всякомъ конституціонномъ государствѣ долженъ находиться гдѣ-нибудь центръ тяжести, какъ, напр., въ Англіи — въ палатѣ общинъ, хотя недалеко еще отъ насъ время, когда англійскіе короли пользовались своими конституціонными прерогативами, а смѣлые министры управляли нѣкоторое время вопреки волѣ парламента. Если какой-нибудь принципъ выяснился при развитіи современной политической жизни, то это тотъ, что кодификація конституціи имѣетъ сравнительно мало значенія, что конституція имѣетъ настолько значенія, насколько она соответствуетъ состоянію націи и переходитъ ей въ плоть и кровь, такъ что никому даже и въ голову не приходитъ ее нарушать. Стоитъ ли указывать на турецкую конституцію, которая одну минуту произвела нѣкоторое впечатлѣніе на Европу и даже ослѣпила нѣкоторыхъ, хотя теперь выяснилось какъ нельзя лучше, что она существуетъ только на бумагѣ. Развѣ у французовъ не бывало безчисленныхъ конституцій? Развѣ они не основывали трижды республику, со всевозможными предохранительными мѣрами, и развѣ все это не оказывалось каждый разъ пухомъ? Если центръ тяжести въ государствѣ лежитъ не въ коронѣ, то изъ тѣхъ корпорацій, гдѣ она заключается, необходимо выдѣлится конвентъ, какъ это было разъ въ Англіи и въ другой во Франціи, т. е. собраніе присвоиваетъ себѣ исполнительную власть и распоряжается арміей, причѣмъ снова нарушается конституціонный порядокъ, который по своей сущности опирается на дуализмъ между законодательной и исполнительной властью. Этотъ дуализмъ и это равновѣсіе — насколько оно возможно — существуютъ въ германской имперіи и въ очень значительной степени. Рейхстагъ не пользуется и тѣмъ исполнительной властью, онъ не можетъ двинуть ни единымъ солдатомъ; онъ, съ внѣшней стороны, совершенно безсиленъ и между тѣмъ пользуется такой властью, какъ рѣдко какая парламентская корпорація, и именно благодаря тому обстоятельству, что онъ необходимъ. Единство Германіи иначе немислимо, какъ при существованіи парламентской формы управленія. Посредствомъ рейхстага фактически и постоянно доказывается, что правительство опирается на общественное мнѣніе и на большинство націи. Въ Пруссіи было возможно, чтобы корона долгое время управляла вопреки волѣ боль-

шинства ландтага. Но даже и тутъ мы слышали признаніе княземъ Бисмарка опасности такого положенія, признанія, ясно доказывающаго, что онъ самъ не захотѣлъ бы повторить этого эксперимента. Но совсѣмъ иначе стоитъ дѣло въ Германіи. Однородный парламентъ одинъ препятствуетъ перевѣсу центробѣжныхъ силъ. Распустите парламентъ, и германская имперія превратится въ мертвое, преданное разложенію тѣло. Въ этомъ заключается великая сила парламента. Можно спорить о томъ, не могла ли бы національ-либеральная партія достигнуть въ томъ или другомъ случаѣ болѣе хорошихъ результатовъ, если бы была постоянной. Но заслуга этой партіи заключается именно въ томъ, что она въ долгій періодъ своего владычества охотивше жертвовала своими личными желаніями, чѣмъ шла на разрывъ. И во всякомъ случаѣ она незаслуживала, чтобы ее рожали въ общественномъ мнѣніи, выставляя приквостнемъ правительства. Результатъ этого легко было предвидѣть. Националь-либеральная партія ослаблена, а прогрессивная ровно ничего при этомъ не выиграла, да и никакая партія не выиграла, а только разладъ между ними сталъ сильнѣе. Положеніе дѣлъ усложняется еще тѣмъ, что національ-либеральная партія почти единодушно стоитъ за настоящую экономическую систему, противъ которой возстаетъ масса интересовъ и преимущественно промышленныхъ. Всѣ надежды на то, что экономическое положеніе улучшится, до сихъ поръ не осуществились. Доходы желѣзныхъ дорогъ, этотъ вѣрный масштабъ для оцѣнки обращенія, уменьшаются съ мѣсяца на мѣсяць. Но я не стану фантазировать, но приведу цифры.

Въ недавно появившемся сочиненіи находимъ между прочимъ слѣдующіе знаменательные факты. Изъ 28 желѣзнодорожныхъ заводовъ, акціи которыхъ обращаются на биржѣ, въ 1873—1874 гг., 18 не дали никакого дивиденда, 6 дали меньше 5% и только 4—5% и выше. Изъ 41 заведеній для различныхъ продуктовъ желѣзной промышленности, въ тотъ же самый промежутокъ времени, 19 не дали никакого дивиденда, 8 дали меньше 5% и только 14—5% и выше. Средній дивидендъ акцій прусскихъ частныхъ дорогъ падалъ постоянно съ 8,59% въ 1867 г. на 4,85% въ 1874. Средняя рента со всего основнаго капитала упала у государственныхъ желѣзныхъ дорогъ съ 5,83% въ 1867 г. на 3,58% въ 1874 г. Изъ 91 банковъ и кредитныхъ учрежденій, акціи которыхъ обращаются на берлинской биржѣ, въ 1875 г. 19 не дали никакого дивиденда, а 23 дали меньше 5%. Я привожу эти цифры только потому, что ихъ удобно привести и онѣ несомнѣнны. Но вѣрно также и то, что положеніе дѣлъ съ 1875 и 1876 гг. не только не улучшилось, но еще и ухуд-

нилось. Этотъ объясняется кажущееся загадкой исчезновеніе капитала.

Владѣлецъ банковыхъ или жгѣзно-дорожныхъ акцій, приносящихъ въ 1871 и 1872 гг. 20% и получающій въ настоящее время 4 или 1%, а иногда и никакого, обѣднѣлъ, никого не обогативъ при этомъ. Философскіе умы утѣшаются тѣмъ, что народъ постепенно освоится съ новыми отношеніями. Быть можетъ, это и справедливо, но это не уменьшаетъ бѣдственнаго положенія настоящаго времени и недовольства значительнаго большинства. Большіе капиталы, доставленные государству послѣдней войной, уже почти всѣ истрачены. Дефицитъ уже грозно стучится въ двери и повышеніе налоговъ парализуетъ ростъ народнаго богатства.

Жалобы бесполезны, если не заключаютъ въ себѣ совѣта, какъ помочь бѣдѣ, а такого совѣта, который бы стоилъ вниманія, до сихъ поръ тщетно ожидали. Введеніе охранительныхъ тарифовъ можетъ, при самыхъ благоприятныхъ обстоятельствахъ, выгодно отразиться лишь на отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности. Принятое какъ общій принципъ, оно принесетъ больше вреда, нежели самая безусловная свобода торговли. Большая ошибка, очевидно, заключается въ томъ, что, изъ любви къ теоріи, косвенные налоги вездѣ замѣнены прямыми.

Рецептъ прогрессивной партіи противъ всѣхъ золъ очень простъ: въ нихъ виновата реакція, задерживающая необходимый прогрессъ.

Она виновата въ томъ, что народъ нисколько не интересуется парламентскою дѣятельностью и тяготится даже небольшимъ трудомъ въ три года разъ подойти къ избирательной урнѣ, и считаетъ это большой жертвой, которую большинство не хочетъ приносить. Благомыслящія и даже не особенно радикальныя лица полагаютъ, что вина заключается въ недостаткѣ образованія, и что слѣдуетъ только заботиться преимущественно объ образованіи для того, чтобы довести государство до апогея совершенства и свободы. Ошибка при этомъ заключается въ томъ, что одного образованія недостаточно для того, чтобы вести народъ впередъ: надо еще при этомъ нравственность для того, чтобы образованіе было плодотворно. Гдѣ ея нѣтъ, тамъ одно отвлеченное образованіе, какое дается на примѣръ въ Германіи, недостаточно.

Реакціонеры, конечно, тоже съ своей стороны прописываютъ рецепты, которые всѣ исчерпываются однимъ словомъ: назадъ! Для нихъ все новѣйшее законодательство представляется ненавистнымъ, въ особенности тѣ законы его, которые распространяютъ на низшіе классы населенія политическія права и полную свободу передвиженія. Нужно ли говорить, что я считаю этого рода политику гибель-

ной, и что если бы мнѣ приходилось выбирать изъ двухъ золъ: безусловной, крайней свободы—и реакціи, я выбралъ бы первое, потому что оно менѣе опасно.

Настоящее средство избѣжать опасностей будущаго просто какъ исторія съ лицомъ Колумба, но, конечно, его трудно осуществить. Оно заключается въ настоящемъ дѣятельномъ участіи всѣхъ въ общественной жизни и въ признаніи, что всѣ не-соціалистическія партіи, при всемъ различіи воззрѣній, раздѣляющихъ ихъ, все же должны сдерживать въ извѣстныхъ границахъ свои распри, какъ это дѣлають очень мудро обѣ великихъ, англійскихъ партіи, которыя обѣ одинаково строго держатся конституціонной почвы, и этимъ счастливо отклоняють всѣ бури, угрожающія общественному порядку.

Изъ всего вышесказаннаго вы можете заключать, что нейтральныя стороны тоже обрѣтаются не въ раю, но, напротивъ того, осаждаются сильными тревогами и заботами. Ожиданія, что съ началомъ войны и прекращеніемъ общаго состоянія неизвѣстности и неопредѣленности экономическое положеніе улучшится, — не оправдались; а изъ-за океана вдругъ, словно молнія изъ безоблачнаго неба, донеслась вѣсть о стачкѣ желѣзно-дорожныхъ служащихъ, которая повела къ кровавымъ сценамъ, къ колоссальному истребленію имущества и къ настоящимъ битвамъ. И подобныя событія происходятъ въ препреславенной Америкѣ. Порядокъ въ странѣ республиканскій, и, слѣдовательно, по утвержденію нѣмецкихъ республиканцевъ, допускаетъ наибольшую свободу и безопасность личности, и долженъ былъ бы устранять все то зло, которое нераздѣльно съ монархіей. Но другое обстоятельство заслуживаетъ еще больше вниманія. Какъ особенное преимущество Сѣверной Америки выставляютъ то, что у ней нѣтъ постоянной арміи и вслѣдствіе этого ея народное богатство можетъ развиваться гораздо быстрѣе, чѣмъ въ Европѣ. Уже раньше междоусобная война показала темную сторону этого. Эта послѣдняя никогда не вспыхнула бы или по крайней мѣрѣ была бы менѣе продолжительна, если бы у законнаго правительства была въ распоряженіи достаточная армія, и американскій бюджетъ показываетъ и по сіе время въ колоссальныхъ цифрахъ, какъ дорого стоила Америкѣ эта мнимая экономія. Теперь снова оказывается, что постоянная армія недостаточно сильна, чтобы поддерживать полицейскій порядокъ и, что благодаря этому, каждую минуту можетъ вспыхнуть опаснѣйшее возстаніе или междоусобная война. Говорятъ, что милиція дѣйствуетъ противъ бунтовщиковъ, но сто разъ повторявшійся опытъ учитъ, что это развиваетъ ожесточенную вражду сословій, между тѣмъ, какъ дѣйствія военной силы признаются какъ *force majeure*, такъ какъ привыкли въ ней ви-

дѣтъ покорное орудіе правительства. Уже въ настоящую минуту эхо этихъ событій откликнулось во всей нѣмецкой прессѣ, и впечатлѣніе, произведенное ими, будетъ по всей вѣроятности весьма глубокое. Я не удивляюсь, если въ слѣдующемъ письмѣ мнѣ придется сообщить вамъ о переворотѣ во мнѣніяхъ и о наступленіи реакціи.

К.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

12/24 іюля, 1877.

ФРАНЦУЗСКАЯ ПЕЧАТЬ.

Мнѣ говорили, что парижская печать мало извѣстна за-границей; конечно, въ сосѣднихъ странахъ очень усердно читаются французскіе журналы и газеты, но закулисная сторона дѣла совершенно неизвѣстна. Иностранцы не знаютъ—ни какъ издаются эти органы, ни какое значеніе они имѣютъ. Это побуждаетъ меня заняться этимъ вопросомъ въ настоящемъ письмѣ. Мы заглянемъ за кулисы парижской журналистики.

I.

Французская печать переживаетъ серьезный кризисъ въ послѣднія двадцать лѣтъ. Просматривая коллекцію газетъ, относящихся къ царствованію Луи-Филиппа, дивисься незначительному формату, относительной длинѣ статей, недостатку разнообразія матеріала. Чувствуешь, что французскій читатель не былъ тогда очень прихотливъ. Онъ требовалъ отъ своей газеты передовой статьи о текущей политикѣ, романа въ фельетонѣ, хроники разныхъ событій и литературныхъ новостей. Тѣ былъ читатель спокойный и терпѣливый, нисколько не торопившійся узнать событія часомъ раньше, добросовѣстно прочитывавшій весь номеръ отъ заглавія до объявленій.

Та эпоха была настоящимъ золотымъ вѣкомъ нашей журналистики. Надо прибавить, что такъ какъ желѣзныхъ дорогъ еще не существовало, то нѣкоторыя отдаленныя провинціи читали газеты тремя днями спустя послѣ ихъ появленія въ Парижѣ. Это казалось естественнымъ и никого не сердило. Въ настоящее время газета, вышедшая

три дня тому назадъ, такъ стара, что не годится даже на обёртку. Затруднительность сообщеній убавлявала такимъ образомъ журналистику, и она жила спокойно и солидно. Никакія телеграфическія депеши по утрамъ не тревожили публику. Для подтвержденія какого-нибудь важнаго извѣстія требовалась недѣля. Въ нѣкоторыхъ селахъ, газета, вышедшая въ понедѣльникъ, сохраняла свой интересъ въ теченіи цѣлой недѣли. Царствовала какая-то общая сонливость и со-всѣмъ патриархальное отношеніе къ журналистикѣ.

Я говорю безъ всякой насмѣшки. Повторяю: то было хорошее время. Если журналистика плелась черепашинымъ шагомъ, за то эта чинность движеній сообщала ей болѣе чувство собственнаго достоинства. Такъ какъ печать, живущая одними новостями, еще не родилась, то каждая газета существовала лишь тѣми мнѣніями, представительницей которыхъ она была. На газету подписывались въ силу сочувствія къ ней; подписчикъ вѣрилъ въ свою газету; между читателями и редакторомъ существовала тѣсная связь. Списки подписчиковъ были какъ-бы кадрами партіи. Нельзя представить себѣ, какую солидность придавало газетѣ это обоюдное убѣжденіе. Розничная продажа почти не существовала. Газеты не таскались по площадямъ, не попадали въ руки перваго встрѣчнаго; всѣ экземпляры имѣли свое опредѣленное назначеніе, они не выходили изъ круга семьи, великой семьи подписчиковъ. Поэтому связь сохранялась крѣпкая. Редакціи, немногочисленные, пробавлявшіеся небольшимъ числомъ идей, отстаивали совершенно опредѣленный образъ дѣйствія. Каждая газета была храмомъ, биткомъ набитымъ вѣрующими, и въ ней не водилось застрѣльщиковъ, редакторовъ, пришедшихъ съ вѣтра и внезапнымъ ружейнымъ выстрѣломъ разрушающихъ разъ принятый и преслѣдуемый съ похвальной настойчивостью планъ.

Такова была старинная журналистика, немного чопорная, не думавшая о непосредственной выгодѣ, бывшая силой, благодаря политической или литературной группѣ, представительницей которой становилась газета.

Но мало-по-малу выросла другая журналистика. Перерожденіе было медленное, потому что его вызвали сами факты. По мѣрѣ того, какъ желѣзныя дороги и телеграфныя проволоки уничтожили разстояніе, читатели становились требовательнѣе. Съ другой стороны, жизнь стала лихорадочно возбужденной и неутомимое любопытство неудержимо охватило публику. И вотъ какимъ образомъ родилась печать новостей. Газета перестала быть органомъ извѣстнаго мнѣнія; газета стала прежде всего листкомъ, повѣствующимъ о разныхъ мелкихъ событіяхъ, передающимъ мелочи повседневной жизни. Хроника расплзлась и наводнила всѣ столбцы. Само собой разумѣется,

что серьезныя, критическія статьи вынуждены были ступоваться передъ этой набѣгающей волной, и вотъ наступилъ наконецъ день, когда факты стали властелинами газеты. Двухъ строкъ достаточно для истолкованія важнѣйшихъ извѣстій; и даже эти двѣ строки часто вычерчивались за недостаткомъ мѣста, и все дѣло стало въ томъ, чтобы распредѣлять извѣстія, — для чего газетѣ требуются только ножницы да облатки.

Я не нападаю на печать новостей и признаю, что у ней есть своя *raison d'être*. Ея громадный успѣхъ во Франціи происходитъ отъ того, что въ ней чувствовалась необходимость. Говорятъ, она пришла къ намъ изъ Америки. Это возможно. Но надо прибавить, что у насъ она создалась и самой публикой; она развилась постепенно, чтобы удовлетворить требованія читателей. Я видѣлъ ея смиренный ростъ. Сначала газеты открыли нѣсколько новыхъ отдѣловъ; затѣмъ все больше и больше стало удѣляться мѣста для ежедневныхъ слуховъ, по мѣрѣ того какъ росло любопытство подписчиковъ. Печать не замедлила всюду проникнуть. Въ настоящее время нескромность стала ея принципомъ; нѣтъ такой сферы, куда бы она не забиралась; она на томъ стоитъ, что все знаетъ и все говоритъ.

Въ этомъ заключается зло. Конечно, трудно было удержать старинную газету для выраженія новаго общества, — газету чинную и медлительную въ своихъ движеніяхъ. Но переворотъ былъ слишкомъ великъ. Журналистика утратила въ немъ свое достоинство. Слишкомъ вѣдь удобно не быть обязаннымъ мыслить — для того, чтобы писать, и все замѣнить грубой наготой фактовъ. Въмѣсто того, чтобы привлекать къ газетѣ нѣсколькихъ талантливыхъ людей, въ настоящее время достаточно выпустить на мостовую десятка два репортеровъ; вернувшись, они выкладываютъ свой багажъ, и газета готова. Мало-мальски длинныя статьи упразднены, потому что публика ихъ не читаетъ; въ особенности пугаютъ редакторовъ литературно-обработанныя статьи; требуется пятьдесятъ-шестьдесятъ строкъ о текущемъ событіи и безъ всякихъ высшихъ соображеній, нѣчто совсѣмъ плоское, сразу бьющее въ цѣль. Понятно, насколько это унижаетъ журналистику. Трудно въ настоящее время проявить въ ней талантъ. Всякое, чуть-чуть пространное развитіе мысли въ ней запрещено. Читатель, питаемый новостями, не переноситъ болѣе питательной пищи. Съ другой стороны, къ чему общее ученіе, сводъ мнѣній, когда дѣло идетъ лишь о томъ, чтобы составлять протоколы дневныхъ происшествій. Поэтому въ настоящее время редація въ новыхъ газетахъ настоящій летучій отрядъ. Одинъ сотрудникъ приходитъ, другой уходитъ. Убѣжденій больше не требуется. Въмѣсто компактныхъ группъ, составлявшихъ въ былое время редакціи, мы видимъ разношерстную толпу,

настоящее вавилонское столпотворение, гдѣ каждый журналистъ старается надѣлать какъ можно болѣе шуму, чтобы привлечь къ себѣ вниманіе всей публики. Дисциплина умерла—и съ ней вмѣстѣ нравственная сила газетъ.

Окончательная характеристика новой печати выражается въ томъ, что она продается главнымъ образомъ въ розницу. У „Figaro“, на примѣръ, есть известное число подписчиковъ, въ особенности въ провинціи, гдѣ не такъ легко достать газету, которой желаешь; но въ Парижѣ главная продажа его идетъ въ розницу. Она покупается прохожимъ, который пробѣгаетъ новости, и часто даже не переворачиваетъ первой страницы. Понятно, какъ мало солидна такая публика, и какъ она отличается отъ старинныхъ, провинціальныхъ подписчиковъ, для которыхъ газета была настоящимъ учрежденіемъ. Я знавалъ въ провинціи адвокатовъ и нотариусовъ, которые подписывались на „Siècle“ или на „Constitutionnel“ съ самаго основанія. Они хранили полную коллекцію ихъ, занимавшую цѣлыя чердаки, и надо было видѣть, съ какимъ уваженіемъ они срывали каждое утро обертки съ номера газеты, къ которой ихъ привязывала тридцатилѣтняя привычка!

Прежде чѣмъ перейти къ парижскимъ газетамъ, я полагаю необходимымъ предпослать этотъ краткій историческій обзоръ, безъ котораго мнѣ было бы трудно объяснить характеръ нѣкоторыхъ газетъ. Къ тому же, демаркаціонныя линіи не такъ рѣзки. Старинныя газеты помолодѣли, а газеты, появившіяся недавно, отличаются чопорнымъ видомъ старинныхъ газетъ. Постараюсь объяснить всѣ эти вещи.

II.

Газета, оставшаяся наиболѣе вѣрной традиціи—это „Journal des Débats“. Оставляю въ сторонѣ политическую сторону вопроса. „Journal des Débats“ умѣренныхъ мнѣній, и его обвиняютъ въ томъ, что онъ всегда на сторонѣ сильнаго. Правда въ томъ, что онъ старается прежде всего быть благовоситаннымъ; между тѣмъ, когда желаешь оставаться свѣтскимъ человѣкомъ, скромнымъ и вѣжливымъ, то трудно высказывать настойчивыя и крайнія мнѣнія. И такъ онъ паритъ въ сладкомъ дилеттантствѣ. Его редакція—настоящій салонъ, гдѣ остроумно обсуждаютъ событія дня. Такая бесѣда не можетъ вестись безъ примѣси значительной доли скептицизма. Поэтому политическое направление газеты неопредѣленно и эластично, какое, впрочемъ, и требуется для читателей весьма образованныхъ, наслаждающихся еще болѣе формою статьи, нежели ея содержаніемъ. „Journal des Débats“

былъ орлеанистскимъ органомъ, но въ настоящее время, когда партія орлеанистовъ умерла, онъ перешелъ къ умѣреннымъ республиканскимъ мнѣнiямъ, что не помѣшаетъ ему примкнуть къ монархiи, если она будетъ завтра провозглашена во Францiи. Онъ, повторяю, по природѣ слуга всѣхъ побѣдоносныхъ правительствъ. Одно время даже, при второй имперiи, онъ присталъ къ Наполеону III.

По правдѣ сказать, политика давно перестала быть настоящей сферой „Journal des Débats“. Прошли тѣ времена, когда Бертольдъ старшій, великiй журналистъ своего времени, создавалъ и низвергалъ министерства во время июльской монархiи. Въ настоящее время эта политическая сила очень ослабѣла, и это сказывается во время всеобщихъ выборовъ; теперь только одинъ способъ и существуетъ для опредѣленiя влiянiя газеты, это—узнать, можетъ ли она выставить своихъ кандидатовъ. Ну и разумѣется, если бы „Journal des Débats“ вздумалъ выставить своихъ кандидатовъ, то они врядъ ли бы прошли. Я не отрицаю, что онъ имѣетъ нѣкоторое влiянiе въ политикѣ, но это влiянiе главнымъ образомъ обусловливается его приличнымъ тономъ; его поддержка прiятна, потому что онъ прилично ведетъ себя; но, въ сущности, эта газета политически равняется нулю.

Настоящая роль „Journal des Débats“ заключается въ его литературной роли. Это—официальный органъ французской академiи. Онъ управляетъ академiей. А это не пустое дѣло и не малая честь, потому что этой роли достаточно, чтобы придать важное значенiе „Journal des Débats“. Сила его выразилась, когда вопросъ коснулся того, чтобы назначить академикомъ его излюбленнаго сотрудника, Джона Лемуана. Безъ сомнѣнiя, Джонъ Лемуанъ весьма талантливый публицистъ; но всѣ его литературныя заслуги ограничиваются тѣмъ, что онъ журналистъ, а до сихъ поръ еще ни одному журналисту не выпадала на долю честь безсмертiя. Онъ проникъ въ святилище. Онъ былъ, впрочемъ, уже въ немъ раньше, какъ у себя дома, потому что „Journal des Débats“ былъ какъ-бы ризница, гдѣ готовятся всѣ торжества, происходящiя въ самомъ храмѣ. „Journal des Débats“ нафабриковалъ почти столько же академикомъ, сколько и „Revue des Deux Mondes“. Однако недостаточно быть сотрудникомъ, надо еще отличаться особенными качествами; доказательство тому Тэнъ, который тоже одинъ изъ сотрудниковъ, но потерпѣлъ неудачу въ академiи. Правда, что Тэнъ не такой любимецъ, какъ Джонъ Лемуанъ, и на него даже косо посматриваютъ въ редакцiи.

Итакъ, можно сказать, что „Journal des Débats“ прежде всего литературная сила. Да и тутъ еще нужно оговориться: это—органъ академической котерiи—вотъ и все. У насъ дѣятельная литературная жизнь течетъ внѣ академiи, такъ что влiянiе „Journal des

Débats“ на нашу современную литературу совсѣмъ ничтожно. Онъ священнодѣйствуетъ отчасти въ пустомъ пространствѣ; онъ представляетъ чопорныя и отошедшія въ вѣчность *belles-lettres*. Такимъ образомъ, нельзя назвать ни одного изъ современныхъ *chefs-d'oeuvre*, который бы появился въ этой газетѣ. Эти произведенія слишкомъ жизненны для него; они пробьютъ бы его рамки и напугали бы подписчиковъ. Точно такъ никогда молодое и смѣлое произведеніе не получитъ поддержки „*Journal des Débats*“; можно даже быть увѣреннымъ, что его жестоко отдѣлаютъ въ какой-нибудь догматической и ворчливой статьѣ. Чаще всего газета замыкается въ презрительное молчаніе, надѣясь такимъ образомъ похоронить всякія новыя попытки.

„*Journal des Débats*“ не принесъ ни одной жертвы современной модѣ. Быть можетъ, это единственная изъ ежедневныхъ газетъ, которая не ввела хроники на своихъ столбцахъ. Въ ней точно также очень презираютъ фельетонный романъ; въ теченіи долгаго ряда годовъ, въ немъ не появляется ни одного романа. Статьи, по самымъ разнообразнымъ вопросамъ, весьма многочисленны и составляютъ оригинальную черту газеты. Надо же употреблять въ дѣло многочисленныхъ литературныхъ сотрудниковъ, доставляющихъ нескончаемыя статьи. Вотъ каковъ, впрочемъ, приблизительный составъ редакціи: во-первыхъ, всякаго рода почетные сотрудники, которые пишутъ мало, лишь время отъ времени доставляя статью: Кювилль-Флери, патриархъ этихъ сотрудниковъ,—Тэнъ, Дешанель и толпа академиковъ, которыхъ бесполезно называть; затѣмъ идутъ настоящіе сотрудники, сотрудники воинствующие и ежедневно дающіе статьи; они состоятъ изъ молодыхъ людей, по ббльшей части воспитанниковъ нормальной школы, пробующихъ свои силы подъ прикрытіемъ анонима. Я не говорю про специальныхъ сотрудниковъ: редактора юридическаго отдѣла, редактора ученаго отдѣла, театральнаго редактора, которые старательно выбираютъ и всѣ отличаются приличнымъ и нѣсколько безцвѣтнымъ характеромъ. Такимъ образомъ, „*Journal des Débats*“ сохраняетъ свой однородный оттѣнокъ, свой характеръ чувства собственного достоинства. Онъ не живой, но сохраняетъ величественный видъ среди суеты современной печати. Резюмирую сказанное: политическое вліяніе, равняющееся почти нулю; литературное вліяніе котеринъ,—въ общемъ успѣхъ, обусловливаемый приличнымъ тономъ газеты.

Во Франціи можно сдѣлать слѣдующее любопытное наблюденіе: что существуютъ только два способа добиться успѣха, основывая газету: или слѣдуетъ отказаться отъ всякихъ приличій, ежедневно необрѣтать новый скандалъ, прожигать жизнь,—или же держаться

строго и чопорно, священнодѣйствовать, писать нескончаемыя и убійственныя статьи, убивать читателей скукой, искусно разведенной, и я еще самъ не знаю хорошенько—какая метода вѣрнѣе; чуть ли не вторая. Опытъ часто повторялся. Издавайте солидную газету, но трансцендентальной солидности, съ статьями тяжеловѣсными, какъ свинецъ и безъ всякаго проблеска веселости. Конечно, въ первые дни такая газета будетъ перевариваться съ трудомъ. Но, мало-по-малу, найдутся читатели, самолюбію которыхъ будетъ льстить, что они подписываются на такой серьезный журналъ. Не пройдетъ года, какъ о немъ будутъ говорить съ почтеніемъ, настолько скучныя вещи внушаютъ уваженія. И наступитъ день, когда журналъ упрочится вслѣдствіе только своей тяжеловѣсности.

Я рассказывалъ тутъ исторію „Temps“ и „République Française“, которыя вмѣстѣ съ „Journal des Débats“ привлекаютъ серьезныхъ подписчиковъ. „Temps“ существуетъ лѣтъ двадцать. До послѣдняго времени онъ только приносилъ убытокъ; говорятъ, что теперь онъ начинаетъ давать значительный доходъ, но для этого потребовалось невѣроятное упорство. Онъ—представитель среди насъ протестантскаго и пуританскаго духа.

По части политическихъ мнѣній, онъ защищаетъ умѣренную республику или, лучше сказать, либеральныя идеи. Въ литературѣ онъ еще умѣреннѣе и страшно боится скомпрометтировать себя, связываясь съ новѣйшими романистами, хотя и понимаетъ, что не можетъ вполне обойтись безъ нихъ. Конечно, было бы парадоксомъ утверждать, что „Temps“ обязанъ своимъ окончательнымъ успѣхомъ—своей безвѣстной и тяжелой редакціи. Если успѣхъ посѣтилъ его, наконецъ, то потому, что онъ обращался къ существующему классу читателей,—успѣхъ газеты обуславливается только тѣмъ, что она находитъ свою категорію читателей, откликается на потребность какого-нибудь мнѣнія; но несомнѣнно, что докторальная форма, усвоенная газетой, педантическій способъ выражать самыя простыя мысли много содѣйствовали уваженію, которымъ нынѣ пользуется органъ, упорно настоявшій на своемъ обыкновеніи никогда не улыбаться.

Въ настоящее время, „Temps“ является настоящимъ конкурентомъ „Journal des Débats“. Онъ также поставляетъ себя за честь имѣть связь съ академіей. Я знаю, что редакторъ просилъ недавно одного романиста измѣнить нѣкоторыя вещи въ его романѣ, говоря: „берегитесь! если вы оставите это мѣсто, то повредите своему выбору въ академики!“ Въ этомъ сказывается претензія создавать академиковъ, которая достаточно характеризуетъ газету. Долгое время ею руководилъ Эдмондъ Шереръ, ученая голова,—какъ выражались,—но отуманенная педантизмомъ и питающая отчаянную ненависть къ

живой литературѣ. Онъ-то и сообщилъ „Temps“ этотъ протестантскій духъ, подобный ледяному туману, оледеняющему всякій вопросъ и всякую индивидуальность. Это не во французскомъ духѣ. Я всегда предпочиталъ открытаго противника этому мнимому либеральному уму, который дѣлаетъ видъ, что все допускаетъ и все обсуждаетъ, затѣмъ, чтобы легче обратить всѣхъ въ орудіе пассивной покорности. Эдмондъ Шереръ осудилъ всю нашу литературу во имя нравственности и царственной скуки, какихъ онъ является представителемъ. И никогда „Temps“ не обновится; онъ вылился въ эту форму; молодые сотрудники, которыхъ онъ иногда къ себѣ приглашаетъ, обязаны надѣвать этотъ мундиръ у дверей. Онъ стираетъ всякую личность до такой степени, что, болѣею частью, неизвѣстно даже кто его сотрудникъ: они не подписываются, а слогъ у нихъ не достаточно индивидуаленъ, чтобы ихъ можно было признавать по немъ. „Temps“ представляетъ примѣръ того, какимъ успѣхомъ можно пользоваться, если заявишь себя серьезнымъ и благовоспитаннымъ органомъ.

Но успѣхъ „République française“ всего удивительнѣе. Вотъ гдѣ можно убѣдиться въ могущество формъ. Извѣстно, что Гамбетта обзывается своими политическими противниками „богемой“ и что его укоряютъ нѣсколько бурной молодостью, какую онъ могъ вести. По словамъ его враговъ, онъ не выходилъ изъ кофеенъ и учился роли государственнаго человѣка, распивая пиво. Между тѣмъ въ тотъ день, какъ Гамбетта затѣялъ основать газету, онъ весьма благоразумно заимствовалъ рамки „Journal des Débats“ и „Temps“; я хочу сказать, что онъ создалъ органъ съ доктринерскими приемами, серьезный и натянутый, гдѣ не бываетъ проблеска жизни. Быть можетъ, даже „République française“ еще чопорнѣе, еще тяжеловѣснѣе, еще скучнѣе, еще торжественнѣе безцвѣтна, чѣмъ тѣ двѣ газеты, которыми она подражаетъ. И нельзя не улыбаться, когда вспоминаешь насмѣшекъ, какими осыпаютъ ея сотрудниковъ, которые будто бы проводятъ всю свою жизнь въ пивныхъ, если вѣрить ихъ политическимъ врагамъ. Впрочемъ, успѣхъ газеты оказался значительнымъ. Достаточно было „République française“ заговорить языкомъ педанта, чтобы стать значительнымъ органомъ. Представьте себѣ болѣе иризу, болѣе удобочитаемую газету, и никогда Гамбетта не приобрѣлъ бы то уваженіе, какимъ онъ теперь пользуется. Органъ государственнаго человѣка долженъ быть величественный и скучный, — вотъ бесспорная истина во Франціи.

Я полагаю однако, что Гамбеттѣ много помогъ Шальмель-Лакуръ. Этотъ послѣдній былъ настоящимъ отцомъ „République française“. Не знаю ума болѣе нетерпимаго и болѣе неприятнаго. Онъ рѣзокъ,

какъ бритва, и педантиченъ, какъ старый, ожесточенный профессоръ. Сектанты ужасны, когда ихъ не согрѣваетъ жаръ энтузіазма. Шальмель-Лавуръ создалъ „République française“ по своему образу и подобию: газету, отзывающуюся нормальной школой, гдѣ говорятъ безцвѣтнымъ и напыщеннымъ языкомъ, гдѣ современная литература избивается съ яростью. Сотрудники не подписываются и остаются незнакомыми. Иногда указываютъ на нѣкоторыя статьи, написанныя будто бы депутатами. Въ Парижѣ не существуетъ болѣе замкнутого журнала, менѣе гостепріимной часовни для вновь прибывающихъ. Не странно ли, что органъ радикальной республики облекся въ тотъ же мундиръ, что и старый „Journal des Débats“? Это доказываютъ, повторяю, что этотъ мундиръ пользуется еще обаяніемъ въ публикѣ и что въ журналистикѣ успѣхъ принадлежитъ тѣмъ, кто смѣло рѣшается морить читателей со скуки.

III.

Но въ числѣ старинныхъ газетъ есть такія, которыя утратили свое вліяніе и популярностъ. Странное дѣло: „Journal des Débats“, упрямо не слѣдовавшій за модой, удержалъ свое значеніе, между тѣмъ какъ „Siècle“, другая сила лѣтъ пятнадцать или двадцать тому назадъ, утратила свое значеніе, несмотря на ея неоднократныя усилія освѣжить свою редакцію.

Но объяснить это легко. У „Journal des Débats“ нѣтъ конкурентовъ: „Temps“ создало себѣ особую публику; „Siècle“ же, напротивъ того, приходилось бороться со всѣми демократическими газетами въ десять сантимовъ, которыя появились въ послѣдніе годы второй имперіи. Эти газеты, весьма оживленныя по тону, весьма легкомысленныя по приемамъ, болѣе дешевыя, должны были повредить и сильно повредили газетѣ, обращавшейся къ той же публикѣ, что и онѣ. Всѣмъ памятенъ насмѣшки, которымъ подвергался „Siècle“: его называли „кабацкой газетой“, потому что находили во всѣхъ винныхъ погребкахъ и кофейняхъ. Онъ былъ въ то время единственнымъ республиканскимъ органомъ, осмѣливавшимся оказывать оппозицію имперіи и, естественно, извлекалъ всѣ выгоды этого положенія; его читалъ весь народъ; кромѣ того, такъ какъ у него удержались буржуазныя приемы, то въ провинціи у него были подписчиками всѣ передовые либералы, великолѣпная практика. Это прекрасное положеніе пошатнулось въ тотъ день, какъ болѣе проворныя газеты набросились на имперію съ порывомъ яростной веселости. Слѣдуетъ припомнить 1868 и 1869 гг. Внезапно выросла цѣлая фаланга оп-

позиціонныхъ органовъ, статьи стали крайне рѣзкими, и бѣдный „Siècle“ сталъ казаться страшно безцвѣтнымъ, и его отнесли въ рядъ устарѣлыхъ газетъ, куда заглядываютъ лишь изъ любопытства. „Varrel“, наприимѣръ, о которомъ я буду говорить ниже, нанесъ непоправимый ущербъ „Siècle“.

Конечно, такая газета, какъ „Siècle“, не легко погибаетъ. За ней остается пріобрѣтенное вліяніе, которое долго поддерживаетъ ее, даже тогда, когда популярность исчезла. „Siècle“ приноситъ и до сихъ поръ приноситъ громадные доходы. Онъ выстроилъ себѣ домъ въ улицѣ Шоша, гдѣ соединены всѣ службы журнала. Онъ до сихъ поръ одинъ изъ тѣхъ парижскихъ органовъ, у которыхъ наиболѣе подписчиковъ въ провинціи, но розничная продажа его ничтожна. Словомъ, положеніе его вотъ какое: онъ до сихъ поръ приноситъ большія выгоды, но утратилъ всемогущество, которымъ пользовался въ республиканской партіи, и можно предвидѣть, что онъ будетъ все падать и падать.

„Siècle“ также много потерялъ въ тотъ день, какъ умеръ его редакторъ Гавенъ. Съ этихъ поръ онъ редактируется совѣтомъ администраціи и редакціоннымъ комитетомъ. Но ничто не можетъ быть хуже для журнала, какъ такое республиканское управленіе, предающее его судьбу въ руки наиболѣе значительныхъ акціонеровъ. Во главѣ каждаго повседневнаго изданія необходимъ диктаторъ. Онъ одинъ можетъ управлять съ той мощью и быстротой рѣшенія, которыя желательны въ этомъ дѣлѣ. Какъ скоро существуетъ комитетъ, всякіе пустяки затрудняютъ, на каждомъ шагѣ возникаютъ препятствія, невозможно столковаться ни о какомъ усовершенствованіи, и рутинна царитъ вопреки всему. Наприимѣръ, я знаю, что въ „Siècle“ было не разъ говорено о томъ, чтобы освѣжить редакцію, уволить нѣкоторыхъ сотрудниковъ, которые устарѣли и утратили пониманіе современной жизни; но каждый разъ эта внутренняя революція оканчивалась ничѣмъ, благодаря колебаніямъ комитета. Редакторъ, принимая на себя всю отвѣтственность, энергически расчистилъ бы мѣсто. Одинъ онъ могъ бы вдохнуть новую жизнь въ газету.

Были приняты полу-мѣры. Нѣсколько журналистовъ, сравнительно молодыхъ, поступили въ „Siècle“. Въ немъ завели хронику, пытаются говорить болѣе живымъ языкомъ. Но, въ сущности, журналъ остался удивительно тяжеловѣснымъ. Отъ него отдаетъ старьемъ, запахомъ гнили, который время сообщаетъ бумагѣ. Онъ сохранилъ свои прежніе буржуазные, осторожные приемы. Члены комитета боятся сердить своихъ старыхъ подписчиковъ, если измѣнять хотя бы одинъ отдѣлъ газеты. Такъ что имъ приходится выбирать одно изъ двухъ: или преобразовать газету, рискуя прогнѣвать своихъ читате-

лей, или же оставить вещи, какъ онѣ есть, и ежедневно чувствовать, какъ читатели понемногу отвертываются отъ нихъ.

Не одинъ „Siècle“ вышелъ изъ моды. Почти всѣ газеты, игравшія роль въ ту же эпоху, какъ и онъ, при июльской монархіи и при второй имперіи, въ настоящее время влчатъ жалкое существованіе. Кажется даже какъ будто, что таковъ законъ въ журналистикѣ: органъ, представляющій извѣстный политическій періодъ, не можетъ пережить этого періода, не преобразившись окончательно. И рѣшительно газеты съ такимъ же трудомъ преобразуются, какъ и люди.

Многія газеты раздѣляютъ эту участь „Siècle“. Назову „Constitutionnel“, „Patrie“, „Presse“ и пр.

Всѣмъ памятна важная роль, какую игралъ „Constitutionnel“. Въ настоящее время эта газета рѣшительно пала. Свои послѣдніе хорошіе дни она доживала при второй имперіи, когда по понедѣльникамъ въ ней читались прекрасныя статьи Сентъ-Бѣва. Когда Сентъ-Бѣвъ пересталъ въ ней писать, словно ночь ступила надъ газетой. Надо прибавить, что при имперіи она играла роль оффиціознаго органа, что также придавало ей значеніе. Но послѣ паденія Наполеона III она осталась какъ ракъ на мели, не смѣя открыто принять сторону низверженной партіи и не имѣя возможности пристать къ республикѣ. Итакъ, вотъ уже цѣлыхъ семь лѣтъ, какъ она изображаетъ собою стыдливаго бонапартиста и утратила всякій смыслъ и всякое вліяніе. Никто изъ ея сотрудниковъ не вѣстенъ. Она расходится, вѣроятно, въ ничтожномъ количествѣ. Если она еще живетъ, то только благодаря той комбинаціи, въ силу которой шесть газетъ отдали на откупъ въ однѣ и тѣ же руки всѣ свои объявленія: „Journal des Débats“, „Siècle“, „Constitutionnel“, „Patrie“, „Pays“, „Presse“. Въ тотъ день, когда эта комбинація прекратится, „Constitutionnel“ исчезнетъ, потому что роль его кончена.

Исторія „Patrie“ та же самая. Она тоже играла при имперіи оффиціозную роль и теперь попала въ разрядъ газетъ, существованіе которыхъ не имѣетъ никакого смысла. Въ настоящую минуту она, быть можетъ, бонапартистская, но безъ особеннаго убѣжденія и избѣгаетъ играть слишкомъ воинственную роль. Она влчатъ жалкое существованіе.

Заговоривъ о „Presse“, нельзя не заговорить о Жирарденѣ. Жирарденъ былъ однимъ изъ самыхъ ловкихъ журналистовъ нашего времени, вмѣстѣ съ Бертэномъ, Вильмессаномъ, Буловомъ и Милю. Всѣ газеты, основанныя имъ, или которыми онъ занимался, имѣли успѣхъ. Пока онъ редактировалъ „Presse“, она пользовалась значительнымъ успѣхомъ. Это онъ изобрѣлъ дешевыя газеты и придалъ торговлѣ объявленіями значительное развитіе. Онъ былъ до такой

степени душой создаваемыхъ имъ органовъ, что всегда убивать ихъ, оставляя. Такимъ образомъ „Presse“ въ настоящее время попала въ разрядъ газетъ безцвѣтныхъ и безнолезныхъ. Она проводитъ умѣренныя республиканскія мнѣнія, но, въ сущности, еле-еле существуетъ. Приведу другой примѣръ: „Liberté“, которую Жиранденъ тоже пустилъ въ ходъ и которою давно уже не занимается; но „Liberté“ сохранила нѣкоторое значеніе, благодаря своему усилію давать каждый вечеръ раньше другихъ возможно большее число новостей. Эти новости часто сомнительны, но мода сдѣлана; многіе прохожіе покупаютъ „Liberté“, чтобы узнать новости. „Liberté“—бонапартистская газета, съ особенными фантазіями, съ политическими теоріями, которыя не всегда удобопонятны. Наконецъ, чтобы повончить съ Жиранденомъ, я долженъ упомянуть о „France“, которую онъ купилъ и гдѣ въ настоящую минуту ведетъ энергическую кампанію въ пользу республики. „France“—старинное изданіе либеральной имперіи; она была основана съ цѣлю борьбы съ авторитарическими мнѣніями Руэра, и можно теперь сказать, что она имѣла мало успѣха, и какъ газета, и какъ политическое оружіе. Она продолжала, однако, появляться, но была крайне безцвѣтна и не играла никакой роли, когда Жиранденъ попытался вдохнуть въ нее новую жизнь. Онъ не щадитъ самого себя, дѣйствуетъ самъ и безустанно, и пишетъ длинныя статьи въ защиту республиканскихъ порядковъ, со всей страстью своей молодости. По крайней мѣрѣ, въ настоящее время всѣ знаютъ, что „France“ существуетъ, потому что статьи Жирандена перепечатываются и вызываютъ жаркую полемику. Но я буду удивленъ, если узнаю, что матеріальный успѣхъ соотвѣтствуетъ этому успѣху шума, потому что газетъ теперь очень много и надо совсѣмъ особенныя счастливыя обстоятельства, чтобы провести новую. Но несомнѣнно также, что у Жирандена твердая воля, а твердой воли достаточно въ печати.

Перехожу къ „Moniteur universel“, который также заслуживаетъ изученія. Известно, что „Moniteur“ былъ официальнымъ органомъ французскаго правительства въ продолженіи долгихъ лѣтъ. Только въ послѣдніе годы второй имперіи основана была специальная газета, „Journal officiel“, фабрикація которой поручена была Виттерстейму. Правительство желало имѣть свой собственный органъ, который бы не былъ частнымъ предпріятіемъ. Даллосъ, собственникъ „Moniteur“, получавшій субсидію, остался съ своей газетой ни при чемъ. Естественно, все это дѣло было ему крайне неприятно, и онъ питалъ съ тѣхъ поръ смертельную вражду къ Руэру, который содѣйствовалъ заключенію дѣла съ Виттерстеймомъ. Вотъ какимъ образомъ „Moniteur universel“, послѣ того, какъ былъ официальнымъ органомъ

второй имперіи, сталъ отчаяннымъ противникомъ бонапартистовъ. Съ 1870 г., не водружая опредѣленнаго знамени, онъ поддерживаетъ консервативныя идеи, за исключеніемъ бонапартистскихъ. Онъ одинъ изъ тѣхъ органовъ, которые поставлены въ величайшее затрудненіе исчезновеніемъ официального орлеанизма.

Въ сущности „Moniteur universel“ очень мало читается. Несмотря на всѣ свои усилія, онъ сохранилъ догматическую чопорность той эпохи, когда онъ принадлежалъ правительственной партіи. Онъ почти совсѣмъ утратилъ прежнихъ подписчиковъ: чиновниковъ и лицъ, болѣе или менѣе близко стоящихъ къ правительству, и я не знаю, въ какомъ мѣрѣ могъ онъ набрать себѣ подписчиковъ, потому что онъ очень мало интересенъ. Даллозъ очень дѣятельный человекъ, управляющій значительнымъ торговымъ домоу; кромѣ „Moniteur universel“, онъ издаетъ двѣ газеты, цѣною въ одно су, модный журналъ и всякаго рода изданія. Это настоящая фабрика, и успѣхъ завоевывается, когда ведешь дѣло такимъ образомъ.

Чтобы ничего не пропустить, мнѣ надо упомянуть объ органахъ бонапартистовъ и легитимистовъ. Тутъ я перекожу къ политической прессѣ, въ настоящемъ значеніи этого слова, потому что у этихъ газетъ только одна цѣль—пропаганда своей партіи. Это орудія, и ничего больше. Воинствующихъ бонапартистскихъ газетъ двѣ: „Le Pays“ и „l'Ordre“. Первая извѣстна рѣзкимъ тономъ своей полемики. Ея главный редакторъ, Поль-де-Кассаньякъ,—одна изъ самыхъ извѣстныхъ парижскихъ фигуръ, дуэлистъ, мушкетеръ, опоздавшій родиться двумя столѣтіями, фанфаронъ, ругатель, въ сущности очень вредящій своей партіи. Ежедневно „Pays“ выпускаетъ потокъ ругательствъ, которыми пробавляются цѣлую недѣлю парижскія торговки. Не существуетъ журнала, болѣе шумливаго. Между тѣмъ „Pays“ далеко не имѣетъ политическаго значенія „Ordre“. Этотъ послѣдній—настоящій органъ бонапартистской партіи. Онъ редактируется Руэромъ, который и по сіе время напускаетъ на себя роль вице-императора. „Ordre“ получаетъ внушенія прямо изъ Чизльгѣрста и часто читаетъ нотации „Pays“, которое сердится и продолжаетъ себя вести, какъ избалованный ребенокъ. Я не думаю, чтобы бонапартистскіе органы особенно процвѣтали; партія очень обѣднѣла, что бы тамъ ни говорили, если вспомнить, какое бросаніе денегъ происходило при второй имперіи. Конечно, и „Ordre“ и „Pays“ выходятъ въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ; послѣднюю газету читаютъ только изъ любопытства, когда въ немъ напечатана какая-нибудь бранная статья. Бонапартисты даютъ субсидіи обѣимъ газетамъ и онѣ должны дорого имъ стоить, потому что они не пожелаали принять на свой счетъ еще третій органъ, „la Nation“, который прозябалъ и теперь исчезъ. Я поговорю ниже о „Gaulois“, который живетъ самъ по себѣ, благодаря

своему чисто парижскому характеру и бонапартизмъ котораго приправленъ сильно фантазіей.

Участь легитимистскихъ органовъ почти та же, что и бонапартистскихъ. На ихъ сторонѣ только то, что они существуютъ долѣе. Такимъ образомъ „La Gazette de France“, которая насчитываетъ уже нѣсколько столѣтій и есть самая старая изъ нашихъ газетъ. „L'Union“, „l'Univers“, „le Monde“, не имѣя такого почтеннаго возраста, успѣли пустить корни. Но тѣмъ не менѣе существованіе ихъ довольно невѣрное. Долгое время эти газеты прозябали и вѣрнымъ роялистамъ часто приходилось помогать имъ. Съ идеей о газетѣ связывается идея о толпѣ; между тѣмъ наше дворянство слишкомъ ограничено, слишкомъ утомлено и обезкуражено, чтобы сообщать дѣятельную жизнь нѣсколькимъ газетамъ; успѣхъ роковымъ образомъ передается демократическимъ органамъ, читатели которыхъ насчитываются сотнями тысячъ. Можно даже сказать, что духовенство и дворянство дѣлаютъ ошибку, употребляя какъ орудіе журналистику, которую они осуждаютъ и которая, по ихъ мнѣнію, виновата во всѣхъ нашихъ бѣдахъ. Но они отвѣчаютъ, что имъ волею-неволею приходится прибѣгать къ проклятымъ орудіямъ вѣка, чтобы бороться съ вѣкомъ.

„L'Union“ представляетъ божественное право, легитимную и абсолютную монархію въ ея чистѣйшей эссенціи. Она—официальный органъ графа Шамбора. „La Gazette de France“ дѣлаетъ нѣкоторыя уступки, и готова была бы поладить съ орлеанскими принцами, если бы они обезпечили принципъ королевской власти. Она, словомъ, политичѣе и уклончивѣе. „L'Univers“ прежде всего—органъ Ватикана; онъ представляетъ идеи ультрамонтанства во всей ихъ полнотѣ; въ сущности, ему нѣтъ никакого дѣла до правительства; онъ признаетъ и имперію, если имперія можетъ обезпечить, по его мнѣнію, успѣхъ клерикаловъ. Что касается „Monde“, то онъ отраженіе „Univers“ и его упорство жить удивляетъ всѣхъ. Наконецъ, въ послѣднее время основался новый роялистскій и клерикальный органъ „La Défense“, подъ руководствомъ орлеанскаго епископа, Дюпанлу. Трудно съ точностью опредѣлить идеи этой газеты, защищающей Ватиканъ и стремящейся къ королевской реставраціи во Франціи. Какъ видите, у ретроградныхъ идей немало органовъ въ Парижѣ; всѣ ихъ оттѣнки находятъ себѣ представителей; но только, какъ я уже говорилъ, газеты эти расходятся мало и политическое ихъ вліяніе не очень распространено. Страна не отгибается на нихъ, онѣ имѣютъ вліяніе лишь въ правительственныхъ сферахъ, которыя обязаны считаться съ мнѣніями, которыя они представляютъ, но которыя постоянно стремятся провести ихъ. Заглянувъ за кулисы этихъ газетъ, мы бы увидали непрерывный заговоръ, потому что всѣ онѣ вдохновляются

изъ чужихъ краевъ, или изъ Фросдорфа, или изъ Рима. Въ роялистскомъ и клерикальномъ лагерѣ насчитываютъ только одинъ крупный талантъ,—я говорю о Луи Вельо, главномъ редакторѣ „Univers“, весьма опасномъ и энергическомъ публицистѣ.

Существовали также, конечно, и орлеанистскія газеты. Иныя, какъ „Journal de Débats“, пристали къ республикѣ. Но одинъ тѣмъ не менѣе остался вѣрнѣе орлеанскимъ принципамъ, а именно „Soleil“. Правда, что принцъ даетъ ему субсидію, если вѣрять слухамъ. Положение „Soleil“ очень ложное, со времени попытки примиренія съ графомъ Шамборомъ, сдѣланной графомъ Парижскимъ; онъ выпутывается изъ него, неопредѣленно призывая монархію, но не объясняя, какая это должна быть монархія. Къ тому же, онъ расходится въ очень незначительномъ числѣ экземпляровъ и все его значеніе заключается въ томъ, что оно—признанный органъ принцевъ. Существуетъ и другая газета, сохранявшая связь съ орлеанистами, „Le Français“, но политика его стала такой двусмысленной, что въ настоящее время трудно его классифицировать. Объяснить образъ дѣйствія этого журнала можно только, сказавъ, что это преданный органъ герцога де-Врольи; и тогда становится понятнымъ хитрая тайна, какой онъ окружаетъ свои политическія соображенія. Де-Врольи былъ когда-то либеральнымъ орлеанистомъ, но съ тѣхъ поръ какъ орлеанизмъ треснулъ у него подъ ногами, онъ набросился на политическія уловки, и весьма трудно опредѣлить, чего онъ собственно хочетъ. Къ тому же, „Français“ очень мало распространенъ. Все его значеніе въ настоящую минуту исчерпывается ролью оффиціознаго органа, гдѣ надо искать мыслей правительства.

IV.

Перехожу, наконецъ, къ самой интересной части моей задачи,—къ газетамъ, существующимъ исключительно новостями. Въ нихъ выразилось великое движеніе современной печати.

„Figaro“—типъ журналовъ этого рода. Чтобы хорошенько понять его значеніе и роль, слѣдуетъ вернуться за нѣсколько лѣтъ назадъ. При имперіи, въ 1865 г., „Figaro“ былъ чисто литературнымъ органомъ, выходившимъ два раза въ недѣлю. Вильмессанъ уже редактировалъ его въ то время и уже сообщилъ то азартное, скандальное и пустозвонное направленіе, которому онъ и обязанъ своимъ успѣхомъ. Въ тѣ времена его уже много читали по кофейнямъ и въ немъ писали самые болтливые и причудливые парижскіе писатели. Въ концѣ имперіи, въ 1866 году, Вильмессанъ понялъ, что фортуна обрѣтается въ ежедневной газетѣ и, не оставляя „Figaro“, выпустилъ „Evéne-

ment", литературный журнал, цѣною въ 10 сантимовъ, выходившій ежедневно. Надо сказать, что „Figaro" стоилъ 35 сантимовъ, что дѣлало его розничной продажѣ. Въ продолженіи дѣлаго года успѣхъ „Evénement" былъ очень значителенъ: онъ выходилъ слишкомъ въ сорока тысячахъ экземпляровъ. Но только, такъ какъ онъ не былъ политической газетой и въ немъ участвовали очень бойкіе писатели, то онъ навлекъ на себя нѣсколько процессовъ, и имперія, наконецъ, запретила его. Тогда-то Вильмессану пришло въ голову пустить въ ходъ „Figaro", который былъ нѣсколько безцвѣтенъ и прозябалъ. Онъ преобразилъ его, сдѣлалъ его ежедневной газетой, получилъ разрѣшеніе превратить его въ политическую газету, словомъ, создалъ его такимъ, каковъ онъ и по сіе время. Это происходило въ 1868 г. Итакъ, вотъ происхожденіе этого органа, который никогда бы не приобрѣлъ такого значенія, если бы не былъ привитъ къ „Evénement", ежедневной газетѣ, которую онъ поглотилъ и которая послужила Вильмессану для перваго опыта.

Надо еще сказать, что „Figaro" представляетъ собой воплощеніе одного человѣка и отсюда происходитъ его великій успѣхъ. Личность Вильмессана вся отразилась на его газетѣ. Эта личность выдающаяся, конечно, изъ ряда, болтливая, охотно толкующая о своихъ личныхъ дѣлахъ публично, стирающая свое грязное бѣлье на улицѣ, постоянно обращающаяся къ своимъ читателямъ, а это читатели очень любятъ. Вильмессанъ, прежде всего, человѣкъ парижскихъ тротуаровъ; онъ всѣхъ знаетъ, всѣмъ улыбается, пожимаетъ руки направо и налѣво. Успѣхъ его восхищаетъ: никогда онъ не будетъ враждебенъ тому, кто пробилъ себѣ дорогу, хотя бы тѣ былъ его отъявленный врагъ. Въмѣстѣ съ этимъ онъ совсѣмъ не щекотливъ и занимается сплетнями со страстью; онъ болтунъ по темпераменту и громко рассказываетъ то, что ему передавали шопотомъ. Но что его дорисовываетъ, это его остроуміе, остроуміе комми-вожера, который не стѣсняется въ выраженіяхъ. Ничто его не удивляетъ; ни передъ чѣмъ онъ не останавливается; онъ идетъ впередъ съ спокойствіемъ человѣка, желающаго успѣть во что бы то ни стало. И, въ сущности онъ не злой человѣкъ; онъ любитъ свою газету чрезвычайно; онъ очень иногда бываетъ добръ относительно своихъ сотрудниковъ и вообще живетъ безвѣчно, какъ спекулянтъ, изучившій человѣческую скверну и пользующійся ею. Наконецъ, прибавьте къ этому удивительную способность къ рекламѣ, совершенно особенное умѣнье бить въ барабанъ и собирать вокругъ себя зѣвакъ: и вотъ вамъ Вильмессанъ.

Понятно отсюда, чѣмъ долженъ быть „Figaro". Онъ живетъ по преимуществу парижскими сплетнями и каждое утро выпускаетъ исторіи, обглаголюющія весь Парижъ. Нескромность возведена на

степень искусства. Его читають, чтобы познаться съ скандальной хроникой. Впрочемъ, онъ не безъ остроумія, что помогаетъ проглатывать самыя рискованныя вещи; будь онъ глухъ, то былъ бы возмутителенъ. Этого достаточно, чтобы объяснить его успѣхъ. Читатели очень благодарны ему за усилія, которыя онъ дѣлаетъ, невидимому, чтобы имъ понравиться. Въ былое время Вильмессанъ по крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ бесѣдовалъ съ публикой; затѣмъ, онъ изобрѣталъ необычныя премія: апельсины, часы, коробки съ благовонными товарами, и это постоянно поддерживало любопытство относительно журнала. Чтобы хорошенько понять это, стоить припомнить, наприимѣръ, „Journal des Débats“, напускающій на себя такіе догматическіе и безличныя приемы. „Figaro“—совершенная противоположность ему. Онъ преисполненъ личности, онъ постоянно говорить „я“, выскакиваетъ впередъ, приглашаетъ публику войти въ его кухню, живетъ на улицѣ. Тонъ его сотрудниковъ тоже особенный. Они легкомысленны и рѣзки; они говорятъ отъ имени Парижа, все невидимому знаютъ и не терпятъ противорѣчій. Хозяинъ дома, испанскій цирюльникъ, брѣющій и оглушающій всѣхъ, болтающій по цѣлымъ часамъ и выкидывающій всякаго рода штуки, никого не уважающій, преклоняющійся передъ успѣхомъ—служить, впрочемъ, наилучшей вывѣской, какую только могла избрать для себя газета. Всякій разъ, какъ я читаю „Figaro“, мнѣ невольно чудится аркадная музыка, балаганъ, привлекающій и восхищающій толпу.

Въ первые годы Вильмессанъ въ самомъ дѣлѣ лѣзъ вонъ изъ кожи. Нельзя основать подобнаго предпріятія, не положивъ въ него всю душу. Онъ бросалъ деньги за окно, чтобы они приливали къ нему въ дверь. Онъ страшно поднималъ плату сотрудникамъ. У него были хроникеры, которымъ онъ платилъ двадцать-пять тысячъ франковъ въ годъ; онъ платилъ за статьи въ двѣсти строкъ по триста и по четыреста франковъ. Эти цѣны казались тѣмъ огромнѣе, что въ то время журналистамъ платили очень мало. Первый въ особенности онъ приложилъ стараніе къ отдѣлу городскихъ новостей. Онъ разсылалъ по Парижу съ десяткомъ молодыхъ людей, которымъ поручалъ собирать всевозможныя новости, за которыя имъ платили очень дорого со строки; эти новости затѣмъ сосредоточивались въ рукахъ одного редактора, который ихъ подносилъ публикѣ. Такимъ образомъ, во всѣхъ отдѣлахъ было приложено необычайное стараніе. Вильмессанъ говорилъ въ тѣ времена, что онъ хочетъ, чтобы его газету читали отъ доски до доски, начиная съ заглавія и кончая подписью издателя; онъ доходилъ до того, что бывалъ даже недоволенъ, когда объявленія занимали больше полъ-страницы, потому что, говаривалъ онъ, объявленія не интересуютъ публику. Онъ изобрѣталъ во временахъ пріятныя сюрпризы для своихъ читателей, под-

носилъ имъ неожиданную статью, выпускалъ подъ секретомъ исключительные нумера, производившіе впечатлѣніе фейерверка. Одна изъ его аксіомъ—слѣдующая: нужно имѣть постоянную редакцію, но время отъ времени, чтобы нарушить монотонность, слѣдуетъ вводить новыя элементы, способные заинтересовать. Читатели были для него какъ-бы родныя дѣти, онъ старался всячески ихъ баловать. Отсюда большая популярность „Figaro“, который по справедливости славился какъ журналъ, наилучшимъ образомъ редактируемый въ Парижѣ.

Но въ настоящее время, надо сознаться, вещи очень перемѣнились. Повторилась вѣчная исторія успѣха, убажывающаго самыя твердыя воли. „Figaro“ пожинаетъ теперь плоды всѣхъ тѣхъ усилій, какія онъ дѣлалъ нѣкогда, чтобы завлечь публику. Онъ выходитъ въ пятидесяти тысячахъ экземплярахъ слишкомъ. Къ чему же теперь стараться? Говорятъ, что Вильмессанъ, избалованный фортуной, сталъ скучь. Онъ больше не платитъ такъ хорошо своимъ сотрудникамъ; онъ старается какъ можно дешевле издавать свою газету, чтобы получить побольше барышей. Конечно, далею то время, когда объявленія сердили его: нерѣдко изъ четырехъ страницъ „Figaro“, двѣ наводнены объявленіями, и, кажется, что редакція въ собственномъ смыслѣ съ каждымъ днемъ сокращается. И даже Вильмессанъ ухитрился изобрѣсти новый родъ рекламы: разъ въ недѣлю онъ издаетъ газету двойного формата, чтобы было больше мѣста для объявленій. Но хуже всего то, что газета редактируется все хуже и хуже. Никогда больше въ ней не встрѣчаешь ничего неожиданнаго; вѣчно одно и то же, редакція сухая, неизмѣнная. Всѣ нумера похожи одинъ на другой и всѣ смертельно пусты. Наконецъ, минимы новости „Figaro“ превратились въ выдумки, отъ которыхъ вянутъ уши. Изъ трехъ извѣстій, два постоянно лживы, а третье сомнительно. Газета ежедневно принуждена опровергать самое себя. Ничто не сравнится съ фантастичностью нѣкоторыхъ извѣстій, кромѣ спокойной наглости, съ какою редакторъ подноситъ ихъ публикѣ. Самоувѣренность замѣняетъ добросовѣстность. Нѣтъ такой чудовищности, которая бы не печаталась тамъ безъ зазрѣнія совѣсти.

И подумайте, какова сила успѣха: всѣ знаютъ, что „Figaro“ уже не редактируется такъ хорошо, какъ прежде, что изъ пяти нумеровъ четыре наполнены вздорными исторіями, и все это не мѣшаетъ покупать „Figaro“. Можно сказать, что „Figaro“—одинъ изъ пороковъ Парижа. Каждый мирится съ своимъ порокомъ и питаетъ его. Я замѣтилъ, что самые усердные читатели „Figaro“ именно тѣ, кто его всего строже осуждаютъ. Тутъ мы видимъ весьма любопытный примѣръ силы составленной славы. Многіе мнѣ говорятъ: „Что вы хотите? „Figaro“ очень часто пустъ и не слѣдуетъ вѣрить половинѣ

того, что онъ говоритъ, но все же это единственная газета, въ которой время отъ времени узнаешь о текущей жизни. Кроме того, я привыкъ его читать и читаю, не думая, и мнѣ чего-то недоставало бы, если бы я не пробѣжалъ его по-утру". Вотъ истинная правда о настоящемъ успѣхѣ „Figaro“.

Теперь слѣдуетъ рѣшить вопросъ, касающійся нашей чести: какъ велико вліяніе этой газеты. Я во-первыхъ заявляю, что политическое его вліяніе равняется нулю; каждый разъ, какъ онъ поддерживалъ какого-нибудь кандидата на выборахъ, этотъ кандидатъ проваливался. „Figaro“ преслѣдуетъ фантастическую политику, составленную изъ ударовъ палкой и эмпирическихъ шутокъ, надъ которыми пожимаетъ плечами вся Франція. Онъ силенъ только въ публицистическихъ вопросахъ. Если хочешь, чтобы весь Парижъ узналъ о какомъ-нибудь событіи, то стоитъ только нанечатать о немъ двѣ строчки въ „Figaro“. Такъ какъ это наиболѣе распространенная газета, то понятно, что и слухъ, нушенный ею, разносится всего быстрѣе. Одинъ „Figaro“ можетъ пустить въ ходъ книгу или туалетный уксусъ. Но, повторяю, онъ не можетъ ничего и никого патронировать; онъ самъ слишкомъ безнравственъ, чтобы сообщить нравственную силу чему бы то ни было. Его участь—быть сильно читаемымъ, но не внушать никакого довѣрія.

Я вовсе не слишкомъ строгъ. Историкъ, который со временемъ напишетъ исторію „Figaro“, произнесетъ болѣе рѣзкій приговоръ. Вліяніе этой газеты было совсѣмъ развращающее. Она унижала парижскую литературу, способствуя успѣху всѣхъ посредственностей и осыпая ругательствами всѣ великіе таланты. Нѣтъ такого замѣчательнаго человѣка, котораго бы она не втаптывала въ грязь. Она была также весьма дѣятельнымъ агентомъ нравственной порчи, благодаря шуму, которымъ она окружала пороки. Наконецъ, въ политикѣ, хотя она и не имѣетъ никакого значенія, однако постоянно совѣтовала давить свободу и принимать насильственные мѣры относительно людей прогресса.

Въ виду успѣха „Figaro“, подражатели были неизбежны. Но только одна газета, „Gaulois“, сумѣла удержаться рядомъ съ своимъ могущественнымъ соперникомъ. Основанный въ послѣдніе годы имперіи, „Gaulois“ съ нѣкоторымъ трудомъ существовалъ вначалѣ. Его редакторъ, Тарбе де-Саблонъ, очень умный и очень дѣятельный человѣкъ. Онъ кончилъ тѣмъ, что отвоевалъ себѣ мѣсто на солнцѣ съ такою же страстью, какъ и Вильмессанъ, ухаживая за своей газетой. Тѣмъ временемъ имперія пала, и „Gaulois“, чтобы отличиться по своей вокардѣ отъ „Figaro“, проповѣдывающаго легитимистскія мнѣнія, объявилъ себя бонапартистомъ, возвѣщая въ то же время, что предоставитъ широкое поле для литературы. Въ настоящее время этотъ

характеръ, исключительно парижскій и литературный характеръ, обуславливаетъ его оригинальность и успѣхъ. Это единственная газета во всемъ Парижѣ, которая занимается ежедневно библиографіей и даетъ хронику во главѣ каждого своего нумера. Можно даже сказать, что въ настоящее время она редактируется гораздо лучше, нежели „Figaro“. Но успѣхъ ея далеко не такъ великъ: она выходитъ, вѣроятно, не болѣе, какъ въ десяти тысячахъ экземпляровъ. Самое любопытное зрѣлище представляетъ ея борьба съ „Figaro“ въ погонѣ за новостями. Тотъ или другой торжествуютъ, когда первые подцѣпили какое-нибудь извѣстіе. Они дошли до того, что дерутся нѣ-за убійцъ, и превращаютъ своихъ репортеровъ въ полицейскихъ агентовъ, чтобы узнать правду раньше правосудія. Каждый мѣсяцъ заканпаетъ ссора и ничего не можетъ быть смѣннѣе хвастливаго торжества газеты, которая имѣла счастье найти въ Парижѣ мертвое тѣло раньше своей соперницы. При этомъ, со стороны политики и нравственности „Gaulois“ такъ же омерзительнъ, какъ и „Figaro“.

Въ числѣ бульварныхъ листковъ я долженъ упомянуть еще объ „Evénement“, который тоже былъ основанъ въ качествѣ соперника „Figaro“. Попытка не удалась. Надо сказать, что главный редакторъ, Манье, столь же пустой, какъ и тщеславный человѣкъ. Чтобы спасти свой журналъ, онъ нашелъ нужнымъ проповѣдывать самыя крайнія республиканскія мнѣнія. Но у него нѣтъ никакого авторитета, и я не постигаю, какъ газета существуетъ. Она очень мало читается.

V.

Перехожу къ одному изъ великихъ успѣховъ послѣднихъ лѣтъ. Я говорю про „Rapport“, который расходится такъ же нибко, какъ и „Figaro“. Но только тутъ исторія иная.

Въ послѣдніе годы имперіи, маленькая группа вѣрныхъ друзей Виктора Гюго, во главѣ которыхъ стоятъ Вакри и Мѣрисъ, рѣшились основать „Rapport“. Дѣло было хитрое. Эти господа, несмотря на свои лирическіе и ультра-романтическіе приемы, въ сущности, крайне осторожны. Желательно было воспользоваться свободой, возвращенной печати, чтобы составить оппозицію имперіи. Газета появилась въ концѣ 1869 года, въ удачную минуту полного оживленія политической горячки. Сразу у творцовъ новаго органа явились оригинальныя рамки. Но, повторяю, успѣху газеты содѣйствовала необыкновенно благоприятная минута ея появления, наканунѣ драматическихъ событій, ознаменовавшихъ конецъ имперіи. Въ эпохи народнаго волненія газеты всегда процвѣтаютъ. Можно сказать безомнобчно, что паденіе Наполеона III основало „Rapport“. Во всякое другое время онъ, конечно, не разросся бы такъ быстро.

Рамки, найденныя творцами газеты, слѣдующія: все принести въ жертву для первой страницы, написать первую страницу, ослѣпительную по слогу и по остроумію, и затѣмъ все остальное скомкать какъ ни полагаетъ. Впрочемъ, хотя „Rappel“ и политическій органъ, но издатели совсѣмъ не рассчитывали издавать чюморный и педагогическій журналъ. Политическій бюллетень упраздненъ; его замѣнили на первомъ столбцѣ блестящей полемической статьей, затѣмъ идутъ двѣ-три статьи, гдѣ серьезность аттаки прикрывалась фантастической формой. Такимъ образомъ получалась первая страница весьма развязная по формѣ, пикантная и удобочитаемая. Надо сказать, что Вагри и Мѣрисъ прежде всего литераторы. Они понимаютъ политику не иначе, какъ при условіи хорошаго слога, украшенную фіоритурами, обставленную театрально, для увеселенія глазъ. Естественно, что они предоставили себѣ эту первую страницу, прикомандировавъ къ себѣ двухъ-трехъ талантливыхъ сотрудниковъ, такихъ же поэтовъ и фантазеровъ, какъ они сами. Говорятъ также, что они озаботились назначить себѣ великолѣпныя жалованья. Что касается остальныхъ трехъ страницъ, то онѣ съ самаго начала поручены были какимъ-то ничтожествамъ, худо оплачиваемымъ, и которыя страпали всю кухню газеты, какъ доведется. Не существуетъ, разумѣется, газеты, гдѣ бы было такъ мало извѣстій, какъ въ „Rappel“. Она фабрикуется съ помощью ножницъ. Парижскіе слухи, судебная и театральная хроника ведется въ ней съ безпримѣрной небрежностью. Газета сіяетъ на первой страницѣ—и этого довольно.

Причины великаго успѣха „Rappel“, выходящаго въ сорока или пятидесяти тысячахъ экземпляровъ, самыя оригинальныя въ мірѣ. Я уже говорилъ, что онъ появился въ счастливую минуту. Но это не все: эта газета, органъ послѣднихъ романтиковъ, заговорила какъ разъ на томъ самомъ политическомъ языкѣ, какой нуженъ публикѣ. Вагри и Мѣриса называли въ шутку „двумя оруженосцами“ Виктора Гюго; они посвятили себя его славѣ, довольствуясь искорками свѣта, распространяемаго свѣтиломъ. Это нераскаянные романтики, болѣе романтичныя, нежели самъ Викторъ Гюго, преувеличивающіе растрепанный лиризмъ, усматривающіе въ романтизмѣ спасеніе міра. Между тѣмъ, надо сознаться, что романтизмъ совсѣмъ выходитъ изъ моды. Группа его вѣрныхъ поклонниковъ съ каждымъ днемъ все рѣдѣетъ. Театры и газеты становятся недоступны для романтическихъ произведеній, которыми публика интересуется все меньше и меньше. Отсюда въ маленькомъ лагерѣ сильная тревога. И даже навѣрное эта разладаща убѣдила Вагри и Мѣриса удариться въ журналистику. Почему же и не сдѣлаться журналистомъ, если нельзя инымъ путемъ заработать деньги? И въ самомъ дѣлѣ, въ этотъ день Вагри и Мѣрисъ попали на гениальную мысль.

Да! романтическому хвастовству представился хороший случай развернуть свои султаны, свои живописные лохмотья, свои растрепанные антирезы. Все это уже износилось на сценѣ и въ романѣ; но политика еще не убиралась такой мишурой и фольгой; и толпа должна была изумиться и очароваться. Надо знать нашъ народъ, чтобы понять этотъ успѣхъ. Нашъ народъ—все еще великій ребенокъ, которому очень нравятся яркія картинки. Онъ любитъ мелодрамы, авторовъ, богато-одѣтыхъ и ломающихъ себѣ руки. Если вы ему дадите въ руки „Journal des Débats“, „Temps“ или „République française“, онъ ихъ едва пойметъ; политическая наука, сѣрьезная и степенная отталкиваетъ его, ему скучно; ему подавай картинную политику. Словомъ „Rappel“ такая именно газета, какая ему требовалась. Онъ все еще воображаетъ себя въ театрѣ Сень-Мартенскихъ воротъ, когда видитъ какъ Вагри разыгрываетъ передъ нимъ главныя роли, неистово махая руками и ногами. Онъ снова видитъ тутъ то же страшное вращеніе врачками, тѣ же взрывы голоса, все то романтическое зрѣлище, которое ему нѣсколько прискучило на театрѣ, но которое въ газетѣ получаетъ новый интересъ. Къ чему аргументы, ученые обработанныя статьи: достаточно, чтобы редакторъ подбоченился и гордо размахивалъ перомъ и протрепалъ свою тираду съ искусствомъ великаго комедiantа. Въ этомъ заключается весь успѣхъ „Rappel“.

Мѣрись давно уже ступевался. Но Вагри храбро стоитъ на бреши и олицетворяетъ собой газету. Конечно, онъ не безъ таланта и блестящимъ образомъ ведетъ полемику. Но только отъ него слѣдуетъ требовать только блеску и остроумія; онъ остался поэтомъ и драматургомъ; онъ удовольствовался тѣмъ, что перенесъ въ политику свою литературную методу, крайній романтизмъ. Онъ всё положенія выражаетъ однимъ театральнымъ жестомъ, попой, удачнымъ наборомъ словъ. Въ сущности, это ловкій человѣкъ, нашедшій золотonosную жилу для эксплуатаціи. Говорятъ, что ему неоднократно предлагали кандидатуру депутата, но что онъ каждый разъ отказывался, предпочитая свое блестящее жалованье журналиста.

Не существуетъ церкви болѣе замкнутой, чѣмъ „Rappel“, который непочтительно называютъ „лавочкой Виктора Гюго“! Маленькая романтическая группа царитъ тамъ деспотомъ. Газета была основана въ салонѣ Мѣриса, восемь лѣтъ тому назадъ, и не думаю, чтобы съ этой эпохи въ ней участвовало болѣе двухъ или трехъ сотрудниковъ. Создавъ газету, дверь заперли на ключъ. Что касается немногихъ ловкихъ людей, проникшихъ туда, то вначалѣ имъ приходилось разыгрывать крайне смиренную роль. Во-первыхъ, надо падать ницъ передъ Викторомъ Гюго, котораго „Rappel“ официальный органъ; затѣмъ необходимо прикидываться восторженнымъ романтикомъ, но, главное, не надо пугать хозяевъ дома слишкомъ большимъ талантомъ.

Они желаютъ оставаться звѣздами „Barrel“, они терять у себя лишь безцвѣтныхъ людей, чтобы не утратить собственного блеска. Вотъ почему они никого не пускаютъ въ себя, если только онъ не ихъ покорный рабъ. Они у себя дома и желаютъ владнчествовать деспотами.

„Barrel“ произвелъ революцію въ подписныхъ цѣнахъ и въ розничной продажѣ. Онъ продается по десяти сантимовъ. Это тоже много способствовало его успѣху. Эта газета нанесла самый большой вредъ „Siècle“, отнявъ у него половину его подписчиковъ. Все парижское населеніе читаетъ его. И замѣтите его ловкость. Онъ всегда набѣгалъ процессовъ, хотя считается однимъ изъ органовъ радикальной демократіи. Это происходитъ оттого, что онъ спасается отъ всего своими романтическими приѣмами, приѣмами чисто внѣшними, которыми не придаютъ никакого значенія. Во всѣхъ вопросахъ онъ размахиваетъ султаномъ, народъ доволенъ, правительство только улыбается.

Романтизмъ такъ хорошо объясняетъ успѣхъ „Barrel“, что я приведу, какъ контрастъ, медленный ходъ, какимъ развивается „Bien Public“. Эта газета была основана нѣсколько лѣтъ тому назадъ и послѣ различныхъ перипетій стала собственностью богатаго промышленника Менье, депутата національнаго собранія. Какъ и „Barrel“, она стоитъ всего десять сантимовъ и защищаетъ крайнія республиканскія идеи. Ну, и что-жъ! Менье пришлось уже изстратить значительныя суммы, чтобы пустить его въ ходъ, и только потому, что у него ученые приемы, которые немного пугаютъ публику. У него эпиграфомъ стоятъ слѣдующія двѣ фразы: справа: „Прогрессъ идетъ рука объ руку съ вліяніемъ человѣка на природу и наперекоръ вліянію человѣка на человѣка“, а слѣва: „Цѣль наша замѣнить научную и производительную цивилизацію воинственную и клерикальную“. Понятно, что тутъ нѣтъ мишуры; это строго и холодно, какъ сама наука. Поэтому читатели привлекаются съ трудомъ. Они предпочитаютъ бархатъ и шелкъ „Barrel“, jeune-premier въ абрисовомъ кафтанѣ, изрекающаго отчаянныя тирады. Со всѣмъ тѣмъ „Bien Public“ развивается съ каждымъ днемъ, и очевидно, что онъ призванъ стать одной изъ лучшихъ парижскихъ газетъ. Припомните, что „Temps“ цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ надавалось въ убытокъ. Нельзя основать серьезной газеты, не положивъ въ нее много терпѣнія и большаго издержекъ.

Мнѣ трудно сказать что-нибудь о нѣкоторыхъ газетахъ ультра-республиканскаго направленія. Какъ только онѣ появляются, процессы падаютъ на нихъ градомъ и ихъ убиваютъ штрафами и тюремнымъ заключеніемъ. У насъ были въ продолженіи шести мѣсяцевъ: „Radical“, смѣненный „Droits de l'homme“, затѣмъ „Mot d'ordre“,

замѣнившій „Droits de l'homme“. Это фениксъ, воскресающій изъ пепла. Эти передовые застрѣльщики республики отличаются рѣзкими полемическими приѣмами, обезнечивающими ихъ успѣхъ. Они вообще очень шибко расходятся и вредятъ продажѣ „Rapport“, который гораздо осторожнѣе. Редактируемые, какъ понало, бросаюсь во всё вопросы очертя голову, доводя полемику до крайности, они отличаются тѣмъ достоинствомъ, что оживлены и, кромѣ того, одни только осмѣливаются высказывать свои мысли до конца. Но отъ нихъ не слѣдуетъ ждать приличія или сдержанности.

Назову еще „National“, газету, разрѣшившую задачу удержать большой форматъ и продаваться по пяти сантимовъ. Но, кажется, что эта исключительная дешевизна не особенно привлекаетъ ей подписчиковъ. „National“ выходитъ въ очень небольшомъ количествѣ экземпляровъ и о немъ мало слышно. Онъ держится республиканскихъ мнѣнй, но редакторы его безцвѣтны и изъ тѣхъ, которые ничего не говорятъ и медленно убиваютъ газету, гдѣ пишутъ.

Я чуть было не забылъ про „Soir“ и „Télégraphe“. Эти двѣ газеты рассчитывали на успѣхъ въ силу того часа, когда они выходятъ. Вечернія газеты поступаютъ въ продажу въ Парижѣ въ пять часовъ вечера. Между тѣмъ въ этотъ часъ онѣ не могутъ сообщить послѣднихъ новостей дня, въ особенности когда палаты засѣдаютъ въ Версали. Они едва успѣваютъ печатать начало засѣданй. „Soir“ основанъ какъ разъ съ цѣлью устранить это неудобство; эта газета появляется въ восемь часовъ вечера и печатаетъ подробный отчетъ о засѣданйяхъ палатъ и вечернія новости. „Télégraphe“ основанъ съ тою же цѣлью. Но продажа этихъ газетъ весьма неправильна; ихъ сильно раскупаютъ въ бурные дни и совсѣмъ не покупаютъ, когда событйя не волнуютъ больше публику. Я думаю, что дѣла ихъ идутъ плохо. Единственная разница, существующая между ними, это что „Soir“ консервативенъ, между тѣмъ какъ „Télégraphe“ республиканскй органъ.

VI.

Вопросъ о парижской печати требовалъ бы болѣе подробнаго изученя. Слѣдовало бы, напримѣръ, посвятить особую статью литературной печати. Но я долженъ быть краткимъ.

Самымъ характеристичнымъ явленйемъ послѣднихъ лѣтъ было основане и громадный успѣхъ „Petit-Journal“. Основане его идетъ съ 1863 г. Но прежде всего слѣдуетъ познакомиться съ издателемъ Милю, умершимъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. То былъ финансистъ, съ подкладкой водевилиста, пытавшася составить себѣ состоянйе

всякими путями. Весьма изобрѣтательный, фантазеръ большой руки, онъ давно уже грезилъ парижскую мостовую, въ поискахъ за идеей. До тѣхъ поръ идеи его были неудачны. Онъ страдалъ пьесы для маленькихъ театровъ, выпускалъ газеты, умирившія на десятомъ номерѣ, не переставая тѣмъ временемъ заниматься банковыми дѣлами. Наконецъ, въ одинъ прекрасный день ему пришла въ голову гениальная мысль. Вотъ въ чемъ она состояла.

Дѣло шло просто-на-просто объ основаніи журнала, цѣною въ одинъ су. Въ самомъ проектѣ не было ничего оригинальнаго, потому что за него уже брались, но безъ успѣха. Но гениальной чертой въ этомъ была мысль такъ редактировать этотъ копѣчный журналъ, чтобы весь народъ, читатели едва грамотные могли его читать, понимать и любить. Милю удалось осуществить эту программу. Онъ нанялъ на журналиста, нынѣ уже умершаго, Лео Леспесъ, который подъ псевдонимомъ Тимоте Триммъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ давалъ ежедневно передовую статью, хронику, которая вскорѣ приобрѣла большую славу. Конечно, эта хроника не была особенно литературно составлена; приемы ея бывали подчасъ чересчуръ наивны; но безграмотные читатели были на одномъ уровнѣ съ редакторомъ, что и составило громадную популярность этого послѣдняго. Впрочемъ, вся редакція велась въ этомъ духѣ. Особенное вниманіе было уделено различнымъ происшествіямъ, случаямъ, преступленіямъ; судебная хроника печаталась очень подробно; народу льстили въ лицѣ привратниковъ, рабочихъ, всякаго мелкаго люда, рѣдкія качества котораго превозносились. И все это самымъ банальнымъ, понятнымъ для всѣхъ слогомъ. Долгое время всѣ другіе журналы насмѣхались надъ „Petit-Journal“. Подчеркивали грамматическія ошибки, которыми онъ былъ полонъ, приводили необыкновенныя его фразы, всячески трунили надъ нимъ и его читателями. Но это не мѣшало его возраставшему успѣху. Напротивъ.

Этотъ успѣхъ безпримѣренъ. Я думаю, что все ему содѣйствовало, даже свѣрная бумага, на которой печаталась газета. Нѣкоторые номера трудно было читать, такъ они бывали свѣрно напечатаны, но они-то, кажется, расходились всего шибче. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ успѣхъ оказался баснословнымъ. Надо сказать, что Милю выказывалъ лихорадочную дѣятельность. Что особенно послужило къ распространенію журнала, это цѣлая масса провинціальныхъ комиссіонеровъ. Въ самыхъ глухихъ деревушкахъ учреждена была продажа газеты. Все это обуславливало колоссальную пропаганду. Въ Парижѣ Милю пускался на разныя выдумки. Онъ заказалъ диковинные экипажи, раззолоченные и запряженные, какъ почтовые кареты, которыми правили почталыоны, разряженные какъ въ „Orege Comique“. Эти экипажи скакали по улицамъ и бульварамъ. Громадныя рекламы

читались на стѣнахъ. „Petit-Journal“ попадался вездѣ, куда ни повернешься. Мильо выстроилъ въ концѣ-концовъ домъ, весь въ скульптурныхъ украшеніяхъ, въ улицѣ Лафайетъ, гдѣ и помѣстился съ своей типографіей и редакціей. Отнынѣ фортуна его была обезпечена.

Дѣло въ томъ, что „Petit-Journal“ удовлетворялъ существующей потребности. Отсюда его колоссальный успѣхъ. Я уже говорилъ, что газета можетъ имѣть успѣхъ только тогда, когда имѣетъ въ виду опредѣленную группу читателей. Между тѣмъ, „Petit-Journal“ имѣлъ въ виду громадную массу бѣдныхъ и необразованныхъ людей, у которыхъ до тѣхъ поръ не было своего органа. Поэтому не безъ основанія говорили, что онъ создалъ новый классъ читателей. Съ этой точки зрѣнія, этотъ скромный листокъ, надъ которымъ такъ много смѣялись, оказалъ настоящую услугу. Онъ научилъ читать, приохотилъ къ чтенію. Конечно, пища, доставляемая имъ, не всегда отборная, но все же это умственная пища. Въ глухихъ провинціаль-ныхъ закоулкахъ видали пастуховъ, читавшихъ „Petit-Journal“, гоня свое стадо; этотъ фактъ характеристиченъ для Франціи, гдѣ крестьяне мало читаютъ.

Между тѣмъ Мильо, благодаря своему фантазерству, ухитрился испортить блистательное финансовое предпріятіе „Petit Journal“. Онъ тратилъ всѣ деньги, какія наживалъ на немъ, на нецѣльныя предпріятія. Когда онъ умеръ, то находился въ очень затруднительныхъ денежныхъ обстоятельствахъ. Но „Petit-Journal“ продолжалъ процвѣтать. Въ настоящее время онъ издается цѣлымъ обществомъ и бываютъ дни, когда онъ расходится въ четырехъ-стахъ тысячахъ экземпляровъ. Теперь онъ застылъ въ неизмѣнной формѣ; каждый день онъ печатаетъ передовую хронику, составляемую главнымъ редакторомъ Анри Эскоффье, подъ псевдонимомъ Томаса Гримма; затѣмъ сообщаетъ новости; это одна изъ самыхъ богатыхъ парижскихъ газетъ по части мелкихъ извѣстій, различныхъ приключеній, преступленій и проч. Она гораздо солиднѣе, чѣмъ многія величественныя политическія газеты. Такой успѣхъ естественно породилъ подражателей. Поэтому въ продолженіи четырнадцати лѣтъ существованія „Petit-Journal“ у него со всѣхъ сторонъ выросли конкуренты. Большинство ихъ оказались недолговѣчными. Существующія и представляющія хорошіе барыши, не достигая, конечно, популярности „Petit-Journal“, это „Petite-Pressе“ и „Petit-Moniteur“: оба редактируемые Даллозомъ, они представляютъ рабскую копию съ „Petit-Journal“, но не сумѣли усвоить его неподражаемаго, добродушнаго тона. Есть еще „La petite République Française“, которая существуетъ съ трудомъ. Появилась еще новая копѣчная газета „La Lanterne“, въ которой Рошфоръ печатаетъ свои хроники подъ псевдонимомъ.

Для полноты упомяну объ иллюстрированныхъ журналахъ. У насъ, во Франціи, ихъ много издается. Старѣйшій между ними это „Illustration“, который представляетъ собою нѣчто въ родѣ „Journal des Débats“ съ картинками. У него докторальный тонъ; онъ очень чопоренъ, старательно редактируется и слегка педантиченъ. Затѣмъ идетъ „Le Monde illustré“, конкуррентъ, имѣвшій успѣхъ; онъ стоитъ гораздо дешевле „Illustration“ и это обезпечило его подписку въ кофейняхъ второго разбора. Эти журналы больше всего выписываются кофейнями и клубами. Въ нѣкоторыхъ семействахъ ихъ тоже получаютъ; но розничная ихъ продажа ничтожна. Можно назвать еще „l'Univers illustré“, издаваемый книжной торговлей Мишеля Леви, и который одно время пользовался успѣхомъ. Но на этомъ я покончу, потому что иллюстрированнымъ изданіямъ нѣсть числа, въ особенности, если я спущусь до модныхъ журналовъ, вырастающихъ какъ грибы на мостовой Парижа.

Что касается журналовъ съ карриатурами, то они тоже многочисленны. Патриархомъ между ними является „Charivari“, слава котораго относится къ царствованію Луи-Филиппа. Тогда онъ былъ очень блестящъ. Въ настоящее время онъ живетъ на счетъ старинной славы, потому что постоянно повторяется; инны изъ его остротъ насчитываютъ лѣтъ тридцать. Великихъ рисовальщиковъ, какъ Домье и другіе, больше нѣтъ; остается одинъ Шамъ, который надоѣлъ, потому что повторяется. Весь журналъ, рисунки и текстъ отдадутъ запахомъ гнили, и пора бы французскому уму найти себѣ болѣе свѣжую и новую тѣму. Впрочемъ, „Charivari“ читается только въ кофейняхъ и не имѣетъ никакого значенія.

Не буду говорить объ остальныхъ журналахъ съ карриатурами. Единственный, представляющій нѣкоторый интересъ, это „Lune rouge“, въ которомъ продолжаетъ печатать свои рисунки, которые бывають порой такъ оригинальны, Андре Жиль. Это—единственный талантливый карриатуристъ, появившійся въ послѣдніе годы. Онъ очень популяренъ.

Существуетъ иллюстрированное изданіе, переживающее въ настоящую минуту очень плохія времена, хотя при имперіи пользовалось большимъ успѣхомъ. Я говорю про „Vie parisienne“. Извѣстно, какимъ значеніемъ пользовался этотъ журналъ; онъ былъ какъ-бы официальной газетой свѣтскихъ удовольствій послѣдняго царствованія. Я даже слыхалъ такое мнѣніе, что вся имперія выражена въ „Vie parisienne“. Въ самомъ дѣлѣ, перелистывая коллекцію этого журнала, можно легко воссоздать исчезнувшее общество. Теперь времена перемѣнились и увѣряють, что редакторъ этого журнала, Марселенъ, совсѣмъ выбитъ изъ колен. Про „Vie parisienne“ больше не слышно. Онъ утратилъ свое значеніе.

Я не могу всесторонне обсудить вопросъ о литературной печати. Къ тому же, къ стыду нашему, слѣдуетъ сознаться, что политика завладѣла нами безраздѣльно и литературной печати у насъ почти не существуетъ. Въ одной изъ предыдущихъ статей я разбиралъ современное положеніе „Revue des Deux-Mondes“. Это единственный серьезный журналъ, какой у насъ есть; никакой другой не могъ существовать рядомъ съ нимъ. Во Франціи нѣтъ почвы для такого рода изданій. Да и то, „Revue des Deux-Mondes“ сильно утратила свое значеніе въ настоящее время. Она все еще даетъ большіе доходы, но она зарылась въ академической котерин и новое литературное движеніе идетъ мимо нея. Со всѣмъ тѣмъ, послѣ нея я не рѣшусь назвать никакого другого литературнаго журнала. Существуетъ, правда, „Nain jaune“, копія съ прежняго „Figaro“, но у него нѣтъ ни богатой фантазіи, ни остроумія своего старшаго брата. Затѣмъ слѣдуютъ совсѣмъ незначительные журналы, издаваемые молодыми людьми: „Vie littéraire“, „Courrier littéraire“ и проч. Я могъ бы назвать двадцать такихъ, которые издаются въ убытокъ и гибнутъ какъ мухи.

Этотъ этюдъ по возможности подробенъ. Но тѣмъ не менѣе я далеко не перечислилъ всѣхъ журналовъ, издающихся въ Парижѣ. Нельзя вообразить себѣ, какое множество специальныхъ періодическихъ изданій появляется у насъ. Въ одномъ Парижѣ число ихъ превосходитъ триста-пятьдесятъ. Въ провинціи ихъ издается вдвое больше, и это даетъ на всю Францію цифру тысячи журналовъ. Сколько перепачканной бумаги, Боже мой!

Кончаю. По моему мнѣнію, лучшими рамками для газеты были бы старинныя рамки, но только приспособленныя къ новымъ потребностямъ. Я желалъ бы сохранить „Journal des Débats“, но сообщить ему разнообразіе и богатство извѣстій, живость тона и тотъ современный духъ, которые обуславливаютъ успѣхъ „Figaro“. Слѣдовало бы найти нѣчто среднее между старинными догматическими приемами и современными репортерскими крайностями. Слѣдовало бы создать журналъ по научному плану, но легкій и пріятный для чтенія. Трудная задача, но которая будетъ, конечно, со временемъ разрѣшена.

Эмиль Зола.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

Новѣйшій этнографическій стиль.

Бродячая Русь Христа-ради. С. Максимова.—Промыки.—Запроцки.—Кубраки.—Лабори.—Нящя братія: побирушки; погорѣльцы; нищebroди; калуны; калки перехожіе (слѣпцы).—Богомоли.—Богомольцы.—Скрытники.—Христоробици. Слб. 1877.

Литературныя критики прежнихъ временъ и еще не такъ давно любили повторять извѣстное изреченіе Бюффона: *le style c'est l'homme*, и разбирая книгу, не пропускали сказать объ ея „слогѣ“. Для поэтовъ, не только до-пушкинскою, но и пушкинскою школою, точно также вопросъ „слога“ былъ чрезвычайно важный; въ стихотвореніи они внимательно разбирали стихи удачныя и неудачныя, восхищались одними, осуждали другіе,—случалось, что одинъ поэтъ просилъ другого „подарить“ ему какой-нибудь особенно счастливый стихъ. Такъ бывало у романтиковъ; классики были еще требовательнѣе. Въ классической теоріи „слогъ“ былъ строго распределенъ на различныя категоріи; были узаконенныя правила о томъ, гдѣ приличенъ слогъ высокій, средній и низкій съ ихъ подраздѣленіями, и переступить правило—употребить слогъ „пріятный“ тамъ, гдѣ требуется возвышенный, или наоборотъ, считалось большою погрѣшностью, за которую писатель подвергался осужденію. При этомъ книга старательно отдѣлялась отъ жизни: строго смотрѣли за каждымъ словомъ; въ книгѣ допускались только извѣстные книжныя обороты и выраженія; употребить слово изъ обыденной жизни, а особенно изъ такъ-называемаго „подлаго“ языка, считалось верхомъ неприличія. Когда шла война классиковъ съ романтиками, однимъ изъ главныхъ пунктовъ спора было то, что романтики возымѣли смѣлость расширить литературный словарь, допустили множество „смѣлыхъ“ выраженій, которыя были, собственно, очень обыкновенны, но перепугали классиковъ своимъ появленіемъ въ книгѣ. Шишкову показалось величайшею литературною дерзостью со стороны Карамзина, когда этотъ послѣдній высказалъ свое мнѣніе, что „писать нужно такъ, какъ говорить (подразумѣвается: въ свѣтскомъ образованномъ обществѣ), а говорить, какъ пишутъ“; по мнѣнію Шипкова, можно было писать только языкомъ, похожимъ на языкъ церковной проповѣди или стиховъ Ломоносова. Романтики сдѣлали еще шагъ послѣ Карамзина, и нашли возможнымъ коснуться народной жизни и народнаго языка,—только въ извѣстномъ, отполированномъ видѣ. Тѣ же романтики не могли вынести Гоголя, котораго находили „площаднымъ“ и грязнымъ.

Мы такъ далеко ушли отъ этихъ споровъ, что они кажутся намъ чрезвычайно странными, даже просто негѣвыми. Въ самомъ дѣлѣ хлопоты классиковъ о „старомъ слоgѣ“ были хлопоты о литературномъ застоѣ; они защищали книжную реторику, боялись приближенія литературы къ дѣйствительной жизни и ея языку; они держали литературу на искусственныхъ ходуляхъ; писатель классическаго стиля держалъ себя самодовольнымъ, важнымъ чиновникомъ, который могъ говорить только высокопарнымъ языкомъ и о высокопарныхъ сюжетахъ—къ этому содержанію и подходилъ ихъ мертвый риторическій языкъ. Карамзинская школа и романтики поняли негѣвость этихъ ходуль, и насмѣялись надъ ними, но не сумѣли вполнѣ рѣшить вопроса: онъ и былъ выше ихъ силъ, потому что вопросъ былъ тѣсно связанъ съ самымъ содержаніемъ литературы. Эти школы покинули старое надутое педанство, но, какъ не могли доставить литературѣ ея настоящаго содержанія и значенія, такъ не могли ввести и въ языкъ элементовъ живой и широкой народной рѣчи. „Народъ“ еще не могъ быть близокъ ихъ понятіямъ: для карамзинской школы и романтиковъ слишкомъ видную дѣлю „народа“ составляли дворовые Ваньки и Федьки, или деревенскіе оброчные Иваны и Федоры—что можно было имѣть общаго съ этими грубыми людьми, какъ можно было заинтересоваться ихъ бытомъ и языкомъ? Образование литературнаго языка въ истинно-народномъ направленіи не могло уживаться съ вѣрными правами и барскимъ пренебреженіемъ къ народной массѣ: оно могло идти только наперекоръ имъ, и — постепенно шло въ лучшихъ представителяхъ литературы.

Этотъ вопросъ о слоgѣ уже разрѣшенъ литературой; но кажется не лишнее подумать о „слоgѣ“ съ другой стороны.

Новый періодъ „слога“ начинается съ Гоголемъ. Писатели сороковыхъ годовъ, пошедшіе по открытой имъ дорогѣ, въ первый разъ отнеслись къ народной жизни съ искреннимъ интересомъ; имъ дался въ первый разъ и народный языкъ. Новѣйшая школа этнографическихъ беллетристовъ совпадаетъ съ крестьянской реформой, когда „народъ“ въ первый разъ получилъ смыслъ не рабскаго низшаго класса, а дѣйствительнаго, хотя бы все еще не достигшаго своего настоящаго значенія, народа. Этнографы-беллетристы сдѣлали свое полезное дѣло въ литературѣ; они помогали утверждаться въ ней здравому пониманію народа, потому что умѣли, не приукрашивая, изображать его жизнь и съ тѣмъ, что она могла представить поэтическаго, и особенно съ тѣмъ, что въ ней было и есть тяжелаго и невыносимаго и требующаго вниманія и участія. Они разъясняли этотъ бытъ, столь многимъ неизвѣстный и непонятный; даже простая фотграфія, какою очень часто были ихъ произведенія, была полезна

тѣмъ, что устраняла иллюзіи о народномъ бытѣ. Но, какъ и естественно, не обошлось безъ ошибокъ и извращенія дѣла. Манера „этнографическихъ очерковъ“ была такъ проста, что послѣ талантливыхъ опытовъ за нее взялись и люди вовсе неталантливые и не особенно знающіе; началось частое злоупотребленіе этой манерой, поддѣла и уродованіе народнаго языка,—ошибки этого рода дѣлали и такіе писатели, у которыхъ можно было бы и не ждать ихъ.

Г. Максимовъ началъ свою литературную карьеру „этнографическими очерками“, дѣтъ двадцать тому назадъ. Его очерки были замѣчены. Но онъ не долго остался чистымъ беллетристомъ; обстоятельства сложились такъ, что онъ имѣлъ возможность предпринять рядъ далекихъ и продолжительныхъ путешествій, сначала въ сѣверныя губерніи, потомъ въ отдаленнѣйшій восточный край Сибири, наконецъ по центральной Россіи, въ послѣднее время въ западныхъ губерніяхъ. Плодомъ этихъ странствій были извѣстныя книги: „Годъ на Сѣверѣ“, „На Востокахъ“, „Сибирь и каторга“, „Куль хлѣба и его походы“, „Лѣсная глушь“, отдѣльныя статьи въ журналахъ. Авторъ приобрѣлъ репутацію знатока народнаго быта. У него окончательно выработался свой особый стиль.

Когда явилась „Бродячая Русь“, намъ встрѣтился одинъ газетный отзывъ, по которому можно было видѣть, какъ извѣстная доля читателей судить о произведеніяхъ г. Максимова. Книга его была восхвалена не только по богатству этнографическихъ свѣдѣній, но и по высокому „художественному“ достоинству. Это послѣднее мнѣніе свидѣтельствуетъ, что у нашей критики начинаетъ совсѣмъ притупляться чутье къ тому, что называется художественнымъ. Напротивъ того, сочиненія г. Максимова—и „Бродячая Русь“ въ томъ числѣ—представляютъ именно въ этомъ отношеніи столько слабыхъ сторонъ, что онѣ существенно вредятъ и самому содержанію его трудовъ. Это было уже и прежде замѣчено,—но кажется бесполезно, потому что авторъ (говоря его языкомъ) „неизбывно“ держится своего стиля; остановимся на этомъ предметѣ еще разъ въ ожиданіи, что, быть можетъ, замѣчанія наши удержатъ другихъ отъ приѣма ложнаго и безвкуснаго.

Когда въ нашей литературѣ сталъ появляться интересъ къ народу, изученіе его и рассказы о немъ, этнографы-любители (также какъ и писатели для народа) долго не могли понять, какъ имъ относиться къ народу, какъ приладиться къ изображенію его жизни, какъ говорить съ нимъ самимъ. Въ сороковыхъ годахъ, журналъ „Маленькъ“ простодушно заявлялъ, что надо говорить „маленько мужицкимъ языкомъ“; многіе любители народности принялись выдѣлывать по своему народный языкъ и получался дѣйствительно „маленько мужицкій“,—не исключая и тѣхъ писателей, которые считались и счи-

тали себя особенными знатоками, напр. Сахаровъ, Даль и др. Новѣйшая этнографическая беллетристика сдѣлала народный языкъ гораздо болѣе извѣстнымъ, и нѣкоторые изъ нынѣшнихъ этнографовъ-любителей стали вводить еще болѣе значительныя дозы этого языка, и притомъ не только для передачи народныхъ рѣчей, но и въ своемъ собственномъ изложеніи. Отчасти они вѣроятно имѣли при этомъ благую цѣль—передать мѣстный и народный колоритъ описываемыхъ предметовъ; но было безъ сомнѣнія и нѣчто другое—желаніе похвастаться своимъ знаніемъ народной жизни: читатель долженъ былъ увидѣть въ нихъ людей, до того пропитавшихся народностью, что они не могли уже и говорить иначе, какъ народнымъ складомъ.

Къ сожалѣнію, г. Максимовъ не удержался отъ этой слабости. Уже съ первыхъ своихъ книгъ онъ сталъ изобрѣтать себѣ особый стиль, который именно долженъ былъ выдавать въ авторѣ не простого обыкновеннаго писателя, а, напротивъ, особаго народнаго человѣка, изыскателя, пропитаннаго народнымъ бытомъ до того, что онъ заговорилъ новымъ, самымъ подлиннымъ народнымъ языкомъ, неизвѣстнымъ литературному профану. Увы, г. Максимовъ, быть можетъ, не видѣлъ, но читатель видѣлъ или догадывался, что это была натянутая, неестественная поддѣлка, тяжелая для чтенія, и въ книгѣ въ 400—500 страницъ, способная довести до раздраженія. Авторъ умѣлъ замѣчать въ народной жизни много новаго и любопытнаго, но, накинувъ на себя роль народнаго вѣщателя, онъ часто портилъ само содержаніе своихъ книгъ: языкъ его, наконецъ, становился иногда такимъ ухищреннымъ, что дѣлался просто непонятнымъ. Всего больше пострадала отъ изложенія недавняя книга о Сибири. Книга „Куль хлѣба“, предназначенная для внѣшескаго чтенія, и безъ сомнѣнія очень любопытная по своей темѣ, не достигала своей цѣли, потому что отталкивала своимъ языкомъ: мы видѣли этому примѣры. Въ стараніи своемъ писать народными оборотами, г. Максимовъ дошелъ до того, что разучился говорить просто: вычурность и многословіе стали его природой; употребленіе странныхъ, несвойственныхъ оборотовъ, которое должно устроить фразу по мнимо-народному, повело къ темнотѣ, неясности, а иногда просто къ превратному изложенію.

Напримѣръ. Авторъ хочетъ сказать, что въ Бѣлоруссіи, гдѣ рѣдѣютъ лѣса, тамъ селеній становится больше и они обыкновенно сосредоточиваются около крупнаго селенія, какъ центра. Онъ пишетъ: „селенія сбиваются въ группы и какъ бы *ссылаются* тяготѣть къ ближнему, большому и сильному центру, который въ этихъ случаяхъ *охотно подозрѣвается* (!)“. „Брод. Русь“, стр. 50. Тамъ же: „стоитъ дубовая роща, нарочно *сбереженная* и бережно охраняемая“.

Католическій востель въ городѣ Мстиславль пришелъ въ уна-

докъ: „костелъ уже порядочно повзрѣлъ, и все это въ виду того, что на іезуитскомъ, сгорѣвшемъ и заброшенномъ, костелѣ выросли деревья“ (стр. 57). Читатель недоумѣваетъ: почему въ виду этого?

Авторъ хотеть сказать, что по фамиліямъ прошаковыхъ (собирателей на церкви), которыя онъ просматривалъ по полицейскимъ спискамъ, можно видѣть, откуда пришли эти собиратели: „между фамиліями этихъ мѣщанъ, мы встрѣчаемъ двѣ такихъ, которыя хорошо извѣстны въ Мстиславлѣ, но и въ остальныхъ *выразились тѣ*, которыя наглядно свидѣтельствуютъ о томъ, откуда вылетѣли птицы“ (стр. 64).

Чтобы сказать, что у крестьянъ настоящій новый годъ бываетъ не съ 1-го января, а съ Покрова, или около этого времени, когда кончены сельскія работы, авторъ выражается такъ: „въ календаряхъ этотъ годъ не значится и никакимъ празднествомъ не знаменуется, но въ деревенской жизни и крестьянскомъ быту всѣми сознается и *сильно чувствуется*“ (стр. 141): половина словъ—лишнія.

„Владимірская страна, по числу церквей, *во главѣ и въ первыхъ*“ (что одно и то же, стр. 152).

Нищенство складывается въ настоящій промыселъ: „гдѣ и сплочиванье въ артели, и наемъ, и расчеты, и стачки, и стычки, и взятки, и дѣлжки, и купля, и продажа,—все, однимъ словомъ, *и на лицо, и при мѣстѣ, и на ходу* (?), какъ въ настоящемъ коммерческомъ предпріятіи“ (стр. 162). Зачѣмъ понадобились всѣ подчеркнутыя слова—непонятно.

Великій постъ приходится въ сельскомъ быту кстати, потому что въ это время остается въ деревняхъ мало съѣдобнаго: „великій постъ *тѣмъ хорошо и кстати выдуманъ и заказанъ*“ и т. д. (стр. 165)—ради балагурства половина словъ лишнихъ.

Всякій крестьянинъ знаетъ, что можетъ стать нищимъ, какъ другіе: „всякій это разумѣетъ и испыталъ на себѣ въ той же *жарѣ, силѣ и точности*“ (стр. 170).

Каргопольскіе крестьяне ходятъ на заработки въ Петербургъ и промышленаютъ извозомъ по архангельской дорогѣ. Авторъ не можетъ сказать этого безъ мнимо-народныхъ словоизвѣтій: „Вѣгаютъ (?) еще темные каргопольскіе люди по третьей дорогѣ, проторенной съ тѣхъ поръ, какъ въ восьмистахъ верстахъ стали строить *каменный изъ кирпича городокъ Питеръ*“ (стр. 409). Или: „Въ той сторонѣ, куда *нобѣжала и идѣ кончилась* порожистая рѣка Онега, въ 350-ти верстахъ отъ ея устья, *разлилось большое море*“ и т. д. (стр. 407).

Все это не мѣшаетъ однако иногда и неправильностямъ языка, и другимъ неточностямъ. Говоря о промыслѣ попрошайствомъ въ Мстиславлѣ, авторъ выражается такъ: „на томъ *встали* мстиславцы—и прославились“ (стр. 66); по-русски говорятъ: на томъ *стали*. „Древ-

ній богъ женскаго пола (т.-е. богиня?)—Пятенка“ (стр. 58)—требуется объясненія: откуда авторъ почерпнулъ свѣдѣніе о существованіи этого „бога?“ Дальше, такая же произвольная археологія. Говоря о мѣстахъ (въ Бѣлоруссіи), посвященныхъ, по мнѣнію г-на Максимова, этой „Пятенкѣ“ и гдѣ теперь стоятъ обыкновенно часовни Параскевѣ-Пятницѣ, авторъ продолжаетъ: „Всѣ такія, отъ глубокой старины священные мѣста носятъ старинное, вездѣ забытое славянское названіе, ни къ чему уже больше и въ Бѣлой-Руси не примѣняемое, названіе *прѣщи*, и „идти на прѣщу“—значитъ идти въ крестномъ ходу на святое мѣсто, а „идти язъ на прѣщу яку“—значитъ идти веселой толпой на дѣвичье гулянье. Извѣстное дѣло (?): дѣвичьи хороводы и пляски *натантывають* не только здѣсь, но и вездѣ на Руси (?), всѣ святныя и почетныя мѣста, и притомъ съ бѣльшимъ усердіемъ именно въ тѣ самыя времена, которыя указаны у древнихъ кривичей и новгородцевъ съ полянами для празднованія въ честь боговъ“. Все это не больше, какъ рядъ предположеній, выдаваемыхъ за факты. Слово „прѣщи“, во-первыхъ, не вездѣ забыто;—во-вторыхъ, оно, можетъ быть, есть не древнее, а сравнительно новое славянское выраженіе; слово „простить“ („Богъ простилъ“ такого-то человѣка) въ старомъ русскомъ языкѣ употреблялось объ исцѣленіяхъ, происшедшихъ отъ какой-нибудь святыни, и слово „прѣщи“ означало мѣсто подобной исцѣляющей святыни, а потомъ и всякой другой. Такимъ образомъ, понятіе было, вѣроятно, чисто и исключительно христіанское, и заключать отъ него къ древности нѣтъ пока основанія. Что касается „натантыванья“, то до сихъ поръ мы ничего не знали относительно времени празднествъ *кривичей* въ честь ихъ боговъ.

Былъ расколотчикъ Евенмій, пріобрѣтшій большую славу; *послѣ* него явился Меркурій (переименованный въ Никиту), дѣйствовавшій по его примѣру. Нашъ авторъ выражается, что „Никита *предвосхитилъ* славу Евенмія и затмилъ самую память“ (стр. 396). Знатоку языка не слѣдовало бы дѣлать такихъ ошибокъ.

Имя „Никита“, по мнѣнію г-на Максимова, выговаривается гречески „Никитисъ“ (стр. 386) и т. д.

По приведеннымъ выше образчикамъ, можно составить понятіе о манерѣ г-на Максимова. „Въ большомъ количествѣ“ эта страсть къ мнимо-народному балагурству производить непріятное впечатлѣніе; слишкомъ бросается въ глаза намѣренная и постоянная поддѣлка. Читателю надоѣдаетъ на пространствѣ 465 страницъ встрѣчать ухищренныя фразы тамъ, гдѣ дѣло можетъ быть сказано гораздо проще и яснѣе, и гдѣ (мы въ этомъ вполне увѣрены) самъ народъ говорить несравненно толковѣе и безпритязательнѣе. Въ особенности случно встрѣчать это отсутствіе мѣры у автора, знающаго очень много подробностей народнаго языка; къ сожалѣнію, въ погонѣ за этими по-

дробностями, авторъ не вникнулъ въ общія отношенія литературнаго и народнаго языка. Нашъ литературный языкъ несомнѣнно еще продолжаетъ развиваться,—народные элементы проникаютъ въ него и оказываютъ на него вліаніе; но это вовсе не значить, чтобы писатель могъ мѣшать эти элементы по произволу. Напротивъ, для того, чтобы содѣйствовать развитію и усовершенствованію литературнаго стила въ народномъ смыслѣ, требуется, кромѣ знанія народнаго языка, или первостепенный талантъ, или, по крайней мѣрѣ, тактъ и вкусъ. Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь и писатели подобной силы гениальнымъ инстинктомъ угадываютъ что называется „духъ языка“, и имъ принадлежитъ большая заслуга въ новѣйшемъ развитіи нашей литературной рѣчи; или, процессъ усовершенствованія языка совершается коллективными силами многихъ писателей,—такъ что изъ частныхъ нововведеній воспринимается литературнымъ языкомъ лишь то, что по общему чувству кажется естественнымъ, красивымъ, выразительнымъ и пригоднымъ. Писатель, который намѣренъ хотеть дѣйствовать въ этомъ смыслѣ, долженъ—или обладать большимъ талантомъ, или выяснитъ себѣ отчетливо все положеніе дѣла, понять условія и свойства—и литературнаго, и народнаго языка. Первый образовался вовсе не случайно, и отдѣльный писатель не можетъ ховяничать въ немъ по своимъ причудамъ, иначе онъ рискуетъ только надобѣтъ своими нововведеніями и затѣмъ, конечно, не достигнуть своей цѣли. Не довольно пересыпать свой языкъ народными, или по-народному сочиненными словами (говорить, напримѣръ, „неизбывный“—вмѣсто необходимого, „угрѣва“—вмѣсто тепло, „обездоленный“—вмѣсто бѣдный и т. п., и притомъ употреблять эти слова безпрестанно, видимо дѣлая на нихъ удареніе) или оборотами и перепутать синтаксисъ, чтобы считать дѣло сдѣланнымъ: это будетъ только механическая слѣпка, а не органическое соединеніе двухъ элементовъ, и въ результатѣ получится не изящный литературный языкъ, оживленный народнымъ, а тяжелый и натянутый, придуманность котораго будетъ очевидна: писатель скорѣе оттолкнетъ отъ своей манеры, чѣмъ привлечетъ къ ней. Къ сожалѣнію, такова именно манера г. Максимова—во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ его книги, гдѣ онъ не передаетъ только народный разговоръ (здѣсь сохраняется больше естественности), а самъ усиливается говорить „по-народному“. Фраза его, въ подобныхъ случаяхъ, искусственна и тяжела, иногда почти до невразумительности. Настоящій народный языкъ, напротивъ, отличается ясностью, немногосложностью и простотой.

Далѣе. Надо очень ясно опредѣлить себѣ, въ какомъ изложеніи могутъ быть умѣстны народные элементы. Они могутъ быть на мѣстѣ въ фактическомъ разсказѣ событій изъ народной жизни, но очень мало умѣстны въ теоретическомъ разсужденіи, для котораго народ-

ный языкъ не имѣетъ средствъ. Нашъ авторъ безразлично передаетъ своимъ мнимо-народнымъ стилемъ то и другое. При этомъ „весьма сознается и сильно чувствуется“ одинъ весьма существенный недостатокъ уже не языка, а самаго плана сочиненія. Авторъ не выяснилъ себѣ, что есть большая разница между общимъ беллетристическимъ очеркомъ и изложеніемъ дѣйствительныхъ фактовъ. Большая половина книги, почти вся она, написана въ томъ родѣ, какъ пишутся у насъ такъ-называемые „этнографическіе очерки“: извѣстный типъ, извѣстное явленіе рисуются въ общихъ характерныхъ чертахъ, — рассказъ даетъ читателю картину этого типа или явленія, но вовсе не фактическую этнографію и статистику. Это — беллетристика, которая имѣетъ свое право и свои условія. Но въ двухъ-трехъ мѣстахъ г. Максимовъ въ эту беллетристику вводитъ и дѣйствительные факты, такъ, что читатель остается въ недоумѣніи, гдѣ кончается фантазія автора и начинается дѣйствительность. Такъ случилось, напр., въ любопытной главѣ о сектѣ „скрытниковъ“. Идетъ беллетристическій рассказъ о сѣвдѣ священниковъ какого-то благочинія въ одной изъ сѣверныхъ губерній (олонецкой): епархіальное начальство поручило имъ собрать и доставить свѣдѣнія о состояніи раскола въ ихъ приходахъ. Рассказъ очень интересенъ какъ „очеркъ“. Но затѣмъ вдругъ оказывается, что одинъ изъ священниковъ (воображаемыхъ) пишетъ какъ будто настоящую записку о состояніи раскола, и авторъ начинаетъ трактовать отца „Евтихія“ какъ дѣйствительнаго дѣятеля противъ раскола, приводятся выписки изъ сочиненія „Евтихія“, и т. д. Или: описывается лѣсной притонъ „скрытниковъ“, опять беллетристически, но вслѣдъ затѣмъ авторъ начинаетъ перечислять дѣйствительныхъ скрытниковъ, жителей *воображаемаго* притона, называетъ ихъ поименно, указываетъ, гдѣ они проживали, какъ и когда судились и т. д. Что же это такое, фантазія или фактъ? Автору надо было сдѣлать что-нибудь одно: если онъ имѣлъ въ виду только общій беллетристическій очеркъ типа, то эти чистые факты не нужны и неумѣстны; или онъ имѣлъ въ виду этнографическій интересъ, тогда не нужно было подмѣшивать къ фактамъ фантазіи. Въ настоящей формѣ рассказа факты теряются для этнографа, потому что смутны, неопредѣленны, да и крайне отрывочны; гораздо лучше было бы, если бы авторъ (когда онъ уже разъ сталъ называть „скрытниковъ“ поименно), не мудрствуя лукаво и не живописуя, просто рассказалъ дѣйствительные случаи, какіе знаетъ, не обобщая того, чтб неизвѣстно, и привелъ съ точностью тѣ матеріалы, какіе у него были въ рукахъ, а матеріалы были любопытны.

Но въ книгѣ г. Максимова есть все-таки художественное достоинство, скажутъ намъ. По нашему, этого достоинства не очень много: нѣкоторыя главы, напр., первая, о собирателяхъ на церкви, и дру-

гаи, о богомолахъ, написаны хорошо; есть недурно написанныя страницы въ главѣ о нищихъ, о „скрытикахъ“; всѣ вообще очень любопытны по содержанію, но художественности крайне вредитъ несчастный стиль, выбранный или, какъ нынче говорятъ, „излюбленный“ авторомъ. Художественное достоинство достигается свойствами не только содержанія, но и формы, а форма, въ которой столько искусственнаго и иногда грубо-натянутого, художественной назваться не можетъ. Г. Максимовъ хорошо рисуетъ непосредственныя сцены, передаетъ разговорный языкъ; такія мѣста—лучшія въ его разсказѣ; но гдѣ онъ говоритъ „отъ себя“, входитъ въ разсужденія, тамъ его изложеніе почти всегда неестественно и исполнено претензіи.

Читателю можетъ показаться, что мы слишкомъ требовательны и не хотимъ признать достоинствъ книги г. Максимова. Напротивъ, мы совершенно готовы признать ихъ вездѣ, гдѣ они оказываются, и остановились такъ долго на его недостаткахъ, потому что они положительно вредятъ, и издавна, сочиненіямъ г. Максимова; благодаря этимъ недостаткамъ, многіе не хотятъ признать у него и того хорошаго, что есть — такъ многихъ отталкиваетъ „народная“ претензія. У г. Максимова несомнѣнно много свѣдѣній и опыта изъ народной жизни, они стоили ему труда, который долженъ быть призываеъ; г. Максимовъ относится къ народной жизни съ любовью: все это не можетъ не возбуждать сочувствія. Но при этомъ у него есть и существенныя недостатки, которые и дѣлаютъ сужденіе объ его трудахъ очень раздѣленнымъ. Г. Максимовъ не выработалъ себѣ настоящаго приѣма, или выработалъ очень странный приѣмъ пользоваться своимъ матеріаломъ: онъ не остался этнографомъ-беллетристомъ и не сдѣлался этнографомъ научнымъ; перваго ему казалось мало, для втораго онъ недоволенъ точенъ и опредѣлителенъ. Наконецъ, и въ томъ и въ другомъ отношеніи манера г. Максимова вредитъ еще однимъ особеннымъ образомъ: предметы, которыхъ онъ касается, иногда бываютъ чрезвычайно, въ сущности, серьезны, напр., въ настоящей книгѣ: это — народная нищета, религіозныя секты, оставлющія самое тяжелое впечатлѣніе, — въ своемъ недовольствѣ, невѣжествѣ и безнадежности онѣ отвергаютъ цѣликомъ обыкновенныя законы и нравы общества и влечатъ безотрадную жизнь въ своемъ полномъ отрицаніи этого общества и преслѣдуемые имъ. На нашъ взглядъ, въ этихъ предметахъ не мѣсто балагурству; по старинной теоріи, тутъ требовался бы слогъ „важный“, а не „приятный“, котораго добивается г. Максимовъ. Между тѣмъ самъ г. Максимовъ (стр. 361, 385 и др.) понимаетъ, что предметъ способенъ вызвать на серьезное размышленіе.

Д.

ОБОЗРѢНІЕ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.

Съ 20-го іюня по 20-ое іюля.

Военныя дѣйствія въ европейской Турціи за истекшій мѣсячный періодъ ознаменовались успѣхами столь наглядными и быстрыми, что читатели не безъ нѣкотораго разочарованія привыкають ко вновь наступившему, временному, но неизбѣжному затишью. Таково ходъ большихъ войнъ, особенно въ такихъ странахъ, гдѣ представляются сильныя естественныя препятствія. Преодоленіе одного изъ нихъ съ послѣдующими быстрыми шагами впередъ вызываетъ общій восторгъ, и упоеніе успѣхомъ производитъ такое впечатлѣніе, что все остальное кажется легкимъ; начинается видѣться окончательная цѣль и мысли народа несутся къ ней, опережая самыя лихіе конные отряды. Но вотъ наступаетъ снова пора приготовленій къ продолженію новыхъ препятствій; движеніе впередъ по необходимости прекращается или сдерживается; тамъ или здѣсь испытывается какая-нибудь частная неудача, совершенно неизбѣжная,—и публикою начинается овладѣвать нетерпѣливое волненіе. А между тѣмъ такіе-то періоды приготовленій, мало видныхъ, даже заботливо скрываемыхъ, и составляютъ едва ли не важнѣйшіе моменты войны. Когда вновь наступаетъ пора движенія впередъ, все удается только въ той мѣрѣ, въ какой все было обдуманно, подготовлено и обезпечено въ промежуткѣ, посвященномъ сосредоточенію массъ войскъ, сбору тяжелыхъ парковъ въ опредѣленныхъ пунктахъ, укрѣпленію операціоннаго базиса.

Въ одинъ изъ такихъ періодовъ мы вступили теперь, послѣ того, какъ предшествовавшія двѣ недѣли представили рядъ быстрыхъ успѣховъ. Излишне было бы приглашать читателя не слишкомъ увлекаться хотя бы блестящими успѣхами, не считать легкимъ все остающееся, но вмѣстѣ съ тѣмъ не впадать въ нѣкоторое томленіе и разочарованіе, когда наступаетъ новая пора остановки для обезпеченія тыла всего расположенія войскъ. Подобныя совѣты никогда никого не убѣждаютъ и переходы отъ одного впечатлѣнія къ другому въ публикѣ столь же неизбѣжны, какъ самая смѣна видныхъ успѣховъ—скрытымъ приготовленіемъ успѣховъ новыхъ.

Дѣйствія за Дунаемъ въ истекшій мѣсяцъ вполне оправдали превосходство пункта Зимница-Систово, избраннаго для переправы чрезъ эту рѣку нашихъ главныхъ силъ. Пунктъ этотъ находится на прямой

линіи, съ сѣвера на югъ, къ главнымъ проходамъ чрезъ Балканы и въ кратчайшемъ на всемъ Дунаѣ разстояніи отъ адрианопольской желѣзной дороги и вѣтви отъ нея на Ени-Загру и Ямболъ. По переправѣ главныхъ силъ чрезъ Дунай въ Систово, главнымъ объективомъ военныхъ дѣйствій становилось, разумѣется, овладѣніе проходами чрезъ Балканы, и чѣмъ быстрѣе, чѣмъ неожиданнѣе для непріятеля оно могло совершиться, тѣмъ вѣрнѣе отвращались большія потери, какихъ оно стоило бы намъ при иныхъ обстоятельствахъ, то-есть если бы передъ нами отступала или была собрана вновь большая турецкая армія, которая уперлась бы на позиціи, для насъ все болѣе и болѣе непрístupныя. Это важное порученіе—быстрое движеніе впередъ для прикрытія постепеннаго передвиженія къ югу нашихъ главныхъ силъ и для захвата главнѣйшихъ проходовъ большого Балкана, выпало на долю генералъ-адъютанта Гурко, командовавшаго 2-ю гвардейскою кавалерійскою дивизіею и прежняго командира конно-гренадерскаго полка.

Движеніе на югъ было предпринято еще 23-го іюня, когда наша кавалерія овладѣла у Бѣлой переправой чрезъ рѣку Янтру, которой теченіе представляетъ почти прямую линію отъ Систова до Тырнова. Овладѣніе этой переправой обезпечивало наше движеніе на югъ отъ какой-либо попытки главныхъ турецкихъ силъ, расположенныхъ на востокѣ, въ такъ-называемомъ четвероугольникѣ крѣпостей, взять насъ во флангъ. Черезъ два дня, т.-е. 25-го числа, генералъ Гурко уже овладѣлъ Тырновомъ, древней столицей Болгаріи; турецкій отрядъ, защищавшій Тырново, и состоявшій изъ 3-хъ тысячъ человекъ съ артиллеріею, послѣ довольно слабаго сопротивленія, очистилъ городъ и удалился на востокъ, къ Османъ-Базару, т.-е. стаянулся къ турецкимъ силамъ въ четвероугольникѣ. Главныя силы наши, можно сказать, слѣдовали по пятамъ за кавалеріею и 30-го іюня уже главная квартира была перенесена въ Тырново.

Движеніе это совершилось, при всей быстротѣ, съ осторожностью: подвигавшіяся войска были прикрываемы кавалерійскими развѣдками, не только передового отряда, шедшаго на югъ, но и фланговыхъ летучихъ партій. Свидѣтельствомъ тому служитъ жаркая и удачная схватка одного изъ нашихъ уланскихъ полковъ къ востоку отъ р. Янтры, то-есть въ направленіи турецкаго четвероугольника, 29-го іюня. Высланные въ сторону Османа-Базара, уланы встрѣтились здѣсь съ отрядомъ въ 1½ т. чел., сопровождавшимъ непріятельскій транспортъ. Пользуясь пересѣченной мѣстностью и прикрываясь повозками, турки упорно держались противъ нашего полка, пока къ нему не подоспѣли на помощь два эскадрона гусаръ и полсотни казаковъ; тогда непріятель бѣжалъ, оставивъ въ рукахъ нашей кавалеріи 300

повозокъ; наша потеря состояла въ 3 офицерахъ и 28 нижнихъ чинахъ, выбывшихъ изъ строя.

Выступивъ изъ Тырнова въ тотъ самый день, когда туда перенесена была главная квартира, генералъ Гурко на слѣдующій же день уже перешелъ чрезъ Балканы, пройдя въ теченіи этихъ двухъ дней около 50 верстъ по узкой горной тропинкѣ въ ущельѣ Калифаръ-дере. Этотъ проходъ не былъ защищенъ турками съ сѣвера, а при выходѣ изъ ущелья стоялъ только слабый непріятельскій отрядъ, который, будучи застигнутъ врасплохъ, тотчасъ разсѣялся. Такъ какъ довольно значительное число войскъ генерала Гурко, а именно: 43¹/₂ эскадрона, стрѣлковая бригада и шесть батальоновъ болгарскаго ополченія, т.-е. всего 10¹/₂ батальоновъ и 38 орудій (18 конныхъ, 6 горныхъ и 14 пѣшихъ горныхъ), сумѣли проникнуть сквозь калифарскій проходъ, то оставленіе его турками почти безъ защиты, конечно, должно быть отнесено въ ихъ оплошности. Но они, какъ видно, считали его недоступнымъ по крайней мѣрѣ для колесъ. Генералъ Гурко въ своемъ рапортѣ называлъ трудности этого пути „неимоვნно-тяжелыми“; „въ особенности тяжело было вывозить орудія конныхъ батарей; что же касается до перевозки зарядныхъ ящиковъ, то она потребовала почти сверхъестественныхъ усилій“. Для рекогносцировки и для разработки пути, то-есть для приспособленія его, въ наиболѣе трудныхъ мѣстахъ, къ перевозкѣ орудій и зарядныхъ ящиковъ, была послана впередъ команда конныхъ пионеровъ, подъ начальствомъ генерала Рауха. Рапортъ генерала Гурко свидѣтельствовалъ, что безъ такого подготовительнаго очищенія пути провозъ орудій былъ бы невозможенъ.

Интересныя свѣдѣнія о дѣятельности этой конно-саперной команды доставлены были „Русскимъ Вѣдомостямъ“ изъ Хайнкіоя, куда вступили наши войска, пройдя ущелье Калифаръ-дере. Генералъ Гурко поручилъ развѣдку проходовъ уряднику князю Церетелеву, который находился прежде на дипломатической службѣ и состоитъ въ званіи камеръ-юнкера, но поступилъ простымъ солдатомъ въ армію. Кн. Церетелевъ, зная болгарскій языкъ, разузналъ о такомъ проходѣ, который не защищенъ, но по которому есть только тропинки, да мѣстныя дороги между горными деревнями ущелья. Это и есть—калифарскій проходъ. За два дня до выступленія всего отряда генерала Гурко, въ этотъ проходъ и направлена была передовая команда подъ общимъ начальствомъ генерала Рауха; она состояла изъ казачьихъ пионеровъ. Командиромъ ихъ былъ полковникъ графъ Роникеръ, который былъ убитъ по исполненіи своего молодецкаго дѣла. „Почти на рысяхъ проѣзжали пионеры по мѣстамъ, гдѣ еле возможно было двигаться; тамъ же, гдѣ тропинка оказывалась со-

всѣмъ непроѣздною, молодцы пионеры быстро слѣзивались и принимались за работу. Едва кончалась работа, опять на лошадей и впередъ, нищеть тотъ же корреспондентъ.

Итакъ, перейдя 1-го іюля чрезъ калифарское ущелье, генералъ Турко занялъ 2-го іюля, съ боя, селеніе Хайнкіой. У выхода изъ прохода онъ оставилъ болгарскія бригады съ 14-ю горными орудіями и въ разныя стороны разослалъ развѣдчи для развѣдки непріятелю и перерыва его телеграфныхъ сообщеній; одинъ изъ этихъ развѣдчовъ уничтожилъ проволоку въ Ени-Загрѣ, городѣ, который находится уже на ямболской вѣтви адрианопольской желѣзной дороги. По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, казаки появлялись еще далѣе, у самаго Ямбола, т. е. верстахъ въ 75-ти на востокъ отъ Хайнкіойа. Между тѣмъ, главные силы генерала Турко двигались вверхъ по рѣкѣ Тунджѣ, къ западу.

Цѣлью этого движенія было подойти съ юга къ шипкинскому перевалу, важнѣйшему изъ ближайшихъ къ Тырнову проходовъ чрезъ Балканы и взять въ тылъ тотъ значительный турецкій отрядъ, который былъ поставленъ для защиты его съ сѣвера. Между тѣмъ съ сѣвера противъ этого турецкаго отряда былъ высланъ изъ Габрова одинъ пѣхотный и одинъ казачій полкъ, подъ начальствомъ генерала-адъютанта кн. Мирскаго. Разсѣявъ нѣсколько непріятельскихъ отрядовъ у деревень Оризаря, Суфлоры и Кишла и слѣдуя къ городу Казанлыку и далѣе къ селенію Шипкѣ, съ объясненною уже цѣлью, генералъ Турко встрѣтилъ 4 іюля при селеніи Уфлани сильную турецкую позицію, занятую войсками всѣхъ родовъ оружія. Четыре стрѣлковыя батальона прошли 1400 шаговъ подъ огнемъ непріятеля, не отвѣчая на него, но на разстояніи 600 шаговъ открыли сами сильный огонь, который поколебалъ непріятеля; въ это время гусары и драгуны ударили ему въ тылъ. Турки оставили здѣсь до 400 тѣлъ. Въ Казанлыкѣ ген. Турко вступилъ 5-го іюля. Въ этотъ день предполагалось атаковать съ тыла турокъ, занимавшихъ Шипку, но войска были утомлены безпрестанными стычками.

Вслѣдствіе этого, 5-го числа турецкій отрядъ, защищавшій шипкинскій проходъ и состоявшій изъ 14 батальоновъ, при 8 орудіяхъ, былъ атакованъ только съ сѣвера, кн. Мирскимъ. Позиція непріятеля была весьма сильная и орловскій пѣхотный полкъ хотя взялъ штурмомъ послѣдовательно нѣсколько позицій, но не могъ въ тотъ же день овладѣть переваломъ. Наша потеря была при этомъ около 150 чел. Между тѣмъ 6 іюля ген. Турко, давъ отдохнуть своимъ войскамъ, повелъ атаку на шипкинскую позицію турокъ съ тыла, выславъ впередъ два батальона стрѣлковъ. Турки подпустили ихъ ближе и выкинули бѣлый флагъ, но когда наши стрѣлки остано-

лись, турки вдругъ дали по нимъ залпъ, который выбилъ у насъ изъ строя 142 человѣка. Стрѣлки бросились впередъ и заняли турецкій лагерь, находившійся на горномъ спускѣ перевала. Не видя поддержки съ сѣвера, отрядъ ген. Гурко этимъ пока ограничился, а между тѣмъ кн. Мирскій 6-го числа не возобновлялъ своего нападенія съ сѣвера, ожидая приказаній. Но это недоразумѣніе разъяснилось на другой день, когда, сдѣлавъ рекогносцировку внутрь прохода, войска кн. Мирскаго увидѣли внизу, въ долинѣ къ югу, лагерь съ повозками, на которыхъ былъ „красный крестъ“. Это былъ отрядъ генерала Гурко; наши отряды соединились, взявъ еще одинъ турецкій лагерь, 12 орудій и 400 плѣнныхъ. Оказалось, что остальные турки разбѣжались по тропинкамъ. Подробности эти заимствованы нами изъ письма корреспондента „Daily News“, который находится въ отрядѣ ген. Гурко.

Еще до соединенія этихъ отрядовъ, казачій полкъ, бывший въ распоряженіи кн. Мирскаго, занялъ травнинскій балканскій проходъ. Такимъ образомъ, въ нашихъ рукахъ находятся уже три прохода черезъ Балканы. Ген. Гурко выступилъ изъ Тырнова 30 іюня, а 7 іюля онъ занималъ уже всѣ три прохода. Этотъ подвигъ имѣетъ полное право на названіе блестящаго. Въ Константинополѣ взятіе нами Тырнова повело къ смѣнѣ главнокомандующаго въ четвероугольникѣ, Абдулъ-Керима, несмотря на прошлогодній его успѣхъ въ Сербіи. Онъ замѣненъ былъ Мехмедомъ-Али-пашею, который родомъ нѣмецъ, изъ Пруссіи. Овладѣніе же балканскими проходами вызвало кризисъ въ турецкомъ министерствѣ, и слухи какъ о возвращеніи Митхада-паши, такъ и о намѣреніи англичанъ сдѣлать высадку въ Галлиполи. Теперь уже почти достоверно извѣстно, что если они этимъ ограничатся, то наше правительство оставитъ безъ вниманія это дѣйствіе, такъ какъ оно не можетъ оказать никакого вліянія на ходъ войны.

Но смѣлое движеніе впередъ, одно, конечно, еще не можетъ рѣшить дѣла. На обоихъ флангахъ нашей арміи находятся большія турецкія силы. На правомъ нашемъ флангѣ—корпусъ Османа-паши, который стоялъ въ Виддинѣ, но, выступивъ оттуда, оставилъ тамъ только небольшой гарнизонъ, и стаянувъ къ себѣ подкрѣпленія изъ Ниша, двинулся на востокъ. На лѣвомъ флангѣ главныхъ нашихъ силъ—четвероугольникъ крѣпостей: Рущукъ, Силистрія, Шумла и Варна, съ арміею, которую исчисляютъ въ 130—150 тысячъ человѣкъ, и которая находится теперь подъ начальствомъ Мехмеда-Али. Хотя позади этого четвероугольника, на сѣверѣ, въ Добруджѣ, у насъ находятся войска генерала Циммермана, могущія проявить сильную диверсію, но, тѣмъ не менѣе, прежде рѣшительнаго наступленія на Филиппо-

поль или Адрианополь (по тѣмъ направленіямъ, какія приняты въ послѣдніе дни развѣзды генерала Гурко, занявшіе, между прочимъ, Хаской, лежащей почти въ равномъ разстояніи отъ обѣихъ названныхъ городовъ), намъ предстояло расширить и утвердить свой операціонный базисъ на Дунай, и упрочить свои фланги.

Взятіе дунайской крѣпости Никополя 9-мъ корпусомъ генерала барона Криденера, 3-го іюля, причемъ намъ достались въ плѣнъ двое пашей и 6 тысячъ человѣкъ регулярнаго войска, было важнымъ шагомъ къ обезпеченію праваго фланга. Въ Никополю былъ построенъ еще одинъ мостъ. Такъ какъ у турокъ въ Виддинѣ, подъ начальствомъ Османа-паши, стянувшего къ себѣ подкрѣпленія изъ Ниша, находится около 40 тысячъ человѣкъ, то необходимо было, охраняя Никополь, выдвинуть часть 9-го корпуса къ юго-западу, чтобы обезпечить Тырново отъ возможнаго наступленія Османа-паши съ запада. Съ этой цѣлью, казаки генерала Криденера заняли 5-го іюля городъ Ловчу, а 8-го іюля одна пѣхотная дивизія того же корпуса атаковала городъ Плевно. Но оказалось, что Османъ-паша сдвинулъ туда уже большія силы и наша дивизія, подъ начальствомъ генерала Шилдербъ-Шулднера, была отбита съ потерей 2-хъ полковыхъ командировъ, 50-ти офицеровъ и 1,878 нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными. Нашъ отрядъ сталъ отступать на востокъ, по шоссе, ведущему въ Бѣлу (сѣвернѣе Тырнова), но вскорѣ получилъ подкрѣпленія, и неудача эта не имѣла иныхъ послѣдствій, кромѣ большой потери въ людяхъ, такъ какъ Османъ-паша не продолжалъ наступленія. Для противодѣйствія ему выдвинулся изъ Никополя весь 9-й корпусъ, а Никополь былъ занятъ румынами, подъ начальствомъ генерала Ману. Въ подкрѣпленіе къ 9-му корпусу двинуты еще значительныя силы изъ-за Дуная, отъ Слатины; онѣ направлялись для дѣйствій на Виддинѣ, но выступленіе Османа изъ этой крѣпости позволило стаять ихъ къ Турну-Магурелли, для перехода чрезъ Никополь къ генералу Криденеру. Итакъ, 40-тысячный корпусъ Османа, на нашемъ правомъ флангѣ, имѣетъ противъ себя равныя силы генерала барона Криденера. Въ день сдачи этихъ страницъ въ печать, мы получили извѣстіе о новой неудачѣ, при возобновленіи атаки на Плевно, 18-го іюля.

Лѣвый флангъ общаго нашего расположенія защищенъ обложеніемъ крѣпости Рушукъ, 12-мъ и 13-мъ корпусами, подъ начальствомъ Государя Наслѣдника. Въ Рушукѣ заперты турецкія силы, которыя исчисляются весьма различно: отъ 25-ти до 50-ти тысячъ человѣкъ. Правда, обложеніе Рушукъ имѣетъ непосредственной цѣлью—не оборону лѣваго фланга, но обезпеченіе нашей линіи на Дунай. Тѣмъ не менѣе оно имѣетъ большое значеніе и для защиты лѣваго фланга

тырновской арміи, т. е. нашихъ главныхъ силъ. Дѣло въ томъ, что если бы Мехмедъ-Али рѣшился выдти изъ четвероугольника и двинуться чрезъ Османъ-Базаръ въ лѣвый флангъ войскъ, состоящихъ подъ непосредственнымъ начальствомъ великаго князя главнокомандующаго, то самъ Мехмедъ могъ бы быть взятъ во флангъ однимъ изъ двухъ нашихъ корпусовъ, стоящихъ подъ Русукомъ.

Дальѣйшее упроченіе линій по Дунаю совершается осадой крѣпости Силистріи, которая уже начата корпусомъ генерала Циммермана. Для поддержанія же нашихъ главныхъ силъ, въ Тырновѣ, въ послѣднее время двинуты изъ Систова 5-й корпусъ и 4-й, недавно перешедшій чрезъ Дунай изъ Зимницы.

Таково общее расположеніе нашихъ и турецкихъ силъ. Турецкая армія въ Европѣ въ послѣднее время усилена поддержаніями изъ Малой Азіи, которыя направляются моремъ изъ Константинополя на Варну. Впереди передового нашего отряда ген. Гурко, стоитъ Сулейманъ-паша съ 20 т. пѣхоты и 4 т. кавалеріи, приведенными изъ черногорской границы. Сулейманъ уже попытался отбросить ген. Гурко, близъ Ени-Загры, подъ Карабунаромъ, но былъ разбитъ и потерялъ 10 орудій. Онъ отошелъ къ Адрианополю. Въ настоящее время принимаются мѣры къ обезпеченію нашего тыла и фланговъ, и эти заботы о большемъ сосредоточеніи займутъ, вѣроятно, нѣкоторое время. Общая численность нашихъ силъ за Дунаемъ около 250 т. чел.; у турокъ же, даже съ поддержаніями изъ Малой Азіи, не можетъ быть и полныхъ 200 т. чел.

Въ этомъ краткомъ очеркѣ мы по необходимости опускаемъ такіе отдѣльные эпизоды, которые остаются безъ всякаго вліянія на общій ходъ дѣла, какъ, напр., бомбардированіе турками Евпаторіи, удачный бой нашего парохода „Весты“ съ турецкимъ броненосцемъ и т. д.

Нашъ обзоръ военныхъ дѣйствій въ Малой Азіи остановился на боѣ при Зевинѣ, гдѣ генералъ Лорисъ-Меликовъ старался прорваться чрезъ армію Мухтара-паши и подать помощь отряду ген. Тергукасова, зашедшему отъ Баязета до Даира, далеко впередъ отъ нашихъ границъ къ Эрзеруму. Послѣ неудачнаго дѣла при Зевинѣ, ген. Лорисъ-Меликовъ перешелъ на болѣе вѣжную дорогу, но, узнавъ объ отступленіи ген. Тергукасова по эрзерумско-баязетской дорогѣ, къ Алашкерту, самъ возвратился по эрзерумско-карской дорогѣ къ главнымъ силамъ нашимъ, расположеннымъ подъ Карсомъ. Между тѣмъ, ген. Тергукасовъ, возвратясь къ Баязету, съ бою освободилъ 27 іюня остававшійся тамъ русскій гарнизонъ, обложенный превосходными силами непріятеля. Потери этого гарнизона были велики: къ первому дню обложенія Баязета турками въ нашемъ гарнизонѣ было до 30 офицеровъ и 1597 нижнихъ чиновъ; изъ этого числа во время осады

убито и ранено 9 офицеровъ и 473 нижнихъ чина, а остальные погибли въ послѣднее время мясомъ павшихъ лошадей. Ваявотъ былъ очищенъ нашими войсками и снова банята турками.

Мухтаръ-паша перешелъ къ наступленію. Онъ двинулся чрезъ Саганлугскій хребетъ на помощь турецкому гарнизону, осажденному въ Карсѣ. Генералъ Лорисъ-Меликовъ, принявъ главное начальство надъ всѣмъ дѣйствующимъ корпусомъ, снялъ осаду Карса, и, отправивъ осадный паркъ въ Бюрюкъ-дара и Александрополь, самъ расположился неподалеку отъ Карса, въ Занмъ и Хадуджали. Мухтаръ-паша, съ 40 баталіонами, сталъ въ виду нашихъ главныхъ силъ къ юго-востоку отъ Карса.

На Кавказѣ, въ сухумскомъ отдѣлѣ, отрядъ генералъ Алхазова, стоявшій на Ингурѣ, получивъ подкрѣпленія, возобновилъ наступательныя дѣйствія 1 іюля, двигаясь къ Сухуму; 8-го и 10 іюля произвели удачныя дѣла близъ Очемчиръ и Моркулы, противъ турокъ, поддерживаемыхъ флотомъ. Въ Абхазіи волненіе не развивается и даже, повидимому, ослабѣваетъ; въ юго-восточной части терской области и въ Дагестанѣ, на андійскихъ высотахъ, собраны отряды для противодѣйствія беспорядкамъ, которые вызываются фанатическими водстремательствами.

ОПРОВЕРЖЕНІЕ

Печатается на основаніи ст. 26 гл. II прилож. къ ст. 5, примѣч. 4, Уст. Ценз., но продолж. 1868 г., по требованію Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Въ „Вѣстникѣ Европы“ за іюнь 1877 года перепечатаны невѣрныя свѣдѣнія о гимназіяхъ, помѣщенныя въ № 15 „Сѣвернаго Вѣстника“, *дошедшія до редакціи этой газеты по службѣ*. „Вѣстникъ Европы“ дополняетъ ихъ извѣстіями, столь же неточными, о ходѣ преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Россіи. Для устраненія недоразумѣній, могущихъ возникнуть вслѣдствіе появленія въ печати фактовъ искаженныхъ или невѣрныхъ, и въ опроверженіе неправильныхъ извѣстій, призывается необходимымъ объяснить слѣдующее:

а) Въ своемъ отдѣлѣ „Внутреннее обозрѣніе“ „Вѣстникъ Европы“ утверждаетъ, будто бы наши гимназіи обременены чрезмѣрными требованіями программъ. Еще въ 1826 г. министерство народнаго просвѣщенія имѣло въ виду необходимость соразмѣрять планы преподаванія съ силами учащихся, какъ видно изъ объяснительной записки къ уставу гимназій 1871 г., напечатанной въ сборникѣ носта-

новленій и распоряженій по гимназіямъ и прогимназіямъ, изданномъ въ 1874 г. по распоряженію министерства. Однимъ изъ главныхъ недостатковъ гимназій прошлаго времени бывшій комитетъ 1826 г. объ устройствѣ учебныхъ заведеній признавалъ: „поверхностное обученіе многими предметами вмѣстѣ или росыпью полупознаній“. Съ этимъ недостаткомъ боролось правительство долгое время, и только уставомъ 1871 г. его окончательно преодолѣло. Въ той же объяснительной запискѣ 1871 г. подробно изложено, какими способами, уставомъ 1871 г., устраниены изъ учебныхъ плановъ излишніе предметы спеціальнаго знанія, обременявшіе память учениковъ не въ мѣру и все вниманіе сосредоточено на главныхъ предметахъ общеобразовательныхъ, но съ тѣмъ, чтобы молодые люди изучали науки, вошедшія въ программу, не поверхностно, но основательно. Одновременно со введеніемъ устава 1871 г. оказалось возможнымъ значительно сократить часы дневныхъ занятій учениковъ, правильнѣе и послѣдовательнѣе распредѣлить курсъ преподаванія, и жалобъ на какое-либо отягощеніе учащихся съ того времени заявлено не было; напротивъ, усиливающійся ежегодно приливъ учениковъ въ гимназіи и ихъ успѣхи, какъ указано будетъ далѣе, ясно свидѣтельствуютъ, что ученіе по силамъ большинству и необременительно.

Но благоприятные результаты, достигавшіяся доселѣ учебными планами 1872 г., не освобождаютъ учебное вѣдомство отъ обязанности заботиться о доведеніи преподаванія до большаго совершенства. Изысканіе способовъ облегчить для учащихся трудъ изученія необходимыхъ имъ наукъ, даже въ томъ случаѣ, когда ученики не обременены ученіемъ, даетъ средства либо тверже усвоить предметъ преподаванія учащимся, либо расширить его программу. При введеніи устава 1871 г. оказалось крайне необходимымъ прибавить къ 7-ми-лѣтнему курсу гимназій еще одинъ годъ (за границей гимназическій курсъ продолжается 9 и даже 10 лѣтъ), но финансовыя соображенія не дозволяли и думать объ учрежденіи въ то время отдѣльнаго класса, и правительство вынуждено было курсъ высшаго VII класса сдѣлать двухгодичнымъ. Вскорѣ, однако, оказалось возможнымъ устранить это важное неудобство. Г-нъ министръ народнаго просвѣщенія исходатайствовалъ Высочайшее соизволеніе на прибавку весьма значительной суммы, для учрежденія во всѣхъ гимназіяхъ, кромѣ дерптскаго округа, особаго VIII класса, и раздѣленіе VII на два класса привело къ пересмотру учебныхъ плановъ гимназій, установленныхъ въ 1872 г.; въ то же время сдѣланы нѣкоторыя другія, менѣе значительныя улучшенія по указаніямъ опыта.

Нельзя считать обремененіемъ, когда молодые люди рѣшаютъ довольно сложныя математическія задачи, или изучаютъ нѣкоторыя болѣе доступныя по своему содержанію діалоги Платона, или являютъ твердое знаніе древнихъ языковъ, если доказано, что пріобрѣтеніе этихъ знаній далось имъ своевременно, свободно и безъ затрудненія. Въ прошломъ столѣтіи наше юношество изумляло своихъ родителей, опредѣляя съ точностью, сколько разъ обернется колесо тарантаса на пути изъ деревни въ Москву, когда извѣстны его діаметръ или окружность. Родители не постигали, какъ можетъ молодой человѣкъ, въ его лѣта, рѣшать такія трудныя задачи. Также

точно возвышеніе уровня знанія въ молодомъ поколѣніи, въ наше время, можетъ инымъ казаться изумительнымъ, но всякій убѣдится изъ плановъ преподаванія въ гимназіяхъ и циркуляра г. министра, при которомъ они препровождаются, что на вопросъ о необремененіи учащихся обращено самое строгое вниманіе; отступленія отъ плановъ допускаются въ извѣстныхъ случаяхъ только подъ условіемъ необремененія большинства, и программа преподаваемого предмета расширяется только въ томъ случаѣ, когда опытомъ доказано основательно, что такое расширение не затрудняетъ учащихся.

б) „Вѣстникъ Европы“, въ другомъ отдѣлѣ, въ хроникѣ „Теперь и прежде“ употребляетъ слѣдующія выраженія: „Стремленіе къ спеціальностямъ въ слишкомъ раннемъ возрастѣ и преувеличенная классическая спеціализація нанесли ударъ нашему образованію. Мѣсто прежняго гуманнаго образованія заступило теперь поверхностное чтеніе газетъ и немногихъ толстыхъ журналовъ“.

Гимназіи имѣютъ въ виду, въ Россіи, какъ и вездѣ, не спеціализацію какихъ-либо знаній, но общеобразовательную цѣль, и въ этомъ заключается особенность этихъ учебныхъ заведеній, какъ видно изъ ихъ устава. Окончившій курсъ общеобразовательныхъ предметовъ признается зрѣлымъ, и только тогда допускается къ изученію спеціальныхъ отраслей знанія, на различныхъ факультетахъ университета или въ высшихъ спеціальныхъ училищахъ. Соответственно этой цѣли, въ программу гимназій допущены древніе языки, за которыми повсемѣстно признано очень важное общеобразовательное значеніе, почему ихъ изученіе носитъ издавна названіе *studia humaniora*. Классицизмъ и гуманизмъ терминъ тождественные. Сообразно той же цѣли, преподаванію этихъ языковъ далеко не дано той обширности, которой требуютъ спеціальныя занятія ими, развивающіяся на историко-филологическомъ факультетѣ университета. Такъ точно и по математикѣ, въ гимназіяхъ ограничиваются преподаваніемъ лишь элементарнаго курса, предоставляя спеціализацію и развитіе этой науки фязико-математическому факультету. Такимъ образомъ показаніе „Вѣстника Европы“, будто бы въ гимназіяхъ существуетъ какая-то преувеличенная спеціализація, лишено всякаго основанія.

в) Далѣе „Вѣстникъ Европы“ утверждаетъ, что въ гимназіи ученики поступаютъ обыкновенно 10 лѣтъ, и недоумѣваетъ, какъ могутъ требовать въ IV и V классахъ, отъ мальчика 13—14 лѣтъ, переводъ Цезаря и Саллюстія, Ксенофонта и Гомера. Изъ отчетовъ объ испытаніяхъ зрѣлости, печатаемыхъ ежегодно въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, видно, что большинство молодыхъ людей оканчиваетъ у насъ гимназическій курсъ на 20-мъ году отъ рожденія, даже 21 и 22 лѣтъ, и весьма немногіе выпускаются 17-лѣтняго возраста; поэтому свѣдѣнія и познанія, которыя имъ передаютъ въ IV классѣ и которыя „Вѣстникъ Европы“ неправильно относитъ къ 13-лѣтнему возрасту, большинство приобрѣтаетъ 17 лѣтъ отъ роду, что составляетъ большую разницу. Конечно, немногіе, развиваясь ранѣе, способны опередить болѣе взрослыхъ. Извѣстный Паскаль, представленный довольно рано отцомъ къ изученію *humaniora*, на 13 году занимался также математикой, и 16 лѣтъ написалъ трактатъ о вѣрическихъ свѣченіяхъ, изумившій современниковъ; но такіа исклю-

ченія не могутъ составить общаго правила. Въ 1875 г. призванные зрѣлыми 19-лѣтняго, 20-лѣтняго возраста и 21 года составляли 75% общаго числа зрѣлыхъ, 18-лѣтняго 19% и 17-лѣтняго только 5%. Корнелій Непотъ, Цезарь и Саллюстій, Анабазисъ Ксенофонта и Гомерова Иліада, въ училищахъ всѣхъ образованныхъ государствъ, предлагаются начинающимъ, и многіе педагоги предпочитаютъ давать въ руки ученикамъ одного изъ легкихъ авторовъ, нежели унражать ихъ переводами по отрывкамъ и христоматіямъ. Главнымъ достоинствомъ и прелестью Гомеровой Иліады считаютъ, между прочимъ, безъискусственную простоту рѣчи и изложенія, которою отличается это знаменитое твореніе.

г) Затѣмъ „Вѣстникъ Европы“ утверждаетъ, что послѣдствіемъ предполагаемой имъ излишней требовательности учебныхъ плановъ, является будто бы обычай обращать вниманіе только на формальное ихъ выполненіе, наружное, на показъ; о дѣйствительномъ же усвоеніи учащимися познаній будто бы не заботятся, имѣють въ виду двухъ, трехъ лучшихъ учениковъ и ихъ преуспѣваніе, забывая о массѣ, объ ученикахъ посредственныхъ.

Такія свѣдѣнія не только прямо противоположны указаніямъ, духу и направленію устава о гимназіяхъ и прогимназіяхъ, Высочайше утвержденнаго въ 1871 г. и всѣхъ изданныхъ въ его развитіе распоряженій, но противорѣчатъ и всѣмъ статистическимъ даннымъ о гимназіяхъ, собраннымъ и тщательно провереннымъ въ министерствѣ, отзывамъ многочисленныхъ профессоровъ нашихъ университетовъ, разсматривающихъ ежегодно письменныя работы учениковъ гимназій, исполняемыя ими на испытаніяхъ зрѣлости, и всей обстановкѣ нашего гимназическаго преподаванія и гимназическаго экзамена.

Результаты преподаванія въ училищахъ обнаруживаются наиболее ясно на послѣднемъ выпускномъ экзаменѣ. Изъ свѣдѣній, напечатанныхъ въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ объ испытаніяхъ зрѣлости, всякій убѣдится, что приготовленіе 2-хъ или 3-хъ отличныхъ учениковъ не составляетъ и не можетъ составить заслуги для гимназій. Отличные ученики вносятся въ особый списокъ, печатаемый въ Журналѣ и министерство слѣдитъ за ихъ успѣхами по выходѣ изъ гимназій, рекомендуя ихъ вниманію попечителей учебныхъ округовъ; отличнѣйшіе ученики награждаются золотыми и серебряными медалями: этимъ ограничивается вниманіе къ лучшимъ ученикамъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Въ заслугу гимназіямъ вмѣняется, напротивъ, когда въ цѣломъ учебномъ округѣ всѣ ученики безъ исключенія или за немногими исключеніями выдерживаютъ удовлетворительно экзаменъ, какъ то случилось въ 1876 году въ гимназіяхъ казанскаго округа, въ которомъ всѣ 96 учениковъ старшаго класса удовлетворительно выдержали испытанія по всѣмъ предметамъ преподаванія, или какъ, на примѣръ, въ 1875 г. въ с.-петербургскомъ округѣ, въ которомъ изъ 109 учениковъ 12 гимназій округа, только 1 не выдержалъ экзамена по русской словесности, только 2 изъ латинскаго языка и 3 по математикѣ; или какъ въ одесскомъ округѣ въ 1876 г., въ которомъ всѣ 126 учениковъ гимназій выдержали экзаменъ безъ исключенія по двумъ главнымъ предметамъ преподаванія, изъ русской словесности

и по математикѣ, и когда *притомъ* они удостоиваются такихъ лестныхъ отзывовъ со стороны профессоровъ университета, рассматривающихъ ихъ письменныя работы, каковы приводимыя ниже въ извлеченіи.

Профессоръ Карастелевъ пишетъ въ своемъ отзывѣ въ 1874 г., что въ промежутокъ времени, обнимающій 23 академическіе года, ему приходилось ежегодно производить экзамены желавшимъ поступить на физико-математическій факультетъ, и когда онъ приводитъ себѣ на память различныя подробности экзаменовъ, ему представляется ясно значительный успѣхъ, который сдѣлали въ послѣдніе два или три года гимназій въ дѣлѣ математическаго образованія. Въ одесскомъ округѣ въ 1874 г., по его отзыву, 75% общаго числа представленныхъ письменныхъ работъ оказались *столтъ безошибочны*. Такіе блистательные результаты экзаменовъ убѣждаютъ, что гимназій обращаютъ вниманіе не на единичныя личности, а напротивъ на массу, причемъ только незначительное меньшинство не поддается никакимъ усиліямъ и не оказываетъ требуемыхъ успѣховъ. Въ 1876 г. тотъ же профессоръ Карастелевъ, удивляясь *огромному* прогрессу въ одесскомъ учебномъ округѣ, сдѣланному гимназіями въ преподаваніи математики въ послѣдніе три года, свидѣтельствуютъ, что оцѣнка, выставленная преподавателями на работахъ учениковъ, болѣе строга, чѣмъ снисходительна; отмѣтки иногда ниже достоинства работъ, но и при такой требовательности около 80% общаго числа по всѣмъ отдѣламъ математики заслуживаютъ высшей оцѣнки 4 и 5.

Не въ одномъ одесскомъ округѣ слышатся подобныя похвалы трудамъ нашего юношества и не отъ одного профессора Карастелева. Другіе профессора еще сильнѣе и обстоятельнѣе выражаютъ свое одобреніе, признавая за большинствомъ выпускныхъ гимназистовъ твердыя теоретическія знанія по элементарной математикѣ и навѣкъ примѣнять ихъ на практикѣ къ рѣшенію весьма сложныхъ задачъ, точность вычисленій и тщательность работы, а также умѣніе приискать наиболѣе простыя и лучшіе способы рѣшенія.

Заслуженный профессоръ Срезневскій пишетъ въ 1876 г., въ представленномъ имъ отзывѣ о сочиненіяхъ учениковъ 6-й с.-петербургской гимназій по русскому языку и словесности: „Отчетливость правописанія составляетъ еще меньшее достоинство разсмотрѣнныхъ мною сочиненій; болѣе важна легкость изложенія, выказывающая навѣкъ письменно выражаться, и легкость изложенія соединена съ умѣньемъ умно и мѣтло выбирать слова и выраженія“. Профессоръ удивляется, какимъ огромнымъ запасомъ разнообразныхъ подробностей о многихъ произведеніяхъ русской словесности владѣютъ эти юноши. Подобные отзывы повторяются о другихъ гимназіяхъ и въ другихъ учебныхъ округахъ. Невозможно заподозрить профессоровъ университета въ преувеличеніи или пристрастии, въ особенности такую массу профессоровъ, какая представила свои отзывы учебному начальству въ теченіи послѣднихъ четырехъ лѣтъ.

Не составляетъ особой заслуги, ни для гимназій, ни для гимназиста, какъ то полагаетъ „Вѣстникъ Европы“, знаніе сотни и даже тысячи стиховъ Овидія и Горация; но основнымъ мѣриломъ знанія въ древнихъ языкахъ, на испытаніяхъ зрѣлости, считаются переводы съ

русскаго языка на латинскій и греческій, и вотъ какъ большинство гимназистовъ ихъ выполняетъ, судя по отзывамъ профессоровъ университета: въ с.-петербургскомъ учебномъ округѣ въ 1876 г., по мнѣнію профессора Помяловскаго, молодые люди приобрѣли достаточный запасъ словъ и выраженій и навыкъ ими распорядиться; мало того, у нѣкоторыхъ замѣчается стремленіе къ составленію періодовъ въ духѣ латинскаго языка. Устные экзамены вполне подтвердили благоприятное мнѣніе, которое профессоръ составилъ себѣ объ ученикахъ по ихъ письменнымъ работамъ. Въ казанскомъ округѣ профессоръ Добротворскій находитъ латинскіе переводы, въ большинствѣ, *сполнн удовлетворительными*, и многіе могутъ быть названы *образцовыми*. Въ одесскомъ, доцентъ новороссійскаго университета Лебедевъ пишетъ, что достоинствами стилистическими и лексическими отличаются сочиненія, отмѣченныя балломъ 5, остальные имъ уступаютъ *красотою слога*; по примѣненію же этимологическихъ и синтаксическихъ правилъ *весьма значительное большинство* можетъ удовлетворить довольно строгимъ требованіямъ; экстенпоралій, не вполне исправныхъ съ этой стороны, столь мало, что такіа могутъ быть разсматриваемы какъ *исключенія*. Преподаваніе греческаго языка вообще идетъ въ гимназіяхъ успѣшнѣе латинскаго. По отзыву профессора Дестуниса, какъ письменныя, такъ и устныя испытанія учениковъ 6-й с.-петербургской гимназіи представляли въ 1876 г. такіе замѣчательные успѣхи, каковыхъ ему не приходилось видѣть ни разу до того времени, ни на одномъ выпускномъ экзаменѣ по греческому языку.

Эти извлеченія, взятая на выдержку изъ отчетовъ профессоровъ, напечатанныхъ въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, отчасти изъ отзывовъ ихъ за 1876 г., которые въ скоромъ времени будутъ напечатаны, убѣждаютъ, что управленія гимназій не ограничиваются исполненіемъ одной формальной стороны программъ, но что ученики обладаютъ дѣйствительно твердымъ знаніемъ изучаемыхъ предметовъ, притомъ большинство и въ большинствѣ гимназій, какъ доказываютъ напечатанныя въ тѣхъ же отчетахъ статистическія данныя.

д) „Вѣстникъ Европы“ утверждаетъ далѣе, что въ гимназіяхъ развито взаимное страхование отъ неудачи на экзаменахъ и при повтореніи уроковъ, подсказываніе, и работы учениковъ пишутся старшимъ братомъ, сестрою, отцомъ или списываются съ тетрадью старшихъ родственниковъ, а по древнимъ языкамъ имъ помогаютъ изданные нѣмецкіе переводы классиковъ.

Изъ статистическихъ свѣдѣній, напечатанныхъ въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ за апрѣль 1877 г., въ статьѣ: „О распредѣленіи учащихся по классамъ и курсамъ“, видно, что къ 1-му января 1876 г. число учащихся въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ достигало всего до 47,471 ч. Невѣроятно, чтобы такое огромное число учащихся постоянно пользовалось наставленіемъ и руководствомъ со стороны своихъ старшихъ братьевъ, сестеръ или отцовъ, при составленіи письменныхъ своихъ работъ. Напротивъ чаще слышатся жалобы на равнодушіе родителей и родственниковъ къ успѣхамъ молодыхъ людей; многіе отдадутъ дѣтей въ ученіе, чтобы избавиться отъ надзора за ними. Родители не допускаются, конечно, къ участию въ

испытаніяхъ зрѣлости, а между тѣмъ юности доказываютъ на испытаніяхъ, какъ выше изложено, твердое знаніе изучаемыхъ предметовъ, далеко превосходящее познанія большинства родителей и родственниковъ. Молодые люди, обладающіе такимъ знаніемъ древнихъ языковъ, о какомъ свидѣтельствуютъ отзывы профессоръ университета, умѣющіе передать русскую рѣчь на латинскомъ или греческомъ языкѣ, не только правильно, но даже изящно, конечно, не нуждаются въ подсказываніи, легко и свободно могутъ читать классическихкихъ поэтовъ и другихъ авторовъ, не имѣя надобности просиживать ночи, чтобы разобрать какой-либо отрывокъ или прибѣгать къ нѣмецкимъ переводамъ. Сличеніе отчетовъ объ испытаніяхъ зрѣлости съ правилами объ испытаніяхъ убѣждаетъ, что подсказываніе на экзаменахъ не имѣетъ цѣли и не можетъ выручить незнающаго, а при строгомъ учрежденномъ надзорѣ едва ли возможно. Профессоры университета и окружные инспекторы, присутствующіе на испытаніяхъ, каждый разъ указываютъ въ своихъ отзывахъ, когда проявляется какая-либо попытка къ обману въ этомъ родѣ, такъ напримѣръ, когда на экзаменѣ изъ математики какой-либо ученикъ вышелъ изъ зала и потомъ рѣшилъ задачу, которая прежде его затрудняла, или когда въ рѣшеніи математическихъ задачъ или въ переводахъ на древніе языки замѣтно какое-либо однообразіе въ приемахъ и выраженіяхъ въ работахъ учениковъ той же гимназій. Подобные случаи весьма рѣдки.

е) „Вѣстникъ Европы“ приводитъ въ подтвержденіе своихъ обвиненій какую-то N-скую гимназій, въ которой, по словамъ „Вѣстника“, трое избранныхъ работаютъ до истощенія, просиживая ночи со вредомъ для здоровья; ихъ вызываютъ и ими вызываюцца въ присутствіи почетныхъ посѣтителей, а большинство коснѣетъ въ невѣжествѣ и въ высшихъ классахъ дѣлаетъ грубыя ошибки противъ орфографіи русскаго языка.

Такъ какъ гимназій не названа въ „Вѣстникѣ Европы“, то не представляется возможности повѣрить эти указанія. Приведенные выше факты изъ быта гимназій вовсе не похожи на картину, изображаемую „Вѣстникомъ“, и рѣзко ей противоположны.

Министерство не скрываетъ существующихъ недостатковъ. Въ числѣ 200 гимназій и прогимназій есть такія, которыя еще не вполне удовлетворяютъ требованіямъ министерства, но число такихъ гимназій годъ отъ году уменьшается. Въ массѣ 47,000 учащихся есть, конечно, слабые, лѣнныя, и даже неспособныя, но они составляютъ весьма незначительное меньшинство; принимаются возможныя мѣры къ развитію ихъ способностей, и наконецъ въ случаѣ совершенной неудачи, имъ открытъ свободный путь къ переходу въ училища съ программой болѣе ограниченной, нежели гимназическая и университетская, или же при выходѣ ихъ изъ гимназій до окончанія полнаго курса, на попроче практической дѣятельности, для нихъ выговорены права, соответствующія степени ихъ усердія, болѣе ограниченныя при выходѣ съ IV класса гимназій и болѣе поощряющія для тѣхъ, кто въ состояніи продолжать ученіе до VI класса.

Министерство, какъ видно изъ тѣхъ же источниковъ, указанныхъ выше, напечатанныхъ въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣ-

щениа", весьма внимательно слѣдить за всѣми явленіями училищной жизни, собирая свѣдѣнія о числѣ переводимыхъ изъ класса въ классъ, объ ихъ успѣхахъ въ теченіи учебнаго года, о ихъ поведеніи, о числѣ выбывающихъ до окончанія курса и причинахъ, которыми руководствуются преждевременно выбывающіе ученики, о пропущенныхъ урокахъ, о числѣ заболѣвающихъ и умершихъ, о мѣрахъ взысканія противъ неисправныхъ, сравниваетъ эти свѣдѣнія со статистикой иностранныхъ учебныхъ заведеній, обращая преимущественно вниманіе на массу учащихся, большинство, а также на учениковъ слабыхъ, и въ общихъ результатахъ усматриваетъ не упадокъ преподаванія, но постепенное и постоянное улучшеніе воспитанія въ нашихъ гимназіяхъ.

Недоразумѣнія по вопросамъ народнаго образованія, со стороны редакцій журналовъ, происходить, намъ кажется, отъ того, что ихъ сотрудники не желаютъ ознакомиться основательно съ предметомъ, о которомъ пишутъ „по слухамъ“, и провѣрить сообщаемыя ими извѣстія на основаніи данныхъ, обнародованныхъ въ официальномъ органѣ министерства народнаго просвѣщенія—въ его журналѣ.

Какъ на примѣръ недоразумѣній не излишне указать еще на замѣтку, сдѣланную въ хроникѣ „Вѣстника Европы“ по случаю пріѣзда въ Москву извѣстнаго трагика Росси. „Вѣстникъ Европы“ жалуется на упадокъ вкуса въ публикѣ, и такое явленіе объясняетъ отступленіемъ назадъ прогресса и цивилизаціи, утверждая при этомъ, что ученики тридцатыхъ годовъ лучше знали по латыни и по гречески, чѣмъ ученики нашего времени, ничѣмъ не подтверждая, впрочемъ, такого мнѣнія.

Ученики, поступившіе въ гимназіи со времени ихъ реформы по уставу 1871 г., еще не окончили гимназическаго курса и не могли, поэтому, оказать никакого вліянія на мнѣніе общества ни въ одномъ городѣ. Въ объяснительной запискѣ къ уставу 1871 г. между прочимъ сказано: „Если уставъ 1864 г. былъ первымъ шагомъ къ возстановленію нашей ученой школы, потрясенной въ самыхъ основахъ своихъ мѣрами 1849 и 1851 гг., то законодательный актъ 1871 г. является довершеніемъ и упроченіемъ этой благотворной реформы, съ освобожденіемъ ея отъ болѣе или менѣе случайныхъ недостатковъ, которые въ нее проникли“. Люди компетентные, опытные педагоги придають особенную важность тѣмъ основамъ серьезнаго ученія, которые введены уставомъ 1871 г. Успѣхъ сдѣланныхъ преобразованій превзошелъ всякія ожиданія, какъ свидѣлствуютъ указанные выше отчеты, напечатанные въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» о ходѣ преподаванія въ гимназіяхъ и его результатахъ; но прогрессъ образованія шелъ впередъ столь быстрыми шагами, что невозможно сравнивать даже учениковъ выпуска 1873 г., перваго по новымъ правиламъ объ испытаніяхъ, съ выпускомъ 1876 г. Невѣдѣніе объ этомъ различіи въ достоинствѣ и познаніяхъ гимназистовъ послѣднихъ выпусковъ приводитъ не-специалистовъ ко многимъ недоразумѣніямъ, при сужденіяхъ о ходѣ преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. На испытаніяхъ зрѣлости 1873 и 1874 гг. было замѣтно только нѣкоторое, впрочемъ довольно значительное улучшеніе, въ сравненіи съ прошлымъ временемъ; на испытаніяхъ

1875 и 1876 гг. впервые оказались очевидные плоды новаго порядка, и убѣдили принимающихъ участіе въ воспитаніи юношества, въ благотворномъ вліяніи новаго устава; но молодые люди, прошедшіе весь курсъ гимназическаго ученія по новому плану образованія, ожидаются не ранѣе 1880 года.

Улучшеніе быта гимназій доказываетъ, между прочимъ, и возрастающее число учащихся. Въ 1825 г. обучающихся въ гимназіяхъ насчитывалось 7600 человекъ, въ 1850 г. число ихъ возрасло до 18,000, въ 1876 г. гимназій и прогимназій посѣщало 47,000 молодыхъ людей. Съ возрастаніемъ числа учащихся увеличивается постепенно и число учебныхъ заведеній, учреждаются новыя гимназій и прогимназій по ходатайству земскихъ собраній и городскихъ обществъ. Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ г. министра народнаго просвѣщенія за 1875 г. было высказано, что въ 1874 г. число вновь поступающихъ достигло небывалыхъ прежде размѣровъ. Вслѣдствіе такого усилившагося прилива, низшіе классы значительно превышаютъ численностью высшіе. Изъ 47,000 учащихся болѣе половины (25,443) посѣщали въ концѣ 1875 г. приготовительный, I и II классы, въ третью числилось 7000 человекъ; за тѣмъ уменьшаясь быстро и равномерно, число учащихся въ VIII классѣ ограничивалось въ 1875 г. цифрой 1252 человекъ. Едва ли кто станетъ утверждать, что гимназій слишкомъ легко удостоиваютъ своихъ учениковъ перевода въ послѣдующіе высшіе классы; однако же перевода удостоиваются болѣе $\frac{2}{3}$ учащихся. Не выдерживаютъ переводнаго экзамена до 33% въ низшихъ классахъ,—процентъ довольно значительный, но уменьшающійся годъ отъ году болѣе. Въ высшихъ классахъ число невыдерживающихъ переводнаго экзамена понижается до 17%, считая всѣ гимназій вмѣстѣ. Выбываетъ до окончанія курса изъ различныхъ классовъ, за болѣзнію, смертію и по разнымъ причинамъ, около 12%, процентъ весьма незначительный, если принять во вниманіе, что въ массѣ учащихся не всѣ готовятъ себя къ университетскому курсу, но многіе, въ особенности изъ городскихъ сословій и купчества, довольствуются прохожденіемъ неполнаго курса гимназій, по принятому издавна обычаю и условіямъ своего сословнаго быта.

Съ возрастаніемъ числа учащихся увеличивается и число выпускныхъ учениковъ: въ 1873 году признаны были зрѣлыми всего 685 человекъ; въ 1875 году, съ присоединеніемъ округовъ дерптскаго и варшавскаго, ихъ число возрасло до 1,298 человекъ. Въ 1873 году около 25% гимназистовъ, подвергавшихся испытанію зрѣлости, не выдержали экзамена; затѣмъ число обнаруживающихъ неудовлетворительное знаніе понижается равномерно съ каждымъ годомъ, и въ 1875 г. ограничивалось 15%. Большинство невыдержавшихъ остается на второй годъ въ VIII классѣ, и только весьма незначительная часть выбываетъ изъ гимназій, не докончивъ ученія. Изъ признанныхъ зрѣлыми большинство (около 85%) поступаетъ въ университеты, около 12% процентовъ въ высшія спеціальныя училища, какъ, напримеръ, институты: горный, технологическій, инженеровъ путей сообщенія и другіе, и только 2% опредѣляются на государственную службу или другое поприще практической дѣятельности.

Желающие ознакомиться подробнѣе съ условіями нашего гимна-

вическаго быта и съ вопросами современной педагогикѣ могутъ обратиться къ извѣстіямъ, напечатаннымъ въ „Журналѣ Министерства“ въ слѣдующихъ статьяхъ: извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета г-на министра за 1874 годъ (іюль 1876 г.); о распредѣленіи учащихся по классамъ и курсамъ (апрѣль 1877 г.); по поводу повѣрочныхъ испытаній въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія (май 1877 г.); объ испытаніяхъ зрѣлости въ 1873, 1874 и 1875 гг. (напечатанныя въ „Журналѣ“ 1874, 1875 и 1876 гг.), и къ печатаемой при „Журналѣ“, въ видѣ особаго приложенія „Исторіи среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи“, Е. К. Шмида.

Что же касается до перепечатки въ „Вѣстникѣ Европѣ“ невѣрныхъ извѣстій, помѣщенныхъ въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“, то извѣстія эти уже вызвали нижеслѣдующія объясненія со стороны министерства народнаго просвѣщенія¹⁾.

„Ни министерствомъ народнаго просвѣщенія, ни окружными учебными начальствами,—ни, наконецъ самими гимназіями или прогимназіями не была ни сознана, ни признана гдѣ бы то ни было, неудовлетворительность постановки учебнаго курса этихъ заведеній или же неудовлетворительность ихъ программъ по многимъ предметамъ. Притомъ же, по § 75 Высочайше утвержденнаго 30-го іюля 1871 г. устава гимназій и прогимназій (п. 2-й), подробныя программы преподаванія каждаго предмета составляются самими преподавателями каждой гимназій или прогимназій по принадлежности на основаніи учебнаго плана, утвержденнаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, затѣмъ подлежатъ разсмотрѣнію педагогическаго совѣта и по одобреніи имъ представляются на утвержденіе попечителя учебнаго округа; министерству же народнаго просвѣщенія принадлежитъ только составленіе учебныхъ плановъ, кои, по § 15-му вышеупомянутаго устава, опредѣляется объемъ преподаванія предметовъ учебнаго курса, а равно и распредѣленіе онаго по классамъ. Эти учебныя планы были изданы отъ министерства народнаго просвѣщенія 31-го іюля 1872 года, и въ циркулярномъ предложеніи по сему предмету г-на министра народнаго просвѣщенія попечителямъ учебныхъ округовъ было прямо заявлено, что всѣ соображенія преподавателей и педагогическихъ совѣтовъ относительно этихъ учебныхъ плановъ и сообщаемыя на этомъ основаніи учебными начальствами указанія опыта „будутъ приняты министерствомъ народнаго просвѣщенія во вниманіе *въ видѣ постепеннаго улучшенія* предлагаемыхъ нынѣ (31 іюля, 1872 г.) въ исполненію учебныхъ плановъ, такъ чтобы мало по малу путемъ указаній опыта и при участіи всего педагогическаго сословія нашихъ гимназій и прогимназій былъ выработанъ по каждому предмету наиболѣе удовлетворительный нормальный учебный планъ“.

„Предпринятый нынѣ пересмотръ учебныхъ плановъ 1872 г. понадобился главнымъ образомъ вслѣдствіе только того, что нынѣшніе учебныя планы были установлены отчасти въ виду совмѣстнаго обученія учениковъ младшаго и старшаго отдѣленій седьмого класса, теперь же отдѣленія эти почти во всѣхъ гимназіяхъ образовали особые самостоятельныя классы: седьмой и восьмой, и такимъ образомъ

1) См. № 29 „Сѣвернаго Вѣстника“.

теперь дана возможность расположить учебный матеріалъ гимназическаго курса съ болѣею послѣдовательностью, чѣмъ прежде. Такъ, напримѣръ, по исторіи, при совмѣстномъ обученіи учениковъ младшаго и старшаго отдѣленій VII класса, нужно было выдѣлнить для этого класса такіе два курса, которые безъ большаго ущерба могли бы быть преподаваемы поочередно однимъ и тѣмъ же ученикамъ: такими курсами были въ одинъ годъ курсъ новѣйшей исторіи со временъ императрицы Елисаветы Петровны, а въ другой годъ обстоятельный систематическій курсъ древней исторіи; при раздѣленіи же VII класса на два самостоятельные класса явилась возможность вслѣдъ за эпизодическимъ курсомъ всеобщей и русской исторіи, пригоднымъ въ III и IV классахъ, приступить въ V классѣ прямо къ систематическому курсу древней исторіи и вести преподаваніе этого предмета далѣе безъ всякаго нарушенія строгой послѣдовательности.

Точно также по русской словесности при чередованіи изъ года въ годъ курсовъ VII класса, необходимо было приурочить теорію словесности и исторію русской литературы къ изученію отдѣльных образцовыхъ ея произведеній; нынѣ же съ раздѣленіемъ VII класса на два самостоятельные класса является возможность болѣе строгаго и послѣдовательнаго изложенія этихъ предметовъ, причѣмъ изученіе образцовыхъ произведеній русской литературы будетъ служить къ подтвержденію и уясненію теоретическихъ и историко-литературныхъ познаній учениковъ. То же самое должно быть сказано отчасти и о всѣхъ другихъ предметахъ, въ особенности же о физикѣ.

Такимъ образомъ отнюдь не признаніе какой-либо существенной неудовлетворительности прежнихъ учебныхъ плановъ и въ особенности постановки всего учебнаго курса гимназій, а раздѣленіе VII класса на два самостоятельные класса и происшедшая отсюда возможность правильнѣе и послѣдовательнѣе распределить по классамъ весь учебный матеріалъ гимназическаго курса были поводомъ къ пересмотру учебныхъ плановъ 1872 г. Но при этомъ естественно и необходимо было позаботиться и о дальнѣйшемъ усовершенствованіи этихъ учебныхъ плановъ по указаніямъ предшествовавшаго пятнадцатилѣтняго опыта, что и было возложено министерствомъ народнаго просвѣщенія на особую комиссію при ученомъ комитетѣ, состоявшую изъ всѣхъ начальниковъ с.-петербургскихъ гимназій и прогимназій и не разъ обращавшуюся въ своихъ трудахъ къ содѣйствію специалистовъ-практиковъ. Плодомъ ея трудовъ будутъ не какіе-либо новыя учебныя планы, а болѣе или менѣе значительное усовершенствованіе прежнихъ учебныхъ плановъ и лучшее распредѣленіе учебнаго матеріала по классамъ, въ особенности же старшимъ, къ чему открылась возможность только съ учрежденіемъ самостоятельныхъ восьмыхъ классовъ. Министерство народнаго просвѣщенія, озабочиваясь возможно лучшимъ преподаваніемъ всѣхъ предметовъ гимназическаго курса, предполагаетъ и въ будущемъ съ тѣмъ же вниманіемъ слѣдить за осуществленіемъ на дѣлѣ и этихъ вновь пересмотрѣнныхъ учебныхъ плановъ и пользоваться всѣми указаніями опыта и всѣми успѣхами нашей учебной литературы и нашей педагогической практики для дальнѣйшаго ихъ улучшенія, и едва ли было бы достойно серьезныхъ органовъ печати всякое подобное улучшеніе въ дѣлѣ

столь существенно важно обращать въ укоръ его предшествовавшей дѣятельности.

Отнюдь не отрицая, что во многихъ гимназіяхъ, особенно тѣхъ учебныхъ округовъ, гдѣ мѣстная русская рѣчь далеко не отличается правильностью и чистотой или гдѣ встрѣчаются особенныя трудности къ приисканію хорошихъ преподавателей русскаго языка и словесности, успѣхи учениковъ по этому предмету оставляютъ желать еще очень многого, нельзя не высказаться самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ замѣтки „Сѣвернаго Вѣстника“, будто бы предметъ этотъ „до такой степени затертъ нынѣ древними языками, что ученики выходятъ изъ гимназій почти незнакомыми съ историческимъ ходомъ развитія своей родной литературы“, и будто бы „примѣры подобнаго невѣжества въ исторіи литературы и даже неумѣнья владѣть русскимъ языкомъ какъ въ письменномъ, такъ и въ изустномъ изложеніи достаточно знакомы университетскимъ профессорамъ на историко-филологическомъ факультетѣ“. Совершенно напротивъ, отзывы означенныхъ профессоровъ въ ихъ отчетахъ о письменныхъ упражненіяхъ учениковъ гимназій на испытаніяхъ зрѣлости,—отзывы, всякій разъ приводимые въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ въ статьяхъ объ испытаніяхъ зрѣлости, несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что со времени учебной реформы 1871—72 г. и благодаря ей и вызваннымъ ею учебнымъ планамъ 1872 г. гимназій наши сдѣлали весьма значительные успѣхи и въ этомъ отношеніи.

Вотъ нѣкоторые изъ этихъ отзывовъ:

А) По *с.-петербургскому учебному округу* за 1874 г., профессора Миллера: „Ученики гимназій пишутъ вообще грамотно и излагаютъ свои мысли въ логической послѣдовательности“. За 1875 г., по отзыву попечительскаго совѣта, въ составѣ котораго состоятъ и профессора историко-филологическаго факультета, сочиненія учениковъ гимназій обнаруживаютъ въ нихъ „умѣнье выражать свои мысли ясно и послѣдовательно; ошибокъ, свидѣтельствующихъ о малограмотности въ нихъ не замѣчено“. „Гг. профессора (Сухомлиновъ и Миллеръ) въ немногихъ случаяхъ находили отиѣтки экзаменующихъ слишкомъ строгими, но не признали ихъ ни одного раза излишне снисходительными“.

Б) По *московскому учебному округу*, за 1874 г., профессоръ русской словесности Тихонравовъ пишетъ въ своемъ донесеніи попечительскому совѣту московскаго учебнаго округа: „Общее впечатлѣніе, вынесенное мною изъ внимательнаго чтенія гимназическихъ сочиненій—самое благоприятное. Правила объ испытаніяхъ зрѣлости—продолжаетъ онъ—освободили гимназистовъ старшаго отдѣленія VII-го класса отъ устнаго испытанія по русской литературѣ, выдвинули на первый планъ самую существенную задачу въ преподаваніи словесности—научить излагать свои мысли грамматически и логически правильно... Сосредоточенныя на немногихъ, но за то существенныхъ пунктахъ предмета, требованія по русскому языку экзаменаціонныхъ комиссій по большей части были довольно взыскательны (особенно въ московскихъ гимназіяхъ), тѣмъ не менѣе лишь весьма ничтожный процентъ учениковъ VII-го класса (10 изъ 156) не былъ въ состояніи удовлетворить имъ“. Требуя, чтобы на будущихъ испытаніяхъ зрѣ-

лости ученики гимназій предпосылали своему сочиненію изложеніе плана, котораго они намѣрены въ немъ держаться, профессоръ Тиховравовъ говорить, между прочимъ: „Въ системѣ преподаванія русской словесности по учебнымъ планамъ, изданнымъ отъ министерства народнаго просвѣщенія, извлеченіе плана изъ разобранныхъ учениками сочиненій, самостоятельное составленіе такого плана учениками и выработка, на основаніи такихъ плановъ, описаній, повѣствованій и разсужденій имѣютъ вполне принадлежащее имъ значеніе, начинаясь съ IV-го класса и продолжаясь непрерывно въ строгой постепенности до конца гимназическаго курса“. „Къ чести теперешняго преподаванія русской словесности,—прибавляетъ онъ далѣе,—оно ведетъ къ этому (къ умѣнью писать по заранѣе обдуманному плану) учащихся твердымъ шагомъ“.

В) По *одесскому учебному округу*, за 1874 г., профессоръ Некрасовъ пишетъ въ своемъ донесеніи почитательному совѣту одесскаго учебнаго округа: „Сочиненія настоящаго года, какъ и прошедшаго, отличаются отсутствіемъ ошибокъ противъ орѳографіи и этимологіи вообще. На крайне рѣдко встрѣчающіяся ошибки этого рода экзаменационныя комиссіи гимназій обратили серіозное вниманіе. Очевидно, что въ гимназіяхъ нашего округа настойчиво преслѣдуется та дѣль, чтобы ученики писали правильно... Что же касается до считающихся ошибокъ или изложенія вообще, то можно сказать, что и въ этомъ отношеніи сочиненія настоящаго (1874) года лучше сочиненій прошедшаго“. „Содержаніе же сочиненій,—замѣчаетъ далѣе профессоръ,—обнаруживаетъ знакомство учениковъ съ крупными нашими писателями“. За 1875 годъ тотъ же профессоръ замѣчаетъ, между прочимъ, что все рѣже и рѣже встрѣчаются ошибки противъ этимологіи и орѳографіи, что въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ замѣтна зрѣлость мысли при хорошемъ изложеніи; замѣтна также значительная начитанность учениковъ гимназій.

Г) По *киевскому учебному округу* отзывъ штатнаго доцента Личниченко за 1874 г.: „За весьма немногими исключеніями, разсмотрѣнными мною сочиненія удовлетворительны и свидѣлствуютъ о томъ, что писавшіе ихъ достаточно развиты и подготовлены къ слушанію лекцій въ университетѣ: они выражаютъ свои мысли грамматически правильно, ясно, отчетливо и послѣдовательно, и мысли эти здравы и вѣрны“.

Этихъ отзывовъ, можно думать, достаточно, чтобы судить о томъ, на сколько вѣрны нареканія „Сѣвернаго Вѣстника“ на наши гимназіи и ихъ учебные планы съ ссылками при этомъ на непонимаванныхъ газетноу профессоровъ историко-филологическихъ факультетовъ нашихъ университетовъ.

М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

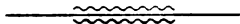
ЮЛЬ—АВГУСТЪ, 1877.

Книга седьмая.—Июль.

	стр.
АВГУСТЪ И УСТАНОВЛЕНІЕ РИМСКОЙ ИМПЕРІИ.—П. ОРГАНИЗАЦІЯ РИМСКОЙ ИМПЕРІИ.—В. И. ГЕРБЕ.	5
БЕЗЪ ВИНЪ ВИНОВАТЫЕ.—Романъ въ двухъ частяхъ.—Часть первая.—АРДОВА	60
ВСЕМИРНЫЙ ТОРГОВЫЙ РЫНОКЪ И ЕГО СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ.—W.	156
ВЪ ЦЕРКВИ.—Изъ „Chants du crépuscule“ В. Гюго.—Н. Д.—ВА.	175
ЛАРРА, ИСПАНСІЙ САТИРИКЪ.—М. В.	183
ИЗЪ МОЕЙ ЗАПИСНОЙ КНИГИ.—Въ СИЦИЛИИ.—I—IV.—ФР. ШПИЛЬГАГЕНА.	206
РАЗСКАЗЫ ИЗЪ КАТЕРИНАВСКАГО ЯЗЫКА.—Записки Г. С. Винскаго.—А. П.	245
НАУКА И ЛИТЕРАТУРА ВЪ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛІИ.—Письмо шестое.—А. РЕНЬЯРА.	270
ХРОНИКА.—НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ВЪ ВИЛЕНСКОМЪ УЧЕБНОМЪ ОКРУГѢ.—Р. Ф. МИНЬВИЦА	304
ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Уголовная статистика.—Сравнительная медленность судо-производства.—Проценты оправданій.—Снисходительность по родамъ преступленій.—Картина семейнаго быта по уголовнымъ даннымъ.—Преступность несовершеннолѣтнихъ.—Образованіе и грамотность.—Племенные черты	816
ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.—XXVI.—Эпизодъ изъ нашего 1870 года. ЭМ. ЗОЛА.	837
ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.—Пѣсни македонскихъ болгаръ, собранныя и изданныя Верковичемъ.—В. Ф. МИЛЛЕРА.—О томъ же.—А. Н. ПЫПИНА.	364
ПУТЕШЕСТВІЯ ПО ВОЛГѢ.—Le Volga, par A. Legrelle.—По Волгѣ, Немировича-Данченко.—Д.	382
ОБОЗРѢНІЕ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.—Іюнь	391
ИЗВѢСТІЯ.—I.—Общество для пособія слушателямъ врачебныхъ и педагогическихъ курсовъ.—II.—Общество вспомошествованія студентамъ С.-Петербургскаго университета	401
БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Профессиональная гигиена, или гигиена умственнаго и физическаго труда, Ф. Эрисмана.—Труды Арало-Каспійской экспедиціи. Вып. IV.—Исторія торговыхъ кривисовъ въ Европѣ и Америкѣ, М. Вирта.—Охотничій словарь, С. И. Романова. Вып. I.—Пѣздка въ Обонежѣ и Корелу, В. Майнова.	

Книга восьмая.—Августъ.

	стр.
Безъ вины виноватые.—Романъ въ двухъ частяхъ.—Часть вторая.—АРДОВА.	421
Августъ и установление римской империи.—III. Личность Августа (окончание).—В. И. ГЕРЬЕ.	512
Намецкое общество послѣ франко-прусской войны.—А. Э.	648
Виктор Гюго по возвращеніи его во Францію.—К. В. АРСЕНЬЕВА.	671
Изъ моей записной книги.—Въ Сициліи (окончание).—V.—ФР. ШПИЛЬБАГЕНА.	704
Стихотворенія.—I.—Двѣ пѣсни.—II.—На разсвѣтѣ.—III.—Ночью.—А. А.—ВА.	708
Россия и Европа въ первой половинѣ царствованія Александра I.—II.—Александръ и Наполеонъ до смерти герцога Англенскаго.—С. М. СЛОВЬЕВА.	740
Хроника.—Внутреннее Овозрѣніе.—Займы и кредитные билеты.—Паденіе валютныхъ курсовъ.—Взиманіе таможенныхъ пошлинъ золотомъ.—Металлическая валюта на желѣзныхъ дорогахъ.—Табачный акцизъ и воззненіе пошлины.—Налогъ на музыкальное образованіе.—Приемные экзамены въ высшія спеціальныя училища.—Новыя условія приема въ военныя училища.	759
Корреспонденція изъ Лондона.—Окончаніе парламентской сессіи.	774
Корреспонденція изъ Берлина.—Дѣтныя канцлеи нейтральныхъ державъ.	794
Парижскія Письма.—XXVII.—Французская печать.—ЭМ. ЗОЛА.	822
Библиографическая Замѣтка.—Новѣйшій этнографическій стиль.—Бродячая Русь Христа-ради. С. Максимова.—Д.	831
Овозрѣніе военныхъ дѣяствій.—Іюль.	838
Опроверженіе.—По требованію министерства народнаго просвѣщенія.	
Библиографическій Листокъ.—Рудольфъ Жене. Шекспиръ, его жизнь и сочиненія.—Павловскъ. Очеркъ исторіи и описаніе. 1777—1877.—Современная Турція. Историко-этнографическіе очерки. Н. Р. Овсянаго.	

Книжный складъ и магазинъ типографіи М. Стасюлевича принимаетъ на комиссію постороннія изданія, подшивку на всѣ періодическія изданія и высылаетъ иногороднымъ всѣ книги, публикованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ *).

№ 27. ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ № 27.
КНИЖНАГО СКЛАДА и МАГАЗИНА
ТИПОГРАФІИ М. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 2-я л., 7.

ФИЛОСОФІЯ—ПСИХОЛОГІЯ—АНТРОПОЛОГІЯ.

Вопросы о жизни и духѣ. Дж. Г. Льюиса. Перев. съ англ. Т. I. Спб. 1875. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф. Т. II. Спб. 1876. Ц. 3 р., пересланныхъ за 4 фута.

Доказательства истины христіанской вѣры, основанныя на буквальной исполненіи пророчествъ, исторіи евреевъ и открытіяхъ повѣйшихъ путешественниковъ. А. Кейтъ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Опытъ критическаго изслѣдованія основоначалъ позитивной философіи. В. Лесевича. Спб. 1877. Ц. 2 р.

Основанія психологіи. Герберта Спенсера, съ приложеніемъ статьи „Сравнительная психологія человека“ Г. Спенсера. Переводъ со 2-го англійскаго изданія. 4 т. Спб. 1876. Ц. 7 р. съ пересылкою.

Ученіе о развитіи органическаго міра. Оскара Шмидта, профессора Страсбургскаго университета. Переводъ съ нѣмецкаго. Съ 26 рисунками въ текстѣ. Спб. 1876. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

БОГОСЛОВІЕ—ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРІЯ.

Палестина и Синай. Библиографическій указатель русскіхъ книгъ и статей о святыхъ мѣстахъ Востока, преимущественно палестинскихъ и синайскихъ. В. Н. Хитрово. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Путеводитель православныхъ поклонниковъ по городу Риму и его окрестностямъ. Владиміра Мордвинова. Съ сорока полтинниками. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Священная лѣтопись первыхъ временъ міра и человечества какъ путеводная нить при научныхъ изысканіяхъ, съ картою. Г. Властова Томъ I. Ц. 4 р., съ пер. 4 р.

50 к. Томъ II: вторая и третья книги Моисеевы, Исходъ и Левитъ. Съ картою и литографіями. Спб. 1877 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

СЛОВЕСНОСТЬ—КУЛЬТУРА.

Барчунн. Картины прошлаго. Евгенія Маркова. Спб. 1875. Ц. 1 р. 75 к.

Благонамѣренныя рѣчи. Сочиненіе М. Е. Салтыкова (Щедрина). 2 т. Спб. 1876. Ц. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

Вокругъ луны. Жюль Верна съ 40 рисунками. Ц. 2 р., пер. за 2 ф.

Воспоминанія и критическіе очерки. Собраніе статей и замѣтокъ П. В. Анненкова. 1849—1868 гг. Отдѣлъ первый. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Звѣзда и сердце. Романъ Ф. Марріетъ. М. 1877 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Юсифъ Юнгманнъ. Очеркъ изъ исторіи чешской литературы XIX вѣка. Николая Задерацкаго. Ц. 40 к., съ пер. 60 к.

Идеалы нашего времени. Романъ Захеръ-Мазоха, рисующій общественный бытъ современной Германіи, въ 4-хъ частяхъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Историческія пѣсни малорусскаго народа, съ объясненіями. Вл. Антоновича и М. Драгоманова. Т. I. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф. Т. II-й. Выпускъ I. Кіевъ. 1875. Ц. 80 к., вѣс. 1 ф.

Иностранные поэты въ переводѣ Д. Л. Михаловскаго. Въ пользу литературнаго фонда. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к., перес. за 2 ф.

Князь Серебряный. Повесть временъ Иоанна Грознаго. Соч. гр. А. К. Толстаго. Второе изданіе. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

*) Книжки, поступившія въ Складъ въ іюль мѣсяцѣ, указаны ; на книгахъ вышедшихъ въ текущемъ году, обозначенъ годъ изданія.

Носово поле. Историческая повесть изъ эпохи покоренія Сербіи Турками въ XIV вѣкѣ. Соч. П. Хохолушка. Переводъ съ чешскаго Николая Задерацкаго. Ц. 40 к., съ пер. 60 к.

Малорусскія народныя преданія и разсказы. Сводъ Михаила Драгоманова. Киевъ. 1876 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Маленькія женщины или дѣтство четырехъ сестеръ. Луизы Олькотъ. Переводъ съ англійскаго. Слб. 1875 г. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 1 ф.

Мишель Ровель. Романъ Виктора Шербляе. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Наташъ Мудрый. Драматическое стихотвореніе Готгольда Лессинга, переводъ съ вѣмецкаго В. Крылова, съ историческимъ очеркомъ и примѣчаніями къ тексту перевода. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.; въ роскошномъ переплетѣ съ портретомъ Лессинга. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Новыя разсказы Милы Верна. 1) Вокругъ свѣта въ восемьдесятъ дней. 2) Фантазія доктора Окса. Ц. 2 р. 50 к., пер. за 3 ф.

Общественная и домашняя жизнь животныхъ. Сатирическіе очерки съ 158 рисунками. Гранвилля. Текстъ: П. Стала, Бальзака де-Ведольера, Жоржъ-Занда, Бенжамена, Франелина, Густава Дроза, Жюль Жанена, Е. Лемуана, Поля Мюссе, Шарля Нодье, Луи Виарди. Слб. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к., въ пер. 3 р., перес. за 3 ф.

Около денегъ. Романъ изъ сельской фабричной жизни. Алексѣя Потѣхина. Слб. 1877. Ц. 1 р. 25 к.

Послѣднія пѣсни. Стихотворенія Н. Некрасова. Слб. 1877 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Пропавшій братъ. Романъ Э. Вернера. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Про урайтискихъ козани, татар та турки. Зложивъ М. Драгомановъ. Ц. 10 к., съ пер. 20 к.

Сербскія народні думи и пісні. Пер. М. Старичкиѣй. Чиста выручка на користь братівъ-славянъ. Кіивъ. 1876 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Сборникъ пѣсенъ Буковинскаго народа. Сост. А. Лоначевскій. Ц. 75 к., вѣс. 2 ф.

Сила характера. Романъ въ трехъ частяхъ. С. Смирновой. Ц. 2. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.

Славянская борьба 1875—1876. Историческій очеркъ возстанія балканскихъ славянъ, черногорско-сербско-турецкой войны и дипломатическихъ сношеній. По официальнымъ и другимъ достовернымъ источникамъ составилъ А. Фелькнеръ. Слб. 1877 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Славянскій сборникъ. Томъ III, издан-

ный подъ наблюдениемъ члена славянскаго комитета П. А. Гилтебрандта. Слб. 1876. Ц. 8 р.

Славянскій ежегодникъ. 1877. Сборникъ статей по славяновѣдѣнію. Сост. Н. Задерацкій. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Славянскій Миръ. Иллюстрированный сборникъ литературныхъ, историческихъ и географическихъ статей о славянахъ. В. П. Турбм. Ц. выпуску 25 к., съ перес. 40 к.

Собраніе сочиненій М. А. Максимовича. Т. I. Отдѣлъ историческій. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Собраніе сочиненій М. П. Котляревскаго на малороссійскомъ языкѣ. Изданіе II-ое. Киевъ. 1875. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Сочиненія Аполона Григорьева Т. I (съ портретомъ автора). Критическія статьи. Слб. 1876. Ц. 3 р., перес. 3 ф.

Сочиненія Давида Рикардо. Переводъ подъ редакціей Н. Зиберта. В. I. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Сочиненія Г. П. Данилевскаго. 4 тома. Слб. 1877 г. Цѣна 6 р. съ переплетомъ.

Сочиненія М. Д. Ивановича. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Великое собраніе стихотвореній Гр. А. К. Толстого. въ одномъ томѣ. 1855—1875 г. Изданіе второе. Слб. 1877 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.; на веленовой бумагѣ съ портретомъ и въ роскошномъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ, ц. 4 р. 25 к., съ перес. 4 р. 50 к.—Портретъ особю: 50 к.

Тайны новаго Париза. Романъ Фортиса Боагобей. Переводъ съ французскаго. Слб. 1877 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 коп.

Французъ фонъ-Зиннингъ Историческая трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Сочиненіе Ф. Лассала. Перев. А. и С. Крыль. Стр. 259. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Фромонъ молодой и Рикльеръ старшій. Романъ Альфонса Додэ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Царица пестовъ Сафо и ея школа. Литературный очеркъ. Составилъ А. Чернышовъ. Слб. 1877 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Царскій судъ. Историческая повесть. изъ временъ Іоанна Грознаго. П. Петрова. Слб. 1877 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

ИСТОРИЯ — БІОГРАФІЯ — ЭТНОГРАФІЯ.

Восточная война 1853 — 1856 годовъ. Сочиненіе ген.-лей. М. И. Богдановича. Изданіе второе, исправленное и дополненное. 4 тома. Слб. 1877 г. Ц. 8 р., съ пер. 9 р.

Дворничество въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмианія крѣпостнаго права. А. Романовича-Славянскаго, профес-

сора государственнаго права. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Жизнь и дѣятельность Н. Д. Иваннича, А. В. Романовича-Славатинскаго. Спб. 1876. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Иезуиты и ихъ отношеніе къ Россіи. Сочиненіе Ю. Θ. Самарина. Ц. 75 коп., перес. за 2 ф.

Иезуиты въ Литвѣ. Соч. И. Сливовъ. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Исторія Шотландскаго натуралиста Томаса Эдварда. Соч. С. Смайлса. Переводъ С. И. Смирновой. Спб. 1877 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Исторія Франціи отъ низверженія Наполеона I до возстановленія имперіи, 1814—1852 г. А. Л. Рохау, 2 т. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Исторія отношеній между католицизмомъ и наукой. Джона Уильяма Дренера. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей А. Н. Панина. Спб. 1876 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Краткій очеркъ исторіи чешскаго народа. Переводъ Н. П. Задерацкаго. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Павловскъ. Очеркъ исторіи и описаніе. 1777—1877. Составлено по порученію Е. И. В. Г. В. К. Константина Николаевича. Въ переплетѣ. Ц. 5 р., съ перес. 6 р.

Парижъ въ челоуѣствѣ. Луи Жакольо, переводъ съ французскаго. Спб. 1877. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Приложеніе къ родословной книгѣ рода Хитрово. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 25 к.

Приморскіе вондсіе города и ихъ вліяніе на образованіе гавзейскаго союза до 1870 года. Θ. Фортинскаго. Кіевъ. 1877. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Разсказы о польской старинѣ. Записки XVIII вѣка Яна Дуклана Охотскаго, изданія І. Крашевскія. 2 т. Ц. 4 р., съ перескомко.

Резья и Резьяне. Соч. И. Бодуана-де-Куртенъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Римъ до и во время Юлія Цезаря. Народъ, — войско, — общество и главнѣе дѣятели. Военно-историческій очеркъ. — Составилъ Л. Л. Штюрмеръ. Спб. 1876. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Руководство къ древней исторіи востока до персидскихъ войнъ. Франсуа Лерормана. Переводъ подъ редакціей М. П. Драгоманова. Выпускъ I. Кіевъ 1876. Ц. 75 к., перес. за 1 ф.

Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Н. Костомарова. Выпускъ I—VI, съ X по XVIII стол. вышнательно. Ц. 8 руб. 10 к., перес. за 4 ф.

Сборникъ Императорскаго Русскаго историческаго общества. Томъ XIX. Дипломатическая переписка англійскихъ пословъ и посланниковъ при русскомъ дворѣ. 1770—1776 гг. Ц. 8 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Союзъ низшей и высшей политикъ Екатерины II, Фридриха II, Иосифа II. 1780—1790 гг. Историческое изслѣдованіе Александра Трачевскаго. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Средняя Азія и водвореніе въ ней русской гражданственности, съ картою Средней Азіи. Сост. Л. Костенко. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.

Турки и ихъ женщины. Султанъ и его гаремъ. Соч. майора Османъ-Бекъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

ГЕОГРАФІЯ — ТОПОГРАФІЯ — ПУТЕШЕСТВІЯ.

Земля и ея народы. Соч. Гельвальда. Переводъ С. П. Глазенапа. 170 лист., 50 бол. рисунковъ и 800 иллюстрацій въ текстѣ. Ц. по подпискѣ 17 р. 50 к., съ перес. 20 р. Вышелъ въ I—X. Цѣна каждому выпуску отдѣльно 40 к., съ перес. 60 к.

Краткій отчетъ о геологическомъ путешествіи по Туркестану въ 1875 г. И. Мушкетова. Съ картою рудныхъ месторожденій Бульдженскаго района и геологическими разрѣзами. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Последнее путешествіе Ливингстона по Африкѣ. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей Цебриковой. Съ портретомъ, факсимиле, 9-ю рисунками и картою Африки. Спб. 1876. Ц. 2 р., перес. за 2 ф. въ переплетѣ 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Путешествіе въ Туркестанъ. А. П. Федченко. Выпускъ 14-й. Зоогеографическія изслѣдованія. Formicidae, обработалъ Г. Майръ, Odonata, обработалъ Фр. Брауеръ, Chrysidiformia, Mutillidae, Sphegidae, обработалъ О. И. Радошковскій (съ 8 таблицами). Спб. 1877 г. Ц. веленев. вѣз. 3 р. 75 к., съ пер. 4 р. 50 к., прост. вѣз. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Русскій рабочій у старо-американскаго плантатора. А. С. Курбскаго. Спб. 1875. Стр. 445. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Черноморцы. Сочиненіе Короленко. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 1 ф.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ—СТАТИСТИКА.

Задѣльная плата и кооперативныя ассоціаціи. Соч. Жюль-Муро. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Исторія Банковъ. Выпускъ I. Исторія старинныхъ кредитныхъ учрежденій Пьетро Рота. Съ введеніемъ, примѣчаніями и до-

полненіями И. Я. Кауфмана. Выпуск II. Исторія Банковаго дѣла въ Великобританіи и Ирландіи И. И. Кауфмана. Спб. 1877 г. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 3 р. 75 к.

Капиталь. Критика политической экономіи. Соч. Карла Маркса, т. I, кн. I, Процессъ производства капитала. Ц. 2 р. 50 к. вѣс. 3 ф.

Начальный учебникъ политической экономіи. Составилъ Э. Вреденъ. Спб. 1876. Ц. 2 р., перес. 1 ф.

Мелкій земельный кредитъ въ Россіи. Князя А. И. Васильчикова и А. В. Яковлева. Ц. 65 к., съ перес. 80 к.

Опытъ изслѣдованія объ имуществѣхъ и доходахъ нашихъ монастырей. Ростиславова. Спб. 1876. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ. Ю. Э. Янсона. Профессора И. Спб. Университета. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Основанія политической экономіи съ теоріями изъ ихъ примѣненій къ общественной философіи. Джонъ Стюартъ Милль. 2 т. Ц. 5 р., вѣс. 3 ф.

О свободѣ въ политической экономіи или теорія соціальной реформы. Д-ра Генриха Мауруса. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Отчеты комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ состоящаго при И. М. О. Сельскаго Хозяйства. 2-й отчетъ. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к. 3-й отчетъ. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.

Сельскія ссудо-сберегательныя товарищества. Выпускъ 1-й. Образцовый уставъ съ необходимыми къ нему объясненіями. Составилъ А. В. Яковлевъ. Ц. 10 к., съ перес. 20 к. Выпускъ 2-й. Правила счетоводства и отчетности съ образцами. Составилъ Пр. Пр. Матвѣевъ. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Статистическое обозрѣніе Россійской Имперіи. Составилъ В. де-Ливронъ, дѣйств. членъ И. Р. Географическаго Общества. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Сборникъ матеріаловъ объ артеляхъ въ Россіи, изданный Спб. отдѣленіемъ комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ. Выпускъ I. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. Выпускъ II-й. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к. Выпускъ III-й. Потребительныя общества. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Строй экономическихъ предпріятій. Изслѣдованія морфологіи хозяйственныхъ оборотовъ по поводу проекта новаго положенія объ акціонерныхъ обществахъ Э. Вреденъ. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 1 ф.

Страховыя артели и долева рабочая плата. Примѣрный уставъ для страховыхъ артелей при желѣзнодорожныхъ предпріятіяхъ. Э. Вредена. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. за 1 ф.

Теорія цѣнности и капитала Д. Рикардо, въ связи съ повѣдѣніями дополненіями и разъясненіями. Опытъ критико-экономическаго изслѣдованія. Н. Зиберъ. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Финансовое управленіе и финансы Пруссіи. А. Заблоцкаго-Десятовскаго. 2 т. Ц. 5 р., вѣс. 5 ф.

Финансовый кредитъ. Э. Вредена. Основанія начала финансоваго кредита, или теорія общественныхъ займовъ. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 1 ф.

ПЕДАГОГИЯ—УЧЕБНИКИ—ДѢТСКІЯ И НАРОДНЫЯ КНИГИ.

Бабушнины сказки Жоржъ-Санда. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.

Государство и народное образованіе начальное и профессиональное, т.е. ученое, реальное и художественное, въ Германіи, Англіи и Франціи. Очеркъ изслѣдованій Лоренца Штейна, составленный профессоромъ Н. Х. Вунге. Киевъ. 1877 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Душевная жизнь мивотныхъ. А. Грубе. Чтеніе для всѣхъ возрастовъ. 1877 г. Пезза. Ц. 40 к., съ пер. 60 к.

Жизнь дѣтей. Собраніе разсказовъ и повѣстей изъ англійскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ дѣтскихъ книгъ. Выпускъ первый. Спб. 1877 г. Ц. 20 к., съ пер. 80 к.

Заподованный или горящій дубъ. Сказка Жоржъ-Зандъ. Ц. 70 к., съ пер. 90 коп. Зимніе вечера. Разсказы для дѣтей. Сочиненіе А. Анненской. Спб. 1877. Ц. 2 р. въ переп. 2 р. 25 к., съ пер. 3 р.

Историческое обозрѣніе замѣчательнѣйшихъ произведеній русской словесности. Сост. И. Лозановъ. Примѣнительно къ курсу среднихъ учебныхъ заведеній. Выпускъ I. 1) Народная словесность. 2) Отъ начала письменности до Ломоносова. Казань. 1877 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Малюстрированные разсказы изъ природы и жизни. Для дѣтей старшаго возраста, 22 рисунка въ текстѣ и 6 отдѣльныхъ картинокъ, исполн. худ. И. Денисовскимъ. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ переп. 2 р., за перес. 25 к. на эвемшильр.

Маленькій оборвышь. Романъ Дженса Гринвуда. Передѣлка съ англійскаго А. Анненской. Для дѣтей отъ 8 до 12 лѣтъ. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 коп., вѣс. 2 фунта.

Маши мехиатые и пернатые Друзья. Сочин. Миссъ Гунифринъ. Переводъ съ англійскаго М. Малышевой. Сиб. 1876 г. Ц. 80 к., съ перес. 1 р.

Оборона Севастополя. Разсказъ очевидца. П. Я. Бугайскаго. Ц. 40 к., съ перес. 50 к.

Объяснительный курсъ ариметтики. Для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. В. Латышева. Часть 1. Сиб. 1877 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Опытъ Задачника по математической и физической географіи. Курсъ училищъ 3 разряда иprogимназій. Ц. 25 к., съ пер. 40.

О черногорцахъ. Р. С. Попова. Чтеніе для народа. Сиб. 1877. Ц. 10 к., съ пер. 15 к.

О сербсахъ. Р. С. Попова. Чтеніе для народа. Сиб. 1877. Ц. 10 к., съ пер. 15 к.

Очерки и разсказы. Книга для внѣшества. Е. Смсоевой, съ гравюрами. Сиб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.

Полный прантическій курсъ французскаго языка для самоучекъ и для преподаванія. Состав. М. Жаномъ. Второе изданіе, вновь передѣланное и приспособленное къ употребленію въ учебныхъ заведеніяхъ. 3 части. Одобрень и рекомендованъ учебнымъ комитетомъ при IV Отдѣленіи собственной Е. И. В. канцеліри для употребленія въ институтахъ и гимназіяхъ. Сиб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Почему и потому. Вопросы и отвѣты изъ важнѣйшихъ отдѣловъ физики. Для учителей и учащихся въ школахъ и дома методически составлены Отто Улз. Съ политипажами въ текстѣ. Сиб. 1877. Ц. 1 р.

Природа и жизнь. Научно-литературный сборникъ для дѣтей старшаго возраста, съ 88 политипажами. Изд. М. Малышевой и А. Шоловой. Ц. 2 р., съ перес. 2 руб. 25 коп.

Разборъ произведеній иностранной литературы, указанныхъ въ программѣ реальныхъ училищъ, и Христоматія съ задачами для устнаго и письменнаго изложенія прочитаннаго. Составилъ преподаватель реального училища С. Весинъ. Сиб. 1877 г. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Разсказы Альфонса Додэ. Съ портретомъ автора. Сиб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.; въ переплетѣ 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Робинзонъ Крузо. А. Анненской. Новая переработка темы де-Фоз. Съ 10-ю карт. и 85-ю политипажами. Изд. В. Лесевича. Ц. 2 руб.; перепл. 2 руб. 50 коп., вѣс. 2 ф.

Русскія народныя сказки, пословицы и загадки. Чтеніе для начальныхъ училищъ. Сост. П. В. (Петръ Вейнбергъ). Ц. 20 к.

Самодучитель итальянскаго языка. Состав-

лель Бенедиктомъ Лороничемъ, учителемъ итальянскаго языка. — I. Объ итальянскомъ произношеніи. — II. Краткая грамматика. — III. Слова. — IV. Разговоры. — Одесса. 1877 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Сборникъ темъ и плановъ для сочиненій. Составилъ, по программѣ среднихъ учебныхъ заведеній, С. Весинъ. Второе, исправленное и дополненное изданіе. Сиб. 1876. Ц. 75 к.

Сборникъ журнала „Дѣтскій Сады“, т. II, для дѣтей младшаго возраста. Сиб. 1876 г. Ц. 1 р. 20 к.

Сборникъ педагогическаго журнала „Дѣтскій Сады“, для старшаго возраста. Сиб. 1876. Ц. 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 50 к.

Умственное развитіе дѣтей, отъ перваго проявленія сознанія до восьмилѣтняго возраста. Книга для воспитателей. Е. Водовозовой. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 80 к.

Учебникъ Древней исторіи въ очеркахъ быта народовъ и жизнеописаніяхъ замѣательныхъ людей. Составилъ Э. Вреденъ. Изданіе 2-ое. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Учебникъ плоской Тригонометри. Д-ра Франца Мочинца. Ц. 45 к., съ пер. 55 к.

ЯЗЫКОЗНАНІЕ—АРХЕОЛОГІЯ.

Глоттологическія (лингвистическія) замѣтки И. Бодуэна-де-Куртене. Воронежъ. 1877 г. Ц. 40 к., съ пер. 60 к.

Историческое розысканіе о русскихъ современныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг., библиографическіи и въ хронологическомъ порядкѣ описанныхъ А. Н. Неустроевымъ. Ц. 6 р., съ перес. 6 р. 50 к.

О древне-польскомъ языкѣ до XIV столѣтій. Сочиненіе И. Бодуэна-де-Куртене. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія о происхожденіи древне-русскаго Демостроя. Сочиненіе И. С. Некрасова. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. за 2 ф.

Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія. П. Житецкаго. Кіевъ. 1876. Ц. 2 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

Санктпетербургскія ученые вѣдомости на 1777 годѣ. Н. И. Новикова. Изданіе второе А. Н. Неустроева. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.

Славянская грамматика по восточному говору. Часть I: этимологія. Составилъ по Вунчу, Данячичу и Миллошичу Т. Бѣленькій. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

Словарь къ Геродоту. Скиела. IV. 1—144, и сраженіе при Фермопилахъ. VII. 201—238. Сост. Г. А. Ячевецкій. Кіевъ. 1877 г. Ц. 30 к., съ пер. 50 к.

МАТЕМАТИКА — АСТРОНОМІЯ — ФИЗИКА — ХИМИЯ.

Курсъ теоретической ариметики. Жо-зефа Бертрана. Ц. 75 к., съ пер. 1 р. Физическая химія Н. Н. Любавина. Выпускъ I. Спб. 1877 г. Ц. 2 р.

Химическія дѣйствія свѣта и фотографія въ ихъ приложеніи къ искусству, наукѣ и промышленности. Д-ръ Германъ Фогель. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей Я. Гутковского. Ц. 3 р.; вѣс. 2 ф.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ — СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО — ТЕХНОЛОГІЯ — МЕДИЦИНА.

Архивъ клиникъ внутреннихъ болѣзней проф. С. П. Боткина Т. II. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к. Томъ III въ 2-хъ выпускахъ. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к. Томъ IV. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к. Томъ V, выпускъ I. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Ботаническій словарь Н. Аминова. Новое, исправленное, пополненное и расширенное изданіе. Цѣна полному изданію 8 р. Окончатся печатаніемъ въ 1877 г. Вышло 5 выпусковъ.

Вліаніе холодной воды на здоровый и больной организмъ. Сост. д-ръ Н. Вонсовичъ. Ц. 20 к., вѣс. 1 ф.

Вода въ видѣ облаговъ и рѣвъ, льда и глетчеровъ. Популярныя лекціи Джона Тиндала. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 1 ф.

Выгонная или пастбищная система по отношенію къ сельскому хозяйству въ Россіи. Назначается сельскимъ хозяевамъ среднихъ и сѣверныхъ губерній. М. В. Неручева. М. 1877 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Дѣцнадцать яблокъ моего сада. В. В. Кащенко. Роскошное изданіе съ иллюстрированными рисунками этихъ яблокъ. Спб. 1875 г. Ц. 5 р., въ переплетѣ 6 р. съ перес.

Душевные болѣзни по отношенію къ учению о вѣнненіи. Профес. Доктора Скржечи. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Исслѣдованіе воды въ санитарномъ отношеніи. Краткое руководство для экспертовъ. Составилъ магистръ фармаціи Ф. Розенблатъ. Ц. 30 к., съ пер. 40 к.

Канализація и вывозъ нечистотъ. Популярныя лекціи Петтенгофера. Переводъ съ нѣмецкаго инженеровъ С. Уманскаго и А. Попова. М. 1877 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Клиническія лекціи Труссо. 2 ч. Ц. 12 р. вѣс. 10 ф.

Клиническая фармакопея. Dr. F. W. Müller. 400 рецептныхъ формулъ для внутреннихъ и наружныхъ болѣзней. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Комнатное цвѣтоводство. Подробное на-

ставленіе для разведенія и воспитанія комнатныхъ, какъ луковичныхъ, такъ и древесныхъ и травянистыхъ растений. Изданіе второе. Спб. 1877 г. Ц. 60 к. съ пер. 80 к.

Курсъ клиникъ внутреннихъ болѣзней проф. С. П. Боткина. Выпускъ I. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. Выпускъ III. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Механика животнаго организма. Передвиженіе по землѣ и по воздуху. Э. Марей. Съ 117 политипажками, перев. съ франц. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Молочное хозяйство. Молоко, сливки, масло, сыръ. Описаніе производства, сбыта и торговли этими продуктами. Составилъ А. М. Наумовъ. Ц. 1 р. 50 к. съ перес.

Новая химія. Джосіа Бука, профессора химіи и минералогіи въ гарвардскомъ университетѣ. Съ 31 рисункомъ. Переводъ подъ редакціей Бутлерова. Спб. 1876. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

О сохраненіи здоровья и развитіи устныхъ силъ ребенка въ школѣ. Вокка. Ц. 30 к., вѣс. 1 ф.

Основы патологій обитнаго вещества. Ф. В. Бенке. Переводъ съ нѣмецкаго лекаря Татаринова. Съ 1 хромолитографированною таблицей. М. 1876. Ц. 8 р. 50 к., съ перес. 3 р. 75 к.

Основанія физиологій ума съ ихъ приложеніями къ воспитанію и образованію ума и изученію его болѣзненныхъ состояній. Уильяма Карпентера. Спб. 1877 г. Ц. за 2 т. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.; вышелъ въ печати томъ I.

Плугъ, его выборъ, устройство и употребленіе. Краткое руководство для практическихъ сельскихъ хозяевъ. М. В. Неручева. Съ 80 политипажками въ текстѣ. М. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Профессиональная гигиена или гигиена устнаго и физическаго труда, съ 9 рисунками въ текстѣ. Докт. Ф. Эрисманъ. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Практическія работы по ботаникѣ и зоологій. Гексли и Мартини. Элементарный практической курсъ биологій. Переводъ съ англійскаго А. Я. Гердъ. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Пчелы. О томъ, какъ онѣ живутъ, какъ ихъ размножать и какъ отъ нихъ получать пользу. Народное руководство. Сост. А. И. Покровскимъ-Жоравко. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Руководство къ клиническимъ методамъ. Исслѣдованія грудныхъ и брюшныхъ органовъ, съ приложеніемъ ларингоскопій, П. Гутмана. Изд. 2-е. М. 1876. Ц. 2 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Руководство къ патологической анатоміи. Д-ра Бирхъ-Гиршфельда. Часть I.

Общая патологическая анатомія. Харьков. 1877 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.
Часть II Частная патологическая Анато-
мія. Выпуск I. Харьков 1877 г. Ц. 1 р.,
съ перес. 1 р. 25 к.

Руководство къ микроскопическому из-
слѣдованію животныхъ тканей. Д-ра С. Экс-
нера, съ 8-ми политипажамн. Перевелъ и
дополнилъ О. Гриммъ. Ц. 75 к., съ перес.
1 р.

Руководство къ частной патологіи и те-
рапіи, издаиное проф. V. Ziemssen'омъ. 9-тъ
выпусковъ. Ц. 12 руб. съ переслѣкомъ.

Руководство къ частной патологіи и те-
рапіи, издаиное профес. V. Ziemssen'омъ.
Томъ VII. Часть I. Болязнь губы,
полости рта, мягкаго нѣба, носоглоточной
полости и глотки. Харьков. 1877. Ц. 1 р.
50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Русское землевладѣніе и земледѣліе. М.
В. Неручева. М. 1877 г. Ц. 50 к., съ
пер. 75 к.

Спутникъ medico-хирурга. Описаніе про-
изводства всѣхъ выполнимыхъ безъ ассис-
тента способъ изслѣдованія и операций.
К. Чуберка. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Совмѣстное изданіе общества естество-
испытателей при русскихъ университетахъ
за 1875 г. Ботаника. Ц. 1 р., съ перес.
1 р. 20 к. Зоологія. Ц. 2 р., съ перес. 2 р.
25 к. Минералогія и Геологія. Ц. 2 р., съ
перес. 2 р. 25 к.

Труды С.-Петербургскаго Общества Есте-
ствовиспытателей. Томъ III. Ц. 2 р. Т. IV,
в. I. Ц. 1 р. 75 к. В. II. Ц. 75 к. Т. V,
в. I. Ц. 2 р. В. II. Ц. 1 р. Т. VI. Ц. 2 р.
Т. VII. Ц. 2 р. За переслѣку прилагается
по 10 к. на рубль.

Труды Арало-каспійской экспедиціи, из-
даваемые подъ редакціей О. А. Гримма.
Выпуск I. Обзоръ экспедицій и естествен-
но-историческихъ изслѣдованій въ арало-
каспійской области съ 1720 по 1874 г. М.
Н. Богданова. Ц. 80 к., съ перес. 50 к.
Выпуск II. Каспійское море и его фауна
О. А. Гримма. Ц. 2 р., съ перес. 2 р.
20 к.—Выпуск III. Гадн острововъ и бе-
реговъ Аральскаго моря. Владиміра Але-
ничина. Ц. 50 к., съ перес. 70 к.

Труды Арало-Каспійской экспедиціи, из-
данные подъ редакціей О. А. Гримма.
Выпуск IV. Рыбы, водящіяся въ Арало-
Каспійско-Повтійской ихтиологической об-
ласти. К. Ф. Кесслера. Спб. 1877 г. Ц.
3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Учебникъ физиологіи. Эрнста Брѣкке,
2 т. Ц. 6 р., перес. за 4 ф.

Учебникъ дѣтскихъ болѣзней. Д-ра Кар-
ла Гергардта. Ц. 4 р. съ переслѣкомъ.

Ученіе о сифилисѣ. Д-ра Э. Дансе-
ро. Переводъ съ французскаго, подъ ре-

дакціей профессора В. М. Тарновскаго,
съ тремя хромолитографическими табли-
цами и многими рисунками въ текстѣ. Спб.
1877 г. Ц. 6 р., съ пер. 7 р.

Физиологія органовъ чувствъ. И. Сѣче-
нова. Эрвнѣ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Физиологія органовъ чувствъ. I. Берн-
штейна, профессора физиологіи въ Галль.
Переводъ съ нѣмецкаго, съ 91 рисункомъ.
Спб. 1876. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

ЗАКОНОВѢДѢНІЕ—ПОЛИТИКА.

Германская конституція. Часть I: Истори-
ческій очеркъ германскихъ союзныхъ учреж-
деній въ XIX вѣкѣ. Часть II: Обзоръ дѣй-
ствующей конституціи. А. Градовскаго,
профессора с.-петерб. университета. Спб.
1876. Ц. 1-й ч. 1 р. 75 к., вѣс. 2 ф. Ч.
2-я 1 р., вѣс. 1 ф.

Землевладѣніе и земледѣліе въ Россіи
и другихъ европейскихъ государствахъ.
Князь А. Васильчикова. Т. I и II. Ц.
8 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Журналъ Гражд. и Торг. Права за 1871 г.,
3 р. 50 к. вмѣсто 5 р. 50 к., а за 1872 г.
6 р. 80 к. вмѣсто 8 р. 20 к.; Журн. Гражд.
и Уголовн. Права за 1873, 1874, 1875 гг.
по 7 р. вмѣсто 9 р., и за всѣ 5 лѣтъ—
25 р. вмѣсто 38 р. 70 к.

Изнученіе социологіи. Г. Спенсера. Перев.
съ англ. Т. I и II. Спб. 1874—75. Ц. 3 р.,
вѣс. 8 ф.

Нассационныя рѣшенія правительствующа-
го сената за 1866 г. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.;
за 1867 г. Ц. 5 р. 25 к., съ перес. 6 р.;
за 1868 г. Ц. 7 р. 50 к., съ перес. 9 р.;
за 1869 г. Ц. 9 р., съ перес. 10 р. 50 к.;
1872 г. Ц. 8 р., съ перес. 10 р.; за 1873 г.
Ц. 10 р., съ перес. 12 р.; за 1874 г. 6 р.,
съ пер. 7 р.

Крестыианское дѣло въ царствованіе импер.
Александра II. Четыре большіе тома (въ
пяти книгахъ), 5,382 стр. А. И. Скребиц-
каго. Удостоено Академіей Наукъ
преміи графа Уварова. Ц. 20 р., съ
перес. 22 р. (за 14 фунт.) на всѣ разстоянія.

Курсъ русскаго уголовного права, Н. С.
Таганцева. Часть общаго. Книга 1-я. Уче-
ніе о преступленіи. Вып. 1-й. Спб. 1874. Ц.
1 р. 75 к., вѣс. 2 ф.

Начала русскаго государственнаго права.
А. Градовскаго. Т. I. О государствен-
номъ устройствѣ. Спб. 1875. Стр. 450. Ц.
2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Начала русскаго государственнаго пра-
ва. А. Градовскаго, профессора И. Спб.
университета. Томъ II. Органы управленія.
Спб. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.
Общинное владѣніе. К. Кавелина. Спб.
1876 г. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

Основания социологии. Герберта Спенсера. Переводъ съ англійскаго. Т. I. Слб. 1876 г. Ц. 3 р., перес. за 3 ф.

Пособіе для изученія русскаго государственнаго права по методу историко-догматическому. Проф. А. Романовича-Славатинскаго. Ц. за 2 выпуска 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Сборникъ государственныхъ знаній. В. П. Безобразова. Т. I. Ц. 3 р., вѣс. 4 ф. Т. II. Ц. 5 р., вѣс. 5 ф.

Сборникъ Государственныхъ знаній подъ редакціей В. П. Безобразова. Томъ III и IV-й. Слб. 1877 г. Ц. по 3 р., съ перес. 3 р. 80 к.

Систематическій Сборникъ рѣшеній гражд. кассац. департ. правительствующаго сената, за 1873 г. Сост. А. Книримъ и А. Боровиковскій. Вып. I. Матеріальное право. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.—Вып. II. Судопроизводство. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Систематическій сборникъ рѣшеній гражд. кассац. департамента д-та прав. сената за 1874 г. Составили А. Книримъ и Е. Ковалевскій. Т. I, Матеріальное право. Т. II, Судопроизводство. Слб. 1876 г. Ц. 5 руб., съ перес. 5 р. 50 к.

Уложение о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1866 г. съ дополненіями по 1-е января 1876 г. Составлено профес. Слб. Ун. Н. С. Таганцевымъ. Изданіе второе, переработанное и дополненное. Слб. 1876 г. Ц. 3 р., перес. за 3 ф.

ИСКУССТВА—МУЗЫКА—ТЕАТРЪ.

Драматическія Сочиненія. Викторъ Брыловъ (Александровъ). Т. I. Къ мировому. По духовному завѣщанію. На хлѣбахъ изъ милости. Слб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к. Т. II. Въ осадномъ положеніи. Земцы. (Змѣй Горынычъ). Слб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 1 р. 75 к.

Исторія искусствъ. Архитектура, скульптура, живопись. Вильяма Реймона, профессора эстетики при жевевскомъ университетѣ. М. 1876. Ц. 1 р. 25 к.

Практическое общепонятное руководство къ элементарному изученію начертательныхъ искусствъ, примѣнительно къ курсамъ реальныхъ училищъ, техническихъ, заводскихъ, желѣзно-дорожныхъ и другихъ школъ, съ приложеніемъ отдѣльнаго атласа чертежей. Составлено А. Заруцкимъ и

К. Тадеромъ. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 рубл.

Южно-русскій орнаментъ. Собралъ Ф. К. Волковъ. Кіевъ. 1877 г. Ц. 2 р. 60 к., съ перес. 3 р.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Карманная справочная книжка для ружейныхъ охотниковъ и любителей собакъ, съ чертежами. Сост. Л. Хлостовъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Пожарная Книга. Постановленія закона о предосторожностяхъ отъ огня и руководство къ тушенію всякаго рода пожаровъ. Съ полнѣйшими рисунками. Составилъ А. Н.—ъ. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Правила для охраненія полей и луговъ отъ потравъ и другихъ поврежденій, съ разъясненіемъ ихъ рѣшеніями гражданскаго кассаціоннаго д-та прав. сената. Составилъ С. М. Левенсонъ. К. 1877 г. Ц. 40 к., съ перес. 50 к.

Путеводитель и собесѣдникъ въ путешествіи по Кавказу. М. Владыкина, съ приложеніемъ карты желѣзныхъ дорогъ и исслѣднаго измѣненія пути. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Сводъ тарифовъ; составленный И. Ляблинскимъ и В. Пуниневымъ по указаніямъ А. Берга. Содержаніе: 1) Таблицы для вычисленія поверстной платы за провозъ товаровъ по тарифамъ Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. 2) Кратчайшія направленія по желѣзнымъ дорогамъ отъ С.-Петербурга, Москвы, Риги, Варшавы, Кіева, Одессы и Ростова-на-Дону до другихъ важнейшихъ станцій Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. 3) Указатель станцій Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, съ обозначеніемъ разстояній отъ промежуточныхъ до конечныхъ станцій каждой дороги. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

Скромный и постный столъ. Руководство для приготовленія 2,800 блюдъ, начиная съ самыхъ изысканныхъ, разныхъ печеній, хлѣбовъ, вареній, наливокъ и т. п., съ 20 раскрашенными рисунками всѣхъ частей быка и телянка, снятыми съ натуры и сопровождаемыми подробнымъ описаніемъ употребленія каждого куска мяса. Сост. О. Павловской. Ц. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

Книжный складъ и магазинъ типографіи М. Стасюлевича принимаетъ на комиссію постороннія изданія, подписку на все періодическія изданія и высылаетъ иногороднымъ все книги, опубликованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ *).

№ 26.

ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ

№ 26.

КНИЖНАГО СКЛАДА и МАГАЗИНА
ТИПОГРАФИИ М. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 2-я л., 7.

ФИЛОСОФІЯ—ПСИХОЛОГІЯ—АНТРО-
ПОЛОГІЯ.

Вопросы о жизни и духѣ. Дж. Г. Льюиса. Перев. съ англ. Т. I. Спб. 1875. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф. Т. II. Спб. 1876. Ц. 3 р., пересланныхъ за 4 фута.

Доказательства истинны христіанской вѣры, основанныя на буквальныхъ исполненіи пророчествъ, исторіи евреевъ и открытіяхъ новѣйшихъ путешественниковъ. А. Кейтъ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Начала Уголовной Психологіи для врачей и юристовъ Д-ра Крафтъ-Эббинга. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Опытъ критическаго изслѣдованія основъ-начала позитивной философіи. В. Лесевича. Спб. 1877. Ц. 2 р.

Основанія психологіи. Герберта Спенсера, съ приложеніемъ статьи „Сравнительная психологія человека“ Г. Спенсера. Переводъ со 2-го англійскаго изданія. 4 т. Спб. 1876. Ц. 7 р. съ пересланою.

Ученіе о развитіи органическаго міра. Оскара Шмидта, профессора Страсбургскаго университета. Переводъ съ нѣмецкаго. Съ 26 рисунками въ текстѣ. Спб. 1876. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

ВОГОСЛОВІЕ—ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРИЯ.

Православная Церковь въ Буковинѣ (въ Австріи). Владиміра Мордвинова. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Путеводитель православныхъ поклонниковъ по городу Риму и его окрестностямъ. Владиміра Мордвинова. Съ сорока полтипажами. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Священная лѣтопись первыхъ временъ міра и человечества какъ путеводная нить при научныхъ изслѣданіяхъ, съ картою. Г.

Властова Томъ I. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к. Томъ II: вторая и третья книги Моисеевы, Исходъ и Левитъ. Съ картою и литографіями. Спб. 1877 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

СЛОВЕСНОСТЬ—КУЛЬТУРА.

Барчукъ. Картины прошлаго. Евгения Маркова. Спб. 1876. Ц. 1 р. 75 к.

Благонямѣренныя рѣчи. Сочиненіе М. Е. Салтыкова (Щедрина). 2 т. Спб. 1876. Ц. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

Быль и вымыселъ. Сборникъ. М. Цебриковой. Спб. 1876. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Вокругъ думы. Жюль Верна съ 40 рисунками. Ц. 2 р., пер. за 2 ф.

Воспоминанія и критическіе очерки. Собраніе статей и замѣтокъ П. В. Анненкова. 1849—1868 гг. Отдѣлъ первый. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Звѣзда и сердце. Романъ Ф. Марріотъ. М. 1877 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Юсифъ Юнгманъ. Очеркъ изъ исторіи чешской литературы XIX вѣка. Николая Задерацкаго. Ц. 40 к., съ пер. 60 к.

Идеалы нашего времени. Романъ Захеръ-Мазоха, рисующій общественный бытъ современной Германіи, въ 4-хъ частяхъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Историческія пѣсни малорускаго народа, съ объясненіями. Вл. Антоновича и М. Драгоманова. Т. I. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф. Т. II. Выпускъ I. Кіевъ. 1876. Ц. 80 к., вѣс. 1 ф.

Иностранныя восты въ переводѣ Д. Л. Михаловскаго. Въ пользу литературнаго фонда. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к., перес. за 2 ф.

*) Книжки, поступившія въ складъ въ іюль мѣсяцѣ, указаны въ каталогѣ; на книжкахъ ижеднѣхъ въ текущемъ году, обозначенъ годъ изданія.

Князь Серебряный. Повѣсть времениъ Юана Грознаго. Соч. гр. А. К. Толстаго. Второе изданіе. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Косово поле. Историческая повѣсть изъ эпохи покоренія Сербіи Турками въ XIV вѣкѣ. Соч. П. Хохолумка. Переводъ съ чешскаго Николоая Задерацкаго. Ц. 40 к., съ пер. 60 к.

Лаврентъ. Соч. Лессинга. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Малороссія изрѣдими преданіи и разсказами. Сводъ Михаила Драгоманова. Кіевъ. 1876 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Маленькія женщины или дѣтство четырехъ сестеръ. Луизы Олькотъ. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 1 ф.

Миссъ Ровель. Романъ Виктора Шербюлье. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Наталь Мудрый. Драматическое стихотвореніе Готгольда Лессинга, переводъ съ нѣмецкаго В. Крылова, съ историческими очеркомъ и примѣчаніями къ тексту перевода. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.; въ роскошномъ переплетѣ съ портретомъ Лессинга. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Новые разсказы Жюль Верна. 1) Вокругъ свѣта въ семьдесятъ дней. 2) Фантазія доктора Окса. Ц. 2 р. 50 к., пер. за 3 ф.

Общественная и домашняя жизнь швейцарцевъ. Сатирическіе очерки съ 158 рисунками. Гранвилъ. Текстъ: П. Сталъ, Бальзака де-Бедольера, Жоржъ-Занда, Бенжамена, Франклина, Густава Дрова, Жюль Жанена, Е. Лемуана, Поля Миссе, Шарля Нодье, Луи Виарди Спб. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к., въ пер. 3 р., перес. за 3 ф.

Около денегъ. Романъ изъ сельской фабричной жизни. Алексѣя Потѣхина. Спб. 1877. Ц. 1 р. 25 к.

По Волгѣ. Очерки и впечатлѣнія гѣтней поѣздки. В. И. Немировича-Данченко. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.

Полное собраніе сочиненій Шиллера въ переводахъ русскихъ писателей пятое изданіе подъ редакціей Н. В. Гербеля. Спб. 1875. Ц. за 2 тома 7 р.; съ 20 гравюрами 9 р.; въ перепл. 10 р. 50 к.; вѣс. 5 ф. Вышелъ томъ I.

Послѣднія вѣсти. Стихотворенія Н. Некрасова. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Пропавшій братъ. Романъ Э. Вернера. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Про украинскихъ казаки, татар та турки. Злобинъ М. Драгомановъ. Ц. 10 к., съ пер. 20 к.

Сербскія народны думи и пісні. Пер. М. Старицкій. Чиста выручка на користь

братівъ-славянъ. Кіевъ. 1876 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Сборникъ вѣстои, Буквеннскаго народа. Сост. А. Лоначскій. Ц. 75 к., вѣс. 2 ф.

Смыа характера. Романъ въ трехъ частяхъ. С. Смирновой. Ц. 2. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.

Славянская борьба 1875—1876. Историческій очеркъ возстанія балканскихъ славянъ, черногорско-сербско-турецкой войны и дипломатическихъ сношеній. По официальнымъ и другимъ достовернымъ источникамъ составилъ А. Фелькнеръ. Спб. 1877 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Славянскій сборникъ. Томъ III, изданный подъ наблюденіемъ члена славянскаго комитета П. А. Гильтебрандта. Спб. 1876. Ц. 3 р.

Славянскій ежегодникъ. 1877. Сборникъ статей по славяновѣдѣнію. Сост. П. Задерацкій. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Славяне въ Турціи. Составилъ Алексѣй Перинаковъ. Ц. 5 к., съ пер. 10 к.

Славянство. Сборникъ, издающій II-е, заключительное въ себѣ два выпуска книжки „Славяне“ съ большими дополненіями, съ портретами А. С. Хомякова и М. Г. Черняева. Спб. 1877 г. Ц. 30 к., съ пер. 50 к.

Собраніе сочиненій М. А. Максимовича. Т. I. Оудъкъ историческій. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Собраніе сочиненій М. В. Котляревскаго на малороссійскомъ языкѣ. Изданіе II-ое. Кіевъ. 1875. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Сочиненія Анастасія Григорьевича Т. I (съ портретомъ автора). Критическія статьи. Спб. 1876. Ц. 3 р., перес. 3 ф.

Сочиненія Давида Ринардо. Переводъ подъ редакціей Н. Зиберта. В. I. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Сочиненія Г. Ш. Дамаскаго. 4 тома. Спб. 1877 г. Цѣна 6-р. съ пересылкою.

Сочиненія Н. Д. Иваннкова. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Сочиненія Иконофонта. Воспоминанія о Сократѣ (Мемогабилъ), перевелъ Г. Я. Янчевецкій. Кіевъ. 1877 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Полное собраніе стихотвореній Гр. А. К. Толстаго, въ одномъ томѣ. 1865—1875 г. Изданіе второе. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.; на зеленевой бумагѣ, съ портретомъ и въ роскошномъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ, ц. 4 р. 25 к., съ перес. 4 р. 50 к.—Портреты особо: 50 к.

Тайны новаго Париза. Романъ Фортинэ. Воагобей. Переводъ съ французскаго. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 коп.

Францъ фонъ-Зингеновъ. Историческая трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Сочиненіе Ф.

Дассала. Перев. А. и С. Кривь. Стр. 259. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Фромонъ мелодой и Рислеръ старшій. Романъ Альфонса Додэ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Царина поэтесса Сафо и ея школа. Литературный очеркъ. Составилъ А. Чернышовъ. Спб. 1877 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Царскій судъ. Историческая новѣсть изъ времени Іоанна Грознаго. П. Петрова. Спб. 1877 г. Ц. 1 р., съ нар. 1 р. 25 к.

ИСТОРИЯ—БЮГРАФІЯ—ЭТНОГРАФІЯ.

Бюграфическія Картинки. Сочиненіе А. В. Грубе. Переводъ съ нѣмецкаго М. 1877 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Белковская земля и ея значеніе въ Русской Исторіи. Эпизодъ изъ исторіи княжій Руси въ XIII и XIV столѣтіяхъ. Н. Дажневича. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Венгрія и ея жители. Соч. А. Петерсона. Ц. 3 р. съ перес.

Восточная война 1856 — 1856 годовъ. Сочиненіе ген.-лей. М. И. Богдановича. Изданіе второе, исправленное и дополненное. 4 тома. Спб. 1877 г. Ц. 8 р., съ пер. 9 р.

Графъ Н. С. Мердмановъ. Историческая монографія В. С. Иконникова. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмены вѣрноподданнаго права. А. Романовича-Славатинскаго, профессора государственнаго права. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Жизнь и дѣятельность Н. Д. Иванничева, А. В. Романовича-Славатинскаго. Спб. 1876. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Иезуиты и ихъ отношеніе къ Россіи. Сочиненіе Ю. Ф. Самарина. Ц. 75 коп., перес. за 2 ф.

Иезуиты въ Литвѣ. Соч. И. Сливовъ. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Исторія Шетландскаго натуралиста Чарльса Эдварда. Соч. С. Смайльса. Переводъ С. И. Смирновой. Спб. 1877 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Исторія Бохары или Трансоксаніи съ древнѣйшихъ временъ и до настоящаго. Соч. Г. Ванберги. 2 т. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

Исторія Франціи отъ низверженія Наполеона I до возстановленія имперіи, 1814—1852 г. А. А. Рохау, 2 т. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Испанія децятнадцатаго вѣка. Сочиненіе А. Тречеваго. Часть I. Ц. 2 руб. 50 к., перес. за 3 ф.

Исторія отношеній между италіянцами

и наукой. Джона Уильяма Дрэнера. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей А. Н. Пыпина. Спб. 1876 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 80 к.

Математическая лига и Мальвинисты во Франціи. Опытъ исторіи демократическаго движенія во Франціи во второй половинѣ XVI вѣка (по неизданнымъ источникамъ). И. В. Лучицкій. Кіевъ. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Краткій очеркъ исторіи чешскаго народа. Переводъ Н. П. Забарацкаго. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Пари въ челоѣчествѣ. Лун Жакольо, переводъ съ французскаго. Спб. 1877. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Приморскіе владенія города и ихъ вліяніе на образованіе ганзейскаго союза до 1870 года. Ф. Фортисскаго. Кіевъ. 1877. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Разсказы о польской старинѣ. Записки XVIII вѣка Яна Дуллана Окотскаго, издавныя І. Крашевскимъ. 2 т. Ц. 4 р., съ пересылкою.

Резья и Реславе. Соч. И. Водуэна-де-Куртене. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Римскія мощи. Историческіе рассказы по Тацитъ. П. Бухдряцева. Изданіе третье, съ рисунками. Ц. 2 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Римъ до и во время Юлія Цезаря. Народъ, — войско, — общество и главныя дѣятели. Военно-историческій очеркъ. — Составилъ Л. Л. Штурмеръ. Спб. 1876. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Руководство къ древней исторіи востока до персидскихъ войнъ. Франсуа Ле-нормана. Переводъ подъ редакціей М. П. Драгеланова. Визуль. І. Кіевъ 1876. Ц. 75 к., перес. за 1 ф.

Русскіе гранаты въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣковъ, и нѣкоторыя данныя о Днѣпрѣ изъ атласа конца прошлаго столѣтія. А. А. Русова. Съ картами. Кіевъ. 1876. Ц. 60 к., съ пер. 80 к.

Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Н. Костомарова. Выпуски I—VI, съ X по XVIII стол. вѣлчательно. Ц. 8 руб. 10 к., перес. за 4 ф.

Сборникъ Императорскаго Русскаго историческаго общества. Томъ XIX. Дипломатическая корреспонденція англійскихъ пословъ и посланниковъ при русскомъ дворѣ. 1770—1776 гг. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Славянъ и ея. Графъ. Изъ исторіи средневѣковаго романтизма. Исслѣдованіе Николая Дажневича. Кіевъ. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Очеркъ алаевъ и нѣмецкал политика Еккертинъ П, Фридриха П, Іосифа П.

1780—1790 гг. Историческое исследование Александра Травецкаго. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Средняя Азия и водворение въ ней русской гражданственности, съ картою Средней Азии. Сост. Л. Костенко. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.

ГЕОГРАФІЯ — ТОПОГРАФІЯ — ПУТЕШЕСТВІЯ.

Земля и ея народы. Соч. Гельвальда. Переводъ С. П. Глазенапа. 170 лист., 50 бол. рисунковъ и 300 иллюстрацій въ текстѣ. Ц. по подпискѣ 17 р. 50 к., съ перес. 20 р. Вышелъ в. I—X. Цѣна каждому выпуску отдѣльно 40 к., съ перес. 60 к.

Краткій Отчетъ о геологическомъ путешествіи по Туркестану въ 1876 г. И. Мункагова. Съ картою рудныхъ месторожденій Бульдунскаго района и геологическими разрѣзами. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Последнее путешествіе Ливингстона по Африкѣ. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей Цебриковой. Съ портретомъ, факсимиле, 9-ю рисунками и картою Африки. Спб. 1876. Ц. 2 р., перес. за 2 ф. въ переплетѣ 2 р. 50 к. съ пер. 3 р.

Пѣздза въ Обонемы и Моралу. В. Майнова. Изданіе второе, значительно дополненное авторомъ. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.

Путешествіе въ Туркестанъ. А. П. Федченко. Выпускъ 14-й. Зоогеографическія изслѣдованія. Formicidae, обработать Г. Майръ. Odonata, обработать Фр. Брауеръ. Chrysidiformis, Mutillidae, Sphegidae, обработать О. И. Радошковскій (съ 8 таблицами). Спб. 1877 г. Ц. веленев. экз. 3 р. 75 к., съ пер. 4 р. 50 к., прост. экз. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Русскій рабочий у ствара-американскаго плантатора. А. С. Курбскаго. Спб. 1876. Стр. 445. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Черноморцы. Сочиненіе Короленко. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 1 ф.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ—СТАТИСТИКА.

Англійская свободная торговля. Историческій очеркъ развитія идей свободной конкуренціи и начала государственнаго вмешательства. И. Янжулъ. Выпускъ I. Періодъ меркантильный. Съ билетомъ на 2-й выпускъ. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 коп.

Задѣльная плата и кооперативныя ассоціаціи. Соч. Жюль-Муро. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Исторія Банковъ. Выпускъ I. Исторія старинныхъ кредитныхъ учрежденій Пьетро Рота. Съ введеніемъ, призываніями и до-

полненіями И. И. Кауфмана. Выпускъ II. Исторія Банковаго дѣла въ Великобританіи и Ирландіи И. И. Кауфмана. Спб. 1877 г. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 3 р. 75 к.

Капиталь. Критика политической экономіи. Соч. Карла Маркса, т. I, кн. I, Процессъ производства капитала. Ц. 2 р. 50 к. вѣс. 3 ф.

Начальный учебникъ политической экономіи. Составилъ Э. Вреденъ. Спб. 1876. Ц. 2 р., перес. 1 ф.

Опытъ изслѣдованія объ имуществахъ и доходахъ нагихъ монастырей. Ростиславова. Спб. 1876. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ. Ю. Э. Янсона. Профессора И. Спб. Университета. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Основанія политической экономіи съ некоторыми изъ ихъ примѣненій въ общественной философіи. Джонъ Стюартъ Милль. 2 т. Ц. 5 р., вѣс. 3 ф.

О свободѣ въ политической экономіи или теорія соціальной реформы. Д-ра Генриха Мауруса. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Стрей экономическихъ предпріятій. Изслѣдованія морфологій хозяйственныхъ оборотовъ по поводу проекта новаго положенія объ акціонерныхъ обществахъ Э. Вреденъ. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 1 ф.

Страховыя артели и долява рабочаго пласта. Пріимѣрный уставъ для страховыхъ артелей при желѣзнодорожныхъ предпріятіяхъ. Э. Вредена. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. за 1 ф.

Теорія цѣнности и капитала Д. Рикардо, въ связи съ позднѣйшими дополненіями и разъясненіями. Опытъ критико-экономическаго изслѣдованія. Н. Зиберъ. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Финансовое управленіе и финансы Пруссіи. А. Заблоцкаго-Десатовскаго. 2 т. Ц. 5 р., вѣс. 5 ф.

Финансовый кредитъ. Э. Вредена. Основныя начала финансоваго кредита, или теорія общественныхъ займовъ. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 1 ф.

ПЕДАГОГІЯ—УЧЕВНИКИ—ДѢТСКІЯ И НАРОДНЫЯ КНИГИ.

Азбука. Графа Л. Н. Толстого въ 12 книгахъ. Ц. 2 р., перес. за 3 ф.

Бабушкины сказки Моржъ-Санда. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.

Государство и народное образованіе начальное и профессиональное, т.-е. ученое, реальное и художественное, въ Германіи,

Англіи и Франціи. Очеркъ изслѣдованій Лоренца Штейна, составленный профессоромъ Н. Х. Бунге. Киевъ. 1877 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Душевная жизнь животныхъ. А. Грубе. Чтеніе для всѣхъ возрастовъ. 1877 г. Цевза. Ц. 40 к., съ пер. 60 к.

Жизнь дѣтей. Собраніе рассказовъ и повѣстей изъ англійскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ дѣтскихъ книгъ. Выпускъ первый. Спб. 1877 г. Ц. 20 к., съ пер. 30 к.

Замолдованный или говорящій дубъ. Сказка Жоржъ-Зандъ. Ц. 70 к., съ пер. 90 коп.

Зимніе вечера. Рассказы для дѣтей. Сочиненіе А. Анненской. Спб. 1877. Ц. 2 р. въ переп. 2 р. 25 к., съ пер. 3 р.

Историческое обозрѣніе замѣчательнѣйшихъ произведеній русской словесности. Сост. И. Лозановъ. Примѣнительно къ курсу среднихъ учебныхъ заведеній. Выпускъ I. 1) Народная словесность. 2) Отъ начала письменности до Ломоносова. Казань. 1877 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Малюстрированные рассказы изъ природы и жизни. Для дѣтей старшаго возраста, 22 рисунка въ текстѣ и 6 отдѣльныхъ картинъ, исполн. худ. И. Денисовскимъ. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., въ переп. 1 р. 75 к., въ переп. 2 р., за перес. 25 к. на эземпларъ.

Маленькій оборванецъ. Романъ Джемса Гринвуда. Перевѣна съ англійскаго А. Анненской. Для дѣтей отъ 8 до 12 лѣтъ. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 коп., вѣс. 2 фунта.

На память о Жоржъ-Зандѣ. Съ портретомъ автора и предисловіемъ А. Михайлова. Иллюстраціи художника Н. А. Богданова. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.; въ переплетъ 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 50 к.

Наши мекнатые и веритые друзья. Сочин. Миссъ Гуннфринъ. Переводъ съ англійскаго М. Малышевой. Спб. 1876 г. Ц. 80 к., съ перес. 1 р.

Объяснительный курсъ ариметики. Для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. В. Латншева. Часть I. Спб. 1877 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Опытъ Задачника по математической и физической географіи. Курсъ училищъ 8 разряда и прогимназій. Ц. 25 к., съ пер. 40.

О черногорцахъ. Р. С. Попова. Чтеніе для народа. Спб. 1877. Ц. 10 к., съ пер. 15 к.

О сѣрбахъ. Р. С. Попова. Чтеніе для народа. Спб. 1877. Ц. 10 к., съ пер. 15 к.

Очерки и рассказы. Книга для юношества. Е. Сисоевой, съ гравюрами. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.

Полное собраніе сказокъ Андросена съ

117 гравированными политипажамми. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Почему и потому. Вопросы и отвѣты изъ важнѣйшихъ отдѣловъ физики. Для учителей и учащихся въ школахъ и дома методически составлены Отто Уль. Съ политипажамми въ текстѣ. Спб. 1877. Ц. 1 р. Природа и жизнь. Научно-литературный сборникъ для дѣтей старшаго возраста, съ 38 политипажамми. Изд. М. Малышевой и А. Пѣловой. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 коп.

Разборъ произведеній иностранной литературы, указанныхъ въ программѣ реальныхъ училищъ, и Христоматія съ задачами для устного и письменнаго изложенія прочитаннаго. Составилъ преподаватель реального училища С. Весинъ. Спб. 1877 г. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Рассказы Альфонса Дедъ. Съ портретомъ автора. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.; въ переплетъ 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Робинзонъ Крузо. А. Анненской. Новая переработка темы де-Фосъ. Съ 10-ю карт. и 35-ю политипажамми. Изд. В. Лесевича. Ц. 2 руб.; переп. 2 руб. 50 коп., вѣс. 2 ф.

Русскія народныя сказки, пословицы и загадки. Чтеніе для начальныхъ училищъ. Сост. П. В. (Петръ Вейнбергъ). Ц. 20 к. Самоучитель итальянскаго языка. Составленъ Бенедиктомъ Коровичемъ, учителемъ итальянскаго языка.—I. Объ итальянскомъ произношеніи.—II. Краткая грамматика.—III. Слова.—IV. Разговоры.—Одесса. 1877 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Сборникъ темъ и плановъ для сочиненій. Составленъ по программѣ среднихъ учебныхъ заведеній, С. Весинъ. Второе, исправленное и дополненное изданіе. Спб. 1876. Ц. 75 к.

Сборникъ журнала „Дѣтскій Сады“, т. II, для дѣтей младшаго возраста. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 20 к.

Сборникъ педагогическаго журнала „Дѣтскій садъ“, для старшаго возраста. Спб. 1876. Ц. 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 50 к.

Умственное развитіе дѣтей. отъ перваго проявленія сознанія до восьмилѣтнаго возраста. Книга для воспитателей. Е. Водовозовой. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Учебникъ древней исторіи въ очеркахъ быта народовъ и жизнеописанійхъ замѣчательныхъ людей. Составилъ Э. Вреденъ. Изданіе 2-ое. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Учебникъ плоской Тригонометріи. Дра Франца Мочника. Ц. 45 к., съ пер. 55 к.

ЯЗЫКОЗНАНІЕ—АРХЕОЛОГІЯ.

Глоттологическій (лингвистическій) замѣтки И. Бодуэна-де-Куртена. Воронежъ. 1877 г. Ц. 40 к., съ пер. 60 к.

Историческое разсужденіе о русскихъ временныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг., библиографически и въ хронологическомъ порядкѣ описанныхъ А. Н. Неустроевымъ. Ц. 6 р., съ перес. 6 р. 50 к.

О древне-польскомъ языкѣ до XIV столѣтія. Сочиненіе И. Бодуэна-де-Куртена Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія о происхожденіи древне-русскаго Дюморстра. Сочиненіе И. С. Некрасова. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. за 2 ф.

Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія. П. Житецкаго. Кіевъ. 1876. Ц. 2 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

Санктпетербургскія ученые вѣдомости на 1777 годъ. Н. И. Новикова. Изданіе второе. А. Н. Неустроева. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.

Словарь къ Геродоту. Скиела. IV. 1—144, и сраженіе при Фермопилахъ. VII. 201—238. Сост. Г. А. Янчевецкій. Кіевъ. 1877 г. Ц. 30 к., съ пер. 50 к.

МАТЕМАТИКА — АСТРОНОМІЯ — ФИЗИКА — ХИМІЯ.

Курсъ теоретической ариметики. Жозефа Бертрана. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Физическая химія Н. Н. Лябзина. Выпускъ I. Сиб. 1877 г. Ц. 2 р.

Химическія дѣйствія свѣта и фотографія въ ихъ приложеніи къ искусству, наукѣ и промышленности. Д-ръ Германъ Фогель. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей Я. Гутловскаго. Ц. 3 р.; вѣс. 2 ф.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ — СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО — ТЕХНОЛОГІЯ — МЕДИЦИНА.

Архивъ клиникъ внутреннихъ болѣзней проф. С. П. Боткина Т. II. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к. Томъ III въ 2-хъ выпускахъ. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к. Томъ IV. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к. Томъ V, выпускъ I. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Ботаническій словарь Н. Анникова. Новое, исправленное, пополненное и расширенное изданіе. Цѣна полному изданію 8 р. Окончена печатаніемъ въ 1877 г. Вышло 5 выпуска.

Вліяніе холодной воды на здоровіи и большіи органы. Сост. д-ръ Н. Вонсовичъ. Ц. 20 к., вѣс. 1 ф.

Вода въ видѣ облаковъ и рѣкъ, льда и глетчеровъ. Популярныя лекціи Джона Тиндала. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 1 ф.

Выгонная или пастбищная система по отношенію къ сельскому хозяйству въ Россіи. Начинается сельскимъ хозяйствомъ среднихъ и обѣрныхъ губерній. М. В. Неручева. М. 1877 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Дѣтскія дѣла въ саду. В. В. Кащенко. Роскошное изданіе съ иллюстрированными рисунками стѣхъ садовъ. Сиб. 1875 г. Ц. 5 р., въ переклѣтѣ 6 р. съ перес.

Душевные болѣзни по отношенію къ учению о вѣнечіи. Профес. Доктора Скржевичъ. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Исслѣдованіе воды въ санитарномъ отношеніи. Краткое руководство для экспертовъ. Составилъ магистръ фармаціи Ф. Розенблатъ. Ц. 80 к., съ пер. 40 к.

Канализація и вывозъ нечистотъ. Популярныя лекціи Петтенкофера. Переводъ съ нѣмецкаго мажестровъ С. Уманскаго и А. Попова. М. 1877 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Клиническая фармакологія Шмидта, обработанная по новѣйшимъ источникамъ врачомъ М. И. Сайковскимъ. Ц. 1 р., съ пер. 1. 25 к.

Клиническія лекціи Труева. 2 т. Ц. 12 р. вѣс. 10 ф.

Клиническая фармакологія. Dr. F. W. Müller. 400 рецептурныхъ формулъ для внутреннихъ и наружныхъ болѣзней. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Комнатное цѣтководство. Подробное наставленіе для разведенія и воспитанія комнатныхъ, какъ луковичныхъ, такъ и древесныхъ и травянистыхъ растений. Изданіе второе. Сиб. 1877 г. Ц. 60 к., съ пер. 80 к.

Курсъ клиникъ внутреннихъ болѣзней проф. С. П. Боткина. Выпускъ I. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. Выпускъ III. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Механика животнаго организма. Передвиженіе по землѣ и по воздуху. Э. Марей. Съ 117 полнѣйшими, перев. съ франц. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Молочное хозяйство. Молоко, сливки, масло, сыр. Описаніе производствъ, сбыта и торговли этими продуктами. Составилъ А. М. Наумовъ. Ц. 1 р. 50 к., съ перес.

Новая химія. Джосинъ Лука, профессора химіи и минералогіи въ Гарвардскомъ университетѣ. Съ 31 рисункомъ. Переводъ подъ редакціей Вултерава. Сиб. 1876. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

О сохраненіи здоровья и развитіи умственныхъ силъ ребенка въ школѣ. Вокка. Ц. 80 к., вѣс. 1 ф.

Основы патологій обитая женщины. Ф. В. Венезе. Переводъ съ нѣмецкаго лекаря Татарникова. Съ 1 хронологическимъ таблицемъ. М. 1876. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 3 р. 75 к.

Основанія физиологій ума съ ихъ примѣненіями къ воспитанію и образованію ума и изученію его ближайшихъ состояній. Уильяма Карпентера. Спб. 1877 г. Ц. за 2 т. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.; вышле изъ печати томъ I.

Плугъ, его выборъ, устройство и употребленіе. Краткое руководство для практическихъ сельскихъ хозяевъ. М. В. Неручева. Съ 80 политипажами въ текстѣ. М. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Профессиональная гигиена или гигиена умственнаго и физическаго труда, съ 9 рисунками въ текстѣ. Докт. Ф. Эрнсмана. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Практическія работы по ботаникѣ и зоологій. Гексли и Мартини. Элементарный практический курсъ биологій. Перевелъ съ англійскаго А. Я. Гердъ. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Руководство къ климатическимъ методамъ. Изслѣдованія грудныхъ и брюшныхъ органовъ, съ приложеніемъ ларингоскопій, П. Гутмана. Изд. 2-е. М. 1876. Ц. 2 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Руководство къ патологической анатоміи. Д-ра Бирхъ-Гиршфельда. Часть I. Общая патологическая анатомія. Харьков. 1877 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к. Часть II. Частная патологическая Анатомія. Выпускъ I. Харьковъ 1877 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Руководство къ микроскопическому изслѣдованію животныхъ тканей. Д-ра С. Эккера, съ 3-ми политипажами. Перевелъ и дополнилъ О. Гриммъ. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Руководство къ частной патологій и терапіи, издав. проф. Ziemssen'омъ. 9-тъ выпусковъ. Ц. 12 руб. съ пересылкою.

Руководство къ частной патологій и терапіи, издав. профес. V. Ziemssen'омъ. Томъ VII. Часть I. Вогъзни губъ, полости рта, мягкаго нѣба, носоглоточной полости и глотки. Харьковъ. 1877. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Русское земледѣліе и земледѣльцѣ. М. В. Неручева. М. 1877 г. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

Спутникъ медико-хирурга. Описаніе производства всѣхъ выполнимыхъ безъ ассистента способовъ изслѣдованія и операцій. К. Чуберка. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Совместное изданіе общества естествоиспытателей при русскихъ университетахъ за 1876 г. Ботаника. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к. Зоологія. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к. Минералогія и Геологія. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Труды С.-Петербургскаго Общества Естествоиспытателей. Томъ III. Ц. 2 р. Т. IV,

в. I. Ц. 1 р. 75 к. В. II. Ц. 75 к. Т. V, в. I. Ц. 2 р. В. II. Ц. 1 р. Т. VI. Ц. 2 р. Т. VII. Ц. 2 р. За пересылку прилагается по 10 к. на рубль.

Труды Арало-Каспійской экспедиціи, издаваемые подъ редакціей О. А. Гримма. Выпускъ I. Обзоръ экспедицій и естественно-историческихъ изслѣдованій въ арало-каспійской области съ 1720 по 1874 г. М. Н. Богданова. Ц. 80 к., съ перес. 50 к. Выпускъ II. Каспійское море и его фауна О. А. Гримма. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 20 к.—Выпускъ III. Гада острова и береговъ Аральскаго моря. Владиміра Алексинскаго. Ц. 50 к., съ перес. 70 к.

Труды Арало-Каспійской экспедиціи, издаваемые подъ редакціей О. А. Гримма. Выпускъ IV. Рыбы, водящіяся въ Арало-Каспійско-Понтийской ихтиологической области. К. Ф. Кесслера. Спб. 1877 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Учебникъ физиологій. Эрнста Врике, 2 т. Ц. 6 р., перес. за 4 ф.

Учебникъ дѣтскихъ болѣзней. Д-ра Карла Гергардта. Ц. 4 р. съ пересылкою.

Ученіе о сифилисѣ. Д-ра Э. Лансера. Переводъ съ французскаго, подъ редакціей профессора В. М. Гарновскаго съ тремя хромолитографическими таблицами и многими рисунками въ текстѣ. Спб. 1877 г. Ц. 6 р., съ пер. 7 р.

Физиологія органовъ чувствъ. И. Сѣченова. Эрніе. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Физиологія органовъ чувствъ. I. Бернштейна, профессора физиологій въ Галль. Переводъ съ нѣмецкаго, съ 91 рисункомъ. Спб. 1876. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

ЗАКОНОВЪДѢНІЕ—ПОЛИТИКА.

Германская конституція. Часть I: Историческій очеркъ германскихъ совѣтныхъ учрежденій въ XIX вѣкѣ. Часть II: Обзоръ дѣйствующей конституціи. А. Градовскаго, профессора с.-петерб. университета. Спб. 1876. Ц. 1-й т. 1 р. 75 к., вѣс. 2 ф. Ч. 2-я 1 р., вѣс. 1 ф.

Земледѣліе и земледѣльцѣ въ Россіи и другихъ европейскихъ государствахъ. Князя А. Васильчикова. Т. I и II. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Журналъ Гражд. и Герг. Права за 1871 г. 3 р. 50 к. вмѣсто 5 р. 50 к., а за 1872 г. 6 р. 80 к. вмѣсто 8 р. 20 к.; Журн. Гражд. и Уголовн. Права за 1873, 1874, 1875 гг. по 7 р. вмѣсто 9 р., и за всѣ 5 лѣтъ—25 р. вмѣсто 38 р. 70 к.

Изученіе социологій. Г. Спенсера. Перев. съ англ. Т. I и II. Спб. 1874—75. Ц. 3 р., вѣс. 3 ф.

Кассационныя рѣшенія правительствующа-

го сената за 1866 г. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.; за 1867 г. Ц. 5 р. 25 к., съ перес. 6 р.; за 1868 г. Ц. 7 р. 50 к., съ перес. 9 р.; за 1869 г. Ц. 9 р., съ перес. 10 р. 50 к.; 1872 г. Ц. 8 р., съ перес. 10 р.; за 1873 г. Ц. 10 р., съ перес. 12 р.; за 1874 г. 6 р., съ пер. 7 р.

Крестъишное дѣло въ царствованіе импер. Александра II. Четыре большіе тома (въ пяти книгахъ), 5,882 стр. А. И. Скребицкаго. Удостоено Академіей Наукъ преміи графа Уварова. Ц. 20 р., съ перес. 22 р. (за 14 фунт.) на всѣ разстоянія.

Курсъ русскаго уголовного права, Н. С. Таганцева. Часть общая. Книга 1-я. Учение о преступленіи. Вып. 1-й. Слб. 1874. Ц. 1 р. 75 к., вѣс. 2 ф.

Начала русскаго государственнаго права. А. Градовскаго. Т. I. О государственномъ устройствѣ. Слб. 1875. Стр. 450. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 8 ф.

Начала русскаго государственнаго права. А. Градовскаго, профессора И. Слб. университета. Томъ II. Органы управленія. Слб. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.

Общинное владѣніе. К. Кавелина. Слб. 1876 г. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

Основанія социологіи. Герберта Спенсера. Переводъ съ англійскаго. Т. I. Слб. 1876 г. Ц. 3 р., перес. за 3 ф.

Пособіе для изученія русскаго государственнаго права по методу историко-догматическому. Проф. А. Романовича-Славянскаго. Ц. за 2 выпуска 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Сборникъ государственныхъ знаній. В. П. Безобразова. Т. I. Ц. 3 р., вѣс. 4 ф. Т. II. Ц. 5 р., вѣс. 5 ф.

Сборникъ Государственныхъ знаній подъ редакціей В. П. Безобразова. Томъ III и IV-й. Слб. 1877 г. Ц. по 3 р., съ перес. 3 р. 30 к.

Систематическій Сборникъ рѣшеній гражд. кассад. департ. правительствующаго сената, за 1873 г. Сост. А. Кириимъ и А. Воронковскій. Вып. I. Матеріальное право. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.—Вып. II. Судопроизводство. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Систематическій сборникъ рѣшеній гражданскаго кассационнаго д-та прав. сената за 1874 г. Составили А. Кириимъ и Е. Ковалевскій. Т. I, Матеріальное право.

Т. II, Судопроизводство. Слб. 1876 г. Ц. 5 руб., съ перес. 5 р. 50 к.

Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1866 г. съ дополненіемъ по 1-е января 1876 г. Составлено профес. Слб. Ун. Н. С. Таганцевымъ. Изданіе второе, переработанное и дополненное. Слб. 1876 г. Ц. 3 р., перес. за 3 ф.

ИСКУССТВА—МУЗЫКА—ТЕАТРЪ.

Драматическія Сочиненія. Викторъ Кривцовъ (Александровъ). Т. I. Изъ міровому. По духовному завѣщанію. На хлѣбахъ изъ милости. Слб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к. Т. II. Въ осажденномъ положеніи. Земля. (Земля Гориничъ). Слб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 1 р. 75 к.

Исторія искусствъ. Архитектура, скульптура, живопись. Вильяма Реймона, профессора эстетики при женевскомъ университетѣ. М. 1876. Ц. 1 р. 25 к.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Пожарная Книга. Постановленія закона о предосторожностяхъ отъ огня и руководство къ тушенію великаго рода пожаровъ. Съ политическими рисунками. Составилъ А. Н.—ъ. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Путеводитель и собсѣдникъ въ путешествіи по Кавказу. М. Владкина, съ приложеніемъ карты желѣзныхъ дорогъ и подробнаго измѣненія пути. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Сводъ тарифовъ, составленный И. Люблинскимъ и В. Пулишевскимъ по указаніямъ А. Берга. Содержаніе: 1) Таблица для вычисленія поверстной платы за провозъ товаровъ по тарифамъ Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. 2) Кратчайшія направленія по желѣзнымъ дорогамъ отъ С.-Петербурга, Москвы, Рязи, Варшавы, Киева, Одессы и Ростова-на-Дону до другихъ важнѣйшихъ станцій Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. 3) Указатель станцій Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, съ обозначеніемъ разстояній отъ промежуточныхъ до конечныхъ станцій каждой дороги. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

Рудольфъ Жена, Шекспиръ, его жизнь и сочиненія. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей А. Н. Веселовскаго, съ предисловіемъ и примѣчаніями Н. И. Стороженка. Съ портретомъ Шекспира и его факсимиле. Изданіе Н. И. Мамонтова. М. 1877. VIII и 368 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Книга, которую можно смѣло рекомендовать тѣмъ, кто желаетъ бы ближе ознакомиться съ біографіей и сочиненіями Шекспира, ихъ художественнымъ и историческимъ значеніемъ. Въ нашемъ обществѣ уже давно зародился вкусъ къ изученію Шекспира; трудами русскихъ писателей составился полный переводъ его драматическихъ произведеній, — переводъ не всегда ровный, но не лишенный и большихъ достоинствъ; недавно, этотъ вкусъ обнаружился въ успѣхѣ России; у насъ начали появляться наемники и самостоятельныя учебныя работы по изученію Шекспира, какъ, напр., труды г. Стороженка, — знакомые отчасти и читателямъ „Вѣстника Европы“. Но въ нашей литературѣ до сихъ поръ не доставало книги о Шекспирѣ, гдѣ бы съ нѣкоторою подробностію, но вѣстѣ популярно, переданы были свѣдѣнія о жизни и сочиненіяхъ Шекспира, какъ эти свѣдѣнія установлены новѣйшими спеціальными изслѣдованіями у англичанъ и нѣмцевъ. Таковую книгу представлялъ сочиненіе Рудольфа Жена: оно предназначено авторомъ не для спеціальныхъ знатоковъ Шекспира (какихъ у насъ и нѣтъ, за однимъ-двумя исключеніями), а вообще для образованной публики, и въ сжатой формѣ заключаетъ результаты всего, что сдѣлано по Шекспиру въ Германіи и особенно Англіи. По отзыву г. Стороженка (который можетъ быть вполне компетентнымъ судьей въ этомъ дѣлѣ), книга Жена, плодъ обширной начитанности автора въ области англійской шекспировской критики, не оставляетъ ничего желать относительно полноты фактическаго матеріала, и можетъ быть полезна даже для спеціальныхъ знатоковъ Шекспира, у которыхъ могутъ не всегда найтись подъ рукой сообщаемые ею факты. Другое достоинство книги Жена — трезвость ея сужденій, не похожая на обычный ультра-философскій туманъ нѣмецкой критики. Поэтому, перевода книги Жена нельзя не назвать чрезвычайно полезнымъ приобретеніемъ для русской литературы. Нѣмецкій подлинникъ вышелъ пять лѣтъ тому назадъ, и при постоянно продолжавшихся изслѣдованіяхъ нѣкоторыя частности его успѣли устарѣть: въ русскомъ изданіи сдѣланы поэтому нѣкоторыя дополненія и поправки по новымъ трудамъ.

За достоинство перевода ругается имъ г. Веселовскаго; вѣнность изданія очень хороша, а портретъ Шекспира — едва не лучший, какой появлялся въ русскомъ изданіи.

Павловскъ. Очеркъ исторіи и описаніе. 1777—1877. Составлено по вѣрученію Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Константина Николаевича. Слб. 1877. VIII, 592, VIII стр. Ц. въ переплетѣ 5 р.

Въ пятнадцатомъ году исполняется сто лѣтъ со времени основанія Павловска, и по этому поводу сдѣлано настоящее изданіе. Какъ, повидимому, ни мало обширна рамка исторіи небольшого города въ окрестностяхъ Петербурга, —

тѣмъ не менѣе книга доставляетъ не мало любопытныхъ фактовъ для тѣхъ, кого интересуетъ наша новѣйшая исторія. Павловскъ не былъ мѣстомъ крупныхъ событій, но здѣсь отражалась одна сторона нашей исторической жизни: исторія Павловска есть часть исторіи двора. Въ 1777 г. императрица Екатерина II, по случаю рожденія перваго внука Александра, подарила его родителямъ мѣстность нынѣшняго Павловска, — почти сплошную лѣсную часть, которая и была превращена въ нынѣшній паркъ съ его дворцами и украшеніями. Павловскъ былъ въ особенности созданіемъ и любимымъ мѣстомъ великой княгини, потомъ императрицы Маріи Федоровны. Впоследствии, онъ принадлежалъ великому князю Михаилу Павловичу, а съ 1849 г. составляетъ владѣнія Его Высочества, великаго князя Константина Николаевича.

Настоящая книга исполнена весьма старательно и богата подробностями, характеризующими эпоху, въ особенности образъ жизни и ближайшую обстановку импер. Маріи Федоровны, въ періодъ времени 1801—1828 гг.

Описаніе Павловска составлено съ такою же аккуратностію, какъ и историческая часть. Вѣнность изданія не оставляетъ ничего желать: прекрасно напечатанное, оно украшено нѣсколькими портретами и множественно тонко исполненными гравюрами, изображающими разныя мѣстности и зданія стараго и нынѣшняго Павловска.

Къ книгѣ приложенъ также весьма подробный планъ Павловска: мы замѣтили въ немъ одну ошибку. „Средній переулокъ“ между Правленской и Коюпанной (или Славянской и Головкинской) означенъ невѣрно: онъ оставленъ безъ названія, а его имя отдано другому переулку.

Современная Турція. Историко-этнографическіе очерки. Н. Р. Овсянко. Слб. 1877. XLIX и 158 стр., 16^о. Ц. 1 р.

Авторъ говоритъ въ предисловіи, что дѣло его труда было „представить въ сжатой формѣ всестороннюю и возможно полную характеристику оттоманской имперіи, такъ какъ подобаго изслѣдованія не существуетъ въ русской литературѣ“; что онъ старался сдѣлать это съ полной основательностію и потому „придерживался главнымъ образомъ источниковъ, заслужившихъ вѣнность въ наукѣ землѣвѣдѣнія, или такихъ, авторы которыхъ, по своему близкому знакомству съ Турціей, имѣютъ всѣ качества достовѣрныхъ свидѣтелей“. Онъ называетъ нѣсколько сочиненій на русскомъ языкѣ, оригинальныхъ и переводовъ, нѣсколько иностранныхъ; упоминаетъ наконецъ, что „имѣлъ возможность воспользоваться нѣкоторыми вѣнотъ компетентными источниками, не находящимися въ продажѣ“ (?). Книжка вносится въ литературу особенно „въ виду огромнаго значенія для Россіи тѣмъ-называемаго восточнаго вопроса“.

По объему книжки можно однако видѣть, что „всесторонней характеристикѣ оттоманской имперіи“ здѣсь не можетъ быть, и всего слабѣе та сторона дѣла, которая особенно была бы нужна „въ виду восточнаго вопроса“, именно изображеніе славянскихъ отношеній. Книжка всего болѣе занята правоописаніемъ, и для людей, незнакомыхъ съ оттоманскою имперіей, можетъ доставить занимательное чтеніе.

ОТДѢЛЕНІЕ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ

въ Москвѣ, на Кузнецкомъ-Мосту: Книжный магазинъ Н. П. Мамонтова.

Въ 1877-омъ году:

	На годъ:	Первое полугодіе:
Городскіе:	безъ доставки: 15 р. 50 коп.	8 р. — к.
	съ доставкою: 16 " — "	8 " 50 "
Вногородные:	съ пересылкою: 17 " — "	9 " — "
Иностранные:	въ почт. союзѣ: 19 " — "	10 " — "
	въ почт. союза: 25 " — "	13 " — "

Примѣчаніе.—Подписывавшіеся въ Главной Конторѣ, въ московскомъ ея Отдѣленіи, при книжномъ магазинѣ Н. П. Мамонтова (бывш. А. И. Глазунова), на Кузнецкомъ-Мосту, могутъ получать при подпискѣ тамъ же всѣ прежде вышедшіе номера журнала.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою

Отъ редакціи. Редакція отвѣчаетъ вполне за точную и своевременную доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы, и тѣмъ изъ вногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму *по почтѣ* въ Редакцію „Вѣстника Европы“, въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (NB) *допущена* выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просить извѣщать своевременно и съ извѣщеніемъ прежняго мѣстожительства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ вногородные доплачивается 1 р. 50 к.; изъ вногородныхъ въ городскіе — 50 к.; и изъ городскихъ въ вногородныхъ въ иностраніе—недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго номера журнала.

Выслать на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ вногородныхъ, которые приложить къ подписной суммѣ 16 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Спб., Галерная, 20.

Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Анадем. пер., 7.

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Профессиональная гигиена или гигиена умственного и физического труда. Съ рисунками. Д-ра Ф. Эрисмана. Слб. 1877. Стр. 403. Ц. 2 р.

Равнодушіе нашего общества, всегда сочувственно относящагося къ осязательнымъ бѣдствіямъ ближняго, погибающаго отъ той или другой катастрофы,—равнодушіе къ бѣдствіямъ незамѣтнымъ, обусловленнымъ дурною гигиеною, происходитъ чаще всего отъ незнанія важности гигиены и отъ отсутствія популярныя трактатовъ объ этомъ важномъ предметѣ. Почтенный трудъ д-ра Эрисмана восполняетъ этотъ недостатокъ, и потому долженъ быть настольною книгою, особенно у фабрикантовъ-промышленниковъ вообще. Главная часть труда посвящена гигиенѣ физическаго труда во всѣхъ его областяхъ: арміи, флоту, деревнѣ, желѣзная дорога, копн, фабрики, ремесла. Въ заключеніе авторъ разсматриваетъ общія санитарныя условія промышленности, вліяніе ихъ на здоровье рабочаго, и указываетъ предохранительныя мѣры противъ вредности различныхъ производствъ. Пожелаемъ этой книгѣ наибольшаго распространенія въ нашемъ обществѣ, которому недостаетъ именно одного знанія и убжденія, что никакая война не уноситъ столько жертвъ, не оставляетъ послѣ себя столько увѣчныхъ, какъ несоблюденіе условій хорошей гигиены при производствахъ всякаго рода.

Труды Арало-Каспійской Экспедиціи, издав. и. р. О. А. Гримма. Выпускъ IV: Рыбы, водятся и встрѣчаются въ Арало-каспійско-попгійской ихтиологической области. К. Ф. Кесслера. Слб. 1877. Стр. 360. Ц. 3 р. 50 к.

Исслѣдованіе проф. Кесслера по предмету, составляющему одно изъ нашихъ народныхъ богатствъ, основано на матеріалахъ, добытыхъ членами Арало-каспійской экспедиціи 1874 и 1876 годовъ. Самая область исслѣдованія представляетъ громадное протяженіе отъ истоковъ Дуная до истоковъ Сыръ-Дарьи и Аму-Дарьи: пятая часть окружности земного шара. Авторъ приводитъ 67 новыхъ или малоизвѣстныхъ видовъ рыбъ, встрѣчающихся въ избранныхъ имъ предѣлахъ рыбнаго царства, и даетъ перечень всѣхъ видовъ, съ указаніемъ географическаго ихъ распространенія. Изданіе снабжено рисунками и алфавитнымъ указателемъ.

Исторія торговыхъ кризисовъ въ Европѣ и Америкѣ. Макса Вирта. Пер. съ нѣм. Е. И. Ковради. Слб. 1877. Стр. 484. Ц. 2 р. 50 к.

Въ нѣвѣнней книгѣ журнала читатели найдутъ очеркъ современнаго положенія всемірнаго рынка, прошедшаго чрезъ длинный рядъ кризисовъ въ послѣдній десятилѣтіи. Въ извѣстномъ сочиненіи М. Вирта, являщемся теперь въ русскомъ переводѣ, представлена подробная картина 14-ти главнѣйшихъ кризисовъ, постигав-

шихъ міровую торговлю, въ ея цѣломъ или въ значительныхъ частяхъ, въ теченіи трехъ послѣднихъ столѣтій, начиная съ любекскаго и голландскаго тюльпаноманіи въ XVII стол., тогда тюльпаны, подобно современнымъ акціямъ, поднимались до баснословной цѣны и съ такою же быстротой, какъ акціи, падали до внутренней стоимости луковицы, и кончалъ вѣнскимъ крахомъ 1873 г., прогулявшимся впоследствии по всему торговому міру.

Охотничій Словарь, составленный С. И. Романовымъ. Выпускъ первый. Съ двумя хромо-литографированными таблицами и полпипажами. М. 1876. Стр. 246. Ц. съ подпискою на второй выпускъ 3 р. 50 к.

Предоставляемъ техникамъ обсудить въ подробности значеніе той массы охотническихъ свѣдѣній, которая является въ этомъ изданіи въ алфавитномъ порядкѣ, весьма удобнымъ для справокъ въ отдѣльныхъ случаяхъ. Но каковы бы ни были частныя недостатки такого изданія, нельзя не признать его полезнымъ: во всякомъ случаѣ, оно направлено къ тому, чтобы у насъ охота терала свой хищническій характеръ, и была бы для однихъ правильнымъ промысломъ, для другихъ—искусствомъ. Въ настоящемъ выпускѣ словарь обнимаетъ собою буквы А—Н. Весьма важная статья для охотниковъ: „Медикаменты“, гдѣ будутъ, вѣроятно, изложены совѣты по первой помощи въ случаѣ несчастія и по леченію животныхъ, необходимыхъ для охоты, не пошла въ настоящій выпускъ, и общается во второй выпускъ, въ особомъ приложеніи.

Ползѣда въ Обонежѣ и Корелѣ. Второе изданіе, дополненное авторомъ. В. Майновъ. Слб. 1877. Стр. 318. Ц. 1 р. 50 к.

Заглавіе мѣстностей можетъ заставить петербуржца подумать, что дѣло идетъ о чемъ-нибудь лежащемъ за тридевять земель, а между тѣмъ это столь же близкое, сколько интересное путешествіе, какое можно только сдѣлать, отправляясь изъ Петербурга: не болѣе двухъ или трехъ дней отъ пароходной пристани у Литейнаго моста, Петръ-Великій зналъ хорошо этотъ край и оставилъ въ немъ о себѣ большую память. Г. Майновъ изучилъ современное положеніе сѣвернаго и сѣверо-восточнаго угла повѣнечкаго уѣзда олонекской губерніи, извѣстнаго въ мѣстномъ населеніи подъ именемъ Корели и Обонежя. Кто захотѣлъ бы навѣстить эту страну, лежащую, такъ сказать, подъ-бокомъ столицы, тотъ найдетъ у г. Майнова не только подробныя указанія пути, но и всѣ свѣдѣнія для предварительнаго ознакомленія съ тѣми предметами, на которые слѣдуетъ обратить вниманіе. Кромѣ того, въ книгѣ есть много практическихъ указаній, говорящихъ о необходимости многихъ административныхъ улучшеній и введеній болѣе рациональнаго хозяйства въ край, который вѣнчалъ такого вѣрнаго цѣнителя въ Петръ-Великомъ.

